

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 05929207 2

БИБЛИОТЕКА 430
А. А.
ЗАЕШНИКОВА.
Шкафъ
Полка
№

Callan

13E1

*ACF

Index

INDEXED

75

БИБЛИОТЕКА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕН-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ И МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀισχρὸν, τοῦς ἑτέροις μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμοῦ τὰ δίκαια μῆτε γινῶναι μῆτε ποιῆσαι; Ὅρῳ
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν των προγεγονότων ἀνθρώπων
ἐν τοῖς ἐπιγεγομέοις οὐχ ὁμοίαν καταλαπένην τῶν
τε ἀδικησάντων καὶ των ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophont. iv, 8, 9.

=

ТОМЪ ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1847.

334554

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законченное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 31 августа 1847.

Цензоръ А. Никитенко.
Цензоръ Ш. Маановскій.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОСЕМЬДЕСЯТЬ-ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

СТЕХОТВОРЕНИЯ.

Скучно и весело.	5.
Утѣшеніе. <i>Юрія Волкова.</i>	89.
Вопросъ. <i>Его же.</i>	89.

ПРОЗА.

Спекуляторы. Романъ. <i>П. Сухомина.</i> Часть вторая . . .	7. ✓
То же — Часть третья.	91.

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Безъ вины виновать. Повесть Теофиля Готье. <i>В. Дерикера.</i>	79. ✓
Богатый человекъ. Повесть. (Изъ романа А. Делаверя «Le Gentilhomme d'aujourd'hui»). <i>В. Дерикера.</i>	124.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Путешествіе и открытія лейтенанта <i>А. Загоскина</i> въ Русской Америкѣ. Статья третья.	1.
Тоже — Статья четвертая.	115.
Железныя дороги въ Европѣ.	65.
Частная жизнь Грековъ и Римлянъ.	171.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

О прядильныхъ и масляныхъ растеніяхъ. <i>Г. Н—на</i> . Статья третья и послѣдняя.	1.
✓ Шерстяныя ярмарки въ Россіи. <i>Г. Н—на</i>	27.

V.

КРИТИКА.

1. Перевзды по Финляндіи. Путевыя записки <i>Ивана Гроота</i> . Санктпетербурга, 1847. 2. Deux années d'excursions d'un Parisien devenu Moscovite. (Два года походовъ Парижанина ставшаго Москвитяниномъ. Москва, 1847). Статья первая.	1.
Тоже — Статья вторая и послѣдняя.	19.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Августъ, 1847. Новыя книги и брошюры.	2.
— — — — — Разныя вѣсти.	19.
Сентябрь, 1847. Новыя книги и брошюры.	21.

VII.

С М Ъ С Ъ.

С Е Н Т Я В Р Ъ.

Свойства лучистаго телорода. Новыя изслѣдованія господина Кноблоха.	1.
Новыя изслѣдованія о поступательномъ движеніи солнечной системы.	2.
Еще одна новая планета.	3.
Морскіе приливы и отливы.	3.
Вступленіе принца Альберта въ званіе канцлера Кембриджскаго университета.	5.
Морская подводная желѣзная дорога между Англіей и Франціей.	5.
Душевные болѣзни. Различныя виды ихъ и леченіе. Статья Альфонса Эскироля.	9.
Первый учебный пансіонъ на Васильевскомъ Острову.	40.
Новыя толки о гомерическомъ эпосѣ.	52.
Новѣйшая нѣмецкая поэзія. Гартманъ, Гейбель, Шюккингъ, Шесеръ, Бекъ, Рюккертъ.	62.
Литературныя новости въ Германіи. Послѣдніе романы графини Ганъ-Ганъ. Clelia Conti. Sybille. Eine Selbstbiographie.	81.
Французскій театръ въ Парижѣ	98.
Музыкальныя новости.	104.
Новыя французскія книги	138.
Новыя музыкальныя сочиненія	141.
Моды	144.

О К Т Я Б Р Ъ.

Двойныя звѣзды и туманныя пятна южнаго неба. Наблюденія Джона Гершеля.	145.
Лучезарность раскаленныхъ тѣлъ и основныя цвѣта разложенаго солнечнаго луча. Изслѣдованія Дренера и Миллона.	147.
Океанія и американскіе народы. Историческія изысканія доктора Причара.	152.
Кароленская Юнона.	154.

Ниневія.	154.
Атмосферическія желѣзныя дороги въ Англіи и во Франціи.	162.
Двакарнатъ-Тагоръ и вышшее состояніе индійской обра- Взованности.	176.
Друзы. Ихъ вѣра. Исторія калифа Хакэма. Статья Жерара де-Нерваля.	182.
Петрарка. Статья Густава Нзанша.	218.
Новѣйшая испанская комедія. Бретонъ де-лосъ-Герреросъ.— ентура де-ла-Вега.—Родригесъ Руби.	242.
Французскій театръ въ Парижѣ.	276.
Музыкальныя новости.	283.
Новыя французскія книги	301.
Новыя музыкальныя сочиненія	304.
Моды	308.

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

СКУЧНО И ВЕСЕЛО.

Скучно молодцу,
Горемычному.
Хоть и свѣтелъ день, —
На душѣ темно!

День не радуеть :
Ему кажется,
Солнце красное
Насмѣхается ;

Ему больно то,
Что всё весело,
Когда самъ-то онъ
Свѣсилъ голову.

И онъ думаетъ,
Что всё по сердцу,
Когда онъ груститъ,
Надрывается!

И страшна ему
Тихина тогда,
Когда буря здѣсь
Разыгралася.

Но нашли тучи,
Тучи черныя,
Тучи страшныя,
Какъ гнѣвъ Господа;

Но подулъ, подулъ
Съ свистомъ сильный вѣтеръ,
Затрещало всё —
Заломалося.

Въ небѣ молнія
Разыгралася,
Земля-матушка
Зашаталася!

Въ страхѣ люди всё
Замолилися.... —
(Ужъ не поздно-ли
Спохватилися?)

А мнѣ весело, —
На душѣ легко
И тоску мою
Какъ рукой сняло!

И люблюсь я
На безвременье,
Какъ шумить, кутить
Непогодушка.

По мнѣ шумъ и гулъ
Лучше музыки,
И я тѣшуся
Въ свою очередь.

К. ПОЛЬ.

СПЕКУЛЯТОРЫ.

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

Родители Ивана Ильича Луринна имѣли довольно значительное состояніе.

Отецъ опредѣлилъ его въ гусары и не давалъ ему ни копѣйки денегъ. Молодому Лурину было печѣмъ жить. Тогда въ ихъ полку была огромная игра, въ которой Луринъ невольно принялъ участіе, желая какъ-нибудь добыть для себя необходимое.

Часто случается, что молодые люди начинаютъ играть отъ нужды. Служба, не давая имъ вполне средства жить, въ-особенности по примѣру богатыхъ товарищей, которымъ молодой офицеръ почитаетъ себя равнымъ, — иногда даетъ ему время, съ которымъ онъ не знаетъ куда дѣваться. Сначала онъ начинаетъ «по-маленькой» для препровожденія времени, потомъ привыкаетъ къ игрѣ. Выигрышъ поправляетъ его дѣла, проигрышъ горячитъ молодого человѣка. Въ своемъ проигрышѣ онъ видитъ выигрышъ другихъ. И молодой человѣкъ иыыскиваетъ средства отыграться,

— играть, — и вотъ игра стала его страстью: ему скучно безъ игры. Да и куда дѣвать свое время, въ-особенности въ деревнѣ, въ грязь, осенью. Куда употребить свою дѣятельность, чтобы добыть себѣ хоть столько, чтобы быть въ-состояніи жить. Занятіе науками слишкомъ много требуетъ пожертвованій; занятія торговлей, — почитаютъ не приличнымъ, а между-тѣмъ ему нечѣмъ жить. Онъ по неволѣ бросается къ игрѣ. Одна игра можетъ ему доставить излишнее, но для этого онъ долженъ жертвовать необходимымъ. Отсюда-то и происходитъ такое множество обманщиковъ въ игрѣ, которые въслѣдствіи привыкнувъ къ легкому и скорому добывавію денегъ, не занимаются ничѣмъ и дѣлаются настоящими трутнями общества, между-тѣмъ какъ дѣятельность молодого человѣка, обращенная на пользу, могла бы принести прекрасные плоды.

Обратимся къ Луринѣ. Отецъ его умеръ и Луринъ сдѣлался обладателемъ порядочнаго состоянія, но игра уже стала его страстью.

Первымъ дѣломъ Лурина было продать имѣніе. Онъ продалъ, получилъ деньги и почти всё проигралъ: его обманули.

Изъ мщенія, изъ нужды, Луринъ сталъ учиться и самъ обманывать.

Съ оставшимися у него отъ отцовскаго наслѣдства деньгами онъ жилъ пять лѣтъ; картъ не бралъ въ руки для игры и картъ не выпускалъ изъ рукъ для изученія обмановъ.

И когда онъ достигъ того совершенства, что сидя передъ зеркаломъ, не замѣчалъ самъ что дѣлалъ, тогда онъ пошелъ играть.

Впродолженіе года онъ воротилъ свои деньги съ лихвою.

Почтяя себя не довольно образованнымъ, чтобы занимать какую нибудь роль въ большомъ свѣтѣ, гдѣ онъ надѣлся составить себѣ состояніе и, желая лучше изучить свое искусство, Луринъ вышелъ въ отставку и поѣхалъ въ Парижъ.

Тамъ Луринъ, кромѣ того, что изучалъ языкъ, свѣтское обхожденіе, изящныя искусства, — изучалъ все, что относилось къ игрѣ. Здѣсь онъ видѣлся съ тѣми знаменитыми игроками изъ бывшихъ эмигрантовъ, которые безпрестанно путешествовали по Европѣ, обирая ее, и которые были принимаемы *вездѣ*, потому только, что они игроки.

Луринъ узналъ отъ нихъ различные математическіе расчеты карточныхъ подборовъ.

Бывъ въ Италіи, Луринъ учился у италіянскихъ уличныхъ бро-

длгъ, про которыхъ идетъ слава, будто они обладаютъ многими секретами карточной игры.

Къ этому онъ приобрѣлъ все, что, — какъ онъ самъ говорилъ, — составляетъ игрока. Образованность и свѣтская любезность были принадлежностью Луринна. Онъ прекрасно танцевалъ, изъ пистолета понадалъ въ туза, верховой ѣздѣ учился у Франкони, фехтовалъ такъ, что напоминалъ собой удары извѣстнаго Семъ-Жоржа.

Превосходный охотникъ съ охотниками, примѣрный любезникъ и острякъ съ дамами, Луринъ правился всѣмъ. Выигранные имъ деньги были на исходѣ. Луринъ сказалъ себѣ: «пора!» и поѣхалъ на-воды.

Тамъ онъ выигралъ триста тысячъ и съ ними прѣехалъ въ Петербургъ.

Прѣхавъ сюда, Луринъ разсчиталъ, что безъ знакомства ничего не сдѣлаешь. Трудно ли было составить знакомство ему, знакомому со всѣми гостиными Парижа. Но Луринъ видѣлъ, что безъ покровительства какой-нибудь знатной старухи онъ не станетъ твердой ногой въ томъ обществѣ, куда ему хотѣлось быть представленнымъ и на которое онъ не имѣлъ ни какихъ правъ, ни по рожденію своему, ни по богатству.

Ему хотѣлось приобрести покровительство, подъ щитомъ котораго онъ могъ бы дѣлать всё.

Обозрѣвая законодательницъ большаго свѣта, Луринъ выбралъ себѣ почти разорившихся графа и графиню, которымъ только новые долги давали средство поддерживать блескъ дома.

Онъ втерся въ знакомство къ нимъ и далъ сто тысячъ въ займы, подъ заемное письмо, которое разумѣется никогда не думалъ подать ко взысканію. Этимъ средствомъ, и умѣя постоянно угождать графинѣ, онъ сталъ семьяннымъ въ ихъ домѣ. Подъ ея-то знаменемъ, Луринъ вступилъ въ большой свѣтъ.

Разумѣется, не прошло мѣсяца, какъ сто тысячъ возвратились въ карманъ къ Лурину.

Онъ сказалъ себѣ:

— Каменный домъ, двѣ тысячи душъ, два милліона денегъ и тогда баста.

И онъ дождался своего.

На каунѣ новаго года 18... онъ перебрался въ свой великолѣпно отдѣланный домъ.

Управитель двухъ-тысячъ душъ крестьянъ, превосходно устроенныхъ, пришелъ поздравить его съ новымъ годомъ.

Луринъ открылъ бюро, вынулъ билеты, пересчиталъ ихъ, — тамъ было ровно два милліона, — и сказалъ: довольно! я больше не беру картъ въ руки.

И онъ сдержалъ свое слово.

Изъ этой краткой записки о жизни Лурина видно, что это человѣкъ съ желѣзной волей, съ характеромъ твердымъ, постояннымъ и не поддающимъ средствъ для достиженія цѣли. Еще въ молодости своей, онъ сказалъ: я буду богатъ, — и онъ сталъ богатъ. Когда онъ узналъ, что у него обманомъ выиграли его наслѣдство, онъ сказалъ: я не буду больше обмануть, и они заплатятся за обманъ. И они заплатились.

Онъ сказалъ: я недоволюсь образованъ, а я хочу блистать въ свѣтѣ — и онъ былъ метеоромъ въ свое время, онъ блисталъ. Онъ сказалъ: я не играю — и не играть.

Каковъ тоже расчетъ? Дать займы сто тысячъ старой графинѣ, которая никогда не заплатитъ. Но онъ далъ для того, чтобы потомъ имѣть милліоны....

И этотъ-то человѣкъ, съ его желѣзнымъ характеромъ, съ его холодной душой, повиனுющейся разсудку, любилъ. Повѣрять ли?....

Да! онъ любилъ — и любилъ страстно, пламенно.... Страсть его была страстію, а не развлеченіемъ между театромъ и порціей мороженого.

За двадцать лѣтъ передъ тѣмъ, какъ мы встрѣтили Лурина за обѣдомъ у Сергѣя Макаровича, у Лурина не было еще двухъ милліоновъ, и онъ не кончалъ играть.

У графини, которой Луринъ далъ займы деньги, была дальняя родственница, воспитывавшаяся въ одномъ изъ институтовъ столицы.

Когда эта дѣвушка вышла, графиня взяла ее къ себѣ, дотѣхъ-поръ, пока пріѣдетъ за ней ея отецъ.

Кто любитъ миловидныя бѣлокурыя головки, для того я незнаю никого лучше Олинки Вальцевой. Такъ звали дѣвушку.

Если художникъ когда-нибудь станетъ придумывать типы разныхъ качествъ, то чтобы выразить доброту, онъ долженъ копировать съ Олинки. Личико ея, — живое, рѣзвое, — было олицетвореніемъ доброты и прелести. Голубенькіе глазки ея, такъ наввно смотрѣвшіе на свѣтъ и такъ много сулившіе наслажденія, были очаровательны. Волосы ея, свѣтлые, мягкіе, были такъ хороши, — такъ хороши.... какъ хороша была она сама, ея станъ, ея дѣвственные формы....

С Луринъ, только что увидѣлъ Олинку, влюбился въ нее со всей

силѣй своего желѣзнаго характера, со всею пылкостью первой страсти.

Мы безпрестанно читаемъ, что свирѣбный разбойникъ полюбилъ скромную красавицу. Не знаю, часто ли это такъ случается? Есть ли законъ въ природѣ, чтобы человеческое сердце искало противоположностей.

Кажется, что такъ. — Сила ищетъ красоты, красота покрестяется силѣй.

Луринъ полюбилъ Олинку до безумія. Она одна была предметомъ его мысли, одна рисовалась въ его могучемъ воображеніи, и одна сдѣлалась цѣлью въ его жизни. Себя, свою жизнь, свое богатство, свой вѣсъ въ обществѣ, — всё онъ повергъ къ ногамъ Олинки и молилъ только объ одномъ, чтобы его не отвергнули.

Но Олинка отказала, — отказала блестящему incroyable большаго свѣта, — львовъ тогда еще не было, — для армейскаго капитана.

Къ одной изъ ея подругъ, въ институтѣ еще, приходилъ братъ, молодой прапорщикъ. Еще тогда дѣвушка привязалась къ нему всеми силами своей невинной души. Этотъ прапорщикъ былъ теперь капитанъ, грудь его украшалась бѣлыми крестомъ и онъ любилъ Олинку.

Капитанъ былъ бѣденъ, но отецъ Олинки не думалъ о богатствѣ. Олинка у него была одна и онъ думалъ только о ея счастіи.

Лурину отказали.

Луринъ умѣлъ скрыть свое бѣшенство.

Месть капитану была первой клятвой, первымъ словомъ Лурина послѣ отказа; второе слово относилось къ изысканію средствъ овладѣть Олинкой.... Невозможность ни какого плана еще болѣе раздражала Лурина. Мысль, что Олинка будетъ принадлежать другому, сводила его съ ума.

Олинка уѣхала къ отцу въ деревню. Тамъ предполагалось враздновать свадьбу Олинки съ капитаномъ. Луринъ это узналъ, и тоже поѣхалъ въ свое, недавно купленное, имѣніе.

Имѣніе его было превосходное; тысяча душъ въ трехъ деревняхъ, съ достаточнымъ количествомъ земли, съ господской усадьбой, подлѣ самаго сада которой протекала судоходная рѣка. Все это на прекрасномъ мѣстоположеніи, съ превосходнымъ садомъ, оранжереями, однимъ словомъ, со всеми затѣямъ богатаго барина. Но Луринъ былъ болѣе всего доволенъ тѣмъ что Вальцеры

его сосѣди, — и что свадьба еще не скоро. Капитанъ, женивъ Олиньки, стоялъ съ ротой въ имѣнн Лурина.

Луринъ познакомился съ капитаномъ, который ничего не зналъ о сватовствѣ Лурина къ Олинькѣ.

Если вы поняли характеръ Лурина, то должны понять чего стоило ему принимать и ласкать капитана. Капитанъ былъ главною причиною отказа Лурину; капитанъ отнялъ у него то, что Луринъ называлъ своимъ счастьемъ. Но онъ ласкалъ своего счастливаго соперника.

Съ дарованіями Лурина, съ его образованностію, съ умѣньемъ приравниваться ко всякому, и обладаніемъ «внѣшнихъ» достоинствъ, которыя всегда цѣнятся военными, — онъ успѣлъ понравиться капитану.

Капитанъ, когда не могъ ѣхать къ Вяльцевымъ, все время проводилъ у Лурина.

Они часто во время дождя садились играть по маленькой. И это всегда устроивалось такъ, что на игру вызывалъ капитанъ. Луринъ постоянно проигрывалъ, и не-замѣтно, какъ будто горячась отъ проигрыша, болѣе и болѣе увеличивалъ игру.

Капитанъ собрался ѣхать въ Петербургъ для закупокъ къ свадьбѣ. Ему поручили всѣ полковыя закупки, такъ же и всѣ офицеры ихъ полка просили его купить имъ что было нужно. Сумма денегъ была довольно значительная. Капитанъ захватилъ къ Лурину провести послѣдній вечеръ и взять у него письма.

Они сѣли играть, счастье повернулось на сторону Лурина: капитанъ незамѣтно проигралъ всѣ свои деньги и часть казенныхъ. Это разгорячило его, онъ удвоилъ ставку, — и проигралъ; учетверилъ, — и проигралъ опять.

Наконецъ всѣ деньги, всѣ вещи, всѣ подарки невѣсты, — лошадей, — всё до чиста проигралъ.

Луринъ превѣжливо сказалъ, что онъ сегодня кончилъ.

— Вамъ сегодня не везло, прибавилъ онъ, — завтра отыграетесь.

Капитанъ стоялъ какъ ошеломленный. Онъ не могъ сказать ни слова; мысли его были какъ бы заморожены. Передъ нимъ было только одно слово «казенныя деньги».

Наконецъ онъ сказалъ: Иванъ Ильичъ! я вамъ проигралъ казенныя деньги.

— Казенныя деньги! вы смѣтаетесь, Николай Петровичъ, — такъ звали капитана. Впрочемъ я думаю, мнѣ до этого нѣтъ дѣла, я игралъ съ вами.... отвѣчалъ Луринъ.

— Вы правы! вы правы! Вамъ до этого нѣтъ дѣла, а я...

и обманулъ довѣренности полковника, проигралъ казенныя деньги; обманулъ товарищей, которые мнѣ вѣрили свои.... Мнѣ о-стается — или падѣть лямку, или застрѣлиться.... И въ томъ и въ другомъ случаѣ — съ названіемъ подлнца. Боже мой! Боже мой!....

— И вы застрѣлитесь? спросилъ Луринъ.

Капитанъ взглянулъ на него, но въ Луринѣ не было замѣтно никакого волненія. Онъ также хладнокровно спросилъ: вы застрѣлитесь, какъ будто спросилъ: будете ли вы завтра ко мнѣ, пить чай.

— Нѣтъ, я не застрѣлюсь! отвѣчалъ капитанъ, въ свою очередь съ тѣмъ же хладнокровіемъ. Я не такъ малодушенъ и, чтѣ бы ни ожидало меня въ будущемъ, я съумѣю перенести. — Никто не услышитъ моего ропота. Стрѣляется только малодуш-ный, который боится того, чтѣ ему предстонтъ.

— Такъ вы не застрѣлитесь? снова спросилъ его Луринъ.

— А вы бы хотѣли, чтобы я застрѣлился? спросилъ капитанъ, разсерженный тономъ Лурина.

— Напротивъ! мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы отыгрались, от-вѣчалъ Луринъ улыбаясь.

Губы капитана задрожали судорожно.

— Послушайте! сказалъ онъ вдругъ: я сейчасъ поѣду на ва-шихъ, бывшихъ моихъ, лошадяхъ и привезу денегъ. Будете ли вы играть?

— Съ большимъ удовольствіемъ! отвѣчалъ Луринъ, мнѣ было бы пріятно проиграть вамъ.

Капитанъ убѣжалъ.

Луринъ съ довольной улыбкой сказалъ самъ себѣ: — Онъ поѣ-халъ къ невѣстѣ.

И точно капитанъ поѣхалъ къ Вальцевымъ. Онъ условился быть къ нимъ завтра, и ѣхать прямо отъ нихъ. Старикъ Валь-цевъ обѣщалъ ему приготовить десять-тысячъ, которыми капи-танъ долженъ былъ уплатить, по счетамъ въ магазны, за зака-занное графиней приданое Олпшкы.

Капитанъ пріѣхалъ къ Вальцеву, увѣрилъ его что ѣдетъ сей-часъ, взялъ деньги, простился съ Олпшкой.... грустно поцѣло-валъ онъ руку ея.... Этого поцѣлуя, — не понять, не вообразить....

Ужъ преступникъ, обманувшій довѣріе своихъ товарищей и проигравшій казенныя деньги, онъ прощается съ тою, которую любилъ болѣе жизни. Сердце говорило ему, что онъ прощается

съ ней въ послѣдній разъ, и теперь онъ ее обманывалъ, ее обиралъ....

Но потому-то игра и есть язва общества, что она сильнѣе воли, сильнѣе разсудка; что страсть къ ней, какъ лава, разрушаетъ все, во что прежде вѣрилъ, что прежде любилъ....

Грустно поцѣловалъ капитанъ въ послѣдній разъ руку Оливьки. Въ этомъ поцѣлуѣ отзывалось то чувство, или, если хотите, — предчувствіе, которое какъ бы говорить: «Послѣдній разъ». Но капитанъ хотѣлъ увѣрить себя, что онъ отыграется. «Только бы отыграется»..... думалъ капитанъ.

Вывравшись изъ объятій Оливьки, онъ поскакалъ къ Луринь.

Когда онъ вошелъ, Луринъ дремалъ передъ каминномъ.

— Вотъ десять тысячъ, сказалъ капитанъ, играйте! Луринъ всталъ, молча подалъ капитану карты, сказалъ:

— Идетъ семерка двѣ съ половиною тысячи.

Капитанъ распечатавъ карты, стасовалъ, и далъ семерку съ оинка.

— Валеть транспортъ.

Валеть былъ отданъ по второму абцугу.

Вы проиграли ваши десять тысячъ; холодно сказалъ Луринъ, взявъ деньги.

— Мое имя! мое имя!... болѣзненно простоналъ капитанъ. Онъ схватилъ себя за голову, и долго не открывалъ глазъ. Потомъ сказалъ съ чувствомъ:

— Ахъ зачѣмъ не убили меня въ Турціи или на Кавказѣ!

— Вотъ странное желаніе быть убитымъ! съ убійственнымъ хладнокровіемъ говорилъ Луринъ: какъ-будто это не всегда въ нашей власти! Отыграетесь, капитанъ, дали двѣ карты, — даютъ и по семп; я самъ вамъ какъ-то отпустилъ одиннадцать сряду. Можетъ быть, вы бы третію и убили, а тамъ бы и зачали бить.

Капитанъ, во все это время стоялъ какъ истуканъ, наконецъ онъ сказалъ:

— Нѣтъ, мнѣ и застрѣлиться нельзя. Обратъ деньги у товарищей, у невѣсты.... Ужъ пускай бы я проигралъ казенныя деньги, я бы вынесъ наказаніе, но теперь, теперь.... Я на вѣкъ опозоренъ....

— И вы хотите жить? опять спросилъ его Луринъ.

— Да! жить, сносить общее презрѣніе, дожидаться, какъ умретъ отецъ мой, узнавъ о поступкахъ сына.... Это ужасно! это невыносимо! застрѣлиться?.... Нѣтъ! я долженъ жить; не долженъ поддаться своему малодушію. Я долженъ быть опозоренъ и дол-

хоть жить.... позорной жизнью!... и капитанъ закрылъ лицо руками.

Одна лампа въ это время горѣла въ кабинетѣ Луринъ и та ирочно добрасывала свой свѣтъ до погасающаго каминъ, передъ которымъ происходила послѣдняя сцена.

Луринъ сидѣлъ въ креслахъ.

— Жить опозореннымъ, сказалъ онъ какъ-будто про себя, этого я не понимаю. Скажите, спросилъ онъ вдругъ, что для васъ дороже: жизнь, или ваше имя?

Что значитъ этотъ вопросъ? спросилъ его капитанъ.

— Застрѣлитесь! и всѣ ваши долги будутъ уплачены, за это имя я ручаюсь, отвѣчалъ Луринъ.

— Къ чему вамъ жизнь моя? снова спросилъ его капитанъ, удивленный его предложеніемъ.

Луринъ всталъ, глаза его горѣли, онъ сталъ страшенъ.

— Выслушайте меня капитанъ, сказалъ онъ съ наружнымъ шадюкривіемъ.

— Я люблю Олинку. Люблю такъ, какъ вамъ не любить ее въ ея долю. Я ею только живу. Поймите меня, я человекъ съ волей, и живу только надеждой—когда-нибудь сказать дѣвушкѣ, ты моя! Вы были помѣхой моему счастью, моему блаженству, моему раю, какой только я могу себя представить.... И вы были помѣхой. Думаете ли вы, что я уступаю вамъ? Никогда, и никому!.... Теперь вы ее лишили, лишили на всегда. Олинка не будетъ женой опозореннаго солдата. Но вы можете еще мнѣ быть помѣхой; она не будетъ принадлежать вамъ, но, можетъ-быть, не захочетъ принадлежать и мнѣ. Застрѣлитесь, или ваше будетъ чисто отъ всякаго нарѣканія, меня вы сдѣлаете счастливымъ.

Капитанъ не вѣрилъ своимъ ушамъ. Наконецъ онъ закричалъ.

— Не застрѣлюсь, на зло вамъ не застрѣлюсь! Вы можете, если хотите, убить меня, а я не застрѣлюсь.

— Какъ вамъ угодно, съ холодной пропѣей отвѣчалъ Луринъ и закурилъ сигару.

— А я думалъ, продолжалъ онъ, что жить солдатомъ, въ презрѣніи у всѣхъ, какъ вору скрываться каждаго взгляда и выпрашивать какъ милости, чтобы въ этомъ взглядѣ былъ не упрекъ.... Да увѣрены ли вы, что вы вынесете жизнь эту? Я не предполагаю въ васъ труса, но жить такъ.... Можетъ-быть вы застрѣлитесь, но тогда уже будетъ поздно спасти васъ отъ позоренія....

— Нѣтъ, я не застрѣлюсь!... стрѣляется только малодушный, отвѣчалъ капитанъ.

— Какъ хотите. Человѣкъ опозоренный для меня не можетъ быть опасенъ; тѣмъ болѣе что вы и сами къ ней не покажетесь.

— Вы меня хотите обидѣть... сказалъ капитанъ грозно.

— Что жъ, вы вызовете меня. Но вы знаете какъ я стрѣляю. Это все-равно что застрѣлиться. Но дуэль не равна, васъ уже ждетъ то наказаніе, которому я вовсе не хочу себя подвергать. Но послушайте! вдругъ прибавилъ Луринъ: во что вы цѣните жизнь вашу?

— Иванъ Ильичъ! вы кажется дали себѣ слово играть сегодня въ загадки.

— Ничуть! Я рассказываю отвѣтъ на загадку, помѣщенную въ прошломъ номерѣ. Я вамъ рассказаль уже почему я желаю вашей смерти. Скажите, во что вы цѣните жизнь вашу?... хотите ли, вотъ двадцать-шесть тысячъ казенныхъ денегъ, которыя вы проиграли, одинадцать-тысячъ офицерскихъ, пять вашихъ, десять вашей невесты. Видите, я все знаю; да тысячъ на пять вами проигранныхъ вещей, всего составитъ тысячъ шестьдесятъ я добавлю до шестидесяти своихъ... Хотите, поставьте карту, или вы отыграетесь и ваша Оливка, или завтра, не позже десяти часовъ утра, вы застрѣлитесь.

Капитанъ качался съ ноги на ногу, какъ съумасшедшій.

— Послушайте, говорилъ Луринъ, я вамъ предложу еще выигоднѣе. Поставьте карту! проиграете ли вы, выиграете ли, я во всякомъ случаѣ заплачу деньги по принадлежности и ваше имя, которымъ вы имѣете право гордиться, будетъ виѣ всякаго упрека.....

Капитанъ молчалъ.....

— Вамъ все-равно; если дѣло оставить въ томъ положеніи какъ есть, то вамъ не видать ея....

Капитанъ молчалъ.

— А имя ваше будетъ опозорено, отецъ вашъ умретъ съ горя, проклинаая васъ. Теперь же счастливая карта, и все ваше.... А я, ву что вамъ до меня! Я не разможжу себѣ головы, потому что вы сами же сказали, что стрѣляться — малодушіе. Но согласитесь со мной, не во всякомъ случаѣ.....

Капитанъ все молчалъ

— Выслушайте меня внимательно! Вы, во всякомъ случаѣ получите шестьдесятъ тысячъ, выиграли ли вы, или проиграли; оста-

юмится отъ вашихъ долговъ деньги, я посылаю къ вашему отцу. Если вы выиграете, вы можете слова получить все, безъ чего вы не захотите жить. Вы будете опять прекрасный, храбрый офицеръ, счастливый женихъ прелестивѣйшей дѣвушки.... Если же проиграете, то застрѣлитея и такъ принуждаютъ васъ обстоятельства. Не жить же солдатомъ, разжалованнымъ зато, что вы обманули довѣренность полковника, товарищей, и наконецъ обобрали свою невѣсту.... Но если вы застрѣлитесь самъ собою, то прахъ вашъ останется предметомъ презрѣнiя у всѣхъ; ваше имя будетъ приводиться какъ примѣръ нарушителя довѣренности.... А вашъ отецъ? который такъ гордился сыномъ; а вашъ братъ, котораго фамилiю вы обезчестите, — что будетъ съ ними? Я вамъ предлагаю избѣжать всего. Вы въ выигрышѣ во всякомъ случаѣ. Если вы умрете, то умрете съ именемъ благороднаго человѣка, и прахъ вашъ будетъ орошенъ слезой любви, и воспоминанiемъ о васъ сослуживцевъ.... Развѣ вы боитесь смерти? Какъ же вы не хотите рискнуть?... а тутъ, счастливая карта....

— Мечте, глухо сказалъ капитанъ, я бы почиталъ себя подлцомъ, если бы не согласился. Я умѣлъ рискнуть на казенныя деньги, на деньги товарищей, умѣлъ обокрасть ту, которую люблю болѣе жизни.... такъ что жъ тутъ жизнь моя! Мечте!

— Поклонитесь, что васъ завтра къ десяти часамъ не будетъ, если вы проиграете, сказалъ Луринъ.

— Клянитесь, что вы все исполните, что обѣщали, сказалъ капитанъ.

— Я клянусь, отвѣчалъ Луринъ.

— Еще поклонитесь мнѣ, что вы не станете изыскивать средствъ, чтобы заставить Олимпьку принадлежать вамъ.... Пусть она будетъ ваша добровольно.... Но ни принужденiемъ отца, никакими посторонними обстоятельствами, однимъ словомъ ни какими средствами не будете стараться приобрести нравственное или физическое влiянiе, чтобы противъ воли Олимпьки она могла принадлежать вамъ.... клянитесь же, всѣмъ что у васъ есть святого, что вы ни вашей тонкости, ни ума, ни состоянiя, не употребите чтобы противъ воли своей, Олимпька была ваша...

— Клянусь крестомъ моей матери! (Это была клятва Лурина).

— Клянусь моею честью! (Такъ поклонился капитанъ).

— Я вамъ вѣрю, вы честный человѣкъ, сказалъ Луринъ.

Луринъ взялъ карты, стасовалъ ихъ, далъ снять капитану.

Капитанъ, думая объ Олинкѣ, выбралъ даму бубенъ.

Луринъ, только-что взялъ карты въ руку, увидѣлъ, что дама, и именно бубиновая, отдается капитану съ оника *. Карты были намѣчены.

Но чтобы не рассказывать все объ одномъ и чтобы не утомить вниманія читателей разительной картиной, я перенесу воображеніе ихъ къ болѣе утѣшительному предмету, который прольетъ сладостный бальзамъ на чувства, возбужденныя страшной сценой игры.

Мы пойдемъ къ Вяльцевымъ и посмотримъ на ту дѣвушку, которая была невинной причиною ужаса прошедшей сцены.

Олинка Вяльцева, счастливая невѣста капитана, проводила жениха своего, простилась съ нимъ, и невольно слезы грусти туманили ея милую головку.

Она старалась скрыть слезы эти, чтобъ не оскорбить ими отца, котораго любила, какъ казалось ей, равно съ ея Николаемъ. И милая дѣвушка, почтительная дочь, страстная и наивная невѣста, глотала свои слезы и заглушала ихъ веселымъ разговоромъ со старикомъ, котораго хотѣла утѣшить.

Но вотъ отецъ благословилъ ее на спокойную ночь, поцѣловалъ и сказалъ:—«Спи спокойно мое, доброе дитя, милая и прекрасная Олинка». Олинка скрыла свою головку на его груди, простилась съ нимъ и ушла въ свою комнату.

И вотъ Олинка на свободѣ. Она можетъ вполне предаться стремленію чувствъ своихъ. Ей грустно, она плачетъ, покуда дѣвушка убираетъ ей волосы для ночи.

Она легла въ постель, но сонъ не хочетъ дать успокоенія томящей душѣ. Мысли бѣгутъ вслѣдъ за ея Николаемъ, съ которымъ только-что простилась.

И если бы мысли ея имѣли силу волшебства, она сейчасъ бы воротила его, чтобы сказать:

— Не ѣзди, милый Николай! Къ чему тебѣ ѣхать далеко, когда здѣсь у тебя моя любовь. Нужда покупки, но это все для людей, другъ мой, мы съ тобой безъ всего будемъ счастливы. О, Царица небесная, сохрани его и помилуй!

И понужденная силой внутренняго чувства, она вскочила съ

* Отдается съ оника, то есть, капитанъ выигрываетъ по первой картѣ. Примѣчаніе для неиграющихъ вовсе.

постели и узнала передъ образомъ Богоматери всѣхъ скорбящихъ.

Этихъ образомъ Олиньку благословила умирающая мать.

Олинька молилась передъ нимъ о своемъ Николаѣ.

Теплая лампада освѣщаетъ комнату, — спальню дѣвушки, не великолѣпную, но чистую, изящную, прихотливую. Олинька молится.

Рубашка падаетъ съ ея плечъ, босые ножки тонуть въ пухъ ковра, волосы выбиваются изъ-подъ ея ночного чепчика..... Она не замѣчаетъ ничего; она молится о томъ, кого любить болѣе себя.

— Царица небесная, сохрани его и помилуй!

Въ этихъ словахъ выразилась вся ея вѣра, вся любовь и вся преданность ея Провидѣнію.

Въ это время капитанъ, думая объ Олинькѣ, выбралъ даму бубель.

Луринъ, только-что взялъ карты въ руку, увидѣлъ, что карта отдается капитану съ оника.

Другой бы задумался. Идетъ жизнь человѣка, обмануть его, не все ли равно, что убить. Отдать же, лишиться всего, чего такъ долго ожидалъ, упустить случай единственный, какой, разувѣется, въ другой разъ никогда не представится....

Но Луринъ не остановился ни на минуту. Желѣзная воля сказала ему: этотъ человѣкъ мѣшаетъ тебѣ, онъ долженъ умереть, и дама — выпала направо....

Луринъ передернулъ.

Капитанъ молча разорвалъ карту, потомъ сказалъ:

— Я сдержу свое слово, вы сдержите свое. Главное, помните: ни вашего вліянія, ни вашей тонкости, ни ума, вы не употребите на то, чтобы принудить Олиньку принадлежать вамъ. Прощайте навсегда.... Я желаю вамъ счастья, только ради Бога, ради васъ самихъ, умоляю васъ, составьте и ея счастье.

Капитанъ хотѣлъ идти.

Луринъ остановилъ его.

— Пойдите, возьмите ваши вещи, онѣ принадлежатъ по договору вамъ; деньги я вамъ завтра привезу.

Капитанъ взялъ вещи; подарки невѣсты положилъ къ себѣ на сердце, сказалъ:— «Умру съ вами», поѣхалъ домой.

По его отъѣздѣ, Луринъ спросилъ у своего камердинера: — Готова ли постель?

«Что если онъ не застрѣлится?» подумалъ Луринъ, лежа въ постелѣ и докуривая сигару: его разжалуютъ въ солдаты.... Да онъ застрѣлится.... И Луринъ спокойно уснулъ, велѣвъ разбудить себя въ пять часовъ.

.....
Капитанъ пріѣхалъ домой. Онъ отиравалъ куда-то человѣка, чтобы быть свободнѣе; самъ сталъ перебирать свои вещи, укладывалъ ихъ, будто собираясь въ дорогу.

Пересмотрѣлъ всѣ подарки невѣсты, перечиталъ ея письма, потомъ сѣлъ писать къ ней прощальное письмо.

Онъ исписалъ листъ кругомъ и тотчасъ же сжегъ его; другой изорвалъ и бросилъ на столъ.

Наконецъ онъ написалъ:

«Когда вы прочтете эти строки, меня уже не будетъ. Помолитесь за упокой души моей, которая и въ послѣднюю минуту своей жизни принадлежала вамъ.... Я долженъ умереть. Зачѣмъ вамъ знать причину моей смерти? По-крайней-мѣрѣ эти минуты, оставленные мнѣ для жизни, я посвящаю на то, чтобы пожелать вамъ счастья....»

Вотъ все, что онъ писалъ къ невѣстѣ.

Къ отцу онъ писалъ такъ:

«Батюшка, бездѣльный батюшка! Простите меня за горестъ, которую я вамъ причинилъ. Молю Бога только о томъ, чтобы Онъ утѣшилъ васъ за меня въ моемъ младшемъ братѣ; а я.... я.... Помяните меня въ своихъ молитвахъ. Все оставшееся послѣ меня, доставить вамъ здѣшній пожитокъ Луринъ.»

Написавъ письма, капитанъ сталъ ходить по комнатѣ, посматривая на часы.

Пробило семь....

Въ комнату вошелъ Луринъ.

Улыбка надежды промелькнула на лицѣ капитана, но ее замѣнило отчаяніе, когда онъ взглянулъ на холодную безстрастную физиономію Лурина.

— Вы не хотите дать мнѣ спокойно провести послѣднія минуты, которыя мнѣ остались, сказалъ капитанъ.

— Я!.... я пріѣхалъ по вашему же дѣлу; привезъ деньги, которыя развезу послѣ вашей смерти....

Капитанъ при этихъ словахъ судорожно поморщился....

— А вамъ, продолжалъ Луринъ, нужно написать записки.

— Что же мнѣ дѣлать? спросилъ капитанъ.

— Пишите, во-первыхъ, рапортъ вашему полковнику, о томъ,

что вы отказываетесь от порученія и возвращаете ему через меня деньги, какъ казенныя, такъ и принадлежащія офицерамъ.

Капитанъ молча написалъ рапортъ.

— Пишите теперь къ Вальцеву, что вы просили меня доставить ему его десять тысячъ.

Капитанъ написалъ письмо къ Вальцеву.

— Пишите теперь къ отцу, продолжалъ Луринъ.

— Я уже написалъ къ отцу, вотъ письмо....

— Нѣтъ! напишите, что я ему доставлю тринадцать тысячъ денегъ, остающихся мнѣ добавить къ уплатѣ вашихъ долговъ.

Капитанъ, опять молча, прибавилъ къ отцу, что вмѣстѣ съ вещами пришлютъ ему тринадцать тысячъ.

Часы пробилъ осемь....

— Ну, теперь приготовьтесь, выпейте стаканъ вина, осталось только два часа, сказалъ Луринъ.

— Черезъ два часа умереть!.... умереть! не простившись съ жей.... сказалъ капитанъ грустно. Иванъ Ильичъ! я попрошу васъ — проститься....

— До Вальцевки взадъ и впередъ будетъ добрыхъ тридцать верстъ, дорога скверная и вы не успѣете даже доѣхать, какъ проѣдете десять.... Развѣ вы хотите измѣнить вашей клятвѣ.

— Я никогда не измѣнялъ ей.... Я застрѣлюсь, и убійцей монъ будете вы.... мрачно сказалъ капитанъ.

Они оба замолчали.

Капитанъ ходилъ по комнатѣ, Луринъ курилъ сигару.

Такъ прошелъ цѣлый часъ. Пробило девять.

— Капитанъ, чего медить?.... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.... началъ-было Луринъ.

— А вамъ завиднѣнъ и часъ моей жизни? перебилъ его капитанъ.

И опять общее молчаніе, прерываемое только стукомъ сапоговъ капитана и стукомъ же часового маятника, напоминающаго собою, что время идетъ.

Стрѣлка показывала три четверти десятого.

Луринъ молчалъ.

Капитанъ остановился передъ часами, посмотрѣлъ на нихъ и сказалъ впоголоса: — «Какъ ей скажутъ?.... бѣдная! А она такъ любить меня!.... И какъ-будто слеза показалась на его рѣсницѣ. Но онъ скрылъ эту слезу. Оставалось только десять минутъ. Луринъ пускалъ струи дыма изъ сигары и молчалъ. Капитанъ сказалъ:— «Пора.»

— Иванъ Ильичъ! сказалъ онъ Лурину: потрудитесь зарядить пистолеть, прошу васъ. Другой милости я отъ васъ не хочу....

Луринъ молча зарядилъ пистолеть.

Капитанъ надѣлъ себѣ на шею сумку съ письмами и разными вещами невѣсты.

— Такъ и похоронить меня, сказалъ онъ Лурину.

Въ это время спокойствіе осыпало его лицо.

Какъ хорошъ былъ капитанъ, когда онъ говорилъ — похоронить меня такъ!.... Глаза его сіяли гордостію, голосъ былъ звученъ, былъ твердъ.

Луринъ молча поклонился. Что-то похожее на жалость свернуло въ его глазахъ.

— Узжайте, сказалъ капитанъ: я сейчасъ стрѣляюсь, могутъ подумать, что вы меня убили.

— Я не боюсь этого, здѣсь ваши письма, отвѣчалъ Луринъ.

— Ну, такъ прощайте! Я васъ прошу тогда, когда вы составите счастье Олинъки. Исполните ваши обѣщанія. Помните! Ни вашей тонкости, ни вашего ума, ни вашего вліянія, вы не употребите чтобы подчинить себѣ волю Олинъки.

Капитанъ помѣлился передъ образомъ, приставилъ пистолеть ко лбу. Только легкій румянецъ на щекахъ показывалъ волненіе. Рука его была тверда.

Луринъ смотрѣлъ на него.

— Подождите, вдругъ сказалъ онъ, отводя руку капитана.

Чувство челоуѣка взяло верхъ.

— Одно слово: откажитесь отъ Олинъки....

— Никогда! отвѣчалъ капитанъ въ порывѣ восторженности, и снова навелъ пистолеть.

— Подождите!.... ради Бога, подождите, Николай Петровичъ! говорилъ Луринъ. Вы сами же говорили, что стрѣляться — глупость, когда можно жить. Откажитесь отъ Олинъки, женитесь на другой; деньги я подарю въ приданое вашей невѣстѣ. И Богъ съ вами, живите. Съ моей стороны я дѣлаю вамъ это снисхожденіе.

— Я не хочу вашего снисхожденія, сказалъ капитанъ, приставляя пистолеть къ головѣ своей. Я проигралъ.... И плачѣ, что проигралъ.... Помните!.... вы не употребите ни какихъ средствъ, чтобы противъ воли Олинъки она принадлежала вамъ, никакихъ....

— Не при мѣ! не при мѣ! вскрикнулъ Луринъ внѣ себя, и бросился вонъ изъ комнаты....

Но въ это время выстрѣлъ раздался, и капитанъ, съ окровавленной головой, лежалъ уже на полу.

Луринъ остановился. Сперва съ ужасомъ взглянулъ на трупъ, потомъ мало по малу выраженіе лица его становилось спокойнѣе, холоднѣе....

— Чтò жь! твѣ лучше, сказалъ онъ.... А я чуть было не извѣсилъ себя; чуть было однимъ словомъ, не уничтожилъ все, о чемъ такъ долго хлопоталъ.... И я смѣю думать, что я выше своихъ ощущеній; смѣю думать, что у меня есть характеръ.... есть характеръ, когда я не могъ равнодушно смотрѣть на то, что самъ же устроялъ.... И я думалъ что у меня есть твердость, что у меня есть воля.... Смѣшно!.... и ироническая улыбка сжимала губы Луринна.

Онъ уѣхалъ. Никто не видалъ какъ Луринъ пріѣзжалъ.

Черезъ часъ, какъ-будто ничего не зная, Луринъ пріѣзжаетъ къ капитану, и находитъ его уже на столѣ, а стараго человѣка въ слезахъ.

Какъ хорошій знакомый и добрый пріятель, Луринъ посѣтовалъ о покойникѣ. Ему подали пакетъ, адресованный на его имя. Луринъ взялъ пакетъ, тамъ были письма ему извѣстныя.

Луринъ поѣхалъ къ Вальцеву.

II.

Въ это самое время, старикъ Вальцевъ только что воротился съ работъ, которыя онъ всегда обходилъ утромъ. Онъ усѣлся въ покойное кресло, передъ круглымъ столикомъ, на которомъ кипѣлъ самоваръ, закурилъ трубку, и послалъ Олинкѣ сказать, чтобъ она шла разливать чай.

Олинкѣ вошла; грустная, милая, въ бѣломъ пенюарѣ и ночномъ бѣломъ чепчикѣ, изъ-подъ котораго падали ея волосы, густые, шелковые, бѣлокурые....

— Чтò съ тобою, моя милая? спросилъ отецъ, цѣлуя дочь свою, у тебя на глазахъ слезы. Чтò съ тобою?....

— Мнѣ грустно, папенька, отвѣчала она, и такъ наивно, такъ мило, что если бы тутъ былъ посторонній, то и онъ отдалъ бы всѣ свои радости, чтобъ была весела Олинкѣ.

Отецъ обнялъ ее, поцѣловалъ ея головку....

Сколько было вѣжности въ этомъ поцѣлуѣ!

— Отчего грустно тебѣ, мой ангельчикъ, мое утѣшеніе?...

И старикъ задумался, не зная, какъ-бы еще нѣжнѣе назвать дочь свою.

Оленька не говорила ничего: она дрожащей рукой влила чайникъ, и налила чай отцу.

— Будь веселѣе, другъ мой, продолжалъ старикъ, лаская дочь свою: твой Николай воротится и вы будете вмѣстѣ, дѣти мои, утѣшать меня, дряхлаго старика, и я, глядя на васъ, буду благодарить Бога за счастье, что онъ далъ мнѣ видѣть васъ счастливыми. Ну, будь же веселѣе, улыбнись другъ мой, поцѣлуй меня....

И Оленька улыбнулась. Алый румянецъ заигралъ на ея щекахъ, она прислонила свою головку къ груди отца.

И эта группа, изъ сѣдаго старика, доброй благородной наружности, и милой, наивной дѣвушки, которая прислонилась къ груди этого старика со всею невинностию дѣтской любви, эта группа не смилась даже и Тиціану.

Старикъ ласкалъ ея, называлъ ея нѣжнѣйшими именами, прибиралъ эти имена, какъ любовникъ прибираетъ ихъ для любовницы.

Оленька лежала на его груди; улыбка цвѣла на ея устахъ, пурпуровыхъ, прекрасныхъ. Ея дѣвственная грудь, форма которой фантастически обрисовывалась слегка стянутымъ пенъуаромъ, лежала на полуоткрытой груди старика, покрытой сѣдыми волосами.

Слезы еще не высохли на ея рѣсницахъ, но они напоминали собой послѣ дождя солнце.

Я готовъ нарочно учиться живописи, чтобъ нарисовать вамъ эту группу.

Вдругъ Оленька залилась слезами. Отецъ снова сталъ ея утѣшать. Она пошла въ свою комнату, желая на свободѣ надумать-ся, заплакаться....

— Полно Оленька, другъ мой, говорилъ ей отецъ.

— Гости ѣдутъ, кажется къ намъ, сказалъ мальчикъ старикъ.

— Гости! кто бы это? Кажется, что баринъ изъ Грязовки!

— Луринъ?.... Быть не можетъ!.... Онъ и есть, сказалъ старикъ, когда увидѣлъ щегольскую коляску Лурина.

— Ванька! одѣваться.... Пошелъ, проси въ гостиную, сказалъ онъ мальчику.

Луринъ вошелъ на крыльцо. Онъ былъ весь въ черномъ, какъ человѣкъ, который прѣѣхалъ не съ радостною вѣстію. Его ввели въ гостиную; черезъ минуту вошелъ и старикъ Вальцевъ.

— Извините меня, Александръ Ивановичъ, что я обезумѣлъ вѣсь, говорилъ Луринъ, притворяясь разстроеннымъ. Не желалъ бы я быть вѣстникомъ несчастія, но что жъ дѣлать, во всегда исполняются желанія нашего сердца....

— Мнѣ очень пріятно видѣть васъ у себя, Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ старикъ. Но о какомъ несчастіи вы говорите? Мнѣ, старикъ, ни какое несчастіе не важно, только бы была счастлива моя Оленька. Прощу садиться!

Они сѣли. Луринъ не зналъ, какъ начать разговоръ.

— Александръ Ивановичъ, сказалъ Луринъ, то, что я вамъ скажу, требуетъ всей вашей преданности Провидѣнію, которое иногда хочетъ испытывать насъ.

— Иванъ Ильичъ! отвѣчалъ Вальцевъ. Я живу, милостію Божію, шестьдесятъ лѣтъ на этомъ свѣтѣ; бывали трудныя минуты.... но я всегда полагался на милость Божію и Богъ не оставилъ меня....

— Луринъ посмотрѣлъ на Вальцева.

Старикъ сдѣлалъ передъ нимъ съ лицомъ серьезнымъ, но покойнымъ.

Ясный взоръ его показывалъ чистоту совѣсти, которая не боится упрека. Онъ прямо смотрѣлъ на Луринна.

— Николай Петровичъ просилъ меня передать вамъ десять тысячъ рублей, которые онъ вчера получилъ отъ васъ, для покупки Ольгѣ Александровнѣ.

При этихъ словахъ лицо старика нахмурилось. Судьба капитана была тѣсно связана съ судьбою его дочери. Его счастье было ея радостію, а старикъ, какъ онъ самъ сказалъ, и жилъ только для дочери.

— Николай Петровичъ! спросилъ онъ сурово, а онъ самъ?...

При этомъ онъ всталъ, руки его судорожно сжимались. Онъ подумалъ, не отказывается ли капитанъ отъ его дочери.

Вальцевъ стоялъ передъ Луриннымъ въ грозномъ положеніи и вопросительное положеніе всей его фигуры было истинно прекрасно.

— А онъ самъ?.... повторилъ старикъ.

— Онъ умеръ!.... холодно отвѣчалъ Луринъ.

— Умеръ!.... какъ умеръ?.... вскрикнулъ Вальцевъ, и руки его опустились, голова склонилась на грудь, онъ почти упалъ въ кресла.

— Боже мой!.... умеръ!.... Оленька! бѣдная Оленька!....

И старикъ закрылъ лицо руками.... Онъ не могъ говорить, сле-

зы тоже не лились изъ его глазъ: ихъ высушила горестъ, вѣдая, глубокая.... Наконецъ онъ сказалъ: воды!....

Мальчикъ, стоявшій тутъ, побѣжалъ за водой. На пути сказалъ ключницѣ и горничной роковую новость, тѣ пошли рассказывать другимъ.

Старикъ выпилъ стаканъ воды, не много успокоился и сказалъ Лурину.

— Да, Иванъ Ильичъ, не радостную вы мнѣ вѣсть привезли. Но скажите, пожалуйста, какимъ образомъ скончался Николай Петровичъ? Вчера вечеромъ онъ былъ у меня, правда такой грустный, однако, слава Богу, здоровъ.... А Олянька бѣдная, плакала сегодня. Чувствовало сердце бѣдняжки.... Расскажите, Иванъ Ильичъ!

Голосъ старика дрожалъ: въ немъ, несмотря на наружное спокойствію, видна была вся глубина горя, проникшаго до глубины души.

Луринъ отвѣчалъ на вопросъ старика и такъ, казалось, доброжелательно, такъ казалось отъ души, что всякій бы подумалъ, что онъ этой потерей тронутъ не менѣе старика.

— Александръ Ивановичъ! Къ чему мнѣ еще болѣе разстроивать васъ. Я готовъ былъ цѣною своей жизни выкупить это извѣстіе.... но что есть, того перемѣнить нельзя. Къ чему же еще увеличивать горе, и безъ того ужасное! Покоритесь лучше Провидѣнію: оно никогда не оставляетъ насъ.

— Нѣтъ, скажите, Иванъ Ильичъ. Кончина того, кого я готовился назвать своимъ сыномъ, для меня дорога, какъ для отца... скажите Иванъ Ильичъ.

Луринъ молчалъ.

— Иванъ Ильичъ, не мучьте старика, говорите прямо; я, видите, спокоенъ; говорите....

Онъ застрѣлился.

— Застрѣлился!

Старикъ вскочилъ съ кресла.

— Быть не можетъ!.... Упокой Господи душу его, прибавилъ онъ перекрестясь....

Горе выбилось наружу, слезы ползли изъ глазъ старика.

Онъ закрылъ лицо руками, но слезы, просачиваясь сквозь промежутки пальцевъ, текли по его морщинистымъ рукамъ.

— Олянька, чтò будетъ съ тобою! сказалъ старикъ, и упалъ на колѣни передъ образомъ, молиться.

Луринъ молча считалъ деньги, которыя онъ привезъ старика.

Въ это время на верху раздался крикъ. Крикъ ужасный для слуха отца: это былъ крикъ любимой дочери, его единственной дочери.

Горничная сказала ей о смерти ея жениха.

Старикъ, услышавъ крикъ дочери, взглянулъ на образъ съ тѣмъ неизъяснимымъ выраженіемъ, которое поражаетъ молитва, вотомъ сказалъ:

— Господи, помилуй!...

Какъ бѣденъ, какъ ничтоженъ языкъ человѣческій!

Ну, придумайте молитву, которая бы выражала чувства старика въ это время, которая бы соединила въ себѣ противоположности горести и надежды, и выразила всё упованіе его на Провидѣніе.

Одно только слово: Господи, помилуй!

Черезъ вѣсколько секундъ вбѣжала Оленька.

Она одѣвалась когда ей сообщили извѣстіе, помутившее разумъ бѣдной дѣвушки. Такъ оно было неожиданно, такъ было ужасно.

Она вбѣжала въ гостиную; растегнутый пеньуаръ ея разбѣгался отъ быстроты походки; руки ея дрожали, волосы были распущены, грудь не покрыта ни чѣмъ. Она въ этомъ видѣ напоминала собой безумную Офелію, когда та приходитъ плакать о смерти отца, о потерѣ возлюбленнаго. Оленька вбѣжала въ гостиную:

— Папенька! другъ мой! правда ли это? кричала она....

И остановилась, увидѣвъ посторонняго.

Чувства прилчія такъ сильно вкоренены въ насъ съ дѣтства, — особенно у женщинъ, — что въ минуты самыхъ сильныхъ порывовъ страстей, мы ихъ вспоминаемъ, имъ повинемся.

Она остановилась. Это была секунда борьбы между порывомъ отчаянія и дѣвической стыдливостію. Положеніе ея отца, на коленяхъ передъ образомъ, слышкомъ ясно показывало, что ей говорили правду. Чувства ея помутились, и она грянулась о полъ, безъ жизни, безъ дыханія....

— Оленька! Оленька! закричалъ старикъ, потерявшій послѣдній разумъ отъ ея обморока. Онъ сначала хотѣлъ бѣжать къ ней, но ноги ему отказались служить и старикъ снова упалъ на колѣни передъ образомъ....

Взгляните на Лурину.

Когда вбѣжала Оленька, онъ всѣмъ своимъ вниманіемъ былъ прикованъ къ ней. Онъ любовался ея дѣвственными формами,

надутырытыми отъ безпорядка одежды. Глаза его обнимали ту рясомъ дѣвственности, ту округленность красоты, которыми Олинька очаровала его. И глаза Луринна сіяли тѣмъ выраженіемъ, которое всегда сопровождаетъ чувственность. Мысль его говорила ему: Я скоро буду одинъ любоваться прелестью этихъ формъ; вся красота ихъ будетъ принадлежать мнѣ одному,

Но когда Олинька, блѣдая какъ полотно, упала, какъ мгновенно измѣнилось это выраженіе! Въ его глазахъ видѣлась любовь, любовь чистая, безкорыстная столь же далекая отъ чувственной любви, какъ далеко отъ земли до неба. Сожалѣніе некронное, преданность полная, безотчетная, сверкнули въ глазахъ Луринна....

Какъ согласить эти противоположности? Какъ снить ихъ въ одномъ лицѣ, и какомъ лицѣ, — холоднаго игрока?....

Но такъ было.

Быстрѣе молвіи онъ бросился къ Олинькѣ, обхватилъ ее за талию и положилъ на диванъ.

Руки его дрожали, голова кружилась, когда онъ нѣсъ Олиньку.

У кого же?... у Луринна! у котораго рука не дрогнула передернуть карту — на жизнь человѣка.

Луринъ положилъ Олиньку на диванъ, облилъ холодной водой, и съ какимъ-то не естественнымъ вниманіемъ наблюдалъ какъ жизнь снова возвращалась къ ней, какъ румянецъ начиналъ снова оживлять ея блѣдное лицо.

Старикъ подошелъ къ дивану и горько плакалъ, не связно призывая дочь къ себѣ.

— Другъ мой, Олинька! говорилъ старикъ, дочь моя! Отзовись! откликнись отцу своему!.... На кого ты его покинула! Умерла моя Олинька, мое послѣднее утѣшеніе! И онъ горько плакалъ, стоналъ, прислонясь къ дочери.

Въ жизни ея была и его жизнь, безъ нея онъ не могъ, да и не хотѣлъ жить.

Олинька открыла глаза; она встала, поправила пеньюаръ, и бросилась со слезами на колѣни передъ отцомъ.

— Папенька! одной милости, объ одномъ прошу.

— Чтò, другъ мой! моя Олинька! приказывай!... отвѣчать отецъ, которому голосъ дочери возвратилъ разсудокъ.

— Проститесь съ нимъ, папенька! проститесь съ нимъ. Не отойду отъ колѣнъ вашихъ покуда вы не позволите.

— Чтò, ты Олинька, Богъ съ тобою! Къ чему это? ты только разстроишь себя.

— Нашенька! если вамъ дорога жизнь моя.... Умоляю васъ. И она залилась горькими, горячими слезами....

Александръ Ивановичъ! сказалъ Луринъ, доставьте это уведомленіе Ольгѣ Александровнѣ! Я поѣду впередъ, все приготовлю....

— Богъ васъ наградитъ, Иванъ Пльпчъ, отвѣтилъ Вальцевъ.

Олинька тоже бросила на него взглядъ полный благодарности.

Луринъ уѣхалъ. А старикъ, не будучи въ состояніи поднять дочь свою, уналъ къ ней.

И снова та же группа, — съдой старикъ, на изсохшей груди котораго лежитъ хорошенькая дѣвушка. Волосы ея падаютъ на его плеча, онъ обвиняетъ ее. Но только теперь они оба плачутъ, плачутъ однимъ горемъ. Слезы ихъ мѣшаются вмѣстѣ и длинные волосы дѣвушки отираютъ слезы старика.

Прибѣжала дворня, подвѣли барина и барышню, уложили въ постель. У обоихъ вырвалось одно слово: коляску....

Грустно взглянуть въ комнату самоубійцы.

Нѣтъ ни погребальныхъ свѣчей, которыя какъ бы освѣщаютъ послѣднее пребываніе между живущими. Нѣтъ запаха ладона отъ куренія за молитвою.

Священникъ не зоветъ христіанъ, проститься съ ихъ братомъ послѣднимъ цѣлованіемъ. Не слышеть голосъ псалтырщика, молящагося за упокой души, голосъ однообразный, монотонный, какъ сама смерть.

Покойникъ не покрытъ покровомъ, послѣднею данью любви человѣка къ пышности....

Такъ было въ комнатѣ капитана. Только лампада горѣла передъ образомъ, да старый слуга молился за упокой души своего барина.

Капитанъ лежалъ на столѣ безжизненный, холодный, онъ, который такъ не давно былъ полонъ жизни, полонъ любви.

Рана на его головѣ была завязана чернымъ платкомъ, и онъ былъ такъ хоршеъ теперь, что одна только блѣдность показывала, что эта красота есть смерть.

Вглядываясь въ него, въ его лицо полное благородства, въ прозрачность его кожи, вы бы стали сомнѣваться въ его смерти. Только одна неподвижность, холодная неподвижность убѣдила бы васъ, что вы разсматриваете мертвеца.

Капитанъ былъ покрытъ простыней до рукъ, которыя крестообразно лежали на груди.

Сумка съ подарками Олиньки также была надѣта на его шею.

Когда Луринъ пріѣхалъ, ему нечего было приготовить. Ничего не осталось отъ той кровавой сцены, которой утромъ онъ былъ свидѣтелемъ.

Луринъ велѣлъ накурить ладономъ, зажечь свѣчи, чтобы скрыть по возможности отъ Олинъки дѣйствительную причину смерти капитана.

Ей не говорили, что ея женихъ застрѣлился.

Черезъ полчаса пріѣхали Вьяльцевы.

Олинъка блѣдная, худая, съ печатью отчаянія на лицѣ, вошла въ комнату. За ней шелъ старикъ.

Она не плакала, потому что отецъ сказалъ ей; что онъ сейчасъ увезетъ ее, какъ она начнетъ разстронивать себя.

А ей нужно было исполнить одну мысль, ей казалось, какъ будто она опомнилась для этой мысли; что отъ этого исполненія зависитъ спокойствіе ея самой. Эта мысль была: срѣзать клочекъ волосъ съ головы Николая.

Когда Олинъка взошла, когда увидѣла трупъ того, кого любила болѣе чѣмъ можно любить, тогда она не выдержала, бросилась на грудь трупа, обнимала, цѣловала его холодныя губы, называла своимъ милымъ Николаемъ, своимъ женихомъ.

— Обойми меня, Николай, говорила она, обойми свою невѣсту, свою Олинъку....

Слезы мѣшали ей говорить.... И она силилась подвять руку его. Напрасно: рука не поднималась....

Старикъ молился. Онъ молился о томъ, чтобы Богъ послалъ силы его дочери перевести ударъ.

Луринъ стоялъ и молча смотрѣлъ на Олинъку. Ему завидна была любовь ея къ покойнику. Онъ ревновалъ ея ласки.

Вьяльцевъ сказалъ: — Олинъка, пора!

Олинъка сильнѣе прижалась къ холодному трупу, какъ бы боясь, чтобы его у нея не вырвали. Потомъ вдругъ вспомнила объ волосахъ.... Она сей часъ же стала цѣловать голову капитана и незамѣтно отрѣзала клочекъ волосъ. Потомъ она обошла кругомъ комнаты и подошла къ столу, на которомъ писалъ капитанъ. На столѣ лежали лоскутки письма, порваннаго имъ передъ смертію. Олинъка взяла ихъ, и положила вмѣстѣ съ волосами на грудь себя.

— Это его послѣднія мысли, подумала она, стараясь спрятать чтобы никто не видалъ. Что за причина была этой скрытности, она бы не пояснила себя и сама. Олинъка поступила просто по инстинкту. Мысли ея, разстроенныя ударомъ, были въ

тою расположеніи, какое принимаютъ онѣ передъ припадкомъ сумасшествія.

Возмущенныя усиленнымъ воображеніемъ, мысли кипѣли въ головѣ Олиньки, представляя ей разныя положенія, которыхъ дѣйствительности она не понимала. Ей казалось, какъ будто она *должна* плакать, — а ей *не о чемъ* плакать; или какъ будто ей хочется плакать, а ей не даютъ, не даютъ извѣстна ея горести, и она жалуется на это своему Николаю.

Послѣ, она немного успокоилась. Но когда пришло время вѣхать, она опять бросилась на трупъ и предалась всей силѣ своей безпредѣльной горести.

Ее увезли домой.

Измученная волненіемъ, Олинька, пріѣхавъ домой, могла только положить въ кивотъ образа волосы и лоскутки письма. Силы ея какъ-будто служили ей для исполненія этого желанія.

Правда что мысль, постоянно и сильно пасъ занимающая, даетъ и силы къ ея исполненію.

Только-что Олинька положила въ кивотъ послѣднюю память отъ Николая, какъ всѣ силы мгновенно ее оставили. И она осталась безъ чувствъ передъ образомъ.

Когда ее привели въ чувство, съ ней начались ужасныя припадки. Судороги сжимали руки, грудь; горячее дыханіе и сильный бредъ сопровождали первые признаки горячки.

Ей то казалось, что она сидитъ съ Николаемъ, что онъ говоритъ ей о любви своей; она обнимаетъ его, цѣлуетъ; потомъ вдругъ, что ей не даютъ отрѣзать у покойника клочекъ волосъ.... Иногда Николай, ея милый женихъ, казался ей супругомъ.

Сколько любви, самой дѣвственной, самой чистой, было въ ласкахъ къ нему! И Олинька обнимала воздухъ, и прижимала къ груди своей свои руки.... Вдругъ ей становилось страшно. Ей представлялось, что капитанъ умеръ въ ея объятіяхъ, и отъ ея объятій, и что она обнимаетъ мертвеца.

Крики ея при этомъ представленіи были ужасны, неизобразимы....

Старикъ не отходилъ отъ постели дочери; всѣмъ распоряжался Луринъ.

Онъ отъ себя послалъ за искуснымъ докторомъ въ столицу, не жалѣя ни денегъ ни трудовъ, чтобъ облегчить сколько нибудь страданія старика, и чтобъ спасти Олиньку.

Всѣ это время онъ не позволялъ себѣ даже подумать о чемъ нибудь, кромѣ спасенія Олиньки.

На каждую новую его услугу, старикъ только говорилъ: — Богъ васъ наградитъ, Иванъ Ильичъ.

Луринъ молчалъ на это привѣтствіе. Онъ понималъ какой награды стоилъ онъ, и думалъ только, чтобы наказаніемъ ему не была смерть Оливьки, кумира души его.

Никто не представилъ себѣ, что передумалъ, что перечувствовалъ въ это время Луринъ. Онъ не потерялъ разсудка: воля его была выше страсти, но страсть была ему дороже жизни. Онъ отдастъ бы свою жизнь, чтобы спасти Оливьку, — и это было искренно.

Когда былъ переломъ болѣзни, когда докторъ сталъ считать минуты у постели больной и Луринъ находился между надеждой на ея выздоровленіе и страхомъ смерти, тогда онъ молился, *Луринъ молился!*

Замѣтите еще, въ ногахъ больной сидитъ сѣдая старуха, безъ семейства, безъ родныхъ, она во всемъ свѣтѣ любила только одну Оливьку. Оливька была ей семействомъ, дочерью, нѣтъ выше.... старуха любила ее болѣе дочери, она любила ее, какъ генія хранителя, утѣшающаго ея старость.

Это старая няня Оливьки.

Няня сидѣла въ ногахъ больной. Сѣдые ея волосы, выбившись изъ подъ платка, висѣли космами внизъ. Слезы, молчаливыя, вѣмыя, падали на хорошенькія ножки дѣвушки.

Старуха стирала ихъ поцѣлуйми и своими сѣдыми волосами.

Изрѣдка она поглядывала на образъ. Тогда взглядъ ея былъ молитва.

Иногда взглядывала она на старика отца: грустна была встрѣча этихъ взглядовъ....

Несчастіе никогда не приходитъ одно. Старикъ не выдержалъ болѣзни дочери: его разбилъ параличъ и у Луринна на пощечинѣ вмѣсто одной, стало двое.

III.

Прошло два мѣсяца. Вечеромъ, около круглаго столика, сидѣли: старикъ Вальцевъ, подлѣ Луринъ, нѣсколько подалѣ отъ нихъ, Оливька; старая няня разливала чай.

Только два мѣсяца прошло съ тѣхъ поръ, какъ въ этой комнатѣ было все весело, все счастливо; былъ веселый, добрый старикъ, выдающій за мужъ влюбленную дочь, а теперь....

Старикъ разбитый параличемъ, лишившійся употребленія обѣихъ ногъ, драхлый, измученный....

Женихъ въ могилѣ, а Оливька?... это уже не та Оливька, веселая какъ бабочка и легкая какъ бабочка же; не та Оливька, одинъ взглядъ которой разливалъ вокругъ довольство, счастье, радость. Но Оливька грустная, задумчивая, еще прекраснѣе. Голубые глаза ея, подернутые влагой слезы, обликъ ея лица, задумчивый, унылый, и ея улыбка, улыбка безъ радости, такъ много говорятъ, такъ сильно поражаютъ собой, что невольно подумаешь: Милая, безцѣнная!.... веселая какъ дитя, ты была хороша какъ ясный день, по грустная, задумчивая, ты прекрасна, какъ богиня грусти и поэзіи.

Слабость всѣхъ членовъ и какая-то томность, оставшіяся послѣ болѣзни, придавали Оливькѣ дивный отпечатокъ, напоминающій не земную жизнь нашу. И она въ своемъ черномъ платьѣ, съ свѣтлыми локонами, казалась грустнымъ существомъ неба, тоскующимъ небожителемъ.

У нея въ рукахъ была какая-то работа. Она тихо шевелила спиичкой и перекидывала ниткой около пальчика. Мысли ея были далеко отъ работы, онѣ витали тамъ, съ душой Николая....

Оливька рѣдко, или почти никогда не говорила о капитанѣ, только, когда выздоровѣла, спросила: — Неужели онъ не вспомнилъ обо мнѣ передъ смертію? Ей подали сего письмо, она прочитала и сказала: «Онъ желаетъ мнѣ счастья, значитъ желаетъ смерти.»

Она молчала.

Вдругъ руки Оливьки опустились, работа упала и она сказала съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ:

— Позвольте.

Потомъ приложила кисти обѣихъ рукъ къ своей головкѣ, наморщила брови, и задумалась — задумалась....

Это былъ ея припадокъ: онъ остался у ней какъ бы продолженіемъ тѣхъ мыслей, тѣхъ идей, того бреда, которые мучили бѣдную во время болѣзни. Она вдругъ останавливается на половинѣ рѣчи, говоритъ: позвольте, прикладываетъ руки свои къ головкѣ, какъ бы стараясь вспомнить что-то, задумывается.... Не слышать, что говорятъ ей въ это время, потомъ прибавляетъ: «Ни какъ не могу вспомнить.» Это признакъ окончанія припадка. И опять внимательная ко всѣмъ, опять грустная по прежнему, она снова слушаетъ отца, слушаетъ Лурлина, до новаго припадка задумчивости.

Этотъ припадокъ у нея былъ, какъ шашя разстроеннаго воображенія, какъ чувство грусти, разлитое по ея существу, какъ преобладающая меланхолія.

Ольнька задумалась....

Старикъ, позабывшій свою болѣзнь, думающій только о дочери, взглянулъ на Лурива.

Луринъ глядѣлъ на Ольньку.

А что Луринъ? спросите вы меня; не страдалъ ли онъ, видя семейство, котораго счастье разрушено имъ. Совѣсть не говорила ли ему, что онъ хуже разбойника, который бы убилъ, ограбилъ капитана на большой дорогѣ.

— Нѣтъ!.... Луринъ видѣлъ только Ольньку, прекрасную, задумчивую; слышалъ только ея голосъ, помнилъ только свою любовь къ ней.

Твердый въ своемъ словѣ, непоколебимый въ своихъ намѣреніяхъ, онъ умѣлъ безпреставно находить случаи доказывать Ольнькѣ всю силу своей безпредѣльной страсти, между тѣмъ какъ впрочемъ не говорилъ ей о любви.

Въ этомъ-то молчаніи и видна была вся вѣжность его къ Ольнькѣ; на немъ сосредоточивалась вся сила его воли. Молчать, когда чувствуешь!.... Онъ даже скрывалъ любовь свою, чтобы не оскорбить ею ту, которую выбрало предметомъ себѣ его сердце.

Старику Луринъ давно умѣлъ сдѣлаться необходимымъ.

— Ни какъ не могу вспомнить, сказала Ольнька отпывая руки отъ своей головы, и поднимая работу.

— Чего не можешь вспомнить? Ольнька моя, другъ мой! спросилъ ее отецъ.

— Ахъ, папешка! отвѣчала Ольнька, мнѣ кажется, какъ будто я забыла что-то дорогое для меня; забыла то, что дороже мнѣ жизни, дороже даже любви моей къ вамъ. И я не могу вспомнить, сказала она уныло. Этими всегда оканчивался разговоръ между отцемъ и дочерью, послѣ припадка.

Отцу, Ольнька посвятила всю любовь свою, все свои заботы, вся жизнь ея была только для старика.... И когда онъ вспоминалъ о своей старости, Ольнька ему говорила: — Батюшка! возьми и меня съ собой....

Съ Луринимъ она была вѣжлива. Когда ей говорили, сколько заботился объ ней Луринъ, когда и теперь она видѣла его старанія успокоить ея отца, глаза ея сіяли выраженіемъ благодарности.

Луринъ думалъ: — Можетъ быть, когданибудь!....

Старикомъ онъ овладѣлъ совершенно: вниманіе его къ нему, почтительность, были безпримѣрны.

Луринъ, какъ человѣкъ знающій силу денегъ, умѣлъ тутъ впутать и денежные обороты. Старикъ пострадался, готовился къ свадьбѣ и во время своей болѣзни. Луринъ успѣлъ заставить его взять у него денегъ. Однимъ словомъ, онъ довелъ старика до того, что любимой мыслию его было выдать Олншку за Лурина.

Старикъ часто говорилъ это ей; она или молчала, или говорила: — Папенька, неужели я надоѣла вамъ?

Отецъ цѣловалъ ее, уговаривалъ.

— Папенька, умоляю васъ, если вы мнѣ желаете счастья....

Эти слова всегда останавливали настойчивость старика, и онъ прекращалъ разговоръ до новаго случая. И опять тоже, все тоже.

Однажды они сдѣли втроемъ. Луринъ смотрѣлъ на Олншку и думалъ о ней.

Олншка вспоминала о Николаѣ.

А старикъ?.... Какъ странны люди!

Онъ разсчитывалъ, сколько выгодъ доставить ему перемѣна зятя, когда мнѣ будетъ вмѣсто бѣднаго капитана блестящій и богатый Луринъ.

Онъ думалъ, какія улучшенія можно сдѣлать въ пивнѣ; какъ возвысить суконную фабрику, и спросилъ потомъ: — Иванъ Ильичъ! какъ вы думаете, въ какой цѣнѣ будетъ на ярмаркѣ шерсть?

Эти, ничего кажется не значущія слова, родили въ головѣ Лурина новую мысль. Чтобы пояснить эту мысль, я долженъ разсказать нѣкоторыя обстоятельства.

Вальцевъ былъ очень не богатъ, его имѣніе состояло изъ двухъ-сотъ заложенныхъ душъ, малоземельныхъ, черезполосныхъ, разстроенныхъ, съ недонжкой по уплатѣ процентовъ.

Крестьяне едва могли содержать себя, не только что платить что-нибудь господину.

Когда Вальцевъ вышелъ въ отставку и самъ сталъ управлять своимъ имѣніемъ, онъ увидѣлъ необходимость открыть себѣ новый источникъ дохода. Въ противномъ случаѣ имѣніе должно было продаться съ публичнаго торгу.

Онъ рѣшился устроить суконную фабрику. Устройствомъ фабрики Вальцевъ значительно улучшилъ свое состояніе, но на это нужны были деньги и онъ принужденъ былъ занять ихъ въ чужихъ рукахъ за большіе проценты.

Суконная фабрика дала неожиданный доходъ. Континентальная система того времени возвысила цѣну на сукно и старикъ въ продолженіи пятнадцати лѣтъ хозяйства уплатилъ уже болѣе половины частныхъ долговъ доходами съ фабрики, которая давала ему средство жить безъ нужды и мало по малу поправлять своихъ крестьянъ.

Значитъ, если бы какимъ-нибудь образомъ фабрика уничтожилась, то Вяльцевъ нищій,—болѣе, банкротъ, которому будетъ далеко печѣмъ заплатить своихъ долговъ. Тогда онъ будетъ во власти Лурина.

Эта мысль и пришла въ голову Лурину, но какъ завладѣть фабрикой?

— Нельзя ли какъ-нибудь оттянуть ее? подумалъ Луринъ. Фабрика построена на лугу, общемъ съ двумя сосѣдями. Надо было попробовать навязать Вяльцеву на шею процессъ.

Однимъ изъ сосѣдей Вяльцева былъ Ноэльскій.

Ноэльскій былъ тогда еще молодой человѣкъ, только что вступившій во владѣніе своимъ имѣніемъ. Онъ служилъ въ томъ самомъ полку гдѣ служилъ вѣкогда Луринъ, и теперь пріѣхалъ въ отпускъ, чтобъ собрать по-болѣе денегъ для своего мотовства.

Съ воспитаніемъ осемнадцатаго вѣка, и то поверхностнымъ, могъ ли Ноэльскій имѣть какія нибудь правила?

Онъ игралъ въ большую игру; игралъ какъ мальчикъ жадный къ золоту, и любящій сорить имъ.

Пріѣхавъ въ отпускъ, Ноэльскій, разумѣется, явился съ почтеніемъ къ Лурину, этому Пстербургскому метеору, этому фешіонеблю игроковъ.

Луринъ прикинулся передъ нимъ простачкомъ; самонадѣянный мальчишка хотѣлъ обмануть его и кончилось тѣмъ, что Ноэльскій проигралъ почти все свое имѣніе.

Закладная на него была уже совершена.

Деньги и вѣскольکو цѣнные вещи принадлежали Лурину.

Тутъ Луринъ умѣлъ ловко заговорить съ Ноэльскимъ объ его имѣніяхъ, о сосѣдяхъ, о Вяльцевѣ, о выгодѣ владѣть суконной фабрикой и наконецъ доказалъ ему, что онъ можетъ оттягать фабрику у Вяльцева, съ незначительной платой, и тѣмъ поправить свое состояніе; обѣщалъ ему даже помощь въ процессѣ и деньгами, и вліяніемъ.

Ноэльскій недолго думалъ. Онъ сейчасъ понялъ, что есть какія-нибудь выгоды Лурина, которыя заставятъ его ему помогать.

Нашли сутягу стряпчего. Луринъ не жалѣлъ денегъ выигранныхъ у Ноэльскаго. Дѣло пошло въ ходъ.

Разумѣется Вяльцевъ и не подозрѣвалъ тутъ участія Луринъ, но лишиться фабрики для старика было такъ важно, что онъ жертвовалъ послѣднимъ чтобы выиграть тяжбу.

Между тѣмъ фабрику по просьбѣ Ноэльскаго взяли въ опеку, и тѣмъ почти лишили старика куска хлѣба, потому что доходъ съ ниваи не уплачивалъ казенныхъ и частныхъ процентовъ.

Въ одно утро приносятъ старику извѣстie что фабрика принадлежитъ Ноэльскому, съ уплатою ему Ноэльскимъ пятьдесятъ тысячъ рублей. А старикъ постройка фабрики стоила сто тысячъ, не считая процентовъ, которые онъ платилъ за эти деньги.

Это извѣстie поразило старика. Теперь его Олнька нищая.

Тутъ Луринъ поднялъ свой голосъ.

Онъ сталъ говорить Вяльцеву о своей любви къ его дочери, о своей преданности и сыновнемъ уваженіи къ нему; о бѣдственномъ положеніи Олньки въ случаѣ смерти старика и наконецъ о томъ, какъ онъ устроитъ Олньку, которую любить больше жизни; какъ успокоитъ старика, который будетъ его отцемъ; онъ говорилъ также о своемъ уваженіи къ святости печали Олньки, уваженіи къ любви ея.

Луринъ былъ увлекателемъ, потому что говорилъ отъ души.

Слезы лились изъ глазъ Вяльцева, когда Луринъ описывалъ ему, что будетъ съ Олнькой послѣ его смерти; когда онъ вспоминалъ, что оставляетъ дочь свою безъ пріюта.

— Иванъ Ильичъ! отвѣчалъ старикъ, Богъ вамъ свидѣтель, что это единственное мое желаніе, по Олнька?...

Луринъ сталъ убѣждать его сохранить всю свою твердость, употребить отцовскую власть, прибавляя, что онъ самъ бы не захотѣлъ быть причиною несчастія Олньки, что онъ слишкомъ любитъ ее для этого, и что ежели бы Николай Петровичъ былъ живъ, то онъ самъ бы споспѣшествовалъ ихъ соединенію, но что теперь онъ льститъ себя надеждою, если не замѣнитъ его, то во-крайней-мѣрѣ доставитъ Олнькѣ спокойствіе.

— Да, Иванъ Ильичъ! я буду тверда; что Богъ дастъ, позовите сюда Олньку.

Луринъ пошелъ за Олнькой. Походка его была не тверда, колѣна дрожали.

— Ольга Александровна! васъ проситъ батюшка, сказалъ онъ ей.

Въ голосѣ его было много чувства, много сомнѣнія.

Олинька пошла къ отцу.

Луринъ находился между да и нѣтъ.

— Олинька! началъ старикъ, когда она вошла къ нему: мы теперь нищіе. Вотъ рѣшеніе суда, которое отнимаетъ у насъ послѣдній кусокъ хлѣба, потому что долги далеко превышаютъ наше имѣніе и векселя уже давно протестованы. Иванъ Ильичъ насилу выпросилъ намъ отсрочку, но и та скоро пройдетъ. Что ты на это скажешь?

— Воля Божія, батюшка, неужели Богъ насъ оставитъ.... что жъ дѣлать!

— Богъ неожиданно посылаетъ намъ счастье, Олинька, не должно же пренебрегать этимъ счастьемъ....

— Папенька! я всегда готова исполнять вашу волю.

— Другъ мой, Олинька! счастливъ я былъ, когда твоя воля согласовалась съ моею. Но, видно, такъ было не угодно Богу, сказалъ онъ со вздохомъ: того, что есть, перемѣнить нельзя; надобно же быть разсудительной....

— Я васъ не понимаю, папенька, или я васъ боюсь понять!... отвѣчала Олинька со слезами.

— Иванъ Ильичъ вторично проситъ твоей руки....

— Батюшка, отдайте меня въ монастырь, куда хотите, только не ему....

— Другъ мой! что ты имѣешь противъ него! Его любовь къ тебѣ слишкомъ видна, и нельзя полагать что ты будешь за нимъ несчастлива. Всѣ его старанія, вся его жизнь, и теперь посвящены рѣшительно тебѣ. Не для меня же старика онъ живетъ здѣсь. Отъ богатъ, хорошъ собой, имѣетъ связи.... любить тебя, и какъ любить!...

— Я не знаю, папенька, сердце мое не лежитъ къ нему....

— Олинька! я, другъ мой, не стану принуждать тебя противъ воли, и если бы былъ живъ тотъ, котораго выбрало твое сердце, то.... ты знаешь любовь мою къ тебѣ, я бы не пожелалъ тебѣ несчастія....

Олинька въ это время стояла передъ отцомъ какъ приговоренная къ смерти. Грустно смотрѣла она на старика, какъ будто въ его словахъ былъ ея приговоръ.

Старикъ продолжалъ:

— А когда меня не будетъ, куда ты пойдешь, безъ состоянія, безъ близкихъ родныхъ, съ твоимъ здоровьемъ? Ты будешь чужая всѣмъ. Слезы льются изъ глазъ при одной этой мысли.

И старикъ заплакалъ.

— Я пойду въ монастырь, папенька!

— И въ монастырѣ нужны деньги. Куда же мнѣ дѣваться на старости лѣтъ? Правда, кредиторы позаботятся, Олимпика! ты ничего не скажешь, когда отца твоего потащатъ въ тюрьму....

Олимпика поблѣдѣла....

— Батюшка, сказала она, для вашего спокойствія я согласна, мнѣ всё-равно, мнѣ не долго жить.

Старикъ крѣпко обнялъ дочь свою.

Въ тотъ же день, вечеромъ, Луринъ пріѣхалъ къ Ноэльскому.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій Луринъ сказалъ ему: вы должны заплатить Вальцеву пятьдесятъ тысячъ за фабрику построенную на вашей землѣ. Фабрика стоитъ тысячъ полтора; вы мнѣ должны ровно сто тысячъ, считая тѣ деньги которые брали у меня во время процесса. Напишите купчую на имя старика, я изорву вашу закладную.

Какое великодушіе! вскричалъ радостно Ноэльскій: Иванъ Ильичъ, я согласенъ, я могу только васъ благодарить. Старикъ Вальцевъ вѣрно былъ очень огорченъ потерей своей фабрики.

— Да, онъ былъ въ отчаяніи, но я надѣюсь вознаградить его.

— Вы! спросилъ удивленный Ноэльскій.

— Да! я жениусь на его дочери.

Черезъ недѣлю купчая была готова.

Луринъ привезъ ее къ старику вмѣстѣ съ пятидесятью тысячами будто бы полученными мнѣ отъ Ноэльскаго.

Онъ подалъ купчую и деньги Олимпикѣ, сказавъ:

— Позвольте мнѣ сдѣлать вамъ первый свадебный подарокъ.

Старикъ прослезился отъ радости.

Это и былъ только одинъ случай, гдѣ Луринъ, нѣкоторымъ образомъ, напомнилъ что онъ женихъ.

Обыкновенно онъ молчалъ. Издали любовался Олимпикой, никогда не говорилъ ей о любви, никогда не бралъ ея руки. Безмолвная почтительность, полное уваженіе къ ея горести, были самымъ сильнымъ доказательствомъ его привязанности. Онъ понималъ, что его нѣжность была бы слишкомъ дурно принята, чтобъ на нее отважиться. Его подкрѣпляла мысль:

«Скоро она будетъ моею!»

И удвоенная осторожность, полное вниманіе, тысяча мелочей,

которые исполнялись, какъ бы волшебствомъ, по желанію Оливьки, доказывали ей всю его любовь, всю его преданность.

Оливька цѣнила это вниманіе Луриня, она дорожила имъ и старалась принудить себя всѣми мѣрами, быть пріятливой съ своимъ новымъ женихомъ, но не могла побѣдить себя. Какая-то невѣдомая сила отталкивала ее отъ Луриня.

Однажды Оливька, покорная своей судьбѣ, хотѣла заставить себя оказать Лурину одну изъ тѣхъ ласкъ, которыми обыкновенно обязываетъ жениха невѣста и которыми она такъ умѣла осыпая своего Николая. Но только что она подошла къ Лурину, какъ вспомнила о капитанѣ, залилась слезами и ушла въ свою комнату.

Луринъ вырвалъ клочекъ волосъ съ досады, потомъ сказалъ про себя:

«Можетъ быть, когда-нибудь....»

Когда съ Оливькой былъ припадокъ, когда она задумывалась какъ-бы вспоминая что-то, Луринъ едва смѣлъ дышать. Глаза его, устремленные на дѣвушку, горѣли страстію; онъ какъ-будто хотѣлъ ими влить въ ея душу любовь къ себѣ.

Чѣмъ ближе подходило время къ свадьбѣ, тѣмъ чаще съ Оливькой случался этотъ припадокъ, тѣмъ болѣе она задумывалась.

Отецъ давалъ обѣщанія съѣздить на богомолье въ Москву; Луринъ думалъ объ извѣстнѣйшихъ докторахъ Европы, которые бы вылечили его Оливьку.

А какъ хороша была Оливька во время этого припадка! Меланхолія, грусть, царствующія на миловидномъ личикѣ, безмолвная горестъ воспоминанія, все такъ и шевелило сердце, такъ и шевелило душу....

Шли приданое. Няня хлопотала около дѣвушекъ; старикъ самъ заботился о приданомъ. Луринъ осыпалъ Оливьку подарками.

Оливька пріобрѣла подвѣчное платье.

— Позвольте мнѣ пожелать вамъ, Ольга Александровна, чтобъ это платье принесло вамъ счастье, сказалъ Луринъ.

— Мое счастье тамъ отвѣчала она, указывая на небо: протите меня, Иванъ Ильичъ, я не стою вашихъ попеченій; ваша привязанность, ваша любовь ко мнѣ стоятъ лучшей награды нежели разбитое сердце дѣвушки.... Но что жъ дѣлать, любятъ только одинъ разъ.

Слезы лились изъ глазъ ея при этихъ словахъ, потомъ она прибавила:

— Я бы обещала вамъ быть хорошей женой, но это не отъ меня зависитъ. По крайней-мѣрѣ я буду послушна вамъ: вотъ всё, что вы можете отъ меня требовать.

— Ольга Александровна, отвѣчалъ Луринъ, жизнь моя давно принадлежитъ вамъ. Исполнять ваши желанія, быть работъ вашихъ прихотей: вотъ цѣль моей жизни. Я посвящу ее вамъ, и можете-быть, вы когда-нибудь оцѣните мою преданность.

— Я давно цѣню ее, Иванъ Ильичъ, отвѣчала Олинъка, но что жъ дѣлать, если я не могу отвѣчать ей. Сердцу нельзя приказать. Я, можете быть, любила бы васъ также страстно, если бы не знала Николая: теперь же моя любовь на небѣ. Что же я принесу вамъ въ возвратъ вашей любви и попеченій? Одну горестъ, одну слезы.... Не обманывайтесь, Иванъ Ильичъ: моя наружная красота, если она есть, пропадетъ отъ вѣчныхъ слезъ. И что тогда будетъ, когда я лишусь любви вашей?

— Ольга Александровна! Олинъка! сказалъ ей Луринъ, первый разъ называя по имени. Ты мнѣ дороже жизни, дороже моего счастья, и ты говоришь, что я могу разлюбить тебя. Если бы это сердце, — и Луринъ увлекъ ея руку къ своей груди, — которое только и живетъ любовью къ тебѣ, могло разлюбить, то.... Но къ чему объ этомъ говорить! Олинъка, нѣтъ жертвы, которой бы я не принесъ за любовь твою; моя жизнь, самая малая какую я могу тебѣ предложить.... а ты говоришь, что я могу разлюбить тебя!... Ты говоришь, что я буду несчастливъ отъ твоей любви!...

И Луринъ закрылъ глаза рукою. Въ его воспоминаніи пробѣжала горестная кончина капитана. Онъ задумался....

— Нѣтъ Олинъка, продолжалъ онъ, чтобы вырвать мою любовь къ тебѣ, надо разрѣзать грудь мою и вынуть мое сердце. Когда оно перестанетъ биться, тогда перестанетъ любить. Да и тогда не перестанетъ!... И бы все отдалъ за твое счастье, Олинъка....

Онъ это говорилъ отъ души.

— Если такъ, сказала Олинъка, бросивъ взглядъ полный ласки, вы исполните мою просьбу; но я не знаю, что то говорить мнѣ, что вы не согласитесь.

— Всѣ! жизнь мою, другъ мой, моя Олинъка, отвѣчалъ Луринъ старовашный ея лаской; потомъ опомнившись, прибавилъ: за любовь твою.

— Для вашего же счастья я вамъ говорю это, умоляю васъ, Иванъ Ильичъ, откажитесь отъ меня.

Луринъ отпринулъ отъ этихъ словъ.

— Отказаться! подумалъ онъ, тогда какъ я почти достигъ своей цѣли, отказаться! Никогда!

— Ольга Александровна! сказалъ холодно Луринъ. Я вамъ предлагаю жизнь свою, но вы требуете болѣе жизни....

Оливка посмотрѣла на него; она видѣла въ его глазахъ рѣшимость, которую невозможно преодолѣть.

— Я бы не сказала вамъ этого, Иванъ Ильичъ, еслибъ вы сами не вызвали на признаніе, не утѣрили меня, что вамъ мое счастье всего дороже. Я знаю, чѣмъ мы вамъ обязаны. Если же вы сколько нибудь дорожите моимъ спокойствіемъ, то я умоляю васъ, откажитесь. По смерти батюшки вы возьмете имѣніе, которое вознаградитъ васъ за издержки и пожертвованія; а меня помѣстите въ какой-нибудь монастырь, гдѣ я буду молиться за васъ, какъ за моего избавителя.

— Къ чему же еще обижать меня, Ольга Александровна? Мнѣ не нужны деньги. Велите, и я буду въ пять разъ, въ десять разъ, богаче чѣмъ теперь. Мнѣ нужны вы! Вы одиѣ составите мое счастье; откажусь ли я отъ своего счастья?

И Луринъ выразительно смотрѣлъ на Оливку.

— Вы можете сказать вашему батюшкѣ, что не хотите быть моей женой, что я не правлюсь вамъ. Что за бѣда, если ваше слово ускоритъ его кончину, если кредиторы посадятъ его въ тюрьму! Вы скажете ему, и вы свободны.

— Я жертва, отвѣчала уныло Оливка. Я исполню волю батюшки, хотя эта свадьба будетъ для меня гробомъ.... Но я обращаюсь къ вашему благородству, Иванъ Ильичъ. Хотите ли вы взять за себя дѣвушку, которая васъ не любитъ.... болѣе.... которая не можетъ васъ любить.

Память говорила Лурину: ни какихъ средствъ чтобъ противъ воли Оливки.... Но онъ взглянулъ на нее. Этотъ взглядъ былъ для него повымъ очарованіемъ. Онъ невольно сказалъ себѣ опять: — Никогда!...

— Ольга Александровна! изъ любви къ вамъ, уважая слово данное вашему батюшкѣ, больному, слабому старнику, и слишкомъ много любя васъ, чтобы оставить на произволъ судьбы въ случаѣ несчастія, я никогда не откажусь отъ васъ.

Оливка посмотрѣла на него грустно, очень грустно, вздохнула такъ глубоко, какъ будто бы хотѣла чтобъ съ этимъ вздохомъ улетѣла жизнь ея, сказала:

— Я жертва, берите же меня как жертву, принесенную любви моей къ родителю. Вотъ вашъ рука моя. Луринъ схватилъ руку и страстно цѣловалъ ее. Внутренній голосъ говорилъ ему: неужели это значить ни тонкости, ни ума, ни вліянія. Но Луринъ давно умѣлъ не слушаться своей совѣсти. Онъ цѣловалъ руку Оленьки.

— Позвольте! вдругъ сказала она, вырвала у него руку и приложила ее къ головкѣ.

Брови ея нахмурились, головка склонилась на сторону; Оленька задумалась, задумалась.... Это былъ обыкновенный ея припадокъ.

Луринъ страстно смотрѣлъ на нее.

Отказаться отъ нея? «Никогда ни за что!» сказалъ онъ самъ себѣ, хотя бы это стоило еще двадцати жизней».

— Никакъ не могу вспомнить! съ обыкновеннымъ выраженіемъ грусти сказала Оленька. Эти слова показывали что припадокъ кончился. Няня! няня! дай мнѣ скинуть это платье....

Она ушла. Луринъ остался одинъ съ своей думой. Онъ помнилъ слово данное капитану.

— Ни принужденіемъ отца, ни какими посторонними обстоятельствами, однимъ словомъ ни какими средствами Луринъ не будетъ стараться, приобрести на Оленьку нравственное или физическое вліяніе, чтобы она противъ воли своей могла принадлежать ему.

Луринъ помнилъ это, но какъ человѣкъ, который ни во что не ставилъ средства, лишь бы они вели къ предполагаемой цѣли, онъ до-сихъ-поръ не слѣшкомъ заботился о словѣ, данномъ покойнику. Теперь совѣсть говорила ему: развѣ это значить не употреблять ни какихъ средствъ? Луринъ разорилъ старика, для того чтобы заставить его принудить дочь. И самой дочери, которая думала пойти въ немъ сожалѣніе къ себѣ, онъ сказалъ: «ни за что.»

Разсудокъ не опровергалъ представленій совѣсти. Но воображеніе рисовало ему Оленьку, нѣжную, грустную, прекрасную. Оно распалало въ немъ чувственность, рисуя роскошныя формы невинности, одѣвая ихъ туманомъ, сквозь который воображеніе проникало. Оно трогало его душевную привязанность, его духовную любовь, рисуя ему душу Оленьки, душу неземную, безгрішную.

Эти представленія пламеннаго воображенія Лурина разливали

по его существу привязанность къ Олинкѣ, любовь къ ней, страсть... А воля, неукротимая, твордая, сказала: въ этой страсти жизнь твоя, и Луринъ еще разъ сказавъ: «Ни когда и ни за что!» поѣхалъ домой.

IV.

День свадьбы; вечеръ. Самые близкіе родственники Вальцева, два шафера, собрались въ гостиной, куда привесли и старика отца. Невѣста одѣвалась.

Пріѣхалъ Луринъ. Лице его сіяло радостію, глаза горѣли удовольствіемъ удачи. Страсть, могучая, сильная, волновала его кровь; она сегодня удовлетворится. Воля шептала ему, ты достигъ своего, твое самолюбіе удовлетворено.

Луринъ былъ веселъ; черты лица его, всегда нѣсколько угрюмыя, теперь разгладились; движенія, только легкія, свободныя, теперь становились живыми.

Онъ былъ хорошъ. Глаза его сіяли тѣмъ блескомъ, который пораждастъ удовольствіе, близость удовлетвореннаго желанія. Улыбка побѣды сжимала его уста.

Я воображаю себѣ такимъ, каковъ былъ тогда Луринъ, демона, въ ту минуту, когда онъ соблазнилъ новую душу, когда къ нему слетѣлъ тоскующій Абадовна.

Выраженіе радости, довольство одержанной побѣды, огонь глазъ, все это приводило Луринъ къ моему сравненію.

Луринъ подошелъ къ старику.

Старикъ обнялъ его какъ будущаго сына, благословилъ, умолялъ любить его Олинку.

Дверь отворилась, она вошла.

Олинка шла опираясь на двухъ женщинъ, которыя почти несли ее. Сзади шла няня, творя молитву за свою добрую барышню.

Слезника висѣла на рѣсницахъ Олинки, а уста ея красовались улыбкой. Но это была улыбка безъ радости, какъ улыбка неслѣннаго мученика послѣ его смерти.

Грустная, задумчивая, тихо шла она какъ Ингенія, приносящая въ жертву отцомъ своимъ....

Луринъ смотрѣлъ на нее. Онъ любовался ея неземной красотой. Олинка являлась ему какъ обворожительное видѣніе, какъ проявленіе его идеала въ матеріальныхъ формахъ.

И этотъ идеалъ, это совершенство, эта небесная красота, будетъ принадлежать ему, будетъ его, и для него....

Олинька подошла къ огню, стала передъ нимъ на колѣни, положила свою голову на его грудь, заплакала, поцѣловала старика, потомъ встала готовясь принять отъ него благословеніе. Старикъ подали образъ; Олинька перекрестилась.

Вдругъ брови ея нахмурились, она сказала: «Позвольте», приложила къ головкѣ свои руки, задумалась и осталась въ положеніи задумчивости.

Старикъ взглянулъ на Лурина съ тѣмъ выраженіемъ отчаянія, котораго нельзя передать.

Луринъ поблѣднѣлъ.

Принадокъ въ такую минуту, когда хотѣлъ благословить Олиньку отецъ на жизнь съ нимъ, смутилъ и холодную невѣрующую душу Лурина.

Луринъ смотрѣлъ на Олиньку. Онъ искалъ въ ея взорахъ хоть искры памяти, но глаза ея были тусклы, и роковыхъ словъ: «Не могу вспомнить», не было.

Блѣдность Лурина увеличивалась по мѣрѣ продолжительности припадка.

Какая картина! какая картина!... Прекрасная какъ идеалъ дѣвушка, въ бѣломъ богатомъ платьѣ, съ миртами на головѣ, со всѣми атрибутами любви и радости, стоитъ въ забытьи передъ старикомъ отцомъ, готовящимся, дрожащими руками, благословить дочь свою.

Старикъ плачетъ, произнося невнятно слова иѣжности къ своей дочери. Онъ бы хотѣлъ этими словами разбудить ее отъ нравственнаго усыпленія.

Но дѣвушка не слышитъ ихъ....

Женихъ, влюбленный, страстный, объятъ невольнымъ страхомъ, какъ бы случилось что-то необыкновенное. Его пугаетъ продолжительность припадка, и онъ глазами, въ которыхъ сверкаетъ еще гордость воли, какъ бы требуетъ его окончанія.

Въ сторонѣ гости, удивленные, обезумленные печальностію. Старуха тетка, посаженная мать Олиньки, и дворня одѣтая въ праздничное платье, накопецъ вяня, у которой рука осталась поднятою для крестнаго знаменія....

Олинька стояла не внимая ничему, не смотря ни на кого. Вся она была погружена въ свою задумчивость.

Глаза ея начали сверкать какъ-то дивнымъ блескомъ, чего никогда не было; они принимали болѣе и болѣе опредѣлительное выраженіе. Морщины на лбу ея расправлялись, станъ выпрямлял-

ся... И она вдругъ, съ изступленіемъ радости, закричала: вспомнила! вспомнила!.... и бросилась въ свою комнату.

Всѣ изумились неожиданному окончанію припадка. Луринъ, по взгляду отца, побѣжалъ за ней, побѣжалъ къ дверямъ ея комнаты, онѣ были заперты. Напрасно стучался онъ, ему не отвѣчали.

Оливька прибѣжала въ свою комнату, заперла ее на ключъ, бросилась къ образу, и вынула изъ кивота волосы капитана и лоскутки его письма къ ней, которые она взяла у него со стола.

Все это происходило какъ-будто дѣйствіемъ внутренней силы, заставившей ее вспомнить о волосахъ, за минуту до начатія обряда. Она стала цѣловать волосы капитана, какъ бы вызывая память его. Потомъ вдругъ сказала сама себѣ: Я вѣнчаюсь, а не прочитала его письма, не знаю его послѣдней воли, можетъ-быть въ его письмѣ судьба моя.

И Оливька, съ удивительнымъ терпѣніемъ, начала подбирать лоскутокъ къ лоскутку.

Въ этой работѣ, томительной, медленной, она превзошла сама себя. Руки ея дрожали какъ бы отъ испуга, глаза блуждали, терпя болѣе и болѣе выраженіе: горячка снова возвращалась къ ней. Но она работала.

Луринъ въ то время стучался въ двери. Она не слыхала.

Письмо было изорвано на мелкія части; Оливька скоро составила его и прочла....

Представьте себѣ, если можете, что сдѣлалось съ Оливькой. Тамъ было разсказано подробно, какъ Луринъ выигралъ у капитана жизнь его.

Представьте себѣ весь ужасъ Оливьки, и пожалѣйте о дѣвушкѣ...

Луринъ, не достучавшись, велѣлъ выломать дверь.

Онъ увидѣлъ Оливьку на колѣняхъ, судорожно сжимающую въ рукахъ своихъ волосы Николая.

Письмо лежало передъ ней на столѣ. Луринъ подошелъ къ ней.

Я бы выразился не правильно, если бы сказалъ что Оливька плакала: такъ не плачуть.

Слезы падали крупными каплями на ея руки, а глаза были сухи. Или потомъ вдругъ слезы лились, какъ ручей неизякаемый въ своемъ источникѣ.

Не предполагая ничего кромѣ сильнаго припадка истерики, такъ возможнаго въ невѣстѣ не давно лишившейся своего любезнаго, Луринъ взялъ ея руку и сказалъ: — Оливька! другъ мой, къ чему это, въ этотъ часъ?

Оленька ведрогнула какъ ужаленная скорпиономъ. Она вырвала у него свою руку.

— Оставьте меня, сказала она, я не ваша, я не могу принадлежать вамъ....

— Полно Оленька, я поведу тебя, и онъ хотѣлъ взять ея руку.

Она отскочила отъ него. Не оскверняйте меня вашимъ прикосновеніемъ! Зачѣмъ вамъ моя рука?... Правда! вы на нее ниете право, вы ее выиграли....

И обезпленная, Оленька упала въ кресло, закрыла лице руками, зарыдала, горько, горько....

Луринъ стоялъ какъ вкопанный, онъ не понималъ послѣднихъ выраженій Оленьки. Вдругъ онъ бросилъ взглядъ на письмо, тогда ему все стало ясно.

Нельзя разсказать, что чувствовалъ Луринъ, когда понял, что всего лишился.

Онъ зналъ, что передъ этимъ письмомъ ничтожно все, что дѣлалъ онъ для Оленьки и что могъ еще сдѣлать.

Лишиться всего въ ту минуту, какъ думалъ все получить, ужасно, невыносимо!....

Лишніе еще болѣе распалию страсть Лурина. И чѣмъ не возможное казалось ему теперь хоть обмануть Оленьку, тѣмъ болѣе онъ цѣнилъ ее, тѣмъ болѣе чувствовалъ, чего лишился.

Представьте себѣ умирающаго отъ жажды. Ему подають стаканъ прохладительнаго напитка и говорятъ роковое: «послѣдній»; умирающій беретъ его дрожащею рукою, но рука истомленная страданіями не выдержала, и этотъ стаканъ, его послѣдняя надежда, разбился о камень пустыни. Представьте себѣ положеніе этого умирающаго....

Точно такъ и Луринъ. Онъ достигъ цѣли своихъ желаній: сегодня, этотъ же вечеръ, Оленька должна быть его. Вся красота ея должна принадлежать ему, и вдругъ!....

Луринъ невольно упалъ на колѣна передъ обезпамятѣвшей Оленькой, сталъ клясться ей въ любви своей; говорить, что ни что такъ не доказываетъ его любви какъ этотъ поступокъ, который можетъ оправдать только одна любовь къ ней. Онъ молил ее приказатъ ему всё, что она захочетъ; только не лишать его надежды.... Молилъ, умолялъ, напрасно.

Оленька не слыхала его. Она только сказала почти въ безпамятствѣ: «Убійца моего Николая, оставь меня». И съ ней сдѣлались конвульсіи, бредъ, первый признакъ разстроеннаго вооб-

раженія. Болѣзнь къ ней возвратилась съ новой силой, съ новыми ужасными припадками.

Сначала она погрузилась въ совершенную летаргію.

Луринъ всталъ; нмѣ овладѣло полное отчаяніе. Онъ схватилъ Олинку къ себѣ на руки, будто собираясь унести ее. Въ это время прибѣжали гости, принесли старика отца; это заставило Лурина опомниться и онъ положилъ Олинку на кровать, потомъ незамѣтно взялъ письмо со стола, сжегъ его и опять былъ холоденъ, опять былъ безстрастенъ. « Подождемъ » сказалъ онъ самъ себѣ.

И снова вся надежда его соединилась на выздоровленіи больной.

Олинка была въ безпамятствѣ. Когда безпамятство прошло, наступила болѣзнь, при воспоминаніи о которой нельзя не содрогнуться. Судороги, спазмы, тяжелое дыханіе, все вмѣстѣ мучило бѣдную. Къ вечеру сдѣлались припадки еще хуже. Она кусала себѣ руки, ломала пальцы, билась головой о спинку кровати; женщины напрасно старались удержать ее.

И во время этой ужасной, неизобразимой агоніи, она призвала къ себѣ своего Николая.

Иногда разстроенное воображеніе рисовало ей картину игры. Николай играетъ, проигрываетъ больше, больше, карты падаютъ въ ея воображеніи. Николай проигралъ жизнь свою и Луринъ убиваетъ капитана.

Иногда Олинка въ бреду своемъ объ Николаѣ, принимала за него Лурина, ласкала его, говорила ему, что хочетъ умереть на груди его, что любить его, и всегда спрашивала: вѣдь это не правда, другъ мой, что ты жизнь свою проигралъ Лурину, что Луринъ убилъ тебя?

Въ груди Лурина былъ цѣлый адъ.

Въ продолженіи всей болѣзни Олинки, онъ не отходилъ отъ нея ни на шагъ; почти не ѣлъ, не пилъ; вся жизнь его сосредоточилась въ жизни Олинки. Онъ думалъ что присутствіемъ своимъ, своимъ взглядомъ, онъ удержитъ жизнь, ему драгоценную.

И въ этомъ взглядѣ Лурина, было отчаяніе, была страсть,—кидучая, сильная, какъ текущая лава, какъ ураганъ; подобно нмѣ, она могла разрушить все, къ чему бы ни прикоснулась.

Чего желать? чего надѣяться Лурину? Если Олинка выздоровѣетъ, проститъ ли она убійцу своего возлюбленнаго?... А если умереть?...

И Луринъ боролся съ этими идеями, которыя сушили его

ночь. Страсть приковывала его къ постелѣ больной; воля покорилась могуществу страсти.

— Отказаться отъ Оливьки, подумалъ Луринъ въ первомъ порывѣ своего отчаянія, когда онъ только что сжегъ письмо капитана.

И онъ взглянулъ на нее.

Оливька въ бреду безпамятства, въ истомленіи болѣзней, съ взорванными мѣтками въ волосахъ, все была прекрасна. И Луринъ опять повторилъ:

— Никогда! пусть лучше умереть! Но между тѣмъ, едва ли можно было болѣе заботиться о сохраненіи жизни Оливьки. Въ жизни Оливьки ему могла еще быть надежда, а въ смерти никакой!

Не достасть ни силъ ни словъ рассказать болѣзнь Оливьки, ея бредъ, ея припадки, такъ они были мучительны, ужасны. Напрасно лучшіе доктора, которыхъ называлъ Луринъ со всѣхъ концовъ Россіи, употребляли все свое искусство. Здѣсь искусство было бесполезно. Напрасно Луринъ сулилъ груды золота: золотомъ нельзя дать жизни.

Оливька кончалась.

Ноги ея были уже холодны, дыханіе замерло, головка опустилась; она какъ бы засыпала. Жизнь у нея сосредоточилась только на сердцѣ, гдѣ лежали волосы Николая.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ старикъ. Вошелъ одинъ, безъ всякаго пособія, опираясь на чубукъ свой, тогда какъ, съ сагааго удара, онъ не пользовался ногами.

Онъ подошелъ къ дочери, благословилъ ее, поцѣловалъ, и упалъ на колѣни передъ образомъ.

Всѣ съ невольнымъ изумленіемъ смотрѣли на старика. Черезъ минуту онъ вскрикнулъ. Бросился къ нему, руки его были холодны: онъ умеръ! На колѣняхъ передъ образомъ, молясь за дочь свою.... Отрывистыя слова судорожно вылетаютъ еще изъ устъ Оливьки, но и они замираютъ съ хрипѣніемъ, которое становится тише и тише....

Присутствующіе молятся.

Докторъ внимательно смотритъ на больную; онъ какъ будто надеется, или по-крайней-мѣрѣ показываетъ, что надеется.

Луринъ стоитъ безмолвный, мрачный, онъ уже потерялъ всякую надежду.

Еще нѣсколько неясныхъ, хриплыхъ звуковъ Олиньки, и губки ея сжались.

— Она умерла! проговорили присутствующіе.

Няня завывала, докторъ приложилъ зеркало къ губамъ больной, — она еще дышала.

Луринъ дрожалъ. Онъ былъ внѣ себя, внѣ своихъ ощущеній всѣ его чувства были прикованы къ умирающей...

Она еще дышала.

— Нѣтъ мнѣ этого не вынести! вдругъ вскрикнулъ Луринъ и бросился вонъ изъ комнаты.

— Я не въ силахъ остановить смерти, пускай же умираетъ она безъ меня, пускай и я умру вмѣстѣ съ нею....

Луринъ поѣхалъ домой.

—

Опять тотъ же кабинетъ Луринна, въ которомъ капитанъ проигралъ ему свои надежды, свое счастье, все, даже жизнь свою.

Та же лампа и погасающій каминъ тускло освѣщаютъ комнату.

Луринъ одинъ. Отчаяніе нѣмое, глубокое, начертано на его лицѣ, угрюмомъ какъ мрачная ночь. Онъ заряжаетъ пистолетъ, вбиваетъ туда пулю, — эта пуля для него....

Онъ не считаетъ часовъ, не смотритъ на стрѣлку, не наблюдаетъ времени, не жалуется на его скорость.

Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; Луринъ по-крайней мѣрѣ умретъ вмѣстѣ съ Олинькой.

— А что если она не умретъ!» подумалъ онъ.

— Всѣ-равно! Для меня она уже умерла..... но я хочу, чтобы она знала какъ я любилъ ее.

И Луринъ сталъ писать къ Олинькѣ.

Полный чувства грусти, отчаянія, съ заряженнымъ пистолетомъ на столѣ, Луринъ писалъ искренно.

Онъ писалъ, что все кончено между ними; что любовь его, въ которой Луринъ видѣлъ счастье своей жизни, его любовь отвергнута Олинькой и самимъ небомъ. Теперь онъ съ чувствомъ истиннаго раскаянія признаетъ себя преступникомъ передъ Богомъ, передъ людьми и передъ Олинькой. Единственнымъ утѣшеніемъ Лурину будетъ увѣренность, что она будетъ знать, что Луринна двинула на преступленіе глубокая, безпрѣдѣльная лю-

бовъ къ ней. Потомъ Луринъ писалъ о силѣ своей страсти, — могуществѣ увлеченія и всеобъемлемости своего чувства.

Онъ описывалъ адъ, который носилъ въ груди своей, когда ласкалъ своего соперника, описывалъ свои чувства, свою жгучую любовь и свою молитву у постели больной.... Теперь все кончено. За всю любовь свою Луринъ просилъ, чтобы только не проклинали его памяти.

Потомъ Луринъ написалъ къ Нозльскому и, посылая ему деньги, просилъ войти въ положеніе Олиньки, разсчитаться съ докторами и если Олинька умретъ, то похоронить ее.

— И такъ кончено, остается одно — умереть, чтобы не жить безъ той, которую люблю болѣе жизни. — Скорѣй! скорѣй! можетъ быть умремъ вмѣстѣ.

Луринъ сталъ прибывать пыжъ.

Пистолетъ заряженъ, приставленъ къ груди, одножатіе руки — и все кончено....

Вдругъ улыбка презрительная, холодная, сверкнула на губахъ Лурина.

Онъ положилъ пистолетъ на столъ и засмѣялся. Смѣхъ его перешелъ въ дикій хохотъ, потомъ мгновенно замолкъ, и опять улыбка презрѣнія къ самому себѣ искривила его губы.

— Чтѣ это? Я съ ума сошелъ! сказалъ онъ себѣ: стрѣляюсь изъ-за того, что умираетъ дѣвушка.... Капитанъ сказалъ правду, что стрѣляется только малодушный, а я?.... Или я хочу записаться въ число ребятъ, боящихся розогъ. Я долженъ умѣть перенести все, что бы ни случилось со мной.

Эти послѣднія слова произнесъ онъ мрачно, потомъ вдругъ прибавилъ:

— Нѣтъ, я могу еще наслаждаться, я хочу, я долженъ жить!....

И онъ сильно дернулъ колокольчикъ. Вошелъ человекъ.

— Ведро воды и верховую лошадь! сказалъ ему Луринъ.

Приказаніе было исполнено.

— Лей на меня воду! сказалъ Луринъ.

Вода полилась по дорогимъ коврамъ, зато освѣжила Лурина. Но чтобъ еще болѣе успокоить свое волненіе, Луринъ въ мокромъ платьѣ сѣлъ на верховую лошадь и она понесла его по свѣжымъ равнинамъ.

Читатель не позабылъ, что тогда была зима....

Когда Луринъ, прозябшій до костей, пріѣхалъ домой и, завер-

нужнись въ теплый халатъ, усѣлся передъ каминномъ пить чай, онъ сказалъ себѣ:

— Вотъ такъ-то лучше, а я съумасшедшій стрѣляться....

..... Другой не найдешь!.... Нѣтъ, не найдешь! сказалъ онъ какъ-бы въ отвѣтъ себѣ, сказалъ печально, грустно.... Не найдешь, повторилъ онъ, и слеза повисла на его рѣсницѣ....

Луринъ скрылъ эту слезу: онъ удивился ей, какъ неожиданной, небывалой гостьѣ.

— Поѣду къ вице-губернатору, у него сегодня большая игра, надобно разбѣять себя чѣмъ-нибудь, сказалъ Луринъ, стыдясь своей горести, стыдясь слезы, упавшей у него въ память его любви къ Олимпкѣ.

— Карету! сказалъ онъ человѣку пришедшему на его звонокъ.

И черезъ часъ Луринъ былъ у вице-губернатора, металл, игра была огромная, и онъ привезъ съ собой кучу золота....

— Вотъ такъ-то лучше, сказалъ Луринъ ложась въ постель: завтра въ Петербургъ.

И точно, сильные ощущенія игры изгладилъ у него на время изъ памяти образъ Олимпки, во....

Луринъ со свѣтомъ, во весьдухъ летѣлъ на почтовыхъ въ Петербургъ.

V.

Увлечшись разсказомъ о любви Лурина, мы совсѣмъ забыли объ Анатоліи, который уѣхалъ съ бала Нозьскаго, въ полной надеждѣ на скорое обогащеніе.

Нозьскій обѣщалъ ему четвертую долю въ своемъ подрядѣ, эта четвертая доля удвоить капиталъ Анатолія, и Анатолій вѣрилъ Нозьскому отъ души: все ручалось за вѣрность его надежды: состояніе Нозьскаго не позволяло предполагать чтобы онъ рѣшился его обманывать; опытность его въ оборотахъ ручалась Анатолію въ нхъ вѣрности и, наконецъ, ласковость Нозьскаго, любезный приѣмъ его и готовность помогать ему всѣми средствами, все удостовѣряло Анатолія, что Нозьскій искренно принималъ въ немъ участіе.

Анатолій воображалъ себя дольщикомъ подряда на людей, удвоившимъ свой капиталъ, потомъ далѣе и далѣе и ему уже представлялся въ отдаленіи миллионъ, и — Евгенія. Онъ заслужъ съ этой мечтой и свидѣнія представляли ему тотъ же рядъ люб-
-тія, который рисовали ему мечты его вечеромъ.

На другой день, только-что онъ проснулся, ему подали карточку, приглашеніе отъ Ивана Ильича Лурина. У Анатолія въ головѣ остался образъ этого человѣка и восклицаніе имъ сдѣланное по окончаніи игры.

Анатолій припомнилъ себѣ, что онъ видѣлъ Ивана Ильича, жоннилъ рассказы о немъ гостей Сергѣя Макаровича.

—Что ему нужно отъ меня? подумалъ Анатолій: но я не долженъ пренебрегать ничѣмъ, поѣду къ нему.

Не должно забывать, что это происходитъ ровно черезъ двадцать лѣтъ послѣ того какъ Луринъ игралъ съ капитаномъ.

Луринъ жилъ въ Большой Морской, въ собственномъ домѣ.

Швейцаръ у входа, роскошная лѣстница, длинная амфилада богатыхъ комнатъ, свѣтлый паркетъ и потомъ мягкіе ковры, достаточно показывали, что Луринъ богатъ.

—Что ему нужно отъ меня, подумалъ опять про себя Анатолій, проходя по великолѣпному ряду залъ и смотря въ безконечное отраженіе зеркалъ.

Офиціантъ подвелъ его къ дежурному камердинеру, камердьеръ пошелъ докладывать барину, Анатолій остался въ приемной.

Не успѣлъ онъ бросить бѣглый взглядъ на комнату, прекрасный миниатюръ помпейской галлерей дворца съ зимнимъ садомъ, какъ альковъ открылся и оттуда вышелъ Черининъ. Онъ едва кивнулъ головой Анатолію.

Анатолій вошелъ въ кабинетъ.

Тамъ сидѣлъ Луринъ.

Узнаете ли вы Лурина, этого блестящаго невѣрующаго, этого обольстителя, въ согбенномъ старикѣ, съ саркастической улыбкой на устахъ; улыбкой полной презрѣнія къ жизни, старика холоднаго, изнуреннаго, усталаго жизнию?

Что за причина этого измѣненія: лѣта ли? жизнь ли, бурная, тревожная, или жгучее воспоминаніе молодости? Двадцать лѣтъ, которые прошли послѣ того какъ мы оставили его, разумѣется, должны были измѣнить его наружный видъ, но въ эти двадцать лѣтъ Луринъ постарѣлъ пятидесятью годами, и онъ, не прикрашенный секретами туалета, казался старикомъ лѣтъ семидесяти, когда ему едва было пятьдесятъ. Жизнь его? но его лизали всѣ завидовали: богатъ, независимъ, уважаемъ, счастливъ.

Какъ! счастливъ? Неужели ни одно воспоминаніе не раздуло

въ немъ искры совѣсти, не волновало его крови представленіемъ его злодѣйства? Неужели не представлялось его воображенію, хоть въ грезахъ сна, тѣнь капитана....

Капитана, блѣднаго но безстрашнаго съ словами: стрѣляться малодушіе, и поставившаго на карту жизнь свою, въ надеждѣ воротить то, что какъ ему казалось, стоило его жизни.

Неужели воспоминаніе не рисовало Луринѣ той минуты, когда этотъ капитанъ, съ пистолетомъ приставленнымъ къ головѣ, безстрашно смотрѣлъ въ глаза самой смерти?

Какъ знать, что думалъ Луринъ уединенный въ самого себя, гдѣ летало его воображеніе въ тѣ минуты, когда, утомленный шумомъ жизни, онъ искалъ успокоенія въ самомъ себѣ. Находилъ ли онъ тогда это успокоеніе?

Не представлялъ ли онъ себя на мѣстѣ тѣхъ, обманутыхъ имъ, состояніемъ которыхъ онъ пользовался?

Можетъ-быть онъ тогда думалъ и о капитанѣ, кровавой жертвѣ его кипучей страсти.

Кто знаетъ, что думалъ Луринъ въ минуты самосозерцанія, но люди называли его счастливымъ, завидовали ему.

И судьба не наказала его даже воспоминаніемъ? Можетъ быть!

Но онъ теперь изнуренный, хилый старикъ и неужели это измѣненіе одного только времени.

Посмотримъ, что дѣлалъ Луринъ передъ приходомъ Анатолія.

Онъ говорилъ съ Чернинымъ, котораго мы видѣли на балѣ Ноэльскаго подъ типомъ московской фізіономіи.

— Что вамъ угодно? спросилъ у Черпина Луринъ, когда тотъ вошелъ.

— Я осмѣлился, Иванъ Ильичъ, имѣть честь представиться къ вамъ и просить вашего покровительства, униженно сказалъ Чернинъ.

— Я васъ не знаю, холодно сказалъ Луринъ.

— Совершенно увѣренъ, Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ Чернинъ низко кланяясь: но я вполне уважая васъ, осмѣливаюсь думать, что вы не откажете въ моей покорнѣйшей просьбѣ. Геніяльный талантъ вашъ, который вы не употребляете, подалъ мнѣ смѣлость.... И Чернинъ сбился въ словахъ.

— Да вы, кажется, смѣтаетесь надо мной, отвѣчалъ Луринъ не скрывая своей досады и презрѣнія.

— Избави Богъ, Иванъ Ильичъ! да я послѣ того не смѣлъ бы

жить на свѣтѣ. Препретаю, мое глубочайшее уваженіе, моя преданность къ вамъ не гибнутъ предѣловъ.... И если бы....

— Да чтò же вамъ отъ меня нужно? сказалъ Луринъ съ нетерпѣніемъ.

— Не умѣю сказать, Иванъ Ильичъ, или лучше не смѣю сказать. Вашъ гнѣвъ приводитъ меня въ отчаяніе и я только прошу васъ, чтобы вы слова мои приняли какъ знакъ истиннаго моего почтенія.

Луринъ разсмѣялся. Ободренный Чернинъ продолжалъ:

— Извольте ли видѣть: я человекъ бѣдный, какъ нѣкогда и вы изволили быть бѣдны. Я это не кому говорю, чтобъ васъ рассердить. Избави Богъ, я бы не простилъ бы себѣ этого; но я говорю это потому, что вы теперь богаты, говорятъ, очень богаты, Иванъ Ильичъ! Дай вамъ Богъ быть еще богаче: вы не повѣрите, сколько я желаю вамъ счастья. И такъ вы теперь богаты, а я бѣденъ, Иванъ Ильичъ.

— Чтò жъ? вы не хотите ли, чтобъ я отдалъ вамъ свое состояніе.

— Избави Богъ, Иванъ Ильичъ, какъ можно, чтобъ съ такой сьумазбродной мыслию я смѣлъ явиться къ вамъ. Вы еще не стары, дай Богъ вамъ прожить до ста лѣтъ, да у васъ же есть законный наследникъ. О вашемъ имѣніи я ни слова не говорилъ; я сказалъ только то, что я бѣденъ, то есть, не со всѣмъ нищій и есть, такъ, тысячь пятьдесятъ, ну, да нынче что за деньги пятьдесятъ тысячь, сами извольте знать; разумѣется, пятьдесятъ тысячь всё же деньги и умный человекъ изъ нихъ скоро сдѣлаетъ больше. Но куда больше нѣтъ, я все бѣдный человекъ и вамъ покорный слуга.

— Да если вы намѣрены говорить только о вашей готовности служить мнѣ, то мнѣ нѣкогда, я жду одного нужнаго мнѣ человека.

— Я не смѣю утруждать васъ, я только прошу васъ, Иванъ Ильичъ, не сердиться на меня за мою просьбу.

— Да въ чемъ же состоитъ ваша просьба? грубо спросилъ его Луринъ.

— Иванъ Ильичъ, не сердитесь, простите великодушно. Моя просьба состоитъ въ томъ.... что грѣшно зарывать свой талантъ въ землю, ей Богу грѣшно....

— О какомъ талантѣ вы говорите, не съ ума ли вы сошли?

— Помилуйте, Иванъ Ильичъ, смѣлъ ли бы я, сойдя съ ума,

представиться къ вамъ. Талантъ вашъ, Иванъ Ильичъ, располагать счастіемъ и несчастіемъ, быть выше фортуны.... Хоть разумѣется, наша игра маленькая, не то что ваша..... Иванъ Ильичъ, будьте благодѣтелемъ, научите.

— А! понимаю. Вы хотите учиться у меня игрѣ, сказалъ смѣясь Луринъ.

— Иванъ Ильичъ, ошастливьте....

— Откуда вы узнали что я игрокъ? Кто вамъ сказалъ это?

— Простите, Иванъ Ильичъ! мнѣ сказалъ вчера на балѣ Нозльскій.

— А! Нозльскій! А вы знаете Нозльского?

— Какъ же, есть кое-какія дѣлишки, — запродалъ ему вчера, на балѣ, брилліанты, обѣщалъ пріѣхать завтра, и привезти деньги.

— Брилліанты! хорошо! сказалъ про себя Луринъ.

— Послушайте! знаете ли чтѣ? тѣмъ вамъ учиться у меня игрѣ, — а Богъ знаетъ, выучитесь ли вы, — не лучше ли просто выиграть деньги, хоть у Нозльского, просто, не учась, тысячь пятьдесятъ, шестьдесятъ.... Не правда ли, къ вашему пятидесяти было бы очень кстати?

— Какимъ же образомъ, Иванъ Ильичъ?

— Я научу васъ! Хотите?

— Иванъ Ильичъ, вѣкъ буду благодаренъ!

И Чернинъ уваженно согнулся.

— Вы сказали, что вы продаете Нозльскому брилліанты?

— Не мой, Иванъ Ильичъ! ей-Богу, не мой! я такъ прихвастнулъ. Эти брилліанты я покупаю у брилліантщика для оборота и даю Нозльскому только подъ залогъ, откуда съищу покупщиковъ.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше, сказалъ Луринъ. Но вы знатокъ въ брилліантахъ, позвольте попросить васъ оцѣнить вотъ эти?

И Луринъ вынулъ изъ бюро сафьянный ящикъ съ брилліантами и показалъ Чернину.

Чернинъ съ наслажденіемъ взглядывался въ свѣтъ брилліантовъ и любовался ихъ игрой.

— Чтѣ они стоятъ? спросилъ Луринъ.

— Тысячь семьдесятъ или осемьдесятъ! отвѣчалъ Чернинъ. Жаль что нѣтъ вѣсковъ.

— Да на наши деньги они стоятъ рублей двѣсти, сказалъ Луринъ.

— Какъ?

И Чернинъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на Луринъ.

— Такъ! это стекла.

Чернинъ долго смотрѣлъ на ящикъ, потомъ сказалъ:

— Я готовъ былъ за нихъ сейчасъ же предложить пятьдесятъ тысячъ, — хорошо бы я былъ!

— Слушайте же, чтò я вамъ скажу, — и Луринъ вынулъ изъ бюро другой ящикъ, какъ двѣ капли воды похожій на первый: вотъ этотъ ящикъ, настоящіе брилліанты: они заплачены сто двадцать-пять-тысячъ въ Парижѣ. Вы возьмете эти брилліанты, разумеется, дадите мнѣ вексель въ ту сумму, чего они стоятъ, съездете ихъ къ Ноэльскому и скажете, что они тѣ самые, про которые вы говорили. Поѣзжайте пробовать, послѣ пробы возьмите деньги и потомъ искусно подмѣните брилліанты на фальшивые. Настоящіе привезите ко мнѣ, я изорву вашъ вексель, и вы получите тысячу шестьдесятъ даромъ, а Ноэльскій будетъ съ фальшивыми брилліантами.

— Но какъ же я перемѣню ихъ? спросилъ Чернинъ.

— Это ужъ ваше дѣло, отвѣчалъ Луринъ: можете привести покупателей, или какъ хотите.... Но узнайте теперь, который ящикъ настоящіе?

Чернинъ смѣшался и не могъ узнать ящика брилліантовъ — такъ хорошо была снята съ нихъ копія.

— Да, они очень похожи, отвѣчалъ Чернинъ: но какъ же перемѣнить? это значить украсть....

— Это *ваше* дѣло.... Разсчитайте, скоро ли вы выиграете шестьдесятъ тысячъ, которые вы получите съ Ноэльскаго, а игра-то не уйдетъ сама собой.... Я вамъ покажу вистъ; впрочемъ, какъ вамъ угодно!...

— Я вашъ! отвѣчалъ Чернинъ.

— Когда же вы привезете брилліантника оцѣнить брилліанты и когда напишете вексель?

— Сейчасъ, Ивавъ Ильичъ, чтò долго думать! сейчасъ же возьму у васъ оба ящика, у меня же вексельная бумага съ собой и, можетъ-быть, сегодня же привезу настоящій.

— Но только смотрите! Какъ васъ звать?

— Давыдъ Семеновичъ!

— Смотрите же, Давыдъ Семеновичъ! Если вы вздумаете не возвратити мнѣ брилліанты: я заморю васъ въ тюрьмѣ!

— Помилуйте, Ивавъ Ильичъ!

— Я это такъ говорю, сказалъ Луринъ, принимая вексель Чернина.

— Прощайте!

Въ это время доложили объ Анатолиѣ.

Чернинъ вышелъ съ двумя ящиками; у самого алькова кабинета онъ встрѣтился съ Анатолиемъ.

Вы бы не узнали Чернина, низко-поклоннаго Чернина, къ которому съ такимъ презрѣніемъ относился Луринъ.

Онъ успѣлъ уже принять на себя нахальный видъ и почти не отвѣчалъ на поклонъ Анатолию.

Когда Анатолиѣ вошелъ въ кабинетъ, его поразило богатство комнаты.

Мебель изъ черепахи съ перламутромъ, неоцѣненные ковры на полу, малахитовыя и порфировыя вазы, невольно бросались въ глаза.

Луринъ сидѣлъ въ креслахъ изъ венеціанскаго бархату: онъ примѣтилъ замѣшательство молодаго человѣка и насмѣшка, злая, ядовитая, сверкала на его губахъ.

— А! очень радъ васъ видѣть, господинъ кандидатъ въ миллионеры, сказалъ Луринъ тономъ насмѣшки, худо скрываеюй.

Анатолиѣ обидѣлся, но не успѣлъ отвѣчать, какъ фязіономія Лурина измѣнилась, улыбка пропала и передъ нимъ былъ хилый, измуренный старикъ.

— Вы вѣрите Позьскому, молодой человѣкъ! продолжалъ Луринъ: мнѣ жалъ васъ.

Анатолиѣ опять не пашелся что сказать и мѣлъ съ досады шлепу, въ отвѣтъ на холодныя слова старика.

— Молодой человѣкъ! вы думаете, что разбогатѣть очень легко, но я любовался вами вчера; вы, сами того не зная, разрушили всѣ ихъ хитрости: у васъ есть расчетъ, это я вамъ говорю; но только надобно мѣнѣ довѣрчивости, болѣе осторожности и скажу прямо, мѣнѣ любезности.

Анатолиѣ поклонился ему съ видомъ человѣка, обязаннаго выслушивать наставленія. Энергія Лурина, — эта способность подчинять людей своей власти, — дѣйствовала на Анатолию. Луринъ пододвинулъ ногой табуретъ къ креслу и предложилъ его Анатолию.

Анатолиѣ сѣлъ.

— Выслушайте, Анатолиѣ Александровичъ, — кажется такъ васъ зовутъ, — я васъ видѣлъ у Салонскихъ, вы мнѣ нравитесь; съ

вашей рѣшительностью, вашей смѣлостью и расчетомъ; вы стоите богатства. Я готовъ принять въ васъ участіе. Можетъ-быть, вы мнѣ правитесь потому, что ваша молодость будетъ сходна съ моею; я въ молодости тоже сгаралъ отъ желанія богатства и достигъ его; желаю и вамъ того же и потому скажу, не вѣрьте Ноэльскому.

— Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ Анатолій, я не знаю причинъ вашего совѣта. Ноэльскій до сихъ-поръ былъ ко мнѣ такъ обязателемъ, что недоувѣрчивость съ моей стороны была бы неблагодарностью.

— Обязателемъ, — хороша обязательность! сказалъ Лурпнѣ: но я вижу, вы слѣпы, молодой человекъ, и противъ собственного вашего желанія хочу вамъ открыть глаза. Пріятно ли вамъ было потерять вчера двадцать тысячъ, вашу надежду на будущій милліонъ?

— Вы хотите этимъ сказать, что Ноэльскій хотѣлъ обмануть меня, но онъ имѣетъ значительное состояніе и если онъ рѣшается обманывать, то кому же можно послѣ того вѣрять?

— Кому вѣрять? то есть вы хотите сказать: не обманываю ли я васъ? сказалъ Лурпнѣ, смотря съ презрѣніемъ на Анатолія. Но вы правы, быстро продолжалъ онъ: и я могу васъ обманывать какъ и Ноэльскій; но я болѣе не *наживаю*; у меня есть, слава Богу, можетъ-быть, даже болѣе чѣмъ нужно. Но можетъ быть, вы скажете, что я хочу вооружить васъ противъ Ноэльскаго по личной несправности. Чтò жъ, можетъ-быть! Но довольно объ этомъ. Въ васъ я невольно принимаю участіе, какъ я вамъ уже сказалъ, потому что ваша молодость, вашъ характеръ, походятъ на мои. Я вамъ расскажу все, послушайте!...

И Лурпнѣ рассказалъ, какъ хотѣли вчера обмануть Анатолія.

Анатолій не могъ прійти въ себя отъ изумленія, отъ мысли, что вчера одна минута могла лишитъ его и состоянія и надежды.

— Чтò же дѣлать мнѣ! невольно вскрикнулъ онъ: а я надѣялся! Но можетъ-быть, Иванъ Ильичъ, вамъ показалось это такъ; можетъ-быть, Ноэльскій и не думалъ меня обманывать. Вчера же онъ мнѣ предложилъ участіе въ подрядѣ, всѣ говорятъ, очень выгодномъ.

— Какъ! Ноэльскій предложилъ вамъ долю въ своемъ подрядѣ!

— Да, онъ предложилъ мнѣ четвертую долю....

— Быть не можетъ! отвѣчалъ Лурпнѣ, нѣсколько подумавъ: Ноэльскій не отдастъ вамъ ни полушки въ этомъ подрядѣ.

— Я васъ могу увѣрить, что онъ обѣщалъ; не отступится же онъ отъ своего слова. Какъ бы вы думали, принимать ли мнѣ четвертую долю?

— Принимать ли? непременно принимать, просить; но Ноэльскій вамъ не отдастъ этого подряда, я могу васъ увѣрить въ этомъ, или я послѣ этого не знаю людей.

— Я сейчасъ ѣду къ нему, сказалъ вставая Анатолий.

— Поѣзжайте, спѣшите скорѣй; но объ этомъ и говорить нечего, онъ вамъ не отдастъ.... Но вотъ, что я вамъ посоветую: спросите у Ноэльскаго, нѣтъ ли въ продажѣ сходныхъ векселей, онъ вамъ предложитъ векселя купца Черемухина. Торгуйтесь, давайте какъ можно дешевле и покупайте какъ можно болѣе. Въ этомъ вы не будете въ потерѣ, я ручаюсь вамъ.

— Я не знаю купца Черемухина!

— Я говорю вамъ, вы увидите изъ словъ Ноэльскаго, что все, что я говорилъ, была правда и вы должны мнѣ вѣрить. Черемухинъ былъ почти банкротъ, векселя его ходили по пятнадцати и самое большое по двадцати копѣекъ за рубль и наконецъ за нихъ ни кто не давалъ ни копѣйки. Теперь Черемухинъ получилъ большое наследство и держитъ это въ тайнѣ, а самъ скупаетъ за безцѣнокъ свои векселя. Ноэльскій этого не знаетъ и потому за векселя Черемухина возьметъ съ васъ очень дешево. Вотъ вамъ средство учетверить вашъ капиталъ. Если же Ноэльскій будетъ давать вамъ этотъ подрядъ, то берите, непременно берите; да этого не можетъ быть, онъ ни за что не дастъ.... Теперь прощайте, заѣзжайте ко мнѣ иногда.

Анатолий раскланялся и поѣхалъ къ Ноэльскому, а Луринъ написалъ слѣдующую записку:

«Полковникъ! васъ хотятъ втянуть въ невыгодный подрядъ, для этого будутъ давать вамъ отступное и набивать цѣну до «возможной степени. Разсчитайте себя, поберегитесь!»

Эту записку Луринъ послалъ къ полковнику, о которомъ вчера говорилъ Ноэльскій съ Мерледерскимъ.

Анатолий поѣхалъ къ Ноэльскому; на дорогѣ ему попался знакомый купецъ. Между разговоромъ Анатолий спросилъ у него:

— Каковы дѣла Ноэльскаго?

— Да что ему дѣлается, батюшка, Анатолий Александровичъ! отвѣчалъ купецъ: вотъ и теперь взялъ подрядъ, безъ денегъ долги нажить....

Анатолий не дослушалъ, онъ былъ уже у квартиры Нозьскаго.

Анатолий вошелъ къ Нозьскому и, вмѣсто упрежденности, внимательности, какою окружалъ Анатолия до того Нозьскій, его заставилъ дожидаться. Теперь Нозьскій не надѣялся какъ-нибудь обмануть Анатолия.

Анатолий пересмотрѣлъ всѣ стѣнные гравюры, перешелъ въ другую комнату.

Тамъ былъ слышенъ разговоръ; Анатолий прислушался.

Нозьскій, Лохсель и Перхановъ говорили о свадьбѣ Задорскаго.

Изъ этого разговора, гдѣ безпрестанно слышались слова обмануть, провести — насчетъ старика-помѣщика, и чтобъ не обманулъ ихъ Задорскій.... Изъ этого разговора Анатолий узналъ Нозьскаго.

Они условились, чтобы представить Задорскаго старику какъ богатаго наслѣдника послѣ небывалаго дяди и что дядя, по скудости своей, заставляетъ его нуждаться и дѣлать долги, потомъ наказать помѣщику о связяхъ Задорскаго, о его надеждахъ по службѣ, и прочая. Уговорились, кому изъ кліентовъ ихъ раздать какія роли, чтобы старикъ получалъ извѣстія съ разныхъ сторонъ и почитая это дѣло оконченнымъ, рассчитывали послѣдствія, а Анатолий все ждалъ.

— Этого прежде не было! подумалъ Анатолий и ушелъ опять въ приемную.

Вышелъ Нозьскій, съ нимъ Перхановъ, котораго разговоръ съ Сорокинскимъ мы подслушали въ первой главѣ романа.

Нозьскій очень холодно поздоровался съ Анатолиемъ и прямо на отрѣзъ объявилъ, что онъ долю въ подрядѣ дать не можетъ.

— Но вы обѣщали!

— Но вѣдь мы не заключили: вы просили меня дать вамъ подумать....

— Не я, вы сами сказали мнѣ....

— Какъ бы то ни было, но обязательства не было ни съ которой стороны, отвѣчалъ Нозьскій: и я нашелъ для себя невыгоднымъ уступить вамъ.

Анатолий покраснѣлъ съ досады.

— И теперь нѣтъ ни какого оборота? спросилъ онъ грустно.

Нозьскій пожалъ плечами. Ему было смѣшно, что человѣкъ проситъ «оборота».

Анатолий вспомнилъ о Черемухинѣ.

— Хоть бы векселей какихъ-нибудь!

Нозльскій вдругъ улыбнулся и переглянулся съ Перхановымъ.

— Не угодно ли вамъ векселей купца Черемухина? сказалъ Перхановъ: я уступлю дешево.

— Да вѣдь ты по сорока не уступишь? отвѣчалъ Нозльскій, будто стараясь въ пользу Анатолия, котораго уже успѣлъ окружить своею вѣжливостью.

— Я по сорока не дамъ, потому что не знаю Черемухина, сказалъ Анатолий.

— Что жъ вы дадите? спросилъ Перхановъ.

— Копѣекъ по тридцати, такъ и ваши, смѣясь сказалъ Нозльскій, — отдавай что ли!

— Я болѣе двадцати не дамъ.

— Такихъ векселей нынче нѣтъ, прервалъ его Перхановъ.

— Какъ угодно! отвѣчалъ Анатолий. Прошу извинить меня что я беспокоилъ васъ.

И онъ сталъ собираться какъ бы не думая о векселяхъ.

— Для васъ, Анатолий Александровичъ, чтобы быть вамъ полезнымъ, сказалъ Нозльскій, я вамъ свои уступаю по двадцати, вотъ вамъ вексель въ семьдесятъ пять тысячъ, ѣдемъ къ маклеру! Вексель былъ переведенъ, Анатолий заплатилъ Нозльскому пятнадцать тысячъ, изъ которыхъ Нозльскій далъ тысячу рублей Перханову за помощь.

— Неожиданныя денежки, сказалъ онъ. Вѣдь этакой же дуракъ попался.

Къ Нозльскому пріѣхалъ Чернинъ.

— Вотъ тѣ брилліанты, о которыхъ я вамъ вчера говорилъ. Они мнѣ дали подъ росписку.

Нозльскій и Перхановъ стали любоваться брилліантами.

— Ѣдемъ къ брилліантщику! сказалъ Чернинъ.

— Брилліантщикъ оцѣнилъ брилліанты въ сто пятнадцать тысячъ.

— Поѣдемъ ко мнѣ, сказалъ Нозльскій, ты сейчасъ получишь деньги.

— Извольте, только не забудьте, что вы мнѣ обѣщали дать оборотиться.

— Будь спокоенъ, братецъ; вѣдь я уже сказалъ, что мы съ тобой свои люди.

Перхановъ поѣхалъ домой.

Когда Ноэльскій и Чернинъ пріѣхали на квартиру Ноэльскаго, Ноэльскій сталъ отсчитывать Чернину деньги.

Бриллианты были у Чернина; онъ держалъ ихъ въ правой рукѣ, а въ лѣвой держалъ шляпу, въ которой лежалъ красный шелковый платокъ.

Если бы въ эту минуту вы взглянули на Чернина, на его шляпу, которая дрожала въ его рукѣ, на его фигуру, которая сжималась будто бы отъ холоду — вы бы сейчасъ сказали, что онъ хочетъ сплутовать.

Ноэльскій завялся счетомъ денегъ.

Чернинъ незамѣтно опустилъ бриллианты въ шляпу, прикрылъ ихъ шелковымъ платкомъ, и вынулъ оттуда другой ящикъ, совершенно на него похожій, съ фальшивыми бриллиантами.

Ноэльскій въ это время придвинулъ къ Чернину деньги, сказавъ:

— Тутъ ровно шестьдесятъ тысячъ, считайте.

Чернинъ подагъ Ноэльскому ящикъ съ фальшивыми бриллиантами.

Не смотря на всю свою безсовѣстность, Чернинъ покраснѣлъ, подавая Ноэльскому стекла, и укладывая деньги въ свой бумажникъ.

Ноэльскій не обратилъ вниманія на мгновенную краску выступившую на щекахъ Чернина, положилъ ящикъ въ бюро и сказалъ:

— Хорошъ сегодня день!

— А что? спросилъ Чернинъ.

— Да вотъ ваши бриллианты! Кромѣ того я продалъ векселя кунца Черемухина, хоть дешево, да по-крайней-мѣрѣ за что-нибудь, векселя не стоили ни копѣйки. Какой глупецъ этотъ Ноэль, не знаетъ человѣка, и покупаетъ векселя... мальчишка, а тоже хочетъ спекулировать.

— Такъ вы ему продали векселя?

— Ему.

— Прощайте! сказалъ Чернинъ, и поѣхалъ къ Лурину съ настоящими бриллиантами.

Къ Ноэльскому вошелъ Мерледерскій.

— Что братъ, худо! сказалъ онъ, полковникъ взялъ отступное, но пятнадцать тысячъ съ брата убытку.

— Что жъ дѣлать, сказалъ Ноэльскій, ну, да для меня пятнадцать тысячъ сегодня ничего не значать.

— Я пріѣхалъ къ тебѣ съ тѣмъ чтобы поговорить о московскихъ подрядахъ, сказалъ Мерледерскій.

— Тебѣ нужно ѣхать самому! отвѣчалъ Ноэльскій.

— Я ужъ собрался. Довѣренность у тебя готова?

— Давно уже, возьми!...

Между тѣмъ Анатолій пришелъ домой. У него въ бумажникѣ лежалъ вексель на незнакомаго ему человѣка. Деньги ли это? Кто поручится, что и Луринъ не разыгралъ комедію въ пользу Ноэльскаго, и что онъ теперь не обмануть. Анатолій невольно задумался.

Въ это время ему съ почты принесли письмо.

Къ нему пишетъ мать, что она ѣдетъ къ нему, потому что дядя его отказался ее содержать.

Анатолій теперь долженъ исполнять къ ней обязанности сына, долженъ доставить ей хоть пропитаніе. Чѣмъ? Если этотъ вексель обманъ, то у него всего остается пять тысячъ рублей. Чѣмъ тутъ жить и одному, не только съ матерью. Деньги эти издержатся, а потомъ? Чтò потомъ?... Голова его была полна грустными мыслями, и онъ не замѣтилъ какъ въ комнату вошелъ Чернинъ.

— Извините что безъ доклада: человѣка не было, сказалъ Чернинъ хорохорясь, ломаясь и изгибаясь. Анатолій стоялъ, но Чернинъ безъ церемоніи опустился въ кресла.

— Вы скупили у Ноэльскаго векселя?

— Чтò вамъ угодно? спросилъ Анатолій.

— Не угодно ли вамъ и у меня купить, на одного офицера, Задорскаго.... богатый человѣкъ, получка вѣрная, но маѣ деньги нужны. Я бы дешево уступилъ.

Анатолій вспомнилъ заговоръ Ноэльскаго, Перханова и Лохсель, женить Задорскаго на богатой помѣщицѣ.

Дѣло ему показалось довольно вѣрнымъ, и по видимому Чернинъ объ этомъ ничего не зналъ.

— Чтò жъ! подумалъ Анатолій, должно рисковать. Если Задорскій женится, онъ навѣрно заплатитъ, потому что тестъ не допуститъ зятя до неприятности; и если мой вексель на купецъ пропадетъ, то на этомъ я ворочу хоть свои деньги. А Ноэльскій вѣрно не дастъ промаху.

— Вы знаете что очень неприятно покупать векселя, отвѣчалъ Анатолій Чернину, думая: должно рисковать.

— Но это человѣкъ вѣрный, отвѣчалъ Чернинъ, я вамъ

уступлю дешево, мнѣ нужны деньги на покупку брилліантовъ. Чернинъ сказалъ это отъ привычки хвастать. Черезъ какихъ нибудь два три мѣсяца вы получите съ его имѣнія.

— Котораго у него нѣтъ, придется получать треть жалованья, что не дастъ и процентовъ. Впрочемъ.... сколько вы просите? спросилъ Анатолій.

— Я возьму очень дешево, по двадцати пяти копѣекъ на рубль.

— Слуга покорный, отвѣчалъ Анатолій, куплю, непременно куплю, думалъ онъ про себя. Слуга покорный! продолжалъ онъ въ слухъ.

Анатолій понималъ тактику купцовъ и спекуляторовъ хулить чужой товаръ.

— Я купилъ у Ноэльскаго вексель купца по двадцати; да тутъ я могу употребить повудительныя средства, а Задорскій человѣкъ значущій....

— Извольте, и я вамъ уступлю по двадцати копѣекъ.

— Нѣтъ болѣе пятнадцати не дамъ.

— По пятакъ за рубль угодно? меньше ни копѣйки! сказалъ Чернинъ вставая.

— Великъ ли вексель?

— Двадцать тысячь ассигнаціями! мнѣ приходится тысяча рублей серебромъ.

— По рукавъ! отвѣчалъ Анатолій и отсчиталъ деньги. Чернинъ передалъ вексель и уходя прибавилъ: Даровой же былъ, — выигралъ!...

— У меня осталось тысяча пять-сотъ рублей на мое бѣдное существованіе, сказалъ Анатолій, вынимая деньги изъ бумажника. А эти? прибавилъ онъ, перекивая въ рукѣ своей векселя Черемухина и Задорскаго. Что эти? Они дадутъ мнѣ, или состояніе, — тутъ ровно сто тысячь, — или они ничего болѣе, какъ локутъ бумаги, которымъ можно закурить трубку.... Если Задорскій не женится? если Луринъ обманулъ? что я буду дѣлать? Разумѣется, съ голоду не умру, достану себѣ работу — изъ куса хлѣба, и можетъ быть опять наживу эти деньги. Но гдѣ тогда будетъ моя надежда, гдѣ моя Евгенія?...

Анатолій задумался надъ векселями. Въ его памяти пробѣгали разные случаи его юности, его надежды, желанія.... И вотъ судьба его увлекла на опасное поприще перекупщика векселей. Что дадутъ ему векселя эти? Онъ требовалъ отвѣта у судьбы, и

тонкіе лѣсточкі бумаги были крѣпко сжаты между его пальцами....

Черезъ четыре мѣсяца Анатолій игралъ въ преферансъ на свадьбѣ Задорскаго; а еще черезъ мѣсяць онъ считалъ деньги, и пересчитавъ положилъ ихъ въ бумажникъ съ самодовольствіемъ: тамъ было ровно сто тысячъ. Луринъ не обманулъ....

Что дѣлалъ Ноэльскій въ ту минуту какъ Анатолій пересчитывалъ свои деньги.

Ноэльскій ходилъ по комнатѣ и бранилъ самъ себя, зато что продалъ Анатолію векселя купца Черемухина; сердился, зато что не скупилъ векселей Задорскаго....

Къ крыльцу подъѣхалъ двухъ-мѣстный, дорожный возокъ. Вышелъ Мерледерскій.

— А! здравствуй Владиміръ, говорилъ Ноэльскій, когда тотъ вошелъ въ кабинетъ: ты видно прямо изъ Москвы ко мнѣ; обязалъ какъ нельзя болѣе; ты не повѣришь, братецъ, какую я сдѣлалъ глупость: продалъ векселя Черемухина по двадцати копѣекъ за рубль, а Черемухинъ заплатилъ все до копѣйки.

— Ну, что, какъ дѣла?

— Что братъ, дѣла худы!

— А что?

И Ноэльскій поблѣднѣлъ.

— Весь матеріалъ въ однихъ рукахъ и мы понесемъ тысячу по полотораста убытку.

— Что ты! сказалъ съ испугомъ Ноэльскій. Кто жъ скупилъ матеріалъ?

— Управляющій Луринъ! Ты еще, можетъ-быть, поправишься своимъ подрядомъ, а я....

— Да, сказалъ Ноэльскій, мой подрядъ на людей хорошъ: главное, что безъ хлопотъ. Ну, а на Москву нѣтъ надежды?

— Тысячу по полотораста съ брата, еще, пожалуй, Луринъ выисятъ цѣну на матеріалы, тогда просто хоть въ огонь.

— Да нельзя ли подвезти со стороны?

— По зимней-то дорогѣ? Нѣтъ, братъ, станетъ дороже чѣмъ купить у Луринъ. Да кромѣ того, гдѣ ты зимой достанешь?

— Нельзя ли переговорить съ Луринимъ?

— Я ему писалъ изъ Москвы, онъ отвѣчалъ, что это дѣло его

управляющаго, и что онъ въ эти дѣла не входитъ. Я ѣздилъ къ управляющему. Управляющій очень резонно отвѣчалъ: зачѣмъ продавать дешевле, когда можно продать дороже.

Нозльскій покачалъ головой.

— Поторопимся снять, сказалъ онъ, не обезпечивъ себя матеріаломъ.

— Да кто же это зналъ, отвѣчалъ Мерледерскій, въ Москвѣ не запомнятъ дороже шестнадцати, а тутъ поднялась до тридцати четырехъ. Еще спасибо Чернину, онъ сказалъ мнѣ, что матеріалъ въ рукахъ Лурнинова управляющаго, а то бы изъ третьихъ рукъ пришлось еще дороже покупать.

— А что Чернинъ? спросилъ Нозльскій.

— Я думаю, вчера пріѣхалъ сюда, онъ выѣхалъ изъ Москвы прежде меня двумя сутками. Въ Москвѣ, братецъ, онъ страшно поднялся, игралъ все въ вистъ въ англійскомъ клубѣ. И представъ себя, когда онъ сдаетъ, у него всегда четыре онера на рукахъ. Сдаетъ онъ, кажется, чисто, на карты совѣмъ и не смотреть, а четыре онера все у него....

— Странно! сказалъ Нозльскій. Это Луринская штука. Говорятъ, когда Луринъ былъ молодъ, онъ держалъ съ кѣмъ-то пари, на большой кушъ, что онъ четыре раза сдастъ, и всѣ четыре раза у него будутъ четыре онера на рукахъ. Ну да про Лурина много рассказываютъ, и ты меня очень удивилъ рассказывая тоже самое о Чернинѣ.

— Да, это правда. Въ Москвѣ приписываютъ это необыкновенному счастью, но я сомнѣваюсь, чтобы всякій разъ.... И онъ выигралъ кучу денегъ. А наши дѣла такъ плохи.

— Если онъ при деньгахъ, то, можетъ - быть, выкупить у меня брилліанты, сказалъ Нозльскій, и написалъ къ Чернину записку, въ которой напоминалъ что срокъ брилліантамъ прошелъ болѣе мѣсяца.

Черезъ нѣсколько минутъ отъ Чернина принесли отвѣтъ. Чернинъ писалъ, что онъ предоставляетъ Нозльскому право пользоваться брилліантами:

— Чтò это значитъ? сказалъ Нозльскій: Чернинъ при деньгахъ и не выкупаетъ брилліантовъ. Неужели они стоятъ дешевле чѣмъ я далъ за нихъ. И не смотря на позднюю ночь, Нозльскій послалъ за брилліанщикомъ.

Брилліанщикъ пришелъ.

Нозльскій подалъ ему брилліанты и просилъ оцѣнить ихъ.

— Это фальшивые брилліанты, сказалъ брилліантщикъ.

— Какъ фальшивыя! вскрикнулъ Ноэльскій въ изступленіи, ты меня обманываешь!

— Помилуйте, это сей часъ видно, это граненое стекло.

— Не ты ли самъ цѣнилъ ихъ въ сто-пятнадцать тысячъ, сказалъ Ноэльскій.

— Нѣтъ, это съ тѣхъ брилліантовъ только копія.

— Я банкротъ, чисто банкротъ! кричалъ Ноэльскій, меня обокрали!

— Успокойся другъ, говорилъ Мерледерскій, мы съ тобой въ одинъ день не обанкротимся.

Луринъ въ это время читалъ записку своего московскаго управляющаго.

Управляющій писалъ что по приказанію Луринъ матеріалы были скуплены и принесли огромный барышъ, и что онъ надѣется получить теперь еще большую выгоду.

— Я могу теперь задавить его, сказалъ Луринъ, но нѣтъ, это не ищеніе. Я лучше поддержу, пускай онъ будетъ томиться между да и нѣтъ; пускай онъ будетъ только «падающій» поставщикъ. Я хочу чтобы онъ каждый день ждалъ банкротства, чтобы каждую минуту онъ думалъ: сей часъ потащатъ меня въ тюрьму; чтобы каждый звонокъ у его двери пугалъ его. Это будетъ мучительнѣе, и когда я набѣшусь досыта, тогда.... Теперь еще рано.

И Луринъ написалъ къ управляющему, чтобы продавалъ матеріалы по своей цѣнѣ.

VI.

Три года прошло послѣ описанныхъ нами происшествій.

Въ эти три года, Анатолій изъ неопытнаго юноши, который, можно сказать, почти съ дѣтскими упрямствомъ сказалъ: «Я разбогатѣю», сталъ опытнымъ спекуляторомъ, извѣстнымъ своею смѣлостію и вѣрностію своихъ расчетовъ. Его коммерческій взглядъ теперь развился и онъ умомъ своимъ, вѣрностію соображеній, и выѣстъ рѣшительностію часто подрывалъ обороты старыхъ спекуляторовъ.

У него было, какъ говорили спекуляторы, въ оборотѣ полмилліона денегъ, а вредить его цѣнился въ полтора милліона.

Анатолий занимался всѣмъ: подрядами въ казну, перекункою векселей и акцій, комиссіонерствомъ, и прочая.

Кромѣ того, пользуясь своею образованностію, Анатолий скупалъ по случаю дорогія картины, статуи, оружіе и разныя рѣдкія вещи, которыя приносили ему хотя не скорую но вѣрную выгоду. Однимъ словомъ Анатолий былъ образованный спекуляторъ, рѣдкость между спекуляторами.

При всѣхъ этихъ оборотахъ, Анатолий остался честнымъ и благороднымъ человѣкомъ. Совѣсть не упрекала его ни за одинъ поступокъ, который бы стоилъ упрека совѣсти. Онъ покупалъ векселя ниже нарицательной цѣны, но всегда покупалъ только у тѣхъ, для которыхъ торговля векселями была ремесломъ и которые имѣли выгоду и отъ той цѣны, которую Анатолий имъ предлагалъ. Должнику же было рѣшительно всё равно кому ни платить.

Подряды, комиссіонерство и покупка вещей, исполнялись Анатолиемъ со всевозможною добросовѣстностію и честностію. Покупая какую-нибудь вещь, Анатолий всегда говорилъ продавцу настоящую ея цѣну, возможную скорость продажи и потомъ уже предлагалъ свою цѣну, предлагая въ тоже время, за умѣренный процентъ, быть комиссіонеромъ.

Нѣжность Анатолия къ матери, съ которою онъ вмѣстѣ жилъ, сыновняя почтительность, предупредительность къ ея малѣйшимъ желаніямъ, и полное вниманіе къ требованіямъ, даже къ капризамъ, обозначилъ въ Анатолиѣ человѣка съ чувствами, но огрубѣлаго отъ денежныхъ оборотовъ.

У него въ оборотѣ было четыреста тридцать тысячъ, которые онъ приобрѣлъ въ эти три года, а вѣрность соображеній его заставляла надѣяться, что еще два три года, и у него будетъ миллионъ,—цѣль до которой хотѣлъ достигнуть Анатолий. И эта цѣль достигнута въ половину неопытнымъ юношей почти изъ ничего, остальную половину легко будетъ достигнуть опытному спекулятору, съ достаточнымъ количествомъ наличнаго капитала и съ кредитомъ, который давалъ ему возможность располагать огромными суммами.

Находясь въ этомъ, завидномъ для многихъ, положеніи, думалъ ли онъ о Евгеніи? Да! Она представлялась ему какъ полярная звѣзда заблудшему въ пустынѣ страннику; она была ему пріятнымъ огонькомъ, маящимъ путника къ поцѣлу; она была дружиной, приводящей въ дѣйствіе машину.

Когда усталый от трудовъ, измученный людскою жадностию, онъ готовъ былъ бросить все, довольствоваться тѣмъ, что есть, передъ нимъ рисовался образъ Евгенин, который, возбуждая его дѣятельность, снова давалъ ему силу, сообщалъ энергію его волѣ, безъ которой нельзя идти вѣрно къ цѣли.

Онъ, можно сказать, теперь еще болѣе любилъ Евгению. Не испытавъ неудачъ въ своихъ предпріятіяхъ, не имѣя важныхъ потерь, онъ видѣлъ только лицевую сторону названія «спекуляторъ» и думалъ: черезъ Евгению я сталъ богатъ, независимъ; всѣмъ этимъ я обязанъ Евгенин....

Даже самое имя ея было предметомъ его глубокаго уваженія. Анатолій приписывалъ Евгенин постоянную удачу въ оборотахъ, и любовь свою къ ней, въ своемъ воображеніи, окружалъ суевѣрнымъ страхомъ.

Вдругъ его увѣдомляютъ, что къ Евгенин сватается женихъ.

Представьте себѣ... нѣтъ, этого не возможно представить! Все-равно если бы больному, который страдалъ половиною жизни своей, свои лучшіе молодые годы, докторъ сказалъ: я васъ вылечу въ три дня, вотъ вамъ въ залогъ все мое состояніе, черезъ три дня вы здоровы. И когда больной, оживленный надеждой, хочетъ слышать рецептъ своего спасенія, когда онъ, наконецъ, съ увѣренностію въ будущемъ здоровьѣ, смотритъ на своего спасителя, вдругъ ему говорятъ: докторъ пошутилъ, его болѣзнь не излѣчима.

— Я шутилъ, я шутилъ!....

Какая горькая иронія, какое униженіе нравственной силы въ человѣкѣ. Не могъ ли этого сказать Сергѣй Макаровичъ Анатолю?

— О! что если это правда! вскричалъ Анатолій. Если при моей труженнической жизни, если три года молодости, проведенные въ душевой сферѣ торговли; если всѣ эти труды, заботы, хлопоты униженія, разочарованіе, болѣе ни чего какъ слѣдствіе шутки?...

А воображеніе будто нарочно представляло ему Евгению съ ея задумчивымъ личикомъ, съ обворожительной улыбкой, и эта Евгенин принадлежит другому, другой прижимаетъ ее къ своей груди, другой поцѣлуемъ своимъ потушить огонь ея глазъ....

Онъ не могъ переносить этой игры своего воображенія, ему мало уже было любить Евгению: онъ хотѣлъ обладать ею.

Руководимый этою мыслию, онъ написалъ къ Сергѣю Макаровичу.

Понимая, что любовь его къ Евгению очень мало будет цѣнна такимъ человѣкомъ, какъ Сергѣй Макаровичъ, Анатолій писалъ къ нему только: «что положеніе его дѣлъ измѣнилось, и что онъ теперь въ состояніи заплатить, сколько нужно, чтобы освободить имѣніе Сергѣя Макаровича отъ опеки, если тотъ согласится назвать его своимъ зятемъ.»

Анатолій съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта. Онъ не пускался въ обороты, собирая свои деньги отвсюду, чтобы имѣть возможность употребить ихъ согласно съ желаніемъ будущаго тестя....

— Какой-то господинъ проситъ васъ видѣть, докладывалъ чело-
вѣкъ Анатолію.

— Проси!

Вошелъ пожилой плотный мужчина съ бѣлокурыми волосами, коротко выстриженными.

Лице господина было круглое, красное; носъ маленькій, на глазахъ очки; на тонкихъ губахъ приторная улыбка.

— Имѣю честь рекомендоваться, я Гильморъ, членъ Брюссельской Академіи, сказалъ вошедшій господинъ. По выговору было замѣтно что онъ иностранецъ.

— Очень радъ, что вамъ угодно? Прошу садиться.

Гильморъ сѣлъ, протянувъ ноги; снялъ очки, протеръ ихъ; нѣсколько разъ откашлялся и началъ:

— Миръ, несповѣданными путями Провидѣнія, идетъ къ совершенству, и девятнадцатый вѣкъ, вѣкъ прогресса и движенія, ознаменованъ болѣе всѣхъ другихъ вѣковъ практическими открытіями, которыя, усиливая дѣятельность человѣка, усиливая его физическія силы, уничтожая разстояніе, безспорно ведутъ къ усовершенствованію самую породу человѣка....

Проговоривъ эту великолѣпную тираду, Гильморъ поклонился.

Анатолій молчалъ, смотря пристально на Гильмора.

— И этимъ-то высшимъ цѣлямъ, назначеннымъ Провидѣніемъ чело-
вѣчеству, этому верховному прогрессу, служатъ сами люди. Они, съ ихъ умомъ, ихъ знаніемъ, стремятся покорить своей волѣ всѣ силы природы, всѣ стихіи, до-сихъ-поръ еще имъ не подвластныя.

— Что вамъ угодно? спросилъ Анатолій съ нетерпѣніемъ.

— Сейчасъ! Иногда самые ничтожные люди въ массѣ всего чело-
вѣчества служатъ, опять несповѣданными путями Провидѣнія къ открытію тѣхъ великихъ тайнъ природы, тѣхъ великихъ истинъ, которыя составляютъ эру въ области открытій....

— А! вы что нибудь открыли, сказали, смѣясь, Анатолій, постукивая по столу тросточкой.

Гильморъ всталъ и поклонился.

— Вы угадали! я работалъ вмѣстѣ съ Гринномъ..... Вы слышали о Гринѣ?

— О воздухоплавательѣ?

— Да! мы вмѣстѣ съ нимъ совершили много воздушныхъ путешествій и производили опыты шароходства. Но я прежде долженъ разсказать, какія выгоды должно представить шароходство какъ всему человѣчеству, такъ и тому кто его первый откроетъ.

— Мнѣ очень пріятно слушать васъ, но....

— Гринъ былъ купецъ, когда ему пришла гениальная мысль устроить шароходство. Представьте себѣ шаръ, который летитъ куда ему угодно, управляемый искусной рукой, который можетъ нести и тяжесть, и людей, и оружіе. И на этомъ шарѣ вы безопасны. Представьте себѣ, я говорю, такой шаръ, и вы вполне поймете важность подобнаго изобрѣтенія. Онъ летитъ скорѣе паровоза, и къ тому жъ устройство его несравненно дешевле. Онъ уничтожаетъ даже и мысль о таможенѣ, потому что перелетитъ всякую черту, всякую преграду, и можетъ спуститься гдѣ ему угодно. Онъ уничтожаетъ всѣ крѣпости, потому что кто захочетъ сидѣть въ крѣпости, когда непріятель можетъ внезапно прилетѣть на своихъ шарахъ. Шароходство уничтожаетъ войну, таможи, даетъ развитіе промышленности, торговлю доводитъ до высшей степени процвѣтанія, уничтожаетъ степи, открываетъ страны доселѣ неизвѣстныя и неизслѣдованныя, — будетъ средствомъ быстрого общія идей и цивилизаціи человѣчества, и такъ сказать, соединитъ все человѣчество въ одну огромную семью. Въ продолженіе нашихъ воздухоплаваній съ Гринномъ, мы дошли съ нимъ, до того что устроили модель шарохода, которымъ могли управлять по желанію у себя въ комнатѣ. Вѣтеръ былъ для насъ неодолимымъ препятствіемъ, и въ то время когда мы придумывали тысячу средствъ, чтобы побѣдить эту упрямую стихію, мнѣ пришла въ голову мысль, самая простая, естественная, обыкновенная: се пойметъ и ребенокъ когда сказать ее, но въ томъ-то и штука, что надобно прежде сказать, а она мой секретъ.

— И поздравляю васъ съ вашимъ секретомъ, смѣясь сказалъ Анатолій.

— Не смѣйтесь! подумайте, что всякое открытіе было осмыслено, прежде чѣмъ ему повѣрили люди: люди не вѣрятъ ни чему, даже великій Наполеонъ не полагалъ Фультона.

— Я и не думалъ смѣяться, сказалъ Анатолій серьезно, я не знаю вашего секрета и потому не могу судить о немъ. Практическаго же приложенія вашей мысли я не видалъ....

— Вотъ въ чемъ и несчастіе. Люди, посвятившіе себя какому нибудь исключительному занятію и сдѣлавшіе открытіе, рѣдко обладаютъ средствами къ исполненію своего предпріятія. Они должны обращаться къ тѣмъ, которые имѣютъ эти средства.... А что устройство шароходовъ будетъ для спекуляторовъ выгодно, такъ это видно хоть изъ этого примѣра, который я вамъ сей часъ представляю: можно сей же часъ привести контрабанды милліоновъ на десять и получить чистыхъ два милліона барыша. И это сдѣлать можно такъ скоро, что едва ли услышитъ кто-нибудь о первомъ шароходѣ.

— О! да вы скоро сдѣлаетесь богачемъ, отвѣчалъ Анатолій, невольно смѣясь надъ педантическимъ умомъ этого господина, который такъ старался убѣдить въ истинахъ давно извѣстныхъ. Вы возьмете привилегіи во всѣхъ государствахъ свѣта и будете перелетать изъ одного государства въ другое, съ быстротою полета птицы. Вы возьмете монополію почтъ, перевозовъ, даже телеграфовъ, потому что кто же поѣдетъ на почтовыхъ лошадяхъ когда за полцѣны можно долетѣть на шароходѣ, и за чѣмъ телеграфъ, когда вашъ шаръ будетъ предупреждать его. Это прекрасно! Вы скоро будете богатѣйшимъ человѣкомъ, не только въ Россіи, но и въ цѣломъ свѣтѣ; кромѣ того вы по неволѣ заставите искать вашей дружбы всѣхъ государей Европы, всѣхъ правительствъ свѣта, потому что вы можете быть опаснѣйшимъ врагомъ каждаго изъ нихъ.... И для всего этого нужна бездѣлица, только шароходы.

— Они есть, сударь, они есть, восторженно сказалъ Гильморъ.

Мнѣ очень пріятно что вы прямо оцѣнили всѣ выгоды, предоставленныя тому кто откроетъ шароходы. Опъ получить за это открытіе богатство, едва понятное теперь.... Когда я работалъ съ Гринномъ, мнѣ пришла въ голову идея, которая потрясетъ всѣ бывшія доселѣ учрежденія, и я оставилъ Грина съ его летающимъ, въ комнатѣ только, шароходомъ, и поѣхалъ въ Россію. Я думалъ, только въ Россіи оцѣнить мое великое открытіе и дадутъ мнѣ средство привести его въ исполненіе. Великая

идея пришла сюда, — Гильморъ указалъ себѣ на голову, — но прежде чѣмъ она принесетъ трилліоны, она требуетъ милліоновъ.

— Да Россія одобряетъ все полезное и прекрасное, и вы вѣроятно съ своимъ предложеніемъ отнеслись къ правительству?

— Нѣтъ, отнесаясь къ правительству, я долженъ бы былъ открыть свой секретъ, а этого я не сдѣлаю ни за милліоны. Я рѣшился отнести къ частнымъ людямъ; въ Россіи много капиталовъ и эти капиталы удешевятся у того, кто захочетъ привести мою идею въ исполненіе. Ваше образованіе, вашъ умъ....

— Оставьте мой умъ, сказалъ Анатолій, скажите мнѣ въ короткихъ словахъ, чѣмъ я могу быть вамъ полезенъ?

— Если вы устроите компанію постройки шароходовъ, проценты по-поламъ.

Анатолій пристально посмотрѣлъ на Гильмара, Гильмаръ продолжалъ:

— Если вы мнѣ дадите два милліона, то черезъ шесть мѣсяцевъ я возвращусь на трехъ шароходахъ, на которыхъ привезу на тридцать милліоновъ контрабанды.

— Я не думаю, чтобы вы смѣялись надо мной, отвѣчалъ Анатолій, и потому вамъ скажу, что я не такъ богатъ, чтобы бросать по два милліона.

— Но если эти два милліона въ продолженіи одного, двухъ лѣтъ, дадутъ двадцать, тридцать....

— Это прекрасно тридцать милліоновъ, отвѣчалъ Анатолій, снова смѣясь надъ предложеніемъ, но я вамъ совѣтую съ этимъ предложеніемъ обратиться къ кому-нибудь, имѣющему болѣе моего средства; я рѣшительно, не зная дѣла, не могу рисковать болѣе чѣмъ состояніемъ. Да и кромѣ того я вовсе не намѣренъ быть контрабандистомъ!

— Милостивый государь....

Вошелъ человекъ.

— Пріѣзжій изъ Сибири.

— Проси! Вы видите, что я занятъ, милостивый государь, и потому при всемъ участіи къ вашему открытію, я долженъ сказать....

— Но вы подумайте, какую выгоду вы получите, да и кромѣ того слава....

— Предоставляю вамъ ея воплію пользоваться, а мнѣ, признаться, вѣкогда.

— Полтора милліона только, на двухъ шароходахъ.

— Извините меня пожалуйста, я вамъ уже сказалъ что не могу.

Въ это время вошелъ новый посѣтитель не высокаго роста, толстый, сѣденкій, съ бородавкой на щекѣ.

— Здравствуйте, сказалъ Анатолій, что вамъ угодно?

— Я изъ Сибири, по дѣламъ золотого промысла, отвѣчалъ повторившійся.

— Милостивый государь, сказалъ Гильморъ, я согласенъ взять только тридцать процентовъ за свое открытіе.

— Извините меня, я занятъ! съ досадою отвѣчалъ Анатолій. Вы по дѣлу? сказалъ онъ, оборотась къ Сибиряку.

— Какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Гильморъ и ушелъ.

— Точно такъ-съ! говорилъ Сибирякъ: заявивъ нѣсколько участковъ, я пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы....

Гильморъ опять вошелъ.

— Милостивый государь! только одинъ миллионъ: на одномъ шароходѣ....

— Ахъ, Боже мой! вскрикнулъ Анатолій, выходя изъ терпѣнія. Не могу! Ста рублей дать не могу!

— Какъ угодно, послѣ не пожалѣйте.

— Да и не пожалѣю, не беспокойтесь. Съ нимъ просто сплъ нѣтъ, сказалъ Анатолій про себя.

— Прощайте, а право выгодно....

— Прощайте! прощайте!

— Заявивъ нѣсколько участковъ, я взялъ съ собою на пробу нѣсколько кусковъ руды изъ каждаго участка и пріѣхалъ въ Петербургъ, чтобы или продать мое право на эти участки, или составить компанію для разработки ихъ.

— Заявка сдѣлана совершенно законнымъ образомъ?

— Всѣ условія соблюдены! И образчики привезены за печатью или мѣстнаго начальства, или довѣренныхъ особъ; сжали вамъ угодно разсмотрѣть ихъ....

— Нѣтъ, милостивый государь, я не буду васъ обременять напрасно. Теперь я не могу обратиться къ вашему предпріятію; мѣсяца черезъ два, можетъ-быть! Вы долго пробудете здѣсь въ Петербургъ?

— До будущаго лѣта!

— Такъ мы съ вами увидимся и поговоримъ, а теперь я рѣшительно не могу.

— Я и не беспокою васъ, потому что работы начнутся не

рагѣ какъ черезъ шесть мѣсяцевъ. И такъ вы позволите себя черезъ два мѣсяца обезпокоить.

— Очень пріятно будетъ! До свиданія!

Сибирякъ ушелъ.

Анатолій сталъ думать о предполагаемыхъ предпріятіяхъ.

— Что если въ самомъ дѣлѣ онъ обладаетъ этимъ секретомъ, думалъ Анатолій о воздухоплаватель. Выгоды неизмѣримы. Онъ одорветъ всѣ существующія до-сихъ-поръ положенія, измѣнитъ всѣ отношенія.... но этого быть не можетъ, это шарлатанство! А отъ чего жъ шарлатанство? Не называли ли Де-Ко и Фультона шарлатанами, когда они говорили о пароходахъ? Не смѣялись ли надъ Колумбомъ, когда онъ открылъ новый свѣтъ.... А Коперникъ? а Галилей? а желѣзныя дороги?... Даже книгопечатаніе, даже трубка табаку, подвергались гоненію и насмѣшкамъ.... Не также ли мы смѣемся надъ шароходами?... Я не люблю золотого промысла, но какъ-то теперь о немъ сильно начинаютъ поговаривать. А пріятно бы было вдругъ найти золота на милліонъ. Тогда бы Сергѣй Макаровичъ былъ отъ меня въ восторгѣ, его зять былъ бы челоуѣкъ дѣйствительно богатый, а теперь что то онъ отвѣтитъ мнѣ? И кто бы это такой былъ женихъ Евгенія? Можетъ быть она влюблена въ него, можетъ-быть она давно уже и забыла что существуетъ нѣкто Анатолій, которому она клялась принадлежать....

Посмотримъ что дѣлаетъ Гильморъ, великій изобрѣтатель шароходовъ.

Гильморъ сидѣлъ въ кабинетѣ Ноэльскаго и излагалъ ему теорію стремленія міра къ совершенству, и выгоды, которыя дастъ изобрѣтателю шароходство.

— Я могъ бы дать вамъ два милліона, говорилъ Ноэльскій, но тогда для меня будетъ слишкомъ чувствительна неудача.

— Тутъ не можетъ быть неудачи, здѣсь дѣло основано на самой простой и естественной истицѣ, на томъ естественномъ законѣ, по которому летаютъ птицы.

— Но я, не зная вашего секрета, могу сомнѣваться, отвѣчалъ Ноэльскій. Я предложу, мы поговоримъ, и ежели.... Тогда мы увидимъ что дѣлать. Вы пьете кофе?

— Благодарю, отвѣчалъ Гильморъ, взявъ чашку съ подноса: вотъ хоть бы кофе, прямо изъ Мокка на шароходѣ въ трое съ половиною сутокъ, безъ пошлннъ, безъ проволочекъ, прямо изъ рукъ производителей, и куда угодно, въ Москву, въ Лондонъ, въ

Соборъ. При большой доступности увеличится и потребность, и на одномъ кофѣ можно заработать нѣсколько милліоновъ въ годъ.

И Гильморъ приклебулъ кофѣ изъ чашки съ наслажденіемъ. А чай! продолжалъ онъ, что вы думаете о чаѣ? Если привезти изъ Китая прямо въ Парижъ, въ пятьдесятъ два часа.

Гильморъ приклебулъ опять кофѣ и закашлялся.

— Удивительно, удивительно, говорилъ Ноэльскій, но всё же такая операція стоитъ зрѣлаго обсужденія...

— Но мы даромъ потеряемъ время...

— Вы вознаградите потерянное, говорилъ Ноэльскій, можетъ быть компанія составитъ значительнѣе чѣмъ мы полагаемъ, и мы, вмѣсто трехъ шароходовъ, привезете на первый же разъ шесть.

— Но между тѣмъ тайна, тайна разгласится, сказалъ Гильморъ: омытами займутся съ большимъ усердіемъ, и можетъ быть попадутъ на мой секретъ.

— Ваша правда, отвѣчалъ Ноэльскій, но я все же долженъ по-крайней-мѣрѣ собрать деньги свои. У меня деньги въ оборотѣ, а два милліона, согласитесь, не шутка...

— Такъ что же вы мнѣ скажете окончательно? спросилъ Гильморъ вставая: захотите ли вы, не рискнуть, а положить на вѣрное предпріятіе два милліона, чтобы имѣть въ самое короткое время десять, сто милліоновъ.

— Черезъ три мѣсяца я вамъ дамъ отвѣтъ, отвѣчалъ Ноэльскій очень обязательно, вы будете такъ добры, что забудете черезъ три мѣсяца. Я надѣюсь что отвѣтъ мой вамъ будетъ удовлетворительный.

Гильморъ раскланялся, а Ноэльскій задумался о шароходахъ.

А каковы дѣла Ноэльскаго?

Если бы вы этотъ вопросъ предложили постороннему, то онъ отвѣчалъ бы вамъ тоже что отвѣтилъ, за три года передъ этимъ, Анатолій купецъ, что ему дѣлается,

Но если сказать правду, то надобно было отвѣчать: разстроенны какъ нельзя болѣе.

Съ тысяча-осемь-сотъ-тридцать-седьмого года, когда Ноэльскій повесѣ около семи-сотъ-тысячъ убытку, состояніе его постоянно упадало.

Подряды его лопались отъ самыхъ ничтожныхъ причинъ, расчеты подрывались самыми неожиданными обстоятельствами.

И напрасно Ноэльскій соединялъ всю свою тонкость, знаніе

дѣлъ, коммерческую опытность! они уничтожались отъ причинъ иногда до такой степени незначительныхъ, что казалось страшнымъ, какъ Ноэльскій, такой опытный спекуляторъ, не могъ предугадать и отвратить ихъ.

Кредитъ Ноэльскаго сохранялся въ глубокой тайнѣ, въ которой онъ держалъ положеніе дѣлъ своихъ.

Но чего ему стоило поддержать кредитъ свой! Какіе немощныя усилія онъ долженъ былъ употребить на то, чтобы скрывать каждую неудачу въ дѣлахъ, и улыбаться отъ каждой изъ потерь своихъ! Сколько надобно было навыку, осторожности, чтобы замаскировать упадокъ состоянія даже противъ самыхъ близкихъ себѣ, беречься каждаго своего слова, каждаго движенія, беречься выронить одинъ печальный звукъ, по которому можно бы было раскрыть тайну его раззоренія.

Онъ долженъ былъ жить хорошо, даже мотать, а ему мотать было нечего, даже нечѣмъ жить. Онъ долженъ былъ не задерживать выдачу денегъ рабочимъ и уплату по векселямъ, а ему платить было нечѣмъ....

И Ноэльскій употребилъ всё средства, чтобы оборотиться и занять денегъ. Онъ соединилъ на этой мысли всю свою ловкость; но эти займы только запутывали его дѣла и Ноэльскій видѣлъ, что идетъ прямой дорогой къ банкротству.

А между тѣмъ онъ свободно говорилъ съ Гильморомъ о двухъ милліонахъ.

Наконецъ Ноэльскому не было средствъ достать въ долгъ денегъ.

Недвижимыя имѣнія и дорогія вещи были въ залогѣ, а подъ вексель никто не давалъ.

Тогда оборотливость Ноэльскаго развилась еще болѣе, онъ началъ занимать товаръ.

Но взгляните, какова была потеря въ этихъ займахъ!

По чувству гордости, Ноэльскій не хотѣлъ уронить себя, шатаясь по ростовщикамъ, и представлялъ это комиссіонеру, платя ему за это до четырехъ процентовъ съ суммы, на которую комиссіонеръ доставалъ товаръ.

Товаръ отдавали Ноэльскому по дорогой цѣнѣ, а Ноэльскій спускалъ по дешевой; и на дорожую-то цѣну онъ долженъ былъ платить процентовъ по шести въ мѣсяць. Какое же состояніе не рушится отъ подобныхъ займовъ.

Но это были послѣднія судороги умирающаго, и займы, кото-

ые дѣлались чаще и чаще, окружили Нозьскаго такой сѣтью долговъ, что ему нельзя было окончить дѣлъ своихъ даже честнымъ банкротствомъ, онъ долженъ былъ объявленъ злостнымъ банкротомъ.

Множество векселей было протестовано на Нозьскаго и каждый день онъ ждалъ, что его имѣние, онъ самъ, все будетъ во власти заимодавцевъ.

Но какая-то счастливая судьба откладывала его рѣшительное надеіе со дня на день, какъ бы желая дать ему средство поправиться. Три раза Нозьскій подписывалъ свое банкротство и все не былъ банкротъ.

Первый разъ ему нужно было заплатить вексель въ сто тысячъ рублей; денегъ у него рѣшительно не было, и первая посылка изъ какого-то подряда приходилась не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца и то въ случаѣ его исправности. Нозьскій думалъ, что онъ рѣшительно банкротъ. Вдругъ протестованный вексель исчезъ и уплаты по немъ не требовалось.

Другой разъ Нозьскому нужно было произвести значительныя уплаты процентовъ за залоги представляемые по подрядамъ: его спасъ подрядъ, одинъ выгодный подрядъ въ продолженіе трехъ лѣтъ.

И страннѣе всего именно въ этомъ подрядѣ Нозьскій не ожидалъ выгоды. Подрядъ былъ на русское полотно.

Вдругъ приходитъ какой-то дворовый человѣкъ и предлагаетъ купить у него полотно.

— Много ли штукъ? спрашиваетъ Нозьскій.

— Двѣ тысячи штукъ! отвѣчаетъ человѣкъ.

— Двѣ тысячи штукъ! съ удивленіемъ сказалъ Нозьскій: откуда столько?

— Не мое, барское, отвѣчалъ дворовый человѣкъ: меня послали продавать.

— А богатъ твой баринъ?

— Не баринъ, а барыня....

— А чья ваша барыня.

Человѣкъ сказалъ фамилію.

Нозьскій никогда не слышалъ такой фамиліи.

— Много ли у ней душъ?

— Двѣсти!

— И отъ двухъ сотъ душъ столько полотна?

— Не мудрено, баринъ. Барыня наша живетъ тихо, большого

выѣзда не дѣлаетъ и шепчетъ полотно, чай, послѣ самой смерти барина—тому лѣтъ пятнадцать, —а теперь деньги понадобятся, такъ и послала продавать.

— Отчего же непремѣнно теперь деньги понадобятся.

— Барышню замужъ выдаютъ.

Нозльскій сторговался на полотно очень дешево, велѣлъ приходить за деньгами, занялъ и заплатилъ человѣку, потомъ получилъ за полотно чуть ли не въ четверо противъ своей цѣны.

И другой разъ Нозльскій былъ спасенъ.

Въ третій разъ, казалось, ему не было средства какъ-нибудь отсрочить минуту паденія. Нужно было заплатить рабочимъ, у него не было ни копѣйки. Нозльскій объѣздилъ весь Петербургъ, доставая деньги или товаръ, но не досталъ ничего.

Осталось послѣднее средство, продать или заложить мебель въ домѣ и домашнее серебро. Но если Нозльскій это сдѣлаетъ, то всѣ кредиторы подадутъ ко взысканію свои векселя, а онъ только тѣмъ и держится, что каждый изъ кредиторовъ особо рассчитываетъ: одной движимости у него болѣе, чѣмъ стоитъ мой вексель. А денегъ нѣтъ, что дѣлать?

Нозльскій уѣхалъ изъ столицы, ѣздивъ два мѣсяца, но денегъ не могъ достать. Приѣхалъ, сказался больнымъ. Наконецъ рабочіе вышли изъ терпѣнія, хотѣли жаловаться.

Нозльскій не зналъ, что дѣлать. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ, перебиралъ знакомыя ему имена, но не надѣялся достать ни у кого.

Человѣкъ доложилъ, что опять пришли рабочіе денегъ просить.

Нозльскій сказалъ:—Скажи имъ, чтобы они пришли завтра утромъ, я имъ все заплачу.

Почему сказалъ это онъ, на что надѣялся? Нозльскій и самъ не зналъ. Онъ думалъ: выиграю день уплаты. Но что значить одинъ день противъ цѣлой жизни.

А Нозльскому не было еще сорока лѣтъ.

Онъ могъ прожить еще сорокъ, и какъ прожить?

Банкротомъ, сидѣть въ тюрьмѣ и потомъ какъ нищій шататься по улицамъ выпрашивая милостыню, или долженъ умереть съ голоду.

Вошелъ Сорокинъ.

Видно было по всему, что Сорокинъ зналъ положеніе Нозльскаго не хуже его самаго, но Нозльскій замаскировалъ себя передъ нимъ.

— Что вы задумались, Дмитрій Семеновичъ, сказалъ Сорокинъ.

— Да что братъ, изъ деревни денегъ не шлютъ, а завтра надобно платить мелкимъ подрядчикамъ.

— Э, Дмитрій Семеновичъ! съ вашимъ состояніемъ, съ вашимъ кредитомъ, и вы этимъ затрудняетесь?

Ноэльскій горько улыбнулся при словахъ: ванъ кредитъ, ваше состояніе.

— Нынче вѣкъ не такой, любезный мой Сорокинъ, сказалъ Ноэльскій: нынче не вѣрять ни кредиту, ни состоянію, а вѣрять только налчнымъ. Каковы твои дѣлшки?

— Ничего, слава Богу, другой домъ покупаю въ Разъѣзжей.

— А первый-то домъ гдѣ? спросилъ Ноэльскій.

— Въ Хлѣбномъ переулкѣ.

— Ну, и дома служатъ залогамъ?

— Какъ быть, Дмитрій Семеновичъ, нашему брату та и выгода въ домахъ,— доходъ съ дома доходомъ, да и въ залогъ по подрядамъ идетъ. Оно, знаете, процентовъ платить не надобно, да и со своимъ-то залогомъ все какъ-то по-спокойнѣе. Какъ же вы думаете съ рабочими-то?

— Да ничего придумать не могу, научи братъ Сорокинъ, или нѣтъ ли своихъ, — одолжи!

— Готовъ бы служить вамъ, Дмитрій Семеновичъ, да только вчера всё роздалъ. Развѣ для васъ итти въ коммиссіонеры.

— Обяжи братъ, вотъ ужъ истинно заставилъ бы благодарить!

— Благодарность извѣстная, четыре процента. Пойду, готовъ служить вамъ. А сколько нужно денегъ?

— Бездѣлица, тысячъ тридцать всего.

— Ну, что Богъ дастъ, а я къ вашимъ услугамъ! и Сорокинъ уѣхалъ.

Ноэльскій ждалъ его съ нетерпѣніемъ. Онъ ходилъ по комнатѣ и думалъ:

— Ахъ, если бы онъ привезъ деньги, выручилъ бы изъ бѣды, чисто выручилъ бы.... Славный малый этотъ Сорокинъ.... говорили что бездѣльникъ! Да кто же нынче не хочетъ деньги нажить! Онъ съ меня взялъ четыре процента за коммиссію, а кто же бы взялъ меньше?.... Такой ужъ вѣкъ.... и думы Ноэльскаго приняли философическое направленіе.

Черезъ часъ Сорокинъ пріѣхалъ.

Ноэльскій посмотрѣлъ на него пристально. Сердце Ноэльскаго

сильно билось, онъ дрожалъ, но стоялъ такъ хладнокровно и спокойно, какъ-будто ему въ самомъ дѣлѣ не важность какія-нибудь тридцать тысячъ.

Сорокинъ поклонился и нѣсколько минутъ молчалъ. Онъ понималъ, что самое мучительное ждать.... Потомъ вдругъ Сорокинъ сказалъ: — Ну, Дмитрій Семеновичъ, сегодня рѣшительно несчастный день.

Нозельскій оперся на спинку стула, кровь поднялась къ его головѣ, но онъ сказалъ спокойно, холодно, какъ-будто ничего и не надѣялся.

— Я такъ и былъ увѣренъ.

— Да, Дмитрій Семеновичъ, несчастный денекъ, объѣздивъ полгорода, я насилу выпросилъ у Чернина, за жидовскіе проценты.

Нозельскій улыбнулся невольно, какъ ни хотѣлось ему скрыть свою радость.

— И то не всё, Дмитрій Семеновичъ!

Нозельскій опять поблѣднѣлъ.

— Только десять тысячъ.

— Не всё, для меня всё равно что ничего, отвѣчалъ Нозельскій.

— Не могу же я платить имъ въ два раза.

И Нозельскій стоялъ передъ Сорокинымъ, блѣдный какъ полотно.

— И я думалъ объ этомъ, отвѣчалъ Сорокинъ, не занятъ ли гдѣ товаромъ?

Опять улыбка мелькнула на губахъ Нозельскаго.

— Дѣлать нечего, я рѣшаюсь и на это средство, сказалъ Нозельскій, гдѣ только взять товаръ?

— Я займалъ, даютъ сахару на двадцать пять тысячъ!

— Возьми, возьми, быстро проговорилъ Нозельскій, будучи не въ состояніи скрыть свое удовольствіе, потомъ опять принялъ неподвижную физиономію и говорилъ холодно.

— Дѣлать нечего, нужно взять... когда ты побѣдешь за сахаромъ? и гдѣ бы сбыть?

— Я это спрашивалъ, Дмитрій Семеновичъ, даютъ только двадцать двѣ тысячи.

— Чтò жъ дѣлать? сказалъ Нозельскій.

— Больше не дадутъ, отвѣчалъ Сорокинъ.

Нозельскій махнулъ рукой. Такъ и быть, сказалъ онъ, отдавай за двадцать за двѣ, себѣ возьмешь тысячу....

— То есть, тысячу двести осмьдесят, Дмитрій Семеновичъ, сказалъ Сорокинъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Ноэльскій, я сейчасъ пришлю вексель, а ты вози деньги.

— Нѣтъ, Дмитрій Семеновичъ, Чернинъ велѣлъ пріѣхать за деньгами завтра въ два часа, прежде онъ ни какъ не можетъ дать, а за сахаръ я вамъ деньги привезу по-раньше.

— До двухъ-то часовъ какъ-нибудь протянемъ, сказалъ Ноэльскій.

— Не забудьте, Дмитрій Семеновичъ, въ вексель проценты на три мѣсяца, сказалъ Сорокинъ и ушелъ.

На другой день рабочіе собрались къ Ноэльскому часовъ въ шесть утра. Ноэльскій еще съ вечера велѣлъ имъ сказать, что онъ поздно пріѣхалъ, спитъ, и проснется не скоро, и чтобы они пришли въ три часа по полудни.

Но рабочіе предпочли лучше подождать.

— Знаемъ мы васъ, говорили они, а потомъ скажете: дома нѣтъ, уѣхалъ, и до ночи не воротится.

Ноэльскій не спалъ, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ Сорокина. Прошло одиннадцать часовъ, Сорокина нѣтъ, двѣнадцать, часть, два, Сорокина все нѣтъ.... А подрядчики ждутъ. Ноэльскій рѣшился ѣхать къ Сорокину.

Онъ тихонько всталъ съ постели, босикомъ на цыпочкахъ пробрался въ другую комнату гдѣ лежало его платье, одѣлся самъ, чтобы не звонить, прокрался къ заднему крыльцу и вышелъ на улицу.

Сорокинъ былъ какъ тутъ.

— Ну, что, спросилъ Ноэльскій: привезъ?

Сорокинъ помолчалъ немного, посмотрѣлъ пристально Ноэльскому въ глаза, потомъ сказалъ:

— Да! вотъ вамъ двадцать тысячъ семьсотъ двадцать рублей, которые приходится за сахаръ за вычетомъ моихъ денегъ.

— А остальные? спросилъ Ноэльскій, блѣдный какъ смерть.

— Чернинъ проситъ, чтобы вы сами къ нему заѣхали.

Ноэльскій не дослушалъ Сорокина, онъ бросился къ Чернину почти бѣгомъ.

Извозчиковъ, какъ-будто нарочно, ни одного. Ноэльскій задохся отъ скорости, наконецъ попался какой-то Ванька. Ноэльскій вскопчилъ на дрожки.

Но у Ваньши лошадь была не взнуздана и из мордѣ ея былъ привязанъ мѣшокъ съ овсомъ.

Ноэльскій выходилъ изъ себя, онъ помнилъ, что у него на дому человѣкъ пятнадцать мелкихъ подрядчиковъ идутъ покуда онъ проснется, и что даже его люди думаютъ, что онъ спитъ.

— Ну, что если войдетъ человѣкъ и увидитъ, что меня нѣтъ, думаетъ Ноэльскій.

— Скорѣй бездѣльникъ, говорилъ онъ извозчику, который едва шевелясь снималъ мѣшокъ, завязывалъ его, укладывалъ, потомъ взнуздывалъ лошадь, подтягивалъ сѣделку.

— Да скорѣй же, кричалъ Ноэльскій, стуча ногой отъ нетерпѣнія.

Извозчикъ сѣлъ, чуть тронулся, погналъ лошадь, но лошадь не шла.

Ноэльскій выходилъ изъ себя.

Наконецъ двинулись мѣрнымъ шагомъ. Но тутъ будто бы на смѣхъ, безпрестанно попадаются то пѣшеходы, то кареты, извозчикъ вездѣ сдерживаетъ..... Ноэльскій погоняетъ извозчика, но при каждомъ ударѣ кнута лошадь немножко остановится, лягнетъ и потомъ уже бѣжитъ прежней рысью..... Ноэльскій бранилъ извозчика какъ умѣлъ, а тутъ лопнула возжа.... Ноэльскій не вытерпѣлъ, онъ сталъ извозчика бить, хотѣлъ сѣсть на другаго, но другаго не было.....

Наконецъ кое-какъ дотащились до Чернииа. Черниинъ встрѣтилъ его шуткой:

— Дмитрій Семеновичъ, сколько лѣтъ, сколько зимъ! вы не браптъся ли со мной за брилліанты?

— Нѣтъ, Давыдъ Семеновичъ, нѣтъ! Я не изъ тѣхъ людей, которые помнятъ по три года. Да и не Богъ же знаетъ какія деньги, а вамъ они были пужпы и я очень радъ, что вы пользовались ими.

— Благодарю, благодарю! Ну, такъ я угадаю ежели скажу, что вы пріѣхали поговорить о томъ, о чемъ мнѣ за полчаса говорилъ Сорокинъ.

Ноэльскому чрезвычайно хотѣлось сократить время, дома его ждутъ, скоро ли онъ проснется, ему надобно платить, и Ноэльскій, можно сказать, сгоралъ отъ нетерпѣнія, но долженъ былъ слушать болтовню Чернииа.

Наконецъ Черниинъ отсчиталъ ему десять тысячъ, взялъ вексель въ двѣнадцать и Ноэльскій поѣхалъ домой.

Дома, онъ опять тихонько прокрался къ себѣ въ спальню, раздѣлся, легъ въ постель, потомъ позвонилъ, какъ-будто только проснулся. Черезъ четверть часа рабочіе были удовлетворены.

Тѣмъ же образомъ Ноэльскій спасся въ третій разъ.

Вотъ въ какой крайности были дѣла Ноэльскаго.

Множество мелкихъ векселей, которые онъ принужденъ былъ давать безпрестанно, заставляли его каждую минуту быть несостоятельнымъ. Кромѣ того былъ еще вексель, при одной мысли о которомъ Ноэльскій дрожалъ. Это вексель, которому минулъ уже срокъ и по которому не требовалось уплаты. Этотъ вексель могъ во всякое время засадить Ноэльскаго въ тюрьму. И что бы ни дѣлалъ Ноэльскій, онъ все думалъ объ этомъ векселѣ, и онъ боялся и дрожалъ отъ каждаго звонка, который раздавался у его дверей.

Иногда, чтобъ ускользнуть отъ привязчивости заимодавца, Ноэльскій, подъ предлогомъ разныхъ дѣлъ, уѣзжалъ куда-нибудь и ѣздилъ до-тѣхъ-поръ, пока находилъ средство заплатить по обязательству.

Вообразите себѣ, каково было его положеніе, ѣхать, не зная куда, не зная зачѣмъ, только бы не быть дома и не видѣть вытянутаго лица заимодавца.

Игра Ноэльскаго въ послѣдніе три года шла также неудачно, и онъ, вмѣсто того чтобы выиграть, проигрывалъ и издерживалъ послѣднія свои деньги.

Иногда онъ приготовлялъ игру, казалось, такъ вѣрно, что не было ни какой вѣроятности проиграть и проигрывалъ противъ всѣхъ вѣроятностей.

Вотъ одинъ случай.

Задорскому, котораго Ноэльскій женилъ на дочери богатаго помѣщика, пришла въ голову идея, или предсказала какая-то ворожея, что ему, впродолженіи его жизни выйдетъ очередь, на которую ему отдадутъ двадцать картъ сряду.

И онъ началъ поитировать не отгибаясь; марку держалъ десять рублей серебромъ; проигрывалъ, иногда и выигрывалъ картъ шесть, семь,—у банкюмета не было денегъ, онъ искалъ другаго банкюмета, который былъ бы весь его выигрышъ на одной картѣ. Карту Задорскій всегда ставилъ по очереди. Онъ рассчитывалъ, что если онъ дѣйствительно возьметъ отъ десяти рублей серебромъ двадцать картъ сряду, играя въ чистый дублетъ (по-

столяно удвоивая), то получить шесть-миллионовъ-двѣсти-семьдесятъ-шесть-тысячъ серебромъ.

Въ послѣднее время ему отдали девять картъ и Задорскому приходилось ставить три-тысячи-сто-десять рублей серебромъ.

На очереди была десятка. Задорскій искалъ кто бы у него на девяткѣ былъ десять-тысячъ-осемьсотъ-осемьдесятъ-пять рублей ассигнаціями.

Игроки никакъ не могли придумать, на какую бы штуку подѣть Задорскаго. Онъ довольно порядочно понималъ игру, и разумѣется, предпринималъ мѣры осторожности чтобъ не быть обманутымъ.

Нозльскій вздумалъ, что ежели собрать колоду изъ пятидесяти двухъ девяткокъ, то можно будетъ тасовать совершенно чисто, и все девятка будетъ убита по первой.

Придумавъ такимъ образомъ, онъ собралъ пятьдесятъ двѣ девятки, запечаталъ ихъ и объявилъ, что онъ согласенъ бить десять тысячъ съ чѣмъ-то на картѣ, ежели Задорскій согласится чтобы ему метали такъ-называемый кагаловскій штось, то есть, такой, въ которомъ первая считается битой. Задорскій согласился.

Нозльскій долго хлопоталъ о деньгахъ, наконецъ досталъ, пригласилъ Задорскаго къ себѣ.

Все было готово. Понтеръ пріѣхалъ, поставилъ девятку на весь свой выигрышъ. Деньги у обонхъ были на столѣ.

Нозльскій распечаталъ приготовленную колоду, далъ снять Задорскій сръзалъ.

Нозльскій оборотилъ. Но первая была десятка, а съ оника девятка. Задорскій взялъ деньги и уѣхалъ.

Какимъ образомъ попала десятка въ колоду заранѣе приготовленную и какимъ образомъ понтеръ именно подъ нее сръзалъ, этого Нозльскій не понималъ. Онъ пересчиталъ карты, было пятьдесятъ три.....

А Задорскій поѣхалъ къ Лурину.

И такъ шли всѣ его дѣла, вся игра его.

Нозльскій каждый день былъ на пыткѣ, на иголкахъ; и въ эти три года постоянной неудачи, онъ пожелтѣлъ, высохъ какъ скелетъ, волосы вылѣзли на его головѣ, онъ постарѣлъ десятию годами. Однимъ словомъ, онъ такъ переѣнился, что никто не узнавалъ Нозльскаго высокаго, плотнаго мужчину, который наслаждался совершеннымъ здоровьемъ. Всѣ мысли его занимала забота, какъ-бы поправить свое состояніе. Напрас-

но онъ придумывалъ новыя средства, напрасно хотѣлъ силою своей опытности разрушить цѣны неудачъ и опять твердой ногой стать на то мѣсто, которое онъ занималъ, и съ котораго ушелъ отъ непредвидѣнныхъ обстоятельствъ. Напрасно употребилъ всѣ усилія игрока и спекулятора, онъ падалъ болѣе и болѣе....

Въ это время къ нему явился Гильморъ съ своимъ предложеніемъ о шароходствѣ.

Нозльскому прямо представилась мысль, что единственное средство поправиться, это—воспользоваться предложеніемъ Гильмора, составить компанію шароходства.

Акціи онъ постарается взять въ долгъ, компанія повѣритъ ему и если предпріятіе пойдетъ, онъ разомъ уплатится со всѣми долгами.

Только задача въ томъ, какъ устроить компанію? Для устройства компаніи тоже нужны деньги, хоть небольшія, хоть только для того, чтобы поддержать кредитъ свой, но всё же деньги, а денегъ нѣтъ.

Но только одно это средство и представляется Нозльскому, разомъ поправить свои дѣла.

Неужели онъ обладаетъ возможностью устроить шароходы, думалъ Нозльскій. Даетъ же Богъ счастье. Нозльскій и не подумалъ, что до этого счастья нужно дойти трудомъ, усиленіемъ твердой воли, нуждой.... Что можно сдѣлать съ этимъ открытіемъ!... Хоть бы подряды, кто бы тутъ потянулся со мной когда я весь матеріалъ могу доставить на шароходахъ. Въ Москвѣ не потерялъ бы полутора ста тысячъ, а выигралъ бы двѣсти. Хорошо если бы пошло. Во всякомъ случаѣ, если онъ и обманетъ, то обманетъ не меня. Мнѣ одно средство, хлопотать объ устройствѣ компаніи, я могу тутъ выиграть на акціяхъ. А если удастся, — я богатъ.... Непременно нужно устроить компанію, надобно чтобы былъ кто-нибудь челоуѣкъ денежный.... Кто бы? Развѣ Иванъ Ильичъ! Хорошо, еслибъ онъ взялся за это дѣло: ему же денегъ дѣвать не куда. А мнѣ, что я буду дѣлать? Вотъ скоро опять сроки по векселямъ, однако я противу до осени.... Ахъ, если бы не потребовали! Платить не чѣмъ, — ну, что если потребуютъ? Онъ душитъ меня!... Хоть бы скорѣе, — да куда онъ пропалъ?... Хорошо, если бы Иванъ Ильичъ взялъ участіе въ шароходахъ, онъ бы поддержалъ меня.... Въ это время Нозльскій вспомнилъ что-то, улыбуясь: — Не понимаетъ онъ этого, думалъ Нозльскій,

и слава Богу, что не понимаетъ, а то.... Вчера я видѣлъ сына Ивана Ильича, славный мальчикъ, умный, только страшный шалуни, теперь ему лѣтъ семнадцать. Изъ него что-нибудь будетъ можно сдѣлать. Хорошо, если устроить надъ нимъ опеку, по-крайней-мѣрѣ было бы что опекать. Я вчера ему нарочно проигралъ шесть цѣлковыхъ, пускай привыкаетъ къ игрѣ, онъ же горяченькій.... Впередъ можетъ пригодиться.... А вексель-то! Боже мой!... Какъ-бы уплатиться? Средства нѣтъ.... развѣ шароходы.....

II. СУХОНИНЪ.

=

УТЪШЕНИЕ.

Не вспоминай того, что было....
Проедшей жизни грустный путь
И все, что сердцу изменило
Въ нятужной юности, — забудь!
Зачѣмъ съ улыбкою печальной
Ты говоришь: «Они прошли
И замерли въ пустой дали,
Какъ звукъ послѣдній вѣсни дальней...
Что никогда не воскресить
Твоихъ прекрасныхъ упований!
Что разучился ты любить
И вѣтъ въ душѣ твоей желаній!...»
Нѣтъ.... вѣрь мнѣ.... въ пламенной груди
Твоей огонь еще танцетъ,
Прійдетъ пора — онъ загорится.
Надѣйся, вѣрь, молись и жди!

ЮРІЙ ВОЛКОВЪ.

ВОПРОСЪ.

Ты его никогда не любила
И всегда ты была холодна;
Поклялась, а потомъ изменила!
Т. LXXXIV. — Отд. I.

Въ часъ недоброй та клятва дана...
 А вѣдь не было тяжкой неволи
 Тебѣ маткую клятву давать!
 И пришлось бы въ часъ этотъ безъ боли
 Тебѣ прошлую жизнь вспоминать.
 Ты была непричастна, я знаю,
 Той ребяческой, глупой любви;
 Ты — родная холодному краю, —
 Вѣютъ холодомъ ласки твои...
 И скажи мнѣ, когда ты узнала,
 Поняла страсти лживой языкъ?
 И зачѣмъ про любовь ты шептала
 И твой взоръ такъ стыдливо поникъ?...
 И какая жъ была въ тебѣ сила,
 Что тобою одной могъ онъ жить?
 И зачѣмъ ты его не любила?...
 А какъ жарко умѣлъ онъ любить!...
 Всю душевную крѣпость и силу
 И цвѣтущую юность свою
 Онъ тебѣ посвятилъ — и въ могилу
 Онъ сошелъ, повторяя: «Люблю!»
 И зачѣмъ ты на камнѣ холодномъ
 Одинока, блѣдна и въ слезахъ?...
 Чтѣ теперь въ твоимъ горѣ бесплодномъ?
 Онъ не видитъ его въ небесахъ...
 Или, можетъ-быть, въ сердцѣ могла
 Небывалое чувство загло
 И умершаго ты полюбила,
 Какъ живаго любить не могла?

ЮРІЙ ВОЛКОВЪ.

=

СПЕКУЛЯТОРЫ.

=

РОМАНЪ.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

I.

Анатолий съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣту отъ Сергѣя Макаровича.

Онъ по-крайней-мѣрѣ въ сотый разъ перечитывалъ письмо, въ которомъ его уведомили, что Евгения, его Евгения выходить замужъ. За кого?

Анатолия мучило жгучее любопытство, мучила ревность.

Кто тотъ?, который похищаетъ у него предметъ его задушевной мысли, цѣль его стремленій?

Въ письмѣ было сказано глухо: «Говорятъ, будто Сергѣй Макаровичъ нашелъ кладъ въ лицѣ жениха своей дочери, и мы снова надѣемся у него прекрасно обѣдать и пить превосходное вино.»

И только: слишкомъ довольно, чтобы это извѣстіе мучило Анатолия и слишкомъ мало, чтобы онъ что-нибудь узналъ изъ него. И Анатолий томился неизвестностью.

Кто же женихъ Евгения?

Общая молва ***ской губернии женихомъ Евгеніи называла Ивана Ильича Лурина. Справедливо ли это?

Сергій Макаровичъ, которому давно уже никто не вѣрилъ въ долгъ, поѣхалъ въ свою ***скую вотчину и Луринъ поѣхалъ въ то свое имѣніе, которое было не далеко отъ имѣнія Сергія Макаровича.

Сергій Макаровичъ никуда не выѣзжалъ. Луринъ бывалъ только у него.

Глаза Лурина, въ минуты задумчивости, искали встрѣтиться съ глазами Евгеніи: онъ ловилъ въ нихъ ту неизъяснимую прелесть, ту глубину чувства, которыя напоминали ему его Олиньку, и онъ забывалъ Олиньку смотря на Евгенію... Но и только!

Изъ этихъ-то безотчетныхъ взглядовъ, провинціальныя пересуды составили цѣлый романъ; разгласили, что онъ женится на Евгеніи, что это уже кончено и назначенъ день свадьбы.

Въ ту самую минуту, когда говорили такъ утвердительно, что Луринъ уже женится, онъ спрашивалъ себя:

«Неужели я ее люблю? Нѣтъ, это не любовь, я слишкомъ старъ и слишкомъ истощенъ для любви. Я не могу ни кого полюбить! Зачѣмъ же я бываю у Сергія Макаровича? Что такъ занимаетъ меня у него, что я, будто влекомый неодолимымъ влеченіемъ, спѣшу каждый день, непременно къ нему? Что мнѣ въ немъ, въ этомъ.... У Евгеніи чудные глаза! Я съ удовольствіемъ вглядываюсь въ нихъ, подмѣчаю ихъ выраженіе, невольно люблюсь этими длинными, черными рѣсницами, этой неподражаемой бровью.... Я люблю и всегда любилъ красоту, а Евгенія красавица....

«А какъ мила, какъ обворожительна она, сколько чувства въ Евгеніи.... Но я все же не люблю ея.... вѣтъ!

«Евгенія напоминаетъ мнѣ Олиньку и болѣе ничего.

«А я любилъ Олиньку до послѣдней минуты ея жизни, даже когда я мучилъ ее и тогда любилъ. А Евгенія? Нѣтъ! я совсѣмъ не чувствую къ ней того, что чувствовалъ къ Олинькѣ. Я помню: кровь кипѣла въ жилахъ, я горѣлъ.... А теперь, напротивъ, я холодно, спокойно гляжу въ черные глаза Евгеніи, не бѣшусь отъ ревности, не дрожу отъ мысли о ней, не страшусь cadaго слова, — я только тоскую, удивительно тоскую.... Когда я смотрю на Евгенію, она мнѣ кажется идеаломъ, совершенствомъ, для котораго можно забыть міръ, и грусть страшно давитъ грудь мою, сжимаетъ сердце, а тоска туманитъ умъ.... и тяжело мнѣ отъ взгляда Евгеніи.... Я думаю, зачѣмъ она такъ молода, такъ пре-

красна и затѣмъ я не молодъ? А что жъ, я былъ и молодъ и любилъ. Что же осталось отъ любви моей? Одно грустное воспоминаніе, да внутренній упрекъ, можетъ быть, совѣсти.

— Тенерь не то чувство въ груди, не та страсть: кровь не кипитъ, не волнуется отъ несбыточныхъ мечтаній, сердце не трепещетъ, только скука, одна скука....

— Миѣ все скучно. Сижу ли я съ этой шилой дѣвушкой, хорошенькой Евгеніей, наивнымъ ребенкомъ, или хожу съ Сергѣемъ Макаровичемъ по полямъ его скуднаго хозяйства, занять ли или ничего не дѣлаю, я все скучаю.... Миѣ бы хотѣлось пожелать чего-нибудь, чѣмъ-нибудь увлечься.... Заняться я ни чѣмъ не могу — тоска!

— И только долгъ, не уплаченный долгъ привязываетъ меня къ жизни. О! я уплачу этотъ долгъ!....»

И губы Луринна судорожно сжались отъ злобы, но черезъ минуту онъ опять былъ холоденъ и задумчивъ.

— А если и возбуждается во миѣ желаніе, если мысль захочетъ успокоить себя, взоръ отдохнуть на свѣтломъ образѣ невинности, то воспоминаніе не дастъ миѣ покою, не даетъ отдыху.... А Евгенія чудное дитя, милое, прекрасное, наивное, но я все же не люблю ея....»

— Какъ задумались, Иванъ Ильичъ! сказала Евгенія, вбѣгая въ комнату, гдѣ Луринъ мечталъ.

— Я всегда задумавшись, прекрасная Евгенія! отвѣчалъ Луринъ. Знаете, любуюсь вами, я задумываюсь еще болѣе....

— Вотъ мило! такъ я могу быть предметомъ думъ чьихъ-нибудь? О! вы миѣ придаете много гордости.

— А вы умѣете гордиться?

— Вы меня представляете такимъ ребенкомъ, будто я уже ничего не умѣю! Повѣрьте, дѣвушки въ нашъ вѣкъ, который вы такъ не любите, дѣвушки умѣютъ все.

— И даже кокетничать?

— Еще и какъ умѣютъ! Ахъ, Иванъ Ильичъ, какое горе! вообразите, въ саду косили траву и вмѣстѣ съ травой скосили мою камелию, а у меня только одна я была.

— А умѣютъ ли дѣвушки любить?

— Любить? Право, не знаю, умѣютъ ли, да и что въ этомъ умѣнъ....

И Евгенія задумалась, ощипывая листочки маргаритки. Она вспомнила объ Анатоліѣ.

Луринъ съ увлеченіемъ смотрѣлъ на нее.

— О чемъ вы задумались, Евгенія? спросилъ Луринъ.

— О любви! сказала смѣясь дѣвушка. Пойдите чай пить, батюшка ждетъ въ боскетной!

Сергѣй Макаровичъ, Луринъ и Евгенія сѣли пить чай.

— Какъ я была вчера нездорова, Иванъ Ильичъ! сказала Евгенія: я думала, что умру!

— А вы боитесь смерти, дитя? отвѣчалъ Луринъ.

— Нѣтъ, не боюсь! съ улыбкой, но съ грустью отвѣчала дѣвушка.

Луринъ посмотрѣлъ на нее.

Евгенія была задумчива. Что-то волновало эту милую головку, что-то тревожило ее. Мысли ея, можетъ-быть, уносили ее далеко отъ деревни, отъ отца, отъ Лурина.

Въ этомъ видѣ Евгенія была очень мила: она такъ напоминала Лурину его Олинъбу, идеаль его гордой души, и онъ думалъ:

«Я готовъ полюбить ее.»

Вмѣстѣ съ этими словами Луринъ опять вспомнилъ о своей любви къ Олинъкѣ.

«Это было чувство, думалъ Луринъ, глубокое чувство, которое искало слиться съ чувствомъ другой, которое сроднилось съ моею жизнью, съ моею душой.... И моя душа была въ моею Олинъкѣ.... А теперь? внимательно слѣжу я за своими впечатлѣніями, ловлю малѣйшее волненіе своей крови, но нѣтъ этого волненія, моя молодость ушла.... А между-тѣмъ я веселъ только тогда, когда весела Евгенія, я грущу отъ ея грусти. Она мнѣ сказала, что у ней срѣзали камелію и мнѣ стало досадно, зачѣмъ срѣзали у нея камелію? Она и прибѣжала ко мнѣ съ своимъ горемъ. Что если она полюбитъ меня?»

«Что жъ, жениться? Милая жена, милая подруга, милая хозяйка, милая мать моего сына.... Кстати, я, занятый своей идеей, вовсе не занимаюсь его воспитаніемъ.... А тутъ ему была бы мать, нѣжная, страстная и прекрасная....»

«Нѣтъ, скучно! я не люблю Евгенію! Я слишкомъ востощенъ, для того чтобы полюбить кого-нибудь....»

Сергѣй Макаровичъ получилъ письмо Анатолія и вмѣстѣ еще два требованія объ уплатѣ долговъ.

«Неужели Анатолій такъ скоро пажилъ миллионъ, сказалъ себѣ Сергѣй Макаровичъ. Надобно по-подробнѣе узнать состояніе Анатолія. Иванъ Ильичъ молчитъ, странная вещь: неужели онъ боится, чтобы я не отказалъ ему. Съ Евгеніей онъ очень нѣ-

даль, глазъ съ нея не сводить; видно, что она ему очень нравится, а между-тѣмъ молчитъ!»

Сергѣй Макаровичъ начиналъ-было заговаривать съ Лурининымъ самъ. Онъ сталъ говорить ему, что самъ хочетъ жениться. Луринъ такъ справедливо и строго сталъ ему доказывать о неприличіи жениться въ его лѣта, что Сергѣй Макаровичъ рѣшительно потерялъ надежду на Луринна.

— Чего же онъ ищетъ или ждетъ? думалъ Сергѣй Макаровичъ.

«А эти приступили просто съ кожей къ горлу, говорилъ Сергѣй Макаровичъ о своихъ кредиторахъ. Надобно писать къ Анатолю».

— Иванъ Ильичъ! мы ѣдемъ въ Петербургъ на осень, сказалъ Сергѣй Макаровичъ Лурину.

— Я тоже уже давно собираюсь, отвѣчалъ Луринъ, думая въ это время: «Неужели лѣта измѣнили меня до того, что и любовь я ощущаю подъ видомъ тоски, скуки и хандры? Нѣтъ, это не любовь! я не люблю Евгению».

Анатолій получилъ съ почты два письма: одно отъ Сергѣя Макаровича, другое отъ своего корреспондента изъ Москвы.

Сергѣй Макаровичъ очень обязательно спрашиваетъ: «Неужели Анатолій обладатель милліона?» и пишетъ, что онъ очень хорошо помнитъ свое слово и что Евгенія не забыла своего совоспитанника. Затѣмъ Сергѣй Макаровичъ увѣдомляетъ, что онъ ѣдетъ въ Петербургъ и проситъ Анатолія навѣстить его.

Анатолій задумался.

«Сергѣй Макаровичъ пишетъ о милліонѣ. Правда, я ему говорилъ, что живу милліонъ. Могу ли я обмануть его? Долженъ ли воспользоваться его довѣренностью, сказать, что у меня есть милліонъ, когда у меня нѣтъ и половины.... Какъ-будто я не могу выжидать, чтобы потомъ смѣло и прямо могъ говорить: «Да, я выжидъ, вотъ онъ! Вы сомнѣвались и съ презрѣніемъ прогнали бѣдняка. Этотъ бѣднякъ теперь милліонеръ! Но я великодушнѣе васъ, Сергѣй Макаровичъ, я прощаю и ваше презрѣніе и вашъ отказъ, и все за то только, что вы отецъ Евгению....»

«А женихъ, кто женихъ Евгению? спросилъ себя Анатолій. Но Сергѣй Макаровичъ придетъ сюда и я все узнаю....»

Съ этими мыслями Анатолій распечаталъ письмо своего корреспондента.

Корреспондентъ писалъ, что молодой человекъ, Саликовъ, известный Анатолю, проситъ въ займы четыреста-пятьдесятъ-тысячъ на вексель, который уплатитъ онъ послѣ смерти дяди. Кор

Корреспондентъ описывалъ выгоду окредитовать Саликова, несомнѣнность скорой смерти старика-дяди, которому было семьдесятъ-четыре года и писалъ о законности перехода его имѣнія къ наследнику, какъ по родству такъ и по духовному завѣщанію и сшлетилъ процентами, которые даетъ Саликовъ. Онъ за сорока-пятьдесятъ тысячъ даетъ вексель въ миллионъ.

Анатолій не хотѣлъ вѣрить глазамъ своимъ. «Сама судьба покровительствуетъ видамъ моимъ, подумалъ онъ. Надобно узнать объ этомъ повѣрше, у меня же почти всѣ деньги въ наличности.»

Вдругъ потомъ Анатолію пришла въ голову мысль: «Благородно ли будетъ съ его стороны взять у Саликова болѣе нежели процентъ на процентъ?...» Саликовъ даетъ отъ крайности, а Анатолій воспользуется крайностью чело­вѣка, дастъ ему деньги, не такъ дастъ, что ограбить его.

Гдѣ же тутъ совѣтъ, честь, благородство нравилъ, которыми Анатолій до-тѣхъ-поръ гордился?

Но вѣдь Саликовъ предлагаетъ самъ, — не Анатолій довелъ его до этого положенія, — Саликовъ будетъ ему еще благодаренъ. Анатолій дастъ ему деньги и это будетъ долженіемъ для Саликова, который теперь въ опасности изъ-за этихъ денегъ лишиться всего наследства.... и, въ видѣ вознагражденія за сдѣланное одолженіе, Саликовъ предлагаетъ заплатить миллионъ.

Нельзя же въ спекуляціяхъ и не воспользоваться обстоятельствами. Богатый не станетъ просить денегъ, а нѣтъ ничего справедливей какъ получать доходъ съ своего капитала, какъ получаютъ доходъ съ своего имѣнія.

Но процентъ на процентъ! Если бы онъ взялъ шесть процентовъ — было бы законно и справедливо. Ну хоть десять, а то — сто на сто.... Нѣтъ, Анатолій не возьметъ векселя въ миллионъ.

Но если онъ упуститъ этотъ случай, Сергій Макаровичъ узнаетъ что у него вѣтъ миллиона, откажетъ опять и Евгенія выйдетъ за другаго.... А онъ лишится ея навсегда.

Какъ же согласить тутъ и голосъ холоднаго разсудка и голосъ совѣсти? Разсудокъ говоритъ: это выгодно, это вѣрно, хорошо, — ты этимъ оборотомъ упрочишь свое состояніе, упрочишь кредитъ, женишься на милой дѣвушкѣ и устроишь свою будущность; а совѣсть твердитъ одно: помни, что ты чело­вѣкъ, христіанинъ, братъ по христіанскому закону, — и ты хочешь ограбить своего брата, ты будешь безчестенъ, будешь низокъ и пріобрѣтенія твоимъ, доставшіяся тебѣ не благороднымъ трудомъ, но дѣятельностью

уд, а низкою возможностью ограбить другаго, не принесутъ тебѣ ни пользы, ни покояствія.

И въ груди Анатолія была борьба. Онъ чувствовалъ всю справедливость голоса совѣсти. Послѣ этого оборота Анатолій уже не будетъ честный человѣкъ, который могъ бы смотрѣть въ глаза каждому и сказать: «Я нажилъ, но благородно нажилъ. Совѣсть не упрекаетъ меня ни за одинъ поступокъ противный моей чести, моему благородному образу мыслей.» Теперь совѣсть скажетъ: «Ты обрадовался чужой крайности какъ жидъ, какъ ростовщикъ, — ограбилъ, обобралъ... Жидъ взялъ бы менѣе, отъшественный наглець посоветился бы просить процентъ на процентъ.»

И Анатолій не могъ дать отчета въ своихъ мысляхъ.

То ему казалось, что ничего не можетъ быть справедливымъ, законнымъ его поступка, что онъ покупаетъ вексель Саликова и что онъ вправѣ давать за товаръ какую угодно цѣну, и что Саликовъ долженъ самъ звать, уступить ли ему за эту цѣну.

А такъ ли поступалъ Анатолій до-тѣхъ-поръ, куда демонъ скорого оборотченія не овладѣлъ имъ. Когда ему продавали отъ крайности рѣдкую вещь, не зная ей цѣны, Анатолій всегда самъ говорилъ о ея настоящей цѣнности.

Но тутъ другое дѣло: Саликовъ знаетъ, что даетъ, и вѣрно всякій бы воспользовался этимъ случаемъ.

Всякій, всѣ, — не потому ли и Анатолій хочетъ быть негодяемъ, что многіе хотятъ быть негодяями?

И противоположныя идеи смѣнялись въ головѣ Анатолія.

Ему приходило въ голову, какъ хорошо имѣть миллионъ! онъ заплатитъ долги за Сергѣя Макаровича, онъ женится на Евгеніи, онъ будетъ жить, хорошо жить.... Но онъ будетъ безчестнымъ человѣкомъ, ростовщикомъ....

Потомъ Анатолій думаетъ, что это ловкій оборотъ, которымъ долженъ воспользоваться спекуляторъ. Онъ въ умѣ своемъ перебираетъ вѣрность обезпеченія, рассчитываетъ выгоду, сколько другихъ оборотовъ замѣнитъ этотъ. И спекуляціонные чары кружатъ голову Анатолія, — онъ рѣшается дать деньги.

Но что тогда будетъ онъ въ своемъ собственномъ мнѣніи? Что скажетъ его мать, которая хочетъ въ немъ видѣть человѣка съ тѣмъ благороднымъ, великодушнымъ образомъ мыслей, какой она видѣла въ его отцѣ, своемъ мужѣ, своемъ Александрѣ?... Совѣсть не будетъ ли мучить Анатолія за лихоимства, за корыстолюбие? и гдѣ тогда будетъ его честность, благородство его ха-

рактера, его честь.... И борьба внутреннихъ чувствъ развивалась въ Анатолиѣ сильнѣе и сильнѣе. Анатолиѣ представлялъ себѣ Евгению, и любовь его къ ней соединялась съ тою всеобъемлющею, неизяснимую страстью, которую возбуждаетъ въ насъ желаніе прибытка, — и эта страсть боролась противъ его совѣсти, его воспитанія, его мыслей!... Анатолиѣ представлялъ себѣ Евгению подъ вѣнцомъ съ другимъ, плачущую Евгению и холоднаго Сергѣя Макаровича. И честь, и благородство, и совѣсть Анатолія таяли отъ этого представленія его воображенія....

Не такъ ли всегда?

Сперва гордо, холодно презираютъ проступокъ, гнушаются торгашествомъ, лихоимствомъ, корыстолюбіемъ, потомъ необходимость, нужда, заставляетъ всякаго стараться нажать. Умъ ищетъ дѣятельности и останавливается на спекуляціяхъ, гдѣ ему представляется наибольшее поприще. Человѣкъ думаетъ остаться такимъ же честнымъ, такимъ же благороднымъ, какимъ онъ былъ прежде чѣмъ пустился по скользкой дорогѣ пріобрѣтенія. Ему удача — и онъ хранитъ свои правила; но вотъ онъ поскользнулся, онъ долженъ выпутаться поступкомъ несовсѣмъ современнымъ съ его совѣстью: наступаетъ борьба, первый признакъ слабости, — онъ падаетъ.... Одинъ поступокъ ведетъ за собою другой и такъ далѣе.... Опять неудача: спекуляторъ долженъ спасти свой кредитъ, свое имя; онъ начинаетъ хитрить, оборачиваться, подличать и дѣлается такимъ же какъ тѣ, которыми прежде пренебрегалъ онъ, на которыхъ смотрѣлъ съ презрѣніемъ.

Неудалось опять — гордость его не даетъ ему сознаться въ ошибкѣ, не даетъ почувствовать, что неудача эта — наказаніе судьбы за его подлость. Нѣтъ! онъ хочетъ поправить дѣла, обращается къ средствамъ еще болѣе низкимъ, еще болѣе недостойнымъ. Онъ совершенно забываетъ и честь и совѣсть, смѣло пускается во всѣ низости, о которыхъ прежде не смѣлъ бы и подумать.... И вотъ вамъ юноша, который съ такою гордостью смотрѣлъ на низость, который съ чистотой незапятнанной совѣсти вступалъ на поприще свѣта и клеймилъ своимъ презрѣніемъ лихоимцевъ... посмотрите: онъ беретъ взятку.

Вотъ вамъ уважаемый человѣкъ, который благородствомъ своего поведенія заслужилъ извѣстность и общее уваженіе. Онъ недавно женился, и смотрите—онъ проноситъ контрабанду — кружева для жены.

Онъ не рассчитываетъ того, что тихонько провозя кружева,

онъ воруетъ у государства пошлину, онъ подрываетъ промышленность, подрываетъ трудъ.

И вотъ онъ въ кругу людей, которые привыкли уважать его, и что же? таможенный развиваетъ кружева, а онъ вертится, оборачивается, не знаетъ какъ взглянуть на свѣтъ Божій.

Не стоитъ ли онъ въ это время презрѣнія и насмѣшки?...

И вотъ что производитъ корыстолюбіе, страсть къ наживѣ и роскошь выше нашихъ средствъ.

А между-тѣмъ нашъ вѣкъ, наше положеніе въ свѣтѣ требуютъ, чтобы человѣкъ старался нажить.... И вотъ гдѣ язва нашего времени, вотъ гдѣ испорченность нашего вѣка, въ высшей степени спекуляціоннаго....

Анатолій не могъ отвести своихъ идей отъ милліона. Онъ былъ какъ-бы подѣ властью этого магическаго слова, которое оковывало его размышленія. Онъ такъ долго мечталъ получить милліонъ.... Теперь судьба даетъ ему его и онъ у него будетъ, но за этотъ милліонъ Анатолій продастъ свою совѣсть.

«Я обѣщаль.... вдругъ воскликнулъ Анатолій, я обѣщаль Сергѣю Макаровичу, что для Евгенія я забуду все, пожертвую всѣмъ, и радостью, и наслажденіемъ, и спокойствіемъ, и совѣстью, все забуду для того, чтобы нажить.... Теперь мнѣ подаетъ случай сама судьба. Неужели я откажусь?...

«А что я буду противъ Саликова? Ну, что же? Я впоследствии могу возратить ему лишнія деньги. Получивъ милліонъ, я удвою его, — вступлю хоть въ компанію разработки золотыхъ росышей, — дѣло вѣрное. Я на милліонъ получу другой милліонъ въ два, много три года. И тогда я отдамъ Саликову его пятьсотъ-тысячъ, оставлю себѣ только законные проценты. Стало-быть я брать у него только займы, только для оборота.... А брать займы ни сколько не противно совѣсти, особенно когда думаешь отдать....

«Разумѣется! продолжалъ Анатолій самъ съ собой. Какъ это хорошо будетъ, когда я привезу деньги Саликову и скажу ему: «Вы думали, что имѣли дѣло съ ростовщикомъ, — вы ошиблись, отецъ ошиблись, — вотъ вамъ деньги: я у васъ бралъ ихъ только займы.» Тогда всѣ скажутъ: «Да! Наловъ благородный человѣкъ!...» И такъ кончено, надобно только обезпечить себя.

Анатолій тотчасъ же послалъ въ Москву особеннаго повѣреннаго, которому было поручено узнать настоящее состояніе дѣла и снабдить молодаго Саликова, если дѣло окажется вѣрнымъ.

Узнавъ, что годовою докторъ старика Саликова — товарищъ его по пансіону и бывшій пріятель, Анатолій писалъ къ доктору.

Въ это время съ старикомъ Саликовымъ сдѣлался ударъ и жизнь его была на волоскѣ.

Докторъ писалъ, что старикъ не проживетъ болѣе трехъ мѣсяцевъ.

Тогда Анатолій рѣшился. Но прежде нежели онъ что-нибудь предпринялъ, Анатолій, съ помощію своего товарища-доктора, окружилъ старика своими агентами, которые всѣми средствами старались уничтожить проски родственниковъ противной стороны.

Когда все было улажено, Анатолій самъ поѣхалъ въ Москву и, удостовѣрившись лично, что нѣтъ ни какой вѣроятности потерять по векселю молодаго Саликова, отдалъ ему деньги. Анатолій могъ отдать своихъ только триста-шестьдесятъ-тысячъ, хотя у него было и болѣе, — онъ не успѣлъ въ-скорости выручить ихъ изъ оборота. Вещи же цѣныя покупаются только случайно, но обладая кредитомъ, имѣя вездѣ довѣренность, Анатолій ни сколько не заботился о девяноста-тысячахъ, отданныхъ имъ Саликову изъ закладныхъ.

И вотъ опять все состояніе Анатолія заключалось въ вексель на частнаго человѣка.

Но увѣренный въ самомъ себѣ, зная что предпринялъ все, чтобъ обезпечить вѣрность полученія, Анатолій спокойно смотрѣлъ на вексель какъ на залогъ своего будущаго счастья....

II.

Нозльскій хлопоталъ о составленіи компаніи шароходства.

Только подобное предпріятіе могло поддержать Нозльскаго и помочь ему выпутаться изъ его крайняго положенія. Съ первымъ же шароходомъ Нозльскій уплатится со всѣми; если же дѣло не пойдетъ, то онъ предварительно сбудетъ акціи за выгодную цѣну и успѣетъ оборотиться съ деньгами. Слѣдовательно, для него во всякомъ случаѣ было выгодно чтобы компанія составилаь.

Но чтобы ему повѣрили акціи, онъ долженъ поправить свой кредитъ, принявши на себя какое-нибудь блестящее дѣло, долженъ поддерживать Гильмора, чтобы всѣ видѣли что онъ принимаетъ въ немъ участіе и чтобы Гильморъ почиталъ его богатымъ человѣкомъ и вѣрилъ ему.

А у Нозльскаго не было ни гроша денегъ.

Въ это время подходилъ новый срокъ уплаты по векселямъ; уплата была значительная, по тремъ векселямъ шестьдесятъ тысячъ серебромъ.

Три раза Ноэльскій спасался отъ наденія. Спасется ли онъ и въ четвертый разъ?

Винный откупщикъ какой-то губерніи оказался несостоятельнымъ. Откупъ отдавали съ аукціона.

Ноэльскій рѣшился снять этотъ откупъ.

Для Ноэльскаго откупъ могъ служить тѣмъ бросающимся въ глаза предпріятіемъ, которое хотъ на время сильно подниметь его кредитъ.

И если откупъ будетъ выгоденъ, какъ Ноэльскій рассчитывалъ, то онъ дастъ ему средство поуплатиться, а главное, возбудитъ къ нему полную довѣренность кредиторовъ и акціонеровъ. Акція ему дадутъ въ долгъ и продажа ихъ будетъ для него выгоднымъ оборотомъ.

Онъ сейчасъ же заплатитъ тѣ взъ векселей, для которыхъ наступилъ срокъ; продажа акцій ему будетъ вспомогательнымъ средствомъ и для откупа, а очистившись — онъ можетъ въ тѣхъ же рукахъ занять денегъ и эти деньги употребить, по благоусмотрѣнію, или на уплату другимъ кредиторамъ, или заплатить въ компанію за забранныя акціи. Такимъ образомъ у Ноэльскаго будутъ два предпріятія, которыя будутъ поддерживать другъ друга и оба помогутъ ему оборотиться, даже и въ томъ случаѣ, если бы они и не пошли согласно съ расчетами, выгодно.

А если шароходъ прійдетъ, дивидендъ съ тѣхъ акцій, которыя останутся у него, покроетъ сумму, должную Ноэльскимъ компаніи за акціи; откупъ уже пересрочитъ векселя, и съ слѣдующимъ шароходомъ Ноэльскій будетъ опять богатый человекъ.

И мечта, иногда невольна, рисовала Ноэльскому шароходъ, который съ шумомъ летитъ мимо его глазъ. Ноэльскій ждетъ минуты когда онъ опустится, шароходъ опустился и — у Ноэльскаго груды золота.

И такъ надобно снять откупъ.

Для этого Ноэльскій опять сошелся съ Мерледерскимъ, который въ послѣднее время отъ него отсталъ, и сталъ торговаться.

Тутъ Ноэльскій долженъ былъ вести себя съ чрезвычайнымъ благоразуміемъ.

Во-первыхъ, ему нужны были залогн.

У Лохселя было семьсотъ душъ, которыхъ она никогда не да-

ала для залоговъ, оставляя ихъ какъ бы въ резервъ на случай неудачъ и разоренія.

Нозльскому хотѣлось заставить ее отдать и это послѣднее имѣніе. Для этого онъ долженъ былъ ставить положеніе свое въ выгодномъ свѣтѣ даже дома. Потому ему нужно было торговаться, сулить сотню тысячъ отступнаго, а у него не было и тысячи рублей.

И Нозльскій въ одно и тоже время долженъ былъ спокойно говорить: понесу триста тысячъ убытку, такъ понесу, а вамъ не отдамъ, берите лучше: вотъ вамъ семьдесятъ тысячъ, которые я даю вамъ. И въ то же время: тутъ вѣрныхъ полмилліона выгоды, Дашинька, не бойся.....

Между-тѣмъ долженъ былъ искать, гдѣ бы достать эти семьдесятъ тысячъ, которыхъ обѣщалъ и которыхъ у него не было.

Къ Лохсель Нозльскій былъ ласковъ, вѣжливъ, безпрестанно рассчитывалъ ей выгоды откупа. Передъ соперниками по откупу — богатъ, независимъ; передъ заимодавцами уклончивъ; передъ Мерледерскимъ — честенъ, состоятеленъ. Онъ долженъ былъ выдержать всѣ эти роли, обыкновенныя въ жизни спекулятора, но слишкомъ тяжелыя, особенно въ минуты несостоятельности. И наконецъ Нозльскій долженъ былъ добыть денегъ, гдѣ бы то ни было.

Къ этому времени Анатолій пріѣхалъ изъ Москвы.

Онъ откуда-то узналъ, что въ губернію, которой откупъ отдавался, назначенъ военный постой, слѣдовательно, расходъ на водку увеличится. Анатолій не хотѣлъ упустить этого случая пріобрѣсти и потому тоже сталъ торговаться.

Желающихъ снятъ откупъ составилось три партіи: одна Перханова съ Сорокинымъ, другая Нозльскаго съ Мерледерскимъ, — надобно сказать, что они ничего не знали о военномъ постое, — а третія партія соединилась въ одномъ лицѣ Анатолія.

Князь Рахмановъ, графъ Вердинскій и извѣстный спекуляторъ Соловьевъ, предложили свои имѣнія въ залогъ Анатолію.

Выгода представлялась значительная и Анатолій хотѣлъ оставить откупъ за собой.

«Вотъ, думалъ Анатолій, я и буду со средствами уплатить долгъ Саликову: я на откупѣ могу получить болѣе пятисотъ-тысячъ барыша.

Сергій Макаровичъ пріѣхалъ изъ деревни въ Петербургъ.

Анатолій поѣхалъ къ нему.

Евгенія встрѣтила Анатолія со слезами на глазахъ; она какъ

дти радовалась увидѣть своего брата, жениха, первую мечту своей молодости. Теперь она любовалась его экономіей, уже лжественной; она цѣнила его любовь, которая сообщала столько энергій молодому человѣку; она гордилась этой любовью.

Анатолій почти все время былъ у Евгениі. Онъ былъ счастливъ. Чѣмъ болѣе узнавалъ онъ Евгению, тѣмъ сильнѣе призывался къ ней; чѣмъ болѣе онъ анализировалъ эту дѣвушку, то гордую, то наивную, то неприступную красавицу, то милого ребенка, тѣмъ болѣе онъ чувствовалъ какъ будетъ счастливъ обладая ею.....

Нозльскій между-тѣмъ думалъ: гдѣ бы ему достать денегъ на отступное, на заведеніе и на уплату векселей. Хотя бы гдѣ-нибудь выиграть, подумалъ Нозльскій.

Ему пришелъ въ голову Батугинъ.

Батугинъ былъ теперь въ полумилліонѣ. Если бы Нозльскій придумалъ какую-нибудь штуку, на которую поддѣлъ бы Батугина, то его горячность ручалась, что онъ проиграетъ все разонъ.

Но какую придумаетъ Нозльскій штуку, чтобы онъ могъ Батугина поддѣть?

Батугинъ уже десять лѣтъ играетъ въ карты и игрой составилъ себѣ состояніе.

Онъ игралъ всегда горячо, на всѣ деньги какія у него были; игроки со дня на день ждали, что онъ проиграется, а Батугинъ между-тѣмъ выигрывалъ. И теперь у него было полмилліона, да прожилъ онъ въ эти десять лѣтъ больше полумилліона.

Нозльскій нѣсколько разъ пытался обыграть Батугина, но всегда неудачно. Игра оканчивалась не многимъ,—тысячъ десять, двѣнадцать не болѣе.

А Нозльскій былъ тогда со средствами и, бывало, нарочно выписывалъ игроковъ для Батугина.

Какъ же обманетъ его Нозльскій теперь, безъ копѣйки денегъ, безъ искуснаго игрока, котораго могъ бы посадить, и безъ ловкой штуки, которую самъ бы противъ Батугина могъ сдѣлать, когда прежде, и съ деньгами, и съ игрокомъ, Нозльскій не могъ его обыграть.

Трудно взять полмилліона безъ гроша за душой. И Нозльскій опять мучился, на какую бы штуку Батугинъ могъ попасться и гдѣ бы достать денегъ.

Больше выиграть не у кого.

Нояльскій рѣшительно не могъ придумать, а ереть унаеты по вокселямъ близю, на откушъ назначена переторжка.

Анатолий блаженствовалъ въ полнотѣ счастья, которыми дарить любовь.

Евгенія любила Анатолия.

Когда она почувствовала въ груди своей эту страсть, которая какъ-бы внезапно выросла изъ ея первой привязанности, изъ ея дѣтской любви, ей стало страшно... Ей казалось ужаснымъ, что она свою волю, свою мысль, свои желанія, подчинила чужой волѣ, чужому желанію, что радовалась радостію Анатолия, грустила его горемъ. Сначала она не могла вдругъ превозмочь себя, вдругъ поддаться могуществу страсти, но любовь взяла свое и существованіе ея слилось съ существованіемъ Анатолия.

И когда она вспомнила первую свою привязанность къ нему, ей казалось удивительнымъ, что она могла быть такъ холодна, такъ равнодушна, что даже могла вынести три года разлуки; ей казалось непонятнымъ ея перерожденіе и она приписывала силу любви своей могуществу Провидѣнія.

Теперь она вполне оцѣнила любовь Анатолия, энергію его воли, которую создала въ немъ его любовь къ ней, — это всегда умѣютъ цѣнить женщины. Теперь Евгенія полюбила Анатолия такъ, какъ едва ли кто-нибудь надѣется быть любимымъ.

Анатолий, этотъ счастливецъ изъ смертныхъ, безмолвно ушавался наслажденіемъ взаимности.

Осторожный Сергѣй Макаровичъ отложилъ свадьбу дочери до смерти старика Саликова.

И такъ, смерти Семена Петровича ждуть съ нетерпѣніемъ трое, его племянникъ, и молодая чета, которой смерть богатаго Семена Петровича будетъ знакомъ къ ихъ соединенію. Къ чему же жилъ Семенъ Петровичъ? Къ чему же копилъ онъ свои богатства? Неужели только для того, чтобы три человека, которые и не вспоминать о немъ послѣ его смерти, ждали ея съ нетерпѣніемъ. Избави Богъ умереть смертію стараго холостяка....

— Она выходитъ замужъ, говорилъ самъ себѣ Луринъ, опускаясь въ кресло: замужъ, за другаго, за этого мальчика... Луринъ закусилъ свою нижнюю губу и замолчалъ.

Потомъ Луринъ вскочилъ, нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ. Глаза его сверкали, въ походкѣ было замѣтно лихорадочное волненіе.

— Да мнѣ что за дѣло, вѣдь я ея не люблю, говорилъ Луринъ, стараясь привести себя въ спокойное положеніе.

Въ отвѣтъ на эти слова Луринъ почувствовалъ, что тоска, совершенно другая, какою онъ иногда не чувствовалъ, овладѣла всѣмъ его существомъ. Онъ теперь понималъ бы выраженіе: «зѣва съестъ мое сердце».

Въ груди, въ нуксѣ, въ головѣ, Луринъ ощущалъ бѣшеніе своей крови, которая неправильно и сильно ударила въ его жилы.

«Я ее не люблю, правда! Не тѣ ощущенія волнуютъ меня теперь, а не то чувствовалъ къ Ольгѣнкѣ, совсѣтъ другое стремленіе было... но что то жметъ меня оттого, что она полюбила не меня».

«Какая иная и прекрасная жена она будетъ! какое счастье взять себѣ этого чуднаго ребсика; полнога наивности, радости, стыдливости и страсти.... И она не моя, не моя....»

Луринъ остановился посерединѣ своего кабинета и былъ,—не спокойный, холодный Иванъ Ильичъ Луринъ,—нѣтъ, онъ горѣлъ, глаза его налились кровью и были красны, на лбу выступилъ потъ. Въ его позѣ, въ его взглядѣ, было вѣдно волненіе.

Луринъ любилъ.

Въ деревнѣ, глазъ на глазъ съ Евгеніей, онъ умѣлъ оцѣнить всю ея прелесть и всю ея красоту, но не могъ дать отчету въ своихъ чувствахъ. Его лѣта не первой молодости, его истощеніе не дало ему почувствовать силу новой страсти, которую онъ ощущалъ. Онъ сравнивалъ свои настоящія ощущенія съ тѣми, которыя волновали его, когда онъ сидѣлъ съ своей Ольгѣнкой и находилъ, что эти ощущенія не тѣ, слѣдовательно, Луринъ не любитъ Евгенію, вѣдь Ольгѣнку онъ любилъ.

Но Иванъ Ильичъ забылъ, что и онъ теперь не тотъ, и лѣта не тѣ, слѣдовательно и любовь, которую онъ почувствовалъ, уже не можетъ быть та. И онъ обманывалъ себя, говорилъ что любитъ Евгенію только оттого, что находитъ въ ней сходство съ Ольгѣнкой, что онъ просто любитъ ея красоту, ея грацію, какъ любить все изящное....

Вдругъ слова: «она выходитъ замужъ.....» Эти слова были искрой брошенной въ порохъ. Они заставили вспыхнуть страсть Лурина съ неизмѣримой, волшебной силой его кипучей крови.

Онъ уже не въ состояніи былъ ни владѣть собой, ни холодно обдумывать: онъ былъ какъ бы въ огнѣ.

Потомъ Луринъ вдругъ принялъ на себя спокойную физиономію.

— Не хочу ли я опять разрушить счастье дѣвушки? сказалъ

онъ: но за что же я буду несчастливъ?... За что я ни въ чьей груди не нахожу отвѣту на мое чувство, которое, кажется, готово охватить собой всѣхъ и все.... За что судьба преслѣдуетъ меня во всемъ.... к чему стремится мое сердце, мое желаніе, моя мечта?... Но я не покорюсь судьбѣ, я выше ея ударовъ!... Вскъ свой я боролся противъ судьбы и теперь, на зло всѣмъ, на зло судьбѣ, я буду счастливъ, потому что я хочу быть счастливымъ.... Оливка полюбила меня и Евгения полюбить....

А Анатоій? Что же! онъ сталъ на моей дорогѣ, кто виновать? Одинъ изъ двухъ!....

И Луринъ сталъ писать въ Москву къ одному изъ своихъ безчисленныхъ кліентовъ....

Ноэльскій измучился, стараясь составить компанію или достать денегъ, и не могъ сдѣлать ничего.

Передъ Гильморомъ онъ извинялся тѣмъ, что занятъ откупомъ и памскулъ, что ему и самому не худо похлопотать.

Гильмору указали на Ивана Ильича Лурина, какъ на человѣка, который болѣе всѣхъ имѣлъ средство принять участіе въ его открытіи.

Ноэльскій согласился съ Перхановымъ дать Анатоію на откупъ отступное, чтобы этотъ не мѣшалъ имъ, и самимъ снять откупъ по поламъ.

Анатоій, зная о военномъ постоеѣ, не соглашался и хотѣлъ удержать откупъ за собой.

Перхановъ съ Ноэльскимъ рѣшились предложить одно изъ двухъ: или чтобы Анатоію взялъ тридцать-пять тысячъ серебромъ и отступился, или взялъ бы пятнадцать тысячъ и вступилъ бы къ нимъ въ пятую долю.

Это было въ среду. Вечеромъ всѣ они были званы на вечеръ къ Ивану Ильичу и тамъ Ноэльскій, Перхановъ и Мерледерскій рѣшились предложить Анатоію одно изъ своихъ условій.

Окончательная переторжка назначена была черезъ девять дней въ пятницу. Утромъ, въ среду же, Анатоій получилъ извѣстіе, что богатъ, старый холостякъ Семенъ Петровичъ Саликовъ умеръ. Анатоій отправилъ ту же минуту въ Москву своего повѣреннаго узнать состояніе дѣла и далъ ему срокомъ непремѣнно явиться наканунѣ окончательной переторжки.

По расчету времени, курьеръ долженъ былъ пріѣхать къ тремъ часамъ, въ ночь съ четверга на пятницу.

Окончивъ эти распоряженія, Анатоій поѣхалъ къ Лурину.

Луринъ былъ къ нему особенно обязателенъ. Анатоію при-

использовалъ это могущество милліона, который онъ долженъ получить.

Ноэльскій и Перхановъ сдѣлали свои предложенія. Изъ ихъ словъ и по суммѣ, какую они ему предлагали, онъ видѣлъ, что они ничего не знаютъ о военномъ постоеѣ, поэтому онъ отказался опять.

Перхановъ и Ноэльскій удивлялись его настойчивости, хотѣли было сами просить отступное, но Перхановъ не рѣшался ни на что, не поговоривъ съ Сорокинныиъ.

Между-тѣмъ Сорокинъ получилъ извѣстіе о дуэли молодого Саликова, снѣшилъ увѣдомить Перханова, и въ это время ждалъ его у подъѣзду.

Сорокинъ давно уже слѣдилъ за каждой спекуляціей Анатолія, всѣ они поражали его своей снѣльностью. Онъ говорилъ себѣ: когда-нибудь промахнется; я теперь никто лучше Сорокина не знаю, что, потерявъ эти деньги, Анатолій банкротъ, и потому торопился увѣдомить Перханова, чтобы тотъ, давши ему отступное, не далъ средство снова поправиться.

Разговоръ ихъ мы уже слышали.

— Какъ бы узнать, дѣйствительно ли Анатолій потерялъ все, говорилъ Иванъ Павловичъ.

— Само дѣло покажетъ, говорилъ Сорокинъ: онъ у насъ будетъ въ четвергъ передъ переторжкой.

— Да, у меня назначено окончательно условиться относительно откупа.

— Мы вдругъ ему скажемъ о дуэли молодого Саликова и займѣмъ.

— Вотъ что я сдѣлаю: во-первыхъ, у меня есть вексель Анатолія, его завтра утромъ продамъ Черпину.... сказалъ Перхановъ.

— Да еще кромѣ того, надобно купить всѣ векселя какіе есть, другихъ наследниковъ Семена Петровича, дѣло не худое.

— Да скажи мнѣ, ты слышалъ? Ноэльскій устрояетъ какую-то новую компанію.

— Вздоръ, Иванъ Ильичъ, говорятъ будто какъ-то по воздуху летать будутъ.

— Чтò жъ, братецъ, можетъ быть, открытіе, надобно узнать.

— Кончѣйка бы не далъ на это дѣло, отвѣчалъ Сорокинъ.

— Ты, братецъ, этихъ вещей не понимаешь, сказалъ Перхановъ. Теперь какъ бы не промахнуться въ Анатолій; главное, вдругъ ухнемъ, молодой Саликовъ убить.

— Поскорѣ бы четвергъ!

Между-тѣмъ Анатолій тоже съ нетерпѣніемъ ждалъ четверга. Въ ночь на пятницу, онъ долженъ убѣдиться что онъ миллионеръ.

Такихъ мгновеній въ жизни нельзя ждать хладнокровно. Нетерпѣніе, узнать точно ли онъ получитъ все, что только желаетъ, чего надѣется, у Анатолія было такъ велико, что онъ отправилъ еще нарочнаго, который долженъ былъ заставить его повѣрившаго во что бы то ни стало, быть въ ночь на пятницу.

Наступилъ четвергъ. Сердце Анатолія билось сильнѣе обыкновеннаго. Онъ хотѣлъ бы, чтобъ было уже завтра,—день, въ который онъ узнаетъ время, когда долженъ получить свой миллионъ.

Въ этотъ день онъ не пошелъ къ Сергѣю Макаровичу, ему тяжело бы было даже и съ Евгеніей. Миллионъ занималъ мысли его, миллионъ душилъ даже силу его любви...

Вечеромъ ему нужно было идти къ Ивану Павловичу Перханову. Онъ не пошелъ бы, еслибъ не откукъ, въ которомъ онъ надѣялся получить, хотя не миллионъ, однакъ всё-жъ тысячу четыреста, можетъ и пятьсотъ, которыми нельзя было пренебрегать.

Нетерпѣніе соединенное съ надеждой, не то что нетерпѣніе соединенное съ отчаяніемъ; и когда Анатолій, съ гордой самоувѣренностію взглянулъ на себя, онъ былъ доволенъ, онъ былъ счастливъ, и полетѣлъ къ Перханову совѣтъ съ другими мыслями, съ другими идеями, нежели какія мучили его утрѣмъ.

Анатолій почиталъ себя теперь какъ бы уже получившимъ извѣстіе, такъ, что онъ ничего не желалъ, по-крайней мѣрѣ на это время. И Анатолій весело вошелъ въ гостиную Перханова.

Гости уже съѣхались.

На этомъ вечерѣ вы встрѣчаете все старыхъ знакомыхъ, которыхъ видѣли у Ноэльскаго. Но здѣсь нѣтъ той игры, которая превращала вечеръ Ноэльскаго въ выгодную спекуляцію, хотя и здѣсь должно беречься Давыда Семеновича и ему подобныхъ. Но по-крайней-мѣрѣ нѣтъ этого общаго грабежа, приведеннаго въ систему, и гости заняты не одной спекуляціей.

Къ хозяйкѣ дома, Саррѣ Ивановнѣ Перхановой, милой, умной и очень хорошенькой жещинѣ, ѣздилъ нѣсколько порядочныхъ дамъ, которыхъ, разумѣется, не могла принимать къ себѣ Лохсель, и кругъ молодежи, группирующійся около этихъ дамъ, сдѣлалъ бы честь самому отборному обществу.

Нездесь же были и асерсты, спекулянты и разных родов промышленники, здесь был и Чернышъ, был и Лямовъ.

Одинъ словенъ общество дѣлалось на двѣ половины. Одно было общество хозяина, другое общество хозяйки.

Средину между этими обществами составляли два человѣка, оба избранные нами для описанія.

Это Анатолий и Луринъ.

Луринъ вѣчно холодный, вѣчно насмѣшливый, сидѣлъ около трельяжа и смотрѣлъ съ видомъ безотчетно холоднаго наблюдателя на проходящихъ: онъ какъ-будто хотѣлъ проникнуть мысли каждаго изъ нихъ и какъ-будто читалъ ихъ ощущенія. И ничего же показывалось на этомъ лицѣ спокойномъ, безчувственномъ.

Но вотъ вошли Анатолий и Ноэльскій.

Судорожное сжатіе губъ, яркій огонь, лучемъ сверкнувшій изъ глазъ Лурина, и злоба, которая противъ его воли отпечаталась на его лицѣ, въ ту же минуту опять безчувственнымъ, показывали, что какое-то чувство волновало тогда Лурина.

И если бы вы успѣли взглянуть на него въ эту минуту и ловить мгновенное измѣненіе его физиономіи, то сказали бы что взглядъ его выражалъ желаніе мести.

На этомъ лицѣ, по видимому такъ безстрастномъ, вы бы прочитали шѣлую драму, катастрофа которой должна быть ужасна.

И если бы наблюдателемъ былъ Корсиканецъ, то его мысли выразились бы словами: у него на душѣ — кровь!...

Но Луринъ давно уже дружески отвѣчалъ на привѣтствія Ноэльскаго и Анатолія. Лице его было также блѣдно, холодно, какъ всегда, и наружная искренность, короткость, заставляла бы васъ полагать отношенія Лурина къ нимъ самыми дружескими, самыми откровенными.

Анатолий раскланялся съ нимъ, сказалъ два слова Перханову и пошелъ къ хозяйкѣ.

Молодой, беззаботный, съ удачею во всемъ, съ надеждою на сегодня, когда онъ ждетъ конца своимъ ожиданіямъ, съ состояніемъ важнымъ умомъ своимъ, и увѣренностію, что онъ можетъ выжить еще, если захочетъ, влюбленный и увѣренный въ любовь себя, Анатолий всегдо говорилъ съ дамами, окружавшими хозяйку. Сначала голова его была полна идей о сегодняшнемъ миліонѣ, объ откупѣ!...

Но мало по малу переносясь отъ одной идеи къ другой, онъ

увлекся живыми разговоромъ, который нельзя передать по его живости, соли, остротѣ и любезности.

Анатолій въ это время былъ не спекуляторъ, но молодой человекъ съ улыбающейся надеждой, въ кругу любезныхъ, молоденькихъ и хорошенеккихъ дамъ.

Онъ весело шутилъ, играя словами, и острота безъ желчи, безъ этой ядовитой иронии, которая отравляетъ все, къ чему прикасается, острота невинной шутки, оживляла рассказы его не приторными сѣшкомъ слушающихъ.

Этого то состоянія духа и ждали хозяинъ и его черный повѣренный. Пора, сказалъ Сорокинъ Перханову.

— Мадамъ, новость! кричалъ Перхановъ: самая свѣжая новость! Молодой Саликовъ, племянникъ богача, убитъ на дуэли.

Анатолій не приготовился. Его поразила мысль что онъ банкротъ.

Кровь у него бросилась въ голову, потомъ отхлынула къ сердцу: Анатолій сначала покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ.

Сорокинъ съ Перхановымъ перемигнулись. Въ ту же минуту Анатолій опомнился. Онъ вспомнилъ что первое чѣмъ онъ могъ спасти себя, это — скрывъ положеніе своихъ дѣлъ, снять откупъ. Онъ сталъ разспрашивать о дуэли Саликова; шутилъ и сожалѣлъ о тѣхъ которые вѣрили ему свои деньги, какъ будто ему не было ни какого интереса въ важной новости, сказанной такъ печально Перхановымъ.

Но Сорокина трудно было обмануть, онъ говорилъ: Иванъ Павловичъ! Анатолій банкротъ.

— Да, отвѣчалъ Перхановъ, хорошо, что векселя его я сегодня продалъ Чернину.

Сейчасъ же торгуюсь на векселя другихъ наследниковъ старика Саликова.

Окружающія дамы, не думая чтобы дуэль Саликова могла тревожить Анатолія; ни какъ не предполагая, что эта дуэль разрушаетъ его состояніе, отнимаетъ надежду, уничтожаетъ счастье, продолжали свои шутки, на которыя Анатолій долженъ былъ отвѣчать. И наконецъ онъ принудили его сѣсть за презерансъ по двѣ копейки серебромъ. Представьте себѣ положеніе Анатолія.

Обязанный скрывать свои ощущенія чтобы поддержать хоть нѣсколько свой кредитъ; обязанный наблюдать игру, интересъ которой былъ слишкомъ ничтоженъ противъ его потери, въ случаѣ основательности слуха, Анатолій былъ на пыткѣ тѣмъ болѣе ужасной, что обязанъ былъ скрывать ее.

Въ три часа, думалъ Анатолий, въ три часа я узнаю все, узнаю миллионеръ ли я, или нѣтъ. Узнаю счастливый ли я изъ смертныхъ, обладатель Евгенія, огромнаго состоянія, или обанкрутившійся спекуляторъ.

Часы были одиннадцать.

Только четыре часа осталось до рѣшенія моей участи, думалъ онъ.

— Вы сдѣлали рекоизъ, говорилъ Анатолю. Извольте поставить ремизъ въ никахъ.

Анатолий готовъ былъ позволить себѣ отрубить руку, чтобы только освободилъ его отъ этой игры. Онъ отдалъ бы половину своей жизни!... Но никто не требуетъ отъ него такой жертвы, онъ долженъ играть.

И Анатолий, дрожащей рукой, записывалъ ремизъ.

— Этого быть не можетъ, они нарочно сказали чтобы испугать меня и самимъ сыграть откупъ, думалъ Анатолий. Ему говорили: «Анатолий—Александровичъ! вамъ говорить.»

— Пась! пась! говорилъ Анатолий.

— Помилуйте, у васъ восемь въ червахъ, говорила стоящая позади его дама.

Анатолий сердился на себя за свою разсѣянность. Когда пулька кончилась, силы Анатолия были совершенно истощены этимъ приключеніемъ, этой борьбой, которую онъ вынесъ противъ своихъ ощущеній.

Онъ рассчитался и убѣждалъ, чтобы приготовить себя услышать вѣсть, отъ которой волосы становилась у него на головѣ дыбомъ,— вѣсть, что онъ банкротъ.

— Это шутка! сказалъ ему кто-то, когда Анатолий надѣвалъ шубу.

Анатолий оглянулся, передъ нимъ стоялъ Лурпизъ съ своимъ холоднымъ взглядомъ, насмѣшливой улыбкой.

— Я знаю, это штука Сорокина. Я сегодня все узнаю, говорилъ Анатолий пробѣгая лѣстницу. Онъ поѣхалъ домой.

Мы послѣдуемъ за нимъ въ его кабинетъ, раскроемъ тамъ его мысли, его волненія.... Тогда мы узнаемъ, чего стоятъ ния спекуляторъ.

III.

Прошло двѣнадцать часовъ на столовыхъ часахъ Анатолия, когда онъ вошелъ въ свой кабинетъ.

Газовая лампа, закрытая матовымъ стекломъ, поставленная на столъ, посреди частио разбросанныхъ, частио прибранныхъ бумагъ, не добрасывала лучей своихъ до угловъ большой комнаты составляющей кабинетъ спекулятора. Нѣсколько дорогихъ мебели, бронзы и статуй, большею частию какъ предметы оборотовъ, закрытые таетой, стояли въ углахъ, и составляли мрачное убранство. Покойное кресло, и бюро съ потайными ящичками, да еще пары двѣ превосходныхъ пистолетовъ Кюхенпрейтера и черкеская шашка-волчокъ, вотъ все убранство комнаты.

Анатолій вошелъ въ кабинетъ.

Потъ каплями показывался на его лбу, онъ отеръ потъ этотъ и бросился въ кресло какъ человѣкъ, который едва въ силахъ скрывать свои страданія.

Ему казалось, что лампа слишкомъ блеститъ сквозь стекло; глаза его не могли сносить и этого слабого свѣту, и онъ накиннулъ платокъ на колпакъ лампы. Въ комнатѣ стало темно, скучно какъ въ могилѣ.

Мысли Анатолія не успокоились отъ уменьшенія свѣту, онъ ронялъ въ его головѣ, раздражая воображеніе и волнуя кровь. Чтобы сколько-нибудь уменьшить свое волненіе, Анатолій вскользя и большими шагами сталъ ходить по комнатѣ.

Руки его судорожно сжимались, уста шептали невнятные слова, иногда онъ хватался за голову, какъ бы стараясь остановить потокъ своихъ мыслей.

На дворѣ была темная ночь, вѣтеръ шумѣлъ въ трубѣ, дождь стучалъ въ окна, въ крѣпости выжили пушки, показывая близость наводненія.

Анатолій не слышалъ ничего, мысли его были заняты однимъ предметомъ, одной идеей...

И эта идея, которой онъ посвятилъ столько трудовъ, столько безсонныхъ ночей, столько укоровъ совѣсти, должна была осуществиться теперь, можетъ быть сію-минуту. Эта идея была миллионъ.

Милліонъ! милліонъ!... Это слово звучало въ его ушахъ, билось вмѣстѣ съ его пульсомъ, рисовалось ему во всемъ, на что онъ глядѣлъ, и точно молоткомъ колотило его голову. Онъ теперь понималъ могущество милліона, понималъ его значеніе.

— Три часа! только три часа, осталось до той минуты когда у меня будетъ милліонъ, подумалъ Анатолій.

Эта мысль пробѣжала по жиламъ его электрическимъ сотрясеніемъ; она какъ ядъ сушила его мозгъ. Онъ чувствовалъ что

волею его сохлупть, сдвинуть, перашии образуются на лбу. Онъ чувствовалъ что мысль эта убиваетъ его, и не могъ отъвертнуть себя отъ этой мысли.

Ему хотѣлось думать о матерн,—какія удобства доставить онъ ей этимъ милліономъ,—хотѣлось думать о Евгеніи. Но милліонъ какъ-будто волшебная сила, отгонялъ отъ его головы все другіе помыслы и рясовался одинъ, самъ собою. То представлялся онъ ему въ огромныхъ слиткахъ золота, то въ обольстительныхъ сверткахъ монеты, то въ пукахъ билетовъ и асснгнацій.

Если Анатолію хотѣлось представить себѣ красоту своей Евгеніи, ему рисовался приколотый на ея груди брилліантъ, купленный къ его милліона. Онъ блисталъ сильнѣе черныхъ глазъ Евгеніи, былъ дороже ея красоты.

Все счастье, вся мечта, вся жизнь Анатолія, соединилась на одной идѣ. Онъ теперь не понималъ какъ онъ могъ жить безъ милліона, не понималъ какъ другіе могутъ жить.

— Черезъ три часа я милліонеръ, сказалъ самъ себѣ Анатолій, и все что иногда только по очереди занимаетъ нашу фантазію, все это разомъ пронеслось мимо его глазъ въ фантастической картинѣ, и все соединилось въ одномъ словѣ, которое, казалось ему, выгараетъ на кости его черепа....

Вдругъ сомнѣніе взволновало его.

— Что, если это правда, думалъ онъ, если Салниковъ убить; если все, что я устроивалъ съ такимъ трудомъ, съ такимъ самоотверженіемъ, уничтожится отъ одного ничтожнаго случая.... Что, если они мнѣ говорили правду?

И разомъ все страсти терзали Анатолія. Честолюбіе, гордость, извѣженность, даже самое сладострастіе, все это волновало его, не по очереди, не по немвогу входило въ его голову, но разомъ, какъ будто хотѣло за одинъ разъ засушить весь мозгъ его.

Анатолій такъ любилъ Евгенію что даже и теперь, когда мысли его невольво стремились къ милліону, когда милліонъ вытѣснялъ все другіе помыслы, онъ свое существованіе, свое счастье не отдѣлалъ отъ существованія Евгеніи. Онъ помнилъ что для нея сталъ спекуляторомъ.

А Евгенія будетъ недля него!... къ этимъ представленіямъ его пламеннаго воображенія, Анатолій вспоминалъ о томъ презрѣніи, въ которое облечетъ его общество, такъ жадное къ золоту.

Что такое будетъ для нихъ обанкрутившійся спекуляторъ? не будетъ ли онъ для нихъ паріей, зачумленнымъ, котораго долгъ благоразумія заставляетъ убѣгать.

Эти ощущенія, которыя далеко легче рассказать нежели пере-нести, и которыя вообразить не возможно, до того волновали Анатолія, что когда онъ отеръ потъ съ своего лица, платокъ былъ красенъ.

Онъ велѣлъ подать воды и вылилъ цѣлое ведро на голову. Это нѣсколько облегчило его.

Анатолій подошелъ къ столу. Часы показывали два.

Черезъ часъ все рѣшился, сказалъ онъ, и сталъ пристально смотрѣть на стрѣлку часовъ, которая правильно, медленно дви-галась съ минуты на минуту. Онъ слѣдилъ за этимъ движеніемъ, наблюдалъ какъ срокъ уменьшался съ каждымъ мгновеніемъ, сердце его далеко перегоняло стрѣлку и въ каждую минуту времени онъ проживалъ годъ. Пѣтъ! я не въ силахъ болѣе это-го вынести, сказалъ онъ самъ себѣ. Если не удача, то я за-стрѣлюсь.... И онъ схватилъ пистолетъ и сталъ заряжать его.

Медленно Анатолій взвелъ курокъ пистолета, нажалъ пистонъ, бросилъ порохъ, потомъ вкатилъ пулю и сталъ вбивать пыжъ. Удары шомпола согласовались съ звукомъ маятника, однообраз-нымъ, монотоннымъ звукомъ, какъ могильная пѣснь. Зарядивъ, онъ положилъ пистолетъ подлѣ себя, и взглянулъ въ зеркало.

Ему показалось что онъ видитъ какъ борода его растетъ, и какъ волосы, лишеныя пищи, бѣлѣютъ на концахъ. Онъ схва-тилъ себя за голову.

— Я застрѣлюсь, сказалъ онъ самъ себѣ.

— Миѣ не вынести убійственной насмѣшки, съ которой встрѣ-тить меня этотъ старикъ.

Онъ говорилъ о Сергѣѣ Макаровичѣ. — Миѣ не перенести обмо-рока моей матери, когда у ней стануть отнимать даже стулъ, на которомъ сидитъ она, даже стаканъ, изъ котораго она пьетъ.

А если я богатъ, милліонеръ.... О! какой роскошью, какимъ спокойствіемъ я окружу тебя, матушка! комната твоя будетъ уставлена цвѣтами и дорогими растеніями, они будутъ улаж-дать твое обоняніе; ноги твои будутъ томить въ пухъ ковровъ. Самые дорогіе плоды, самые утопченныя яства, будутъ готовы по твоему требованію.

А Евгенія... я осыплю ее брилліантами, оберну въ золотой ат-ласъ и кисею, придумаю.... да, самъ придумаю новые наряды, ко-торыя бы возвысили ея павную красоту. Она будетъ царицей, я первымъ рабомъ и поклонникомъ ея и она подаритъ любовью свое-го поклонника; и когда я, прижавъ къ ногамъ, буду ловить ея

взглядъ, она съ любовію обратится къ мнѣ и скажетъ: Все отъ тебя, другъ мой. Я ей скажу: Все для тебя прощреная Евгенія.

Онъ опять взглянулъ на часы, и съ какою-то надюбною смотрѣлъ на стрѣлку, которая придвигалась ближе и ближе. Рука его судорожно сжимала пистолеть. Онъ смотрѣлъ на цѣферblattъ какъ разбойникъ смотритъ на золото.

— Мечта! мечта! вдругъ вскрикнулъ онъ, вскочилъ съ своего мѣста: я, кажется, долженъ быть на столько опытный, чтобы не обманывать себя мечтой, мнѣ теперь осталось одно средство.... застрѣлиться. Пускай люди не смѣются въ глаза мнѣ, пускай мать моя умретъ безъ меня, проклятая трупъ мой.... да, трупъ, а не живаго сына. И онъ подвѣлъ пистолеть къ головѣ своей.... Что я, съумасшедшій что ли? сказалъ онъ потомъ: осталось четверть часа, черезъ четверть часа у меня будетъ миллионъ, изъ этого миллиона я сдѣлаю десять, сто миллионъ.... а я хочу стрѣлиться.... вѣтъ, надо дожидаться сперва роковаго извѣстія, надо узнать точно ли я....

Въ это время раздася звонокъ въ передней.

Я не умѣю вамъ разсказать что сдѣлалось съ Анатоліемъ.

На часахъ пробило три.

Онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ; кровь выстѣ съ потомъ просачивалась сквозь поры его тѣла. Члены его дрожали.... онъ судорожно поднесъ пистолеть къ своей груди.

Обратимся нѣсколько назадъ, чтобы посмотреть что дѣлается у Перханова послѣ того какъ Анатолій ихъ оставилъ.

Многіе изъ гостей замѣтили странную разсѣянность Анатолія, но не предполагали въ ней ничего важнаго. Дамы шутили, разсказывая какъ онъ пасовалъ съ четырьмя тузами на рукахъ, и какъ онъ приглашалъ когда у него на рукахъ нельзя было даже и подозрѣвать взятки, какъ съ прикупкой онъ игралъ десять, и какъ, когда вистовалъ одинъ, и взялъ обѣ взятки; онъ поставилъ ремизъ безъ четырехъ, забывая что не онъ игралъ.

Перхановъ торговался на вексель двоюроднаго брата Саликова. Сорокинъ давно уже пропасть изъ комнаты, куда онъ допускался только при особенныхъ случаяхъ.

Но былъ человекъ, который съ особенныхъ вниманіемъ прислушивался къ толкамъ о разсѣяности Анатолія. Это Чернинъ.

Онъ зналъ что Анатолій далъ займы большія деньги Саликову, слѣдовательно зналъ, что онъ много потеряетъ ежели Саликовъ дѣйствительно убитъ. Чернинъ только вчера купилъ вексель на Анатолія; кромѣ того у Чернина былъ небольшой век-

силь на Саликова; теперь его очень интересовала повесть сказавши Перхановичъ, и ему хотѣлось удостовѣриться въ истинѣ этого извѣстiя, и вѣрнѣе узнать какъ принялъ эту новость Анатолий.

Почитая, какъ большею частію почитаютъ Анатолія богаче чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, Чернинъ не думалъ чтобы онъ рѣшился рискнуть на все, но во всякомъ случаѣ онъ долженъ былъ потерять много, и Чернина влекло неодолимое желаніе излить желчь свою на человѣка, который часто умомъ своимъ уничтожалъ его въ обществѣ и подрывалъ его обороты.

Чернину также нужно было узнать, много ли кредиту останется у человѣка, съ которымъ онъ имѣлъ расчеты. Но ненависть, которую питалъ Чернинъ къ Анатолію, была такъ велика, что онъ не жалѣлъ о своей потерѣ, только бы погнѣбъ и тотъ, котораго онъ почиталъ своимъ врагомъ. Теперь желаніе манило его полюбоваться мученіями человѣка, котораго ненавидѣлъ, и онъ готовъ былъ бѣжать: вѣдь бѣгаютъ же смотрѣть на смертную казнь.

Но когда Анатолій ушелъ отъ Перханова, Чернинъ былъ занятъ преферансомъ, пуля только что начинилась. Думая вовсе не о преферансѣ, онъ поставилъ бездну ремизовъ, и только теперь успѣлъ разыграть ихъ.

Чернинъ по полтиннику проигралъ тысячу рублей ассигнаціями, и взбѣшенный проигрышемъ, побѣжалъ къ Анатолію.

Когда онъ позвонилъ, пробило три часа.

Чернинъ вошелъ въ кабинетъ Анатолія.

Любопытно было посмотреть на мгновенную измѣну положенія лица Анатолія, когда онъ увидѣлъ что вошедшій былъ Чернинъ. Необходимость скрывать всегда положеніе своего дѣла, пріучило Анатолія принимать на себя такую неподвижную физиономію, что даже такой плутъ какъ Чернинъ былъ обмануть его наружнымъ спокойствіемъ.

— Я сей-часъ только отъ Перханова, сказалъ Чернинъ, надѣясь найти какой-нибудь предлогъ своего поздняго посѣщенія, тамъ вдругъ васъ не стало, я безпокоился здорѣвы ли вы, однако, кажется, слава Богу.

Мнѣ нужно было узнать о вѣрности смерти Саликова, сказалъ хладнокровно Анатолій: у меня были съ нимъ кое-какіе дѣлшки.

Чернинъ подумалъ, ужъ не въ самомъ ли дѣлѣ это ложь, что онъ ввѣрилъ большой капиталъ Саликову.

— Ну что жъ вы узнали? спросилъ онъ.

— Салниковъ дѣйствительно померъ, отвѣчалъ Анатолій, устремивъ пристальный взоръ на Чернина.

Чернинъ вспомнилъ о своихъ двадцати тысячахъ.

— Померъ! Боже мой, померъ! Мои двадцать тысячъ пропали! и вы такъ хладнокровны... говорить-будто у васъ были съ нимъ миллионныя дѣла.

— Хотя и не миллионныя, но были небольшія, да къ счастью векселя переведены на прошлой недѣлѣ, и я потеряю отъ его смерти бѣздѣлицу. Я ѣздилъ, видите сей-часъ только воротился, узнать о переводѣ векселей, и теперь мнѣ нечего бояться смерти Салникова.

Чернинъ былъ совершенно обманутъ, но взглянувъ хорошенко на Анатолія, не смотря на то что было темно, замѣтилъ въ рукѣ его пистолеть.

Что это у васъ пистолеть? спросилъ Чернинъ.

По этому пистолету Чернинъ догадался что Анатолій погибъ.

— Да, я... и Анатолій смѣшался.

Не хотите ли ужъ вы застрѣлиться? Избави Богъ, визачто погубите душу свою, говорилъ простодушно Чернинъ, будто не замѣчая смущенія Анатолія.

И глаза Чернина обратились къ Анатолію съ злобной улыбкой радости, злой радости....

Анатолій совершенно смѣшался; хладнокровіе, которое онъ старался показывать, истощило его послѣднія силы; онъ едва держался на ногахъ.

Насмѣшка Чернина сразила его; Анатолій понялъ что при дѣйствительной смерти Салникова кредитъ его погибъ и онъ—банкротъ.

Кровь бросилась къ сердцу Анатолія, и когда онъ кашлянулъ, то кашлянулъ кровью....

Чернинъ ушелъ, не удостоивъ даже поклономъ того, передъ кѣмъ такъ часто унижался. Онъ пошелъ добывать кредитъ чужбѣ, рассказывая о его банкротствѣ.

Анатолій упалъ въ кресло совершенно изнеможенный; пистолеть выпалъ изъ его руки; слезы струились по лицу.

Въ это самое время вошелъ курьеръ, который былъ посланъ въ Москву, и который долженъ былъ разрѣшить сомнѣніе Анатолія.

Курьеръ вошелъ тихо, не тронувъ колокольчика, не стукнувъ дверью, которая всѣ Чернинъ оставилъ отворенными: въ рукахъ

у него было письмо отъ корреспондента къ Анатолію. Въ этомъ письмѣ рассказывались всѣ обстоятельства.

Анатолій оборотился и увидѣлъ посланнаго.

Письмо! письмо! закричалъ онъ.

Но, истомленный волненіемъ чувствъ, душевными страданіями; и привужденіемъ, которое довело силы его до истощенія, Анатолій упалъ въ обморокъ.

Письмо осталось не распечатаннымъ.

IV.

Сырая, холодная комната, въ подвалѣ каменнаго дома, на Васильевскомъ острову.

Въ комнатѣ сидятъ двое.

Молодой человѣкъ что-то пишетъ. Внутреннее страданіе и истомленіе душевныхъ силъ, ясно выражаются на лицѣ его. Нетерпѣніе, соединенное съ желчною раздражительностію, выказывается во всѣхъ его приемахъ.

На бѣдной кровати, покрытой старымъ одѣяломъ, сидитъ старуха.

Она слѣдитъ за каждымъ измѣненіемъ фзіономіи молодаго человѣка, подмѣчаетъ каждый проблескъ его идеи, и созерцаетъ эту идею съ такой безотчетной преданностію, что вы, взглянувъ на нее, непременно скажете: — это вѣрно мать его. Да! только любовь матери такимъ образомъ можетъ слить свое существованіе съ проявленіемъ чужихъ мыслей, только мать и любящая женщина могутъ слѣдить мысли эти, улавливать направленіе ихъ въ измѣненіи фзіономіи, созерцать это измѣненіе съ такимъ безотчетнымъ самоотверженіемъ; только мать и любящая женщина, сказалъ я, и непременно женщина.

Молодой человѣкъ былъ Анатолій; старуха—Марія, мать Анатолія, жена несчастнаго Александра.

Посмотримъ пріютъ ихъ, эту пародію на человѣческое жилище.

Небольшая комната въ подвалѣ. Комнату старался по возможности прибрать чисто, и вмѣстѣ съ тѣмъ она была грязна до невозможности. И могло ли быть иначе? Всѣ житейскія потребности соединились здѣсь. Комната служила гостиной и кухней, спальней старухи и кабинетомъ Анатолія.

Спальней былъ для него чуланъ, въ которомъ помѣщался ихъ бѣдный запасъ дровъ.

Русская печь занимала четвертую часть комнаты и не нагрѣвала ея. Комната была холодна. Въ печкѣ кипѣлъ горшокъ, около котораго хлопотала полу-обрусьвшая чухонка.

Эта чухонка была и поваръ, и камердянеръ, и горничная, и врачка.

Сквозь стѣны просачивалась сырость, а съ оконъ капли, падал одна за другою, стучали однообразно, монотонно, скучно.

Вода образовавшаяся отъ этихъ капель пробиралась къ ногамъ Анатолія.

Мать молча указала чухонкѣ на воду.

Та взяла грязную тряпку и, вытирая, коснулась Анатоліева сапога.

Анатолій осмотрѣлся.

Слабый свѣтъ, бросаемый изъ окна сверху, представилъ ему сырыхъ и голыхъ стѣны его квартиры.

Лице его подернулось отпечаткомъ грусти и задумчиваго страданія.

Марія, со всею любовію матери, желая развлечь сына, поняла, что надобно принудить его пересилить себя, слѣдовательно ей нужно было заставить его говорить что-нибудь, хотя бы проклинать свое положеніе....

Если человѣкъ можетъ жаловаться на судьбу, то онъ можетъ и снести ея удары. Опасно только безмолвное отчаяніе.

Для этого Марія спросила у Анатолія:—Что ты пишешь, другъ мой?

Анатолій повялъ цѣль вопроса матери и внимательно посмотрѣлъ на нее.

Марія сидѣла на дурной постелѣ, покрытой изодранымъ одеяломъ. Старый салонъ покрывалъ ея плечи и она завертывалась въ него, дрожала отъ холоду. Лице ея поспѣло.

Сердце молодаго человѣка сжалось; зубы его невольно заскрежетали отъ крѣпко стиснутыхъ челюстей, отчаяніе выразилось помертвѣвшей улыбкой.

Но онъ помнилъ, что въ возвратъ самоотверженія и любви матери, онъ долженъ тоже отвѣчать любовію и самоотверженіемъ, и потому на вопросъ ея, что онъ пишетъ, отвѣчалъ:

— Хотѣлъ бы написать Сергѣю Макаровичу, да самъ не знаю, что писать.

Въ свою очередь у Маріи навернулись слезы на глазахъ. Она вспомнила, что сынъ ея, потерявъ состояніе, терлетъ и невѣсту, которую любить пламенно.... У Маріи показались слезы, но она

душила ихъ въ довольно спокойномъ отвѣтѣ:— Не лучше ли тебѣ самому сходить къ нему?

— О нѣтъ! матушка, отвѣчалъ Анатолій, этого я рѣшительно не въ силахъ сдѣлать. Я хочу къ нему написать, хотя внолнѣ убѣжденъ, что изъ этого ничего не выйдетъ. Сергѣй Макаровичъ не такой человѣкъ, чтобы его можно было убѣдить чѣмъ-нибудь, кромѣ развѣ обѣщанія что у него постоянно будетъ прекрасный обѣдъ. Но я хочу написать только для того, чтобы послѣ не жаловаться на себя.

— Богъ милостивъ, Анатолій, къ чему такое отчаяніе?

Эти слова были сопряжены съ стукомъ зубовъ отъ холоду, и слезы, при всемъ желаніи Маріи скрыть ихъ, струились по ея лицу.

— Матушка! вскричалъ Анатолій съ отчаяніемъ, до чего довелъ я васъ!

Чухонка въ это время доставала горшокъ изъ печки.

Испуганная восклицаніемъ Анатолія, она опустила ухватъ, горшокъ разбился.

— Ахъ! вскрикнула она, нужно снова варить!

Анатолій сталъ вскаты въ карманахъ и ничего не находилъ.

— Ничего, говорила Марія съ притворной усмѣшкой, одинъ день и безъ щей пробыть можно: слава Богу хлѣбъ есть!

— Нѣтъ, это невозможно, вскричалъ Анатолій, есть вещи, дагѣ которыхъ нельзя птти. Онъ проворно скинулъ съ себя фракъ и подаль его чухонкѣ.— Па! заложил скорѣе, и купи говядины, капусты и молока.... Сегодня у насъ праздникъ, матушка!

— Какой? спросила Марія.

— День свадьбы моего дядюшки и день рожденія моей новой тѣтушки Каролины Карловны. Для такого торжественнаго дня мы будемъ ѣсть молоко.

Марія горько улыбнулась.

— Ты снялъ свой фракъ, другъ мой, простудишься! здѣсь такъ холодно и сыро, сказала она.

— Ничего матушка, надѣну шинель....

— Ты забылъ, что твою шинель мы заложили, чтобы заплатить за послѣдній визитъ доктору и въ аптеку....

— Что жъ дѣлать, отвѣчалъ Анатолій съ неожиданной веселостію, я и такъ буду ходить: холодъ, говорятъ, здоровъ.

— Садись ко мнѣ, я закрою тебя салопомъ, сказала Марія.

Анатолій, принуждаемый холодомъ, согласился.

И вотъ мать и сынъ, завернутые однимъ ветхимъ салопомъ,

сидеть рядомъ на постель. Марія прижимаетъ взабшую грудь свою къ груди сына. Слышъ въ своихъ объятіяхъ сжимаетъ любящую старуху и дыханіемъ своимъ отогреваетъ ея ледяющіе члены.

Сергій Макаровичъ ходилъ по ковру большими шагами и разсуждалъ самъ съ собою.

— Обанкрутился, рѣшительно обанкрутился какъ дуракъ! Я такъ и чувствовалъ, я такъ и зналъ, что его миллионъ, болѣе ничего какъ пуфъ, какъ ловушка, которой онъ хотѣлъ меня провести.... Признаюсь, когда мнѣ сказали, что Анатолій банкротъ, я сперва подумалъ: вѣрно какая-нибудь штука, мало ли людей, которые послѣ банкротства бываютъ богаче чѣмъ были, и нарочно поѣхалъ было отыскать его. Не тутъ-то было, обанкрутился на чисто. Всё до тла продалъ....

Вошла Евгенія.

— Ты слышала, душа моя, ты знаешь? говорилъ Сергій Макаровичъ дочери, отъ чего Анатолія давно не видно? Онъ чистый банкротъ!

— Анатолій!

Евгенія поблѣднѣла.

— Да! хорошо что я тебя не выдалъ за него, а то теперь бы утирай кулакомъ слезы. Мы тебѣ принцемъ жениха и по лучше и по богаче.... что ты, напримѣръ, скажешь объ Иванѣ Ильичѣ?

— О Лурьянъ! да я думаю, у него сынъ уже монхъ лѣтъ.

— Ну гдѣ! А если хочешь молодого, то чего лучше: и богатъ и хорошъ, и молодъ, вчера только намекалъ, князь *** , по-крайней-мѣрѣ княгиней будешь.

— Да онъ еще ребенокъ!

— Ну я ты не старуха!

— Однакожъ старѣе его!

— Что ты! Кто говоритъ такимъ образомъ! Дѣвущкѣ всегда шестнадцать лѣтъ.

— А ежели мнѣ девятнадцать!

— Тс! Еще кто-нибудь подслушаетъ. Но согласишься, что оба эти жениха не чета твоему Анатолію.

— Вы это говорите, батюшка, потому что Анатолій бѣденъ.

— Именно потому, душа моя: бѣдность, въ наше время, счи-

тается великииъ порокомъ. Но Анатолий не только бѣденъ, онъ банкротъ.

— Что такое банкротъ?

— Человѣкъ, которому далеко нечѣмъ заплатить долговъ своихъ!

— Значить, батюшка, и вы банкротъ?

— Что ты! Богъ милостивъ, мы до этого не дойдемъ. Твой будущій супругъ очиститъ отъ долговъ имѣнiе.

— Мой будущій супругъ, батюшка! Но вы сказали что Анатолий бѣденъ.

— Неужели, Евгенiя, ты думаешь что пока я живъ, я позволю тебѣ быть женой банкрота?

Вошелъ одинъ изъ знакомцевъ Сергѣя Макаровича.

Послѣ обыкновенныхъ привѣтствiй, разговоръ зашелъ о банкротствѣ Анатолия.

— Какъ благородно велъ себя Анатолий Александровичъ въ продолженiе своего конкурса, говорилъ новопрившедшiй.

Евгенiя слушала.

— Представьте, что онъ не оставилъ себѣ ничего, что могъ оставить по закону. Онъ отдалъ въ конкурсъ даже бѣлье, гардеробъ, и все скольконибудь цѣнныя вещи его матери.

— Расскажите мнѣ, спросила Евгенiя, какъ это происходило, и отчего Анатолий обанкротился, какъ вы говорите?

— Его нельзя назвать банкротомъ, отвѣчалъ гость, потому что онъ расплатился со всеиъ....

— Слышите, батюшка, Анатолий не банкротъ!...

— Все равно, шипицi! глубокомысленно замѣтилъ Сергѣиъ Макаровичъ.

— Я васъ слушаю, сказала Евгенiя гостю и тотъ продолжалъ.

— Анатолий Александровичъ отдалъ все свои девять тысячъ запятыхъ въ займы, молодому Саликову съ тѣмъ, чтобы тотъ заплатилъ когда получить наследство послѣ дяди. Саликовъ былъ убитъ на дуэли. Дядя его, хотя былъ и очень слабъ, однако, передъ смертию успѣлъ назначить другаго наследника. Анатолий Александровичъ, не получивъ денегъ, не могъ заплатить.

— Что жъ потомъ?

Потомъ описали его имѣнiе. У него было нѣсколько рѣдкихъ вещей, дорогихъ статуй и картинъ, которыя стояли, какъ надобно полагать, дороже девяноста тысячъ....

— И продали все это? спросила Евгенiя.

— Да! съ аукциона. Оцѣнка вещей была такъ мала, что пред-

ставьте себя: копія съ антика, дѣланная Кановой, была оцѣнена въ двѣсти рублей серебромъ; впрочемъ ее купилъ какой-то богачъ за девять тысячъ ассигнаціямп.

Когда Анатолій Александровичъ увидѣлъ, что такъ оцѣнили его вещи, то только пожалъ плечами....

— И всё его вещи продали?

— Продали! и при этомъ-то случаѣ нельзя было поступить благороднѣе того, какъ поступилъ онъ. Когда множество охотниковъ набили цѣну на дѣйствительно рѣдкія вещи и за нимъ осталось только семь тысячъ, онъ, какъ я уже вамъ говорилъ, отдалъ все, кромѣ платья въ которомъ былъ. Когда же и это продали, недоставало только одной тысяча: Анатолій Александровичъ вынулъ свой бумажникъ и отдалъ всё деньги, тамъ было шесть сотъ рублей; взялъ кошелекъ, высыпалъ все до пяточка, мать его тоже отдала ему всё свои деньги. Всего набралось рублей осемь сотъ; тогда онъ снялъ часы и отдалъ ихъ. Часы продали за сто-осемьдесятъ. Мать его сняла кольцо съ своей руки и сказала:—Отдай Анатолій, пускай ты не будешь долженъ ни копѣйки.

— Да, матушка, пускай ни копѣйки, сказалъ Анатолій Александровичъ и отдалъ кольцо, которымъ обручался отецъ его.

Евгенія плакала.

— Всё эти порывы повели его только къ тому, чтобы остаться безъ куска хлѣба, сказалъ Сергѣй Макаровичъ, который съ неудовольствіемъ слушалъ разсказъ гостя. Ну, что значила какаянибудь тысяча, хоть бы для князя Рахманова, а Анатолію бы она пригодилась.

— Но онъ не хотѣлъ быть обязаннымъ князю, сказала Евгенія и ушла изъ комнаты....

—

Между тѣмъ кухарка послала по ростовщикамъ фракъ Анатолія.

Она встрѣтилась съ своей старой пріятельницей, тоже чухонкой, и остановилась съ нею потолковать.

— Куда? законически спросила кухарку та, которая, надобно замѣтить, служила въ ключницахъ у какого-то помощника столоначальника.

— Да вот! также законически отвѣчала кухарка, приподнимал фракъ.

— Заложить или продать? спросила ключница.

— Заложить.... куда бы?

— Но какъ онъ достался тебѣ?

— Не мой, господскій!

— А развѣ господа очень бѣдны? спросила ключница, любопытствующая узнать всё житье и бытiе кухарки.

— Не то чтобы были бѣдны, а такъ, ничего нѣтъ!

Разговоръ ихъ происходилъ на полукухонскомъ нарѣчiи, которое въ Петербургѣ часто можно слышать отъ кухарокъ и ключницъ.

— Куда же фракъ-то? спросила кухарка.

— Да чего лучше, снеси къ Афросиньѣ Алексѣевнѣ, живеть вотъ тутъ прямо, ужъ цѣль будетъ.

Кухарка пошла къ Афросиньѣ Алексѣевнѣ.

Барыня въ темномъ шерстяномъ платьѣ, къ чепцѣ надѣтомъ сверхъ черной тафтяной шапочки, сидѣла въ комнатѣ, убранной, можно бы было сказать богато, еслибъ въ убранствѣ этомъ не было замѣтно необыкновенной пестроты.

Она оглядѣла съ головы до ногъ кухарку, будто оцѣняя каждый лоскутокъ ея, потомъ легко кивнула головой на низкій поклонъ чухонки.

Чухонка молчала, держа передъ собой растянутый фракъ.

— Что тебѣ нужно? спросила барыня.

Чухонка приподняла въ одной рукѣ фракъ, обернула его на другую сторону, чтобы такимъ образомъ показать барынѣ шелковую подкладку, потомъ своимъ акцентомъ сказала:

— Вотъ фракъ!

— Кому этотъ фракъ? спросила барыня терявшая терпѣнiе отъ флегматической неподвижности чухонки.

— Фракъ барыня тебѣ, отвѣчала та, тономъ, который составляетъ какъ бы родовое отличiе чухонцевъ.

— Миѣ! Зачѣмъ миѣ фракъ, — чѣи это штуки?...

И барыня встала, челюсти ея ходили отъ злобы; щеки тряслись, уборка чепчика дрожала.

Но чухонка такъ спокойно смотрѣла на неё, что барынѣ показалось неприличнымъ сердиться, и она опустила опять на диванъ, дожидаясь пока чухонка соберется съ отвѣтомъ.

Чухонка сказала: — Ты дай миѣ деньги, а я тебѣ дамъ фракъ.

— Какiя деньги? что ты за женщина?... Да отвѣчай же! сказала барыня пѣскольго хладнокровнѣе. Отъ кого ты?

— Отъ барина!

— Отъ какого барина?

— Прозвище забыла!

— Да зачѣмъ же онъ велѣлъ отнести ко мнѣ фразъ?

— Онъ велѣлъ взять деньги и отдать фразъ, а потомъ онъ придетъ самъ, принесетъ тебѣ деньги и возьметъ фразъ.....

— Какъ! Ты пришла ко мнѣ заложить фразъ?

— Заложить! отвѣчала смѣло Чухонка.

— Вотъ! закричала барыня съ бѣшенствомъ; да какъ ты могла подумать! Да какъ ты смѣла?! А! Да я тебя въ часть!..... Что я нищая что ли?! а!..... что стану лоскутничать. По милости Божіей другой домъ покупаю, и стану я копѣчничать..... Вотъ!

И кухарку прогнали.

Афросинью Алексѣевну ожидала другаго рода сцена.

— Мое почтеніе, Афросинья Алексѣевна, сказалъ офицеръ вошедшій въ комнату.

Въ фигурѣ этого офицера было что-то непріятное, что-то отталкивающее. Онъ былъ лѣтъ тридцати-пяти, высокъ ростомъ, худощавъ, съ большими русыми изъ рыжа усами и волосами гладко выстриженными.

— А, здравствуйте, Степанъ Ѳедоровичъ, что вѣрно опять не повезло?

— Не повезло, Афросинья Алексѣевна, проклятый кадетъ обобралъ.

— Охъ ужъ этотъ мнѣ кадетъ! со вздохомъ участія сказала Афросинья Алексѣевна. Да почему вы называете его кадетомъ? Я думаю, уже у него дѣти въ кадеты годятся?....

— Да какъ же не кадетъ, — нигдѣ не служилъ, а только былъ записанъ кандидатомъ въ кадеты, — да не принялъ.....

— А теперь обираетъ у васъ деньги?

— Ужъ истинно обираетъ, ни какъ похоронить не можемъ. На прошлой недѣлѣ попалъ-было на висѣлицу, * да какъ-то подилясь, и пошелъ, и пошелъ.... Ну да полно, Афросинья Алексѣевна, я вѣдь за дѣломъ. Во первыхъ, денегъ на старыхъ условіяхъ, вотъ брилліанты подъ залогъ.

— Тѣ же?

— Тѣ самые, только перстня нѣтъ, — продалъ. Но дайте мнѣ рассказать вамъ дѣльце, надѣюсь что будете довольны.

* Выразеніе игроковъ обозначающее объявленіе, въ которомъ выставлены фамиліи проигравшихся и не заплатившихъ денегъ въ клубъ.

И они начали шептаться.

Афросинья Алексѣевна дочь какого-то комисара, съ молодыхъ лѣтъ ни кого не привлекала своей красотой и вышла за-мужъ по случаю, къ сожалѣнію, иногда бывающему.....

Отець выдалъ ее за гарнизоннаго офицера по фамиліи Повалова.

Бракъ ихъ благословенъ былъ четырьмя дочками и тремя сыновьями.

Семейство Поваловыхъ жило жаловацѣемъ отца и небольшими доходами.

Но всего этого едва хватало на прожитокъ бѣдному семейству.

Вдругъ Афросинья Алексѣевна послѣ смерти своей бабушки получила тысячъ до семи въ наслѣдство. Съ этими деньгами, не оставляя впрочемъ своихъ старыхъ занятій, а только увеличивъ объемъ ихъ, Афросинья Алексѣевна пустилась въ обороты.

Сначала она не пренебрегала ни чѣмъ, а теперь вы видѣли, какъ она прикрикнула на кухарку, которая явилась съ предложеніемъ, въ старину обрадовавшимъ бы ее взять фразъ.

Но теперь Афросинья Алексѣевна была гордая барыня, покупающая другой каменный домъ, и говорятъ, у ней было тысячъ на четыреста разныхъ векселей, акцій и залоговъ.

Наконцѣ Степанъ Федоровичъ окончилъ свои переговоры съ ней, взялъ деньги и пошелъ.

— Черезъ недѣлю ждите! сказалъ онъ уходя.

— Прошу, ужъ и очень рада! отвѣчала Афросинья Алексѣевна: только не торопитесь, чтобы болтушъ не вышелъ!

— Не беспокойтесь, обдѣлаемъ!....

Афросинья Алексѣевна, по уходѣ Степана Федоровича, посмотрѣла на брилліанты, со вздохомъ закрыла ихъ, и послала заложить въ ломбардъ, чтобы полученныя деньги отдать подъ залогъ другой вещи, которую въ свою очередь также заложить, и деньги отдать подъ залогъ третьей, и такъ далѣе....

Между тѣмъ кухарка жаловалась своей пріятельницѣ-ключницѣ, что еѣ чуть не прибили.

— Разжирѣла видно, сказала ключница, когда узнала что Афросинья Алексѣевна и говорить не хотѣла о фразѣ.

— Куда же идти? спросила кухарка.

— Сходи къ Михѣичу, онъ живетъ тутъ же на Острову, только больно скупо даетъ.

Михѣичъ былъ отставной дьячекъ, и теперь вертѣлся около компаніи громоздкихъ вещей, скупая и закладывая вещи, или

раздавая деньги, тоже процентовъ по десяти въ мѣсяцъ, и еще съ условіемъ платить проценты непремѣнно за два мѣсяца, хотя бы вещь пролежала одинъ день.

Кухарка пошла къ Михѣичу; но, выходя изъ квартиры, она ступила лѣвой ногой, потому что и Михѣичъ ей отказалъ въ деньгахъ.

Его сей-часъ только обмануль одинъ ловкій промышленникъ.

Михѣичъ въ досадѣ на обманъ, хотѣлъ закаяться давать деньги въ долгъ подъ залогъ чего бы то ни было, кромѣ золота и серебра, за тѣмъ что «все прочее тлѣнъ бо есть». Михѣичъ, какъ не доучившійся семинаристъ и отставной дьячекъ, любилъ говорить иногда цитатами и славянскимъ нарѣчіемъ.

Онъ научилъ чухонку идти къ Французу парикмахеру.

Мосѣ Пигò, называвшій себя въ кругу русскихъ знакомцевъ эмигрантомъ кавалеромъ, а въ кругу своихъ товарищей Французъ русскимъ барономъ, рассчиталъ, что ему всё-равно воротиться во Францію, какъ бы деньги важны ни были, а потому кромѣ своего ремесла парикмахера, сталъ еще ростовщикомъ.

Расшаркавшись предъ кухаркой, мосѣ Пигò со всею вѣжливостію упросилъ ее сѣсть.

Чухонка сѣла, положивъ къ себѣ на колѣни фракъ, и съ самою глухой миной смотрѣла на парикмахера, который стоялъ передъ ней на одной ногѣ, другую отнеся назадъ, и граціозно нагибая немного впередъ свою голову.

— Вѣроятно, сударыня, вашъ супругъ, или вашъ возлюбленный, болѣнъ, въ крайности, и этому несчастному случаю я обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ.

Чухонка смотрѣла на него изумленными глазами и вдругъ разохоталась. Ей пришло въ голову: какъ бы сѣѣлись они дома, въ ихъ чухонской семьѣ, если бы этотъ господинъ, въ свѣтски, нарядился журавлемъ, и на одной ногѣ прискакалъ въ ихъ Ревельскую хижину.

— Не знаю, что вы нашли сѣѣшаго въ томъ, что я сказалъ вамъ, говорилъ Французъ, немного оскорбившійся неприятнымъ сѣѣхомъ чухонки. Онъ успѣлъ впрочемъ замѣтить, что у нея прекрасные зубы.—Но вы, вѣроятно, будете такъ добры, что скажете мнѣ причину вашего прихода.

— Надо деньги!

— Я это вижу, сударыня, отвѣчалъ Пигò, и вижу что вы обезпечиваете ихъ фракомъ вашего фаворита.

Говоря это, Пигò думалъ: какъ истати этотъ фракъ, онъ мнѣ,

дядюшкою, будетъ въ пору, и обити самыя лучшия шортныя, — а на той недѣлѣ свадьба кредитора Ратна... что ему въдастся если я одинъ день въ немъ пошеюлю.

Переговоры Чуховни отъ Инго кончилисъ тѣмъ, что парикмахеръ далъ ей два цѣковыхъ съ условіемъ, чтобы черезъ мѣсяцъ она прислала ему три.

Чуховка пошла на рынокъ покупать говядину, капусту и молоко.

Иванъ Ильичъ Луринъ самодовольно улыбался, во второй разъ перечитывая письмо изъ Москвы.

Письмо начиналось изъявленіемъ преданности, уваженія, благодарности и еще, Богъ знаетъ, какихъ чувствъ до гроба, и даже за предѣлами гроба.

Потомъ была описана слѣдующая сцена:

«Проводивъ Д*** къ танцовщицѣ, я пошелъ къ нему въ ту минуту, когда онъ разсчитывалъ свои будущіе доходы. Дядюшка его, уже два часа какъ не говорилъ, и можно было надѣяться что онъ не заговоритъ уже никогда. И въ самомъ дѣлѣ, положеніе Саликова въ эту минуту было завидное. Тридцать милліоновъ чистенькихъ; да отъ этого можно съ ума сойти! Тридцать-милліоновъ, шутка! Когда вы, съ вашей сверхъестественной мѣткой, довольствовались какими нибудь четырьмя.... а ему, не бравши картъ въ руки, цѣлыхъ тридцать.....

Я началъ изъ далека, что какой счастливецъ онъ, что достается ему наследство, и его любить такая хорошенькая дѣвушка, просто перлъ нашего балета. Онъ уши и развѣсилъ; потомъ я перешелъ къ неблагодарности любовницъ вообще, рассказалъ дватри примѣра, и наконецъ очень тонко выразилъ свое сомнѣніе, что не напрасно ли и онъ тратится на еодержаніе танцовщицы, что можетъ быть она за него.....

Онъ не далъ мнѣ договорить.

—Замолчите, вскрикнулъ онъ, я прощаю ваши слова, потому что вы не знаете моей Лизавки.

— Я отвѣчалъ, что я это говорилъ не къ чему нибудь, а такъ вообще, и что Лизавета Ивановна прекрасная женщина во всѣхъ отношеніяхъ.

— А если бы вы знали какъ она любитъ меня, говорилъ Саликовъ: вообразите, графъ Б*** предлагалъ ей еорокъ-тысячъ въ годъ, но она и слышать не хочетъ, а я ей даю всего пятнадцать.

— Да передарите на пятнадцать, такъ оно тридцать и выйдеть. Да говорить, — разувѣстелъ; болтають, нельзя великому слуху

вѣрить, — будто графъ-то предлагалъ: не серокъ тыкать въ годъ, а тысячу рублей серебромъ въ мѣсяцъ. Такъ тутъ выйдетъ еще серокъ-два. Да вѣдь графъ могъ продержаться, и — ахъ Саликовъ не переслушать, — говорятъ и продержалъ только одинъ мѣсяцъ.

— Можно ли говорить подобный вздоръ, я же уже осьмой годъ содержу.

— Болтаютъ, будто она у васъ отиресилась въ провинцію, да и прожила у графа въ Подмосковной. Кроме того, вѣдь вы бы вместе только по утрамъ....

Мой Саликовъ стоялъ ни живъ ни мертвъ; онъ, какъ столъ, изорвалъ бы меня если бы только было силы, но съ такими то какъ онъ, я съ трюхи справлюсь. Я продолжалъ:

— А право, чтѣ бы вамъ къ ней какънибудь вечеромъ съѣздить, теперь вы у дядюшки уже не сидите, почти все кончено, почему бы не прозатиться?

Саликовъ, не смотря на свою слабосильность, схватилъ меня за плечо. Я сидѣлъ спокойно, какъ будто не понимаю изъ за чего онъ выходитъ изъ себя.

— Вы чтѣ-нибудь знаете? сказалъ онъ, стараясь по возможности удержаться. Онъ былъ въ эту минуту, просто, въ горячкѣ.

— Ровно ничего не знаю, отвѣчалъ я, отыскивая свою фуражку, а рассказывали, будто графъ Б*** бросилъ ее, потому что она связалась съ Д*** который, право, не умѣю вамъ сказать, платитъ ли ей чтѣ-нибудь, только говорятъ, что бываетъ у нея каждый вечеръ....

— Вы ждете, милостивый государь! сказалъ мнѣ Саликовъ съ чрезвычайно драматическимъ выраженіемъ: я узнаю, и если вы меня обманывали, если вы клеветали, то я убью васъ.

Онъ былъ рѣшительно вѣѣ себя.

— Ну, думаю, худо! Если Д*** на ту пору поторопился и ухалъ, Саликова не увѣришь, что она его точно обманываетъ, а онъ сумасшедшій, съ нимъ нельзя шутить, пожалуй навяжетъ еще мнѣ на шею дуэль. Но для васъ, Иванъ Ильичъ, я готовъ рпсковать всѣмъ.

Я сталъ увѣрять, что это только слухи, что онъ напрасно беспокоится, и прочая.... А самъ распрощался. Не успѣлъ я выйти за порогъ, какъ услышалъ кликъ и топанье Саликова: лошадей, лошадей!....

Ну, думаю, будетъ каша! и пошелъ въ домъ танцовщицы, чтобы понаблюдать чтѣ кончится.

Саликовъ поѣхалъ къ своей фавориткѣ, для которой онъ во-

шелъ въ такіе долги, что давалъ процентъ на процентъ, чтобы только выпутаться.

Я прешелъ на свою вышку, которую началъ по вашему приказанію.

Д*** сидѣлъ на табуретѣ, у ногъ танцовщицы, и игралъ кисточками ея кардиналки.

Танцовщица въ шелковомъ каготѣ, сидѣла на диванѣ и очень вѣжно тормошила волосы Д***.

— Ты скученъ сегодня, говорила танцовщица: что съ тобой, ты все молчишь?

— Любуюсь твоей ножкой, отвѣчалъ Д***.

Танцовщица спрятала ножку.

— Шалунъ! сказала она, поцѣловала его голову, и засмѣялась.

— Чему ты смѣешься? спросилъ ее Д***.

— Миѣ пришло въ голову, отвѣчала танцовщица, что если бы въ это время вошелъ постоянный почитатель монаховъ прелестей, что бы онъ сказалъ?

— А ты любишь его, плутовка? спросилъ Д***.

— Люблю ли? вотъ вопросъ, вотъ смѣшно!...

— По-крайней-мѣрѣ, также ласкаешь?...

— Нельзя не ласкать, со вздохомъ сказала танцовщица, по-крайней мѣрѣ, онъ не мучитъ меня своею ревностію.

— А ты его между тѣмъ обманываешь?..

— Какъ быть, какъ же отдѣлаться отъ такого повѣсы какъ ты?

— А если бы онъ сюда вошелъ, что бы ты сказала?

— Я за себя не боюсь, я бы просто убѣжала въ свою комнату. Впрочемъ будь спокоенъ, теперь онъ не придетъ: въ эту минуту онъ старается скорѣе уморить своего богатаго дамшкку. Но бѣда если бы онъ пришелъ, онъ бы убилъ тебя. Онъ бѣшеный!

— Ну, это еще не такъ-то скоро, можетъ-быть и я бы убилъ его, мнѣ же онъ надобѣ.

— Такъ за тѣмъ дѣло стало, убейте! сказалъ Саликовъ входя въ дверь, и становясь прямо противъ Д***.

Саликовъ былъ блѣденъ, дрожалъ, судорожно сжимая руку въ кулакъ.

Я думалъ: будетъ потѣха! а я-то въ сторонѣ!...

Танцовщица вскрикнула, и дѣйствительно бросилась бѣжать. Саликовъ успѣлъ схватить ее за волосы. Д*** захотѣлъ освободить танцовщицу, бросился на Саликова. Танцовщица убѣжала.

— Не совѣстно ли вамъ бить женщину? сказалъ Д***.

— Такъ я буду бить тебя, сказалъ Саликовъ и бросился на него, но Д^{***} отскочилъ.

Они тутъ кричали на весь домъ. Саликовъ вышелъ съ пѣвой на губахъ и мѣстами оцарапанный. Онъ поѣхалъ къ одному изъ своихъ пріятелей. Д^{***} тоже вышелъ; платье на немъ было изорвано, галстукъ смятъ. Онъ поѣхалъ отыскивать меня, но я затрясся по дальше.

На другой день у нихъ была дуэль, гдѣ-то за паркомъ, и Саликова привезли на квартиру съ пулей въ черепъ.

Онъ не жилъ и двухъ минутъ.

— И такъ онъ нищій, думалъ Луринъ, и для этого мнѣ стоило написать два слова, но поведетъ ли это къ чему-нибудь?.... Я хочу жениться на Евгеніи, но люблю ли я еще ее? вотъ вопросъ. Когда я любилъ Оливьку, я помню, съ нетерпѣніемъ, съ трепетомъ я ждалъ капитана. Я радовался отъ мысли, что его не будетъ, что онъ уничтожится, умретъ... И какъ ни былъ холоденъ я снаружъ, я горѣлъ! Въ груди моей чувства кипѣли, ревность не давала покою моей крови,—а представленіе, а мечта объ Оливькѣ проливали во мнѣ какую-то отраду. При одной мысли о ней во всему моему существу разливалась нѣга, страсть, любовь..... И смерть капитана не была холоднымъ, обдуманнѣмъ злодѣйствомъ; не смотря на то что она была обдумана, она вылилась изъ моей страсти, изъ моей любви....

Луринъ развернулъ другое письмо.

Писалъ управляющій о разныхъ векселяхъ, которые онъ подалъ ко взысканію....

— Пора, сказалъ Луринъ; я задую его и потомъ женюсь на Евгеніи.... Но люблю ли я ее? Люблю ли, когда не волнуясь, когда кровные кипятъ, сердце не трепещетъ?.... А зачѣмъ же при одномъ воспоминаніи о ней, все мое существо будто ищетъ соединиться съ ея милымъ, павнымъ существомъ, вся моя жизнь будто сливается съ ея жизнію. Я будто молодѣю вновь,—занять и ея грезами, и ея дѣвической мечтой. Успѣхъ свой въ чемъ-нибудь, отношу къ ней, думаю: обрадуется ли она этому успѣху? И живу будто для того, чтобы ее обрадовать.... Не трепещетъ у меня сердце отъ ожиданія, отъ надежды,—а какъ-то тоскуетъ, оно болитъ.... И грустно мнѣ, а въ минуты грусти является образъ Евгеніи....

— Кончу! Побѣду къ Анатолю, и онъ мнѣ поможетъ заплатить мой долгъ,—оковчательно, страшно заплатить, и—погубить себя.

Луринъ нацѣсаль къ своему московскому кліенту, что онъ благодарить его за устройство дуэли Саликова и чтобы тотъ явился къ его управляющему за вещественнымъ вознагражденіемъ.

Лурину принесли еще письмо. Онъ прочиталъ. Письмо было отъ Чернина. Чернинъ увѣдомлялъ Ивана Ильича, что составляется компанія, дать ходъ новому открытію *шароходства*, и что по этому дѣлу болѣе всего хлопочетъ Ноэльскій. Говорятъ будто дѣло это принесетъ несмѣтныя выгоды, и потому Чернинъ поставилъ себѣ обязанностію увѣдомить Ивана Ильича.

— Вотъ еще препятствіе, думалъ Луринъ: надобно узвать что это такое. Да кончатъ съ нимъ, и такъ я его уже три года мучу, и такъ я его уже высушилъ будто чахоточнаго. Кончатъ! Мнѣ онъ уже надоѣлъ... Пора, я скажу ему... Онъ и не воображаетъ, что будетъ съ нимъ... Потомъ Анатолий.... и онъ улячтожится передъ моею волей, онъ уступитъ мнѣ свое мѣсто въ сердцѣ дѣвушки, я буду счастливъ тѣмъ, чѣмъ надѣялся онъ быть счастливъ.... А что если судьба и этотъ разъ посмѣется надъ моими усиліями и въ другой разъ вырветъ у меня мое счастье?... Что, если несмотря на лѣта мои, меня полюбитъ Евгенія, какъ любила Олнѣнка, и — Луринъ сдѣлалъ судорожное движеніе.

— Господинъ Гильморъ! сказалъ человѣкъ.

— А! сказалъ Луринъ, очень кстати; зови.

Гильморъ вошелъ и рѣшительно потерялся отъ этой роскоши, этой вѣги, которая окружала Лурина.

Онъ стоялъ по среднѣ комнаты и безсмысленно поводилъ глазами, не зная, куда обратиться; зеркала отражали Гильмору двадцать образовъ Лурина.

Иванъ Ильичъ сидѣлъ въ креслахъ и не привсталъ при входѣ Гильмора. Онъ продолжалъ разбирать письма, присланныя къ нему въ этотъ день.

Гильморъ осмотрѣлся, но не смѣлъ прервать занятій Лурина и находился въ чрезвычайно неслюпкомъ положеніи, ожидая, покуда на него обратятъ вниманіе.

Луринъ продолжалъ читать письма.

Гильморъ кашлянулъ.

Луринъ взглянулъ на него и не сказалъ ни слова, а только указалъ на маленькій готическій стуликъ, и движеніемъ пригласилъ Гильмора сѣсть.

Гильморъ сѣлъ очень осторожно. Ему казалось что топовскія ножки стула не выдержатъ такого, какъ его, тяжеловѣснаго туловнища.

Луринъ продолжалъ читать. Гильморъ, едва сѣбя шевелитъ, молча осматривалъ комнату. Всѣ великолѣпныя тирады, которыя онъ думалъ ослѣпить умъ Лурина, разсыпались въ прахъ, онъ рѣшительно не зналъ, что говорить.

Луринъ кончилъ читать, облокотился на заднюю спинку кресла, закрылъ глаза,—казалось, что онъ задремалъ.

Гильморъ не зналъ что дѣлать.

Встать и уйти. Ему не хотѣлось разсердить Ивана Ильича и потерять надежду уговорить его принять участіе въ предпріятіи... остаться, но ему во первыхъ было обидно, во вторыхъ ужасно скучно, въ третьихъ—ему хотѣлось прослыть за человѣка дѣловаго и дѣльнаго... а что послѣ скажутъ, и что самъ Луринъ по-думаетъ, когда увидитъ что этотъ дѣльный человѣкъ три часа ждетъ покуда онъ проснется.

Луринъ не спалъ, онъ угадывалъ ощущенія, которыя въ эту минуту волновали Гильмора, но хотѣлъ, прежде чѣмъ начать съ нимъ говорить, дать ему почувствовать его зависимость,—выраженіе Ивана Ильича.

Гильморъ рѣшительно выходилъ изъ себя, но сидѣлъ очень смирно.

Луринъ быстро всталъ и дернулъ колокольчикъ.

Карету! сказалъ Луринъ камердинеру. Потомъ вдругъ оборотился къ Гильмору;

— Вы хотите что-нибудь сказать мнѣ? сказалъ Луринъ опять опускаясь въ кресла.

Гильморъ такъ былъ озадаченъ всею этою выходкой, что совершенно не умѣлъ начать свой заученный рассказъ. Наконецъ онъ началъ:

— Уваженіе мое къ великому уму....

Луринъ остановилъ его и сказалъ, едва выговаривая слова, будто говорить или слушать составляло для него трудъ необыкновенный.

— Говорите о чемъ нибудь по заппмательнѣе!...

Гильморъ еще болѣе сконфузился, покраснѣлъ и сказалъ заторопившись:

— Я хотѣлъ сказать, что вашъ....

— Обо всемъ, кромѣ меня, прошу васъ,—сказалъ Луринъ также холодно: вы сдѣлали открытіе?

Гильморъ надулся и всталъ.

Луринъ продолжалъ сидѣть.

— Да, открытіе, милостивый государь, сказалъ Гильморъ, от-

крытіе, которое дастъ новую жизнь міру, измѣнить всё его основанія.

— Это довольно интересно, измѣнить всё основанія міра, даже можно сказать, довольно занимательно.... говорилъ Луринъ съ флегматическимъ сарказмомъ.

Гильморъ остановился. Онъ понялъ что на Луринѣ нужно падать съ другой точки.

Онъ опять усѣлся на свой тоненькій стульикъ и ожидалъ, что скажетъ ему Луринъ.

— Измѣнить всё отношенія, — это вѣдь такъ легко, стоитъ только сказать: измѣнить!

— Не легко, а возможно, Иванъ Ильичъ, говорилъ Гильморъ топомъ убѣжденія. За сто лѣтъ передъ этимъ, кто бы повѣрилъ, что суда будутъ ходить противъ вѣтра съ такою же скоростію какъ и по вѣтру?

— Правда! сказалъ Луринъ, но тутъ есть сила, пары, а у васъ какая сила въ вашемъ шароходѣ?

— Сила тяжести атмосферы, и тѣ же пары, отвѣчалъ Гильморъ.

— Сила тяжести, даетъ вамъ средство поднять вашъ шароходъ, отвѣчалъ Луринъ, показывая нѣсколько больше вниманія, но что заставитъ его летѣть съ быстротою паровоза по данному направленію....

— Если вамъ угодно, я устрою, маленькій шаръ, который будетъ летать по данному направленію у васъ въ кабинетѣ. Этимъ шаромъ вы сами будете въ состояніи управлять по своей волѣ.

— Да, я видѣлъ такой шаръ у Грива. Но вѣтеръ и быстрота! чѣмъ вы отразите отъ вашего шарохода вліяніе вѣтра, и какъ сообщите ему быстроту паровоза?

Гильморъ принялъ на себя глубокомысленную физиономію, онъ замѣчалъ что Луринъ нѣсколько заинтересовывается.

— Полетъ птицы, послѣдованный мною въ его мельчайшихъ подробностяхъ, далъ мнѣ мысль къ устройству моихъ шароходовъ. Выгоды....

— Знаю, знаю! прервалъ его Луринъ, говорите сперва объ устройствѣ, а послѣ будемъ говорить о выгодахъ!

Гильморъ продолжалъ:

— Я устроилъ шароходы на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя соблюдепы природой при созданіи птицъ. Насосы, которые безпреставно вбираютъ и выпускаютъ изъ себя воздухъ, замѣняютъ легкія въ птицѣ; газъ, который посредствомъ особаго секрета я

произволу чрезвычайно удобно и который идет по всемъ твердымъ частямъ машины и только для равновѣсія устремляется въ шартъ, заиѣняетъ обращеніе кривы; паровая машина тоже устроенная особеннымъ образомъ, заиѣняетъ силу птицы. Однимъ словомъ, все основано на созданіи птицы. Больше я ничего вамъ не могу сказать! Согласитесь, я не могу, и не долженъ открывать вамъ своего секрета.

— Не хотите ли, я вамъ скажу его? сказалъ Луринъ.

— Вы! вы не можете знать.

— Вы хотите, чтобы я сказалъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

— Вашъ секретъ—шарлатанство!

Гильморъ сдѣлалъ быстрое движеніе, потомъ улыбнулся и отъѣчалъ спокойно, съ нѣкотораго рода величіемъ.

— Милостивый государь! Я прошая слова ваши. Всѣ великія открытія называли шарлатанствомъ, и если бы не назвали моего, я бы не почиталъ его великимъ открытіемъ. Даже великій Наполеонъ не почиталъ Фультона, Колумба называли сумасшедшимъ... но оставимъ это! Вы понимаете выгоды моего изобрѣтенія. Я, сколько могу, посвяю вамъ его: назовете ли вы и тогда его шарлатанствомъ.

Луринъ слушалъ внимательно.

— Нагляднымъ образомъ всякій знаетъ что птица для летанія служатъ крылья и хвостъ. Силой крыльевъ, она поднимается на воздухъ, сообщаетъ себѣ движеніе, а хвостомъ даетъ направленіе и удерживается на произвольной высотѣ. Это знаетъ всякій. Но посредствомъ ученыхъ наблюденій падъ полетомъ птицы открыли, что въ немъ наибольшимъ образомъ принимаетъ участіе ея дыхательный аппаратъ. Строеніе птицы заключается въ сѣткѣ изъ безчисленнаго множества первичныхъ трубочекъ, которыя всѣ соединяются въ легкихъ птицы, и ея произволомъ то наполняются воздухомъ, то сжимаются; и этимъ средствомъ дѣлаютъ ее легче и тяжеле сообразно ея величинѣ. Если устроить машину, въ которой соединить оба эти условія, и вмѣстѣ доставить силу, которая бы машину могла двигать крыльями, и управлять хвостомъ, то такая машина заключитъ въ себѣ всѣ условія, посредствомъ которыхъ птицы летаютъ. Я сохранилъ оба эти условія полета въ своихъ шароходахъ, но мнѣ представлялось первое неудобство. Птица такъ легка, что для нея довольно ея маленькихъ крылышковъ чтобы подняться, а сила, посредствомъ которой птица двигаетъ своими

крыльмиками, заключена природой въ самой птицѣ. Мнѣ же на своемъ шароходѣ нужно взять тяжесть, да и самая машина составляетъ порядочную тяжесть, и потому вмѣсто воздуха, которымъ птица дышитъ, у меня по сквознымъ трубочкамъ шарохода идетъ газъ, несравненно легчайшій воздуха; этотъ газъ идетъ въ цилиндръ, въ которомъ ходятъ поршень и который совершенно замѣняетъ, произвольно сжимаемыя легкія птицы. Этотъ газъ составленный, какъ я уже говорилъ, мною самимъ, этотъ газъ, легкій самъ по себѣ, даетъ мнѣ возможность поставить на шароходѣ паровую машину, мною совершенно вновь придуманную, которая употребляетъ только одну осьмую долю топлива противъ обыкновенныхъ машинъ. Газъ поднимаетъ шароходъ, машина движетъ крыльями, и наконецъ прямой и боковой парашюты, которые я устроилъ вмѣсто хвоста, даютъ направление и служатъ на случай несчастія...

Луринъ хотѣлъ что-то сказать, но Гильморъ такъ увлекся что перебилъ его.

— Позвольте, вамъ сомнительна скорость полета шарохода, и почему вѣтеръ не будетъ имѣть вліянія на его полетъ? Но вы подумайте о силѣ крыльевъ. Крылья я предполагаю дѣлать въ десять разъ болѣе противъ крыльевъ птицы, соответствующей величины, съ наибольшими крыльями, то есть: если бы былъ орелъ величійю въ шароходъ, то его крылья я предполагаю удесятерить. Не забудьте что тѣмъ выше, тѣмъ воздухъ рѣже, слѣдовательно сопротивленіе меньше. Представьте же, что этими громадными крыльями двигаетъ машина въ триста лошадиныхъ силъ.... Вы только припомните быстроту пароходнаго колеса, а тутъ еще дѣйствуетъ сопротивленіе воды, котораго у шарохода не будетъ, и вы поймете и быстроту полета, и возможность ятти противъ самаго сильнаго вѣтра. Когда же вѣтеръ будетъ дуть попутный, то шароходъ будетъ имъ пользоваться, самый шаръ замѣнить парусъ, да можно устроить и паруса. И такъ передъ вами шароходъ, который летитъ, на паряхъ и газѣ, изъ одной части свѣта въ другую, везетъ всѣ сокровища одной части и доставляетъ ихъ изъ минуты въ минуту; переноситъ мгновенно путешественника или купца, на берега Италіи, Индіи, Америки. Шарлатанство ли это? Составъ же газа, самое устройство машины, и устройство паровой машины я не могу вамъ рассказать; довольно того, что я рассказалъ вамъ главныя основанія моего открытія....

Луринъ молчалъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, должно же когда-нибудь открыть это, думалъ Луринъ, и кто воспользуется этимъ открытіемъ, тотъ получитъ все.

И Лурину представилась вся возможность шароходства въ наше время. Ему представилось все, и деньги, и слава, и вліяніе на общество того, кто воспользуется открытіемъ.

— Что, если это правда, говорилъ себѣ Луринъ, если онъ открытъ?

И въ глазахъ его сверкало желаніе того несмѣтнаго богатства, которое можетъ доставить воздухоплаваніе.

— А если онъ обманываетъ, шарлатанитъ? Онъ говоритъ слишкомъ утвердительно. Пожалуй еще, Нозльскій воспользуется этимъ. Если же это обманъ, то прежде чѣмъ обманъ откроется, я успѣю продать акціи, и еще съ выгодною. Нельзя же подобное предпріятіе уступить другимъ....

— Чтѣ же вы скажете? спросилъ Гильморъ.

Луринъ думалъ.

Весь оборотъ акціями представлялся уму Луринна. Луринъ считывалъ, что при его корреспонденціи, трудно чтобы кто-нибудь прежде его узналъ о несостоятельности Гильмора. И Лурину представлялись всѣ выгоды, если открытіе Гильмора вѣрно, то есть, если нѣтъ съ его стороны ни заблужденія, ни шарлатанства.

— Надобно рѣшиться, думалъ Луринъ, а то, пожалуй, другіе....

И Луринъ рѣшился. Онъ не былъ убѣжденъ, но главное—не дать другимъ.

— Можетъ-быть это и правда, сказалъ Луринъ Гильмору. Но какъ мнѣ увѣриться....

— Въ чемъ вамъ угодно увѣриться, Иванъ Ильичъ? Полетитъ ли шароходъ?

— Онъ полетитъ, я увѣренъ въ этомъ, да такъ ли?

— Такъ ли? Для этого нужно построить шароходъ. Полтора милліона рублей и черезъ полтора мѣсяца шароходъ готовъ; я прилечу изъ Англій черезъ Францію, и привезу сталь, бронзу, кружева и сигары. Вы, кажется, любите сигары, Иванъ Ильичъ.

— Чтѣ вамъ сказалъ Нозльскій?

— Онъ сперва горячо было принялся. Но теперь по остылъ. Говорятъ будто его дѣла поразстроились, но мои шароходы поправятъ.

— Да, если удастся, такъ выгодное предпріятіе, сказалъ Луринъ. Извольте! Я беру акціи на семь-сотъ-тысячъ ассигнаціями и составляю компанію, но съ тѣмъ чтобы я распоряжался раз-

дачею акцій; раздача ихъ мое дѣло, вамъ дѣла нѣтъ. Черезъ мѣсяць вы получите полтора милліона, хотя бы кромѣ меня ни кто акцій не взялъ. Вы согласны?

Гильморъ превосходно выдержалъ себя; онъ условливался съ Луринимъ въ самыхъ мелочахъ, и кончалъ, соглашавшись на условіе Луринна съ тѣмъ, что ровно черезъ мѣсяць онъ получитъ кредитовъ на Лондонскій банкъ въ полтора милліона, на которые построятъ одинъ пароходъ.

Гильморъ ушелъ. Луринъ думалъ о томъ какъ составить компанію.

— Дмитрій Семеновичъ Ноэльскій, докладывалъ камердинеръ.

Ноэльскій вошелъ.

Луринъ вѣжливо предложилъ ему кресла.

Ноэльскій сѣлъ на табуретъ.

— Иванъ Ильичъ, сказалъ Ноэльскій, примите меня не такъ какъ человѣка истинно васъ уважающаго, а какъ просителя.

Луринъ церемонно поклонился на это привѣтствіе и подумалъ: не хочетъ ли уже онъ у меня денегъ занять?

— Иванъ Ильичъ, говорилъ Ноэльскій, есть вещи, которыя при всей увѣренности въ вашей синеходительности, я не рѣшаюсь объяснить.

Луринъ пристально посмотрѣлъ на Ноэльскаго, какъ-будто хотѣлъ прочесть его мысли и потомъ сказалъ:

— Говорите! я приму ихъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ будетъ угодно вамъ, чтобы я ихъ принялъ.

Ноэльскій собрался съ мыслями и началъ:

— Припомните, Иванъ Ильичъ, наше первое знакомство. Я былъ молодой человѣкъ, который не зналъ еще ни свѣта, ни людей, а главное, не зналъ что такое деньги. Вы тогда жили въ своихъ деревняхъ и я проигралъ вамъ все свое состояніе.... Вы были такъ добры что дали мнѣ средство поправиться. Будете ли вы добры и теперь?

Луринъ молчалъ. Ноэльскій тронулъ его за чувствительную струну, напомнилъ такую минуту, которую онъ хотѣлъ бы вычеркнуть изъ своихъ воспоминаній.

Но прошедшее оставляетъ за собой неизгладимый слѣдъ и теперь въ воспоминаніи Луринна пробѣжала мгновенно вся жизнь его.

Онъ вспомнилъ свою первую и, можетъ-быть, единственную любовь, которой онъ все принесъ въ жертву, и послѣ которой остались одни тяжелыя воспоминанія. Онъ припомнилъ свою

свадьбу и—Луринъ былъ грустенъ, мраченъ, какъ въ ту минуту, когда онъ заряжалъ пистолеть для капитана.

Ноэльскій продолжалъ:

— Вы были тогда добры къ неопытному юности. После того прошло много лѣтъ, и я уже не тотъ, что былъ прежде. Теперь я уже не проиграю своего состоянія, потому что знаю силу денегъ. Но бываютъ обстоятельства, которыя выше нашихъ расчетовъ; эти обстоятельства не совсѣмъ мнѣ благоприятствовали въ послѣднее время. Дадете ли вы, Иванъ Ильичъ, мнѣ теперь средство поправиться?

Луринъ промолчалъ нѣсколько минутъ. Ноэльскій страдалъ внутренно. Въ эти нѣсколько минутъ онъ переживалъ тѣ же ощущенія, которыя волновали Анатоля передъ тѣмъ какъ онъ долженъ былъ получить извѣстie о миллионѣ.

— Я всегда готовъ помогать моимъ добрымъ знакомымъ, сказалъ Луринъ съ уклончивой вѣжливостію. Чѣмъ я могу быть полезнымъ вамъ?

— Я вамъ расскажу въ чемъ дѣло, отвѣчалъ Ноэльскій. Ко мнѣ является человекъ и проситъ принять участіе въ открытіи, которое онъ сдѣлалъ. Открытіе это составляетъ предметъ первой важности, — не говорю уже о пользѣ, которую оно принесетъ всему міру, — оно доставитъ необъятныя выгоды изобрѣтателю и акціонерамъ, которые поддержать предпріятіе.

— Вы говорите о шароходахъ?

— Да, о шароходахъ! Я вполне понялъ всю важность воспользоваться открытіемъ, но я былъ въ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ.... Еще прежде я думалъ обратиться къ вамъ и подаль эту мысль и Гильмору. Сію только секунду узнаю что уже между вами все кончено и что вы почти въ одномъ лицѣ составляете компанію.

— Это правда, я сегодня только узналъ въ чемъ дѣло, отвѣчалъ Луринъ и сейчасъ же порѣшилъ....

— Покорнѣйшая просьба моя состоитъ, Иванъ Ильичъ, уступить мнѣ этихъ акцій тысячу на двѣсти.

— Дмитрій Семеновичъ, отвѣчалъ Луринъ, согласитесь что въ дѣлѣ, которое менѣе нежели въ одинъ годъ утроиваетъ капиталъ, а въ слѣдующіе годы удесятываетъ его, въ такомъ дѣлѣ уступать акціи, будетъ уже слишкомъ по дружески. Но вы не думайте чтобы я не хотѣлъ для васъ этого сдѣлать. Я вамъ уступаю эти акціи, привозите завтра деньги и вы получаете долю въ предпріятіи.

— Въ томъ-то и дѣло, Иванъ Ильичъ, что теперь я не могу внести этихъ денегъ....

— Э, полноте! у васъ ли денегъ нѣтъ! съ улыбкой сказалъ Луринъ.

— Ахъ, Иванъ Ильичъ, вы не спекулируете, хорошо вамъ. Этимъ дѣломъ заняты ваши повѣренныя. Луринъ незамѣтно улыбулся.

Ноэльскій продолжалъ:

— Обеспеченные своимъ состояниемъ, вы не ищите средствъ его увеличить. А мы дѣти случая, сегодня много, а завтра ничего. Я уже вамъ говорилъ что я теперь не въ благопріятныхъ обстоятельствахъ, и потому прошу васъ, я напишу вексель....

— Съ удовольствіемъ бы я согласился на это, сказалъ Луринъ, да вотъ въ чемъ дѣло. Мнѣ нужно внести Гильмору сполна, а я самъ беру акцій на семь-сотъ-тысячъ, больше у меня нѣтъ въ наличности; чѣмъ же я дополню?

Ноэльскій горько улыбулся. Онъ зналъ что у Лурина ни когда не бываетъ ломбардными билетами менѣе двухъ милліоновъ въ его бюро.

— Ну, да вамъ такъ легко достать двѣсти тысячъ, что васъ вѣрно не затруднитъ это обстоятельство, сказалъ Луринъ.

Ноэльскій, совершенно блѣдный, сидѣлъ передъ Луриннымъ. Онъ видѣлъ что Луринъ ему отказываетъ въ акціяхъ. Только на шароходствѣ онъ и надѣялся поправить свои дѣла.

— Иванъ Ильичъ, вы обяжете меня....

— Не могу, отвѣчалъ Луринъ: что жъ дѣлать когда не могу. Я бы и безъ вашей просьбы для васъ это сдѣлалъ если бы могъ, но это выше моихъ средствъ....

Ноэльскій опустилъ голову. Онъ думалъ: какъ бы убѣдить Лурина?....

И Ноэльскій рѣшился рассказать Лурину положеніе дѣлъ своихъ. Онъ не могъ себѣ повредить этимъ рассказомъ: Луринъ не былъ изъ числа его кредиторовъ, передъ которымъ Ноэльскій долженъ былъ скрываться.

Можетъ-быть Луринъ и скалитъ надъ несчастнымъ положеніемъ Ноэльскаго, онъ нѣсколько разъ до этого помогалъ ему. Акцій онъ и теперь не даетъ, а тогда можетъ-быть Ноэльскій съумѣетъ умолить Лурина подать ему руку помощи. Однимъ словомъ, Ноэльскій не могъ ожидать отъ своего разказа, кромѣ развѣ благопріятныхъ послѣдствій.

— Иванъ Ильичъ, вы говорили что мнѣ легко достать двѣсти-

тысячъ; вы думаете, что я богатъ.... говорилъ Ноэльскій. И онъ разсказалъ сперва обманъ Чернина на брилліанты, въ ту минуту когда ему было особенно тяжело перенести этотъ обманъ, потомъ разсказалъ потерю по подрядамъ, несчастные проигрыши противъ всѣхъ вѣролнностей, и наконецъ сказалъ что онъ дожидъ до того положенія, что ему невозможно даже честное банкротство, что вся недвижность его въ залогѣ, и кромѣ того во векселяхъ у него девять-сотъ-тысячъ долгу и ни гроша денегъ; что теперь у него одна надежда на шароходы, да еще на откупъ. Если Иванъ Ильичъ дастъ ему акцій, то Ноэльскій, доставъ денегъ подъ акцій, снимаетъ откупъ и за акціи уплатитъ Лурину отъ откупа.

— Гдѣ же вы возьмете залоги на откупъ? спросилъ Луринъ.

— Я выпросилъ послѣднія у Дашеньки. Вы не повѣрите, Иванъ Ильичъ, что я переношу теперь. Я долженъ скрываться отъ Дашеньки, долженъ маскировать себя даже передъ стѣнами. Меня многіе спрашиваютъ не болѣвъ ли я, и отчего я худѣю. Вотъ моя болѣзнь, которая сосетъ мою кровь, вотъ причина, отъ которой я чахну. Иванъ Ильичъ! Я съума сойду если вы мнѣ не поможете. Я чувствую, что мозгъ мой слабѣетъ отъ этихъ безпрестанныхъ неудачъ, ужасныхъ потерь, отъ которыхъ не въ силахъ ни предостеречь себя, ни отворотить своей мысли.

Если демонъ когда-нибудь радуется, если радость его выражается улыбкой, то на губахъ Лурина была именно эта улыбка, усмѣшка сатанинской радости, усмѣшка злобы.

Глаза у него сверкали дикимъ взглядомъ, мускулы лица приподнялись въ судорожное сотрясеніе.

Луринъ слушалъ.

— Теперь вы знаете мое положеніе, продолжалъ Ноэльскій, знаете, что я ничево вамъ не могу заплатить за акцій, но умоляю васъ помочь мнѣ. Я готовъ уступить какой будетъ вамъ угодно процентъ изъ прибыли, и жизни своей не пожалѣю чтобы отблагодарить васъ если вы меня обяжете, но теперь у меня ни чего нѣтъ.

— Я бы хотѣлъ вамъ помочь, сказалъ Луринъ, но, право, теперь нѣтъ средствъ. Я сказалъ Гильмору, что я внесу ему полтора милліона и больше я не могу....

Ноэльскій молчалъ. Ему пришло въ голову что Луринъ не хочетъ дать ему акцій, разсчитывая, что Ноэльскому нечѣмъ будетъ заплатить.

Ноэльскій сталъ доказывать, что откупъ принесетъ ему такую

выгоду, что онъ будетъ въ состояннн уплатиться... Потомъ вдругъ Ноэльскій замолчалъ, подумавъ: Луринъ еще, пожалуй, торговаться станетъ!

Луринъ, понимая всю эту игру страстей Ноэльскаго, молчалъ. Когда Ноэльскій сталъ говорить объ откупѣ, онъ сказалъ:

— Я хотѣлъ бы помочь вамъ; мнѣ все равно, заплатили бы или нѣтъ, я хотѣлъ бы помочь вамъ, но какъ?....

Ноэльскій сидѣлъ какъ убитый.

— Вотъ если бы въ прежння времена, такъ выиграть бы....

Ноэльскому представилась мысль.

— Что жъ, Иванъ Ильичъ, почему и теперь не выиграть. Я доставлю вамъ человѣка, который можетъ проиграть полмиллиона.

— Я выигче не играю. Но отъ чего вы не выиграте, когда вы говорите что есть такой человѣкъ?

Я вамъ скажу, кто это, отвѣчалъ Ноэльскій: у него теперь полмиллиона, онъ горячъ, и думаетъ что выше обмана. Я раза четыре старался обыграть его, но онъ всегда ускользалъ. Одинъ только разъ, играя съ товарищемъ, мы выиграли у него двѣнадцать тысячъ, а то игра всегда оканчивалась пустымъ, и я чувствую что моего знання въ игрѣ и моей опытности не хватитъ на то чтобы Батугина обмануть.

— Въ какую игру? спросилъ Луринъ.

— Въ палки!

— Въ палки! задумавшнсь сказалъ Луринъ.

— Да, Иванъ Ильичъ, въ палки, съ пари на фигуры; главное, выигрывать фигуры, число же картъ незначительно.

— А чѣмъ, я не помню, сказалъ Луринъ, въ палки, кажется, смотреть нижнюю карту.

— Какъ же, Иванъ Ильичъ: если бы вы помогли мнѣ, какую хотите долю.....

— Я самъ не могу играть, потому что я уже не играю; доли также ни какой мнѣ не пужно, но я помогу вамъ, просто для того чтобы помочь.

— Иванъ Ильичъ!... И Ноэльскій хотѣлъ выразить свою благодарность, но Луринъ не далъ ему говорить.

— Слушайте, сказалъ онъ, отпирая ящикъ своего бюро. Я вамъ покажу карты, они истерты, стары, но для игры я вамъ приготавливаю новыя, теперь смотрите. И Луринъ подалъ Ноэльскому добольно старыя карты.

Ноэльскій пристально посмотрѣлъ, на нихъ не было видно ни

него звука, однимъ словомъ ничего, по чему бы можно было по-
дѣлать что-нибудь.

— Тасуйте, снимайте, и покажите нижнюю карту.

Нозльскій хорошо стасовалъ, потомъ самъ же снялъ, и пока-
залъ нижнюю карту.

— Тройка червей, сказалъ Луринъ. Остальные три тройки
идутъ на счастье, одна червонная выиграетъ непременно, при-
бавилъ онъ.

Нозльскій сталъ сдавать, и бросилъ тройку червей Лурину.

Нозльскій опять стасовалъ, показалъ нижнюю карту.

— Тузъ пикъ, сказалъ Луринъ.

Нозльскій далъ и туза пикъ.

— Теперь, сказалъ Луринъ, три талии идутъ на счастье; ме-
ните.

Нозльскій прометалъ три талии, на четвертую Луринъ поста-
вилъ четверку и опять выигралъ.

Нозльскій съ изумленіемъ смотрѣлъ на Луринна и на карты.

Луринъ самодовольно улыбался.

Я вамъ привезу такія карты, будете ли вы довольны?

Нозльскій въ полнотѣ восторга началъ благодарить Луринна, и
улыбался, что не только Батугина, но цѣлый свѣтъ можно обыг-
рать на это.

— Если вамъ нравится, то я вамъ расскажу ключъ, сказалъ Лу-
ринъ. Карты же основаны на глубокомъ математическомъ раз-
счетѣ и только на шесть талий. Всякій разъ двѣ талии вамъ вѣр-
ныя, а потомъ три на счастье, и такимъ образомъ шесть вѣр-
ныхъ талий. Въ эти шесть талий вы должны взять всѣ деньги
нашего противника.

— Какъ же я узнаю, съ которой талии начинается вѣрная.

— Съ четвертой послѣ того какъ Батугинъ распечатаетъ ко-
юду. Теперь я вамъ расскажу какъ вы можете узнать карту,
которую должны поставить.

Нозльскій весь превратился во вниманіе.

— Когда вамъ покажутъ нижнюю карту, прибавьте къ ней
шесть, и вычтите изъ тринадцати, или изъ двадцати шести, если
изъ тринадцати не вычитается. Помните: первую талию не при-
бавляйте ничего, вторую прибавьте единицу, третію два, и такъ
далее.... Масть карты должна быть одного цвѣта, по ни какъ не
та, которая внизу. Кажется, все; теперь попробуйте, вѣрно ли?

И Нозльскій шесть разъ, по два сряду, самъ у себя угадалъ
карты.

Отъ радости онъ не могъ ничего говорить.

— Такія карты я привезу вамъ въ тотъ день вечеромъ, въ который вы назначите у себя игру, сказалъ Луринъ; примлите мнѣ дать знать, а теперь мнѣ нѣкогда. Не забудьте же, первый разъ ничего, второй одну, и такъ далѣе.... Ставьте больше на суровую, она у васъ вѣрная, а на тѣ не надѣйтесь. Прощайте!

Ноэльскій уѣхалъ въ полномъ восторгѣ, отъ восторга онъ не помнилъ себя и только твердилъ: Какая игра! Какой человекъ! Ну, теперь я поправился.

Луринъ поѣхалъ къ Анатолю.

Мать съ сыномъ, защищаясь отъ холоду однимъ старымъ салопомъ, сидѣли въ своемъ подвалѣ и ожидали Чухонку.

Марія ослабѣла отъ голоду, голова ея склонилась на плеча сына. Но ея материнская любовь не позволила ей отяготить Анатоля, заставивъ его подать ей кусокъ хлѣба. Она думала: онъ не возьметъ у меня салопа, онъ пойдетъ безо всего, простудится.... Но голодъ взялъ свое, Марія не вытерпѣла и спросила:—Что это кухарка нейдетъ такъ долго!

— Матушка! я заставилъ васъ терпѣть все это, простите ли вы меня? сказалъ Анатолий.

— Богъ съ тобой, другъ мой! отвѣчала Марія: ты не виноватъ передо мной. Послушайся лучше меня, сходи къ Сергѣю Макаровичу, это развлечетъ тебя немного.

— Нѣтъ! отвѣчалъ Анатолий. Зачѣмъ я пойду къ нему? чтобы онъ встрѣтилъ меня гордой улыбкой покровительства, илиронической улыбкой презрѣнія.... Да и думаете ли вы, матушка, что эти люди оцѣнятъ, что я отдалъ все, чтобы не запятнать своего имени? Нѣтъ, повѣрьте, я у нихъ пошлый дуракъ, который кромѣ того что обанкрутился, еще не съ умѣлъ ничего унести изъ конкурса.

— Ты тамъ увидишь Евгению, сказала Марія.

Анатолий быстро отодвинулся отъ матери.

— Евгения? По развѣ Евгения не петербургская дѣвушка, у которой сердце въ головѣ? Развѣ вы думаете, что любовь ея ко мнѣ не улетѣла вмѣстѣ съ моимъ миллиономъ? Я теперь чума для всѣхъ! Тотъ, кто родился бѣднымъ, тотъ только бѣденъ: бѣдность большой порокъ въ нашъ вѣкъ; но кто былъ богатъ и сталъ

бдешь, отъ чего бы те не было, тотъ изва, нѣтъ, хуже всякой лжи для всѣхъ.

— Ты, Анатолій, не полюбилъ бы Евгениі, если бы она была такова, какъ ты говоришь про нее теперь. Ступай къ ней!

— Безъ фрака, пролически сказалъ Анатолій и поблѣднѣлъ. Онъ не могъ свыкнуться съ мыслию что онъ принужденъ послать въ залогъ даже свой фракъ.

— Я тебѣ найду фракъ, сказала Марія съ улыбкой на губахъ и вѣстѣ слезой, которая неволью надала изъ ея рѣсницъ. Ступай къ Сергѣю Макаровичу.

— Гдѣ? спросилъ Анатолій.

— Я выпрошу у камердинера этого молодого человѣка, что надъ нами.

— Выпросить чужой фракъ! И Анатолій сдѣлалъ судорожное движеніе.

— Мой другъ! сказала Марія, прости меня! Миѣ хотѣлось занять тебя чѣмъ-нибудь и я не думала тебя такъ глубоко оскорбить.

И Марія боязливо смотрѣла ему въ глаза, какъ-будто боялась за каждое слово, которое говорила.

— Нѣтъ, матушка! Вы простите меня за мой невольный порывъ. Я чувствую всю вашу любовь ко миѣ, всю вашу вѣжность, но я не иду къ Сергѣю Макаровичу, потому что, еслибы Евгениі хотѣла меня видѣть, она нашла бы случай передать свое желаніе, но я не получалъ отъ нея даже сожалѣнія, даже обиднаго сожалѣнія.

Въ это время вошелъ разнощикъ писемъ и подалъ письмо Анатолію.

Письмо было по городской почтѣ.

Анатолій взглянувъ на адресъ, сказалъ матери:

— Матушка, это отъ Евгениі, ея рука. Боже! Какъ я виновата передъ нею....

«Ты въ несчастіи, милый Анатолій, поэтому я пишу къ тебѣ. Проси меня, что я забываю свой долгъ, пренебрегаю обязанностями, чтобы утѣшить тебя. Этимъ я хочу доказать, что ты можешь быть увѣренъ въ своей Евгениі, которая цѣнитъ твою любовь къ ней, уважаетъ благородство твоего поведенія и не чуждается твоею бѣдностью. Мой милый братъ и супругъ, чего бы не сдѣлала, чего бы не отдала я, чтобы лично тебя утѣшить! Тебѣ, мой другъ, я готова пожертвовать всѣмъ; и я отвергну судъ свѣта, оставлю отца, родныхъ, забуду все на свѣтѣ и послѣдую за тобой, буду помнить только тебя, мой другъ,

«мой братъ, мой супругъ, мой возлюбленный! Прийди ко мнѣ, возьми меня плачущую, любящую и я раздѣлю съ тобой твою бѣдность....»

«Не брани меня, милый Анатолій, что я это пишу къ тебѣ: ты мой супругъ, твоя Евгенія не будетъ принадлежать другому, поэтому я и пишу, что чувствую. А чувства мои полны одной любовью къ тебѣ, полны однимъ тобою. Не суди же меня строго; если я виновата въ томъ что пишу, то виновата и въ томъ что люблю тебя. И если ты хочешь быть моимъ мужемъ, если принимаешь эту жертву любви моей къ тебѣ, то приходи сегодня въ семь часовъ вечера, батюшки не будетъ дома, мы условимся.»

«Я перечитала письмо и испугалась того что написала. Ну что, думала я, если ты, Анатолій, не оцѣнишь моего участія, моей любви, и лишишь меня своего уваженія! Боже, я не перенесу своего несчастія.... Нѣтъ, Анатолій, ты слишкомъ благороденъ для того чтобы могъ дурно думать о своей невѣстѣ. Прости другъ, прости свою
Евгенію.»

Анатолій прочиталъ письмо. Любовь къ нему, выраженная всей силой пламенной души, всей энергіей слабой воли дѣвушки, которая умѣла забыть скромность свою для любви и исполнѣ цѣнила свою забывчивость, любовь Евгеніи затронула сердце Анатолія за его чувствительную струну, развила его тайную задумчивую мысль и онъ въ первомъ припадкѣ эгоизма подумалъ:—Красотой можно украсить и бѣдную хижину. Но въ ту же секунду онъ вспомнилъ слова Сергѣя Макаровича: играть на свирѣли она не умѣетъ, а съ кускомъ хлѣба моя Евгенія умретъ съ голоду....

И долженъ ли онъ свои несчастія, свою бѣдность, обрушить на голову Евгеніи?... Гдѣ жъ будетъ любовь его?

Ну что жъ! если нельзя быть мужемъ Евгеніи, можно быть ея любовникомъ.

Но неужели Анатолій прокрадется какъ тать къ дому Сергѣя Макаровича, воспользуется неопытностію дѣвушки и повергнетъ на Евгенію совѣсть, страхъ, любовь и, наконецъ, общественное мнѣніе....

Что будетъ съ Евгеніей, когда она, разсуждая сама съ собой скажетъ:—Я преступница, я забыла стыдъ дѣвушки, забыла обязанности къ своему роду, къ своему отцу, и унизилась до степени самой презрѣнной твари передъ женихомъ своимъ....

Но будетъ ли тогда Анатолій — низкій похититель ея спокой-

ствъ, подлый, развратникъ, уничтожившій сакротъ своего чувства преступной связью.

Никогда! сказалъ себѣ Анатолій.

Но онъ пойдетъ къ ней, онъ увидится, поговоритъ съ ней.... Онъ во-крайней-мѣрѣ скажетъ, что онъ любитъ ее больше своей жизни, но что жертвуетъ своею любовью для ея счастья. Онъ пойдетъ къ ней....

Какъ же онъ пойдетъ? Ему не въ чемъ, у него нѣтъ ни фрака, ни сюртука, ни шинели, ему не въ чемъ!.... Хорошо будетъ онъ, если явится къ Евгенин безъ фрака. Онъ испугаетъ ее дѣвичью стыдливостью, онъ будетъ жалокъ въ ея глазахъ.

Слѣшая вещь, думалъ Анатолій: пламеннаго, восторженнаго любовника останавливаетъ итти къ предмету его любви.... что же? фракъ!

Бездѣлка, фракъ! Любовь таетъ передъ могуществомъ фрака... или хотя бы сюртукъ, пальто, шинель, что-нибудь, у меня ничего нѣтъ....

Но, можетъ-быть, я не выдержалъ бы, увидавъ Евгению; моя рѣшимость исчезла бы и я погубилъ бы ея спокойствіе.... Нѣтъ, нѣтъ! Благодарю судьбу, которая удерживаетъ меня. Я напишу къ Евгенин. И Анатолій быстро написалъ къ ней.

Анатолій писалъ, что онъ цѣнитъ любовь Евгенин, дорожитъ тѣмъ участіемъ, которое она показала ему. Онъ писалъ, что вся любовь его, которая обнимаетъ собой все его существованіе, не въ состояніи вознаградить Евгению за ея участіе, за ея память и любовь, но что эта же любовь никогда не позволитъ ему думать разрушить спокойствіе Евгенин.

Я знаю твердость твоего характера, Евгенин, писалъ онъ: ты въ самой себѣ въ твоей искренности и добродѣтели, найдешь себѣ опору, силу перенести разлуку нашу; молюсь, но не обманываю тебя надеждой, молюсь, чтобы не вѣчную....

Чухонка пришла. Бѣдный горшокъ еще кипѣлъ въ печкѣ. Анатолій послалъ по почтѣ письмо къ Евгенин.

Марія и Анатолій сѣли обѣдать.

Огня ихъ заслонили колеса богатой кареты.

V.

Луринъ анализировалъ свои ощущенія, онъ разбиралъ свою любовь къ Евгенин и вспоминалъ свою прошлую любовь къ Ольгѣ-

къ. Онъ сравнивалъ эти двѣ любви, искалъ въ нихъ средства, общности ощущеній, и не находилъ....

Луринъ любилъ Оливьку. И полный жизни, полный силъ, жаждалъ ея любви, сгаралъ отъ своихъ ощущеній, отъ своего желанія, онъ хотѣлъ обладать ею. Онъ хотѣлъ чтобы ея жизнь заключилась въ его жизни; хотѣлъ, чтобы Оливька любила его; хотѣлъ, чтобы въ любви Оливьки было столько вѣжности, сколько въ его любви было энергій....

Онъ хотѣлъ, чтобы она сама пересоздалась вновь для любви и чувствомъ своимъ слылась съ его чувствомъ. И Луринъ былъ бы мужемъ и любовникомъ Оливьки. Онъ обладалъ бы ею вполне, и какъ мужъ, и какъ мужчина, и нравственно и физически она была бы его, а онъ былъ бы для нея.

Теперь не то. Онъ не жаждетъ обладанія; силы истощенныя жизнью, не волнуютъ его холодной крови, онъ не страдаетъ избыткомъ чувствъ, могуществомъ страсти, онъ чувствуетъ только неопределимое желаніе быть подлѣ Евгеніи, говорить съ нею, утѣшать, слушать.... И завистливо, досадно, зло смотреть онъ на того, съ кѣмъ говоритъ Евгенія, или съ кѣмъ шутитъ она.

Онъ теперь похожъ на скупца, который прячетъ отъ себя золото, чтобы самому умереть съ голоду.

Любовь къ Оливькѣ у него вылилась изъ сердца съ дивной полнотою и выразилась силой страсти, могуществомъ воли, которая овладѣла страстію. Любовь его къ Оливькѣ ознаменовалась и кипѣніемъ крови, и горячкою чувствъ, и силой стремленія, одолевашающаго все. Любовь къ Евгеніи выразилась тоскою, глубокою тоскою измученнаго сердца....

Любить ли онъ Евгенію? Этотъ вопросъ онъ задавалъ себѣ безпрестанно.

Какъ человѣкъ, который хочетъ подчинить разсудку каждую мысль свою, каждое желаніе, и подчинить ихъ не для того чтобы ограничить себя, вѣтъ! но для того, чтобы вѣрно опредѣлить, сознать и потомъ вѣрнѣе достигнуть.... онъ и теперь хотѣлъ знать, или лучше выразиться, хотѣлъ доказать себѣ, что онъ Евгенію точно любитъ, и потому долженъ стремиться всею волею подчинить ее себѣ. Но какъ онъ любитъ, когда онъ не то чувствуетъ, что чувствовалъ къ Оливькѣ, а Оливьку онъ любилъ. Чѣмъ же выражается его любовь къ Евгеніи? Гдѣ тѣ внутреннія ощущенія страсти, которыя онъ испытывалъ? Однимъ словомъ: чѣмъ обозначалась новая любовь въ его душевномъ мірѣ.

Луринъ не хотѣлъ признаться, что его тоска, его глубокая грусть, и есть любовь, любовь, не менѣе глубокая, не менѣе могучая.... И Луринъ удивлялся, отчего нѣтъ въ немъ ни того волненія, ни той горячки чувствъ, ни того жгучаго сомнѣнія, ни той силы страсти, ни той страсти въ надеждѣ, ни того трепета въ ожиданіи, какія тогда были, тогда волновали его.

Теперь онъ готовъ бы былъ быть братомъ Евгениі, съ тѣмъ только, чтобы она не любила ни кого, не говорила ни съ кѣмъ, а любила бы только его, жила бы его любовью, въ немъ видѣла бы себя. Теперь Луринъ, въ нравственномъ и физическомъ истощеніи своемъ, понималъ платоническую любовь.

Два возраста, когда психическая любовь понятна, даже возможна: юноша и старикъ. Юноша вспыхиваетъ какъ порохъ, потомъ погаснетъ, простынетъ. Безотчетно покоряясь сладости своихъ ощущеній, робѣетъ при одной мысли осуществить ихъ. Но мужична, мужъ, если силы въ немъ развились правильно, если они не истомлены преждевременнымъ развратомъ или горькими отношеніями, или тяжелой борьбой чувствъ, то у него могущество его естественной любви, его желаній, доставить твердость его волѣ, и силу одолѣть преграды.

Старикъ опять становится ребенкомъ. Несмотря на всю его энергію, онъ простываетъ физически.... Между-тѣмъ духовная сторона его, окрѣпая отъ опыта и горькихъ разочарованій въ жизнь, заставляетъ его привязываться къ своему идеалу сильнѣе и сильнѣе; онъ понимаетъ, что это его послѣдняя привязанность, послѣднее выраженіе жизни въ его сердцѣ. И онъ любитъ до самозабвенія, до тираниі.... Слабость физическая еще болѣе разжигаетъ его любовь, воображеніе распалаетъ его чувственность до страсти и онъ мучится чувствительностію, горитъ безсильнымъ желаніемъ и сохнетъ отъ игры своей мысли. Потому-то любовь старика и есть аномалія въ природѣ.

Луринъ думалъ что онъ не старъ, только пятьдесятъ лѣтъ... люди женятся иногда старѣе. Но можно ли жизнь измѣрять лѣтами? Если одинъ съ достаточными средствами, съ флегматическимъ характеромъ, живетъ хоть въ деревнѣ, не заботясь ни о чемъ, только ѣсть да спать, онъ прожилъ пятьдесятъ лѣтъ. Но много ли онъ прожилъ дѣйствительно? Всѣ дни его были одинаковы, исключая разности въ обѣдѣ, да еще одинъ день, день его свадьбы. Другой, мучимый всѣми страстями людей и безъ всякихъ средствъ: онъ бьется изъ всѣхъ силъ, чтобы доставить себѣ эти средства, люди поставляютъ ему несодвинныя преграды; онъ борется съ

этими преградами, падаетъ, и иногда побѣждаетъ. Такой чело-
вѣкъ прожилъ двадцать лѣтъ, но у него на головѣ сѣдые воло-
сы, онъ усталъ жизнью.... Смѣшны тѣ разочарованные, которые
сами себя, въ области своей фантазіи, придумали, сочинили борь-
бу чувствъ, игру страстей и стали или притворились разочаро-
ванными, не испытавъ очарованія, прожили, еще не живши. Они
по прошлой модѣ хвастаютъ своимъ разочарованіемъ, гордятся
усталостію, которой они не чувствуютъ. Смѣшны такіе разоча-
рованные. Природа и судьба могутъ заставитьъ челоѵка рано
состарѣться, но онъ тогда будетъ не модный разочарованный,
а старикъ.

А какъ прожилъ Луринъ свои пятьдесятъ лѣтъ? Сперва онъ
нуждался, былъ въ крайности. Онъ былъ не довольно нравствен-
но твердъ, внутренно благороденъ, чтобы умѣть отвергнуть оболь-
щеніе нажитья. И онъ сталъ обыгрывать. Но для этого нужна
была вся сила характера Лурипа... Совѣсть, невольные порывы
истины и робость передъ тѣмъ, кого онъ обманывалъ, каждую
минуту терзали его, каждую минуту его мучили, но онъ долженъ
былъ не слушать совѣсти, отвергать всякое благородство, быть
выше своей робости, долженъ былъ обманывать и въ тоже вре-
мя скрывать свои обманы. Онъ долженъ былъ забыть отноше-
нія, родство, дружбу, благородство, любовь къ ближнему, долженъ
былъ приучить себя хладнокровно обыграть челоѵка, хотя бы
онъ зналъ, что этотъ челоѵкъ завтра умретъ съ голоду, отто-
го что онъ его обыгралъ; и все это прикрыть вѣжливостію,
свѣтскостію, любезностію; онъ долженъ былъ вполне умѣть вла-
дѣть собой, умѣть отвергнуть всякое чувство, и заставитьъ себя
быть тѣмъ, чѣмъ онъ хотѣлъ быть.

Но тутъ ему встрѣтилось новое ощущеніе. Онъ почувствовалъ
что есть что-то выше силы золота, дороже его обмана, и у не-
го былъ тогда, какъ и теперь соперникъ. Тогда онъ испыталъ,
что смерть соперника не дастъ ему любви дѣвушки, не дастъ
ему счастья, что любви нельзя завоевать, нельзя выиграть; те-
перь онъ придумалъ другое: онъ уничтожитъ любовь Евгенія къ
Анатолію, онъ поставитъ Анатолія въ такое положеніе, что Ев-
генія будетъ презирать его. Онъ не думаетъ о томъ, что этимъ
онъ погубитъ челоѵка, отниметъ сына у матери, и разобьетъ
сердце дѣвушки, любимой имъ дѣвушки.... Онъ не думалъ ни о
чемъ. И вотъ, во-первыхъ, Луринъ устроилъ его разореніе.

Но для-того чтобы разорить Анатолія, Луринъ долженъ былъ
устроить дуэль; эта дуэль стоила жизни одному, а другого сдѣ-

дана преступникомъ: это—злодѣйство. Теперь онъ ѣдетъ къ Анатолю....

И онъ ѣдетъ къ Анатолю спокойно. А тогда, онъ помнитъ, что тогда онъ треметалъ: ожидая капитана, руки его дрожали, когда онъ сталъ намѣчать карты, чтобы выиграть жизнь человѣка, крашъ ложился не вѣрно.... Онъ испортилъ игры три карты прежде чѣмъ сдѣлалъ ихъ. Сколько разъ хотѣлъ онъ все бросить, но ему приходила на мысль Олинька, наивная, прекрасная; ему приходило въ голову, что въ эту минуту, она украдкой отъ отца цѣлуетъ жениха своего и Луринъ работаетъ.

Теперь Луринъ думалъ, отсутствіе этого сомнѣнія, этой боязни, не есть ли признакъ недостатка любви его къ Евгенію?

Тогда онъ ненавидѣлъ соперника, и какъ ни старался онъ замаскировать свое чувство, ненависть его неволью выказывалась въ каждомъ взглядѣ и движеніи.

Луринъ помнилъ свою игру.

Онъ владѣлъ собой, былъ хладнокровенъ наружно, онъ привыкъ уже владѣть собой, но чувство, сомнѣніе и самая ненависть выступали у него противъ воли. Онъ помнилъ, что когда онъ пояснлъ капитану, отчего жаждетъ его смерти, когда соблазнялъ его рискнуть, поставить на карту жизнь свою, то чувствовалъ что кровь у него поднималась къ головѣ, что невольная дрожь овладѣла имъ. А теперь?... Ничего! Онъ холоденъ, онъ только тоскуетъ.

Луринъ не ненавидитъ Анатоля, для него все-равно, онъ даже любить его; но если бы было нужно, онъ бы его убилъ, но не изъ ненависти, не изъ ревности,—вѣтъ, изъ любовнаго разсчета.

Луринъ помнитъ, что когда онъ пріѣхалъ къ капитану, онъ хотѣлъ, чтобы роковая катастрофа была при немъ, не выдержалъ.... Онъ готовъ былъ отказаться и отъ Олиньки и отъ всего, чтобы только удаалтъ эту катастрофу. Одна минута и онъ, можетъ быть, отказался бы, онъ былъ внѣ себя,—и опомнился, когда все уже было кончено....

Послѣ его приготовленія къ свадьбѣ, представленія его совѣсти, которыя ему говорили: ни тонкости, ни ума, ни вліянія,—потомъ день свадьбы, умирающая Олинька и онъ съ пистолетомъ въ рукѣ.

Все это пролетѣло въ воображеніи Луринна мгновенно. Онъ будто жилъ вновь въ своемъ воспоминаніи и онъ вспомнилъ свою улыбку,—улыбку презрѣнія къ самому себѣ, къ своему малодушію, и прощескую слезу, которая была невольною данью его

любви къ Олиннѣ, тяжелымъ отвѣтомъ на его собственную иронию.

На другой день онъ летѣлъ на почтовыхъ въ Петербургъ. Ему хотѣлось быть спокойнымъ, хладнокровнымъ, веселымъ, но онъ былъ взволнованъ, скученъ; грудь его сжималась отъ невѣдомаго чувства, ему недоставало чего-то и все казалось въ черномъ цвѣтѣ.

Луринъ пріѣхалъ въ Петербургъ, сталъ играть, много моталъ, но ему все было скучно.

Луринъ часто смотрѣлъ на портретъ Олиннки, любовался ея глазами и иногда боялся этихъ глазъ, которые какъ-бы укоряли его въ злодѣйствѣ. Онъ вспомнилъ капитана, вѣсколько рыцарскаго но все же благороднаго, и грудь его томилась тоской, невольной данью совѣсти.

Напрасно Луринъ бросался въ шумъ свѣта, въ вихрь удовольствій, въ игру: ему было скучно. Онъ не могъ убѣжать отъ мыслей своихъ. Любовь его къ Олиннѣ превратилась въ невыразимое состояніе сердца, все желать и не радоваться исполненію своихъ желаній.

На лицѣ Лурина, безстрастнымъ, холодномъ, вы бы ни чего не замѣтили: оно было такъ неизмѣнчиво, такъ неподвижно, что ощущенія, которыя волновали его, были тайной для другихъ. И потому всѣ говорили: счастливецъ!... онъ не знаетъ несчастія.

А этотъ счастливецъ говорилъ въ ту минуту: я не вынесу, я застрѣлюсь.... Нѣтъ, вдругъ онъ отвѣчалъ себѣ: я хочу, я долженъ жить.

Онъ бросился въ развратъ. Поддерживаемый своимъ искусствомъ, Луринъ могъ мотать, сколько хотѣлъ, но продажная любовь, оргіи пьянства ему скоро опротивѣли....

Луринъ хотѣлъ насильно занять себя чѣмъ-нибудь; онъ строилъ и отдѣлывалъ свой домъ, не жалѣлъ ни какихъ издержекъ на это: такимъ образомъ обманывалъ сердце занятіемъ, но ему все было скучно.

— Я буду волочиться, сказалъ Луринъ, волокитство та же война. Мсяя это займетъ.

Но онъ скоро увѣрился въ противномъ и волокитство ему показалось не войной, а просто обманомъ.

Честныя женщины остались честными женщинами, несмотря на волокитство Лурина, а другія не стояли того, чтобы на нихъ даромъ терять время.

Луринъ все имѣлъ, все получалъ, что хотѣлъ, все, что можно

добыть деньгами, умомъ, ловкостію, но онъ не могъ добыть себѣ спокойствія совѣсти.

И тогда на него напала хандра, жестокая, мучительная, навѣдшая на все призму отчаянія. Къ хандрѣ присоединилась неудовлетворенная любовь и угрызеніе совѣсти... и жизнь Луриня брала несносную.

Онъ хотѣлъ испытать что-нибудь новое, хотѣлъ бы горя какого-нибудь. Но онъ былъ одинокъ, богатъ, независимъ, у него не было горя, зато не было и радости.

Скучна была жизнь его.

Въ одно утро Луринъ сталъ считать свои деньги; до двухъ милліоновъ не хватало только ста тысячъ. Имѣніе, которое предполагалъ себѣ Луринъ купить, было уже давно куплено и онъ скоро долженъ перестать даже играть.

Луринъ испугался этой мысли.

— Програю нарочно, сказалъ онъ, я же давно не испытывалъ ощущенія проигрыша. Буду играть на счастье; оно, кажется, не должно улыбнуться мнѣ.

Но онъ выигралъ, и выигралъ ровно сто-тысячъ.

Продолжать играть онъ не хотѣлъ. Онъ выигралъ столько, сколько сказалъ себѣ, да и кромѣ-того уже начали поговаривать о его необыкновенномъ счастьи.

Луринъ пересталъ играть. Тутъ жизнь его стала еще безцвѣтнѣе, еще скучнѣе.

Онъ ни куда не выѣзжалъ, оставилъ все знакомства, почти никого не принималъ къ себѣ. Онъ одинъ ходилъ по огромнымъ комнатамъ своего великолѣпнаго дома, одинъ, съ своими мыслями, съ представленіемъ своего пламеннаго воображенія.

Пустота въ домѣ еще болѣе пугала его. Луринъ думалъ: «Я могу съ ума сойти.»

Тоска сдѣлалась его физической болѣзнію и онъ послалъ за докторомъ. Докторъ пріѣхалъ.

Луринъ жаловался ему на свою хандру, на тоску, которая гложетъ его сердце. Ему было пріятно говорить о своей болѣзни, о хандрѣ, о скукѣ.... Луринъ такъ привыкъ скрывать мысли свои, что откровенный разговоръ шекоталъ его нервы. И онъ говорилъ, что ему хотѣлось бы испытать что-нибудь новое, чего еще онъ не испытывалъ.

— Да чего вамъ новаго, Иванъ Ильичъ, сказалъ докторъ: ждите! Семейная жизнь будетъ для васъ новостію.

— Въ самомъ дѣлѣ, странно, что ниѣ до-сихъ-поръ не приходило этого въ голову, подумалъ Лурниѣ....

А только годъ, одинъ только годъ прошелъ съ той минуты, когда онъ стоялъ у постели больной....

— Жениться! У меня будетъ хорошенькая жена, у меня будутъ дѣти, а буду жить для нихъ, утѣшаться ими!

И Лурниѣ рѣшилъ жениться.

— На комъ? думалъ онъ про себя: семейство княжны Г*** не позволить ей выйти за меня: они богаты и не соблазнятся моими миллионами. Графиня Б*** — она бы непременно вышла, ей давно нужно позолотить свой гербъ, но она дурна собой. К*** — они тоже не выдадутъ свою Надиньку: имъ нужно свое золото прикрыть какимъ-нибудь гербомъ, и для нихъ разорившійся князекъ или нищій графъ будетъ самая блистательная партія... Аристократическій кругъ, ну его?.... Я хочу, чтобы моя жена была ниѣ женой! Я женюсь, чтобы жить семейной жизнью, наслаждаться спокойнымъ счастьемъ, а не для того, чтобы отъ визитовъ переходить къ утомительному вечеру и чтобы любоваться женой своей въ вальсѣ съ какимъ-нибудь пустоголовымъ франтомъ. Нѣтъ! я выберу себѣ дѣвушку средняго круга, милую, наивную, образованную, какъ моя Олянька.... Это сравненіе навело опять тоску на Лурниа.

Но Лурниѣ не оставилъ своей мысли жениться: ему казалось, что въ женитьбѣ онъ опять обновится жизнью, найдетъ свое спокойствіе и свою молодость. И Лурниѣ искалъ невѣсты.

Однажды Лурниѣ пошелъ прогуляться по Невскому.

Мимо его мелькнула дѣвушка вся въ черномъ. Она вошла вмѣстѣ съ какой-то старухой въ магазинъ.

Талия, станъ, ножка представили Лурниу Оляньку. Онъ не помнилъ себя и бросился къ дверямъ магазина: его всекла туда неподолжная сила.

Дѣвушка выбирала что-то.

Лурниѣ смотрѣлъ на нее и не вѣрилъ своимъ глазамъ. Она, точно она,—или не опять ли разстроенное воображеніе рисуетъ Лурниу образъ Оляньки. И онъ ощупывалъ свою голову.

Пусть всякій вообразитъ чувства Лурниа.

Къ нему подошла старуха, это была графиня, родственница Оляньки. Графиня обязательно спрашивала у Лурниа, отъ чего онъ давно не былъ.

— Совсѣмъ забыли насъ, Иванъ Ильичъ.

Дѣвушка оборотилась и передъ Лурнинымъ стояла Олянька.

Если бы Оливька могла еще поблѣднѣть, она бы поблѣднѣла; но она была такъ блѣдна, что поблѣднѣть не было возможности, и только лихорадочный румянецъ заигралъ на ея исхудалыхъ щечкахъ, а губки посинѣли.... Оливька оперлась на прилавокъ ма-газина, чтобы не упасть.

Луринъ не смѣлъ на нее взглянуть и не могъ отвести своего взгляда: Оливька опустила вуаль.

Графиня обязательно говорила, что ждетъ его, что онъ давно у нихъ не былъ.

Луринъ едва опомнился, когда они уже уѣхали.

— Какъ переѣхалась, какъ поблѣднѣла она, думалъ Луринъ. Блѣдная! И я виной твоей блѣдности, я. А какъ хороша она, какъ прекрасна!...

Если она будетъ женой моей, я буду счастливъ, совершенно счастливъ, думалъ Луринъ объ Оливькѣ. И онъ поѣхалъ къ графинѣ.

Мужъ графини былъ человѣкъ эгонистическій, холодный. Въ молодости онъ былъ честолюбивъ, и не смотря на фамилію, на связи, онъ не могъ выбиться изъ ряду самыхъ обыкновенныхъ людей; в раздраженное самолюбіе, безпрестанно затрогиваемое при-тѣромъ другихъ, улеглось въ глубинѣ его мыслей и перелось въ холодный эгонизмъ.

Онъ любилъ пышность, чтобы чѣмъ-нибудь по-крайней-мѣрѣ блестятъ, и прожилъ почти все состояніе, гоняся за блескомъ; возмелъ въ неоплатимые долги, былъ долженъ (какъ читатели, на-дѣюсь, помнятъ) и Лурину.

Графъ былъ деспотъ въ своемъ семействѣ, ему ни кто не смѣлъ противурѣчить, и теперь холодно, досадно смотрѣлъ онъ на родственницу своей жены, которую долженъ былъ принять подъ свое покровительство.

Къ этому-то человѣку обратился Луринъ съ своимъ милліона-ми. Въ первый разъ, когда Луринъ сватался, графъ тоже довольно настоятельно требовалъ, чтобы Оливька за него вышла, но тогда у Оливьки былъ отецъ.

Теперь, графъ помнилъ очень хорошо, что у Лурина есть век-сель, но которому заплатить онъ почти не въ состояніи, и по-тому онъ не обратилъ вниманія на обморокъ Оливьки, когда онъ ей объявилъ что она невѣста Лурина.

И въ общему удивленію Оливька послѣ своего обморока не го-ворила ничего. Она безотчетно, но спокойно готовилась къ свадь-бѣ, какъ къ чему-нибудь самому обыкновенному.

Она была очень худа и очень блѣдна, но Луринъ забывшигь себя, засматриваясь на ея блѣдность.

Она шла за Луринна безъ сопротивленія. Желала-ли она освободиться своихъ родственниковъ, которымъ была въ тягость, или просто рѣшилась покориться судьбѣ, или безотчетное ошѣивіе заставляло ея быть равнодушной къ своей участи, трудно рѣшить, и она, къ удивленію всѣхъ, даже и Луринна, спокойно готовилась быть его женой.

Только въ мысляхъ Олинъки было что-то такое, что ей хотѣлось бы сказать Лурину. Нѣсколько разъ она хотѣла поговорить съ своимъ женихомъ, открыть ему свою завѣтную мысль и не смѣла, не рѣшалась,—и эта мысль тяготила бѣдную. Было ли это воспоминаніе о ея Николаѣ, о жертвѣ любви Луринна, была ли это любовь къ покойному, ненависть къ жениху,—она не говорила ни чего, будто не смѣла высказаться....

Въ груди Олинъки чувства волновались... но что волновало ихъ? Какая тайна заключалась въ ея сердцѣ, тайна, которую не смѣла открыть она ни роднымъ, ни жениху....

Луринъ былъ скучный женихъ. Онъ боялся взглянуть на Олинъку; въ отвѣтъ ея глазъ онъ видѣлъ капитана.

Къ свадьбѣ все было готово.

Это было лѣтомъ. Графъ жилъ на дачѣ. Садики ихъ выходилъ на берегъ маленькой рѣчки.

Если бы вы, въ тотъ день когда объявили Олинъкѣ, что она невѣста, проходили по берегу этой рѣчки, часовъ въ одиннадцать вечера, то услышали бы тихій шопотъ и будто заглушаемое рыданіе и у рѣшетки садика увидѣли бы гусарскій ментикъ.

Свадьба была назначена. Олинъка была задумчива, скучна, но этимъ она еще болѣе нравилась Лурину: онъ вспоминалъ ея манію, ея болѣзнь и мучился отъ воспоминанія.... И воображеніе Луринна окружало дивной поэзіей образъ Олинъки. Онъ приходилъ въ восторгъ при одной мысли о пей. Онъ любовался ею и любилъ....

Олинъка подошла къ нему, хотѣла что-то ему сказать и не могла, какъ-будто это что-то слишкомъ тяжело для нея....

Наканунѣ свадьбы Олинъка опять рѣшилась-было объясниться съ своимъ женихомъ. Она подвела его къ окну и хотѣла начать исповѣдь своего сердца, но къ нимъ подошелъ Ноэльскій, перебилъ ея признаніе какой-то шуткой, — и тайна Олинъки осталась въ трудѣ ея.

На другой день, часовъ въ десять вечера, въ богатой каретѣ

веди Оливку, блѣдную, неподвижную.... Черезъ часъ судьба ея будетъ соединена съ судьбою Лурна.

Иванъ Ильичъ былъ уже въ церкви.

Описывать ли вамъ свадьбу? Оливка опять едва не упала въ обморокъ отъ перваго поцѣлуя своего мужа. Гости разбирали каждое движеніе жениха и невесты, а любопытные подиѣчали кто изъ колодыхъ, женихъ или невеста, вступить на коврикъ, посланный передъ наложень.

Обрядъ кончился, Луринъ былъ счастливъ. Наконецъ онъ мужъ Оливки.

Черезъ нѣсколько часовъ по удаленіи гостей Луринъ говорилъ своей женѣ:

— Да, сударыня! отъ души долженъ я благодарить вашу тѣтушку, ваше семейство, и васъ.... Вотъ образецъ добродѣтели, вотъ дѣвушка, — образецъ скромности и стыдливости....

Волненіе задушило слова Лурна. Онъ не могъ говорить.

— А я думалъ видѣть въ васъ поддержку моей жизни, утѣшеніе тоскующей душѣ, хотѣлъ видѣть добраго генія, посланнаго мнѣ судьбой.... Хорошъ геній! счастливая судьба избавщика! ха! ха! ха!

Оливка горько плакала и страшно убивала себя.

— И вотъ плоды вашего воспитанія, вотъ плоды, которые обрадовали бы вашего отца, такъ нѣжно любящаго дочь свою. Вотъ плоды уроковъ нравственности, вотъ причина, которая отталкивала васъ отъ меня.... Смѣшно!...

Луринъ скрежеталъ зубами.

— Вамъ угодно забыть отношенія, забыть обязанности, забыть стыдъ, быть презрѣнной женщиной въ глазахъ всѣхъ, даже въ глазахъ вашего любовника.... А я-то за чтѣ терплю? За чтѣ на меня будутъ показывать пальцами, за чтѣ я долженъ беречься насмѣшки всякаго и быть, можетъ-быть, отцомъ чужихъ дѣтей?... И вы думаете, что это должно быть такъ? Что вы правы, прикрывъ свою любовь еще до свадьбы обманомъ? Нѣтъ! вы не знаете меня. Я ни въ какомъ случаѣ не буду посмѣшникомъ вашихъ любовниковъ!...

Луринъ бросился въ кресла, закрылъ лицо руками и долго молчалъ.

Потомъ началъ съ еще большимъ ожесточеніемъ:

— Рогоносецъ до свадьбы! Вотъ мило! Есть съ чѣмъ поздравить, есть чѣмъ утѣшиться!... прекрасная супруга, добродѣтельная дѣвушка.... Вотъ она, вотъ та, которой я такъ страстно до-

бывался, которую любилъ до того, что забылъ все въ мірѣ, для которой сталъ преступникомъ! Вотъ она!... Не прикажете ли, сударыня, отвести васъ?... Чтò, не правда ли, вы обрадовались моему предложенію! Говорите?...

И Луринъ опять издалъ звукъ, похожій на хохотъ.

Подавленная тяжестью ощущенія глубокой грусти, Оливька молчала; только ея рыданія были отвѣтомъ на жестокій упрекъ Луринна.

Луринъ посмотрѣлъ на нее.

— А между-тѣмъ, говорилъ онъ, сама природа создала тебя такъ, чтобы ты была утѣшеніемъ родныхъ, радостью семейства, гордостью мужа.... И, Боже мой, какъ я любилъ тебя!...

Оливька упала передъ мужемъ и обняла его колѣни.

— Прости меня, пощади! прошептала она.

Она еще что-то хотѣла сказать, но слова ея заглушились рыданіями. Луринъ не поднялъ ее отъ своихъ ногъ.

— Простить, пощадить тебя!... Но хотѣла ли ты пощадить меня, когда прекрасной дѣвушкой, невинной невѣстой клялась въ чистотѣ своихъ помышленій, и вмѣсто этой чистоты принесла одно преступленіе! Или ты думала, что я такъ глупъ.... или что я пьянъ! Можетъ быть думала опонть меня съ своимъ любовникомъ! Говори! чѣмъ ты думала опонть меня?

И онъ схватилъ ея руку и крѣпко стиснулъ въ своей, такъ что хрустнули составы ея пальцевъ.

— О! не убивайте меня! сказала Оливька умоляющимъ, грустнымъ голосомъ: или лучше убейте, только скорѣе, скорѣе.

Луринъ оттолкнулъ ее отъ своихъ колѣнъ и опять сталъ быстро ходить по комнатѣ.

Оливька упала, потомъ поднялась, выпила стаканъ холодной воды, которая тутъ стояла.

— Это злая, ядовитая насмѣшка! Чтò же вы не смѣетесь, сударыня, что вы одурачили человѣка, прикрыли преступленіе свое чужими именемъ и приобрѣли себѣ возможность дурачить своихъ любовниковъ. Это очень смѣшно! Смѣйтесь, сударыня!

Оливька смотрѣла на него мутными глазами. Она уже не плакала: у ней не было слезъ.

— Очень жаль, что я богатъ! говорилъ Луринъ. А то бы вы....

Луринъ остановился.

— Боже, помоги мнѣ! прошептала бѣдная женщина.

— Молиться надо было прежде, говорилъ Луринъ: надо было

помянуть себя! Хорошо, что вашъ батюшка померъ, а то вы бы.... да и теперь, на томъ свѣтѣ, онъ обрадуется пріятной вѣсти...

Луринъ опять не договорилъ.

— Простите меня, умоляю васъ всѣмъ, что есть святаго.

И Олинька снова бросилась къ ногамъ Луринна.

Луринъ сурово оттолкнулъ ее и бросилъ на нее взглядъ полный бѣшенства и ревности. Олинька, обмершая отъ удара, упала на коверъ. Луринъ взглянулъ на нее. Въ порывѣ отчаянія, въ слезахъ грусти, полумертвая, измученная, Олинька была все хороша, и Лурину стало совѣстно передъ собою.

Въ немъ мгновенно пробудилась его любовь, страстная и вѣжная, и онъ бережно подвигъ ее, положилъ на постель, облилъ холодной водою.

Олинька пришла въ себя.

— Я васъ прошу, сказала она: убейте меня! ради Бога, убейте! Я виновата, очень виновата! Убейте же меня!...

— Успокойся! сказалъ Луринъ. Ну! я хочу теперь увѣриться, — можетъ быть обманъ, — говори мнѣ что-нибудь, утѣшай меня! Только главное—искренность. Помни же, — искренность! Назови мнѣ сперва твоего обольстителя.

Олинька взглянула на небо, вздохнула, — еще слезинка упала съ ея рѣсницъ. Потомъ какъ-бы вырывая часть души своей, Олинька сказала Лурину на-ухо фамилію обольстителя.

« — ! »

— Онъ! а!... онъ! сказалъ Луринъ.

И его глаза сверкали огнемъ бѣшенства, ротъ искривился, кисти согнулись въ кулакъ.

— Одинъ только онъ? Говори правду! Только одинъ онъ?

Олинька взглянула на него глазами полными слезъ: видно было, чего стоило снести ей слова: «Только одинъ».

— Поплатится онъ мнѣ! сказалъ Луринъ, какъ-бы невольно продолжая вслухъ мысль свою.

Потомъ онъ опять обратился къ женѣ:

— Ну, говори же мнѣ все: какъ онъ завлекъ тебя, чѣмъ умѣлъ тебя очаровать?

Олинька рассказала всѣ подробности своего знакомства, своей любви и своего разочарованія.

Она сидѣла на постели, слезы иногда падали на ее грудь и исповѣдь ея казалась невольной данію тоскующаго сердца. Луринъ сидѣлъ передъ ней, съ мрачнымъ отчаяніемъ на лицѣ, съ бѣшенствомъ во взглядѣ и съ глубокой местию въ сердцѣ.

А лампа также сладострастно разливала свѣтъ свой, воздухъ тоже былъ чистъ, куренія и цвѣты также ароматны какъ и тогда, когда молодые, полные надеждъ и любви, вошли въ свою спальню. Вотъ разсказъ Оливьки :

Оливька не помнила, какъ умеръ ее отецъ, не помнила похоронъ его. Это время она лежала безъ чувствъ и почти безъ признака жизни. Но молодость взяла свое: она выздоровѣла, манія у ней прошла, любовь ее къ Николаю перелилась въ тихую грусть, въ теплую молитву о немъ небу.

Тутъ въ первый разъ представилась ей мыслямъ любовь Луррина, въ первый разъ подумала она, что въ его злодѣйствѣ видна вся сила его любви. И она, молясь о Николаѣ, молилась и о Лурринѣ. Она молила небо простить ему, что онъ лишилъ ее счастья.

Ей отдали письмо Луррина: изъ него Оливька узнала, что онъ заплатилъ всѣ ее долги, устроилъ ее положеніе п....

Неужели онъ убилъ себя? думала Оливька. И я несчастная: оба меня любили и оба умерли; обомъ любовь ко мнѣ стоитъ жизни. Зачѣмъ же осталась я никому невужная?

Я никого не смѣла спросить о тебѣ, говорила Оливька Луррину, и часто о тебѣ думала, упрескала себя, зачѣмъ я о тебѣ думаю, старалась защититься отъ своихъ мыслей представленіемъ ужасной сцены, когда капитанъ проигралъ тебѣ жизнь свою — и невольно, несмотря на упрекъ внутренняго чувства, видѣла даже въ твоемъ преступленіи — твою страсть. И въ этой страсти я старалась найти извиненіе преступленію. Прости, я говорю откровенно, старалась оправдать тебя и — оправдывала.

Я хотѣла не вспоминать о тебѣ вовсе и думала безпрестанно. Я говорила себѣ: я должна возненавидѣть его. Но въ твоей любви была неизъяснимо могучая сила, которая будто притягивала къ себѣ мои мысли. Въ твоей любви была воля, которая оковывала мое воображеніе, и я не могла тебя ненавидѣть.

Графиня была за границей и родные оставили со мной тетуську въ четвертомъ колѣнѣ, бѣдную женщину совершенно слѣпую и хворую, — я же должна была ухаживать за ней. И такъ я была одна, совершенно одна, въ мои лѣта, въ деревнѣ.... Миѣ было очень скучно.

Къ намъ онъ сталъ часто ѣздить. Я радовалась маленькому развлеченію. Онъ привозилъ миѣ книгъ; мы гуляли вѣстѣ, читали, удли рыбу.

Тетуська была больна.

Меня во всѣхъ прогулкахъ сопровождала нянюшка, она не отходила отъ меня.

Онъ былъ ко мнѣ предупредителенъ, внимателенъ, нѣженъ, входилъ въ мое положеніе и не оскорбилъ ни однимъ намекомъ, который навелъ бы на меня воспоминаніе. Я думала, ты былъ такъ нѣженъ ко мнѣ.

И я привыкла видѣть его чаще и чаще. Онъ началъ говорить о любви и потомъ сдѣлалъ предложеніе.... Я не рѣшилась.

Но я была одна, безъ покровителя, безъ опоры.....

Онъ настаивалъ, умолялъ, увѣрялъ въ истинѣ своей любви, въ глубинѣ своей страсти.... Мнѣ были скучны его увѣренія и было досадно слушать его любовную болтовню. Но иногда мнѣ казалось, будто въ немъ говорить действительно страсть, будто и онъ любить меня, какъ ты любилъ; мнѣ было страшно....

Неужели и третій? думала я.

Тогда я поклялась, что ежели я увѣрюсь въ истинѣ его чувствъ, то буду отвѣчать взаимностію, хотя бы вовсе его не любила; я поклялась что не буду причиной его гибели, что въ отношеніи хоть его я исполню долгъ женщины. И я старалась быть къ нему внимательнѣе.

Между тѣмъ скука болѣе и болѣе меня сближала съ нимъ.

Однажды явилъ какъ то не было. Онъ сталъ меня умолять, чтобы я рѣшилась выйти за него; онъ цѣловалъ мои руки, говорилъ, что моя любовь ему нужиѣ воздуха; что безъ нея онъ жить не можетъ.

Я молчала.

Тогда онъ вынулъ маленькій пистолетъ. Когда такъ, сказалъ онъ, то умру у твоихъ ногъ; я не хочу жить безъ любви твоей!....

Это было въ саду, помнишь, на отстровкѣ пруда.

Я испугалась, хотѣла кричать, но онъ объявилъ что сейчасъ же спуститъ курокъ если я скажу слово.

— Ты будешь женой моею, Оливька, или я умру у ногъ твоихъ.

У него даже слезы были на глазахъ, такъ, казалось, искренно онъ любилъ меня. Я вспомнила клятву свою: третій, думала я, и подала ему руку. Пистолетъ бросилъ въ прудъ.

Послѣ мы все время были вмѣстѣ и я иногда по неволѣ должна была ему позволить какую-нибудь ласку. Онъ былъ моимъ женихомъ.

Въ одинъ день онъ уѣхалъ отъ насъ очень рано.

Я взяла книгу, пошла въ садъ, пересѣхала на паромѣ черезъ прудъ, въ бесѣдку, и стала читать.

Не успѣла я прочесть двухъ страницъ, какъ вижу и онъ переправляется на паромъ.

Онъ вошелъ, сталъ привязывать паромъ и будто нечаянно отвязалъ его вовсе.

Я испугалась не много, но скоро успокоилась, когда увидѣла что онъ очень разстроенъ, и сама стала его утѣшать.

— Оленька, безцѣнная Оленька, говорилъ онъ, твоя тетюшка графиня, прѣѣхала изъ за границы, и онъ подаль миѣ газету. Графиня не согласится выдать тебя за меня.

Я успокоивала его какъ могла.

— Они не выдадутъ, не выдадутъ, говорилъ онъ въ отчаяніи.

Я его утѣшала, говорила что пойду за него даже противъ воли монаховъ родныхъ....

— Но Оленька, я бѣденъ! говорилъ онъ въ отчаяніи: я нищій, у меня ничего нѣтъ, я потерялъ все состояніе.

Я сказала, что согласна переносить съ нимъ его бѣдность....

— Такъ я и былъ увѣренъ въ тебѣ, другъ мой, моя безцѣнная Оленька, говорилъ онъ и будто въ порывѣ благодарности бросился передомной на колѣни, цѣловалъ мои ноги.

Онъ уѣхалъ въ свой полкъ.

По его отъѣздѣ я сравнивала твою любовь и его.... И Оленька залилась слезами.

Когда припадокъ горести прошелъ, она продолжала:

Почти передъ самой нашей свадьбой его представили тетюшкѣ. Онъ такъ спокойно подошелъ ко миѣ, съ такой легкостію спрашивалъ меня о монаховъ удовольствіяхъ, съ такой любезностію говорилъ о нашемъ знакомствѣ, что я испугалась его.

Я сказала ему что хочу его видѣть: онъ пришелъ къ рѣшеткѣ нашего садика. Я сказала ему, что меня выдаютъ за мужъ: онъ отвѣчалъ, что вы для меня прекрасная партія.... О! во время отсутствія я только пренебрегала имъ, а тутъ возненавидѣла....

Не давно я узнала что онъ вовсе не терялъ своего состоянія, а сказалъ миѣ это только для того чтобы возбудить участіе мое. А пистолеть? Рыбаки вытащили изъ пруда, я велѣла вынуть изъ него пулю чтобы оставить у себя для памяти; пистолеть былъ не заряженъ. Послѣ этого я стала его презирать.

Опять слезы Оленьки....

Ты былъ моимъ женихомъ, говорила Оленька склоняясь на плечо Лурья. Сколько разъ я хотѣла подойти къ тебѣ, чтобы рассказать все, но не могла рѣшиться. Угроюность твоя пугала ме-

ия еще болѣе. Я не знала что дѣлать, открыться графу для меня было еще тяжелѣе.... Вчера я рѣшилась, отвела тебя въ сторону, стала было говорить, но мнѣ пошѣшали—шуткой. Сколько слезъ мнѣ стоили эти шутки и какъ я презирала его!...

Суди же меня, другъ мой, говорила Оленька устремляя на мужа свой умоляющій взглядъ и взявъ его руку. Я тебя... въ глубинѣ моей души, клянусь тебѣ... давно простила въ томъ, что ты отнялъ у меня моего жениха, котораго любила какъ жизнь мою. Суди же меня!...

— Презирая его, ты меня обманывала, сказалъ Луринъ.

— Тебя, отвѣчала Оленька, тебя я.... любила....

И она упала на его грудь.

Эти слова раскрываютъ передъ нами всѣ ощущенія Оленьки, всю борьбу ея жизни, всю силу ея страданія....

Когда Оленька прочтала письмо Лурина, въ которомъ любовь его къ ней дошла до сознанія его злодѣйства, Оленька сознала эту любовь и необъяснимымъ дѣйствиємъ психической силы стала ей сочувствовать.

Въ письмѣ Луринна къ ней виднѣлось отчаяніе, а она знала, что у Луринна есть воля, и что Луринъ не придетъ въ отчаяніе отъ того, что не затронетъ всей глубины души его, и она оцѣнила могущество страсти, энергію, которая становилась выше законовъ природы,—для любви.

Судьба должна наказать Луринна, но судьба, а не Оленька, которую любилъ онъ до самоотверженія.

И эта любовь, когда дошла до послѣдняго пароксизма и выразилась отчаяніемъ, вызвала себѣ нѣжную и вмѣстѣ пылкую любовь дѣвушки.

И Оленька думала: Я повергла въ отчаяніе эту гордую душу. Что, если онъ застрѣлился? Не будетъ ли на моей душѣ смерть его?.... И въ смерти Николая не я ли виновата? спрашивала себя Оленька, и она тосковала и плакала, плакала о Николаѣ, а думала не о немъ.

Луринъ невольно представлялся ея воображенію, страстный, гордый, угрюмый, блестящій....

Оленька знала силу его воли. Она сопротивлялась могуществу страсти Луринна; но когда страсть, возбуждаемая сопротивленіемъ, достигла до послѣдняго предѣла желаній, до послѣднихъ границъ возможности, дошла до отчаянія, тогда Оленька почувствовала что она любитъ Луринна, любитъ со всѣмъ увлеченіемъ своей нѣжности.

Между тѣмъ мысль о немъ наводила на нее ужасъ, она трепетала при представлеши себѣ его злодѣйства. И она молилась, чтобы небо изгнало изъ ея сердца эту любовь, чтобы дало ей средство не думать о немъ; и она думала о немъ даже въ своей молитвѣ. Иногда ей приходили грустныя минуты. Воображеніе, представляя ей страсть Лурину, заставляло ее спросить себя: не должна ли она была пожертвовать своею любовію къ Николаю могуществу любви Лурина? Тогда бы она служила Лурину средствомъ къ раскаянію, служила бы цѣлительнымъ бальзамомъ для его испорченной души. Иногда Оливька думала, что она въ отношеши хоть когонибудь должна исполнять долгъ женщины, должна пѣжно любить....

Но кого? оба, кто только любилъ ее... обонхъ любовь довела до отчаянія, до могилы. Но она должна любить, должна....

Оливька, стараясь побѣдить страсть свою къ Лурину, пошла въ сѣти обольстителя.

Луринъ не застрѣлся: она узнала это, узнала, что онъ скучалъ, сорилъ деньгами, моталъ.... Оливька угадала его чувства, угадала, что силой воли онъ пресодолгалъ отчаяніе, но не могъ преодолѣть тоску.

Сколько должна была перечувствовать Оливька когда была невѣстой Лурина? Любовь къ нему и воспоминаніе о его злодѣйствѣ, чувство своего проступка и страхъ передъ родными, передъ общественнымъ мнѣніемъ, стыдъ дѣвушки, презрѣніе къ любовнику, врожденная скромность и робость невинной души, все терзало, все мучило бѣдную.

— Тебя я любила, тихо сказала Оливька и прижала руку Лурина къ губамъ своимъ, покрывая ее поцѣлуями и слезами.

— И ты только одинъ разъ видѣлась съ нимъ? спросилъ Луринъ.

— Я тебѣ все рассказала, отвѣчала Оливька цѣлуя его руку.

— Бѣдная! Мнѣ жаль тебя, отвѣчалъ Луринъ и холодно отнял у нее руку свою....

— Слушай! Я хочу, чтобы ты завтра была весела. Ты слышишь... чтобы ты была непременно весела, любезна со всѣми и съ нимъ, чтобы ты съ нимъ была особенно хороша.... Пускай онъ подумаетъ, что я глуха, что я обманута, былъ пьянъ. Однимъ словомъ, пускай онъ думаетъ, что хочеть, ты только обманни его, я приказываю, слышишь!

Луринъ еще разъ прошелся по комнатѣ.

— Ты обманешь его, Оливька. Не правда ли, спросилъ Лу-

рину садясь подлѣ нея на постель. Ну, скажи мнѣ, что ты во-слушаешься своего мужа.

— Другъ мой, я твоя! Твое приказаніе для меня дороже жи-зни, отвѣчала Олинька, прижимаясь къ груди его.

Луринъ обнялъ ее, опустилъ на подушку, потомъ вдругъ от-прянулъ, сказавъ въ полголоса:—Это не возможно.

— Спи спокойно! сказалъ онъ жентѣ, будь завтра кѣжна, страстна, однимъ словомъ, какъ бы ни чего не было, прощай!

— А ты? спросила Олинька, устремляя на мужа глаза пол-ные слезъ....

— Я пойду въ свой кабинетъ! Завтра я скажу тебѣ.... Но не-премѣнно будь весела, прощай!

И Луринъ ушелъ, запирая дверь спальни на ключъ.

Олинька бросилась на подушки и долго, долго плакала.

Луринъ всю ночь проходилъ у себя въ кабинетъ. Глаза его омухли отъ бессонницы, лицо было блѣдно, колѣна дрожали. И въ ней мнѣ наказаніе за нее, думалъ Луринъ.

Обольститель въ это время былъ занятъ важной задачей: ѣхать поздравлять Лурина, или нѣтъ.

— Какъ я поѣду! думалъ онъ: она сказала что это я, и Луринъ непременно приведетъ дѣлю къ тому, что мнѣ нужно будетъ стать на барьеръ, а это все равно что просто лечь въ гробъ: Луринъ не дастъ промаху.... Ну, а можетъ быть она обманула его, или скрыла меня! Можетъ быть Луринъ и не подозреваетъ, что это я! И если я не поѣду, то поступлю невѣжливо, не хорошо, возбужу его подозрѣніе.... Какъ быть?....

И обольститель ворочался съ боку на бокъ на своей постелѣ.

Однако онъ поѣхалъ.

Блѣдный какъ полотно, входилъ онъ по лѣстницѣ: ему было не ловко, досадно; ему казалось, что и швейцаръ значительно кив-нулъ ему головой, что и офиціантъ съ удивленіемъ проводилъ его въ гостиную.

Но Луринъ былъ веселъ, любезенъ; Олинька смотрѣла въ глаза мужу и была наивна, очаровательна....

Обольститель не вѣрилъ своимъ глазамъ. Онъ думалъ: вотъ къ концу вечера придерется къ чему-нибудь; не смѣлъ играть въ карты, чтобы Луринъ въ картахъ какъ-нибудь не нашелъ случая обидѣться или обидѣть его; боялся танцовать, ждалъ съ минуты на минуту, что вотъ Луринъ подойдетъ.... Ничего не бывало: съ нимъ были любезны, обязательны.

Олинька подошла къ нему и своей милой увлекательностію,

манвой прелестью обворожила его. И онъ сказалъ себѣ: «Кто бы подумалъ, что можно такъ обмануть Лурина. О женщины, женщины!...»

Луринъ былъ тоже очень хорошъ съ нимъ, просилъ его поѣшать чаще и приговаривалъ:

— Вы всегда у насъ будете дорогимъ гостемъ.

Гости ѣли, пили, танцевали, завидовали Лурину, наконецъ разѣхались. Всѣ говорили: какая милая, прекрасная! какая жена она ему будетъ, смотреть въ глаза ему.... Счастливецъ Луринъ!

— Да, вотъ человѣкъ, которому везетъ и въ картахъ и въ любви, говорилъ послѣдній гость, садясь въ карету.

Луринъ провожалъ его глазами изъ окна и когда карета тронулась, Луринъ оборотился, улыбка на его лицѣ пропала, брови нахмурились и онъ сказалъ.

— Комедія кончилась!

А гость все-еще въ каретѣ своей думалъ: выигралъ миллионы, волокитство шло какъ нельзя удачнѣе и наконецъ взялъ такую миленькую жену.

— Ну, довольно! сказалъ Луринъ женѣ: роли разыграны. Я тобой доволенъ сегодня.

Оливька стояла передъ мужемъ съ глазами наполненными слезъ.

— Не разстройвай себя, Оливька!

Выраженіе лица Лурина было страшно.

Оливька стояла передъ нимъ съ посинѣвшими губами, лихорадочная дрожь пробѣжала по ея жиламъ.

— Нужно водумать, говорилъ Луринъ, о будущемъ....

Оливька стояла передъ нимъ неподвижная, нѣмая. Слезы капали на ея грудь, и она не могла ни слова сказать мужу, который оскорблялъ ее и котораго она любила.

Ты все должна сносить въ этотъ годъ испытатія: я свою же то, что ты представила мнѣ своего любовника.

Оливька уже не плакала: силы, восторженные борьбой чувствъ, страстію, страхомъ и усиліемъ скрыть свое волненіе, оставили ее; колѣна ея гнулись, и она упала къ ногамъ Лурина.

— Полно, сказалъ Луринъ, полно, другъ мой. Я знаю, тебѣ труднѣе будетъ этотъ годъ. Но что же дѣлать, онъ необходимъ для спокойствія обонхъ насъ. Я знаю, тебѣ будетъ ужасенъ видъ соперницы, но я постараюсь, чтобы ты никогда ее не встрѣтила. Пойдемъ! я провожу тебя въ твою спальню.

И Луринъ подвѣлъ страдалицу отъ ногъ своихъ и пошелъ съ ней во внутреннѣе покои.

Онъ оставилъ ее одну въ слезахъ, въ отчаяніи.... Но чего стоило ему уйти?

Луринъ любилъ свою жену до неистовства, до самозабвенія и уходилъ въ ту минуту, когда любовь его жены къ нему возбуждала и его страсть, а ея страданія возбуждали его привязанность. Онъ кипѣлъ страстью, нѣгой, сгаралъ отъ желаній, и ушелъ. Но теперь мечта не давала покою Лурину: ему представлялась его жена, нѣжная, прекрасная. Луринъ трепеталъ при этомъ представленіи, руки его дрожали, онъ тихо вкладывалъ ключъ въ замокъ дверей отъ спальни жены.... Вдругъ она представлялась ему въ объятіяхъ обольстителя... и бѣшеная, неистовая ревность охватывала все существо Лурина, онъ готовъ былъ изорвать, уничтожить жену свою.... Но сейчасъ же его любовь къ ней воспламенялась съ полной силой, наполняла его сердце нѣжностію.

Воображеніе опять рисовало ему Олиньку, терзало его душу представленіемъ ея красоты, ея граціи, и Луринъ опять выходилъ изъ себя, опять забывался, опять готовъ былъ бѣжать къ женѣ, умолять ее, на колѣняхъ умолять, простить ему его жестокость, и не шелъ. Онъ думалъ: я сказалъ, что не приѣду.

Луринъ слышалъ что Олинька плакала.

Каждая слеза ея падала ему на сердце: онъ не отходилъ отъ дверей ея спальни, прислушивался къ ея истерическому рыданію, самъ бы заплакалъ если бы могъ, и опять готовъ былъ забыть и обольстителя и свое слово. Потомъ опять упирался на своемъ.

Но вотъ въ его воображеніи рисуется кровавая тѣнь: Луринъ не сводитъ глазъ съ этой тѣни и узнаетъ капитана. Луринъ будто слышитъ его голосъ: такъ то ты дѣлаешь ее счастливой! Луринъ повернулъ уже ключъ, но опять обольститель, опять ревность.... И Луринъ бросился на однукую постель въ кабинетъ.

Онъ не можетъ уснуть, воображеніе не даетъ ему покоя, онъ представляетъ себѣ сцену въ саду, обольстителя у ногъ Олиньки....

Онъ отнялъ ее у него, отнял на вѣки.... говорилъ себѣ Луринъ. И мѣсть самая кровавая, самая ужасная мѣсть къ обольстителю казалась Лурину игрушкой.

— Я всасу его, думалъ Луринъ. Онъ уничтожилъ мое счастье, и я отправлю жизнь его, буду мучить каждую минуту. И когда

онъ проклянетъ часть своего рожденія, когда преслѣдуемый мнѣ ударамъ будетъ дрожать отъ каждаго звонка у его двери, тогда, только тогда онъ узнастъ, что я мстилъ ему за свое счастье....

Послѣ своей свадьбы Луринъ скоро уѣхалъ за границу.

Я не рассказываю здѣсь семейныхъ подробностей ихъ жизни, не рассказываю, сколько перенесла, что почувствовала Олпнька, находясь безпрестанно между отчаянной ревностію мужа и его холодностію, между его — то изступленіемъ страсти, то равнодушіемъ къ ней, и ея нѣжною любовію къ нему.

Оскорбляемая его подозрительностію и невниманіемъ къ ея ласкамъ, она глубоко чувствовала, жестоко страдала, и улыбалась, чтобы не оскорбить мужа своимъ страданіемъ, чтобы не васкучить ему грустными видомъ своимъ.

Хандра Луринна соседнилась въ одну точку; на его женѣ. Луринъ самъ невыносимо страдалъ: онъ сгаралъ отъ страсти, забывался отъ томленія, но хотѣлъ быть холоднымъ, хотѣлъ затанть свою страсть, и каждый взглядъ его обдавалъ холодомъ любящую душу блѣдной женщины.

Олпнька страшно мучилась, но тѣмъ болѣе она привязывалась къ своему мучителю, ловила взглядъ его и радовалась какъ ребенокъ когда улавливала въ его глазахъ искру удовольствія.

Иногда Луринъ, будто нарочно, мучилъ ее, вѣжничалъ съ которой нибудь изъ дамъ, или говорилъ, что онъ былъ бы счастливъ, если бы такая-то была его женою, или, при женѣ, ласкалъ ея горничную. Олпнька блѣдная, худая, съ слезами на глазахъ смотрѣла на мужа. Сердце ея разрывалось на части, но она смѣялась; только этотъ смѣхъ, судорожное явленіе ея воли, былъ какъ-то горекъ: скорѣе онъ возбуждалъ бы слезы, чѣмъ заставлялъ бы другихъ изъ сочувствія засмѣяться.

Иногда Луринъ позволялъ Олпнькѣ ласкать себя. Она обвиняла его ставъ, клала свою головку на его плечо. Случалось что она плакала, но Луринъ будто не замѣчалъ ея слезъ. И когда горячая капля падала на его руку, онъ освобождалъ себя отъ объятій жены. Но Олпнька смѣялась уже, и цѣловала то мѣсто руки, которое обожгла слезой своей.

И съ самой минуты свадьбы Олпнька рѣшительно сохла. Доктора говорили, что у нея медленная чахотка. Луринъ тоже сохъ и худѣлъ, но смѣялся докторскимъ предсказаніемъ. Онъ приписывалъ худшавость жены своей совѣмъ другимъ причинамъ.

Такъ прошелъ годъ, въ который Оливька была женой Лурна только для другихъ. Луринъ выдержалъ себя.

Этотъ годъ изсушилъ силы обонхъ: Луринъ былъ рѣшительно подавленъ страстію; Оливька истощила всѣ жизненные силы въ борьбѣ съ порывами своей нѣжности.

На другой годъ положеніе ея стало сносите: она по-крайней-мѣрѣ не томилась безплодной любовію, и ласка ея не всегда холодно отталкивалась мужемъ.

Но страсть Лурна, такъ долго сдерживаемая его волей, была еще убійственнѣе для здоровья Оливьки. Она сохла отъ этой страсти.

Оливька своимъ терпѣніемъ, своею внимательностію надѣялась побѣдить черствое сердце Лурна, надѣялась разогрѣть его лучемъ своей любви. И точно Луринъ становился нѣжнѣе къ ней и думалъ о мести оболъстителю. Блѣдность и слабость здоровья Оливьки напоминали Лурину месть.

Въ концѣ другаго года ихъ свадьба Оливька обрадовала Лурна словами что можетъ-быть будетъ матерью.

— Ты будешь любить своего сына? спрашивала она устремляя взоръ свой, полный кротости, въ мрачные глаза Лурна.

Луринъ взглянулъ на нее сурово. Но Оливька говорила такъ нѣжно, трогательно, что Луринъ невольно поцѣловалъ ее.

Наступили роды, они были мучительны, однако Оливька перенесла ихъ. Но зачѣмъ? развѣ зачѣмъ только чтобы увидѣть, что мужъ ея дѣйствительно любить ихъ сына, услышать какъ онъ называетъ его милымъ Павломъ, будущимъ утѣшеніемъ своимъ.

Черезъ четыре дня Оливька умерла.

Луринъ стоялъ у постели, безмолвный, мрачный. Когда служили послѣднюю панихиду, когда пригласили послѣдній разъ проститься съ брѣвными остатками Оливьки, тогда Луринъ съ дикимъ неистовствомъ бросился къ трупу ея, цѣловалъ, ласкалъ; въ его ласкахъ къ мертвой была его неистовая страсть и его на силу оторвали отъ холоднаго трупа. Потомъ онъ съ искреннимъ сожалѣніемъ, съ искренней любовію взглянулъ на Оливьку. Еще разъ поцѣловалъ ее, и лицо его выражало глубокую грусть, нѣмое отчаяніе.

Но болѣе ни одного слова, ни одной слезинки.....

Но эта наружная холодность его давила, терзала. Онъ представлялъ себѣ Оливьку, вспоминалъ каждое слово свое, сказан-

ное ей, чувствовалъ какъ они были мучительны и мучился, терзался самъ.

Онъ вспоминалъ капитана. Передъ нимъ, въ его воображеніи, рисовалась тѣнь съ грознымъ вопросомъ о счастьи Олиньки. «Такъ-то ты сдѣлалъ ее счастливой, говорила тѣнь: зачѣмъ же ты убилъ меня?»

И на Лурину находило бѣшенство, тоска.

И только ребенокъ, дитя Олиньки, разгонялъ нѣсколько его мрачныя мысли. Луринъ любилъ своего Павла, любовался имъ; его дѣтскій визгливый крикъ останавливалъ припадки его бѣшенства.

Луринъ былъ боленъ два года. И въ эти два года созрѣвала въ немъ одна мысль — месть къ обольстителю.

Луринъ думалъ: если бы онъ не обольстилъ Олиньку, я бы не мучилъ ее, я былъ бы счастливъ, она бы жила и до сихъ-поръ.... Онъ у меня отнял мое счастье и я отниму у него всѣ радости, разрушу его счастье, доведу до той степени сумасшествія, къ которой самъ былъ близокъ.

Съ этими мыслями онъ поѣхалъ въ Россію.

Луринъ узналъ, что врагъ его служить въ военной службѣ.

Открылись войны персидская, турецкая и польская. Луринъ долженъ былъ выпустить его изъ виду.

Луринъ уѣхалъ въ свое имѣніе.

Въ уединеніи деревни Луринъ обдумывалъ месть свою.

Когда войны кончились, Луринъ силой своихъ связей устроилъ, что его врага выгнали изъ службы за карточную игру. Тутъ Луринъ опять потерялъ его.

Луринъ жилъ въ Петербургѣ и началъ сперва отъ нечего дѣлать, а потомъ уже изъ страсти къ прибытку, спекулировать.

Но онъ скоро понялъ, что спекуляціями можетъ потерять уваженіе къ себѣ. Но страсть къ коммерціи увлекла его; она ему замѣняла игру, удовлетворяла его страсти наживать, и уже онъ не могъ оставить спекуляцій. Луринъ сталъ спекулировать подъ чужимъ именемъ.

Онъ какъ-то узналъ, что врагъ его за границей. Луринъ поѣхалъ за нимъ.

Напрасно онъ изѣздилъ всю Германію, прожилъ годъ въ Парижѣ. Въ Парижѣ его задержала болѣзнь сына, котораго Луринъ страстно любилъ.

Лурину пишутъ, что тотъ, кого онъ такъ давно ищетъ, въ Пе-

тербургъ, играетъ въ карты въ большую игру и спекулируетъ чрезвычайно счастливо и большими суммами.

«Я разорю его!» думалъ Луринъ и поѣхалъ въ Петербургъ.

Но прїѣхавъ въ Петербургъ онъ слишкомъ понадѣялся и однажды, вмѣсто того чтобы повредить, помогъ ему.

Луринъ началъ изучать обороты основательно, познакомился съ спекуляторами и игроками, вошелъ въ ихъ кругъ и вошелъ въ самыя тѣсныя сношенія съ врагомъ своимъ, который былъ вполне убѣжденъ, что Луринъ обмануть Оливькой.

Устроивъ себя такимъ образомъ, Луринъ могъ наблюдать и игру и обороты своего врага. И когда ему говорили: к чему вамъ, Иванъ Ильичъ, смотрѣть на игру, вѣдь вы сами не играете?

— Надобно же слѣдовать за ходомъ науки, обыкновенно отвѣчалъ Луринъ.

Прошло уже шестнадцать лѣтъ послѣ смерти Оливьки.

Черезъ одну изъ своихъ спекуляцій онъ возобновлялъ знакомство свое съ Сергѣемъ Макаровичемъ.

Сергѣй Макаровичъ позвалъ его обѣдать и Луринъ увидѣлъ Евгению.

Теперь онъ ѣхалъ къ Анатолю, чтобы сдѣлать Анатоля недостойнымъ въ глазахъ Евгенин. А воображеніе рисовало ему его Оливьку, которую онъ любилъ, которая послѣ и его любила.

Луринъ думалъ, и Евгенія меня полюбить....

Анатолий и Марія обѣдали.

Сервизъ ихъ состоялъ изъ склеенной фаянсовой суповой чаши, двухъ вилокъ, одного ножа и двухъ ложекъ.

Въ это время вошелъ Луринъ.

Иванъ Ильичъ поклонился Анатолю съ свободнымъ видомъ, какъ-будто это было въ порядкѣ вещей, что онъ прїѣхалъ въ подвалъ, что его бѣлыя перчатки пачкались о желѣзную скобку некрашеной двери и что Анатолий, безъ верхняго платья, ѣстъ молоко круглой, деревянной ложкой изъ одной чаши съ матерью.

Иванъ Ильичъ будто не замѣчалъ ни замѣшательства хозяйки, ни того, что Анатолий быстро подаль Лурину свой единственный стулъ, и что Марія старалась скрыть дырью своего салона.

— Давно васъ не видать, Анатолий Александровичъ, сказалъ Луринъ: я прїѣхалъ чтобы доставить себѣ это удовольствіе.

— Отъ души благодарю васъ, говорилъ Анатолий въ замѣшательствѣ. Ему было такъ не ловко безъ фрака, что онъ готъ и былъ желать провалиться Лурину сквозь землю за его участіе.

Между-тѣмъ Луринъ вынулъ изъ кармана сигарочницу, досталъ гаванскую сигару, попросилъ у Чухонки огня, закурилъ и пускалъ струи дыму, осматривая съ мелочной внимательностью всю комнату.

Марія рассчитывала, что она можетъ помѣшать разговору Луринъ съ сыномъ, вышла на улицу и пошла тихими шагами по линіи къ набережной, ожидая покуда гость уйдетъ.

Чухонка убирала обѣдъ.

Луринъ взглянулъ на молоко.

— Всякая грубая пища вредна здоровью вашей матушки; она же такъ недавно страдала желудкомъ. Молоко, вы знаете, производитъ лихорадку.

Анатолій ничего не отвѣчалъ. Онъ подумалъ про себя:

— Если бы ты зналъ, что молоко у насъ лакомство.

— На силу нашелъ васъ, Анатолій Александровичъ, куда вы забрались? далеко ужасно! И что вздумалось вамъ забраться въ такое захолустье, какая это улица?

— Малый проспектъ! отвѣчалъ Анатолій.

— Никогда не случалось быть здѣсь! И что показалось вамъ въ немъ привлекательнаго? Пусто, отсюду далеко и въ добавокъ грязь, даже тротуаровъ нѣтъ.

Анатолій закусилъ губу. Онъ подумалъ, неужели Луринъ не понимаетъ, что нужда заставляетъ меня жить на Маломъ проспектѣ.

Луринъ между-тѣмъ обходилъ кругомъ комнату.

— У васъ сыро, Анатолій Александровичъ! сказалъ онъ, трогая оттаивающую стѣну, которая была покрыта мелкими каплями воды.

— Да, немного сыро, отвѣчалъ Анатолій.

Луринъ подошелъ къ столу, на которомъ были разбросаны бумаги Анатолія. Свѣтъ бросаемый сверху изъ двухъ маленькихъ оконъ, едва доходилъ до стола.

— Удивляюсь какъ вы можете писать здѣсь что-нибудь, я ничего не вижу.

— Теперь поздно, отвѣчалъ Анатолій рѣшительно, не зная что думать о замѣчаніяхъ Луринъ.

— Третьяго двадцать минутъ, сказалъ Луринъ, вынимая истинно изящный полухронометръ.

И онъ началъ качать ногой одну изъ половицъ неровнаго пола.

— Кажется снизу дуется, говорилъ Луринъ какъ-бы забыва-

ясь замышленностью Анатолия, которому становилось уже досадно.

— Не откуда дуть, Иванъ Ильичъ, вижу земля.

— Ахъ, да, я и позабылъ. Впрочемъ, что за удовольствіе жить такъ низко. Зимой холодно, лѣтомъ душно.

Анатолій промолчалъ на это новое замѣчаніе о бѣдности его квартиры.

Луринъ трогалъ по-очереди шатающіяся половицы.

— Погъ у васъ такъ неровенъ, Анатолій Александровичъ, что ваша матушка, вечеромъ, можетъ нечаянно упасть. Отъ этого выйдутъ дурныя послѣдствія. Берегите ее!

Потомъ Луринъ однимъ взглядомъ окинулъ всю квартиру Анатолия и спросилъ:

— Скажите, гдѣ же помѣщаетесь вы? это постель вашей матушки?

Анатолій покраснѣлъ, онъ не понималъ самъ почему слова Лурина смущаютъ его и почему онъ стыдится бѣдности, но ему было какъ-то не ловко. Онъ краснѣлъ за свою бѣдность.

Не правда ли, странно, что люди стыдятся своей бѣдности?

Анатолій не стыдится, что онъ былъ спекуляторомъ, что онъ рассчитывалъ свое обогащеніе на обѣднѣніи другихъ, увеличивалъ состояніе свое изъ послѣднихъ копѣекъ нуждающагося, и стыдился, что его спекуляціи не удалась и оттого полъ его квартиры не ровенъ, стѣны сыры, окна даютъ мало свѣту.

Между-тѣмъ старуха Марія устала до невозможности, но не шла домой; она боялась помѣшать и опять пошла тихими шагами по ливніи.

Она думала: Скоро ли Луринъ уѣдетъ, я едва держусь на ногахъ.

Но Луринъ и не думалъ уѣзжать; онъ терзалъ сердце бѣднаго Анатолия разными замѣчаніями и говорилъ:

— Переторжка на откупъ отсрочена на недѣлю: вы пріѣдете торговаться?

— Иванъ Ильичъ, отвѣчалъ Анатолій, будучи не въ-силахъ выдерживать себя болѣе: замѣчанія ваши странны, неужели вы не знаете, что у меня ничего нѣтъ, а если вы и не знаете, то не ужели не видите?

— У васъ есть кредитъ, вы расплатились со всѣми.

— Помилуйте, Иванъ Ильичъ, кто повѣритъ бѣднику?

— По-крайней-мѣрѣ у васъ есть средство составить кредитъ себѣ.

— Иванъ Ильичъ, я слишкомъ уважаю васъ, чтобы подумать, что вы хотите смѣяться надъ моимъ несчастіемъ.

— Я этого и не смѣю одѣлать, напротивъ, мнѣ весьма не пріятно видѣть васъ въ несчастіи, отвѣчалъ Луринъ, а если я вамъ говорю, что у васъ есть средство поправиться, то значить оно дѣйствительно есть.

— Я не понимаю васъ, Иванъ Ильичъ, сказалъ Анатолій.

— Послушайте, прервалъ его Луринъ: вамъ нужно какъ-нибудь поправиться, иначе вы умрете съ-голоду и умерите вашу катушку. Ужасная смерть умереть съ-голоду..... Положивъ, что вы съ-голоду не умрете, во всякомъ случаѣ вы не достигнете того, чего добивались — богатства. Стало-быть вамъ нужно поправиться и для этого нужно снять откупъ.

— Но какими образомъ, Иванъ Ильичъ: я употреблялъ все средства и....

— Я вамъ говорю, что у васъ есть средство и даже до такой степени вѣрное, что я готовъ одолжить васъ на первый разъ тысячами тридцатью. Вы заплатите когда поправитесь, а мы знаемъ, что я не бросаю даромъ.

— Какое же это средство? спросилъ Анатолій.

— Будьте любовникомъ Лохселя! довольно названо отвѣчалъ Луринъ.

И. СУХОМИНЪ.

=

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ,

=

БЕЗЪ ВИНЫ ВИНОВАТЬ.

=

ПОВѢСТЬ ТЕОФІЛА ГОТЪЕ.

=

Однажды, когда на берегахъ Біевра происходила скачка съ препятствіями и съ проливнымъ дождемъ,—такъ, что джентльмены наѣзники нуждались столько же въ зонтикахъ, сколько въ хлыстахъ,— часу въ седьмомъ вечера, къ подъѣзду одного изъ знаменитѣйшихъ рестораторовъ Палё-Ройяля съ громомъ подъѣхало нѣсколько каретъ, до верху забрызганныхъ грязью.

Прохожіе останавливались посмотреть на счастливыхъ смертныхъ, которые, продолжая веселый говоръ и смѣхъ, отправлялись наслаждаться завидными благами жизни. Компанія состояла изъ нѣсколькихъ мужчинъ, въ числѣ которыхъ не было ни одного старика, и изъ дамъ очень молодыхъ и очень пышно одѣтыхъ.

Въ большой красной залѣ перваго этажа ихъ ожидалъ великолепно накрытый столъ, за который всякій усѣлся, смотря по своему праву и по своей склонности. Дамы скинули шляпки, шали и мантили, оправили платья и волосы, сколько нужно для удобства продолжительнаго застѣданія. Офенціанты, въ черныхъ фракахъ и въ бѣлыхъ галстукахъ, какъ легкія тѣни скользили

вокругъ и съ важнымъ, почти таинственнымъ видомъ, учтиво согнувшись, предлагали гостямъ кто хересу, кто мадеры, кто котлетовъ, кто фазана съ трюфлями. Гости также притихли и занялись важнымъ дѣломъ. Но мало-по-малу говоръ опять поднялся и скоро достигъ такой высоты, что покрылъ стукъ тарелокъ и стакановъ. Въ этомъ смѣшанномъ шумѣ вдругъ раздался громче всѣхъ звонкій голосъ барона Рудольфа Гюбнера:

— Что это, никто не выбросить за окно эту гадкую латунную башню, которая только загроживаетъ отъ насъ Амину и Флорансу!

Говоря это, Рудольфъ потянулся къ большому бронзовому плато съ цвѣтами, плодами и конфектами, какъ будто хотѣлъ къ слову присоединить и дѣло, но таинственно-важные слуги подоспѣли и вмгъ очистили середину стола. Амина и Флоранса явились передъ сидѣвшими напротивъ во всемъ блескѣ своей красоты, какъ двѣ звѣзды изъ-за облаковъ.

Трудно найти противоположность болѣе рѣзкую чѣмъ красота Амичи и Флорансы. Эти двѣ женщины, казалось, были созданы нато чтобы доказать, что можно дойти до одинаковаго совершенства совершенно различными средствами.

Амина—средняго росту, тонка и вмѣстѣ съ тѣмъ кругленькая. Цвѣтъ кожи, отъ природы свѣжій и воспитанный искуснымъ кокетствомъ, удивительно приспособленъ къ обозначенію всей нѣжности чертъ, болѣе тонкихъ чѣмъ правильныхъ; крошечный дѣтскій ротикъ, бархатные глаза съ огненными взглядами; маленькій носикъ съ розовыми подвижными поздрями, и во всемъ этомъ смѣсь дѣтской прелести съ соблазнительною бойкостью, ангельской красоты съ коварствомъ демона. Амина не даромъ слыла опасною женщиной: кто однажды поддался чарамъ этой сирены, тотъ уже не могъ разрушить ихъ. Въ длинномъ списокѣ ея любовниковъ не было ни одного, который бы самъ покинулъ ее, хотя бы и зналъ, что его обманываютъ. Шелковое платье съ широкими полосами, какъ будто сшитое изъ лентъ, придавало ея наряду что-то фантастическое, чрезвычайно веселое и согласное съ расположеніемъ ея духа.

Флорансу прозвали «королевой» и не даромъ: она дѣйствительно походила на королеву, которая заблудилась и не можетъ найти дороги въ свой дворецъ. Все въ ея наружности отличалось удивительнымъ благородствомъ и изящною важностью: съ перваго взгляду было видно, что она не родилась въ цыганскомъ таборѣ, въ ко-

торомъ жила, а попала туда по стеченію несчастныхъ обстоятельствъ. Овалъ лица ея и стиль щекъ — чисто греческіе; смугловатый цвѣтъ кожи, какъ у гаванскихъ Испанокъ, въ особенности выигрывалъ при свѣчахъ. Черное бархатное платье съ высокими лацеомъ и съ маленькимъ англійскимъ вышитымъ воротникомъ, и одитъ только дорогой браслетъ, до половины скрытый манжеткою — вотъ весь простой и строгій нарядъ Флорансы.

Хотя лицо ея не выражало ни какого пренебреженія къ обществу, болѣе блестящему чѣмъ избранному, однако жъ отъ нея какъ будто почтительно удалалсь, она какъ-будто оставалась въ одиночествѣ. Сосѣдъ ея съ правой стороны занимался другою дамой, а сосѣдъ съ лѣвой, вида Амину занятою живымъ разговоромъ съ сидящими напротивъ, предпочелъ устремить все свое вниманіе на тарелку.

Однако жъ безмолвная и одинокая Флоранса принимала гораздо болѣе участія въ томъ, чтó происходило около нея, чѣмъ можно было предположить по ея равнодушному виду. Амина также, несмотря на нестоющую болтовню и хохотъ, была чѣмъ-то занята: глаза ея часто съ какимъ то страннымъ выраженіемъ обращались на другой конецъ стола. Кокетство ли, или коварство управляло этими быстрыми, мгновенными взглядами, — трудно опредѣлить. Неизвѣстно также было, къ кому именно относились эти взгляды, потому что счастливый смертный, который на ту пору имѣлъ право на нихъ, сидѣлъ совсѣмъ не въ той сторонѣ.

Тамъ, куда взглядывала Амина, сидѣло двое мужчинъ, — баронъ Рудольфъ Гюбнеръ, который грозился выбросить за окно лишніа украшенія стола, и Генрихъ Дальбергъ, молодой человекъ, который недавно явился въ модномъ свѣтѣ и обнаруживалъ большую склонность прожить капиталъ, съ котораго получалъ двадцать-пять-тысячъ франковъ доходу.

Барону подъ сорокъ, хотя ему, по виду, можно дать меньше тридцати. Черные волосы у него выстрижены подъ гребенку; маленькіе усики закручены; цвѣтъ лица блѣдный, матовый; выраженіе женоподобное и вмѣстѣ жестокое. Дальбергу двадцать-два года. Открытое и кроткое лицо, добрый взглядъ и улыбка не совсѣмъ соответствуютъ громкой рѣчи и бойкому обращенію, къ которымъ онъ старается привыкнуть. Розовый цвѣтъ юности еще не совсѣмъ покинулъ щеки, неможно поблѣднѣвшія отъ нѣкоторыхъ излишествъ и отъ знакомства съ закулиснымъ миромъ.

Флоранса внимательно наблюдала и изъ-подъ-тишка ловила каждый взгляд Амины. Рудольфъ прежде былъ въ милости у Амины, но Амина славилась тѣмъ, что никогда не возвращалась къ старому, слѣдовательно ея батареи были направлены на Генриха. На мигу Флоранса подумала, что Демарсей, счастливый смертный, который служилъ министромъ финансовъ у Амины, разорился. Но Демарсей засѣдалъ на верхнемъ концѣ стола съ спокойствіемъ и самоувѣренностью человѣка, у котораго много акцій сѣверной желѣзной дороги.

Потомъ Флоранса подвинулась близорукости мужской породы.

— Странные люди, думала она: только Демарсей и Дальбергъ не примѣчаютъ этихъ взглядовъ.

Однако жъ Дальбергъ не совсѣмъ близорукъ: онъ только былъ очень занятъ разговоромъ съ Рудольфомъ. Спорилъ о лошадяхъ, на которыхъ Дальбергъ проигралъ паріи. Наконецъ онъ долженъ былъ примѣтить молнію и, наклонившись къ Рудольфу, сказалъ:

— Безъ всякаго хвастовства сказать, мнѣ кажется, Амина поглядываетъ на меня нество вѣжно.

— Чтò тутъ удивительнаго! у васъ есть, на что посмотреть, отвѣчалъ Рудольфъ: по вы слишкомъ скромны, чтобы воспользоваться мигутою благорасположенія этой красавицы: вы знаете, что она несвободна.

Генрихъ горячо привился защищаться и увѣрялъ, что онъ далекъ отъ всякаго напущества, что на свѣтѣ нѣтъ волокиты безсоставности его и что, въ сравненіи съ нимъ, Ловласъ и Донъ-Жуанъ — школьники.

— Ну, тѣмъ лучше, отвѣчалъ Рудольфъ: а на васъ уже есть подозрѣніе, что вы питаете какую-то сентиментальную страсть: это, вы знаете, какой вкусъ.

Генрихъ покраснѣлъ какъ дѣвочка, пойманная на шалости, и поспѣшилъ скрыть свое смущеніе тостомъ въ честь Амины и Флорансы, которыя отвѣчали, поднимъ бокалы въ уровень съ глазами.

Шумный обѣдъ кончился; пошли въ гостиную. Флоранса успѣла прежде Амины овладѣть рукою Генриха; Амина пошла съ Рудольфомъ и шепнула ему:

— Ну, чтò вы скажете о моихъ глазкахъ?

— Они исподражаемы, отвѣчалъ Рудольфъ такъ же тихо: по-люборотъ зрачка и влажная молнія — всодолжны. Ни Андалузьянка, ни баядерка не въ состояніи произвести впечатлѣнія лучше

этого. Въ блыкъ твоихъ глазъ есть какой-то перлюмутровый отливъ, который стѣнитъ милліона.

— Онъ и принесъ мнѣ милліонъ, отвѣчалъ хорошенькій демонъ со смѣхомъ, отъ котораго за алыми губами явились два ряда бѣлыхъ рисовыхъ зернышекъ.

— Нужно, чтобы Дальбергъ влюбился въ тебя до безумія, продолжалъ Рудольфъ.

— Я рада вскружить ему голову: онъ очень милъ и его невнятная наружность мнѣ нравится.

— По страсти къ протипауположностямъ, вѣроятно? Дѣйствуй, дѣйствуй. Сверхъ-того, по извѣстнымъ мнѣ причинамъ, нужно компрометировать его какъ можно больше. Являйся съ нимъ почаще въ открытой ложѣ, въ оперѣ, у авансценъ въ маленькихъ театрахъ, въ коляскѣ на Елисейскихъ Поляхъ и на скачкахъ, — да помни, что нужно блестять.

— А если Демарсѣ разсердится? Онъ, конечно, не очень прощательный, но вы требуете вещей, которые дерутъ глаза.

— Чтѣ церемониться съ Демарсѣ. Онъ богатъ да скупъ, а Генрихъ не крѣпко постоитъ за свои пятьсотъ-тысячъ франковъ. Впрочемъ, если тебѣ мало этого, я доставлю тебѣ видѣйскаго князька, у котораго можешь совками загребать алмазы.

Послѣ кофе и ликеровъ, общество вздумало танцовать. Генрихъ и Флоранса стояли у окна и, поглядывая на небо, которое начинало проясняться, спокойно разговаривали о томъ, чтѣ видѣли въ тотъ день. Флоранса не отличалась игривымъ остроуміемъ, но основательныя замѣчанія ея внушали такое же почтеніе какъ и наружность. Притомъ она была образованнѣе всѣхъ своихъ пріятельницъ.

Вдругъ Аминна подошла и, церемонно-насмѣшливо поклонившись Флорансѣ, сказала:

— Извините мою дерзость, я намѣрена похитить вашего собесѣдника: у меня нѣтъ кавалера. Пожалуйте, мосье Генри. Вы въ другой разъ можете наглядѣться на луну. Не подумайте, однако жъ, чтобы у меня была особенная страсть къ вамъ, оттого что я сама приглашаю васъ на танецъ. Женщина, которой хочется попольковать, не уважаетъ ни какихъ пріличій. Вы въ моихъ глазахъ — двѣ ноги въ лакированныхъ сапогахъ и двѣ руки въ латевыхъ перчаткахъ, и только.

Говоря это, Аминна повисла у Дальберга на рукѣ съ сладострастною небрежностью, которая сильно поспорила съ прямою

смысломъ ея словъ. Слова немощно смутили молодого человѣка, но ощущение теплоѣ мягкой руки и эластическаго корсета опять уничтожило это смущеніе. Новая цара понеслась и закружилась въ бойномъ двухъ-тактномъ вальсѣ. Аминна, легкая какъ перо, маленькими пожатями едва касаясь полу, совершенно держалась на рукѣ своего кавалера. Хорошенькая головка опрокинулась назадъ, локоны развѣялись; полуоткрытый ротъ, жаркое, скорое дыханіе и томные влажные глаза приняли такое выраженіе, противъ котораго не устоялъ бы самый холодный философъ. Къ счастью, Демарси; какъ женатый человѣкъ, за долго до того уѣхалъ.

Флоранса не отходила отъ окна и, глядя на свою соперницу, думала:

— Неужели она въ самомъ дѣлѣ влюблена въ него?

Такъ искусно разыгрывалась роль.

Уставъ отъ тапцевъ, Генрихъ сѣлъ противъ Рудольфа за карточный столъ и, съ головою, нѣсколько отягченною парами обѣда, взволнованный убійственными взглядами Аминны, проигралъ нѣсколько лундоровъ, которые присоединились къ проигранному закладу въ карманѣ барона. Удовольствія этого дня обошлись Дальбергу въ двѣ тысячи франковъ, ровно во столько, сколько они принесли Рудольфу.

Часовая стрѣлка приближалась къ третьей цифрѣ. Дальбергъ, меньше другихъ привычный къ застольнымъ и паркетнымъ подвигамъ, усѣлся на кушеткѣ и уснулъ какъ ребенокъ, котораго забыли уложить.

— Вотъ такъ! сказала Аминна, проходя: онъ ужъ и успокоился! Спитъ одинъ за цѣлый комитетъ чтенія. Хотя бы онъ по-крайней мѣрѣ во снѣ сказалъ намъ имя своей возлюбленной, по приѣзду балетныхъ герцогъ: это было бы забавно!

Вдругъ она наклонилась къ спящему, какъ Діана къ Эдимиону. Одна оналовая пуговица его рубашки разстегнулась и въ отверстіи былъ видѣнъ небольшой золотой медальонъ на шелковой лентѣ. Достать этотъ медальонъ и перекусить мышьями зубами лепточку было для Аминны дѣломъ одной секунды. Дальбергъ вздрогнулъ и повегъ рукой по груди, какъ-будто защищаясь, однако не проснулся.

— Ну, вотъ, мы всё-таки посмѣемся, сказала Аминна: если мы и не знаемъ имени, такъ по-крайней-мѣрѣ увидимъ лицо возлюбленной Дальберга.

Похитительница убѣжала въ другой уголъ залы и скрылась въ толпѣ притальницъ, боясь, чтобы у нея не отняли медальона. Она придавила пружину и открыла крошечный портретъ дѣвушки.

Всѣ женщины вглядывались въ этотъ портретъ, но ни одна не могла дать ему имени.

— Это кто-нибудь изъ порядочныхъ, сказала Амина съ ударе-
ніемъ на послѣднемъ словѣ: если живопись не лжетъ, такъ эта
блѣкоурая дѣвочка красавица..... Голубые глаза хороши. Но какъ
все это пошло и холодно!... совершенство, отъ котораго умрешь
со скуки!

Когда до Рудольфа дошла очередь посмотрѣть, блѣдное лицо его
мгновенно озарилось молніей радости.

— Не отдавай этого портрета, шепнулъ онъ Аминѣ, которая
пошла къ Дальбергу.

Флоранса также не могла удержаться отъ нѣкотораго трепету
при видѣ медальона. Быть-можетъ, ея совѣсть, болѣе разбор-
чивая чѣмъ у подругъ, возмущалась при видѣ посмѣянія, какому
подвергалось чистое, благородное чувство.

— Здравствуйте, нѣжный пастушокъ! сказала Амина, подойдя
къ Дальбергу: расскажите намъ вашъ розовый сонъ. Вы видѣли
закудренныхъ барашковъ и, вздыхая, прославляли на свирѣли
вашу Хлою?

— Это что за глупости? спросилъ съ удивленіемъ Дальбергъ,
не примѣчая своей потери.

— А я еще недавно, за столомъ, съ трепетомъ слушала страш-
ныя исторіи, которыя вы рассказывали Рудольфу: я того и гля-
дѣла, что изъ подполья явится спиртовое пламя и поглотитъ ве-
ликаго людѣя! Но выходитъ, что левъ-то — ягненокъ: Дошъ Жу-
анъ носить на груди портретъ пансіонерки... и еще съ воло-
сами!... Отчаянный волокита мечтаетъ о счастіи кушать жирный
субъ, говядину съ капустой и обладать законною женой и полу-
любною ребяты!

Всѣ захохотали.

— Отдайте медальонъ! вскричалъ Дальбергъ: это портретъ
моей матери....

— Полноте! возразила Амина: вѣдь тутъ выставленъ годъ. Въ
1845 году вашей матушкѣ, конечно, было больше семнадцати
лѣтъ.

— Я ошибся, продолжалъ Дальбергъ: я хотѣлъ сказать — сестры.

— Вы страшно путаетесь, мосьё Генри: у васъ вовсе нѣтъ сестры. Одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ вашихъ состоитъ въ томъ, что вы у отца единственный сынъ.

— Ну, я нахожу, что мы уже довольно помучили. Отдайте медальонъ.

— Извините, я хочу сохранить его въ своемъ музеѣ. Я въ восхищеніи, что буду обладать добродѣтелью.... хотя бы только намалеванною.

Дальбергъ съ гнѣвомъ вскочился, чтобы вырвать свою собственность силою, но Аминна предвидѣла это и быстро опустивъ медальонъ за корсетъ, выскочила въ переднюю. Другія женщины на минуту загородили Дальбергу дорогу и, выбѣжавъ потомъ на улицу, онъ увидѣлъ только искры отъ копытъ Амнинныхъ лошадей.

Площадь передъ старинною церковью Сень-Жерменъ-де-Прё была совершенно пуста. Остатокъ утренняго туману, разрѣшаясь мелкимъ дождемъ, разгонялъ послѣднихъ прохожихъ. Глаза окружающихъ домовъ только-что начинали открываться и безъ извозчичьей кареты, съ опущенными сторами, которая стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ паперти, площадь походила бы на совершенную пустыню.

Дама въ черной шляпкѣ съ плотнымъ воалемъ, закутанная въ шубу темнаго цвѣту, вышла изъ церкви и сѣла въ карету. Шуба скрывала всѣ формы. Наблюдатель примѣтилъ бы только одну бѣлую перчатку и изящныя ботинки, съ небольшимъ бѣлымъ продолженіемъ по красиво изогнутой лпни. Такому наблюдателю непременно пришло бы на мысль какое-нибудь таинственное свиданіе въ испанскомъ вкусѣ, тѣмъ болѣе что парядъ дамы, по своей непроницаемости, очень походилъ на маскарадное домино.

Однако жъ наблюдатель ошибся бы. Онъ могъ бы обойти всѣ придѣлы мрачнаго храма и не нашелъ бы ничего похожаго на романтическую пьтригу. Двѣ или три старухи, въ разныхъ углахъ, согнувшись шептали свои молитвы, да сторожъ подметалъ полъ и передвигалъ скамьи, которыхъ шожки издавали протяжные заунывные звуки подъ высокими сводами. Несмотря на самое отчаянное расположеніе къ романизму, должно было бы ограни-

чтиса очень простымъ предположеніемъ, что таинственная дама пришла действительно молиться.

Въ ту минуту, когда карета тронулась, на углу улицы Аббатства появились двѣ другія дамы, — молоденькая дѣвушка и пожилая гувернантка очень почтенной наружности, съ большимъ зонтикомъ патриархальной формы.

Одежда дѣвушки, простая по покрою, но богатая по матеріи и количеству отдѣлки, доказывала принадлежность къ зажиточному классу, а свѣжесть румянаго лица — спокойную жизнь провинціи или предмѣстья. Вокругъ голубыхъ глазъ балы и фишества не начертали своихъ желтыхъ и фиолетовыхъ знаковъ. Блѣкнущіе волосы свернутые и прищипленные на вискахъ, — потому что было еще слишкомъ рано для полной прически, — не скрывали очертанія щекъ, подернутыхъ персиковымъ пунжомъ, и придавали головкѣ совершенно дѣтскій характеръ.

Карета съ опущенными сторонами проѣхала мимо этой дѣвушки и ея гувернантки такъ близко, что онѣ принуждены были посторониться, и бѣлый лобъ Клары слегка покраснѣлъ, — вѣроятно, отъ испугу. Она пошла поспѣшише.

Клара съ гувернанткою вошла въ церковь, прошла ее всю, до алтаря, гдѣ находился ея стулъ, отиѣченный вонзелемъ пзъ бронзовыхъ гвоздиковъ. Къ стулу былъ придрѣлапъ ящикъ, въ которомъ хранился молитвенникъ и другія священныя книги. Дѣвушка достала книгу, опустила на колѣни и стала, повидному, молиться очень усердно.

Однако жъ, несмотря на хорошее мнѣніе, какое должна внушать дѣвушка, такъ рано приходящая въ церковь въ сопровожденіи самой почтенной изъ гувернантокъ, должно сказать, что въ ящикѣ между священными книгами оказалась бумажка со всѣми признаками любовной записочки. Клара ни мало не оскорбилась этимъ открытіемъ и очень ловко засунула бумажку въ перчатку на лѣвой рукѣ.

Это явленіе могло бы въ особенности заинтересовать кого-нибудь изъ бывшихъ наканунѣ на пярѣ въ палѣ-ройяльской гостиницѣ, если бы кто-нибудь пзъ нихъ вздумалъ такъ рано встать, чтобы побывать въ церкви. Его поразило бы чрезвычайное сходство лица дѣвушки съ портретомъ, который Ампа похитила у Дамберга.

Пожелавшись, Клара пошла домой такъ поспѣшно, что старая

гувернантка едва успѣвала слѣдовать. Дома дѣвушка отправилась прямо въ свою комнату и заверлась.

Въ гнѣздѣ голубки царствуетъ совершеннѣйшій порядокъ и необыкновенная чистота. Мебель удобная, но простая до строгости. Стѣны обиты одноцвѣтною синею матеріей; на полу бѣлый коверъ съ букетами; въ альковѣ кровать пансіонерки съ бѣлыми занавѣсами; въ противоположномъ углу рояль и этажерка съ нотами и книгами; подъ окномъ швейный столикъ, а въ простѣнкахъ нѣсколько гравюръ съ Рафаэлевскихъ картинъ и двѣ-три акварели, подаренныя на память пансіонскими подругами. Изъ этихъ акварелей особенно одна виситъ на видномъ мѣстѣ. Она изображаетъ букетъ васильковъ и колосьевъ и носитъ подпись: «Нарисовано съ природы, во время прогулки и подарено Кларѣ на память....» Имя художницы скрыто за рамкой, вѣроятно, по невольности перешетчика.

Таинственная записочка не произвела обыкновеннаго дѣйствія подобныхъ посланій. Темное облако омрачило ясный лобъ Клары; прекрасныя глаза помутнились; волненіе подняло грудь и бумажка задрожала въ рукѣ, которая отъ унынія упала на колѣно.

Такъ Клара просидѣла нѣсколько минутъ, потомъ опять подняла голову, въ которой, казалось, родилась новая важная мысль, и на лицѣ снова явилось спокойствіе. Убѣжденіе, на мигу поколебленное, снова воротилось въ душу. Клара встала и съ выраженіемъ глубокой вѣры сказала:

— Я одержу побѣду надъ демономъ!

Потомъ она засвѣтила свѣчу, сожгла записку и бросила золу въ каминъ. Гувернантка нашла свою воспитанницу за вышпваньемъ.

За шесть мѣсяцевъ до того, Клара, со своимъ отцомъ, бывшимъ нотаріусомъ, переселилась въ Парижъ изъ провинціи, которую называть пѣтъ надобности и которую старикъ Дебрѣ, къ собственному своему удивленію, поклялся самъ не зная, какъ и для чего.

Въ томъ же провинціальномъ городѣ родился и Генрихъ Дальбергъ, трюродный братецъ Клары. Тамъ молодые люди познакомились и привязались другъ къ другу непримѣтными узамъ привычки. Милая, невнятная короткость и частыя свиданія объяснялись родствомъ, немножко преувеличеннымъ правда, но всѣтаки родствомъ. Ихъ обомъ такъ привыкли видѣть маленькими, что никто не догадался, что они выросли. Дебрѣ когда-то качалъ

Генриха на колѣдяхъ и потому всегда смотрѣлъ на него какъ на мальчишка. Дочь свою онъ всегда называлъ своей малюткой, съ тѣхъ поръ какъ видѣлъ ее въ пеленкахъ. Это ослабленіе общее у всѣхъ стариковъ: застоявшіе сами, они не примѣчаютъ, что все вокругъ нихъ растетъ, и столбѣютъ, когда вдругъ открываютъ, что ихъ ребята дѣлаютъ долги, дерутся на дуэли, заводятъ любовныя интриги и располагаютъ жениться. Генрихъ между тѣмъ былъ уже красивый мужчина, цѣлою головою выше Дебрѣ, а Клара, не смотря на строгое воспитаніе, пользовалась гораздо большою свободою чѣмъ могла бы пользоваться при жизни матери.

Хотя домъ нотаріуса Дебрѣ былъ вовсе не изъ веселыхъ, — тамъ собиралось только нѣсколько стариковъ на бостонъ, — однакожъ Генрихъ находилъ, что тамъ веселѣе чѣмъ гдѣ нибудь. Онъ почти каждый вечеръ проводилъ въ большой гостиной, обитой сѣрыми обоями и одоженной большою частию своего освѣщенія бостонному столу. Тамъ онъ помогалъ Клара разбирать трудныя ноты; тамъ они вмѣстѣ читали и переводили любимыхъ поэтовъ и часто головы, склоняясь надъ одною страницей, соприкасались лбами или щеками и бѣлокурый локоть Клары сѣмилвался съ темнорусыми волосами Генриха, но въ жару объясненія никто не примѣчалъ этого.

Когда Дальбергъ принужденъ былъ отіраться въ Парижъ, куда его призывала необходимость докончить ученое образованіе и позаботиться о будущемъ состояніи, Клара почувствовала сильное стѣсненіе въ груди. Прощаніе было очень печальное. Дальбергъ выпросилъ себѣ миніатюрный портретъ, который Клара сама написала съ себя въ зеркало и который былъ назначенъ въ подарокъ одной пансіонской подругѣ. Тогда только братецъ и сестрица поняли, сколько любятъ другъ друга. Они никогда не говорили себѣ этого, но души ихъ молча обручились и помѣнялись золотымъ кольцомъ въ нѣмомъ поцѣлуѣ. Въ сердцѣ Клары невидимый рѣзецъ начерталъ слова: «Я не выйду ни за кого кромѣ Генриха Дальберга».

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по отъѣздѣ Дальберга, Дебрѣ, хотя совершенно довольный своею провинціей, нашелъ, что уже достаточно вычитался Горация, что бостонъ игра скучная, и что рыба въ мѣстной рѣкѣ ловится со дня на день хуже. Онъ вдругъ почувствовалъ потребность свидѣться съ родственниками, которыхъ не видалъ уже двадцать лѣтъ и которые могли быть ему

полезны въ новомъ задуманномъ предпріятіи. Коротко сказать, онъ собрался ѣхать въ Парижъ, съ тѣмъ чтобы провести тамъ мѣсяца два или три.

Клара съ макіявеллизмомъ, свойственнымъ самымъ честнымъ женскимъ душамъ, внушила отцу мысль объ этомъ путешествіи, тогда какъ онъ самъ вовсе ничего подобнаго не предполагалъ, и Дебрэ почти себѣ невѣдомо вдругъ очутился въ Парижѣ, въ улицѣ Аббатства, въ квартирѣ, которую, по порученію, нанялъ одинъ изъ его старинныхъ пріятелей.

Дальбергъ, естественно, пришелъ навѣстить отца Клары и дѣла въ Севъ-Жермеискомъ Предмѣстьи пошли почти совершенно такъ же какъ въ провинціальномъ городѣ, — въ красной гостиной такъ же какъ въ сѣрой. Потому старику Дебрэ улица Аббатства такъ понравилась, что онъ рѣшился остаться въ ней совсѣмъ и продалъ свой домъ въ провинціи.

Теперь, кто удивится, видя Генриха, объедающаго съ сомнительными красавицами, играющаго и пьющаго наравнѣ съ отчаянными повѣсами, того покорнѣе просимъ вспомнить, что человѣческая душа — смѣсь противоположностей и что герои изъ дѣльнаго куска встрѣчаются только въ трагедіяхъ. Миръ преисполненъ Грандиссоновъ, которые ведутъ себя подчасъ какъ Лоласы. Окружающія обольщенія и примѣры; собственное молодости тщеславіе; соблазнительный типъ, прославленный великими поэтами, — все это портитъ очень многихъ. Чистота и простодушіе — такія свойства, за которыя люди краснѣютъ болѣе нежели за пороки, и если галеры, по словамъ ихъ обитателей, населены невнимыми, зато всѣ почти молодые люди между собою стараются казаться отчаянными бандитами по части нравственности и многіе хвалятся такими подвигами, которыхъ ни имъ ни внукамъ ихъ никогда не совершить. Такъ и Дальбергъ, созданный нато чтобы наслаждаться счастіемъ мирной семейной жизни, способный понимать поэзію домашнего очага, велъ жизнь діаметрально противоположную. Это произошло оттого что, пріѣхавъ въ Парижъ, онъ познакомился съ Рудольфомъ, который ввелъ его въ двуличивый міръ, гдѣ подъ видомъ удовольствій скрываются важныя занятія и глубокой расчетъ.

Снисходительность старика Дебрэ объясняется очень просто: самое худшее, что можетъ случиться, — молодые люди крѣпко влюбятся, такъ, что ихъ надобно будетъ женить, думалъ онъ. Дальбергъ происходилъ изъ благородной фамиліи и владѣлъ поряд-

дочнымъ мнѣніемъ. Бывшій нотаріусъ, увѣренный въ его честности и въ достоинствахъ своей дочери, не находилъ въ этомъ ничего неудобнаго: напротивъ, ему очень пріятно было видѣть въ Дальбергѣ будущаго зятя.

Изъ патриархальной жизни провинціи въ лихорадочное существованіе, гдѣ золото, вино и женщины окружаютъ васъ тройнымъ обаяніемъ, увлекутъ въ оргію, невозможно перейти безъ нѣкотораго нравственнаго потрясенія. Звонкій смѣхъ, соблазнительныя глазки, смѣлыя рчи, увлекательныя наряды, атласныя плечи не могли не подѣйствовать на молодую, свѣжую кровь Дальберга. Къ-печастію добродѣтели, у порока почти всегда кожа пѣжная и зубы бѣлые. Сверхъ-того, опасеніе, что Рудольфъ посмѣется надъ провинціальнымъ простодушіемъ, побуждало Генриха къ разнымъ выходкамъ кутилы. Онъ ужиналъ безъ голоду и жажды, изъ одного подражанія пріятелямъ; игралъ и проигрывалъ, чтобы не подать виду мѣщанской скупости, и считалъ обязанностью ухаживать за женщинами, которыя ему вовсе не нравились, но были въ модѣ. Есть множество людей, и притомъ между самыми твердыми и самыми умными, которые живутъ и дѣйствуютъ длятого чтобы заслужить одобреніе другихъ, часто не имѣющихъ ни какого достоинства. Генрихъ всѣ свои поступки приравнивалъ къ тому, что подумасть и что скажетъ Рудольфъ. Улыбка или нахмуренная бровь барона заставляла его совершенно переимѣнить свое мнѣніе. У Рудольфа была своя особенная, холодная манера побуждать Генриха къ величайшимъ глупостямъ: онъ давалъ ему благоразумныя совѣты и училъ не насловать свою кроткую и миролюбивую природу. Отъ этого Генрихъ готовъ былъ перескочить черезъ высочайшій заборъ, поцѣловать принцессу на балконѣ ея дворца и поставить все свое состояніе на одну карту.

На этомъ ходу Генрихъ уже прожилъ тысячь пятьдесятъ изъ своего капитала, но теперь онъ не о томъ заботился.

Медальонъ, который уже около году покоился на его груди и который онъ привыкъ почитать своимъ талисманомъ, находился въ рукахъ Амниы, а та, конечно, хотѣла употребить эту вещь какъ ловушку, потому что самъ по себѣ медальонъ для любовницы Демарси не могъ имѣть ни какой цѣны.

Дальбергъ съ истеричіемъ дождался приличнаго часу и отправился къ Амниѣ, но не засталъ ея дома. Горничная сказала, что онъ можетъ видѣть ея госпожу не раньше вечера, въ оперѣ.

Гейрихъ отправился въ оперу, но напрасно наводилъ двойной лорнетъ на всѣ ложи, не отыскавъ Амны и вышелъ крайне раздосадованный.

Пора зайти къ Денрè давно прошла. Это однако жъ не помѣшало Гейриху заернуть въ улицу Аббатства и посмотреть по-крайней-мѣрѣ на домъ, гдѣ живетъ его милая.

Слабый свѣтъ мерцалъ сквозь занавѣсъ окна у Клары. Гейрихъ закутавшись въ плащъ, долго не сводилъ глазъ съ этой свѣтлой точки, звѣзды любви, которая сіяла одна посреди всеобщаго мраку.

Сцены былаго толпами возродились у него въ головѣ: онъ вспомнилъ тысячи очаровательныхъ подробностей, въ которыхъ проглядывала чистѣйшая нѣжность, — цвѣтокъ, подаренный и сохраненный какъ святыня; стихъ или два изъ романса, фраза, которая примѣнялась къ обстоятельствамъ; рука оставленная въ рукѣ долѣе нежели нужно при выходѣ изъ кареты или лодки.... Сердце Гейриха таяло отъ невыразимаго наслажденія, потому что всѣ эти мелочи происходили отъ Клары и имѣли огромную цѣну, могущество чистой любви. Онъ былъ гораздо счастливѣе, когда ловилъ неопредѣленную тѣнь на оконной сторѣ, чѣмъ накануне за роскошнымъ столомъ, посреди блестящихъ красавицъ и веселыхъ товарищей.

— Здѣсь, говорилъ онъ, здѣсь она живетъ; здѣсь она молится и работаетъ; здѣсь она спитъ подъ крыломъ своего ангела-хранителя, который склоняется надъ нею, чтобы подсмотреть свидѣнїя чистой дѣвственной души.

Потомъ, черезъ нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ восторженномъ созерцанїи, онъ вдругъ опомнился и невольно сказалъ:

— Ну, если бы Рудольфъ увидѣлъ меня! Непремѣнно назвалъ бы трубадуромъ и вызвался бы подарить абрикосоваго цвѣту кафтанчикъ съ бархатными петлицами. У меня, право, недостаетъ только гитары. Если бы я находился по-крайней-мѣрѣ въ Севильѣ или въ Гренадѣ, подъ какимъ-нибудь мавританскимъ балкономъ.

Онъ разсмѣялся, но довольно принужденно: глаза у него были увлажнены слезами.

А что дѣлала между-тѣмъ Клара?

Она сидѣла за маленькимъ столикомъ и что-то писала, или только шалила перомъ, потому что оно не оставляло слѣдовъ на бумагѣ. Подлѣ стоялъ графинъ съ водою и лежалъ разрезанный

лимонъ. Въ этотъ лимонъ дѣвушка макала перо какъ въ чернильцу.

На улицѣ, вдали, послышались звуки шарманки и въ то же время Дюпрё, по обыкновенію, пришелъ проститься съ дочерью. Шарманка остановилась подь освѣщеннымъ окномъ и развернула весь свой репертоаръ.

— Чортъ бы его взялъ съ его музыкой! сказалъ съ досадою старикъ: нашелъ пору наигрывать польки!

— Эти бѣдняки тѣмъ именно и берутъ, что надоѣдаютъ, сказала со смѣхомъ Клара: я брошу ему что-нибудь, такъ и уйдетъ.

Она завернула нѣсколько мѣдныхъ монетъ въ бумажку, исчерченную невидимыми гіероглифами, и, пріотворивъ окно, кинула къ ногамъ странствующаго музыканта. Тотъ поднялъ, развернулъ, опустилъ деньги въ одинъ карманъ и бережно спряталъ бумажку въ другой, потомъ закинулъ свой ящикъ на спину и весѣло ушелъ.

Дальбергъ тоже увидѣлъ бѣлую ручку въ потокѣ свѣту, который на нѣсколько секундъ пробился въ полуотворенное окно. Ему было довольно этого счастья на цѣлыя сутки. Онъ, конечно, не предполагалъ, что шарманщикъ унесъ, можетъ-быть, отвѣтъ на записку, найденную утромъ въ церкви Свѣ-Жерменъ-де-Прё.

Въ Парижѣ слово «утро» толкуется очень разнообразно: для чиновниковъ, дѣловыхъ и торговыхъ людей оно соответствуетъ времени отъ осьми часовъ до двѣнадцати, а для свѣтскихъ женщинъ, для актрисъ и герцогинь безъ гербовъ утро начинается въ два или три часа пополудни и оканчивается въ шесть. Дальбергъ, уже порядочно освоившійся съ мѣстными обычаями, вышелъ со двора около трехъ часовъ и, побродивъ нѣсколько времени по Итальянскому Бульвару, чтобы не ворваться дикаремъ въ образованный домъ на разсвѣтъ, отправился къ Амивѣ, которая въ улицѣ Жуберъ занимала княжескую квартиру.

Дальбергъ позвонилъ. Грумъ въ полной ливреѣ отворилъ, спросилъ нѣя, сходилъ доложить и черезъ нѣсколько минутъ проводилъ посѣтителя въ гостиную и сдалъ камеръ-юнгферѣ, а та провела въ будоаръ.

Амива только-что перешла съ постели въ ванну и изъ ванны на кушетку, чтобы отдохнуть передъ туалетомъ.

— А! это вы, мосьё Дальбергъ! Говорятъ, вы и вчера приходили? Какъ мнѣ жаль, что меня не было дома! Но кто же

могъ предвидѣть, что вы удостоите меня такой чести?... Я и теперь такъ оторопѣла, что приняла васъ, какъ видите, безъ всякаго приготовленія, прибавила она съ очаровательною улыбкой: доказательство, что я не кокетничаю съ вами.

Анна безбожно лгала: она очень хорошо знала, что ни какой нарядъ не могъ произвести такого выгоднаго впечатлѣнія какъ измѣнившеюся батистовый пенюаръ и небрежное, то есть въ превосходной степени изысканное, положеніе на кушеткѣ.

Дальбергъ, не забывая Клары, помнилъ объ ней однако жъ, можетъ-быть, не такъ крѣпко какъ обыкновенно и смотрѣлъ на Анну, если не влюбленнымъ, такъ по-крайней мѣрѣ очень ласковыми глазами. Восхищаясь всякою прекрасною статуей и картиной, онъ, конечно, не могъ отказать въ удивленіи живому мастерскому произведенію природы.

Анна осталась довольна впечатлѣніемъ, которое произвела, и полу-серьезнымъ полу-шутливымъ тономъ сказала:

— Если бы у меня было хоть немножко тщеславія, я подумала бы, что вы наконецъ пришли отдать дань удивленія моимъ «слабымъ чарамъ». Но васъ не то привело. Я не довольно хороша, чтобъ заслужить такую честь.

— О! такую несправедливость только вамъ самимъ позволено сказать.

— Вы очень учтивы, мосьё Дальбергъ. Но, несмотря на всѣ ваши комплименты, вы не были бы здѣсь безъ известнаго медальона, котораго вамъ страхъ хочется выручить и котораго я вамъ не отдамъ.

— Не выказывайте себя злѣе чѣмъ вы есть, Анна. Къ чему вамъ можетъ послужить этотъ медальонъ?

— Къ тому, чтобы заставить васъ прийти. Я очень люблю видѣть васъ.

— Не смѣйтесь, пожалуйста, надо мной.

— Я совсѣмъ не смѣюсь. Чтò же въ этомъ страннаго?

— Послушайте, Анна, я подарю вамъ хорошенькій перстень, браслетъ.....

— Пачто вы? спросила она протянувъ руку къ герцогинѣ и пересыпая въ открытомъ ящичкѣ кучу блестящихъ ожерельевъ. Вы очень любите эту блондинку? спросила она потомъ: она красавица?... Портреты вѣдь всегда лгутъ.

— Не совсѣмъ красавица.... однако.... не дурна, отвѣчала Даль-

бергъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: главное у нея — свѣ-
жесть и миловидность.

— То есть чортова красота, пансіонерская, — красные руки и
локти, сказала Амнина съ презрительною гримасой, протянувъ свою
бѣлую, пухленькую руку, на прозрачномъ опалѣ которой чуть-
чуть обозначались тонкія лазуревыя линіи жлокъ и которой ног-
ти походили на лепестки бегальской розы.

— Ахъ! какая у васъ очаровательная рука! вскричалъ Даль-
бергъ, желая переменить разговоръ и схвативъ руку Амнины.

Она не отняла.

— Да, отвѣчала она: знаменитѣйшіе скульпторы дѣлали слѣпки
съ моихъ рукъ.... Но не въ томъ дѣлю. Какъ вы можете любить
блондинку? У блондинокъ бѣлыя рѣсницы и вовсе нѣтъ бровей,
сказала она, оправивъ свои рассыпанныя по плечамъ черныя кудри
и стрѣльнувъ въ гостя огненнымъ взглядомъ.

Несмотря на все пристрастіе къ Кларѣ, Дальбергъ принужденъ
былъ сознаться, что рѣсницы у Амнины длинны, шелковисты и
удивительно возвышаютъ перломутровый блескъ бѣлка. Онъ от-
вѣчалъ очень развязно:

— Я вовсе не влюбленъ въ нее....

— Какъ! вы не влюблены, а между-тѣмъ носите на груди ме-
дальонъ? Что жъ бы вы стали дѣлать, если бъ были влюблены?

— Это просто ребячество.... воспоминаніе о прочитанныхъ ро-
манахъ.

— Такъ вы исправляетесь отъ этихъ дурныхъ привычекъ?

— Я такъ привыкъ носить этотъ портретъ на шеѣ, что все
забывалъ спять его.

— А я, напротивъ, увѣрена, что вы, нѣжный пастушокъ, каждое
утро и каждый вечеръ пабожно подносили этотъ драгоценный
образъ къ губамъ.

— Полноте, Амнина; вы ужъ слишкомъ преувеличиваете мою
сентиментальность.

— О! я знаю, что вы чудовище.... Вы покинули множество
несчастныхъ жертвъ.... я знаю васъ!

— Не насмѣхайтесь.... отдайте лучше медальонъ. Я признаюсь,
что это слабость, но я привыкъ къ нему....

— Никто кромѣ васъ еще не помышлялъ въ этой комнатѣ о
другой женщинѣ при мнѣ. Увы! я вижу, что я подурнѣла, ска-
зала Амнина и повернулась на кушеткѣ.

При этомъ движеніи пеньюаръ сползъ съ плеча. Его поправи-

ли довольно быстро, однако жъ Дальбергъ успѣлъ притѣнить, что не однѣ руки у Амнины достойны слѣпковъ и восхищенія художниковъ.

Дальбергъ не изучалъ Эскобара и его трактата о совѣсти, однако жъ былъ не прочь отъ расположенія выкупить портретъ Клары довольно странною цѣной: онъ основывался на законности намѣренія. Глазки Амнины за объѣдомъ и обстановкой, съ какою она приняла его, вмѣли смыслъ слишкомъ ясный, чтобы ошибиться. Поэтому онъ считалъ бесполезнымъ и даже опаснымъ долге настаивать на возвратѣ медальона, чтобы не возбудить, притворной или истинной, но всё-таки ревности Амнины. Онъ не влюбился въ Амнину, но она въ эту минуту поработала, ослѣпляла его всеми коварными чарами ядовитаго цвѣтка, котораго нельзя не сорвать, когда увидишь, — всемъ обаяніемъ змѣи, въ пасть которой бросается птичка, трепеща отъ наслажденія и ужаса. Сладострастіе имѣетъ неизъяснимую силу даже надъ самыми строгими и чистыми душами. Не отдавая себѣ порядочнаго отчета во всемъ этомъ, Генрихъ придвинулся къ Амнинѣ и пересталъ говорить о медальонѣ, когда горничная подняла дверную драпировку и доложила, что мадмоазель Флоранса желаетъ видѣть мадмоазель Амнину.

— Слѣдовало сказать, что меня дома нѣтъ, сказала Амнина съ досадой.

— Вы ничего не извоили приказать, сударыня....

— Ты начинаешь глупѣть, Авета. Умная горничная безъ словъ пошмаетъ. Но, если глупость уже сдѣлана, такъ проси.... Я желала бы знать, чему я обязана этимъ посѣщеніемъ.... Откуда такая мгновенная дружба Флорансы?...

Флоранса вошла, быстрымъ взглядомъ изслѣдовала состояніе комнаты и положеніе лицъ и, по видимому, осталась довольна. Поздоровавшись съ Амниной, она сдѣлала граціозный реверансъ Дальбергу.

— Вотъ милый сюрпризъ! сказала Амнина Флорансѣ: вы такъ рѣдки!

— Ахъ, Боже мой! я боюсь наскучить. Чтò вы дѣлаете сегодня?

— Ничего.... Мигрень началась-было. У меня нѣтъ ни какого плана на сегодняшний день. Я полагаю ни куда не выѣзжать.

— А я сегодня пробую новую коляску и пару новыхъ лошадей. Не хотите ли прокатиться со мною по Булонскому Лѣсу?

— Съ удовольствіемъ. Я выпрошу только четверть часа на

бдѣніе. Мосье Дальбергъ, потрудитесь покуда посмотреть въ окно или выйти въ другую комнату, сказала Амнна, вставая съ кушетки и надѣвая туфли, подбитыя лебяжьимъ пухомъ.

— Кстати, вы, вѣроятно, возвратили Дальбергу медальонъ? спросила Флоранса.

— Нѣтъ, и не намѣрена отдать.

Любь у Флорансы слегка поморщилась и она спросила:

— Вы знаете, чей это портретъ?

— Нѣтъ еще, но узнаю.

— На что же это вамъ? спросила Флоранса, нѣсколько по-красивѣвъ.

— Я расположена непавидѣть людей, которыхъ Дальбергъ любитъ.

— О! да вѣдь это признаніе...

— Совсѣмъ нѣтъ; я ревную безъ любви... Ну, теперь можете явиться, кликнула она Дальбергу, который вышелъ въ гостиную: я одѣта такъ, что уже не испугаю вашей стыдливости.

— Если мосье Дальбергу 'угодно ѣхать съ нами, нѣста будетъ довольно.

— Очень радъ, если позволите, отвѣчалъ Дальбергъ съ поклономъ.

И онъ отправился вслѣдъ за дамами, самъ хорошенько не зная, доволенъ ли онъ, или досадуетъ, — кстати или некстати пришла Флоранса.

Для чего Флоранса имевно въ этотъ день и часъ пришла къ Амниѣ, которую посѣщала раза три-четыре въ годъ и къ которой никогда не питала особеннаго расположенія? Былъ ли это просто случай, или надежда встрѣтить Дальберга, желаніе въ саконъ началъ остановить интригу, которая ей не нравилась по чему-нибудь?

Предположивъ въ ней любовь къ Дальбергу, можно было бы объяснить этотъ приходъ ревностью, но Флоранса видѣла этого молодого человѣка очень мало, мелькомъ, и никогда не искала ближайшаго знакомства съ нимъ.

Сверхъ-того, Флоранса была женщина, относительно, добродѣтельная. Достоверно извѣстно было, что она имѣла только одного любовника, и хотя злые языки утверждали, что она уже извѣстила его вторымъ, однако жъ это обстоятельство оставалось недоказаннымъ. По положенію своему, Флоранса не могла быть принята въ общество, но обладала всѣмъ нужнымъ, нато чтобы

блестѣть въ немъ не хуже многихъ другихъ, огражденныхъ мужьями, естественными щитами, подъ которыми часто удобно укрываются добродѣтели болѣе нежели сомнительныя. Вѣроятно, страхъ, чтобы Амнина посредствомъ похищеннаго медальона не вздумала возмутить спокойствія невнишой и честной дѣвушки, побудилъ Флорансу сблизиться съ любовницею Демарси.

Коляска катилась вдоль Елисейскихъ Полей въ рысь пары прекрасныхъ англійскихъ лошадей. Амнина, закутанная съ ногъ до головы въ большую турецкую шаль, развалилась на голубыхъ бархатныхъ подушкахъ, какъ дома на кушеткѣ, и съ самодовольнымъ видомъ кланялась встрѣчнымъ знакомцамъ. Она гордилась тѣмъ, что сидитъ въ одной коляскѣ съ Флорансой, какъ мѣщанка можетъ гордиться выѣздомъ на гулянье съ герцогиней, или хористка обществомъ примадонны. Во всякомъ кругу есть своя аристократія, а въ кругу Амнины Флоранса почиталась принцессою.

Въ Мадридской Аллеѣ встрѣтили Рудольфа, который прогуливался верхомъ и очень удивился, когда увидѣлъ Амнину и Дальберга въ коляскѣ у Флорансы. Но, какъ свѣтскій, человекъ онъ не обнаружилъ этого удивленія и, поѣхавъ рядомъ, сталъ съ дамами дѣлать болѣе или менѣе ѣдкія замѣчанія насчетъ наружности и посадки нѣкоторыхъ всадниковъ, скакавшихъ въ облакахъ пыли.

— Что за причина свела этихъ несхожихъ людей? спрашивалъ онъ себя, продолжая слѣдовать подлѣ коляски, съ той стороны, гдѣ сидѣла Амнина: неужели добродѣтельная Флоранса занялась молодчиномъ, котораго я поручилъ Амнинѣ? Вотъ союзница, на которую я вовсе не думалъ рассчитывать! Дѣтъ, разумѣется, лучше одной. Не той, такъ другой удастся. Одна не понравится, другая очаруетъ и онъ уже ни какъ не вырвется.

И Рудольфъ, увѣрившись въ успѣхъ своихъ плановъ, заставилъ лошадь сдѣлать курбетъ.

Дальбергъ разговорился съ Флорансой. Амнина наклонилась къ Рудольфу и тихонько спросила:

— Какъ зовется оригиналъ портрета?... живѣй!

— Клара Депрè, отвѣчалъ Рудольфъ также тихо и подѣхавъ такъ, что колесо почти терлось о бедро его лошади.

— Кто бы подумалъ, что вы способны къ такому чистому чувству! говорила между тѣмъ Флоранса Дальбергу съ нѣжною

улыбкой и увлажненными глазами: этотъ знакъ истинной любви тронулъ меня.

— Адресъ? продолжала Амниа, подавая видъ, будто любитса на прекрасный видъ.

Въ улицѣ Аббатства, номеръ седьмой, отвѣчалъ Рудольфъ оправляя гриву своей лошади.

— Я надѣюсь, продолжалъ Рудольфъ подъ стукъ колесъ, что ты употребишь эти свѣдѣнія въ дѣло, какъ слѣдуетъ.

— Будьте совершенно спокойны, отвѣчала Амниа.

Прѣхавъ между-тѣмъ довольно далеко, приказали кучеру поворотить назадъ. На выѣздѣ съ Элисейскихъ Полей Дальбергъ простился съ дамами и вышелъ изъ коляски. Амниу Флоранса отвезла обратно домой.

Дальбергъ намѣревался навѣстить Дебрѣ и потому зашелъ домой, переодѣться: онъ былъ одѣтъ слишкомъ щеголевато. Вышпунную и слишкомъ прозрачную рубашку нужно было замѣнить другую, также очень тонкою, но по проще; мѣсто яркаго жилета заступилъ также другой, по-скромнѣе и по-сообразнѣе съ важностью дома нотариуса, естественно расположеннаго болѣе къ черному цвѣту.

Сложивъ съ себя одежду льва, Дальбергъ снова принялъ свой природный характеръ, такъ, что въ гостиной у Дебрѣ, по скромной, простой и естественной одеждѣ, въ Дальбергѣ ни какъ нельзя было узнать того франта, который каждый вечеръ прогуливался объ-руку съ Рудольфомъ по Итальянскому Бульвару, щеголя отчаянно бойкими манерами и пуская дымъ своей сигары встрѣчавымъ женщинамъ въ лицо. Это съ его стороны было не притворство, а напротивъ возвращеніе къ истинѣ.

Когда подошелъ поклониться Кларѣ, запытой у окна какимъ-то рукодѣльемъ, онъ невольно смѣшался, несмотря на улыбку и дружелюбный пріемъ дѣвушки. Совѣсть укоряла его за утраченный модальонъ. Ему казалось, что Клара по магнитическому левовидѣнію должна знать объ этой пропажѣ, и онъ по чувству страшному, однако жъ понятному тѣмъ, кто не смѣется надъ суевѣріями сердца, застегнулъ фракъ, чтобы плотнѣе закрыть грудь отъ взора своей милой.

— Берегитесь, Генрихъ, сказала дѣвушка со смѣхомъ: я боюсь, нѣтъ ли у васъ соперника. Вчера, вечеромъ, я видѣла, какъ подъ моимъ окномъ стоялъ какой-то таинственный господинъ....

— Шарманщикъ, отъ музыки котораго во всемъ кварталѣ собачки взвыли.

— Нѣтъ, господинъ, завернутый въ темный плащъ и съ нахлобученною на глаза шляпою, — господинъ, у котораго сегодня долженъ быть кашель или насморкъ, потому что ночь была во все не теплая. Я вамъ совѣтую пойти завтра, подкараулить его и проколоть вашею доброю шпагой.

— Ну, ужъ извините, этого я не намѣренъ сдѣлать, отвѣчалъ Дальбергъ.

— Нѣтъ? А я думала возбудить вашу ревность. Неужели вы не ревнивы?

— Нѣтъ, Клара; я питаю къ вамъ безпредѣльное довѣріе, потому что я люблю васъ отъ всей души.

— Я вѣрю вамъ, сказала Клара вонзивъ свѣтлый и пронизательный взглядъ въ глаза Дальбергу.

Лицо Клары, всегда милое, было дивно прекрасно въ эту минуту. Можно было подумать, что изъ него дневной свѣтъ изливается. Душа ея метала такіе живые лучи, что они разлились и отразились по всѣхъ чертахъ.

— Я чувствую, что не могу жить безъ васъ, сказалъ Генрихъ взявъ дѣвушку за руку: хотите быть моею женою..... если вашъ отецъ согласится?

Клара не отвѣчала, но приклонила голову къ плечу Дальберга и глаза ея наполнились слезами.

Въ этомъ положеніи Дебрѣ засталъ молодыхъ людей и не обошелся съ ними какъ отцы въ комедіяхъ, не вытаращилъ глазъ, не намурилъ олимпійскихъ бровей, а подошелъ съ добродушною улыбкой и потирая руки, потому что давно ожидалъ этой развязки.

Генрихъ отвелъ его всторону и сказалъ:

Мнѣ нужно поговорить съ вами наединѣ, мосьё Дебрѣ.

— Извольте, любезнѣйшій. Я догадываюсь, о чемъ вы хотите говорить, но вы оба еще молоды, успѣемъ объясниться, отвѣчалъ Дебрѣ.

Прибыло нѣсколько пріятелей бывшаго нотариуса и сѣли за бостонъ, точно такъ же какъ въ сѣрой гостиной, въ провинціи.

Въ десять часовъ Генрихъ ушелъ съ раемъ въ душѣ. Онъ никогда не проводилъ вечера такъ весело какъ въ этотъ разъ.

Воротившись домой, онъ черезъ дворника получилъ слѣдующую записку:

« Приходите сегодня вечеромъ доказать мнѣ, что вы не дубиде *Клары* и я возвращу вамъ портретъ, который уже не пригоденъ для васъ никакой цѣны.»

— Который часъ, Анета? спрашивала Амниа, потягиваясь на кушеткѣ.

— Скоро двѣнадцать, сударыня, отвѣчала горничная, поспѣвая на дорогіе столовые часы.

— Еще не поздно, онъ еще можетъ прійти, если только Рудольфъ не утащилъ его, играть, подумала Амниа.

— Исправно ли отдали мою записку? спросила она черезъ полчаса потомъ.

Исправно, сударыня. Тоби отнесъ.

— Странно, какъ ожиданіе дѣйствуетъ на нервы! Налей мнѣ стаканъ воды и подбавь три капли элѣръ-д'оранжу.

Анета исполнила приказаніе и поставила передъ госпожей подвось съ граненымъ стаканомъ и великолѣпнымъ хрустальнымъ графиномъ.

Амниа хлебнула однаъ разъ и, раздраженная нетерпѣніемъ, встала, подошла къ окну, чтобы посмотрѣть на улицу, освѣщенную фонарями, которые слишкомъ надѣялись на луну, или луну, которая слишкомъ надѣялась на фонари. Всякая промелькнувшая тѣнь приводила красавицу въ трепетъ, возбуждала надежду и разочарованіе.

Стукъ экипажа, за которымъ послѣдовала остановка и визгъ ручки колокольчика, слышимый въ тишинѣ ночи, произвелъ у нея такое волненіе, что она принуждена была положить руку на сердце, чтобы унять его бѣшеніе.

Пріѣхалъ домой кто-то изъ жильцовъ.

Ничье, можетъ быть, удивится такой живости чувствованій въ пресыщенной женщинѣ. Но Амниа была одна изъ тѣхъ, которыхъ препятствія распалаяютъ. Если бъ Дальбергъ пришелъ, она едва обратила бы на него вниманіе, но онъ не являлся и она отдала бы все на свѣтъ, чтобы увидѣть его. Амниа пристраждалась къ невозможному. Дальбергъ влюбленный въ нее и свободный не виушилъ бы ей ничего, но принадлежа другой, онъ казался ей удивительно привлекательнымъ. Занять мѣсто чистаго образа, долго ласкаемой мечты; вскружить голову человѣку, который оказывалъ ей пренебреженіе, — казалось ей невыразимымъ наслажденіемъ. Она для своей статуи требовала пьедестала опрокинутаго идола, для помосту — развалины храма другой страсти.

Всякая любовь къ добродѣтельной дѣвушкѣ или честной женщинѣ возбуждала въ ней бѣшеную ревность, оттого ли, что сама она не способна къ такой любви, или оттого, что предчувствовала, угадывала въ ней чистыя наслажденія и восторги, отъ которыхъ принуждена навсегда отказаться и о которыхъ смутно сожалѣла.

Заставить Дальберга измѣнить Кларѣ было бы для нея величайшимъ торжествомъ и, по смущенію молодаго человѣка, когда онъ приходилъ вырывать медальонъ, она уже надѣялась успѣть, — можетъ быть, и успѣла бы въ своемъ намѣреніи, если бы не пришла Флоранса.

Дальбергъ, съ своей стороны, въ то же самое время, былъ также въ величайшей тревогѣ. Имя Клары, сильно подчеркнутое въ Амипной запискѣ, предвѣщало множество коварныхъ замысловъ. И какимъ образомъ Амипна провѣдала это имя?

Клара очень рѣдко выходила со двора, еще рѣже посѣщала спектакли и въ кругу Амипны должна была быть столько же неизвѣстна какъ отшельница португальскаго монастыря или обитательница турецкаго гарема. Одиныя шаржскій кварталъ отъ другаго отстоитъ часто на нѣсколько сотъ миль и нѣкоторыя породы не встрѣчаются внѣ извѣстныхъ предѣловъ, точно такъ какъ не встрѣтишь рыбы, плавающей по большимъ дорогамъ. Амипнина нога никогда не бывала ни въ церкви Сентъ-Жерменъ-де-Прѣ, ни въ Люксамбургѣ, — единственныхъ мѣстахъ, которыя посѣщала Клара; никогда блестящей кокеткѣ не случалось прохаживать по улицѣ Аббатства, гдѣ бы она могла видѣть въ окнѣ мѣжбный профиль дѣвушки, свдѣющей за какимъ-нибудь вышиваньемъ.

Стало-быть, кто-нибудь сказалъ ей это имя. Но кто же?

Пять или шесть человѣкъ, которые бываютъ у Деспрѣ, все люди лѣтъ пятидесяти, шестидесяти, все бывшіе адвокаты или нотаріусы, люди важные, женатые, отцы семействъ или старые холостяки, имѣющіе домоправительницъ, — однимъ словомъ, люди, которые переправляются за рѣку только въ торжественныхъ случаяхъ и не имѣютъ ничего общаго съ принцессами опернаго и другихъ театровъ.

Такимъ образомъ тайна оставалась непроницаемою. Ни какой повѣренный не могъ измѣнить Дальбергу, потому что онъ скрывалъ свою любовь пуще пещели какое-нибудь преступленіе, — онъ скрывалъ ее какъ вѣчто смѣшное: ни передъ Рудольфомъ,

ли передъ Демарси онъ, конечно, ужъ не сталъ бы хвалиться платонической страстью къ молоденькой провинціалкѣ. Эти господа, проповѣдовавшіе ученіе очень положительное по этому предмету, загоняли бы насмѣшками, засыпали бы сарказмами несчастнаго льва, способнаго къ такимъ ищанскимъ чувствованіямъ.

Между-тѣмъ Кларнъ портретъ тѣмъ неменѣе находился въ рукахъ Амнины и Дальбергъ довольно хорошо зналъ Амнину, такъ, что оставивъ ея записку безъ отвѣту, могъ навѣрное ожидать какого нибудь скандалу.

Положеніе было критическое. Не пойти къ Амнинѣ значило подвергнуться ищенію ея оскорбленнаго самолюбія; пойти значило измѣнить Кларъ, этому чистому ребенку, который сейчасъ только съ довѣрчивостью пожималъ ему руку. Чтò дѣлать?

Дальбергъ долго колебался. Истинный волокита тотчасъ рѣшился бы и, въ случаѣ надобности, разграничилъ бы душу и тѣло, чувствованіе сердца и прихоть страстей.

— Нѣтъ, не пойду! сказала Дальбергъ и началъ раздѣваться: Рудольфъ, когда узнаетъ объ этомъ, станетъ смѣяться, но я буду думать о Кларѣ и насмѣшки скатятся съ меня какъ съ гуся вода. А портретъ если и пропадетъ, не велика бѣда.... я утѣшусь оргиналомъ.

Успокоенный этимъ логическимъ выводомъ, Дальбергъ легъ и заснулъ легкимъ сномъ, пронизаннымъ видѣніямъ, въ которыхъ безпрестанно повторялся образъ Клары.

— Какъ ты находишь меня, Анета? говорила между-тѣмъ Амнина своей горничной: постарѣла я? есть у меня какая-нибудь морщина, какое-нибудь пятно, котораго я не примѣчала? Говори откровенно.

— Вы никогда еще не бывали такъ прекрасны какъ сегодня, отвѣчала Анета съ убѣжденіемъ: я нахожу, что у васъ сегодня въ особенности глаза необыкновенно блестящ.

— Это огонь лихорадки, ветеринія, гнѣву.... Два часа! Онъ не прійдетъ.... Не понимаю, чтò это значить. Сегодня утромъ голова у него дрожала, онъ краснѣлъ, блѣднѣлъ. Я увѣрена, онъ находилъ, что я хороша.... О! какая мысль!.... Чтò если этотъ нѣжный пастушокъ, хранитель медальоновъ, не ночуетъ дома?.... если у меня двѣ соперницы вмѣсто одной?.... Очень легко можетъ статься: я всегда говорила, что исключительная любовь — вздоръ. Этотъ Дальбергъ мнѣ уже порядочно опротивѣлъ. Бѣдная Клара! Я охотно оставила бы ей ея любезнаго, чтобы наказать

за такой выборъ. Если бы Рудольфъ не просмѣя, я ни минуты не стала бы заниматься такимъ смѣщнымъ мальчишкомъ.

Подъ конецъ этого монолога Амива, при помощи горничной, удегдась въ постель и дебрежно перевернула первые листы новаго романа, — вѣрное средство, которое не замедлило произвести свое дѣйствіе.

Книга упала на коверъ. Назвать заглавіе было бы бесполезною жестокостью.

На утро пришелъ Рудольфъ и засталъ Амиву въ довольно дурномъ расположеніи духа: она посылала грума за справками и узнала, что Дальбергъ въ одиннадцатомъ часу вечера получилъ записку и добродѣтельно спалъ въ подлинномъ своемъ жалищѣ.

— Такъ онъ пренебрегаетъ мною изъ-за какой-нибудь пансіонской куклы? Какой Ваудаль! сказала Амива кокетничая передъ большимъ трюмо.

— Это—поведеніе, достойное Скиоа! прибавилъ Рудольфъ: заставь его дорого заплатить за него.

— Онъ оскорбилъ меня и я отомщу, это естественно. Но выто за что гоните его? Вы продаете ему своихъ заглавныхъ лошадей; вы играете съ нимъ, когда имѣете нужду въ деньгахъ; вы навязываете ему женщинъ, которыя вамъ наскучили. Вѣдь это у васъ истинный Пладъ!

— Я вовсе не гоню его. Но жизнь, которую я веду, утомляетъ меня; я чувствую потребность остепениться, а мадмоазель Депрё, разочарованная насчетъ Дальберга, могла бы составить счастье челоуѣка не глупаго....

— Но немѣющаго возможности сдѣлаться депутатомъ.... какъ вы напримѣръ.

— Именно. Я созрѣлъ уже для политики: начинаю жирѣть.

— И лысѣть немножко. Но вы не сказывали мнѣ, что знакомы съ Депрё и его дочерью.

— Я разъ пять или шесть бывалъ у Депрё по дѣламъ, но Дальбергъ ничего не знаетъ объ этомъ. Депрё, несмотря на скромный видъ, очень богатъ. У Клары будетъ полмилліона придапаго.

— Ого! сумма кругленькая. Не удивительно, что Дальбергъ не является на приглашенія. Его невинность хитрѣ вашего доижуанства. Случалось ли вамъ когда-нибудь получать портреты отъ полумилліонныхъ невѣстъ?

— Увы! нѣтъ; у меня не оказывалось достаточнаго количе-

стае продаю, потребую идики дасгдидидиди. Мой дасосъ слиш-
комъ родить: это вредитъ мнѣ.

— Вы являлись просителемъ руки?

— Цѣтъ: это значило бы ни зачѣмъ, ни про что возбудить не-
зависть. Я расклавивался съ Кларою очень холодно и увѣренъ,
что она теперь не узнаетъ меня. Нужно было напередъ уничто-
жить Дальберга.

— Вы глубокомысленный философъ, мосё Рудольфъ. Теперь
я допущаю, зачѣмъ вы просили меня приковать этого молодчика
къ моему колесняцъ, какъ сказалъ бы щеголь прошлаго вѣка. Вы
хотите уроить его, это для меня очень лестно. Благодарю за
предпочтеніе.

— Я могъ бы устроить какую-нибудь случайную встрѣчу,
Депрѣ и его дочь столкнулись бы носомъ къ носу съ Дальберг-
гомъ и мадиоазель Амниной... чудесная вышла бы картина!

— И очень не супружеская, конечно.

— Портретъ избавитъ тебя отъ всякаго выхода на сцену.

— Конечно, и, отомщая за себя, я услужу вамъ. Я согласна
дѣйствовать: я вижу теперь свою пользу въ этомъ дѣлѣ.

— И когда я женюсь на Кларѣ Депрѣ, ты вмѣсто пригласи-
тельнаго билета получишь двадцать-пять клочковъ бумаги съ
единицей и тремя нулями на каждой.

Амина и Рудольфъ были созданы, нато чтобы понимать другъ
друга. Торгъ немедленно состоялся.

Они нѣкогда впродолженіи шести мѣсяцевъ любили другъ дру-
га, если это не значить во зло употреблять слово любовь. Но
Рудольфъ понялъ, что онъ можетъ-быть только эпизодомъ въ
жизни такой женщины, какова Амина, и остроумно уничтожился
передъ именитыми финансовыми и дипломатическими особами,
которыя поочередно или посмѣнно имѣли счастіе пользоваться
благорасположеніемъ молодой актриссы.

Зато Рудольфъ пережилъ нѣсколько днастій Мондоровъ и
всегда имѣлъ свободный доступъ къ общему идолу, кто бы ни
исправлялъ должность верховнаго жреца.

Рудольфъ пускалъ въ оборотъ Амнинны деньги и, пользуясь
извѣстіями, которыя она умѣла получить отъ людей, кое что зна-
ющихъ прежде другихъ, исполнял биржевыя спекуляціи и до-
бывалъ вѣрные барыши, въ которыхъ имѣлъ свой паё. Амина
ничего не предпринимала, не посовѣтовавшись съ нимъ. Она съ
своей стороны извѣщала ее объ угрожающемъ ея любовникамъ

разореніи, что протѣдывалъ необыкновенно тонкимъ чутьемъ, и разрывъ всегда предшествовалъ банкротству. Онъ же устраивалъ необходимыя примиренія и порицалъ вредныя капризы, однимъ словомъ онъ былъ тайнымъ совѣтникомъ и руководителемъ ея совѣсти, если можно такъ выразиться.

Послѣ этого однако жъ не должно полагать, чтобы Рудольфъ былъ мошенникъ и самозванецъ какой-нибудь: нисколько. Его баронскій титулъ хотя происходилъ не отъ крестовыхъ походовъ, однако дѣйствительно принадлежалъ ему. Объ немъ нельзя было сказать, что онъ сдѣлалъ какую-нибудь явную подлость. Онъ только безъ состоянія жилъ какъ богатый человекъ и добывалъ деньги на томъ, на чемъ другіе пестрачиваютъ ихъ. Что для другихъ наслажденіе, то для него была работа. Играя, онъ долженъ былъ выиграть и почти всегда выигрывалъ, не потому чтобы онъ для управленія счастьемъ прибѣгалъ къ обману и низкимъ средствамъ грубыхъ шулеровъ: онъ во всю жизнь свою ни разу не сплутывалъ въ игрѣ, но онъ игралъ въ вистъ какъ Дешапелъ, а въ шахматы не уступилъ бы Лабурдоннѣ. Всѣ игры были для него предметомъ глубокаго изученія и математическаго расчета, передъ которымъ ужаснулся бы астрономъ, отыскивающій пути кометы. Сверхъ-того онъ, подъ предлогомъ слабости желудка, былъ всегда очень умѣренъ и сохранялъ хладнокровіе на самыхъ шумныхъ обѣдахъ и ужинахъ. По части лошадей онъ былъ хорошей наѣздникъ и тонкій знатокъ и потому держалъ заклады всегда на вѣрную. По части оружія онъ рисовалъ на бѣлой картѣ шестерку или осьмерку, что угодно; снималъ шарикъ, пляшущій на лучѣ фонтана; снималъ со свѣчи не гася ея и рѣзалъ пулю о лезвее ножа въ двадцати-пяти шагахъ. На шпагахъ Грizzly, Повсъ и Гатшёръ создавались, что ни чему не могутъ научить его. Портной съ трепетомъ выслушивалъ его совѣты и не только не просилъ денегъ, самъ бы предложилъ, если бы смѣлъ, только бы его милость носила платье. Любезности съ женщинами никогда не стоили ему ничего дороже букета или ложки, рекомендаціи знакомому фельдшерику и тому подобныхъ мелочей. Игру въ свосемъ бюджетѣ онъ считалъ статью, которая приноситъ пятьдесятъ-тысячъ дохода. Вотъ и весь Рудольфъ.

Величайшимъ удовольствіемъ своимъ онъ почиталъ утопить молодого человека въ чемъ бы то ни было, изуродовать на дуэли, или паденіемъ съ лошади, навести на какую-нибудь нецѣлую или неисполнимую мысль, втянуть въ безразсудство подъ ви-

домъ отеческаго участія: въ этомъ Местоположеніи Гандскаго Бульвара находилъ высокое и утѣченное наслажденіе, достойное высшренняго ума. Надобно было видѣть двусмысленныя сожалѣнія и дружескія рукопожатія, какія онъ расточалъ жертвамъ послѣ бѣды или разоренія.

Дюжина прекрасныхъ, благородныхъ и богатыхъ молодыхъ людей уже опрокинулась около него. Между-тѣмъ совѣты, которые онъ давалъ имъ, были превосходны: вольно имъ было играть, когда они не знали толку въ картахъ; вольно было разигрывать роль джентльмена наѣздника, не выучившись ѣздить, и роль дуэлиста, не бравшись ни за шпагу, ни за пистолеть! Рудольфъ всегда говаривалъ, и не безъ основанія, что, для того чтобъ быть, что называется, львомъ, нужно имѣть природныя хорошо развитыя дарованія, и что истинно великій шиверъ — такая же рѣдкость какъ великій поэтъ.

Когда Рудольфъ ушелъ, Аминна позвонила горничной и потребовала одѣваться, чтобы отдать Флорансѣ визитъ, какъ слѣдовало, потому что въ цыганскомъ царствѣ пародія обычаетъ большаго свѣта исполняется съ величайшею строгостію.

Флоранса занимала въ улицѣ Святаго Лазаря обширную квартиру, меблированную съ роскошью и вкусомъ истинно знатной дамы: у нея не было ничтожныхъ мелочей и минутныхъ игрушекъ, которыми заваливаются сперва этажерки, а потомъ чуланы: у нея толстые мягкіе ковры, дорогіе обои, флорентійскія или античныя бронзы, вотъ и все.

Когда Аминна вошла, Флоранса поспѣшно задвинула столовый ящикъ, въ которомъ у нея лежало нѣсколько запачканныхъ чернымъ порошкомъ бумажекъ; встала и съ достоинствомъ и любезностью пошла навстрѣчу къ гостѣ.

Послѣ обыкновенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, съ которыхъ начинаются разговоры, Флоранса очень развязно спросила:

— Къ стати, что вы сдѣлали съ Дальбергомъ?

— Я? ничего.

— А я думала, что онъ одинъ изъ вашихъ обожателей....

— Нѣтъ, подлинникъ бѣлокураго портрета, — мамзель Клара, — кажется, совершенно наполняетъ его сердце.

При этомъ имени Флоранса вздрогнула и поблѣдѣла такъ видно, что Аминна примѣтила и спросила:

— Что съ вами, Флоранса? Вы взмѣнились въ лицѣ!

— Ничего.... такъ.... волненіе, отъ котораго не могла удержаться. Такъ ее зовутъ Кларой?

— Кларой Депрё. Но вамъ что же до этого?

— Правда, я съумасшедшая ... какое мнѣ дѣло до нихъ.

— Я писала Дальбергу, чтобы онъ пришелъ получить портретъ на условіяхъ не очень, кажется, тягостныхъ, но онъ не пришелъ.

— Стало-быть, онъ очень любитъ ее? сказала Флоранса со вздохомъ.

— Какъ вы произнесли это!... Ужъ нѣтъ ли у васъ къ Дальбергу.... какой-нибудь страстишки, Флоранса?

— Что жъ дѣлать.... да! отвѣчала Флоранса съ чувствомъ, которое, если было притворное, сдѣлало бы честь совершеннѣйшей актрисѣ.

Она загородила лицо рукой, какъ-будто хотѣла скрыть краску.

— Да, я люблю его.... что жъ мнѣ дѣлать! Ревность вчера привела меня къ вамъ.

— А! холодная Флоранса! попалась наконецъ въ огонь! правда, что нѣтъ саламандры, которая бы наконецъ не сгорѣла.

— Ахъ! что я могу сдѣлать надъ сердцемъ, которое занято Кларой и Амивой!

— Добродѣтелью и сладострастіемъ, прибавила Амива: хорошо же вы попались на первый разъ, нечего сказать!

— О! если бы медальонъ былъ не у васъ, а у меня; я разбила бы его, растоптала бы ногами!

— Вотъ ваши манеры! Нѣтъ, я похладнокровнѣе: я берегу его, чтобы научить Дальберга, какъ жить, и это войсе не потому чтобы я сколько-нибудь дорожила такимъ деревенскимъ молокососомъ.

— Я думала, вы расположены къ Дальбергу? Такъ я ошиблась?

— Мнѣ нравится только его любовь къ другой. Самъ онъ уже успѣлъ надоесть мнѣ.

— Такъ эта Клара очень хороша?

— Между нами признаться, да..... недурна.

— Покажите мнѣ этотъ портретъ.... Онъ съ вами?

— Онъ всегда со мной. Но послѣ кроткихъ чувствованій, которыя вы обнаружили, я могу показать вамъ его только издали! Флоранса неопредѣленно протянула руку и опять опустила,

потому что Амниа действительно показала портретъ очень острожно.

— Какая ясность лазури въ этихъ глазахъ и какая дѣйственная чистота на этомъ лбѣ! говорила Флоранса съ жалобно-восторженнымъ выраженіемъ.

— Все это сегодня же нѣсколько помутится, за это я вамъ ручаюсь, возразила Амниа: глазки эти покраснѣютъ отъ слезъ и сегодня же мамзель Клара Депрѣ смертельно возненавидитъ носѣ Генри Дальберга. Когда же наша соперница будетъ устранена, на полѣ сраженія останемся только мы двѣ и тогда вамъ не трудно будетъ одержать побѣду, потому что... я чувствую, я сопскаательница недостойная васъ.

Кончивъ эту тираду съ коварно-торжествующимъ видомъ, она поклонилась Флорансѣ и вышла.

Флоранса задумалась.

— Это не такъ, какъ я полагала. Я чую Рудольфа въ этой интригѣ. Амниа его орудіе. Бѣдная Клара! бѣдный Дальбергъ!

Клара въ тотъ день была задумчива и печальна, какъ будто предчувствовала недоброе.

Утромъ она была въ церкви и нашла въ книжномъ ящикѣ записку, которую прочитала и сожгла подобно прежнимъ. Таинственная переписка, казалось, доставляла Кларѣ только дурныя вѣсти и горькія думы, потому что всякій разъ, когда въ ящикѣ оказывалась загадочная бумажка, бѣдная дѣвушка цѣлые дни тосковала. Но никогда она еще не бывала въ такомъ уныніи, какъ въ этотъ день. Покраснѣвшіе глаза, хотя нѣсколько разъ промытые свѣжею водою, доказывали, что она долго и горько плакала.

Даже приходъ Дальберга, котораго Депрѣ наканунѣ пригласилъ въ обѣду, едва-едва вызвалъ улыбку на поблѣднѣвшихъ губахъ. Самъ Генри былъ далеко не спокоенъ и хотя притворился веселымъ, однако жъ плохо скрывалъ какую-то заботу. Безъ простодушной веселости старика Депрѣ обѣдъ походилъ бы на похоронный. Депрѣ одинъ придавалъ нѣсколько жизни и дѣянія молчаливому обществу. Онъ впрочемъ приписывалъ это безмолвіе самосозерцацію счастливой любви и важнымъ размышленіямъ по поводу близкаго вступленія въ бракъ, потому что Генри уже формально просилъ Клариной руки.

Послѣ обѣда сѣли за вѣчный бостонъ. Наступала ночь. Генри, казалось, ободрился и Клара стала дышать свободнѣе.

Вдругъ, въ десять часовъ, дверь съ шумомъ отворилась, вошелъ рослый лакей въ ливреѣ, которую Дальбергъ тотчасъ узналъ, пошелъ къ Дебрѣ съ коробочкою и съ письмомъ въ рукахъ и звонкимъ голосомъ сказалъ:

— Приказано отдать господину Дебрѣ, въ собственныя руки, отъ мадамъзель Амьны де-Бовильѣ.

— Демонъ побѣждаетъ! вздохнула Клара и, поблѣднѣвъ, опрокинула голову на спинку кресла.

Лакей, безпристрастный посреди всеобщаго остолебнѣнія, съ напряженною вытяжкой подошелъ прямо къ Дебрѣ, который отдѣлился отъ группы. Любовь у него былъ въ поту, мутные глаза и красное лицо доказывали, что молодецъ совершилъ обильныя возліянія, однако жъ онъ не шатался и его почтительно наглое положеніе не утрачивало своей правильности.

— Мадамъзель Амьна де-Бовильѣ? повторилъ Дебрѣ, стараясь, во видимому, собрать свои воспоминанія: чего она можетъ желать отъ меня? Я въ первый разъ слышу это имя.

— Между-тѣмъ, оно довольно извѣстно въ Парижѣ, замѣтилъ лакей съ самодовольною улыбкой.

Въ этотъ короткій промежутокъ времени Дальбергъ нѣсколько разъ мѣнялъ цвѣтъ лица и черты его выражали величайшее безпокойство.

Клара, неподвижная и холодная какъ статуя, казалось уже не принадлежала этому міру.

Въ нерѣшимости между коробочкой и письмомъ Дебрѣ нѣсколько колебался и наконецъ рѣшился напередъ распечатать письмо.

Едва онъ прочиталъ нѣсколько словъ, изумленіе его превратилось въ живѣйшее негодованіе. Онъ бросилъ строгій взглядъ на дочь и потомъ, тѣми же глазами, выразилъ Дальбергу самое убійственное презрѣніе.

Письмо было такого содержанія:

«Милостивый государь,

- У васъ есть очаровательная дочь, которой единственныи педо-
- статокъ состоитъ въ тароватости на свое изображеніе. Въ прила-
- гаемой коробочкѣ вы найдете портретъ, которому слѣдовало висѣть
- на груди Дальберга. Отдайте его отъ меня мадамъзель Клара, что-
- бы она могла снова повѣсить его туда, откуда я его сняла.
- Этотъ ничтожный случай, я надѣюсь, не разрознитъ пары,
- столь очевидно созданной, нато чтобы понимать другъ друга.

«Примите, милостивый государь, увѣреніе въ почтеніи, съ которыми нѣмѣю честь быть вашею покорнѣйшею слугою,

«*Анна де-Бовилье*, бывшая актриса.»

Не вѣря еще такой дерзости и предпологая какую-нибудь мистификацію, Дебрѣ судорожно отстегнулъ кручки коробочки и..... убѣдился въ правдивости сказаннаго въ запискѣ.

Портретъ его дочери, въ дѣвственной свѣжести своей, дѣйствительно улыбался на аломъ бархатѣ, которымъ была выложена коробочка.

— Господа, отрывисто сказалъ бывший нотаріусъ: вы мои старинные друзья..... я могу поступать съ вами откровенно.... Послѣ я вамъ все скажу, но теперь.... нужно разобрать все это безъ свидѣтелей!.... Прийдите завтра: я буду поспокойнѣе.... сегодня я не могу отвѣчать за значеніе моихъ словъ.... Вы, Дальбергъ, оставайтесь.

Смущенные и удивленные друзья нотаріуса пошли разбирать шкатулки, напрасно стараясь догадаться, что такое заключается въ письмѣ и въ коробочкѣ,—что могло до такой степени раздражать человека, который всегда отличался удивительнымъ спокойствіемъ и кротостью?

Они тихо и церемоніально вышли.

Лакей проводилъ ихъ глазами до послѣдняго, потомъ подошелъ къ Дебрѣ и спросилъ:

— Будетъ отвѣтъ, сударь?

Старикъ, не говоря ни слова, указалъ на дверь такъ повелительно и съ такимъ гнѣвомъ, что лакей, несмотря на свою дерзость и огромный ростъ, быстро повернулся и выскочилъ за дверь, чтобы не вылетѣть въ окно.

Дебрѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, вѣроятно, для того чтобы дать бурнымъ волнамъ въ крови время улетучиться. Потомъ, успокоившись нѣсколько, онъ безмолвно подалъ коробку дочери, а письмо Дальбергу.

— Клара, сказалъ онъ, помолчавъ: я не стану дѣлать тебѣ упрековъ, хотя дѣвушка не должна даже жениху дарить подобныхъ вещей и нарочно наклепать себѣ опасностей.... какъ видишь. Твой проступокъ нѣсколько извинителенъ, потому что происходитъ отъ благородной души.... Ты повѣрила данному слову, положила на святость любви.... Ступай въ свою комнату, я не сержусь на тебя: я сожалею о тебѣ. А вы, Дальбергъ, вы не посовѣстались предать этотъ портретъ и нѣмѣю невинной дѣ-

вухи въ нечистыя руки продажныхъ прелестницъ и послѣ этого, конечно, чувствуете, что между нами уже не можетъ-быть ничего общаго. Я надѣюсь, что вы избавите насъ отъ своихъ посѣщеній.

Напрасно Дальбергъ старался объяснитья: Дебрѣ остановилъ его на первыхъ словахъ и сказалъ:

— Не унижайте себя бесполезною ложью. Оправдайте ваше поведеніе по-крайней-мѣрѣ смѣлостью.... Признаюсь, я не ожидалъ этого отъ васъ!

И онъ оставилъ Дальберга одного въ гостиной.

Бѣдный молодой человекъ съ отчаяніемъ вышелъ изъ дому, въ которомъ недавно еще заключалось все счастье его будущности.

Вышедши на улицу, онъ остановился и сталъ смотрѣть на освѣщенное окно Клары съ тоскою, съ уныніемъ, какъ Адамъ, изгнанный изъ земнаго рая. Простоявъ такимъ образомъ, онъ пошелъ на другой берегъ Сены, обдумывая, какъ бы отомстить Аминѣ и тому, кто открылъ ей имя и мѣсто жительства Клары, и посылая къ чертямъ упрямаго старика Дебрѣ, который не хотѣлъ выслушать его оправданій. Не трудно представить себѣ его раздраженіе: онъ обожалъ свою кузину и сердце у него золотое, несмотря на всѣ львинныя выходки, исполненныя большею частію только на словахъ.

Долговязый лакей, у котораго голова все болѣе и болѣе отуманивалась отъ впитыхъ паровъ, употреблялъ невѣроятныя усилія, чтобы добраться до улицы Жуберъ и отдать своей барынѣ отчетъ въ исполненіи порученія.

Жоржъ, надобно признаться, былъ изъ отличныхъ пьяницъ: онъ могъ перенести изрядное количество питія безъ видимыхъ признаковъ, но на этотъ разъ и онъ спотыкался и хватался за стѣны, особенно на обратномъ пути.

Вышедши изъ дому, съ коробочкой и письмомъ, онъ встрѣтилъ кучера и лакея Флорансы. Это событіе стѣбло того, чтобы его отпраздновать въ некоторомъ возмѣяніемъ. Зашли въ кабакъ. Бутылки послѣдовали за бутылками, красное вино за бѣлымъ, ромъ за виномъ, водка за ромомъ.... три молодца все продолжали пить. Слуги Флорансы не уставали подчивать и платить. Жоржъ объявлялъ, что они друзья несравненныя, и когда вставалъ, чтобы идти, появленіе новой бутылки каждый разъ принуждало его снова сѣсть. Это насиліе было сладостно сердцу Жоржа, одна-

но жъ его угощали такъ щедро, что онъ наконецъ сталъ подозрѣвать, не хотятъ ли опонть его. Такое намѣреніе показалось ему мелочнымъ, жалкимъ и доказывало, что несравненные приятели не знаютъ настоящей цѣны своему гостю. Однако жъ онъ сталъ остерегаться и принудилъ товарищей отвѣчать ему въ точной мѣрѣ на каждый стаканъ стаканомъ. А чтобы не случилось чего-нибудь съ коробочкой и запиской, онъ положилъ ихъ въ боковой карманъ и застегнулся до верху.

Черезъ два часа кучеръ и лакей спали, одинъ на столѣ, другой подъ столомъ, а Жоржъ, благодаря крѣпости своей головы, могъ исполнить порученіе торжественно и явиться въ гостиной Жерре, какъ вы видѣли.

Людей Флорансы отнесли домой замертво.

Для полноты исторіи этого вечера нужно еще замѣтить, что шарманщикъ, по обыкновенію, сыгралъ свою серенаду подъ окномъ Клары и нѣсколько мѣдныхъ монеть, завернутыхъ въ бумажку, также по обыкновенію ушали къ его ногамъ.

Къ кому относились эти бѣлыя письма? О чемъ въ нихъ шло дѣло, когда самыя печальныя происшествія, самыя глубокія огорченія, не могли даже на время прервать таинственныхъ сношеній? Какъ и для чего эти сношенія установлены? Клара писала не къ Дальбергу, это ясно. Письма къ роднымъ или къ подругамъ не требуютъ такой тайны. Предположить другаго любовника тоже нельзя: для этого стоило только одинъ разъ видѣть Клару подлѣ Герриха.

Но существа самыя прозрачныя имѣютъ свои темныя уголки, ноны самыя ясныя—свои непонятныя мѣста.

— Какая у васъ сегодня могильная «визіонія!» сказалъ Рудольфъ, встрѣтившись съ Дальбергомъ подъ газовымъ рожкомъ на Итальянскомъ Бульварѣ, курящаго давно потухшую сигару: вотъ! все вы таковы, молодежь! Слѣдуетъ наслаждаться жизнью, а не убивать себя. Вы пьете безъ метода, кушаете безъ философіи, смѣшиваете излишества, которыя по природѣ своей несогласны. Откуда вы теперь?

— Я ни мало не погрѣшилъ противъ гигиены, отвѣчалъ Геррихъ, хотя лицо у меня теперь, можетъ-быть, и не похоже на мое.

— Вы проиграли?... Вы не довольны хладнокровны за картами.

— Я въ карты не игралъ.

— Тамъ спекуляція какая-нибудь не удалась?

— Нѣтъ, а еще не пускался въ спекуляціи....

— Такъ какое-нибудь сердечное [огорченіе.... любовное отчаяніе.... какая-нибудь хорошенькая тигрица изволить тѣшиться и водить острыми коготками по вашему сердцу?

— Полноте шутить, Рудольфъ; я дѣйствительно огорченъ... Черныя мысли навели тоску страшную.... жизнь мнѣ въ тягость.

— О! чортъ возьми! ужъ вы не въ романтическіе ли поэты записались? Ваши жалобы пахнутъ элегіей на четверть милы въ окружности.

— Вы жестоки, Рудольфъ. Оставьте ваши насмѣшки на нѣсколько минутъ.

— Извольте, извольте. Видите, я степенецъ, какъ только можно быть степеннымъ. Если у васъ истинное горе, я сострадаю отъ души. Въ чемъ дѣло?

— Вы не насмѣтаетесь надо мной? спросилъ Дальбергъ съ сомнѣніемъ.

— Ни чуть. Говорите, въ чемъ дѣло.

— Амина съиграла со мной подлую штуку....

— Неужели? Я полагалъ, она расположена къ вамъ особенно милостиво.

— Вы знаете, что она, въ тотъ вечеръ, украла у меня портретъ, когда я спалъ. Этотъ портретъ она послала къ отцу подлинника съ письмомъ самымъ сквернымъ, какое только можно вообразить.

— А этотъ отецъ, разумѣется, вывелъ изъ него невыгодное заключеніе о вашей нравственности и указалъ вамъ дверь своего патриархальнаго жилища?

— Кто могъ сказать этой бѣшеной твари имя Клары и адресъ Деспрё?

— Удивительная трудность! У васъ рѣдкостное простодушіе, любезнѣйшій Дальбергъ. Я удивляюсь вамъ. Со дня скачки Амина питаетъ къ вамъ явное предвочтеніе. За столомъ она дѣлала вамъ нештовые глазки, несмотря на прохладительное присутствіе Демарси. Вы отвѣчали довольно лѣжливо. Портретъ доказалъ, что вы влюблены. Стояло только два или три дня послѣдять за вами, послать какого-нибудь уличнаго мальчишку, чтобы узнать, что вы очень часто бываете въ улицѣ Аббатства, а въ этой улицѣ, не въ укоръ ей сказать, могутъ найтись болтливые дворники, у которыхъ можно почерпнуть самыя подробныя свѣденія. Это, кажется, прозрачно какъ киршвассеръ. Никто не измѣнилъ вамъ кровъ васъ самихъ.

Рудольфово объясненіе было такъ правдоподобно, что смутныя подозрѣнія, которыя на минуту запали-было въ душу Дальберга, тотчасъ же сами собой уничтожились.

— Амниа, вѣрно, давала портретъ на выкупъ на безсовѣстныхъ условіяхъ?

— Нельзя сказать, чтобы слишкомъ.... Но я былъ околдованъ, я боялся признаться; мнѣ казалось преступленіемъ....

— Вы опростоволохились, вы въ модномъ пальтѣ сыграли роль Иосифа прекраснаго?

— Да, почти.

— Ну, въ такомъ случаѣ Амниа, права: она мститъ вамъ за пренебреженіе. Это новое доказательство любви. Если бы посоветовались со мною, я не позволилъ бы вамъ сдѣлать такую глупость. Женское самолюбіе неумолимо.

— Депрѣ отказавъ мнѣ отъ дому, Клара не увидитъ меня!

— И все это, за то что вы спали на кушеткѣ, вмѣсто того чтобы танцевать, какъ слѣдовало.

— Вамъ смѣшно, а я несчастелъ.

— Кто жъ виноватъ?... Для чего было тавтаться съ вещью, которой въ мірѣ нѣтъ естественнаго? Вы ухаживали за дѣвушкой съ «честнымъ намѣреніемъ», какъ говорятъ кухарки. Чтѣ жъ за беда? Если вы при ясномъ солнечномъ свѣтѣ дѣлаете иногда вещи не совсѣмъ нравственныя, на кой же чортъ прятаться, когда поступаете совершенно добродѣтельно? Если бы вы сказали, что вы женихъ, всякой бы, конечно, уважилъ вашу скромность. Женщины приберегли бы свои томные взгляды и пѣжныя улыбки для другихъ смертныхъ, ничѣмъ не связанныхъ; Амниа обратилась бы съ своимъ благорасположеніемъ въ другую сторону и ничего бы такого не случилось. Человѣку почти женатому не слѣдовало и прикидываться вольнымъ холостякомъ.

Дальбергъ почувствовалъ справедливость этого разсужденія и повѣсилъ голову.

— Ну, полноте же, не отчаявайтесь! продолжалъ Рудольфъ. Успѣете еще жениться.... Найдете другую партію. Это такое средство, которое нужно приберечь къ тому времени, когда проживетесь.

— Клара не можетъ быть замѣнена мнѣ.

— Объ этомъ я съ вами спорить не стану. Но позвольте вамъ замѣтить, что Амниа, не считая, разумѣется, добродѣтели, по крайней-мѣрѣ столько же хороша какъ и Клара, а Флоранса —

даже по-красивѣе. Вѣдь и та тоже видятъ васъ за три милн, какъ сказалъ бы Мольеровскій маркизъ Тюрлюпонтъ. У васъ есть, чѣмъ утѣшиться.

— Хорошо утѣшеніе!

— Ну, ужъ велико и несчастіе! Вы только не будете обязаны возвращаться къ девяти часамъ вечера домой и отдавать отчетъ въ числѣ листовъ вашей почтовой бумаги; у васъ, въ сорокъ лѣтъ, не будетъ долгоязыкихъ бородатыхъ повѣсь, которые звали бы васъ папенькой, какъ шестидесяти-лѣтняго старика; это случится съ вами десятью годами позже. За то вы можете порхать отъ блѣдуры къ черноглазой и направлять свой лорнетъ въ театръ на всѣ ложи, не опасаясь, что вамъ до снѣга ущиплеть руку.

Въ другое время эти насмѣшливыя утѣшенія возбудили бы у Дальберга тщеславіе и опасеніе показаться смѣшнымъ; онъ переломилъ бы себя, чтобы посмѣяться надъ забавною картиной, которую начертилъ Рудольфъ, и даже самъ постарался бы прибавить черту-другую, но въ эту минуту истинное и глубокое огорченіе уничтожало всякое щегольство и хвастовство. Разрывъ съ прекрасною дѣвушкой, которую любилъ съ дѣтства, терзалъ его душу. Рудольфъ увидѣлъ, что нужно переимѣнить тонъ, и выпыталъ у простодушнаго Дальберга всѣ подробности относительно характера Клары и Дебрѣ.

Когда уже пошло на откровенность, Генри отъ начала до конца разсказалъ исторію своей любви, въ которой Рудольфъ принималъ, по-видимому, очень живое участіе. Молодой человѣкъ развернулъ передъ знаменитымъ волокнотой стыдливую и таинственную поэму первой любви. Рудольфъ изумился невѣдомымъ сокровищамъ, огромнымъ богатствамъ, которыхъ существованія въ дѣйствительности даже не подозрѣвалъ. Дальбергъ совершенно поработилъ его истиннымъ и естественнымъ краснорѣчіемъ, которое было живымъ ключомъ прямо изъ сердца. Никогда Рудольфъ даже во снѣ не видалъ подобнаго эдема, подобнаго волшебнаго царства и ослѣпительныхъ картинъ чистой любви.

Пресыщенный снѣстолюбецъ увидѣлъ, что вовсе еще не жилъ и никогда не знавалъ, что такое — наслажденіе. Онъ видѣлъ только призраки женщинъ и тѣнь любви и ему стало грустно, беспорядочныя строфы гимна истинной страсти навѣали ему тоску. Онъ позавидовалъ Дальбергу, какъ внухъ завидуешь султану, критикъ поэту, старуха дѣвушкѣ и внщій богачу.

— Какъ это случилось, говорилъ себѣ Рудольфъ, что самыя очаровательныя головки, самыя чудесныя станы проходили мимо глазъ моихъ, въ лилвѣ брильянтовъ, золота и цвѣтовъ, и никогда не производили на меня такого впечатлѣнія?... Если такъ, скажи мнѣ потомъ Дальбергу, если вы не можете разстаться съ Кларой, я схожу къ Дебрѣ, который, судя по вашимъ рассказамъ, не звѣрь, и расскажу ему дѣло, какъ было. На подробности накинута газовый воаль, чтобы его едвые волосы не покраснѣли, и можетъ-быть, еще все уладится лучше нежели вы думаете. Теперь около двухъ часовъ. Мы съ вами двѣсти разъ пробѣжали пространство отъ Парижскаго Кафѣ до улицы Монбланъ, а я не влюбленный и нѣсколько часовъ горизонтальнаго положенія мнѣ не повредить.

Дебрѣ, вскорѣ по уходѣ Дальберга, опасаясь за здоровье дочери, вошелъ въ комнату къ Кларѣ. Она была спокойна, хотя и блѣдна, и сидѣла устремивъ глаза на букетъ васильковъ и ржаныхъ колосьевъ, — картинку съ закрытою подписью, о которой мы уже упоминали.

— Не огорчайся слишкомъ, бѣдная моя малютка, ласково сказалъ Дебрѣ, взявъ дочь за руку: постарайся забыть объ немъ.

— Я никогда не забуду, никогда ни за кого не выйду замужъ Генриха, отвѣчала Клара съ твердостью, устремивъ на отца свои большіе голубые глаза.

— Дитя мое, я не мелодраматическій отецъ какой нибудь. Я не заключу тебя въ монастырь и вовсе не намѣренъ употребить насильственныхъ мѣръ противъ тебя, но поведеніе Дальберга — поведеніе негодая. Онъ недостойнъ тебя.

— Итъ, паненъца; Генрихъ никогда не переставалъ быть достойнымъ вашей дочери. Я вѣрю его любви, какъ вѣрю въ Бога. Если бы онъ не любилъ меня, я почувствовала бы, — въ душѣ моей нѣчто порвалось бы, — я знаю, что онъ любитъ меня.

Лицо дѣвушки сіяло отъ выраженія чистѣйшей довѣренности.

— А медальонъ?....

— Медальонъ или потерянъ или его украли.

— Какое ослѣпленіе! Кажется, смущеніе Дальберга достаточно уже обвиняло его. Какъ можно спорить противъ такой очевидности....

— Паненъца, я не ослушаюсь васъ ни въ чемъ. Вы сейчасъ запретили мнѣ видѣться съ Генрихомъ, я повинуюсь вашей волѣ; вы говорите, что онъ виноватъ, а я увѣрена въ противномъ. Вы сами же находили его въ теченіи десяти лѣтъ чистымъ, честнымъ

и правдивымъ; онъ и до-сихъ-поръ таковъ же и вы скоро вернетесь къ прежнему своему мѣнью. Я ничего не знаю изъ жизни кромѣ моей любви; у меня нѣтъ опытности, но зато у меня есть вѣрованіе.

— Милое дитя мое, я очень желалъ бы раздѣлить твое заблужденіе, но вы, дѣвушки, живущія въ вашихъ бѣленькихъ каморкахъ и видящія жениха только съ букетомъ въ рукѣ, завнтаго, причесаннаго, — вы составляете себѣ странныя понятія о жизни и людяхъ: вы полагаете, что все на свѣтѣ отливаецъ розовымъ и небесно-голубымъ цвѣтомъ, что волки никогда не заходятъ въ овчарню. Увы! милая моя, идеалы слишкомъ часто лгутъ. Если бы ты знала все, что Дальбергъ дѣлаецъ въ Парижѣ; если бы ты могла пойти по его слѣдамъ, надѣвъ шапочку-невидимку, ты можеть-быть скорѣе меня перемѣнила бы свое мнѣніе.

При этихъ словахъ старика на губахъ дѣвушки мелькнула чуть приметная улыбка, въ которой было какъ-будто что-то насмѣшливое. Но улыбка исчезла быстрѣе молніи.

— Ты очень хорошо понимаешь, продолжалъ старикъ, поцѣловавъ дочь въ лобъ, что я простилъ бы молодому человѣку все, дуали, долги, какія угодно глупости, но не могу простить пошленія, какому онъ предалъ портретъ моей дочери.

Сказавъ это, старикъ взялъ свою свѣчу и ушелъ проклиная въ душѣ Дальберга и въ особенности мадмоазель Амину де-Бовилье.

Какъ ни велико было горе Дальберга въ первую минуту поражения, но оно еще увеличивалось съ каждымъ днемъ въ разлукѣ съ Кларой. Онъ лишился часу, который ежедневно проводилъ подлѣ вышиванья дѣвушки, мѣнявшей съ нимъ десятка два словъ, и это произвело въ его душѣ ни чѣмъ непополнимую пустоту: жизнь его уже не вмѣла цѣлп. Ждать минуты свиданія съ Кларой, мечтать и вспоминать объ ней, когда она проходила, — въ этомъ дотолѣ состояло его занятіе. Теперь онъ чувствовалъ себя какъ-будто лишеннымъ мѣста и страшно скучалъ безъ дѣла, вокругъ него какъ-будто образовалась огромная пустыня, въ которой все вымерло и солнце — не красное, а черное.

Дальбергъ заглушилъ свою гордость, потому что истинная любовь смиренна, и употребилъ всѣ возможные средства, чтобы извиниться передъ Денрѣ и умилостивить его, но все напрасно: письма его остались безъ отвѣту, хотя заключали въ себѣ самыя убѣдительныя и самыя ясныя оправданія; третьи лица, отправленные парламентарями въ видахъ миролюбія, также ни въ чемъ не успѣли: Денрѣ ничего слышать не хотѣлъ. Это былъ одинъ

изъ тѣхъ людей, очень смиренныхъ и очень упрямыхъ, которые, если рѣшится на что-нибудь, то ужъ ничѣмъ ихъ не переломить: держатся удивительно стойко, вѣроятно, именно по рѣдкости случая. Къ-тому же Дальбергъ затронулъ самую чувствительную сторону старика, — оскорбилъ дочь его. Депрѣ такъ безусловно довѣрялъ честиности Дальберга, что и негодованію его на измѣну не было предѣловъ. Сверхъ всего этого онъ, какъ и всѣ слабые люди, боялся обнаружить недостатокъ характера и оттого упрямялся еще больше.

Надобно сказать также, что онъ подъ рукою навелъ кое-какія справки, которыхъ результатъ не могъ быть очень благоприятенъ Дальбергу. Депрѣ узналъ, что женухъ его дочери довольно часто посѣщалъ кулисы, игралъ, пилъ и проводилъ вечера и цѣлые дни въ обществѣ порядочно вольнодумномъ въ отношеніи къ нравственности. Все это ставило молодого человѣка въ весьма невыгодномъ свѣтѣ передъ бывшимъ нотаріусомъ и Депрѣ уже почиталъ себя счастливымъ, что произведенный Амниоу скандалъ во время разстроилъ свадьбу.

— Кто бы это подумалъ, судя по честному лицу, по скромному обращенію, по кроткому и умѣренному тону? говорилъ Депрѣ: вѣдь посмотрѣть на него, такъ дѣвушка переодѣтая! Тонкая, стало быть, штука этотъ Дальбергъ: къ разврату онъ еще присоединяетъ лицемеріе. Онъ мѣтилъ въ приданое, какъ въ средство платить за наряды своихъ любовницъ. Хорошъ расчетъ! Если онъ осмѣлится еще разъ посягнуть сюда, я его отдѣлаю!

Рудольфъ, показывая состраданіе къ горю Дальберга, отправился къ Депрѣ, хлопотать по дѣлу своего друга, и дѣйствительно хлопоталъ, но такъ, что еще болѣе утвердилъ старика въ его мнѣніи.

Генрихъ, по словамъ Рудольфа, не совершилъ собственно ни какого важнаго преступленія: онъ малый любезный, веселый товарищъ, немножко играетъ, любитъ лошадей и женщинъ, — все это вещи очень натуральныя въ его лѣта. Чтò касается до медальона, это — больше безразсудство чѣмъ низость: бѣда случилась послѣ ужина, въ гостиницѣ, съ нѣкоторыми дамами. Не трудно было забыть о медальонѣ, потому что всѣ подпили немножко болѣе обыкновеннаго и Генрихъ тоже. Сверхъ того онъ, вѣроятно, возбуждалъ ревность Амни, женщины очень вспыльчивой, которая полагаетъ имѣть права на его сердце. Все это не

стоять такой тревоги и мосьё Деспрё являл себя одиноким суровым паненкой.

Подобныя извиненія, конечно, не могли убѣдить бывшаго нотаріуса: онъ продолжалъ смотрѣть на Дальберга, какъ на человѣка недостойнаго.

По этому Рудольфъ, отдавая другу отчетъ въ своей попыткѣ, очень основательно говорилъ, что старика не скоро можно будетъ уломать, хотя и есть надежда, и что нужно будетъ нѣсколько разъ повторить увѣщанія, чтобы унижостивить его и уничтожить вкоренившіяся предубѣжденія.

Такимъ образомъ Рудольфъ устроилъ себѣ возможность часто бывать у Деспрё, ни сколько не возбуждая подозрѣній у Дальберга.

Если бы вы увидѣли Рудольфа въ улицѣ Аббатства, вы не узнали бы его: онъ для этихъ случаевъ и лицо себѣ устроивалъ приличное обстоятельствомъ. Левъ, утонченный, исчезалъ совершенно; закрученные усы теряли свое звѣрство; лстребный взглядъ потухалъ; спокойствіе, исполненное простодушія, усыпляло лицо, обыкновенно подергиваемое первыми корчами; сапоги попросторѣе, перчатки не советѣмъ натянуты, одежда безъ претензій и простая трость придавали Рудольфу тотъ степенный видъ, который заставляетъ родственниковъ говорить: «Вотъ и видно тотчасъ, что человѣкъ порядочный, надежный!»

Рудольфъ разговаривалъ съ Деспрё о политической экономіи и обо всѣхъ важныхъ предметахъ, безъ педантизма и со знаніемъ дѣла. Бывшій нотаріусъ нашелъ въ немъ образованіе и основательный практическій образъ мыслей. Онъ удивился только, какъ человѣкъ такой зрѣлый и разсудительный могъ находить удовольствіе въ обществѣ взбалмошной молодежи, на что баронъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ много родныхъ и что, будучи лишень семейныхъ радостей, онъ долженъ же гдѣ-нибудь искать развлеченія. И нотаріусъ согласился. Чтобы окончательно приобрести благорасположеніе старика, Рудольфъ указалъ ему нѣсколько предпріятій, въ которыхъ тотъ нашелъ значительную выгоду. Съ-тѣхъ поръ Рудольфъ сталъ необыкновенно возвышаться въ мнѣніи бывшаго нотаріуса, такъ что тотъ сталъ всё осылки дѣлать на него и почти клялся его именемъ.

Деспрё подобно многимъ добродѣтельнымъ людямъ гораздо болѣе ужасался того, чего стѣютъ пороки, чѣмъ самыхъ вороковъ. Сынки, которые бы всегда выигрывали въ картахъ и на скачкахъ и которыхъ любовницы приносили бы не расходъ, а доходъ,

слышали бы милость у многихъ изъ самыхъ строгихъ отцовъ и самыхъ свирѣпыхъ дядей.

Почти таково было и положеніе Рудольфа. Въ жизни его замѣтно было ни какой явной безпорядочности, ни вопиющихъ долговъ, ни гласныхъ связей, ни позорныхъ дуелей, ничего такого, что бы могло обратить на себя вниманіе. Притомъ, съ нѣкотораго времени его уже менѣе видали за кулисами, въ клубъ и въ Парижскомъ Кафѣ. Онъ начиналъ остепеняться и оправдывалъ это тѣмъ, что нѣкоторыхъ глупостей уже не должно себѣ позволять, когда пойдешь за тридцать лѣтъ.

Клара, со времени разговора съ отцомъ, когда такъ рѣшительно объявила, что считаетъ Дальберга невпущимъ и не намерена выйти ни за кого другаго, казалось, совершенно забыла о томъ, что случилось. Она ни разу не произнесла имени Генриха, хотя Дебрѣ, любившій поспорить, довольно часто подавалъ ей къ тому поводъ разными болѣе или менѣе ясными намеками: она хранила упорное молчаніе.

Щекоколебимая рѣшимость придавала ея фюзіоніи нѣчто величественное и грустно свѣтлое, такое, что поразило бы и самый неопытный глазъ. Изъ хорошенкой она стала красавицей: скорбь облагородила ее. Розовая блѣдность заступила на ея щекахъ мѣсто яркаго румянца павсіонерки. Губы, прежде алымъ какъ гранатъ, походили на розовый лепестокъ, упавшій на бѣлый мраморъ. Она нѣсколько похудѣла и тонкія руки съ просвѣчающими лазуревыми жилками доказывали нравственное страданіе, сдерживаемое волей.

Впрочемъ, она была такъ кротка и покорна, что тихая тоска ея водворала сердце старшаго Дебрѣ гораздо больше слезъ и жалобъ: онъ не могъ не сострадать къ ней, хотя и называлъ романтическимъ дѣвчьиимъ упрямствомъ вѣрность ея такому негодю, какъ Дальбергъ.

Клара никогда не говорила о Дальбергѣ, потому что всегда думала объ немъ. Но вечеромъ, особенно около того времени, когда бывало, приходилъ Дальбергъ, ею овладѣвало глубокое уныніе: минуты прежде такія счастливыя заключали въ себѣ удвоенную горечь. Клара не плакала, но глаза ея плавали въ блестящей влагѣ.

Замѣчительно и даже, можетъ-быть, странно то, что Клара, по-видимому, не избѣгала встрѣчи съ Рудольфомъ: она не уходила, когда онъ являлся, какъ дѣлала при многихъ другихъ присутствіяхъ. Она, казалось, внимательно слушала разговоры ба-

рона съ ея отцомъ. Быть-можетъ, она видѣла въ Рудольфѣ Дальбергова друга; надѣялась, что онъ будетъ говорить въ пользу его и заставить старика отказаться отъ предубѣжденій, или, быть-можетъ, блестящая рѣчь барона доставляла ей минутное развлеченіе въ тоскѣ, — рѣшить это мы не беремъ.

При ней, баронъ, оставляя нѣсколько грузные предметы, которые обыкновенно разбиралъ съ бывшимъ нотаріусомъ, развертывалъ всѣ средства своего ума, которыхъ у него было довольно много, природныхъ и приобретенныхъ, и безъ особенно примѣтной любезности всегда находилъ случай сказать дѣвушкѣ что-нибудь пріятное.

Иногда, когда Клара отворачивалась и когда Депрѣ пространно развивалъ какую-нибудь эконолическую тему, баронъ бросалъ на дѣвушку бѣглый огненный взглядъ, странно противоположный съ мертвенною бѣлизной его лица.

Взглядъ этотъ былъ не изученный, потому что никому не слѣдовало видѣть его. Онъ выражалъ истинныя чувствованія, волновавшія душу Рудольфа, и никогда еще глазъ двадцати-лѣтняго школьника не металъ луча, болѣе заряженнаго магнитическимъ огнемъ, болѣе прыщущаго страстью чѣмъ взглядъ сообщника Амвны: самая пламенная страсть сіяла въ немъ фосфорическимъ блескомъ и должно сказать, что пятьсотъ тысячъ приданнаго не принимали ни какого участія въ этомъ взглядѣ, безкорыстномъ какъ истинная любовь.

Со времени ночной прогулки съ Дальбергомъ по бульвару, въ Рудольфѣ произошелъ совершенный переворотъ: признанія молодого человѣка открыли ему новый міръ, волшебное царство, въ которомъ онъ никогда еще не бывалъ. Во всю свою жизнь, посвященную отыскиванію счастья, онъ не находилъ ничего кромѣ наслажденій, и то рѣдко. Дальбергъ былъ счастливѣе его: онъ съ-разу нашелъ глубокое, пропитательное, горькое, мучительное и вмѣстѣ сладостное чувствованіе, которое составляетъ мечту всѣхъ Донъ-Жуановъ и котораго римскіе сластолюбцы отыскивали со всею бесплвною яростью своихъ чудовищныхъ прхотей.

Онъ прпстальнѣе сталъ вглядываться въ Клару, на которую сначала смотрѣлъ только какъ на представительницу извѣстнаго количества банксовыхъ билетовъ, и убѣдился въ той истинѣ, что прямая складка самаго простаго платья на скромной, невинной дѣвушкѣ заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе увлекательнаго обольщенія и могущественнаго возбужденія, чѣмъ самыя вольныя на-

рады кокетокъ. Отъ малѣйшаго шороху этого платья, изъ подъ котораго едва выглядывалъ носокъ ножки, вся кровь у него приливала къ сердцу; корсажъ, скромно прикрытый наглухо застегнутымъ воротничкомъ, жегъ его, сводилъ съ ума... его, который прежде очень хладнокровно курилъ сигару и толкуя о лошадяхъ, ласкалъ рукою самую атласистую плечу въ Парижѣ. Онъ почиталъ себя закаленнымъ, бронзовымъ, невозмутимымъ, а между тѣмъ былъ побѣжденъ безъ бою: какъ искусный генералъ онъ до сраженія почувствовалъ поражение и призналъ, что борьба будетъ бесполезная. Имъ овладѣло стремленіе къ невинности, какъ это наконецъ случается съ людьми, которые все уже испытали. Онъ жаждалъ стыдливости и чистоты; добродѣтель была единственною утопчениостью, которой онъ еще не отвѣдалъ. Будучи еще довольно молодъ, онъ подвергся уже снѣдающей стариковской страсти къ молоденькимъ дѣвушкамъ. Не обладая самъ ни вѣрою, ни мечтами, ни свѣжестью души, ни красотою тѣла, онъ хотѣлъ имѣть все это въ лицѣ Клары. Онъ забывалъ только одно, — любовь ея къ Дальбергу, любовь, которую надѣялся уничтожить мало-по-малу, совершенно полагаясь на свою ловкость.

Онъ обманывался. Это ошибка всѣхъ очень искусныхъ людей, слишкомъ склонныхъ пренебрегать простодушными противниками, какъ будто простодушіе не составляетъ иногда самаго утопченнаго плутовства, особенно въ любви. Человѣкъ самый тонкій, самый опытный въ интригахъ можетъ быть побѣжденъ мальчикомъ глупымъ, но любимымъ.

Рудольфъ, вступившій въ домъ Депрё какъ искатель приданнаго, уже не помышлялъ объ этомъ. Клара могла бы разорваться въ конецъ, онъ не встревожился бы ни на минуту.

А что между тѣмъ дѣлала Амипа? Она благоразумно разсчитала, что нужно было дать время уходить первой ярости Дальберга и держалась въ сторонѣ, однако жъ не покидала своихъ замысловъ.

Сообразивъ, что Дальбергъ уже достаточно отчаявался, она рѣшилась на смѣлый подвигъ.

Однажды Генрихъ, возвратясь домой, нашелъ у себя женщину, сидящую въ креслѣ и прехладнокровно читающую газеты и брошюры. Онъ сначала не узналъ ея, потому что поля шляпки бросали тѣнь на лобъ, а подбородокъ былъ загороженъ книжкой. Только маленькая ботишка, свѣжесть перчатки и гибкая линия стана доказывали, что это женщина молодая и хорошеющая.

На мгновеніе въ умѣ Дальберга мелькнула довольно негнѣная мысль: онъ вообразилъ, что возлюбленная его Клара, получивъ наконецъ одно изъ его страстныхъ посланій, въ которыхъ онъ уже предлагалъ ей бѣжать съ нимъ на другое полушаріе отъ суровости варвара-отца, рѣшилась и сама пришла къ нему. Онъ уже хотѣлъ вскрикнуть: «Клара! ты здѣсь?» когда незнакомка вдругъ бросила журналъ и обратила къ изумленному лицу, хотя не равное дѣвственной красотѣ Клары, однако жъ столько же очаровательное въ своемъ родѣ.

— Аминна! вскричалъ Дальбергъ отскочивъ на три шага, такъ эта дерзость поразила его.

— Да. Чтѣ жъ тутъ удивительнаго? рѣшительно отвѣчала гостья, облокотясь на поручни кресла.

— Послѣ того, чтѣ вы со мной сдѣлали?

— Какъ у васъ здѣсь хорошо! продолжала Аминна. А! вотъ Діасъ! Какая прелесть!.... Не хотите ли помѣняться? Я вамъ дамъ Делакроа.... амура за тигра?

— Вы, вѣрно, много полагаетесь на вашъ полъ?

— Безъ сомнѣнія, полагаюсь, отвѣчала Аминна, сплиная шаль и бросивъ на диванъ шляпку, мастерское произведеніе, только-что вышедшее изъ волшебныхъ рукъ мадамъ Бодранъ, съ такимъ небреженіемъ, какъ только можетъ торговка бросить свой колпакъ на кучу сѣна.

Она подошла къ Дальбергу во всоружіи.

Солнечный лучъ, проникая въ щель между двумя полами занавѣса, освѣтилъ ее съ головы до ногъ и зашевелилъ тысячи золотыхъ нитокъ въ ея роскошныхъ каштановыхъ волосахъ. Для женщины менѣе свѣжей и болѣе пожилой это была бы предательская помощь, но Аминна еще не боялась яркаго свѣту.

При видѣ этой женщины, вызолоченной солнцемъ,—этой змѣи, облазняющей своею наглою красотой, ослѣпленный Дальбергъ остановился въ нерѣшимости. Негодованіе его на гадкій поступокъ Аминны было столько же живо, но онъ противъ воли поддавался роковому очарованію, отъ котораго не могли защититься самыя холодныя сердца.

— Ну, начинайте же вашу ораторскую рѣчь, сказала Аминна, ударивъ его кончикомъ снѣгой перчатки по губамъ: выи подсказать вамъ? Аминна, негодная, низкая, коварная женщина безъ сердца.... таковы, вѣроятно, знитеты, которыми вамъ угодно будетъ украсить меня.

— Вы причиною несчастія всей моей жизни....

— Это еще не доказано: быть-можетъ, послѣ вы еще поблагодарите меня.

— Вы растерзали сердце бѣдной невинной дѣвушки....

— Она утѣшится, если еще не утѣшилась.

— Зачѣмъ вы послали портретъ?

— Зачѣмъ вы не пришли взять его?

— Вы злая женщина! Развѣ я могъ?

— Неблагодарный! Стало-быть, я внушаю вамъ неодолимое отвращеніе?

— Во всякое другое время ваша записка могла бы осчастливить меня?

— Ну, посудите же и вы о моемъ негодованіи: я видѣла, что мною пренебрегаютъ, что меня презираютъ; я думала, что вы находите меня подурившею; я усомнилась въ моемъ могуществѣ: это была первая моя неудача!

— Мое сердце было занято самою могущественною, самою чистою любовью!

— Въ этомъ-то и состояло мое несчастіе. О! какъ я завидовала любви, которую вамъ внушила другая! какъ я ревновала къ этой Кларѣ! какъ я желала изучить ее изъ-подъ-тишка, чтобы подмѣтить и перенять у нея то, чѣмъ она обворожила васъ! Какъ я сожалѣла о миловидной пеловкости невинности! Если бы вы знали, сколько я старалась придать мощи волосамъ ту дѣвственную мягкость и взглядамъ тотъ скромный свѣтъ, какіе замѣтила на портретѣ! Сколько бѣлыхъ платьевъ я примѣрила, чтобы также имѣть видъ пансіонерки!

Не шутя говорила Амина, или хотѣла насмѣяться надъ доверчивостью Дальберга, этотъ вопросъ трудно рѣшить. Однако жъ ея голосъ, ея взглядъ, ея движеніе, все носило выраженіе истинны!

— Ровность, заставившая меня послать портретъ, послужила мнѣ плохой совѣтницей: она доставила мнѣ только вашу ненависть, прибавила Амина съ искусно утѣреннымъ вздохомъ: если бы я знала, что вы до такой степени влюблены, то, ужъ конечно, не пыталась бы овладѣть сердцемъ, увы! слишкомъ хорошо огражденнымъ.

Мы должны признаться, что Дальберъ, которому Клара впродолженіи шести недѣль не подавала ни какого знака жизни и даже не показывала своей тѣни за сторой, въ эту минуту находилъ Амину уже не такъ чудовищно злою, какъ сначала: вслѣдъ

человѣкъ легко прощаетъ самые черныя поступки, если они только съ которой-нибудь стороны льстятъ его самолюбію.

— Чтò сдѣлано, то сдѣлано, продолжала Амнина: вы, конечно, потеряли уже всякую надежду снова свискать милость мамзель Клары и ея отца. Впрочемъ, Клара вовсе не любила васъ. Употребила ли она хоть малѣйшее стараніе увидѣть васъ? Написала ли она вамъ хоть одно слово? Имѣла ли она хоть малѣйшее состраданіе къ вашему горю? Эти смиренныя дѣвушки чертовски злопамятны и мстительны: она вамъ никогда не проститъ.

Дальбергъ уже нѣсколько разъ повторялъ себѣ почти тоже самое, чтò говорила Амнина. Признавая всю законность негодованія Клары, онъ находилъ однако жъ, что она уже слишкомъ совѣстливо исполняетъ приказанія отца.

— Сколько же времени вы намѣрены прогуливать по городу вашу элегію? Ваши усы худо подстрижены; волосы не завиты, жидеть на васъ двухъ-мѣсячный. Вы носите на себѣ всѣ признаки нравственнаго растлѣнія. Вы уже слишкомъ во зло употребляете право несчастнаго влюбленнаго одѣваться небрежно. Еще недѣля и вы сдѣлаетесь смѣшны, предупреждаю васъ.

Дальбергъ взглянулъ въ зеркало и дѣйствительно нашелъ нѣкоторые недостатки въ изяществѣ своего костюма.

— Клара лучше васъ распорядилась: она уже нашла себѣ утѣшеніе.

— Это невозможно! вскричалъ Дальбергъ.

— Какое у васъ панвное самолюбіе! А я вамъ скажу, что можно даже предвидѣть, кто будетъ преемникомъ вашимъ у этой невинной и мстительной особы. Вы, разумѣется, понимаете, что Депрё не намѣренъ засадить мамзель Клару въ чинѣ старой дѣвки. Вы не единственный женихъ подъ солнцемъ. А коли васъ забыли, забудьте и вы. Вы опять скажете, что я злая женщина, но если хотите отправиться со мной въ оперу, я вамъ, кромѣ новаго балета, покажу зрѣлище, которое испѣлитъ васъ отъ вашей несчастной страсти и разрѣшитъ клятвы вѣрности, которыя вы дали вашей обожаемой.

— Чтò вы хотите сказать? Вы хотите испугать меня?

— Такъ васъ можно испугать? Вы такъ мало довѣряете любви молоденькой честной дѣвушки, воспитанной въ монастырѣ, — дѣвушкѣ, съ которою вы мѣняетесь портретами и локонами волосъ? Вы трепещете съ перваго слова, которое вамъ говорятъ; пугаетесь испытанія; не смѣете подвергнуть это чистое золото

пробѣ, со страху, чтобы оно не оказалось поддѣльнымъ? Пейдите въ оперу?

— Буду, отвѣчаетъ Дальбергъ.

— Ну, хорошо; я переодѣнусь и зайду за вами. Будьте готовы.

Черезъ часъ глумъ Тоби пришелъ сказать, что барыня дожидается въ каретѣ, у подъѣзду.

Нарядъ на Амниѣ былъ удивительно прозрачный. Стройный и гибкій станъ ея былъ облеченъ въ туманъ изъ тарлатану; въ волосахъ фантастическій цвѣтокъ идеально розовый съ зелеными блестящими лепесточками. Она была такъ очаровательна, что Дальбергъ не понималъ уже, какъ могъ быть суровымъ съ такою прелестью. Когда дѣло идетъ о томъ, чтобы довести соперницу до отчаянiя, женщины находятъ дивныя, невѣдомыя красоты, которыя и служатъ имъ только на одинъ такой день.

Едва Дальбергъ усялся подлѣ Амниы, въ бенуарѣ, дверь противоположной логи, въ первомъ ярусѣ, отворилась; вошла дѣвушка и двое мужчинъ, — Клара, ея отецъ и Рудольфъ.

Лицо бѣлаго платья Клары было не такъ высоко какъ обыкновенно и обнаруживало начало ослѣпительно бѣлыхъ плечъ. Но не оставая быть двѣстленнымъ, нарядъ ея принесъ необходимыя жертвы требованiямъ свѣта. Увоенные такимъ образомъ отъ слишкомъ осторожныхъ покрововъ, прекрасныя формы ея бюста обозначились опредѣленнѣе и, разужбета, выиграли. Самая головка какъ-будто волшебнѣ держалась на античной шеѣ, которой лишии нитчѣи не были прерваны кромѣ тонкой какъ волосокъ венеціанской цѣпочки съ брилліантовымъ крестикомъ.

Клара и Дебрѣ сидѣли впереди, Рудольфъ слѣди. Всѣ лорнеты направлены на эту ложу. Всякій спрашивалъ себя или соседа.

— Кто эта прекрасная молодая особа, — такая граціозная и прелестная, — такая важная и смѣлѣ еиромная? Она, кажется, все не подозреваетъ, что составляетъ цѣль всѣхъ взоровъ.

— Какимъ образомъ Рудольфъ попалъ въ эту ложу? прибавляла знакомыя льва. Когда онъ, въ антрактѣ, выйдетъ, мы узнаемъ имя этой восходящей звѣзды-красавицы.

Они обманулись въ ожиданiи, потому что Рудольфъ неизмѣнно во все продолженіе спектакля проспѣвалъ подлѣ Клары.

Никогда Дальбергъ не видывалъ своей возлюбленной въ такомъ блескѣ красоты: до-тѣхъ-поръ у Клары преобладалъ характеръ дѣвочки, пансіонерки; теперь она являлась женщиной. Только-

что утѣшительныя жѣстокояса сожалѣнія пробудились у отвергнутого жениха съ необычайной силой. Имъ овладѣло неизлѣимое отчаяніе, смѣшанное съ такою яростью на Амину, что онъ навѣрное истерзалъ бы ее, если бы у него случился подъ руками ножъ.

Амина оглянулась и, увидѣвъ искаженныя черты и зеленоватую блѣдность молодого человѣка, такъ испугалась, что быстро отодвинула свой стулъ, какъ-будто хотѣла сѣсть еще больше на виду, чтобы ея кавалеръ не покусился на какое-нибудь насиліе.

Дальбергъ, за неизмѣнимъ лучшаго, терзалъ перчатку. До сихъ поръ онъ испытывалъ только тоску изгнаннаго любовника, теперь его сердце грызли крысыи зубы ревности.

Амина также нѣсколько измѣнилась въ лицѣ. По портрету она не представляла себѣ такого совершенства, потому что женщины ея разбору обыкновенно не вѣрятъ въ красоту порядочныхъ дѣвушекъ и болѣею частію представляютъ себѣ ихъ неуклюжими, неловкими, горбатыми или безвкусно одѣтыми. Она пошла Генрихово поведеніе, которое дотолѣ казалось ей невоистыжимымъ, и букетомъ заглушила вздохъ досады.

— Теперь, сказала она себѣ, теперь пора или явиться вполнѣ красавицей, или умереть.

И, посредствомъ отчаяннаго воззванія къ запасамъ своихъ чаръ, она собрала такую сумму красоты, что стала отсвѣчивать какъ-будто «эсфорическимъ» блескомъ.

Она нашла неподражаемую позу; взглядъ, какой имѣла только въ этотъ разъ; выраженіе, какого никто уже не увидитъ. Къ несчастію, никто не написалъ этой дивной поэмы, потому что ни Энгра, ни Прадѣ тутъ не было. Богъ знаетъ, что они въ это время дѣлали?

— Что сегодня съ Аминой сдѣлалось? спрашивали себя многіе изумленные львы: она прыщеть какъ фейерверочный снаръ.

— Мужайтесь, Генрихъ, говорила Амина Дальбергу: не давайте имъ наслажденія видѣть вашу блѣдность и уныніе осужденнаго. О Кларѣ, конечно, нельзя не пожалѣть.... Я умѣю признать красоту другой, когда нужно.... но развѣ можно пренебречь мною? Посмотрите, какъ всѣ удивляются мнѣ. Одной искры моихъ глазъ достаточно, чтобы зажечь неугасимый огонь. Самые знаменитые и самые богатые люди въ этой залѣ бросятся поднять мой платокъ, если я уроню его. Посмотрите, какъ всѣ эти герцогини и всѣ банкиры стараются отвлечь отъ меня вниманіе своихъ му-

жей и любовниковъ: онѣ хорошо знаютъ, что мнѣ стоятъ только захотѣть и всѣ эти господа будутъ у монаха ногъ. Это мѣсто подлѣ меня, гдѣ вы корчитесь какъ подлѣ цыткой, — какъ на жаровнѣ, — дѣлаетъ васъ предметомъ общей зависти. Всѣ мужьяны говорятъ себѣ: «Счастливецъ Дальбергъ!» Всѣ женщины отъскываютъ на мнѣ своими лорветами какого-нибудь недостатка, какого-нибудь пятнышка и, не находя ничего, съ яростью обращаются къ мужьямъ. Сегодня будетъ разыграно множество домашнихъ сценъ: за это я вамъ ручаюсь.

Дальбергъ сдѣлалъ надъ собою отчаянное усиліе, уложилъ мускулы своего лица почти во мѣстамъ и принялъ видъ иѣжности и короткости съ Амниой, въ надеждѣ отплатить Кларѣ такую же досадою, какую она причинила ему.

Въ антрактѣ Клара неопредѣленнымъ взглядомъ окинула залу и, увидѣвъ Амниу, какъ-будто получила электрическій ударъ. Но вобъжденною была Амниа: она по-крайней-мѣрѣ внутренно должна была сознаться въ этомъ. Свѣтлый, холодный, почти разсѣянный, равнодушный взглядъ пансіонерки уничтожилъ кокетку: она преклонилась подъ нимъ какъ демонъ подъ пятою архангела.

Между-тѣмъ Дальбергъ, склонившись къ ней, повидному, говорилъ что-то очень иѣжное: губы его почти касались ея щекъ.

На лицѣ Клары ни одна черта не вздрогнула; на немъ не являлось ни краски, ни блѣдности; глаза спокойно обошли весь кругъ и, кончивъ смотрѣть, дѣвушка обратилась къ Рудольфу, чтобы спросить аэвишку.

— Она такъ мало обращаетъ на меня вниманія, подумала Амниа, что завтра же, пожалуй, выйдетъ замужъ за Дальберга, хотя видитъ его сегодня со мною въ ложѣ. Я для нея — борзая собаченка, попугай, золотая рыбка, существо особенной породы и все не опасное.

Рудольфъ не такъ вѣрно оцѣнилъ спокойствіе Клары: онъ приписалъ его охлажденію дѣвушки къ Дальбергу и, можетъ-быть, даже начинающейся благосклонности къ нему, Рудольфу. Влюбленный левъ сталъ не дальновидице другихъ: повязка упала ему на глаза какъ и всякому.

— Это, вѣрно, и есть знаменитая мадамозель де-Бовильдъ... вотъ, тамъ, въ бенуарѣ, съ негодяемъ Дальбергомъ? очень тихо спросилъ Депрѣ барона.

— Да, отвѣчалъ Рудольфъ: они теперь почти не расстаются.

— Одолжите мнѣ вашего лорнета.... посмотрѣть поближе, что это за птица.

Если когда-нибудь изумленіе отпечатывалось ясно на человѣческомъ лицѣ, такъ это было лицо бывшаго нотаріуса, черезъ минуту послѣ того какъ онъ уставилъ на Амину двойную трубку изъ слоновой кости. Почтенный провинціалъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ изяществѣ, о совершенномъ *comme il faut*, до котораго доходятъ иногда декоративныя разврата. Амина показала ему маркизой, которая любезничаетъ съ своимъ кузеномъ. Красоту ея онъ нашелъ такою, какова она дѣйствительно была, — обворожительною. Нарядъ, прелестный и простой, въ которомъ даже Клэррипа скромность не пошла бы ницего предосудительнаго, опрокидывалъ все понятія старика.

По его мнѣнію, существо такого рода должно было носить перья всѣхъ цвѣтовъ; пуповыя или жонклевые платья, вышитыя мишурою и блестками; золотыя цѣпочки въ три оборота и огромныя стразовыя серьги. Его эрудиція по этому предмету ограничивалась воспоминаніями молодости и числилась съ того времени, когда онъ еще былъ писцомъ и имѣлъ случай удивляться на пышности особъ, которыхъ породу теперь безъ церемоніи называлъ тварями. Такое невѣжество, такая отсталость отъ вѣка, безъ-сомнѣнія, дѣлали честь нравственности бывшаго нотаріуса.

Занавѣсъ поднялся и балетъ продолжался при громѣ рукоплесканій, съ акомпаниментомъ стуку тростей и каблучковъ. Попрямую Клара обращалась къ Рудольфу за объясненіемъ какой-нибудь позы, которой не понимала. Рудольфъ, обычный посѣтитель театра, переводилъ пантомимы очень бѣгло: хореографія не имѣла тайнъ отъ него. Профиль дѣвушки въ эти минуты былъ такъ удивителенъ, что всякій, глядя на нее, желалъ быть великимъ живописцемъ.

Бѣшенство Дальберга при видѣ этой короткости, плчтожномъ во всякомъ другомъ положеніи, не должно удивлять тѣхъ, которые сами знавали ревность. Ему хотѣлось войти въ ложу къ Делре и сдѣлать Рудольфу какую-нибудь дерзость.

Клара казалась ему чудовищемъ предательства, злою, недостойною, скверною дѣвченкой. Въ сравненіи съ нею Амина, которая по крайней-мѣрѣ никого не обманывала, была сама невинность. Онъ не понималъ, какъ можно скрывать такое испорченное сердце подъ такую простодушную наружность. Кто бы это подумалъ? Она любезничаетъ съ Рудольфомъ, чтобы свести меня съ

ума отъ ярости! Неужели женщины, порядочныя и безпорочныя, не знаютъ другаго средства къ мщенію кромя собственнаго позору?

— Что? вы думаете теперь, что мадамзель Депрё умретъ съ горя по васъ? насмѣшливо спросила Амнна Дальберга, который подъ жилетомъ ногтями терзалъ себѣ грудь. Кажется, теперь ваша совѣсть избавлена отъ большаго бремени и вы отнынѣ можете безъ угрызений удостоить нѣкотораго вниманія вашу покорную служанку.

При выходѣ изъ театра обѣ группы столкнулись на лѣстницѣ, гдѣ ожидаютъ экипажей. Клара, идя обѣ руку съ отцомъ, задѣла своею кашмировою мантилей за бѣлый буриуэ Амнины. Рудольфъ шелъ въ нѣсколькихъ шагахъ впереди и отыскивалъ своего лакея между разноцвѣтными ливреями, которыми были наполнены сѣни.

Толпа была плотная и втеченіи нѣсколькихъ секундъ Амнна съ Дальбергомъ и Депрё съ дочерью прилуждены были простоять на одной ступени. Эта минута показалась Дальбергу вѣчностью. Амнна воспользовалась случаемъ отмстить Клараѣ за взглядъ: она составила себѣ физиономію такую лучезарную отъ любви, оперлась на руку Дальберга съ такою сладострастно-стыдливою лаской, прижалась къ нему съ такою довѣрчивостію и такъ совершенно усвоила его себѣ, что у Клары, которая все видѣла, хотя смотрѣла совѣтъ не въ ту сторону, сомнѣніе возникло въ душѣ, первое сомнѣніе! Оно промелькнуло быстро какъ молнія, однако жъ съ такою жестокою болью, что дѣвушка въ то же мгновеніе ощутила потъ подъ корсетомъ.

Къ счастью, Рудольфъ воротился. Дальбергъ бросилъ на него взглядъ, переполненный презрѣніемъ, ненавистію и злостью, такъ, что Клара посреди страху, чтобы не случилось какой-нибудь сцены, испытала неописанно пріятное чувство. Генри все еще любилъ ее!

Понимая, сколько вызовъ въ такомъ мѣстѣ былъ бы неприличенъ и смѣшонъ, Дальбергъ удержался, воротилъ хладнокровіе и прикрылъ свой гнѣвъ личиною ледянаго презрѣнія. Толпа постепенно разсѣялась. Рудольфъ сѣлъ въ карету съ Депрё и Кларой, а Дальбергъ поѣхалъ съ Амнной.

Войдя въ свою комнату Клара тотчасъ схватила листокъ бумаги, помакнула перо въ лимонъ, поспѣшно написала нѣсколько строкъ и подбѣжала къ часамъ.

— Слава Богу еще не поздно! сказала она.

Въ самомъ дѣлѣ балетъ кончился довольно рано; лошади Рудольфа мчались быстро и старые часы на церковной башнѣ Сентъ-Жерменъ де Прё только что начали съ торжественною медленностью бить одиннадцать.

Шарманщикъ сейчасъ пойдётъ!

Въ самомъ дѣлѣ, въ концѣ улицы послышалась полька съ количествомъ фальшивыхъ нотъ, совершенно достаточнымъ, для того чтобы возбудить участіе собакъ всего квартала.

Шарманка остановилась подѣ окномъ. Клара, не думая объ обнаженныхъ рукахъ и открытой груди, высунулась въ прохладный мракъ и бросила шарманщику свой кошелекъ, завернутый въ бумажку съ таинственными знаками.

Бѣдный Дальбергъ провелъ ужасную ночь. Мысль, что Клара, которой слѣдовало воображать жениха, убитаго горемъ, видѣла его въ обществѣ предательницы, которая измѣнила тайнѣ ихъ чистой любви и отдала обожаемый образъ на посмѣшше себѣ подобнымъ, доводила его до бѣшенства.

— Теперь, говорилъ онъ самъ себѣ, она будетъ почитать себя вправѣ слушать Рудольфа. Не самъ ли я напередъ оправдалъ ее своимъ поведеніемъ? А этотъ мерзавецъ, которому я довѣрилъ мою судьбу, — которому поручилъ заступиться за меня у Дебрё!.. Дуракъ я! Какъ онъ теперь смѣется надо мной! какъ онъ потѣшается надъ моею глупою довѣрчивостію! Но я найду средство отбить ему охоту смѣяться. Онъ долженъ самъ опровергнуть свои низкія клеветы передъ Дебрё, или я убью его.

Едва настало утро, Дальбергъ уже изступленно дергалъ за колокольчикъ у двери Рудольфа.

Сонный лакей, едва прикрытый самымъ необходимымъ, пришелъ отворить и, еще отыскивая замокъ, сердито проворчалъ:

— Кого это чортъ принесъ такъ рано! Часу не прошло, какъ баринъ легъ.... Да кто тамъ? Приходи попозже.... приходи днемъ!

— Миѣ непремѣнно пужно видѣть твоего барина по дѣлу, которое не терпитъ отлагательства.

— Если вы за деньгами, такъ напрасно изволите такъ рано безноковаться, продолжалъ лакей проклиная ключъ и замокъ: баринъ всегда расялчивается по вечерамъ.

Дверь отворилась и лакей протеръ глаза.

— Отдай барону эту карточку, повелительно сказалъ Дальбергъ.

— Не смейте, баронъ! баронъ только-что, я думаю, здолеть. А просыпается еще парадный, если не десятый!

— Довольно разсуждать. Ступай, я пойду спать.

Это было сказано такимъ рѣшительнымъ тономъ, что слуга уже не сталъ возражать.

— Это вы, Генри! вскричалъ Рудольфъ, послѣдшнею накинувъ халатъ и потягивая хрустящія руки и зѣвая до влѣску челюстей: чортъ меня возьми, если я ожидалъ васъ! Вы немножко рано пришли пѣть мнѣ про вашу любовь.... Да! вчерашній вечеръ не поправилъ вашихъ дѣлъ. Вы очень неловко пошались, а я еще въ тотъ же вечеръ надсѣдался, выхваляя старику ваше прекрасное поведение! Клара въ полгода не забудетъ этой встрѣчи.

— Довольно, баронъ! я уже довольно слышалъ лжи и видѣлъ коварнаго предательства. Покорно васъ прошу, сдѣлайте одолженіе, перестаньте принимать меня за болвана.

— Чтѣ съ вами, любезнѣйшій? на какую вы сегодня траву наступили? Я только отчаянно влюбленнаго прощаю вольности, которыя пашелъ бы очень неумѣстными со стороны всякаго другаго.

— Очень благодаренъ за великодушіе, баронъ. Разсердитесь, пожалуйста: это доставитъ мнѣ удовольствіе. Примите мои слова въ томъ смыслѣ, который вамъ всего менѣе нравится.

— Вы, кажется, хотите дуэли?

— Точно такъ. Одинъ изъ насъ лишній на землѣ.

— Вы разсуждаете, какъ пятый актъ мелодрамы, любезнѣйшій. Во всемъ этомъ человѣческаго смысла нѣтъ. У насъ, кажется, не можетъ быть ни малѣйшаго повода къ есорѣ. Васъ изгнали изъ дому вашей невѣсты по поводу исторіи съ портретомъ, котораго раздражила и отца и дочь. Развѣ я виноватъ въ этомъ? Вы послали меня, попросить, похлопотать за васъ. Я объяснилъ, какъ все это случилось; я выхвалялъ васъ, но Денрѣ ни подъ какимъ предлогомъ не хотеть ничего слышать о васъ: онъ утверждаетъ, что вы игрокъ, развратникъ, гуляка. Мадмоазель Клара также негодуетъ на васъ: она считаетъ васъ любовникомъ Аманны и не хотеть знать, что вы существуете. Чтѣ же мнѣ тутъ дѣлать?

— Я хочу, чтобы ваша нога не была больше у Денрѣ и чтобы вы не изволили больше заниматься Кларой.

— Любезный другъ, вы въ бреду. Неужели вы воображаете, что Клара должна провести остатокъ жизни, оплакивая счастья

того любовника Амны? Неужели вы намерены убить всякого, кто вздумает ухаживать за бывшею вашею невестой?

— Я надеюсь по крайней мѣрѣ вамъ похвально въ этомъ ухаживаніи.

— Почему же это такъ, когда вы уже не причастны къ дѣлу и когда поле открыто для всякаго, следовательно и для меня? Если бы вы еще были вхожи въ домъ и если бы дѣвушка была расположена къ вамъ, я понялъ бы вашъ гнѣвъ, но, въ томъ положеніи, въ какомъ вы находитесь, онъ, признаюсь, очень удивляетъ меня.

— Чѣмъ разсуждать, извольте лучше драться со мной.

— Я надеюсь, что не буду драться.... развѣ только вы нанесете мнѣ публичное грубое оскорбленіе.... Не думайте, пожалуйста, чтобы мое мпролобіе происходило отъ недостатку мужества: если хотите, я вамъ докажу, что для меня дуэль не можетъ заключать въ себѣ ничего опаснаго, но вы и сами знаете, какъ я стрѣляю и владѣю шпагой.

— Такъ что жъ! вы убьете меня и все тутъ! Но я всё таки заставлю васъ драться.

Дальбергъ ушелъ.

Вечеромъ того же дня, въ парижской кофейнѣ, онъ выплеснулъ рюмку вина въ лицо Рудольфу, который сидѣлъ подлѣ, за другимъ столомъ.

Рудольфово искусство во владѣніи всякимъ оружіемъ было такъ извѣстно, что на Дальберга съ той же минуты всѣ смотрѣли какъ на мертваго.

Оскорбленіе было нанесено такъ явно и гласно, что мировая оказалась совершенно невозможною. У каждаго изъ противниковъ былъ подъ рукою пріятель, которые не могли отказаться отъ чести быть свидѣтелями, и свиданіе назначили на слѣдующее же утро, къ десяти часамъ, въ Булонскомъ Лѣсу.

Дальбергъ пришелъ домой, сдѣлавъ нѣсколько завѣщательныхъ распоряженій, написалъ два или три письма и потомъ отправился въ улицу Аббатства, бросить еще одинъ взглядъ, можетъ-быть, послѣдній, на окно Клары Денрѣ.

Почудилось ли ему, или дѣйствительно такъ было, но онъ видѣлъ, что стора наглухо закрывавшая окно съ того вечера, когда рушились его надежды, зашевелилась нѣсколько и на минуту отодвинулась.

Воображая себя почти помятымъ, онъ ушелъ съ сердцемъ наполненнымъ радостью и надеждой и не думать уже о дуэли,

какъ будто бы объ ней и рѣчи не было. Онъ былъ увѣренъ, что не можетъ ушереть.

Между тѣмъ Рудольфъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и держалъ въ рукахъ бумажку, которую повертывалъ на всѣ стороны, какъ-будто стараясь отыскать на ней какой-нибудь признакъ. Бумага, вѣроятно, содержала въ себѣ не очень пріятное: Рудольфъ хмурилъ брови и кусалъ губы до крови; мертвенная блѣдность покрывала его лицо и онъ казался подверженнымъ страшному безпокойству.

— Нечего дѣлать! сказалъ онъ послѣ долгаго молчанія: надобно покориться: условія такъ поставлены, что другаго средства нѣтъ. Но откуда пришло это дьявольское письмо?... Почеркъ, очевидно, поддѣльный.... Джонъ, ты видѣлъ, кто принесъ эту записку?

— Нѣтъ, сударь, со вчерашняго дня никто не приносилъ записокъ.

— Это странно! сказалъ баронъ и снова погрузился въ думу.

На другой день, въ назначенный часъ, противники сошлись въ отдаленной аллеѣ Булопскаго Лѣса.

— Господа, сказалъ баронъ, если господину Дальбергу угодно извиниться, я забуду оскорбленіе, которое онъ нанесъ мнѣ вчера. Мое искусство въ стрѣльбѣ и фехтованіи слишкомъ извѣстно и многія дуэли, которыя я уже выдержалъ, позволяютъ мнѣ эту увѣренность и не подадутъ поводу къ сомнѣнію въ моемъ мужествѣ.

Секунданты обѣихъ сторонъ приняли эту рѣчь съ одобреніемъ и пошли се благородною, но Дальбергъ не хотѣлъ слышать о примиреніи.

Отиѣрили мѣсто и поставили противниковъ въ тридцати шагахъ одного отъ другаго.

— Чтò мнѣ дѣлать? думалъ Рудольфъ: если я выстрѣлю на воздухъ, этотъ сумасшедшій вѣдь не послѣдуетъ моему примѣру... Вѣрнѣе всего будетъ дать ему легкую рану....

Онъ опустилъ дуло пистолета. Въ качествѣ оскорбленнаго онъ имѣлъ право перваго выстрѣла и такъ воспользоваться имъ, что секунданты не успѣли дать втораго сигнала, какъ выстрѣлъ его уже раздался.

Онъ ранилъ Дальберга въ правую руку.

Дальбергъ въ свою очередь выстрѣлилъ, но такую невѣрною рукою, что пуля его пролетѣла на три фута выше Рудольфовой головы.

Кость осталась невредимою. Рана хотя причинила большое страданіе, однакожь была не опасна. Всё-таки продолжать дуэль уже не было возможности.

Дальбергъ старался удержаться на ногахъ и идти, но не могъ: силы измѣнили ему и его безчувственного отпелли въ карету.

Когда пришелъ въ себя, онъ лежалъ уже на диванѣ въ своей комнатѣ и прекрасная женская головка, склонясь надъ нимъ, подстерегала его возвращеніе къ жизни.

— Флоранса! прошепталъ Дальбергъ дрожащимъ отъ слабости и водненія голосомъ и обративъ на молодую женщину взоръ неполненный признательности: вы здѣсь!

— Да, я. Послѣ я объясню это. Теперь постарайтесь только успокоиться. Докторъ далъ мнѣ надъ вами полномочіе сидѣлки. Спите, я буду читать.

И молодая женщина, приложивъ бѣлый тоненькій пальчикъ къ губамъ, запретила раненому говорить больше.

Дальбергъ, несмотря на боль въ ранѣ и приказаніе спать, въ полглаза смотрѣлъ и восхищался идеальнымъ профилемъ гевіахрэнителя, который сидѣлъ у его изголовья.

Контуръ этого профиля былъ обрѣзанъ тонкою чертою свѣта, а щеки и шея, облитыя прозрачною тѣнью, получали отъ листовъ книги и отъ бѣлыхъ подушекъ перломутрово-серебристое отраженіе, которое колориста привело бы въ восторгъ. Невозможно было представить себѣ формы болѣе чистой, колорита болѣе мягкаго, выраженія болѣе цѣломудреннаго. Можно было подумать, что это сестра сидитъ подлѣ больного брата. Эта молодая женщина, одна въ домѣ у холостаго молодого человѣка, держала себя такъ дѣвственно, такъ строго скромно, что никто не посмѣлъ бы дурно истолковать ея присутствіе.

Дальбергъ всегда съ удивленіемъ и нѣкоторымъ уваженіемъ смотрѣлъ на Флорансу, какъ на женщину, которая гораздо выше той сѣеры, въ которой жила. Теперь онъ спрашивалъ себя, какимъ образомъ онъ могъ внушить ей столько участія: немногія случайныя встрѣчи, безъ сближенія, безъ короткости, не могли достаточно объяснить поступка, который понятенъ только у стараго друга или любовницы. Съ нѣкоторымъ напряженіемъ памяти Дальбергъ припомнилъ, что нѣсколько разъ уже встрѣчалъ довольно пристально устремленный на него взоръ Флорансы, но глупаго тщеславія у Дальберга не было: онъ изъ этого не вывелъ заключенія, что Флоранса влюблена въ него и поступокъ ея приписалъ просто добротѣ сердца, или, лучше сказать, онъ при-

налъ свое счастье, вовсе не старался объяснить себѣ, откуда и зачѣмъ оно пришло. Боль его между тѣмъ нѣсколько уналась, вѣки отяжелѣли и глаза закрылись совсѣмъ.

Дальбергу спались безсвязные и странные сны, изъ которыхъ въ особенности одинъ поразилъ его чрезвычайно сильно: ему казалось, будто Клара, изъ дѣвичьей прихоти и любопытства, вздумала посмотрѣть, какъ онъ живетъ, и воспользовалась для этого такимъ днемъ, когда его не было дома. А онъ, во снѣ, хотя и былъ въ отлучкѣ, однако жъ видѣлъ, какъ она бѣгала по комнатамъ, смотрѣла на картины, трогала оружіе, трости, перебирала золотыя вещицы и печати, въ бумагахъ и всюду рылась съ дѣтскою рѣзвостью. Но внезапное появленіе его заставило дѣвушку бѣжать... въ этомъ мѣстѣ сновидѣнія большой вдругъ проснулся.

Что-то бѣлое и стройное, какъ будто станъ Клары, мелькнуло въ дверяхъ, которыя безъ шума затворяясь защемили складку платья.

— Что съ вами, Генри? спросила Флоранса, наклонясь надъ изголовьемъ больного: болитъ ваша рана? Не дать ли вамъ цѣть?

Больной, казалось, удивлялся, что видитъ въ комнатѣ одну Флорансу.

— Пустое! сказалъ онъ себѣ: это все тотъ же сонъ! Клара здѣсь.... развѣ это возможно? Горячка встревожила мой мозгъ и произвела мерещенье.

Пришелъ докторъ, перемѣнилъ перевязку и объявилъ, что двухъ недѣль будетъ достаточно для изцѣленія раны.

Вечеромъ пришла Амина. Она прождала Дальберга цѣлый день, удивлялась, что онъ не является, послала за нимъ и, узнавъ о дуэли, поспѣшила навѣстить раненаго.

Едва переступивъ черезъ порогъ, она уже примѣтила и шаль, перекинутую черезъ спинку кресла и шляпку, повѣшенную на подзеркальномъ столѣ. На эти вещи она обладала взглядомъ вполне развитой женщины, то есть взглядомъ проппцательнѣе всякаго слѣдственнаго пристава.

На лицѣ ея выразилась досада и маленькія розовыя пощри вздулись.

— Я отстала! сказала она, заимствуя фразу въ наѣздническомъ слогѣ, къ которому привыкла по своимъ львиннымъ связямъ. Неужели эта дурочка, провинціалка, которая въ театрѣ обладала меня своимъ взглядомъ какъ холодной водой... неужели она здѣсь? О, добродѣтель! я узнаю тебя: это одна изъ твоихъ штукъ!

Флоранса въ это время зачѣмъ-то ходила въ другую комнату. Она вышла и положила конецъ догадкамъ Амнины.

Обѣ женщины молча посмотрѣли другъ на друга съ величайшимъ пренебреженіемъ.

Амина первая прервала молчаніе. Она подошла къ Дальбергу и сказала:

— Любезный другъ, я пришла предложить вамъ мои услуги въ качествѣ свидѣлки, но я вижу, что меня опередили. Флоранса добрая душа. Я смѣю ее, когда она утомится. Какой же вы счастливецъ, Геври! Я желала бы знать, подъ какою именно звѣздою вы родились. Вы стрѣлялись съ Рудольфомъ и не убиты: это еще не видапо! Вы отдѣлались легкою раной и будете недѣли четыре носить руку на черной перевязи, что придастъ вамъ очень много интересу въ глазахъ женщинъ. Амина и Флоранса оспариваютъ другъ у друга честь сидѣть ночи у вашего изголовья: совѣтую вамъ не жаловаться.

Амина удобно помѣстилась на креслѣ, съ котораго, по видному, не скоро намѣревалась встать.

Флоранса заняла свое прежнее мѣсто у изголовья и продолжала читать.

Дальбергъ разсматривалъ обѣихъ женщинъ, одинаково очаровательныхъ, хотя вовсе не похожихъ другъ на друга. Въ красотѣ одной было что-то коварное, жестокое и опасное, — прелесть кошки, очарованіе сирены, привлекательность ядовитаго цвѣтка. Любить ее было страшно. Красота другой была открытая, полная сочувствія, благородства и великодушія. Ей можно было безъ опасенія довѣрить любовь и честь свою. Такую женщину Дальбергъ избралъ бы себѣ, если бъ не былъ уже влюбленъ въ Клару.

Амина, чувствуя неловкость этого положенія рѣшилась выйти изъ него.

— Долго ли мы будемъ такъ сидѣть одна противъ другой, какъ сфинксы, и въ тайнѣ точить другъ на друга когти. Я нахожу, что мы уже достаточно поспѣли.

— Чтѣ вы хотите сказать, Амина? Я не понимаю васъ, спросилъ Геврихъ.

— Дѣлю однако жъ очень просто.

— Такъ объясните его, ради Бога!

— Я нарцую намъ относительное положеніе въ трехъ словахъ: Клара ненавидитъ васъ, а мы обѣ любимъ. Выбирайте.

— Флоранса любитъ меня! возможно ли? вскричалъ Дальбергъ.

И, въ изумленіи отъ радости, онъ обратился къ Флорансѣ: она смутилась и покраснѣла.

Я вижу, что не я получу Парисово яблоко, сказала потомъ Аминна, вставая: я оставляю васъ, счастливая чета, и поѣду пѣть вашу славу по всему Парижу. Прощайте, Дальбергъ. Вы изъ одной глупости бросаетесь въ другую. Прощайте, Флоранса. Стоило столько времени играть роль недотроги, нечего сказать!

Когда сообщница Рудольфа ушла, Флоранса, на мольбы Дальберга призналась, что съ давнихъ поръ импаетъ къ нему вѣжность, которую старалась побѣдить, когда видѣла, что онъ занимается другою; что эта любовь заставила ее тогда прійти къ Аминнѣ въ тотъ день, когда каталась по Булонскому Лѣсу; довела ее до отчаянія при видѣ медальона и послала въ безпамятствѣ на мѣсто сраженія.

— Но я знаю, что ваше сердце принадлежитъ другой, прибавила она, и несмотря на признаніе, которое я вамъ теперь сдѣлала, вы не пойдете у меня ничего кромѣ дружбы. Я не Аминны боюсь, прошу повѣрить этому, прибавила она, поднявъ голову съ очаровательною гордостью.

Флоранса цѣлую недѣлю проводила вечера у изголовья больного.

Дальбергъ не забывалъ Клары, однако жъ думалъ объ ней уже не съ тою ядовитою горечью, какъ прежде и чары утѣшительницы значительно убавили его скорбь.

Достигнувъ такого состоянія, что могъ выходить со двора, онъ отправился прежде всего къ Флорансѣ, которая приняла его съ благородною короткостью, съ ласковою заботливостью и предупредительностью, которыхъ тайною обладала въ совершенствѣ. Дальбергъ пришелъ и на другой день и остался долѣ нежели въ первый разъ. Кромѣ минутъ, проведенныхъ съ Флорансой, жизнь казалась ему смертельно скучною. Образъ Клары, которая отталкивала его, и сожалѣніе объ утраченномъ счастіи повергали его въ самую мрачную задумчивость. Подлѣ Флорансы онъ еще вѣрилъ въ возможность забвенія, въ зарожденіе новой любви; разрисовывалъ себѣ мечты и на развалинахъ своего бывшаго счастья уже видѣлъ новое зданіе, позолоченное солнцемъ. Красота Флорансы ослѣпляла его обаятельными обѣщаніями, а тонкій умъ приводилъ въ восхищеніе. Часы летѣли какъ минуты, когда онъ сидѣлъ подлѣ нея запытый бесѣдою, въ которой душа его какъ будто страпствовала по всему міру.

Между тѣмъ Рудольфъ все болѣе и болѣе пріобрѣталъ благо-

расположеніе Депрё. Его умѣренность въ дуэли съ Дальбергомъ принесла ему много чести. Клара не показывала ему особенной суровости, — оттого ли, что истинная, глубокая страсть барона дѣйствительно трогала ее, или оттого что она хотѣла этимъ отомстить Дальбергу. Поговаривали даже о женитьбѣ Рудольфа на мадам-азель Депрё.

Дальбергъ, видя, что ему должно окончательно отказаться отъ надежды тронуть когда-нибудь сердце злопамятной Клары, рѣшился на насильственную мѣру и доказалъ себѣ, что онъ долженъ обожать Флорансу. Никогда ярость отчаянія не имѣла большаго сходства съ страстью: самъ Дальбергъ обманулся и вообразилъ, что дѣйствительно любить.

Онъ почти не отходилъ отъ Флорансы, которая однако жъ постоянно оказывала ему сопротивленіе, довольно страшное послѣ признанія, которое уже высказала. Его любовь превратилась въ горячку, которая, казалось, иногда заражала Флорансу, но въ минуты, когда Дальбергъ ожидалъ, что она упадетъ къ нему въ объятія, она вдругъ отскакивала въ дальній уголъ комнаты гордо выпрямившись, протягивала руки, чтобы онъ не подходилъ, и кричала:

— Оставьте! оставьте меня! вы всё-еще любите Клару!

Напрасно бѣдный Генрихъ упалъ къ ея ногамъ; умолялъ, увѣрялъ, изливалъ свою душу въ пламенныхъ восторженныхъ диамбрахъ, окружалъ обожаемую палящими токами желанія и воли, — Флоранса все повторяла:

— Нѣтъ, нѣтъ! я чувствую, что вы не можете принадлежать мнѣ: ваши слова не убѣждаютъ меня.... Заставьте повѣрить, что вы любите меня и.... я буду ваша.

Эти сцены повторялись довольно часто и оканчивались все тѣмъ же.

Однажды вечеромъ Дальбергъ нашелъ Флорансу болѣе обыкновеннаго печальную и спросилъ о причинѣ.

— Эта квартира мнѣ не нравится, отвѣчала она: два года тому, я жила здѣсь съ Торнгеймомъ, единственнымъ моимъ любовникомъ. Не ужасно ли принимать другаго и слушать слова любви въ стѣнахъ, въ которыхъ еще живетъ отголосокъ прежняго голоса, и на мсбеляхъ, на которыхъ отдыхалъ тотъ, котораго новый замѣщаетъ? Не гадко ли это?.... Кто бы прежде сказалъ мнѣ, что я, Флоранса, прійму такимъ образомъ жениха Клары въ покояхъ Торнгейма?

Эти слова Флорансы вдругъ какъ-будто освѣтили умъ Даль-

Берга. Онъ удивился и досадовалъ, что самъ давно уже не полагалъ на эту мысль.

Въ нѣсколько дней онъ, ничего не говоря, купилъ по близости Елизаветиныхъ Полей домъ съ прекраснымъ садомъ, построенный какинъ то англійскимъ лордомъ, котораго наследники не сочли нужнымъ удержать его за собою. Дальбергъ далъ за него сто тысячъ франковъ.

Хорошенькій фасадъ, украшенный лѣпною работою во вкусъ возрожденія, улыбался на полуденномъ солнцѣ и близкою своею ярко отдѣлялся отъ зеленого грунта окружающихъ деревьевъ. Садъ былъ не обширенъ, но кромѣ собственной пользовался еще сосѣднею тѣнью и выигрывалъ въ перспективѣ то, чего ему не доставало въ пространствѣ. На дворѣ было ровно столько мѣста, сколько нужно, чтобы карета могла свободно оборотиться.

Покои были расположены съ удобствомъ доведеннымъ до совершенства. Пара любовниковъ или молодыхъ супруговъ не могла бы выбрать для своего счастья гнѣздышко болѣе очаровательное.

Дальбергъ, при помощи одного изъ искуснѣйшихъ обойщиковъ въ Парижѣ, убралъ свое приобрѣтеніе съ самою утонченною роскошью и одѣлалъ изъ каждой комнаты мастерское произведеніе изящества. Не впадая ни въ какія излишества, которыя не могли нравиться Флорансѣ, онъ умѣлъ довести богатство до поэзіи.

Въ особенности спальня была удивительна по скромной простотѣ и мечтательному спокойствію, — ни одного рѣзкаго тону, ни одной яркой краски, ничего, что поражаетъ глаза, — все было свѣжо и благоуханно какъ внутренность лилія и сама Титанія не отказалась бы отдыхать въ ней.

За все это было дано пятьдесятъ тысячъ, — и дано не дорого.

Однажды Дальбергъ вручилъ Флорансѣ небольшой ключъ и сказалъ:

— Это ключъ отъ вашего дому.

Въ шкафахъ и коммодахъ Флоранса нашла запасъ нарядовъ, достойный принцессы. На каминѣ, въ будуарѣ, лежала подписанная Дальбергомъ довѣренность — брать у его банкира всѣ деньги, какія ей понадобятся.

Узнавъ обо всемъ этомъ, Ампа произнесла слѣдующее глубокое изрѣченіе:

— Вотъ, что значитъ лицемѣріе! Какъ жаль, что я не умѣла усвоить себѣ такого полезнаго порѣку!

Она дѣйствительно очень сожалѣла: сердце ея было сильно уязвлено. Она увидѣла, что Дальбергъ влюбленъ до безумія: сумма любви въ нѣкоторыхъ сферахъ всегда вычисляется по суммѣ издержекъ. Въ той же мѣрѣ возрасла и влстивая ненависть Амны къ Флорансѣ.

Но оставалось еще нѣчто такое, что еще болѣе изумило бы Амину, если бы дошло до ея свѣдѣнія, — такое, что она нахѣрное сочла бы вышею возможною степенью утопченія кокетства, — то, что несмотря на всю свою щедрость Дальбергъ еще не видаль отъ Флорансы ни какого доказательства любви кромѣ позволенія цѣловать руку, а между-тѣмъ, судя по пламеннымъ, глубокимъ взглядамъ, какіе Флоранса иногда устремляла на своего обожателя, можно было поклясться, что она любитъ его, или никогда не должно вѣрить ни свѣту глазъ, ни выраженію лица человѣческаго.

— Ахъ, какъ вы любите ее! отвѣчала она Дальбергу, когда онъ говорилъ что-нибудь нѣжное или страстное: вы въ эту минуту думали о ней и вотъ, отчего глаза ваши свѣтятся, голосъ дрожитъ и слово принимаетъ поэтическую форму. Вы произносите Флоранса, а думаете Клара.

Напрасно Дальбергъ истощался на увѣренія, Флоранса оставалась непоколебимою.

Въ душѣ онъ и самъ чувствовалъ, что она права. По малѣйшему знаку со стороны Клары онъ бросился бы къ ней съ трепетомъ, съ восторгомъ, влюбленный болѣе чѣмъ когда-нибудь, и не вспомнилъ бы, что Флоранса существуетъ. Между-тѣмъ это было существо, которое онъ, послѣ Клары, любилъ болѣе всего на свѣтѣ.

— Не успѣвая убѣдить, онъ старался ослѣпить ее, похвалить ея самолюбію богатыми подарками: каждый день являлся какой-нибудь браслетъ, какой-нибудь перстень, новый нарядъ, рѣдкій цвѣтокъ, модная карета или новые лошади. Принявшись за свой капиталъ, онъ сталъ брать изъ него полными горстями, какъ будто обладаетъ несметными сокровищами. Флоранса на эту безразсудную расточительность не дѣлала ни какихъ замѣчаній, оттого ли, что будучи уже привычна къ княжеской роскоши, она не примѣчала излишествъ, или оттого что почитала Дальберга гораздо болѣе богатымъ чѣмъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ. Мысль, что Флоранса корыстолюбива или алчна, никому не могла прийти въ голову. Впрочемъ, наряды, которые другихъ свели бы съ ума отъ восхищенія, она едва надѣвала, и то болѣе изъ внима-

вѣздности къ Дальбергу чѣмъ изъ кокетства. На ожерелье она съ испугу любовалась и потомъ прятала въ шкатулку, чтобы никогда не вынимать.

У Флорансы не стало ни одной булавки, которая бы могла напомнить прежнюю связь. Но гораздо легче уничтожить матеріальныя свидѣтельства, перемѣнить окружающее, истребить всѣ слѣды прошедшаго, чѣмъ побѣдѣть сомнѣніе въ ревнивой душѣ. Не видя ничего кромѣ неудачъ, Дальбергу, увлекаемый вихремъ галувокруженія, изступленнымъ желаніемъ, доведенный до крайней степени раздраженія, сталъ наконецъ проклинать Клару, которая дѣлала его вдвойнѣ несчастнымъ.

Однажды утромъ Флоранса съ самымъ простодушнымъ и непринужденнымъ выраженіемъ сказала Дальбергу, что посылала къ банкиру за деньгами и получила отвѣтъ, что денегъ больше нѣтъ.

Капиталъ Дальберга былъ истраченъ. У героя нашего оставалось еще только недвижимое имѣніе, къ счастью, не продажное, да надежда на наслѣдство послѣ дяди, который наслаждался благополучнымъ здравіемъ.

Дальбергу обратился къ ростовщикамъ и досталъ денегъ на короткіе сроки за большіе проценты. Векселя стали просрочиваться и подаваться ко взысканію.

Объ этихъ затрудненіяхъ Дальбергу ни слова не говорилъ Флорансъ, а сама она не догадывалась, или не хотѣла догадаться и продолжала обыкновенный свой образъ жизни, такъ, что въ одинъ прекрасный день, когда солнце ясно горѣло на прозрачной лазури неба, четыре господина не совсемъ пріятной наружности учтиво взяли Генриха Дальберга подъ руки, посадили въ карету и отвезли въ тюрьму должниковъ.

Дальбергу противъ воли принужденъ былъ объяснить Флорансъ свое положеніе и не сомнѣвался, что она тотчасъ же поспѣшитъ къ нему на помощь. Онъ написалъ къ ней письмо, въ которомъ рассказывалъ причину своего ареста, и назначилъ сумму, какая нужна для его освобожденія.

Черезъ пять потомъ тюремный сторожъ пришелъ сказать ему, что какая-то дама желаетъ видѣть его.

Арестанту и въ голову не приходило, чтобы это могла быть кто-нибудь другая кромѣ Флорансы, и очень удивился, когда къ нему вошла.... Аминя.

Глаза у нея сверкали алого радостью; маленькія моздри трепе-

тали, все лицо сіяло удовлетвореннымъ коварствомъ: она была хороша и блестяща какъ змѣя въ веселомъ расположеніи духа.

Она подошла къ Дальбергу, какъ-будто свиваясь и развиваясь кольцами, и съ коварною лаской сказала:

— Ну, что, мой бѣдняжка Дальбергъ! вотъ вы посажены въ тѣнь на нѣкоторое время? Я пришла навѣстить васъ и утѣшить. Въ бѣдѣ-то и познаются истинные друзья, а мою привязанность вамъ ужъ пора бы оцѣпить.

— Не издѣвайтесь надо мной, Амнина. Время и мѣсто совсѣмъ не приличны.

— Я ни мало не шучу. Чтобы дойти до совершенства, вамъ только и недоставало переселиться, вмѣсто дачи, на казенную квартиру. Вы обязаны были доставить себѣ это удовольствіе. Вы быстро дошли, благодаря Флорансѣ, тонкой штукѣ, которой я удивляюсь..... Надѣюсь, что вы теперь изцѣлены отъ страсти къ добродѣтельнымъ женщинамъ: это слишкомъ дорого обходится. Со мною вы прожили бы по-крайней-мѣрѣ три года и въ это время вы переняли бы у меня столько каламбуровъ и забавныхъ вещей, что на весь остатокъ жизни были бы приятнымъ собесѣдникомъ въ обществѣ.

Дальбергъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе.

— Не хмурьте вашихъ бровей, пожалуйста: отъ этого промежъ глазъ морщины явятся. Примите какъ слѣдуетъ добрую дѣвушку, которая привезла вамъ сигары, шампанскаго и фелетоновъ, для развлечения. Кстати, вы знаете, что Клара выходитъ замужъ за Рудольфа?

Дальбергъ вскопился и хриплымъ голосомъ, задыхаясь вскричалъ:

— Ты лжешь!

— Я говорю правду. Скоро будутъ окликать,] [если] еще не окликали. Вы блѣднѣете? Такъ вы все еще не можете забыть объ этой дѣвочкѣ? Вѣдь она любитъ Рудольфа.

Дальбергъ обѣими руками закрылъ лицо и не отвѣчалъ. Промежъ пальцевъ у него показались слезы.

— И Рудольфъ влюбленъ въ нее по уши. Это будетъ настоящая пара голубковъ. Они будутъ счастливы и наживутъ кучу ребятъ, какъ въ волшебныхъ сказкахъ.... О! да вы, кажется, плачете!... Какая глупость! сказала Амнина отводя Дальбергу одну руку: вѣдь нужно же было приготовиться къ этому. Я увѣдомлю васъ о настоящемъ днѣ свадьбы, потому что пригластельнаго билета вамъ

въ тюрьму, вѣроятво, не првшають. Прощайте, кланяйтесь Флоравсѣ.

Когда Амнна ушла, Дальбергъ сталъ увѣрять себя, что она вылила эту ложную вѣсть какъ укусъ на рану и что свадьба Клары и Рудольфа просто — изобрѣтеніе.

Эта мысль вѣсколько успоковла его.

Но что сталоь съ нимъ, когда онъ въ газетѣ, занятой у другаго арестанта сосѣда, дѣйствительно увидѣлъ объявленіе о бракѣ, о которомъ говорила Амнна.

Еще усомниться не стало ни какой возможности.

Легко представить себѣ отчаяніе и бѣшенство, которыя овладѣли Дальбергомъ: есть ли въ мірѣ положеніе, болѣе способное довести человѣка до ярости чѣмъ то, въ которомъ онъ находился: сидѣть въ тюрьмѣ и знать, что возлюбленная выходитъ замужъ! Да отъ этого можно голову разбить объ стѣну, повѣситься на оконной рѣшеткѣ или, — кто обладаетъ дарованіемъ къ побѣгу, какъ Латюдъ и баронъ Тренкъ, — можно булавою прокопать подземный проходъ въ двадцать четыре фута длины.

На крайній случай онъ допускалъ, что оскорбленная приключеніемъ съ медальономъ и встрѣчею въ театрѣ, Клара можетъ не простить и изгнать его отъ себя даже на вѣкъ. Но чтобы она до такой степени могла забыть свои клятвы и воспоминанія, этого онъ не постигалъ. Онъ, можетъ-быть, и согласился бы никогда не видать ея, лишь бы она не принадлежала никому другому.

Между-тѣмъ, онъ, и на свободѣ будучи, не могъ воспрепятствовать этому браку: его оконченная уже дуэль лишала его единственнаго средства придратъя къ Рудольфу и всякое новое покушеніе въ этомъ родѣ повело бы только къ бесполезному позору. Согласіе Клары дѣлало всякое постороннее вмѣшательство неуиѣстнымъ и нелѣпымъ. Дѣло совсѣмъ не походило на повлеченіе несчастной жертвы къ алтарю по волѣ варвара отца, потому что надмоазель Денрѣ, по словамъ Амнны, обожала Рудольфа.

Дальбергъ однако же не отдавалъ себѣ такого яснаго отчету въ этихъ невозможностяхъ: ему казалось, что, только бы его выпустили, онъ въ рѣшительную минуту нашелъ бы и рѣшительное средство какое-нибудь, — хоть съ неба, да свалилась бы неожиданная помощь, и жертвоприношеніе не состоялось бы. Это было разсужденіе осужденнаго на смерть, который надѣется, что

въ ту минуту, когда что повсуду на эшафотъ, его избавитъ какой-нибудь всеобщій переворотъ, землетрясеніе или наводненіе.

Теперь вые удивятся, можетъ-быть, что Клара, послѣ рѣшительнаго объявленія отцу о своемъ непреклонномъ намѣреніи не выходить ни за кого кромѣ Дальберга, не устояла противъ родительской воли.

Стало-быть, живое вѣрованіе въ любовь Генриха угасло; дивное упрямство въ убѣжденіи, что обвиненный невиненъ, наконецъ побѣждено? Вѣроятно, красота Амины оправдала возможность измѣны? Или Клара знала о связи Генриха съ Флорансой? или она полагала, что Дальбертъ, утомленный препятствіями, наконецъ самъ отступился отъ нея?

Совсѣмъ нѣтъ. Дѣло въ томъ, что Деврѣ, болѣе и болѣе очарованный Рудольфомъ, дотога преслѣдовалъ Клару увѣщаніями, что она наконецъ изъявила согласіе выйти за предлагаемаго жениха. Однакожь она осталась при своемъ убѣжденіи, что отецъ самъ скоро будетъ просить, чтобы она забыла объ этомъ.

— Въ такомъ случаѣ я съ вышшняго же дня могу называть тебя баронессою Гюбнеръ! вскричалъ старикъ протирая руки: невѣроятно чтобы я перемѣнилъ свое мнѣніе. Твой Генрихъ теперь влюбленъ еще въ другую тварь.... Каковъ соколикъ! Волосы дыбомъ становятся, когда я подумаю, что онъ чуть-чуть не сдѣлался мовнъ зятемъ!...

Клара ничего не отвѣчала. Рудольфъ не зналъ, что подумать объ ея спокойной задумчивости и, сколько ни былъ увѣренъ въ своихъ превосходствахъ, удивлялся, что любовь къ Дальбергу такъ скоро пещеала. Иногда, правда, ему казалось, какъ будто взглядъ Клары, останавливаясь на немъ, принималъ какое-то странное выраженіе и какъ-будто въ улыбкѣ ея заключалась подвѣваемая иронія. Что-преждемъ проблескъ какой-то тайной мысли мгновенною молніей оцѣчалъ блѣдую маску покорности на лицѣ дѣвушки и Рудольфъ невольно ужасался, какъ-будто приближенія какого-нибудь трознаго событія. Между-тѣмъ, первая окличка была сдѣлана и Рудольфъ успокоился.

Для Дальберга день тянулся невыразимо долго: часы казались ему вѣчностями, минуты вѣками. На письмо къ Флорансѣ онъ еще не получалъ отвѣту. Онъ ожидалъ, что Флоранса тотчасъ же прилетитъ освободить его, и не постигалъ замедленія. Въ душѣ его стали возникать самыя ужасныя подозрѣнія: ему уже казалось, что Флоранса — та же Амина, только еще коварнѣе. Онъ полагалъ, что она покинула его, когда узнала о разореніи.... Она,

стало-быть, воплощенная алчность и низкое корыстолюбие подъ личиною добродѣтели.... Но вѣтъ! этому трудно повѣрить: она, вѣроятно, хлопочеть объ освобожденіи и скоро явится.... Вотъ, кажется, шаркнули тоненькія ботишки и зашумѣло платье... Это она!

Легкая поступь и шорохъ шелкового платья въ корридорѣ дѣйствительно доказывали присутствіе посѣтительницы, но только это была не Флоранса.

Она не приходила ни въ тотъ день ни на слѣдующій. Раздраженный Дальбергъ разразился противъ женщины попомешанна, достойнаго Ювенала. Опъ проклялъ ихъ всѣхъ, Клару, Амюну, Флорансу, всѣхъ безъ исключенія, худшихъ и лучшихъ, произнесъ торжественный обѣтъ никогда больше не вѣрить ни въ любовь, ни въ дружбу, ни во что и, самъ того не зная, продекларировалъ всѣ тирады Шекспирова «Тимона Афинскаго». Миръ казался ему разбойничьимъ вертепомъ. Опъ видѣлъ себя, обманутаго, обкраденнаго, разореннаго; съ уходомъ послѣдняго червонца обнаружилось отступленіе и никто не идетъ даже на похоронны его богатства! На будущее время опъ далъ себѣ слово, если успеетъ приобрести новое состояніе, быть осторожнѣе, недоувѣрчавѣе и подозрительнѣе величайшихъ скрагъ, извѣстныхъ міру.

На этой точкѣ былъ Дальбергъ, когда вошла Флоранса. По разстроенному лицу она догадалась, что происходило въ его душѣ, и осталась у порогу, какъ будто выжидая приглашенія.

Дальбергъ хранилъ свѣршное молчаніе.

— Ну, что же? сказала Флоранса съ вѣжвою и печальною улыбкой: зачѣмъ вы удерживаетесь? Назовите меня вслухъ такъ, какъ, вѣроятно, уже перазъ назвали про себя.... назовите меня неблагодарною, бездушною.... И вы могли подумать, что я покину васъ! прибавила она помолчавъ: ахъ, какъ я ошлябась! Я воображала, что внушила вамъ другое мнѣніе о себѣ. Но вы теперь, можетъ-быть, лучше поймете и оцѣните Флорансу. Послѣните однако жъ прежде всего освободиться: вотъ деньги.

И она положила на столъ пучекъ банковыхъ билетовъ. Дальбергъ сдѣлалъ отрицательное движеніе и на лбу у него выступила благородная краска.

— О! вы можете принять эти деньги! прибавила Флоранса: они ваши: вы вовсе не разорены.

Въ глазахъ арестанта выразилось живѣйшее изумленіе.

— Напротивъ, вы богаче нежели были, продолжала Флоранса: суммы, которыя, вы думали, я расточаю, были пущены въ

вѣрные обороты черезъ одного стариннаго Торпгеймова пріятеля, который сохранилъ ко мнѣ дружбу и на котораго я совершенно могу положиться. Ваши капиталы приносятъ вамъ хорошій доходъ, котораго документы вы найдете въ вашемъ же домѣ, а вотъ и ключъ отъ дому. Я уже не ворочусь въ него и вы никогда больше не должны видѣть меня. Мое назначеніе кончено, прощайте!

— Флоранса! что ты?... что ты хочешь сказать, милая Флоранса! вскричалъ Дальбергъ, который ничего не понималъ ни въ неожиданномъ переворотѣ положенія, ни въ странной рѣшимости молодой женщны.

— Клара еще любитъ васъ.... Прощайте, Генрихъ, прощайте навсегда!

Флоранса поцѣловала молодаго человѣка въ лобъ и ускользнула за дверь такъ быстро, что онъ не успѣлъ опомниться.

Когда Дальбергъ вышелъ изъ тюрьмы, Флоранса была уже далеко и не оставалось ни какой надежды догнать ее.

Свободу свою Дальбергъ прежде всего употребилъ на то, чтобы посмотреть, не осталось ли какихъ слѣдовъ Флорансы въ домѣ, который она возвратила ему. Люди ничего не знали: Флоранса съ утра уѣхала и не возвращалась. Дальбергъ отправился въ улицу Святаго-Лазаря, въ прежнюю ея квартиру. Тамъ все было пусто, квартира отдавалась. Предосторожности были приняты такія вѣрныя, что всѣ поиски оставались тщетными.

Теперь мы сами должны объяснить читателямъ загадку, къ которой Дальбергъ нашелъ ключъ уже черезъ долгое время потомъ.

Флоранса воспитывалась въ одномъ пансіонѣ съ Кларой. Обѣ дѣвочки привязались другъ къ другу такъ, какъ можно привязаться только въ пансіонѣ: ихъ разлучало только время урока, потому что Флоранса, будучи двумя годами старше, естественно шла впереди. Но въ часы отдыха, отъискивая одну, можно было повѣрное знать, что найдешь обѣихъ. Наконецъ Клара съ немовѣрными усиліями успѣла даже догнать свою подругу, чтобъ быть съ нею въ одномъ классѣ. Флоранса была дочь флотскаго офицера, умершаго въ Севъ-Доминго, и креолки, которая привыкла къ роскошной жизни въ колоніяхъ и въ короткое время прожила все состояніе, какое у нея осталось послѣ мужа, такъ, что Флоранса, вышедши изъ пансіона, въ которомъ получила довольно блестящее образованіе, нашла у матери только нищету самую плачевную, нищету на развалинахъ роскоши. Вско-

рѣ потому она лишилась и матери и осталась въ Парижѣ одна безъ всякихъ средствъ. Флоранса не пренебрегала ни какимъ честнымъ трудомъ, какимъ можетъ прокормиться женщина, но она была слишкомъ хороша собой, такъ, что никто не повѣрилъ бы, что она не шутя занимается работой: такимъ бѣлымъ ручкамъ не приходилось владѣть иглой: нмъ слѣдовало быть осыпанными брилліантами и лежать на бархатномъ краю ложи перваго яруса. Предательская красота эта всюду изгоняла ее: ни какая хозяйка не хотѣла принять ея, чтобы не быть ея служанкой. Она старалась попасть на театръ, потому что обладала великолѣпнымъ голосомъ, но и туда ея не пустили за то единственное преступленіе, которымъ могла затмить другихъ, за красоту. Противъ нея возсталъ безчисленная армія рожъ. Наконецъ ее встрѣтилъ и оцѣнилъ Торвегейтъ, секретарь одного пѣмецкаго посольства. Онъ, какъ человекъ очень умный, не утратился того, что пугало другихъ, и связь эта продолжалась до самой смерти дипломата, случившейся за годъ до начала нашей повѣсти. Преемника ему до Дальберга ни одинъ злой языкъ не могъ назвать. При всемъ томъ однако жъ она уже должна была почитаться выбывшею изъ рядовъ общества.

Только одна Клара Деспрѣ всегда сохраняла къ павшей подругѣ тѣ же чувстваванія, что и прежде. Хотя Деспрѣ и строго наказалъ дочеря прервать всѣ сношенія и не кланяться, если случайно встрѣтитъ женщину, съ которою порядочной дѣвушкѣ не слѣдуетъ быть знакомой, однако жъ очень сомнительно, чтобы Клара также строго исполняла этотъ наказъ.

Можетъ-быть, въ дѣтствѣномъ простодушіи своемъ, Клара не совсѣмъ хорошо понимала мѣру проступка Флорансы, или, можетъ-быть, она, счастливая добродѣтель, много снисходила къ прекрасной павшей, но не испорченной душѣ.

Букетъ васильковъ и ржаныхъ колосьевъ, нарисованный Флорансой, всегда занималъ свое мѣсто надъ роюлемъ и если ния изгнанницы было скрыто подъ рамкой, зато его можно было бы легко прочесть въ сердцѣ Клары.

Подъ видимою дѣтскою безпечностью у Клары скрывался твердый характеръ, который не легко отступалъ отъ своего мѣнія о томъ, что находилъ справедливымъ или несправедливымъ. Такъ и Флоранса, обвиненная всѣми, находила отпущеніе у нея. Клара слишкомъ хорошо была знакома со всѣми сокровищами этой души и слишкомъ часто мѣнялась съ нею откровеннымъ довѣ-

рѣшъ, чтобы когда-нибудь допустить, что она можетъ дойти до униженія.

Она сожалѣла о неизбежномъ несчастіи подруги и говорила себѣ, что ни какая другая, въ подобномъ положеніи, не боролась бы долѣе.

Подруги, безъ-сомнѣнія, встрѣтились по прїѣздѣ Клары въ Парижъ и, не имѣя возможности видѣться, условились переписываться по тому способу, который мы видѣли уже въ началѣ разсказа, — Флоранса клала свои записки въ ящикъ, гдѣ хранился молитвенникъ, въ церкви, а Клара передавала свои черезъ шарманщика.

Съ нѣкотораго времени эта переписка стала производиться дѣятельнѣе прежняго. Клара, увѣдомленная Флорансою, знала, что Генрихъ былъ увлеченъ опаснымъ обществомъ. Она не сомнѣвалась въ своемъ женствѣ и не сомнѣвалась импечю потому, что однажды нашла его достойнымъ. Но она всё-таки опасалась, чтобы другіе не употребили во зло его благородной довѣрчивости, и потому, не изъ мелочной ревности, а изъ заботливости почти материнской, просила Флорансу присмотрѣть за нимъ и предостеречь, если будетъ пужно. Исполнить это было не трудно, потому что Флоранса могла слѣдовать за молодымъ человѣкомъ всюду, въ кругу актрисъ и вѣтренной молодежи, куда увлекалъ его Рудольфъ. Она взялась быть тайнымъ менторомъ новаго Телемана и окупить его въ горькія струи, какъ-скоро опъ слишкомъ засидится на островѣ какой-нибудь Калпео.

Еженедѣльно въ княжій ящикъ опускалась краткая, но точная вѣдомость о поведеніи Дальберга, которому, разумѣется, и во снѣ не спилось, чтобы дѣвушка, живущая въ уацѣ Аббатства и выходящая только по воскресеньямъ, въ церковь, знала всё подробности его львиного существованія.

Если кто-нибудь пайдетъ такое любопытство предосудительнымъ, тому можно отвѣчать, что этой дѣвушкѣ предстояло быть женою Генриха и что дѣло шло о счастіи всей ея жизни, слѣдовательно любопытство было довольно законное. Вообще надобно признаться, что довольно достойно сожалѣнія положеніе дѣвушекъ, которыя живутъ хотя и въ открытыхъ домахъ своихъ родныхъ и видятъ много людей, однако жъ никогда не знаютъ, какъ живутъ и что дѣлаютъ тѣ, отъ кого должна потомъ зависть вся ихъ судьба.

Мы приведемъ здѣсь двѣ или три записки изъ тѣхъ, которыя видѣли въ ящикѣ у Флорансы. Вы помните, что это были бу-

нажки, обелыяныя черныиъ порошкоть, ддятого чтобы можно было прочитатъ написанное лимонныиъ сокомъ.

«Ты говоришь, у него украли мой портретъ, писала Клара къ Флорансѣ: та, которая сдѣлала это, женщина, видно, очень дерзкая. Онъ спалъ, бѣдняжка, потому что не привыкъ къ такимъ полуночнымъ вирамъ. Ты опасасясь, чтобы меня не узнали? Но кто же узнаетъ меня? Это невозможно. Я въ Парижѣ нѣкогда не знаю, особенно въ томъ кругу. Какъ онъ долженъ быть огорченъ! Онъ такъ дорожилъ этимъ портретомъ. Ему, вѣроятно, скоро отдадутъ его, потому что онъ нѣкому не годится. Такъ онъ всё-еще часто видится съ этимъ Рудольфомъ, котораго я ненавижу и представляю себѣ какъ Меѣстофеля на картинкахъ въ иллюстрированномъ «Фаустѣ». Постарайся отвлечь его, если можешь. Я желала бы знать, какое удовольствіе можно находить въ томъ, чтобы пить и играть? Я увѣрена въ Дальбергѣ, но буду очень довольна, если мы скоро воротимся въ С***.»

«Что ты предвидѣла, случилось: та злая женщина, видя, что Генрихъ пренебрегаетъ ею, прислала портретъ съ письмомъ къ намъ. Дальбергъ, мужественный Дальберъ, трепеталъ какъ оснвовый листъ. Папенька сказалъ ему, чтобы онъ никогда не позволялъ являться ему на глаза. Надобно же случиться такому несчастію именно въ ту минуту, когда насъ хотѣли уже вѣнчать! Все было уже готово. Теперь много нужно времени, чтобы укротить и удобрить папеньку. Въ горѣ моемъ меня однако жъ утѣшаетъ то, что Генрихъ всё-таки любитъ меня. Иначе эта женщина не сыграла бы со мной такой недостойной штуки. Теперь, не смѣя прійти къ намъ, бѣдный Генрихъ, вѣрно, очень случается. Рудольфъ поведетъ его играть или на гадкіе ужины, съ которыхъ расходятся, когда другіе люди завтракаютъ. Ты говоришь, что эта Анна — хорошенькая? Но возможно ли быть хорошенькою съ такою черною душою? Пожалуйста, стереги Дальберга. Старайся встрѣчаться съ нимъ по-чаще. Тогда онъ будетъ какъ будто бы со мною: вѣдь мы съ тобой были такъ коротки, что въ насъ должно быть много схожаго. Папенькѣ я рѣшительно сказала, что не выйду ни за кого кромѣ Дальберга. Онъ отвѣчалъ, что я разсуждаю какъ глупая дѣвочка, которая ничего не понимаетъ. Онъ и не подозреваетъ, что я многое знаю даже лучше его.»

«Я вчера была въ театрѣ съ отцомъ и съ Рудольфомъ, кото-

рый нынче бываетъ у насъ очень часто, потому что ухаживаетъ за мною и хочетъ жениться. Я подозреваю, что никто какъ онъ сказалъ Амнѣ мое имя и вмѣстѣ съ нею устроилъ всю эту гадкую интригу. Дальбергъ сидѣлъ противъ насъ, въ бенуарѣ, съ нею. Мнѣ хотѣлось найти, что она дурака, но... ты права, она хорошенькая... очень хорошенькая и должна быть опасна. Нужно помѣшать Дальбергу видѣться съ нею. Если бы ты видѣла, какими глазами онъ посмотрѣлъ на Рудольфа, когда мы при выходѣ встрѣтились на лѣстницѣ!... Они будутъ драться, я увѣрена. Что если Генрихъ будетъ раненъ или убитъ?... Найди какое-нибудь средство предупредить бѣду, милая Флоранса. Увѣдомь полицію, испугай Рудольфа, а главное — отклони Генриха отъ Амны, хотя бы тебѣ для этого пришлось немножко пококетничать: я даю тебѣ неограниченное полномочіе и совершенно полагаюсь на тебя.»

Флоранса, какъ мы видѣли, исполняла порученія своей подруги съ рѣдкою преданностью и самоотверженіемъ. Она, посредствомъ своихъ людей, пыталась опонть лэкея Амны, чтобы отнять у него медальонъ; она же написала Рудольфу таинственную записку, которой Генрихъ обязанъ жизнью. Чтобы услужить подругѣ, она сдѣлалась соперницей Амны и Дальберга, извлеченный ею изъ омота, въ который бы ввергло его отчаяніе, получилъ хорошій урокъ, а между тѣмъ сохранилъ и честь и состояніе.

Когда прошло первое изумленіе поступку и побѣгу Флорансы, мысль о женитьбѣ на Кларѣ возродилась у Дальберга живѣе и сильнѣе чѣмъ когда-нибудь: онъ почувствовалъ, что не переживетъ того дня, когда Клара выйдетъ за другаго.

Онъ какъ съумасшедшій побѣжалъ къ Дебрѣ просить прощенія и рѣшился упасть на колѣни, дойти до самой униженной мольбы. Но Дебрѣ или дѣйствительно не былъ дома или не хотѣлъ принять его. Дальбергъ болѣе часу бродилъ около подъѣзду, чтобы подстеречь, когда старикъ воротится или выйдетъ со двора; разъ двѣсти прошелъ подъ окномъ Клары, стараясь увидѣть что-нибудь сквозь стору и занавѣсъ. Никто не шевелился.

А время было дорого: на другой день намѣревались подписать свадебный контрактъ.

Измученный нравственною и физическою усталостью, Дальбергъ нанялъ фіакръ, поѣхалъ въ свой домъ, на Елисейскихъ Поляхъ и бросился въ будуаръ на диванъ въ совершенномъ изнеможеніи.

Онъ былъ несчастіе тѣмъ когда-нибудь: Клара невозвратно погибала для него и Флоранса покинула навсегда.

Изъ двухъ геніевъ-хранителей его жизни у него не оставалось ни одного. Демонъ торжествовалъ.

Дальбергъ пролежалъ нѣсколько времени сдавивъ обѣими руками голову, оглушенную тысячью смутныхъ и нелѣпныхъ замысловъ.

Стемплю. Когда принесли свѣчи, Дальбергъ увидѣлъ на столѣ довольно большой пакетъ, котораго въ первой тревогѣ не прии́чалъ.

Распечатавъ, онъ нашелъ записку отъ Флорансы и заграничное письмо. Записка была такого содержанія:

«Любезный Генрихъ, вамъ стоить только явиться завтра къ Дебрѣ къ тому часу, когда слѣдуетъ подписать контрактъ. Будьте въ черномъ фракѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ, — словомъ, въ костюмѣ жениха. Клара знаетъ, что вы придете и ждетъ васъ. Она любитъ васъ и прощаетъ проступки, которыхъ вы, впрочемъ, и не сдѣлали. Рудольфъ не придетъ: это я знаю навѣрное. Отдайте Дебрѣ приложенное письмо и вы увидите, какъ скоро онъ переи́мнетъ свое мнѣніе о дорогомъ баронѣ, отъ котораго былъ въ такомъ восторгѣ. Исполните все, что я вамъ говорю: на меня вы можете положиться. Въ красномъ кабинетѣ вы найдете паряды, брилліанты и золотыя вещи, которыя дарилъ мнѣ. Свадебная корзинка совершенно готова.»

Генриху казалось, что онъ видитъ сонъ. Онъ машинально посмотрѣлъ на конвертъ, посреди котораго, между разноцвѣтными почтамтскими отбѣтками, красовалась огромная кашцеларская печать.

Въ этомъ нестромѣ, пзмарапномъ конвертѣ заключалась вся его судьба.

Наступилъ день свадьбы. Дебрѣ сіялъ. Онъ съ разсвѣтомъ падѣлъ огромный, бѣлый, крѣпко-накрахмаленный галстухъ, черезъ край котораго мягкое тѣло подбородка выплывало румяными складками; черный фракъ, великолѣпнаго сукна и достаточно просторный, такъ и пахнулъ кандидатомъ въ депутаты; толстая золотая цѣпочка тянулась отъ вырѣза жилета въ карманъ; золотая табакерка ловко поворачивалась въ лѣвой рукѣ, словомъ, Дебрѣ изображалъ идеальнаго тестя, приличіе котораго самый взыскательный женихъ не могъ бы представить себѣ.

Онъ ходилъ изъ угла въ уголъ, подвигалъ погой кресла, которыя не совсѣмъ симметрически стояли на своихъ нѣстахъ; по-

смотривалъ каждую минуту въ окно, хотя до назначеннаго срока было еще далеко, и отбарабанивалъ на стеклахъ триумфальныя марши.

Удовольствіе просиѣчивалось сквозь всѣ его поры, потому что, — должно признаться, открыть слабость почтеннаго нотаріуса, — ему было очень, очень лестно, что дочь его выходитъ за барона. Мысль, что на дверцахъ Кларппой кареты можно будетъ нарисовать гербъ съ баронскою короной, наполняла его родительское сердце невыразимо сладостнымъ чувствомъ и, притомъ... баронесса!... Это такъ звучно! Между-тѣмъ, Дебрѣ всегда выказывалъ либеральнѣйшій образъ мыслей и доказывалъ, что онъ свободенъ отъ готическихъ предразсудковъ. Но въ гербѣ не только для умѣренныхъ либераловъ, даже для отчаянныхъ республиканцевъ заключался непостижимая сила чаръ: оттого почти во всѣхъ романахъ съ демократическимъ направленіемъ героння — герцогиня, влюбленная въ разнощипца или даже мужика.

Клара была не сопсѣмъ такъ лучезарна какъ ея отецъ, и предстоявшая честь скоро называться баронессой, казалось, не слишкомъ восхищала ее.

Она мало спала и лицо, облагороженное легкою блѣдностью, свѣзъ личну равнодушія обнаруживало нѣкоторое безпокойство, какъ-будто ожиданіе чего то.

Она, конечно, вполне полагалась на преданность и ловкость своей подруги и, на слово, что Флоранса избавить ее отъ Рудольфа въ рѣшительную минуту, для виду совершенно повиновалась отцу. Могло однако жъ случиться, что Флоранса ошиблась насчетъ непогрѣшимости своего средства, или что Рудольфъ отведетъ направленный на него ударъ. Онъ обладалъ такую находчивостью, такую хитростью и ловкостью; онъ былъ такъ тонокъ, такъ изворотливъ и умѣлъ такъ искусно выпутываться изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Дебрѣ довѣрялъ ему совершенно слѣпо. Во всемъ этомъ, безъ сомнѣнія, было достаточно матеріалу къ безпокойству и Клара внутренно трепетала не даромъ.

Если спасительное средство не удастся, она будетъ связана собственнымъ словомъ и должна выйти замужъ за человѣка, котораго можетъ только презирать. Отъ этой одной минуты зависяло счастье и несчастье всей ея жизни.

Контрактъ слѣдовало подписать въ полдень. Двѣ стрѣлки сошлись и образовали одну перпендикулярную линію; свидѣтели были на лицо; недоставало только Рудольфа.

Клара стояла, опершись на свое кресло, прямая, неподвижная, блѣдная; глаза были устремлены на часы, ухо чутко ловило каждый стукъ экипажа на улицѣ, всякій шорохъ шаговъ въ передней.

Часовая стрѣлка указала четверть перваго. Клара вздохнула свободнѣе и легкій румянецъ оживилъ ея щеки.

— Развѣ часы наши впередъ идутъ? говорилъ Дебрѣ, повѣряя ихъ со своими карманными: нѣтъ.... Рудольфу давно уже слѣдовало бы быть, но.... четверть часа всегда прощается.

Прерванный на мигу этимъ замѣчаніемъ, шепотъ присутствующихъ между собою снова загудѣлъ по залѣ. Дебрѣ сталъ прохаживаться взадъ и впередъ, не безъ нетерпѣнія: онъ находилъ уже, что Рудольфъ недостаточно торопится.

— Ну, что жъ дѣлать! вѣрно, онъ замѣшкался за туалетомъ. Женихово дѣло: нужно показать себя!

Впродолженіи этой прогулки, малпикъ, примѣшившая свой однообразный стукъ къ скрипу новыхъ сапоговъ Дебрѣ, сдѣлала столько движеній, что колоколъ ударилъ часъ.

Баронъ Гюбнеръ, такой точный, такой учтивый, такой строгій наблюдатель приличій, просрочилъ шестьдесятъ минутъ по всемъ возможнымъ стѣннымъ, столовымъ и карманнымъ часамъ.

Свидѣтели, видимо смущенные, не знали, что съ собой сдѣлать; недавно свѣтлое лицо Дебрѣ значительно омрачилось, на лбу собрались тучи. Лицо Клары, напротивъ, съ каждою минутой прояснялось и ярко выступало на темномъ фонѣ всеобщаго замѣшательства.

— Это непостижимо! ворчалъ сквозь зубы бывший нотаріусъ: онъ такъ влюбленъ въ Клару, такъ восхищенъ ея согласіемъ, а между тѣмъ просрочилъ уже больше часу!... Эти дворянчики считаютъ все позволительнымъ, когда имѣютъ дѣло съ гражданскимъ, продолжалъ онъ съ оскорбленною гордостью: но нѣтъ, это невозможно.... Вѣроятно, съ нимъ случилось что нибудь.... нездоровье.... дуэль.... Богъ знаетъ.... Однако жъ, въ такомъ случаѣ, можно бы было написать по-крайней мѣрѣ, или прислать кого-нибудь, извиниться.... а не заставлять пестѣту звать на ворота передъ десяткомъ чужихъ людей, которые отъ нечего дѣлать не знаютъ, на что смотреть.... Десять минутъ втораго! это просто непостижимо!...

Тутъ громко зазвенѣлъ колокольчикъ на подъѣздѣ.

— Шакопецъ! вскричалъ Дебрѣ съ взрывомъ возрожденнаго удовольствія.

— Боже! кто изъ двухъ? взмолилась про себя Клара, почти задыхаясь отъ волненія и крѣпче ухватившись за свое кресло.

Время отъ удара въ колокольчикъ и до входа въ залу того, который позвонилъ, дало Кларѣ понятіе о тѣхъ напряженныхъ состояніяхъ души, когда одна минута кажется тысячелѣтіемъ.

Дверь отворилась, на глаза Клары упалъ туманъ.

Лакей подошелъ къ Дебрѣ и сказалъ нѣсколько словъ на-ухо.

Дебрѣ какъ-будто досадовалъ и почесалъ за ухомъ, — что у него означало высокую степень замѣшательства. Онъ извинился передъ гостями и вышелъ вслѣдъ за лакеемъ.

Кто опишетъ изумленіе Дебрѣ, когда онъ въ приемной комнатѣ встрѣтился посомъ къ носу съ Генрихомъ Дальбергомъ? Онъ растопырилъ пальцы, безъ звуку разинулъ ротъ и зрачки глазъ окружились бѣлымъ, — знакъ остолбенѣнія, если вѣрить Шарлю Лебрёну и его рисункамъ выраженій.

— Какъ!.. вы!.. вы изволили пожаловать сюда, милостивый государь? Вы, вѣрно, намѣрены сдѣлать намъ какую-нибудь неприличную сцену? сказалъ наконецъ бывшій нотаріусъ, прійдя нѣсколько въ себя.

— Вы ошибаетесь насчетъ моихъ намѣреній, отвѣчалъ съ величайшею вѣжливостью Дальбергъ: каково бы ни было мое огорченіе съ-тѣхъ поръ какъ я совершенно незаслуженно лишился счастія видѣть вашу дочь, я слишкомъ уважаю ее, чтобы позволить себѣ что-нибудь неприличное въ отношеніи къ ней. Скорбь о невозможности быть вашимъ зятемъ никогда не заставитъ меня позабыть обязанности порядочнаго человѣка, каковымъ я всегда оставался, несмотря на ваши предубѣжденія противъ меня. Я не съ тѣмъ пришелъ. Потрудитесь прочесть это письмо.

Дальбергъ подалъ старнику письмо, которое ему прислала Флоранса.

— Хорошо, я послѣ прочту и сообщу вамъ отвѣтъ, сказалъ Дебрѣ, намѣреваясь положить письмо въ карманъ.

Генрихъ сдѣлалъ отрицательное движеніе, которымъ показывалъ, что желаетъ получить отвѣтъ немедленно.

— Вы понимаете, милостивый государь, продолжалъ Дебрѣ подвигаясь къ выходу, чтобы проводить молодого человѣка: вы понимаете, что послѣ того, что здѣсь случилось, встрѣча ваша съ Рудольфомъ была бы крайне неприятна.

— Съ этой стороны вы можете быть совершенно спокойны, отвѣчалъ Дальбергъ рѣшительно: баронъ Гюбнеръ не прійдетъ, или я очень ошибаюсь.

— Какъ! что вы говорите? вскричалъ старикъ: Рудольфъ не придетъ?... Какіе пустяки!

— Я васъ увѣрю. Прочитайте письмо, которое я имѣлъ честь вручить вамъ, и вы увидите, что я говорю правду.

Депрѣ дрожащею рукою сломилъ печать и вынулъ изъ конверта двѣ или три бумаги, при бѣгломъ просмотрѣ которыхъ нѣсколько разъ измѣнился въ лицѣ и отрывисто проговорилъ про себя:

— Какой ужасъ!... какая низость!... Кто бы это подумалъ?... Повѣрьте послѣ этого людямъ.... Усомнитесь нѣтъ возможности... О!... эи! а я подавалъ руку этому человѣку!

И бывшій нотаріусъ отеръ руку о фалды новаго чернаго фрака.

— Все ли вы еще намѣрены отдать руку вашей дочери барону Гюбнеру? спросилъ Генрихъ, который выигралъ нѣсколько поля и стоялъ опять посередѣ комнаты.

— Я? никогда!... Чтобы я отдалъ дочь за такого мерзавца.... за шпиона.... лучше за вора отдамъ!

— И даже за честнаго, порядочнаго человѣка? сказалъ Генрихъ поталкивая старика въ залу, гдѣ ждали свидѣтели.

Депрѣ, казалось, задумался.

— За человѣка, который не только не разорился, но вмѣсто двадцати-пяти имѣеть тридцать тысячъ вѣрнаго доходу....

Дума старика какъ-будто углубилась. Онъ взялся за мѣдную ручку двери.

— Несчастая хорошенькаго дома, съ садомъ, восхитительно меблированнаго и совершенно удобнаго для молодыхъ супруговъ....

Депрѣ посмотрѣлъ Дальбергу въ глаза. Тотъ продолжалъ:

— Вы ожидали женьхи, онъ не идетъ. Позвольте мнѣ занять его мѣсто. Вы видите, я на всякій случай одѣлся прилично обстоительству.

— Да, правда: бѣлый галстухъ и бѣлый жилетъ, проговорилъ Депрѣ, окончательно убѣжденный, и съ шумомъ отворилъ дверь.

Генрихъ въ нерѣшимости остановился на порогѣ.

— Господа! громогласно сказалъ Депрѣ: честь имѣю представить вамъ моего зятя, Генриха Дальберга.... на бракосочетаніе котораго вы приглашены....

— Не правду ли я вамъ говорила, папенька, что я ни за кого кромѣ Дальберга не выйду? прошептала Клара отцу на ухо.

Стариково объясненіе этой подставки одного зятя вмѣсто дру-

гато, моря и вѣскольно темное, было принято безъ возраженій, потому что Дальберга всѣ любили, а баронъ Гюбверъ нравился очень немногимъ изъ друзей бывшаго нотариуса.

Нужно ли оскорблять догадливость читателей объясненіемъ, что Флоранса, впродолженіи своей связи съ Торигеймомъ, узнала о низкомъ ремеслѣ Рудольфа, который служилъ шпиономъ противъ своего отечества тому самому двору, котораго Торигеймъ былъ представителемъ. Письменные доказательства были уже въ рукахъ у Депрѣ.

Рудольфъ, опасаясь огласки этихъ страшныхъ свидѣтельствъ, бѣжалъ за границу.

Подъ вѣтеръ этого счастливаго дня Клара получила письмо съ надписью «Госпожѣ Дальбергъ.» Когда она читала, грудь у нея волновалась и на глазахъ навертывались слезы.

— Добрая Флоранса! прощентала она и бережно спрятала письмо на груди.

Остальное все шло, какъ слѣдуетъ. Дальбергъ и Клара счастливы, слѣдовательно, мы уже не имѣемъ права заниматься ими.

Скажемъ только, что черезъ вѣскольکو мѣсяцевъ Дальбергъ, печально выдвинувъ какой-то ящичекъ въ комнатѣ жены, чтобы сыскать вѣчто положенное въ другомъ мѣстѣ, нашелъ письмо, въ которомъ почеркъ походилъ на Флорансинь. Онъ прочиталъ въ немъ только эту фразу: «Прощай, Клара! Я ѣду въ Америку... Я люблю твоего мужа... Пожалѣй обо мнѣ!...»

— Какъ жаль, что Парижъ не Константинополь! подумалъ Дальбергъ подавляя невольный вздохъ.

В ДЕРЖКЕРЬ.

БОГАТЫЙ ЧЕЛОВЕКЪ.

=

ПОВЕСТЬ.

=

(Изъ романа А. Дюма-де-ла-Палла «Le Gentilhomme d'aujourd'hui».)

=

Въ мартѣ 1845, въ ясный, почти весенній день, шоголоватая толпа наполняла всю часть бульвара отъ улицы Шоссе-д'Антенъ до Моннартрской; по шоссе вдоль и поперекъ стояли тысячи различныхъ экипажей, между которыми по-временамъ появлялись всадники на англійскихъ коняхъ чистой крови. Разсѣяніе и удовольствіе казались единственными двигателями всего этого собранія. Между тѣмъ, около кофейни Тортона, гдѣ стеченіе было значительнѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, посреди безпечныхъ «визіонистовъ» гуляющихъ можно было замѣтить нѣсколько мужскихъ лицъ отягченныхъ роковою печатью безпокойства и тяжелой заботы.

Это однакожъ были все люди еще молодые, или по-крайней-мѣрѣ въ дѣтѣ дѣтѣ, — изъ тѣхъ, которые ежедневно прибываютъ въ столицу, искать состоянія въ азардной биржевой игрѣ, потому что не имѣютъ ни довольно отважности, ни довольно терпѣнія, чтобы приобрести его трудомъ. Для этихъ господъ ко-

рейная Тортовия—вторая биржа. Тутъ словно станъ воронъвъ слетаются разнаго роду спекуляторы, мелкіе и крупныя промышленники и барышники, для собиравія свѣдѣній, справокъ, условій и уговоровъ передъ всякою оффиціальною продажей или куплей въ настоящемъ храмѣ золотого тельца.

Въ этотъ день было много озабоченныхъ, потому что на рынкѣ было бурно. Многочисленныя предложенія значительно уронили курсъ пѣкоторыхъ бумагъ и въ особенности акцій желѣзныхъ дорогъ. Поговаривали, что будетъ еще хуже, и можно было подумать, что у всякаго въ бумажникѣ, въ видѣ акцій, заключается клочекъ отравленной тушки центавра Нессуса, отъ которой страждущіе со страхомъ спѣшили избавиться.

Въ этой толпѣ, передъ кофейной, въ особенности замѣтны были три господина, которыхъ по свѣжести желтыхъ перчатокъ и по безукоризненному блеску лакированныхъ сапоговъ можно было отпести, если не къ аристократическому, то ужъ по крайней мѣрѣ къ богатому классу общества. Всѣ трое были разныхъ лѣтъ, — старшему подъ пятьдесятъ, младшему около двадцати-четырехъ.

Средній изъ нихъ человекъ лѣтъ тридцати-пяти, довольно высокаго росту, блонкурый, гладко обрѣтый, съ полнымъ и правильнымъ лицомъ, но безъ выраженія, носилъ на всей своей особѣ отпечатокъ характера въ родѣ англійскаго, который соединяетъ изученую опрятность одежды съ сухою и непоколебимою осторожностью въ движеніяхъ. По одному равнодушію, съ какимъ онъ посматривалъ то на своихъ собесѣдниковъ, то на толпу, можно было узнать человека, который уже составилъ себѣ состояніе. Ипполитъ Пантейль, — такъ его звали, — занималъ на биржѣ должность маклера.

Изъ товарищей его младшій, Фернандъ де Мондрагонъ, былъ денди, который сперва по модѣ, потомъ по привычкѣ, а можетъ быть и по неспособности къ чему-нибудь другому, посвятилъ себя на фанатическое служеніе лошадямъ и такъ хлопоталъ объ улучшеніи и воспитаніи этой породы четвероногихъ, что великодушно забывалъ о своемъ собственномъ. Мондрагонъ не занималъ ни какой должности въ іерархіи жрецовъ золотого тельца и только по временамъ имѣлъ къ нимъ доступъ какъ вѣрующій и изрѣдка принималъ участіе въ жертвоприношеніяхъ.

Въ такомъ же положеніи находилось и третье лицо, принадлежавшее къ группѣ желтыхъ перчатокъ и лакированныхъ сапо-

говъ. Молинвѣ, бывшій нотаріусъ, приземистый толстякъ, не смотря на зрѣлость своего возраста, имѣлъ всё претензіи, обыкновенно врожденныя малорослымъ человѣчкамъ, одареннымъ болѣе или менѣе уморительною «визиопіею». Изъ неподдѣльныхъ частей тѣла своего онъ, показывалъ только выпученные глаза, плоское, немножко угреватое лицо, большой ротъ и серазвѣрные зубы. Въ отношеніи къ прочимъ онъ много пользовался средствами, которыми искусство помогаетъ природѣ, и успѣвалъ довольно удачно скрывать двѣ трети тройнаго подбородка подъ великолѣпнымъ галстукомъ, лысину — подъ блестящею черною завитою накладкой, а излишекъ брюха — въ узкомъ корсетѣ. Онъ любилъ яркія краски и издали бросался въ глаза оводни фантастическими жилетами, шотландскими брюками и затѣйливыми пальто. Со всѣмъ этимъ Молинвѣ былъ добрый малый, довольный всѣмъ и въ особенности самимъ собой, что очень краснорѣчиво выражала вѣчная его улыбка.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ: знаете ли, господа, что на биржѣ давно не бывало такой бури, какъ нынче. Сто франковъ пониженія на орлеанскія акціи въ три биржи! Это ужасу подобно..... какъ говоритъ Петиннъ, знаменитый танцоръ Петиннъ, котораго я сейчасъ встрѣтилъ.

— Правда, отвѣчалъ спортсменъ Мондрагонъ: лучше держать пари на лошадей чѣмъ на желѣзныя дороги.

— Конечно, зашѣтилъ биржевой маляръ Нантейль: не такъ скоро ускачешь.

— Ну, это еще не извѣстно, возражалъ со смѣхомъ Молинвѣ: кто какъ ускачешь.... Я сейчасъ видѣлъ на биржѣ, въ галлерей, нѣкоторую наѣздницу изъ цирка, съ которою скорѣй ускачешь на лошади чѣмъ по желѣзной дорогѣ. Какъ вы думаете, мосьё де-Мондрагонъ? Вы, я примѣчаю, не единственная страсть милонъ Зелія Шомонтель? Красавица измѣняетъ вамъ въ пользу Руана, Гавра или Орлеана.... который изъ этихъ вашъ соперникъ?

— Милліонъ чортовыхъ жокеевъ! вы, вѣрно, опознались, господа въ нотаріусъ. Зелія знаетъ, что я ненавижу желѣзныя дороги, и хотя она не боится хлыста, какъ моя сѣрая кебыла; однако жъ не позволитъ себѣ.... нѣтъ! нѣтъ! Пусть она себѣ дѣлаетъ, что ей угодно на скачкахъ: съ этой стороны я совершенно отдаю ей поводья, но.... горе ей, если я застаю ее на какихъ проклятыхъ рельсахъ!

— Ну, полно, полно, не сердитесь, Мондрагонъ. Я въ самомъ

дѣлѣ, можетъ быть, подогладѣтъ : въ Парижѣ вѣдь такъ много женщинъ, похожихъ между собою.

— Конечно, прибавилъ «легма Нантейль: такъ много, что вы, почтенный нотаріусъ, швыряющій камни черезъ чужой заборъ, кажется, не примѣтилъ, кто такова была особа, которую вы встрѣтили на порогѣ бархочевой залы.

— Ст! полно, полно объ этомъ.

— Отчего же? Очаровательная мадамъ Арсенія Бельмонтъ имѣетъ право на особенное уваженіе, хотя она дебютировала на воѣхъ парижскихъ театрахъ и не успѣла разыграть ни одной значительной роли, — кромѣ, развѣ, въ вашемъ бюджетѣ. Говорить, она замъ стоитъ шкуры съ плечъ.

— Да, правда, что она немножко расточительна. Чтѣ жъ дѣлать?... артисты не умѣютъ рассчитывать.

— Къ счастью, нотаріусы... умѣютъ расшлачиваться.

— Ну, послѣ этого я уже не удивляюсь, что Молиньѣ опять является на баржѣ, замѣтилъ конюшю Мюдрагонъ: но берегитесь, любезный другъ; совѣтую вамъ, подберите возки!

— О! любезнѣйшій! за лошадей что ли вы меня принимаете?

— Сохрани Богъ! я слишкомъ уважаю лошадей, чтобы употребить ихъ для обидныхъ сравненій.

— То-то!... А послушайте, Нантейль, правда это, что, вслѣдствіе нынѣшней ликвидаціи, опять нѣкоторые члены вашей компаніи готовятся махнуть за границу?

— Такъ ли вы слышали? Увѣрены ли вы, что это члены нашей, а не вашей компаніи?

— Боже мой! конечно, очень можетъ быть. Я человѣкъ спортивный: положимъ, что нашей и вашей.

— И чудесно! воскричалъ Мюдрагонъ: но парфъ въ рядѣ и маршъ въ галонѣ! Это восхитительно, честное слово! прелесть!... Настоящая скачка мажеровъ и нотаріусовъ верхами на клиентахъ!

— Вы напрасно мечете въ насъ эпиграммы, любезный мосьѣ Мюдрагонъ, спонсирно возразилъ маклеръ: вы, господа, дворяне, ни чуть не лучше насъ. Я знаю многихъ изъ насъ, которые играютъ въ ту же игру и забываютъ улаживать свои недочеты.

— Кого же, сдѣлайте одолженіе?

— Да хоть бы, наприимѣръ, одного изъ самыхъ блестящихъ львовъ, дворянина изъ самыхъ старинныхъ, графа Людовика Мюжирона.

— Какъ! Можиронъ на дняхъ купилъ у лорда Кембла пару гнѣдыхъ и въ томъ числѣ миссъ Арабеллу, которая вѣла преніе на эпсомской скачкѣ, а вы говорите, что дѣла его плохи?

— Мнѣ такъ кажется. На послѣдней ликвидаціи онъ остался долженъ сто-двадцать тысячъ франковъ, да на нынѣшней онъ теряетъ по-крайней-мѣрѣ сто-осемьдесятъ.

— Итого триста-тысячъ! Ахъ, если бы онъ продалъ мнѣ миссъ Арабеллу! Но онъ захочетъ продать пару!

— Полноте! возразилъ Молиньѣ графа такая потеря еще не разорить. Я его коротко знаю: вѣдь мы въ оперѣ въ одной ложѣ сидимъ.... Онъ же меня и Карлоттѣ представилъ.... Ему рѣшительно невозможно разориться, ни даже отъ любви, потому что маркиза де-Бретвиль....

— Да, говорятъ, она безъ-ума отъ него, перебилъ Мондрагонъ, но развѣ вы не знаете, что она уѣхала въ Алжиръ, къ мужу.

— О! неужели? Этого Можиронъ не сказывалъ мнѣ. Это меня удивляетъ: между нами, кажется, не было ни какихъ тайнъ.... мы давнишніе друзья.... въ характерахъ нашихъ такъ много сходнаго.... Да вотъ и онъ!....

Къ крыльцу леди-Тортона подѣхалъ изящный набріолетъ, запряженный парю гнѣдыхъ лошадей самой чистой крови. Изъ набріолета вышли двое молодыхъ людей.

Первый, графъ Людовикъ де-Можиронъ, былъ человекъ лѣтъ тридцати двухъ, стройнаго средняго росту, съ пріятнымъ лицомъ и чрезвычайно изящными манерами. Черные завитые волосы, рѣдкая шея, огненные глаза и все въ немъ обшаривало живую, пылкую душу, созданную для страстей. Маленькіе закрученные усики удивительно шли къ ровнымъ дугамъ бровей, чисто выведеннымъ какъ у Чернешенки; руки и ноги, во всѣхъ отношеніяхъ достойныя патриція, дополняли цѣлое, на даромъ привлекавшее вниманіе очень многихъ женщинъ.

Второй былъ высокаго росту худощавый блондинъ, почти тѣхъ же лѣтъ. Одежда и движенія его показывали веселыя привычки немножко противорѣчивыя кроткому и почти гнѣдному выраженію лица.

Можиронъ дружески подалъ руку Мондрагону и Молиньѣ и, немножко церемонно поклонясь маклеру, сказалъ:

— Господа, рекомендую вамъ моего кузена и одного изъ лучшихъ друзей моихъ, капитана Шарля де-Сенъ-Сердена, который только-что пріѣхалъ изъ провинціи.... Капитанъ, прошу познано-

миться.... вѣтъ двое изъ моихъ друзей, москѣ Мюндрагонъ и москѣ Молиньѣ.... москѣ Нантейль.

Они раскланялись. Молиньѣ посѣбно схватилъ Можирона подъ руку, чтобы показать гуляющимъ по бульвару, какъ онъ коротко съ блестящимъ графомъ, и заговорилъ очень громко:

— Я ужъ опасался, не заболѣли ли вы, любезный графъ!.... Васъ сегодня не было на биржѣ. Но теперь я начинаю.... васъ задержалъ пріятный гость.... Чрезвычайно пріятно познакомиться....

— А я полагаю просто, что графъ не хотѣлъ вводить своихъ чудесныхъ лошадей въ пошлую компанію клячъ, которые собирались сегодня на площади, замѣтилъ Мюндрагонъ: на эти ликвидациі собираются такая сволочь четвероногихъ одровъ, что только посмотреть, такъ сердце заболитъ!

— Особенно, когда на ликвидациі приплываешь изъ своего кармана, холодно прибавилъ Нантейль, а графъ, кажется, именно въ этомъ положеніи.

— Правда, счастье сегодня, говорятъ, не улыбнулось мнѣ, отвѣчалъ Можиронъ, но что жъ дѣлать, не всегда же выигрывать: это было бы даже слишкомъ однообразно.

— Правда, правда, графъ! вскричалъ Молиньѣ: не всегда можно выигрывать!

— Не всегда легко и проигрывать, прибавилъ опять также холодно маклеръ.

— Вы полагаете? возразилъ Можиронъ, бросивъ на него гордый презрительный взглядъ: впрочемъ, можетъ-быть.... Объ этомъ всего лучше знать маклеру.... Но полно объ этихъ пустякахъ. Чтѣ ны станемъ дѣлать сегодня?

— Сегодня послѣдній балъ въ оперѣ, отвѣчалъ Мюндрагонъ, а послѣ бала тотъ-же Молиньѣ, здѣсь на лицо сущій, кажется, наизбрень цакоринтъ насъ ужинномъ.

— Да, любезный графъ, я надѣюсь, что вы не отстанете отъ насъ и что вамъ кузень также окажетъ намъ честь....

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, я отвѣчаю за двоихъ.

— Насъ будетъ человѣкъ двѣнадцать.... то есть если, я говорю человѣкъ двѣнадцать, это значитъ надо разумѣть и мужскій родъ и женскій.

— И прекрасно! вы превосходный грамматикъ, любезный Молиньѣ.

— Я знаю! вскричалъ Молиньѣ, громко захохотавъ: какъ же не знать грамматики, когда учишься ей за кулсами!..

— У профессора, который стоитъ по шести-тысячъ франковъ въ мѣсяцъ! прибавилъ Нантейль.

Въ это время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ разговаривающихъ, на бульварѣ показался довольно странный человекъ, у котораго голова съ маленькими глазками соединяла въ себѣ физиономію крысы съ выраженіемъ хуницы. Привѣчательно развитый носъ и острый подбородокъ, казалось, постоянно стремились соединиться. Лѣтъ этой фигуры невозможно было опредѣлить и вообще все въ ней казалось сомнительнымъ, загадочнымъ. Костюмъ состоялъ въ старой засаленной венгеркѣ, въ черномъ галстухѣ, который скрывалъ предполагаемый воротникъ рубашки, въ бумажныхъ, свѣтло-коричневыхъ порчаткахъ и въ мечищенныхъ сапогахъ.

Этотъ господинъ низко поклонился графу Можирону. Тотъ, краснѣя, слегка кивнулъ въ отвѣтъ.

— Вамъ знакома эта штука? спросилъ съ удивленіемъ Молнѣе.

— Да, нѣсколько, отвѣчалъ съ смущеніемъ Можиронъ.

«Штука» подошла и сладенькимъ голосомъ, въ которомъ верхній тонъ выражалъ просителя, а нижній — кредитора, сказалъ:

— Ваше сіятельство, позвольте сказать вамъ два слова.

— Четыре, если угодно, любезный мосьё Лаверденъ, отвѣчалъ графъ, маскируя небрежностью свое принужденіе и досаду.

Можиронъ и господинъ въ засаленной венгеркѣ отошли на нѣсколько шаговъ. О чемъ они говорили, неизвѣстно, только графъ воротился къ своимъ друзьямъ въ раздраженіи, которое съ трудомъ скрывалъ.

Молнѣе хлопоталъ о необходимости сократить время до обѣда и предложилъ зайти къ Тортони, въ особую комнату, и сыграть партію въ ланскнехтъ. Согласились. Игра, начатая въ шутку, для препровожденія времени, кончилась тѣмъ, что Можиронъ разгорячился и проигралъ Нантейлю тридцать-тысячъ франковъ на слово.

— Вы вездѣ и во всемъ выигрываете, Нантейль! вскричалъ Молнѣе: что бы вы ни предприняли, вамъ все удастся. Мы всѣ богѣе или менѣе проигрываемъ въ картахъ и на акціяхъ, а вамъ все везетъ!... даже страшные намъ векселя вамъ — прибыль.

— Да, я не могу пожаловаться. Однако жъ что касается до векселей... я вамъ ренъ продать мое мѣсто. Усталъ. Хочу жениться. Требования мои на этотъ счетъ скромны, увѣряю васъ... Я

удовольствуюсь миллиончикомъ, если нибѣта молода и не дурна собой.

— Ну, у васъ вкусъ не то, чтобы дурной!

— Въ самомъ дѣлѣ,—послушайте, Молиньё,— у васъ есть дочь, у которой, говорятъ, нибѣта придаваго семь или осемь-сотъ тысячъ. Я видѣлъ ее въ прошломъ году, на балѣ, который вы помните. Она мнѣ очень понравилась и я не шутя расположился просить ее руки.

— А я могу предложить вамъ развѣ только мою, съ громкимъ хохотомъ отвѣчалъ Молиньё.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, послушайте; я вѣдь не шучу.

— А вы думаете, что я шучу? Ни мало. Если хотите, я побожусь вамъ, что моя дочь никогда не будетъ вашею женою.

— Это отчего? спросилъ Нантейль, покраснѣвъ и устремивъ взоръ въ глаза нотариусу.

— Отчего?... Оттого что для этого нужно быть.... дворяниномъ.

— Почтеннѣйшій господинъ нотариусъ, вашъ отвѣтъ въ наше время — анахронизмъ.

— Пусть себѣ анахронизмъ, любезнѣйшій господинъ маклеръ, не станемъ ссориться изъ-за анахронизмовъ. Побѣрите мнѣ впрочемъ, что это зависитъ вовсе не отъ Жена: у меня нѣтъ предразсудковъ, вы знаете, но у меня есть дядюшка... дядюшка моей покойной жены, маркизъ д'Армантьеръ, въ Неверѣ. У него и дочь моя живетъ съ-тѣхъ-поръ какъ вышла изъ пансіона.

— Въ Неверѣ.... д'Армантьеръ! шопотомъ повторилъ молодой капитанъ и сталъ внимательно вслушиваться.

— Маркизъ утверждаетъ, что совершенно деститочен и того, что мать вышла за нотариуса, за ибнцайина, и не хочетъ, чтобы дочь продолжала идти тою же дорогой. Что жъ дѣлать, любезный другъ, нужно утѣшиться.... а чтобы помочь вамъ въ этомъ, я сейчасъ прикажу подавать обѣдъ. Граждъ, не угодно ли вамъ пойти со мной, распорядиться? Ваши совѣты будутъ мнѣ очень полезны.

— Съ удовольвіемъ, готовъ служить, пойдимте.

Едва нотариусъ и сіятельный другъ его вышли-за дверь, Нантейль, подъ ударомъ, нанесеннымъ его сиюлюбію, забывъ обыкновенную свою осторожность, вскричалъ:

— Дурачина! онъ не хочетъ, чтобы его дочь была моею женою! Господа! кому угодно держать со мной парі, что манзель

Эта Молнвѣ, до исходу нынѣшняго года, будетъ моею любовницей!

— Закладъ на женщину? возразилъ Мондрагонъ: «и! я держу заклады только на лошадей.

— Милостивый государь, такія вещи, можетъ-быть, и дѣлаются, но объ нихъ не говорятъ, сказалъ въ то же время капитанъ де-Сенъ-Серженъ, подходя къ Нантейлю блѣдный и съ грозными видомъ.

— Почему вы такъ думаете?

— А!... извините, я забылъ, что вы — маклеръ, стало-быть это говорится, но не дѣлается.

— По тону вашей рѣчи можно полагать, что вы знакомы съ миссъ Эммой....

— Это до васъ не касается. Вы предложили закладъ; я спрашиваю, сколько вы держите?

— Сколько вамъ угодно. Навримързъ, тридцать-тысячь франковъ, которые проигралъ мнѣ вашъ кузень. Это для меня будетъ или кавтъ или вдвое.

— На деньги я не хочу биться, потому что у меня такихъ денегъ нѣтъ. Я могу только закладывать мою жизнь противъ вашей.

— О! да вы, кажется, дуэль предлагаете?

— Дуэль? вскричалъ Мондрагонъ: этого я не позволю.... изъ-за такихъ пустяковъ!

— Дуэль? повторилъ Молнвѣ, поспѣшно вбѣгая въ комнату: кто здѣсь говоритъ о дуэли?

Противники быстро перемѣнились вмѣсто уговору хранить молчаніе, а Мондрагонъ смѣясь отвѣчалъ нотаріусу:

— Съ чего вы это взяли? Мы здѣсь толковали о гнѣдой кобылѣ Можирона, о миссъ Арабеллѣ.

— А! то-то мнѣ послышалось.... Арабель, дуэль — слова довольно похотіе.

— А гдѣ же Можиронъ? спросилъ Мондрагонъ.

— Ст! молчите! отвѣчалъ нотаріусъ озирясь и съ таинственнымъ видомъ приложивъ указательный палецъ къ губамъ.

— Что такое? что случилось?

— А вотъ, что! шепотомъ отвѣчалъ Молнвѣ: когда я выходилъ отсюда, мнѣ показалось, какъ-будто въ корридорѣ мелькнуло женское платье, какъ-будто кто подслушивалъ у дверей и, когда ее отворили, поспѣшно скрылся. Вы знаете, я очень предприимчивъ, а какъ особа оказалась мнѣ довольно приятной наруж-

ности.... то есть, что касается до талин и тому подобнаго.... то я оставил Можирона подъ благовиднымъ предложемъ въ будущей, а самъ воротился и на этотъ разъ опредѣленно увидѣлъ прекрасную незнакомку у двери этой комнаты. Я тихонько подкрался и учтиво предложилъ ей руку, чтобы войти, но она вскрикнула и убѣжала, бросивъ на меня сквозь воаль самый убійственный взглядъ, такой убійственный и вмѣстѣ съ тѣмъ такой зажигательный, что я вамъ скажу....

— Какое приключеніе! Надобно позвать мальчика и развѣдать, кто эта таинственная незнакомка.

Позванный мальчикъ тотчасъ явился и подвергся допросу, но узнали только, что незнакомка за пять франковъ купила себѣ позволеніе постоять у дверей и потомъ, поспѣшно выскочивъ изъ корридора, сѣла въ извозничью карету и уѣхала. Кто она, мальчикъ не зналъ, однако жъ по виду заключалъ, что должна быть дама знатная. Къ этому допросу воротился и Можиронъ. Слушая рассказъ, онъ измѣнился въ лицѣ, однако жъ ничего не сказалъ. На лицѣ его, послѣ изумленія, выразилось сомнѣніе и потомъ онъ успокоился, какъ-будто подумалъ: нѣтъ, это не возможно.

Вечеромъ того же дня Людовикъ де-Можиронъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, развалился въ покойныхъ креслахъ, въ мягкомъ халатѣ, передъ затопленнымъ каминномъ, и мечтая слѣдилъ глазами за легкими струйками дыму своей сигары. По временамъ однако жъ это спокойное мечтаніе вдругъ смѣнялось тревожнымъ выраженіемъ ожиданія. Людовикъ вздрагивалъ, вытягивалъ шею и съ безпокойствомъ вслушивался, какъ-будто ожидалъ чего-то; потомъ опять успокоивался, снова опускался въ кресла и, съ полуоткрытыми глазами, продолжалъ курить и мечтать.

Черезъ нѣсколько времени вошелъ лакей, въ богатой ливреѣ, съ дорогимъ подпосомъ, на которомъ лежала довольно неопрятная записка, писанная на грубой сѣрой бумагѣ и залѣпленная колоссальною облаткой.

— Отвѣтъ отъ Лавердена? быстро спросилъ графъ.

— Точно такъ, ваше сіятельство.

— Хорошо, ступай. Никого не принимать, кромѣ капитана де-Сень-Сернена.

Оставшись одинъ, Людовикъ распечаталъ записку такъ торопливо, какъ-будто она пришла отъ обожаемой женщины, но едва взглянулъ на нее и поблѣднѣлъ, опустилъ голову и руки съ выраженіемъ самаго мрачнаго отчаянія. Въ этомъ положеніи онъ пребылъ нѣсколько минутъ, потомъ всталъ и сказалъ:

— Нечего дѣлать.... судьба!

Онъ сѣлъ за столъ и принялся писать.

Людовикъ де-Можиронъ, сынъ министра Карла-Десагата, принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ дворянскихъ родовъ во Франціи. Какъ наследника блестящаго имени и значительнаго состоянія его воспитали въ роскоши, которою судьба, казалось, предназначала ему пользоваться всегда, но июльская революція разрушила его надежды, такъ же какъ и многія другія. Тогда онъ пустился путешествовать по Европѣ и проживать обломки состоянія уже разстроенаго обстоятельствами и неразсчетливымъ честолюбіемъ родителей. Воротившись по смерти отца въ Парижъ, Людовикъ почувствовалъ потребность приобрѣсть что-нибудь, пока еще не лишился всѣхъ средствъ, и чтобы скорѣе достигнуть цѣли, предпочелъ личному, полезному и терпѣливому труду биржевыя спекуляціи; которыя обѣщали скорое и легкое обогащеніе.

Сначала ему и удавалось, но съ нѣкотораго времени счастье начало нзмѣнять и капиталы стали быстро исчезать во всепоглощающей пасти спекуляцій. Людовикъ принужденъ былъ прибѣгать къ помощи векселей, помощи гибельной, которая почти всегда только замѣняетъ настоящее затрудненіе будущимъ неизбѣжнымъ разореніемъ. Людовикъ уже дошелъ до той точки, на которой малѣйшій толчекъ могъ нарушить съ великимъ трудомъ удерживаемое равновѣсіе и свергнуть жертву въ пропасть. Онъ уже видѣлъ, какъ горизонтъ со всѣхъ сторонъ суживается вокругъ него; онъ уже ощущалъ на груди своей давленіе чугунной плиты злаго рока.

Окончивъ письмо, Людовикъ запечаталъ и позвонилъ.

Каммердинеръ пришелъ съ платьемъ.

— Это что? спросилъ Людовикъ.

— Одѣваться вашему сіятельству. Развѣ не изволите ѣхать на балъ?

— А!... да. Ну, одѣвай меня.

Вскорѣ потомъ пришелъ капитанъ де Сенъ-Сервенъ.

— Здравствуй Шарль, сказалъ Людовикъ, подавая ему руку: что такъ поздно? Я раньше ожидалъ тебя.

— Я самъ хотѣлъ раньше быть, но дѣла задержали.... Военный министръ требовалъ меня къ себѣ: онъ исполнилъ мою просьбу, посылаетъ меня въ Африку, адъютантомъ къ генералу де-Бретвилью....

— Къ де-Бретвилью!...

— Ты пугаешься за меня? Правда, говорят, маркиз де-Бретвиль — ужасный человек, звѣрь: солдаты, говорят, прозвали его людоѣдомъ.

— Ну, я надѣюсь, что тебя онъ не съѣстъ. Но зачѣмъ ты въ Африку? Чего ты тамъ нахѣренъ искать кромѣ трудовъ, лишений и убійственныхъ лихорадокъ?

— Ты знаешь, Людовикъ, что родители не оставили мнѣ ни какихъ матеріальныхъ средствъ достойно поддержать блескъ имени, которое ношу. Въ Африкѣ я надѣюсь найти или чинъ или... шулю.

— Ты ѣдешь въ Африку для чина? Кто другой не удивилъ бы меня этимъ, но ты... я не вѣрю. Шарль, ты скрываешь отъ меня что-нибудь! Я, можетъ-быть, кажусь вѣтреннымъ, но у меня найдется мѣсто и для тайны, повѣрь мнѣ.

— Вѣрю, Людовикъ, и въ доказательство попрошу услуги.

— Вотъ кстати! И я тоже попрошу тебя.

— Я поручу тебѣ письмо.

— И я тоже.

— Къ женщинѣ, вѣроятно?

— Да.

— И я тоже.

— Вотъ странный случай! Такъ ты влюбленъ?

— Увы! начинается. А ты?

— У меня, мой другъ, уввы! кончается. Но Расскажи же мнѣ свою исторію.

— Моя исторія въ двухъ словахъ: въ Неверѣ я видѣлъ дѣвушку, въ которую влюбился съ первой встрѣчи. Она богата, я бѣденъ, не могу искать ея руки и не хочу, чтобы подумали, будто я сватаюсь къ приданому. Вотъ, зачѣмъ я отправляюсь въ Африку.

— И она ничего не знаетъ!

— Ничего. Я только попрошу тебя передать ей это письмо.... Оно, какъ видишь, безъ подписи, въ двойномъ конвертѣ. Ты дашь мнѣ слово, что тогда только распечатываешь первый конвертъ и посмотришь адресъ, чтобы доставить по принадлежности, когда я умру или буду убитъ въ Африкѣ.

— Ты можешь положиться на мое слово, но лучше бы было поручить это дѣло кому-нибудь другому.

— Отчего?

— Оттого что какое-нибудь обстоятельство, не зависящее отъ моей воли, можетъ помѣшать мнѣ исполнить твое порученіе.

— Обстоятельства могут изменить как тебя, так и всякому другому, но только отъ тебя я могу ожидать полной братской преданности и вѣрности.

Шарль подыгъ руку и Людовикъ крѣпко пожалъ ее.

— Ну, херомо, сказалъ Людовикъ, на самый худой конецъ, ты найдешь это письмо у меня въ столѣ, если случится, что я умру прежде тебя.

— Чтѣ за мысль!

— Чему ты удивляешься? Смерть очень часто опережаетъ опасность, точно такъ же какъ за опасностью не всегда слѣдуетъ смерть. Но откинемъ эти мрачныя мысли. Я согласенъ исполнить твое порученіе, съ тѣмъ, чтобы ты сдѣлалъ точно то же для меня. Ты доставишь это письмо по адресу, но только въ глубочайшей тайнѣ и съ величайшею осторожностью.

— Изволь, не вѣдь я отправляюсь въ Африку.

— Затѣмъ-то я и прошу тебя. Ты можешь теперь же посмотреть на адресъ.

— Маркизъ де-Бретвиль!... Такъ правда, что говорить....

— Слушай, Шарль, чтобы ты помалку, съ какою осторожностью нужно отдать это письмо, я расскажу тебѣ начало связи, о которой я теперь не могу вспомнить безъ трепету и которую этимъ письмомъ хочу разорвать навсегда.

— Рассказывай, я слушаю.

— Два года тому назадъ, началъ Людовикъ, я былъ въ Баденѣ. Однажды вечеромъ, сидя за картами, я примѣтилъ даму, которая привлекла все мое вниманіе, хотя я былъ въ значительномъ проигрышѣ. Это была женщина довольно высокаго росту и очень стройная. Лицо, возможно строгое, отличалось важною, повелительною красотою линий и блѣдною бѣлавою, которую еще возвышали роскошныя черныя волосы. Съ перваго взгляду на эту женщину мнѣ показалось, что она должна быть предназначена къ лавному либуль необыкновенно-высокому положенію или къ важному и роковому призванію на землѣ. Она стояла передо мною неподвижно и гордо и казалась мнѣ какъ будто статуей судьбы. Я былъ въ качествѣ-то необъяснимомъ обаяніи и не могъ глазъ оторвать отъ нея. Вдругъ одна изъ соседокъ наклонилась ко мнѣ и шепнула:

— Я бы посоветовала вамъ не смотреть такимъ образомъ на эту даму.

— Для чего? спросилъ я.

— Во-первыхъ , потому что это васъ развлекаетъ и увеличиваетъ проигрышъ.

— Это, кажется, только мое дѣло. Во-вторыхъ?...

— Во-вторыхъ , потому что за тѣмъ столомъ , противъ васъ , сидитъ генералъ.... Онъ тоже глазъ не сводитъ съ васъ.

— Какой генералъ? *

— Ея мужъ.

— А! Это ея мужъ? Ну, такъ что жъ? Онъ, я полагаю, скоро устанетъ смотрѣть на меня. Я предпочитаю смотрѣть на его жепу. У всякаго свой вкусъ.

Едва я сказалъ это, одинъ изъ игравшихъ за другимъ столомъ всталъ. Это былъ генералъ. Онъ былъ въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ до верху, безъ всякаго знака отличія. Богатырский станъ его сохранилъ всю гибкость молодости, несмотря на лѣта, которыя можно было опредѣлить по сѣдымъ усамъ на морщинистомъ загорѣломъ лицѣ, украшенномъ двумя или тремя шрамами. Глядя на это лицо, почти дикое, легко можно было примѣтить, что солнце Сахары проникало его кожу и сложило въ кровь зародыши африканскихъ страстей. Глаза, казалось, заимствовали свои молніи отъ блеску ятагана. Таковъ, конечно, былъ Отелло, думалъ я.

Генералъ сдѣлалъ знакъ красавицѣ, которая привлекала мое вниманіе.

Она подошла къ мужу и оба вышли изъ залы. Только, проходя мимо, она взглянула на меня и мнѣ показалось, какъ-будто въ глазахъ у нея выразился неопредѣленный испугъ и даже какъ-будто нѣкоторый раздѣлъ магнитическаго вліянія, которому и подвергся. Этого для меня, разумѣется, было довольно, чтобы тотчасъ же по уходѣ генерала пуститься на развѣдки.

Я узналъ, что жена генерала была урожденная Бертилъда де-Готфоръ ; что она будучи въ дѣвнцахъ отказывала многимъ женихамъ, потому что они не соответствовали врожденному ея честолюбію, и наконецъ почти по неволѣ вышла за маркиза де-Бретвиля, который обладалъ достаточнымъ состояніемъ и значительнымъ имениемъ и который въ продолженіи десяти-лѣтней службы въ Африкѣ хотя остался по языку и по одеждѣ Французомъ, однако жъ по нраву обратился въ Араба или Кабила, до того что даже домъ его походилъ на гаремъ, отъ порогу котораго всѣхъ молодыхъ людей удалалъ почти явный страхъ смерти. Въ Баденѣ генералъ проводилъ время своего отпуска, для поправленія здоровья.

Несмотря на всѣ ужасы, какіе мнѣ рассказывали о генералѣ, я не могъ забыть взгляда красавицы и, не рассчитывая на пріемъ въ ея домѣ, надѣялся видѣться и поговорить съ нею тамъ же, гдѣ видѣлъ въ первый разъ. Съ этою надеждою я пришелъ на другой день въ ту же залу заведенія минеральныхъ водъ. Но маркиза была или больна или арестована: генералъ явился одинъ. На третій, на четвертый и на пятый день — то же.

Это подотрекнуло меня. Чѣмъ сомнительнѣе казалась удача, тѣмъ сильнѣе становилось вліяніе впечатлѣнія, произведеннаго на меня этою женщиной. Я безпрестанно бѣгалъ по баденскимъ и окрестнымъ гульбищамъ съ мыслью, что, можетъ-быть, встрѣчу ее. Я даже осмѣливался подходить къ дому, гдѣ она жила, но всѣ мои поиски оставались тщетными.

Однажды только, проѣзжая верхомъ мимо оконъ этого дому, я примѣтилъ, или мнѣ показалось, что я примѣтилъ маркизу, стоящую за приподнятою сторой. Я останоуился, но она тотчасъ же исчезла.

Между-тѣмъ, пора пользованія водами приближалась къ концу. Большая часть посѣтителей стала собираться по домамъ и самъ генералъ де-Бретвиль во всеуслышаніе объявлялъ о своемъ отъѣздѣ. Наканунѣ дня, который онъ назначилъ, въ заведеніи дали большой балъ. Представъ себѣ мое волненіе, когда, посреди толпы нарядныхъ дамъ, я вдругъ увидѣлъ маркизу де-Бретвиль. Она была одѣта такъ очаровательно, какъ-будто съ намѣреніемъ хотѣла дать мнѣ почувствовать, чего я лишуюсь, видя ее въ послѣдній разъ. Я задышался, однако жъ подошелъ и попросилъ на вальсъ. Она бросила на меня опять такой же магнитической взглядъ и сказала, что, будучи нездорова, не станетъ танцовать въ этотъ вечеръ.

Я остался передъ нею на минуту въ смущеніи, нѣмой. Вскорѣ потомъ маркиза стала жаловаться на головную боль и просила мужа уѣхать, но генералъ не могъ или не хотѣлъ оставить игры и рѣшилъ, чтобы жена ѣхала одна въ каретѣ, а при себѣ оставилъ лакея. Я не проронилъ ни одного слова изъ этого разговору и, пока маркиза собиралась, выбѣжалъ на улицу, отыскалъ ее экипажъ, подкунулъ кучера и заѣхалъ въ карету. Когда маркиза въ своею очередь стала садиться, я не знаю, темнота ли помѣшала ей видѣть меня или она притворилась, что не примѣчаетъ. Какъ бы то ни было, я въ самой трудности моего положенія почерпнулъ рѣшимость и смѣлость, которыя никогда не

измѣняли мнѣ въ критическихъ обстоятельствахъ жизни, и, схвативъ ее за руку, сказали:

— Маркиза, вы завтра увѣждаете, а я люблю васъ. Простите, что я не задумался передъ отчаяннымъ средствомъ видѣться съ вами. Ревность вашего мужа не оставила мнѣ ни какого выбора.

Маркиза нѣсколько времени не отвѣчала.

— Вы не любите вашего мужа, продолжалъ я: вы молоды и прекрасны; вы не можете уклониться отъ данн, какую человѣческое сердце рано или поздно должно заплатить страстямъ. Никто пламеннѣе меня не можетъ любить васъ, никто не будетъ достойнѣе вашей любви за любовь....

— Тогда я говорилъ совершенную правду, прибавилъ со вздохомъ Людовикъ.

Маркиза наконецъ прервала молчаніе.

— Графъ, я въ вашей власти, сказала она, и противъ моей воли что-то убѣждаетъ меня вѣрить вашей любви. Я не употреблю, какъ оружіе противъ васъ, страшное яро, которое надѣла изъ одного честолюбія. Я не только не люблю маркиза де-Бретвиля.... я ненавижу его, потому что трепещу передъ нимъ, а это — величайшая обида, какую можетъ потерпѣть Бертильда де-Готфоръ. Я полагаю, что на него должна падать часть отвѣтственности за вашъ неопозволительный поступокъ.... Я даже вою вину припишу ему, если вы сейчасъ же выйдете.

— Маркиза, человѣкъ не можетъ сдѣлать того, что я сдѣлалъ, только затѣмъ чтобы потомъ своеручно разбить свое произведеніе.

— Такъ трепещите же, потому что отвѣтственность падетъ на васъ. Права, которыя вы мнѣ даете, равняются оскорбленію, которому я подвергаюсь. За это оскорбленіе вы или отплатите мнѣ преданностью рабскою, исключительною, вѣчною, или я отплатю вамъ мщеніемъ, отъ котораго вы нигдѣ не укроетесь. Подумайте, покуда еще есть время.... Прощайте или — навсегда!..

Въ эту минуту свѣтъ уличнаго фонаря мелькомъ унаглъ на лицо маркизы и я увидѣлъ выраженіе до такой степени, такъ сказать, извѣстное, что меня обдало холодомъ. Но это было только на мгновеніе....

Когда, объѣхавъ нѣсколько отдаленныхъ улицъ, мы стали приближаться къ дому генерала, въ одномъ изъ предвѣстій Бадона, маркиза приказала остановиться, вышла со мной объ руку изъ кареты и стала высматривать свои окна.

— Въ окнахъ свѣтъ! сказала она: генераль уже дома, я погибла.

— Маркиза, мое существованіе принадлежитъ вамъ; располагайте мною.

— Вы можете пожертвовать жизнью, но не можете спасти меня, отвѣчала она отрывисто: есть ли у васъ столько состоянія, чтобы доставить мнѣ за границей положеніе, подобное тому, какое я покляну здѣсь?

Я не смѣлъ отвѣчать.

— Понимаю, прибавила она, понимаю и не сержусь на васъ.

Она воротилась къ своему экипажу.

— Послушай, сказала она кучеру, мужъ мой убьетъ тебя, если узнаетъ, что ты польстился на подкупъ. Возьми это ожерелье, возьми эти серьги... возьми всѣ эти брилліанты.

И она прорвала себѣ уши вынимая дорогія серьги.

— Что вы дѣлаете? вскричалъ я, увидѣвъ, какъ кровь побѣжала по плечамъ.

— Безъ этого мужъ не повѣритъ, что меня ограбили. Пошелъ! прибавила она, обращаясь къ кучеру: карету брось гдѣ-нибудь и спасайся отъ полиціи. То, что ты получилъ, составляетъ больше чѣмъ могутъ нажать четверо тебѣ подобныхъ.

Кучеръ ударилъ по лошадямъ и скрылся.

— Овъ недавно служить у насъ и мужъ, можетъ-быть, повѣритъ, что овъ ограбилъ меня!

И, запачкавъ свое бальное платье пылью мостовой, чтобы поддѣлать слѣдъ продолжительной борьбы, она пошла къ дому генерала.

— Можетъ-быть, я живая не выйду отсюда, сказала она мнѣ, но если я избѣгну этой опасности, помните, что вы принадлежите мнѣ.

Она ушла.

На другой день по всему Бадену только и было рѣчей, что о дерзкомъ грабѣжѣ кучера маркизы де-Бретвилль. Генераль повѣрилъ.

Векорѣ потомъ генераль долженъ былъ отправиться въ Африку. Жена успѣла убѣдить его, что слабость здоровья не позволитъ ей перенести непривычное дѣйствіе климата, и осталась въ Парижѣ у своей тѣтки. Тогда я могъ видѣться съ нею почти безпрепятственно. Но нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ генераль возымѣлъ подозрѣніе и Бертильда сочла самымъ благо-

разумнымъ отправиться къ нему. Теперь она въ Африкѣ, при немъ.

— И съ этою женщиной ты не боишься разстаться? спросилъ Шарль.

— Я теперь уже ничего не боюсь, отвѣчалъ Людовикъ съ страннымъ выраженіемъ. Не хочешь ли еще сигары?

— Нѣтъ, пора ѣхать: половина двѣнадцатаго.

Въ эту пору начинался балъ въ оперномъ театрѣ.

Людовикъ приказалъ подавать карету. Шарль положилъ принятое письмо въ свой бумажникъ, между-тѣмъ какъ Людовикъ пряталъ его письмо въ ящикъ письменнаго стола, потомъ оба сѣли въ карету и поѣхали.

Читатели легко угадають, сколько заключалось страсти и вѣжности въ посланіи молодаго капитана. Чтѣ же касается до письма Людовика де-Можирона къ маркизу де-Бретвиллю, — вотъ его содержаніе:

«Маркиза,

«Время моихъ обстоятельствъ и тревогъ становится слишкомъ тяжкимъ: пора сбросить его. Главный мой кредиторъ потерялъ терпѣніе и преслѣдуетъ меня. Онъ уже вооружился судебнымъ приговоромъ о взысканіи. Завтра прекрасная мебель, на которую вы такъ часто любовались, будетъ забрана и продана вмѣстѣ съ моими лошадьми и экипажами съ публичнаго торгу. Завтра весь Парижъ, видѣвшій во мнѣ одного изъ законодателей своей моды, узнаетъ, что графъ де-Можиронъ совершенно разорился. Завтра всѣ мои пріятель, которые столько завидовали моей роскоши, моему изяществу, если встанутъ по-раньше, могутъ увидѣть меня ѣдущаго въ извозничьей каретѣ съ полицейскимъ комиссаромъ въ тюрьму за долги. Вы довольно хорошо знаете меня и, слѣдовательно, увѣрены, что я постараюсь избѣжать такого униженія. Я могъ бы прибѣгнуть къ вамъ за тою помощью, которую вы уже великодушно предлагали мнѣ, но я не знаю, въ-состояніи ли я былъ бы исполнить страшное обязательство, уже принятое въ-отношеніи къ вамъ. Я не хочу прибавлять къ нему еще долгу, который постыдно было бы не заплатить. Прощайте, маркиза; вѣрите, что я желалъ всегда любить васъ. Не обвиняйте меня: я самъ себя наказываю. Теперь девять часовъ вечера. Въ пять часовъ утра меня уже не будетъ на свѣтѣ.

«Людовикъ де-Можиронъ».

Было около трехъ часовъ утра. Въ улицѣ Ланитъ, въ ярко-освѣщенную гостиницу «Золотой Домъ» прибыли одна за дру-

говъ пять паръ кавалеровъ съ дамами. То были Людовикъ де-Монжиронъ, его кузенъ Шарль, Мондрагонъ, Иннокентъ Нантейль и одна молодая дипломатъ, подававшая блестящія надежды по части польки и вальсу въ два танта. У каждаго подъ рукою было по дамѣ изъ цирка или буварныхъ театровъ. Дамы не снимали масокъ. Разговоръ, примѣтно принужденный между Нантейлемъ и двумя двоюродными братьями, поддерживался только молодымъ дипломатомъ, который училъ свою даму плясать *редосу*, а Мондрагономъ, который, по обычаю, разсуждалъ о лошадахъ и скачкахъ. Другія дамы съ трудомъ скрывали невольныя зѣвки подъ своими черными бархатными и атласными бородами. Собраніе походило на раутъ синихъ чулковъ, обильно приправленный чтеиємъ, но не подающій ни какой надежды на закусу.

Вдругъ дверь торжественно отворилась настѣжь передъ нотарусомъ Молниѣе, который вешель съ двумя дамами.

Появленіе толстаго Донъ Жуана разбудило зѣвающую веселость. Всѣ захохотали.

— Имя! закричалъ любитель скачекъ: условлено четное число, а я усматриваю нечетное, шесть и семь!

— Здѣсь есть Иуда женскаго роду! прибавилъ дипломатъ.

— Снашите лучше мужскаго, возразилъ Нантейль: это Молниѣе, нашъ президентъ, прибралъ себѣ львиною долю.

— Стой, Молниѣе, стой! закричали со всѣхъ сторонъ: подъ штрафъ его, подъ штрафъ!

— Господа, позвольте мнѣ объясниться.... когда вы узнаете....

— Разумѣется, мы хотимъ знать, съ кѣмъ вы прѣехали!

— Мнѣ кажется, что я на балѣ разговаривалъ съ одною изъ этихъ масокъ, сказалъ Шарль-де-Серпенъ Людовику: она даже выпросила у меня листокъ бумаги изъ бумажника и карандашъ, чтобы написать записку.

— Прекрасныя маски! началъ Людовикъ со вниманіемъ вглядываясь въ ту, на которую ему указалъ Шарль: теперь мы всѣ на лицо. Пора подать ужинъ и, слѣдовательно, пора показать лица. Мы почти всѣхъ васъ знаемъ и маски становятся уже ливною ложью.

Въ одной изъ двухъ дамъ, которыхъ привезъ Молниѣе, не трудно было узнать драматическую артистку Арсенію Бельмонъ, испытанную уже на многихъ сценахъ, какъ говорилъ Нантейль. Но у другой широкое домино, надѣтый капуцинъ и плотная маска служили непроницаемымъ щитомъ отъ всякой догадки. Только въ глазахъ можно бы было примѣтить необыкновенно гордое

выраженіе, если бы узкія глазныя щели маски допускали точное опредѣленіе выраженія.

Незнакомка казалась встревоженною Можироновымъ предложеніемъ, которое съ живостью поддержали всѣ присутствующіе: она наклонилась къ уху Молиннѣ и поспѣшно что то прошептала.

— Господа! вскричалъ Молиннѣ, принявъ театральную позу: эта любезная маска напоминаетъ мнѣ, что она согласилась ѣхать со мною сюда только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ея не принуждали открыть лицо. Она избрала меня въ свои кавалеры и я намѣренъ явиться достойнымъ ея довѣрія, хотя бы принужденъ былъ защищать ее одинъ противъ всѣхъ. Если вамъ нужна жертва, берите мою голову, какъ говоритъ Арналь.

Послѣ этого, разумѣется, нельзя было наставлять. Но зато каждый по очереди подходилъ къ нотариусу и просилъ открыть по секрету то, чего онъ не хотѣлъ сказать гласно. Молиннѣ каждому съ таинственнымъ и самодовольнымъ видомъ отвѣчалъ:

— Никому только не сказывайте. Это мадамъ Б***, съ водевильнаго театра.

Доложили, что ужинъ поданъ.

Пробыло четыре. Можиронъ вздрогнулъ. Въ немъ соединились чувствованія осужденнаго, который идетъ на лобное мѣсто, и палача, который долженъ исполнить казнь.

— Чѣмъ вы такъ озабочены, графъ? лицомъ твоимъ спросилъ Наптейль.

— Можиронъ? возразилъ Мондрагонъ: онъ спрашиваетъ себя, на которой желѣзной дорогѣ оправится отъ сегодняшняго пораженія на ликвидацин. На Орлеанской его немножко поддѣли, такъ онъ завтра, вѣроятно, думаетъ помчаться на Гавръ.

— А я, напротивъ, полагаю, что графъ думаетъ о вѣкоторой преираовой дамѣ, которая въ скоромъ времени опять впряжетъ его въ свое ярмо. Держу пари, что онъ съ такимъ же нетерпѣніемъ какъ и правительство ждетъ вѣстей изъ Африки.... Не правда ли, графъ?

— Надѣюсь, Молиннѣ, что вы не станете говорить здѣсь больше объ этомъ предметѣ? сухо возразилъ Людовикъ.

— Какъ вамъ угодно, продолжалъ Молиннѣ напередъ уже униваясь видомъ серебряныхъ вазъ, въ которыхъ замораживалось шампанское: какъ вамъ угодно.... хотя, правду сказать, эта дама такъ ославила себя для васъ, что дѣло ни чуть не тайное. Бро-

челъ, я не скажу ея имени.... я назову только ея мужа, это будетъ забавнѣе.... это маркизъ....

Но въ эту минуту Можиронъ такъ сжалъ нотариусу руку, что фраза его кончилась болѣзненнымъ стономъ.

— О! чортъ возьми! Если у вашей скромности такіе тиски, то я молчу.... Но что же вы дѣлаете, прекрасная маска? Вы взяли ножикъ, чтобы кушать бульонъ? вскричалъ Молниѣ обращаясь къ маскѣ: вашъ скромный сосѣдъ, очевидно, вводитъ васъ въ разсѣянность.

— Кто-нибудь изъ насъ скоро умретъ, замѣтила наѣздница Зелія Шомонтель: насъ тринадцать за столомъ!

— Вотъ вздоръ! отвѣчалъ Молниѣ.

— Во всякомъ случаѣ, замѣтилъ Нантейль, есть человекъ, котораго мы могли бы пригласить для избѣжанія роковаго числа. Это вашъ родственникъ, Молниѣ. Неужели вы его не видали на балѣ? Я нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ.

— Кто же это?

— Маркизъ д'Армантьеръ.

— Отъ этого имени вздрогнули двое, Молниѣ и молодой капитанъ, который все время угрюмо молчалъ.

— Маркизъ д'Армантьеръ въ Парижѣ! вскричалъ Молниѣ: на балѣ въ оперѣ! Это невозможно, Нантейль.

— Я вамъ говорю, что я нѣсколько разъ встрѣчался съ нимъ. Онъ насъ искалъ во всѣхъ углахъ.

— Боже! я погибъ! трагически вскричалъ Молниѣ.

Нотариусъ въ самомъ дѣлѣ видѣлъ въ возвращеніи маркиза призывъ къ отеческимъ обязанностямъ, къ которымъ онъ очень мало чувствовалъ въ себѣ призванія, особенно въ подобную минуту.

Часы пробѣли половину пятаго.

Приближеніе рѣшительной минуты повсерегало Людовика въ родъ помѣшательства. За глубокою задумчивостью у него послѣдовала судорожная веселость, рѣзко противоположная блѣдности лица и похожая на румяна у мертвеца. Предстоящее самоубійство посерединѣ пиршества, непредвидѣнное явкимъ окроровавленіемъ праздника придавало его глазамъ и всей физиономіи такое необыкновенное выраженіе, что скоро общее вниманіе невольно сосредоточилось на немъ одномъ. Всѣ дамы стали подшучивать надъ нимъ.

— Господа! вскричалъ наконецъ Мондрагонъ: это скандалъ! это ни на что не похоже! Можиронъ всѣхъ насъ обсикалъ! Ну-

жно найти средство поминать ему обогнать насъ у нашихъ дамъ!

— Я нашелъ средство! вскричалъ Молиньё: я сдѣлаю графа Можирона столько же безвреднымъ, сколько онъ теперь всепѣвдательнъ. Я накрою лучи этого солнца бумажнымъ колпакомъ.

— Какимъ же образомъ вы полагаете совершить это чудо?

— Я жоню его! отвѣчалъ Молиньё съ торжествующимъ видомъ.

— Господа, возразилъ Можиронъ, который не понималъ цѣли этой выходки: я пользуюсь удобнымъ случаемъ предложить тестю за преусибливiе холостой жизни.

Въ эту минуту стрѣлка на часахъ показывала пятьдесятъ-пять минутъ пятого.

— Кому угодно пять, господа? Это послѣднiй мой тостъ.

— Послѣднiй до пяти часовъ? спросилъ Молиньё.

— До пяти часовъ, отвѣчалъ Можиронъ. За здравiе холостыкъ и вдовствующихъ!

Можиронъ всталъ и фалда его фрака коснулась обнаженной руки Арсенин, которая слѣла у него по лѣвую сторону.

— Чтѣ это у васъ въ нармашѣ, графъ? вскричала драматическая артистка: вы ушибли меня!... Это какъ будто пистолетъ.

Замаскированная дама вздрогнула.

— Чтѣ за идея! возразилъ Молиньё: сигарница, вѣроятно. Но послушай, графъ, шутки въ сторону.... Я давно говорилъ, что ты человекъ молодой, красавецъ, богатъ и знатенъ; ты давно нашелъ бы себѣ хорошую партiю, если бы только захотѣлъ.

Часть былъ такой, когда Молиньё начиналъ всѣмъ говорить жмъ.

— Да, небрежно отвѣчалъ Людовикъ, я иногда думалъ покончить съ холостюю жизнью, но выборъ такъ труденъ! Я встрѣчалъ богатство съ безобразiемъ, красоту со множествомъ недостатковъ.... Къ тому же, теперь ужъ поздно.

И графъ ваялся за фалду своего фрака.

— Полно, графъ! продолжалъ Молиньё: у меня есть дочь, которая соединяетъ въ себѣ всѣ некомыя достоинства за исключенiемъ недостатковъ. Скажи только слово и она твоя.

Пробило пять. Людовикъ до половины вытащилъ пистолетъ изъ карману.

— Я отдамъ ее тебѣ съ осьмью-стами-тысячами приданого, прибавилъ Молиньё: а? чтѣ ты на это скажешь? — какъ говорить Талма.

Пистолетъ уналь назадъ, въ карманъ.

Неожиданное предложеніе произвело сильное впечатлѣніе не на одного Людовика: Шарль поблѣдѣлъ какъ смерть, Нантейль всыхнулъ. У одного страдала любовь, у другаго самолюбіе.

— Осемь-сотъ-тысячь приданого? прошепталъ Людовикъ.

— Осемь-сотъ-тысячь чистыми денежками, не считая надеждъ, повторилъ Молниѣ.

— Если Можиронъ отказывается, вскричала любитель скачекъ, я принимаю предложеніе, съ условіемъ, чтобы онъ уступилъ мнѣ за это миссъ Арабеллу.

Манзель Зелія Шомонтель воззла въ своего обожателя убій-
ственный взглядъ.

— Полно, не седрись, душенька Зелія, продолжалъ Мондрагонъ: вѣдь это только вино говоритъ.

— Точно, вино говоритъ, перебилъ Молниѣ, а въ вѣнѣ правда. Господа! призываю всѣхъ васъ въ свидѣтели, что я обязываюсь выдать мою дочь за графа Людовика де-Можирона, и пусть я сдѣлаюсь предметомъ презрѣнія всѣхъ артистовъ, если я отрекусь отъ моего слова. Пусть сама Карлотта наплюетъ мнѣ въ бороду, если я лгу. Можиронъ — красавецъ и не можетъ не понравиться благовоспитанной дѣвушкѣ; онъ графъ, это соглашается съ желаніемъ д'Армантьера. Ну, что, принимаешь что ли, графъ? Я человекъ рѣшительный, ты знаешь.

— Молода, прекрасна и богата! прошепталъ графъ: а застрѣлится-то вѣдь я еще успею....

Онъ положилъ руку въ руку нотаріусу и громко сказалъ:

— Я согласенъ.

— Но я не согласна! сказала замаскированная дама очевидно поддѣльнымъ голосомъ.

— А! а! маска-то не пѣмая! закричали со всѣхъ сторонъ.

Людовикъ затрещалъ. Его обдало холоднымъ потомъ.

— Если бы я не былъ увѣренъ, что ея нѣтъ въ Парижѣ.... думать онъ.

Видное замѣшательство Можирона удвоило общее любопытство, которое на этотъ разъ раздѣлялъ и Молниѣ въ качествѣ встревоженнаго тестя.

Всѣ встали, окружили маску и, волею неволею, хотѣли заставить открыться.

— Долой! долой маску! кричали мужчины и женщины.

Незнакомка быстро отступила въ двери и гордо выпрямившись сказала:

— Неужели кто-нибудь изъ васъ осмѣлится на дерзость противъ одинокой женщины?

Всѣ оторопѣли. Маска воспользовалась этою минутой и поспѣшно скрылась.

Собесѣдники приступили къ нотариусу съ распросами, но на этотъ разъ Молиньѣ долженъ былъ сознаться, что рѣшительно не знаетъ, кто такова его вторая дама.

Одному Людовику казалось, что онъ знаетъ ее: голосъ ея вторично отозвался во всѣхъ его нервахъ.

Пиръ кончился. Стали собираться по домамъ.

— Любезный зять, сказалъ Молиньѣ Людовину, я тебѣ далъ слово и ты мнѣ, стало-быть, дѣло рѣшеное. Если правда, что нашъ дядюшка въ Парижѣ, такъ мы завтра же поговоримъ съ нимъ.

— Людовику, сказалъ молодой капитанъ невѣрнымъ голосомъ: отдай мнѣ письмо, которое я поручилъ тебѣ. Я отдумалъ.

— Хорошо. И я тоже отдумалъ. Отдай мнѣ то, которое я поручилъ тебѣ.

Шарль развернулъ свой бумажникъ и вскрынулъ.

— Чтѣ случилось? спросилъ Можиронъ.

— Это странно! сказалъ съ безпокойствомъ капитанъ: я знаю, что положилъ письмо сюда, въ бумажникъ.

— Я тоже видѣлъ, кажется. Во всякомъ случаѣ это письмо не должно быть потеряно. Понци хорошенько въ карманахъ. Чтѣ касается до твоего... вотъ ключъ отъ стола, если тебѣ нужно взять теперь же. Я теперь не поѣду домой: мнѣ очень рано утромъ нужно застать одного господина. Прощай. Извини, что я такъ поспѣшно покидаю тебя.

Этотъ разговоръ оканчивался на крыльцѣ гостиницы «Золотаго Дома.»

Графъ сѣлъ въ извозничью карету и приказалъ ѣхать въ кварталъ Сень-Жакъ.

Домъ, къ которому графъ де-Можиронъ подъѣхалъ въ кварталѣ Сень-Жакъ, былъ не древній, а ветхій, не пыльный, а грязный и обладалъ всеми пороками старинныхъ построекъ, не отличаясь однако жъ живописностью романтическихъ развалинъ. Людовику, по узкой, крутой и воючей лѣстницѣ, взобрался въ темный корридоръ третьяго этажа, и позвонилъ у засаленной двери съ окошечкомъ и желѣзною рѣшеткой.

Черезъ двѣ минуты отворилось сперва рѣшетчатое окошечко, потомъ дверь и графъ очутился въ жалкой квартирѣ посерединѣ

вещистлиной груди разной металлической и другой посуды, платье, небели, ящичковъ и всякаго хламу, покрытаго общемою обложкою шпала, по болѣе или менѣе толстымъ слоямъ которой можно было догадываться о времени прибытія вещи подъ залогъ къ ростовщику.

То была квартира Лавердена, — господинъ въ засаленной венгеркѣ, — котораго мы уже видѣли у кофейни Тортона.

Гость, не снимая шляпы, сѣлъ въ кресло у камина, въ которомъ шипя тлѣли два сырые полѣна; хозяинъ спалъ грязную ершорку и стоялъ почтительно согнувшись.

— Я прѣхалъ порѣшить дѣло съ тобой, Лаверденъ, сказалъ Людовикъ.

— Я такъ и догадался, когда увидѣлъ ваше сіятельство, рабогѣнно отвѣчалъ кредиторъ: ваше сіятельство изволили найти маленькую сумму, изъ-за которой я имѣлъ несчастіе преслѣдовать васъ?

— Маленькую сумму!... Ты скупилъ почти всѣ мои векселя!... Если бы я нашелъ эту сумму, то, ужъ конечно, не пришелъ бы къ Лавердену.

— Можно быть, вашему сіятельству угодно заплатить половину? Я такъ искренно желаю служить вашему сіятельству, что съ удовольствіемъ возобновлю векселя на остальное.

— У меня нѣтъ для тебя ни одного лувдора наличныхъ, любезнѣйшій Лаверденъ, но есть лучше этого.

— Незаложенное ипотѣки?

— Нѣтъ, великолѣпная женитьба, — настоящая женитьба, съ настоящимъ приданымъ.... не съ такимъ, какими ты надѣляешь жениховъ посредствомъ твоей конторы.

Лаверденъ между прочимъ занимался также сватовствомъ черезъ газеты.

— Дѣло возможное, отвѣчалъ Лаверденъ, осканивъ черные гадкіе зубы: но я напомию вашему сіятельству, что я не советникъ былъ счастливъ въ вѣрхъ надеждахъ съ вами. Вы сперва изволили говорить мнѣ о дядѣ, послѣ котораго вамъ надлежало получить наследство.... Въ уваженіе къ этому обстоятельству я прератилъ въ первый разъ взыскъ....

— Что жъ, развѣ у меня не было дяди?

— Несомнѣнно, былъ и умеръ отъ паралича, какъ нельзя лучше. Только, къ несчастію, этотъ дядя предварительно лишилъ ваше сіятельство наследства. Объ томъ вы не изволили предупредить меня.

— А развѣ я самъ зналъ?

— Въ другой разъ я принялъ поручительство одного изъ вашихъ друзей, у котораго было на миллионъ имѣнія, очевиднаго какъ солнце.... Къ-несчастью, потомъ отырылось, что на этомъ имѣніи на два миллиона долгу, и другъ отправился путешествовать. Есть, правда, особа, которая уже предлагала свое поручительство, совершенно для меня достаточное, потому что, рано или поздно, годы и африканское солнце должны же сдѣлать ее вдовою....

— Молчать! закричалъ графъ.

— Вашему сіятельству не угодно было.... Не мнѣ судить о вашихъ поступкахъ и намѣреніяхъ, однако жъ изъ всего усмьнутаго слѣдуетъ, что я нѣсколько разъ уже имѣлъ честь быть введеннымъ въ заблужденіе вашимъ сіятельствомъ. Поэтому и осмѣлюсь воспользоваться правами, какія мнѣ даютъ мои документы.

— То есть, ты намѣренъ осмѣлиться посадить меня въ тюрьму?

— Въ полной увѣренности, что ваше сіятельство не замедлите найти средства къ освобожденію по-вѣривъ тебѣ, какія теперь дозволите предлагать мнѣ.

— Не если же я говорю тебѣ, мерзавцу, что я составляю себѣ превосходную партію и что мнѣ нужно немножко спокойствія и денегъ на свадебный подарокъ, чтобы расплатиться съ тобой на-чисто!

— И вы найдете въ этомъ неискоренимомъ приданомъ средства не только удовлетворить меня, но и заплатить ваши карточные долги?

— А! ты знаешь?

— Я все знаю, ваше сіятельство.

— Ошибаешься, ты не все знаешь: ты не знаешь, что лишился послѣдняго недвижимаго имѣнія, отцовскаго дома, послѣднихъ средствъ, и доведенный до крайности, я уже рѣшился затрѣпаться, какъ-вдругъ мнѣ неожиданно предложили спасительную женитьбу. Два пистолета, которые я зарядилъ съ этою цѣлю, теперь со мною и, если ты намѣренъ упрямо разрушать мою надежду, мы подѣлимся.

Графъ показалъ два пистолета. Лаверденъ поблѣднѣлъ. Въ душѣ его происходила борьба между любовью къ жизни, болѣе или менѣе подверженной опасности, и любовью къ деньгамъ. Въ смятеніи онъ еще не успѣлъ рѣшиться на отвѣтъ, какъ зазвенѣлъ

кавалерчикъ. Лаверденъ со всѣхъ ногъ бросился къ двери, чтобы выскочить неожиданнаго избавителя.

Людовикъ спряталъ пистолеты.

Вошла мамзель Зелія Шомонтель, наѣздивша изъ цирка и предлагающая обожанію любителя скачекъ.

— Извините; я, кажется, не во время?

— Напротивъ, напротивъ, сударыня! говорилъ Лаверденъ предлагая дамѣ стулъ со всею вѣжливостью, какую только можетъ придать страхъ.

Зелія покраснѣла и тутъ только разглядѣла Людовика.

— Ахъ! это вы, графъ? вскрича она съ удивленіемъ: вы чѣмъ сюда? Неужели вы подарокъ невѣстѣ хотите купить по случаю? Кто беретъ невѣсту съ осмью-стами-тысячъ приданого, тому, кажется, нѣтъ надобности прибѣгать къ такимъ средствамъ.

При словѣ о приданомъ Лаверденъ наострилъ уши, какъ гончая собака при звукѣ охотничьяго рога. Однако жъ онъ былъ слишкомъ тонокъ, чтобы обнаружить испытанное впечатлѣніе. Онъ вѣжливо обратился къ гостѣ съ вопросомъ, чѣмъ можетъ слушать.

Конная артистка *высокой школы* отвела ростовщика къ сторонѣ и вполголоса объяснила причину своего посѣщенія.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! учтиво и весело отвѣчалъ Лаверденъ.

Онъ никогда еще не бывалъ такъ любезенъ.

— Сегодня вечеромъ или завтра утромъ будетъ приготовлено и доставлено, прибавилъ онъ, стараясь поскорѣе отдѣлаться отъ гостыи, которая себя невѣдомо успокоила его насчетъ самаго важнаго изъ его капиталовъ.

Зелія тоже очевидно рада была своему быстрому успѣху и постыдилась откланяться, еще разъ поздравивъ графа съ богатою невѣстой.

Когда она ушла, Лаверденъ сѣлъ на стулъ противъ Можирона и пристально уставилъ на него глаза.

— Послушайте, графъ, сказалъ онъ, я не знаю, до какой степени можно разсчитывать на состояніе вашего будущаго тестя, если правда, что есть тесть.

— Такъ ты не вѣришь моему слову, жидъ?

— Вѣрю, ваше сіятельство. Но не женитьба ваша заставляетъ меня согласиться съ вами. Я привожу въ исполненіе прокътъ, который давно уже занимаетъ меня. Я иногда пускалъ кани-

талы въ оборотъ насчетъ легковѣрія и предрасудковъ людскихъ; теперь я хочу въ вашемъ лицѣ обратить въ капиталъ смѣлость и смѣтливость.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что наружность вашего сѣятельства мнѣ всегда нравилась.

— И поэтому ты хотѣлъ избавиться отъ меня посредствомъ тюрьмы?

— Кто знаетъ, можетъ быть, это была только уловка, чтобы расположить васъ въ пользу проэкта, который составитъ ваше и мое счастье.

— Да, и я пахожу, что это дѣйствительно уловка.... Что это за дивный проэктъ такой?

— Это оборонительный и наступательный союзъ между вашимъ сѣятельствомъ и вашимъ всенижайшимъ слугой.

— Это очень мило съ твоей стороны.

— Вы, ваше сѣятельство, будете главою нашей лиги, а я буду только почтительнымъ вассаломъ. У меня есть нѣкоторая смышленность, нѣсколько маленькихъ капиталовъ, нажитыхъ трудами.

— То есть, ты хочешь сказать — лхионствомъ, интригами и, можетъ-быть, еще чѣмъ-нибудь похуже.

— Какъ вамъ угодно, ваше сѣятельство. Къ-несчастью, у меня не достаетъ, можетъ быть, того влїянія, какое имѣетъ знатное имя, богатая внѣшность и блестящїе таланты.

— То есть, ты не можешь показаться не тѣмъ, что ты есть. Что жъ дѣлать! нельзя обладать всѣмъ.

— У вашего сѣятельства есть все, чего не достаетъ мнѣ, продолжалъ Лавердеъ. Вы до-сихъ-поръ, — нѣсколько благодаря и моему желанію служить вашему сѣятельству, — сохранили славу богатаго человѣка. Удостойте же поразмыслить, ваше сѣятельство, что союзъ, подобный нашему, непремѣнно долженъ имѣть успѣхъ. Не пужно и объяснять, что преданный союзникъ вашъ останется неизвѣстнымъ. Вы, ваше сѣятельство, будете блестящею декорацией, которая привлечетъ и ослѣбитъ зрителей; я буду темпою машиной, которая послужитъ къ тому, чтобы поддерживать весь на сценѣ вашей славы.

— И свергнуть, быть-можетъ, совершенно разбитаго въ преисподнюю. Лавердеъ, я не довѣряю моей машинѣ.

— Однако жъ вы никогда не найдете болѣе надежной, ваше сѣятельство.

— Можетъ-быть, но при всемъ томъ я не рискну положить

Большее одного пальца въ твои когти. Миѣ нужна отсрочка изысканія, насчетъ котораго ты распорядился, и кромѣ того тысяча лундоровъ на свадьбу. За сколько ты продашь миѣ все это?

— А во что цѣните вы приданое вашей невѣсты?

— Ты слышалъ, въ осемьсотъ-тысячъ.

— Ну, хорошо, я буду имѣть честь подѣлиться съ вашимъ сіятельствомъ, чѣмъ и покроется весь вашъ долгъ.

— Разбойникъ! ты хочешь чтобы я общалъ тебѣ....

— Мало общать, ваше сіятельство: нужно обязаться письменно.

— И это твое послѣднее слово?

— Я полагаю, что достаточно доказываю мою почтительную преданность вашему сіятельству.

— Повѣсить бы тебя за эту преданность! Я уйду лучше поскорѣй, потому что иначе неравно свуеручно исполню должность твоего палача.

— Я совѣтую вашему сіятельству подождать немножко уходить отсюда.

— Это отчего?

— Да я въ окно вижу полицейскаго комиссара и его служителей, которыхъ я просилъ прійти ко миѣ за совѣтомъ: я угадывалъ, что не найдя васъ дома, найдутъ здѣсь.

Графъ затрепеталъ какъ звѣрь, опутанный неразрывною сѣтью.

Съ одной стороны разореніе, съ другой униженіе; съ одной раздѣлъ богатаго приданаго съ негодлемъ, съ другой четыре стѣны тюрьмы; съ обѣихъ одинаковый стыдъ: только въ одномъ случаѣ этотъ стыдъ можетъ остаться въ тайнѣ. Людовикъ еще колебался, когда на лѣстницѣ и въ корридорѣ глухо отдались тяжелые шаги и зазвенѣлъ колокольчикъ.

— Подай веро! судорожно закричалъ графъ.

— Извольте, ваше сіятельство. Вотъ бумага.

Людовикъ, видъ себя, задыхался, написалъ роковое объявленіе, которымъ обзывается вручить ростовщику половину приданаго Эммы Мошильѣ.

Лаврентъ пріотворилъ дверь и сказалъ пришедшимъ:

— Вы можете удалиться, госнода; графъ де-Можирошъ заплатилъ. Отдайте миѣ векселя.... Ну, вотъ и прекрасно! продолжалъ онъ, внимательно прочитавъ обязательство и бережно укладывая его въ бумажникъ: теперь мы составляемъ прочную компанію. Какая честь миѣ! Однако жъ я приберегу векселя, потому что почемъ знать, что можетъ случиться. А теперь извольте получить

тысячу лундоровъ, которыхъ вы требовали. Довольны ли вы мной, ваше сіятельство?

Людвикъ не отвѣчалъ. Ему нуженъ былъ воздухъ; онъ задыхался въ комнатѣ, гдѣ совершилась унижительная для него сдѣлка. Освободившись наконецъ, онъ выбѣжалъ и бросился въ карету, въ которой прѣхалъ. Лаврентъ подошелъ къ окну и, провозжая графа лукавымъ взглядомъ, говорилъ:

— Скачите, скачите, ваше сіятельство! далеко отъ меня не укачете.... вы на привязи!... вы мой!

Дома Людвикъ безъ удивленія узналъ, что въ отсутствіе его являлся полицейскій комиссаръ. Потому былъ капитанъ де-Сень-Сернепъ и оставилъ записку:

«Другъ мой, особенныя обстоятельства принуждаютъ меня отъправиться по назначенію теперь же. Извини, что я не дождался тебя. Впрочемъ, ты увидѣлъ бы меня такого печальнаго, что не повѣрилъ бы искренности моихъ желаній тебѣ счастья, а я между-тѣмъ вдвойнѣ желаю этого, потому что твое счастье теперь неразлучно съ счастьемъ особы, во всѣхъ отношеніяхъ достойной твоей любви.

«Я взялъ письмо, которое поручилъ было тебѣ, но напрасно искалъ твоего. Я вспомнилъ теперь, что былъ такъ неостороженъ и оставилъ свой бумажникъ на минуту въ рукахъ маски, съ которою разговаривалъ въ залѣ опернаго театра. Это та самая маска, которая произвела такую тревогу вчера за ужиномъ. Вѣрь моему сожалѣнію и позволь надѣяться, что я не причинилъ тебѣ вреда при случаѣ, въ которомъ, напротивъ, желалъ оказать услугу. Есть люди, рожденные подъ такою злощасливою звѣздой, что ихъ содѣйствіе становится губельнымъ даже самымъ дорогимъ друзьямъ ихъ. Дай Богъ, чтобы это не оправдалось у меня въ отношеніи къ тебѣ, любезный Людвикъ. Прощай.»

Какъ ни безпеченъ обыкновенно былъ графъ Можиронъ, странный случай съ письмомъ поразилъ его, потому что могъ имѣть важныя слѣдствія. Кто была эта таинственная маска, которая такъ настойчиво преслѣдовала его въ прошедшую ночь и которая своимъ даже поддѣльнымъ голосомъ два раза напомнила ему маркизу де-Бретвилъ? Людвикъ терлся въ догадкахъ, когда камердинеръ вошелъ и подалъ письмо, только что полученное по почтѣ изъ Африки. Оно было отъ Бертильды: ничѣмъ, ни въ тонѣ, ни въ слогѣ, ни въ выраженіи чувствованій не отличалось

оно отъ прежнихъ и не заключало въ себѣ ни малѣйшаго намеку о возвращеніи въ Парижъ.

Людовикъ успокоился и заключилъ, что маска, вѣроятно, была какая-нибудь пріятельница и повѣренная маркизы. Въ этомъ опасности большой не могло быть, потому что прежде чѣмъ до маркизы дойдетъ вѣсть, невѣрный будетъ женатъ.

Предаваясь этой мечтѣ, графъ разсѣянно пробѣгалъ глазами нѣжное посланіе и не слышалъ, какъ отвернулась дверь его кабинета, не примѣтилъ, какъ приподнялась драпировка и какъ на него уставились сверкающіе глаза, глубокіе и непроницаемые какъ воды океана, у котораго они, казалось, заимствовали перемѣчивыя краски. Вдругъ Людовикъ поднялъ голову и затрепеталъ: передъ нимъ стояла блѣдная и неумолимая Бертильда де-Готфоръ, маркиза де-Бретвиль.

— Ну, что же? развязно сказала Бертильда оцѣпенѣвшему Людовику: такъ-то вы встрѣчаете меня послѣ пяти-мѣсячнаго отсутствія?

— Я радуюсь вашему неожиданному и счастливому возвращенію, пробормоталъ Людовикъ.

— Такъ мнѣ и кажется, сказала маркиза усаживаясь въ одно кресло и небрежно бросивъ шляпку на другое: что это значитъ? Вы даже руки не подаете мнѣ?

— Вы здѣсь! сказалъ Людовикъ: какъ же это письмо, которое я сейчасъ получилъ...

— Я готовила вамъ неожиданное удовольствіе и хотѣла, чтобы оно было какъ можно полнѣе. Я отправилась въ одно время съ письмомъ и, быть-можетъ, даже обогнала его. Я была увѣрена, что мнѣ во всякую пору будутъ рады. Не такъ развѣ?

Людовикъ молчалъ. Потомъ, сдѣлавъ усміе, онъ взялъ маркизу за руку и сказалъ довольно твердо:

— Выслушайте, Бертильда; къ внѣ, которая можетъ уже лежать на мнѣ въ отношеніи къ вамъ, я не хочу прибавить обману въ такую минуту, когда готовлюсь разорвать связь, в которой воспоминаніе мнѣ всегда будетъ дорого. Съ-тѣхъ-поръ какъ мы разстались, случилось многое. Я обо всемъ расскажу вамъ подробно, когда вамъ будетъ угодно, и надѣюсь, что это послужитъ мнѣ достаточнымъ извиненіемъ въ послѣднемъ поступкѣ, на который я долженъ былъ рѣшиться.... Бертильда, я женись!

— Слышала, холодно отвѣчала маркиза и вынула изъ кармана

Людovicкoвo писъмo: этo дoшлo нo aдpeсy paншe чѣмъ вы пoлaгaли. Чтo вы нa этo cкaжeтe?

— He знaю, чтo нa этo cкaзaть. Пpизнaюcь вaмъ, мeня удивлeтъ, чтo вы тaкъ cпoкoйны, тaкъ paзeудитeльны пpи пoлучeнiи извѣcтiя, o кoтopомъ я нe знaлъ, кaкъ cooбщитъ вaмъ.

— Отчeгo жe? Этo извѣcтiе нe мoглo вcтpeвoжитъ мeня, пoтoму чтo cамoe дѣлo нe cocтoитcя.

— Чтo вы гoвopитe? Тaкъ вы пaмѣpeны....

— Paзeтpoитъ вaшy cвaдѣбу.

— И вы пoлaгaeтe, чтo вaмъ удacтcя?

— Я удѣpeнa. За вaсъ oтдaютъ этy дѣвyшкy, пoтoму чтo cчитaютъ вaсъ бoгaтымъ. Ho мнѣ cтoитъ тoлькo oднo cлoвo cкaзaть, — чтo вы paзopeны. Нынѣшнeй нoчью, въ «Зoлoтoмъ Дoмѣ», я ужe мoглa вce oткpыть.... Я нe cчитaю пyжнымъ oбъeдeнiя вaмъ, чтo я уживaлa cъ вaми.... Я пpомoлчaлa, пoтoму чтo хoтѣлa пoщaдитъ вaсъ, пpeдocтaвить вaмъ cамимъ oткaзaтьcя.

— Я нe oткaжyсь. Этo мoe cпaceниe, мoя cвoбoдa, мoя жизнь!....

— Тaкoй paзчeтъ!.... Вы, cудapь, кaжeтcя, зaбывaeтe, чтo вы двoрянинъ.

— Вaмъ ли, cудapыня, нaпoминaть мнѣ oбъ этoмъ?

— Отчeгo жe нѣтъ? Этo — пpaвo, зa кoтopoe я зaплатилa дoвoльнo дopoгo. Bспoминитe тoлькo нaчaлo нaшeй cвязи.

И мapкизa пoкaзaлa Людoвику знaки oтъ paнъ въ ушaxъ.

— Мapкизa, пpoдoлжaлъ Людoвикъ, я знaю, чтo вы cпocoбны рѣшитъcя нa oтчaявнныя мѣpы, и мнѣ, бытъ-мoжeтъ, дoлжнo cтpaшитъcя вaсъ. Ho paбy ли бытъ пpизнaтeльнымъ зa ycмiя, кoтopыя yпoтpeбилъ, и зa oпacнocти, кoтopымъ пoдвepгaлcя влacтeннъ, чтoбы лyчшe зaвлaдѣть имъ?

— Тaкъ вы paбъ? Пpeкpacнo, гpaфъ! Heблaгoдapнocть вaшa пo-кpaйнeй-мѣpѣ зaмыcлoвaтa.

— Heблaгoдapнocть?.... O! нeблaгoдapныe нe плaтятъ cвoихъ дoлгoвъ, a я cъ лyxвoю yплaтилъ вaмъ. Bспoминитe пocлѣднiй бaль въ Тюильpи; вcпoминитe мoлoдaгo чeлoвѣкa, кoтopый увязывaлcя зa вaми вcюдy, гдѣ вы yдocтoвaли мeня чecти бытъ вaшимъ кaвaлepoмъ; вcпoминитe, кaкъ вы нa этoмъ бaлѣ дaли eмy cлoвo нa тaнцъ и пoтoмъ пoшли co мнoю.... и пoвтopили этo двa рaзa въ oднeнъ вeчepъ!.... За этo oнъ cкaзaлъ вaмъ cлoвo, нa кoтopoe я oднeнъ мoгъ oтвѣчaть. За oтвѣтъ я пoлучилъ кpoвaвyю oбидy и вы знaeтe, чтo зa тѣмъ пocлѣдoвaлo.... Мы дpaлиcь, пoкa нe слoмaли oднy шпaгy; пoтoмъ мoй пpoтивникъ пaлъ cъ пy-

деню въ груди. Но вы не знаете, что, умирая, онъ заставилъ меня склониться и угасающимъ голосомъ сказалъ: «Мы оба — игрушки жестокой женщины. Рано или поздно, меня ждалъ такой конецъ, потому что у насъ съ нею есть на памяти страшное прошлое и со времени ея замужства моя жизнь была постоянною грозой для ея спокойствія. Я не жалею: я почти заслужилъ ея мщеніе. Но трепещите и вы, когда вы сдѣлаетесь не нужнымъ ей.» Тогда, сударыня, была пора перваго моего ослѣпленія и я не повѣрилъ торжественному слову, но скоро я долженъ былъ понять, что вы искали во мнѣ не сердца, не привязанности, а руки непогрѣшимо ловкой и смѣлости, способной устоять во всякомъ испытаніи. Вы хотѣли открыть мнѣ путь къ почестямъ и вліянію, но только длятого чтобы со временемъ господствовать надо мною и черезъ меня. Вы нѣсколько разъ предлагали мнѣ въ пособіе ваше состояніе, но только съ тѣмъ чтобы наложить на меня одною цѣпью больше. Однимъ словомъ, вы хотѣли сдѣлать изъ меня ступень своему честолюбію, какъ сдѣлали уже палачемъ вашего мщенія.

— Все это правда, сказала маркиза, быстро вставъ: но есть вещь еще болѣе справедливая.

— Чтò же это такое?

— То, что я недавно еще не любила васъ, а теперь люблю.

— Вы меня любите? вы?

— Люблю, впервые люблю.... Прежде я чувствовала только... волненіе крови, знала только обаяніе, мечту.... Теперь я чувствую, что люблю!

— Я не вѣрю этому.

— Несчастный! если ты вѣрилъ въ возможность проступка, какъ же не вѣришь въ наказаніе? Правда, что передъ замужствомъ еще я была обманута, но мое сердце никогда дѣйствительно не принадлежало этому обманщику: то было заблужденіе, я не любила его. Ты знаешь, гдѣ теперь этотъ человекъ. Суди же, каково будетъ мое мщеніе тому, котораго я люблю.

— Не старайтесь испугать меня, сударыня. Показать мнѣ опасность значить заставить меня идти къ ней навстрѣчу. Я имѣю право освободиться и — освобождаюсь. Женитьба эта необходима для моей будущности и она состоится.

— Для вашей будущности? Я за нее отвѣчаю. Какъ бы ни велики были ваши обязательства, я за все отвѣчаю.

— Благодарю васъ, сударыня. Вы предлагаете мнѣ состояніе

вашего мужа за его кровь, которую завтра же, быть-можетъ, заставите меня пролить.

— Людовикъ!

— Я не продаю ни моего сердца, ни моихъ руки, сударыня.

— Правда, накануне женитьбы по расчету дворянину гораздо приличнѣе продать свое имя.

— Маркиза!....

— О! ни слова больше, Людовикъ! вскричала Бертильда, бросивъ на своего любовника взглядъ, который уже почти становился преступленіемъ: выслушай! продолжала она голосомъ, въ которомъ страсть еще господствовала надъ бѣшенствомъ: Людовикъ, не доводи меня до отчаянія: оно будетъ ужасно! Откажись отъ этой женитьбы. Бѣжимъ! уѣдемъ въ Италію, въ Швейцарію, — куда хочешь, — на край свѣта, если нужно, потому что я люблю тебя. Черезъ четверть часа почтовая карета, нанятая отъ твоего имени, пріѣдетъ за нами. Бѣжимъ! Такъ должно; рѣшайся. Я несу тебѣ или спасеніе или позоръ и.... смерть!

Людовикъ съ минутой оставался безмолвенъ и неподвиженъ. Онъ колебался не насчетъ отвѣту, а въ выборѣ средствъ разрѣшить эту опасную задачу.

Тутъ вошелъ камердинеръ. Онъ ничего не сказалъ, молча остановился у порогу, однако маркиза поняла, что значило его появленіе. Къ-тому же, раздавшійся на лѣстницѣ громкій хохотъ Молниѣ окончательно объяснилъ загадку. Людовикъ сдѣлалъ знакъ, чтобы подождали. Камердинеръ вышелъ. Маркиза взяла Людовика за руку.

— Я не разстанусь съ вами, сказала она рѣшительно и крѣпко сжала графу руку.

— Вы не пойдете за мною, возразилъ графъ такъ же рѣшительно.

— Такъ я опережу васъ! вскричала Бертильда.

Голоса Молниѣ и маркиза д'Армантьера уже слышались въ приемной.

Людовикъ съ отчаяннымъ усиліемъ толкнулъ маркизу; она упала въ уголъ; онъ поспѣшно занеръ дверь на ключъ и вышелъ въ гостиную, блѣдный, но съ улыбкой.

Начались представленія. Маркизь д'Армантьеръ, въ качествѣ пріѣзжаго, не погрѣшалъ противъ приличій, когда пріѣхалъ къ молодому человѣку, котораго ему представляли какъ жениха его внучатой племянницы. Онъ ивкогда служилъ съ отцомъ Можи-

рени въ одномъ мѣстѣ и сирокенно высказала, что радуется такому мѣстечку своей любимицы.

Людвигъ слушалъ эти пріятныя рѣчи маркиза и болтовню нотариуса, со страхомъ и трепетомъ прислушиваясь къ тому, что дѣлается въ кабинетѣ. Тамъ царствовала мертвая тишина. Въ состояніи, въ какомъ Людвигъ оставилъ неукротимую Бертильду, эта тишина казалась ужаснѣе всякаго шума. Выпроводить гостей, разумѣется, не было ни какой возможности. Наконецъ они сами выручили его.

— Можете ли вы сегодня же поѣхать съ нами въ Неверъ? спросилъ Молинье.

— Съ большимъ удовольствіемъ! нелицемѣрно отвѣчалъ Людвигъ: но въ такомъ случаѣ вы позволите мнѣ сперва сирокенно нѣкоторыя нужныя дѣла....

— Извольте, извольте; мы васъ не станемъ задерживать.

Въ кабинетѣ послышался глухой шумъ. Людвигу показалось, что Бертильда тяжелою, неровною поступью подходитъ къ двери.... Рука налегла на дверную ручку.... Людвигъ затрепеталъ.

Въ эту самую минуту къ крыльцу подъѣхала дорожная карета. Она заглушила звукъ загремѣвшаго замка и въ тоже время отвлекла вниманіе гостей.

— Это что? спросилъ Молинье и, выглянувъ за окно, самъ собою отвѣтилъ: почтовая карета!

— Да, сказалъ Людвигъ, я хотѣлъ-было ѣхать въ свое имѣніе, но теперь подумалъ, — поѣду съ вами. Я попрошу у васъ только одного часу времени и тогда явлюсь къ вамъ.

— И прекрасно! прекрасно! Прощайте, отдѣлывайтесь поскорѣе, сказалъ Молинье: черезъ часъ мы васъ ждемъ.

Гости уѣхали. У Людвика гора съ плечъ свалилась. Онъ пошелъ въ кабинетъ, но, отворивъ дверь, съ содроганіемъ отступилъ.

Маркиза, въ паденіи, разбила лобъ о какой-то острый уголъ. Лицо ея было въ крови, волосы растрепаны.

Причиною тишины былъ обморокъ, который продолжался нѣсколько минутъ и послѣ котораго маркиза все еще (не находила голоса. Скоро однако жъ новый взрывъ гнѣву успокоилъ Людвика насчетъ возможныхъ слѣдствій этого паденія.

— Прощайте, графъ! сказала маркиза: мы скоро увидимся.

— Вы, ошибаетесь, сударыня, возразилъ Людвигъ, воротившій все свое хладнокровіе: вы останетесь здѣсь.

— Какъ! вы осмѣлитесь задержать меня?

— Если я не задержу васъ, поразить должно вашими будущимъ догнать моихъ друзей, которые сейчасъ здѣсь были: живая вода, чудрыши... Вы не выйдете изъ этого дому, пока моя женщина не будетъ упрочена.

— Но я закрыта... я буду звать на помощь.

— Этотъ домъ стоитъ совершенно уединенно, въ концѣ улицы, а люди моя предашь цѣль. Впрочемъ, вы сами не закроете рѣдкосты по всему Парижу, что были у меня.

— И вы, кажется, хотите уѣхать въ той самой каретѣ, которую я навала?... О! я сама себя погубила! вскричала маркиза, терзая ногтями свой окровавленный лобъ.

— Жерменъ, сказалъ Людовикъ, призвавъ камердiera, на бледнѣйшее почтительное обращеніе съ маркизою де-Бретвиль. Скажи ключницѣ, чтобы она не отходила отъ нея до моего приѣзда. Я отлучаюсь на нѣсколько дней.

Онъ ступилъ нѣсколько шаговъ и опять воротился къ маркизѣ, которая видѣ себя упала въ кресло.

— Бертильда! сказалъ онъ: я не подаю вамъ руки: въ неотвѣстную минуту это было бы жестокою насмѣшкой... Но не принуждайте меня къ войнѣ. Я пламенно желаю, чтобы вѣдомо теперешняго невольнаго противника вы увидѣли во мнѣ поправнаго друга.

Онъ ушелъ.

— Боже мой! вскричала маркиза съ страшною набожностью: Боже мой! не дай мнѣ погибнуть отъ отчаянія, чтобы я могла отомстить за себя.

Въ Неверѣ Людовикъ какъ будтодохнулъ новымъ, свѣжимъ, живительнымъ воздухомъ. Тамъ ему все поправилось, потому что все было противоположно бурнымъ, тревожнымъ ощущеніямъ, которыми истерзали его въ Парижѣ; все его успокоило, все ему полюбилось, начиная отъ стариннаго замка маркиза д'Армоньера до милой и кроткой Эммы, — семнадцатилѣтней блондинки съ ясными голубыми глазами, которые среди полуобщественнаго жванн въ уединенномъ замкѣ еще не отуманивались ни какою заботой, ни какою страстью, кромѣ заботы объ удобствѣхъ стараго дядюшки и страсти къ нѣкоторымъ своимъ воспитанникамъ изъ роду птицъ и цвѣтовъ.

На другой день по приѣздѣ домой съ гостемъ, маркиза спросила свою любимицу, какъ она находитъ графа Людовика де-Можирона. Эмма простодушно отвѣчала, что онъ человѣкъ очень любезный и нравится ей, а черезъ недѣлю уже весь Неверъ

былъ въ волненіи отъ ожиданія великаго событія, — отъ той свадьбы.

Назначенный день насталъ. Старый замокъ принялъ предвѣстную видъ; шприкъ досталъ изъ гардероба свой парадный мундиръ, въ которомъ, бывало, ѣздилъ ко двору; Молиньё надѣлъ съ ногъ до головы новое, и упражнялся въ островахъ, за которыми награждалъ себя холодомъ громче чѣмъ когда-нибудь; не-льота, разумѣется, была немножко смущена новостью своего положенія и ожиданіемъ того, что будетъ, однакожь не печалилась, потому что на это не было ни какой причины. При всемъ томъ, не всѣ были веселы: Людовикъ съ трудомъ срывалъ тяжкую заботу. Онъ каждое утро получалъ по письму изъ Парижа, и распечатывалъ ихъ всегда съ судорожнымъ нетерпѣніемъ. То были ежедневныя реляціи его войны съ непримиримымъ врагомъ, котораго люди его держали въ плѣну, въ Парижѣ. Дотогѣ невѣстия, каковы они ни были, еще не заставляли его расматывать въ смѣломъ поступкѣ, но въ этотъ день, какъ нарочно, почта ничего не привезла и эта жестокая неизвѣстность, мучительная, хуже достовернаго несчастія, прибавила къ вынужденной дѣятельности жениха необыкновенное лихорадочное безпокойство. Однакожь, когда увидѣлъ Эмиу въ дѣвственномъ нарядѣ, свѣтлую какъ праздникъ, поэтическую какъ символъ, Людовикъ забылъ о страшной своей плѣнницѣ; присутствіе ангела быстро стерло воспоминаніе о демонѣ.

Все, что было знатнаго, зажиточнаго и именитаго въ Неверѣ, собралось въ соборѣ. Ждали только жениха и невѣсты. Наконецъ и онѣ стали садиться въ экипажи, чтобы отправиться. Маркизъ д'Армантьеръ сѣлъ съ невѣстой; Людовику надлежало ѣхать съ Молиньё.

Въ ту самую минуту, когда онъ вышелъ на крыльцо, приближалъ человекъ весь запыленный, только что съ дороги. То былъ Жирмакъ, его камердинеръ.

— Ваше сіятельство! вскричалъ слуга.

Но увидѣвъ, что обращаетъ на себя вниманіе нѣсколькихъ любопытныхъ, остановился въ нерѣшимости.

— Что случилось? спросилъ Молиньё, видимо встревоженный.

— Я долженъ доложить вамъ нѣчто.

Графъ знакомъ предложилъ тестю сѣсть впередъ въ карету и отправилъ съ камердинеромъ къ сторонѣ.

— Говори шибче! что случилось?

— Маркизъ.... ваше сіятельство....

— Что она?

— Умерла.

— Боже мой!

— Это еще не все. Ключница перенугалась, шебикала въ полицію и все открыла.

Графъ страшно поблѣднѣлъ и, казалось, обдумывалъ, на что рѣшиться. Но всѣ окружающіе устремили на него глаза съ любовытствомъ и, какъ ему казалось, съ подозрѣніемъ. Маркизь и Молинье выгнули изъ каретъ. Людовикъ понялъ, что колебаніе невозможно: слѣдовало или отступить или идти впередъ; слѣдовало или все разрушить, женитьбу и счастье и со стыдомъ бѣжать, или броситься на подножку кареты, которую мгновенное мерещенье представило ему какъ ступень эшафота. Привычка больше чѣмъ расчетъ отважности взяла верхъ: онъ бросился въ карету.

— Ничего, сказалъ онъ: Жермень донеситъ мнѣ, что обойщики, отдѣлывающіе мою квартиру въ Парижѣ, не успеютъ во время кончить. Я повезу молодую въ мой овернскій замокъ.

Всѣ успокоились и кареты покатали къ церкви. Людовикъ вогрѣлъ все свое хладнокровіе: онъ рѣшился на борьбу.

Обрядъ совершился.

По возвращеніи изъ церкви, Людовикъ воспользовался первымъ удобнымъ поводомъ уйти на нѣсколько минутъ въ свою комнату, гдѣ его дождался Жермень.

— Говори, рассказывай, сказалъ графъ въ неописанномъ волненіи: рассказывай все, какъ было.

— Первые дни своего заключенія маркиза, по-видимому, шррела спокойно, началъ Жермень: потому она заболѣла. Гертруда ходила за нею. Сначала доктора не посмѣли призвать; помогали, чѣмъ знали. Болѣзнь быстро услилась; горячка оказалась такая страшная, какой никто изъ насъ не видывалъ, и маркиза на другую же ночь осталась мертвая на рукахъ Герруды. Старуха потеряла голову и убѣжала изъ дому, крича, что не хочетъ подвергнуться казни за участие въ убійствѣ, и все откроетъ полиціи. Не успѣвъ догнать ея и желая, во что бы то ни стало, предупредить вась, я побѣжалъ на орлеанскую желѣзную дорогу и вотъ я здѣсь. Что теперь дѣлать?

Графъ нѣсколько времени ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Невозможно описать всѣхъ чувствованій, которыми поперомѣнно волновали его подъ ударомъ рока, вдругъ поставившаго вогоръ поперегъ блестящаго пути надежды. Страшней меча шибикала

ему по дорогѣ изъ Парижа въ Неверъ движеніе телеграфовъ, которые гигантскими своими руками съ дистанціи на дистанцію передавали приказъ о задержаніи преступника. Вотъ роковая вѣсть дошла до неверскаго королевскаго прокурора; вотъ вооруженные полицейскіе служители окружаютъ домъ маркиза.... Потомъ видится ему строгое и мрачное судилище и несчетная толпа, жаждущая разъясненія кроваваго позору.... потомъ приговоръ.... страшный приговоръ.... и казнь смертію за смерть.

Дошедши до этой точки видѣнія, Людовикъ содрогнулся и съ ужасомъ осмотрѣлся вокругъ. Оставалось только два выхода: тотчасъ же бѣжать за границу или остаться и оспаривать свою жизнь у палача.

Бѣжать! то есть взять въ удѣлъ изгнаніе, позоръ и нищету, во сто разъ ужаснѣе той, отъ которой искалъ спасенія въ пулѣ. Людовикъ вспомнилъ, что у него еще остается оружіе, и пересталъ думать о побѣгѣ.

Людовикъ обратился къ своему вѣрному слугѣ, который подвергался той же отвѣтственности, какъ сообщникъ преступленія, а между-тѣмъ спокойно и молча ждалъ рѣшенія своего господина съ геройскимъ самоотверженіемъ солдата, исполняющаго долгъ службы.

— Жермень, сказалъ Людовикъ, вотъ пятьдесятъ лувдоровъ, — все, что у меня осталось, — возьми ихъ и бѣги за испанскую границу. Ты извѣстишь меня, гдѣ скроешься, и если я избѣгну погибели, не забуду тебя.

— Но.... ваше сіятельство.... извините вопросъ.... что вы намерены дѣлать?

— Не знаю еще.

— Если бы поѣхали тотчасъ же въ Парижъ.... Посредствомъ вашихъ друзей вы, можетъ-быть, успѣли бы уладить дѣло.

— Уѣхать отсюда?... сегодня? Это невозможно!

Однако жъ, прозвоня эти слова, Людовикъ уже быстро соображалъ выгоды и возможность поспѣшнаго отъѣзду, когда вошелъ Молвиѣ, который принудилъ его воротиться къ невѣстѣ. Людовикъ машинально повиновался.

Потомъ тысячи мелочныхъ обязанностей запутывали и задерживали его одна за другою и помогали нерѣшимости, которая и безъ того уже затрудняла отъѣздъ.

Насталъ вечеръ. Гости стали убывать и послѣдніе наконецъ скромно удалились, чтобы, по принятому выраженію, не заедлатъ счастья новобрачныхъ. Людовикъ почти съ радостью поду-

малъ, что уже поздно собираться въ дорогу, потому что эта невозможность хоть на нѣсколько часовъ избавляла его отъ мучительныхъ терзаній нерѣшимости.

Въ часѣ тайныхъ причинъ, удерживавшихъ Людовика въ Неверѣ, была надежда, исполненная вмѣстѣ и очарованіи и угрызённой совѣсти. Отправляясь въ Парижъ на неровную и опасную борьбу, пришлось бы отказаться отъ послѣдняго счастья, какое ему еще оставалось на землѣ.

Эмма стояла въ своей спальнѣ на колѣняхъ и молилась. Тайное предчувствіе чего-то ужаснаго наполняло ее страхомъ. Войдя въ этотъ священный пріютъ, Людовикъ съ невольнымъ почтениемъ остановился. Ему казалось, онъ дыханіемъ своимъ уже оскверняетъ воздухъ, которымъ дышетъ Эмма, дѣвственная и чистая, какъ существо, только-что вышедшее изъ рукъ Создателя.

Подавленный совѣстью, которой голосъ громко слышался въ тишинѣ ночи, Людовикъ въ изнеможеніи опустился на первое кресло у дверей.

— Что съ вами, Людовикъ? спросила Эмма вставъ и съ безпокойствомъ устремивъ взоръ на мужа.

— Ничего, отвѣчалъ онъ.

Но онъ страдалъ ужасно.

— Нѣтъ! вы обманываете меня! Это не хорошо! сказала Эмма и сѣла подлѣ него.

Она взяла его за руку и Людовикъ забылъ свою тревогу, когда взглянулъ въ прелестное созданіе, которое передъ алтаремъ произнесло обѣтъ принадлежать ему до гроба. Онъ наклонился и губами коснулся прекраснаго лба, чистаго какъ и сердце Эммы.

Эмма вздрогнула.

Въ то же время, подъ окнами, на улицѣ, послышался шумъ шаговъ. Можно было распознать, что это шли дѣти въ тяжелыхъ сапогахъ.

— Ахъ! вскричала Эмма, позвольте! позвольте мнѣ повидаться съ моими бѣдными.

Она поспѣшно подошла къ окну, отворила его и подала нѣсколько денегъ бѣдной женщинѣ и двоимъ мальчикамъ.

Людовикъ слѣдилъ глазами за движеніями Эммы и, когда она затворила окно, съ удивленіемъ спросилъ:

— Отчего же ваши бѣдные ходятъ не днемъ, а такъ поздно вечеромъ?

— Это несчастная семья: она не смѣетъ днемъ показаться на

улицѣ... Чернь преслѣдуетъ ее жестокостями, оскорбленіями и даже побоями.

— Это отчего?

— Оттого что отецъ семейства, мужъ этой несчастной женщины, казнень за преступленіе.

Людвигъ содрогнулся. Эмма продолжала рассказывать.

— Это былъ довольно честный человѣкъ, торговецъ, у котораго я покупала все, что мнѣ было нужно. Дѣла его шли довольно хорошо, но вдругъ изъ Парижа пріѣхалъ другой, торговавшій тѣми же товарами, открылъ магазинъ въ той же улицѣ, разукрасилъ его, привлекъ покупателей шарлатанскими вывѣсками и объявленіями и отбилъ хлѣбъ у нашего стараго знакома. Я почти одна продолжала закупать у него, и то только по привычкѣ, потому что, надобно правду сказать, озлобленный соперничествомъ торговецъ, вмѣсто того чтобы стараться поддерживать свою извѣстность, сталъ небреженъ въ дѣлахъ и только обдумывалъ средства уничтожить своего противника. Эти мысли довели его до ужаснаго преступленія. Онъ однажды, вечеромъ, подкараулилъ своего соперника и убилъ на улицѣ.

Людвигъ поблѣднѣлъ и невольно опустилъ руку рассказчицы.

— Да, продолжала Эмма, онъ совершилъ убійство. Если бы онъ устоялъ противъ этого ужаснаго искушенія, обстоятельства сами избавили бы его отъ опаснаго соперника: черезъ два дня этотъ соперникъ долженъ бы былъ объявить себя несостоятельнымъ. Но, какъ бы то ни было, убійца осужденъ и казнень смертію. О! если бы знали участь его бѣдной жены и дѣтей послѣ этого! Несчастливая! она наказана за преступленіе, въ которомъ нисколько не виновна; покрыта навсегда позоромъ, котораго не заслужила! Неправда ли, Людвигъ, что, если бы люди вспоминали объ этомъ, они никогда не покусились бы на преступленіе?

— Да! это ужасно!... отвѣчалъ Людвигъ и глаза его, за минуту передъ тѣмъ загорѣвшіеся страстью, померкли и блуждая потупились въ землю.

Нѣсколько минутъ онъ молча выдерживалъ страшную, таинственную внутреннюю борьбу, потомъ вдругъ всталъ, наскоро протрясся и ушелъ.

Было уже поздно на другой день, когда Эмма проснулась. Ночь она провела безпокойную, между удивленіемъ и сомнѣніемъ, въ которыхъ ее естественно повергло неожиданное поведеніе мужа.

Едва она одѣлась, къ ней явилась одна изъ подругъ и ближайшихъ

сосѣдокъ, Серафима Сердо, которую она называла своею пріятельницей, не придавая впрочемъ этому слову большой важности, потому что находила въ этой сухошавой и болтливой дѣвушкѣ очень мало соответствующаго своимъ склонностямъ.

— Здравствуй, милая Эмма! сказала Серафима.

И начались многословныя поздравленія съ придачею цѣлованій.

— Какъ я счастлива твоимъ счастьемъ! Какъ я рада.... Правда, мнѣ сначала было немножко больно.... Ты разрушила самую дорогую мечту мою.... Я думала, ты будешь со временемъ женою моего брата, и представляла себѣ, какъ весело мы будемъ жить вмѣстѣ! Но пріѣхалъ графъ и все персервернулъ.... Но ты знаешь, какъ мнѣ дорого твое счастье!... Я помирилась съ графомъ: онъ такой благородный, прекрасный и любезный человекъ!... притомъ, онъ долженъ быть ужасно богатъ? прибавила она вопросомъ въ тонѣ.

— Да, онъ вмѣстѣ состояніе, неохотно отвѣчала Эмма.

— Я тебѣ говорю, что онъ долженъ быть ужасно богатъ.... когда ему ничего не значатъ такія большія потери, какъ напримѣръ послѣдняя.

— Какія потери? когда?

— Какъ? развѣ ты не знаешь?... Ну, вотъ видишь, новое доказательство, что ему ничего не значитъ потерять триста тысячъ: онъ даже не говоритъ объ этомъ.

— Триста-тысячъ? Какъ же онъ ихъ потерялъ и почему ты знаешь?

— На акціяхъ какой-то желѣзной дороги. Это напечатано въ газетахъ.... Я принесу тебѣ нумеръ, если хочешь.

— Неужели онъ вдается въ азардную биржевую игру? подумаю со страхомъ Эмма, въ глазахъ которой, такъ же какъ и въ глазахъ маркиза д'Армантьера, подобныя спекуляціи и денежные обороты увижали дворянина и равнялись разбою.

— Притомъ, продолжала Серафима, онъ такой храбрый.... Вотъ ужъ съ нимъ можешь быть совершенно спокойна: настоящій мужъ и покровитель: всякому сумѣетъ внушить почтеніе; никто не посмѣетъ оскорбить тебя. Когда братъ былъ въ Парижѣ, одинъ изъ пріятелей рассказывалъ ему, какъ графъ де-Можиронъ дрался на дуэли и застрѣлилъ своего противника, зато что тотъ оскорбилъ его даму на балѣ....

Эмма затрепетала.

— Рассказывали также, что эта дама была очень коротка съ

границы.... и еще очень надеюсь.... но теперь, разумеется, все это кончено. Во всякомъ случаѣ однако жъ эта дуэль приносится ему честь....

Долго еще Серафина хвалила графа де-Можирона, но всѣ ей похвалы, можетъ быть, безъ всякаго умыслу съ ея стороны, какъ-то становились хуже осужденій и острымъ вѣбамъ возмущенъ въ сердце бѣдной Эммы. Тутъ быть-можетъ, въ первый разъ въ жизни, въ этомъ сердцѣ родилась ненависть и эта ненависть обратилась на ласковую пріятельницу.

Эммѣ показалося, что Серафина клеветаетъ изъ злобы, зато что графъ перебилъ дорогу ея брату. Это утешило ее.

Черезъ часъ потомъ, Молниѣ, за завтракомъ спросилъ у своей дочери:

— Зачѣмъ же ты, Эмма, не пригласила къ завтраку своего друга, маисель Серадъ, когда она уже была у тебя?

— Вѣдь у насъ теперь никого нѣтъ чужихъ.... Притомъ сказать «другъ» значитъ сказать слишкомъ много.

— Это чтò значитъ?

— Вы знаете, маисенька, что я не щедро расточаю это званіе, отвѣчала Эмма: у меня въ жизнь мою была только одна истинная подруга.

— А! да, въ навѣиствѣ.... маисель Бертильда де-Готеоръ... знаю.

— Бертильда де-Готеоръ! вскричалъ Людовикъ.

— А вы развѣ знали ее? спросила Эмма съ виставившимъ подозрѣніемъ.

— Конечно, отвѣчалъ Людовикъ: я встрѣчалъ ее нѣсколько разъ въ обществѣ съ-тѣхъ поръ какъ она замужемъ.

— Я очень любила Бертильду, продолжала Эмма: мы все дѣли пополамъ, хотя характеры наши были очень не сходны.... Вы знали ее, Людовикъ, слѣдовательно можете разказать мнѣ, какъ она живетъ. Я почти вовсе не получала отъ нея ни какихъ вѣстей съ-тѣхъ поръ какъ она вышла за маркиза де-Бретвиля.

— Бретвиль.... нормандійскій дворянскій родъ, замѣтилъ маркизъ д'Армантьеръ: довольно старинный, но однофамильцевъ нѣтъ.

— Бретвиль? А! чортъ возьми! подумалъ Молниѣ, придуется губу: теперь я не удивляюсь смущенію моего любезнаго дядя.

— Въ послѣднемъ мою повѣдку въ Парижъ я Бертильды не застала, продолжала Эмма: но я непремѣнно напишу ей, увидом-

ли се вѣнчикъ замучитъ. Она будетъ рада и вскорѣннѣе придетъ поправить меня.

— Не совѣтую, не совѣтую тебѣ приглашать ее! съ лихачествомъ сказать Молиньѣ.

— Отчего же? спросила Эмма съ удивленіемъ: отчего мнѣ не поинтересоваться съ носомъ подружкой?... Вы, можетъ-быть, знаете, чтѣ это значить, Людовикъ?

Людовикъ молчалъ. Смущеніе совершенно отняло у него присутствіе духа.

Въ эту минуту вошелъ слуга и подалъ Молиньѣ письмо.

— Отъ королевскаго прокурора, сказалъ онъ.

Молиньѣ взялъ и, обращаясь къ обществу, сказалъ:

— Вы позволите?... и распечаталъ.

Вошли нѣтъ-за стола.

— Графъ, сказалъ Молиньѣ, пробѣжавъ записку, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Людовикъ пошелъ за своимъ тестемъ къ онну съ чувствомъ осужденнаго, который издали видѣть плаху.

— Королевскій прокуроръ пишетъ мнѣ.... но только просить охранить тайнѣ.... (Людовикъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе). Онъ пишетъ, что у него уже нѣтъ больше тѣхъ превосходныхъ контрабандныхъ сигаръ, которыхъ вы мнѣ доставили и изъ которыхъ я половинну уступилъ ему. Есть у васъ еще?

Людовикъ вздохнулъ свободнѣе, хотя все еще видѣлъ на горизонтѣ грозу, которая прорвалась надъ нимъ, на этотъ разъ не задѣвъ головы.

Отправившись послѣ этого въ свою комнату, онъ встрѣтилъ на порогѣ Жермена,

— Ты все еще здѣсь? вскричалъ графъ: я думалъ, ты уже далеко!

— Я остался, чтобы распорядиться для отъѣзду нашего охотельства въ Парижъ. Если вы теперь пойдете, вы можете еще спасти и себя и меня. Я досталъ почтовыхъ лошадей. Карета движется васъ здѣсь, за садомъ.

— Не чтѣ же я скажу моей новой роднѣ?

— Если позволите посоветовать, поѣзжайте не простясь. Объяснить можно запиской.

Примѣръ этой твердой и почтительной преданности возматерилъ Людовикъ всю освѣженную его стойкостью характера, ослабленную стесненіемъ инокства враждебныхъ обремененій.

Онъ зналъ, что Эмма вошла съ маркизомъ въ садъ; пола-

она, что забыть воспользоваться этим временем, чтобы уйти, и написал записку, но въ ту самую минуту, когда хотѣлъ выйти, встрѣтился лицомъ къ лицу съ женой.

Графъ съ минутою колебался. Слѣдовало рѣшиться на что-нибудь тотчасъ же.

— Милая Эмма, сказалъ онъ, я уже не располагаю видѣться съ вами сегодня и потому написалъ было записку, чтобы уведомить васъ....

— Записку? вскричала Эмма съ ужасомъ: о чемъ?

— О томъ, что чрезвычайно важное дѣло заставляетъ меня сейчасъ же ѣхать въ Парижъ.

— Ѣхать?... Вы ѣдете?... сегодня!.... Зачѣмъ?

— Прошу васъ, умоляю, не спрашивайте и не развѣдывайте объ этомъ. Сдѣлайте также одолженіе, извините меня передъ нашими родными, съ которыми мнѣ вѣкогда объясниться.

— Во всемъ этомъ есть что-то ужасное! сказала Эмма съ трепетомъ: вторичное неожиданное прабытіе вашего человека, даже озабоченный видъ, ваше безпокойство и теперь страннѣйшій отъѣздъ....

— Я вамъ скажу, что это значитъ, Эмма. Дѣло идетъ объ опасности, которой подвергается одинъ изъ моихъ друзей.... опасное-сли страшное, если я не поспѣшу къ нему на помощь. Позвольте мнѣ ѣхать, Эмма. Каждая минута, замедляющая мой отъѣздъ, замедляетъ и возвращеніе мое къ вамъ, а я желаю воротиться скорѣе, повратить мои невольныя вины передъ вами. Теперь я могу вамъ сказать только то, что вдали и вблизи я люблю васъ, Эмма.

— Если такъ, поѣзжайте, сказала Эмма, отирая слезу: только записка, которую я сейчасъ получила, увеличиваетъ мое сожалѣніе о вашемъ отъѣздѣ. Эта записка отъ моей подруги, которая извѣщаетъ меня, что она сейчасъ пріѣхала въ Неверъ и жаждетъ видѣть меня.

— Какая подруга? быстро спросилъ Людовикъ.

— Бертильда де-Бретвиль, о которой я вамъ говорила сегодня, за завтракомъ.

Людовикъ едва устоялъ на ногахъ.

— Маркиза де-Бретвиль въ Неверъ? спросилъ онъ, когда во-братился съ силами сказать слово.

— Она въ двухъ шагахъ отсюда, остановилась въ гостиницѣ. Я послала просить ее и, какъ она еще не знаетъ, что я заму-

моя, приказала слугѣ не говорить объ этомъ. Я хотѣла доказать ей неожиданное удовольствіе.

Людовикъ затрепетала.

— Какъ бы ни счѣнешь былъ мой отъѣздъ, я должна принять вашу подругу, сказалъ онъ: я думаю даже... прилично ли было послать за нею слугу? Не лучше ли будетъ скондить мнѣ самому.... Я могу назваться гостемъ и домашнимъ другомъ, чтобы не разстроить вашего плана.

— Это уже не нужно, отвѣчала Эмма взглянувъ въ окно: я вижу ее, вотъ она взяла съ нашимъ лакеемъ на подъяездъ. Увидите теперь, чтобы она не догадалась, и приходите черезъ полчаса, тогда ваше появленіе произведетъ больше эффекта, а я между-тѣмъ, — прибавила Эмма съ веселою улыбкой, — узнаю, что она думаетъ о васъ.

Людовикъ обрадовался возможности скрыть свое волненіе и окомнитъ. Онъ выбѣжалъ въ другую комнату и въ тоже время въ противоположную дверь вошла маркиза де-Бретвиль.

Это несомнѣнно была она.... Людовикъ не ушелъ: онъ остался за полуотворенною дверью, блуждающими глазами всматривался въ невѣроятное явленіе и готовился при первой опасности выйти изъ засады.

Нѣкоторый безпорядокъ дорожнаго костюма ни сколько не вредилъ гордой осанкѣ маркизы и легкіе темноватые круги подъ глазами чуть-чуть обнаруживали недавнее страданіе. На щекахъ играла живой румянецъ, однакожъ опытный наблюдатель отличилъ бы, что онъ происходилъ отъ страстей, а не отъ избытка здоровья.

Эмма бросилась въ объятія маркизы и, расточая ласки по побужденію сердца и по долгу хозяйки, не примѣчала, такъ сказать, вооруженной осанки своей пансіонской пріятельницы. Молодая графиня съ жаромъ освѣдомлялась о здоровьи и счастьи маркизы де-Бретвиль. Маркиза отвѣчала коротко и уклончиво и въ свою очередь спросила:

— А ты, Эмма, выходишь замужъ?

— Какъ! ты уже знаешь?

— Я знала это до отъѣзда изъ Парижа.

— Ну, такъ я не стану заираться. Ты расскажешь мнѣ, что знаешь о моемъ женихѣ, потому что ты встрѣчала его въ обществѣ.

Наступило продолжительное молчаніе. Зеркало не потускло бы передъ неподвижными губами Людовика. Бертильда, казалось, обдумывала, что сказать.

— Графъ де-Можиронъ въ обществѣ человекъ очень пріятный, сказала она наконецъ съ натянутой небрежностью.

Людовику показалось, что онъ видитъ сонъ.

— Неправда ли, что у него прекрасное сердце и свѣтлый умъ? спросила Эмма.

— Да, я полагаю, что ты не ошибаешься, отвѣчала Бертильда съ страннымъ выраженіемъ, котораго Эмма однако жъ не замѣтила.

— Ахъ, если бы ты знала, какъ отрадно мнѣ твое свидѣтельство! сказала она.

— Но скажи, какимъ же образомъ это случилось... какъ вы познакомились?

— Дядюшка и напенька представили мнѣ графа де-Можирона и я не нашла ни какой причины отказать.

— А! произнесла маркиза, вонзая въ Эмму взглядъ пробужденной змѣи.

— Да, я могу говорить съ тобою, какъ съ другомъ, продолжала Эмма, я могу признаться тебѣ, что вижу въ немъ, всю мою надежду на счастье.

Маркиза встала. Глаза ея предвѣщали страшный взрывъ.

— Маркиза, позвольте графинѣ де-Можиронъ представить вамъ своего мужа? сказалъ вдругъ мужской голосъ.

Людовикъ предвидѣлъ опасность и явился, — съ бурей въ душѣ, но отважный какъ всегда передъ лицомъ явнаго врага.

При видѣ его маркиза быстро поблѣднѣла и такъ же быстро опять оправилась.

— Ахъ! зачѣмъ вы такъ рано пришли, Людовикъ? вскричала Эмма: вы испортили всю сцену. Моя Бертильда только-что собралась возлословить на вашъ счетъ.

— Поэтому-то я и нахожу, что я хорошо сдѣлалъ, отвѣчалъ Людовикъ тѣмъ же шутливимъ тономъ: я надѣюсь, что теперь маркиза уже не станетъ злословить.... изъ уваженія къ моей женѣ.

— Я опоздала! прошептала Бертильда.

— Опоздала? повторила Эмма, почти встревоженная выраженіемъ, съ какимъ маркиза произнесла это слово.

— Безъ сомнѣнія, перебилъ Людовикъ, маркиза желала бы присутствовать при нашемъ бракосочетаніи. Чтò новаго въ Парижѣ, сударыня? Вы прямо оттуда?

Маркиза нѣсколько секундъ не отвѣчала и только обращала взгляды то на Эмму, то на Людовика, а мысль съ одного мщенія на другое.

— Нового въ Парижѣ, сказала она наконецъ, — аведать довольно странный и еще мало извѣстный, но я знаю его черезъ свидѣтеля, заслуживающаго полнаго довѣрія. Говорятъ, что одинъ дворянинъ знатнаго роду... вы его знаете: это одинъ изъ вашихъ друзей... чтобы избавиться отъ женщины, которую предательски покинулъ, не нашелъ лучшаго средства какъ обратиться для нея свой домъ въ темницу и своихъ людей въ тюремную стражу. Но я вамъ рассказываю эту исторію, графъ.... Вы, можетъ быть, ужъ знаете ее.

— Маркиза! сдѣлайте милость.... проговорилъ съ трепетомъ Людовикъ: умоляю васъ, не досказывайте.

— Отчего же? спросила Эмма, устремивъ на мужа безпокойный и престодушнo испытующій взглядъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, отчего не рассказать? продолжала маркиза: да, милая, эта женщина, эта жертва, оскорбленная въ сердцѣ, въ чести и въ достоинствѣ своемъ, двѣ недѣли пробыла во власти холоповъ. Наконецъ, убѣдившись, что только смерть можетъ положить конецъ такому униженію и пыткамъ, она довольно искусно притворилась умершею, воспользовалась происшедшею отъ этого тревогою въ домѣ и бѣжала. Теперь единственная ея мысль — мщеніе.

— Ну, пусть! вскричалъ Людовикъ съ нетерпѣніемъ: пусть же она поспѣшитъ!

— Она уже достигла своей цѣли, холодно отвѣчала маркиза.

— Боже мой! что же это такое? что случилось? говорила Эмма съ ужасомъ.

— Милая Эмма, сказала маркиза съ улыбкой, дѣло идетъ о пріятелѣ твоего мужа, и какъ графъ де-Можировъ не назвалъ тебя его, то и я не хочу быть нескромною.

— Я вамъ очень благодаренъ, маркиза, за великодушіе къ моему другу. Въ самомъ дѣлѣ, лучше правосудію предоставить объявленіе имени преступника.

— А кто вамъ сказалъ, что правосудіе вмѣшается въ это дѣло? гордо спросила маркиза: правосудіе, безъ сомнѣнія, удѣлило бы преступнику его долю наказанія, но оно удѣлило бы и жертвѣ ея долю позора. Эта жертва носить имя, которое она обязана уважать: вы это знаете. Къ-тому же правосудіе палатъ слишкомъ тяжело на подъемъ, а тутъ нужно мщеніе болѣе быстрое и вѣрное. И оно уже совершено.

— Какимъ же образомъ?

— Вашъ другъ покинулъ женщину, которая имѣла на него

неоспоримыя права, даяго чтобы жениться на деньгахъ; онъ продалъ себя, воображая заключить выгодный торгъ, но онъ ошибся: семейство, которое купило его, не въ состоянiи запла- тить: оно разорено.

— Это клевета! вскричалъ съ живостью Людовикъ.

— Не думаю, возразила маркиза, бросивъ на него удивительно спокойный взглядъ удовлетворенной ненависти: я могу даже ска- зать, что совершенно увѣрена въ противномъ.... Я желала толь- ко взглянуть на тебя и поцѣловать, продолжала она обращаясь къ Эми: я ѣду въ Виши, гдѣ, надѣюсь, ты навѣстишь меня съ графомъ де Мождромомъ.

— Какъ! ты не хочешь погостить у насъ? вскричала молодая графиня, еще взволнованная разсказомъ Бертильды.

— Это невозможно.... меня ждутъ.... но ты не примѣтишь моего отсутствiя.... въ наслажденiяхъ медоваго мѣсяца. Послѣ мы еще увидимся, прибавила она бросивъ жестокой взглядъ на Людовика. Людовикъ трепеталъ. По спокойствiю Бертильды онъ понималъ, что она знала мщенiе, но то ли самое, о которомъ говорила? Онъ не хотѣлъ вѣрить этому, потому что, въ такомъ случаѣ, Эмма, невинная, скромная Эмма, должна быть орудiемъ обмана. Это невозможно!

— Теперь я увѣрена, что вы что-то скрываете отъ меня, Людовикъ! сказала Эмма, помолчавъ.

Графъ не отвѣчалъ нѣсколько времени, потомъ спросилъ:

— А вы, Эмма, вы ничего не скрываете отъ меня?

Видѣвъ отвѣту, Эмма устремила на него глаза, полные просто- душнаго удивленiя. Подъ этимъ взглядомъ у графа растаяло все подозрѣнiе, котораго зародыши Бертильда забросила въ его душу. Онъ сказалъ:

— Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно!

Потомъ прибавилъ:

— Милая Эмма, я переимѣнилъ намѣренiе; я не поѣду; я оста- нусь съ вами.

— Слава Богу! сказала молодая женщина и подала мужу руку, которую тотъ нѣжно поднесъ къ губамъ.

Тутъ дошелъ Моланнѣ, съ сигарою въ зубахъ, съ вортелемъ въ мышкѣ, и съ обычными прибавками, остроумiемъ и хохо- томъ объявлялъ, что ему нужно поговорить съ графомъ о дѣлахъ.

Эмма усмѣ.

— На основанiи акта, который мы съ вами подписали, любез-

звѣтъ зять, началъ Молиньѣ, я обязанъ выплатить вамъ въ видѣ приданаго моеѣ дочери осемьсотъ-тысячъ франковъ, изъ которыхъ, по условію, половину вамъ слѣдуетъ получить на другой день свадьбы, то есть сегодня, а остальную половину черезъ три мѣсяца. Такъ ли?

— Да, такъ, отвѣчалъ Людовикъ и мысленно упрекнулъ себя за несправедливое подозрѣвіе.

— Вообразите же, любезный графъ, какая со мной случилась штука смѣшная, уморительная штука.

— Чтò же такое?

— Я вамъ говорю, что преуморительная вещь!

— Да чтò же наконецъ?

— А вотъ, чтò. Я поручилъ моему маклеру сдѣлать оборотъ, спекуляцію на акціи орлеанской дороги... великолѣпную спекуляцію... я рассчитывалъ выиграть тысячъ полтораста....

— Что же она припесла, триста-тысячъ?

— Какъ бы не такъ! Вотъ письмо отъ маклера, который извѣщаетъ меня, что нужно приплатить сто-тысячъ къ тому капиталу, который лопнулъ на спекуляціи.... Вотъ, что называется опростоволосился!.. Не правда ли это смѣшно?

И нотаріусъ захохоталъ. Людовикъ посмотрѣлъ на него, какъ на сумасшедшаго

— Мало этого, продолжалъ Молиньѣ съ тою же неистощимою веселостію: уѣзжая сюда, я забылъ оставить кредитъ шалунѣ Арсеніи у моего банкпра, а она, представъ себѣ! воспользовалась этимъ удобнымъ случаемъ и заплатила свою долги!... Этакая свовольная баба! чтò ты стапешъ дѣлать?... Но и этого мало. Одолжилъ я одному почтенному господину нѣкоторую сумму на честное слово и ждалъ, что вотъ, на этихъ дняхъ, заплатитъ, а сегодня узнаю, что онъ преблагополучно удралъ за границу.... Однимъ словомъ штука то выходитъ такая, что я вамъ теперь не могу выплатить не только половины приданаго, ни даже десятой части.... Разумѣется, это только небольшое замедленіе.... нѣсколько дней, мѣсяцъ два мѣсяца пройдетъ.... никакъ, не больше. Это, конечно, тоже очень непріятно и, нѣтъ я дѣло съ кѣмъ-нибудь другимъ, я не зналъ бы какъ и сказать объ этомъ. Но вы человѣкъ богатый; вамъ такое промедленіе ничего не значить и я увѣренъ, что мы съ вами изъ-за такихъ пустяковъ не поссоримся.

Молиньѣ долго еще болталъ въ этомъ тонѣ, съ приправою шутокъ и ссылокъ на изреченія разныхъ знаменитыхъ комиковъ

и наконецъ ушелъ вполне убѣжденный, что ни мало не встревожилъ своего любезнаго зятя.

Что испытывалъ Людовикъ, описать невозможно: каждый нервъ у него трепеталъ, а между-тѣмъ нужно было сохранить спокойную наружность. Тысячи мыслей, одна другой противоположныя, перекрещивались въ головѣ: то ему представлялись подробности его собственнаго положенія, весь стыдъ, все униженіе изблеченной нищеты, разчета и обмана, въ который онъ ввелъ новую родню; то ему казалось, что его обманули и что въ этомъ обманѣ участвовали не только Молиньё и маркизь д'Армантьеръ, но и Эмма. Эту мысль онъ однако жъ отвергъ, какъ недостойную, и слова воображеніе рисовало ему продажу имѣнія съ публичнаго торгу и тюрьму за долги.

Людовикъ по уходѣ Молиньё, еще не успѣвъ опомниться, когда дверь снова отворилась, но тихонько, и сладенькій голосъ спросилъ:

— Могу я теперь имѣть честь поговорить съ вашимъ сіятельствомъ?

— Лаверденъ!.... Только этого скота не доставало! вскричалъ Людовикъ, съ бѣшенствомъ и досадою топнуть ногой.

Лаверденъ согнулся въ дугу и низко-низко поклонился.

— Я уже давно пришелъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ онъ смиренно, но мнѣ сказали, что вы изволите быть заняты съ господиномъ Молиньё..... Я подождать.

— Ты въ Неверъ?.... Ты всюду за мною, дьяволъ!

Лаверденъ поклонился.

— Мнѣ извѣстно, ваше сіятельство, что на другой день послѣ свадьбы вамъ, на основаніи брачнаго контракта, слѣдуетъ получить половину приданаго. Затѣмъ... простите мою смѣлость... я явился сегодня..... Какъ дѣло для меня довольно спѣшное.... то я принесъ росписку въ полученіи двухъ-сотъ-тысячъ франковъ.

— Увы! любезнѣйшій, я не могу исполнить твоего желанія. Меня просятъ подождать и я тоже могу только посовѣтовать тебѣ вооружиться терпѣніемъ.

— А! васъ просили подождать? вскричалъ Лаверденъ, странно щелкнувъ своими гнилыми зубами: васъ просили подождать и вы вампирѣны расплатиться со мной тою же монетой? Но если бы мнѣ возможно было вооружиться терпѣніемъ, я вооружился бы имъ въ Парижѣ и не проскакалъ бы шестьдесятъ лѣтъ.

— А мнѣ оно развѣ легче достается? вскричалъ Людовикъ,

выходя наконецъ изъ себя отъ множества вытокъ: мнѣ легко, когда меня такъ обманули?...

— А! васъ обманули, ваше сіятельство?... Впрочемъ, откровенно вамъ признаться, я ошпадалъ этого.... послѣ свидѣній, которыя мнѣ сообщили....

— Гдѣ? гдѣ тебѣ сообщили свидѣнія?

— У банкира вашего теста.... Человѣкъ очень дѣловой и благонадежный. У него много довѣрителей и между прочимъ маркиза де-Бретонни.... Кажется, вы немножко знаете ее.... Она нынче тоже пустилась въ обороты и осталась въ значительной выгодѣ на той спекуляціи, на которой оборвался мосье Молинье. Можно даже почти навѣрное сказать, что она съ Нантейлемъ похоронила вашего теста.... Нантейль тоже въ барышахъ.....

— Маркиза!.... маркиза! говорилъ Людовикъ въ ошеломѣніи: такъ она правду говорила.... она....

— Впрочемъ, продолжалъ Лаверденъ, вѣдь Молинье еще не все свое состояніе потерялъ; можетъ оправиться. Ктому жъ, маркизъ д'Армантьеръ можетъ помочь ему удовлетворить васъ.

— Что же мнѣ, затѣвешь тымбу съ родными моей жены?... тяжбу когда я самъ....

«Обмануль ихъ», хотѣлъ онъ сказать, но остановился.

— Конечно, несправедно тягаться, кто говоритъ! продолжалъ Лаверденъ, но я, съ своей стороны, всё-таки принужденъ буду просить суда, если вы, ваше сіятельство, не исполните нашего условія.

— Объявить наше тайное условіе! Да вѣдь это позоръ! Это невозможно!

— Что жъ мнѣ дѣлать, ваше сіятельство? Вы понимаете....

— Двѣми крокъ моего, двумя маю мое, какъ венеціанскій живль, но не крокъ моего имени, марваръ!

— Этого соединенія я не могу принять, ваше сіятельство, отвѣчалъ Лаверденъ съ улыбкой: за вашу крокъ и за ваше маю на биржѣ свѣтло се докупъ, тогда какъ.... имя ваше можетъ принести хорошіе проценты.

— Что ты хочешь сказать?

— Выслаушайте меня, ваше сіятельство: быть-можетъ, мы еще какъ-нибудь огломеримся. Я не прѣхалъ бы въ Неверъ, если бы у меня дѣло шло только о томъ, чтобы преслѣдовать васъ за долгъ: на вѣдѣхъ образованныхъ государствъ можно посадить своего должника на трюмакъ съ мѣста: на то полиція. Я почувствовалъ, я зналъ, что вы не въ состояніи будете вылатить

теперь, и надѣлюсь.... теперь еще надѣюсь..... что вы наконецъ поймете необходимость другаго договору, который я намѣренъ предложить вамъ, договору, отъ котораго вы можете ожидать только богатства и почестей.

— Какимъ же это образомъ?.... Я спрашиваю только для того, чтобы знать, что именно должно изъ того послѣдовать, галера или позорный столбъ.

— Помилуйте, ваше сіятельство, нашъ вѣкъ слишкомъ просвѣщенъ, вѣтъ чтобы обширныя промышленныя предпріятія могли подвергать человека подобнымъ случайностямъ. Дѣло идетъ о составленіи новой компаніи желѣзной дороги.

— Ты шутишь, Лаврденъ?

— Во все не шушу, ваше сіятельство. Вы графъ, потомокъ старинной, почтенной фамиліи, слысите богачемъ; этого довольно для привлеченія подишчиковъ на акціи. У меня же есть нѣкоторое умѣнье повести дѣло и есть нѣсколько пріятелей, которые готовы дать свои капиталы, необходимыя на первый поддержки при учрежденіи компаніи. На объявленіи мы выставимъ «Можиронская Компанія!». Не худо будетъ даже присовокупить вамъ гербъ и редословную.

— И твою тоже?

— Вы шутите, ваше сіятельство.

— Отчего же? истаги уми!... Послушай, Лаврденъ, твое предложеніе неглупо и ненеполучимо. Неужели ты дуракъ?...

— Я надѣюсь, ваше сіятельство, что вы найдете мой планъ не только удобоисполнимымъ, но и очень выгоднымъ для васъ. Я такъ желаю сохранить доброе ваше расположеніе ко мнѣ и такъ далеко отъ намѣренія обременять васъ естественными требованіями, что съ удовольствіемъ откладываю възысканіе и даю вамъ сроку подумать. По истеченіи вашего медоваго мѣсяца, я буду имѣть честь явиться и тогда, надѣюсь, вы будете болѣе расположены заниматься дѣлами.

Лаврденъ низко поклонился. Графъ не зналъ, что сказать, но ему давали мѣсяць сроку, когда могъ тотчасъ же выставить на позоръ.

— Хорошо, я подумаю, отвѣчалъ онъ.

Лаврденъ еще ниже поклонился и подумалъ:

— Онъ мой! я сказалъ, что онъ мой!

Черезъ два дня послѣ этого графъ де-Можиронъ повезъ молодую жену въ свой замокъ, по близости Виши, куда парижское общество, на лѣто, съѣзжается на воды.

Спокойная, упрощенная и, так сказать, болѣе отиревенная загородная жизнь дала Людовику возможность скорѣе вполне понять и оцѣнить достоинства Эммы и извѣдать наслажденіе чистой, безукоризненной любви. Дни проходили какъ сны. Людовикъ на время совсѣмъ забылъ, въ какомъ опасномъ находится положеніи.

Однажды утромъ ему напомнилъ объ этомъ конвертъ съ казенною печатью. Это было письмо отъ президента провинціального суда сосѣдняго города. Президентъ извѣщалъ его, что нѣкоторые кредиторы подали ко взысканію векселя на значительную сумму и требуютъ продажи представленнаго въ обезпеченіе залога, — того замка, въ которомъ жилъ графъ. Бывъ другомъ покойнаго Людовикова отца, президентъ совѣтовалъ сдѣлаться съ кредиторами полюбовно и предлагалъ свое посредничество. Онъ былъ вполне увѣренъ, что молодому Можирону легко послѣдовать этому совѣту и избѣгнуть непріятности публичнаго торгу, а въ особенности послѣ женитьбы на богатой невѣстѣ.

Письмо это осталось безъ отвѣту. Когда Людовикъ представлялъ себѣ слѣдствія своего разоренія и разбиралъ свое положеніе, онъ думалъ только о Лаверденѣ, о главномъ своемъ кредиторѣ, и вовсе не заботился о заложеномъ замкѣ, такъ, что этотъ ударъ нагрывалъ совершенно неожиданно. Между-тѣмъ, и это нужно было скрыть, утаить отъ всѣхъ и въ особенности отъ жены. Онъ все еще надѣялся, что Молиньѣ выручить его исполненіемъ хотя половины обязательства. Молиньѣ, не дожидаясь спросовъ, обнадеживалъ зятя, однако жъ самъ начиналъ нѣсколько утрачивать своей невозмутимой веселости, потому что собственная его надежда на ожидаемыя выгоды отъ оборота, въ который была пущена значительная часть остальныхъ его капиталовъ, съ каждымъ днемъ отодвигалась далѣе.

Съ каждымъ днемъ истекалъ и срокъ, назначенный для продажи Можиронова замка. Графа предувѣдомили о прибытіи оцѣнщиковъ и онъ напрасно терзался, стараясь придумать какое-нибудь средство удалить жену или скрыть отъ нея эту сцену послѣдняго акта трагедіи, въ которой долженъ былъ погибнуть остальной его кредитъ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ. Людовикъ поблѣднѣлъ и подбѣжалъ къ окну. Онъ ждалъ оцѣнщиковъ. Это пріѣхала Серафина Сердъ съ своимъ отцомъ. Людовикъ отдохнулъ, хотя не могъ не понимать, что отдыхъ этотъ ему давался не на долго: черезъ полчаса, черезъ часъ навѣрное должны были пріѣхать страшные гости.

Серафима пріѣхала звать графиню де-Можиронъ на праздникъ, который въ тотъ день давали на водахъ, въ Виши.

Слѣдовало ѣхать тотчасъ же. Эмма отговаривалась отъ предложенія, но Людовикъ обрадовался ему, какъ неожиданному спасенію, и безъ труда заставилъ жену отпираться, обѣщая пріѣхать за нею послѣ.

Едва графъ де-Можиронъ избавился отъ этой заботы, колокольчикъ снова зазвенѣлъ и на этотъ разъ уже не испугалъ ни кого.

Мучительно было Людовику присутствовать при оцѣнкѣ его родового имѣнія, дома, въ-которомъ жили воспоминавія его дѣтства, но ему нужно было употребить всѣ силы, принять всѣ мѣры, чтобы еще хотъ на время скрыть свое разореніе, и потому онъ не могъ отлучиться. Въ два часа времени все было кончено.

Прошелъ еще часъ. Погода, какъ будто согласуясь съ положеніемъ и чувствованіями Людовика, измѣнилась. Небо заволокло тучами, пошелъ дождь, загудѣла отдаленная гроза. Людовикъ встревожился о жепѣ; удивлялся, отчего она не воротилась, когда видѣла, что погода разстрониваетъ праздникъ. Онъ хотѣлъ отпираться за нею, но боялся разѣхаться по дорогѣ и колебался въ нерѣшимости. Пробыло семь часовъ. Людовикъ рѣшительно собрался ѣхать.

Тутъ какой-то поселеникъ принесъ записку отъ графини де-Можиронъ.

«Милый, писала Эмма, спѣшу успокоить тебя, хотя ты заслуживалъ бы наказанія, зачѣмъ отпускаешь жену одну, съ чужими людьми. Съ нами въ дорогѣ случилась бѣда не бѣда, а неприятность. На половинѣ пути, не доѣзжая до Виши, у насъ переломилась ось и мы чуть не вывалились совсѣмъ. Къ счастью, никто не ушибся. Въ это самое время пошелъ дождь и твоей женѣ приходилось пѣшкомъ воротиться домой по грязи. Еще къ счастью насъ тутъ обогналъ одинъ господишъ въ коляскѣ. Онъ остановился, съ участіемъ освѣдомился о нашемъ состояніи и былъ такъ вѣжливъ, что предложилъ намъ всѣмъ мѣсто въ своемъ экипажѣ. Серафима уговорила меня согласиться и мы отправились такимъ образомъ въ Виши. Мы думали, что погода прояснится, но ты видишь, какая стала. Я принуждена остаться здѣсь, потому что экипажъ поправятъ не раньше утра. Впрочемъ, я нашла утѣшеніе, которое и ты оцѣнишь: я пользуюсь гостепримствомъ моей подруги, которую ты уже знаешь и одно имя которой успокоитъ тебя: это — маркиза де-Бретвилль...»

Черезъ минуту по прочтеніи этого письма Людовикъ уже скакалъ по дорогѣ въ Виши.

Маркиза де-Бретвиль разливала чай, когда ей доложили, что какой-то господинъ желаетъ видѣть ее. Она вышла въ приемную.

— Это вы, графъ де-Можиронъ! вскричала она: въ такую погоду!

— Неужели вы не ждали меня? отвѣчалъ Людовикъ: неужели вы полагали, что я оставлю графиню де-Можиронъ на цѣлую ночь подъ одною кровлей съ вами?

— Какой опасности подвергается графиня де-Можиронъ въ домѣ своей старинной пріятельницы?

— Развѣ вы такъ хорошо отомстили, что вамъ уже ничего не остается желать?

— О! неужели вы такъ тщеславны, графъ? Неужели вы думаете, что я не могу забыть васъ?

— Я несколько не тщеславенъ, но и теперешняя рѣчь ваша доказываетъ мнѣ, что графинѣ де-Можиронъ не мѣсто быть подлѣ маркизы де-Бретвиль.

— Вы думаете? сказала маркиза съ неподражаемымъ тономъ пренебреженія.

— Я думаю, что я увезу мою жену тотчасъ же, хотя бы мнѣ пришлось увезть ее на той же загнанной лошади, на которой я прискакалъ сюда.

— Помилуйте, на что такая крайность! Вы тоже можете остаться здѣсь. Законъ даетъ вамъ право на мѣсто въ комнатѣ, которую я отвела графинѣ де-Можиронъ.

— Я васъ прошу, маркиза, потрудитесь сказать графинѣ, что мужъ ждетъ ея, сказалъ Людовикъ взявшись за советку: ваше предложеніе не можетъ быть не шуточнымъ.

— Сдѣлайте одолженіе, оставьте эту советку, графъ. Я увѣрена, что вы шутите. Какъ можно жертвовать здоровьемъ и даже, быть-можетъ, жизнью Эммы, для того чтобы имѣть удовольствіе выказать передъ посторонними людьми ненависть, которую вы ко мнѣ питаете.

— Эмма подвергается здѣсь гораздо большей опасности чѣмъ на большой дорогѣ, какова бы тамъ ни была гроза. Эмма уѣдетъ со мной. Я сказалъ и вы знаете, какъ я исполняю, что скажу.

— Если же она при всѣхъ спроситъ васъ о причинѣ такого отъѣзду?

— Я скажу, если дужно.

— Прекрасно, графъ! Это какъ нельзя болѣе великодушно. Ну

дѣлайте, что вамъ угодно. Что касается до меня, я готова не только подтвердить справедливость вашихъ объясненій, но и дополнить ихъ.

— Что же вы скажете?

— Я скажу Эммѣ, что вы въ бракѣ съ нею искали убѣжища отъ тюрьмы; я скажу, что вы обманули ее, какъ мелкій промышленникъ, хвастая состояніемъ, котораго у васъ не было и котораго вы пришли искать у нея.

— Тихе! тихе! вскричалъ Людовикъ съ ужасомъ.

— Я спрошу ее, продолжала маркиза, возвышая голосъ, почетно ли избрать въ супруги человека, который не могъ уже отдать ей предпочтенія ни передъ чѣмъ кромѣ пистолетной пули; я спрошу ее, спокойно ли она уснетъ нынче ночью въ постель, которая завтра будетъ продана съ молотка; я спрошу ее, считала ли она въ числѣ преимуществъ своей графской короны ту нищету, въ которую будетъ ввергнута черезъ нѣсколько дней!

— О!.... замолчите, замолчите! вскричалъ графъ въ отчаяніи: замолчите.... я остаюсь.

— Нѣтъ, уйди, бѣги отсюда! вскричала маркиза съ внезапнымъ взрывомъ бури, которая дотога глухо гудѣла въ ея рѣчахъ: бѣги, потому что ты любишь ее!.... Если вы оба почуваете здѣсь, мы погибнемъ всѣ трое! Но не думай, что ты уйдешь отъ моего ищенія!.... Я хотѣла забыть прошлое, воротиться въ Парижъ; я уже полагала, что достаточно отищена участью, которую ты самъ себя устроилъ.... Но ты любишь ее.... Если бы ты трепеталъ только за безопасность Эммы, это съ твоей стороны былъ бы только долгъ, неизбежное чувство мужчины, обязавшаго защищать слабое существо. Но ты боишься лишиться ея уваженія, стало-быть, ты любишь ее! Такъ защищай же ее! Теперь я настрена поражать тебя уже только въ ея лицѣ. Ийдемъ; ты можешь ѣхать; я сама дамъ тебѣ средства.

И, не давъ Людовику времени отвѣчать, она отворила дверь въ пестиную.

— Эмма! сказала она совершенно спокойнымъ голосомъ: твой мужъ пріѣхалъ. Онъ непремѣнно хочетъ, чтобы ты ѣхала домой, сегодня же, и я не смѣю держать тебя.... Заложить карету сейчасъ! прибавила она обращаясь къ слугѣ.

Эмма бросилась къ мужу.

Маркиза не могла удержаться отъ невольнаго трепету.

Въ эту минуту другой слуга доложилъ о пріѣздѣ Ипполита Нантема.

— Очень кстати пожаловали, мосьё Нантейль, съ живостью сказала Эмма: я за одинъ разъ представляю васъ моей подругѣ, маркизѣ де-Бретвилъ, и моему мужу. Оба они поблагодарятъ васъ за услугу, которую вы оказали мнѣ.

— Ипполитъ Нантейль! повторила про себя маркиза, устремивъ на новаго гостя пристальный взглядъ: это, кажется, тотъ самый, который въ кофейнѣ Тортона держалъ закладъ, что Эмма до истечения году будетъ его любовницей, и съ которымъ сама судьба уже свела меня у банкира?

Маркиза посмотрѣла на гостя такъ, какъ смотреть на совершенно новое лицо, и Нантейль догадался, что не долженъ напоминать о прежнихъ встрѣчахъ.

— Извините меня, сударыня, сказалъ онъ, что я, не имѣя счастья быть вамъ знакомымъ, пришелъ къ вамъ. Графиня де-Можиронъ позволила мнѣ освѣдомиться у васъ объ ея здоровьѣ.

— Милости просимъ, очень рады! отвѣчала маркиза съ привѣтливою улыбкой.

И, между-тѣмъ какъ Можиронъ, въ свою очередь, подходилъ къ Нантейлю, она прибавила про себя:

— Вотъ будетъ мой мститель!

Благодаря снисходительности суда и небезкорыстной скромности слугъ, графъ де-Можиронъ могъ еще жить въ замкѣ, который уже не принадлежалъ ему, и имѣлъ возможность скрывать отъ жены свое странное положеніе. Вдавшись однажды въ это притворство, онъ уже не могъ рѣшиться отбросить его. Можно было подумать, что языкъ его, скованный свинцомъ, матеріально сопротивлялся обнаруженію тайны. Однако жъ приближалась минута, когда все это карточное зданіе предосторожностей, воздвигнутое съ неимовернымъ трудомъ и искусствомъ, должно было рухнуть и разсыпаться,—вступала минута, когда на стѣнахъ замка должна была явиться страшная надпись, *манэ текель еаресъ*,—продается съ публичнаго торгу.

Въ одну изъ самыхъ горькихъ минутъ Людовикъ стоялъ у окна и вдругъ вздрогнулъ, увидѣвъ входящаго на крыльцо Лавердена.

— Ты здѣсь! вскричалъ графъ черезъ минуту, когда ростовщикъ явился передъ нимъ съ работнымъ поклономъ: да, впрочемъ, я долженъ былъ ожидать тебя. Бѣда никогда одна не ходитъ.

— Справедливо, ваше сіятельство, однако жъ часто бѣду сопровождаетъ и средство поправить ее.

— Что ты хочешь сказать?

— Развѣ вы не помните предложенія, которое я имѣлъ счастье сдѣлать вашему сіятельству, шесть недѣль тому назадъ, въ Неверѣ?

— Помню, помню.

— Медовый мѣсяцъ миновалъ. Я пришелъ за отвѣтомъ вашего сіятельства.

— Въ чемъ же дѣло?

— Въ томъ, что вашему сіятельству предстоитъ отправиться въ тюрьму, потому что у меня есть на то принятыя мѣры....

— Или?....

— Или быть богачемъ, нажить, быть-можетъ, миллионы.

— Нажить?.... Да, я хочу, мнѣ нужно.... мнѣ необходимо нажить!

— Ну, вотъ это дѣло! Давно бы такъ.

— Что же я долженъ дѣлать?

— Послѣдовать за мною.

— Куда?

— Въ Парижъ.

— Хорошо, поѣдемъ. Только, я надѣюсь, ты не захочешь сидѣть въ каретѣ съ моею женой?

— Помилуйте, ваше сіятельство! Развѣ я когда-нибудь забывался передъ вами?...

Вечеромъ того же дня по дорогѣ въ Парижъ промчалась изящная дорожная карета и вслѣдъ за нею, на почтительномъ разстояніи, потянулся грузный дилижансъ. Въ каретѣ сидѣли графъ и графиня де-Можиронъ, въ дилижансѣ, между прочими пассажирами, торчалъ въ углу невзрачный старичишка въ заселенной венгеркѣ.

Лаверденова идея основывалась на слѣдующемъ простомъ разсужденіи: когда, на ярмаркѣ, многіе балаганы соперничаютъ между собою, народу не въ тѣхъ бываетъ больше, гдѣ показываютъ самыя удивительныя штуки и самыя любопытныхъ звѣрей, а въ тѣхъ, гдѣ паясъ по-пестрѣе наряженъ и лучше умѣетъ корчить рожи и бить въ барабанъ. Хотя не Лаверденъ изобрѣлъ паяса, однако жъ онъ имѣлъ право назваться изобрѣтателемъ, потому что онъ первый примѣнилъ это старое изобрѣтеніе къ новой отрасли промышленности. Когда эта идея созрѣла у него, онъ сказалъ себѣ: этимъ я наживу себѣ состояніе, это кладъ! Задача состояла только въ томъ, чтобы сыскать такого паяса, который бы соответствовалъ всѣмъ потребностямъ, — ему нужно

было пришилить гербъ къ мѣшку, въ который капиталисты станутъ класть свои деньги; нужно было, чтобы роль паяса приналя на себя молодой видный мужчина, который бы нравился женщинамъ и побуждалъ ихъ употребить свое вліяніе на карманы мужей; ему нужны были еще многія другія свойства и таланты и никто не соединялъ въ себѣ всего этого лучше графа де-Можирона. Изобрѣтатель Лаверденъ, какъ Архимедъ, вскричалъ: «Нашель! нашель!»

Мы видѣли, какимъ образомъ онъ успѣлъ склонить Можирона. Что касается до товарищей изобрѣтателя, учредителей компаніи, они намѣрены были пожертвовать всѣмъ необходимымъ, чтобы обставить своего президента прилично блестящими декораціями, и даже замокъ его спасли отъ молотка, заплативъ по векселямъ. Издержки свои они, разумѣется, располагали выручить на «учредительскихъ» акціяхъ, за которыя, какъ извѣстно, не вносятся ни какихъ денегъ. Поэтому графъ де-Можиронъ, которому сначала совѣстно было принять какъ-будто въ подарокъ два или три новыхъ экипажа, нѣсколько лошадей, великолѣпно отдѣланную квартиру, ложу въ оперномъ театрѣ и директорское содержаніе, скоро примирился съ своимъ новымъ и довольно страннымъ положеніемъ, потому что жилъ какъ будто собственными своими будущими доходами. Живя давно уже въ долгъ, такъ, конечно, можно было жить.

Дѣло пошло въ ходъ. Черезъ недѣлю по пріѣздѣ Можирона въ Парижъ, на послѣднихъ страницахъ всѣхъ газетъ огромными, затѣйливыми буквами было напечатано объявленіе объ учрежденіи компаніи желѣзной дороги изъ Парижа къ Пиренелю, подъ предѣлательствомъ графа де-Можирона, съ капиталомъ въ пятьсотъ милліоновъ.

При этой вѣсти весь аристократическій міръ всколыхался. О молодомъ львѣ давно уже ничего не слышали, или слышали по временамъ темныя рѣчи о разореніи, потомъ о женитьбѣ на богатой и вотъ онъ вдругъ явился снова на аренѣ съ пышною гривой, блестящею золотомъ и растопыренною банковыми билетами. Графъ де-Можиронъ, у котораго за продажею всего имѣнія оставалось бы полмилліона долгу, явился милліонеромъ въ главѣ блестящаго и самаго заманчиваго предпріятія, которое сулило золотыя горы всякому, кто успеетъ принять въ немъ участіе. На акціи бросились съ жадностью, съ бѣснованіемъ.

Компанія для помѣщенія своего правленія наняла одинъ изъ лучшихъ домовъ на Италіанскомъ Бульварѣ и меблировала его на

большую ногу. Комторщики опредѣлялись только молодые, не старше тридцати лѣтъ, непремѣнно пріятной наружности и съ непремѣнною обязанностию ходить въ лакированныхъ сапогахъ. Сторожей и мальчиковъ наряжали въ блестящую ливрею, такъ, что они походили на лакеевъ какого-нибудь посланика. Въ главной комнатѣ, на мѣстѣ бухгалтера, торжественно и важно засѣдалъ тесть директора, Малыньѣ, которому послѣдняя его спекуляція всё-еще угрожала конечнымъ разореніемъ и который, между-тѣмъ, такъ же какъ и зять, всё-еще слылъ богачемъ, милліонеромъ. Однимъ словомъ, декорациі лучше этой желать было невозможно и, конечно, не мало удивился бы всякій, кому бы сказали, что нити всей этой кукольной комедіи сходились въ одной изъ грязнѣйшихъ улицъ грязнаго квартала, — въ жалкой квартирѣ неопрятнаго, вонючаго дома, — въ рукахъ гадкаго старичишки, прикрытаго засаленной венгеркой, — что оттуда все движіе, — что тамъ — душа. Между-тѣмъ, любопытному стоило бы только подсмотреть, куда отправляется графъ де-Можиронъ почти каждый вечеръ часа на два на три; стоило бы только пойти по слѣдамъ его, когда онъ останавливалъ свою карету, не доѣзжая до Латинскаго Квартала, надѣвалъ сверхъ изящнаго сюртука пропое байковое пальто и пробирался пѣшкомъ по темнымъ улицамъ и закоулкамъ, и любопытный отутиса бы у Лавердена.

Однажды, когда графъ такимъ образомъ прошелъ къ своему канцелярскому, черезъ минуту послѣ него опять послышался осторожный звонокъ у воротъ. Дворникъ уже располагался на отдыхъ по дневнымъ и трудахъ не желалъ слышать. На башнѣ собора Богородацы пробило одиннадцать. Спусти нѣсколько времени колокольчикъ загремѣлъ сильнѣе въ истерзанной рукѣ.

— Кого это чортъ привезъ такъ поздно? Жильцы, кажется, всё дома, сардато проворчала дворникъ и медленно выгѣзъ изъ своей конуры съ сардатымъ намѣреніемъ передѣнно ругнуть по-дурочнаго гостя.

Но увидѣвъ передъ собою даму, молодую, прекрасную, наряженную и-перду, онъ оторопѣлъ и поттиленно отступилъ.

Дама же дала ему ономиненье и ограммностию, мордательнымъ тономъ сказала:

— Здѣсь въ домѣ отдается комната съ мебелью. Пожайи мнѣ ее: я кобу сейчасъ найду.

— Сударыня, теперь поздно смотрѣть квартиры, отиѣчь дворникъ: не угодно ли вамъ подмолочить застра.

— Миѣ нѣкогда дожидаться. Покажи миѣ твою комнату сейчас же. Я непременно найму.

Дворникъ хотѣлъ сдѣлать еще возраженіе, но ощутилъ въ рукѣ монету, которую по вѣсу долженъ былъ почестъ за золотую, и согласился. Онъ засвѣтилъ фонарь и повелъ незнакомку по черной лѣстницѣ въ темный корридоръ четвертаго этажа. Въ наружности и обращеніи незнакомки было столько повелительнаго и важнаго, что дворникъ противъ воли совершенно покорился ей.

Взойдя въ четвертый этажъ, онъ остановился, чтобы вздохнуть, и, освѣтивъ фонаремъ будущую жилищу, нерѣшительно сказалъ:

— Миѣ кажется, сударыня, не ошиблись ли вы... въ этотъ ли домъ вамъ нужно.... Неужели вы станете жить въ четвертомъ этажѣ, по черной лѣстницѣ?

— Какое тебѣ дѣло, если миѣ такъ нравится? надменно отвѣчала незнакомка.

Потомъ, сообразивъ, вѣроятно, что не хорошо слишкомъ строго обращаться съ такимъ нужнымъ и случайнымъ человѣкомъ, каковъ дворникъ, она улыбнулась и прибавила ласковѣ:

— Этотъ домъ, миѣ кажется, въ хорошихъ рукахъ; кварталъ миѣ нравится.... Посмотримъ, какова комната.

— Гля!... теперь я понимаю, что это такое! подумалъ дворникъ: это какая-нибудь банкирша съ Шоссэ-д'Антьевъ.... Она пожаловала сюда для какого-нибудь студента.... Небойсь, меня вѣдь не проведешь!

Разсуждая такимъ образомъ про себя, дворникъ отворилъ дверь, на которой еще была прибита пожелтѣвшая визитная карточка съ надписью: «Ашиль, артистъ-коафёръ». Незнакомка очутилась въ чемъ-то въ родѣ чулана съ однимъ окномъ, завѣшаннымъ паутиной. У одной стѣны стояла ветхая кровать безъ занавѣси, у другой — трехъ-ногий столъ и два стула; на столѣ мѣдный шпатель съ салнымъ огаркомъ.

— Вотъ, сударыня, сказалъ дворникъ: если понадобится еще кака-нибудь мебель, можно достать.... у насъ здѣсь до рынка не далеко.

— Хорошо, отвѣчала незнакомка, не удостоивъ странную мебель ни одного взгляда: теперь скажи миѣ, кто здѣсь живетъ, по этому корридору?

— Не молодежь, сударыня, не беспокойтесь.... Во-первыхъ, здѣсь, напротивъ, мосьё Робертъ, министерскій чиновникъ, чело-

вѣкъ очень пожилой, но отлично пишетъ.... Если вамъ понадобится секретарь....

— Потому?

— Здѣсь рядомъ, о стѣну, — входъ въ концѣ корридора, — живеть мосье Лаверденъ, негоціантъ, человекъ очень дѣловой!...

— Лаверденъ! прошептала незнакомка про себя [и] лицо ея вдругъ озарилось необыкновеннымъ свѣтомъ: такъ здѣсь живеть Лаверденъ!... Ну, теперь все ясно и я наконецъ узнаю....

— Вы изволите знать мосье Лавердена, сударыня?

— Я? вскричала незнакомка съ глубокимъ презрѣніемъ.

— Извините, простите, сударыня... Впрочемъ, вы были бы не первую дамой, съ которой мосье Лаверденъ имѣлъ дѣла, потому что, изволите видѣть, мосье Лаверденъ всякаго по немножку подѣлываетъ.... Онъ только не шумитъ, онъ человекъ очень степенный.

— Довольно. Я занимаю эту комнату.

— Двадцать франковъ въ мѣсяцъ.... крайняя цѣна, сударыня. Ничего не могу уступить.

— Хорошо. Засвѣти эту свѣчу.

— Какъ, сударыня?

— Засвѣти эту свѣчу. Развѣ ты не понимаешь, я остаюсь здѣсь.

— Теперь же?

— Теперь же.

— Но, сударыня, вы знаете....

— Ахъ! я и забыла... вотъ за первый мѣсяцъ впередъ, а вотъ тебѣ за труды. Теперь оставь меня въ покоѣ.

Незнакомка подала дворнику еще двѣ золотыя монеты. Онъ поттительно поклонился и вышелъ.

Между тѣмъ какъ новая жилища располагается въ бывшей квартирѣ артиста-коффера Ашиля, посмотримъ, что дѣлается за стѣной, у Лавердена.

Судя по высокому діапазону голоса графа де-Можирона, между изобрѣтателемъ и его компаньономъ должно происходить что очень важное.

Графъ, со шляпою на головѣ, большими шагами ходитъ взадъ и впередъ по комнатѣ и, кажется, очень раздраженъ. Изобрѣтатель, напротивъ, сидитъ въ углу и съ стончскимъ хладнокровіемъ, сложа руки, повертываетъ персты одной около другой то въ одну сторону то въ другую.

— Ахъ! Вотъ! вскричала Людовикъ: я не могу долѣе сносить ста-

кого положенія. Это нужно кончить, Лавердонъ. Во что ты цѣнишь контрактъ, который насъ связываетъ?

— Ояъ для меня неоцѣнимъ, ваше сіятельство. Я не продамъ его ни за что.

— Послушай, ты негодай!...

— Полноте, ваше сіятельство, не станемте гнѣваться и не будемте неблагодарны. Скажите, сдѣлайте милость, что бы вы были теперь безъ этого негодая? Не говоря уже о томъ, что, не будь я происходительнъ, вашему сіятельству пришлось бы жениться не на внучатной племянницѣ маркиза д'Армантьера, а на тюрьмѣ, вы конечно, не запретесь, что были въ самомъ крайнемъ положеніи, когда я вамъ доставилъ ваше теперешнее, въ которомъ вы имѣете все, чего только можете пожелать, — почетъ и деньги.... золота, хоть ройся до локти.

— Да, но за какую цѣну!...

— Кажется, не за дорогую, ваше сіятельство: я денегъ съ васъ не бралъ.

— Ты не бралъ денегъ, но честь моя у тебя въ закладѣ!

— Вы шутите, ваше сіятельство! Я удовольствовался честью быть тайнымъ товарищемъ вашимъ. Чего же проще?

— Я больше не желаю этого товарищества, оно постыдно!

— Вы очень разборчивы, ваше сіятельство.

— Я имѣю право на разборчивость. До меня дошли дурные слухи о тебѣ, Лавердонъ, — о твоей прежней жизни и сношеніяхъ.

— Люди злы, ваше сіятельство. Мало ли что можно наказать! Мало ли кого можно оклеветать!

— Я знаю уже, что въ этой клеветѣ много правды, и потому пришелъ предложить уничтоженіе компаніи.

— Помилуйте, ваше сіятельство!.. на каунѣ утвержденія?... наканунѣ того дня, когда мы можемъ собрать огромные барыши? Какъ это возможно!

— Но, наконецъ, сколько ты хочешь за отдачу нашего тайнаго контракта?

— Сколько я хочу? Выслушайте, ваше сіятельство. Предположимъ, что я приму ваше предложеніе, что вы выиграете? Благодаря мнѣ, вы имѣете большой кредитъ; вы имѣете лошадей, экипажи, великолѣпный домъ, многочисленную прислугу, все, чего желаете. Вы должны признаться, что мои товарищи, учредители компаніи, не застадали васъ нуждаться ни въ чемъ. Но все, что вы теперь имѣете, — только средство къ приобрѣтенію богатства, а не самое богатство, и если мы не успѣемъ добиться утвер-

желези, мы всё — разорены. Когда министерство утвердитъ нашу пожеланіе, тогда пожалуй, мы можемъ и рассчитаться, но до-тѣхъ-поръ — невозможно.... невозможно, потому что безъ васъ теперь гдѣкому получить это утверженіе.... Мы, конечно, могли бы найти другаго директора, но вы уже слишкомъ дорого стѣбите намъ; мы не въ состояніи купить другаго. Да это было бы даже смѣшно: затто же мы потратились на васъ и по какому праву вы можете отказаться? Вы видите, что наши узы неразрывны.

— По какому праву?... Право мое то, что ты завлекъ, ты опуталъ, ты обманулъ меня! Притомъ, знаешь ли ты, негодяй, что если министръ проведаетъ о существованіи этого сквернаго акта, все погибнетъ?

— Кто же пойдетъ, скажете? Ужъ конечно, не я.

— Ну, я прошу тебя, отдай мнѣ контрактъ, я уничтожу его. Отъ директорства я, пожалуй, не откажусь; компанію утвердятъ и ты останешься акціонеромъ.... съ тебя будетъ: у тебя акцій достаточное количество и они тебѣ не стѣютъ ни копѣйки. Отдай, Лаверденъ.

— Не могу, ваше сіятельство: это у меня, это у всѣхъ насъ залогъ. Мы вѣдь хотимъ быть не только акціонерами, но членами-учредителями.

— Послушай, Лаверденъ, для собственной твоей пользы, отдай мнѣ контрактъ, умоляю тебя!... Хочешь, я стану передъ тобой на колѣни?

— Поберегите это для дамъ, ваше сіятельство: тамъ оно будетъ действительнѣе.

— Неумолимъ! вскричалъ Можиронъ, ломая руки: Боже мой! Боже мой! что мнѣ дѣлать?... Послушай! вскричалъ онъ потомъ, вдругъ подойдя къ Лавердену съ дико блуждающими глазами и блѣдыми, дрожащими губами: берегись, дьяволь! я силою возьму если ты не хочешь склониться на мои просьбы!

Лаверденъ выдержалъ приступъ, не моргнувъ ни однимъ глазомъ.

— Вы можете убить меня, ваше сіятельство, если это доставитъ вамъ удовольствіе, но къ чему же это вамъ послужитъ? Вѣдь нельзя же перебить всѣхъ нашихъ учредителей.

— О! вскричалъ графъ виѣ себя: ты — мой злой демонъ!

Тутъ за стѣною какъ будто послышался злобной хохоть.

— Подлецъ! закричалъ графъ: кто у тебя тамъ, за этой дверью? Кто насъ подслушиваетъ?

— Вы ошибаетесь, графъ. Мнѣ не нужно, чтобы васъ подслушивали. Въ той комнатѣ никого нѣтъ: она отдается въ наемъ, а дверь эта никогда не отвергается.

— Однако жъ тамъ кто-нибудь есть: я слышалъ голосъ.

— И мнѣ тоже такъ показалось. Это, вѣроятно, со двора. Дверь очень тѣсная и всякой шумъ отдается вверху, какъ въ воронку. Однако жъ можно посмотреть.

Говоря это, Лавредевъ отодвинулъ задвижки и отвернулъ бывшую квартиру артиста-кафѣера. Тамъ никого не оказалось.

На другой день послѣ этой сцены, на бульварѣ, около биржи и около кофейни Тортона, съ утра было сильное лихорадочное движеніе: въ министерствѣ окончательно обсуживалось утвержденіе постройки желѣзной дороги изъ Парижа къ Пиренеямъ, на которую совскаателями явились двѣ компаніи, — графа де-Можирона и капиталиста Ипполита Нантейля.

Въ ожиданіи открытія биржи и полученія извѣстія тысячи группъ стояли, сходились и опять расходились. Одни изъ этихъ группъ состояли просто изъ любопытныхъ; другія изъ разныхъ мелкихъ промышленниковъ, биржевыхъ пиратовъ, сомнительныхъ существъ, которые вѣчно и всюду подстерегаютъ удобный случай не тѣмъ такъ другимъ сколотить копѣйку; третья, наконецъ, изъ людей важныхъ и серьезныхъ или изящныхъ, въ новыхъ перчаткахъ и съ орденскими ленточками въ петлицахъ. Много въ этой пестрой толпѣ случалось странныхъ противорѣчій между самыми непосредственными собесѣдниками, но общій результатъ всего говору предсказывалъ успѣхъ компаніи Можирона. Счастливицы или принимали поздравленія, или обѣщали пріятелямъ достать акцій, или же изъявляли лицемерныя сожалѣнія о несчастіи своихъ ближнихъ, подписавшихся въ соперничающей компаніи.

— Дорога, безъ всякаго сомнѣнія, достанется Можирону, говорилъ одинъ левъ: это имя имѣетъ большой вѣсъ у правительства. Присужденіе — только пустая форма: дѣло давно уже рѣшено.

— Бѣдный Нантейль! сказалъ другой: онъ, значитъ, совершенно разорился?

— Онъ отправляется въ Америку, я слышалъ.

— А я... представьте себѣ! вскричалъ одинъ господинъ, со вниманіемъ вслушавшійся въ разговоръ: я вчера еще купилъ у него двѣсти акцій!

— Ну, поздравляю. Впрочемъ, двѣсти акцій не разорятъ васъ.

У меня тоже были, да я сегодня утромъ расплатился ими съ кредиторами. Пусть наслаждаются на здоровье!...

— Есть у васъ можионовскія?

— Какъ же, есть немножко.

— Ахъ, какой счастливецъ! Какъ же вы достали?

— Да не безъ труда. Я напрасно употреблялъ вліяніе одного министра, двухъ депутатовъ и трехъ журналистовъ.... Только моему камердинеру удалось добыть.... Онъ служилъ у кого-то, кто тутъ имѣетъ силу.... не сказываетъ имени.

Въ самый разгаръ этого волненія, на зеленомъ горизонтѣ бульвара являлось ~~свое~~ лицо, — съдой, беззубый старичокъ съ крестомъ ~~в~~ ~~рукавѣ~~ и съ толстою тростью съ золотымъ набалдашникомъ ~~в~~ ~~рукавѣ~~. Незрѣчное, однако жъ довольно почтенное.

Можно ~~было~~ представить удовольствіе перваго спекулятора, къ которому почтенный старичокъ обратился съ предложеніемъ значительнаго количества можионовскихъ акцій гораздо дешевле чѣмъ они ходили, съ единственнымъ условіемъ — купить на чистыхъ деньгахъ и въ ту же минуту.

Но когда, послѣ двухъ или трехъ подобныхъ предложеній, толпа приняла намѣреніе почтеннаго старичка, за упоеніемъ первыхъ покупателей вдругъ послѣдовало сомнѣніе и нерѣшимость, ~~и~~ ~~они~~ всегда внушаетъ слишкомъ легкая удача. Акцій, которыя за часъ до того составляли цѣль всеобщаго стремленія, вдругъ стали упадать и скоро упали ниже всякой цѣны. Въ то же время ~~и~~ ~~они~~ стали разиѣдывать, кто таковъ господинъ, который такъ ~~быстро~~ образомъ вдругъ перевернулъ весь торгъ.

Почтенному старичку, вѣроятно, не очень польстило такое общее ~~вниманіе~~: онъ спряталъ остатокъ своихъ акцій въ карманъ и, выбравшись изъ толпы, пошелъ по Риншельевской улицѣ. Едва онъ исчезъ, толпа забыла объ немъ и помнила только о можионовскихъ акціяхъ; страсти снова закипѣли; противная партія пошла въ ходъ.

Однако жъ почтеннаго старичка не всѣ упустили изъ виду. Когда онъ хотѣлъ поворотить за уголъ перваго перекрестка, его ~~замѣтилъ~~ ~~высокаго~~ росту дѣтина, рябой, косою и въ долгополемъ пальтѣ.

— Вашихъ акцій не берутъ, почтеннѣйшій? сказалъ онъ останавливая его за рукавъ: давайте мнѣ, я желаю купить.

Почтенный старичекъ посмотрѣлъ на охотника до дешевыхъ акцій и, хотя легкое судорожное движеніе въ лицѣ и показывало, что молодецъ не совсѣмъ незнакомъ ему, однако жъ ста-

рыкъ, понадиному, не желалъ входить съ ними въ короткія сношенія.

— Вы сомнѣваетесь? продолжалъ покушникъ: напрасно! Я такъ нисколько не сомнѣваюсь....

— Въ чемъ?

— Въ достоинствѣ вашихъ акцій. Отъ нихъ отказывались, потому что стали-было считать компанію Можирона погибшею. Я, напротивъ, увѣренъ, что это компанія прекрасная, только, по поспѣшности, съ какою вы продавали акціи, я заключаю, что вы ихъ украли.

— Милостивый государь!...

— Я въ этомъ нисколько не сомнѣваюсь.

— Такое оскорбленіе!... Если бы не дряхлость моя....

— Ваша дряхлость куплена за осмнадцать франковъ у парикмера, къ которому, стало-быть, и относится весь почетъ, должный вашимъ лѣтамъ.

— Какъ вы смѣете!...

— Ну, полно же! что за споры между старыми товарищами! Развѣ Медаръ Гильярдонъ уже не помнитъ своего друга Андреса Колмуса? Вѣдь я вижу, что ты узналъ меня. Прежде, бываю, въ ріомскомъ острогѣ, мы не такъ смѣливы были. Вѣдь я знаю, что тебя теперь зовутъ Лаверденомъ и что ты иногда промышляешь на биржѣ. Вотъ, отчего я и утверждаю, что ты украдъ акціи.

Мнимый кавалеръ увидѣлъ, что дальнейшее притворство ни къ чему не поведетъ. Къ тому же, онъ подгадалъ, что новому покушнику не меньше его нужно сохранять инкогнито, и сталъ думать только о томъ, какъ бы и тутъ воспользоваться случаемъ сбыть акціи.

Между-тѣмъ какъ эти господа акціонеры условивались въ дѣнѣ, около биржи волненіе и колебаніе достигло высшей степени. Только-что Лаверденъ исчезъ съ итальянскаго бульвара, подъѣхалъ Людовикъ. Одинъ изъ спекуляторовъ, собравшихся около кофейни Тортона, остановилъ его и сообщилъ неприятное извѣстіе о быстромъ упадкѣ акцій. Людовикъ остолбенѣлъ; потомъ поспѣшно, съ безпокойствомъ разспросилъ о наружности и слѣдахъ промышленника, вогналъ въ Ришельевскую улицу и, издали увидѣвъ своего новаго врага, вышелъ изъ экипажа, чтобы тихонько подойти.

— Такъ у тебя есть деньги? говорилъ Лаверденъ.

— Вотъ, отвѣчалъ Колимусъ; я также какъ и ты перемѣнилъ ремесло.

И онъ показалъ старому другу нѣсколько золотыхъ монеть.

— Ну, хорошо; у меня есть еще сотня акцій. Я уступлю тебѣ ихъ всѣ за пятьсотъ франковъ.... Это дешевле нежели даромъ, но съ пріятеля какіе барыши!

— Ладно, согласенъ, по пяти франковъ, сказалъ Колимусъ и особенно пересчиталъ акцій, которыя ему подалъ Лаверденъ.

— Сто акцій за пятьсотъ франковъ! повторилъ Лаверденъ: только смотри же, чтобы объ этомъ не провѣдалъ какъ-нибудь графъ де-Можиронъ.

Изобрѣтатель не видалъ, что графъ стоитъ въ трехъ шагахъ позади и готовъ размножить ему голову.

Колимусъ положилъ акцій въ карманъ.

— Ну, давай же скорѣе деньги, мнѣ нѣкогда, сказалъ Лаверденъ.

— Деньги! вскричалъ Колимусъ, схвативъ своего стараго друга за воротъ и показывая въ другой рукѣ приказъ о задержаніи: вотъ мои деньги. Именемъ закона, я арестую тебя, Медаръ Гиллардонъ, какъ бѣглеца колодника. Ты еще не досыдаешь пяти лѣтъ, на которыя былъ осужденъ за кражу.

Лаверденъ, озадаченный неожиданнымъ оборотомъ торговой сдѣлки, хотѣлъ было вырваться, но изъ-за угла показалось нѣсколько человѣкъ полицейскихъ служителей, а изъ сосѣднихъ домовъ выбѣжали любопытные и онъ увидѣлъ, что сопротивленіе будетъ напрасно.

Лавердена увели. Можиронъ все еще стоялъ, прислонясь къ стѣнѣ, блѣдный, дрожащій всѣмъ тѣломъ. На лбу у него выступалъ холодный потъ; мужество, которое не оставляло его въ величайшихъ опасностяхъ, сокрушилось подъ этимъ неизмѣримымъ униженіемъ.

Вдругъ какъ-будто новый страхъ поразилъ его и заставилъ содрогнуться.

— Жерменъ! сказалъ онъ своему вѣрному слугѣ: вотъ сто ливровъ. Поѣзжай скорѣй, какъ можно, въ квартиру Лавердена. Войди, не волею, такъ силой.... подкупи дворника. Во что бы то ни стало, отъними бумагу, подписанную мною и Лаверденомъ. Достань ее, хотя бы пришлось разломать всю мебель.... Бѣги, свѣжи.... дѣло идетъ о моей жизни..... больше нежели о жизни!

Жерменъ бросился въ сѣдло и поскакалъ въ кварталъ. Сенъ-Жакъ Графъ поѣхалъ домой.

Мы между тѣмъ посмотримъ, что побудило Лавердена подорвать свое собственное предпріятіе.

Рано утромъ того дня ему нужно было сходить куда-то по дѣламъ. Часу въ девятомъ онъ воротился и къ величайшему изумленію и страху своему нашелъ у себя на столѣ слѣдующую записку, наскоро набросанную женскимъ почеркомъ:

«Если господинъ Лаверденъ не желаетъ подвергнуться неприятностямъ, какія могутъ послѣдовать отъ объявленія правительству тайнаго акта его съ нѣкоторымъ графомъ, то ему совѣтуютъ поискать счастья гдѣ-нибудь подальше отъ Парижа, тѣмъ болѣе, что извѣстная компанія, разумѣется, не будетъ утверждена».

Лаверденъ глазамъ своимъ не вѣрилъ, и бросился прежде всего къ бюро, въ ящикъ, гдѣ у него хранился тайный контрактъ съ Можиромъ. Ничего нѣтъ..... Потомъ онъ вспомнилъ, что наканунѣ, по уходѣ графа, вынималъ эту бумагу, перечитывалъ и оставилъ на столѣ. Онъ перерылъ все у себя на столѣ, обшарилъ всѣ углы, несмотря на записку, которая ясно свидѣтельствовала, что контрактъ похищенъ. Убѣдившись въ этомъ, Лаверденъ сначала подозрѣвалъ-было Можирона, но тотъ не сталъ бы грозить объявленіемъ правительству..... потомъ онъ вспомнилъ о шумѣ, который вечеромъ встревожилъ его товарища, и бросился къ двери въ бывшую квартиру артиста-коффера. По непостижимой, совершенно необыкновенной у Лавердена разслышности, задвижки остались незадвинутыми. Лаверденъ прошелъ по комнатѣ до другой двери, въ корридоръ, и нашелъ ее также незапертою. Изобрѣтатель остодбенѣлъ. Съ минуту ему хотѣлось удавиться. Потомъ онъ сломя голову, побѣжалъ внизъ, къ дворнику, чтобы разспросить, кто могъ входить въ пустую комнату. Дворникъ, разумѣется, признался, что отдалъ квартиру новой жилицѣ, и описалъ ея наружность, сколько разсмотрѣлъ при фонарѣ. Когда она вышла со двора, онъ не примѣтилъ. Портретъ, начертанный искусною рукою дворника, отличался удивительнымъ сходствомъ со всѣми порядочно одѣтыми женщинами въ Парижѣ, такъ, что Лавердену довольно трудно было угадать, которая изъ нихъ была у него въ гостяхъ. Онъ увидѣлъ ясно только то, что съ графомъ Можиромъ ему уже не учредить компаніи и потому рѣшился поскорѣе воспользоваться еще акціями, которыя у него хранились. Для этого онъ вырядился кавалеромъ и накрывъ лысину сѣдымъ парикомъ, который однако жъ не обманулъ братскихъ воспоминаній Андоша Колмуса.

Жермонъ черезъ часъ воротился и привезъ графу де-Межирону только записку, которую Лавердонъ оставилъ тамъ же, на столѣ, гдѣ самъ нашелъ ее.

Людовикъ взглянулъ и этотъ клочекъ бумаги ужалилъ его какъ ледяная игла. Бѣдный въ изнеможеніи упалъ въ кресло и молча сдѣлалъ слугѣ знакъ, чтобы оставилъ его одного.

Онъ узналъ почеркъ маркизы де-Бретвиаль.

— Да! это она! сказала Людовикъ, когда возобновившееся дыханіе позволило ему издать звукъ: все она!... вездѣ она! Да будетъ проклятъ часъ, когда я встрѣтился съ этимъ демономъ!.. Какое ищеніе!... Какое сатанинское ищеніе!... Но можетъ ли быть, чтобы она представила контрактъ министру?.... Нѣтъ, это было бы слишкомъ низко. Этого она не сдѣлаетъ.... Это — подлый доносъ. Для этого она слишкомъ горда.... Она только напугала Лавердона она предвидѣла, какъ онъ поступитъ, и надѣялась уничтожить мой кредитъ И этого уже довольно!....

Между-тѣмъ наступала пора справиться о рѣшеніи министра.

— Можетъ-быть, еще не все погибло! подумалъ Людовикъ и всталъ.

Въ самомъ дѣлѣ, если министръ утвердитъ компанію, акціи могутъ въ тотъ же день подняться выше прежняго и состояніе Межирона будетъ упрочено.

Пришла Эмма. Она захотѣла проводить мужа на мѣсто, гдѣ рѣшалась его участь. Хотя графиня де-Межиронъ всё-еще не знала, до какой степени *ея* участь ея мужа и ея собственная зависѣла отъ этого рѣшенія, однако жъ, видя тревогу на лицѣ своего Людовика, она такъ трепетала, что подъѣзжая къ дому министерства сквозь ряды экипажей и толпы пѣшеходовъ, вдругъ отозалась войти въ присутствіе и объявила, что лучше подождетъ на улицѣ. Она надѣялась, она не видѣла ни какого повода предполагать неудачу, но у нея не хватало духу. Людовикъ охотно согласился оставить жену въ экипажѣ: ему легче было одному вынести ударъ. У него уже очень мало оставалось надежды.

Нетерпѣливое ожиданіе мало-по-малу привело Эмму въ такое раздраженное нервное состояніе, что она не могла долѣе вынести неподвижности и одиночества поереды волновавшейся около нея толпы. Поворачиваясь, то въ ту, то въ другую сторону, она нечаянно взглянула на окна дома, противоположнаго министерству, и увидѣла, во второмъ этажѣ, прекрасную молодую жену.

иди... подошла, къ рудной, прислонясь къ оконному проёму подъ драпировкой, взглядывала то внизъ, на толпу, то на написанное письмо, въ своихъ рукахъ. Эта женщина была маркиза де-Бретанль.

Эмиѣ, одинокой, преданной на жертву волнениямъ возмущенности, показалось, что въ объятіяхъ подруги она найдетъ спасительное убѣжище. Она приказываетъ кучеру сказать графу, гдѣ онъ можетъ найти ее, и бѣжить къ Бертильдѣ.

Между-тѣмъ, оттого ли, что маркиза не узнала своей приятельницы, или, вѣроятно, оттого, что имѣла причину избѣгать въ эту минуту подобной встрѣчи, она неспѣшно отошла отъ окна и Эмиѣ въ передней сказали, что маркизы де-Бретанль дома нѣтъ.

— Для меня она будетъ дома! возражаетъ Эмиа и безъ дальнѣйшихъ объясненій проходить въ будуаръ.

Бертильда, при входѣ гости, быстро поднимаетъ голову и прочитъ письмо, которое всё-еще держала въ рукахъ.

— Другъ мой! сестра моя! милая Бертильда! вскричала Эмиа: какъ я счастлива, что нашла тебя!... Не хорошо съ твоей стороны, что ты не навѣстила меня и даже не дала знать, что вѣрнулась въ Парижъ. Миѣ теперь такъ нужны сердца, которые бы сочувствовали моему. Ты, можетъ-быть, не знаешь, что сегодня рѣшается важное дѣло для моего мужа..... утверждаютъ компанію, которой онъ будетъ директоромъ.

— Я знаю, отвѣчала Бертильда страннымъ голосомъ.

— Для Людовика это очень важно, продолжала Эмиа не примѣчая выраженія своей приятельницы: онъ многимъ пожертвовалъ для учрежденія компаніи и говорить, что можетъ даже разориться, если предпріятіе не удастся. Я очень боюсь.... всего больше я страдаю оттого, что онъ тревожится. Пусть бы не удалось, я готова жить въ бѣдѣ, гдѣ-нибудь въ отдаленной провинціи, но Людовикъ не можетъ существовать безъ богатства и почету.

— Да, онъ и заслуживаетъ почету, сказала Бертильда съ горечью, которой Эмиа также не примѣтила.

— Дядюшка, маркизъ д'Армантьеръ, не хотѣлъ, чтобы Можиродъ пускался въ промышленныя предпріятія: онъ считаетъ ихъ недостойными дворянина. Но я не раздѣляю этихъ предрассудковъ, несообразныхъ съ понятіями нашего времени. Дворянствъ можетъ заниматься промышленностью и не только этихъ не уни-

знать себя, но еще благодарю за признательности все даю в томъ, какъ старался заниматься ею. Но правда ли Я, впрочемъ, радуюсь, что мнѣ не придется почитать свое довѣрствіе въ источникъ благосостояніи отечества. Это благородный, честный трудъ; это законное и справедливое желаніе....

Бертильда смотрѣла на Эмию, какъ на ребенка, которому прощаютъ невѣдѣніе.

— Я эти дни очень безпокоилась; продолжаю Эмию, но сегодня все кончилось. Имя Мажирова имѣетъ въ некоторый вѣсъ въ обществѣ и, следовательно, у министровъ тоже. Притомъ соперники ему не страшны, потому что онъ предлагаетъ правительству самыя выгодныя условія. Онъ не можетъ не получить утвержденія, котораго просить.... А потомъ, когда онъ напишетъ боготство, котораго такъ желаетъ, я увезу его куда-нибудь, и оторву его отъ этихъ предпріятій, которыя теперь отрываютъ его отъ меня.... Онъ будетъ принадлежать мнѣ одной, мы будемъ жить совершенно независимо, спокойно, въ довольствіи; онъ будетъ любить меня одну и вся забота наша будетъ состоять только въ воспитаніи дѣтей, которыхъ Богъ пошлетъ намъ....

Бертильда вздрогнула и встала. Покуда молодая женщина, удовлетворяя своей потребности высказаться, говорила только о богатствѣ и достоинствахъ своего мужа, Бертильда могла слушать; но когда дошло до любви, до дѣтей — вся внутренность у нея повертелась.

— Послушай, сказала она Эмиѣ рѣзкимъ голосомъ: брось эти мечты: онъ несбыточенъ.... ты стоишь на краю гибели.... ты уже погибла.

— Боже мой!... что ты говоришь?

— Твоему мужу теперь не только угрожаетъ разореніе: онъ уже давно разоренъ. Когда онъ женился на тебѣ, у него не было ничего кромѣ неоплаченныхъ долговъ.

— А теперь?....

— Теперь онъ не получитъ утвержденія, котораго добивается всѣми средствами: это невозможно.

— Отчего же Боже мой?

— Оттого, что онъ заключилъ тайное условіе съ однимъ недобрымъ, котораго въ прошлой жизни, конечно, не зналъ, но въ которомъ не могъ не видѣть низкое и презрѣнное существо.

— И что же?....

— Объ этомъ донесено министру.

— Боже мой!...

— Недостаетъ только иезуитскаго донаивства, самаго ахъ, но и это, можетъ быть, отъцнуть и тогда графъ не только лишится имени, которымъ ты такъ гордишься, но, можетъ быть, еще подвергнется ошдствію по гравному дѣлу иезуитина, отъ которымъ онъ связанъ.

— Безчестіе!... Боже мой, позоръ! вскричала Эмма.

— И разореніе, нищета! прибавила маркиза.

— Что разореніе, что нищета?... Но позоръ! позоры!... Боже мой, неужели это правда?... неужели это возможно?...

Тутъ отворилась дверь и безстрастный голосъ лакея произнесъ:

— Графъ де-Можиронъ!

Людвигъ явился и лицо его было отвѣтомъ на вопросъ Эммы. Оно было педернуто тою ледяною блѣдностью, которую только самое глубокое отчаяніе можетъ замѣстовать у смерти.

Эмма рыдая бросилась къ нему на грудь.

— Другъ мой, не отчаявайся!... у меня достанетъ силъ! вскричала она.

— Такъ ты знаешь.... все? спросилъ онъ, задыхался отъ ярости.

— Бертильда.... все сказала мнѣ, прошептала Эмма и лишилась чувства.

Если бы въ эту минуту, подъ рукою Людовика случилось какое-нибудь оружіе, Бертильда жизнью заплатила бы за рану, которую нанесла.

Людвигъ положилъ жену на кушетку и, дрожа всѣмъ тѣломъ, поднялъ судорожно сжатые кулаки. Бертильда затрепетала. Но скоро гнѣвъ уступилъ мѣсто скорби: Людвигъ опустилъ голову на грудь и глаза у него наполнились слезами.

— Какъ могли вы.... какъ у васъ достало духу сдѣлать это? спросилъ онъ, указывая своему непримиримому врагу на помертвѣвшую Эмму.

— Я перечтала это холодно отвѣчала Бертильда, показывая письмо, которымъ Людвигъ навсегда прощался съ нею.

Между супругами ни въ тотъ вечеръ ни на другой день не было ни какого объясненія. Нѣжная, любящая Эмма понимала, что есть раны, къ которымъ не должно прикасаться даже съ намѣреніемъ поцѣлать ихъ. Людвигъ и мужественная подруга его, сердцемъ понимая сердце, взаимно утѣшались сочувствіемъ и обвинялись безмолвнымъ ободреніемъ.

Исторический случай ударилъ, Людовикъ съ вѣтра встрѣсно и во снѣ искалъ нѣкотораго возстановленія силъ и присутствія духа. Только подъ утро на отяжелѣвшую голову его спустился сонъ, который на минуту побѣдилъ страданія. Когда онъ потомъ проснулся, проснулось и его самолюбіе, проснулась и сила воли. Онъ не захотѣлъ отдаться на произволъ судьбы, онъ захотѣлъ бороться, доколѣ есть силы.

Компанія Можирона, правда, рухнула; предпріятіе отдано Навтейлю, но причины были неизвѣстны или прикрыты другими благовидными, — неизвѣстно было, дѣйствительно ли министерству донесено что-нибудь о существованіи тайнаго условія графа Можирона съ бѣглымъ колодникомъ, или объ этомъ не упоминалось только потому что не доставало улики. Всего вѣроятнѣе казалось Людовику, что донесъ сдѣланъ, но что доказательство осталось въ рукахъ маркизы, которой нужнѣе было безпрестанно пугать, мучить своего врага чѣмъ дѣйствительно подводить его подъ ружь и слѣдствіе. Объ уничтоженіи этой грозы Людовику еще нѣкогда было подумать. Ему нужно было прежде всего воспользоваться остатками своего кредита, чтобы обезпечить свое существованіе, чтобы жену не оставить безъ хлѣба. Онъ вспомнилъ, что наканунѣ еще ему предлагали множество выгодныхъ предпріятій, которыя онъ отвергъ, потому что все вниманіе его было поглощено однимъ. Одѣлся и онъ самъ пошелъ отыскивать ихъ.

Жестокія разочарованія ожидали Людовика въ этомъ мірѣ ажіотажа, гдѣ отрекаются ото всего, даже отъ золотаго тельца, когда онъ спрокинутъ. Поле спекуляцій, вчера еще изумительно плодородное, вдругъ истощилось для него. Вездѣ его принимали принужденно, холодно. Какъ успѣхъ распространялъ довѣренность къ нему до баснословнаго, такъ и неудача вдругъ лишила его всякаго кредиту.

Онъ воротился домой не столько съ уныніемъ, сколько съ озлобленіемъ на людей, которые гораздо болѣе довѣряютъ тому, кто ихъ обманываетъ, и онъ въ своихъ глазахъ сталъ правъ во всемъ, въ чемъ прежде обвиняла его совѣсть. Ему не стали вѣрить именно тогда, когда онъ намѣревался дѣйствовать чисто и честно, и онъ пришелъ къ заключенію, что людей должно обманывать и что довѣрять не должно никому.

Пріѣхавъ домой, Людовикъ прошелъ прямо въ свой кабинетъ и спустя часъ уже пошелъ къ жснѣ. Ея не было дома. Люди

отвѣщая, что графиня получила съ почты записку и поспѣшно ушла въ кабинетъ нарета. Это поразило его, но онъ подумалъ, что Эмма, быть-можетъ, поѣхала къ отцу, и успокоился. Вдругъ онъ увидѣлъ подлѣ тобета, на полу, распечатанную смятую записку; поднялъ и съ ужасомъ прочиталъ:

«Графиня, если бы я не имѣлъ несчастія быть счастливымъ соперникомъ вашего мужа въ коммерческомъ предпріятіи, я выскзалъ бы вамъ, какое искренное участіе принимаю въ вашемъ положеніи. Теперь вы словамъ не повѣрите. Я спѣшу доказать вамъ мои чувствованія дѣломъ. Вы, быть-можетъ, знаете о существованіи одной подписанной графомъ де-Можирономъ бумага, которая подвергаетъ честь и вышедшаго мужа большой опасности. Эта бумага, по счастью, попалъ ко мнѣ въ руки. Я желаю вручить ее вамъ, какъ доказательство моего къ вамъ уваженія и дружбы. Единственное условіе—вы должны пріѣхать одинъ, сегодня же ко мнѣ, въ Виши. Съ шестичасовымъ поѣздомъ вы можете опять отправиться отсюда и, слѣдовательно, воротитесь домой, не возбудивъ ни въ комъ подозрѣнія. Я самъ буду имѣть честь проводить васъ въ Парижъ.
«Нантейль».

Подозрѣніе уже было возбуждено, подозрѣніе ужасное. Людовикъ вспомнилъ, какъ часто Нантейль посѣщалъ ихъ въ замкѣ, после приключенія съ Эммой въ дорогѣ; вспомнилъ, какъ онъ боялся великаго случая встрѣтиться съ нею, какъ старался угождать ей, какъ ухаживалъ за нею и какъ она принимала эти угожденія, слушала пріятныя рѣчи... и ему показалось ясно, что Эмма... Эмма, которой одной онъ еще намѣренъ былъ довѣрять... тоже обманываетъ его.

О Лавердеиномъ контрактѣ, о которомъ говорилъ Нантейль, онъ уже не думалъ: ему было всё-равно, онъ не дорожилъ уже ничѣмъ. Онъ хотѣлъ только убить Нантейля, убить жену и убить Бертильду, которая въ этомъ, какъ и во всѣхъ бѣдствіяхъ его, явилась страшнымъ призраккомъ олицетворенной мести, злымъ духомъ, и которая неумолчно преслѣдовала его на каждомъ шагѣ и съ каждымъ часомъ становилась свирѣпѣе, мрачнѣе и ужаснѣе.

Оставалось нѣсколько минутъ до трѣхъ часовъ, когда отправляется новый поѣздъ по руанской желѣзной дорогѣ. Свои лошади были отложены, дожидаться новой закладки нѣкогда; Людовикъ бросился въ наемный экипажъ и поскакалъ на станцію, но опоздалъ: поѣздъ только что отправился; машина выхля неслась уже далеко и какъ-будто злобно хохотала надъ несчастнымъ.

Давно уже потерявъ голову, обесумевъ и бросился бѣжать въ догонку.

Въ первую минуту, когда получила саншеку, Эмма обрадовалась ей какъ спасенію и повѣрила въ благородство Нантейля, у котораго въ рукахъ была теперь жизнь и честь ея мужа. Но потомъ, сидя въ вагонѣ, она стала перебирать въ умѣ двадцатидесять его слова и недосказанные мысли; вспомнила, такъ же какъ и Лидовикъ, невнятную, часто почти наглуго любезность бывшего маклера, и ею овладѣло сомнѣніе, безпокойство, страхъ.

Но мы не станемъ описывать терзаній бѣдной женщины во все продолженіе дороги и въ-особенности въ гостиницѣ Нантейля, до приходу хозяина: эти минуты казались безконечными. Но дѣло шло о спасеніи мужа и Эмма не помышляла объ отступленіи.

Наконецъ Нантейль явился.

— Вы писали.... я пріѣхала, сказала Эмма въ сильномъ волненіи.

Нантейль раскланялся съ изысканной пріятливостію.

— О! спасите! спасите насъ! вскричала Эмма и вся открытая тревога, весь тайный страхъ ея наконецъ вырвался въ потокъ слезъ.

Она рыдая унала на колѣни передъ Нантейлемъ.

Нантейль осторожно поднялъ ее, посадилъ въ кресло и самъ сѣлъ.

— Эмма! сказалъ онъ и графиня де-Можиронъ затрепетала: Эмма! я готовъ спасти васъ.... я спасу, потому что люблю васъ!... Вы должны были видѣть.... вы видѣли, вы знаете это. Вы только не знаете всѣхъ страданій, которыя я перенесъ, видя васъ во власти другаго!... Вы не знаете, быть-можетъ, что мнѣ, мнѣ слѣдовало быть вашимъ мужемъ, потому что я прежде просилъ вашей руки, но вашъ отецъ отказалъ мнѣ, подъ тѣмъ только предлогомъ, что я недворянинъ, и самъ навязалъ.... да, навязалъ васъ графу, котораго считалъ богачемъ и которымъ.... Но я не стану говорить объ немъ: я только хочу доказать вамъ, что нѣтъ ни права любить васъ, потому что любилъ прежде другихъ.... Скажите мнѣ.... скажите одно слово, и вся жизнь моя будетъ посвящена вамъ!

Выразить, что чувствовала Эмма въ продолженіи этой рѣчи, нѣтъ ни словъ ни кресекъ.

— Эмма! умоляю васъ.... одно слово!..

И Нантейль хотѣлъ опуститься на колѣни.

— Нѣтъ! воскричала вдругъ Эмма съ необыкновенною силой и встала: нѣтъ! вы не предложите мнѣ такого отвратительнаго условія... вы не заставите меня выкупить чистоту имени настоящимъ позоромъ и униженіемъ! Вы пошутили, Нантейль. Предложить это нешутя... и предложить въ такую минуту... было бы ужасно... низко!...

Нантейль вспыхнулъ.

— Я знаю, что минута теперь неблагоприятная, но... волюю вамъ было прежде не видать моей любви... вы не хотѣли видѣть ея. Чтѣ же мнѣ дѣлать! Я пользуюсь случаемъ, какого, быть-можетъ, никогда больше не дождался бы. У меня въ рукахъ честь, имя, судьба и жизнь моего соперника и я все это отдаю за одну минуту счастья... за возможность по-крайней-мѣрѣ высказать вамъ, что я люблю васъ. Развѣ это низко?

— Если такъ... вы высказали, такъ отдайте же...

— Отдать бумагу, которою я могу уничтожить вашего мужа... отдать такъ... ни за чтѣ! Развѣ я такъ высказалъ мою любовь, какъ желалъ, жаждалъ высказать?... Развѣ я слышалъ отъ васъ хоть одно слово участія, состраданія?... Эмма! нѣтъ, я не замнушу васъ отсюда!... вы въ моей власти! вы моя!

Графиня де-Можиронъ увидѣла, что умолять изстуженнаго было бы напрасно. Опасность придала ей силы и присутствіа духа. Кроткая, нѣжная, слабая Эмма, поддерживаемая сознаниемъ своего достоинства и долга, стала мужественною и твердою по мѣрѣ возрастанія опасности, въ которой принуждена была дѣйствовать сама.

— Послушайте, Нантейль, сказала она спокойно: если вы дѣйствительно чувствуете ко мнѣ чтѣ-нибудь похожее на привязанность, я забуду оскорбленіе: страсть могла ослѣпить, увлечь васъ. Но какъ бы вы ни были ослѣплены, вы должны понимать, что ни какая женщина не можетъ чувствовать ни участія, ни состраданія къ любви челоука, котораго должна презирать. Вы писали мнѣ объ уваженіи и дружбѣ; вы обѣщали поступить благородно и великодушно... Докажите же, что вы говорили правду; докажите, что вы не ушлились до презрѣнной лжи, до подлаго обмана!

Пораженный въ самое сердце своего самолюбія, Нантейль схватилъ изъ кармана бумагу и подалъ графинѣ. Онъ надѣялся притомъ, что выказавъ свое великодушіе, будетъ имѣть больше правъ и достигнетъ цѣли скорѣе нежели насиліемъ.

Эмма дрожащею рукою взяла и спрятала роковой листъ.

— Благодарю васъ, сказала она: теперь я вѣрю, что вы благородный человекъ; вѣрю въ вашу дружбу и во всю жизнь не забуду, что вы нашъ благодѣтель, нашъ спаситель. Послѣ... когда и вы будете спокойнѣе... я лучше выскажу вамъ мою признательность. Теперь прощайте, Нантейль.

И она спокойно, дружески подала ему руку.

— Какъ! вскричалъ онъ: вы и теперь не хотите выслушать меня?... вы и теперь отвергаете мою любовь?...

— Я принимаю вашу дружбу, я благодарна вамъ, Нантейль, отвѣчала Эмма съ достоинствомъ: больше чувствовать графиня де-Можиронъ не должна.

— Нѣтъ, Эмма! нѣтъ, этому не бывать!... Если вы думаете такъ дешево отдѣлаться отъ меня, вы ошибаетесь! Я не выпущу васъ отсюда, пока вы не дадите отвѣта... или по-крайней-мѣрѣ я не отдамъ вамъ бумаги... я силою вырву ее у васъ!...

И онъ какъ разъяренный звѣрь бросился на свою жертву.

Эмма вскрикнула и ухватилась за софетку. Нантейль оторопѣлъ.

Наступила тишина, въ продолженіи которой Эмма съ неимо-вѣрными усиленіемъ снова приняла спокойный видъ, между-тѣмъ какъ въ устремленныхъ на Нантейля глазахъ ея выраженіе страха постепенно переходило въ негодованіе, строгость и сознаніе неопровержимнаго достоинства. Нантейль задышался, губы у него дрожали.

Внезакъ слуга. Эмма все смотрѣла на Нантейля. Наконецъ онъ не могъ болѣе выдержать этого взгляду, оборотился къ слугѣ и сказалъ.

— Проводи графиню до кареты.

Вырвавшись изъ опаснаго дому, графиня де-Можиронъ пріѣхала на станцію желѣзной дороги, гдѣ, въ ожиданіи поѣзда провела еще полтора часа въ мучительномъ страхѣ, чтобы Нантейль не покусился на какое-нибудь новое нападеніе. И потому, въ вагонѣ, когда поѣздъ помчался, ей все казалось, что изступленный гонится за нею.

Воздухъ былъ душный; пропитанный электричествомъ; со всѣхъ сторонъ горизонта собирались черныя тучи; тусклая, утопающая въ мутномъ небѣ луна, только во временахъ и все рѣже и рѣже выглядывая изъ-за блуждающихъ облаковъ, бросала слабый свѣтъ на сѣнь жерменскій лѣсъ, уже пожелтѣвшій подъ дуновеніемъ осени.

Людвигъ, блѣдный, задышался, почти безсознательно бѣжалъ

подъ рельсовъ, по насыпи желѣзной дороги. Между свѣтъ гроза приближалась и уже деревья замушьяли отъ ея предвѣстника; уже издали гремѣлъ громъ и крупныя капли дождя изрѣдка стали падать на лицо бѣгущему. Онъ ничего не примѣчалъ.

Дождь полилъ, вѣтеръ забушевалъ свистѣи, молніи стали раздирать небо и громъ захохоталъ надъ головой. Людовикъ не чувствовалъ, что платье на немъ промокло, и все бѣжалъ впередъ въ темное безконечное пространство.

Наконецъ гроза прошла. Она была сильна, но непродолжительна. Людовикъ, захывавшись, остановился какъ-будто съ изумленіемъ и сталъ смотрѣть въ темноту, прислушиваться къ безмолвію ночи... Вдругъ въ глубинѣ мрака, далеко впереди, показалась свѣтящаяся точка. Паровозъ, какъ будто циклопъ, летѣлъ распростершись вдоль узкаго пути и задѣвая землю, которую освѣщаль своимъ огненнымъ глазомъ. Послышался отдаленный зловѣщій свистъ и глухой рокотъ. Большому воображенію Людовика показалось, что судьба его олицетворяется въ появленіи этого страшнаго чудовища: ему показалось, что это несется демонъ спекуляцій, который ползетъ, чтобы дойти скорѣй; ломить все на пути своемъ; показываетъ издали заманчивыи свѣтъ успѣха, а оставляетъ по себѣ только дымъ!... И Межиронъ проклялъ жгиваго демона, который и его соблазнилъ, и ему оставилъ отравленный плодъ горькаго разочарованія.

Потомъ ночной холодъ, окрѣвшій послѣ бури и сырости, воротилъ несчастному сознание матеріальнаго существованія, но вмѣстѣ съ тѣмъ воротилъ и ярость. Образъ опозоренной, невѣрной Эммы снова представился Людовику со всѣми пытками ревности, оскорбленнаго самолюбія и отчаянія. Людовикъ хотѣлъ убить Эмму, убить ея обольстителя, но уже поздно: они возвращаются, они тутъ, за этою свѣтящеюся точкой. Людовикъ пробѣжалъ еще нѣсколько шаговъ и остановился между рельсами, какъ-будто хотѣлъ остановить эту огненную колесницу, этотъ укрощенный вулканъ, который для него изображалъ разореніе и униженіе челоудка и который весь ему теперь его суицидескій позоръ. Онъ хотѣлъ, чтобы это же чудовище и раздавило его. Но потомъ въ большой головѣ мелькнула новая мысль: Людовикъ сказалъ себѣ, что искать такой смерти значило бы погибнуть безъ пользы, безъ отищенія. Онъ отошелъ къ сторонѣ, сѣлъ на, лучше сказать, упалъ на обрубокъ бревна, на который споткнулся въ потьмахъ, и изъ извѣ души его возникла еще мысль...

ударило всѣхъ предвѣщъ. Что мѣшаетъ ему бросить смерть подъ колеса этой проклятой колесницы?... что мѣшаетъ ему превратить этотъ несчастный снарядъ въ орудіе мщенія?

Безумный дико хохоталъ, между тѣмъ какъ эта страшная мысль созрѣвала и развивалась въ его головѣ съ быстротою вихря. Онъ съ сверхчеловѣческой силой поднималъ огромный обрубокъ и положилъ поперекъ дороги, потомъ сбѣжалъ съ насыпи и отошелъ къ сторонамъ.

Мы не беремся изобразить, что происходило въ душѣ графа де-Мажирона послѣ поступка, на довершеніе котораго былъ бы способенъ развѣ только дикій звѣрь, если бы дикому звѣрю былъ данъ умъ. У Людовика жажда мщенія тотчасъ же прошла, когда наступило удовлетвореніе, однакожъ какая-то непостижимая сила, — быть-можетъ, предопредѣленіе наказанія, — мѣшала ему уничтожить свою ужасную западню, свое преступленіе.

Между-тѣмъ свистъ повторился рѣзче; огненный глазъ бѣжалъ и выросталъ и за нимъ начинала обозначаться темная, грузная масса желѣзнаго гиганта; грохотъ колесъ слышится все громче и ближе...

Вдругъ изъ-за бѣгущихъ облаковъ выглянула луна. Она, блѣдная, какъ-будто хотѣла быть свидѣтельницею страшнаго преступленія и освѣтить обнаженную совѣсть убійцы. Людовикъ содрогнулся.

— Что если Эмма девица? подумалъ онъ.

А паровозъ стучалъ и свистѣлъ все ближе и рѣзче.

— Стой! стой! она девица!... Стой! стой! закричалъ безсчастный и бросился бѣжать на встрѣчу къ паровозу.

А паровозъ все шло.

— Стой!... стой! кричалъ Людовикъ въ невозможномъ отчаяніи.

Наконецъ страшные звуки долетѣли до машиниста. Паровозъ зашипѣлъ и медленно остановился передъ самымъ бревномъ.

Въ то же время однакожъ онъ зацѣпилъ Людовика за одежду, протащивъ шаговъ пятьдесятъ пространства, сбросилъ съ насыпи окровавленнаго, измятаго.

Пассажиры, въ страхѣ, переполошились. Кондукторы съ фонарями подошли къ ушибленному. Вдругъ въ одномъ изъ первыхъ вагоновъ раздался пронзительный вопль и черезъ минуту молодая женщина въ отчаяніи припала надъ Людовикомъ на колѣни.

— Онъ не убитъ! говорилъ кондукторъ: только ушибленъ. Вотъ освѣщенный домъ. Давайте, отнесемъ его туда.

— Бѣдный! какъ его оборвало! говорилъ другой: едва-ли скоро оправится....

— Почему знать.... А это, вѣрно, его жена или возлюбленная... Ес-то жаль, бѣдняжку!....

Эмма, въ отчаяніи, со слезами говорила съ мужемъ, какъ-будто онъ могъ слышать ее:

— Людовикъ! милый Людовикъ!... прійди въ себя!... ты спасень! слышишь?... ты спасень! Теперь ты не можешь, ты не долженъ умереть!...

По странной прихоти случая несчастье это случилось почти передъ самымъ домомъ непримиримаго врага, злаго демона Людовика де-Можиропа. Кондукторы подняли и принесли раненаго на дачу маркизы де-Бретвиль, у которой на ту пору былъ праздникъ и толпа гостей. Издали уже слышались звуки веселой музыки и въ окнахъ горѣлъ яркій свѣтъ.

И подъ звуки этой музыки, при этомъ освѣщеніи, вдругъ явился искаженный трупъ, — умирающій Людовикъ просилъ пріюта и пособія у той, которая погубила его.

Эмма, рыдая, упала на грудь къ своей пріятельницѣ.

Какъ ни привыкла маркиза де-Бретвиль владѣть своими чувствованіями, однако жъ согрогнулась и поблѣднѣла, когда услышала, что случилось. Незвѣстно только, что больше взволновало ее, укоръ ли внезапно пробужденной совѣсти, или жалость при видѣ несчастной молодой женщины, которая такъ жестоко наказана, зато что была ея соперницей, или позднее состраданіе къ молодому человѣку, недавно еще такому прекрасному, блестящему, — къ человѣку, котораго она прежде такъ много любила и который теперь лежалъ у ногъ ея на носилкахъ, окровавленный и обезображенный.

Въ числѣ гостей у маркизы находился знаменитый и искусный врачъ, который, послѣ внимательнаго осмотра, объявлялъ, что поврежденія очень важны и что, хотя смерть, по-видимому, не должна непременно быть ихъ слѣдствіемъ, однако жъ надобно приготовиться ко всему. Въ такомъ положеніи, конечно, нельзя было и подумать о томъ, чтобы перевезти Людовика въ Парижъ, и его уложили въ домъ его злодѣйки. Самъ онъ не узнавалъ даже своей жены.

Однажды Эмма, утомленная нѣсколькими бессонными ночами,

отошла отъ изголовья большого, который нѣсколько успокоился, и прилегла въ другой комнатѣ на диванѣ. Людовикъ въ первый разъ спокойно заснулъ на нѣсколько минутъ, но вдругъ проснулся съ слабымъ крикомъ и съ ужасомъ устремилъ глаза на предметъ, который поразилъ его и который онъ впервые узналъ.

Передъ нимъ стоялъ призракъ давно знакомаго существа, блѣдное, но гордое, надменное привидѣнiе, которое оставило на него взоръ съ неизяснимымъ выраженiемъ. То была маркиза де-Бретвиль.

— Боже мой! вскричалъ Людовикъ слабымъ голосомъ: гдѣ же я?... гдѣ же я?

— У меня! отвѣчала Бертильда съ выраженiемъ, отъ котораго большой затрепеталъ до мозгу костей.

— А моя жена?... моя Эмма?... гдѣ она? Ты убила ее?

Бертильда подернула плечами.

— Развѣ Эмма виновата передо мной? отвѣчала она: бѣдняжка! я сожалею о ней, вотъ и все! А вы... я васъ предупредила въ первый же день. Вы не хотѣли повѣрить мнѣ... Теперь вы видите, что я сумѣла отомстить.

— Боже мой! вскричалъ Людовикъ, съ трудомъ перевода дыханiе и стараясь отвести блуждающiе глаза: что это такое?... гдѣ я? Боже мой! отгоните отъ меня этотъ призракъ!

На блѣдномъ лицѣ Бертильды явилась злая улыбка, какъ молнiя на темномъ небѣ.

— Я не призракъ, сказала она, подходя къ Людовику: я живая; видишь, я живая. Помнишь, шесть мѣсяцевъ тому назадъ, я была у тебя въ гостяхъ? Теперь я плачу тебѣ гостепрiимствомъ за гостепрiимство.

— Прочь! прочь отъ меня! вскричалъ Людовикъ въ изступленiи горячки, которая снова вскипятила кровь въ его жилахъ: помогите! помогите!

Эмма, испуганная крикомъ, вскоотила и приближала. На Людовикѣ лица не было, — губы пѣнились, дыханiе спиралось.

— Людовикъ! мужъ мой! вскричала молодая женщина въ ужасѣ: что съ тобой, милый?

— Когда я пришла, ему, казалось, было лучше, своею же сказала Бертильда: и вотъ опять горячечный припадокъ. Бѣдный Моширь!

— Эмма! плала Эмма! ты здѣсь? вскричалъ Людовикъ при-

поддавшись: ты пришла спасти меня, увести отсюда.... Уйдемъ, уйдемъ по-скорѣй!

— Уйхать? вскричала Эмма: теперь уйхать невозможно, милый. Доктора не позволяютъ. Когда ты немножко поправишься, мы пойдёмъ домой. Повезти тебя теперь — значило бы повести на смерть.

— Что мнѣ до смерти! возразилъ Людовикъ: лишь бы я не оставался подъ одною кровлей съ этою женщиной. Лучше умереть, Эмма, чѣмъ оставаться здѣсь хоть одну минуту!

— Видишь, какой бредъ! замѣтила маркиза.

— Не вѣрь ей, Эмма, не вѣрь! Я не въ бреду, продолжалъ графъ: послѣ я все объясню тебѣ, но умоляю тебя, не оставь меня здѣсь!

— Милый, милый Людовикъ! твоя болѣзнь дѣлаетъ тебя жестоко неблагодарнымъ и несправедливымъ къ лучшему моему другу!... Вѣдь она укрыла и тебя и меня.... Добрая Бертильда, вѣдь ты не сердилась на него? Онъ болѣвъ.

— За что мнѣ на него сердиться? спросила Бертильда страннымъ голосомъ.

— Зачто! зачто!... Я тебѣ скажу, Эмма.... Я уже слишкомъ долго молчалъ. Тайна душитъ меня. Слушай, Эмма, слушай!

Тутъ графиня де-Можиронъ, взглядывая то на мужа, то на пріятельницу, въ первый разъ, казалось, инстинктивно поняла необходимость подобнаго объясненія.

— Говори, милый, говори, сказала она, взявъ мужа за руку.

— Ты, разумѣется, услышишь горячечный бредъ, прошептала опять маркиза де-Бретвиль.

— Всѣ-равно, пусть онъ говоритъ, отрывисто отвѣчала Эмма.

Но Людовикъ, измученный уже сильнымъ потрясеніемъ, опустилъ голову на грудь и закрылъ глаза.

— Боже мой! Боже мой! неужели ты пошлешь ему смерть, не давъ высказать женѣ, что тяготитъ его душу?

Людовикъ молчалъ.

Тутъ пришелъ докторъ. Онъ долго и со вниманіемъ смотрѣлъ на больного.

— Ну, что, докторъ, какъ вы находите его сегодня? спросила маркиза.

Эмма не спрашивала: она плакала.

— Странно! отвѣчалъ докторъ: вчера вечеромъ ему было значительно легче и я много надѣялся на сегодняшній день.

— А теперь...: развѣ уже мнѣ надежды? лучше спросите Эмму. Доктора не отвѣчалъ.

Часа два спустя, къ дачѣ маркизы де-Бретвиль подъѣхали почти вѣсть двѣ дорожныя кареты. Изъ одной вышелъ маркизъ д'Армантьеръ, изъ другой высокаго росту старикъ, съ сѣдыми усами, съ сильно загорѣлымъ лицомъ, въ военномъ штабъ-офицера переконъ смортокъ, и блондуристый молодой человекъ въ капитанскомъ мундирѣ авриланской арміи. То были генералъ де-Бретвиль и его адъютантъ Шарль де-Сенъ-Сериенъ.

Ни въ передней, ни въ первыхъ комнатахъ никого не было, кто бы могъ встрѣтить прѣѣзжихъ.

Черезъ минуту они всё трое очутились передъ одромъ умирающаго, надъ которымъ священникъ читалъ молитву; одна женщина стояла на колѣняхъ и старалась заглушить свои рыданія; другая опершись на стулъ закрыла лицо платкомъ; по-одаль — тогда слугъ.

При этомъ зрѣлищѣ въ мрачныхъ глазахъ генерала де-Бретвиль сверкнула молнія и лицо приняло такое выраженіе, какое можетъ произвести давножданное открытіе. Онъ съ перваго взгляду понялъ все, — но-крайней-мѣрѣ все, что касалось собственно до него самого.

Услышавъ шаги въ комнатѣ, Эмма обернулась, маркиза отняла платокъ отъ глазъ и объ вскрикнула, — одна отъ скорби, другая отъ ужаса.

— Эмма! бѣдная моя Эмма! тихо сказалъ маркизъ д'Армантьеръ, прижимая ее къ груди: я пришелъ плакать съ тобою...

Бертильда опять закрыла глаза платкомъ.

Встревоженный приходомъ новыхъ лицъ, умирающій снова открылъ глаза, устремилъ ихъ на генерала, приподнялся и, протянувъ руки, тихо проговорилъ:

— Мститель... наказаніе!...

Потомъ онъ взглянулъ на другое новое лицо, — на де-Сенъ-Сериена, — и снова упалъ на подушки.

Наступило короткое смертное томленіе, въ которомъ Людовикъ произнесъ еще одно имя и испустилъ духъ.

Имя это было — Нантейль.

Когда графъ де-Можиронъ совсѣмъ скончался, генералъ де-Бретвиль сдѣлалъ женѣ знакъ и она машинально пошла за нимъ въ кабинетъ.

Никто не знаетъ, что тамъ происходило. Генералъ въ ту же

она убьёт. Маркиза прощала всё и всё. Сначала говорили, будто она убьёт съ мужемъ въ Аерну, но потомъ узнали, что съ тайнъ и всё.

Черезъ три дня по смерти Людовика, капитанъ Шарль де-Сенъ-Серменъ стрѣлялся съ Нантеилемъ и убилъ его. Самъ онъ послѣ этого уже не искалъ смерти; быть-можетъ онъ надѣялся.... Онъ скоро узналъ, что Эмма, — несмотря на всю роскошь, которая ее окружала, — была замужемъ почти за нищимъ.

В. ДЕРЖКЕРЪ.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ПУТЕШЕСТВІЕ

И ОТКРЫТІЯ ЛЕЙТЕНАНТА Л. ЗАГОСКИНА ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

*Весеннее и лѣтнее пребываніе въ Нулато, походъ по рѣкѣ Квиш-
пакъ къ ея верховью.*

Какъ нарочно, съ приходомъ нашимъ въ Нулато, наступили
ясные дни при умѣренныхъ морозахъ. До 25 марта я зани-
мался изготовленіемъ депешъ и перепискою журнала, для пред-
ставленія въ Новоархангельскъ. Мы еще не были увѣрены во
всегдашней готовности туземцевъ и потому, посылая бумаги въ
Уналакликъ съ однимъ человѣкомъ, рѣшились проводить его до
Хогомтливде. Вместе съ этимъ я имѣлъ въ виду опредѣлить астро-
номически мѣсто выхода съ приморья и достать отъ туземцевъ
провизію, въ которой общая паша артель начала ощущать не-
достатки. Это произошло оттого, что весь зимній запасъ былъ
выведенъ на транспортъ, приходившій изъ редута съ товарами
въ началѣ этого мѣсяца и за непогодами прожившій нѣсколько
дней лишилъ.

26 марта, при ясной погодѣ, мы отправились на трехъ нар-

Т. LXXXIV. — Отд. III.

точкахъ, при девяти собакахъ и четырехъ человѣкахъ команды, и на другой день еще довольно рано прибыли на жила Хоголтлинде. Молодежь находилась на оленьемъ промыслѣ въ горахъ, изъ которыхъ вытекаетъ рѣчка Хутулькакать, однако жъ намъ удалось безъ труда нанять мальчика, сопутствовавшего экспедиціи въ зимній ея переходъ изъ Улукака. Весною продержать на скудномъ нашемъ пропитаніи собакъ казалось весьма затруднительнымъ, и потому пять изъ нихъ отправлены съ посланнымъ въ Уналакликъ 28 числа. Того же дня для опредѣленія обсерваціей мѣсто жила въ широтѣ $64^{\circ} 19' 41''$, мы обратились въ Нулато, въ которое и прибыли 30 по-утру. Мое намѣреніе было пробраться къ Такааксапцамъ, но получа полный грузъ юколы и кислой рыбы въ Хоголтлинде, отложилъ обзорніе мѣстности, занимаемой этимъ племенемъ.

Къ 1 апрѣля считалось у насъ сто-пятнадцать юколъ для собакъ и семьдесятъ штукъ для себя. На свѣжую рыбу надѣяться было нечего. Съ 18 марта по 17 апрѣля поймано всего до полсотни сигаговъ. Староста артели съ двумя человѣками экспедиціи пробовалъ-было достать кое-чего отъ Такааксапцевъ, но, проѣздивъ трое сутокъ, возвратился безъ успѣха. 5 апрѣля прибылъ въ комплектъ команды экспедиціи служитель Компаніи Э. Дмитріевъ и съ нимъ пять собакъ, безразсчитно присланныхъ изъ Михайловскаго редута на пропитаніе въ Нулато. Дмитріевъ въ первый свой приходъ въ мартѣ, не заставъ экспедиціи, ходилъ въ редуть за солью, въ которой артель нуждалась для засолки рыбы лѣтомъ; онъ первый дѣлалъ этотъ походъ одинъ, безъ проводника, и тѣмъ споспѣшествовалъ нашему желанію выказать воинственному племени Улакаг-мютовъ, что стараніе наше сохранить съ ними близкія, дружественныя сношенія вовсе не основаны на томъ, что мы не можемъ обойтись безъ ихъ посредства. 9 апрѣля возвратился посланный въ Уналакликъ. Ладить байдару къ лѣтнему походу было еще рано, но наступало время заготовлять лѣсъ для строенія артели и плоскодонной лодки, которую я располагалъ построить для удобнѣйшаго доставленія груза изъ Михайловскаго редута. Втеченіи этого мѣсяца срублено сто-осемьдесятъ деревьевъ въ три съ половиною сажени длины; наплачено потребное количество тесу для половъ, лодокъ и другихъ мѣлкихъ подѣлокъ; добыты байдарные штевли и прочая. Словомъ, апрѣль былъ приготовительнымъ для работы слѣдующаго. Утренники, продолжавшіеся до 27 числа, скрѣпляя свѣгъ или дѣлая насть, поднимали насъ на работы до вос-

хода; за то съ девяти часовъ утра каждый по своей волѣ проводилъ остальную часть дня. Многие ходили по лѣсу съ ружьями, но до появленія перелетной птицы, рѣдко-рѣдко кто возвращался съ тетеркой. Куропатки съ первой вербой удалялись отъ береговъ въ горы.

Никитинъ и Дмитріевъ, ѣздившіе для поимки оленей на луговую сторону, къ Свѣтлomu Воскресенью привезли оленя. Въ другомъ мѣстѣ, въ другое время, чѣмъ бы, казалось, значилъ кусокъ свѣжаго мяса, но для насъ это было еще предлогомъ къ благодаренію Всевышняго: для меня въ-особенности, и именно потому что Его Всемогущему Промыслу, перемѣною команды, угодно было доставить мнѣ людей опытныхъ и надежныхъ. Не стану объяснять какъ затруднительно для начальника, сверхъ обязанностей на немъ лежащихъ, быть дядькою и провіантскимъ комиссаромъ такихъ людей, которые, какъ креолы, только опытомъ научаются понимать существительное имя собственности; но пріятно сознаться, что труды и свѣдѣнія людей, поступившихъ къ экспедиціи на смѣну отправившихся изъ Новоархангельска, много способствовали къ успѣшному окончанію возложеннаго на меня порученія. Отъ Васильева, включительно до нашей экспедиціи, всѣ отряды голодовали, всѣ были принимаемы туземцами болѣе или менѣе враждебно; всѣ, не видя что продолжали свои изслѣдованія всего сряду по пѣскольку мѣсяцевъ, стояли Компаніи сравнительно дороже того, во что обошлось наше путешествіе. Причина ясна: тѣ ходили, держа себя по-кушкою провизій отъ туземцевъ; мы сами добывали пропитаніе, отыскивая мѣста, кореннымъ жителямъ мало извѣстныя; тѣ ходили на проходъ; мы знали, что мѣста нами осмотрѣнныя, не останутся долѣе въ безизвѣстности, и ласковымъ и вмѣстѣ строгимъ въ разсужденіи себѣ обращеніемъ съ туземцами, успѣли внушить къ себѣ ихъ довѣріе и уваженіе, и всѣмъ этимъ обязаны доброправію и самоотверженію команды.

18 апрѣля показалась на Нулато первая утка изъ рода крохалей, 20 прилетѣлъ первый гусь и былъ убитъ: плохая примѣта убитъ гуся — сторожка; не будетъ въ тотъ годъ много птицы, да дѣлать было нечего, гусь послѣдовалъ на двухсуточный паякъ одному человѣку. Съ 24 началась повальная стрѣльба и всѣ остальные дни этого мѣсяца мы были сыты. Лежа урочные часы дня и ночи въ свѣжныхъ засяткахъ, наблюдая ежедневное прибываніе птицы и смотря съ какою любовію каждое твореніе пріветствовало весну, — какъ часто приходило мнѣ въ

голову, что куда бы это была веселая забава, если бы на ней не основывалось наше пропитаніе. Стрѣлокъ я порядочный, но сколько разъ удавалось пропускать утку или гуся, заглядѣвшись какъ онѣ играютъ въ свѣтлыхъ водахъ Нулато, или послѣ утомительнаго перелета безопасно покоится на прибрежьи. Въ ночь на первое мая разлившійся Нулато прекратилъ броды и съ этихъ поръ добыча наша верѣдко уносилась быстринкою. Съ 5 мая полетѣли вереницы бѣлыхъ гусей и журавлей, но выступившая изъ береговъ вода затопила притонныя мѣста, а птица, подстрѣленная на лету, болшею частью падала на Квихпакъ, на милое загороженный торосами льда, выносиваго изъ Нулато. Наконецъ 8 мая въ пять часовъ двадцать минутъ по полудни, при тихомъ вѣтрѣ отъ NO и $+ 8,75$ по Реомюру тронулся ледъ Квихпака. За первымъ трескомъ на песчаныхъ середкахъ воздвиглись ледяныя горы, во вторую минуту все было разрушено; льды опять громоздились и опять уничтожались, — смерть величественно была попраема жизнью. На случай затопленія берега и строеній отъ напоровъ льда, всѣ промысла и пожитки наши были вынесены на крышу; байдара артели находилась въ готовности принять насть; но ледъ пошелъ безостановочно и къ утру вода, возвысившаяся было первымъ напоромъ льда, начала упадать; небесная сила отразилась мѣстами въ рѣкѣ, берега заплавали, природа воскресла.

Двое сутокъ несло густой ледъ безостановочно. Вечеромъ, 14 мая, открылось свободное сообщеніе съ противнымъ берегомъ на туземныхъ берестяныхъ лодочкахъ. Вода, нагоняемая льдами, пала и 17 начала прибывать постепенно такъ-называемая «коренная»; съ нею повнесло лѣсъ и хламъ — богатство жителя приморья. Вечеръ 11 огласилъ весну лягушки и съ тѣмъ вмѣстѣ лежавшіе до того глубокіе снѣга въ лѣсахъ исчезли какъ-бы волшебствомъ. На прогалинахъ и солнцепекахъ показалась зелень 26 апрѣля; первое мая мы встрѣчали щами изъ крапивы; къ 7 вырѣзались листочки на тальпикахъ; 9 развернулись почки ольховника; 14 распустилась береза; съ 15 я началъ собирать пѣкаторыя растенія въ цвѣтъ *; насѣкомыхъ съ 18; птицъ въ свободныя минуты, съ начала нашего прибытія въ Нулато. Здѣсь слѣдуетъ небольшое объясненіе: зоологъ препараторъ,

* Собранный мною травникъ, бывшій главнымъ правителемъ колоніи А. К. Этолингъ, принялъ на себя трудъ передать директору Ботаническаго Сада въ Санктпетербургѣ, господину Фишеру.

господинъ Вознесенскій, независимо отъ своихъ трудовъ на пользу Императорской Академіи Наукъ, успѣлъ во многихъ изъ насъ вдохнуть страсть къ собиранію естественныхъ предметовъ въ странѣ, до того времени столь мало извѣстной ученому свѣту. При отправленіи экспедиціи на сѣверъ, онъ сообщилъ мнѣ первыя начала оцѣпировація птицъ и снабдилъ нѣкоторыми необходимыми наставленіями для сбора насѣкомыхъ и растений. Выполнивъ по крайнему моему разумѣнію всѣ обязанности, принятыя мною добровольно по званію начальника и неся всю тяжесть труда на ряду съ подчиненными, я не могъ удѣлять времени столько, сколько бы слѣдовало для составленія коллекцій страны, вполнѣ заслуживающей вниманія человѣка, посвятившаго себя естественнымъ наукамъ. Признаюсь, этому частью способствовало и мое невѣжество и весьма много недостатковъ способовъ для сбереженія того, что пріобрѣтено. Такъ, все собранное мною, неполно, несовершенно и развѣ можетъ извиниться только тѣмъ, что заманчиво подаетъ надежду къ богатой жатвѣ въ краѣ, нами поверхностно осмотрѣнномъ*.

27 мая въ четвертомъ часу по полудни, при нашей отъ ОНО туѣ, съ дождемъ былъ первый громъ. Термометръ Реомюра показывалъ + 15,5.

Къ 15 мая былъ отдѣланъ киль большой лодки и поставлены штевни, какъ слѣдующее происшествіе заставило совсѣмъ прекратить работы и по необходимости обратить къ экспедиціи человѣка приставленнаго къ ея постройкѣ. Птица пролетѣла; мы принялись за промыселъ рыбы. Отправя двухъ человѣкъ на противную сторону для постановки сѣтей въ устье рѣки Сундакакатъ, староста артели съ своимъ толмачомъ поѣхали вечеромъ осматривать поставленные въ рѣчкѣ Нулато сѣти и, по обыкновенію, съ ружьями. Староста, пахотясь на кормѣ и примѣтя утку, взвелъ курокъ на второй взводъ, но скрасть не могъ и птица улетѣла; между-тѣмъ теченіемъ повернуло лодочку восторону; въ попыхахъ схватясь за весло, онъ позабылъ отвести курокъ и какъ-то при приставаніи къ сѣтямъ, за него зацѣпился завязками бредовыхъ торбасовъ, ружье выстрѣлило и раздробило Курочкину большой палецъ правой руки. Мнѣ предстояло болѣе труда успокоить оробѣвшаго байдарщика, нежели подстрѣленнаго. Тунгусъ поступилъ въ фельдшера, рану обсыпали *pylvis stypticus* и палецъ вложилъ въ берестяной лубокъ; чрезъ два мѣсяца остал-

* Предметы зоологій, энтомологій и этнографіи представлены въ Россійскую Императорскую Академію Наукъ.

ся одинъ шрамъ; однако въ первые дни мы опасались воспаления; трое сутокъ не могъ спать бѣдный Курочкинъ; со всѣмъ тѣмъ, во вторую ночь, не желая невольнымъ стenaniемъ нарушать покой своихъ товарищей, больной подмѣтилъ гулявшаго близъ берега бобра и успѣлъ его убить лѣвой рукой.

Съ 16 мая начали спускаться къ нашей артели съ промыслами и какъ это были туземцы рѣки Юнна-ка, то мы обходились другъ съ другомъ какъ старые знакомые; только трое изъ ихъ соплеменниковъ прїѣзжали съ Квхпака. Веселое это племя насъ развлекало; пѣсни и пляски продолжались всю ночь, а съ зарей всѣ спѣшили въ обратный путь, сказывая, что торопятся встрѣтить верховыхъ жителей Юн-а, приходящихъ къ рѣкѣ только чтобъ запасть рыбу.

19 мая спущена на воду неводная лодка, вмѣсто гвоздей шитая вересомъ. За пенинiемъ перки для верченiя дыръ, ухитрились сдѣлать нѣчто подобное изъ сломаннаго бурава. Къ 26 окончена неводъ и для удовлетворенiя своего самолюбiя долженъ прибавить, что эта работа произведена собственно мною. По рыболовству я оказался самымъ свѣдущимъ человѣкомъ въ Нулато; наглядность этого производства прiобрѣлъ я въ службѣ на рыбномъ морѣ Хвалынскомъ. По причинѣ высокой коренной воды, не имѣя возможности приступить къ поставокѣ запоровъ, съ 28 мая мы постоянно въ двадцать тоннъ доставали отъ двадцати до тридцати сиговъ, то есть въ рѣдкую тоню двѣ рыбы. Этого было бы весьма недостаточно для насыщенiя двѣнадцати человѣкъ, десяти собакъ и пяти щенковъ, но мы расходовали вѣчно, сами убили четырехъ бобровъ, столько же купили у туземцевъ и временемъ приносили когда утку, когда и пару изъ расположившихся выводить дѣтей на ближайшихъ озерахъ.

Туземцамъ на своихъ легкихъ берестяныхъ лодочкахъ было довольно удобно подыматься вверхъ по теченiю среди лѣсу и хламу, но у насъ не ставало для того силы и мы принуждены были дожидаться исполненiя воды; къ тому умѣренныя, по порывистые вѣтры, изъ сѣверно-восточной четверти, дувшіе постоянно первыя числа iюня, были для насъ противны. Замѣтя, что суточная прибыль воды на третье iюня уменьшилась, мы расположились отправиться въ ночь съ четвертаго на пятое.

Вмѣсто Курочкина поступилъ къ экспедициѣ изъ команды артели уроженецъ Калифорнiи Креолъ Никифоръ Талижукъ, знающій приморскiй языкъ и весьма способный понимать всѣ туземныя нарѣчiя.

Мы удостоверились опытомъ, что собственно подарки туземцевъ не считаютъ ни во что: другое дѣло подарки послѣ расторженія: тутъ онѣ полагаютъ, что выторговать вещь, которую получаетъ въ придачу. Чтобы не испортить будущности торговли заселенія нашего въ Нулато и самому примѣниться къ цѣнности пушныхъ промысловъ въ верховьи Квихпака, я рѣшился взять часть товаровъ собственно для покупки мѣховъ.

Байдара была разбита на шесть веселъ по барказному, мѣ приходилось сидѣть на кормѣ; править весломъ на большомъ теченіи тяжело, но не даромъ составилась пословица: «Голь хитра на выдумки»: дверцыя крючья замѣнили рулевыя, сковородныя ручки согнулись въ петли и руль былъ навѣшенъ обыкновенный.

Грузъ состоялъ слѣдующій: 21 пудъ сухарей, то есть, на три мѣсяца, считая по пуду въ мѣсяць на человѣка, 1 пудъ 30 фунтовъ сухарей для угощенія туземцевъ и Татлѣка, взятаго въ этотъ походъ толмачемъ; 30 фунтовъ ветчины, 13½ фунтовъ чаю, по 8 фунтовъ сахару на человѣка; 13 фунтовъ соли; 18 фунтовъ пороху и патроновъ, 1 винтовка, 2 дробовика, 2 фузен, 6 пистолетовъ, 4 топора, 1 пальма, чемоданъ съ астрономическими инструментами и палатка.

Собственно изъ товаровъ было взято: 20 фунтовъ табаку, 11 фунтовъ бисеру бѣлаго, краснаго и чернаго; 80 нитокъ бусъ стальнаго цвѣту, 6 паръ серегъ бронзовыхъ; 24 пары серегъ съ стеклянными подъ эмаль подвѣсками; три пары браслетъ мѣдныхъ, 2 пары желѣзныхъ; 4 гамзы якутскихъ, 75 шелкушекъ; 40 колокольчиковъ, 6 гребней роговыхъ; 4 огнива, 3 небольшихъ зеркала; 4 ножа якутскихъ; 9 ножей чичельныхъ; 8 топоришковъ алеутскихъ; 400 иглъ; 22 перстня мѣдныхъ; 6 трубокъ оловянныхъ; 517 штукъ цуклей; 10 пуговицъ дутыхъ; 20 пуговицъ форменныхъ морскихъ.

^{28 мая}
^{9 июня} 1843 года хронометръ состоялъ позади средняго времени въ Нулато на 1 часъ 10 минутъ 09.69 секундъ.

Суточный его уходъ былъ — 0.85 секунды *.

4 июня. Въ десять часовъ вечера, помолясь Богу, мы простились съ нашими нулатовскими сотоварищами. Куда мы пошли, сами не знали, но льстились надеждою, что достигнемъ хребта, отдѣляющаго британскія владѣнія отъ нашихъ. Я предполагалъ,

* Склоненіе компаса принято въ сей походъ 31° восточное. Не имѣя помощника, который вѣрно пеленговалъ бы солнце, во время моихъ обсервацій высоты, я занимался обилиемъ наблюденіями однимъ, но не представляю основательныхъ выводовъ, потому что не увѣренъ въ ихъ точности.

что намъ привелось разрѣшить гипотезу сира Мекензи относительно истиннаго направленія *Большой Рѣки*, протекающей къ западу отъ Каменнаго Пояса. Не сомнѣваясь, что онъ точно слышалъ о рѣкѣ Квхпкакъ и никакъ о Сумятнак'ѣ, впадающей въ Кенайскій Заливъ, я здѣсь, въ началѣ долженъ признаться, что труды наши касательно этого вопроса пропали почти даромъ, потому что обзоръ Квхпкака на протяженіи двухъ сотъ миль къ верху отъ Нулато, не можетъ быть принятъ окончательно удовлетворительнымъ.

5 іюня. Мало облачно до семи часовъ вечера тихо, потомъ NNO свѣжій.

Въ три часа утра, найдя близъ одного разлога не потопленную площадку, мы остановились для отдыха, пройдя отъ Нулато не болѣе четырехъ миль. Теченіе вообще сильное, при выдавшихся утеснятыхъ мыскахъ рветъ, какъ говорится, съ огня; одна изъ такихъ мысовъ, на протяженіи пятидесяти или шестидесяти сажень, мы огребали ровно сорокъ минутъ. Вскорѣ послѣ остановки подплыли къ намъ три лодки торговцевъ съ рѣки Юниакъ; отъ нихъ къ обѣду мы поживились журавлемъ, и еще не отвалили съ мѣста, какъ сдѣлавъ свои промысла въ Нулато, они соединились съ нами.

Палатка оказалась тѣсною для осьми человѣкъ, но главное чтобъ не быть безноконному отъ команды при запискѣ журвала и производствѣ астрономическихъ вычисленій, я сшилъ себѣ въ Нулато пологъ изъ крашевины, подобный тѣмъ, какіе обыкновенно употребляются астраханскими рыбаками. Не замѣчая большихъ комаровъ во время ночи, мы полѣнились поставить свои палатки и зато заплатили безсонницею. Не сказать о комарахъ и мускитахъ ни слова, значило бы умолчать объ ошутительнѣйшемъ мученіи, которое привелось намъ испытать во время этого похода, мученіи, къ которому привыкаешь какъ къ необходимому злу, но не имѣешь ни средствъ ни воли отъ него освободиться.

Туземцы избавляются отъ докуки комаровъ, держа предъ собою годовню гнилаго дерева. Изъ насъ, при началѣ пути, нѣкоторые надѣвали сѣтки изъ оставшагося отъ очковъ сита, но удушьяемые жаромъ, скорѣ бросили всѣ предосторожности и притерпѣлись.

Въ четвертомъ часу, когда жаръ нѣсколько опалъ, мы пустились далѣе. Быстриной при утесѣ Илькутляля отбросило насъ къ лѣвому берегу. Слѣдуя вдоль него болѣе миль, нечувствительно заѣхали въ заводъ, о которой только тогда догадались, когда увидѣли, что выходъ прегражденъ множествомъ каршой, замытыхъ

на косяхъ, въ мезень выдавшійся почти на половину ширины рѣки. Ворочаться было далеко, попытался переташиться по малаку и условія наши увѣнчались успѣхомъ. Вплоть къ берегу, на песчаномъ мысу, отъ котораго протягивается коса, стоялъ заборъ; туземецъ вынималъ изъ него нѣсколько рыбъ. На обходѣ запора нашолъ веревкомъ свѣжій вѣтръ отъ NNO; поспѣшили пристать къ берегу и отъ прибоя вытащили байдару на песокъ; это было къ нашему счастью; при выгрузкѣ замѣтили, что забыли ящикъ съ вѣтчиною и солью. Въ вѣтчиѣ заключался весь нашъ запасъ на крайній случай; безъ соли мы не могли обойтись; сосѣдъ туземецъ согласился съѣздить за ними въ Нулато.

Мы расположились было на ночлегъ, какъ пожаловали двѣ женщины, жены посланнаго въ Нулато. Одна изъ нихъ привезла новую трубку, забытую зимою на жилѣ Кахлахлякакатъ; за такую честность я подарилъ правившуюся ей копалку отъ трубки и двѣ иглы. Пріѣзжія занялись съ Татлѣкомъ разсказами, я сталъ засыпать въ своемъ пологу; вдругъ необычайный крикъ на противной сторонѣ заставилъ насъ вскочить. Не смотря на свѣтъ сѣверной ночи, по причинѣ тѣни отбрасываемой берегами мы не могли разобрать въ чемъ дѣло; гости бросились въ лодочки, Татлѣкъ выпросился имъ сопутствовать. Возвратясь по утру онъ разсказалъ намъ, что ѣхавшіе съ нами торговцы загнали оленя, который вздумалъ было переправиться на луговой берегъ.

6 июля. Мало облачно, NNO умѣренный.

Дожидался забытой провизіи, этотъ день провели на мѣстѣ.

7 июля. Мало облачно, утро тихо; полдень NNO умѣренный; вечеръ NO свѣжій.

Пользуясь тихимъ временемъ, мы отправились съ пяти часовъ утра и начали тѣмъ, что вторично переправились на правую сторону, къ временному лѣтнику туземца, ѣздившаго по нашему порученію въ Нулато. Жители еще спали, но шумъ веселья поднялъ всѣхъ на ноги. Послѣ недолгихъ переговоровъ съ Татлѣкомъ одинъ изъ проѣзжающихъ вызвался провожать насъ по Квихнаку и это было тѣмъ для меня пріятіемъ, что Татлѣкъ, не бывъ дальѣе устья Юнна-ка, не понималъ и нарѣчій верховыхъ племенъ. На нашъ пай досталось фунтовъ десять свѣжаго мяса изъ добытаго третьяго дня оленя.

Держась праваго берега мы шли протокомъ между острововъ, и въ пять часовъ по полудни достигли жила Умыльгачтхохъ. Жителей ни кого не было: одни уѣхали на луговую сторону на про-

мысель ленивых гусей, другие, для ловли сига и щуки в оврагах. Новый проводникъ сказывалъ, что отъ этого мѣста, мы долго не увидимъ туземныхъ жилищъ, и это обстоятельство побудило насъ взять изъ здѣшнихъ кормовыхъ бараборъ нѣсколько сухихъ провизій; въ замѣнъ положена приличная плата. Познакомясь съ туземными обычаями, я могъ безъ опасенія брать часть ихъ запасовъ и въ такомъ случаѣ, если бъ и не имѣлъ чѣмъ заплатить. Многіе путешественники, какъ наши такъ и иностранные, приписываютъ кореннымъ жителямъ Сѣверной Америки корыстолюбіе, какъ врожденную страсть; это готовъ подтвердить и я, но только въ тѣхъ племенахъ, которыя, чрезъ столкновение съ Европейцами, познакомились съ существительными — богатство и нищета. Человѣкъ, руководимый природою, подозреваетъ, но не пользуется своимъ — я. Примѣръ дѣлаетъ много.

Полой водой затопило тальники, растущіе на прибрежной лайдѣ, и тѣмъ доставило покойное мѣсто для байдары, не взирая на засвѣжившій вѣтеръ отъ NO.

Чтобъ какъ-нибудь легче звать новаго проводника, команда назвала его «Вторникомъ»; туземецъ скоро выучилъ свое имя. Въ ночь замѣчено, что прибыль воды остановилась.

8 июня. Облачно; просіяніе солнца; до двухъ часовъ за полдень NO свѣжій, вечеръ тихо. По полуденной высотѣ солнца опредѣлена широта жила $64^{\circ} 53' 23''$, долгота по хронометру $157^{\circ} 33' 04''$ къ западу отъ Гринвича.

Къ шести часамъ по полудни стихло и мы отвалили. Подойдя къ утесу Уныльгача, быстротою теченія опять были отброшены къ лѣвому берегу. Ширина рѣки въ этомъ мѣстѣ до полу-мили. Легко можно сообразить, сколько терлется мѣста на такихъ перевалахъ при теченіи болѣе пяти миль въ часъ^{*)}, и потому не распрощаюсь въ доказательствахъ, что къ показываемому мною переходу, въ тотъ день, въ который случались перевалы, чтобъ получить точное опредѣленіе пройденнаго разстоянія, можно безошибочно придать еще половину.

Къ устью Юнна-ка, Квихпакъ протекаетъ отъ SO 36° довольно прямымъ плесомъ миль двѣнадцать длины и одной съ четверть юширины. Многіе узкіе, но длинныя и лѣсистыя островки, скрадывающіе ширину рѣки, соединены между собою пе-

* Это въ водополь; со всѣмъ тѣмъ и въ неженъ есть много такихъ мѣстъ по Квихпаку, на осмотрѣнномъ нами протяженіи, которыя не возможно обойти на греблѣ.

станными косами, обозначившимися по скатѣ коренной воды. Мы ночевали на лѣвомъ берегу, при лѣтникахъ и кормовыхъ бараборахъ жителей Нокхакать.

Ночью подъѣзжали къ нашему стану три лодочки туземцевъ Цонагогхляхтенъ, которые узнавъ, что въ Нулато достаточно пуклей, отправился туда для сдачи вымѣненныхъ промысловъ.

Идя противъ теченія, временемъ тѣды или хода невозможно и приблизительно опредѣлить пройденныя разстоянія. Избѣгая быстроты теченія, лѣнившись вплоть къ самому берегу, слѣдуя за всеми его изгибами; сверхъ того зачастую случается, что близъ утесовъ и обрывныхъ теченіемъ яровъ, саженъ сто огребаешь долѣе, нежели милю идя по заводу. Время перегреба отъ берега къ берегу также слѣдуетъ исключить, и потому замѣчая по компасу одинъ главный плеса рѣки, я кладу на каждомъ ночлегѣ, прямо на заранѣе составленную карту, *антретно* пройденныя разстоянія; и сколько то допускаетъ *плысходная опись*, обрисовываю берега съ означеніемъ окружныхъ горъ. Астрономическія наблюденія, даютъ мнѣ возможность исправлять неизбѣжныя ошибки такого рода описи.

9 іюня. Облачно, просіяніе солнца; до четырехъ часовъ по полудни тихо; потомъ, послѣ шквала, до полуночи SO умѣренный. Съ десяти часовъ утра до осьми часовъ вечера громъ въ юго-восточной сторонѣ.

Чтеніе перегребовъ столь же утомительно какъ и на дѣлѣ, но я принужденъ ихъ показывать въ руководство будущимъ послѣдователямъ. Не вѣкъ же брать проводниковъ. Впрочемъ и самое плаваніе совѣтую совершать на байдаркахъ, какъ на судахъ болѣе легкихъ и удобныхъ къ перевозкѣ. И такъ нынѣ, мы начали путь переваломъ на правую сторону и чрезъ небольшой протокъ пришли на знакомое жили Токхакать. Мужчины были въ отлучкѣ, женщины скудно пропитывались сѣточной ловлей сига. Проведя съ полчаса на жилѣ, мы продолжали плаваніе то протоками то рѣкою, и въ четыре часа пополудни, по намедшедшему отъ SO шквалу съ дождемъ, пристали къ берегу и вытащили байдару для просушки.

Къ большому моему сожалѣнію, я оставилъ термометръ привинченнымъ къ дереву на жилѣ Упыльгачтохъ. Въ ночь пало воды на два дюйма.

10 іюня. Облачно, просіяніе солнца; до четырехъ часовъ по полудни маловѣтріе SO; потомъ, послѣ крѣпкаго шквала, NO свѣжіи.

Давъ нѣсколько провѣтрить лавтаку съ полденъ мы пошли на

гребль подгь правого берега къ утесу Иситля, футъ до ста-пятидесяти высоты. Противъ него, довольно обширнымъ островомъ рѣка раздѣлена на два протока, каждый шириною не болѣе ста-пятидесяти сажень. На югъ отъ утеса къ лѣвому берегу прилегаеть подошвой однокая сонка Потагашъ футъ шести-сотъ высоты, составляющая крайнюю оконечность хребта, раздѣляющаго воды рѣкъ Квихпака и Инпо къ или Шильтовотно. У ея подошвы, при устьѣ небольшой рѣчки того же пмени, находится туземное жило Ташомгонъ. Обогнувъ утесъ Иситля, мы вочевали на островѣ. Воды скатилось пятнадцать дюймовъ. На небольшой выказавшейся песчаной косѣ, ночью часовому удалось убить пару гусей. Татлѣкъ ѣздившій на жило къ родственникамъ за бисеромъ, возвратился съ однимъ старикомъ, отъ котораго, сверхъ нѣсколькихъ соболей, мы получили по юколѣ на брата.

11 Июля. Утро малооблачно; тихо съ полденъ; послѣ шквала, до пяти часовъ, O\O умѣренный; въ ночь тихо.

Отъ мѣста ночлега мы шли близъ трехъ миль протокомъ шириною не болѣе семидесяти пяти сажень; на выходѣ изъ него Татлѣку удалось убить гуляющаго бобра, который по существующему у туземцевъ обыкновению, что каждый звѣрь добытый на чужихъ водахъ принадлежитъ хозяину мѣста, былъ подаренъ сопровождавшему насъ старику, а отъ него перешелъ къ намъ. Перегребя къ лѣвому берегу и пройдя миль полторы, въ полдень опредѣлилъ широту мѣста $64^{\circ} 17' 33''$, долготу по хронометру $157^{\circ} 02' 53''$. При мѣстѣ обсервацин Квихпакъ протекаетъ въ одномъ руслѣ съ милою шириною. Переждавъ вѣтеръ, дувшій до пяти часовъ вечера, мы еще подвинулись на двѣ съ половиной мили по главному направленію къ SO 48° .

«Вторникъ» отпросился на свое жило за бисеромъ для переторжекъ съ верховыми жителями. По его словамъ оно находится на правой сторонѣ Квихпака въ вершинѣ небольшой рѣчки, вытекающей изъ озера, которое снабжаетъ туземцевъ въ довольномъ количествѣ рыбу. Байдару вытащили для просушки.

12 іюля. Облачно; просіяніе солнца.

Будучи вынуждены провести двое сутокъ на мѣстѣ, Тунгусъ и толмачъ, какъ умѣющіе ѣздить на туземныхъ утлыхъ судахъ, отправлены съ сѣтками на оказавшуюся косу правой стороны. Я забылъ упомянуть, что по веснѣ для развѣзда стрѣльцамъ, мы запаслись двойной берестяной лодочкой, которую для предохраненія отъ частыхъ печниковъ обтянули сіучьимъ лавтакомъ; лодочку

ведемъ на буксирѣ. Въ три часа по полудни, вѣшалъ внезапно жестокой шквалъ отъ NO съ дождемъ и громомъ, налатки сорвало и обрытой пристани какъ не бывало: мы остались на крутомъ ярѣ саженъ четырехъ высоты. Нужно ли пояснять опасность такихъ шкваловъ на пути! Въ водопадъ берега приглубы, отрубисты; прибой разводитъ въ минуту; не успѣешь не только вытащить байдары, ниже спасти отъ подмочки пожитки — захлещетъ; а на мѣстахъ подобныхъ тому, на которомъ случилось намъ расположиться, безъ большой опасности не выбраться и людямъ.

13 июня. Облачно и просіяніе солнца; NNO свѣжій съ порывами. Съ восхода и до половины пятого утра, видны были два хорошо означенныя побочныя солнца.

И безъ отлучки проводника, этотъ день привелось бы намъ провести на мѣстѣ. Къ обѣду кое-какъ переѣхали стрѣльцы; привезли трехъ гусей и утку и двѣ штуки рыбы, называемой туземцами чинтагноя. По особому расположенію рта, Русскіе прозываютъ ее «подъ рыломъ ротъ». Рыба эта ловится по всему Квихнаку и Кускоквину, мѣстѣ съ сигами малаго рода, круглый годъ, но никогда въ большомъ количествѣ; мясо имѣетъ бѣлое, тѣло довольно овальное, хребтовое и плавательныя перья красныя, длиною до полутора фута и менѣе; образованіе головы подходитъ къ стерляжей, чешуя по всей рыбѣ мелкая; на вкусъ жидка, не жирна и не въ уваженіи у туземцевъ.

14 июня. До полудня тихо, мало облачно, съ трехъ часовъ до шести проливной дождь, въ отдаленіи громъ, SO умѣренный; послѣ, тихо, облачно съ просіяніемъ солнца.

Въ половинѣ осьмага утра возвратился «Вторникъ» съ тремя товарищами; отъ нихъ куплено два вяленыхъ бобра и до шестидесяти штукъ не досушенныхъ сиговъ, съ порядочнымъ запахомъ, но къ такой пищѣ мы давно привыкли. Покупка обошлась довольно дорого, потому что торговцы, исключая бисера и цуколь, ничего не брали.

Купу горъ, выше двухъ тысячъ футовъ, ту самую, которую Ма-лаховъ видѣлъ на NNO по компасу, отъ мѣста своего возврата, туземцы называютъ Хольтхагеля. Она отъ насъ на NO 62° въ двадцати пяти или тридцати миляхъ. По другую сторону рѣки, цѣпь обнаженныхъ, островершинныхъ горъ, отстоящая отъ насъ миляхъ въ пятнадцати или двадцати, отдѣляетъ племя Такаак-

санцевъ отъ племени Юнна-ка-хотана, расселившись по этимъ мѣстамъ Квххпака. Ни тѣ, ни другіе хребта не переходятъ.

Къ шести часамъ стихло. Пройдя съ милою возгъ того же берега, перевалили къ правому; ночевали, войдя въ довольно узкій протокъ, обсыхающій предъ рѣкоставомъ. Гора Нотагашъ видна съ мѣста ночлега на NW 80° въ семи миляхъ.

15 юнл. Облачно, временемъ просіяніе солнца. Утро тихо, полдень OSO ухтрешный, вечеръ тихо.

Воды скатилось болѣе сажени. На выходѣ изъ протока мы вѣсколько разъ становились на каменную косу, состоящую изъ голышей гранитныхъ породъ. Переправясь къ лѣвому берегу и оставя за собой порядочную рѣчку Нотагаша, по словамъ туземцевъ мало пзобильную бобрами, въ полдень опредѣлили широту мѣста 64° 42' 44". Горы Хольткхагеля пелеговали на NO 53°. Вытекающая изъ нихъ рѣчка Цумявуга «Еловая» находилась прямо на сѣверъ отъ обсервованнаго пункта. По словамъ «Вторипка» по этой рѣчкѣ много промышляютъ бобровъ; въ милѣ отъ ея устья къ верху тянутся по правому берегу сажень на триста песчаные утесы футовъ до двухъ сотъ высоты; туземцы называютъ ихъ Банкатаньего; это крайній пунктъ поспковъ Малахова по Квххпаку. Мы ночевали на каменной лайдѣ лѣваго берега, пройдя милл двѣ за утесы.

16 юнл. Облачно, просіяніе солнца. Утро тихо, полдень NO ухтрешный; съ пяти часовъ до осьми сильный дождь и громъ, вечеръ тихо.

Рѣка протекая отъ юга, въ этомъ мѣстѣ разбита многими островками. Перегребя на правую сторону и пройдя однимъ изъ протоковъ милл четыре, мы подошли къ горамъ и давно желанному бичевнику. Крайній яръ прибрежной цѣпи горъ праваго берега туземцы называютъ Хамынчхтенъ. «Брусковый» согласно словенію его горнокаменныхъ породъ. Квххпакъ въ этомъ мѣстѣ до полуторы милл ширины въ руслѣ. На южномъ берегу вѣсколько восточнѣе утеса видѣются змивки жила Тялалъка-хатъ. По словамъ проводника туземцы этого жила суть послѣдніе постоянные обитатели, на берегахъ Квххпака; далѣе къ верховью племени, разсѣяныя по матерку, выходятъ къ рѣкѣ только запасаться рыбою.

Квххпакъ отъ мыса Хамынчхтенъ до устья Юнна-ка протекаетъ по обширной низменной равнинѣ, устьянной множествомъ небольшихъ озеръ, изъ которыхъ пмѣющія потоки въ рѣку изобилуютъ рыбою. Отроги хребта, раздѣляющаго прптоки Квхх-

пака отъ Инно-ка, выдаются къ лѣвому берегу рѣки сопкою Нотаганъ; но далѣе къ востоку тянутся за паралель мыса непрерывнымъ кряжемъ футъ до тысячи высоты. Утесъ Иствля состоящій изъ крупнозернистаго песчаника, есть оконечность не высокаго ряда холмовъ, простирающихся отъ горной купы Хольтхагеля. На всемъ этомъ протяженіи рѣка рѣдко гдѣ мѣше мила шириною, но мѣстами разбита островами на многіе протоки, изъ которыхъ одни въ межень совершенно обсыхаютъ, другіе напротивъ очень глубоки.

Крупный еловый лѣсъ, тополь, береза въ два и три обхвата, осина, ольховникъ, тальники четырехъ видовъ, опушаютъ берега рѣки, но не простираются внутрь материка далѣе десяти миль, развѣ только по побочнымъ рѣчкамъ и горнымъ разлогамъ. Строевой лиственки не видно, по дюйма четыре въ діаметръ попадаетъ кучами по обоямъ берегамъ Квикпака, на сухой тундрѣ. Изъ плодовыхъ кустарниковъ, растетъ по лѣсу множество черной и красной смородины, малины, шиповнику и калины; изъ съдочныхъ растений на угорахъ мы собрали въ изобиліи лѣсной дягильникъ «*Angelica Sylvestris*» или пучки; тучи комаровъ не пускали на герборизаціи далеко отъ берега.

Выйдя на бечеву, мы отдохнули: я отъ безмятного и скучнаго управленія рулемъ, команда—отъ часто напряженной гребли. До обѣда мы прошли бичевою около осьми миль по главному направленію къ NO 77°; въ полдень обсервационная шпрота 64° 39' 22", долгота по хронометру 156° 27'. Сѣверный нагорный берегъ состоитъ изъ яровъ отъ двухъ-сотъ до трехъ-сотъ футъ высоты, покрытыхъ свѣжею зеленью и лѣсомъ; Квикпакъ близъ миль ширины протекаетъ величественно въ одномъ руслѣ. На многихъ угорахъ видны раскрашенныя разными фантастическими фигурами ловушки на росомахъ: туземцы полагаютъ, что духъ жизни низпосылаетъ лучшую добычу тому, кто имѣетъ въ красивомъ видѣ оружіе и другія принадлежности промысловой части. Въ пять часовъ по полудни гроза и ливень принудили насъ остановиться въ пяти миляхъ отъ мѣста обсерваций. Температура воздуха чувствительно измѣнилась. Ночью пала холодная роса; отъ нея, на нѣкоторое время пропали комары.

17 іюня. Мало облачно, тихо.

Чтобъ размять ноги, я съ самаго утра шелъ берегомъ. Идти порожнему, не то что тащить какое-бы-то ни было легкое судно, а вотъ разговаривая съ проводниками на русско-индианско-чуг-

шестекомъ языкѣ, мы ушли отъ своихъ за полили. Время подходило къ обѣду. Оглядывая мѣсто удобное для обсерваціи, я увидѣлъ за мною впереди едва разстывшійся дымокъ и указалъ его Татлѣку, тотъ приподнялся изъ лодочки, всмотрѣлся и затанулъ было свое г-э-э-э! соответствующее нашему ау! На спросъ мой о причинѣ крика, я получилъ въ отвѣтъ, что то должны быть люди съ рѣки Тлегонъ, то есть вершины Инчо-ка, и приказалъ молчать: мнѣ хотѣлось врасплохъ найти на отдыхавшихъ. Подойдя ближе, мы сосчитали шесть одиночныхъ и двѣ семейныхъ лодочекъ. Имѣя при себѣ пару карманныхъ пистоле-товъ, я не поджидалъ байдари. Подъ навѣсомъ нѣсколькихъ вѣтвей, едва защищающихъ отъ солнца, накрытые оленьими одѣ-лами, дикари поклонились крѣпкимъ сномъ; нѣсколько собакъ, осо-бой отъ бѣзовыхъ породы, привязанныя къ кустамъ, поджимали подъ себя хвосты; нарты, ланки, сакш, морды и прочія домаш-нія принадлежности сѣвернаго хозяйства раскиданы были тамъ и сямъ. Не доходя сажень двадцати до стана, проводники не утер-пѣли, гаркнули свой привычный окликъ, и вмигъ до дюжины человѣческихъ фигуръ всѣхъ возрастовъ, очертя голову, броси-лись кто куда попало; одинъ изъ нихъ кинулся было за копьемъ, но запутавшись въ рыболовную сѣть полетѣлъ вверхъ ногами. Дѣй-ствіе перемѣнилось. Перепуганные бѣдняки принялись смѣяться надъ собратомъ и совершенно успокоились послѣ разказа «Втор-ника» что русскій тоенъ идетъ дарить тѣхъ, которые продаютъ бобровъ его землякамъ. Такой предлогъ в словомъ и дѣломъ былъ распускаемъ мною съ начала прихода въ Нулато, чтобы при обзорѣнн адѣшняго края отклонить всякое подозрѣніе торговцевъ рѣки Юнпа-ка, которымъ стороною подсказывали смѣтливые Улу-каг-мыты настоящую цѣль нашихъ походовъ и изслѣдованій.

Вотъ сущность разказа дикарей о ихъ странѣ. Но чтобъ не повести нарѣканій въ будущемъ, считаю долгомъ объяснить, что всѣ свѣдѣнія собранныя мною, какъ здѣсь отъ туземцевъ пле-мени Тлегонъ-хотана, такъ и отъ встрѣчаемыхъ впоследствии, доходили до меня слѣдующимъ порядкомъ: На мои вопросы ту-земцы отвѣчали «Вторнику,» тотъ пересказывалъ Татлѣку, этотъ толмачу креолу нашей калифорнской колоніи, а этотъ послѣдній мнѣ; такимъ образомъ и вѣрно переданныя показанія могли быть искажены чрезъ изустныя передачи толмачей, едва понимающихъ другъ друга.

«За этими горами, рассказывали дикари, показывая на полдень, есть рѣка Тлѣгонъ или Инчо-ка, по которой живетъ наше племя или

родственниковъ, что у нихъ одѣя и то же; вѣтвля рѣки не знаемъ, потому что въ ту сторону не ходимъ *. Наша рѣка мѣсто этой, но по ея притокамъ промышляемъ бобровъ и выдѣль доломита; въ лѣсахъ достаемъ много соболей; лѣсками славится нашъ край. Промысла свои вывозимъ сюда или спускаемъ внизъ по своей рѣкѣ и мѣняемъ тамошнимъ жителямъ за бѣлый и черный бисеръ, цукки, желѣзо и табакъ. Знаемъ еще, что южнѣ нашей течетъ другая большая рѣка, и нѣкоторые изъ нашихъ соплеменниковъ достаютъ оттуда, между прочими вещами, и такую же одежду какъ и на насъ. На рѣку Юн-а переходимъ въ разныхъ мѣстахъ, послѣ оленней охоты, но настамъ; здѣсь строимъ лодочки, промышляемъ по протокамъ бобровъ, сушимъ юколу и по первому свѣту возвращаемся къ себѣ. Большихъ жиль у насъ нѣтъ а живемъ, гдѣ кому приглядиѣ.

Я просилъ указать направленіе переноса, по которому они вышли къ Квихпаку, и они показали на OSO праваго компаса. Известно, что разстоянія мѣсть коренные жители Сѣверной Америки мѣряютъ числомъ ночлеговъ или приваловъ; и такъ десять стоянокъ насчитали мнѣ туземцы Тлегона въ теченіи своего перехода на рѣку Юн-а, но познакомясь съ многословіемъ ихъ разсказа, нельзя положиться на это счисленіе; мы испытали, что ихнее «далеко», близко нашему «рукой подать». Дикарь, разсказывая о своемъ пути, ничего не пропуститъ: мѣста, на которомъ куритъ трубку, пилъ воду, видѣлъ какого звѣря, и прочая, и при каждомъ такомъ происшествіи загибаетъ палецъ счета отдыховъ или остановокъ. Надобно имѣть особенную свѣтку и тому, кто ихъ нѣсколько повиннаетъ, а мнѣ считающему загнутые пальцы, по совѣти, можно ли брать на себя авторитетъ и утверждать положительно, что десять становеньевъ составляютъ десять дней перехода. А на подобныхъ заключеніяхъ о дальнихъ и малоизвѣстныхъ странахъ, сколько есть прелюбопытныхъ путешествій!

Оставя дикарей, мы прошли послѣ обѣда еще около осьми миль по этому же направлевію; на пути видѣли трупъ молодого сохатаго или лося, вѣроятно утонувшаго во время полноводія.

Идя подлѣ горы, мы ощущаемъ еще одно удовольствіе, кото-

* По осени получа изъ Ново-Архангельска очеркъ пути отряда П. Комакова, я легко сообразилъ что рѣка Леговъ, по которой онъ прокидѣлъ отъ вершины почти до устья, есть именно та рѣка Тлеговъ, о которой мнѣ разсказывали вышѣ ея туземцы.

рато не имѣли со времени вскрытія рѣки: пьемъ чай настоенный на прозрачной водѣ многочисленныхъ горныхъ потоковъ. Примоните, чай и сухари составляютъ за частую единственную нашу пищу. Наменувъ на воду, я долженъ прибавить, что вода Квихпака ни молочнаго цвѣту Куры, ни красноватаго Аракса не имѣетъ, но и желто сѣрвата, и на трехъ-ведерный боченокъ въ три дна дала почти одну шестую отстоя; впрочемъ вода Квихпака, какъ и благословенной матушки Волги, весьма здорова. Эти наблюденія произведены были во время пребыванія нашего въ Нулато; въ походѣ мая, съ заморозами вода становится чиста.

Въ первомъ часу за полночь подплыли къ намъ въ числѣ шести лодочекъ три человѣка мужчинъ и три женщины съ двумя грудными дѣтьми, также племянн Глѣгонъ-хотапа. Раздѣлявшіеся подарками, гости просили позволенія выполнить свой религіозный обрядъ встрѣчи. За исключеніемъ часоваго остальные спали, но я полюбопытствовалъ узнать въ чемъ состояло дѣло. Отыскавъ востокъ, мужчины стали въ линію, лицомъ въ ту сторону. Крайнія молодыя туземцы, выдернувъ изъ косъ ястребиныя перья и держа ихъ въ обѣихъ рукахъ, заплѣли одну изъ незнакомыхъ намъ пѣсень, слегка наклонясь всѣмъ тѣломъ впередъ и въ тактъ голоса, пристуная на правую ногу; средній поплыхъ лѣтъ, со исключеными, орлинымъ пухомъ посыпанными волосами, послѣ первыхъ звуковъ, началъ дико озираться во всѣ стороны, вскорѣ зашатался и въ судорожныхъ движеніяхъ сначала бормоталъ какія-то слова, потомъ залаялъ, затыкалъ, завылъ по волчьи, закричалъ по вороньи, по сорочьи.... пѣна клубомъ била изъ его рта... Пляска продолжалась минутъ десять и дикари уѣхали. Миѣ стало грустно: чтѣ это, думалъ я, просто ли обычайная пляска или еще черта связи человѣка съ міромъ непонимымъ. Заснувъ въ четвертомъ часу утра, я забылъ отдать приказанія о походѣ.

18 іюня. Мало облачно. Утро, тихо; полдень, SW умѣренный; вечеръ, тихе.

Ребята, разсудя, что вчера я долго писалъ и бесѣдовалъ съ проживавшими, вздумали дать миѣ отдыхъ. Я проснулся близъ осьми часовъ, побранился и остался до полдня для наблюденій. Широта мѣста найдена $64^{\circ} 42' 01''$, долгота по хронометру $155^{\circ} 49' 50''$. Мы почевали пройдя бичевой слишкомъ десять миль; пробовали было ставить парусъ, но по быстротѣ теченія безъ всякаго успѣху. Байдару для просушки вытащили на берегъ.

19-20 июня. Мало облачно. Днедь N свѣжій, въ ночь тажд.

Оставались на мѣстѣ, какъ для просушки лаптика, такъ главнѣйше для починки обуви. Охотники дѣлали въ горахъ поимки на оленяи: одного не могли скрасть, по другому дали маху. Шпрота мѣста опредѣлена 64° 42', 50'', долгота по хронометру 155° 26'-41''. Въ знакъ пребыванія экспедиціи поставленъ на горѣ крестъ. Нѣсколько выше нашего становья Квихпакъ по лѣвую сторону отдѣляетъ довольно значительный протокъ, называемый туземцами Нотлягелята; устье его соединяется съ главныиъ русломъ рѣки подъ жиломъ Тлялилькахатъ.

21 июня. Облачно, временно просіяніе солнца, SW тихій.

Подымаясь ближе къ верховью, теченіе становится ощутительно быстрѣе. Коренная вода пала; отъ береговъ вытянулись каменныя косы. Во многихъ мѣстахъ среди рѣки выказался розсыпи. Обходя одну изъ нихъ, мы попали на мель, при чемъ отлетѣлъ пажій рулевой крюкъ. Къ счастью струя свѣтлой воды отбиваемая теченіемъ рѣки Молѣкожитно помогла его отыскать: въ противномъ случаѣ привелось бы править весломъ.

Молѣкожитно, предъ впаденіемъ своимъ въ Квихпакъ, раздѣляется небольшоимъ лѣсистымъ островкомъ на два устья, изъ которыхъ каждое до пятидесять сажень ширины. Предъ ними, занимая почти половину ширины Квихпака лежитъ обширная розсыпь, обставленная множествомъ обмѣлвшихъ каршей. Самый Квихпакъ въ этомъ мѣстѣ суживается до трехъ-сотъ сажень: отрубастые утесы красноватаго съ бѣлыми прожилками порфѣра, выступающіе прямо изъ воды, протягиваются мнѣ въ двѣ по его лѣвому берегу.

Устье Молѣкожитно отъ послѣдней обсерваціи лежитъ мнѣ въ осьми къ NO 80°. Истоки ея, по словамъ проводника, составляется изъ горныхъ потоковъ, стекающихъ съ восточной стороны горной купы Хольткагеля; свѣтлая вода рѣчки удостовѣряетъ въ каменистомъ грунтѣ русла; теченіе въ водополь должно быть весьма сильно. Молѣкожитно считается одна изъ изобильнѣйшихъ бобрами.

Переправясь къ лѣвому берегу, мы подвинулись еще на семь миль къ рѣчкѣ Мпихотлятно, на устьѣ которой и расположили свои палатки. Видя, что входъ въ нее загороженъ туземными сѣтями, въ первый разъ опустили свои. Въ ночь къ намъ пало четыре средня яельна, четыре шуки, максунъ, морокой

сигъ и читагной, но въ эту добычу пришлось заплатить тремя лучшими сѣтками, которыя были изорваны щуками огромной величины.

На правомъ берегу, востахъ въ двухъ выше насъ, былъ видѣнъ обширный ставъ туземцевъ. Вскорѣ послѣ нашей остановки отдѣлилось отъ него семь лодочекъ. Подплывя къ намъ, дикари съ любопытствомъ разсматривали байдару, палатку и насъ самихъ; но выйти на берегъ не рѣшались. Татлѣкъ не принималъ ихъ нарѣчя; проводникъ былъ занятъ постановкою сѣтокъ. Нѣсколько нитокъ бисеру открыли сообщеніе; чай, сахаръ и ласковое обращеніе скоро уничтожили всю робость туземцевъ. Одинъ изъ нихъ, пользовавшійся уваженіемъ товарищей, подарилъ намъ пару свѣжаго хайка; это была первая морская рыба, которую мы увидѣли въ то лѣто.

Встрѣченные нами туземцы проживаютъ въ верховьяхъ Мивхотлятно отдѣльными семействами, добывая себѣ пропитаніе въ горахъ промысломъ оленей и сохатыхъ и рыбною ловлею въ многочисленныхъ озерахъ; видомъ и одеждою ни сколько не разнятся отъ племени Тлѣгонъ-хотана, съ которыми хотя и состоятъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ, однако довольно явственно отличаются нарѣчіемъ.

Черный бисеръ, проволочныя кольца и другія желѣзныя вещи, выпускаемыя только для туземнаго употребленія изъ редута Колмакова, свидѣтельствуютъ о взаимномъ сообщеніи племенъ обитающихъ между Квихпакомъ и Кускоквимою.

Мивхотлятно имѣетъ бѣловатую воду, тихое теченіе, песчаные берега. По словамъ туземцевъ протекаетъ отъ полдня и въ вершинѣ изобильна бобрами. Страна, ея орошаемая лѣсисто, богата соболями и росомахами. На устьѣ ширяна рѣчки до тридцати сажень.

22 іюня. Мало облачно, тихо.

Въ шесть часовъ утра мы были на стапѣ дикарей, состоящемъ въ числѣ сорока шести душъ обоого пола, изъ которыхъ, одиннадцать человекъ было взрослыхъ промышленниковъ. Туземцы зная по наслыжкѣ о дальности полета русской стрѣлки, такъ они называютъ ружья, просили насъ показать дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія. Я приказалъ выпалить изъ виштовки рикшетомъ по водѣ. Надобно было видѣть удивленіе туземцевъ когда вслѣдъ за вспышкой показались брызги означаемыя скачками

були; но они еще болѣе были приведены въ изумленіе, когда на дѣту я убилъ ласточку и при разсматриваніи они не нашли никакой видимой раны.

Отъ рѣчки Мнхотлятно, характеръ страны измѣняется. Цѣнь горъ лѣвой страны Квихпака переходитъ въ холмистую тундру, усеянную озерами. Нагорный хребетъ, котораго острыя игольчатая вершины обнаруживаютъ гранитное сложеніе, отходитъ нѣки на три отъ берега, образуя широкія разлоги, по дву которыхъ струятся многочисленныя потоки. На дальнѣйшихъ отклоненіяхъ этого хребта видѣнъ былъ во многихъ оврагахъ и разлогахъ слѣгъ и проводникъ утверждалъ, что онъ въ рѣдкое лѣто совсѣмъ ставваетъ. Самое побережье вмѣсто каменистой лайды способной для бичевника, замѣняется измѣненнымъ берегомъ наносной или намывной пловато-глинистой почвы, что объясняется и видомъ самого побережья, которое выше внутреннихъ мѣстъ.

Пройдя тринадцать миль отъ стаи туземцевъ Мнхотлятно и найдя удобное мѣсто для поиска за оленями, мы остановились и вытащили байдару на берегъ. Необходимость прокормленія была причиною такихъ остановокъ, весьма для насъ и скучныхъ и тягостныхъ. Но зная всю трудность доставки тяжестей изъ Михайловскаго редута я не могъ расходовать сухарей болѣе опредѣленнаго количества, весьма недостаточнаго для поддержанія силъ человѣка находящагося въ непрестанной физической работѣ; къ этому и судно наше, не смазываемое жиромъ, требовало особенной сохранности.

Туземцы, встрѣченныя нами на пути въ четырехъ лодочкахъ, принадлежали къ племени проживающему по Мнхотлятно. На призывъ нашъ они тотчасъ подъѣхали, но, пока не получили небольшихъ подарковъ, дрожали отъ робости.

Близъ полночи подплыли къ намъ пять лодочекъ торговцевъ съ жила Нокхакать, возвращавшихся послѣ расторжки съ верховыми жителями Квихпака. У каждаго изъ нихъ лодочки были набиты соболями и росомаками, и сверхъ того на кормовой части возвышались огромныя связки бобровъ. Не ожидая встрѣтити насъ столь высоко и угадывая цѣль нашей поѣздки, они казались озабоченными, начали спрашивать проводниковъ и узнавъ, что двое изъ команды отправлены на охоту, вдругъ переиѣнили не за долго до того объявленное намѣреніе, относительно возвращенія на свое жилище для рыболовства, и вздумали было расположиться на ночлегъ съ нами. Для этого нѣкоторые стали под-

кликать своихъ товарищей, ѣхавшихъ въ числѣ десяти лодочекъ, по другую сторону прилежащаго островка. Такой ихъ поступокъ не могъ показаться не подозрительнымъ и хотя въ числѣ пяти человекъ намъ нечего было опасаться нападенія втрое многочисленнѣйшаго, однако зная этихъ туземцевъ за лучшихъ торговцевъ, мнѣ слѣдовало обойтись такъ, чтобъ отклонить ихъ отъ худыхъ намѣреній; иначе, при нѣкоторой явной неприязненности, оказанной съ ихъ стороны, они, опасаясь возмездія, прекратили бы всѣ свои сношенія съ Нулато, и тѣмъ не мало бы повредила возникающей торговлѣ въ томъ краѣ. Напоивъ ихъ чаемъ и раздавъ по нѣскольку листовъ табаку, въ которомъ они нуждались, я рѣшительно воспротивился почлегу ихъ въ одномъ съ нами мѣстѣ, прикрывшись объясненіемъ, что почь мы проводимъ въ отдохновеніи послѣ трудовъ * и потому не въ состояніи съ ними бесѣдовать. Если же они точно имѣютъ желаніе остановиться, то указалъ имъ на противоположащій островъ. Торговцы уѣхали. Мы были увѣрены, что явнаго нападенія на насъ не послѣдуетъ; со всѣмъ тѣмъ имѣли поводъ опасаться за нашихъ охотниковъ и ночь провели весьма пѣ въ спокойномъ духѣ.

23 іюля. Облачно, тихо, въ юго-восточной сторонѣ громъ, оставался на мѣстѣ.

Рано по утру Татлѣкъ отпраился поискать бобровъ по протокамъ. Я отпустилъ, но не мало удивился, когда часовой довелъ, что тотъ забралъ свои пожитки. Казалось явнымъ, что проѣзжавшіе въ ночь торговцы сманили его съ собою; это же подтверждалъ и оставшійся съ нами туземецъ «Вторникъ». Я не беспокоился собственно о томъ, что въ Татлѣкѣ лишился единственнаго человека, который могъ бы кой-какъ сообщить нѣкоторые необходимыя свѣдѣнія; мы уже достаточно убѣдились, что для собранія вѣрныхъ источниковъ о странѣ, необходимо понимать ея обитателей, если не самому, то по крайности человеку могущему сообразить смыслъ вопроса или передаваемого отвѣта: безпокоитъ одна неизвѣстность; на дѣлѣ всегда пред-

* Въ лѣтнее время туземцы этого края имѣютъ обыкновеніе совершать свои переѣзды въ ночное время, какъ болѣе прохладное; намъ ради астрономическихъ наблюденій этого дѣлать не приходилось. Впрочемъ въ самый жаръ, то есть съ половины двѣнадцатаго до половины третьяго, мы также старались, смотря по мѣстности, останавливаться и это время употребляли для обсерваций.

ставляется иначе нежели предполагаемъ по собраннымъ какимъ бы то ни было побочнымъ свѣдѣніямъ. Познакомясь нѣсколько съ бытомъ туземцевъ, ихъ малочисленностью и не воинственнымъ характеромъ, намъ оставалось для достиженія къ верховью Квихнака, только слѣдовать противъ его теченія, но меня озабочивало то, что поступокъ Татлѣка могъ имѣть непріятныя слѣдствія на торговля операціи нашего заселенія. Мои опасенія подтвердились признаніемъ Татлѣка, возвратившагося въ сопровожденіи своего зятя близъ шести часовъ вечера. Тотъ, будучи въ хорошихъ связяхъ съ управляющимъ Нулато, отговорилъ его отъ такого поступка. Я не выговаривалъ Татлѣку, но не скрылъ отъ него, что худо бы онъ сдѣлалъ еслибъ явился безъ насъ въ Нулато, потому что былъ бы задержанъ вмѣстѣ съ семействомъ, а въ случаѣ нашего не возвращенія, осенью, былъ бы отправленъ въ редуть. Впрочемъ съ этихъ поръ, я приказалъ тайно замѣчать за обоими проводниками, по это было напрасно: протестоватый Вторникъ, сытый, одѣтый въ красную рубаху, размазанный киноварью, обсыпанный орлинымъ пухомъ, и украшенный бисерами и цуклями, не помышлялъ оставлять насъ. Татлѣкъ, особенной услужливостью, видимо старался загладить свою опрочечивость.

На косу противулежащаго островка, ввечеру, пристали три лодки: одна семья туземцевъ рѣчки Ноггойя-Лягушчья. Старикъ подъѣхавшій къ намъ, подарилъ каждому по хайковой юколѣ и сказывалъ, что вверху всѣ бобры откуплены торговцами съ рѣки Юнна-ка. Но когда мы ему объявили, что идемъ собственно для осмотра мѣстности, то этого онъ ни какъ не могъ взять въ толкъ и только качалъ головою.

24 июль. Облачно и просіяніе солнца. W умеренный. Оставались на мѣстѣ.

По меридіональной высотѣ солнца опредѣлена широта мѣста 64° 53' 51", долгота по хронометру 154° 43' 17" къ западу отъ Гринвича. Рѣка въ этомъ мѣстѣ разбита довольно значительными островами на многіе протоки, такъ что настоящіе берега отстоятъ другъ отъ друга или на три. Иные протоки не шире семидесяти-пяти сажень и почти во всю ширину прорѣзаны каменными розсыпями. Всѣ острова состоятъ изъ наносной почвы. Вода въ рѣкѣ такъ мутна, что на глубинѣ полутора фута не видно дна.

Еще одна семья туземцевъ Ноггойя подъѣхала къ намъ; они

судаются ниже, для прискавія удобнаго мѣста для рыбодовства.

Въ десять часовъ вечера возвратились стрѣльцы, о которыхъ я началъ было серьезно беспокоиться: они принесли оленью матку въсомъ близъ трехъ пудъ. Будучи во весь походъ въ полъ-сыта, мы зашировали. Одинъ изъ охотниковъ привнесъ вѣточку рябины въ цвѣтѣ. Здѣсь впервые мы увидѣли это деревцо, но впоследствии находили его и въ Нулато и въ Иког-мюгѣ по нагориюй сторонѣ Квихнака, въ разлогахъ и горныхъ падахъ. Рябина растетъ по всевъ этомъ краѣ кустаринкомъ не выше полуторы сажени.

25 июль. Облачно, временемъ просіяніе солнца, до полдень SSW умирный, послѣ свѣжій съ порывами. Въ ночь дождь.

Давъ отдохнуть стрѣльцамъ, мы съ половины двѣнадцатаго до семи часовъ вечера, идя подъ парусомъ съ полнымъ вѣтромъ, по быстротѣ теченія прошли не болѣе пятнадцати миль, и становились дважды на каменныя середки; оглябая одну такую же кошку, едва не были залиты волною.

На косѣ, прилежащей къ мѣсту нашей остановки, впервые нашли дикій лукъ, *Allium* сера. Можно представить себѣ радость команды, когда въ немъ онашла что-то родное. Тотчасъ набрали и насолнили всѣ деревянныя посудины, употребляемыя и вмѣсто суповыхъ чашъ и для вычерпыванія воды изъ байдары. Близъ полуночи дождь принудилъ вытащить на берегъ наше кожаное судно.

26 июль. Пасмурно, буре и дождь; S умирный съ порывами. Оставались на мѣстѣ.

До сего времени, мы ознакомились съ трудностями плаванія на байдарѣ по этой весьма быстрой рѣкѣ, но никакъ не полагаемъ чтобъ трудности могли возрасти до того, чтобъ вовсе остановить нашъ ходъ впередъ; между-тѣмъ мы стояли у этой грани. Чтобъ вполне удостовѣриться въ этомъ, для насъ весьма неприятномъ событіи, намъ предстояло опытомъ убѣдиться въ другой неудобности плаванія на такомъ суднѣ. Тамъ, гдѣ, какъ на Алеутскихъ островахъ и вообще по побережью Берингова и Ледовитаго морей, достаточно жиру морскихъ животныхъ для смазыванія, байдара, то есть ея обшивки, довольно долгое время можетъ сопротивляться вліянію воды. Но какъ съ начала постройки нашего судна, намъ не удалось довольно хо-

решо промазать его лавтакъ, то не смотря на достоинство своихъ малячыхъ шкуръ, онъ несравненно скорѣе размокаетъ и нынѣ, въ наступившую дождливую погоду, еслибъ продолжать плаваніе, то обдаваемый водою и съ вѣшной и съ внутренней стороны могъ бы подвергнуться быстрой прѣлости или гниенію. Повторяю, я былъ новичекъ въ обращеніи съ такого рода судамп; постройкою «байдары» послѣдовалъ буквально данному мнѣ наставленію въ инструкціи, и здѣсь этотъ случай привожу единственно для предостереженія собрата: хорошо тому, предъ кѣмъ видны ошибки или неудачи предметника. Много, много еще предстоитъ раскрыть въ нашемъ уголкѣ Америки. Вотъ байдарка дѣло другое; байдарка это по истинѣ *chef d'oeuvre* жителя сѣвера. Закрытая сверху, она всегда суха, легка, удобна для всякихъ дѣйствій, а главное сподручна для переноски; на байдаркѣ изъ залива Нортонна, достаточно приказанія чтобъ явиться на волнахъ Гудзонова залива за одно лѣто. Но байдарку я узналъ годомъ позже. Надобно сказать и то, что изъ команды экспедиціи всего было двое, которые умѣли ѣздить на этихъ валкихъ судахъ и ни одного, кто сумѣлъ бы ее хорошо построить. И при систематическомъ обученіи горе безъ опыта; а опытъ достается временемъ, случаемъ, обстоятельствами; и присмотрясь, вначалѣ выходитъ и криво и косо и неправильно. Самая инструкція мнѣ данная представляетъ доказательство, что вся наша экспедиція должествовала быть опытнымъ собраніемъ матеріаловъ, или вовсе неизвѣстныхъ или недовѣданныхъ или затерянныхъ.

Въ вечеру подѣзжала къ намъ на двухъ лодочкахъ семья туземцевъ Ноггойя. Отъ нихъ купили двѣ росомахи для проводниковъ по уговору, на парку соболей и два сохатинные ровдуга. Бобровъ привезенныхъ ими, торговали проводникп; и хотя не сошлись въ цѣнѣ, мы не рѣшились перекупить. Для насъ достаточно было знать, что за эти мѣха торговцы предлагаютъ дальнимъ племенамъ почти втрое менѣе того, что получаютъ сами при перепродажѣ въ Нулато.

Къ вечеру прибыло воды семь дюймовъ.

27 іюня. Пасмурно; S тихій. бусъ и дождь во все сутки; оставался на мѣстѣ. Въ теченіи сутокъ воды прибыло одиннадцать дюймовъ.

28 іюня. Пасмурно, погода прежняя; оставался на мѣстѣ; воды прибыло двѣнадцать съ четвертью дюймовъ.

29 іюня. До полдень пасмурно, тихо, послѣ полдень SSW умѣренный,

временемъ просіяніе солнца. Для просушки байдары оставались на мѣстѣ; воды прибавило сень съ половиною дюймовъ.

Видя достаточную прибыль воды, проводники начали готовить небольшіе шесты фута четыре длиною, посредствомъ которыхъ они проходятъ по быстрымъ розсыпямъ. На сирость мой по этому случаю «Вторникъ» объявилъ, что не вдалекѣ отъ мѣста нашего становья начинается рядъ розсыпей, продолжающихся до устья рѣки Ноггойя. Какъ далѣе онѣ простираются, онъ не знаетъ, потому что ѣздить не удалось; но слышалъ отъ своихъ земляковъ, что отъ предлежащей предъ нами вверхъ по Квихпаку въ обыкновеніи ѣздить упираться шестами, по причинѣ каменстаго грунта и быстроты теченія рѣки. Мы также приготовили по два шеста на сторону; по этотъ трудъ долженъ былъ пропасть даромъ предъ покушеніемъ пройти первую изъ розсыпей, которую можно было бы назвать порогомъ, еслибъ она не имѣла виднаго отлогого ската.

30 июня. Облачно, утро тихо; съ полдень SSW тихій.

Пройдя около полуторы миль, мы подошли къ розсыпи или перебору. Огромные валуны гранитовыхъ породъ и замытыя деревья казали вершины свои, не смотря, что въ теченіи послѣднихъ четырехъ сутокъ воды прибавило слишкомъ на три фута. Шумъ скатывающейся и прорывающейся воды былъ слышенъ далеко до вѣзда. Вступя на переборъ, чрезъ цѣлый часъ усиленной гребли мы не выиграли ни шагу; пробовали толкаться шестами и едва удерживались на мѣстѣ. Вздумали обойти по затопленной косѣ праваго берега, но выѣхавъ изъ заводи теченіемъ были брошены на камень и едва выбрались безъ поврежденій. Обвести бичевой по отдаленности береговъ не имѣли средствъ. Пробовали дать проводникамъ бичеву, чтобъ съ лодочекъ завести и закрепить за торчащіе камни или деревья, но ни одинъ изъ нихъ не былъ въ состояніи справиться съ теченіемъ. Еще разъ пытались подняться на гребль, — тщетно. Оставалось обвести байдару по ту или другую сторону, но по лѣвой предстояла совершенная невозможность, потому что самая розсыпь составляетъ соединеніе косъ двухъ островковъ съ такою же протягивающеюся отъ праваго берега; по другой слѣдовало спускаться почти до мѣста нашего становья и оттуда ладить дорогу на протяженіи почти двухъ миль; такая работа была не подъ силу. Проводники во время послѣднихъ нашихъ усилій прошли вплоть берега на

шестахъ и скрылись; вмѣ выпалили изъ пистолета, въ надеждѣ, что поймутъ сигналъ, и разбилъ палатку на прежнемъ мѣстѣ.

Намъ не удалось, но мы увѣрены, что еслибъ не возвышеніе воды и вмѣстѣ съ тѣмъ не усиленное теченіе, байдару можно бы было перенести черезъ эту преграду, потому что въ обыкновенное время такъ поступаютъ туземцы съ своими лодочками. Выждать времени я не могъ, тѣмъ болѣе, что намъ предстояло въ другихъ мѣстахъ исполненіе дальнѣйшихъ порученій.

Здѣсь почитаю приличнымъ помѣстить свѣдѣнія о внутреннѣйшихъ страхахъ нашихъ американскихъ владѣній, собранныя нами отъ туземцевъ рѣчки Ноггойя и торговцевъ племени Юннака, посѣщающихъ берега Квихпака вѣскольکو далѣе за упомянутую рѣчку.

Рѣчка Ноггойя вытекаетъ изъ обширнаго озера, соединяющагося со многими другими, вливается въ Квихпакъ съ лѣвой стороны, то есть отъ юга; ширину имѣетъ до пятидесяти сажень; устье отъ истока отстоитъ на день ѣзды, слѣдовательно миляхъ въ тридцати отъ озера. Многочисленнѣйшіе туземные зимники находятся при истокѣ рѣчки; впрочемъ достаточно жителей проживаетъ и по берегамъ озера, изобилующихъ рыбою. Высокихъ горныхъ кражей въ сторонѣ занимаемой этими туземцами нѣтъ; но по правому берегу Квихпака тянутся за горизонтъ островершинные обнаженныя пики. Вершину Квихпака они не посѣщаютъ, и я не могъ добиться удовлетворительнаго отвѣта, самую ли рѣчку Квихпакъ они называютъ къ верховью Мыккхат-охъ, — большое озеро, — или выводятъ изъ него ея истокъ. «Вторникъ» мало повнимающій ихъ нарѣчіе, объяснялъ намъ, что рѣка къ верховью столь обширна, что съ одного берега невидно противоположнаго. Другіе торговцы, видѣнные мною впоследствии на пути къ Нулато, сообщали, что за рѣчку Ноггойя они ѣздятъ по Квихпаку на разстояніе четырехъ ночей, около шестидесяти миль, — и что рѣчка мѣстами широка и разбита островами, мѣстами протекаетъ въ одномъ руслѣ и имѣетъ бичевники, но вообще быстра, мелка, перерѣзана розсыями, а далѣе предѣла ихъ поѣздокъ имѣетъ пороги. Жителей по берегамъ встрѣчаютъ не въ большомъ числѣ, и то выходящихъ для рыболовства съ вершинъ побочныхъ рѣчекъ. Отъ мѣста нашего возврата до истока Квихпака, который выводятъ изъ озера, полагаютъ разстояніемъ въ полтора раза пройденнаго нами отъ Нулато, то есть въ триста миль слышкомъ.

Въ странѣ занимаемой племенемъ Ноггой-хотана, главнѣйшее пропитаніе туземцевъ состоитъ лѣтомъ въ рыбной ловлѣ; зимою въ поюскахъ за сохатыми, «ттанника», и оленями. Бобрами, соболями и росомахами, страна ихъ весьма изобильна.

1 іюля. Облачно, просіяние солнца, SSW тихій.

Мѣсто нашего возврата по полуденной высотѣ солнца определено въ широтѣ 64° 56' 07, «и долготѣ по хронометру 154° 18' 45» западной отъ Гринвича; склоненіе компаса по азимузу 31° 46' восточное. На яру двухъ сажень высоты въ память нашего пребыванія поставленъ крестъ съ означеніемъ года и числа. Крайній предѣлъ возвышенія воды въ водополь замѣтенъ по чертѣ, нѣскольکو вышей сажени отъ прилежащей ляды пловатой почвы. Горы праваго берега представляютъ въ этомъ мѣстѣ довольно широкій разлогъ и отстоятъ въ осьми мильхъ отъ берега; холмовъ лѣваго не видно за многими островами.

По утру подбѣжала къ нашему стану туземная собака изъ породы приморскихъ или чукотскихъ; но не рѣшалась подойти къ намъ, опасаясь болонки, не отставшей отъ Дмитріева, во время перехода его изъ редута въ Нулато. Все рыло ея было утыкано иглами дикобраза и невозможно было смотрѣть и слышать ея болѣзненнаго стога. Талижукъ, какъ ловкій калифорнскій бокеръ, накнулъ на нее аркавъ; иглы не превышали длиною трехъ дюймовъ и толщиною вороньяго пера. Произведя операцію, мы взяли собаку къ себѣ, полагая навѣрное, что она оставлена кѣмъ нибудь изъ низовыхъ торговцевъ: предположеніе наше оправдалось и хозяинъ ея, встрѣченный нами близъ устья Юнна-ка, остался намъ весьма благодарнымъ.

Послѣ полудня, не дождавшись проводниковъ, пустился впизъ по рѣкѣ и почевали не доходя пяти миль до рѣчки Мнихотлятно.

На станѣ Мнихотлятно, затопило все запоры, и мы не могли достать ни одной рыбы. За то старикъ, поселившійся по лѣвому берегу у утесовъ, противу Молѣкожитло, продалъ намъ три вяленые чавычи. Его товарищъ привозилъ на показъ старое шерстяное одѣяло съ черными коймами, объясняя, что получилъ его отъ южныхъ жителей. Впоследствии на Кукоквинѣ мы убѣдились, что редутъ Колмакова производитъ всякими европейскими матеріями довольно выгодную мѣну съ тамошними жителями, которые въ свою очередь передаютъ ихъ съ большими барышами верховымъ обитателямъ рѣки Инно-ка.

При слѣдованіи по водамъ, занятыхъ племенемъ Тлогонъ-хотана, насъ встрѣчало человекъ сорокъ мужчинъ и женщинъ этого народа, кто съ юволою, кто съ пушными промыслами. За мѣхы мы платили по цѣнѣ, опредѣленной въ Нулато, чтобъ тѣмъ самымъ пріохотить и этихъ туземцевъ спускаться въ наше заселеніе.

Должно признаться, что когда мы шли безъ проводниковъ, туземцы этихъ мѣстъ обращаются съ нами какъ-то свободнѣе и радушнѣе; несутъ и везутъ провизіи, у кого какая есть; не опасаются, показываютъ разомъ большое количество промысловъ; не торопятся оставлять насъ; говоривъ и знаками и словами. Конечно, это можетъ быть отнесено къ тому, что онцъ съ нами ознакомились, но равномѣрно и первоначальная ихъ дикость или несообщительность можетъ-быть приписана вліянію или наговорамъ проводниковъ, у которыхъ мы невольно состояли какъ бы подъ нѣкотораго рода опекой; и это должно продолжаться до тѣхъ поръ, пока сами мы не научимся языку Пикиниковъ столько, что, какъ называется, будемъ порядочно разумѣть или слышать одно изъ нарѣчій этого народа. Живой примѣръ тому, наши сосѣди Ново-Архангельска, Колоши: до нынѣ ни одинъ изъ толмачей взятыхъ изъ ихъ племени не передастъ въ настоящемъ видѣ, ни вопроса, ни отвѣта бесѣдующихъ.

3 июля. Облачно, до полдень маловѣтріе SO; съ четырехъ часовъ пополудни SO утренняя съ порывами; во всю ночь дождь.

Спускаясь внизъ, на лѣтникахъ у мыса Хамынчихтенъ, мы нашли въ сборѣ всѣхъ жителей жила Тялпалъхакатъ. Шквалъ отъ оста съ дождемъ, принудилъ насъ остановиться и вытащить байдару для сохраненія груза. Туземцы не замедлили посѣщеніемъ. Главнѣйшихъ мы видѣли весною въ Нулато, слѣдственно обязанности были обойтись какъ съ знакомыми, то есть пить чаемъ и кормить сухарями. Этотъ довольно не выгодный для походныхъ людей обычай введень въ Нулато съ пачала основанія временнаго заселенія, въ 1838 году, и введень по обстоятельствамъ невольно. Староста, проживая въ туземной бараборѣ, давалъ чашку хозяину, у котораго стоялъ на постобъ, или кому другому, за какую-либо особую работу. Приходившіе съ рѣки Юни-ка просили обыкновенно мамыса, «ѣсть» и чтобъ этихъ торговцевъ пріохотить, команда дѣлилась послѣднимъ кускомъ и сама голодовала при весеннемъ распутии. Въ теченіи вре-

меня завлазались знакомства и въ прошлую зиму неоднократно мнѣ случалось слышать, какъ богатый торговецъ, притаща карту бобровъ, кричалъ смѣло: «Дерябни! чайникъ!» Онъ былъ увѣренъ въ хорошемъ приѣмѣ.

4 июля. Облачно. OSO умеренный, по весь день буетъ и временно дождь; оставались на мѣстѣ.

Вскорѣ послѣ полудня мы получили весьма странный визитъ: всѣ женщины жила отъ старухъ до малолѣтнихъ дѣвочекъ пожаловали къ намъ въ гости, къ сбитню изъ сахарнаго песку и перцу; я прибавилъ горсти двѣ сухарей; сладкая вода поправилась посѣтительницамъ, но сухари отвѣдывали только изъ любопытства. Пробывъ съ нами около трехъ часовъ и получа небольшіе подарки, онѣ насъ оставили и вслѣдъ за нами собрался мужщины. Одинъ изъ нихъ привезъ гвозди, выдернутый изъ фалшкп-ля небольшой дѣвочкой; часовой видѣлъ ея прѣказу, но мнѣ не хотѣлось нарушать добраго согласія съ гостями; за честность я подарилъ ему алеутскій топорикъ; у другихъ купилъ нѣсколько бобровъ.

Въ числѣ посѣтительницъ дѣвушку лѣтъ пятнадцати, съ полнымъ розовенькимъ личкомъ, черными глазами на выкатѣ и правильными соболиными бровями, считаю въ числѣ двухъ исключеній изъ всеобщей некрасивости женщинъ нкпливскихъ племенъ. Всѣ онѣ были вымыты, вычесаны, въ лучшей одеждѣ; всѣ были развязны, словоохотны, милы по своему, по обращенія нисколько не предосудительнаго; статья можетъ, что поджидали отъ насъ перваго шагу. Разспрашивая объ этомъ иромушествіи Татлѣка, я получилъ въ отвѣтъ, что это знакъ полнаго расположенія и довѣрія. Отъ нашей воли зависѣло, какъ имъ воспользоваться. Впрочемъ установленнаго обыкновенія на счетъ такихъ посѣщеній между собою, у нихъ не существуетъ.

5 июля. Пасмурно, OSO тихій временно дождь; въ ночь ливень.

Спустясь къ устью рѣчки Нотагита, по причинѣ дождливой погоды, остановились. Противу насъ, на оказавшейся послѣ полноводія косѣ, былъ разбитъ станъ родичей «Вторника». По дождливости лѣта они жалуются на худой успѣхъ своего рыболовства и предсказываютъ себѣ голодовку. Совсѣмъ тѣмъ намъ удалось достать отъ нихъ для смазки байдарскаго лавтака кружки двѣ сигаваго жиру.

6 июля. Утромъ тихо, пасмурно, бусь; съ полдень NW умѣренный, прясніе солнца.

Сушили байдару. Къ обѣду соединились съ нами проводники, они доѣзжали до устья Ноггойя и привезли оттуда нѣсколько бобровъ. Не имѣя болѣе надобности во «Вторникѣ», я съ нимъ рассчитался и за доброе его поведеніе откупилъ привезенный имъ промыселъ. Въ вечеру одинъ изъ служителей экспедиціи началъ жаловаться на ознобъ и головную боль: онъ обѣлся зеленыхъ ягодъ смородины. Не предвидя, чтобъ такой казусъ могъ съ кѣмъ либо случиться въ этомъ походѣ, я не запасся потребными лекарствами, и для предупрежденія горячки, которая въ почт открылась бредомъ больного, нашелся вынужденнымъ] поспѣшать въ Нулато, и тѣмъ оставилъ намѣреніе осмотрѣть въ лѣтнѣе время рѣку Юнна-ка.

7 июля. Мало облачно. сіяніе солнца, NW умѣренный.

Съ пяти часовъ утра мы пустились въ путь. Въ проѣздъ мимо жила Ташонгонъ купили до полусотни лешихъ утокъ и четыре десятка недосушенной хайковой юкеры. Главное собраніе рыболововъ, выѣхавшихъ съ рѣки Юнна ка, находилось на лѣтникахъ, близъ которыхъ мы провели ночь съ 8 на 9 прошлаго мѣсяца. Семеро туземцевъ, узнавъ о нашемъ слѣдованіи въ Нулато, послѣдовали за нами съ грузомъ пушныхъ промысловъ. Взявъ на жилѣ Унильгачтхохъ оставленный термометръ, въ семь часовъ прибыли къ нашему заселенію и нашли въ немъ все благополучно.

Первые дни по прибытіи нашемъ въ Нулато, я занимался протрѣпеніемъ хронометра, * приведеніемъ своего журнала въ порядокъ и надсмотромъ за большимъ. Послѣ различныхъ исправленій на байдарѣ, команда помогла заселеннымъ по рыболовству и отстройкѣ не копченыхъ стросній; двое стрѣльцовъ временемъ привозили различную дичь. Въ двадцатыхъ числахъ мы располагали оставить это мѣсто, какъ слѣдующее обстоятельство отложило нашу отправку до августа.

При нашемъ возвращеніи изъ похода, мы нашли на устьѣ Нулато человекъ семьдесятъ изъ племени Такалкаса, приготовлявшихся ставить запоры по рѣчкѣ. Съ 9 по 12, за исключеніемъ

* Не найдя опутительнаго нѣмѣнсія въ ходѣ хронометра, опредѣленія долготы, произведенныя въ походѣ къ верховью Квихпака, оставлены такъ, какъ онѣ были найдены на мѣстахъ наблюденій.

одной семьѣ, всё разъѣхались, говоря, что большія воды препятствуютъ рыболовству. 13 вечеромъ одна изъ туземокъ, собиравшая ягоды близъ утеса Тлякптытъ, прибѣжавъ въ испугѣ, сказывала, что видѣла въ горахъ Налейг-мюта. Мы не обратили на это вниманія; туземцы какъ бы перетруснулись; 15 повторилась таже исторія черезъ двухъ женщинъ. Я съ однимъ членомъ команды нарочно осматривалъ окрестныя мѣста, но ничего не видалъ. Наконецъ, 19, Татлѣкъ неожиданно передаетъ старостѣ одиночки, что всѣ соплеменники Инкилпковъ - Улукаг-мютъ, то есть жители Такаяска и низовыхъ жилъ Квихпака до Ттутаго, измѣняютъ мѣсто расторжекъ съ племенемъ Юнна-ка-хотана и на дилхъ вмѣсто того, чтобъ сообразно прежнихъ годовъ собираться въ Нулато, отправляются на встрѣчу къ нимъ къ устью Юнна-ка. При этомъ объявленіи казалось весьма вѣроятнымъ слухи, распускаемые на счетъ Налейг-мютъ, отнести къ новому коварству Улукаг-мютъ и Такаясанцевъ; можетъ статься, по отбытіи экспедиціи они сами имѣли въ виду истребить или поджечь наше заселеніе и впоследствии прикрыться дѣлаемыми предостереженіями. Какъ бы то ни было, имѣя богатый сборъ пушныхъ промысловъ, староста артели просилъ насъ обождать отправленіемъ, до возвращенія этихъ торговцевъ и расторжки. Какъ чрезъ это обстоятельство я могъ ближе ознакомиться съ состояніемъ туземной торговли, то и исполнилъ его желаніе.

Рано утромъ 20 іюня, мы увидѣли сорокъ-двѣ лодочки пробившіяся подъ лѣвымъ берегомъ, мимо заселенія. Сигналъ изъ погоннаго мушкетона съ боевымъ патрономъ заставилъ ихъ немедленно приворотять къ намъ. Ни я, ни артельный староста не имѣли права препятствовать сношенію туземцевъ между собою, но со времени учрежденія постоянного заселенія въ Нулато, мнѣ казалось необходимымъ положить основаніе нашему вліянію на край вообще. Поводъ къ тому былъ: Такаясанцы въ прошлелѣто произвели страшное убійство жителей, проживающихъ близъ отклоненія отъ Квихпака протока въ рѣку Инпока; изъ убитыхъ многіе вели выгодныя сношенія съ редутомъ; при томъ Такаясанцами былъ произведенъ грабежъ нашей юколы въ Уналашкѣ.

Обстановка вездѣ и на всѣхъ производилъ эффектъ и потому вся команда поставлена была въ ружье. При вызовѣ участниковъ убійства, семнадцать человекъ отдѣлились отъ прочихъ, и дрожа всѣмъ тѣломъ указывали на одного Тупгака, какъ на главнаго

предводителя. Забавно было смотрѣть, какъ этотъ старикъ извѣса поглядывалъ на качели, считая ихъ висѣльней. Зная, что всегдашнимъ ласковымъ обращеніемъ не выиграешь въ мѣтвѣ дикарей, я принялъ грозный видъ и высказалъ имъ, чтобъ они на предбудущее время не осмѣливались предпринимать никакихъ непріятельскихъ дѣйствій противъ нашихъ друзей; потомъ высчиталъ коварные поступки всего ихъ племени съ прежними нашими отрядами, припомнилъ сожженіе бывшей однопочки и двукратное ихъ покушеніе на жизнь служителей компаніи, проводившихъ транспорты; наконецъ, послѣ обещанія соответственныхъ наказаній за малѣйшіе поступки противу учрежденнаго заселенія, переимѣнилъ гнѣвъ на милость, благодарилъ за дружественное расположеніе въ теченіи прошлой зимы и распрощался какъ съ добрыми пріятелями. Конечно все это была простая и пустая сцена. Мы сами вѣдали, что въ случаѣ и нашей погребели отъ этихъ полуварварскихъ народовъ, не съ кого было бы требовать удовлетвореній, какъ потому что у нихъ не существуетъ ни чего подобнаго гражданскимъ учрежденіямъ, такъ и ради той истины, что во всемъ свѣтѣ нѣтъ уголка, въ которой бы проныкло просвѣщеніе безъ утраты нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ.

21 числа, нѣсколько туземокъ, прибѣжавъ къ намъ, сказывали, что видѣли одного Налеиг-мюта на устьѣ Нулато, близъ кормовыхъ бараборъ. Мы отвѣчали, что понимаемъ въ чемъ дѣло и не вѣрнимъ ихъ выдумкамъ; и съ той поры слухъ о Налеиг-мютахъ прекратился. Въ зиму на 1844 годъ, торговцы приходившіе съ рѣки Юнна-ка, продолжали рассказы о враждебной склонности своихъ приморскихъ сосѣдей, но пребыванія ихъ въ окрестностяхъ Нулато не подтверждали.

Въ объясненіяхъ съ Такаясанцами, я забылъ завести хронометръ и, пустивъ его въ ходъ, занимался въ послѣдующіе дни опредѣленіемъ его состоянія. Команда помогла артели заловомъ до полуторы тысячи сиговъ, срубкою кухни и бани и очищеніемъ лѣса и кустарника, окружавшихъ строенія. Такимъ образомъ заселеніе было приведено въ безопасность отъ печальнаго нападенія, доступнаго лѣтомъ изъ-за лѣсовъ, въ особенности при раздѣленіи команды на необходимыя работы по запасенію провизій.

30 проѣхали всѣ торговавшіе съ племенемъ Юнна-ка-хотана. Многіе изъ нихъ сдали половину скупленныхъ ими промысловъ въ нашу артель, да и другую половину повезли съ собою сдѣ-

ственно въ общій тѣхъ предметовъ, которыми не ведутъ оборотовъ наши заселенія.

Общій очеркъ состоянiя заселенiя въ Нулато; матеріалы для топографіи и климатологіи этого края.

Нулатовское наше заселеніе находится въ 64° 42' 11" широты и 157° 58' 18" долготы къ западу отъ Гринвича, на правомъ берегу Квихнака въ четверти мили выше устья рѣчки, по которой оно такъ прозвано. Низменная равнина, заключенная между этою рѣчкою и утесомъ Тлякытытъ, образованіемъ своимъ видимо обязана наносамъ. Окраины ея или берега къ сторонѣ Квихнака, отъ пятнадцати до восемнадцати футъ высокою, представляютъ какъ бы нѣкотораго рода валъ, широчиною мѣстами до пяти сажень. По всей равнинѣ находятся нѣсколько небольшихъ озеръ и водосмоуъ, въ которыхъ скопляющаяся отъ таянья снѣговъ вода держится все лѣто. Берега рѣки Нулато, на протяженіи извѣданнаго нами пространства, вышнюю не превосходятъ десяти футъ. Въ слѣдствіе этого, при случающихся запорахъ въ весенніе разливы, вода къ заселенію подходитъ со стороны матераго берега, тогда какъ Квихнакъ не выступаетъ еще изъ береговъ. Низменное и поемное положеніе этой мѣстности вѣроятно причиною, что растущій по ней словый лѣсъ въ сердцевинѣ дряблъ и кривослоепъ, такъ, что для необходимыхъ работъ по рыболовству туземцы привозятъ деревья съ противнаго берега. Почва земли при заселеніи подъ растительнымъ слоемъ, который близъ фута толщины, глинисто-пловата, по по всей равнинѣ замѣтны какъ бы раскиданными островками бугры суглинка. На одномъ изъ такихъ бугровъ мы общими силами очистили подъ огородъ близъ двадцати-пяти квадратныхъ сажень и посаженная мною въ двадцатыхъ числахъ мая рѣдка п рѣпа удался весьма хорошо; капуста, высаженная изъ расадника 28 іюня, не вылась въ кочни, но доставила достаточно листа. На картофелъ слѣдуетъ въ здѣшнемъ мѣстѣ смотрѣть, какъ на благодѣяніе для всѣхъ окрестныхъ племенъ, не посягая, что разведемъ его весьма сократились бы расходы компаніи, выводимые на перевозку муки и пшеницы на чайки для командъ. Сѣмена овощей присылался, и въ Михайловскій редутъ только случайно, если попадутся подъ руки при отправленіи судна. Съ 1845 года, главный правитель приказалъ озаботиться ежегоднымъ отправленіемъ въ

тотъ край различныхъ огородныхъ сѣмянъ; распорядился посылкою и достаточнаго количества лучшаго свѣжаго картофеля, который предназначенъ для разведенія по всѣмъ нашимъ заселеніямъ на Квихпакъ и Кускоквинѣ. Будемъ надѣяться, что эта благотворная мѣра принесетъ ожидаемые плоды.

Въ лѣсахъ и по тундрѣ, на солнцескахъ, земля оттаиваетъ до двухъ футовъ; въ постоянной тѣни до фута. По случившейся необходимости въ землѣ для завала крышъ строящихся службъ, въ саженой ямѣ вырытой близъ берега, нашли, что вся почва оттаяла.

Рѣчка Нулато, по словамъ туземныхъ жителей, имѣетъ вершину на сѣверо-западѣ, и составляется изъ горныхъ потоковъ, стекающихъ съ хребта, отдѣляющаго бассейнъ Квихпака отъ поморя Нортонова залива. За восемь миль отъ своего устья она принимаетъ довольно значительную рѣчку, протекающую отъ запада. Мы доѣзжали и доходили бродомъ только до этого мѣста. На близлежащихъ высотахъ нашему стрѣльцу удалось видѣть и убить въ июлѣ одного оленя. Впрочемъ, по словамъ туземцевъ, въ осеннее время они появляются во множествѣ на верховьяхъ и среднихъ частяхъ Нулато. Медвѣди двухъ видовъ: бурые и черные, слѣдуя за рыбой внизъ, иногда сходятъ къ самому Квихпаку, и разламывая шаткія кормовыя бараборы жителей, принуждаютъ ихъ голодовать несвоевременно. Волки не многочисленны. Промышляютъ лисицы и соболѣи туземцы занимаются не съ большимъ усердіемъ. Нулато рѣчка по преимуществу бобровая. Весною на устьи мы добыли четырехъ; Татлѣкъ въ три выезда шестнадцать; двое туземцевъ съ рѣки Юнцка въ четверо сутокъ двадцать восемь. Выдрами эта рѣчка также довольно изобильна; какъ тѣхъ, такъ и другихъ туземцы промышляютъ стрѣляя изъ лука. Въ зимнее время на выдръ ставятъ особаго вида еловыя морды, но эта охота, какъ не требующая большаго труда, предоставляется шаманамъ и старикамъ.

Два различные вида представляютъ сѣверныя рѣчки. Со вскрытіемъ Квихпакъ противу заселенія величественно протекаетъ въ берегахъ шириною близъ мили; со скатомъ коренной воды отъ Нулатовскаго бара, вдоль праваго берега рѣчки означается каменная лавда и въ это же время выказывается среди рѣки длинная приглубая песчаная отмѣль; оуѣ растутъ съ послѣдующей убылью и къ рѣкоставу сжимаютъ воды Квихпака въ два протока, каждый не шире двухъ сотъ сажень. Бурный ки-

пучій Нулато, поднимаясь въ водоноль вровень съ берегами, въ лѣтнее время суживается на устьи до двадцати саженъ, по каменистымъ розсыпямъ представляетъ многіе броды и въ осеннее время, не теряя быстроты, прорываетъ для своего стока довольно глубокое русло въ самомъ барѣ. Зимой нѣкоторыя быстринны вовсе не замерзаютъ, другія только въ жестокіе морозы покрываются тонкимъ слоемъ льда. *Cinclus americanus* (Swainson) оживляетъ эти мѣста своимъ пребываніемъ.

Прибрежная лаида отъ рѣки Нулато до устья Юнна-ка состоитъ мѣстами изъ пловато-песчаныхъ наносовъ, мѣстами изъ раздробленныхъ и обточенныхъ водою обломковъ аспиднаго и тальковаго сланца и различныхъ мелкихъ кругляковъ, между которыми попадаются могикиапты. Выдавшіеся мысами утесы затвердѣлыхъ глинистыхъ породъ, въ обсыпяхъ явственно представляютъ пласты наслоенія *.

Лѣвый берегъ, ровный, лѣскистый, до четырехъ саженъ высоты, ни въ какую водоноль не затопляется. Горный хребетъ этой стороны отъ четырехъ до шести сотъ футъ возвышенія, отъ сопки Нотагашъ простираясь въ параллель направленія рѣки, виднѣется миляхъ въ двадцати отъ берега. По тундрѣ до этого хребта разсыпано множество небольшихъ озеръ. Въ тѣ, которыя имѣютъ истоки въ рѣку, заходятъ въ полиоводіе въ изобиліи си-ги, максуны, шука и другая мелкая рыба; нельма преимущественно ловится по рѣчкѣ Сундакакатъ. Въ другихъ озерахъ водится выхухоль и небольшая водянистая и брюхастая рыбка, называемая на языкѣ народа Капъ-юлптъ «Имагнатъ»; Русскіе зовутъ ее по наружному цвѣту кожи черною; болѣе шести дюймовъ длины она не бываетъ.

Вся эта береговая равнина, отъ параллели Нулато къ низу до

* Не имѣя достаточныхъ свѣдѣній въ геогнозій, я понималъ сколько важно для этой науки знать видъ земной коры во всѣхъ концахъ вселенной. Къ несчастію, не имѣя ни какого руководства (составленное Г. М. Соколовымъ при отправленіи моемъ въ экспедицію, было на пути къ Ново-Архангельску), я ограничился сборомъ только тѣхъ горныхъ породъ, которыя мнѣ казались или особенными по виду или употребляются туземцами въ ихъ домашнемъ быту. Недостаточности собраннаго можетъ послужить извиненіемъ и то, что изслѣдованія наши были чисто пѣшеходныя. Большіе сборники, сверхъ обремененія, могли бы связать дѣйствіа экспедиціи. Классификаціей собранныхъ горныхъ породъ я обязанъ просвѣщенной внимательности профессора С. С. Куторги.

жна Хоголтанде, занята Такааксапцами, соплеменными Улук-ниутамъ. Въ переводѣ слово Такаакса означаетъ «болото». Изъ до ста человекъ обоего пола; и главнѣйшее занятіе составлять переторжка съ приморьемъ и сосѣдними племенамъ.

Ель есть господствующій лѣсъ въ окрестностяхъ нашего заселенія. Вверхъ по Нулато и по рѣчкѣ Сундакакатъ растетъ довольно толстая береза. По берегамъ Квихпака возвышаются мѣстами прекрасныя купы тополей; тальникъ, явнякъ и ольховникъ занимаютъ поемныя мѣста и косы; лиственъ, не толще четырехъ дюймовъ въ діаметрѣ, разбѣла по сухимъ тундрамъ обѣихъ сторонъ рѣки; рябина попадается въ падахъ окружныхъ горъ; кална кустарникомъ футъ пяти вышины и побѣгамъ, въ три четверти дюйма толщиной, растетъ вездѣ вмѣстѣ съ кустарниками шиповника и смородины. Можжевѣльникъ низкими кустами былъ отысканъ для шитья неводной лодки близъ утеса Тякыштытъ.

Изъ ягодъ, брусника, морошка и голубика принадлежать къ главнѣйшимъ запасамъ туземцевъ на зимнее время; княженика превосходнаго вкуса, какъ лакомство, собирается дѣтьми; смородина черная и красная предоставлены на пропитаніе медвѣдей. Грибы различныхъ видовъ, какъ-то: рыжикъ, пагребни или красные, березовики, грузди, подгруздки, сушеные и въ посолкѣ могутъ служить для Русскихъ поддержкой въ скудные заловы рыбы въ зимніе мѣсяцы. Туземцы грибовъ не употребляютъ.

Мы показали, что промыселъ оленей, при подробнѣйшей развѣдкѣ мѣстности, можетъ, если не постоянно довольствоваться мясомъ команду, содержимую въ Нулато, то довольно часто служить для освѣженія. Такъ и перелетная птица, а равно куропатки и тетерки (*Tetrao canadensis* и *Tetrao umbellus*) представляютъ скорѣе охоту, нежели надежный способъ пропитанія. Изъ четырехъ годовичныхъ наблюденій, гуси и утки появляются между семнадцатымъ и двадцать-вторымъ числамъ апрѣля; а къ пятнадцатому мая всѣ ихъ виды пролетаютъ на сѣверъ. Лебеди летятъ подъ лѣвымъ берегомъ и не садятся. Журавли иногда отдыхаютъ на тундрѣ близъ утеса Тякыштытъ. Куропатки съ января показываются въ тальникахъ береговъ на устьѣ Нулато; ловятся силками, но ни когда въ большомъ количествѣ. Тетерки осенью по утрамъ налетаютъ семьями на прибрежную каменистую лаиду; весною и зимою попадаютъ по одиночкѣ въ лѣсу; а лѣтомъ скрываются въ болѣе глухихъ мѣстахъ.

Туземцы, не пропуская ничего, во что можно пустить стрѣл-

ку, бьютъ въ весьма маломъ количествѣ горностаевъ и бѣлокъ; первыхъ, слѣдуя приморцамъ, для красоты посвятъ сзади и на носѣ; изъ вторыхъ шьютъ небольшія шапочки въ родѣ скуфеекъ. Американская бѣлка сѣро-бураго цвѣта, ростомъ менѣе сибирской, по малочисленности и худому цвѣту своей шерсти, не можетъ служить выгодной вѣтвью торговли.

Для полноты очерка, я долженъ прибавить нѣсколько словъ о лѣсныхъ и пѣвчихъ птицяхъ. Въ глубокую зиму на полыньяхъ Нулато видѣнъ *Cinelus americanus*. Въ лѣсу, не успѣете остановиться, какъ налетятъ къ вамъ нѣсколько штукъ *Gargulus canadensis*. (Это обстоятельство замѣчаніе для тѣхъ, у которыхъ по какимъ либо непредвидѣннымъ обстоятельствамъ окажется недостатокъ въ пищѣ: мясо этой сѣверной сороки довольно вкусно). Въ это же время въ чащахъ лѣса попадаетъ изрѣдка *Picus arcticus* (Swainson) и *Corythus enucleator*. Последний, въ началѣ марта перелетаетъ къ берегамъ рѣкъ на распускающуюся вербу и тогда случается видѣть штукъ по двадцати этихъ красивыхъ птичекъ. Въмѣстѣ съ *Corythus enucleator* является стаями и *Fringilla Linaria minor* (Ray). Съ мая лѣсъ одушевляется; наблюдатель съ каждымъ днемъ замѣчаетъ новые виды. *Turdus minor* просвистываетъ на пролетъ ночи; *Sylvia Wilsonie* или *Mulcivora rufilla* Wilson (Audubon) на солнцѣ отлиываетъ золотомъ; *Sylvicola Coronata* (Swainson), порхая въ кустарникахъ, щебечетъ своимъ серебристымъ голосомъ; *Loxia leucoptera* съ верхушекъ елей покрываетъ всѣхъ своими трелями; *Alcedo Alcyon* перескакивая съ льдины на льдину заставляетъ гоняться за собою до утомленія. Однѣ поютъ весну, другія заботятся о приютѣ, третьи о дѣтяхъ; все любитъ, все торопится насладиться жизнью въ короткій періодъ сѣвернаго лѣта.

Недостатокъ времени и познаній не соответствовали нашему рвенію; богатое поле оставлено для будущаго зоолога этого края. Списокъ собранныхъ предметовъ и названія ихъ на туземномъ языкѣ показаны въ особомъ приложеніи. Изъ несобранныхъ птицъ замѣчу ласточку съ бѣлымъ брюшкомъ, которыхъ не видно въ Михайловскомъ редутѣ; зеленаго дятла и не большую сѣренькую птичку, называемую туземцами Кацахка, то есть, маленькая сорока; и точно, по перьямъ и паружной формѣ онѣ весьма сходны.

Насѣкомыми сѣверъ не богатъ, но съ утвердительностію можно сказать, что и въ этомъ отношеніи не пропадутъ труды энтомолога. По замѣчаніямъ господина Менетри, нѣкоторые изъ

собранныхъ нами принадлежать сѣверо-восточной Азій. И такъ, вотъ еще одно доказательство, что пѣкогда Америка соединялась съ старымъ свѣтомъ.

Растенія собранныя въ окрестностяхъ Нулато, распределены на классы и виды директоромъ Императорскаго Ботаническаго Сада, Ф. Б. Фишеромъ. Списокъ ихъ находится въ приложеніи.

Рыба есть основная пища въ Нулато. Въ началѣ ноября, по тѣснотѣ льда, туземцы и команда заселенія ставятъ запоры на южной оконечности квичнакской отмѣли, въ двухъ миляхъ къ низу отъ устья Нулато.

Удобнѣйшихъ мѣстъ по близости не находится. До половинны декабря идутъ исключительно палимы; съ января появляются сиги и нельма, и февраль есть изобильнѣйшій рыболовствомъ мѣсяцевъ. Съ прибылью воды на рѣкѣ, то есть съ половинны марта, заловы уменьшаются; но жизнь безъ думъ о завтрашнемъ днѣ туземцевъ и побочные расходы Русской артели, заставляютъ осматривать морды до тѣхъ поръ, пока ихъ не успеетъ водою, что бываетъ въ двадцатыхъ числахъ апрѣля. Квичнакъ вскрывается между третьимъ и шестнадцатымъ числами мая. Съ приходомъ льда и до возвышенія коренной воды рыболовство производится сѣтями на устьѣ Нулато, по наиболѣе въ рѣкѣ Судакакатъ, въ которую, по мѣстному положенію и шлюзному руслу, бросаются во множествѣ сиги, нельма, шукп и макеуны. По скатѣ воды приступаютъ къ запасеніямъ морской періодической рыбы. Въ Нулато, исключая хайка или кеты, другихъ видовъ лососей не ловится. Этотъ промыселъ продолжается до конца Августа. Ловля сѣтями нельмъ и сиговъ предоставляется во все лѣто женщинамъ.

Нынѣшнее лѣто было дождливое и потому красная рыба проходила серединою рѣки. Въ нашей Нулатовской артели поймано всего близъ тридцати штукъ хайка. Къ счастью, не смотря на неудобство крыла отъ морскаго певода, отпущеннаго къ экспедиціи, оно помогло намъ прокормиться весну и лѣто, и сверхъ того доставило для послѣднихъ порядочный запасъ сушеныхъ сиговъ.

Уровень воды Квичнака въ теченіи всего лѣта, то понижается то возвышается. Такъ возвышеніе коренной воды было четырнадцать футовъ; она пала къ 20 іюня, но вскорѣ отъ наступившихъ дождей поднялась на пять футовъ и сняла всѣ запоры; къ 6 іюля убывла въ прежнюю мѣру и до 11 убывъ продолжалась; по-

томъ, къ 16, прибыла на два съ половиной фута; съ 17 по 24 убывла почти на четыре фута, а съ 25 по 1 августа поднялась на два съ половиной фута.

Метеорологическія наблюденія за все время, проведенное экспедиціею въ Нулато, до похода къ верховью Квихпака, помѣщены въ приложеніяхъ.

Водный путь по Квихпаку способствуетъ доставкѣ изъ Михайловскаго редута въ Нулато, какъ провіанта такъ и всѣхъ громоздкихъ товаровъ. Переносъ съ рѣки Уналакликъ представляетъ возможность сношеній во всякое время года и потому часть товаровъ привозимая въ редутъ, для расторжекъ съ мѣстными жителями материка, необходимо должна быть безъ промедленія отправляема по лѣтнему пути чрезъ этотъ переносъ. До тѣхъ-поръ, пока мы не утвердимся на берегахъ Берингова пролива или въ Котцебу-Зуплѣ, слѣдуетъ помнить, что всякій пушной промыселъ, единожды упущенный изъ рукъ внутреннихъ нашихъ сѣверныхъ постовъ, переходить на азіатскій берегъ, въ подрывъ торговымъ оборотамъ компаніи.

Для упрощенія сношеній чрезъ Уналакликскій переносъ весьма было бы полезно поставить избу на рѣкѣ Бобровой, близъ перевала. Въ одно ея отдѣленіе можно складывать часть юколы, которой возка весьма тягостна для транспортовъ; другое съ чуваломъ, (камень съ прямой трубой) и парами, слѣдуетъ предназначить для путешествующихъ. Послѣднее не должно заираться чтобъ и туземцы могли находить отдохновеніе въ суровое время. Заселенію нашему при рѣкѣ Нулато предстоить сдѣлаться центральнымъ пунктомъ относительно сношеній съ верховыми странами квихпакаго бассейна и, статья можетъ, всего Сѣвера. Только по Квихпаку, намъ довольно легко пробраться въ глубь материка и нѣтъ сомнѣній, что еще вѣкъмъ не извѣданныя рѣки выведутъ путника къ Ледовитому Океану. Смотра по растительности и богатству пушными звѣрями мѣсть, осмотрѣнныхъ нами, можно надѣяться, что в дальнѣйшіе поиски вознаградятъ изслѣдователей. Краткій очеркъ торговыхъ операцій Нулатовской артели лучше всего пояснить важность этого мѣста.

Въ мартѣ 1838 года, Малаховъ, впервые достигнувъ Нулато, вывезъ оттуда весною около трехъсотъ-пятидесяти бобровъ. Главнѣйшія сношенія онъ имѣлъ съ Такаляксанцами.

Въ зиму съ 1838 на 1839 годъ, Дерлябинъ, находившійся при Малаховѣ въ должности приказчика, не смотря на оуепошенія

производимыя оспомъ, успѣлъ скунить слишкомъ пятьсотъ бобровыхъ шкуръ. Съ нимъ открыли торговля связь нѣкоторые изъ туземцевъ рѣки Юнна-ка.

Нордстремъ, въ зиму на 1840 годъ, приобрѣлъ также около того же количества. Жители боялись сообщеній не только съ русскими, но и между собою.

Зиму на 1841 годъ, Нордстремъ проводилъ на жилѣ Хутуль-какатъ. Не взирая на отдаленность, къ нему приходили торговцы съ рѣки Юнна-ка. Онъ вывезъ слишкомъ семьсотъ бобровъ.

На зиму 1842 года, Дерябинъ, успѣвъ прибыть въ Нулато на байдарѣ до рѣкостава, вошелъ въ непосредственныя сношенія съ верховыми жителями. На весну имъ вывезено, сверхъ другихъ промысловъ, тысячу бобровыхъ шкуръ.

Съ учрежденія постоянного заселенія въ Нулато, то есть съ 8 сентября 1842 года по 1 августа 1843 года, въ этой артели куплено 3,125 бобровыхъ шкуръ, — количество, не доставляемое до селъ не только которымъ либо отдѣльнымъ редутомъ, ниже полнымъ отдѣломъ или округомъ. Совсѣмъ тѣмъ эти цифры еще не истинное выраженіе богатствъ верховыхъ странъ Квихпака. По крайности тысяча бобровыхъ шкуръ остались на рукахъ туземцевъ, болѣе трехъ тысячъ соболей *, до пяти сотъ лисницъ разныхъ шерстей и до тысячи выдръ и бобровъ лучшихъ сортовъ передапы въ Колыму, чрезъ посредство Малейг-мютъ и Чукчей.

Представя факты богатствъ страны, въ которой учреждено сѣвернѣйшее наше заселеніе, мы вмѣстѣ съ тѣмъ показали, сколько ощутительно и невыгодно влияніе Чукчей для возникающей въ этихъ мѣстахъ торговли. Для устраненія этого влиянія, сверхъ

* Мнѣ кажется, на эту нѣтъ промышленности слѣдуетъ вновь обратитъ особенное вниманіе. Съ нѣкотораго времени соболы перестали вывозиться изъ колоній, а скупаемые въ отдалахъ продаются въ Ново-Архангельскѣ по осьмидесяти пяти копѣекъ серебромъ за штуку. Я слышалъ, что эти нѣха, по низкому качеству шерсти, не стоили перевозки; какъ-нибудь да не такъ. Избранники, оставляющіе колоніи, (покупка соболей дозволена только сословію, подъ фирмою колоніальнаго прозванія «почетныхъ» сбывають приобретенные ими нѣха въ Охотскѣ и Сибири за цѣну въ четыре и пять разъ болѣе опредѣленной въ колоніяхъ. По словамъ Якутскихъ купцовъ, торгующихъ въ Колымѣ и въ Островномъ, они ежегодно покупаютъ отъ Чукчей до пяти тысячъ американскихъ соболей и отъ перепродажи ихъ имѣютъ большія выгоды.

того, что объяснено мною при обзорѣ торговаго состоянія Михайловскаго редута, почитаю необходимымъ прибавить слѣдующія дополненія.

Выпуская въ Мечигменскомъ Заливѣ за моржевую кость огромныя партіи табаку и платя въ тѣхъ же мѣстахъ за пушные промысла въ четыре и шесть разъ дороже того, что даемъ туземцамъ въ Михайловскомъ отдѣлѣ, мы сами способствуемъ Чукчамъ подрывать нашу торговлю на материкѣ. При посвященіи жителей Юнга-ка, мы находили у нихъ въ большомъ количествѣ предъ колымскими, предметы, принадлежащіе къ отпускнымъ статьямъ нашихъ колоній, переданные имъ чрезъ Налейг-миотъ Котцебу-Зууда. Табакъ, столь знаменитый на сѣверѣ подъ именемъ Азыг-миотскаго, есть чисто черкасскій табакъ, передаваемый съ нашихъ судовъ Чукчамъ и имъ замариваемый особеннымъ образомъ. Намъ попадалось даже нѣсколько лоскутовъ отъ табачныхъ сумъ со штемпелями Р. А. К.

Не маловажный вредъ для торговли во внутренности материка представляетъ, при настоящемъ состояніи дѣлъ, и самый редутъ Святаго Михаила. Имѣя въ виду одно собраніе въ своемъ производствѣ сколько возможно болѣе промысловъ, управляющіе редутомъ удерживаютъ при себѣ товары лучшихъ достоинствъ, платятъ выходящимъ къ приморью торговцамъ по цѣнамъ вышнимъ противу тѣхъ, которыя назначены для артелей, и часто не снабжаютъ зависящія отъ нихъ заселенія, во время и по требованіямъ, надлежащимъ количествомъ припасовъ и матеріаловъ. Такое соревнованіе и задержки весьма важны. Примѣромъ тому служитъ 1844 годъ: не приходъ лодки съ товарами ко времени осенней расторжки и не подвозъ необходимыхъ добавленій къ весеннему времени, уменьшилъ сборъ промысловъ въ Нулато на половину противу предшествовавшаго, 1843 года.

Наконецъ мнѣ кажется весьма недостаточнымъ учрежденіе первоначальныхъ заселеній, изъ такого малаго числа людей, которое обыкновенно полагается въ числѣ пяти человекъ. Четыре года сряду не могла утвердиться артель въ Нулато, единственно по причинѣ малочисленности, заставлявшей людей голодовать изъ опасенія внезапныхъ нападеній со стороны туземцевъ. Нельзя умолчать, что и въ настоящее время заселеніе обязано много экспедиціи, люди которой заняты были работами при необходимой обстройкѣ, осмотрѣ мѣстностей и запасеніи провизіей. Присутствіе экспедиціи столь же было выгодно и для торговыхъ

оборотовъ заселенія сближеніемъ и ознакомленіемъ съ туземцами на мѣстахъ ихъ жительствъ и потому ошибочно полагать, что достаточно только заселенія мѣста, чтобъ привлечь торговлю: напротивъ, для ея утвержденія, особенно, въ мѣстахъ пограничныхъ, какъ Нулато, необходимы бдительность и дѣятельность неутомимыя. Для расторжекъ съ артелями являются большею частію торговцы, скупившіе промысла у многихъ своихъ соплеменниковъ: они знаютъ вѣрные источники сбыта своихъ товаровъ и потому или дорожатся или берутъ на выборъ; между тѣмъ какъ при посѣщеніи отрядной партіи туземцевъ на ихъ жилахъ, каждый бѣднякъ приносить все имъ добытое и перѣдко и весьма бойко торгуются женщины.

Конечно, содержаніе многочисленной команды довольствуемой хлѣбомъ, особенно затрудненія при доставкѣ провіанта въ отдаленныя мѣста, сопряжены съ большими трудностями и издержками. Но когда заселеніе упрочено, окрестныя мѣста осмотрѣны, основаніе къ пропитанію туземными и европейскими произведеніями положено, тогда легко уменьшить число русской команды. Самые туземцы, приглядясь къ нашему быту, и увидя свои пользы, не откажутся служить работниками. Такъ при учрежденіи Александровскаго редута чрезъ нѣсколько лѣтъ, мы увидѣли, что Аглег-мюты, принявъ христіанство, съ выгодною замѣнили русскихъ промышленниковъ. Михайловскій редутъ одинаково можетъ представить подтвержденіе нашего мнѣнія: и въ немъ, съ введеніемъ христіанства, туземцы съ большимъ желаніемъ начали поступать на службу компаніи.

Главнѣйшія отпускныя статьи туземцамъ нулатовскаго отдѣла заключались съ 1838 по 1844 въ бисеръ, бѣломъ и красномъ, цукляхъ, котлахъ, мѣдныхъ кружкахъ и различныхъ желѣзныхъ издѣліяхъ. Во время пребыванія нашего въ Нулато богатые торговцы, увидя преимущество нашей одежды для лѣтняго времени, начали требовать ситцевыхъ рубахъ, одѣялъ, суконнаго платья, шапокъ, нѣкоторыя даже сапоговъ; и управляющей артелью, видя въ такомъ ихъ желаніи несомнѣныя пользы компаніи, не жалѣлъ съ себя ничего. Мы также способствовали ему по возможности, награждая собственнымъ бѣльемъ нѣкоторыхъ оказавшихъ усердіе экспедиціи. Изъ такого хода дѣлъ можно съ увѣренностью заключить что не далеко то время, когда всѣ племена Квкхпака оставятъ всепрельщающія ихъ бездѣлки и обратятся къ требованіямъ болѣе полезныхъ для себя предметовъ. Заря этого вре-

мени явилась на горизонтѣ, заря эта — учрежденіе церкви въ Михайловскомъ отдѣлѣ.

Предполагая въ читателѣ любопытство узвать покороче составъ и бытъ нашихъ сѣверныхъ заселеній или одиночекъ, достаточно было бы краткаго объясненія, что Русскіи человекъ вездѣ одинаковъ. Гдѣ ни изберетъ мѣсто, на полярномъ ли кругѣ, въ благословенныхъ ли долинахъ Калифорніи, вездѣ ставитъ свою національную избу, стряпню, баню, заводится хозяйкой; но, на службу въ колоніи поступаютъ люди, видѣвшіе свѣтъ не съ палатей; притомъ содержатся на полувоенной ногѣ, и потому мѣсто огороженное глухимъ заборомъ называютъ редутомъ, избу казармой, волоковое окно бойницею, отдѣльную стряпню кухни, даже хозяйку зовутъ иначе.

Четыре человека русскихъ служителей колоніи и одинъ кадьякскій креоль уроженецъ Калифорніи, составляютъ команду заселенія. Изъ Русскихъ у одного жена гдѣ-то въ Вологдѣ, прочіе холостые. Креоль считается толмачемъ, вѣроятно, на томъ же основаніи, какъ въ одной изъ повѣстей Марлинскаго, казанскій Татаринъ брался объясниться съ Голландцами. Староста артели не грамотенъ, но по уму, смѣтливости, отвагѣ и преданности къ пользамъ компаніи, достоинъ столько же уваженія, какъ и занимаемаго имъ труднаго поста. Этотъ человекъ, по своему духу, весьма сходенъ съ незабвеннымъ для материка колоній Э. Комаковымъ, которому О. П. Врангель, въ бытность свою главнымъ правителемъ колоній, при посѣщеніи Александровскаго редута, на извѣщеніе въ неграмотности, отвѣчалъ, что пришлетъ къ нему десять писакъ, лишь бы дѣла оставались въ его распоряженіи.

Къ числу команды артели въ наше время принадлежала Квихваг-мютка, по прозванію Куропатка: она показала первый примѣръ довѣрія къ Русскимъ, рѣшась съ ними явиться въ среду враждебнаго племени Пикваликовъ, и была взята старостой для помощи мужчипамъ во всѣхъ женскихъ работахъ. Слѣдуетъ быть ко всѣмъ признательнымъ, и намъ пріятно вспомнить, что ей мы обязаны помощію при исправленіи одежды и обуви всей команды экспедиціи; ея успешная ловля настоящихъ куропатокъ, нѣкоторое время было подспорьемъ нашему скудному столу; наконецъ, занимаясь переписываніемъ бисера, она сноспѣшествовала и пользамъ торговли. Трудъ этотъ будетъ видѣнъ, если мы прибавимъ, что расторжка бисеромъ производится штками въ

сажень длиною; изъ фунта обыкновенно выходитъ двѣнадцать сажень; годичный выпускъ бисера въ теченіи 1843 года былъ около семи пудовъ.

Въ колоніяхъ вообще предполагаютъ, что жизнь служителей компаній въ отдѣлахъ и особенно въ одиночкахъ, легче и покойнѣе жизни, проводимой въ метрополиі. На этомъ основаніи, служащіе въ отдѣлахъ на постоянныхъ мѣстахъ, не получаютъ ни какихъ наградъ, не пользуются ни какими поощреніями и не рѣдко, по отдаленности своего мѣстопробыванія, не имѣютъ средствъ къ своевременному выѣзду, по истеченіи срока своего служенія. Правда, если бѣ служба людей находящихся въ заселеніяхъ материка, состояла исключительно въ охраненіи нашей торговли; если бѣ они были обезпечены касательно своего продовольствія; если бѣ имѣли вѣрное ручательство своей безопасности, то конечно назначеніе въ такія мѣста могло бы считаться за нѣкоторый родъ награды. Но вмѣсто этого мы видимъ, что точно находясь дѣятельными соучастниками въ приобрѣтеніи тѣхъ богатствъ, которыя доставляютъ основу благосостоянія компаній, заселенцы во всемъ прочемъ предоставлены самимъ себѣ. Пудъ муки, выговоренный имъ при поступленіи на службу, по отдаленности, не всегда исправно доставляется; сытный обѣдъ получаемый рабочимъ въ Ново-Архангельскѣ, онъ долженъ приобрѣтати постояннымъ трудомъ, и въ тоже время быть всегда готовымъ къ защитѣ. Исключая весьма ограниченное количество чаю, сахарнаго песку, ячневыхъ или гречневыхъ крупъ, и въ дни торжественныхъ праздниковъ, говяжьяго сала — отвратительнаго запаха, на пироги или лепешки, поселенецъ съвера не имѣетъ средствъ получить чего другаго и на свое жалованье. Конечно, можно было бы въ достаточномъ количествѣ покупать провизіи у туземцевъ, но къ этому прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ; иначе выпускъ товаровъ на такіе предметы повредятъ существенному назначенію заселеній, — сбору пушныхъ промысловъ. Если къ этому присовокупить, что русскіе служители компаній, по роду прежней своей жизни, не привычны къ прокормленію себя туземными средствами, а средствъ употребляемыхъ на Русіи не имѣютъ, то по истинѣ должно удивляться и цѣнить терпѣніе и самоотверженіе людей, подвергающихъ себя, для пользы компаній, многоразличнымъ лишениямъ.

Въ Ново-Архангельскѣ, въ послѣднее пятилѣтіе, возвысился дома двухъ-этажные, стоящія до двадцати-тысячъ рублий серебромъ.

Тамъ признано за полезное имѣть такія строенія, не взирая на то, что климатъ, дряблость лѣса и поспѣшность при постройкахъ, дѣйствуетъ преждевременнѣе и гораздо разрушительнѣе на огромныя нежелы на посредственныя зданія. Въ Уналашкѣ, въ Атхѣ, въ Михайловскомъ редутѣ, мы вообще видѣли дома мало приспособленныя къ пуждамъ жителей. требующіе ежегодныхъ издержекъ, возвышающихъ бесполезно цѣнность домовыхъ имуществъ, и потому, при основаніи заселенія въ Нулато, старались чтобъ вся цѣнность строеній, за исключеніемъ слюды, взятой нами изъ Ново-Архангельска, для оконныхъ рамъ, не стоила ничего, или вѣрнѣе, равнялась бы цѣности издержанныхъ при постройкѣ топоровъ. Въ образецъ мы приняли якутскую юрту, принаровя внутреннее расположеніе къ удобству русскаго быта, мѣстности и своему назначенію.

Описаніе нулатовскихъ строеній мы представляемъ въ такомъ видѣ какъ оставили ихъ въ августѣ 1843 года. Въ зимнее наше пребываніе въ срубленной по осси казармѣ, стѣны промерзали, половъ и переборокъ не было; вмѣсто слюды оконницы были обтянуты сіучьими кишками, вмѣсто печи стояла каменка; бывало зачастую угарно, по у меня не стыли отъ холоду черпала, какъ то случалось въ Михайловскомъ редутѣ.

Въ двѣнадцати саженьяхъ отъ берега, фасомъ къ рѣкѣ, то есть почти на полдень, изба въ четыре съ половиною сажени длины и три ширины составляетъ общую казарму; отъ нея на одну и три четверти сажени отдѣлено капитальной переборкой для старосты и торговой лавки; чрезъ окно, прорубленное въ переборкѣ, можно торговаться съ тѣми, которыхъ байдарщикъ считаетъ за нужное не пропускать въ двери; это же окно служитъ отдушникомъ для тепла. Отъ двери ведущей изъ сѣней къ двери компаты байдарщика, поставлена глухая переборка съ тремя небольшими бойницами, на случай, если бѣ когда понадобится выставить стволы ружей. За переборкой къ рѣчной сторонѣ отдѣленіе для четырехъ человѣкъ служителей, съ койками и столиками для каждаго; по стѣнамъ шкапки для посуды и разнчвой домашней утвари освѣлаго человѣка. Уголь у наружной двери занимаетъ каменка; къ переборкѣ байдарщика примыкають нары для почлега проходящихъ торговцевъ. По всей казармѣ настанъ полъ; у байдарщика и потолокъ; два окна въ отдѣленіи служителей, и окно въ пріемной освѣщаютъ казарму; мѣра ихъ квадратная, въ полтора фута.

Въ линію съ казармой пристроены съѣн одна съ четвертью сажени ширины, потому въ ту же линію кладовая для пушпыхъ промысловъ двѣ съ половиною сажени длины и одинаковой съ казармой ширины; въ пей, для свободнаго прохода воздуха, въ трехъ наружныхъ стѣнахъ прорублены небольшія узкія окна, задвигаемыя внутренними ставнями; такимъ образомъ все строепіе составляетъ родъ цитадели, въ которой одинъ человекъ можетъ держаться противъ печальнаго нападенія. Крыша покрыта сплошнымъ корбасникомъ и обсыпана землею для воспрепятствованія подходу воды при весеннемъ тапін снѣговъ. Казарма обведена капавой въ два фута ширины и глубины.

Другая изба въ три сажени длины и двѣ съ половиною ширины, раздѣленная по среднѣ глухою капитальною стѣною, выѣщаетъ кухню и баню; она поставлена подъ прямымъ угломъ къ жилому строенію и нѣсколько ближе къ берегу.

Барабора построена въ 1841 году, похожая болѣе на землянку, преобразована въ рабочій сарай; въ ней также сохраняются нарты, морды и другіе хозяйственные матеріалы.

Сплавъ изъ Нулато въ Икогмютъ. Общій очеркъ страны и состоянія туземцевъ, проживающихъ между этими заселеніями.

Августа $\frac{1}{3}$ хронометръ состоялъ позади средняго времени въ Нулато 0 ч. 33' 19" 91. Суточное отставаніе 3" 31.

2 августа. Утро тихо, просіявіе солнца, полдень облачно, SSO свѣжій, вечеръ тоже.

Въ осемь часовъ утра мы оставили Нулато не безъ грусти: такъ сродно человекъ привыкать къ мѣсту и къ людямъ его окружающимъ. Вотъ слишкомъ годъ, какъ я въ сообществѣ простолудиновъ и ежедневно среди такъ называемыхъ дикарей, по первые ревнуютъ объ общей пользѣ отечества и бесѣды съ ними никогда не наскучая, часто были мнѣ поучительны; вторые, по нравамъ и обычаямъ своимъ, возбуждаютъ мое любопытство и участіе. Съ нами возвращается на родину Куропатка.

Въ часъ по полудни, по засвѣжѣвшему противному вѣтру, мы пристали къ берегу миляхъ въ пяти ниже одпочки Хуликата. Съ нами вмѣстѣ остановился одинъ торговецъ Улукаг-мютъ. У него двѣ жены и у каждой по ребенку. Ихъ почти совсѣмъ зашлескало. Но вытацивъ лодочки, жемщпы, не обсушиваясь, при-

ялись за работу: одна шить парку, другая сучить для сѣтей изъ таловой коры нитки. Дѣти занялись своимъ дѣломъ: мальчикъ лѣтъ четырехъ началъ кидать палочку вмѣсто стрѣлки; другой еще грудной, подплясывать въ ладъ пѣсней матери. Противъ одиночки Хуликата, ближе къ пагорной сторонѣ, находится довольно возвышенный островокъ; на немъ лѣтники этого жила; по рѣчкѣ, устье которой скрыто съ рѣки островкомъ, въ весеннее время промышляютъ въ достаточномъ количествѣ сплавныхъ бобровъ.

Въ полчаса мы набрали ведра два мелкихъ рыжиковъ и пагребней, шапку голубики, и это составило нашъ обѣдъ и десертъ.

3 августа. Облачно, во весь день кривикій S. Оставались на мѣстѣ.

4 августа. Облачно, утро S свѣжій; полдень S утренняя; вечеръ тоже.

По утру на близъ-лежащей песчаной лайдѣ удалось убить двѣ пары гусей. Къ ночи спустились къ лѣтникамъ жила Хоголтлинде. Главное направленіе рѣки отъ Нулато до этого мѣста есть SW 30° праваго компаса. Многие изъ запасавшихъ рыбу Такаксавцевъ подъѣзжали къ намъ прощаться: всѣ вообще просили высылать болѣе жировъ и оленины и тогда, говорили они, мы не будемъ имѣть нужды ходить къ приморью и передавать промысла Малейг-мютамъ. Я могъ только обѣщать.

Нѣсколько выше жила Хоголтлинде вливаются въ Квихпакъ двѣ горныя рѣчки Хотакхакать и Хоголтлинде. Берега обѣихъ истоптаны бобрами. Но туземцы, заняты болѣе переторжкой, мало занимаются собственно промысломъ бобровъ. Прибрежная лайда состоитъ изъ голышей, битаго аспиднаго сланца и не крупныхъ обломковъ песчанниковыхъ породъ, составляющихъ горно-каменное сложеніе яровъ и утесовъ, простирающихся вдоль берега.

5-го августа. Пасмурно; утро тихо, въ полдень S утренняя, временно дождь; вечеромъ S утренняя съ порывами, дождь.

Въ замѣвъ Улукаг-мюта, отправившагося переносомъ къ приморью, къ намъ присоединилось трое другихъ его соплеменниковъ, идущихъ для вымѣна промысловъ у жителей, проживающихъ по рѣкѣ Пттегѣ, известной намъ подъ именемъ Чагелюкъ: они везутъ оленины шкуры и петли, табакъ и лавтакъ, — товары необходимѣйшіе для туземца. Въ милѣ ниже Хоголтлинде, на томъ же берегу, виднѣется одиночка Кххальтагъ, «Чавыче»,

бывшая до оспы многочисленнаго жилаго. Квухнакъ къ жилу Хутулькакъ протекаетъ въ двухъ главныхъ плесахъ: по румбамъ къ SO 30° 8 и SW 15° 6 миль. Во второмъ плесѣ есть вѣсколько довольно значительныхъ острововъ. Противъ сопки Тлахогоцохъ, выдавшейся мысомъ и весьма замѣтной по острокопечной своей вершинѣ, съ лѣвой стороны впадаетъ въ Квухнакъ довольно значительная рѣчка Хутулькакъ; въ ея вершинѣ промышляютъ бобровъ, а въ прилежащихъ невысокихъ горахъ оленей. Небольшое жило того же имени расположено близъ устья въ топольникахъ. Мы приставали для обеда близъ бараборы, построенной Нордстремомъ у подошвы сопки во время его зимовки въ 1840 году. Мѣстные жители подъѣзжали къ намъ въ надеждѣ поживиться табакомъ, и нельзя-было обойтись безъ подарка: они прокармливали Нордстрема, когда вся его команда лежала въ цынгѣ, — случай единственный и, вѣроятно, поразившій команду отъ необдуманно избраннаго мѣста для жительства. Цынга неизвѣстна туземцамъ.

Спустившись еще на девять миль по главному направленію рѣки къ SW 42°, по наступившей дождливой погодѣ, мы вошли въ рѣчку Кахокготна и вытащили байдару на берегъ. Здѣсь мѣсто выхода съ приморья, по такъ-называемому среднему переносу, начинающемуся отъ горы Цецяка. Малаховъ проходилъ имъ въ 1838 году; многочисленное до оспы жило Кахатукъ-Катукъ заброшено и поросло травой. Важность мѣста, по сообщенію съ приморьемъ, приволье рыбы, идущей въ рѣку и бобры, проживающіе въ ея вершинѣ, вѣроятно, со временемъ обратно привлекутъ жителей. Нынѣ на устьѣ рѣчки запасаетъ рыбу одна семья туземцевъ.

Устье Кахокготна опредѣлено Малаховымъ обсервацией въ широтѣ 63° 56' 41", долгота по нашему счисленію оказалась 158°, 41', западную отъ Гриввичча. Ширина рѣчки миль на двѣ отъ устья къ верховью отъ пятнадцати до двадцати-пяти сажень; берега къ низовью весьма топки, но въ вершинѣ, по словамъ туземцевъ, рѣка имѣетъ пороги.

Отъ 6-го до 8-го августа. Пасмурно, съ утреннимъ, постоянно буетъ или дождь.

Въ такую ненастную погоду мы считали бесполезнымъ продолжать свое слѣдованіе, потому что подвергали бы всѣ вещи и припасы подмокчѣ и байдарный лавтакъ преждевременной гни-

лости; да и пройденныя разстоянія, безъ проверки астрономическими средствами, сдѣлали бы опись рѣки не надежною. •

Первая холодная роса въ родѣ инея, была въ Нулато въ ночь съ 30 на 31 іюля при $+ 5^{\circ}$ Реомюра. Съ наступленіемъ сырой погоды, втеченіи шести сутокъ, термометръ не показывалъ днемъ болѣе $+ 9^{\circ}$, ночью опускался на четыре и пять градусовъ. Листъ на березѣ и тальникахъ быстро началъ желтѣть и падать.

9 августа. Облачно, до десяти часовъ туманъ; послѣ, во весь день, временно проясненіе солнца, маловѣтріе NO. Ночью OSO свѣжій, временно дождь.

Отъ устья Каховготна къ жилу Ттутаго, на протяженіи семнадцати миль, рѣка, въ главномъ направленіи къ SW 25° , шириною мѣстами близъ трехъ миль, разбита многими значительными островами и потому бечевники представляются только въ низкую воду по песчанымъ косамъ. Собственно жило или зимники Ттутаго находятся на лѣвомъ берегу въ тальникахъ, но жители имѣютъ на правомъ нѣсколько лѣтниковъ и зимнихъ одинокъ. Черезъ жило Кунххоглюкъ на Ттутаго пролегаетъ кратчайшій переносъ съ Квихпака къ приморью. Глазуновъ и Малаховъ проходили имъ въ 1837 и 1839 годахъ. Устье рѣчки Ттутаго, выпавшей въ Квихпакъ съ нагорной стороны, находится въ милѣ ниже жила.

Спуетаясь еще милѣ четырнадцать по направленію рѣки SW 20° , для почлега мы остановились у небольшого горнаго потока. Несмотря на позднее время, съ окрестныхъ одинокъ собралось къ намъ человекъ десять туземцевъ: кто потолковать и погрѣться у русскаго огопка, кто покурить или повюхать табуку на нашъ счетъ. Одна старуха, имѣя надобность въ алеутскомъ топорикѣ, вызывалась заплатить десять штукъ свѣжей юколы, то есть, вдвое противу настоящей цѣны. Я знакомился съ нравами и, желая испытать вѣрность туземнаго слова, удовлетворилъ ея просьбу.

10 августа. Пасмурно, временно дождь или бусъ, OSO умѣренный.

Оставались на мѣстѣ. Несмотря на незначительность потока, у котораго мы стояли, берега его были затоптаны бобрами. Ночью у насъ была презабавная тревога: когда бобры, выплывъ на рѣку, забрали духъ и захопали хвостами, что они

обыкновенно дѣлають при ныряньи, часовому показалось, что кто-то съ берега бросается камнями.

По мѣрѣ удаленія отъ Нулато, табакъ прѣнимается въ высшей цѣнѣ и требованія на него возрастають: это потому, что здѣшніе туземцы, исключая поселившихся между ними Улукагиють, сдавая приобрѣтаемые ими промысла своимъ торговымъ еоплеменникамъ, не ходять ни къ приморью, ни въ Нулато. Къ намъ привозили нѣсколько бобровыхъ шкуръ, прося табаку и оленинъ. Туземецъ не беретъ въ толкъ цѣль экспедиціи, возражая, что онъ нарочно промышлялъ, въ надеждѣ получить отъ Русскихъ необходимыя ему вещи.

11 августа. Облачно, временно просіяніе солнца, SO утренній; въ ночь свѣжій дождь.

Лѣтникъ, на которомъ проживала наша должница, находился въ милѣ ниже нашего става, на мысу, отъ котораго протягивается длинная отмѣлая коса. Имѣя надежду на обсервацію, я не хотѣлъ терять тихое утреннее время на прѣставанье и рѣшился подарить топорикъ старухѣ. Туземцы вообще встають поздно, но добрая женщина насъ не прокараулила. Схватя вязанку сухой рыбы, она знаками и крикомъ указывала мѣсто пристани, и когда мы проплыли мимо, кинулась къ берестяной лодочкѣ, вѣроятно, въ намѣреніи отдать долгъ. Ласковое «чикиха», — дарю, — остановили ее. Слушать выраженіе благодарности не хорошо ни на какомъ языкѣ.

До полудня мы проплыли около двадцати милъ по главному на правленію къ SW 30°. Квихпакъ мѣстамъ протекаетъ въ одномъ руслѣ, мѣстамъ усѣянъ островами, и тогда его ширина увеличивается отъ трехъ четвертей до полуторы мил. По пути мы прѣставали къ одному довольно значительному лѣтнику, но не найдя ни одного туземца, который понималъ бы по-приморски и могъ сказать названіе занимаемаго ими мѣста и вблизи протекающей рѣчки, мы назвали ее «Быстрою», потому что сквозь устья этой рѣчки заваленнаго хламомъ, вода прорывается съ шумомъ водопада. Рѣчка Быстрая, до двадцати сажень ширины на устьѣ, служитъ какъ-бы границею между двумя племенами Ттынайцевъ, рознящихся нарѣчіемъ. Миль одиннадцать ниже ея, на разоренной въ прошлое лѣто Такайксанцами одиночкѣ, мы опредѣлили въ полдень по обсерваціи широту 63° 16' 30'', долготу по хронометру 159° 28' 30'', западную отъ Гривича. Полуденная тѣнь показала склоненіе компаса 30°, восточное. Отъ этого мѣста рѣ-

ка течетъ довольно прямымъ плесомъ по направленію къ югу, около пятнадцати миль, до отдѣленія отъ себя, при жилѣ Важчагатъ, протока въ рѣку Иннока. Въ четвертомъ часу по полудни, бывъ внезапно застигнуты жестокимъ шкваломъ съ дождемъ отъ S, промоченные до костей, мы пристали къ берегу близъ другой разоренной одиночки, на устьѣ порядочной рѣчки, впадающей въ Квихпакъ, также съ нагорной стороны.

Вечеру одинъ туземецъ привезъ намъ нелму около трехъ фунтовъ длины: въ ней было тридцать-семь фунтовъ вѣсу. Впоследствии мы видѣли и больше этой, но во всякомъ случаѣ квихпакская нелма размѣрами не можетъ равняться съ ленскою: за то несравненно ея вкуснѣе.

12 августа. Пасмурно, S свѣжій, временно буре; въ ночь дождь.

Оставались на мѣстѣ. Наша палатка стояла на каменной лайдѣ, подъ крутымъ яромъ четырехъ-сотъ футъ высоты. Отъ нечего дѣлать бродя по окрестнымъ мѣстамъ, мы нашли въ полугорѣ небольшую открытую площадку, въ родѣ терассы, съ которой представляется прекрасный видъ на луговую сторону. На ней поставленъ большой крестъ. Вечеру посѣтило насъ нѣсколько туземцевъ съ жила Важчагатъ. Имѣя сношенія съ приморьемъ чрезъ Анвигскій переносъ, нѣкоторые изъ пріѣзжихъ понимали чпаг-мютское нарѣчіе народа Канг-юлитъ, и потому мы могли вести бесѣду. Рассказывая о изобиліи пушными промыслами мѣстъ, чрезъ которыя протекаетъ рѣка Иннока и описывая разоренія, причиненныя имъ Такааяксанцами, они просили у насъ заселенія. Я обнадживалъ ихъ тѣмъ, что Русскіе, поселенные въ Нулато, впредь не дозволятъ Такааяксанцамъ и никому другому производить безпорядки и насильства, но кажется дѣйствительнѣйшимъ утѣшеніемъ послужили горячая вода, называемая чаемъ, и нѣсколько листовъ табаку.

13 августа. Облачно, OSO тихій.

Въ часъ по полудни мы спустились на жило Важчагатъ или Макаслагъ, какъ называютъ его Улукаг-мюты, а съ ними и Малаховъ въ своемъ журналѣ. Все народонаселеніе отъ мала до велика окружило насъ: одни предлагая свои услуги, другіе рыбу, третья ягодъ и прочая. Почти во ста душахъ обоего пола мы замѣтили всего осемнадцать мужчинъ, и то болѣею частью стариковъ. По словамъ ихъ, тридцать-два человѣка молодежи убито въ прошлогодній набѣгъ Такааяксанцевъ на отдѣльныя одиночки,

на которыхъ тѣ проживали, запасая рыбу. По инструкціи мнѣ надлежало осмотрѣть Иннока * и какъ при жилѣ Важчагатъ Квихнакъ отдѣляется отъ себя въ нее протокъ, называемый Ццеака, то для сокращенія пути мнѣ хотѣлось имѣ пробраться **. Одинъ изъ туземцевъ вызвался быть проводникомъ, однако испытавъ всѣ зависящія отъ насъ средства и употребя три часа времени на проходъ чрезъ баръ устья, притомъ узнавъ, что въ настоящее время весь протокъ прорѣзанъ многими мелководными розсыпями, мы были принуждены оставить свое намѣреніе, тѣмъ болѣе, что нуждаясь въ табакѣ и другихъ товарахъ, необходимыхъ для покупки продовольствія, и надѣясь встрѣтить лодку съ грузомъ для Нулато, мы могли взять съ нея потребное количество и тогда начать осмотръ Иннока, поднявшись съ его устья.

Всѣ туземцы, проживающіе по Иттегѣ, переходятъ къ приморью какъ зною такъ и лѣтомъ, слѣдуя чрезъ Важчагатъ, потомъ горною рѣчкою, выпавшею въ Квихнакъ, почти напротивъ жила достигаютъ вершины Анвига, отъ котораго продолжаютъ путь по тому направленію, которымъ слѣдовалъ Глазуновъ въ первый свой походъ въ 1835 году. Переходъ отъ Важчагата на жила Киххтагукъ, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, выполняется въ трое сутокъ.

14 августа. Пасмурно, утро тихо, времени бусъ съ полдень OSO умѣренный, дождь.

Воспользовавшись тихостью утренняго времени, мы спустились миль на пятнадцать къ устью рѣки Анвигъ. Главное направленіе Квихнака, отъ Важчагата до этого мѣста, есть SW 25°. Рѣка, постоянно болѣе миль шириною, раздѣлена островами на нѣсколько протоковъ, изъ которыхъ главнѣйшій, подъ правымъ берегомъ, отъ полутора до трехъсотъ сажень ширины. Горно-

* Каждое племя одной и той же рѣкѣ даетъ свое названіе. Вершина рѣки Иннока извѣстна подъ именемъ Тлѣгенъ; средняя часть называется Шильтоотно или собственно Иннока, низовье, то есть продолженіе рѣки, заключенное отъ впаденій въ нее протока Ццеака до слиянія самой рѣки съ Квихнакомъ, туземцы называютъ Иттеге, а племя народа Канг-юлитъ Чагелюкъ, «Таловая».

** Малаховъ кратко и неудовлетворительно упоминаетъ въ своемъ журналѣ 1839 года, что онъ проходилъ этимъ протокомъ въ весеннее половодіе.

каменное сложеніе этого берега, также отъ Важичагата измѣнилось изъ песчанниковыхъ породъ въ глинистыя. Въ нѣкоторыхъ утесахъ туземцы добываютъ кровавикъ, изъ другихъ просачиваются натеками очищенныя охряныя земли различныхъ оттѣнковъ, какъ-то: темно-малпцоваго, кирпичнаго, желтаго, палеваго и бѣлаго; третьи, состоя изъ затвердѣлыхъ породъ, спускаются перпендикулярно къ рѣкѣ и на мысахъ представляютъ большія затрудненія при подъемѣ противъ теченія. Кровавикъ переходитъ передачею къ туземцамъ Юнна-ка и далѣе къ верховью Квихпака. За шарикъ двухъ дюймовъ въ діаметрѣ иногда платятъ въ Нулато бобра второго сорта.

Рѣка Анвигъ, на устьѣ сто сажень шириною, по описанію Глазунова, составляется изъ трехъ горныхъ потоковъ и протекаетъ отъ NW праваго компаса. Свѣтлыя ея воды, на протяженіи почти мпн, не смѣшиваются съ водами Квихпака. Главное жило расположено при устьи на лѣвомъ берегу и, при случающихся запорахъ льда, въ весенніе ралны, затопляется; другое небольшое жило находится въ полумпн отъ устья, на правомъ берегу Квихпака, въ небольшомъ разлогѣ. Вначалѣ нашего ознакомленія съ народамъ материка здѣсь предположено было учредить первое заселеніе, но выгоды торговаго мѣстоположенія Иког-мюта перевѣсил.

Какъ Важичагаты представляетъ естественную грань Ттайцевъ, разнящихся нарѣчіемъ, такъ Анвигъ раздѣляетъ куращихъ отъ нюхающихъ, самъ придерживаясь обѣихъ наслажденій. Старикки, молодые, женщины, дѣти не отвязчиво протягиваютъ руки за *прошкой**; получавшіе занюхивались и закуривались до безпамятства или изступленія. Грѣшно было отказать кому либо. Жители Анвига были первые изъ туземцевъ материка принявшіе дружелюбно нашу партію, посланную, въ 1835 году, для обозрѣнія странъ Квихпака. Мирюлюбіе жителей не измѣнялось. Въ настоящее время на обѣихъ жилахъ проживаютъ слишкомъ сто двадцать душъ обоого пола.

15 августа. Утро OSO свѣжій, съ полдень OSO утренняя, бусъ и дождь.

Оставались на мѣстѣ. Глазуновъ, въ первый свой походъ въ 1835 году, нашелъ у Анвиг-мютовъ, въ общемъ обыкновеніи, бобровую и

* Такъ вообще зовутъ табакъ Чукчи и народы Стѣверо-Западной Америки.

собой одежду. Нынѣ этотъ обычай измѣнился и туземцы, какъ и тогда, имѣя множество промысловъ, требуютъ отъ насъ взами́нъ табакъ, оленьихъ шкуръ, маклыхъ петлей и лавтаковъ. При обзорѣннѣ торговаго состояннѣ Михайловскаго редута и приморья, сказано, что мы весьма мало пользуемся промыслами среднихъ частей Квихпакскаго бассейна. Жители Анвика ведутъ главнѣйшіе свои дѣла съ торговцами Кикхтагука. Относительно же внутреннихъ сношеннѣ не поднимаются вверхъ по Иттегѣ дальше соплеменниковъ своихъ, проживающихъ при впаденнѣ протока Цдеяка въ рѣку Иннокъ. Изобильный ловъ рыбы, промыселъ бобровъ и выдръ по рѣкѣ Анвикъ и другимъ небольшимъ горнымъ потокамъ и лисицъ по окрестнымъ мѣстамъ, доставляютъ имъ все необходимое для жизни. Только немногіе изъ жителей занимаются исключительно переторжкой.

16 августа. Пасмурно, бусъ и дождь, OSO умѣренный.

Оставались на мѣстѣ. Вотъ полъ-мѣсяца какъ ежедневно дождь, словно растворилось небо — выраженнѣ простонародья — то льетъ, то съетъ бусомъ. Старослужащіе въ этомъ краѣ Русскіе рассказываютъ, что втеченіи десяти лѣтъ, то есть, съ основаннѣ редута, примѣчено, что августъ бываетъ дождливѣе всѣхъ мѣсяцевъ года. Не имѣю права не вѣрить: рабочнѣ народъ вмѣсто гигрометра повѣряетъ на себѣ степени влажности атмосферы и многіе, смотря по колотью и ломотѣ, не хуже барометра предузнаютъ будущее состояннѣ погоды.

17 августа. Облачно, SO тихнѣ, ночью бусъ.

Не имѣя слуховъ о нулатовской лодкѣ, на которой предназначено было доставить къ намъ нѣкоторые запасы и товары, и желая встрѣтить ее не доходя устья Иннокъ, мы не торопились и въ нынѣшннѣй день спустились всего на двадцать миль, пройдя на пути два небольшнѣя туземныя жила и довольно значительную бобровую рѣчку Пшапыкшаликъ. Квихпакъ, постоянно разбитъ многими островами, въ берегахъ до двухъ миль, но рѣдкнѣй протокъ превосходитъ семидесять-пять сажень ширны. Мы слѣдовали крайннѣмъ къ нагорной сторонѣ.

18 августа. По утру пасмурно, тихо, бусъ, но съ осьми часовъ настала давно желанный свѣрннѣй вѣтеръ; облака задвигались; мгла полетѣла; изъ приносимыхъ тучъ дождь росла въ крупными каплями. Для опредѣленнѣ мѣста я ожидалъ, не проглянетъ ли

солнце, но только къ четыремъ часамъ за полдень очистилось небо. Собравшись ввечеру къ палаткѣ, мы обрадовались, когда увидѣли неожиданную добычу: намъ удалось настрѣлять слишкомъ два десятка гусей. Послѣ продолжительнаго рыбнаго стола Господь послалъ намъ розговѣнье.

19 августа. Облачно, просіяніе солнца, утро тихо, съ полдень W свѣжій.

Отъ устья Анвика до жила Анилухтакпакъ, которое опредѣлено нами обсервацией въ широтѣ $63^{\circ} 13' 33''$ и долготѣ по хронометру $159^{\circ} 28' 30''$, Квихпакъ, протеская по главному румбу къ SO 10° близъ тридцати миль разбитый, какъ мы выше сказали, на всемъ этомъ протяженіи на ивогію протоки, подъ жиломъ соединяется въ одно русло, шириною не болѣе двухъсотъ сажень, отчего теченіе его становится весьма быстрымъ. Туземныя жилища, до оспы, были въ небольшомъ разлогѣ близъ крайняго яра, но нынѣ перенесены нѣсколько ниже, къ другой падѣ. Лѣтники, выстроенные по берегу въ прямую линію, представляютъ издали правильность европейскіхъ селеній. Жителей можно полагать до полутора ста душъ. На прежнемъ жилищѣ, кажимъ заслуживаетъ замѣчанія: это строеніе двѣнадцати сажень въ квадратѣ и слишкомъ шести вышины имѣетъ въ три яруса лавки, еловыя доски которыхъ шириною три съ четвертью фута, видимо колоты и обтесаны камешными топорами. Глазуновъ въ журналѣ перваго своего путешествія рассказываетъ, что онъ былъ принятъ въ этомъ кажимѣ слишкомъ семьюстами взрослыхъ туземцевъ. Мы увѣрены, что въ ту пору была у жителей Анилухтакпака игрушка или помпикп: иначе какъ объяснить настоящее уменьшеніе населенія. Извѣстно, что оспа свирѣпствовала въ этихъ мѣстахъ не съ такою силою какъ въ Нулато. Это замѣчаніе мы имѣли случай повѣрить наблюденіямъ памятниконъ, которые по несполненію срока для копечнаго ихъ забвенія, доселѣ поддерживаются и подновляются родственниками умершихъ.

Анилухтакпакъ, послѣднее селеніе Ттыпайцевъ на Квихпакѣ; далѣе внизъ и по всемъ рукавамъ этой рѣки, по низовью Кускоквима и приморью до полуострова Аляксы, расселились племена народа Канг-юлтъ. Мы снова услышали въ общемъ употребленіи тотъ языкъ, съ которымъ познакомились въ пребываніи наше въ Михайловскомъ редуѣ.

Отъ мѣста обсервацин въ трехъ миляхъ къ югу, Квихпакъ

принялъ слѣва рѣку Иннокъ, или какъ ее называютъ, Квихпаг-мюты, Чагелюкъ, поворачиваетъ къ SW 45° и течетъ плесомъ десять миль длины, въ руслѣ ширины не болѣе полумили. На оконечности этого плеса мы остановились для ночлега на небольшомъ жилѣ Такчилькиляг-мютъ, у извѣстнаго по всему плесу Квихпака торговца, прозваннаго Русскими Заплатка.

И самъ Заплатка и поводъ придавшаго ему прозвища, нѣ кажется достойны сохраненія въ историческихъ матеріалахъ этого края. Въслѣдствіе перваго путешествія Глазунова по Квихпаку, зимою 1834 года, явился въ слѣдующую весну къ реду, бодрый старикъ въ изношенной выхухоловой паркѣ, покрытой множествомъ заплатъ. Оставя байдарку на водѣ, старикъ вынулъ свертокъ бобровъ и явился къ управляющему. Казалось, на свои пять шкуръ онъ желалъ закупить всю лавку; справлялся съ цѣнностью каждой вещи, перерывалъ бисера, корольки, табакъ и прочее. Управляющій терпѣливо объяснялъ употребленіе и цѣны каждаго предмета. Старикъ слушалъ, соображалъ и уѣхалъ не купивъ ничего. На утро онъ возвратился на байдарѣ съ полтора ста бобрами, какъ знатокъ, выбиралъ потребные для себя товары, былъ облаканъ управляющимъ, скоро сдружился съ служителями, которые хваля его тароватость, часто въ шуткахъ приговаривали: «Ай-да Заплатка.» Ловкій торговецъ заучилъ это слово и хотя въ послѣдствіи узналъ его значеніе, однако на вопросъ объ имени, донинѣ продолжаетъ отвѣчать — «Ай-да Заплатка».

Въ настоящее время Заплатка предпочитаетъ за болѣе выгодное вести свои торговые дѣла съ Паштолемъ. Меньшой его братъ Косикъ, «Высокій», имѣетъ постоянныя сношенія съ нашимъ поселеніемъ въ Икогмютъ. Сыпъ, принявшій святое крещеніе и названный Николаемъ, для своихъ торговыхъ оборотовъ избралъ редутъ Колмакова на Кускоквинѣ. На вѣшалахъ мы пасчитали у нихъ до ста оленьихъ шкуръ различныхъ достоинствъ, всего бобровъ на двѣсти пятьдесятъ. На вопросъ мой:—Для кого это? умный старикъ отвѣчалъ: — «Кому нужда, тотъ возьметъ!» Упоминаемъ это для того, чтобъ фактами познакомить читателя съ смѣтливостью и оборотливостью туземцевъ.

30 августа. Облачно, SW свѣжій, вѣтръ, зреетъ дождь.

Пройдя за Такчилькиляг-мютъ не болѣе двухъ миль къ югу, во свѣжести противнаго вѣтра, принуждены были пристать къ

берегу. Въ небольшой протокъ сядились табунами гуси. Мы отъ нечего дѣлать занялись стрѣльбой, и къ вечеру добыли около двухъ десятковъ. Намъ посѣщали нѣсколько туземцевъ и семьи Заплатки. Братъ его, видя на мнѣ соболій архалухъ, спросилъ: нѣтъ ли у насъ соболей? и получа утвердительный отвѣтъ, убедительно просилъ продать ему десять штукъ, недостающихъ къ паркѣ, назначенной въ подарокъ на предстоящихъ поминкахъ. Для такого случая ни одинъ туземецъ не пожалѣетъ заплатить втрое дороже настоящей цѣны, но мнѣ не хотѣлось ни отказать ни торговаться съ хорошимъ человѣкомъ: я подарилъ ему сколько нужно, а на утро получилъ въ оплату двѣ выдры высшаго достоинства.

21 августа. Облачно, W крѣпкій. Оставался на мѣстѣ.

22 августа. Тихо, облачно, ночью NW умѣренный.

Рѣка, обогнувъ утесы, подступающіе къ самому берегу при жилѣ Такчилькляг-мютъ, направляется прямымъ чистымъ плесомъ въ пол-мили шириною, по румбу SW 65°, на разстояніи почти двадцати-пяти миль къ островершинной купѣ горъ, въ двѣ тысячи футовъ высоты, называемой туземцами Илвить. Мы спустились по этому плесу, сопровождаемые туземцами изъ селенія Паймютъ-находящагося на лѣвомъ берегу при впаденіи въ Квихпакъ рѣчки Уаликъ. Съ этого жила на Кускоквинѣ существуетъ переносъ во всякое время года.

13 августа. Утро тихо, полдень облачно, S тихій, вечеръ SO тихій, временно бусъ.

По восточную сторону подошвы Илвить расположено туземное селеніе Икалгвиг-мютъ, «рыбное». Отъ него до Иког-мюта миль двѣнадцать, которыя рѣка протекаетъ двумя плесами: къ SW 60 — девять и къ югу три мили. На этомъ протяженіи три небольшихъ но бобровыя рѣчки сливаются съ отклоновъ отдѣльной сопки Чивкликъ — выше двухъ тысячъ пятисотъ футовъ въ ясный день видимой, по словамъ служителей компаніи, изъ Михайловскаго редута. Подъ Иког-мютомъ мы встрѣтили отца Куропатки и были свидѣтелями, что туземцы Квихпака не такъ равнодушны къ изъявленію родственныхъ чувствъ, какъ нѣкоторые путешественники упоминаютъ относительно Кадьякцевъ и Алеутовъ. Здѣсь природа удерживаетъ свои права.

Въ пяти миляхъ выше Иког-мюта утесы, составляющіе отро-

ги сопки Чивикликъ, состоятъ изъ зеленой яшмы и затвердѣлыхъ глинистыхъ породъ, окрашенныхъ окисломъ желѣза. Въ горючакаменномъ сложеніи утесовъ, прилегающихъ къ самому берегу, мы не безъ удивленія встрѣтили ту же породу, что и въ нижней части Нортонова залива, то есть поздраватую вулканическую лаву.

Въ дополненіе къ даннымъ, изложеннымъ при описаніи осмотрѣнныхъ нами мѣстъ по Квихпаку, мы считаемъ необходимымъ приложить общій очеркъ страны, по которой рѣка эта протекаетъ, а равно и нѣкоторые другіе матеріалы, которые бывъ помѣщены въ дневникѣ, казались бы читателю утомительными и однообразными. вмѣстѣ съ этимъ не оставимъ указать на настоящее состояніе быта и промышленности туземцевъ, проживающихъ между нашими заселеніями.

Квихпакъ на всемъ протяженіи, слишкомъ двѣсти двадцать миль отъ Нулато до Иког-мюта, судоходенъ для большаго ранга рѣчныхъ судовъ. Правый берегъ вообще приглубый, и большею частию способный для бичевника, даетъ способы къ подъему противу теченія, простирающагося съ среднею скоростію три съ четвертью миль въ часъ. Не измѣряя постоянно глубину фарватера, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка течетъ въ одноѣ руслѣ и вблизи утесовъ, мы не доставали дна двѣнадцати саженнымъ линемъ. Въ другихъ, на обходѣ косъ въ разстояніи отъ нихъ двадцать-пять саженъ, мы проходили по глубинѣ осьмнадцать и двѣнадцать футь. Рѣка до Анилухтакпака вездѣ болѣе миль въ берегахъ, но большею частию разбита островами на многіе протоки. Къ низу отъ этого селенія, по принятіи водъ Иннокъ, островки находятся только при концѣ плесъ и рѣка суживается въ руслѣ отъ сорока до двухъ сотъ саженъ. Причину необыкновенной ширины рѣки съ утвердительностію можно отнести къ быстротѣ и огромности водной массы, стремящейся въ весеннія водополи отъ верховыхъ ея притоковъ; при чемъ воды эти, не вмѣщаясь въ руслѣ, размываютъ и промываютъ берега, отдѣляя отъ нихъ то множество острововъ, которое мы усматриваемъ на пространствѣ отъ Нулато до Важичагата. Но отъ послѣдняго мѣста Квихпакъ представляетъ намъ другую замѣчательную особенность: эта рѣка, при отдѣленіи отъ себя протока Цецяка и другихъ, большею половиною своихъ водъ вливается въ Иннокъ, образуя нѣсколько значительныхъ низменныхъ острововъ, усѣянныхъ внутри рыбными озерами. Всѣ эти остро-

ва состоятъ изъ наноснаго ила и покрыты тальниковыми и ольховыми кустарниками.

Хребеть, отдѣляющій Квихпакъ отъ Нортонова залива, тянется отъ Нулато до Ттутаго вдоль берега непрерывными утесами и ярами, отъ пяти до осьми-сотъ футъ высоты, покрытыми вообще до вершинъ еловымъ лѣсомъ; береза, тополь и осина, видны по склонамъ или въ падахъ. Отдѣльныя и внутреннія сопки этого хребта обнажены отъ всякой растительности. Къ низу отъ Ттутаго нагорный хребеть, не теряя возвышенности въ материкъ, подъ берегомъ склоняется ярами футъ въ триста высоты. Отъ Анилухтакпака эти горы еще понижаются, подходят къ рѣкѣ только мѣстамп, но подъ Иког-мютомъ представляютъ замѣчательную островершинную группу Илвить съ сопкою Чивкликъ. Разщелившися пикообразныя вершины этой группы заставляютъ отнести горнокаменное ея сложение къ плутовическимъ породамъ. Туземцы сказываютъ, что встарь изъ горъ Илвить добывали мѣдь, изъ которой выковывали браслеты и другія украшенія, но я не могъ достать ничего изъ такихъ издѣлій.

Лѣвая сторона Квихпака луговая, или вѣриѣе, тундренная. Горы, отдѣляющія систему этой рѣки отъ протоковъ Илюка, видѣются по протяженію берега, миль въ пятнадцати и двадцати, отдѣльными холмами, поросшими мелкимъ чапыжникомъ. Высота этой цѣпи отъ такаекаскихъ горъ, постепенно понижаясь при устьѣ Целяка, не превышаетъ триста футъ; остальной берегъ Квихпака, отъ устья Илюка до Иког-мюта, не выше трехъ сажень. Хребеть, отдѣляющій воды Кускоквина, видѣется отдѣльными группами въ двадцати-пяти и тридцати миляхъ.

Строчкой лѣсъ, окаймляющій лѣвую сторону рѣки, не простирается внутрь материка далѣе осьми или десяти миль отъ берега. За нимъ тундра и озера, и только кой-гдѣ по буграмъ произрастаетъ тонкая лиственъ, а по берегамъ вытекающихъ потоковъ, низкій тальникъ и ольховникъ.

Достоинно замѣчая, что ни въ Нулато, ни по всему протяженію Квихпака, отъ этого селенія къ Иког-мюту, посѣщая нѣсколько разъ горы, углубляясь въ лѣса, мы не видали такихъ крупныхъ деревьевъ, какія растутъ въ осмотренномъ нами краѣ отъ Нулато къ верховью. Тамъ мы пахали ели въ три обхвата, березы и топольники въ два съ половиною фута въ диаметръ; здѣсь не встрѣчали ели толще двадцати дюймовъ въ отрубѣ,

а березу рѣдко прямую и прямослойную съ берестой, которой хрупкость не позволяетъ употреблять въ дѣло при построеніи туземныхъ лодочекъ, иначе, какъ небольшими полосами.

Извѣстно, чѣмъ ближе къ устью рѣки, тѣмъ мѣста изобильнѣе рыбою; но на Квихпакѣ ходъ рыбы имѣетъ свою особенность. Не упоминая о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ, преимущественно предъ другими, ловится тотъ или другой родъ рыбы, замѣчаемъ, что въ низовыхъ частяхъ Квихпака вовсе не ловится хайка, вмѣсто котораго исключительно идетъ красная рыба «нерка», кижучъ и чавыча. На Аввикѣ ловится и хайка и прочіе означенные мною виды рыбъ. Отъ Важчагаты до устья Юнна-ка красная рыба и чавыча считается рѣдкостію, и попадаетъ по одиночкѣ, а кижуча никогда не видно. Дадѣе отъ рѣчки Минхотятно, вторично ловятся всѣ виды рыбы этой лососинной породы. Должно полагать, что хайка по низовью рѣки проходитъ серединой и начинаетъ подходить къ берегамъ только тамъ, гдѣ они при глубѣ и каменистѣ; прочіе виды, выметавъ икру близъ илѣстыхъ береговъ, отдѣляются къ срединѣ, и уже вверху, по мелкости рѣки, попадаютъ холостыя или яловыя.

Со времени основанія Михайловскаго редута и заселеній, учрежденныхъ по Квихпаку, физическій бытъ туземцевъ осматрѣнныхъ нами мѣстъ видимо улучшился. Не упоминая о предметахъ роскоши, къ которымъ можно причислить и табакъ, употребленію котораго они научились, съ сѣвера-отъ Чукочь, а съ юга отъ нашихъ поселеній при берегахъ Великаго Океана, мы приведемъ, что не прошло еще десяти лѣтъ, какъ туземцы оставили каменные топоры, каменные ножицы или пеколки, палочки для доставанія огня, костяныя иглы и многіе другіе предметы, замѣнивъ ихъ европейскими. Нѣкоторые, убѣжденные опытомъ въ удобности нашихъ матерій и одежды, гдѣ видятъ умѣренность цѣвъ, охотно берутъ рубахи, брюки, шапки, одѣяла и прочее. При такихъ благоприятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, усилилась ли промышленность дорогихъ звѣрей? Нѣтъ. Только источникъ сбыта пушныхъ мѣховъ и пѣвы измѣнились. Что прежде исключительно переходило къ Чукчамъ, то въ настоящее время большею частію поступаетъ къ намъ; что прежде стоило три листа табаку, за то нынче мы платимъ фунтъ. Впрочемъ, какъ у насъ на Русь оргивальные вяземскіе пряники приготавливаются только въ Вязьмѣ или калужское тѣсто только въ Калугѣ, такъ и на Квихпакѣ, тѣ туземцы, которые до осно-

ванія редута занимались переторжкой, и нынѣ занимаются тѣмъ же промысломъ, тѣ селенія, въ которыхъ гнули Калуги «Чашы» и приготавливали другую какую деревянную посуду, и до нынѣ не оставляютъ своихъ занятій. Это что-то въ родѣ древнихъ египетскихъ цеховъ. Послѣдуемъ въ краткомъ обзорѣ за промышленностью туземцевъ на селеніяхъ, промежуточныхъ между Нулато и Иког-мютомъ.

Племя Ттынайцевъ, извѣстное намъ подъ собственнымъ именемъ Инкиляковъ и расселившееся отъ Нулато до Ттутаго, проживая на путяхъ сообщенія Квихпака съ приморьемъ, занимается почти исключительно перекупкою промысловъ у туземцевъ, проживающихъ по рѣкамъ Юнва-ка и Пттегѣ. Выхухоль, водящаяся въ многочисленныхъ озерахъ лѣвой стороны рѣки и еврашки, добываемая въ близъ-лежащихъ горахъ, снабжаютъ жителей лѣтней одеждою. Злмиюю, то есть изъ оленьихъ шкуръ, они получаютъ отъ Малейг-мютъ чрезъ Упалакликъ и Тшахтоль. Олений промыселъ въ горахъ Такаякса и въ вершинѣ рѣчки Хутыль-какатъ маловаженъ и составляетъ единственно забаву молодежи.

Лучшіе торговцы, Важпачагата, которые вошли было въ непосредственныя сношенія съ Михайловскимъ редутомъ, перебиты. Сверхъ собственнаго боброваго промысла по близъ-находящимся притокамъ оставшіеся туземцы этого селенія скупаютъ пушныя мѣха у верховыхъ жителей Ниво-ка и въ свою очередь передаютъ Улакаг-мютамъ или къ приморью, на жило Кикхтагукъ. При проходѣ лодки съ товарами въ Нулато мы получаемъ отъ нихъ отъ сорока до осьмидесяти бобровыхъ шкуръ за табакъ, бисера и цукан.

Промышленость Аввигскихъ жителей описаны выше. Въ настоящее время только при проходѣ лодки удается купить отъ нихъ нѣсколько бобровъ за табакъ. Въ такомъ отношеніи, въ разсужденіи промышленности и торговыхъ сношеній, состоятъ къ намъ и жители селенія Макки.

Въ Аплухтакпакъ спускаются весною нѣсколько лодочекъ жителей Ниво-ка съ богатымъ грузомъ промысловъ. Собственная промышленность пушныхъ звѣрей этого селенія маловажна; равноѣрно нѣтъ на немъ особенно важныхъ торговцевъ. Но одни сдаютъ свои закупы въ редутъ Колмакова, другіе спускаются въ Паштоль или чрезъ Аввигскій перевозъ ходятъ къ приморью. Аплухтакпакъ ведетъ съ Кусковвимцами довольно значительную мѣновую торговлю юколою и мороженою нельмою.

Жители Паймюта своихъ промысловъ имѣютъ мало, но отъ продажи Кускоквинцамъ сушеной и мороженой рыбы получаютъ знатные барыши. Торговцы этого селенія сдаютъ пушные мѣха, скупаемые ими отъ сосѣднихъ Ттынайцевъ и Кускоквинцевъ, частью въ редутъ Колмакова, частью въ Иког-мютъ, но главнѣйше сбываютъ въ Паштолѣ, откуда берутъ въ замѣнъ жиръ, оленьи шкуры и лавтаки.

Въ Икалннгвиг-мютъ три человекъ бобровыхъ промышленниковъ: остальные занимаютъ преимущественно переторжкой рыбы съ жителями Кускоквина и дѣланіемъ различной деревянной посуды, чрезъ обмѣнъ которой, въ Паштолѣ, получаютъ необходимыя для домашняго своего быта жиры и оленьи.

Занятія жителей Иког-мюта состоятъ, сверхъ запасеній рыбы на собственное продовольствіе и продажу на Кускоквинѣ, въ приготовленіи изъ дерева различной домашней посуды, а главнѣйшее въ перекупкѣ пушныхъ промысловъ отъ Агуль-мюта, на лавтаки и жиры, которые нарочно для того привозятся изъ Паштоля. Бобровую промышленностію занимаются всего двое. Мѣха, скупаемые туземцами Иког-мюта, вполнѣ могутъ переходить къ намъ только тогда, когда, независимо отъ европейскихъ товаровъ, управляющій артелью получить средства во всякое время имѣть достаточные запасы туземныхъ произведеній, и заселеніе въ Икогмютъ изъ временнаго преобразуется въ постоянное.

Соболи и норки къ визу отъ Нулато не многочисленны, со всѣмъ тѣмъ, туземецъ, посвятившій зиму рачительному осмотру собольныхъ ловушекъ, нерѣдко приобрѣтаетъ болѣе двухъ десятковъ соболей. Выхухоль въ иные годы ловится въ столь великомъ множествѣ въ озерахъ, находящихся между Квихпакомъ, Иттегѣ и Кускоквинѣ, что за внутреннимъ потребленіемъ, въ Иког-мютъ было скупаемо до трехъ-тысячъ шкурокъ. Нынѣ четвертый годъ, какъ промыселъ ихъ весьма оскудѣлъ.

На добычу лисецъ и рысей туземцы, проживающіе между Иког-мютомъ и Нулато, обращаютъ еще менѣе вниманія, нежели на промыселъ бобровъ. Нельзя относить этого къ ихъ беззаботности: они весьма хорошо понимаютъ свои пользы, но по роду жизни, который привыкли вести, правильный лисій промыселъ, то есть частый осмотръ ловушекъ, ихъ постановка, очистка отъ снѣгу и прочая, для нихъ тягостенъ.

Къ визу отъ Анвика, непривычному страшно выйти на берегъ. Повсюду встрѣчаешь слѣды и пробитыя тропы, сдѣланныя

медвѣдами, которые, переплывая на острова, гоняются за лесной птицей, а въ узкихъ протокахъ искусно ловятъ рыбу. Туземцу удастся добыть медвѣжью шкуру тогда только, когда тотъ при глубокихъ снѣгахъ не легъ еще, или вышелъ рано изъ берлоги. Введеніе настоящей промышленности этого звѣря принесло бы огромные пользы компаніи, по извѣстности высокаго достоинства шкуръ американскихъ черныхъ медвѣдей.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ

ВЪ ЕВРОПѢ.

До половинны прошедшаго столѣтія, товары пересылались изъ Англіи въ Шотландію не иначе какъ на вьючныхъ лошадяхъ и до невѣроятности медленно. Парнелль рассказываетъ, что провозъ изъ Эдинбурга въ Селькэркъ и обратно (не болѣе семидесяти-шести миль разстоянія) совершался не менѣе какъ въ двѣ недѣли! Въ 1750 году дилижансъ полторы сутокъ тащился изъ Эдинбурга въ Гласго, а въ 1763, между Лондономъ и Эдинбургомъ ходилъ всего одинъ дилижансъ, однажды въ мѣсяцъ, и пробывалъ въ дорогѣ двѣ недѣли! Семьдесятъ-пять лѣтъ назадъ, Артуръ Юнгъ проѣзжалъ по тому самому тракту, по которому нынче проведена желѣзная дорога изъ Ливерпуля въ Манчестеръ. Нынче здѣсь ежедневно проѣзжаютъ тысячи пассажировъ, съ быстротою отъ двадцати пяти до пятидесяти миль въ часъ. Послушаемъ, что было на этой дорогѣ при Юнгѣ: «Словами нельзя описать этой гнусной дороги, говоритъ онъ. Совѣтую всѣмъ, кому случится посѣтить этотъ край, избѣгать ея, если только хотять сберечь кости. Проѣзжая здѣсь лѣтомъ, послѣ дождливой погоды, я видалъ ямы, наполненныя жидкою грязью, глубиною до четырехъ футовъ. Посудите, каково должно

быть весною? Дороги никогда не чинять; по временамъ только заваливаютъ рытвины булыжникомъ. И теперь не могу безъ ужасу вспомнить о пыткѣ, которую я выдержалъ, проѣзжая по этой страшной дорогѣ, гдѣ встрѣтилъ три оставленныя завязшія телѣги.»

Въ концѣ прошлаго столѣтія перевозъ товаровъ совершался чрезвычайно медленно и требовалъ огромныхъ издержекъ, и потому перевозили сухимъ путемъ однѣ мануфактурныя, легкія издѣлія. За провозъ, напримѣръ, изъ Лондона въ Лидзъ платили до тринадцати фунтовъ стерлинговъ съ тонна, а изъ Ливерпуля въ Манчестеръ по сорока шиллинговъ. Каменный уголь и тому подобныя громоздкія вещи, находили сбытъ только тогда, когда добывались вблизи приморскаго города, и потому многія изъ самыхъ богатѣйшихъ графствъ королевства терпѣли нужду. Наконецъ, въ 1767 году, начать Бриджватерскій каналъ. Успѣхъ этого предпріятія привлекъ вниманіе многихъ значительныхъ владѣльцевъ; составились компаніи судоходныхъ каналовъ и вскорѣ по всему государству распространилась та обширная система внутренняго судоходства, которой торговля Англіи обязана своимъ значительнымъ развитіемъ.

Эти компаніи завладѣли всею внутреннею торговлею, стали вырывать огромные барыши и, окончательно соединившись въ одну компанію, совершенно подавили соперничество.

Торговое сословіе долго и терпѣливо сносило ихъ грабительства, но компаніи, разбогатѣвъ, стали отправлять дѣла съ крайнею небрежностію. Просьбы, поданныя въ парламентъ въ 1825 году, показывали между прочимъ, что хлопчатая бумага, привезенная въ двадцать сутокъ, изъ-за трехъ-тысячъ миль, въ Ливерпуль, изъ Ньююрка, цѣлая шесть педѣль шла отъ Ливерпуля до прядильныхъ мельницъ въ Манчестеръ, — тринадцать миль разстоянія. Купцы пробудились наконецъ отъ своего равнодушія и рѣшились устроить желѣзную дорогу, для провоза бумаги изъ Ливерпуля въ Манчестеръ. Увидя свою ошибку, компаніи вздумали умиловить публику пониженіемъ тарифа, но было поздно: проектъ купцовъ былъ зрѣло обдуманъ и успѣхъ его не подлежалъ сомнѣнію. Вліяніемъ своимъ въ парламентѣ, компаніи успѣли на два года отсрочить подписаніе акта о дозволеніи учредить желѣзную дорогу, но купцы не сочли себя побѣжденными: они снова вошли съ представленіемъ и, наконецъ, въ 1828 году, съ разрѣшенія правительства состоялась «Компанія Желѣзныхъ Дорогъ».

Такимъ было начало новаго рода перевозки, которая составляетъ эпоху въ исторіи нашего столѣтія и которая теперь вошла въ употребленіе во всѣхъ просвѣщенныхъ странахъ земнаго шара. Быстрое развитіе новаго изобрѣтенія и удивительная предприимчивость, съ которою бросились на него капиталисты, дѣлають этотъ предметъ достойнымъ внимательнаго разсмотрѣнія и всеобщаго любопытства. Въ этой статьѣ мы предложимъ читателямъ краткій обзоръ успѣховъ, сдѣланныхъ въ искусствѣ сообщенія посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, съ открытія Ливерпульской линіи по нынѣшнее время; изложимъ настоящее положеніе новой системы перевозки въ различныхъ странахъ, гдѣ она вошла въ употребленіе; разсмотримъ вліяніе ея на общественныя и торговыя сношенія и изслѣдуемъ важные вопросы о безопасности этой системы и объ отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ къ государству.

Первоначальная цѣль учрежденія желѣзной дороги между Ливерпулемъ и Манчестеромъ состояла въ перевозкѣ товаровъ. Въ Ливерпуль, изъ отдаленныхъ частей свѣта, привозятся сырые продукты пущыя для манчестерскихъ мануфактуръ, которыхъ издѣлія, изъ Ливерпульскаго же порта, развозятся по всѣмъ краямъ вселенной. Въ этой обюдной передачѣ новая компанія видѣла средства вознаградить себя за всѣ издержки, которыя понесетъ при исполненіи своего проекта.

По мѣрѣ того, какъ предпріятіе приближалось къ окончанію, компанія стала придумывать способы перевозки. Первоначально разсматривали линію, какъ обыкновенную конскую дорогу, владѣльцамъ которой предоставлялось право взимать пошлину за провозъ по ней товаровъ. Иначе, устроившій линію, — Стивенсонъ, — посоветовалъ компаніи ввести употребленіе паровъ, дешевою и силою превосходящихъ всякаго другаго двигателя. Можно было приложить ихъ къ дѣлу двояко: во-первыхъ, предлагали провести на валахъ, вдоль линіи, канатъ, который прикрѣплялся бы однимъ концомъ къ вагонамъ, а другимъ наматывался бы на большіе цилиндры, которымъ предполагалось сообщить вращательное движеніе посредствомъ неподвижныхъ паровыхъ машинъ; во-вторыхъ, думали прикрѣплять къ вагонамъ небольшія, легкія машины, которыя бы тащили ихъ, какъ лошадь тащитъ возъ. Это было началомъ нынѣшней системы локомотивовъ.

Собравъ мнѣнія опытныхъ практическихъ инженеровъ, директоры общества рѣшились принять систему локомотивовъ, имѣя

еще въ виду одну только перевозку товаровъ. Тогда кому-то пришло въ голову, нельзя ли такъ устроить локомотивы, чтобы они сообщали вагонамъ скорость до десяти или до двѣнадцати миль въ часъ? Въ подобномъ случаѣ стоило бы подумать и о перевозкѣ пассажировъ.

Послѣдствія этого великаго предпріятія теперь извѣстны всему міру, но тогда никто ихъ не предвидѣлъ и большая часть тогдашнихъ практическихъ людей съ презрѣніемъ отвергали мнѣніе Стивенсона о возможности, посредствомъ паровъ, возить тяжести съ быстротою двѣнадцати миль въ часъ. Одинъ изъ этихъ господъ, который, проживши много лѣтъ вблизи богатыхъ каменно-угольныхъ копей, при разработкѣ которыхъ уже давно употреблялись локомотивы, имѣлъ случай вполне ознакомиться съ ихъ свойствами, въ напечатанномъ имъ разсужденіи, гнѣвно отрекался отъ всякаго участія въ подобныхъ сумасбродныхъ умозрѣніяхъ, отзываясь о тѣхъ, которые вѣрили въ возможность, посредствомъ паровъ, придать повозкамъ на желѣзной дорогѣ скорость до двѣнадцати миль въ часъ, какъ о сумасшедшихъ! Спустя короткое время послѣ изданія этого замѣчательнаго воззванія, къ изумленію инженернаго сословія и ученаго міра, паровозъ «Rocket» уже пробѣгалъ по рельсамъ съ быстротою превышающею двадцать девять миль въ часъ.

Этотъ фактъ совершенно измѣнилъ видъ предпріятія и показалъ компаніи, что отъ нея зависитъ завладѣть перевозкою, не только товаровъ, но и пассажировъ. И дѣйствительно, лишь только, въ 1830 году, открылась дорога, то изъ числа тридцати длижансовъ дотолѣ ходившихъ между Манчестеромъ и Ливерпулемъ, остался въ дѣйствиіи только одинъ, да и имъ пользовались одни тѣ пассажиры, которые отправлялись къ мѣстамъ лежащимъ не по направленію желѣзной дороги.

Быстрота и дешевизна перевозки по желѣзной дорогѣ произвели еще другое дѣйствіе: число пассажировъ, ежедневно перевозимыхъ длижансами, простиралось до пяти сотъ человѣкъ; теперь же это число слишкомъ утроилось. Такое стеченіе пассажировъ превзошло всякое ожиданіе общества, но кладн и товаровъ перевозилось несравненно менѣе, чѣмъ сначала надѣялись. Это происходило оттого, что компаніи внутренняго судоходства сравняли свой тарифъ съ тарифомъ желѣзной дороги и стали внимательно наблюдать за поспѣшностію и точностію перевоза, а какъ каналъ шелъ чрезъ Манчестеръ, мимо анбаровъ, и въ Ливерпулѣ пзливался въ самую гавань, то товары, съ корабля отпра-

влялись прямо въ анбаръ, и на оборотъ. Такое удобство побудило многихъ купцовъ и фабрикантовъ отправлять свои товары и издѣлія по каналу. Не смотря на это, количество товаровъ, пересылаемыхъ по желѣзной дорогѣ, возрасло вскорѣ до тысячи тоннъ въ сутки.

Такимъ образомъ разрѣшенъ вопросъ о возможности, посредствомъ паровъ, перевозить пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ. Вскорѣ обнаружались всѣ выгоды предпріятія — выдачею десяти процентовъ дивиденда. Цѣна акцій тотчасъ возрасла до ста двадцати процентовъ. Вслѣдъ за тѣмъ стали проектировать новыя линіи, для соединенія главныхъ пунктовъ королевства съ столицею, и въ теченіи четырехъ лѣтъ, отъ 1832 до 1836 года, приведено къ окончанію около четырехъ-сотъ-пятидесяти миль рельсовъ, а недоконченными оставались триста-пятьдесятъ миль.

Между-тѣмъ успѣхи инженернаго искусства по части желѣзныхъ дорогъ не соразмѣрялись съ возрастающимъ требованіемъ публики и жадностью предпримчивыхъ капиталстовъ. Ежедневно возникали новыя предпріятія, исполненіе которыхъ повѣрялось иногда людямъ, не имѣвшимъ ни опытности, ни даже необходимыхъ свѣдѣній. Можно почесть счастливымъ обстоятельствомъ, что устройство первой важной линіи досталось Стивенсону: эта линія, которая на вѣки останется памятникомъ его искусства, послужила образцомъ для многихъ другихъ важныхъ дорогъ, не менѣе удачно устроенныхъ его сыномъ и нѣкоторыми изъ его учениковъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, производство работъ поручалось людямъ не столь добросовѣстнымъ и опытнымъ, которые, въ надеждѣ пріобрѣсть извѣстность, вводили самыя бесполезныя, мечтательныя повости. По такихъ случаевъ было не много и, вообще говоря, можно удивляться малому числу неудачъ, при быстромъ развитіи изобрѣтенія, столь важнаго и неожиданнаго.

Если станемъ изслѣдовать постепенное развитіе искусства построенія желѣзныхъ дорогъ, то замѣтимъ, что путь его къ высшей степени совершенства ознаменованъ многочисленными ошибками. Во время построенія манчестерской линіи, у инженеровъ славился особеннаго вида рельсы (fish-bellied rails), устройство которыхъ, по теоріи, должно бы было превосходно примѣняться къ измѣняющемуся дѣйствию провозимыхъ по нимъ тяжестей, но когда дѣло дошло до опыта надъ этими рельсами, на Манчестерской же дорогѣ, то убѣдились въ совершенной ничтожности ихъ мнимыхъ совершенствъ.

Подобное случилось въ отношеніи къ вѣсу рельсовъ и силѣ сопротивленія ихъ. При постройкѣ манчестерской линіи, первоначально употреблялись рельсы, вѣсомъ въ тридцать-пять фунтовъ (англійскихъ) на каждый ярдъ (три фута). Годъ отъ году стали увеличивать вѣсъ; сначала до сорока, потомъ до пятидесяти, шестидесяти и, наконецъ, до семидесяти-пяти фунтовъ. Разстояніе между подпорами подъ рельсами также подвергалось частымъ измѣненіямъ: оно полагалось то въ три фута на сорока-фунтовые рельсы, то въ четыре на шестидесяти-фунтовые, то въ пять футъ на семидесяти-пяти-фунтовые рельсы. Самое даже устройство подпоръ измѣнялось: первоначально онѣ состояли изъ прямо-угольныхъ каменныхъ призмъ, каждый бокъ которыхъ былъ въ два фута длины и въ двѣнадцать дюймовъ высоты; поперечныя брусчатыя подпоры употреблялись только временно на насыпяхъ до совершенной ихъ осадки. Теперь же каменные призмы вовсе вышли изъ употребленія, а брусчатыя подпоры введены всюду.

Механизмъ паровозовъ также безпрестанно измѣнялся. Первые локомотивы вѣсили до шести тоннъ, но впоследствии стали дѣлать ихъ въ восемь, въ десять и въ двѣнадцать тоннъ, а на Большой Западной Линіи (Great Western Railway) иногда употреблялись локомотивы вѣсомъ даже до двадцати тоннъ. Паровые цилиндры и механизмъ помѣщались сперва съ боковъ паровоза, а потомъ стали ихъ устранивать подъ котломъ, между колесами. Это измѣненіе въ то время считали важнымъ улучшеніемъ, потому что тутъ паровые цилиндры помѣщались внутри дымовой трубы и тѣмъ защищались отъ вліянія холоду, между-тѣмъ какъ движущая сила дѣйствовала ближе къ центру инерціи машины и перевозимой ею тяжести. Встрѣчалось, правда, то неудобство, что приходилось дѣлать осп, на которыхъ покоилась почти вся тяжесть машины, въ видѣ ломанныхъ линій, но и это отступленіе отъ начальныхъ правилъ механики допускалось ради тѣхъ выгодъ, которыхъ ожидали отъ подобнаго устройства механизма. Впоследствии же, когда потребовалось увеличить быстроту хода, оказалось невозможнымъ помѣщать сильный механизмъ въ такое малое пространство и прежній порядокъ снова водворился.

Въ началѣ паровозы дѣлались о четырехъ колесахъ, шивъ же тяжесть покоится на шести и этимъ уменьшается опасность, могущая произойти отъ печальнаго излома одной изъ осей.

Очевидно, что движущая сила паровоза должна соразмѣряться съ степенью встрѣчаемаго ею сопротивленія, и потому слѣдовало

заняться точнымъ опредѣленіемъ средняго количества сопротивленія, оказываемаго цѣпью вагоновъ при перевозкѣ ея по прямой горизонтальной дорогѣ. Но желѣзныя дороги существовали уже на протяженіи нѣсколькихъ сотъ миль, когда никто еще не думалъ и о приблизительномъ даже разрѣшеніи этого важнаго вопроса. На практикѣ принималось за правило, что сопротивленіе равнялось десяти фунтамъ на каждую тонну перевозимой тяжести, но это правило основывалось на однихъ догадкахъ. Къ тому же полагали, будто бы сопротивленіе не зависитъ отъ скорости, и хотя допускали, что съ увеличеніемъ скорости увеличивается давленіе атмосферы, однако это давленіе считалось мало-важною составною частью всего сопротивленія и не стоящему вниманія.

Наконецъ, въ 1837 и 1838 годахъ, этотъ вопросъ сдѣлался предметомъ розысканій, произведенныхъ докторомъ Ларднеромъ, въ сообществѣ съ Вудомъ, инженеромъ на манчестерской линіи и Эрломъ, однимъ изъ директоровъ той же линіи. Ихъ изслѣдованія имѣли цѣлью опредѣлить нѣкоторыя условія дѣйствія паровозовъ по желѣзнымъ дорогамъ, и самымъ важнымъ и затруднительнымъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые имъ представились, было исчисленіе сопротивленія, встрѣчаемаго движущею силою. Послѣ многихъ неудачныхъ опытовъ, сдѣланныхъ съ помощію динамометрическихъ инструментовъ, они прибѣгли къ слѣдующему: на вершинѣ наклонной плоскости поставили цѣпь вагоновъ, сопротивленіе которой требовалось опредѣлить, и помощію паровой машины приставленной сзади цѣпи, пустили ее внизъ по плоскости съ большою скоростью. Противъ всякаго ожиданія увидѣли, что по мѣрѣ того какъ вагоны катились внизъ, скорость, постепенно *уменьшаясь*, превратилась наконецъ въ равномерную. Механическіе выводы доказали, что тяжесть цѣпи повозокъ, разложенная по направленію плоскости движенія, должна равняться тому сопротивленію, которое она окажетъ силѣ, движущей ее по горизонтальной плоскости.

Повторяя этотъ опытъ надъ тою же цѣпью вагоновъ, находили, что при различныхъ наклоненіяхъ получались различныя степени равномерной скорости; изъ чего слѣдовало, что сопротивленіе движущей силѣ увеличивается въ весьма высокомъ содержаніи къ увеличенію скорости и что, при обыкновенной скорости пассажирскихъ повозокъ, количество этого сопротивленія превосходитъ всѣ предположенія прежнихъ инженеровъ.

Тогда убѣдились въ совершенной ложности обыкновеннаго

способа опредѣленія количества сопротивленія (по десяти фунтовъ съ каждаго тонна), потому что та же самая тяжесть представляла различныя сопротивленія движущей силѣ, смотря по числу и виду вагоновъ и по скорости движенія.

Возвышенія, которыя могутъ быть допускаемы на дорогахъ, какъ желѣзныхъ такъ и обыкновенныхъ, зависятъ отъ средняго сопротивленія движущей силѣ на горизонтальной плоскости. При значительномъ сопротивленіи и довольно крутой всходъ покажется почти нечувствительнымъ, потому что прибавочное причиненное имъ сопротивленіе находится въ маловажномъ содержаніи ко всему количеству постояннаго сопротивленія. Извѣстно, что при большомъ механическомъ совершенствѣ въ устройствѣ дороги и движущихся по ней повозокъ, постоянное сопротивленіе движущей силѣ бываетъ весьма мало и тогда достаточно небольшого возвышенія, для совершеннаго уничтоженія движущей силы. Изъ этого понятно, что такія возвышенія, которыя на простомъ шоссе едва чувствительны, не могутъ вовсе быть допускаемы на желѣзныхъ дорогахъ, при употребленіи на нихъ паровыхъ силъ, и слѣдовательно, такія дороги должны быть устраиваемы почти совершенно горизонтально. Безъ помощи нивелира невозможно открыть возвышенія въ одинъ футъ на пятьдесятъ футовъ длины, но отъ подобнаго возвышенія на желѣзной дорогѣ сопротивленіе цѣпи повозокъ (при обыкновенной скорости) увеличилось бы слишкомъ второе противъ постояннаго сопротивленія.

Ясно теперь, что по линіи желѣзной дороги ни какое волненіе не можетъ-быть допускаемо; извилистое же положеніе дороги было бы противно всѣмъ правиламъ механики. Никогда не встрѣчалась бы и надобность для волненія, если бы дорога могла огнбать долины и подошвы горъ, по механическія условія устройства дороги дѣлаютъ это невозможнымъ. По ней движутся повозки въ выемкѣ (groove), и слѣдовательно, безъ измѣненія самыхъ началъ устройства дороги, или, лучше сказать, безъ вреда для рельсовъ, не могутъ отклоняться отъ прямолинейнаго пути, развѣ новый путь ихъ пролегалъ бы по кривой линіи весьма большаго радіуса, но и по такой кривой совершалось бы движеніе съ трудностію, увеличивающеюся по мѣрѣ увеличенія скорости. Закономъ постановлено, чтобы кривыя линіи, имѣющія радіусомъ меньше одной мили, при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ, допускались не иначе какъ съ особеннаго разрѣшенія правительства.

Отъ этихъ и отъ нѣкоторыхъ другихъ причинъ происходитъ дороговизна работъ при устройствѣ желѣзныхъ дорогъ. Какъ онѣ не могутъ спускаться въ долины, или вздыматься на горы, то первая приходится насыпать, а вторыя прорывать. По глубокой долинѣ не всегда можно устроить насыпь: тогда строить мостъ. Гора же можетъ встрѣтиться такой высоты, что срыть ее неудобно, и въ такомъ случаѣ пробиваютъ для дороги проходъ, который обдѣлываютъ камнемъ, другими словами, строятъ тоннель. Изъ этого понятно, какія огромныя издержки могутъ встрѣчаться при постройкѣ желѣзной дороги.

Система внутренняго сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ, въ Великобританіи, представляетъ единственный примѣръ въ исторіи общественныхъ построекъ. Нельзя не удивляться важности самаго предпріятія и быстротѣ, съ какою оно приводилось въ исполненіе, а еще болѣе того, огромности капиталовъ поглощаемыхъ и снова возраждаемыхъ имъ. Достоинно замѣчанія также то непредвидѣнное и едва вѣроятное развитіе общественныхъ и коммерческихъ сношеній, которое произошло вслѣдствіе сближенія торговыхъ и населенныхъ городовъ.

Какъ мы уже сказали, первая желѣзная дорога была устроена между Манчестеромъ и Ливерпулемъ. Эта линія занимала протяженіе въ тридцать миль и открылась для публики въ 1825 году. Въ 1840 году, въ Англіи существовало тысяча триста миль желѣзныхъ дорогъ, по которымъ, въ томъ же самомъ году, проѣхало до двѣнадцати-милліоновъ пассажировъ. Въ 1841 году, желѣзныя дороги занимали протяженіе въ тысячу-пять-сотъ-пятьдесятъ миль и число пассажировъ простиралось до двадцати милліоновъ. Въ 1843 году, провезено до двадцати семи милліоновъ пассажировъ по дорогамъ, которыя уже занимали тысячу-осемь-сотъ миль. Наконецъ, въ 1844 году, дороги покрывали протяженіе въ тысячу-девять-сотъ миль, а число пассажировъ превышало тридцать-милліоновъ!

На эти предпріятія, втеченіи съ небольшимъ десяти лѣтъ, истрачено капиталу до шестидесяти-милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Но все главныя линіи тотчасъ дали большіе доходы: вскорѣ объявленъ былъ дивидендъ въ десять процентовъ и премія возрасла до ста процентовъ. Требованія на акціи ежеминутно возрастали и подали поводъ къ новымъ предпріятіямъ.

Въ 1845 году, открыто еще триста миль и правительствомъ утверждены проекты построенія тысячи-осемьсотъ миль новыхъ желѣзныхъ дорогъ.

Прежде чѣмъ приступить къ разсмотрѣнію предпріятій, еще неоконченныхъ, займемся изслѣдованіемъ того, что уже исполнено, и посмотримъ на послѣдствія.

Если станемъ разсматривать главные линіи, оконченныя постройкою и открытыя для публики, найдемъ, что средняя трата капиталу на нихъ равнялась тридцати-пяти-тысячамъ фунтовъ стерлинговъ на каждую милю *. Приблизительно можно полагать что эта сумма израсходована была слѣдующимъ образомъ:

На приобрѣтеніе землн.	4,000	фунт. стерлинг.
— постройку дороги	22,000	— —
— контору и на непредвидѣнные расходы	1,000	— —
— паровыя силы и топливо	8,000	— —

Итого . . . 35,000 фунт. стерлинг.

Широкія дороги (with the wide gauge) обходились еще дороже. Къ концу прошлаго года, на постройку двухъ сотъ сорока миль подобной дороги, издержано 9,704,368 фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ по 40,000 фунтовъ на каждую милю.

Теперь покажемъ, какую пользу эти дороги доставили обществу и какой доходъ онѣ принесли.

Изъ оффиціальныхъ донесеній, обнародованныхъ департаментомъ желѣзныхъ дорогъ, можно вывести слѣдующее:

Окончаніе года.	Пространство откры- тыхъ уже дорогъ, въ миляхъ.	Сборъ съ пасса- жировъ.	Доходъ отъ пе- ревозки товаровъ.	Итого.
30 іюня 1843	1798½	3,110,257 ф. ст.	1,424,932 ф. ст.	4,535,189 ф. ст.
— 1844	1912¾	3,439,294 — —	1,635,380 — —	5,074,674 — —
— 1845	2118¼	3,976,341 — —	2,333,373 — —	6,209,714 — —

Отсюда выводимъ:

Годъ.	Доходъ отъ пассажировъ, на каждую милю.	Ежегод- ное при- ращеніе дохода.	Доходъ отъ перевозки то- варовъ на ка- ждую милю.	Ежегод- ное при- ращеніе дохода.	Итого съ ка- ждой милы.	Ежегод- ное при- ращеніе дохода
1843	1729 ф. ст.	—	792 ф. ст.	—	2522 ф. ст.	—
1844	1773 — —	2,55%	855 — —	7,90%	2653 — —	5,20%
1845	1877 — —	5,87%	1011 — —	21,34%	2936 — —	10,70%

* Линіи между Лондономъ и Блэкваллемъ, между Гриничемъ и Лондономъ, и въкоторыя другія составляютъ исключеніе: онѣ обходятся гораздо дешевле.

Изъ этого видно, что доходъ увеличивается ежегодно; что доходъ отъ перевозки товаровъ увеличивается быстрее чѣмъ доходъ отъ пассажировъ, и что, въ 1845 году, итогъ средняго годоваго доходу на каждую милю простирается до трехъ-тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

На нѣкоторыхъ дорогахъ, расходы за перевозъ поглощаютъ болѣе пятидесяти процентовъ съ доходу, на другихъ же менѣе сорока процентовъ. Въ 1842 году, расходы по всѣмъ дорогамъ вообще равнялись сорока-четыремъ процентамъ съ доходу, но теперь можно полагать, что они не превышаютъ сорока-двухъ процентовъ. За тѣмъ останется пятьдесятъ-осемь процентовъ чистаго доходу, или, изъ 3,000 фунтовъ стерлинговъ получаемыхъ съ каждой мили, остается 1740 фунтовъ стерлинговъ, что составляетъ пять процентовъ съ капитала въ 35,000 фунтовъ стерлинговъ, употребленнаго на построение каждой мили желѣзныхъ дорогъ.

Этимъ доказывается, что хотя нѣкоторыя удачныя предпріятія этого роду приносятъ десять процентовъ чистаго барыша, но общій средній доходъ отъ подобныхъ спекуляцій не превышаетъ обыкновеннаго доходу, получаемаго съ капиталовъ въ торговыхъ оборотахъ. На многихъ неудачныхъ дорогахъ не получается ни какого чистаго доходу съ капитала: такимъ образомъ большіе дивиденды, получаемые съ удачныхъ дорогъ, дѣлаются, въ цѣломъ, недействительными. Возрастающее движеніе промышленности по желѣзнымъ дорогамъ, показанное выше въ таблицѣ, дастъ поводъ ожидать, что средній чистый годовой доходъ еще увеличится. Здѣсь замѣтимъ еще, что шестьдесятъ-три процента всего доходу получается съ пассажировъ, а остальные тридцать-семь процентовъ отъ перевозки товаровъ.

При изслѣдованіи пользы, приносимой обществу желѣзными дорогами, возникаетъ слѣдующій вопросъ: считать ли ихъ преимущественно средствомъ для облегченія и увеличенія личныхъ сношеній между тѣми важными торговыми пунктами, которые служатъ имъ граппцами, или источниками выгодъ для народонаселенія мѣсть, чрезъ которыя онѣ проходятъ? По общему мнѣнію, главная масса промышленности по нимъ прорастаетъ отъ большихъ городовъ и столицъ, у которыхъ онѣ оканчиваются. Вопросъ этотъ важенъ, не только для публики вообще, но и для тѣхъ, которые занимаются спекуляціями по этимъ дорогамъ.

Для разрѣшенія его, надо сравнить итогъ числа пассажировъ, ввозимыхъ по дорогамъ: во-первыхъ, съ итогомъ полученнаго

отъ нихъ дохода; во-вторыхъ съ среднею цѣною, платимою ими за провозъ съ каждой мили. Въ слѣдующей таблицѣ мы показываемъ число пассажировъ каждаго класса за цѣлый годъ, считая по тридцатое іюня 1845 года; итогъ полученнаго съ нихъ дохода; средній доходъ съ каждаго; среднюю плату за провозъ съ мили; среднее разстояніе, которое каждый изъ нихъ проѣхалъ, и, наконецъ, сравнительное число пассажировъ каждаго класса, полагая, что они проѣхали по одной милѣ.

Число пас- сажировъ.	Получено съ пассажи- ровъ.	Получено съ каждаго пассажира.	Среднее		Средняя плата съ каждаго пассажира за 1 по одной милѣ.	Сравнитель- ное число пассажи- ровъ проѣхавшихъ по одной милѣ.	
			разстоя- ніе, кото- рое ка- ждый проѣ- халъ.	Милл. Пенс.			
Перваго класса..	5,474,163	1,516,805	5	7	$26\frac{7}{8}$	$2\frac{6}{10}$	142,328,238
Второго класса..	14,325,825	1,598,115	2	2	$13\frac{1}{4}$	$1\frac{8\frac{6}{10}}{10}$	196,263,802
Третьяго класса	13,135,820	621,903	0	$11\frac{1}{2}$	11	1	147,777,975
Разныхъ.....	855,445	209,518	4	11	$24\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{10}$	20,530,480
Итогъ и сред- ная сумма.....	33,791,253	3,976,341	2	4	15	$1\frac{8}{10}$	506,900,695

Показанные здѣсь выводы подають поводъ къ нѣкоторымъ размышленіямъ, любопытнымъ для акціонеровъ и для публики вообще.

Во-первыхъ, ясно, что на желѣзныхъ дорогахъ главный доходъ взимается съ тѣхъ пассажировъ, которые проѣзжаютъ небольшія разстоянія, а не съ тѣхъ которые совершаютъ путь по всей линіи, между пунктами, служащими ей предѣломъ, и отъ которыхъ она обыкновенно получаетъ свое имя. Самое большое среднее разстояніе (двадцать шесть миль) проѣзжаютъ пассажиры перваго класса, — иные изъ нихъ больше, иные меньше; втораго класса пассажиры совершаютъ путь въ тринадцать миль, а третьяго въ одиннадцать миль: слѣдовательно, двѣнадцать миль можно принять за среднее разстояніе для этихъ двухъ классовъ, составляющихъ между тѣмъ восемьдесятъ процентовъ всего числа пассажировъ! Теперь ясно, что главный доходъ происходитъ отъ пассажировъ проѣзжающихъ небольшія разстоянія, то есть до двѣнадцати миль, или около, а отсюда выводимъ очевидныя слѣдствія: народонаселенія главныхъ пунктовъ, служащихъ предѣлами какой-нибудь линіи, имѣютъ мало вліянія на финансовыя

успѣхи предпріятія: главный доходъ происходитъ отъ короткихъ поѣздокъ.

Отношеніе числа пассажировъ каждаго изъ трехъ классовъ ко сту, составляетъ:

Для 1 класса	16½
— 2 — —	43½
— 3 — —	40
	<hr/>
	100.

Каждые сто фунтовъ дохода получаютъ въ слѣдующей пропорціи:

Отъ пассажировъ 1 класса.	40 фунтовъ	14 шиллинговъ.
— — — 2 — —	42 — —	16 — —
— — — 3 — —	16 — —	10 — —
	<hr/>	
	100 фунтовъ	стерлинговъ.

Изъ подобныхъ выводовъ можно заключить, что къ увеличенію числа пассажировъ третьяго класса въ Англіи поставлены какія-нибудь неблагоприятныя преграды, потому что, судя по тѣмъ расчетамъ, которыми обыкновенно распредѣляются личныя издержки каждаго, этотъ классъ долженъ бы составлять большинство пассажировъ и принести наибольшій доходъ; между тѣмъ, напротивъ, второй классъ превосходитъ его числомъ, а каждый изъ первыхъ двухъ классовъ приноситъ значительно большій доходъ. Чтобы понять причину этого страннаго противорѣчія, сравнимъ движеніе пассажировъ по англійскимъ и по бельгійскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Въ Бельгіи число каждаго класса относится ко сту такъ:

Для 1 класса	10
— 2 — —	30
— 3 — —	60
	<hr/>
	100

Плата же съ нихъ взимается въ слѣдующемъ содержаніи къ каждой сотнѣ фунтовъ дохода.

Съ 1 класса по	20 фунтовъ	стерлинговъ.
— 2 — — —	33 — —	— —
— 3 — — —	47 — —	— —
	<hr/>	
	100 фунтовъ	стерлинговъ.

Въ Англіи, слѣдовательно, главный доходъ происходитъ отъ пас-

сажировъ первого и второго класса; въ Бельгiи же, со второго и третьяго, но преимущественно съ послѣдняго. Первая система удовлетворяетъ потребностямъ средняго и высшаго сословiй; вторая, нуждамъ низшаго класса людей.

Чтобы удостовѣриться, нельзя ли удовлетворить вдругъ потребностямъ всѣхъ трехъ классовъ, сравнимъ плату, взимаемую на англiйскихъ линiяхъ, съ платою по бельгiйскимъ дорогамъ. Въ Англии, компанiи, съ умысломъ кажется, подвергаютъ пассажировъ третьяго класса четыремъ разнымъ неудобствамъ, состоящимъ: первое, въ высокой платѣ; второе, въ опасныхъ и непокойныхъ повозкахъ; третье, въ неудобствѣ часовъ отхожденiя; четвертое въ медленности поѣздки.

Вотъ сравнительное показанiе о платѣ, взимаемой съ пассажировъ въ обоихъ государствахъ:

Каждый пассажиръ платитъ съ миллi	На англiйскихъ дорогахъ.		На бельгiйскихъ дорогахъ.	
	26	десятыхъ д. п.	14 ³ / ₁₀	десятыхъ д. п.
1 класса	26	десятыхъ д. п.	14 ³ / ₁₀	десятыхъ д. п.
2 — —	1 ² / ₁₀	— — —	8	— — —
3 — —	10	— — —	6	— — —

И такъ, плата съ cadaго класса, на бельгiйскихъ дорогахъ, гораздо меньше платы соотвѣтствующаго класса на англiйскихъ, и третiй классъ бельгiйскихъ пассажировъ платитъ едва болѣе половины того что берутъ съ него въ Англии; къ тому же, повозки отходятъ каждый часъ, и защищены притомъ крышами, отъ непогоды и отъ дыма и искръ летящихъ изъ дымовой трубы.

Крайнiй столбецъ послѣдней таблицы показываетъ, что число пассажировъ по англiйскимъ желѣзнымъ дорогамъ за 1844 — 1845 годъ, можно уравнивать пятистамъ миллiонамъ людей, проѣхавшимъ по одной милѣ каждый.

Посмотримъ теперь, сколько потребовалось бы обыкновенныхъ дилижансовъ, чтобы выполнить это количество работы въ такое же время?

Въ одномъ дилижансѣ, полагая на него сто лошадей въ сутки, двадцать пять пассажировъ могутъ проѣхать сто миль, что въ годъ составитъ, — отбрасывая дробь, — десять тысячъ пассажировъ, или одинъ миллiонъ проѣхавшихъ одну милю. Слѣдовательно, при этихъ условiяхъ, одному дилижансу потребуется пять-сотъ лѣтъ чтобы выполнить то количество работы, которое выполнено было паровозами на желѣзныхъ дорогахъ въ 1844 - 1845 году, и въ эти пять-сотъ лѣтъ проѣхалъ бы разстоянiе равное окружности земнаго шара, взятой тысячу-пять-сотъ разъ.

Итакъ, въ 1844—1845 году, пассажирскія повозки выполнили работы столько, сколько бы могли въ то же время сдѣлать пятьдесятъ тысячъ дилижансовъ.

Стоитъ сравнить сумму, въ которую обошлась эта работа по желѣзнымъ путямъ, съ тою, въ которую она обошлась бы, если бы на то употреблены были дилижансы. При такомъ сравненіи не должно упускать изъ виду, что съ ѣздою по желѣзнымъ дорогамъ сопряжены, для пассажира, три важныя выгоды, состоящія: во-первыхъ, въ уменьшеніи платы за проѣздъ; во-вторыхъ, въ сбереженіи времени; въ третьихъ въ сбереженіи харчевыхъ издержекъ.

1. Полагая среднюю плату, съ миль, за дилижансовую ѣзду, въ четыре пенса, пассажиръ по желѣзной дорогѣ сберегаетъ два съ половиною пенса на милю.

2. На каждыя сто миль сберегаетъ онъ девять часовъ времени, потому что обыкновенному дилижансу потребно тринадцать съ половиною часовъ, чтобы проѣхать сто миль (считая по семи съ половиною миль въ часъ); по желѣзной же дорогѣ можно проѣхать это разстояніе менѣе чѣмъ въ пять часовъ. Полагая, что время каждаго пассажира стоитъ ему среднимъ числомъ шесть шиллинговъ, то каждый часъ будетъ стоить шесть пенсовъ.

3. Пассажиръ въ продолженіи тринадцати-часоваго пути долженъ остановиться въ трактирѣ по-крайней мѣрѣ одинъ или два раза, для подкрѣпленія себя пищею; если же онъ находится въ дорогѣ не болѣе четырехъ или пяти часовъ, то не чувствуетъ нужды въ подкрѣпленіи. Положимъ что дилижансовый пассажиръ издерживаетъ среднимъ числомъ два пенса на сто миль, тогда получимъ слѣдующій расчетъ сбереженнымъ издержкамъ тѣмъ пассажирами, которые проѣзжали по желѣзнымъ дорогамъ въ 1844—1845 году, сравнительно съ тѣми издержками, которыми они подверглись бы, если бъ проѣхали то самое разстояніе въ дилижансахъ.

Сбережено денегъ за проѣздъ съ каждой

мили, считая по 2½ пенса за милю, при проѣздѣ.	506,900,695 миль	5,280.215 ф. стер.
Сбережено.	45,621,063 часовъ, считая по 6 пенсовъ за часъ, получимъ.	1.140.526 — —
При проѣздѣ.	506,900,695 миль сбережено харчевыхъ издержекъ, считая по 2 пенса на сто миль. всего:	506,900 — —

Итого. 6,927,641 ф. стер.

Слѣдовательно, итогъ сбереженія составляетъ сумму почти въ два раза болѣе той, которая получена за проѣздъ съ пассажировъ по желѣзнымъ дорогамъ въ 1844—1845 году (3,976,341 фунтъ стерлинговъ). Другими словами, паровозы уменьшили цѣнность переѣздовъ почти на двѣ трети противъ прежняго, не смотря даже на монополию желѣзныхъ дорогъ, не существовавшую при переѣздахъ въ diligencсахъ.

Оставимъ на время разсмотрѣнiе дорогъ, уже приведенныхъ къ окончанiю, и обратимъ наше вниманiе на тѣ, которыя еще строятся, или предполагаются.

Мы видѣли, что къ 30 iюня 1845 года въ Англіи, было открыто для проѣзда 2118 миль желѣзныхъ дорогъ. Втеченіи 1845 года приведено къ окончанiю еще до 500 миль. Кромѣ того, до перваго января 1845 же года, разрѣшено правительствомъ устройство множества другихъ дорогъ, а до наступленiя 1845 года, разрѣшена постройка всего 2,500 миль желѣзныхъ дорогъ. Парламентъ, во время засѣданiя своего въ 1845 году, утвердилъ еще проэскты устройства 1793 миль. И такъ, по декабрь 1845 года, состоялось утвержденныхъ проэсктовъ всего на 5,300 миль.

Но миру оставалось еще видѣть духъ предпримчивости въ полномъ разгулѣ. Въ прошедшемъ засѣданiи парламента утверждено новыхъ проэсктовъ на четыре тысячи миль, которыя составляютъ, вмѣстѣ съ показанными 5,300 милями, огромное протяженiе въ 9,300 миль.

Компанiи, состоявшіяся, съ разрѣшенiя правительства, въ 1845 году, распоряжали, за исключенiемъ займовъ, капиталомъ въ 29,168,640 фунтовъ стерлинговъ. Раздѣливъ эту сумму на 1793 милл, получимъ 16,268 фунтовъ стерлинговъ на каждую милю.

Мы прежде показали, что каждая миля изъ тѣхъ 2000, которыя уже приведены къ окончанiю, обошлась въ 35,000 фунтовъ стерлинговъ, и насъ спросятъ: возможно ли будетъ новымъ компанiямъ выстроить почти такую же длину, не имѣя даже и половины тѣхъ средствъ, которыми распоряжались первыя компанiи? Тутъ, однако жъ, нѣтъ ничего мудрепаго и, для объясненiя всѣхъ недоразумѣній, стоитъ только сравнить капиталы, первоначально назначенные на постройку нѣкоторыхъ изъ главныхъ линій, съ тѣми суммами, въ которыя онѣ обошлись на самомъ дѣлѣ!

На постройку линіи между Манчестеромъ и Ливерпулемъ назначенъ былъ капиталъ въ 510,100 фунтовъ стерлинговъ, но линія обошлась въ 1,774,000 фунтовъ стерлинговъ. Между Лондо-

номъ и Бирмингамомъ назначенъ капиталъ въ 3,500,000 фунтовъ стерлинговъ, а линія обошлась въ 6,000,000 фунтовъ стерлинговъ. Между Бирмингамомъ и Ливерпулемъ, въ 1,000,000 фунтовъ стерлинговъ, а издержано 1,500,000 фунтовъ стерлинговъ.

И такъ, ни одна изъ этихъ компаній не владѣла, первоначально, капиталомъ, хоть бы приблизительно подходящихъ къ итогу расходовъ, потребныхъ на устройство предполагаемой дороги.

Многіе утверждаютъ, будто бы улучшенныя механическія средства и въкоторыя другія обстоятельства дѣлаютъ возможнымъ нынче, строить желѣзныя дороги дешевле прежняго. Но мнѣніе это справедливо только въ-отношеніи къ немногимъ статьямъ расхода; между-тѣмъ, какъ многія другія статьи, напримѣръ, земля, конечно не упали въ цѣнѣ; а жалованье рабочихъ людей, вѣроятно, еще увеличится. Впрочемъ, можно принять за достовѣрное, что каждая миля новыхъ линій обойдется среднимъ числомъ въ 30,000 фунтовъ стерлинговъ.

Капиталы компаній, состоявшихся втеченіи послѣдняго засѣданія парламента, простирается до 150,000,000 фунтовъ стерлинговъ, кромѣ займовъ. Эта сумма даетъ на каждую милю 37,500 фунтовъ стерлинговъ. Всего предпріято 4000 миль.

На окончательное устройство и на приведеніе въ дѣйствіе всѣхъ 5,800 миль нынѣ строящихся дорогъ нужно по-крайней-мѣрѣ двѣсти-милліоновъ фунтовъ стерлинговъ! Многія же изъ новыхъ компаній обѣщаютъ привести линіи къ окончанію втеченіи трехъ лѣтъ. Взявъ въ соображеніе непредвидѣнныя препятствія, могущія замедлить ходъ дѣйствій, можно ожидать, что онѣ всѣ будутъ окончены втеченіи пяти лѣтъ, развѣ встрѣтятся недостатокъ въ рабочихъ, или замедленіе во вносѣ потребныхъ ежегодно сорока-милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Какъ-скоро Соединенные Штаты узнали объ удачѣ первыхъ опытовъ въ Англіи, то, предвидя всю пользу отъ введенія и у нихъ новаго изобрѣтенія, они немедленно занялись устройствомъ обширной системы желѣзныхъ путей, которые теперь уже занимаютъ протяженіе въ 4,500 миль. Изъ нихъ 500 миль состоятъ изъ короткихъ дорогъ, прилегающихъ къ каменноугольнымъ копямъ или къ фабрикамъ, а 4000 миль назначены для перевозки пассажировъ и товаровъ. Проектировано еще около 10,000 миль, но устройство большей части изъ нихъ остановилось послѣ извѣстнаго финансоваго переворота, происшедшаго въ Америкѣ немного лѣтъ тому назадъ. Большая часть окончен-

ныхъ дорогъ находится въ Атлантическихъ Штатахъ, но, на югъ и западъ построено только нѣсколько короткихъ линій. Въ Алабамѣ находится семь дорогъ, въ Флоридѣ четыре, въ Луизианѣ десять и въ Миссиссипи пять.

Главные центры предпринимчивости американскихъ спекуляторовъ по части желѣзныхъ дорогъ — Пенсильванія, Нью-Йоркъ и Новая-Англія. Пенсильванію пересѣкаетъ линія почти въ 1000 миль, а въ Нью-Йоркѣ приводится къ окончанію такое же протяженіе. Штаты Новой-Англіи пересѣчены желѣзными дорогами по всемъ направленіямъ. Бостонъ сообщается съ западомъ черезъ Албани и рѣку Гудсонъ, посредствомъ одной непрерывной линіи, къ югу же идутъ линіи чрезъ Провиденсъ и Стоунингтонъ и черезъ Ворсестеръ и Нью-Лондонъ до пролива Лонг-Эйлендъ, а отъ этихъ линій продолжается сообщеніе посредствомъ желѣзной дороги черезъ островъ Лонг-Эйлендъ; далѣе же пароходами по проливу того же имени и по рѣкѣ Ист-Риверъ до самаго Нью-Йорка.

Отъ рѣки Гудсонъ простирается непрерывная линія до большихъ сѣверныхъ озеръ, а по нимъ и по рѣкѣ Иллиноупъ сообщеніе продолжается пароходами, почти до береговъ верхней Миссиссипи, откуда простирается на нѣсколько тысячъ миль къ западу, по Миссури, къ Скалистымъ Горамъ (Rocky Mountains) и къ югу по нижней Миссиссипи до Нью-Орлеана и до Мексиканскаго Залива.

Отъ Нью-Йорка къ югу идетъ другая система желѣзныхъ сообщеній, которая пересѣкаетъ штаты Нью-Джерсей, Пенсильванію, Делаваръ, Мэрилендъ, Виргинію, Сѣверную и Южную Каролину и, сворачивая къ западу черезъ Георгію, оканчивается близъ береговъ рѣки Алабамы. Сообщеніе продолжается посредствомъ пароходовъ до устья этой рѣки, откуда ведетъ къ озеру Поншартренъ, гдѣ начинается желѣзная дорога, идущая до самаго Нью-Орлеана. Такимъ образомъ, всѣ владѣнія Соединенныхъ Штатовъ окружены непрерывною системою паровыхъ сообщеній.

Для дальнѣйшаго облегченія торговыхъ сношеній, устроены поперечныя дороги. Съ тою линіею, которая ведетъ отъ Нью-Йорка къ югу, сообщается, у Балтимора, побочная дорога, направленная на западъ къ Аллеганскому хребту. Эта дорога доведена еще только до Комберленда, лежащаго у подошвы хребта, черезъ который отъ этой самой точки идетъ превосходное шоссе, по которому ѣздятъ дилижансы, со скоростью равняющуюся самой

быстрой дилижансовой ѣздѣ по англійскимъ дорогамъ. Это шоссе, однако жъ, предполагается замѣнить продолженіемъ желѣзной дороги до Ушлинга (Wheeling) и Питсбургга, на рѣкѣ Огіо. Отъ тѣхъ мѣстъ идутъ пароходы по рѣкѣ Огіо до пункта гдѣ она впадаетъ въ Миссиссипи.

Мы здѣсь исчислили одиѣ главныя линіи внутреннихъ торговыхъ сообщеній въ Соединенныхъ Штатахъ; отъ нихъ, въ видѣ вѣтвей расходятся безчисленные побочныя судоходныя рѣки, боковыя желѣзныя дороги и шоссе.

Предпримчивый духъ, которымъ отличаются Американцы передъ другими націями, явился въ полной своей силѣ при устройствѣ и приведеніи въ дѣйствіе у нихъ желѣзныхъ путей. Мѣста, за нѣсколько лѣтъ совершенно непроходимыя, покрылись дорогами, и безмолвіе вѣковыхъ, дикихъ лѣсовъ на берегахъ Миссиссипи огласилось свистомъ паровозовъ. Трудно словами передать тѣ впечатлѣнія, которыя рождаются въ душѣ путешественника, когда могучіе пары съ быстротою мысли мчатъ его по этимъ первобытнымъ пустынямъ.

Если возьмемъ въ разсужденіе капиталы, поглощаемыя устройствомъ и приведеніемъ въ дѣйствіе англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, то представится вопросъ: какъ могли Соединенные Штаты, при народонаселеніи, разсѣянномъ по столь огромному пространству, учредить и поддержать такую обширную систему сообщенія? Если каждая миля Англійскихъ желѣзныхъ путей обошлась, среднимъ числомъ, въ тридцать-пять-тысячъ фунтовъ стерлинговъ, между-тѣмъ какъ чистый доходъ съ самой удачной изъ англійскихъ линій не превышаетъ десяти процентовъ, а средній чистый доходъ со всѣхъ, вмѣстѣ взятыхъ, едва составляетъ пять процентовъ съ капитала, употребленнаго на ихъ постройку, то рождается вопросъ: какъ, при промышленности столь незначительной въ сравненіи съ англійскою, при высокой цѣнности денегъ (отъ шести до десяти процентовъ) могутъ существовать желѣзныя дороги въ Америкѣ?

Чтобы объяснить эти педоумѣнія, обратимъ наше вниманіе на свойства поверхности страны и на способы устройствѣ и приведенія въ дѣйствіе желѣзныхъ дорогъ въ Соединенныхъ Штатахъ.

Съ немногими исключеніями, страны, по которымъ пролегаютъ эти пути, составляютъ одну непрерывную плоскую поверхность. Земляныхъ работъ, слѣдовательно, требовалось весьма немного: только изрѣдка встрѣчается надобность сдѣлать невысокую насыпь или сравнительно незначительное возвышеніе. Водопроводныхъ

мостовъ и тоннелей нигдѣ не строилось, а чрезъ рѣки и рѣчки, пересѣкающія направление линій, строились грубые но прочные мосты, изъ лѣсу срубленнаго подлѣ самой дороги. Станціонные дома, конторы и всѣ другія необходимыя зданія, также строились изъ лѣсу.

При встрѣчѣ съ значительными рѣками, какъ Гудсонъ, Делававъ, Сускехана, путь продолжается посредствомъ пароходовъ, до противуположнаго берега, гдѣ снова начинается желѣзная дорога. Во время этихъ переправъ, которыя совершаются безъ значительнаго замедленія, пассажиры обыкновенно подкрѣпляютъ себя пищею, приготовляемою для нихъ на пароходѣ. Пассажирская поклажа и легкія вещи укладываютъ въ вагоны, которые, по прибытіи поѣзда къ мѣсту переправы, скатываются на чугунныхъ цилиндрахъ, по платформѣ, находящейся въ одной плоскости съ телѣжками, на верхнюю палубу парохода; по прибытіи же къ противоположному берегу вагоны устанавливаются на телѣжки тѣмъ же способомъ.

Но къ тѣмъ удобствамъ, которыя плоская, ровная поверхность страны и дешевизна лѣса представляютъ для устройства дорогъ, присоединяется еще другая, важнѣйшая выгода, состоящая въ самомъ способѣ постройки ихъ.

Американскія желѣзныя дороги обыкновенно состоятъ изъ одиночныхъ линій, имѣющихъ, въ приличныхъ разстояніяхъ другъ отъ друга, станціи съ разъѣздами, на которыхъ одинъ поѣздъ ждетъ прохожденія другаго, идущаго съ противной стороны. Столкновения невозможны, потому что, по правиламъ дороги, поѣздъ, первый прибывшій на мѣсто, обязанъ сходить съ дороги, а такъ какъ, на главныхъ американскихъ дорогахъ, легкіе поѣзды рѣдко проходятъ болѣе двухъ разъ въ сутки, а время и мѣсто встрѣчи установлены съ большою точностію, то отъ этого не происходитъ никакого замедленія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ движеніе промышленности значительнѣе, устроены двойныя линіи.

При учрежденіи желѣзныхъ дорогъ, Американцы, имѣя въ виду перевозъ пассажировъ и легкихъ товаровъ, съ умѣренною скоростью, руководствовались правилами строгой экономіи. У нихъ допускаются кривыя линіи съ радіусами въ тысячу, а иногда въ пять сотъ и даже меньше, футовъ, а возвышенія, имѣющія подъемъ въ одинъ футъ на сто тридцать, считаются умѣренными. У нихъ есть до пятидесяти дорогъ, съ возвышеніями, имѣющими подъемы въ одинъ футъ на сто и даже на семьдесятъ пять, но движеніе по этимъ линіямъ совершается безпрепятственно и не

требуетъ содѣйствія вспомогательныхъ паровозовъ или постоянныхъ машинъ. Все это имѣетъ влияние на уменьшеніе расходовъ по производству земляныхъ работъ и по построенію мостовъ, даже и на тѣхъ пунктахъ, гдѣ поверхность земли представляла всего меньше удобствъ. Главная экономія, однако жъ, въ устройствѣ американскихъ желѣзныхъ линій, происходитъ отъ способа устройства самой поверхности дороги. Рельсы на многихъ линіяхъ, гдѣ предполагалась одна легкая перевозка, состоятъ изъ желѣзныхъ полосъ, шириною въ два съ половиною и толщиною отъ пяти до семи десятыхъ дюйма, прибитыхъ гвоздями къ доскамъ, лежащимъ параллельно вдоль направленія дороги. Такимъ образомъ устроены многія изъ самыхъ выгодныхъ линій.

Устройство дорогъ зависитъ, впрочемъ, отъ рода перевозки. Иногда употребляются рельсы, вѣсомъ отъ двадцати-пяти до тридцати фунтовъ на каждый ярдъ (три фута), а если по дорогѣ предполагается большое движеніе, то кладутъ рельсы на поперечныя брусчатые подпоры, какъ это дѣлается на европейскихъ дорогахъ, съ тою только разницею, что, для полученія надлежащей степени прочности, американскіе инженеры кладутъ поперечныя подпоры чаще чѣмъ у насъ: этимъ они избѣгаютъ необходимости увеличивать вѣсъ рельсовъ, что, при дороговизнѣ желѣза и дешевизнѣ лѣса, составляетъ важную выгоду.

Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ возрастающее народонаселеніе и торговля даютъ поводъ ожидать увеличенія дѣятельности на дорогахъ, устриваютъ ихъ такъ, чтобы можно было немедленно приспособить къ нимъ вторую линію рельсовъ.

Въ устройствѣ вагоновъ и паровозовъ Американцы руководствуются такою же бережливостію, но локомотивы ихъ, хотя и не такъ красивы какъ наши, однако ни сколько не уступаютъ имъ въ прочности, безопасности и силѣ. Топленіе обыкновенно производится дровами, но на тѣхъ линіяхъ которыя расположены по близости каменноугольныхъ копей, напримѣръ филадельфская и потсвилльская, жгутъ каменный уголь. Коксъ нигдѣ не употребляется, по дороговизнѣ.

Обыкновенная скорость на этихъ дорогахъ, считая остановки, о которыхъ говорили выше, простирается до четырнадцати и пятнадцати миль въ часъ: большая быстрота не можетъ быть допускаема безъ опасности, по причинѣ легкаго устройства дорогъ. Но по нѣкоторымъ изъ главныхъ линій, которыя устроены прочтѣе, часто ѣздятъ со скоростію, простирающеюся до двадцати-пяти миль въ часъ. Къ числу послѣднихъ линій при-

надлежать, напримеръ, дорога отъ Балтимора до Вашингтона, а изъ южныхъ, дороги отъ Чарлстона до Августы, въ Георгіи; колумбійская, въ южной Каролинѣ, и отъ Августы до Аенискаго университета, въ Георгіи.

Не смотря на устройство американскихъ дорогъ, по-видимому, слабое и непрочное, ѣзда по нимъ совершается съ удивительною безопасностію, и авторъ статьи самъ проѣхалъ около двадцати-тысячъ миль по этимъ линіямъ, не встрѣтивъ ни одного несчастнаго или неспріятнаго случая. Такую безопасность можно приписать умѣренной скорости поѣздовъ и незначительному движенію промышленности.

Въ устройствѣ вагоновъ Американцы соблюдаютъ тѣ же правила бережливости. Пассажирскія кареты у нихъ не раздѣляются на три класса, какъ у насъ, но строятся всѣ одинаково. Онѣ состоятъ изъ длиннаго корпуса, похожаго на корпусъ лондонскихъ омнибусовъ, но гораздо шире, и вдвое, или втрое длиннѣе. Двери для входа и выхода сдѣланы съ концевъ; съ боковъ же имѣютъ онѣ рядъ оконъ. По срединѣ идетъ проходъ, по которому одинъ человѣкъ можетъ пройти съ одного конца на другой, а по обѣимъ сторонамъ прохода поставлены, поперегъ кареты, стулья для пассажировъ. На одномъ стулѣ могутъ помѣститься два пассажира; въ каждомъ ряду два стула, а какъ рядовъ бываетъ иногда до четырнадцати, то такая карета можетъ свезти пятьдесятъ-шесть пассажировъ. Въ холодную погоду, карета нагревается посредствомъ небольшой печи, поставленной въ срединѣ, а ночью освѣщается двумя фонарями, повѣшенными съ концевъ. Спинка у стульевъ, набитая волосомъ, имѣетъ около шести дюймовъ ширины и устранивается такъ, чтобы можно было ее обратить къ тому или къ другому концу кареты, смотря по тому, какъ пассажиръ желаетъ сидѣть: лицомъ ли, или спиною, къ паровозу. Для дамъ иногда пристраиваютъ, къ одному концу кареты, небольшую комнату, входъ въ которую воспрещенъ для мужчинъ.

Съ перваго взгляда казалось бы, что эти длинныя повозки не могутъ двигаться иначе какъ по пути совершенно прямолинейному. Но, мы уже говорили, что въ устройствѣ американскихъ желѣзныхъ дорогъ допускаются кривыя линіи; а по этимъ кривымъ описанныя кареты двигаются безъ малѣйшаго затрудненія, помощію слѣдующаго простаго прибора: каждый конецъ кареты опирается на небольшую четырехъ-колесную тележку, и имѣетъ горизонтальное вращательное движеніе около шкворня

(pivot), входящаго въ средину поперечнаго деревяннаго бруса, (подушки) придѣланнаго ко дну кареты.

Направленіе движенія можетъ, слѣдовательно, быть измѣняемо у каждаго конца кареты и въ то время, когда она двигается по кривой линіи, передовая телѣжка находится на одномъ пунктѣ кривой, а задняя на другомъ, между тѣмъ какъ длина корпуса кареты представляетъ хорду стягивающую дорогу между тѣми двумя пунктами. При такой простотѣ въ устройствѣ, онѣ обходятся дешевле всякаго другаго рода каретъ, употребляемыхъ на европейскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Къ тому же, тяжесть пассажировъ находится въ гораздо большемъ содержаніи къ собственной ихъ тяжести, чѣмъ въ каретахъ всѣхъ трехъ классовъ на английскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Если онѣ устроены не такъ роскошно какъ кареты перваго класса въ Англій, за то въ нихъ найдешь всѣ необходимыя удобства.

Въ нѣкоторыхъ изъ главныхъ американскихъ городовъ желѣзныя дороги продолжаютъ до самаго центра города, огибая углы улицъ. Паровозныя станціи, однакожь, всегда находятся въ предмѣстіяхъ города. По прибытіи на станцію, паровозъ отходитъ на свое мѣсто, а въ каждую карету впрягаютъ по четыре лошади, которыя тащатъ ее до пассажирской станціи. Прѣздъ по крутымъ кривымъ линіямъ у угловъ улицъ облегчаютъ, заставляя наружныя колеса (которыя находятся на наружной части кривой) телѣжекъ вращаться на ихъ закраинахъ, отчего діаметръ ихъ увеличивается противъ діаметра внутреннихъ колесъ (только на время прохожденія по кривой). Такимъ образомъ, самыя длинныя кареты достигаютъ пассажирской станціи безъ малѣйшаго затрудненія.

Устроеніе желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ обходилось въ весьма различныя цѣпы, смотря по большому или меньшему движению, которое по нимъ предполагалось. Пассажирскія линіи обогнали, среднимъ числомъ, въ девять - тысячь фунтовъ стерлинговъ на милю.

Первымъ изъ европейскихъ государствъ, которое велѣдъ за Великобританією дѣлательно занялось устройствомъ у себя желѣзныхъ дорогъ, была Бельгія, которая, отдѣлившись отъ Голландіи въ революцію 1830 года, лишилась устьевъ Шельды, дотолѣ служившихъ ей путемъ для торговыхъ ея сношеній. Собщеніе моремъ съ германскими государствами тотчасъ прекратилось, а сухимъ путемъ сопрягалось съ издержками, которыя дѣлали ихъ недоступными. Провинція Люттихъ, которая, до революціи, снабжала камен-

нымъ углемъ всю Голландію, теперь не стала вовсе находить ему сбыта. Эти и нѣкоторыя другія затрудненія побудили новое правительство учредить удобную и дешевую систему сообщенія между океаномъ и тѣмъ пунктомъ бельгійской границы, который лежитъ у Рейна. Сначала, для достиженія этой цѣли, думали устроить судоходный каналъ, но правительство, убѣдившись въ пользѣ, могущей произойти для государства отъ обширной системы желѣзныхъ сообщений, рѣшилось устроить ту сѣть дорогъ, которая теперь существуетъ въ Бельгін, и приняло всѣ издержки на свой счетъ. Перваго іюня 1834 года приступлено къ работѣ, а къ 1843 году приведена къ окончанію и открыта для проѣзда слѣдующая система:

Мили.

Восточная линія. Отъ Мехельнъ въ Кельвъ, чрезъ Левенъ, Тирльмонтъ, Ланденъ, Варемме, Люттихъ и Вербъ; отъ нея идетъ боковая вѣтвь въ Сенъ-Тривандъ. Всего на протяженіи	91
Западная линія. Отъ Мехельнъ на сѣверъ къ морю, чрезъ Термондъ, Гента, Брюгге и Остендъ; отъ Гента идетъ боковая вѣтвь къ французской границѣ, чрезъ Мененъ и Кортрейкъ; всего на	126
Сѣверная линія. Отъ Мехельнъ до Антверпена. Вѣтвь ведетъ въ Льевръ; всего на	16
Южная линія. Къ французской границѣ, чрезъ Брюссель и Монсъ. Вѣтвь ведетъ въ Шарльроа и Намуръ. Всего протяженія	115
Итого	
348	

Первая изъ этихъ линій открыта въ 1837 году и за тѣмъ, вскорѣ, послѣдовало открытіе прочихъ. Движеніе по восточной линіи втеченіи перваго года совершенно оправдало ожиданія правительства: до учрежденія этой дороги, число пассажировъ между Брюсселемъ и Антверпеномъ простиралось ежегодно до 75,000, а въ первые осемь мѣсяцевъ, послѣ открытія по ней сообщеній, проѣхало 541,129 человекъ. Это число возрасло впослѣдствіи до милліона пассажировъ въ годъ! Съ дороги, идущей отъ Брюсселя къ Мехельпу, правительство въ первый же годъ выручило осемь процентовъ, а съ дороги между Брюсселемъ и Антверпеномъ шестнадцать процентовъ на капиталъ, употребленный на постройку ихъ. Съ разрѣшенія правительства нѣкоторыя частныя компанія предприняли устроить систему побочныхъ вѣтвей съ второстепенными городами государства.

Вообще говоря, поверхность земли въ Бельгін представляла большія удобства для устройства дорогъ. Поверхность тѣхъ странъ,

но которыми пролегаютъ первыя линіи, почти совершенно плоская и потому, надобности въ земляныхъ работахъ не встрѣчалось, но какъ направленія дорогъ пересѣкали многочисленныя и важныя рѣки и судоходные каналы, то для продолженія сообщенія строили мосты, простые или водопроводные, смотря по надобности. Восточная линія проведена чрезъ рядъ глубокихъ долинъ, помощію системы насыпей, вышиною отъ пятидесяти до семидесяти пяти футъ, и выемокъ, глубиною отъ тридцати до сорока пяти футъ; тутъ же пришлось прорыть тоннель длиною почти въ три четверти милл. На пути своемъ чрезъ эти долины, дорога пересѣкала прочія дороги и каналы, а иногда проходила и подъ ними, посредствомъ безчисленныхъ мостовъ, водопроводовъ и тоннелей. По скату ведущему къ Маасской Долинѣ устроена наклонная плоскость, по которой поѣзды двигаются помощію двухъ постоянныхъ машинъ въ триста шестьдесятъ силъ каждая.

Слѣдующая таблица представляетъ итоги суммъ употребленныхъ на постройку Бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и разныя другія статистическія подробности о нихъ, за 1842, 1843 и 1844 годы:

Годъ.	Число миль окомченыхъ до-рогъ.	Сумма упо-требленная на построй-ку.	Число пасса-жировъ.	Собрано съ пассажи-ровъ.	Получено за перевоз-ку това-ривъ.	В того вы-ручено.	Употреб-лено на движеніе поѣздовъ по доро-гамъ.	Чистый доходъ.
		фунт. стерл.		фунт. стер.	фунт. стер.	фунт. стер.	фунт.стер.	фунт. стер.
1842	246	3,154,804	2,724,104	187,372	111,090	298,462	188,013	110,049
1843	308	5,784,000	3,085,349	219,296	141,960	361,256	219,064	142,192
1844	348	5,789,872	3,381,529	271,383	177,837	449,220	230,617	218,603

Отсюда видно, что постройка Бельгійскихъ линій обошлась, среднимъ числомъ, по шестнадцати тысячъ фунтовъ стерлинговъ на милю. Эта сумма расходовалась слѣдующимъ образомъ:

На постройку дорогъ	12,000	фунт. стерлинг.
— — станцій, съ нѣзъ прпвадежностями.	1.100	— —
— общіе расходы, на жалованіе, на содержаніе конторъ	500	— —
— матеріалы	2,100	— —
Итого	16,600	фунт. стерлинг.

Благоразумныя мѣры, принятыя правительствомъ, годъ отъ году уменьшаютъ издержки на движеніе поѣздовъ по дорогамъ. Въ 1844 году онѣ простирались до 660 фунтовъ стерлинговъ

на милю, или до пятидесяти одного процента съ вырученной суммы; остальные сорокъ девять процентовъ составляли чистую прибыль, равняющуюся четыремъ процентамъ съ капитала.

Бельгійское правительство, взявъ на себя постройку и приведёніе въ дѣйствіе желѣзныхъ путей, имѣло единственною цѣлю содѣйствовать благосостоянію и обогащенію народа, и поэтому установило тарифъ такъ, чтобы доходъ съ дорогъ не превышалъ законныхъ процентовъ на капиталъ, поглощенный ихъ постройкою. Съ пассажировъ взимается слѣдующая плата:

*Десятымъ
пенса.*

Съ первоклассныхъ	по $14\frac{3}{10}$	} За милю.
Съ второклассныхъ	по 8	
Съ пассажировъ третьяго класса .	по 6	

Изъ приведенной таблицы выводимъ, что средній годовой сборъ съ каждаго пассажира простирался до $19\frac{1}{4}$ пенса на милю, а какъ средняя плата съ каждаго за милю равна семи съ половиною десятымъ пенса, то ясно, что каждый проѣхалъ среднимъ числомъ двадцать-пять миль. Чтобы убѣдиться въ выгодныхъ послѣдствіяхъ отъ умѣреннаго тарифа, сравнимъ этотъ выводъ съ движеніемъ пассажировъ по англійскимъ линіямъ. Въ Англійскіи пассажиры втораго и третьяго классовъ проѣзжаютъ, среднимъ числомъ, по двѣнадцати миль; въ Бельгіи же по двадцати-пяти. На бельгійскихъ линіяхъ сорокъ процентовъ всего дохода выручается на перевозѣ товаровъ, а на англійскихъ тридцать-семь процентовъ. Главный источникъ пассажирскаго дохода съ желѣзныхъ дорогъ, какъ бельгійскихъ такъ и англійскихъ, составляютъ короткія поѣздки. (Это замѣчаніе справедливо въ отношеніи къ желѣзнымъ дорогамъ вообще.) Изъ доказаннаго нами слѣдуетъ, что большинство пассажировъ по бельгійскимъ линіямъ совершаетъ поѣздки менѣе чѣмъ въ двадцать-пять миль. Ежегодный доходъ же съ этихъ линій не превышаетъ 1290 фунтовъ стерлинговъ на милю, или поменьше половины дохода получаемаго съ англійскихъ дорогъ, во чистая прибыль почти одинакова въ обонихъ государствахъ.

Благоразумныя распоряженія для перевоза товаровъ по бельгійскимъ дорогамъ достойны всякой похвалы. Самыя незначительныя посылки доставляются къ своему назначенію съ удивительною скоростью и дешевизною и, за уплатою весьма умѣреннаго тарифа, соразмѣрнаго роду товаровъ, получатель не подвергается ни какимъ добавочнымъ издержкамъ. Благодѣтельныя по-

слѣдствія этихъ благоразумныхъ мѣръ вскорѣ сдѣлались очевидными. Въ 1841 году получено за перевозъ товаровъ всего 19,000 фунтовъ стерлинговъ, а въ 1844 году выручено 177,800 фунтовъ стерлинговъ! До учрежденія восточной вѣтви, количество тяжелыхъ товаровъ, отправляемыхъ ежегодно къ германской границѣ, никогда не превышало 12,000 тоннъ, а въ 1844 году отправлено 67,500 тоннъ! Въ 1842 году, когда еще товары не перевозились по желѣзнымъ дорогамъ, провезено всего 194,000 тоннъ легкихъ товаровъ, а въ 1844 году количество ихъ превышало 500,000 тоннъ.

Ѣзда по бельгійскимъ дорогамъ совершается съ достаточною скоростью, не смотря на ея дешевизну. Средняя скорость пассажирскихъ поѣздовъ доходитъ до двадцати миль въ часъ, а за исключеніемъ остановокъ, они проѣзжаютъ по семнадцати съ половиною миль въ часъ.

Во Франціи, успѣхи этого новаго орудія общественной и народной дѣятельности доселѣ не соразмѣряются ни съ положеніемъ, ни съ притязаніями этого великаго государства. Причины этой медленности заключаются, быть-можетъ, въ самомъ духѣ правленія, или ее можно отнести къ важности тѣхъ политическихъ вопросовъ, которые съ самой іюльской революціи занимаютъ государственныя палаты; наконецъ, она можетъ-быть еще и слѣдствіемъ благоразумной, просвѣщенной осторожности, внушившей Французамъ мысль ждать и пользоваться опытностію, купленною другими дорогою цѣной. Предѣлы статьи не позволяютъ намъ подробнѣе рассмотреть этотъ вопросъ: замѣтимъ только, что этой самой медлительности Франція обязана великими и важными выгодами.

Еще до 1830 года, въ нѣкоторыхъ изъ рудокопныхъ областей Франціи существовали желѣзныя дороги, подобныя тѣмъ, которыя были тогда устроены въ англійскихъ сѣверныхъ графствахъ, но французское правительство начало признавать всю важность паровъ, какъ двигателя по желѣзнымъ дорогамъ, только съ 1836 году, когда слухи о чудесахъ, совершавшихся на манчестерской линіи, стали распространяться за границу Англии, и дешевизна и скорость новаго рода перевоза сдѣлались общимъ предметомъ разговоровъ. На первый удачный опытъ Англичанъ сначала во Франціи смотрѣли, какъ на частный случай, и весьма немногіе считали возможнымъ употреблять пары съ одинаковымъ успѣхомъ, какъ единственнаго двигателя по желѣзнымъ дорогамъ. Парижане только тогда постигли всю важность новаго изобрѣтенія, ко-

гда передъ ихъ глазами открылась для проѣзда дорога изъ Парижа въ Сентъ-Жерменъ (дѣвѣнадцать миль). Вслѣдъ за нею открыто еще нѣсколько короткихъ линій, на примѣръ линіи изъ Парижа въ Версаль, изъ Монпелье въ Сетъ и изъ Алэ въ Гранъ-Конте.

Убѣдившись наконецъ въ важности новаго способа сообщенія, французское правительство, въ 1842 году, рѣшило проэктировать и привести въ исполненіе систему желѣзныхъ дорогъ. Центральною точкою этой системы избранъ былъ Парижъ, а отъ него должны были выходить главныя линіи, направленныя къ такимъ пунктамъ морской или сухопутной границы, которые бы представляли наибольшія выгоды въ отношеніи къ заграничной торговлѣ и въ то же время соответствовали бы внутреннимъ требованіямъ. Сообразно съ этимъ проэктомъ, отъ столицы предположено было провести шесть главныхъ линій: первую на сѣверъ къ бельгійской границѣ, соединивъ ее съ желѣзными дорогами того государства близъ Лиля и Валансьенна, а посредствомъ вѣтвей, идущихъ изъ Амьена и Лиля, эта линія сообщалась бы съ Британскимъ каналомъ, у Булоня, Калэ и Дюнкирхена, и такимъ образомъ, открывая легкое и быстрое сообщеніе съ Англіею, облегчала бы транзитъ между Франціею и пятымъ по важности своей торговымъ портомъ того государства.

Устроеніе второй главной линіи имѣло цѣлью открыть сообщеніе съ Испаніею. Въ 1838 году, министръ публичныхъ работъ говорилъ: «Когда въ Испаніи порядокъ и спокойствіе будутъ возстановлены и между ею и Франціею возобновятся торговля сношенія, прѣкогда обогащавшія наши южныя департаменты, какихъ великихъ послѣдствій можно ожидать отъ учрежденія между Парижемъ и Байонною желѣзной дороги, по которой наши издѣлія доставлялись бы дешевою цѣною въ пограничныя провинціи Испаніи! Какое благодѣтельное вліяніе этотъ новый способъ сообщенія могъ бы имѣть на политическія сношенія обоихъ государствъ!» Эта линія должна была простираться отъ Парижа на югъ, черезъ Орлеанъ, Туръ, Поатье, Ангулемъ и Бордо, до Байонны, съ вѣтвями къ Нанту и Вьрзону.

Восточной линіи назначено было проходить чрезъ Шампань и Лорренъ, для соединенія Парижа съ Страсбургомъ и Базелемъ. Отъ этой линіи боковая вѣть до Меца довершала бы прямое сообщеніе съ рейскою границею и слиялась бы тамъ съ системою германскихъ дорогъ. Правительство надѣялось къ этой линіи при-

включъ часть той дѣятельности, которая нынѣ направляется отъ Антверпена и Остенде, по бельгійскимъ линіямъ, къ Рейну.

Для провоза произведеній западныхъ провинцій къ Атлантическому Океану, предполагалось учредить линію отъ Парижа чрезъ Реннъ до Бреста.

Между южною и восточною линіями, о которыхъ мы упоминали, лежитъ населенная, плодородная страна, занимающая въ ширину болѣе ста лѣ. Для обогащенія этого края недоставало только удобныхъ сообщеній и потому рѣшили провести чрезъ него большую центральную линію до самой подошвы Пиренеевъ, для открытія сношеній съ Сарагоссою и съ внутренними городами Испаніи.

Наконецъ западная линія должна была направляться на Руанъ и имѣть боковыя вѣтви до Гавра и Діеппа. Этою линіею довершилась бы система сообщенія съ портами Атлантическаго Океана и Британскаго Канала.

Всѣ эти линіи, какъ мы уже говорили, должны были имѣть центромъ Парижъ. Для усовершенствованія этой великой системы сообщенія рѣшено было изъ Марселя провести еще двѣ главныя линіи, одну къ Атлантическому Океану въ Бордо, а другую чрезъ Лионъ къ Швейцаріи, Альзации и сѣверной Германіи; послѣдняя линія соединялась бы въ Дижонѣ съ восточною парижскою линіею.

Цѣль линіи изъ Марселя въ Бордо была соединить Средиземное Море съ Атлантическимъ Океаномъ, связать между собою два главные порта Франціи и возстановить прежнюю торговую важность города Бордо. Отъ этой линіи пойдутъ двѣ вѣтви на Тарбъ и Перпіньянъ, для довершенія сообщенія съ Испаніею.

Линія, проектированная отъ Марселя къ востоку, предназначена для облегченія торговли съ Востокомъ, который дотолѣ общался съ Европою преимущественно чрезъ Марсельскій портъ. Желѣзная дорога изъ Вѣны въ Триестъ, ведущая чрезъ самое сердце германскихъ государствъ, имѣла прямое сообщеніе съ Балтійскимъ и Нѣмецкимъ Морями, и потому можно было опасаться, чтобы она не отвлекла восточную торговлю отъ марсельскаго порта. Линія, о которой мы говорили выше, предназначена для отвращенія этой потери.

Изложивъ систему дорогъ, предначертанныхъ къ устроенію во Франціи, посмотримъ теперь, что изъ этого предположенія приведено въ исполненіе.

Изъ краткаго обзорѣнія издавнаго господиномъ Тессеренемъ, од-

нимъ изъ членовъ главной комиссіи желѣзныхъ дорогъ, видно что, къ концу 1844 года, желѣзныя дороги во Франціи, уже открытыя для проѣзда, еще строящіяся и проэктированныя съ разрѣшенія правительства, но еще не начатыя, занимали слѣдующее протяженіе:

Открыто для проѣзда.	537 миль.
Строится	1,837 —
Проектировано, но не начато.	961 —

Всего проэктировано 3,335 миль.

На постройку 537 миль, открытыхъ для проѣзда дорогъ, употреблено 11,464,000 фунтовъ стерлинговъ, или на каждую милю издержано по 21,348 фунтовъ стерлинговъ. Предполагая, что остальное проэктированное пространство обойдется въ ту же цѣну, что, вѣроятно, и будетъ, всего потребуется капиталу 71,195,580 фунтовъ стерлинговъ. Съ 1844 года открыто еще болѣе трехъ сотъ миль и есть надежда, что, къ концу нынѣшняго (1846) года, все протяженіе дорогъ открытыхъ для проѣзда будетъ простираться до тысячи миль.

Для вычисленія общаго средняго расхода и дохода по французскимъ линіямъ, мы брали въ разсужденіе протяженіе въ четыреста миль, уже болѣе году открытое для проѣзда, и получили слѣдующіе выводы:

Цѣна постройки и матеріаловъ на каждую милю.	21,400 фунтовъ стерлинг
Годовой доходъ (сборъ), съ каждой милн.	2,114 — — — —
Ежегодный расходъ на каждую милю.	1,106 — — — —
Частный годовоой доходъ съ каждой милн.	1,008 — — — —

Эти суммы относятся къ употребленному капиталу и одна къ другой въ слѣдующей пропорціи:

Годовой сборъ составляетъ. 10% употребленнаго капитала.
Ежегодный расходъ. 52% годоваго сбора.
Чистый годовоой доходъ. 48% — — — —
Чистый доходъ составляетъ. 47 $\frac{1}{10}$ % употребленнаго капитала.

Отсюда видно, что съ капитала получается средняго чистаго доходу около четырехъ и три четверти процента и что текущіе расходы по содержанію поглощаютъ немного болѣе половины сбора.

При сравненіи этихъ выводовъ съ текущимъ доходомъ отъ какой-нибудь особенной линіи, не должно выпускать изъ виду, что

финансовое состояніе каждой линіи ежегодно измѣняется. Вообще говоря, доходъ съ выгоднѣйшихъ линій ежегодно увеличивается.

Для того чтобы капиталъ, потребный на устроеніе всей проектированной системы, приносилъ, по открытіи ея для проѣзда, пять процентовъ чистаго годоваго доходу, нужно выполненіе слѣдующихъ условій:

Капиталъ употребленный на постройку

3,335 милъ, считая по 21,348 фунтовъ			
стерлинговъ на каждую милію.	71,195,580	фунтовъ	стерлинговъ
Годовой сборъ.	7,416,207	— — — —	
Ежегодный расходъ.	3,856,424	— — — —	
Чистый годовой доходъ.	2,559,783	— — — —	

А какъ жителей во Франціи тридцать-четыре-милліона, то на каждый милліонъ жителей прійдется, за провозъ по желѣзнымъ дорогамъ, по 218,000 фунтовъ стерлинговъ.

Вотъ наибольшій предѣлъ пассажирскаго тарифа, установленнаго правительствомъ:

1	класса	пасажиръ	за	каждую	милію	платить	16	десятыхъ	пенса.
2	—	—	—	—	—	—	12	—	—
3	—	—	—	—	—	—	8 ¹ / ₁₀	—	—

Компаніи, по закону, обязаны для пассажировъ третьяго класса употреблять крытые вагоны, съ занавѣсами у оконъ. Эти вагоны спокойнѣе и удобнѣе второкласныхъ повозокъ на англійскихъ дорогахъ.

Изъ отчетовъ по главнымъ линіямъ, открытымъ для проѣзда, видно, что средній годовою сборъ съ каждаго пассажира равняется 30 пенсамъ. Если примемъ двѣнадцать десятыхъ пенса за средній сборъ съ каждаго, за милію, то найдемъ, что каждый пассажиръ проѣзжаетъ, среднимъ числомъ, по двадцати-пяти милъ. Изъ этого слѣдуетъ, что главный доходъ съ желѣзныхъ дорогъ во Франціи, какъ и во всѣхъ тѣхъ странахъ гдѣ онѣ введены, происходитъ отъ короткихъ поѣздокъ.

Обширность системъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для проѣзда въ Англии, Франціи и Бельгіи еще довольно извѣстны, но весьма немногіе имѣютъ точное понятіе объ успѣхахъ этого рода перевоза въ прочихъ европейскихъ державахъ, особенно въ Германіи, гдѣ, между-тѣмъ, проектирована обширная система дорогъ, большая часть которой уже близка къ окончательному исполненію. Хотя германскія государства тѣсно связаны между

собою сходствомъ языка, нравовъ, и узами народности, однако, будучи управляемы различными государями и повинясь различнымъ законамъ, они, при введеніи у себя новаго изобрѣтенія, не оказали того единодушія, которымъ отличаются мѣры, принятыя для того же предмета во Франціи, и каждое изъ нихъ дѣйствовало для себя, независимо отъ другихъ. При всемъ томъ, однакожъ, многія обстоятельства, какъ-то: физическое свойство странъ, особенное распредѣленіе центровъ промышленности и народонаселенія, произвели такое согласіе въ общихъ потребностяхъ, что изъ начальныхъ несогласныхъ мѣръ образовалось цѣлое довольно стройное и система внутреннихъ сообщеній по германскимъ государствамъ будетъ, вѣроятно, одною изъ великолѣпнѣйшихъ во всей Европѣ.

Австрійская система сообщеній состоитъ изъ четырехъ главныхъ линій, идущихъ изъ Вѣны, на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Изъ нихъ южная проходитъ чрезъ Грацъ и Лайбахъ и оканчивается у Триеста. Сѣверная линія направляется чрезъ Прагу, на Саксонскую границу, а посредствомъ вѣтви, идущей чрезъ Ольмюцъ, соединяется съ большою линіею, ведущею чрезъ Прусскую Силезію. Эти двѣ линіи, сѣверная и южная, предвзначены составить часть еще обширнѣйшей южной линіи, которою соединяется Адриатическое море съ сѣверными морями. Посредствомъ западной и восточной линій откроется сообщеніе между Вѣною и венгерскою границей, чрезъ Пестъ и Дебрецинъ, и между Вѣною и Мюнхеномъ, чрезъ Линцъ. Такимъ образомъ учредится выгодное сообщеніе съ тѣми богатыми и доселѣ недоступными странами восточной Европы, покрытыми обширными пастбищами и виноградными садами, по которымъ протекаетъ Дунай, — странами, производящими въ изобиліи пшепцу, рпсъ, сарачинское пшено, пеньку и табакъ.

Австрія намѣревается распространить эти улучшенія и въ Италіянскихъ своихъ владѣніяхъ. Чрезъ Ломбардо-Венеціанское Королевство проэктирована линія, почти въ двѣсти миль, которая соединитъ Венецію съ Медіолапомъ, и будетъ сообщаться посредствомъ пароходовъ съ Триестомъ, гдѣ оканчивается большая сѣверная и южная линія. Весьма вѣроятно, что оказывая подобное благодѣніе Сѣверной Италіи, Австрія имѣла въ виду не одно благосостояніе того края, но, какъ бы то ни было, отъ этихъ мѣръ должны произойти для него большія выгоды.

Здѣсь присовокупляемъ перечень настоящему состоянію же-

ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ ВЪ АВСТРІЙСКИХЪ ВЛАДѢНІЯХЪ, ЗАИМСТВОВАННЫЯ ИЗЪ ОФФИЦІАЛЬНЫХЪ ДОКУМЕНТОВЪ:

	Проектированная дли- на въ миляхъ.	Окончено и открыто для проѣзда миль.
Линія отъ Вѣны до Триеста, (окончена до Граца).	335	148
Сѣверная линія	497	190
Отъ Вѣны до баварской границы . . .	194	16
Восточная линія.	311	84
Отъ Венеціи до Медиолана	190	19
Отъ Вѣны, чрезъ Пресбургъ, въ Тир- ванъ.	51	51
Отъ Грундена, чрезъ Лицъ и Будвейсъ, до Прага.	286	156
Отъ Будвейса до Прага	71	—
Итого . . .	1,935	664

Система проектированная Пруссіею обнаруживаетъ стремленіе правительства, удовлетворить въ одно и то же время воинствен-нымъ видамъ прежнихъ государей, и вывѣшнему торговому ду-ху сѣверной Германіи. Для облегченія сношеній между центромъ государства и отдаленными ея провинціями, граничащими съ конституціонными государствами Бельгіи и Франціи, проведены будутъ линія изъ Берлина къ Рейну, въ Кельнъ и Франкфуртъ на Майнѣ, изъ которыхъ, первая соединится съ сѣтью Бельгій-скихъ линій, посредствомъ желѣзной дороги въ Аахенъ, а вторая, съ Французскими линіями, посредствомъ таврской желѣзной дороги. Первая линія приведена къ окончанію, за исключеніемъ той ча-сти которая ведетъ отъ Кельна къ Миндену. Отъ Берлина къ Востоку простирается другая главная линія къ російской гра-ницѣ и къ польскимъ провинціямъ, чрезъ Франкфуртъ-на-Одерѣ, Познань, Данцигъ и Кенигсбергъ. Эта линія быстро подвигается къ окончанію.

Окончены или приводятся къ окончанію еще три линіи: двѣ изъ нихъ направляются отъ Берлина къ Гамбургу и къ Штет-тину, а третья послужитъ для открытія прямыхъ сношеній меж-ду столицею и Силезіею и соединится потомъ съ большою сѣ-верною австрійскою линіею, о которой говорено было выше. Та-кимъ образомъ учредится непрерывное сообщеніе между Сред-земнымъ Моремъ и Нѣмецкимъ и Балтійскимъ Морями.

	Проктиро- вано миль.	Открыто для проѣзда миль.
Отъ Берлина до Штеттина	89	89
— — — Саксонской границы	94	94
— — — Австрійской границы, чрезъ Франк- фуртъ и Бреслау	323	240
Отъ Бреслау до Саксонской границы	66	25
— — — Фрейбурга	36	36
Отъ Берлина до Потсдама и Магдебурга	80	16
— — — Гамбурга	174	—
Отъ Лейпцига до Брауншвейгской границы	110	110
Отъ Кельна до Бельгійской границы	54	54
— — — Бонна	20	20
Отъ Дюссельдорфа до Эльберфельда	17	17
Итого	1963	701

Кромѣ этихъ линій, прусское правительство имѣеть въ виду построить нѣсколько другихъ, изъ которыхъ достойны замѣчанія линіи: изъ Берлина прямо въ Дрезденъ, чрезъ Иутербогтъ и Ри-зу; изъ Кельна въ Минденъ; и, наконецъ, изъ Липштата въ Кас-сель.

Недавно намъ удалось увидѣть отчетъ о состояніи, по тридцать-первое декабря 1845 года, одиннадцати прусскихъ линій, по кото-рымъ производился проѣздъ, въ теченіи всего 1845 года. Онѣ за-нимаютъ протяженіе 600 миль и стоили всего 5,640,000 фун-товъ стерлинговъ; слѣдовательно, каждая миля обошлась въ 9,400 фунтовъ стерлинговъ. Собрапо съ пассажировъ 306,570 фунтовъ стерлинговъ, а за перевозъ товаровъ 179,980 фунтовъ стерлин-говъ. Пассажировъ провезено 4,006,814, слѣдовательно, на каждо-го среднимъ числомъ приходится по 19 пенсовъ. Среднее разстоя-ніе, которое каждый проѣхалъ, не превышаетъ двадцати миль и это опять показываетъ, что короткія поѣздки составляютъ главный источникъ дохода желѣзныхъ дорогъ. За провозъ 475,000 тоннъ товаровъ, получено 179,980 фунтовъ стерлинговъ, или, сред-нимъ числомъ, по 7 шиллинговъ 6 пенсовъ съ тонна. Если при-мемъ 2½ пенса какъ среднюю плату за каждый тоннъ на милю, то товары проѣхали, среднимъ числомъ, по тридцати-шести миль. Содержаніе дорогъ стоило 285,000 фунтовъ стерлинговъ, слѣдо-вательно чистаго дохода получено 201,550 фунтовъ стерлинговъ или 5½ процентовъ съ капитала, часть котораго состояла въ четырехъ-процентныхъ займахъ.

Въ Баваріи система желѣзныхъ дорогъ состоитъ изъ трехъ главныхъ линій, пересѣкающихъ королевство по различнымъ направленимъ. Первая линія идетъ отъ Линдау, лежащаго на берегу Боденскаго Озера чрезъ Аугсбургъ, Донаувертъ, Нюрембергъ и Бамбергъ, до Гофа, гдѣ соединяется съ прусско-саксонскою системою. Большая часть этой линіи уже открыта для проѣзда. Вторая линія пересѣкаетъ королевство съ востока на западъ, соединяясь, съ одной стороны, съ виртембергскою и баденскою желѣзными дорогами, а съ другой, съ австрійскими. Третья большая линія ведетъ отъ Бамберга до Франкфурта-на-Майнѣ, гдѣ сливается съ системами, которымъ этотъ городъ служитъ центромъ.

Вся длина этой системы равняется 573 миль.
Открыто для проѣзда 159 миль.

Всѣмъ извѣстно ревностное участіе принимаемое нынѣ царствующимъ въ Баваріи монархомъ во всемъ, что можетъ содѣйствовать къ просвѣщенію его народа и къ пользѣ искусствамъ и наукамъ. Онъ ежегодно посвящаетъ на постройку желѣзныхъ дорогъ значительныя суммы, какъ изъ государственныхъ, такъ и изъ собственныхъ доходовъ.

Мѣры, принятыя важнѣйшими изъ штатовъ Германскаго Союза, для учрежденія у себя улучшенной системы внутреннихъ торговыхъ сообщеній, возбудили соревнованіе меньшихъ штатовъ. Саксонія и Гессенъ приняли на себя продолженіе, отъ Гофа до Лейпцига, большой сѣверной баварской дороги и австрійской линіи, отъ Бреслава до Лейпцига, чрезъ Дрезденъ. Строятся также линіи для соединенія между-собою, Дрездена съ Горлицемъ, Хемницемъ, Ризою, Бамбергомъ, и Эйзенахомъ, также Дрездена съ Прагою, Касселя съ Франкфуртомъ-на-Майнѣ, Липпштатомъ и Ганноверомъ. Этими меньшими штатами проэктировано болѣе тысячи миль дорогъ и болѣе четверти этого протяженія уже окончено и открыто для проѣзда.

Меньшіе сѣверные штаты: Ганноверъ, Брауншвейгъ, Мекленбургъ, а также и Ганзейскіе города, приняли участіе въ этомъ великомъ дѣлѣ. По закону, состоявшемуся въ ганноверской законодательной палатѣ, въ 1842 году, опредѣлено построить систему желѣзныхъ дорогъ въ томъ герцогствѣ. Главная линія простирается будетъ съ востока на западъ, соединяя Ганноверъ съ

Брауншвейгомъ, Магдебургомъ и Минденомъ; другая линія направляется будетъ на сѣверо-западъ, къ Бремену, а третья, на сѣверъ, черезъ Люнебургъ и Целль, до Гамбурга. Всѣ онѣ приводятся къ окончанію и значительныя части ихъ открыты уже для проѣзда.

Въ маленькомъ герцогствѣ брауншвейгскомъ уже окончено или почти окончено семьдесятъ-пять миль. Черезъ герцогство мекленбургское пролегаетъ часть главной линіи, идущей отъ Берлина къ Гамбургу, и вѣтвь, соединяющая Веймаръ съ Берлиномъ, черезъ Швена и Бетценбургъ.

Ганзейскіе города служатъ общимъ центромъ для большей части изъ этихъ линій, съ которыми сообщается еще линія отъ Альтопы до Кляя, съ вѣтвями къ Шлезвигу и Тоннингену.

Всего въ малыхъ сѣверныхъ штатахъ, проэктировано семьсотъ миль желѣзныхъ дорогъ, а для проѣзда открыто около двухъ сотъ пятидесяти миль.

Въ заключеніе, остается только упомянуть о дорогахъ въ Баденѣ, Виртембергѣ, и вольномъ городѣ Франкфуртѣ. Большая Баденская линія идетъ параллельно теченію Рейна, и составляетъ продолженіе линіи ведущей отъ Касселя, черезъ Франкфуртъ и Дармштадтъ; она проходитъ черезъ всѣ главные города, лежащіе по Бергъ Штрассу, между Рейномъ и Шварцвальдомъ, и оканчивается въ Базелѣ. Сообщеніе производится по всему почти протяженію этой дороги, устроенной съ тою цѣлю, чтобы облегчить сношенія Германіи съ Швейцарією и Италією. Отъ Фридрихсгофена, на Боденскомъ Озерѣ, идетъ другая линія черезъ Виртембергъ, съ юга на сѣверъ, встрѣчается съ австрійско-баварскою линією въ Ульмѣ и, продолжая путь свой далѣе, черезъ Штутгартъ, оканчивается при Гейдельбергѣ, гдѣ сливается съ большою баденскою линією. Такимъ образомъ, соединятся между-собою столицы южной Германіи, Вѣна, Мюнхенъ и Штутгартъ; между тѣмъ какъ посредствомъ другой, подобной линіи, учредятся сообщеніе между Берлиномъ, Варшавою, Дрезденомъ, Гамбургомъ и прочими главными городами сѣвера. Въ Баденѣ, Виртембергѣ и Франкфуртѣ проэктировано всего пятьсотъ миль; окончено же болѣе двухъ сотъ миль.

Въ сочиненіи барона фонъ Редера, которому мы обязаны многими полезными свѣдѣніями о желѣзныхъ дорогахъ его отечества,

сказано, что вся система германскихъ дорогъ займетъ, по окончаніи ея, протяженіе въ 1,600 германскихъ, или 7,600 англійскихъ миль. Къ концу 1845 года было открыто для проѣзда 4,760 миль. Правительство взяло на себя постройку одной трети всего протяженія, предоставивъ устройство остальныхъ двухъ третей разнымъ компаніямъ, дѣйствующимъ подъ его надзоромъ. Издержки на исполненіе этого великаго предпріятія будутъ простираться до 74,793,600 фунтовъ стерлинговъ, или каждая миля обойдется почти въ десять-тысячь фунтовъ стерлинговъ. На постройку уже оконченныхъ дорогъ употреблено, среднимъ числомъ, на каждую милю, съ небольшимъ 8,000 фунтовъ стерлинговъ.

Эту дешевизну, сравнительно съ стоимостью устройства дорогъ въ Англии и Франціи, можно приписать невысокой цѣнѣ земли и работы. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, однако, Германскій Союзъ долженъ былъ бороться съ необыкновенными трудностями. Поверхность страны во многихъ мѣстахъ представляла важныя препятствія. Рельсы и вообще матеріалы для строенія дорогъ, механизмы, и даже инженеровъ, приходилось выписывать изъ Англии и Бельгіи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, изъ Соединенныхъ Штатовъ. И самая дешевизна рабочихъ людей отчасти уничтожается пынѣ возрастающими требованіями дорогъ. Въ 1844 году на германскихъ линіяхъ работали восемь милліоновъ людей и тогда уже жалованье ихъ возвысилось на 33%. Работы однакожъ подвигаются впередъ съ дѣятельностью и быстротою.

Въ Россіи проэктированы и строятся четыре главные линіи. Первая изъ нихъ будетъ служить для сношеній между Санктпетербургомъ и Варшавою, откуда будетъ продолжаться до Кракова; и соединяясь тамъ съ сѣвѣрною цѣпью Германскихъ линій, откроетъ непрерывное сообщеніе со всѣми главными городами средней Европы. Большая часть дороги, ведущей отъ Варшавы до Кракова, окончена. Посредствомъ второй линіи соединится Петербургъ съ Москвою: эта линія быстро подвигается къ окончанію. Третья послужитъ продолженіемъ Австрійско Венгерской линіи до Одессы. Четвертая предназначена единственно для перевоза товаровъ, между Волгою и Дономъ. Всѣ онѣ вмѣстѣ займутъ протяженіе въ 1600 миль.

Примѣръ, поданный Бельгіей, заставилъ Голландію обратитъ вниманіе на желѣзныя дороги, и внушилъ ей благоразумное желаніе принять участіе въ торговлѣ, которая производится съ Гер-

мавиею, чрезъ бельгійскую и прусскую цѣпь дорогъ. Голландскія палаты, однакожъ, формально отказывались содѣйствовать этому предпріятію и потому, король Вильгельмъ-Первый, взявъ исполненіе его на свою личную отвѣтственность, ввѣрилъ устройство линіи отъ Амстердама до Роттердама одной компаніи. Въ 1839 году эта линія была открыта до Гарлема; въ 1842, до Лейдена; въ 1843, до Гагн; а, окончателно, въ 1844, до Роттердама. Она имѣетъ пятьдесятъ-три мили длины и полотно дороги устроено для двойной колеи, но линія, покуда, состоитъ изъ одной колеи. Постройка всей линіи,—когда положится вторая колея,—обойдется, среднимъ числомъ, въ пять сотъ фунтовъ стерлинговъ на каждую милю, кромѣ цѣны матеріаловъ. Такая дешевизна происходитъ отъ свойства поверхности, не требующей ни какихъ нижеверныхъ работъ.

Линія отъ Амстердама до прусской границы окончена и открыта до Арнгейма (58 миль). Она была построена на издвигеніи правительства и обошлась въ 800,000 фунтовъ стерлинговъ, или въ 15,000 фунтовъ стерлинговъ на каждую милю. Теперь ее взяла на откупъ одна англо-голландская компанія. Разнымъ другимъ компаніямъ выданы привилегіи на постройку желѣзныхъ дорогъ.

Недавно, при засѣданіи второй палаты Генеральныхъ Штатовъ, министръ внутреннихъ дѣлъ докладывалъ о предстоящемъ учрежденіи полной системы желѣзныхъ дорогъ, предпринятыхъ къ постройкѣ разными частными компаніями, подъ надзоромъ правительства. На устройство этой системы потребуется отъ шести до семи милліоновъ фунтовъ стерлинговъ.

Въ италіянскихъ государствахъ и въ Португаліи предпринято доселѣ такъ мало по части желѣзныхъ сообщеній, что объ нихъ едва стоитъ упоминать. Что же касается до Испаніи, то, если она отстала отъ всѣхъ прочихъ европейскихъ державъ, введеніемъ улучшенной системы внутреннихъ сообщеній у себя, она позаботилась по-крайней-мѣрѣ о выгодахъ своихъ колоній. Еще въ 1838 году построена желѣзная дорога, длиною въ сорокъ-пять миль, чрезъ самую плодоносную часть прекраснаго острова Кубы. Слова бесплны, чтобы передать тѣ впечатлѣнія, которыя тѣлятся въ умѣ путешественника, при проѣздѣ, столь необычайнымъ путемъ, по этому естественному саду. Оставляя за собою таинское предмѣстіе Гаванны, онъ проѣзжаетъ чрезъ поля

благовонныхъ ананасовъ, окруженныя живымъ заборомъ изъ апельсиновыхъ деревъ, согнутыхъ подъ тяжестью сочныхъ золотыхъ плодовъ, бананъ, платанъ и пальмъ кокосовыхъ. По атмосферѣ пресыщенной благоуханіемъ тропиковъ, по зрѣлищамъ исполненнымъ историческими воспоминаніями о Колумбѣ и его предпринимчивыхъ спутникахъ, его мчтъ, съ быстротою до двадцати миль въ часъ, паровозъ съ клеймомъ какого-нибудь манчестерскаго заводчика, приведенный въ движеніе посредствомъ каменнаго угля изъ Лэнкашира и управляемый механикомъ изъ Ньюкестля-на-Тайнѣ! Смуглый Африканецъ, когда мимо его летитъ поѣздъ, оставляетъ трудъ свой, и смотритъ на это для него странное зрѣлище съ удивленіемъ, котораго ни время ни привычка еще не могутъ уменьшить.

Страшныя несчастія, которыя, отъ времени до времени, случаются на желѣзныхъ дорогахъ, по мнѣнію многихъ, какъ у насъ, такъ и за границею, едва ли не перевѣшиваютъ выгоды представляемыя ими въ отношеніи къ скорости и дешевизнѣ перевоза. Слухи о подобныхъ происшествіяхъ доходятъ, чрезъ журналы, до публики, со всѣми обстоятельными подробностями, а иногда и съ прикрасами. Мы теперь представимъ читателямъ нѣкоторыя достовѣрныя данныя, помощью которыхъ будетъ легко каждому, одаренному здравымъ разсудкомъ, опредѣлить степень опасности, которой онъ подвергаетъ свою особу, предпринимая путешествіе по желѣзнымъ дорогамъ.

Изъ оффиціальныхъ отчетовъ по желѣзнымъ дорогамъ Бельгій видно, что, отъ 1835 до 1839 года, проѣхало по нимъ 6,609,225 пассажировъ. Изъ этого числа, несчастными случаями убито пятнадцать и ранено шестнадцать человѣкъ, но изъ нихъ, двадцать пять-четыре человѣка были работники, при постройкѣ самой дороги, или же при управленіи паровозами. Пассажировъ, собственно, убито только трое, а ранено двое. Слѣдовательно смертность отъ несчастныхъ случаевъ относилась къ числу пассажировъ, какъ 1 къ 2,203,075. Въ 1842 году проѣхало 2,716,755 пассажировъ, изъ коихъ погибло трое: двое, прохаживаясь по рельсамъ, погибли, отъ собственной неосторожности, а третій самъ лишилъ себя жизни.

На французскихъ линіяхъ смертность еще меньше этого. Изъ отчета за первые шесть мѣсяцевъ 1843 года, по шести линіямъ, ведущимъ отъ Парижа (онѣ занимали всего двѣсти-двѣнадцать

миль длины) видно, что поѣздовъ проѣхало 18,446, а пассажировъ 1,889,718 человекъ. Разстоянія пройдено 316,945 миль. Пассажиры все проѣхали безопасно, а пострадало трое изъ числа дорожной прислуги.

Любопытно сравнить эти показанія съ отчетами о несчастіяхъ, случившихся въ Парижѣ и окрестностяхъ его, отъ ѣзды въ обыкновенныхъ конныхъ каретахъ:

Въ 1834 году,	убито	4	человѣка.	равно	134
— 1835 —	—	12	—	—	214
— 1836 —	—	5	—	—	220
— 1837 —	—	11	—	—	361
— 1838 —	—	19	—	—	366
— 1839 —	—	9	—	—	384
— 1840 —	—	14	—	—	394
Итого . . .					74
					2073

Казалось бы, что на англійскихъ дорогахъ, занимающихъ протяженіе гораздо значительнѣйшее, абсолютное число несчастныхъ случаевъ должно бы быть гораздо больше. Изъ парламентскихъ отчетовъ, однакожъ, видимъ, что смертность отъ такихъ происшествій на желѣзныхъ дорогахъ, самая незначительная. Слѣдующее показаніе заимствовано изъ официальнаго допесенія парламенту, отъ Департамента Желѣзныхъ Дорогъ:

Годъ.	Число несчастныхъ случаевъ.	Число лицъ пострадавшихъ.			Число миль, открытыхъ для проѣзда.	Число пассажировъ.	Отношеніе числа пострадавшихъ къ числу пассажировъ.
		Убитыхъ.	Не смертельно раненыхъ.	Итого.			
1840	28	22	131	163	1330	6,029,866	1 на 39,410
пять мѣсяцевъ.							
1841	29	24	72	96	1,556 $\frac{1}{2}$	20,449,764	1 на 213,018
1842	10	5	14	19	1,717 $\frac{1}{2}$	21,358,445	1 на 1,124,128
1843	5	3	3	6	1,798 $\frac{1}{2}$	25,572,525	1 на 4,262,057
1844	34	10	74	84	1,912 $\frac{1}{2}$	30,363,052	1 на 356,702
1845	15	2	30	32	2,118 $\frac{1}{2}$	16,720,550	1 на 522,517

Отсюда выводимъ пропорцію: надежды на безопасность для тѣхъ пассажировъ, которые руководствуются обыкновеннымъ

правилами осторожности, относятся къ несчастнымъ случаямъ какъ полимилліона къ единицѣ.

Пожалуй спросить, какого же рода осторожности потребно для безопасности пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ? На этотъ вопросъ дадимъ слѣдующій отвѣтъ: самое важное общее правило для безопасности заключается въ томъ, чтобы *не сходить съ своего мѣста въ каретъ, если возможно, до самаго конца поѣздки, и не выходить изъ кареты на станціяхъ безъ необходимой надобности.*

Между многими вопросами, возникшими отъ борьбы противоположныхъ выгодъ спекуляторовъ по желѣзнымъ дорогамъ въ Англіи, есть одинъ заслуживающій особеннаго разсмотрѣнія, по необыкновенному вниманію, которое публика обратила на него. Горячность, какою отличался споръ о дѣлѣ, рѣшеніе котораго ни мало не затруднило бы людей безпристрастныхъ, свидѣтельствуешь о глубокомъ и общемъ участіи, принимаемомъ публикою во всемъ, что относится къ желѣзнымъ дорогамъ.

Мы видѣли, что къ концу 1845 года открыто было для поѣзда около 2,100 миль желѣзныхъ дорогъ. При устройствѣ 1860 миль изъ этого числа, принимали къ руководству разстояніе между рельсами въ $56\frac{1}{2}$ дюймовъ. Такое единообразіе было необходимо для свободнаго переѣзда паровозовъ и каретъ съ одной линіи на другую. Въ одномъ только случаѣ употреблена была исключительная ширина (exceptional gauge) въ восемьдесятъ-четыре дюйма, именно на линіи, извѣстной подъ названіемъ «Большой Западной» (Great Western), отъ которой отдѣляются вѣтви, имѣющія по необходимости ту же самую ширину между рельсами. Съ самаго начала было очевидно, что эта система исключительныхъ линій, простирающаяся нынче до двухъ-сотъ сорока миль, разобшится отъ всѣхъ прочихъ англійскихъ дорогъ; что движеніе торговли по этимъ послѣднимъ не можетъ быть передаваемо на нее, и на оборотъ, иначе какъ посредствомъ перегрузки товаровъ. Инженеръ, завѣдывавшій устройствомъ этихъ линій, самъ отзывался объ отступленіи отъ обыкновенной ширины между рельсами, какъ «о неудобствѣ, клонившемся къ совершенному отстраненію отъ участія въ общей дѣятельности дорогъ, идущихъ къ сѣверу отъ Лондона, потому что движеніе по нимъ должно болѣе или менѣе зависѣть отъ движенія по другимъ уже открытымъ дорогамъ, при устройствѣ которыхъ соблюдена была обык-

повенная ширина. Большая Западная линия однако жъ проходить по странѣ, гдѣ до ея устроенія желѣзныхъ дорогъ не существовало. Ей нѣтъ необходимости имѣть сообщеніе ни съ одною изъ другихъ основныхъ линій, потому что направленіе главныхъ ея вѣтвей хорошо было назначено для удовлетворенія всѣхъ ея потребностей и дѣятельность, которая по нимъ будетъ направляться къ главной линіи, не можетъ ни сколько зависѣть отъ другихъ, прежде существовавшихъ желѣзныхъ дорогъ.*

И такъ, инженеры и директоры имѣли въ виду разобщеніе, въ торговомъ отношеніи, этой исключительной системы отъ всѣхъ прочихъ системъ, не предвидя отъ того ни какихъ неудобствъ, ни для себя самихъ, ни для публики: и ихъ предположенія сбылись бы, если бы линія дѣйствительно осталась разобщенною, но на дѣлѣ, къ ихъ несчастію, случилось совершенно противное: развитіе системы сухопутнаго пароваго перевоза далеко превзошло ожиданія, не только инженера и директоровъ исключительной линіи, но и всего остальнаго міра, и съ того времени какъ вѣтви многихъ изъ обыкновенныхъ желѣзныхъ дорогъ пришли въ соприкосновеніе съ ея вѣтвями, опытъ вполне доказалъ ошибочность мнѣнія, столь смѣло изложеннаго господиномъ Брюнелемъ, будто бы движеніе дѣятельности по исключительной системѣ не можетъ зависѣть отъ дѣятельности обыкновенныхъ желѣзныхъ дорогъ. На одномъ пунктѣ уже случилось соприкосновеніе и то же самое вскорѣ произойдетъ на другихъ. Дѣло теперь въ томъ, какъ бы помочь этой бѣдѣ?

Та узкая полоса королевства, которая простирается отъ Лондона на западъ, къ Бристолу и Эксетеру, гдѣ нынѣ господствуетъ исключительная система, вскорѣ вовсе разъединится отъ странъ, лежащихъ отъ нея на сѣверъ и на югъ, и останется, сколько до сообщенія по желѣзнымъ дорогамъ касается, какъ бы отдѣленною отъ прочихъ частей королевства широкою и глубокою рѣкой, чрезъ которую моста строить невозможно. Движеніе торговли между этою полосою и странами, лежащими отъ нея на сѣверъ и на югъ, должно будетъ производиться чрезъ рѣку, посредствомъ перевозовъ, учрежденныхъ въ тѣхъ пунктахъ на обоихъ берегахъ, гдѣ оканчиваются желѣзныя дороги. По прибытіи къ берегамъ, придется пассажирамъ оставлять свои экипа-

* Изъ рапорта господина Брюнеля директорамъ Большой Западной Желѣзной Дороги

жи, и нести съ собою всю свою поклажу, сюртуки, зонтики и дорожные мѣшки. Это будетъ случаться и днемъ, и ночью, и въ ясную погоду, и въ ненастную. Жены и дѣти раздѣлять эту участь. А хорошо ли для нихъ будетъ тащиться чрезъ грязь, въ бурное, темное ночное время, отъ одной дороги къ другой? Весьма естественно, что придется выгружать товарные вагоны у конца одной дороги, и снова нагружать при переходѣ на другую, а кто же, какъ не хозяева товаровъ, понесутъ убытки отъ потери времени и отъ лишнихъ расходовъ? У этихъ предѣловъ исключительной линіи безпрестанно будутъ смѣшиваться цѣлые полки носильщиковъ, потому что работѣ конца не будетъ ни днемъ ни ночью, и этотъ порядокъ вещей никогда не прекратится, покуда будутъ существовать желѣзныя дороги.

Могутъ спросить, не вознаграждается ли это зло какою-нибудь значительною выгодой? Для рѣшенія этого вопроса была наряжена отъ правительства особая коммиссія и издержаны, Богъ вѣсть! какія суммы на собраніе огромной массы свѣдѣній. На повѣрку выходитъ, что обѣ системы представляютъ одинаковыя выгоды въ отношеніи къ безопасности, удобству и скорости и что онѣ обѣ въ равной степени могутъ удовлетворить всѣмъ возможнымъ торговымъ требованіямъ, уже существующимъ, или могущимъ возникнуть на будущее время. Пріверженцы каждой системы видятъ въ ней, предъ другою, какія-то преимущества, совершенно, однако жъ, незамѣтныя для безпристрастныхъ судей.

Послѣ этого, всякій пойметъ всю важность зла, происшедшаго отъ существованія двухъ различныхъ системъ, и невозможность уменьшить ее ни какими вспомогательными средствами. Остается, слѣдовательно, прекратить ее совершенно,—или примѣненіемъ ко всѣмъ дорогамъ исключительной системы,—тогда пришлось бы передѣлать на обыкновенныхъ дорогахъ всѣ мосты, водопроводы, тоннели, насыпи и выемки, а также перестроить станціи и паровозныя депо,—или же на двухъ-стахъ сорока миллахъ, по которымъ простирается исключительная система, уменьшить разстояніе между рельсами и сдѣлать сообразное измѣненіе въ устройствѣ каретъ и паровозовъ. Объ исполненіи перваго изъ этихъ двухъ мѣръ и думать нельзя; вторую же можно бы легко привести въ исполненіе даже и безъ временнаго вреда для торговой дѣятельности, пожертвовавъ на то немного меньше одного милліона фунтовъ стерлинговъ.

Первыя привилегіи, выданныя правительствомъ компаніямъ на учрежденіе желѣзныхъ дорогъ, давали компаніямъ право только строить и содержать дороги, по которымъ каждый, кто хотѣлъ, могъ бы свободно проѣзжать, за уплатою компаніи зато известной пошлины. Тогда еще ни парламентъ, ни компаніи не предвидѣли, чтобы между желѣзною и обыкновенною дорогою могла возникнуть какая-нибудь существенная разница. Но въ одно время съ постройкою этихъ дорогъ, изобрѣтенія и усовершенствованія механизма для провоза по нимъ достигли полного своего развитія. Новый двигатель явился какъ-бы уже совершенно готовымъ и повозки, которыя онъ тащилъ, были совершенно новаго устройства. Однимъ словомъ, выдумана была система перевознаго механизма, совершенно новаго устройства, примѣняющаяся только къ рельсамъ, точно такъ какъ рельсы примѣнялись только къ ней. Отдѣльно другъ отъ друга онѣ существовать не могли и, слѣдовательно, перевозка могла быть произведена только тѣми лицами, въ рукахъ которыхъ находилось управленіе новыми дорогами. Оттого компаніи вдругъ, и по необходимости, стали и владѣтелями дорогъ и перевозчиками, не имѣя даже возможности отказаться отъ послѣдняго званія, если бы онѣ и сами того пожелали. Этого мало, — они стали *единственными* перевозчиками. Нельзя было и помышлять о томъ, чтобы публика завелась собственными паровозами и собственными каретами для ѣзды по дорогамъ. Такимъ образомъ образовалась колоссальная монополія, существованіе которой не было предвидѣно ни парламентомъ, ни компаніями.

Практическія послѣдствія дѣйствій новой системы перевоза въ Англіи очень скоро показали, что желѣзныя дороги непремѣнно завладѣютъ всею, или почти всею дѣятельностію, которая до тѣхъ направлялась по коннымъ дорогамъ. Иностранныя державы тотчасъ замѣтили, что правительству необходимо имѣть надъ новыми путями сообщенія такія же права, какими оно владѣло въ отношеніи къ старымъ дорогамъ. Но въ дополненіе прежнихъ правъ, правительства, предвидя всюду неизбѣжность монополій, присвоили себѣ еще и распорядительную власть надъ новыми дорогами. Эта мѣра была самая благоразумная и клонилась къ ограниченію зла, могущаго произойти отъ перехода въ частныя руки такой неограниченной власти надъ движеніями и дѣятельностію всего общества. Согласно съ этими соображеніями, правительства должны были, или забрать монополію въ свои руки, или же дозво-

лить ее, на опредѣленные сроки и подъ строгими условіями, частнымъ компаніямъ. Таковы были общія правила, которыми руководствовались по этому важному дѣлу рѣшительно всѣ державы, устроившія у себя желѣзныя дороги, за исключеніемъ Великобританіи.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ правительство сочло за нужное присвоить себѣ, не только устройство и содержаніе главныхъ дорогъ, но и распоряженіе движеніемъ дѣятельности по нимъ. Эта мѣра сопровождалась очевидною выгодною: если правительство хотѣло, оно могло въ перевозѣ товаровъ и пассажировъ имѣть источникъ дохода, а если, руководствуясь другими соображеніями, оно предпочитало увеличенію своего дохода облегченіе сообщеній у себя и съ сосѣдями, то отъ него зависѣло установить тарифъ такъ, чтобы частый доходъ только покрывалъ издержки перевоза. Англійское правительство нѣкогда пожертвовало для пользы общественной частію своихъ доходовъ, понизивъ почтовый тарифъ до возможныхъ предѣловъ. Точно также и другія государства могутъ пожелать учредить очень дешевую систему перевоза. Въ такихъ случаяхъ уменьшеніе прямого дохода иногда вознаграждается посторонними непредвидѣнными выгодами.

Бельгійское правительство руководствовалось этими видами съ отличнымъ успѣхомъ: всѣ главныя дороги находятся въ его рукахъ и тарифъ такъ установленъ, чтобы дороги приносили доходу около четырехъ процентовъ на капиталъ, употребленный на ихъ постройку.

Когда Бельгійское правительство не желаетъ принять на себя распоряженія перевозомъ по желѣзнымъ дорогамъ, то устроивъ всю линію или только часть, оно отдаетъ дороги въ наемъ, на опредѣленный срокъ и за извѣстную премію компаніи, которая обязывается докончить недостроенную часть на своемъ иждивеніи. Въ такомъ случаѣ, оно заключаетъ съ компаніею контрактъ, въ которомъ подробно и съ точностію излагаются какъ права и обязанности компаніи, такъ и отвѣтственность ея при отдѣлѣ линіи обратно. Правительство обыкновенно устанавливаетъ предѣлы тарифа и предоставляетъ себѣ власть, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, взять дороги обратно въ свое распоряженіе даже до истеченія срока.

Въ Австріи, линіи первоначально отдавались въ наемъ компаніямъ на пятидесяти лѣтніе сроки. Впоследствии, однакожъ, прави-

тельство опять откупило ихъ и теперь большая часть дорогъ находится подъ его надзоромъ и управленіемъ.

Прусское правительство поручаетъ постройку дорогъ и управленіе ими компаніямъ, предоставляя себѣ надзоръ надъ дѣйствіями ихъ. Оно также устанавливаетъ тарифъ, который ни въ какомъ случаѣ не долженъ превышать десяти процентовъ съ капитала. Компаніи ежегодно представляютъ свои отчеты министру. Со временемъ же, когда выручится весь капиталъ, употребленный на устройство дорогъ, предполагаютъ установить тарифъ такъ, чтобы доходомъ вознаграждались однѣ только издержки на содержаніе дорогъ.

Въ Баваріи дороги отдаются въ наемъ компаніямъ на опредѣленный срокъ. Въ теченіи первыхъ трехъ лѣтъ по открытіи каждой линіи правительство ревизуетъ тарифъ ежегодно; впоследствии же ревизуетъ послѣ каждаго трехлѣтія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ компаніямъ даруются особенныя преимущества, напримеръ: изъятіе отъ платежа, или уменьшеніе пошлинъ на привозъ матеріаловъ для постройки дорогъ, или дозволеніе безвозмездно занимать казенныя земли. Иногда правительство само производить земляныя работы, иногда же беретъ на себя устроить полотно дороги. Словомъ сказать, учрежденіе желѣзныхъ дорогъ обыкновенно составляетъ предметъ договора между правительствомъ и компаніею, которая за отдачу ей дороги въ наемъ платитъ извѣстную премію. Эта премія издерживается на постройку всей дороги или какой-нибудь части ея. Правительство предоставляетъ себѣ право ревизовать тарифъ компаніи и обязывается, по принятіи дороги, послѣ истеченія наемнаго срока, обратно отъ компаніи, удовлетворить ее за издержки на устройство паровозовъ и вагоновъ.

Существующая во Франціи система желѣзныхъ дорогъ, была проэктирована и построена, за немногими исключеніями, правительствомъ, чрезъ посредство департамента мостовъ и дорогъ. Министерство публичныхъ работъ объявляетъ торги, назначая высшій предѣлъ таксы тарифа и дальнѣйшій срокъ, на который отдается дорога въ наемъ, и оставляетъ ее за тѣмъ лицомъ или за тою компаніею, которая соглашается на выгоднѣйшія для правительства условія.

Когда во Франціи не учреждалась еще нынѣшняя успѣшная система пассажирскихъ линій, правительство, для возбужденія пред-

привличивости капиталстовъ, сочло за нужное предлагать разныя весьма выгодныя условія. Такъ, напримѣръ, линіи отъ Париза до Сень-Жермена, до Версаля, Руана и Орлеана, отданы были въ наемъ на девяносто-девяти-лѣтніе сроки. Съ того времени, однако жъ, какъ выгодныя послѣдствія новой системы во Франціи сдѣлались очевидными и привлекли вниманіе публики къ этому роду предпріятіямъ, правительство стало заключать съ компаніями условія гораздо для себя выгоднѣйшія. Большая сѣверная линія до Брюсселя отдана въ наемъ на тридцати-осми-лѣтній срокъ; линія отъ Орлеана до Бордо на двадцати-осми-лѣтній и отъ Тура до Нанта на тридцати-четыре-лѣтній сроки. Изъ всей системы линій во Франціи отдано въ вѣчное и потомственное владѣніе не болѣе ста-двадцати миль, да и это протяженіе состоитъ почти исключительно изъ дорогъ, учрежденныхъ, когда еще не думали строить желѣзныя дороги для перевоза пассажировъ.

Правительства Соединенныхъ-Штатовъ почти во всѣхъ случаяхъ предоставляютъ себѣ право контроля надъ желѣзными дорогами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ онѣ сами владѣютъ болшею частью акцій, а въ другихъ ссудили компаніи займами за невысокіе проценты, или же сами поручились за уплату капитала, занимаемаго компаніями, которыя во всѣхъ этихъ случаяхъ признаютъ право правительствъ контролировать ихъ дѣйствія. Высшимъ предѣломъ дивиденда иногда назначается десять процентовъ (законный процентъ на капиталъ въ Соединенныхъ-Штатахъ простирается до шести и до семи процентовъ). Иногда же предоставляется правительствамъ право ревизовать тарифъ каждые четыре года, а въ нѣкоторыхъ изъ главныхъ штатовъ, въ Нью-Йоркѣ, Пенсильваніи и Виргиніи, напримѣръ, въ контрактъ помѣщается условіе, по которому правительство можетъ измѣнять тарифъ, когда ему заблагоразсудится. Здѣсь замѣтимъ, что правительства нѣкоторыхъ изъ штатовъ, подчинивъ компаніи столь строгимъ условіямъ, даруютъ имъ привилегіи на неопредѣленные сроки; въ главныхъ же штатахъ сроки простираются отъ пятидесяти до ста лѣтъ.

Благоразумныя мѣры, принимаемыя Франціею и многими другими государствами, для охраненія публики отъ злоупотребленія власти, данной компаніямъ, оказались совершенно успѣшными. Тамъ правительство не только предоставило себѣ власть ревизовать и измѣнять тарифъ, но и опредѣлило срокъ существованію

привилегіи компаній, такъ, что по встеченіи извѣстнаго времени, всѣ внутреннія сообщенія государства поступаютъ подъ его управленіе. И такъ, по прошествіи сорока лѣтъ, всѣ главныя желѣзныя дороги во Франціи будутъ въ рукахъ правительства, а чрезъ девяносто лѣтъ уничтожатся всѣ частныя компаніи.

Отсюда видимъ, что въ этомъ случаѣ одна только Англія упустила изъ виду благоразуміе, когда, съ неслыханною опрометчивостью, дозволила нѣкоторымъ частнымъ лицамъ завладѣть на неопредѣленное время всѣми ея публичными сообщеніями, не предоставивъ себѣ даже ни какой власти надъ ними. Нельзя полагать, что изъ этихъ монополій не возникнутъ всѣ тѣ злоупотребленія, которыя бывають необходимымъ слѣдствіемъ монопольной системы. И теперь уже замѣтно стремленіе компаній всѣми путями искать своихъ частныхъ выгодъ, вопреки всѣмъ справедливымъ требованіямъ публики. Сначала учредилось множество компаній, потому что каждая линія тогда составляла отдѣльную собственность, и хотя теперь дознались, что соперничество, по двумъ линіямъ, есть дѣло несбыточное, однако жъ тогда надѣялись, что между такимъ множествомъ линій, можетъ-быть, возникнетъ хоть что-нибудь похожее на соперничество. Теперь эти надежды должны исчезнуть, потому что монополіи заключили между собою союзъ и меньшія компаніи, одна за другою, слагають съ себя свою самобытность, чтобы слиться съ общою массою большихъ, такъ, что вмѣсто прежняго великаго множества малыхъ монополій, вскорѣ проявится малое число великихъ монополій.

Нѣкоторыя изъ компаній желѣзныхъ дорогъ придумали слѣдующій способъ для прекращенія соперничества съ ними каналовъ, въ перевозкѣ товаровъ: завладѣвъ нѣкоторыми участками каналовъ, онѣ возвысили тарифъ на нихъ до крайнихъ предѣловъ, дозволенныхъ парламентомъ, и этимъ по всей системѣ остановили движеніе торговли, которое и перешло на ихъ желѣзную дорогу. Еще доказано, что нѣкоторыя изъ большихъ и сильнѣйшихъ компаній создаютъ огромныя количества мнимыхъ акцій, съ тою цѣлію, чтобы капиталъ ихъ казался больше настоящаго, а доходъ, сравнительно, меньше. Эту уловку онѣ употребляютъ для того чтобы отклонить вниманіе правительства отъ ихъ тарифа.

Плата взимаемая съ пассажировъ на англійскихъ дорогахъ превышаетъ плату на всѣхъ иностранныхъ линіяхъ. Первокласные пассажиры платятъ тамъ шестьдесятую-трия процентами больше

тѣмъ во Франціи и Германіи, семьюдесятью-пятью процентами больше тѣмъ на Бельгійскихъ линіяхъ, сотнею процентовъ больше тѣмъ на италіанскихъ, и ста-шестьюдесятью процентами больше тѣмъ на датскихъ линіяхъ. Плата же съ пассажировъ втораго класса превышаетъ плату на французскихъ и германскихъ дорогахъ пятьюдесятью процентами; на италіанскихъ сотнею процентовъ; а на бельгійскихъ и датскихъ ста двадцатью процентами. Съ третьаго класса, наконецъ, въ Англіи взимается шестьдесятью-шестью процентами болѣе тѣмъ въ Бельгійи, сотнею процентовъ болѣе тѣмъ въ Давіи и Италіи, тридцатью тремя процентами болѣе тѣмъ въ Германіи и четырнадцатью процентами болѣе тѣмъ во Франціи. Нигдѣ, во всемъ свѣтѣ при перевозкѣ рабочаго сословія, не оказываютъ такого явнаго пренебреженія къ его спокойному и удобному помѣщенію, какъ на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ. Короче сказать, тѣ злоупотребленія, которыя бывають обыкновеннымъ слѣдствіемъ всякой монополіи, уже появились и, вѣроятно, скоро достигнуть полнаго развитія.

Разсмотримъ настоящее положеніе дѣла. Открытъ новый способъ сообщенія, далеко превосходящій всѣ прежніе, дешевизною, скоростію, вѣрностію и точностію. Слѣдовало воспользоваться этимъ рѣдкимъ случаемъ, для учрежденія, на благоразумныхъ началахъ, улучшенной системы внутренняго сообщенія. Что же случилось на самомъ дѣлѣ? Имѣя въ своихъ рукахъ всѣ средства къ упроченію своихъ выгодъ, Англичане добровольно лишили себя всѣхъ своихъ правъ, позволивъ небольшому числу частныхъ лицъ завладѣть всею системою общественныхъ дорогъ. Этого мало, они предоставили этимъ лицамъ власть, отнынѣ и на всегда, поступать съ ними и съ ихъ потомками, во всемъ, что до нихъ обиходныхъ сношеній касается, какъ имъ и ихъ наслѣдникамъ заблагоразсудится. Англія не имѣетъ болѣе большихъ дорогъ; страна теперь покрыта сѣтью желѣзныхъ путей, которыми безъ согласія владѣльцевъ, или иначе какъ на условіяхъ, ими предписываемыхъ, никто пользоваться не можетъ!

Наконецъ, парламентъ обратилъ вниманіе на это вопіющее зло, и принимаются мѣры, которыми, можетъ-быть, хоть нѣсколько облегчатся армо тяготящее надъ англійскою публикой. Никто, кажется, не станетъ опровергать права парламента контролировать внутреннюю систему сообщеній государства; а если при этой системѣ, соперничества существовать не можетъ, то надо искать средствъ къ замѣненію его. Этого можно бы достигнуть учрежде-

нѣмъ надъ желѣзными дорогами контрольной коммисіи, которой была бы дана отъ правительства власть для охраненія публики отъ притѣсненій компаній, не нарушая правъ послѣднихъ. Такая система контроля могла бы быть источникомъ благъ, не только для публики, но и для самихъ компаній, изъ которыхъ многія уже убѣдились въ возможности согласованія ихъ собственныхъ выгодъ съ выгодами публики, понявъ наконецъ, что уменьшеніе дивиденда не есть необходимое слѣдствіе уменьшенія тарифа.

111

ПУТЕШЕСТВІЕ

И ОТКРЫТІЯ ЛЕЙТЕНАНТА Л. ЗАГОСКИНА ВЪ РУССКОЙ АМЕРИКѢ.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

=

Осеннее пребываніе въ Иког-миутъ. Походъ на Кускоксимъ въ рѣдуть Колмакова.

Компанейскія строенія въ Иког-миутѣ, оставляемыя на лѣто на произволъ туземцевъ, конечно не могли состоять въ порядкѣ: двери сняты, рамы выставлены, за исключеніемъ сруба стѣнъ ни одной переборки, ни одной половой доски не оставалось на мѣстѣ: все перерыто, все переворочено, ради корешка табаку или затерявшейся въ сору иглы. Со всѣмъ тѣмъ на другой день къ вечеру мы поубрались и переселились на новоселье, въ ожиданіи настоящихъ хозяевъ; впрочемъ, зная по примѣру прежнихъ лѣтъ, что команда отправлялась въ Иког-миутъ съ исхода августа, мы ихъ и не ожидали, но замедленіе шулатовской лодки относительно продовольствія ставило насъ въ затруднительное положеніе; въкоторыя русскія слова, затверженныя туземцами, русоволосые и голубоглазые дѣти, свидѣтельствуя фактами о возникающей нашей колоніи, требовали чтобъ мы роздали послѣдній оставшійся у

насть фунтъ табаку. Ловить самнйъ рыбу—прошла пора; для по-ску оленей необходимо было время.

Согласно ннструкціи, надѣясь найти въ редутѣ Колмакова бумаги отъ главнаго правителя колоній, 24 августа, я по-слалъ туда двухъ туземцевъ. На другой день двое другихъ отправлены были внизъ по Квихпаку для освѣдомленія о при-чинѣ замедленія нулатовской лодки. Положа правиломъ на вре-мяннхъ мѣстахъ нашего жительства избѣгать по возможности покупки провизій отъ туземцевъ, мы рѣшились прокармливаться звѣриной и птичей охотой и, 27 августа, стрѣлецъ съ двумя по-мощниками отправился за оленями на луговую сторону. Я съ толмачемъ стрѣльбою гусей доставлялъ остальнымъ нескудное дневное пропитаніе.

Вечеру, 29 августа, вовсе неожиданно обрадовали насть сво-имъ приходомъ нулатовская лодка и команда Иког-мютской артели. Управляющій этой артелью, отправленный изъ михай-ловскаго редута 1 августа, имѣлъ несчастіе прорѣзать свою байдару не доходя Паштоля. Пережѣва подмоченнаго груза за-держала его десять сутокъ на мѣстѣ, а лодка назначенная въ Нулато и отиравленная въ тожѣ число по какому-то недоразумѣ-нію простояла все это время въ Паштолѣ.

Я получилъ письма съ родины, письма изъ метрополіи нашихъ колоній. Съ душевнымъ волненіемъ узналъ о происшествіи не бы-валою въ морскихъ лѣтописяхъ всѣхъ народовъ: одинъ изъ мо-ихъ товарищей по службѣ на возвратѣ изъ Калифорніи залитъ волною и погибъ въ каютѣ, тогда какъ судно почти не потер-пѣло ни какихъ поврежденій; свидѣлся съ моимъ деньщикомъ, котораго оставилъ въ безнадежномъ состояніи, и былъ радъ ему какъ родному. Да простятъ мнѣ эту строку посвящае-мую признательности и воспоминанію. Наконецъ нельзя умол-чать, что на Квихпакѣ, за 18,000 верстъ отъ Петербурга, въ краѣ совершенно неизвѣстномъ образованному міру, полученъ былъ репертуаръ за 1841 годъ. До того вся библіотека моя заключалась въ Библіи, Морскомъ календарѣ и Астрономическихъ таблицахъ, а тутъ вдругъ открылась возможность потѣшать публику русски-ми сценическими представленіями.

Изъ Ново-архангельска прислано было для освѣженія команды около ведра рому: съ первой чаркой понеслось общее спасибо и здравіе на многіе лѣта внимательному начальнику; вторая отра-зилась въ нѣсняхъ; третья успокоила всѣхъ.

Управляющій михайловскимъ редутомъ увѣдомлялъ меня, что

привезенные изъ Ситки нѣкоторые запасы для экспедицій, были сданы ему въ такой небрежной укупоркѣ, что онъ принужденнымъ нашелся большую часть груза перекупорить. Проведя близъ года въ странствіяхъ съ мѣста на мѣсто, мы опытомъ убедились въ возможности существованія безъ хлѣба, однако вмѣстѣ съ этимъ для насъ было ясно, что туземцы получая европейскіе товары за провизію, работы или какія другія услуги, не заботятся о промыслѣ пушныхъ звѣрей или прибрѣтенные ими стараются передавать къ Малеяг-мютамъ, за тѣ предметы необходимые для ихъ быта, которыхъ мы не имѣемъ въ продажѣ; по этому морча сухарей могла быть чувствительна не лично для насъ, но для пользы всей нашей торговли въ цѣломъ краѣ. Безъ сухарей мы были бы принуждены сдѣлать выпускъ табаку и другихъ товаровъ не соразмѣрный съ истинной потребностью народонаселенія, и тѣмъ неминуемо возвысить цѣнность пушныхъ мѣховъ. Для разъясненія этого положенія вспомнимъ, что сорокъ фунтовъ табаку стоятъ на Квихнакѣ не 17 рублей серебромъ *, а 50 бобровъ или, на серебро, 250 рублей, полагая рѣчнаго бобра по средней цѣнности въ 5 рублей.

Къ счастью, изъ доставленнаго намъ запаса сухарей, оказалось вовсе негодныхъ только около 90 фунтовъ; пудовъ семь отсырѣлыхъ были розданы въ паекъ на сентябрь мѣсяцъ обѣимъ командамъ, артели и экспедиціи, и мы успокоились.

Второго сентября возвратились посылаемые въ редутъ Колмазова. Чтобы по нѣкоторымъ даннымъ сообразить свою жизнь на Куковинимъ и основать въ тамошнемъ редутѣ отдыхъ, назначенный экспедиціи по инструкціи главнаго правителя колоній, въ письмѣ къ управляющему, я просилъ познакомить меня съ сущностью состоянія управляемаго имъ мѣста. Здѣсь прилагаю выписку изъ его отношенія, заставившаго меня въ противность данныхъ наставленій расположить иначе дѣйствіями экспедиціи.

«Русскихъ рабочихъ людей у меня ни кого нѣтъ, а всего считая и себя 11 человекъ команды Агджер-мюте; изъ нихъ 4 работ-

* По важности и повсемѣстному требованію нѣкоторыхъ европейскихъ товаровъ и произведеній, несмотря на то, что въ подвозѣ ихъ къ мѣсту потребленія компанія терпѣтъ иногда убытки, цѣнность произведеній остается постоянно или неизмѣленною. Къ такимъ статьямъ относятся пшеница, мука, соль и черкасскій табакъ. Въ Охотскѣ фунтъ такого табаку продается за 2 руб. 50 коп., между-тѣмъ какъ въ Америкѣ отпускается за 1 руб. 50 коп. ассигнаціями.

никовъ съ 8 человекѣми кускоквинскихъ временно нанятыхъ туземцевъ, отправляю въ александровскій редутъ съ пушными промыслами и не уповаю, чтобъ оттуда воротились ранѣе исхода января или начала февраля, то есть съ наступленіемъ хорошихъ ходовыхъ погодъ; тогда развѣ и вы получите на ваше имя бумаги. Въ редутѣ запасено у меня колоніальныхъ провизій не много, всего 2,500 юколъ, да 200 штукъ соленой тавычи, чего, по разчисленію моему, достаетъ мѣсяца на три для оставшейся команды и собакамъ; европейскихъ припасовъ, исключая 60 фунтовъ рису, не имѣю ни какихъ. Изъ александровскаго реду-та управляющій пишетъ, что у него въ этотъ годъ запасено весьма мало рыбы; туземцы поговариваютъ о страшной голодовкѣ; все лѣто было дождливое. Я нахожусь въ страхѣ отъ враждебной молвы: слухъ носится, что васъ собираются убить. Туземцы устья Кускоквина съ жила Мамтигваг-миотъ, тѣ самые, которые, въ 1839 году, вырѣзали наше заселеніе въ Иког-миотъ; да Богъ милостивъ, а васъ извѣщаю для осторожности.»

При отправленіи моемъ въ экспедицію я зналъ желаніе главнаго правителя колоній, касательно предметовъ, которые подлежало преимущественно осмотрѣть въ системѣ водъ Кускоквина. Съ полученіемъ свѣдѣній о состояніи нашего заселенія на этой рѣкѣ, понималъ, что пропитаніе наше изъ запасовъ редута Колмакова было бы для служащихъ въ немъ крайне обременительно, и хотя тогда еще по рассказамъ, по ознакомленній съ легкостью сообщеній Квихпака съ Кускоквиномъ, рѣшился основать въ Иког-миотѣ какъ бы главную свою квартиру и принять слѣдующій планъ дѣйствій:

По первому пути перейти въ редутъ Колмакова, чрезъ перенось, существующій отъ селенія Пай-миотъ; оттуда съѣздить еще разъ въ Иког-миотъ за запасами къ весеннему времени; по возвращеніи съ начала февраля предпринять походъ по рѣкѣ Иннока, по крайности до того мѣста, отъ котораго воротился П. Колмаковъ въ поѣздку свою лѣтомъ 1839 года; обратясь зайти вторично въ Иког-миотъ и взявъ остальные запасы и лавтаки для байдарокъ, идти весновать въ редутъ Колмакова; по вскрытіи Кускоквина сдѣлать поѣздку къ его вершинѣ; потомъ окончателно обратиться въ Иког-миотъ, изъ котораго заключить дѣйствія экспедиціи славомъ въ редутъ Святаго Михаила. Такимъ порядкомъ, я могъ познакомиться какъ съ зимними, такъ и съ лѣтними сообщеніями бассейновъ рѣкъ Кускоквина и Квихпака; могъ обстоятельно осмотрѣть страну вовсе намъ неизвѣстную по теченію

нию рѣкъ Инно-ка и Кускоквима къ верху отъ впаденія въ море Хулитны, и наконецъ имѣлъ возможность сдѣлать общій обзоръ Квихпака отъ одного изъ его устьевъ до осмотровыхъ нами мѣстъ въ его верховьяхъ.

Я долженъ сознаться, что къ соображенію такого предназначенія мнѣ много способствовалъ посѣщавшій насъ въ Иког-мю-тѣ туземецъ, съ низовья Инно-ка, одинъ изъ постояннѣйшихъ и знатнѣйшихъ торговцевъ съ редутомъ Колмакова. Онъ разъяснилъ мнѣ, что рѣка Тлегопъ, Легопъ Колмакова, есть вершина рѣки Шильтовотво или Инно-ка, о которой мы слышали и въ Нулато и въ поѣздку свою къ верховью Квихпака и которой низовье, какъ объяснено мною выше, на языкѣ двухъ смежныхъ, но разнородныхъ народовъ называется Иттеге и Чагелюкъ.

Съ приходомъ настоящихъ хозяевъ, намъ приходилось избирать особое жилище; порожныхъ туземныхъ зимниковъ не было; поставленный изъ корбасника и обladenный дерномъ шалашъ въ родѣ якутской уразы, не спасалъ ни насъ самихъ, ни запасы наши отъ кабели; самые компанейскія заведенія, построенныя въ 1836 году по туземному образцу и состоящія изъ двухъ отдѣльных,—изъ комнаты байдарщика и казармы для рабочихъ, оставаемые ежегодно безъ надзора, полуразрушенныя Кускоквимцами при истребленіи нашей команды въ 1839 году, безъ важныхъ поправокъ не могли служить для жительства на зимнее время. Лѣсъ для новыхъ строеній былъ заготовленъ и мы рѣшились общую казарму привести въ такое состояніе, чтобъ она могла вмѣстить въ себѣ обѣ команды, а для себя и экспедиціонныхъ запасовъ пристроить въ рядъ съ комнатой байдарщика двѣ другія, каждую въ одну три четверти сажени въ квадратѣ. Къ 1 октября все было готово. Всѣ наши каморки, обваленныя землею, соединенныя темными земляными коридорами, представляли въ общности нѣкотораго рода лабиринтъ, или для большей вѣрности въ сравненіи, походили на подземный рыбный запоръ съ мордами, такъ что попавшемуся и незнающему внутренняго расположенія трудно было выбраться.

Промыселъ оленей былъ столько удаченъ, что обезпечивъ свое продовольствіе, для экономіи на непредвидѣнные случаи, мы убавили у каждаго человѣка по осьми фунтовъ сухарей изъ его мѣсячнаго положенія. Весною эта экономія весьма намъ пригодилась, для содержанія при экспедиціи туземнаго толмача и двухъ человѣкъ рабочихъ Агле-мю-тѣ изъ редута Колмакова, бывшихъ гребцами въ поѣздку нашу къ верховью Кускоквима.

Туманы и дожди въ августѣ закончили лѣто на сѣверѣ. Съ первыхъ чиселъ сентября, термометръ возвышавшійся въ полдень до + 14° падалъ къ полуночи до 5, а предъ восходомъ до точки замерзанія. Въ поискахъ нашихъ, съ 5 сентября, по окрестнымъ лѣсамъ встрѣчали только *Fringilla Linnaria minor* и *Corythus enucleator*, перелетающихъ стадами съ дерева на дерево, и *Picus minor* изъ подъ коры выклеивающаго себѣ пишу; за то *T. canadensis* и *T. umbillus* доставляли намъ и пріятное развлеченіе и вкусный столъ въ теченіи шести недѣль. Посвящая по часу въ день на эту охоту, мы втроемъ добыли близъ 300 тетерекъ, стрѣляя постоянно на одномъ и томъ же мѣстѣ на песчано-каменной лайдѣ близъ селенія. Въ ночь на 10 сентября, палъ первый свѣгъ, и хотя въ теченіи послѣдующихъ дождливыхъ дней онъ весь стаялъ, однако къ 20 числу этого мѣсяца лѣсъ совершенно обнажился, заяцъ побѣлѣлъ и къ 1 октябрю, только запоздалыя табуны гусей, на пролетѣ въ теплыя страны, садились для ночлега на близлежащія илестыя косы. Съ 13 октября, большая часть туземцевъ, отпраздновавъ свои осеннія поминки по умершимъ, разбѣжался по займамъ; съ оставшимися мы не скучно проводили осенніе вечера на различныхъ частныхъ вгруппкахъ.

Конечно, въ случаѣ нужды, каждый изъ насъ умѣлъ столько владѣть ножемъ, что былъ въ состояніи построить для себя нарту, лапки и прочая, по чѣтобъ вышло правильно, легко, чисто, сподручно, то такое дѣло смыслили только стрѣлецъ Никитинъ какъ Тунгусъ, и толмачъ Курочкинъ, какъ природный Алеутъ; оба, что называется, взрослые на ножѣ. Къ слову объ этихъ людяхъ. Тунгусъ былъ для экспедиціи первый стрѣлецъ, судостроитель, столяръ, слесарь, кузнецъ, закройщикъ и наконецъ что-то въ родѣ повара, по части приготовленія пемикепа. Второй, какъ грамотный толмачъ, съ рѣдкой веселостью характера соединялъ замѣчательную способность переимчивости: съ приходомъ на туземное жилище онъ тотчасъ располагался какъ дома, братался съ жителями, подмѣчалъ ихъ особенности, заучивалъ пѣсни, пляску, и тутъ же въ кажимъ передавалъ зрителямъ, разумѣется съ различными прибаутками и въ самомъ каррикатурномъ видѣ; или выворачивалъ глазные вѣки, закладывалъ ногу за ухо, ходилъ внизъ головою и прочая. Слѣпецъ Араго правду говорить, что эквилибристъ и фокусникъ играли бы у дикарей значительныя роли. Но всему Квхпаку ни одинъ туземецъ на бѣгу не переговалъ Никитина; пятерыхъ вишетъ перетягивалъ на палкѣ Дни-

тривать, и никто изъ дикарей въ своей же плескѣ не могъ сравниться съ Курочкинскимъ. Мнѣ оставалось, возможными поощреніями, сохранить этотъ духъ въ командѣ, столь много способствующій къ перенесенію трудностей нашей бродячей жизни.

Въ первой половинѣ октября Никитинъ и Курочкинъ занимались постройкою нарты къ походу; форму ихъ мы предпочли Иккиликскую, за исключеніемъ выгиби полозьевъ сзади; для удобнѣйшаго же управленія нартою подвязали къ задкамъ кресла; лапки дѣлалъ намъ одинъ туземецъ, потому что на это дѣло надобно быть особенно опытнымъ мастеромъ: отъ неправильной лапки пухнуть ноги въ щиколодкахъ и для себя не каждый туземецъ ихъ дѣлаетъ.

Я не имѣлъ случая видѣть журналовъ иког-миотской артели со времени основанія заселенія, но намъ было извѣстно, что въ 1841 году команда этой артели не успѣла достигнуть до мѣста своего назначенія, бывъ задержана рѣкоставомъ 23 сентября. Осень выѣшняго года, по словамъ туземцевъ, была продолжительная: первая пурга показалась 20 октября, ледъ постоянно несло двѣ недѣли и только съ 4 на 5 ноября рѣка окончательно стала. Вечеру, 5, попала въ морду одного туземца минога; надобно было быть очевидцемъ, чтобъ представить себѣ какую суматоху произвело между жителями появленіе этой рыбы. Откуда взялся народъ, день и ночь шли и ѣхали въ Иког-миотъ изъ всѣхъ окрестныхъ мѣстъ; день и ночь кажемъ полонъ былъ работающихъ, забыли и любимое свое наслажденіе — баню; отложили вечерники. 6 ноября поставлено было двадцать запоровъ; 7 явилось ихъ сорокъ-семь; 10 стояла сто-одна морда, на протяженіи съ небольшимъ полумиліи. Сверхъ мордъ, съ 9 числа, многія принялись черпать миногъ изъ прорубей, просто деревянными шестами и въ ночь на хорошемъ мѣстѣ одинъ человекъ добывалъ отъ семисотъ до тысячи штукъ. Ледъ по тонкости скоро остѣлъ, часто подламывался, но это не мѣшало долбить на быстринкахъ новые проруби. Морды также не оставались на постоянныхъ мѣстахъ; отъ близости между ними разстоянія, въ короткое время заносило пескомъ запорныя рѣшетки, теченіе отбивало въ сторону, а съ измѣненіемъ его не попадала и рыба. Иному приходилось въ сутки два и три раза переносить свои запоры. Ночью работали при огняхъ, расположенныхъ на берегу.

Мы имѣли одну морду: не весьма прилежно за пей наблюдали и теченіе двѣнадцати дней, съ 8 по 20 ноября, получали до осьми-тысячъ миногъ. Нашимъ людямъ скоро пріѣхалъ къ намъ при-

торно-жирной рыбѣ, но для туземца минога — нынгаякъ* — высшая роскошь. Три года миѣ не было ходу и въ нынѣшнюю зиму народъ ликуеть. Миноги ловятся съ нижнихъ жмѣ до Пай-мюта, по одиночкѣ случается вытаскивать и въ Нулато; главнымъ же ихъ притовомъ считается мѣсто въ милѣ ниже Иког-мюта. Самыя большія, какія миѣ удавалось видѣть, не превышали двадцати дюймовъ длины и полутора дюйма въ діаметрѣ. По двумъ доставленнымъ мною чучеламъ въ Россійско-Императорскую Академію Наукъ, господинъ Миддендорфъ причисляетъ ихъ за одинъ видъ съ камчатскими. Миноги, привезенные нами въ Новоархангельскъ, маринованные въ уксуѣ по всеобщему одобренію лѣнландскихъ уроженцовъ, были крупнѣе и жирнѣе нарвскихъ.

Съ 14 ноября установился снѣжный путь. До 22 я поджидалъ помощи, которую обѣщалъ намъ прислать людьми и собаками управляющій редутомъ Колмакова. Наконецъ, полагая, что какія-либо дѣла по редуту отвлекли посылку, мы рѣшились отправиться не теряя долѣе времени. Староста иког-мютской артели далъ намъ въ помощь, для перевозки запасовъ, одного человѣка изъ своей команды съ партою и тремя собаками; сверхъ-того мы наняли одного туземца также съ партою для поклажи мороженой нельмы, которою намѣревались запастись въ Паймють.

Путь на Кускоквимъ къ редуту Колмакова, изъ Иког-мюта чрезъ Пай-мють, несравненно длиннѣе; но имѣя въ виду омотрѣть оба главнѣйшія сообщенія, мы на этотъ разъ избрали пай-мютскій переносъ, для того, что по всему его протяженію встрѣчается лѣсъ, между-тѣмъ какъ по прямому сообщенію изъ Иког-мюта въ Кхалькаг-мють, на Кускоквимѣ, большую половину разстоянія занимаетъ открытая тундра, по которой, опасаясь частыхъ мятежей и пургъ, или бурановъ, рѣдкій изъ туземцевъ отваживается переходить въ первые два зимніе мѣсяца.

23 ноября. Облачно; временно просіяніе солнца, 8 тилій. Утро — 5,5; вечеръ — 7°.

Въ девять часовъ утра мы оставили Иког-мють; грузу на нашихъ шести нартахъ, со включеніемъ юколы для собакъ на недѣлю, состояло почти по пяти пудовъ на каждой. Туземецъ везъ нѣсколько запаснаго корму. Имѣя надобность по торговымъ сдѣлкамъ быть въ Икалгвиг-мють, намъ сопутствовалъ староста иког-мютской артели. Мы ночевали на этомъ жмѣ. Большая часть жителей еще не съѣхались съ своихъ осеннихъ зимекъ;

* Нынгаякъ «вьюкъ», — отъ глагола ныгу, — вить, сивать.

возвратившіеся не успѣли привести въ порядокъ камина: единственное его окно, составляющее вмѣстѣ съ тѣмъ и дымовую трубу, равно дверь изъ сѣней, мы принуждены были закрыть своими мѣховыми одѣялами и, за всѣмъ тѣмъ, въ ночь подорожи такъ, что на утро поднялись въ пять часовъ. Туземцы этого селенія приготовляются въ декабрѣ справлять главнѣйшія поминки по умершимъ и какъ на такія церемоніи скопляется до тысячи душъ съ окрестныхъ мѣстъ, для продовольствія которыхъ требуются большіе запасы, то только собакамъ, и то съ трудомъ, мы могли получить нѣсколько объѣденныхъ костей. Объявленіе или зовъ на предстоящее шествіе мы имѣли случай видѣть въ сентябрѣ.

24 ноября. Облачно, тихо, въ ночь морокъ. Утро — 6, вечеръ — 3,25.

Зимній путь по рѣкамъ вездѣ одинаковъ,—то по весьма скользкому льду такъ, что свѣжимъ вѣтромъ сбиваетъ съ ногъ и собакъ и человека; то по обнаженнымъ отъ снѣга косамъ и середкамъ, на которыхъ камешникомъ деретъ полозья; то наконецъ черезъ свѣжные сугробы, надутые на торосы. Всѣ эти случаи не благопріятствовали нашему ходу и въ день мы прошли не болѣе осьми миль. Ночевали на правомъ берегу, въ лѣсу.

Вотъ вторая зима, какъ я на походѣ помѣщаю степени состоянія температуры, обозначая кратко утро и вечеръ. Подъ этими словами разумѣется осемь часовъ утра или вечера. Наблюденія производились слѣдующимъ порядкомъ: при остановкахъ на ночлегъ въ туземныхъ селеніяхъ я вѣшалъ термометръ на воздухъ, всегда къ сторонѣ сѣвера, — гдѣ-нибудь по близости камина, — оставлялъ его на ночь и никогда не увѣдомлялъ о томъ жителей. На ночлегахъ, подъ открытымъ небомъ, термометръ привинчивался къ дереву, саженьхъ въ десяти отъ нашего стана. На ходу, близъ осьми часовъ утра, парты останавливались для отдыха собакъ, и для наблюденій температуры воздуха посвящалась четверть часа.

25 ноября. Облачно, просіяніе солнца; NO утѣренный, съ закатомъ солнца крѣпкій и шурга. Утро — 5,25; ввечеру — 11°.

Черезъ семь съ половиною часовъ хода безъ лапокъ, по довольно ѣзженному слѣду, мы прибыли въ Най-мютъ въ сумеркахъ, предъ пачатіемъ пурги. У туземцевъ въ кажимѣ была баня: нѣкоторые изъ нихъ обтирались на дворѣ снѣгомъ; тотчасъ всѣ засуетились; однако минутъ десять намъ пришлось дожидаться окончанія операціи, выхода дыма и удушающаго запаха туземна-

го мыла. Селеніе Пай-мюта, расположенное при устьи лѣваго берега рѣчки Уаллики, состоитъ изъ пяти зимниковъ и ста-двадцати душъ обоюго пола; множество памятниковъ свидѣтельствуютъ о болѣе значительности этого жила въ прежнее время; за двадцать изъ нихъ, подновляемые ежегодно, указываютъ, что осна вырвала здѣсь слишкомъ шестую часть народонаселенія. Кажимъ—семи сажень въ квадратѣ и до четырехъ сажень высоты. За подарки, сдѣланные намъ нельмой, чавычьей и юколой, мы отдаривали сообразно цѣнности, какъ-бы при покупкѣ, именно: за чавычью и юколу три листа табаку, за большую нельму тоже, за среднюю два, не ломанныхъ, не весьма мелкихъ и не сбитыхъ.

26 ноября. Облачно, NO свѣжій, по-утру — 9, ввечеру — 6,25. Весь день свѣтъ; оставались на мѣстѣ.

Туземецъ изъ Иког-мюта не зналъ переноса отъ этого селенія. Заплатка, пріѣхавъ съ своей одиночки, помогъ намъ въ наймѣ двухъ проводниковъ. Никто одинъ не рѣшался идти въ такое суровое время. Сношенія Пай-мюта съ редутомъ Колмакова пріучаютъ жителей къ нашей одеждѣ; нѣкоторые за службу въ рудѣ, въ временныхъ работникахъ, награждены суковнымъ исподнимъ платьемъ; у насъ проводники выговорили въ условіи получить по рубахѣ и брюкамъ фламскаго полотна. Не имѣя для такихъ случаевъ въ отпускѣ изъ Новоархангельска, мы отдали съ себя. Ввечеру была простая вечеринка, то есть безъ масокъ. Напѣвъ пѣсенъ и родъ плясокъ одинаковъ съ низовыми Квихпаг-мютами; но здѣсь, на рубежѣ двухъ различныхъ народовъ, быстрота въ движеніяхъ запята у Инкиликовъ. Такъ какъ вечеринка была собственно для насъ, то передъ ея окончаніемъ нѣкоторые жители приносили всѣмъ намъ различные подарки: мороженой рыбой, оленьими петлями, мѣшками изъ рыбьихъ шкуръ, травяными рогожами, и прочая. Сверхъ различной мелочи, я получилъ три лисицы и два соболя. Въ мѣнѣ туземцевъ между собою, пара соболей равняется цѣнностью среднему бобру, но за тулунъ соболей на парку, то есть за двадцать-двѣ штуки, даютъ отъ шести до десяти бобровъ перваго сорта, смотря по времени года, нуждѣ и цвѣту соболей. Выдрами платятъ сравнительно мѣше, потому что въ Паштолѣ эти шкуры пѣнятся выше бобровыхъ; притомъ у самихъ туземцевъ низовья Квихпака выдры въ большомъ употребленіи на оторочки парокъ. Отдаря сообразно за подарки, мы раздѣлили нѣсколько папущъ табаку на кажимъ за пріемъ и угощеніе.

27 ноября. Пасмурно, NW утѣренный, до семи часовъ вечера свѣтъ, потомъ ясно; по-утру — 4°, ввечеру — 11°.

Зная по опыту, что при вѣтрахъ между N и W скоро выветривается, въ девять часовъ утра мы пустились чрезъ переносъ. Рѣка Уалликъ, которою мы шли, протекаетъ изгибистыми колѣнами между ONO и SO праваго компаса; главная ея ширина не превышаетъ осмидесяти сажень; большею частью русло рѣки не шире пятидесяти, берега опушены тальникомъ и ольховникомъ; по тундрѣ видна кое гдѣ лиственъ. Отъ оттепелей выступившая вода на ледъ весьма задерживала нашъ ходъ: двѣ нарты осыпъ было подъ ледъ, но скоро были подхвачены; не такъ случилось съ однимъ изъ проводниковъ: отыскивая удобное мѣсто для обхода полыньи — онъ обрушился и, пока успѣли подать помощь, продрогъ порядкомъ. Къ его счастью мы случились не въ далекъ осенней одиночки одного туземца. Отгребли отъ нея свѣтъ, истопили, обсушились и забыли всѣ трудности этого дня. Будучи въ ходу близъ шести часовъ, мы прошли по главному направленію пути не болѣе пяти миль.

28 ноября. Мало облачно, тихо; утро — 14, ввечеру — 21,5.

Поднявшись въ полумилѣ отъ ночлега на лѣвый берегъ Уаллика, шли весь день то чистой тундрой, то мелкимъ чапыжникомъ по главному направленію къ SO, на группу горъ вышиною до двухъ-тысячъ футовъ, находящуюся на правомъ берегу Кускоквина. Туземцы называютъ ихъ «ташатудитъ». Первая полумиля по рѣкѣ и подъемъ на крутой до семидесяти-пяти футовъ берегъ Уаллика, заняли у насъ близъ трехъ часовъ времени, такъ, что до заката прошли не болѣе девяти миль. Ночевали въ тундрѣ, при небольшомъ рѣдкомъ еловникѣ.

29 ноября. Ясно, тихо; съ закатомъ утѣренный, рѣзкій NW; по-утру — 30; ввечеру — 28,5.

Поднявшись на свѣту, въ трехъ миляхъ отъ ночлега, мы вышли на довольно обширное озеро, изобилующее рыбкою иманатъ; въ немъ водятся и выдры. Озеро мы пересѣкли въ ширину на протяженіи трехъ съ половиною миль. Ночевали отъ него въ семи миляхъ на берегу рѣчки Иягытъ-Квийгаты, «Горный ручей», составляющей одинъ изъ верховыхъ притоковъ Уаллика. По берегамъ этой рѣчки мы замѣтили во многихъ мѣстахъ свѣжую бобровую рубку тальника. Плоская тундра до озера за нимъ переходитъ въ волнистую, прорѣзываемую многими буераками,

въ глубинѣ которыхъ находятся незамерзающіе истоки родниковъ. Страна за озеромъ къ Кускоквиму примѣтно возвышается.

Вмѣсто спальныхъ парокъ, заведенныхъ нами лѣсья одѣла съ медвѣжьими кулами для ногъ, вполне соответствуютъ своей цѣли. Въ самой вещи одного того, что человекъ трудившійся день можетъ провести ночь, безъ опасенія отморозить себѣ ноги, достаточно, чтобъ подобныя одѣла были заведены въ тѣхъ отдѣлахъ, изъ которыхъ команда, отправляемая въ зимнія пѣшеходныя походы, на пути своемъ рѣдко встрѣчаетъ туземныя жилища.

30 ноября. Вверху ясно, по горизонту мгла, NW свѣжій; утро — 29,5 вѣ черъ — 27,75.

Съ утра мы прошли не болѣе трехъ миль, по главному направленію къ SO 11 какъ проводники, не видя примѣтныхъ горъ, начали озираться, переговариваться, водить изъ стороны въ сторону, съ бугра на бугоръ и наконецъ признались, что сблизись съ настоящаго направленія. Это было не мудрено: свѣгъ взвѣвало свѣжимъ вѣтромъ и несло по низу такъ, что въ тридцати сажняхъ едва можно было различить нарту. Но и оставаться на открытомъ безлѣсномъ холмѣ приходилось не ловко, если не для насъ, которые могли укрыться подъ своимъ одѣла, то для туземцевъ, никогда не имѣющихъ исправной зимней одежды. Замѣтя вчера съ вечера румбъ, по которому намъ надлежало выйти на Кускоквимъ, я принялъ на себя званіе проводжатаго, и прокладывая путь въ буквальномъ смыслѣ чрезъ горы, доли и лѣса, послѣ примѣрнаго перехода три съ половиною миль, мы вышли на рѣку всего въ четверти мили ниже настоящаго спуска, къ селенію Тулукагнаг-миотъ, «Воронь». Мы расположились на этомъ жилѣ въ кажимъ осьми сажень длины и шести ширины. Въ его зимникахъ можно считать до ста душъ обоюга пола; большую часть изъ нихъ мы видѣли въ послѣдующія наши посѣщенія этого мѣста, но въ настоящій приходъ захватили только одного молодаго туземца и трехъ старухъ: прочіе находились на слѣдующемъ къ низу селеніи Ухаг-миотъ, на поминкахъ.

Въ Тулукагнаг-миотѣ до двадцати человекъ христіянъ, крещеныхъ Колмаковымъ, Лукинымъ, — нынѣшнимъ управляющимъ редута Колмакова на Кускоквимѣ, — и миссіонеромъ Петелинымъ. Старухи поднесли намъ нѣсколько юколя, годныхъ для корму собакъ.

Продираясь сквозь чащу кустарниновъ, и переходя черезъ довольно глубокія тѣснины, мы на дѣлѣ удостоуверились въ удобства и преимуществъ сдѣланныхъ нами партъ предъ туземными. Парты низовыхъ Квихнакцевъ, взятая изъ Икогмитской артели съ меньшимъ грузомъ и лишней собакой, всегда оставалась назади и весьма много пострадала.

1 декабря. По утру ясно, N свѣжій — 29,5; ввечеру — 22,5; тихо.

Единственный туземецъ, остававшійся на жилѣ, осмѣлился украсть у насъ топоръ, но его поймали на дѣлѣ: топоръ былъ вынесенъ изъ кажима для рубки дровъ, а онъ, полагая, что не будетъ замѣченъ, сбросилъ его съ яру, внизъ къ рѣкѣ въ снѣгъ. Я бы наказалъ его строго, если бъ находились всѣ жители, но только къ вечеру, когда мы уже помирились, возвратились три семьи. Двое изъ прибывшихъ туземцевъ, крещеные въ Александровскомъ редутѣ, въ прошломъ лѣтѣ, перешли на житье сюда отъ Нушагака. Тамъ не хорошо, отвѣчалъ мнѣ старикъ, когда я спросилъ ихъ о причинѣ. Такъ лаковически выражаетъ туземецъ свое неудовольствіе на тѣхъ управляющихъ нашими артелями, отъ которыхъ терпятъ какіи либо притѣсненія въ жизни или при промѣнѣ пушныхъ промысловъ.

2 декабря. Облачно тихо, по утру — 19, ввечеру — 20,5.

Со свѣтомъ мы отправились вверхъ по Кускоквиму. Рѣка шириною мѣстами до двухсотъ пятидесяти сажень, мѣстами не шире ста; главное направленіе имѣетъ къ востоку и общностью своего вида несравненно пріятнѣе для глазъ нежели широкіе однообразные плесы Квихнака, но взамѣнъ того уступаетъ далеко въ изобиліи, вкусѣ и крупности рыбы. Правый нагорный берегъ Кускоквима, по сложенію горнокаменныхъ породъ, отличенъ отъ характера прибрежныхъ горъ Квихнака той же параллели. Валунны и обломки утесовъ большею частію состоятъ изъ гранитныхъ породъ. Лѣвый берегъ покрытъ лѣсомъ, среди котораго змѣются многіе горные потоки и разсѣяны небольшія озера, изобилующія рѣчною рыбою; въ двадцати миляхъ отъ него тянется въ параллель рѣки горный хребетъ, до двухъ тысячъ футовъ, составляющій раздѣлъ водъ Кускоквима отъ озеръ Нушагакскихъ. На осемь миль выше Тулукагнаг-иута находится устье рѣки Аниакъ. По словамъ туземцевъ, она протекаетъ отъ полудня и составляется изъ многихъ протоковъ, но главнѣйшій истокъ имѣетъ изъ небольшого горнаго озера. Черезъ другіе три озера и посредствомъ рѣки Аниакъ, существуетъ сообщеніе между Кус-

покинутомъ и большиимъ озеромъ Нушагакъ. Туземцы пользуются этимъ путемъ только при силѣ вѣтъ по Аніаку, и то на легкихъ одноключныхъ байдаркахъ. Впрочемъ, двадцати-лѣтній креоль Лукинъ, сынъ управляющаго, ради необходимости въ носившей доставкѣ товаровъ изъ александровскаго редута, спустился однажды по Аніаку съ грузомъ въ четырехъ трех-ключныхъ байдаркахъ. По его словамъ рѣка въ верхнихъ неизмѣрна быстра, извилиста и усѣяна каршами (замытыми деревьями). По протокамъ Авіака промышляютъ въ изобиліи бобровъ и выдръ, по берегамъ ставятъ сети на оленей.

Въ десяти миляхъ отъ селенія Тулукагнаг мють, находится на правомъ берегу подъемъ по переносу къ низовью Инно-ка, миляхъ въ пяти отъ него на лѣвомъ берегу рѣки расположена записка Кухлюхтакпакъ, «Большой водопадъ», жителей селенія Кыгыгымъ-Пайкаг-мють, находящагося при редутѣ Колмакова. Мы въ ней ночевали. Горы Ташатулитъ противъ одиночки Кухлюхтакпакъ своей подошвой прилежать къ самому берегу Кускоквина. Горнокаменное сложеніе ея гранитныхъ породъ, особенно замѣчательно крупными листочками слюды. Туземцы сказываютъ, что встарь изъ этой горной группы добывали мѣдь.

3 декабря. Ясно; NNO тихій, умеренный утромъ—25,5; вечеромъ—27,75.

Отправясь въ путь за два часа до свѣта къ полудню, мы прибыли въ редутъ Колмакова благополучно. Управляющій, за недѣлю тому назадъ, отправилъ къ намъ на помощь двѣ нарты, но мы разошлись при слѣдованіи разными переносами.

4 декабря. Ясно, тихо, утромъ — 31,25, вечеромъ — 30,5.

Здѣсь все особенно отъ другихъ нашихъ заселеній въ колоніяхъ: пища, одежда, обыкновенія, самые люди. Во всѣхъ отдѣлахъ Русскіе, креолы, Алеуты, состоящіе на жалованьи, безъ пайка муки, какъ говорятъ, жить не могутъ; здѣсь не откажутся отъ муки, но ея случается такъ мало въ привозѣ, что мѣсяца по три забываютъ о хлѣбѣ, да и пользующихся правомъ на мучной паекъ изъ пятнадцати человѣкъ служащихъ, со включеніемъ управляющаго, всего шестеро. Въ михайловскомъ отдѣлѣ Русскіе надѣли туземную одежду; здѣсь напротивъ туземцы носить и зимою наши сукна; тамъ управляющій баринъ, здѣсь тя и первый труженникъ.... Въ разговорахъ между собою русскаго языка здѣсь слыхомъ не слышать: трое изъ креоловъ понимаютъ его черезъ два слова въ третье. Прочіе работники Аглег-мюты присланные на время, задержаны безлюдьемъ.

Вечеру, какъ это было предъ воскресеньемъ, по заведенному управляющимъ порядку, въ часовѣ, преобразенной изъ лавки, читаны были имъ нѣкоторыя псалмы и молитвы. Всѣ работники со своими семьями находились на молитвѣ. Вспомнить, что большая часть присутствовавшихъ новокрещенные, и послѣ этого понятно какими способами достойно уважаемому Луккину * удастся распространять свое вліяніе на отдаленные туземные племена: его защита—благочестіе, помощникъ—хранитель исповѣдующихъ имя его.

5 декабря. Ясно, NNO тихій; утро — 29,5; вечеръ — 28,75.

Полутру, для воскреснаго дня, были на молитвѣ; послѣ обѣда необходимость пропитанія заставила осмотрѣть одинъ изъ заповровъ. Я ходилъ съ управляющимъ: вынута сорокъ штукъ мелкихъ налимовъ и Луккинъ благодаритъ Бога, что, для завтрашняго торжественнаго дня, команда его будетъ имѣть варю свѣжей рыбы. Впрочемъ, сверхъ этого редуть неожиданно разбогатѣлъ на нѣсколько времени провизіей: ввечеру возвратились посылаемые къ намъ на помощь и привезли съ Кивхпака до двухъ десятковъ вельмъ и три короба рыбы имагнать.

6 декабря. Ясно, NNO тихій; утро — 28, 75; вечеръ — 29.

За здравіе Царя Православнаго молилось человекъ двадцать туземцевъ прилежащаго селенія Кыгыгымъ-Пайма. Послѣ того у меня ихъ угощали чаемъ съ сахаромъ и сухарями. Управляющій уговорилъ одного изъ своихъ крестниковъ сопутствовать намъ проводникомъ при обзорѣи рѣки Инно-ка. Ввечеру я угорѣлъ до безпамятства.

Редуть не имѣлъ почти ни какихъ товаровъ; управляющій, нуждался особенно въ табакѣ и жирѣ, просилъ меня о содѣйствіи на полученіе этихъ предметовъ отъ старосты нашей артели въ Иког-мютѣ. Не имѣя правъ ни на какія посредства, мы съ своей стороны предложили въ заемъ сверхъ привезеннаго съ нами табаку цѣлую суму, оставленную въ Иког-мютѣ на запасъ къ весенней операциіи и пузырь жира, купленный тамъ же для смазки байдарокъ. Предложеніе было принято съ радостію: оно доставляло

* Отецъ Луккина былъ убитъ въ 1806 году, при раззореніи Колошани селенія нашего въ Якутскѣ. Освобожденный послѣ двухгодичнаго плѣна американскимъ судномъ, подъ командою капитана Кембля (Campbell), онъ воспитывался у незабвеннаго Баранова вѣсть съ его сыномъ и, посланный, въ 1816 году, на островъ Кадьякъ, а оттуда въ 1819 толмачемъ въ александровскій редуть, съ тѣхъ поръ не видалъ метрополіа нашихъ колоній.

редуту возможность не прекращать своих торговых оборотовъ на низовыхъ селеніяхъ Кускоквима.

9 Декабря отправлены пять человекъ команды экспедиціи въ Икогъ мотъ за запасами. Я остался самъ-другъ съ стрѣльцомъ. Жизнь потекла обычнымъ чередомъ: по утру чады, ввечеру угарь осмотръ морды, караулъ лисецъ, жестокіе морозы, кое-когда торговецъ, каждадневно тоёнъ, заказчикъ или нѣсколько гостей съ новостями прошедшаго дня. Въмѣсто этихъ однообразныхъ подробностей помѣщаемъ сводъ замѣчаній относительно быта туземцевъ.

Матеріалы для этнографіи.

Въ этнографическихъ замѣткахъ о поморцахъ южной части Нортонова залива, мы указали на соплеменность его жителей съ проживающими къ сѣверу по берегамъ Бернигова пролива, Ледовитаго моря, съ Экскимцами, Наммолами и южными ихъ собратіями, до точекъ крайняго расселенія послѣднихъ въ заливъ Чугацскомъ и на островѣ Кадьякѣ. Мы объяснили, что родовое названіе, подъ которымъ всё эти племена себя понимаютъ, есть одно, означающее единопзычныхъ, представили и общія и частныя черты ихъ характера, жизни, вѣрованій. Здѣсь помѣщаемъ матеріалы, относящіяся къ отличіямъ въ нарѣчіяхъ, обычаяхъ, физическомъ и нравственномъ бытѣ туземцевъ, занимающихъ низовья бассейновъ рѣкъ Квихпака и Кускоквима и побережье Бристольскаго Залива.

Туземцы этого края подраздѣляютъ себя, независимо отъ названія по селеніямъ, въ которыхъ проживаютъ, на названія мѣстныя или прозвищныя, характеризующія или междоусобныя несогласія, повудившія слабыхъ или побѣжденныхъ къ переселенію, или расселеніе размножившагося племени или наконецъ явственно принадлежащія различнымъ поколѣніямъ.

Этнографія настоящаго вѣка, какъ наука положительная, не допускаетъ, чтобъ основаніемъ различія поколѣній служили одніе народныя сказки, въ которыхъ то или другое племя считаетъ себя происшедшимъ отъ сука, волка или ворова, и вправду сказки эти, только легковѣрными путешественниками принимаются за что-то важное; между тѣмъ какъ сами туземцы признають ихъ не иначе какъ за иносказанія; напротивъ въ основаніе отличія племенъ одного и того же семейства служатъ вѣрными руководителями одинаковость образа жизни, домашняя утварь,

способъ приготовленія пищи, оружіе, искусства, нарѣчія, наконецъ формы и характеръ сосѣднихъ съ ними индейскихъ племенъ.

Несвѣдущій самъ въ туземномъ языкѣ, я мало пускаясь въ отвлеченности и ограничивался собираемъ видныхъ матеріаловъ.

Вотъ истинныя названія туземцевъ проживающихъ въ означенной мною странѣ.

1) Квихпаг-миоты, то есть жители большой рѣки, занимаютъ берега Квихпака на протяженіи почти полутора ста миль отъ селенія Паймиотъ, до совершеннаго отклоненія отъ береговъ на горнаго хребта при селеніи Кавлюнаг-миотъ.

2) Квихлюаг-миоты, проживаютъ по берегамъ одного изъ рукавовъ Квихпака, извѣстнаго подъ именемъ Квих-люагъ «извилистая, кривая рѣчка». Въ 1832 году, Лейтенанту Розенбергу было поручено описать всѣ устья Квихпака. Не успѣвъ въ своемъ предпріятіи, онъ посылалъ креола Глазунова на байдаркахъ для осмотра. Глазуновъ, войдя въ Квихпакъ съвершимъ его устьемъ Апхуномъ, спустился по Квихлюаку миль на тридцать, но до возморя не добѣжалъ. Имъ замѣчены многочисленныя туземныя селенія: Ттыгужекъ, Мамих пакъ, Квихлюакъ и Нугульхвагвикъ. Съ-тѣхъ-поръ нѣкоторые Квихлюаг-миоты посѣщаютъ въ зимнее время Михайловскій редуть, привозя для промѣна чавычью юколу, лебединыя шкуры и въ небольшомъ количествѣ лисьи и пѣсцовыя мѣха; лучшіе сорта лисьи и выдры, откупаются у нихъ паштольцами; весною также двѣ или три ихъ байдары снабжаютъ редуть гусиными и лебедиными янцами. Въ спискахъ крещенныхъ въ 1843 году, священникомъ Головиннымъ въ Паштолѣ туземцевъ, состоятъ нѣсколько человекъ Квихлюакцевъ. Нарѣчіе посѣщавшихъ редуть въ мою бытность, весьма много разнится отъ Квихпакескихъ и Чвагмиотскихъ ихъ соплеменниковъ; сверхъ того Квихлюаг-миоты, чтобъ не быть поняту другими, употребляютъ между собою особо искусственный языкъ, какъ наши ярославскіе прасолы и чабаны; не утверждаю этого вполне, но таковъ былъ отзывъ толмачей. Пляска ихъ и домашній бытъ по отзыву Глазунова такіе же, какъ у туземцевъ Квихпака.

3) Маг-миотъ или правильнѣе Магаг-миоты, «жители ровныхъ тундронныхъ мѣстъ». Этимъ именемъ Квихпаг-миоты отличаютъ племя, проживающее между Кижунякомъ и Капвакомъ, рукавами Квихпака. Междуусобія искони прервали всякое ихъ сно-

менію съ поморцами Нертонова Залива, но съ Квихпаками, съ которыми они также долго враждовали, кажется, еще въ некоторыя сообщенія существуютъ, потому что одинъ изъ жителей Иког-мюта брался проводить насъ къ этому племени. Онъ мнѣ сказывалъ, что въ странѣ обитаемой Маг-мютами, хвойныхъ лѣсовъ вовсе нѣтъ; жилища свои онъ вырываютъ въ землѣ и спускаются въ нихъ сверху, чрезъ дымовыя отверстія, стало-быть по Камчадалскому способу времени описанія Камчатки Крашенинниковымъ.

4) Агуль-мюты, то есть жители между устій, населяютъ всю страну и побережье Берингова Моря отъ устья Кускоквима до устья Кижурока, которое со словъ туземцевъ означается на нашихъ картахъ по сѣверную сторону мыса графа Румянцева. Агуль-мюты часто посѣщаютъ Иког-мютъ, въ которомъ мы съ ними видѣлись. Въ языкѣ, одеждѣ, обыкновенияхъ ни сколько не замѣтили отличія отъ Квихпаковъ. Съ нашей артелью они ведутъ выгодныя расторжки бобрами, выдрами, лисицами и малячьиими лавтаками; сверхъ того привозятъ въ промѣнъ выхухольи, лебяжьи и кроликовыя шкурки, горшечную глину, цемолитъ и болую краснаго и чернаго цвѣтовъ и фосфоро-кислое желѣзо, употребляемое туземцами на окраску въ свѣтло-голубой цвѣтъ; послѣднее добывается изъ Маг-мютской горы, находящейся на берегу Квихпака при отдѣленіи отъ него рукава Кишналкъ. По рассказамъ Агуль-мютъ, въ странѣ ихъ множество костей ископаемыхъ животныхъ. Большія кости употребляются ими на подшивку нартенныхъ полозьевъ; изъ малыхъ довольно искусно вырѣзываютъ куклы, табакерки, серьги и другія домашнія украшенія.

5) Кускоквиг-мюты, занимаютъ берега рѣки Кускоквимъ отъ его устья до селенія Кыгышъ-Пайнаг-мютъ, находящагося вблизи редута Колмакова. На послѣднемъ селеніи они смѣшались съ выходцами Ттынайскаго племени Инкаитовъ Югъельнутъ; зато въ свою очередь расселились къ югу по приморью отъ устья Кускоквима до глубины Бристольскаго - залива, заняли островъ Нунивокъ и озера и рѣки, находящіяся на материкѣ между означенными пунктами. Расселившіеся извѣстны намъ подъ двумя видовыми названіями—Кіятайг-мютовъ и Аглег-мютовъ. Первые занимаютъ берега озеръ Нумагакскихъ и рѣки Ильгаякъ; вторые побережье Бристольскаго Залива и окрестныхъ озеръ.

Кіятайг-мютъ, отъ слова Кіятай, вершина, означаетъ въ переводѣ жителя верховья рѣки, что и было справедливо, когда пле-

ни это жило въ верховьяхъ рѣки Ильгаяка. Названіе Аглег-мють штурманъ Васильевъ относитъ къ какому-то селенію, или укрѣпленному мѣсту на Кускоквинѣ, называвшемуся Аголегма, котораго жители по междоусобнымъ распрямъ были изгнаны и отъсены далѣе къ югу и на островъ Нунивокъ. Это или простая догадка или сказка. Почему же жители Нунивока не удержали названія Аглег-мють и называются жителями небольшой земли или согласно настоящаго значенія Нунивокъ землицы? Притомъ штурманъ Васильевъ, проѣзжая Кускоквинѣ, не означаетъ мѣста Аголегмы, которое по всей вѣроятности, должно было бы сохраниться въ народныхъ преданіяхъ, какъ пунктъ давшій названіе особому племени. Во всякомъ случаѣ намъ извѣстно положительно только то, что съ перваго ознакомленія Русскихъ съ этою странною, въ 1780 годахъ, всѣ приведенныя нами племена находились на занимаемыхъ ими доселѣ мѣстахъ.

Дальнѣйшія соплеменные народу Кауг ютпъ племена, какъ то: Угашенцы или Сѣверновскія, Чугачи, Угалах-мюты и Кадьякцы извѣстны на Квихпакѣ и Кускоквинѣ подъ названіями Ахкуг-мють, жителей теплой или полуденной страны и Кавкуг-мють, то есть угольныхъ, крайнихъ *.

Мы имѣли непосредственныя сношенія съ Кускоквингъ и Квихпаг-мютами и потому представляемыя нами данныя собственно относятся къ туземцамъ этихъ двухъ рѣкъ.

Квихпакцы и Кускоквинцы также какъ и Чваг-мюты роста средняго. Въ пору изобилія пищи, въ особенноти жиру, лицамъ становятся одутловаты, тѣломъ полнѣютъ, но никогда не бываютъ тучны, можетъ-быть по свойству самой пищи, но кажется наиболѣе потому, что нельзя сказать, чтобъ то было въ обычаѣ, но такъ изстаря ведется, что богатый или тароватый на равнѣ съ

* О первыхъ трехъ племенахъ, не смотря на то что они почти всѣ христіане и издавна причислены къ осѣдымъ инородцамъ, зависящимъ отъ колониальнаго начальства, мы не имѣемъ ни какихъ достовѣрныхъ данныхъ, исключая ссылки о сходственности ихъ языка и обычаевъ съ Кадьякцами, принятыхъ новѣйшими описателями по писаніямъ Лисянскаго, Давыдова и Лангсдорфа, которые въ свою очередь также только мелькомъ объ нихъ относятся. О Кадьякахъ писано много и весьма много, но безъ всякаго критическаго взгляда. Весьма дѣльнаго описанія ихъ прежняго быта можно ожидать отъ студента богословія И. Т., по распоряженію пресмыщеника Нивокентія, проведшаго на этомъ островѣ три года собственнаго для изученія языка.

лживымъ или гулякой непремѣнно голодуеть во время весенней распутицы. Женщины лица ихъ круглы, довольно полны; тѣло ихъ не многія дородны, сравнительно высоки ростомъ; многія въ молодости румяны, груди имѣютъ какъ у Алеутки и креолки, мягкія, нѣсколько опавшія, ногу маленькую, скулы болѣе мужскихъ выдавшіяся, носъ колышковатой, то есть болѣе сплюснутый. Въ близкѣ тѣмъ, нѣкоторые не уступаютъ кавказскому племени.

На Кускоквинѣ и Квихнакѣ многія женщины вышивають или вытравливають себѣ подъ бородой двѣ синія черточки; въ проѣмѣ носоваго хряща носятъ по нѣскольку зеренъ синяго стекла-руса; въ отверстіе подъ нижней губой вдѣвають запанку, на которой держится горизонтально костяная палочка до двухъ дюймовъ длины, обвѣшанная голубымъ бисеромъ, раковиннами или другими подобными украшеніями. Въ такомъ видѣ онѣ почти столь же отвратительны, какъ сосѣдки и кормилицы Ново-архангельска, Колошенки.

Мужская стрижка волосъ или полное бритье головы, годов-ной уборъ женщинъ, общественный и домашній бытъ, ковѣря, въ сущности одинаковы съ поморцами, но весьма различны въ частностяхъ, что конечно зависитъ и отъ мѣстности, занимающей этими племенами, и отъ другихъ условій, которыя до совершеннаго изученія ихъ нравственнаго быта, останутся не разрѣшимыми. Къ первымъ особенностямъ принадлежатъ различія въ одеждѣ, формахъ, домашней утвари, способахъ прожитія, постройкѣ жилищъ и прочая; ко вторымъ пѣсни и пляски, выражающія у полудикихъ народовъ духъ отвлеченныхъ ихъ помысловъ о мірѣ невидимомъ.

По образу домашней своей жизни и частью, по мѣстамъ ими занимаемымъ, Квихнаг-мюты не имѣютъ достаточныхъ средствъ къ удовлетворенію своихъ потребностей въ разсужденіи зимней одежды: получая ее какъ готовую, такъ и въ оленьихъ и еврашчыхъ шкурахъ, отъ приморцевъ и Кускоквинцевъ, они приносили тотъ и другой покрой. Парки Кускоквинцевъ шьются до пятъ и безъ куля; сверхъ того шитыя изъ еврашекъ отличны тѣмъ, что лапки и хвосты не обрѣзываются вовсе, а разрѣзанные на узкіе ремешки висятъ кисточками вокругъ всей парки; куль замѣняется особой шапкой въ родѣ капора, также опушенной волкомъ или зайцемъ. Задняя и боковыя стороны капора оторачиваются бахрамою дюймовъ шести длиною изъ оленьихъ, выдровыхъ или другихъ ремешковъ, мездра которыхъ красится

красной красной; форма или фасонъ этихъ шапокъ принять у Инкиан-люатовъ или дальнихъ Инкианковъ, и должно сказать, что они укрывал голову какъ кулъ удобнѣе ихъ, потому что свобода для движеній шеи. Кускоквинцы на свои шапки употребляютъ преимущественно шкуры съ оленьей головы; другія шьютъ ихъ изъ лобковъ еврашекъ, а нѣкоторые изъ соболей. На наружные капоры нашиваютъ по бокамъ особыя узорчатая украшенія изъ бѣлой брюховины оленя, отороченные выдрой или росомахой, а къ самому затылку прикрѣпляютъ волчій или росомашій хвостъ. Такая шапка цѣнится въ пять бобровъ.

Женскія парки Кускоквинцевъ равно и Аглег-миютъ столь же длинны какъ мужскія, но по бокамъ сохранили свой первообразъ, небольшія выемки; напередѣ и назадѣ наружныхъ нашиваютъ шитые въ узоръ по бѣлой шкурѣ оленя различной величины и формы украшенія съ бахромой или кистями дорогихъ мѣховъ, какъ-то: росомахи, волка или черной и бѣлой выдры; къ плечамъ прикрѣпляютъ такія же узорчатая оторочки.

По недостатку оленьихъ камосовъ, туземцы Квихпака и Кускоквина весьма искусно готовятъ свою обувь изъ вымороженныхъ чавычнхъ шкуръ, подшивая и подошву изъ тѣхъ же кожъ. Мы сами испытали удобность, легкость и непроницаемость холода этой обуви, но съ нею должно обращаться весьма бережно и ни какъ не подходить къ огню, иначе она обратится въ одно изъ лакомыхъ туземныхъ кушаньевъ.

Квихпакцы подшиваютъ обувь свою по приморски, то есть, размочивъ лавтакъ, натягиваютъ его сверхъ ступни не болѣе какъ того требуется для необходимыхъ складокъ; напротивъ, Кускоквинцы спереди пускаютъ складки подошвы нѣсколько поверхъ пальцевъ, а задку торбаса даютъ форму нашихъ простонародныхъ сапоговъ, у которыхъ задокъ къ каблуку пускается шире.

Чулки изъ оленьихъ шкуръ, по ихъ дороговизнѣ, надѣваются только въ дальнѣе походы; при домашнихъ работахъ, не смотря на тридцати-градусные морозы, туземцы довольствуются обнаженною ногою мягкой приболотной травою и такимъ же чулкомъ.

Камлѣн, надѣваемые въ снѣжное время или въ крѣпкіе морозы, готовятъ также изъ рыбьихъ шкуръ главнѣйшее налимьихъ и красной рыбы. Шкуры шучьи, зубатки или морскаго налима и выдѣланные перничьи горла употребляются только для узоровъ или оторочекъ. Подошвъ и кулъ такихъ камлѣн обшиваются

росомахой или зашить и украсятъ пришивкою въ различныхъ мѣстахъ росомашныхъ и выдровыхъ ремешковъ.

Камень женскія плясовыя, въ которыхъ оныя являются на большихъ зимнихъ игрушкахъ, шьются изъ весьма тонкихъ перпичныхъ или медвѣжьихъ кишокъ; нашитыхъ украшеній не имѣютъ, но подобно какъ на малейгмютскихъ паркахъ узоры прямо въ нихъ вшиваются; надѣтыя прямо на тѣло, сначала по всей сухости она просвѣчиваетъ, потомъ когда наружный жаръ, внутреннїя испаренїя и продолжительность пляски размягчатъ камлею, она обнимаетъ плясунью и иногда столь неудачно, что разрывается и производитъ общїй хохотъ.

У мужчинъ всего народа Канъ-юлинъ отъ самыхъ сѣверныхъ Малейг-мютъ до Угашенцовъ, въ общемъ обыкновенїи носить назади на поясѣ волчїй или росомашїй хвосты: къ послѣднимъ пришивается и самая мордочка росомахи. Изъ шкуры волчьей головы нѣкоторые дѣлаютъ родъ шапки безъ тульи и украшаютъ ее кольками.

Квхпаг-мюты славятся чистотою отдѣлки домашней посуды, состоящей изъ различной величины лотковъ и чашъ или кондаковъ; нѣкоторые кондаки, для сохраненїя въ нихъ ягодъ или квашеной чавычи и икры, равняются вѣстительностию тридцативедерной бочкѣ; другїя столовыя изящно украшаются вставками костяныхъ или каменныхъ фантастическихъ изображенїй людей, птицъ и животныхъ: всѣ вообще красятся снаружї красной глиной, разводимой на уринѣ. Матерїалъ для большихъ кондаковъ выбирается изъ здоровыхъ кореневъ сплавныхъ деревъ, вначалѣ хорошо высушенныхъ, потомъ при работѣ распариваемыхъ въ той же кислотѣ, которая туземцамъ служитъ и мыломъ при мытьѣ и оливою при крашенїи. Всѣ столярные ихъ инструменты заключаются въ алеутскомъ топорнкѣ, кривомъ небольшомъ ножѣ и сверлѣ изъ гвоздя, которое употребляется посредствомъ обыкновеннаго небольшого лучка. Не говоря о весьма искусномъ приготовленїи личинъ или плясовыхъ масокъ, равно общихъ въ достоинствѣ у Кускоквинцевъ и Квхпакцевъ, эти послѣднїе и особенно туземцы нѣкоторыхъ селенїй отличаются рѣзною работою различныхъ фантастическихъ табакерокъ, игольниковъ, куколъ, серегъ, вряжекъ и другихъ костяныхъ и деревянныхъ надѣлій, въ которыхъ, сверхъ того, что оныя могутъ вести этнографа къ общему выводу о происхожденїи народа, мы замѣчаемъ степенъ его умственныхъ способностей. Пропорціональность частей, пра-

нѣжность дѣлаго соблюдаются глазами, такъ что у насъ потребовались бы на то различные инструменты.

Зимнія жилища Кускоквинцевъ и Квихпацевъ обширнѣе поморскихъ; конечно, этому причиною изобиліе лѣса, сухость почвы и многочисленность жителей, сосредоточивающихся на одномъ пунктѣ. Кажимы нѣкоторыхъ селеній могутъ вмѣщать до пяти-сотъ человекъ. Нары въ зимникахъ настилаются сутахъ въ пяти и болѣе отъ полу по всѣмъ сторонамъ жилища и бываютъ до осьми сута шириною: всходятъ на нихъ по стремянкѣ; выходомъ изъ зимниковъ бываетъ два: одинъ лѣтній ведущій съ варъ прямо на поверхность земли; другой нижній которымъ выходятъ въ сѣни чрезъ подземный коридоръ.

Если удобство мѣстности дозволяетъ, туземцы Квихпака и Кускоквина ставятъ въ одномъ мѣстѣ съ зимниками и лѣтнія свои бараборы; въ противномъ случаѣ строятъ ихъ на болѣе притонныхъ рыбою мѣстахъ. Тутъ и тамъ ставятъ по нѣскольку кладовыхъ для складки запасныхъ кормовъ, Независимо отъ этихъ лѣтнихъ хуторовъ или одиночекъ, въ тундрахъ, простирающихся между Квихпакомъ и Кускоквиномъ, они имѣютъ особыя замки въ которыхъ проводятъ время осенней или весенней распутицы или производятъ промыселъ выдръ, выхуолн и прочая. Такія замки обыкновенно ставятся при берегахъ озеръ или истекающихъ изъ нихъ рѣчекъ и протоковъ и состоятъ изъ низкихъ вырытыхъ въ землѣ и обставленныхъ хворостомъ землянокъ. Въ нихъ путешественникъ находитъ ту же нечистоту, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность жилищъ верховыхъ племенъ Ттынайцевъ; впрочемъ здѣсь наиболѣе, потому что такія замки, находясь на пути сообщенія между рѣками и составляя только временное жительство истиннаго своего хозяина, для другихъ служатъ какъ бы караванъ-сараями.

Море доставляетъ существенное пропитаніе племенамъ приморскимъ: Кускоквинъ и Квихпакъ особенно въ низовыхъ своихъ частяхъ представляютъ свои богатства на пользу проживающихъ по ихъ берегамъ туземцевъ. Разность въ произведеніяхъ произвела разность въ способахъ промышленности. У поморцевъ сѣточный промыселъ рыбы въ открытомъ морѣ или заливахъ, доставляетъ мало пособій и онъ во время хода рыбы скопляется болшею частію къ устьямъ рѣчекъ; туземцы Квихпака и Кускоквина также не на сѣточномъ промыслѣ основываютъ главные свои занасенія; притомъ сѣти становятся или тамъ, гдѣ не удо-

Богъ ловъ саками и запорами, или употребляются по способу нашихъ сплавныхъ неводоу.

Обыкновенный съточный промыселъ производится весьма просто: одинъ конецъ сѣти опускается съ грузомъ въ рѣку; другой соединенными побочными привязывается къ таливъ воткнутой въ берегъ, которая своимъ колебаніемъ показываетъ добычу. Для того чтобъ сѣть стояла въ вертикальномъ положеніи по верхнему ея краю, подвязываютъ изъ тополевой коры поплавки.

Плаваютъ сѣтями точно также какъ наши рыбаки, то есть, одинъ конецъ сѣти съ грузиломъ и поплавкомъ отпускается на волю; другой держится въ лодочкѣ промышленникомъ тихо сплывающимъ по теченію. Этотъ способъ наиболѣе употребителенъ для ловли Нельмы въ весеннюю водополь или въ глубокую осень, когда появляются забереги и рыба отходитъ на средину рѣки.

Въ посадкѣ сѣти бываютъ отъ осьми до двѣнадцати сажень длины и пять футъ глубины; на сига, нельму и красную рыбу вяжутся изъ таловой коры, на чавычу изъ тонкихъ ремней, нарочито вымораживаемыхъ среднихъ малячскихъ лавтаковъ. Способъ вязанья у каждаго племени отличенъ.

Саки, то есть, сѣти обтянутыя на обручѣ въ родѣ не глубокаго кошеля съ шестомъ вмѣсто рукоятки, употребляются исключительно для ловли чавычи, которая въ первые дни своего появленія идетъ вверхъ рѣки серединой по глубинѣ. Диаметръ обруча дѣлается до четырехъ футъ; длина шеста до двухъ съ половиною сажень. Саками плаваютъ также какъ и сѣтями.

Запоры устраиваются слѣдующимъ образомъ: смотря по состоянію воды и отлогости берега вбивается въ ложе рѣки подъ прямымъ угломъ къ берегу нѣсколько кольевъ въ разстояніи не болѣе сажени другъ отъ друга; къ нимъ приставляются рѣшетки; крайняя изъ нихъ ставится въ параллель берега. Это составляетъ собственно запоръ. Рѣшетокъ въ запорѣ бываетъ отъ трехъ до шести на Квихпакѣ и десять и болѣе на Кускоквинѣ. Къ вольной сторонѣ запора и вплоть внутренней стороны поперечной рѣшетки, вбиваются четыре кола, въ средину которыхъ опускается морда, плетеная какъ и рѣшетки изъ словыхъ дранницъ.

На связку какъ рѣшетокъ такъ и морда туземцы употребляютъ словые корни и таловую кору. Диаметръ морды бываетъ до четырехъ футъ; диаметръ горла до шести, длина морды до полуторы сажени. Во время изобильнаго хода рыбы къ заднему концу морды привязывается такъ называемый хвостъ или ру-

кавъ, который въ сущности есть тоже длинная и узкая морда, въ него рыба набивается изъ настоящей. Хвосты облегчаютъ промышленника при вытаскиваніи добычи и сохраняютъ морду отъ поломовъ.

Смотря по назначенію, для какого сорта рыбъ плетется морда, разстояніе между дранницами и тонкость ихъ бываютъ различны. Для многахъ морды плетутся самыя тонкія и частыя; для выматывать и рыбы, родившейся въ рѣкѣ и возвращающейся осенью обратно въ море, нѣсколько рѣже; наконецъ для рыбъ лососиннаго вида, нельмъ, сига, налимовъ и другихъ, служатъ одѣи морды, въ которыхъ толщина дранницъ въ діаметрѣ около половины а разстояніе между ними до двухъ дюймовъ.

Рускоквинмъ далеко уступаетъ Квишпаку въ изобиліи, разнообразіи и крупности рыбы и потому верховые жители его, принадлежащіе къ селеніямъ ближайшимъ къ редуту Колмакова, занимаются усерднѣе добычею оленей и промысломъ бобровъ, выдръ и другихъ пушныхъ звѣрей, вообще доставляющихъ имъ пищу; изъ нихъ одна лисица по особенно нестерпимому запаху ея мяса употребляется только въ крайнихъ случаяхъ.

Промысловое и оборонительное оружіе туземцевъ низовья обѣихъ этихъ рѣкъ состоятъ изъ такого же размѣра луковъ и стрѣлъ какъ у приморцевъ Нортонова Залива, исключая, что луки для боброваго промысла выгибаются простые, изъ березы.

Промыселъ лисицъ и соболей производится ловушками, которыхъ устройство довольно сходно съ клещами и кулемами. На лисицъ, промыслаемыхъ вблизи селеній, ставятъ квадратныя или круглыя плетневые загородки, настораживая при входѣ въ нихъ сѣть, въ которую забѣжавшая лисица запутывается; впрочемъ, такія ловушки караулятся кѣмъ-либо изъ семьи.

Зайцы, кролики и рыси ловятся на оцѣпъ или длинный шестъ настороженный такъ, что попавшихся въ раскинутую отъ него петлю поднимаетъ на воздухъ.

Выдръ стрѣляютъ изъ лука, ловятъ мордами, а иногда и просто руками; въ послѣднемъ случаѣ промышленникъ, догнавъ выдру и схватя ее за хвостъ отдѣляетъ заднюю часть туловища отъ земли на столько, чтобъ она оставалась на переднихъ лапахъ до-тѣхъ-поръ пока другою рукою успеетъ распороть ей брюхо; выдра такимъ образомъ приподняется не имѣетъ возмож-

ности обернуться: иначе, остервенясь, бросается и наносит смертельные раны *.

Бобровъ промышленлють тройко: 1) Лукомъ и стрѣлами; въ этомъ случаѣ бьютъ бобра гуляющаго, то есть такого, который по вскрытіи рѣчекъ, въ первыхъ числахъ апрѣля оставляетъ свою барабору и спустившись въ большія рѣки до осени не имѣетъ постоянного на одномъ мѣстѣ пребыванія. 2) Бобръ не въ состояніи наготовить себѣ запаса на всю зиму и потому всегда оставляетъ не тронутымъ вблизи растущій тальникъ. Въ оттепели онъ выходитъ и тогда скраденный или подкарауленный убивается просто палкой. 3) Промышленники осенью замѣчаютъ жилища бобровыя бараборы и съ наступленіемъ хорошихъ зимнихъ дней, отправляются доставать ихъ какъ называютъ въ колоніяхъ изъ-подъ льда: бобръ зимою пушистѣе и ось на немъ гуще. Операция промысла весьма простая: передъ бобровыми выходами выше и ниже его жилища прорубаютъ ледъ и опускаютъ ременныя сѣти, въ которыя путаются бобры, желая пробраться къ своему обыкновенному выходу. Если такихъ выходовъ не замѣтно во льду, то отыскиваютъ отнорки ** изъ боковыхъ корридоровъ и передъ нимъ ставятъ ловушку. Бобръ, избавившійся какинь-либо случаемъ отъ ловушки, становится остороженъ: замѣта западию, толкаетъ въ нее полѣно и когда ту захлопнетъ, то перелѣзаетъ черезъ нее безпрепятственно.

Сверхъ этихъ туземныхъ способовъ бобровой промышленности проникъ на Кускоквинъ и къ несчастію перенимается Квихпакцами способъ, конечно вначалѣ введенный русскими про-

* Въ нашихъ колоніяхъ отдаютъ вообще преимущество цвѣту и пуху выдръ добываемыхъ гудзонъ-байской компаніею по восточную сторону Каменныхъ Горъ. Мнѣ кажется, только тѣ шкуры выдръ, которыя коступаютъ съ острова Кадьяка, прибрежья Кеайскаго Залива и мѣстѣ, прилежащихъ къ Ново-Архангельску, своимъ достоинствомъ ниже загорныхъ. Выдры, скупаемыя въ Михайловскомъ отдѣлѣ и на Кускоквинѣ особенно глянецовидно черны и пушисты, въ-особенности добываемыя весною до ливня; промышленныя осенью, хотя и получаютъ достаточный пухъ, однако ставятся выгодными только съ наступленіемъ зимняго времени.

** Бобръ, исключая обыкновенныхъ выходовъ изъ-подъ льда, дѣлаетъ въ землѣ продушины, черезъ которые освѣжаетъ воздухъ въ своемъ жилищѣ. Онъ объ этихъ отноркахъ весьма заботится, и хотя въ жестокіе морозы ихъ затягиваетъ, однако при первой оттепели бобръ съ своей стороны отогрываетъ ихъ дыханіемъ. Я удержалъ это мѣстное выраженіе, потому что оно характеризуетъ производство льда этого умнаго животнаго.

льщиками частных компаній, и который по своей истребительности можно назвать вѣрнѣйшимъ для конечнаго перевода этого животнаго. Въ доказательство тому служатъ берега Аляксы въ окрестностяхъ Катмая и округи редутовъ Александровскаго въ Нушагакѣ и Николаевскаго въ Кенайскомъ заливѣ. Способъ этотъ состоитъ въ разореніи бобровыхъ жилищъ; производство слѣдующее: въ зимнее время, ранней весною или въ глубокую осень, отыскавъ бобровую барабору, спускаютъ плотину или затыкаютъ все отнорки и выходы изъ подземныхъ корридоровъ, въ которыя прячутся бобры почуя опасность, ломаютъ верхъ бараборы и въ отверстіе опускаютъ толстый желѣзный крюкъ, насаженный на палку; ошупавъ бобра зацѣпляютъ за него крюкомъ и такимъ образомъ вытаскиваютъ одного за другимъ и до послѣдняго. Бобры шелятся въ исходѣ апрѣля и началѣ мая; ходятся въ августѣ и сентябрѣ; самцы рубятъ и таскаютъ лѣсъ и запасы; самки носятъ землю, прудятъ и убиваютъ плотину и на дальнее разстояніе, за исключеніемъ молодыхъ, отъ своей бараборы не отлучаются, и потому почти одиш ошѣ при разломкѣ бараборъ становятся жертвами; съ ними безъ пользы теряются отъ двухъ до пяти щенковъ, готовыхъ произойти на свѣтъ.

Къ слову о бобровой промышленности считаемъ не лишнимъ прибавить, что Русскіе въ округахъ Кускоквинскомъ и Нушагакскомъ стрѣляютъ бобровъ изъ ружей; это производство не выгодно для края, заставляя бобровъ удаляться въ болѣе глухія мѣста и не вознаграждаетъ промышленника, потому что изъ десяти стрѣляныхъ бобровъ, развѣ три доходятъ къ рукамъ, прочіе или тонутъ на мѣстѣ или скрываются раненные и послѣ издыхаютъ. Въ послѣднее время узнавъ, что гудзонъ-байская компанія промышленяетъ бобровъ канканами, въ редутъ Колмакова былъ запросъ, сколько для его производства требуется этихъ орудій. Въ Новой Каледоніи Англичане промышленяютъ бобровъ сами, то есть, канадскими урожепцами. Въ бассейнахъ Квихуана и Кускоквина туземцы, не видя надобности измѣнять способъ своей промышленности, не станутъ покупать привозимыхъ канкановъ, которые при такихъ обстоятельствахъ составятъ мертвый капиталъ; чтобъ раздавать ихъ безъ обезпеченія, мы еще не довольно сильны: все желѣзныя принадлежности канкановъ передѣлаются туземцами въ ножи, топорки, кольца и прочее.

Быстрому уничтоженію бобровъ въ округѣ Александровскаго редута весьма много способствовали такъ-называемыя *партии*,

составляемая из туземных временных работников и слушающих креоловъ. Они промышленяли всѣми возможными способами. Въ 1843 году снаряженіе партій было предписано и на Кускоквима, но въ этомъ краѣ мы еще не имѣемъ такого вліянія надъ туземцами, какъ въ Нушагакъ надъ Алег-мютами, да если бы оно и утвердилось, то и тогда полезнѣе бобровую промышленность оставить въ настоящемъ порядкѣ. Снаряженіе партій потребуетъ особеннаго заготовленія провизій, байдарокъ, стрѣлъ, сѣтей, часто одежды наплатому бѣдняку, и все это въ сложности съ мѣсячною платою работнику обойдется несравненно дороже той суммы, за которую скупается вынѣ пушной промыселъ; притомъ можно быть увѣреннымъ, что такіе расходы не покроются выручками; въ партіи будутъ наниматься только молодые люди или лѣтяги; неправный промышленникъ не согласится: онъ отправляясь на бобровый промыселъ для себя, не исключительно имъ занимается, но ставитъ и пстли на оленей и ловушки на соболей и лисицъ или, смотря по времени года, ловить рыбу въ озерахъ и протокахъ; семья помогаетъ ему, и въ то же время занимается пригготовительными работами для рыболовства: сучать таловыя вѣтки, вяжутъ сѣти и прочая. Ко всему этому слѣдуетъ вспомнить, что не только отдѣльныя племена, но и каждая семья туземцевъ имѣютъ какъ бы свои родовыя промысловыя дачи, поскы въ которыхъ наемныхъ партій можетъ породить и неудовольствіе на пастъ и междоусобныя вражды туземцевъ, всегда не выгодныя торговымъ операціямъ компаній.

Бобры легко становятся ручными. Ручная выдра и норка не рѣдкость. Въ Ново Архангельскѣ одно время подъ одной крышей жили не ссорясь лисица, соболь, тарбаганъ, пара песцовъ и лось.

Основой пропитанія туземцевъ Квихпака и Кускоквима служатъ рыба въ различныхъ ея видахъ, какъ то: вареная, кислая, жареная, мороженая или струганна; сушеная, изъ которой весьма вкусны продымленныя тѣшки чавычи и полувяленая замороженная мельня; наконецъ живая, мелкія однолѣтнія сига и другія, ловимыя осенью заколами въ узкихъ протокахъ; жиры, въ особенности бѣлужій покупаемый у поморцевъ и вытапливаемый изъ мивогъ, считаются лакомствомъ; толкуши съ ягодами, кореньями, рыбой, оленьимъ саломъ составляютъ непремѣнныя блюда при угощеніяхъ; сверхъ того по временамъ года столы ихъ разнообразятся оленьимъ, бобрами, выдрами, перелетной птицей, и вообще всѣмъ, во что можно пустить стрѣлу, что мож-

но затянуть въ петлю, поймать събью или ловушкой; различные корни пропитываютъ въ голодное время тѣхъ, которые не занимаютъ никакимъ промысломъ, не имѣютъ или не расположены вѣсновать на своихъ заняткахъ въ тундрѣ.

Нельзя назвать Квихпакцевъ и Кускоквимцевъ отъ природы лѣнцами или безпечными, потому только, что они мало заботятся о будущемъ: напротивъ, мы показали, что тамъ, гдѣ необходимо трудъ, туземецъ въ высокой степени обладаетъ стойкостью и терпѣніемъ; дѣкоторые торговцы по нѣскольку лѣтъ держатъ у себя сотни бобровъ и другихъ дорогихъ шкуръ, дожидая привоза требуемыхъ ими предметовъ, или изготовляясь къ главнымъ поминкамъ своихъ родственниковъ. Отдѣльно каждая семья живетъ хозяйственно: у женщинъ всегда найдется въ запасѣ игла, пеколка, нитки изъ оленьихъ жилъ, образки различныхъ шкуръ для исправленія одежды и обуви. Мужъ ко времени постройтн нарту, сдѣластъ ланки, сплететъ морду и прочая. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ урода: нерадивые прокармливаются на чужой счетъ, но остаются въ пренебреженіи.

Духъ общественнаго быта таковъ, что общее уваженіе сопутствуетъ благотворительному или, вѣрнѣе, щедрому; со всѣмъ тѣмъ каждый остается свободнымъ въ своихъ дѣйствіяхъ, ни что не обязываетъ бѣдняка службою богатому; и хотя вообще старши уважаются, однако никто изъ нихъ не вздумаетъ заставить кого либо изъ молодежи принести дровъ для истопленія кажима. Въ этомъ весьма важномъ для туземцевъ дѣлѣ не ведется очереди, но оно выполняется всѣми жителями такъ безусловно по какому то тайному соглашенію, что всѣ проживающіе въ одномъ селеніи должны нести общественную повинность. Не понимая подчиненности между собою, они какъ-то произвольно предаются въ распоряженіе Русскихъ; часто приходятъ за совѣтами къ управляющимъ или служителямъ, разумѣется, къ тѣмъ, которыхъ уважаютъ, и, наконецъ, буквально выполняютъ наставленія высшаго колоніальнаго начальства. Приведемъ тому одинъ примѣръ. Бывшій главнымъ правителемъ Ив. А. Куріиновъ, узнавъ, что многіе Кускоквимцы берутъ себѣ женъ изъ крещеныхъ Аглег-миотовъ и продержавъ нѣкоторое время, отпускаютъ обратно, причиняя тѣмъ раздоры въ семействахъ, прислалъ къ воеводѣ, въ 1838 году, нѣкотораго рода прокламацію, въ которой предлагаетъ отцамъ не выдавать своихъ дочерей за изачкиновъ: Аглег-миоты послушались и съ той поры кускоквимскіе

женщины крестятся и переходят на житье въ окрестности Александровскаго редута.

Въ зимнихъ своихъ жилищахъ туземцы проводятъ время подобно тому какъ мы въ городахъ, предаваясь отдыху и увеселеніямъ, выполняя всѣ обряды касательно своихъ вѣрованій и условій общественной жизни. Въ краткомъ очеркѣ однихъ сутокъ, постараемся выразить общій характеръ ихъ домашняго быта.

Въ главѣ о поморцахъ мы сказали, что мужчины племени народа Канг-юльть почують въ кажимахъ. У кого есть оленина, тотъ спитъ на ней, покрывшись паркой; у кого пѣтъ, тотъ располагается прямо на доскахъ; нѣкоторые для изголовья приносятъ другую парку; большей половицѣ подушкою служатъ торбаса и штаны. Въ зимнее время, утро у туземцевъ начинается близъ осьми часовъ. Кто ранѣе всталъ, или кому нужно, тотъ зажигаетъ жирникъ, если что осталось въ немъ отъ вчерашняго вечера, въ противномъ случаѣ приносятъ жиру изъ своего зимника. Кажимъ какъ общественное зданіе принадлежатъ всѣмъ; несмотря на то, что нѣкоторые старики или строители считаются въ немъ хозяевами, въ кажимъ отъ общества жертвуются топоры для колотья дровъ, каменные жирники, слишкомъ въ пудъ вѣсомъ, плодъ многолѣтнихъ трудовъ, запавѣсы на дверь, на свѣтлый люкъ и прочее, но ни хозяйнѣ, никто другой не обязывается оевѣщать его или наблюдать за чистотою и исправностію.

Съ разсвѣтомъ, послѣ обыкновеннаго завтрака, мужчины отправляются къ осмотру заповровъ на какую-либо добычу, или зачѣмъ-либо по своему хозяйству, не вмѣстѣ, но кто куда и какъ вздумалъ; жены помогаютъ мужьямъ запрягать собакъ и въ свою очередь идутъ собирать сухія дрова, или принимаются за домашнія работы,—шьютъ парки, камлен, плетутъ рогожки, чулки, и прочая. Мальчики и дѣвочки расходятся къ осмотру разставяемыхъ оцѣновъ на кроликовъ или пленокъ и куропатокъ. Вотъ одна изъ женщинъ принимается преусердно колотить по одному изъ столбовъ ближайшей кормовой бараборы: она на послѣднихъ дняхъ беременности и общее повѣрье таково, что эта работа способствуетъ благополучнымъ родамъ.

Къ часу за полдень усиленный бѣловатый дымокъ изъ зимниковъ, означаетъ возвращеніе и обѣдъ дѣтей, затѣмъ собираются старшіе. Жена снимаетъ съ мужа валимью камлею, отпрягаетъ собакъ, ставитъ на вѣшала нарту, съ заботливостію откладываетъ

взять въ особый уголъ кормовой бараборы привезенную добычу, опасаясь, что не будетъ счастья въ уловѣ или промыслѣ, если она забывшись продасть что или издержать изъ свѣжаго втеченіе трехъ сутокъ со дня ея привоза. Кажинъ наполняется: мужнины вносятъ въ него свои дѣшны, состоящія изъ оленьяго рога, насаженнаго на палку. Они доселѣ вѣрують, что въ прорубь, вырубленную топоромъ или пробитую желѣзной пѣшней, не пойдетъ рыбы столько сколько бы слѣдовало; развѣшиваютъ для обеушки рыбы черпаки, и вотъ наступаетъ пора высшаго наслажденія туземцевъ — баня. Одинъ бойкіе промышленники, избѣгая этого извѣживающаго удовольствія, отправляются на рѣку бѣгать на ланкахъ въ запуски, или вести какую нибудь яную игру.

Пока одинъ изъ претендентовъ на баню оленьимъ клыкомъ колеть на мелко дрова, а другой складываетъ ихъ клѣткой, футъ четырехъ въ квадратѣ, остальные убирають развѣшанные парки, приносятъ или достаютъ съ верхнихъ лавокъ всѣ нужныя принадлежности паренья: чашку извѣстной жидкости, травяную мочалку, изъ мелкихъ стружекъ неплотно связанныя затычки (не знаю другаго равносильнаго слова); наконецъ изготовились: принесена, раздута и подожжена головня, огонь быстро обхватываетъ костеръ, дымъ какъ густой туманъ застилаетъ кажимъ отъ полу до потолка, не находя достаточнаго выхода въ верхнемъ люкѣ, искры еловыхъ дровъ съ трескомъ разбрасываются во всѣ стороны, парильщики обѣли огнище и, чтобъ не задохнуться, вооружили свои рты поименованными затычками; операція началась и вмѣстѣ съ тѣмъ оглушительный вой и плачь понеслись изъ кажима: это, мы знаемъ, туземцы оплакивають умершихъ; вспоминають славныя дѣянія предковъ и невозвратные дни своей молодости; мы знаемъ, что нѣкоторые прожаренные у огня, безъ памяти вытаскиваются на снѣгъ собратіями; знаемъ, что съ окончаніемъ бани, вся остающаяся жидкость выливается на угли и распространяется удушающій запахъ, по крайности на полчаса, и потому это время проведемъ съ молодежью.

Одинъ извѣстный ходокъ трижды опередилъ своихъ товарищей; принялся за другаго рода забаву: валомавъ до десяти штукъ таловыхъ вѣтвей, разложили ихъ одну отъ другой въ разстояніи шести футовъ; каждому участнику слѣдовало перескочить чрезъ пространство между вѣтвями безостановочно, такъ, чтобъ во время бѣга становиться ногами по этимъ мѣткамъ и не сдвигать ихъ съ мѣста: чрезъ шести-футова разстоянія перескочили всѣ

участвующие; раздалиши пѣши на семи-футовый; нѣкоторые спутались; прибавили разстоянія еще на футъ и малая только часть совершила скачку съ успѣхомъ; наконецъ, чрезъ девять девяти-футовыхъ разстояній могъ скакать, не переводя духу, только нашъ малорослый стрѣлецъ Никитичъ. Собравшіеся на угорѣ мещицы не оставались праздыми зрителями; вооруженныя нарочно для того приготовляемыми ножами, изъ мамонтовой и моржевой кости, онѣ весьма искусно выводили по свѣгу различные узоры; одна изъ нихъ случайно упала, вскочивъ, тотчасъ начинаетъ бросать на себя свѣгъ, оплевываться, свѣгаться: кто пренебрежетъ этими предосторожностями, тотъ рискуетъ занемочь и даже умереть.

Баня кончилась, свѣтлый люкъ накрыли; но молодежь расположилась веселиться. Положили на славу: кто скорѣе другаго продолбитъ ледъ, толщиной четырехъ футовъ; отпавились въ кажимъ за пѣшиями; тамъ парильщики оканчивали обѣдъ и большая часть изъ нихъ приняла участіе въ этой забавѣ. Двое стариковъ выбраны старшинами: одинъ для подавія сигналовъ послѣдовалъ на рѣку виѣтъ съ состязателями, другой, свидѣтельствующій о побѣдѣ, остался въ кажимъ: остальное народонаселеніе, отъ стараго до малаго, высыпало на берегъ. Состязатели выстроились въ линію, футахъ въ пяти другъ отъ друга; старшина кинулъ вверхъ шапку и въ тотъ моментъ, какъ она достигнувъ высшаго предѣла своего полета, обратилась къ низу, всѣ пѣшии разомъ вонзились въ ледъ. Мы удивлялись ловкости нѣкоторыхъ туземцевъ; казалось, они менѣе другихъ прилагаютъ усилія и вовсе не торопились, но дѣло у нихъ шло скорѣе. По мѣрѣ накопленія осколковъ, ихъ выгребали погами и руками; черезъ семь съ половиною минутъ у одного выступила вода; онъ погрузилъ пѣшию въ сдѣланное отверстіе по самую рукоятку, въ знакъ убѣжденія зрителей, и потомъ стремглавъ бросился въ кажимъ для представленія се оставленному тамъ судѣ. Общее шумное одобреніе сопутствовало побѣдѣ.

Смеркалось; народъ расходился; снизу рѣки показались двѣ нарты; нѣсколько дѣтей остались на берегу изъ любопытства взглянуть на подходящихъ; вскорѣ они поднялись къ селенію и остановились у одного зимника: то была семья, состоящая изъ мужа, жены, взрослой дочери и мальчика-подростка. Никто ихъ не встрѣтилъ; со всѣмъ тѣмъ пріѣзжіе располагались какъ дома; привязали собакъ къ столбамъ кормовой бараборы, сложили въ нее привезенный скарбъ и товаръ, подняли нарты на пѣшала;

воронъ женщины и мальчикъ спустился въ земникъ, мужчина пошелъ въ кажимъ. Здравствуй, прощай, спасибо, — этихъ словъ не существуетъ въ туземномъ словарѣ. Вошедшій отряхнулся, скотилъ свѣгъ съ торбасовъ, снялъ и повѣсилъ для просушки камлею, или верхнюю парку и, вытащивъ руки изъ рукавовъ той парки, въ которой остался, — что вообще дѣлается ради большаго тепла и выраженія бездѣлья, — молвилъ тому у кого онъ остановился: «Я къ тебѣ.» Тотъ отвѣтилъ обычнымъ «Тавай-хвай», которое въ этомъ случаѣ всего ближе выражается нарѣчiami «ладно», «хорошо.» Тѣмъ привѣтствіи кончились.

Отогрѣвшись, понюхавъ или покуривъ табакъ, пріѣзжій заводитъ рѣчь, не обращая ее собственно ни къ кому, о томъ, что новаго произошло въ его сторонѣ, рассказываетъ видѣнное и слышанное во всѣхъ селеніяхъ, чрезъ которыя онъ проѣзжалъ, но изъясняется всегда слогомъ повѣствовательнымъ, въ неопредѣленномъ наклоненіи и въ иныхъ случаяхъ вносказательно, такъ напримѣръ: на такомъ-то селеніи, говорятъ, касяги ходятъ и дѣрять табаконъ; это значитъ, что онъ видѣлъ Русскихъ, получилъ подарокъ, но не утверждаетъ положительно, чтобъ Русскіе одаривали и въ другихъ селеніяхъ; или такой-то, одѣтый въ новую парку, лежитъ въ кажимѣ головою къ стѣнѣ, это означаетъ умершаго; надъ такимъ-то шаманять, — знакъ болѣзни; тамъ-то много жиру или чего другаго, — свидѣтельство изобилія промысла или улова, и тому подобное. Кто умеръ, кто и чѣмъ боленъ, кто и что добылъ, объясняется по особеннымъ вопросамъ впоследствии; во время же повѣствованія всѣ слушаютъ, только изрѣдка восклицая: «А! кика», то есть «такъ, такъ».

Гость пріѣхалъ не къ кому-либо исключительно, но желаетъ своему товару найти покушника за необходимые для него предметы; удивляясьривъ себя и другихъ рассказомъ, онъ вноситъ въ кажимъ все привезенное для проѣта и объявляетъ, что за то и то, желательно имѣть это и это. Каждый разсматриваетъ, и если кто находитъ проѣта для себя выгоднымъ или полезнымъ, то съ своей стороны, не говоря ни слова, приноситъ требуемое, чтобъ всѣ видѣли доброту и качество поступающихъ въ обмѣнъ вещей; если цѣны привезенныхъ предметовъ дороги, то одѣвъ молча отходятъ прочь, другіе торгуются. Но вотъ пріѣзжій подаетъ одному изъ туземцевъ вещь, которую вымѣнялъ онъ него назадъ тому около года: «Это, говоритъ онъ ему, негодится для меня!» и тотъ, оглядѣвъ вещь и признавъ ее дѣй-

стательно за свою, возвращаетъ то что получила, безъ всякаго вознаграженія. Изъ прибывшихъ женщинъ у молодой мужъ остался на своемъ селеніи: войдите въ зимникъ, вы увидите у нея другаго; это второй, не половинщикъ, какъ то бывало въ старину у Алеутовъ и Кадьякцевъ, но нукла, которую она и раздвѣняетъ и вертитъ и спитъ съ нею. Мужья, любящіе или нѣбующіе имѣть малолѣтнихъ, такимъ же порядкомъ обращаются съ своими наръченными.

Насталъ вечеръ. Въ кажимъ долго и темно и пусто; большая часть мужчинъ ужинаетъ въ зимникахъ; наконецъ мало-по-малу собираются, щедрые или достаточные приносятъ жиръ; иные принимаютъ за различныя работы; другіе, сидя на лавкахъ и покачиваясь назадъ и впередъ, слушаютъ рассказы прѣзжаго или домашняго краснобая; по временамъ нюхаютъ или курятъ до одурѣнія; вдругъ изъ одного зимника раздаются звуки бубенъ и завыванія шамана: это леченіе больнаго. Какъ не посмотреть! пойдемте: намъ сопутствуютъ не многіе.

Въ одномъ изъ угловъ зимника сидитъ больной: онъ страдаетъ простудой и въ-особенности ломотой поясницы; передъ нимъ горятъ два жирника; задъ паркн поднять ему на голову; два шамана, по той и другой его сторонѣ, по временамъ поютъ и бьютъ въ бубны; за нимъ виднѣется растрепанная голова старухи: она каркаетъ по воронѣ, клюетъ носомъ въ спину больнаго, съ жѣмъ-то переговаривается и встрѣчая или препятствія или видя неуспѣхъ, перемѣняетъ голосъ, щекочетъ по сорочкѣ, лаетъ по собачьи; вотъ, наконецъ завыла волкомъ, начала кидаться на больнаго, какъ-будто грызетъ ему спину, срываетъ съ него что-то, показываетъ видъ, что бросаетъ на воздухъ; въ бубны заблѣли сильнѣе; старуха, вскочивъ, сдернула парку съ паціента, принялась ее вытряхивать; потомъ, схватя вѣяникъ, начала махать имъ во всѣ стороны, выметать изъ-подъ наръ, какъ-бы ногою выгоняя; открыли верхній люкъ; четыре другихъ Тунгачовъ и прышѣ зимника ударили въ бубны, закричали: «Побьжамъ, чѣбѣжамъ! у! у!» старуха притворилась или точно обезпамятѣла. Это былъ третій духъ, выгнанный ею изъ больнаго; сколько еще ихъ въ немъ осталось, никто не зналъ. Если то былъ послѣдній, болѣзнь въ скоромъ времени долженствовала поправиться, въ противномъ случаѣ шаманство продолжится, разумѣется, по волѣ больнаго, потому что онъ за это платитъ и иногда довольно дорого. Тунгачи утверждаютъ, что вся сила ихъ искусства состоитъ въ отъ-

исполнѣн, который духъ вселился въ больного; выгнать его они не считаютъ важнымъ. Не такъ ли и въ медицинѣ?

Время складывается къ полуночи, туземцы располагаются спать и когда все стихнетъ, мужья дезертируютъ къ своимъ дражайшимъ колдовантамъ.

Пляски туземцевъ Кви́хпана и Куско́квина вовсе различествуютъ отъ поморскихъ въ духѣ и дѣйствіяхъ. Пляски первыхъ — собственно передача въ мимическихкихъ представленіяхъ, явленій духовъ Тунгакамъ при какихъ-нибудь случаяхъ частной ихъ жизни; и какъ духъ является въ образѣ звѣря, птицы, человѣка или въ другомъ-какомъ фантастическомъ видѣ, то вмѣстѣ съ пляской Тунгакъ представляетъ и его личину или маску. Слова пѣсенъ — описаніе въ извѣстномъ размѣрѣ явленія или бесѣды Тунгака съ духомъ. Каждую пляску въ первый разъ выполняетъ въ кажемъ сочинитель, а потомъ она переходитъ вмѣстѣ съ личиною въ общее достояніе. Пѣсни поются тѣмъ, которые даютъ вечеринку; маѣвъ одинаковъ съ приморскимъ.

Представленія выполняются мужчинами нагшомъ, потому что все искусство ихъ пляски состоитъ въ выказаніи проворства, легкости и быстроты; по одной или по парѣ женщины съ каждой стороны плясуна окаймляютъ картину; движенія послѣднихъ всегда плавны, исключая обыкновенныхъ частныхъ вечеринокъ, въ которыхъ старушки позволяютъ себѣ различныя вольности. Пляшущія женщины одѣты и обвѣшаны бисерами, колокольчиками, мѣдными обрѣзками и тому подобными украшеніями; на парадныхъ представленіяхъ, то есть тѣхъ, на которыя съѣзжаются гости съ окрестныхъ селеній, женщины одѣваются въ прозрачныя камлѣи, въ руки берутъ различныхъ видовъ рѣзные изъ дерева фигуры, украшенныя перьями или длинною оленьей шерстью: эти фигуры служатъ имъ для приданія большаго эфекта и разнообразія своихъ движеній.

Сколько бы ни было дѣйствующихъ лицъ, всё они бываютъ въ маскахъ; впрочемъ воображеніе тунгаковъ не создаетъ представленийъ болѣе какъ изъ трехъ персонъ. Если даютъ вечеринку женщины, то одѣваются въ мужское платье и тогда пляшутъ въ маскахъ. У Кви́хпакцевъ и Куско́квинцевъ есть своего рода танцы или шуты. Въ интермедіяхъ между представленіями, они устраиваютъ разныя шуточки, подсмѣиваются надъ плясунами, танцорами и часто довольно неблагопріистойно, но у каждого народа следъ памяти о любезности.

Для яснѣйшаго ознакомленія читателей съ туземной пляской, расскажем содержаніе нѣкоторыхъ ихъ представленій.

Въ кажимъ десять саженъ въ квадратѣ; по всемъ тремъ ярусамъ лавокъ и по полу, исключая передней стороны оставленной для дѣйствующихъ лицъ, сидятъ народъ. Мужчины одни совершенно нагіе, другіе безъ парокъ занимаютъ лавки, женщины сучились на полу; со многими изъ нихъ грудныя дѣти. Жарко и душно. Два жирника на авансценѣ, то есть по угламъ передней стороны ямы огня, и четыре въ разныхъ мѣстахъ кажима, тускло разнѣваютъ свѣтъ на пеструю толпу зрителей; съ нижней лавки передней стороны спущены травяныя рогожки, отдѣляющія гардеробную актеровъ. Четверо Тунгаковъ сидятъ на этой лавкѣ, держа въ рукахъ бубны въ два съ половиною фута въ діаметрѣ; два старика въ оборванныхъ паркахъ съ замараннымъ лицомъ, повременамъ появляются на сценѣ, дразнить другъ друга и подсмѣиваются надъ зрителями, что тѣ понапрасну собрались смотрѣть новую пляску, которую они старикъ украли у сочинителя. Это вмѣсто увертюры. Но вотъ открылся свѣтлый люкъ и по ремню спустился быстро, можно сказать мгновенно, пласунъ, легкимъ сначкомъ онъ очутился на сценѣ; двѣ пары женщинъ обстали его по сторонамъ; на немъ личина, изображающая фантастическую голову ворона; вотъ онъ заскакалъ по сценѣ, закричалъ по вороньи, бубны забили свой мѣрный тактъ; пѣвцы затянули пѣсню. Пласунъ представляетъ то ворона, присѣдая и скача по птичьему, то извѣстныя дѣйствія человека, которому во всемъ неудача. Содержаніе пляски выражается словами пѣвни, которыхъ сущность заключается въ слѣдующемъ: «Жилъ Тунгакъ на своей землѣ и голодовалъ, и примѣтилъ онъ, что куда бы онъ ни пошелъ, вездѣ сопутствуетъ ему и становится помѣхой воронъ; пойдетъ ли на добычу за оленями, воронъ отъ куда ни возметъ закаркаетъ, встревожитъ оленей и не допуститъ скрасть ихъ въ мѣру полета стрѣлки; поставитъ ли петли на ушкановъ или куропатокъ, воронъ спугаетъ, сорветъ ихъ; опуститъ ли въ озеро морду на рыбу имагнать, и тутъ воронъ находитъ способы повредить ему. Кто ты, накопецъ восклицаетъ Тунгакъ. Духъ въ образѣ ворона усмѣхаясь отвѣчаетъ: «Горькая твоя доля». Такимъ образомъ въ этой пляскѣ представляется въ минимѣ, охота за оленями, ловля ушкановъ, куропатокъ, рыбы и бесѣда Тунгака съ ворономъ. За пляской слѣдуетъ антрактъ: семья пласуна въ память своихъ родныхъ одариваетъ гостей различными запасеніями или какими либо вещами; въ послѣдствіи

случай наблюдается, чтобы число раздаваемых вещей было или двадцать или дважды двадцать, мы считаемъ по туземному, и такъ далѣе; притомъ раздаватель до самаго момента дѣленія, старается сколько возможно скрыть отъ всѣхъ присутствующихъ то, чѣмъ онъ намеренъ дарить. Положимъ, что мужчина расположился одарить своихъ гостей подошвами; передъ глаза зрителей онъ представляетъ байдарку, вырѣзываетъ изъ нея двадцать, сорокъ или шестьдесятъ паръ подошвъ, и въ тоже время рассказываетъ какимъ образомъ байдарка была приобретена, долго ли на ней ѣздили, благополучно ли производилъ ловлю, выхваляетъ доброту лавтака и прочая. Если одариваетъ женщина, наприимѣръ мѣшками изъ рыбьихъ шкуръ, тоже число двадцать или сорокъ она сшиваетъ между собою, растягиваетъ ихъ во всю ширину нашива, объясняетъ труды и время употребленные ею, на выморозку шкуръ, на шитье, на приобретение различныхъ украшеній, наконецъ на тайну производства своей работы. Если раздаютъ провизію, то всего чаще передаютъ ихъ изъ рукъ въ руки. Въ обыкновенныхъ игрушкахъ раздача подарковъ зависитъ отъ воли раздавателя, и предпочтеніемъ никто не обижается. Обратимся снова къ представленіямъ. Вотъ три человѣка выскочили изъ подъ лавки; одинъ изъ нихъ съ собачьимъ рыломъ, на четверенькахъ, съ загнутою рукою вмѣсто хвоста, какъ будто тянетъ нарту; второй въ весьма правильной маскѣ человѣка показываетъ что толкаетъ нарту сзади; третій въ личинѣ слишкомъ трехъ футовъ величины, изображающей уродливое человѣческое лицо на лягушечьемъ рылѣ, окруженное ореоломъ изъ орлиныхъ перьевъ, представляетъ духа. Содержаніе пляски и пѣсни слѣдующія. Идетъ Тунгакъ съ своей одиночки на зимники; собака его тяглая, кормленвая, вдругъ чего-то пугается, поджимаетъ подъ себя хвостъ, визжитъ; Тунгакъ осматриваетъ ее, не занозила ли она ногу, не третъ ли ей гдѣ алыкъ; напрасно; собака не трогается съ мѣста, нечаянно поднимаетъ онъ голову и видитъ духа. Что тебѣ, вопрошаетъ Тунгакъ? Не ходи, отвѣчаетъ духъ, на твою жгѣ повальная болѣзнь, люди умираютъ скоростижно. Что жъ, возражаетъ Тунгакъ, если мнѣ умереть этой болѣзнію, то я умру, гдѣ бы я ни былъ, а на жгѣ у меня жена, дѣти и брать моихъ родственниковъ....

Мы здѣсь представили два образца туземной пляски, но есть такія которыя невозможно передать, иначе какъ перекладывая слѣдующія къ нимъ пѣсни изъ слова въ слово. Для насъ, по незнакомію обстоятельно языка, это было бы сочиненіемъ, чего мы

собою не дозволяемъ. Эти наказы выражаютъ прошение, общаго знака благодарности изъявленнаго духомъ, или видимаго предсто-ящаго Тунгаканъ. На Кускоквины, мы видели пласку, воз-крещенныхъ, которой содержаніе было благодарности тѣмъ, такъ зовутъ туземцы управляющаго редутомъ Колмакова, С. Ду-кина, за озареніе ихъ свѣтомъ христіанства, за прекращеніе междо-у ими несогласій и за услуги, которыя онъ оказываетъ имъ, продавая по сходнымъ цѣнамъ табакъ, котлы и другіе товары, и признаемъ, что считаемъ минину Квихващевъ и Кускокви-цевъ доведенною до замѣчательной степени совершенства. Лич-на вырѣзывается также съ большимъ искусствомъ; красятъ ихъ цинколомъ, болусомъ, кровавикомъ и фосфор-кислымъ железомъ; въкоторыя украшаются перьями.

У туземцевъ Квихака и Кускоквины, мы замѣчаемъ признаки идолопоклонства, въ пласовыхъ личинахъ, въ болванахъ или куклахъ, чествуемыхъ подъ видомъ отсутствующихъ особъ, и наконецъ въ особой игрушкѣ, которую туземцы отправляютъ на своихъ жлахъ безъ приглашенія гостей изъ окрестныхъ селеній. Находясь въ редутѣ Колмакова, мы этой игрушки не видали, но для любопытныхъ и для соображенія будущихъ этнографовъ при-лагаемъ ея описаніе словами толмача экспедиціи.

По утру, 27 декабря, нѣсколько стариковъ пришли къ байдар-щнику *. Повиухавъ табаку одинъ изъ нихъ началъ говорить: мы тебя женимъ Андрей.» — Ладно! отвѣчалъ байдарщикъ. — И ко-манду твою женимъ. — Пожалуй! — И капитана женимъ? — такъ звали туземцы меня. Какъ же это такъ? Онъ на Кускоквины; мы сдѣлаемъ его болванъ.—Ну, этого нельзя. Байдарщикъ боялся что-бъ, чего со мною не случилось.—А команду его, которая здѣсь, можно? Хорошо, отвѣчалъ байдарщикъ. И старики вышли. Глазуновъ об-явилъ командѣ, что туземцы нынѣшнимъ вечеромъ собираются всѣхъ ихъ женимъ. Павелъ Колоша обрадовался, потому что всѣ бабы боялись его какъ зѣвря. Я побѣжалъ къ Куронаткѣ, той дѣвкѣ, которая жила съ нами въ Нулато, узнать на комъ женимъ меня; она засмѣялась и отвѣчала, что это только такъ, не впра-ду; и что молодыхъ ребятъ женимъ всегда на старухахъ или малолѣткахъ. Своимъ я никому ни слова; байдарщикъ тоже не сказывалъ, въ чемъ дѣло. Ввечеру пошли въ казимъ, для осто-рожности имѣли подъ шарканн пистолеты. Народъ былъ въ око-

* Представленіе этой игрушки толмачъ видалъ въ Исок-мощъ. Управляющій артелью Глазуновъ называетъ ее «Исок-мощъ женитьбой».

иногда в передней части ставляло пять деревянных истукановъ различныхъ величинъ въ аршинъ, руки были особо подвизаны, почти только обозначены чертою; два изъ нихъ были женскія; на лицахъ у всѣхъ надѣты были маски; предъ каждымъ горѣло по жирянку. Дикари по очереди плясали по своему и потомъ передъ каждымъ истуканомъ ставили калужки съ рыбой, толкушей и другой пищей, приговаривая: «Это вамъ отъ нашихъ запасовъ, поможайте и впередъ больше.» Жалостнаго ничего не было. Когда всё отплатили, началось общее угощеніе; каждому приносила нарѣченная жена, и потомъ разошлись всё спать, женщины по своимъ жилищамъ, а мужчины въ кажимъ.

На другой день на зарѣ пришли къ намъ мужики съ жила, свать по обычаю топить баню; мы не захотѣли служить дикарямъ; байдарщикъ велѣлъ откупиться или нанять мальчиковъ, которые и за себя бы и за насъ принесли по визанкѣ. Самъ онъ отдалъ фунтъ табаку; пришлось намъ заниматься по папуши со своего счета. Колоша сердился пуще всѣхъ, что за горсть толкуши и одну юколу принужденъ былъ заплатить такъ дорого, но до расплаты не дошло: байдарщикъ выплатилъ за всѣхъ насъ, говоря что онъ знаетъ умыселъ дикарей, чтобъ получить отъ насъ подарки. По окончаніи банн, тѣмъ же утромъ истукановъ уложили на старое мѣсто за кажимомъ; завалили берестой и дровами; старики рассказываютъ что и отцы ихъ не помнятъ когда они были сдѣланы.»

Кичнакцы и Кускокамцы покойниковъ своихъ кладутъ пригнувши ноги къ животу въ сколоченные изъ досокъ ящики, обортываютъ берестой и на крѣпко забиваютъ крышкою. Гробы эти ставятъ на четыре столба фунтъ пяти высоты и къ лицевой створѣ прибиваютъ стоймя особый щитъ отъ четырехъ до шести футовъ въ квадратъ, на которомъ малюютъ профессію покойнаго, какъ-то байдару, если онъ былъ торговецъ; оленя или бобра если былъ промышленникъ и прочая. Передъ могилами втыкаютъ копьа, весла, вѣшаютъ луки, стрѣлы, котлы, кладутъ цѣлае байдары и прочее.

Въ матеріалахъ о поморцахъ мы описали годичныя поминки по умершимъ, отправляемыя у всѣхъ племенъ народа Канг-юльтъ одваково. Главныя или окончательныя поминки празднуются съ большими приготовлениями. Тѣ, которые намѣрены справлять ихъ, посылаютъ нарочныхъ миль за полтораста за одновыиничиномъ покойнаго умершаго; одѣваютъ его съ ногъ до головы въ лучшую и дорогую одежду; дарятъ большими партиями боб-

рой, выдръ и прочаго; наконецъ если не возмощие такому деловку прѣхать, то посылають всё предзнаменованна вещи къ нему; сверхъ этого по крайности за три мѣсяца, собирають всѣхъ окрестныхъ жителей отъ мала до велика, и дѣлають имъ о своемъ намѣреніи формальное объявленіе.

Здѣсь помѣщаемъ церемонію такого объявленія, видѣнную нами въ селеніи Икалнганг-иуотъ, въ сентябрь 1843 года.

Мы прѣѣхали передъ вечеромъ и нашли до трехъ-сотъ душъ обо-его пола гостей, съ Кускоквина, низовья Квнхнака и рѣки Иттегѣ. Въ сумеркахъ осемь человекъ старшинъ тѣхъ семействъ, которыя вознамѣрились дѣлать окончательныя поминки по своимъ родственникамъ, привесли въ кажимъ по засвѣченному жирнику и поставили ихъ кругомъ ямы огнища, заложивъ его досками; потомъ привесли три небольшія рогожки, разложили ихъ на волю въ трехъ углахъ кажима и стали выкликать изъ среды гостей трехъ человекъ, которые рѣшились бы идти на кладбище; выступили трое желающихъ; поминующіе посадили ихъ на рогожки, раздѣли до нага, обмыли и снова одѣли въ новое платье, подпоясали нарочно сохраняемыми издавна на такой случай поясами, * дали каждому по выструганной палкѣ и поставили среди кажима. Тогда старшій изъ гостей велѣлъ имъ идти и созывать въ кажимъ покойниковъ. Посыльные ушли, за ними удалились и дѣлающіе поминки. Минувъ чрезъ десять первыхъ возвратились, еще чрезъ такой же промежутокъ вошли всѣ жители этого селенія: привесли и слабыхъ старухъ и грудныхъ дѣтей; наконецъ явились и справлятели поминки; они были переодѣты въ новую обыкновенную свою одежду; кроми того у мужчинъ надѣты были длинныя, по локоть лавтачныя рукавицы съ раструбомъ, густо увѣшанныя топорковыми носами; ** женщины имѣли въ рукахъ по два орлиные пера, а на головѣ узкія повязки изъ бѣлыхъ соболей***. Каждая семья, оставаясь за своимъ жирникомъ, по очередно пѣла особо плачевнымъ голосомъ сочи-

* Пояса эти, слишкомъ въ футъ ширины, были шиты изъ оленьихъ бѣлыхъ брюшинъ съ росомашными хвостами.

** *Fraterenia cirrata*.

... Всѣ эти вещи съ заботливостію сохраняются и передаются изъ рода въ родъ. Соболи, бѣлые какъ зайцы, весьма рѣдки, такъ, что за нихъ туземцы платятъ между собою по двадцати и болѣе бобровъ или выдръ. Мы достали шкуру одного и передали зоологъ-препаратору Императорской Академіи Наукъ Вознесенскому.

женщины дарочно на этотъ случай шѣсны, въ которыхъ назывались доминанно всѣ сродники доминируемаго; плясали не сходя съ мѣстъ; многіе изъ присутствующихъ плакали. Когда окончилось «шѣсна мертвыхъ» какъ называютъ это представленіе туземцы, послѣдовало обыкновенное угощеніе, заключившее церемонію объявленія перваго дня.

На другое утро, послѣ бани, собрались въ каждамъ приготовляющіеся къ поминкамъ, въ вчерашней новой одеждѣ, проплясали предъ лмой огнища, пропѣли другія свои плачевныя шѣсны, потомъ въ сопровожденіи одного старика съ бубномъ и нѣсколькими пѣсенниками, ходила тихими мѣрными шагами по всѣмъ памятникамъ; предъ каждой подновленной могиллою останавливались и не много плясали. Зрители, гости и остальные жители этого селенія во все время процессіи, находились на крышкахъ зимниковъ и другихъ возвышенностяхъ и плакали; потомъ собрались въ каждамъ на послѣднее угощеніе, послѣ котораго начали разѣзжаться по домамъ.

При отправленіи главныхъ поминковъ слѣдуютъ той же церемоніи что и въ годичныхъ; тому кто раздаетъ все свое имѣніе палать рѣсницы, брѣютъ брови и вагаго на трое сутокъ сажуютъ за рогожку въ уголь каждама, не давая висколько ни пищи ни питья; потомъ, по истеченіи этого поста, всѣ собравшіеся гости приносятъ ему различные подарки, то что вздумалъ; туземецъ снова обзаводится, богатѣетъ и на всю свою жизнь приобретаетъ общее уваженіе. Со всѣмъ тѣмъ, такого добродотнаго поминщика, мы знали только одного.

Всѣ племена народа Капг-юлитъ, проживая на мѣстѣ, не ведутъ никакого времячисленія; разстоянія мѣряютъ ночами оставовокъ; рѣдко ошибаются въ дняхъ равноденствія и солнцестоянія; какія у нихъ на то примѣты узнать не могъ; годъ раздѣляютъ на двѣнадцать неравныхъ мѣсяцевъ, начиная съ сентября, то есть съ окончанія своихъ рыбныхъ запасеній; называютъ ихъ по различнымъ видимымъ перемѣнамъ въ жизни природы: такъ первый осенній мѣсяцъ сентябрь зовутъ Тунтутъ Нулигунъ «олени ходятся», или въ буквальномъ переводѣ олени берутъ жезъ; октябрь Купгданъ, «пней падаетъ» и прочая. Числа годовъ не считаютъ, и потому ни ктоне знаетъ своихъ лѣтъ, и при такомъ вопросѣ обыкновенно отвѣчаютъ, что на ихъ памяти такое-то дерево выросло или указываютъ на какую-нибудь другую перемѣну мѣстности; различаютъ нѣкоторыя созвѣздія; отлича-

ють планеты отъ неподвижныхъ звѣздъ, даютъ особыя названія появляющимся кометамъ и метеорамъ; впрочемъ астрономическія ихъ познанія такъ смутаны, что мы не могли сообразить ничего положительнаго; можетъ-быть, причиною этому было и незнаніе наше туземнаго языка, заставлявшее крайне беречься вносить въ свои замѣтки рассказы толмачей, не понимающихъ сущности того, о чемъ ихъ самихъ спрашивали.

Обширное поле остается послѣ нашей скудной жатвы тому, кто будетъ имѣть болѣе средствъ и способностей къ описанію правовъ и обычаевъ народа, съ котораго намъ удалось приподнять завѣсу. Если захотимъ сохранить память ихъ первобытной жизни, не мѣшаетъ поторопиться; съ распространеніемъ христіанства, въ столкновеніи съ нашимъ образомъ жизни, туземцы такъ скоро теряютъ народность, что чрезъ десятокъ; другой лѣтъ старики будутъ такъ или стыдиться рассказывать прежніе свои обычаи, повѣрья и прочая, и весь общественный бытъ ихъ измѣнится. Въ настоящее время мы это замѣтили на Куковимъ у повокрещенныхъ. Это же видимъ у Алеутовъ и Кадьякцевъ.

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

ДРЕВНИХЪ ГРЕКОВЪ и РИМЛЯНЪ.

=

Чтеніе древнихъ классическихъ авторовъ возбуждаетъ въ насъ съ самаго дѣтства удивленіе къ доблестямъ Грековъ и Римлянъ, прославленнымъ столькими великими поэтами и историками. Но если мы хорошо знаемъ высокіе подвиги, блистательные факты, которыми ознаменована исторія этихъ двухъ народовъ, то частная жизнь ихъ намъ еще слишкомъ мало извѣстна. Для насъ, они всегда на сценѣ: мы видимъ героя только на полѣ сраженія или на побѣдной колесницѣ, консула на его креслѣ изъ словяной кости, оратора на трибунѣ, философа на кафедрѣ или гуляющаго съ своими учениками подъ портикомъ и разсуждающаго въ тѣни академическихъ рощъ. Но въ жизни этихъ людей, преданныхъ наукѣ или дѣламъ общественнымъ, есть вѣчто занимающее гораздо болѣе мѣста нежели война, рѣчь къ народу и разсужденія о безсмертіи души, и на что обыкновенно обращаютъ очень мало вниманія. Это тѣ будничныя заботы, мелочные интересы, которые, за исключеніемъ развѣ весьма немногихъ и незначительныхъ измѣненій, вездѣ и во всѣ времена наполняютъ человѣческую жизнь. Нѣмецкій ученый, господинъ Беккеръ, въ двухъ своихъ сочиненіяхъ «Харизль» и «Галль», пользующихся въ Германіи заслуженною знаменитостью, старается по

возможности пополнить этот недостаток. Онъ вводитъ насъ къ нашимъ героямъ или по-крайней-мѣрѣ къ ихъ современникамъ; знакомитъ насъ съ внутреннимъ ихъ бытомъ, съ семейными отношеніями, показываетъ намъ общественныя собранія и удовольствія народа въ Афинахъ и Римѣ.

Докторъ Беккеръ, пламенный поклонникъ древности, соединяетъ въ себѣ чувство прекраснаго съ глубокими свѣдѣніями. Онъ умѣетъ представить вышукло самыя маленькія подробности, не вредя цѣлому картини, не утомляя читателя. Чтобы вполнѣ перенестись въ изображаемыя имъ эпохи, онъ не довольствовался изученіемъ всѣхъ дошедшихъ до насъ литературныхъ памятниковъ: онъ вдохновлялся развалинами падшихъ государствъ, онъ обошелъ всѣ музеи, и надписи, барельефы, статуи, картины, этрусскія вазы, медали, камен, часто говорили ему краснорѣчивѣе и яснѣе самыхъ знаменитыхъ и добросовѣстныхъ авторовъ.

Однако же безпристрастный читатель можетъ сдѣлать ученому доктору упрекъ въ излишней строгости, скажемъ болѣе, въ несправедливости къ своимъ предшественникамъ. Онъ считаетъ себя первымъ, единственнымъ писателемъ обработавшимъ этотъ предметъ. Сильный въ своей наукѣ, полный идей самобытныхъ, онъ забываетъ, что и другіе имѣли ихъ, и несмотря на увѣренность его въ томъ, что онъ истощилъ весь сюжетъ, поверхностное описаніе общественныхъ игръ въ Греціи, гладіаторскаго боя въ Римѣ, театра у обоихъ народовъ, сдѣланное господиномъ Беккеромъ, позволяетъ читателю напомнить ему эту фразу Колумелліа:

«Нѣтъ науки и нѣтъ искусства, которыя были бы изобрѣтены и усовершенствованы гениемъ одного человѣка. Подобно охотнику, который имѣетъ право волюю ловить въ лѣсу дикихъ звѣрей, но котораго никто не станетъ упрекать въ томъ, что онъ переловитъ не всѣхъ, и мы должны довольствоваться, если намъ удастся обработать большую часть предмета, за который мы взялись, въ-особенности, если упущенія, какія окажутся, не относятся къ нашей спеціальности».

Профессоръ не хотѣлъ собственно написать романъ; онъ прибѣгнулъ къ вымыслу только для того, чтобы придать болѣе интересу чертамъ, которыя будучи представлены въ формѣ изолированныхъ фактовъ, могли возбудить сочувствіе однихъ антикваріевъ. Интрига обоихъ разсказовъ очень проста, но въ нихъ весьма искусно группированы эпизоды, позволявшіе выставить множество мелкихъ подробностей, что и составляло главную цѣль автора. Все цѣлое, хорошо обдуманное и изящно изложенное, по-

ходить на прекрасную мозаику. Интрига тутъ только цементъ, соединяющій отдѣльныя части картины. Независимо отъ текста, сочиненіе представляетъ многочисленныя примѣчанія, всегда необходимыя въ книгахъ такого рода, чтобы не задушить интересъ разсказа подъ массой безчисленныхъ подробностей.

Исторія Харикла проста, граціозна и совершенно гармонируетъ съ той свѣжестью, съ тѣмъ благоуханіемъ юности, которые разлиты во всемя, что напоминаетъ Грековъ. Эпоха, въ которую переносится читатель — македонское владычество. Не потерявъ еще вполнѣ своей независимости, Греція принуждена была подчиниться Филиппу и потомъ Александру. Патриотизмъ ослабѣвалъ. Личное дѣйствіе гражданина въ государствѣ уменьшилось пропорціонально утратившейся важности республикъ. Чтобы побудить народъ аѳинскій къ великому подвигу, нужно было краснорѣчіе Демосоена. Рѣже приходилось обещивать національные интересы, рѣже выдерживать внутреннія брани. Частная жизнь начинала обозначаться яснѣе, вслѣдствіе большаго довольства. Личность каждаго могла развиваться безпрепятственно. До этого времени человѣкъ былъ прежде всего гражданиномъ. Чтобы написать жизнь частнаго лица, нужно было написать исторію греческаго народа.

На дорогѣ между Аргосомъ и Коринѳомъ (лѣтомъ, 329 года до Рождества Христова) авторъ показываетъ намъ своего героя Харикла, который, послѣ шести-лѣтняго отсутствія, возвращается въ Аѳины, чтобы требовать тамъ наслѣдства своего отца. Онъ вышелъ изъ класса Эвбеовъ и достигъ законнаго совершеннолѣтія, то есть, двадцати лѣтъ. Онъ атлетическаго сложенія, осанка его благородна, манеры пріятны. Онъ ѣдетъ верхомъ на прекрасной лошади; за нимъ слѣдуетъ сорокалѣтній рабъ, согбенный подъ тяжестью дорожнаго мѣшка, въ которомъ находится все, что не могло войти въ чемоданъ всадника. Они остававляются завтракать въ прекрасномъ мѣстѣ. Здѣсь ихъ встрѣчаетъ пѣшеходъ, который тотчасъ узнаетъ въ Хариклѣ своего школьнаго товарища. Одинъ англійскій критикъ удивлялся, какъ-можно изобразить друзьями сына богача и бѣднаго молодого человѣка, который, для того чтобы имѣть возможность учиться, принужденъ работать за поденную плату. Рожденный не въ республикѣ, критикъ не можетъ понять и представить себѣ этого равенства, существующаго и въ наше время въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, между молодыми людьми, совершенно различными по своему состоянію и положенію въ обществѣ: равенство,

которое было еще сильнѣе въ городахъ Греціи, гдѣ всѣ молодые граждане воспитывались вмѣстѣ. Но оставимъ простодушнаго Англичанина и не будемъ удивляться, что Хариклъ призналъ въ стравникѣ друга своего дѣтства, который, въ качествѣ старшаго, часто помогалъ ему въ его школьныхъ трудахъ. Оба путешественника пріѣзжаютъ въ Коринѳъ и остаются на нѣкоторое время. Ктезифону оказываетъ гостеприимство одинъ пріятель его. Хариклъ отправляется къ трактирщику Сотадію, котораго ему рекомендовали какъ человѣка, готоваго за деньги дать хорошій пріютъ всякому иностранцу. Въ Коринѳѣ, какъ извѣстно, стоялъ знаменитѣйшій храмъ Веперы, и городъ, воспѣтый эротическими поэтами, отличался между всѣми городами Греціи вольностью своихъ нравовъ. Слово Коринѳянина сдѣлалось синонимомъ слова развратный.

Старшій изъ двухъ молодыхъ путешественниковъ даетъ другому самыя полезныя совѣты, чтобы предостеречь его отъ искушеній. Но эти предостереженія брошены на-вѣтеръ. Оказывается, что честный трактирщикъ спекулируетъ на своихъ дочерей, которыя соблазняютъ слабаго Харикла и, вѣроятно, разорили бы его, еслибы Ктезифонъ, какъ добрый геній, не подоспѣлъ къ нему на помощь и не извелъ его изъ объятій этихъ сиренъ. Друзья продолжаютъ путешествіе моремъ. Пріѣхавъ въ Аонны, Хариклъ является къ другу своего отца и опекуну, который даетъ ему отчетъ въ своемъ управленіи. Младшій Аоннянинъ тотчасъ же вступаетъ во владѣніе наслѣдствомъ и поселяется въ домѣ своихъ отцовъ.

Впродолженіи этого разсказа, прерываемаго весьма любопытными подробностями о домашней жизни древнихъ, мы узнаемъ что Хариклъ влюбился въ молоденькую женщину, которую онъ видѣлъ, когда она мыла себѣ ноги въ источникѣ. Скоро счастье его превращается въ горькую печаль: онъ узнаетъ, что предметъ желаній его замужемъ. Ни какія увеселенія не могутъ развлечь его, друзья напрасно приглашаютъ его на шумныя оргіи. Тоска гнететъ бѣднаго юношу. Онъ томится все болѣе и болѣе. Начинаютъ опасаться за жизнь его...

Между-тѣмъ Поликсесъ, старый другъ отца Хариклова, пораженъ апоплексическимъ ударомъ въ самый день брака своего съ шестнадцатилѣтнею дѣвушкой Клебулой. Онъ не можетъ поправиться и, видя, что приближается конецъ его, желаетъ видѣть сына своего друга, о прибытіи котораго онъ только что узналъ. Хариклъ находитъ у одра больнаго его прекрасную невесту и

узнать въ ней свою таинственную наяду. Смущеніе молодой женщины при видѣ Харикла доказываетъ ему, что она осталась къ нему не совсѣмъ равнодушною, послѣ встрѣчи ихъ у источника. Мужъ, умирая, оставляетъ все свое имѣніе молодой вдовѣ, которая еще дѣвственна.

Развязка повѣсти довольно избитая. По разнымъ знакамъ, находящимся на тѣлѣ Харикла и по вещцамъ, висящимъ у него на шеѣ, оказывается, что онъ подкидышъ и что бесплодная жена выдала его легковѣрному мужу за своего сына. Въ исполнителѣ Поликнесова завѣщанія Хариклъ узнаетъ своего истиннаго отца и этотъ честный Аонянинъ, — прекрасный человекъ, не смотря на то что онъ подкинулъ своего сына, — видя себя опекуномъ Клеобулы и отцомъ Харикла, спѣшитъ соединить любовниковъ, которымъ только того и хотѣлось. Нужно признаться, что этотъ Deus ex machina, который является нарочно затѣмъ, чтобы устроить все дѣло, слишкомъ отзывается общимъ мѣстомъ, и портитъ всю книгу. Господинъ Беккеръ могъ бы безъ большаго труда найти для своей повѣсти другую развязку.

Во второй его книгѣ, гдѣ онъ описываетъ римскіе нравы, выборъ главнаго дѣйствующаго лица сдѣланъ гораздо удачнѣе. Имя Галла извѣстно, и эта извѣстность придаетъ вымыслу видъ дѣйствительности, между-тѣмъ какъ мракъ, скрывающій подробности жизни Галла, позволяетъ автору наполнять свою канву, чѣмъ ему угодно, безъ опасенія погрѣшить противъ исторической вѣрности.

Галлъ былъ любимецъ Августа, одно изъ свѣтилъ этого созвѣздія поэтовъ, блиставшаго въ его царствованіе. Но подобно метеорамъ, которыхъ исчезновеніе такъ занимаетъ ученыхъ, онъ оставилъ по себѣ только имя и воспоминаніе о своей славѣ. Всѣ сочиненія его погибли. Другъ Вергилія, посвятившаго ему одну изъ лучшихъ элогъ своихъ, Галлъ удостоился дестяныхъ отзывовъ Горация, Цицерона, Полліана и Проперція. Овидій, намекая на политическое и военное значеніе Галла, такъ же какъ и на поэтическую славу его, прославляетъ его и его любовницу въ этихъ строкахъ, служащихъ эпиграфомъ книгѣ господина Беккера:

•Gallus et Hesperii et Gallus notus Eois
Et sua cum Gallo nota Lycoris erit.»

•Галлъ извѣстенъ у народовъ Запада, Галлъ извѣстенъ у народовъ Востока; подруга его Ликориса раздѣланъ его славу.»

Эпиграфъ къ Хариклу, заимствованный у Плутарха, могъ бы служить обонимъ сочиненіямъ. Вотъ онъ:

«Маленькое обстоятельство, одно слово, даже шутка часто даютъ гораздо бѣльшее понятіе о національномъ характерѣ, о нравахъ народа, нежели описаніе сраженія, гдѣ погибли тысячи людей.»

Въ началѣ, авторъ показываетъ намъ Галла вечеромъ, на возвратномъ пути съ праздника. Еще только три поколѣнія въ его фамиліи пользовались правами римскаго гражданства. Они по обычаю приняли имя Корнелія, патрона, вліянію котораго были обязаны гражданствомъ. Это удовлетворяло ихъ тщеславію, потому что низкое происхожденіе ихъ скрывалось подъ блескомъ древней и благородной фамиліи. Однако же Галлъ былъ не ниже роли, которую игралъ. Онъ отличился на войнѣ и въ администраціи. Кромѣ того онъ владѣетъ огромными богатствами, которыя приобрѣлъ, по обычаю знатныхъ въ Римѣ, разграбленіемъ провинцій и въ особенности Египта, гдѣ былъ губернаторомъ.

Этого любимца фортуны приводитъ домой толпа друзей паразитовъ и злыхъ завистниковъ. Какъ водится, жесточайшій врагъ его—собратъ поэтъ. Этотъ предатель, по имени Ларгусъ, подслушавъ нѣсколько колкостей, которыми обмѣнялись Галлъ съ императоромъ, рѣшается съ другими придворными, поддерживать ссору. Онъ заставляетъ Августа публично выказать свое неудовольствіе къ прежнему любимцу. Зная благородную ненависть Галла ко всякой несправедливости, пылкость его характера, въ особенности недостатокъ, въ которомъ упрекаетъ его Овидій: «Lingua nimio pop tenuisse meo,» Ларгусъ подстрекаетъ его, отигощеннаго винными парами, среди пиршества, къ смѣлымъ выходкамъ противъ Августа. Императоръ не любилъ прощать. Сенатъ, всегда готовый поразить жертву, указанную ему господиномъ, осуждаетъ Галла на смерть. Онъ умираетъ какъ Римлянинъ того времени, то есть лучше чѣмъ жилъ.

Мы представили читателю только блѣдный, поверхностный очеркъ двухъ вымысловъ, на которыхъ господинъ Беккеръ построилъ свое сочиненіе. Однако изъ разсказа нашего можно уже видѣть, что сюда входитъ множество эпизодовъ, подающихъ поводъ къ описанію обычаевъ и домашней жизни обонихъ народовъ. Нельзя было искусствѣ ученаго профессора наполнить эти картины интересными подробностями, вставленными въ разсказъ безъ всякой натяжки.

Если авторъ сдѣлалъ все, что можетъ сдѣлать хорошій вкусъ,

соединенный съ глубокимъ знаніемъ, то нужно однако жъ сознаться, что мы напрасно бы стали, въ этихъ двухъ книгахъ, искать картины національныхъ нравовъ греческаго или римскаго народа: мы находимъ только вѣрное изображеніе обычая высшаго общества у обоихъ народовъ. Нельзя упрекать автора въ небрежности. Памятники литературы и пумизматики бросаютъ лучъ слишкомъ слабый на эти темные слои общества, въ которыхъ рождаются, живутъ и умираютъ тысячи существъ, не оставляя ни какого воспоминанія о своихъ радостяхъ и страданіяхъ. Филантропія, вытекающая изъ хрестіанства и заставляющая насъ дѣлать пожертвованія, чтобы облегчить участь людей, часто совершенно чуждыхъ намъ и нашимъ, была еще тогда почти неизвестна.

До изобрѣтенія книгопечатанія, въ книгахъ, всегда весьма рѣдкихъ, описывали только великіе подвиги людей и націй, говорили подробно только объ аристократическихъ классахъ и объ общихъ интересахъ народа. Нужны тѣ удобства, какими мы теперь пользуемся, чтобы доводить до свѣденія публики все, что дѣлается, высказывать идеи свои обо всѣхъ вещахъ; нужна любовь, порожденная хрестіанствомъ, очищающимся съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе, чтобы кто-нибудь рѣшился заняться большинствомъ людей, слѣдить за нравственнымъ развитіемъ массы и удостоить ее чести, написать исторію ея. Хрестіанство провозгласило равенство всѣхъ людей передъ Богомъ. Всѣ равны передъ закономъ. Вотъ главное и основное различіе между новыми и древними обществами. У Грековъ и Римлянъ было только небольшое число людей свободныхъ и эти свободные владѣли какъ собственностью огромнымъ большинствомъ, совершенно зависѣвшимъ отъ ихъ произвола. Цицеронъ говоритъ, если не для того чтобы извинить, то по-крайней-мѣрѣ для того чтобы объяснить рабство: это — повиновеніе существа низкаго, укрощеннаго и лишеннаго воли. Справедливѣе было бы сказать что это нравственное униженіе есть послѣдствіе рабства, а не причина его, потому что, въ особенности въ Римѣ, гдѣ каждый годъ продавались тысячи военныхъ пѣвинниковъ, была толпа рабовъ, рожденных въ Греціи и похищенныхъ у ихъ отечества и семействъ ирратами, которые считали это самымъ выгоднымъ промысломъ. Между этими несчастными сколько находилось людей доблестныхъ, полныхъ мужества, которыхъ одна матеріальная сила держала въ рабствѣ и которые отъ этого во все не были

существа низкія и презрѣнныя. Но, къ несчастію, всеобщіи жертвы рабства становились такими. Философія поддерживавшая Платона и Диогена въ ихъ заключеніи, научившая ихъ рабовъ оставаться людьми, была удѣломъ весьма немногихъ избранныхъ душъ; и толпа, находившая въ язычествѣ уваженіе къ одному успѣху, легко привыкла презирать побѣжденныхъ; христіанство, возвѣстившее другую жизнь, гдѣ каждому, безъ исключенія, воздается по дѣламъ его, пробудило въ рабахъ чувство собственнаго достоинства. Если будутъ добродѣтельны въ томъ положеніи, которое имъ назначило Провидѣніе, они могутъ заслужить небо также какъ и властители ихъ. Они сдѣлались честнѣе и вѣрностѣхъ заставила властителей быть къ нимъ добрѣе. Рабство не было уничтожено, но оно измѣнилось и приняло формы менѣе дикія нежели тѣ, которыя имѣло во времена Катона, совѣтовавшаго продавать старыхъ рабовъ, чтобы напрасно не кормить ихъ бесполезные желудки.

Впрочемъ, этотъ порядокъ вещей значительно различествовадь у каждаго народа. Такъ, наприимѣръ, — не выходя изъ Греціи, — Спартаццы были самыми суровыми властителями, Аоніяне напротивъ, самыми добрыми и кроткими. Ликургъ хотѣлъ сдѣлать изъ Лакедемонлянъ народъ исключительно воинственный и храбрый и опасался сближенія ихъ съ народами Лаконіи, которыхъ они побѣдили и подчинили рабству болѣе или менѣе тягостному. Онъ вырылъ пропасть между свободнымъ человѣкомъ и рабомъ, и слово рабъ примѣняется къ илотамъ гораздо болѣе, чѣмъ ко всѣмъ родамъ рабства въ древности, потому что это были наши совершенно подчиненныя и крѣпкія землѣ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, и даже освобожденіе, дарованное за какой-нибудь подвигъ, всё-таки не дѣлало раба равнымъ свободному Спартаццу. Ликургъ запрещалъ своимъ соотечественникамъ всякое занятіе кромѣ оружія. Илоты обрабатывали за нихъ землю; Лаконцы платили подать и исполняли тяжелыя работы. Гражданинъ спартацкій гордился тѣмъ, что Ликургъ даровалъ ему вѣчный досугъ, что онъ долженъ былъ заниматься только военными упражненіями. Но самый этотъ досугъ, отдѣлявшій ихъ отъ рабочаго класса, заставлялъ ихъ презрительно смотрѣть на каждаго, кто работалъ своими руками. Отъ презрѣнія къ этимъ людямъ до жестокаго обращенія съ ними — одинъ только шагъ.

Не говори уже о возмутительномъ обычаѣ охотиться за Ило-

тани, подлежащемъ большому сомнѣнію,—потому что о немъ не упоминаетъ ни одинъ изъ современныхъ писателей,—мы находимъ у Фукидида черту страшной жестокости Спартакцевъ къ несчастнымъ Илотамъ, вѣрно служившимъ государству въ минуты опасности. «Лакедемоняне, говорилъ онъ, боясь силы и многочисленности Илотовъ,—потому что во всѣ времена Илоты были предметомъ страха для господъ своихъ,—объявили, что будетъ дана свобода тѣмъ изъ рабовъ, которые окажутъ наиболѣе услугъ государству, находящемуся въ крайнемъ положеніи. Такимъ образомъ они думали узнать въ тѣхъ, которые первые потребуютъ исполненія закона, людей наиболѣе способныхъ къ возстанію. Около двухъ тысячъ Илотовъ, увѣнчанныхъ вѣнцомъ свободы, торжественно повели въ храмы. Но черезъ нѣсколько времени они исчезли всѣ и никто не зналъ, какою смертью они погибли.» Плутархъ, шестьсотъ лѣтъ спустя, подтверждая этотъ фактъ, прибавляетъ, что вошло въ пословицу говорить: «Нигдѣ свободный человѣкъ не былъ свободнѣе, и рабъ не былъ болѣе рабомъ чѣмъ въ Спартѣ».

Законы аѳинскіе, не столь строгіе, не столь суровые къ человѣку свободному, были менѣе жестоки и къ рабу. Важнѣйшею привилегіей раба въ Аѳинахъ было то, что его не могли казнить смертью безъ судебного приговору; что онъ, при слишкомъ жестокомъ обращеніи съ нимъ господина, могъ укрыться въ святилища извѣстныхъ храмовъ. Если жалоба его признавалась справедливою, то господинъ долженъ былъ продать его. Для посредничества въ этихъ обстоятельствахъ учреждены были судьи, имѣющіе нѣкоторую аналогію съ покровителями невольниковъ въ западной Индіи. Несмотря однако жъ на эти гарантіи, участь даже аѳинскаго раба была очень жалкая. Позорный столбъ, розги, горячее желѣзо, наказанія назначенныя только за большія преступленія въ свободномъ классѣ, постигали рабовъ очень часто за самыя незначительныя проступки. Занимавшихся земледѣіемъ или работавшихъ въ рудникахъ заковывали въ цѣпи, чтобы они не могли убѣжать. Въ Аѳинахъ также какъ и въ Римѣ, слуга, отворявшій двери веселымъ гостямъ счастливецъ, былъ всегда также прикованъ къ стѣнѣ своего жилища съ одной стороны крыльца, какъ съ другой собака къ своей конурѣ. Свидѣтельство невольника считалось дѣйствительнымъ въ глазахъ правосудія только тогда, когда оно было исторгнуто у него пыткой. Если человѣчность Аѳинлянъ не заставляла ихъ отвергнуть этотъ

родъ доказательства, то искусство ихъ юристовъ умѣло часто выставить на свѣтъ всю недостаточность, всю возмутительную негнѣность этого средства для узнанія истины, что не мѣшало имъ однако же въ другихъ случаяхъ прибѣгать къ тѣмъ же самымъ жестокостямъ, какъ къ вѣрному и несомнѣнному средству.

Нуженъ былъ двухъ-тысячелѣтній опытъ, нужно было благодѣтельное вліяніе христіанства, чтобы уничтожить пытку во всей Европѣ!

Въ Аѳинахъ, городѣ промышленомъ по преимуществу, гдѣ Соломонъ предписалъ работу, гдѣ праздность наказывалась, трудолюбивый невольникъ долженъ былъ имѣть нѣкоторыя обезпеченія отъ закона. И въ самомъ дѣлѣ, онъ имѣлъ право на собственность. Невольникъ могъ *приобрѣсть*, внѣ службы, которой онъ былъ обязанъ своему господину. Онъ платилъ этому послѣднему извѣстные проценты, и когда у раба было довольно денегъ, чтобы внести опредѣленную сумму, онъ имѣлъ право откупиться.

Грубость римскихъ правовъ ни въ чемъ такъ сильно не проявляется, какъ въ той неограниченной власти, какую имѣла глава семейства надъ своими дѣтьми и рабами. Ему принадлежало право жизни и смерти надъ ними въ полномъ значеніи этихъ словъ. Онъ могъ, сколько ему угодно, продавать ихъ, бить и даже убивать, — варварское право отнятое Солономъ у родителей аѳинскихъ. Только при Адрианѣ, шестьсотъ лѣтъ послѣ Солона, успѣхи просвѣщенія заставили римское правительство стать между рабомъ и господиномъ и отнять у господина право располагать жизнью невольника, какъ жизнью скота. Не справедливо было бы однако жъ забыть, что за долго до этой эпохи были изданы въ Римѣ законы, относящіеся къ освобожденію невольниковъ для того, чтобы помѣшать размноженію пролетаріевъ, ежегодно увеличивающихъ бѣдное народонаселеніе города. Извѣстное разсужденіе Плутарха о варварскомъ предложеніи Катона продавать невольниковъ, начинающихъ старѣться, доказываетъ, что нѣкоторые владѣтели рабовъ умѣли своими великодушіемъ, хотя отчасти, загладить несправедливости судьбы. Жестокость, съ какою древніе обращались съ своими рабами, часто имѣла источникомъ страхъ. Извѣстно, что Римляне весьма боялись возмущенія съ ихъ стороны, и примѣръ Спартака доказываетъ, что эта боязнь была не безъ основанія. Сравнивая число рабовъ съ числомъ свободныхъ, и зная, что большая часть военнопленныхъ

была приучена владѣть оружіемъ, трудно повѣрить, чтобы такое ограниченное число свободныхъ людей могло держать огромныя массы въ страшномъ порабощеніи. Въ 320 году до Рождества Христова въ Аѳинахъ было четыреста тысячъ рабовъ на тридцать одну тысячу свободныхъ. Въ Коринтской области считалось четыреста шестьдесятъ тысячъ рабовъ. Какъ велико было число ихъ въ Италіи, мы можемъ судить по словамъ Плинія, который рассказываетъ, что Исидоръ, несмотря на потери, причиненныя ему междоусобною войною, оставилъ по смерти своей четыре тысячи сто шестнадцать рабовъ! Земледѣіе и выдѣлка различныхъ предметовъ были наконецъ совершенно предоставлены рабамъ и потому эти отрасли промышленности находились почти въ застоѣ. У нашихъ свободныхъ работниковъ гораздо болѣе понятливости, умственной и физической дѣятельности, чѣмъ сколько было ся у древнихъ рабовъ, и нынѣшняя Европа изумительно превзошла древнихъ въ различныхъ вѣтвяхъ мануфактуры. Но нигдѣ въ новомъ мірѣ населеніе, состоящее изъ тридцати тысячъ душъ, не произвело даже четверти тѣхъ великихъ людей, которые родились въ Аѳинахъ, отъ 500 до 350 года. Свободные люди, вполне обеспеченные отъ матеріальныхъ нуждъ, обогащались или войною или торговлей и мануфактурными издѣльями, порученными избраннымъ невольникамъ или вольноотпущеннымъ, которые доставляли доходъ своимъ властителямъ. Чтѣ же касается до владѣтелей они почти исключительно занимались общественными дѣлами или предавались искусствамъ и литературѣ, на которыя смотрѣли, не какъ на средство къ существованію, но какъ на средство прославиться и возбудить энтузіазмъ въ народѣ, страстномъ поклонникѣ изящнаго, въ народѣ, которому такъ легко было образовать свой вкусъ созерцаніемъ образцовыхъ созданій, стекавшихся со всѣхъ сторонъ въ Аѳины. И дѣйствительно, Гомеръ, Пиндаръ, Фидій, Демосоевъ завѣщали намъ превосходныя творенія, до высоты которыхъ никто не могъ достигнуть впоследствии.

Если рабство способствовало развитію умственныхъ способностей въ свободныхъ людяхъ, то должно однако жъ сознаться, что въ отношеніи къ искусствамъ и литературѣ, результатъ былъ гораздо блистательнѣе у Грековъ нежели у Римлянъ. Безсомнѣнія, оба народа умѣли цѣнить гениальныя произведенія человеческого ума; но Греки сами стремились къ творчеству, тогда какъ Римляне охотно платили греческій артистамъ и поку-

нали дорогой цѣной способныхъ мевольниковъ, чтобы пользоваться ихъ дарованіями, заказывать имъ картины, поэмы, музыку. Они окружали себя артистами, всё-еще питая нѣкоторое презрѣніе къ этимъ людямъ, которые доставляли имъ духовныя наслажденія.

Этомъ напоминаетъ наставленіе лорда Честерфильда своему сыну: «Если ты любишь музыку — прекрасно, держи Итальянца или Француза, который бы бреччалъ струнами или свистѣлъ для твоего удовольствія. Но чтобы я не видѣлъ у тебя флейты передъ губами или скрипки подъ подбородкомъ». Точно также, чтобы усладить гостей своихъ, римскій вельможа платилъ дорогую цѣну наемникамъ, которые плясали, пѣли, часто дрались на провалую во время пиршества, между-тѣмъ какъ Грекъ, дипломатъ или полководецъ, счелъ бы человѣка дурно воспитаннымъ, если бы онъ не имѣлъ талантовъ украшающихъ и оживляющихъ общество. Эпаминондъ, котораго Цицеронъ называетъ величайшимъ изъ мужей Греціи, имѣлъ репутацію хорошаго пѣвца, удивительнаго арюста. Пелопидъ очень граціозно танцевалъ и имѣлъ музыкальный талантъ, а Фемистоклъ, въ зрѣлыхъ лѣтахъ и въ полномъ блескѣ своей славы, не считалъ для себя униженіемъ, извинять свое невѣжество въ этихъ талантахъ, неусыпными заботами о возвеличеніи и прославленіи маленькой, неизвѣстной области. Если Римляне стыдились предаваться сами искусствамъ, какъ это дѣлали Греки, ихъ учителя во многихъ вещахъ, то они не больше подражали имъ и въ учрежденіи публичныхъ игръ, занимавшихъ столь широкое мѣсто въ жизни обонхъ народовъ.

Игры, справлявшіяся въ Олимпіи, въ Немеѣ, на Коринескомъ перешейкѣ, въ Дельфахъ, были національными собраніями всего греческаго народа, походившими нѣсколько на союзную стрѣльбу, каждые два года пропеходящую въ Швейцаріи. При огромномъ стеченіи народа, молодые люди, самые сильные и самые ловкіе, вступали между собой въ соревнованіе, для того чтобы получить призъ, состоявшій въ простомъ вѣнкѣ. Конечно, побѣда приносила выгоду тому, кто одерживалъ ее: его осыпали благодареніи его царя или соотечественниковъ, считавшихъ долгомъ заплатить ему не одними почестями за славу, въ которой участвовала вся родина. Хотя искусство артиста сдѣлалось исключительнымъ занятіемъ только нѣсколькихъ людей, однако оно не только не унижало въ общественномъ мнѣніи того, кто ему предавался, но даже

было всегда въ большомъ почетѣ. Въ эпоху упадка, Фивопалецъ, послѣдняя отрасль знаменитаго рода, колебался, не выбрать ли карьеру атлета, къ которой онъ былъ способенъ по своей физической силѣ; и если онъ отклонился впоследствии отъ этого намѣренія, несмотря на совѣты друзей и желаніе опекуна его, человѣка очень просвѣщеннаго, то это потому что образъ жизни, который онъ долженъ бы былъ вести, помѣшалъ бы его военнымъ занятіямъ, къ которымъ онъ чувствовалъ неодолимое влеченіе. Въ каждомъ городѣ молодые люди всѣхъ состояній, воспитавшіеся вмѣстѣ, упражнялись въ гимнастикѣ и старались превзойти другъ друга въ силѣ и ловкости. Получить годовой призъ считали большою честью для себя и для своего семейства, какъ это можно видѣть, между прочимъ, изъ разговора Ксенофонта, подъ названіемъ «Бавкетъ». Публичныя игры были естественнымъ слѣдствіемъ этого воспитанія; онѣ были дополненіемъ его; тамъ подвизались за верховную награду юные Греки, получившіе уже пальму первенства у себя, между своими соотечественниками. Это соревнованіе городовъ между собою составляло главную привлекательность народныхъ сборищъ. Волненіе возбуждалось въ-особенности живымъ сочувствіемъ, которое питалъ каждый къ своему національному бойцу, и если кровь проливалась иногда, если атлетъ часто падалъ отъ ударовъ полученныхъ въ борьбѣ, то это было несчастье, сопряженное почти со всѣми физическими упражненіями, но никакъ не составляло ни цѣли, ни интересу зрителя. Наконецъ, не одна физическая сила получала призы. Въ музыкѣ, въ пѣніи, въ поэзій было то же соревнованіе, и Геродотъ, на олимпійскихъ играхъ, увлекалъ толпу чтеніемъ своихъ исторій. Побѣдитель возвращался въ свой родной городъ съ триумфомъ; ему воздвигали статую, его кормили въ Пританей, и Пнидаръ, настроивъ свою лиру, воспѣвалъ его подвиги. Въ Римѣ, напротивъ, человѣкъ хорошей фамиліи почиталъ за безчестье явиться въ циркѣ или въ театрѣ. Прыжки, скачки, борьба, возбуждали мало любопытства въ этомъ народѣ. Ему чужбы были рапы, разбросанные члены на аренѣ, кровь льющаяся ручьями. Не за другомъ, не за отечественникомъ слѣдили съ участіемъ зрители: жалкихъ наемниковъ и всего чаще рабовъ и несчастныхъ плѣнниковъ заставляли они рѣзаться для своей потѣхи; и когда одинъ изъ бойцовъ падалъ окровавленный, прося пощадь, нетерпѣливая толпа рѣдко отказывалась отъ удовольствія видѣть, какъ нанесутъ ему послѣдній ударъ. Страсть, Римлянъ

къ гладиаторскому бою превзошла наконецъ всё мѣры. Никто не могъ достигъ извѣстныхъ должностей не давая народу игръ. Во времена Траяна, это неистовство, съ какимъ Римляне слѣдвали смотрѣть на людей умерщвляющихъ другъ друга, достигла высшей степени. Во время побѣды своей надъ Дакией, этотъ монархъ далъ римскому народу игры, которыя продолжались сто-двадцать-три дня и въ которыхъ погибло одиннадцать-тысячъ звѣрей и десять тысячъ гладиаторовъ. Подобныя зрѣлища объясняютъ звѣрство въ некоторыхъ императоровъ. Греки, — которые выказывались болѣе образованными чѣмъ Римляне въ играхъ цирка, — превосходили ихъ также и въ драматическихъ произведеніяхъ. Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, выдерживающіе сравненіе съ новѣйшими, гениальными трагиками, всегда будутъ почитаться великими оригинальными поэтами, между-тѣмъ какъ дошедшія до насъ пьесы Плавта, Теренція, Сенеки, довольно слабы и очевидно болѣею частью заимствованы у Грековъ. Въ Аѳинахъ театръ былъ однимъ изъ важнѣйшихъ учрежденій. Во время реллигозныхъ празднествъ, играли пьесы, представленныя на конкурсъ, и вѣнчали побѣдителей. Величіе содержанія, чистота морали, глубокое уваженіе къ величію боговъ, находящіяся въ драмахъ увѣнчанныхъ Аѳинскимъ народомъ, должны разсѣять въ насъ всё предубѣжденіе противъ него. Между прочимъ, не должно также придавать слишкомъ важнаго значенія въ некоторымъ вольностямъ, встрѣчающимся въ комедіяхъ Аристофана. У Грековъ, женщины не присутствовали при комическихъ представленіяхъ, что допускало гораздо болѣе свободы. Цель Аристофана, всегда благородна и исполнена патріотизма. Комедіи его изобилуютъ идеями самыми высокими, хорами самыми величественными. Грубость, оскорбляющая насъ, была въ обычаѣ, подобно плоскимъ шуткамъ полишинеля. Наконецъ, мы видимъ, что въ некоторые умы возстаютъ на этотъ недостатокъ и что еще при жизни Аристофана было запрещено задѣвать личности. Комедія «Шутусь» уже гораздо скромнѣе. Эти вольности такъ мало способствовали успѣху, что пятьдесятъ лѣтъ спустя Менандръ писалъ комедіи несравненно приличнѣе, какъ объ этомъ свидѣтельствуеетъ Плутархъ и Квинтилианъ и какъ это доказывается произведеніями Теренція, подражавшаго этимъ комедіямъ, и однако же они имѣли немаловажный успѣхъ. Но должно признаться, что рѣшительно непонятно какимъ образомъ зрители, плакавшіе съ Антигоной, приходившіе въ энтузіасмъ отъ «Персовъ» Эсхила, не свистали безнощадно при

сравненыхъ сценахъ «Лизистраты» или «Праздника Цереры». Въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, народъ Аѳинскій остается загадкой. Онъ ничего не дѣлалъ наравнѣ съ другими народами. Онъ жилъ контрастами. Онъ былъ чувствителемъ, полонъ воображенія, энтузіасма къ добру, способенъ на величайшія пожертванія для отчизны; милосердіе его къ несчастнымъ вошло въ пословицу. Онъ оказывалъ трогательную признательность къ внучкѣ Аристогитова, которую нашли бѣдною и оставленною въ Самосѣ, и въ тоже время былъ возмутительно неблагодаренъ къ великимъ людямъ, служившимъ ему. Такъ, напримѣръ, онъ осудилъ на смерть полководцевъ, которые въ Аргивузской битвѣ не могли отыскать мертвыхъ тѣлъ, упавшихъ въ море. Любя покой и удовольствіе, онъ однако же безпрестанно пускается въ новыя экспедиціи; увлеченный энергическимъ Демосѳеномъ, объявляетъ войну могущественному Филиппу и на полѣ сраженія выказываетъ себя достойнымъ своихъ предковъ. Однакоже расположенный рукоплескать смѣшному и патетическому, каламбуру Аристофана и иррачному хору Эсхила, духовный до утонченности, чувственный до животности, онъ не можетъ найти между цовѣйшими знаменитостями ни одного характера, который бы олицетворялъ его собою лучше чѣмъ Стервъ, колкій авторъ «Тристама Шенди», и «Чувствительнаго путешествія». И онъ тоже изображалъ самыя восторженныя чувства человѣческаго сердца. Подъ перомъ его самыя глубокія мысли принимали самую плѣнительную форму. Онъ описывалъ такъ трогательно патетическія положенія, изобрѣтенныя имъ, но иногда намѣренно былъ грубъ и вероуень, хотя всегда устроуменъ и полонъ комизма. Онъ оставилъ намъ поучительныя проповѣди, что не мѣшало ему писать пустячки для своей дочери.—Казалось бы Римляне, народъ суровый и героическій, котораго исторія представляетъ такъ много для драматическаго развитія, должны были любить трагедію и обрабатывать ее съ успѣхомъ. Однако же ничего этого не было. Занятые преимущественно войной и администраціей побѣжденныхъ странъ, они очень поздно начали обращать вниманіе на умственные труды; и это произошло уже послѣ завоеванія Греціи, которая представляла имъ сокровищницу человѣческихъ знаній. Открывъ вдругъ столько превосходныхъ образцовъ, они увидѣли несовершенство своихъ поэтовъ. Походя въ этомъ случаѣ на Германцевъ, семъ сотъ лѣтъ спустя покорившихъ Римъ, Римляне, побѣдители Грековъ, болѣе образованныхъ нежели они, подчинились въ

міръ духовномъ игу побѣжденныхъ. Они одѣлались подражаніями того, чѣмъ восхищались, и между прочими драматическіе авторы довольствовались часто переводами съ греческаго. Но какъ содержаніе греческихъ трагедій было всегда заимствовано изъ исторіи Грековъ или ихъ національной мнѳологіи, то оно не могло интересовать невѣжественную чернь Рима и потому вскорѣ начали подражать, почти исключительно, греческимъ комедіямъ, и между прочими Менандровымъ, потому что изображеніе нравовъ и характеровъ занимаютъ зрителей всѣхъ временъ и всѣхъ классовъ.

Однако же любовь къ комедіи не продолжалась у воннственнаго народа. Честолюбивые льстецы народа старались поощрять страсть Римлянъ къ кровавымъ зрѣлищамъ амфитеатра. Они такъ привыкли смотрѣть на трепещущіе трупы, на физическое страданіе человѣка, дѣйствительно выходящаго на бой, чтобы убить и не быть убитымъ, что сдѣлались совершенно равнодушными къ мнимымъ несчастіямъ трагическихъ героев и ошибкамъ дѣйствующихъ лицъ комедій. Наконецъ самое чувство любопытства, любовь къ перемѣнамъ, столь свойственныя человѣку, были безпрестанно удовлетворяемы зрѣлищемъ чудовищъ привозимыхъ въ Римъ изъ глубины Африки, для того чтобы терзать другъ друга въ виду черни, столь же кровожадной какъ и ея жертвы. Теренцій жалуется, въ прологѣ къ «Гецпрѣ», что во время представленія одной изъ лучшихъ пьесъ его, когда начало было принято съ одобреніемъ и первый актъ совершенно удовлетворилъ публику, вдругъ пронесся слухъ, что идетъ труппа канатныхъ плясуновъ и гладіаторовъ. Вмигъ распространилось повсюду смѣтеніе и толпа мужчинъ и женщинъ, съ ругательствами выгнавъ изъ театра автора и актеровъ, впустила на опустѣвшую сцену народныхъ любимцевъ. Хотя въ комедіяхъ Плавта и трудно отличить то, что принадлежитъ ему собственно, отъ того, что заимствовано у Грековъ, однако тѣмъ не менѣе достоверно, что большая часть сюжетовъ и сценъ у него — иностраннаго происхожденія. Всѣ пьесы Теренція и Сенеки — явные подражанія; только одна изъ драмъ послѣдняго, «Октавій», вертится на римскомъ сюжетѣ. Какъ ни сильно однако же было вліяніе греческой литературы въ Римѣ, всё-таки удивительно, что люди съ талаптомъ, каковы были латинскіе драматурги, не стремились къ оригинальному творчеству, а довольствовались однимъ подражаніемъ. Это можетъ быть объяснено развѣ тѣмъ, что каждый, какимъ бы талаптомъ ни обла-

даже онъ, любить чтобы успѣхъ доставался ему безъ большого труда. Авторы видѣли, что сдѣлать сборъ и заслужить рукоплесканія можно также хорошо и переводомъ какъ и оригинальнымъ произведеніемъ, а потому у нихъ не было большой охоты трудиться надъ новыми созданіями и предлагать ихъ на судъ безграмотнаго народа, всегда готоваго предпочесть имъ опасныя прыжки акробатовъ, удивлявшихъ его своею ловкостью.

Люди воспитанные въ роскоши и наслаждавшіеся независимымъ положеніемъ боялись подвергаться подобному безчестию. Авторы того времени не имѣли, какъ нынѣшніе, подъ рукой журналовъ, въ которыхъ бы они могли жаловаться на дурной приемъ, оказанный имъ пьесъ, и эта отрасль литературы попала въ руки людей низшаго сословія. Ливій Андроникъ и Теренцій были оба освобожденные рабы; наконецъ Плавтъ, второй по чистотѣ, но первый по оригинальности, былъ сынъ вольноотпущеннаго и, какъ говоритъ преданіе, долженъ былъ вертѣть жерновъ у булочника, чтобы прокормить себя.

Мы уже сказали, что въ Римѣ, не только комики, но и трагики заимствовали сюжеты и постройку пьесъ у Грековъ. Безъ сомнѣнія, политическія смуты, могущество фамилій, которыхъ предковъ должно было вывести на сцену, препятствовали авторамъ черпать изъ богатаго источника ихъ національной исторіи, доставившей столько сюжетовъ новѣйшимъ драматургамъ. Желая избѣгнуть преслѣдованій и вражды партій, существовавшихъ тогда какъ и въ героическія времена Рима, и можетъ быть даже еще съ большимъ упорствомъ, они сочли за самое благоразумное, держаться середины, пользоваться исторіей чужаго народа, и выводить на сцену героевъ и боговъ равно всѣмъ уважаемыхъ.

Послѣ холодныхъ распадій Сенеки трагика—зававѣсь римскаго театра опускается, и по этому поводу весьма любопытно замѣтить, какъ коротки въ исторіи народовъ эпохи, въ которыя являлись великіе мастера драматическаго искусства. Подобно созвздію они блестятъ и исчезаютъ вмѣстѣ, предшествуемые и сопровождаемые свѣтилами менѣ яркими.

Эсхиль, Софокль, Эврипидъ, Аристофанъ были современники въ полномъ смыслѣ слова. Пятьдесятъ лѣтъ спустя, Менаандръ и Филемонъ оспариваютъ другъ у друга пальму первенства. Въ Римѣ драматическое искусство процвѣтаетъ отъ Эннія до Акція, то есть восемьдесятъ лѣтъ, впродолженіи которыхъ явились Энній, Невій, Пакувій, Плавтъ и Теренцій. Будучи несовершенно современниками, они од-

нако же слѣдовали другъ за другомъ безъ перерыва. Точно такъ же въ Англіи при Елисаветѣ, во Франціи при Людовикѣ-Четырнадцатомъ, въ Испаніи при Филиппѣ Второмъ и Филиппѣ-Третьемъ появлялись драматическіе авторы, которыхъ слава, помрачивъ предшественниковъ, уничтожила даже и тѣхъ, которые послѣдовали за ними.

Въ греческомъ театрѣ занимательность интриги часто основывается на обычаяхъ крайне возмутительномъ, по которымъ драматическіе авторы иногда пользовались съ большимъ успѣхомъ, для того чтобы развязать пьесу или произвести неожиданный эффектъ. Мы говоримъ о подкидываніи поворожденныхъ. Мы называли это обычаемъ, потому что эта жестокость, по всей вѣроятности, дѣйствительно была въ отдаленныя времена обычаемъ, котораго тѣнь еще оставалась въ Греціи, несмотря на просвѣщеніе ея. Это было выраженіемъ неограниченной власти, которую родители имѣли надъ своими дѣтьми, въ Римѣ — во все время, въ Афинахъ — до Солона. Однако же историки и авторы греческіе, исключая комиковъ, никогда не упоминаютъ о младенцахъ, осужденныхъ умереть отъ голоду и холоду, если ихъ не поднималъ какой-нибудь продавецъ псевольниковъ, и потому нельзя безусловно вѣрить, чтобы это явленіе было слишкомъ спльно распространено въ странѣ, населенной свободными людьми, которые безпрестанно вели войну и гдѣ не только клонились безбрачіе, но даже, во время пелопонезской войны, предлагали *двоеженство*, какъ мѣру для увеличенія числа гражданъ въ государствѣ. Если бы кто-нибудь по комедіямъ Мольера вывелъ заключеніе, что при Людовикѣ-Четырнадцатомъ, во Франціи, ежедневно Цыганы похищали дѣтей, то это возбудило бы только смѣхъ. Когда фактъ имѣетъ хоть тѣнь вѣроятности, то писатель уже вправѣ имъ воспользоваться, но другіе авторы употребляли слишкомъ во зло этотъ способъ развязывать свою интригу. Было бы несправедливо обвинять афинскихъ дамъ въ пьянствѣ, грубости и домашнемъ воровствѣ, основываясь на томъ, что говорятъ въ своихъ комедіяхъ Аристофанъ, чтобы разсмѣшить свою публику. Точно также ни какой благоразумный человекъ не станетъ судить о нравахъ французскихъ дамъ и объ умѣ ихъ мужей, по водевилямъ, которые играютъ на парижскихъ и другихъ сценахъ. Въ этихъ пьесахъ интрига почти всегда вертится на одномъ и томъ же; всегда почти является въ нихъ хорошенкая женщина, немножко кокетка, немножко сантиментальная, обманывающая глупѣйшее въ мірѣ существо,

которое называется ея мужемъ. И никогда не извиняли такъ неутѣренность жены какъ вышче, никогда обманутый не казался смѣшнѣе, какъ въ наше время. Когда общество клѣймилъ слабыхъ мужей, театръ давалъ имъ высокую роль; когда въ обществѣ власть родительская превышала всякую мѣру, сцену наводняли отцы, которыхъ водятъ за носъ сыновья-негодяи: такъ драматическіе авторы, желая заинтересовать къ своему идеальному міру, всегда выбирали противное тому, что представляло общество на каждомъ шагу. Ничѣмъ такъ рѣзко не обозначается различіе между нравами западныхъ народовъ и восточныхъ, между цивилизаціей однихъ и полуварварствомъ другихъ, — какъ положеніемъ женщины въ Европѣ и въ Азіи.

Въ Малой Азіи, какъ и во всѣхъ прекраснѣйшихъ странахъ земнаго шара, теплота атмосферы развиваетъ чувственность жителей. Плодотворность земли дѣлаетъ участь земледѣльца менѣе тягостною и онъ безъ труда можетъ содержать себя одну или двухъ женщинъ. Поэтому мы видимъ, что женскій полъ, во всѣ времена, составляетъ тамъ предметъ роскоши, стережется весьма строго и не имѣетъ ни въ семействѣ, ни въ обществѣ, почти никакого вліянія. Народы Востока сохранили, въ отношеніи къ женщинамъ, варварство первобытныхъ временъ, когда мужчина не заблудился возбуждать къ себѣ нѣжныя чувства, которыя онъ презиралъ, и довольствовался имѣть рабыню вмѣсто подруги. То же климатическое вліяніе, соединенное съ неподвижностью, свойственною всѣмъ народамъ, гдѣ существуетъ многоженство, мѣшало и развитію политической жизни этихъ народовъ и привело это *status quo*, характеризующее восточныхъ. Каковы они теперь, таковы почти они были и за нѣсколько тысячъ лѣтъ. Нѣкоторыя личности, болѣе дѣятельныя, часто съ помощью чужеземцевъ, обращали себѣ въ пользу эту апатію и отъ времени до времени подчиняли всѣ эти слабыя воли своей волѣ. Они изгоняютъ одну династію, чтобы посадить другую, которая, въ свою очередь, свергнута какимъ-нибудь счастливымъ похитителемъ, — вотъ приблизительно вся исторія азіатскихъ народовъ.

Заселеніе сѣверной Европы тѣми же расами имѣло совершенно другой результатъ. Чувственные инстинкты получили меньшее развитіе, по причинѣ суроваго климата. Должно было больше трудиться для своего содержанія. Неблагодарная почва требовала воздѣлки. Только постоянный трудъ вознаграждался хорошимъ урожаемъ. Человѣку нужна была помощница; женщина сдѣлалась не

игрушкой, а подругой своего мужа, и въ этомъ качествѣ приобрѣла огромное вліяніе на частную жизнь и на общественную. Одноженство взяло перевѣсъ на Западѣ и съ нимъ родилась подвижность капитала, почти неизвѣстная на Востокѣ, гдѣ семейство размножалось до безконечности. Эта подвижность капитала, давъ возможность каждому приобрести свою часть, развило въ человѣкѣ сокрытыя силы. Ему стали необходимы обезпеченія, сложные законы для защиты своего права собственности.

Преданіе имѣло вѣсу лишь на столько, на сколько оно согласовалось съ правами и разумомъ. Можетъ показаться парадоксальнымъ, если сказать, что въ бѣдной странѣ съ женщиной всегда обращаются лучше, нежели тамъ гдѣ все въ изобиліи; и однако же одно есть естественное слѣдствіе другаго. Маккиавель, этотъ глубокой политикъ, думалъ, что должно выбирать «для заведенія колоній страны не богатѣйшія, но тѣ, которыя безплодны, какъ мѣста, гдѣ умъ человѣка лучше процвѣтаетъ.»

Прибавьте къ этимъ различнымъ элементамъ домашней жизни — злму, дѣлающую человѣка предусмотрительнымъ, умѣреннымъ, приучающую его жертвовать настоящимъ наслажденіемъ будущимъ пуждамъ, словомъ, требующую всѣхъ добродѣтелей, которыми особенно отличаются женщины. Вотъ болѣе чѣмъ нужно причинъ, для объясненія того уваженія, которое имѣли почти всегда къ женскому полу европейскіе народы и преимущественно племена германскія.

Но если эти причины объясняютъ, по крайней мѣрѣ частью, различіе между нравами Азіятцевъ и Европейцевъ, то нужно однако жъ признаться, что у древнихъ мы не встрѣчаемъ такого вліянія климата на отношенія къ женщинамъ. Въ Аѳинахъ съ женщинами обращались хуже нежели въ Римѣ и Спартѣ, хотя Греція далеко не такъ плодородна какъ Италия, а почва Аттики была самою безплодною въ Греціи. Въ Спартѣ, странѣ богатой, и гдѣ климатъ весьма теплый, женщина была уважаема болѣе чѣмъ въ какой-нибудь странѣ древности. Если мы отбросимъ ложное негодование къ нѣкоторымъ обычаямъ, которые кажутся намъ унижительными, но которые свидѣлствуютъ о великой простотѣ нравовъ этого народа, то мы должны будемъ признать, что только въ Спартѣ женщина получала почти одинаковое воспитаніе съ мужчиной и пользовалась равными съ нимъ правами,—по крайней мѣрѣ сколько позволялъ ей полъ.

Ликургъ хотѣлъ, чтобы женщинъ развивали такъ же тщатель-

но какъ и мужчинъ. Онѣ имѣли полную свободу выходить, когда и куда имъ угодно, и быть въ обществѣ мужчинъ, которые не боялись показываться съ ними въ публикѣ. И зато нигдѣ женщины не выказывали столько пламенной любви къ отчизнѣ, столько непоколебимой преданности мужьямъ, столько материнскаго самопожертвованія!

Воспитаніе, которое получала женщина въ Афинахъ, было совсѣмъ иное. Запертая въ гинекеяхъ до самаго замужства, онѣ не знали духовныхъ наслажденій, наполнявшихъ половину жизни ихъ мужей. Не имѣя ни восторженной любви къ отчизнѣ, ни душевной твердости спартанскихъ женщинъ, ни умственного развитія, которое онѣ должны бы были имѣть, онѣ во многихъ отношеніяхъ стояли ниже своихъ мужей и принуждены были заниматься исключительно хозяйствомъ. И зато, какъ ни ограничены наши свѣдѣнія о Спартѣ, отъ которой не осталось ни одного оригинальнаго памятника, мы знаемъ, что лѣтописи этого города наполнены именами лакедемонскихъ женщинъ, замѣчательныхъ своимъ вліяніемъ, своими дѣйствіями, своими добродѣтелями, тогда какъ въ исторіи Аѳинъ, столь подробной, не упоминается, за исключеніемъ Аспазіи, ни объ одной женщинѣ, которой имя заслуживало бы перейти къ потомству.

Мужъ, не находя въ женѣ ничего, что бы могло его удерживать дома, искалъ развлеченія въ политическихъ преніяхъ, въ театрахъ, куда женщины показывались только во время представленія трагедій.

Однако же всѣ эти занятія не могли замѣнить мужчинъ женскаго общества, недостатокъ котораго всегда будетъ оставлять въ жизни его пустоту. При такомъ порядкѣ вещей, для удовлетворенія требованій, необходимо должна была явиться продажность. Богатымъ людямъ стали предлагать общество женщинъ, обладавшихъ всѣми качествами и талантами, которыя въ греческихъ гинекеяхъ оставались въ пренебреженіи. Вооруженныя всѣми прелестями и обольщеніями, эти женщины называли себя гетерами (подругами); онѣ, подобно Нинонѣ Ланкло, стояли выше простыхъ куртизанокъ, хотя и были, болѣе или менѣе, презираемы, смотря потому, на какой погѣ онѣ держали себя съ своими посятителями; предавались ли крайностямъ или были умѣренны. Нѣкоторыя были особенно знамениты, какъ напримеръ Аспазія. Необыкновеннымъ умомъ своимъ и прелестями она умѣла подчинить себя Перикла, поучавшагося у нея,

какъ онъ самъ говорилъ, хорошо управлять; и даже Сократъ не пренебрегалъ, въ бесѣдѣ ея, искать уроковъ мудрости. Честные граждане водили къ этимъ гетерамъ своихъ женъ, чтобы сформировать ихъ. Замѣчательнѣйшіе люди собирались въ ихъ домахъ, разсуждать о предметахъ человѣческаго знанія, и когда видѣли какого нибудь Сократа, предписывающаго эту школу Алкивиаду, для усовершенствованія его, то за неимѣніемъ достаточныхъ подробностей, невольно прекращаемъ свои сужденія о томъ, какое было въ дѣйствительности положеніе этихъ странныхъ женщинъ? Обстоятельства, вредившія семейной жизни въ Греціи, существовали не въ одинаковой степени въ Римѣ. Женщины принимали участіе въ жизни мужчинъ, и куртизанка, со всѣми ея оболъщаніями, была плодомъ, перенесеннымъ изъ Греціи. Римскія жены; по-крайней-мѣрѣ въ цвѣтущія времена республики, блистательно оправдывали своими добродѣтелями почесть, которыми пользовались, и вліяніе, которое имѣли на общественную и домашнюю жизнь своихъ мужей. Дочь Сципіона не только родила Гракховъ, но и воспитала и образовала ихъ. Порція была повѣренною всѣхъ тайнъ Брута. *Foemina foeminae nil levitatis habens* (женщина не пибющая ни сколько женской легкости). Тогда какъ Квинтиліанъ описываетъ греческую женщину, такимъ образомъ: «Супруга есть та, которую выбираютъ и съ которой соединяются только потому что она полезна.» Она какъ-будто изобрѣтена для того, чтобы имѣть дѣтей, и это единственная причина, побуждающая взять ее. Нужно сознаться, что Греки, при всей своей мудрости, были весьма странны въ обращеніи съ женщиной. Въ домашней жизни, они держали себя высокомерно, боялись нарушить свое достоинство, тогда какъ въ домѣ предавались разврату, не стыдились самого дурнаго общества.

Такое обращеніе конечно должно было развитъ въ аѳинскихъ женщинахъ чувства рабынь и онѣ не умѣли вдохнуть въ своихъ сыновей, подобно римскимъ и лакедонскимъ женщинамъ, ту великость духа, то самопожертвованіе, которыя поддерживаютъ народъ въ бѣдствіяхъ! И зато, при первой неудачѣ, Аѳины пали. Семидесяти пяти лѣтъ было имъ достаточно, для того чтобы достигъ высочайшей степени могущества, и семидесяти-пяти лѣтъ было достаточно для ихъ совершеннаго разрушенія!

У Грековъ также какъ и у Римлянъ и какъ у новыхъ народовъ, мужской полъ будучи одинъ законодателемъ, позаботился

опредѣлить за невѣрность жены наказаніе гораздо строжайшее, чѣмъ за невѣрность мужа. Въ Греціи, мужъ имѣлъ право позволить себѣ, съ невѣрною женой, всѣ возможныя жестокости, исключая убійства. Разводъ безъ возвращенія приданого, публичный позоръ, отлученіе отъ релігіозныхъ обрядовъ и изгнаніе изъ храмовъ, вотъ, что ожидало невѣрную жену. Кто встрѣчалъ ее на улицѣ нарядною, могъ сорвать съ нея украшенія и бить ее, не изувѣчивая однако же. Что же касается до ея сообщника, мужъ имѣлъ право убить его, если застанетъ на мѣстѣ преступленія; бить, оскорблять и наконецъ заставить его заплатить пеню. Однако же, если мужъ могъ требовать развода въ случаѣ невѣрности жены или ея безплодности, жена могла въ свой чередъ требовать его, и если причины, представленныя ею, оказывались уважительными, ей возвращалось приданое. Вслѣдствіе этого богатыя женщины имѣли большое вліяніе на своихъ мужей и любили дать имъ почувствовать ихъ зависимость, угрожая разводомъ, какъ Плавтъ выставляетъ это въ своихъ комедіяхъ. Въ Греціи однако жъ не такъ легко было получить разводъ, какъ въ Римѣ. Въ этомъ городѣ дошли наконецъ до того, что, при императорахъ, брали и оставляли другъ друга по произволу, потому что сами супруги или лица, выбранныя ими изъ друзей, были одни судьями въ дѣлѣ развода, тогда какъ у Афинянъ только высшія должностныя лица называвшіяся оемосостами, могли расторгнуть бракъ; что и дѣлало разводъ явленіемъ весьма рѣдкимъ.

Правда, что Римляне зато хвалялись, что они не знали развода въ теченіи шести-сотъ лѣтъ. Но одна изъ тысячи сказокъ, наполняющихъ исторію первыхъ вѣковъ Рима, не можетъ еще доказать что Карвелій Руга былъ первый отвергнувшій жену свою. Самая причина даже, побудившая благороднаго Карвелія разстаться съ обожаемою супругой, дѣлаетъ въ отношеніи къ нему эту исторію сомнительною. Онъ въ юности поклялся передъ цензорами жениться, чтобы даровать государству гражданъ, но какъ жена его была безплодна, то онъ рѣшился перенести лучше самое тяжкое горе, чѣмъ нарушить свою клятву, и бросилъ старую жену для того, чтобы взять молодую. Но семьдесятъ лѣтъ до Карвелія, законъ двѣнадцати таблицъ опредѣлилъ точную формулу, которая одна давала законность разводу. Когда же выходили законы, когда опредѣлялись формулы для неизвѣстныхъ случаевъ, для предупрежденія еще не бывалаго? Эта фор-

мула замѣчательна тѣмъ, что отличаясь первоначальной грубостью, она въ то же время справедлива къ отвергнутой женщинѣ и оставляетъ ей ея имущество: «Возьми съ собой свои вещи; унеси съ собой, что принадлежитъ тебѣ; выходи сейчасъ; сейчасъ; пошла вонъ, пошла вонъ, женщина, оставь домъ.»

Не болѣе вѣроятности заслуживаютъ, кажется, и слова Спартанца Герадоса, который говоритъ, что скорѣе увидимъ быка пьющаго воду въ Эвротасѣ, протянувъ шею черезъ Тайгетскую гору, чѣмъ найдемъ хоть одну Лакедемонянку певѣрную своему мужу. Правда, нѣкоторые писатели утверждали, что Лакедемоняне не стыдятся, состарѣвшись, одолжать женъ своихъ молодымъ людямъ, свѣжымъ и свѣлымъ, чтобы имѣть отъ нихъ хорошихъ дѣтей, или холостымъ друзьямъ, чтобы доставить имъ наслѣдника. Но молчаніе многихъ современныхъ авторовъ объ этомъ странномъ обычаѣ, чистота спартацкихъ женщинъ, вошедшая въ пословицу, наставленіе Лякурга замужнимъ женщинамъ не выходить изъ дому безъ покрывала, потому что онѣ должны нравиться только мужьямъ своимъ; запрещеніе мужчинамъ хвалить чужихъ женъ,—все это доказываетъ что Лакедемоняне были не менѣе другихъ ревнивы, и позволяютъ сомнѣваться въ возможности подобныхъ одолженій. Чтò же касается до предположенія нѣкоторыхъ, что этотъ обычай существовалъ и у Афинянъ, то оно не заслуживаетъ даже опроверженія. Если Тертуліанъ и говоритъ, что Сократъ уступилъ свою жену Ксантипу, Алкивиаду, то не вужно забывать, что Тертуліанъ жилъ шесть сотъ лѣтъ спустя послѣ Сократа и что онъ, какъ жертва нетерпимости язычниковъ, какъ апологистъ христіанъ, могъ сказать это въ негодованіи, но въ наше время, кажется, можно быть вполне христіаниномъ и не позорить Сократа...

Легкость, съ какою въ Римѣ получали разводъ, породила дѣйствительно нѣчто подобное обычаю приписываемому Спартаццамъ и здѣсь фактъ лучше доказанъ. «Гортензіи, говоритъ Плутархъ, сильно желая породниться съ другомъ своимъ Катономъ, просилъ у него руки его дочери Порціи, жены Бибула, отъ котораго она не имѣла дѣтей. Но Катонъ отвергъ его предложеніе какъ безразсудное. Тогда Гортензіи сталъ упрашивать его, уступить ему жену свою Марцію, отъ которой у Катона уже было двое дѣтей и которая была беременна третьимъ. Катонъ, видя чрезвычайное желаніе своего друга, отвѣчалъ, что переломитъ себя, если только Филиппъ, отецъ Марціи, согласится на это дѣло.

Филиппъ потребовалъ совершеннаго отреченія со стороны Катона и Марція вышла за Гортензія. Но по смерти его Катонъ, уважавшій Марцію и желавшій возвратить своимъ дѣтямъ мать, женился на ней вторично. И однакожъ Катонъ былъ весьма честный человекъ, также какъ и Гортензія и какъ Филиппъ, общій тестъ ихъ: всѣ трое были извѣстны за благороднѣйшихъ гражданъ. Судите же, какія неудобства должны были вытекать изъ этого порядка вещей, которыми злые могли пользоваться, также какъ и добрые, и которыми они дѣйствительно пользовались безнаказанно.

Нѣкоторые ученые упрекали Плутарха, за тѣмъ онъ писалъ, что у Римлянъ было дозволено одолжить жену свою другому и потомъ взять ее опять. Но Плутархъ вовсе не утверждаетъ, что бы это былъ дозволенный обычай, когда говоритъ, что Катонъ находитъ просьбу Гортензія весьма странною. Онъ послѣ уступилъ ему жену свою, но не *одолжилъ*; онъ сперва развелся съ нею и потомъ уже егo другъ женился на ней. Когда же онъ снова взялъ ее, они вступили въ новый союзъ, какъ это сдѣлали бы два совершенно чуждые другъ другу лица. Страбонъ также рассказываетъ этотъ фактъ. Исторія императоровъ показываетъ, до какихъ злоупотребленій можетъ довести это легкое допущеніе разводовъ.

Законъ безпрестанно прибавлялъ новые предлоги, оправдывавшіе разводъ, къ тѣмъ, которые уже существовали, и усилія нѣкоторыхъ государей помѣшать этой крайности оставались тщетными, по той же самой причинѣ, по какой не возымѣли дѣйствія и декреты Августа относительно этого предмета.

И въ самомъ дѣлѣ, проповѣдуя противное своимъ законамъ, этотъ императоръ самъ бросилъ двухъ женъ и взялъ третью во время беременности ея, заставивъ ея мужа развестись съ ней. Примѣръ этотъ часто повторялся впоследствии. Одно изъ величайшихъ благъ, сдѣланныхъ христіанствомъ, есть формальное запрещеніе вторичнаго союза между разведенными. Они дали прочность учрежденію, превратившемуся въ контрактъ для соблюденія денежныхъ интересовъ между супругами. Бездѣлицы, каприза достаточно было для разрыва, имѣвшаго часто самое губительное вліяніе на участь бѣдныхъ дѣтей, которыхъ отецъ находился вынужденнымъ поручать рабамъ.

Поле военныхъ учрежденій у Грековъ и Римлянъ слишкомъ обширно, и потому мы ограничимся только тѣмъ, что имѣло вліяніе на частную жизнь и права обонхъ народовъ. Это вліяніе

на людей проводившихъ одну половину жизни въ войнѣ, а другую въ военныхъ упражненіяхъ, не могло не быть сильна. Фаланга и легионъ состояли только изъ свободныхъ гражданъ. Въ Римѣ бѣдные и пролетаріи были освобождены отъ военной службы и потому родъ награды былъ болѣе почетный чѣмъ денежный, а наказанія выбирались болѣе безславныя чѣмъ физическія. Дезертерство и отказъ отъ завербовки, или неявка на площадь послѣ сбора, наказывались однако же смертью, — даже въ Греціи, гдѣ дисциплина была не такъ строга какъ въ Римѣ. Въ Спартѣ, напротивъ, дезертеръ долженъ былъ лишиться не жизни а чести. Лакедемонянки, которыхъ единственнымъ украшеніемъ было мужество ихъ сыновей и супруговъ, иногда сами убивали виновныхъ, желая смягчить наказаніе слишкомъ жестокое по ихъ понятіямъ, но слишкомъ слабое по нашимъ.

Смерть еще не почиталась самымъ страшнымъ зломъ какое только могло постигнуть Спартаца. Подлый гражданинъ былъ опозоренъ, лишенъ права занимать публичныя должности. Каждый могъ бить его во всѣхъ мѣстахъ; его выставляли полу-обригаго и въ особенной одеждѣ на посмѣяніе народу. Харондъ, законодатель Туріума, колоніи афинской, наказываетъ подлеца, заставляя его три дня сряду появляться на народной площади въ женской одеждѣ. Въ Римѣ существовало наказаніе еще болѣе странное и котораго происхожденіе трудно объяснить: тамъ струсившему солдату пускали кровь.

Римляне, въ противоположность Грекамъ, часто казнили смертью. Случалось что консулъ осуждалъ на смерть десятаго въ легионѣ, сдѣлавшемъ какое-нибудь важное преступленіе. Дезертеровъ и воровъ часто засѣкали до-смерти или побивали камнями. Однакоже посреди этой роскоши варварскихъ наказаній иногда встрѣчается то, что Беконъ называетъ «дикимъ правосудіемъ». Замѣчательный примѣръ этого представляютъ поступки съ дезертерами и переметчиками, попавшимися въ руки Римлянъ, въ концѣ второй пунической войны.

Титъ-Ливій говоритъ: съ переметчиками поступали строже нежели съ дезертерами. Союзники латинскаго имени были обезглавляемы, Римляне распинаемы на крестѣ.

Вегецій разсказываетъ объ одномъ учрежденіи, существовавшемъ въ римской арміи, которое онъ называетъ божественнымъ и которое бы весьма желательно видѣть введеннымъ въ нынѣшнія войска. Какъ ящца, одежда, оружіе давались солдату отъ го-

сударства, то жалованье было весьма ограничено, но казачьи дѣлаи иногда пожертвованія и половина части каждаго солдата была дружна на сохраненіе знаменищу, чтобы всего бесполезно не растратывали. Это была настоящая оберегательная касса, которая не только обезпечивала довольство солдата, но, какъ говоритъ Вегецій, сильно привязывала его къ знамени и поощряла на защиту его. Кроме того, въ каждой палаткѣ, заключающей въ себѣ десять человѣкъ и ихъ десятника (decanus), находился сундукъ, куда каждый солдатъ клалъ извѣстную часть, которая должна была идти на его похороны, въ случаѣ если его убьютъ на войнѣ. Въ этой общинѣ, товарищи умершаго всегда присутствовали при погребеніи его.

Другое обыкновеніе древнихъ, забытое въ періодъ невѣжества среднихъ вѣковъ, погребать мертвыхъ внѣ города. Законъ двѣнадцати таблицъ говорилъ положительно: « Не сожигай, не хорони въ городѣ человѣческаго трупа.» Только Ликургъ, желая приучить свой народъ къ мысли о смерти, повелѣлъ хоронить гражданъ въ Спартѣ. Это повелѣніе, противорѣчившее общему обычаю тѣхъ временъ, и тотъ фактъ, что въ Римѣ кладбище рабовъ и бѣдныхъ находилось на Эквилинской Горѣ, которую оно наполняло зловредными миазмами, до тѣхъ-поръ пока Августъ не уступилъ эту землю Мепенату, очистившему ее отъ всего, что дѣлало ее нездоровою, — доказываютъ что обычай древнихъ основывался не на гигиенической причинѣ, но на отвращеніи къ смерти, которое заставляло ихъ, какъ жидовъ, считать мертвое тѣло предметомъ нечистымъ, оскверняющимъ все, что прикоснется къ нему. Въ этомъ отношеніи христіанство возстановило обычай, предписанный Ликургоу своему народу, чтобы приучить его къ идеѣ о смерти. Христіанство, отдѣливъ отъ этой идеи все, что было въ ней ужаснаго, скоро заставило своихъ послѣдователей уважать останки тѣхъ, которыхъ они потеряли, и помѣщать ихъ въ самый священномъ мѣстѣ. Только полицейская и гигиеническая мѣра имѣла право уничтожить такое обыкновеніе.

Равенство людей передъ Богомъ, въ слѣдствіе котораго, естественно, всѣ равно обязаны уважать законъ; новое положеніе женщины, согласное съ ея качествомъ — подруги мужчины; уничтоженіе неограниченной власти родителей надъ дѣтьми; супружеская связь, сдѣлавшаяся священною и ненарушимою, совѣмъ иначе чѣмъ это понимали прежде; нравы явно очищенные и смягченные; несравненно менѣе жестокости на войнѣ; наконецъ

блага цивилизаціи, составлявшей прежде исключительное достоинство нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, разбѣянныхъ между сотнями милліоновъ, вотъ,—не говоря уже объ утѣшеніяхъ и правилахъ, представляемыхъ всею христіанскою религіею,—вотъ огромныя преимущества отличающія современное положеніе человѣка отъ положенія его въ прошедшія времена....

Ни одинъ народъ, можетъ-быть, не будетъ никогда имѣть гонія Аеннянъ, но сто націй гораздо большихъ имѣютъ столько же мужества и прочныхъ знаній, сколько имѣла эта знаменитая чернь, и сверхъ-того въ особенности превосходить ее нравственно.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

О ПРЯДИЛЬНЫХЪ И МАСЛЯНЫХЪ РАСТЕНИЯХЪ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Между полевыми масляными растениями, разводными единственно для добывания изъ сѣмянъ ихъ масла, первое мѣсто занимаютъ «рапсъ» и «сурѣпица», по обширному воздѣлыванію ихъ во многихъ странахъ западной Европы, преимущественно въ Германіи, Даніи, Бельгіи, Франціи и Италіи. Въ Россіи эти масляныя растенія еще не вошли въ обыкновенное полеводство, по причинѣ сильнаго распространенія конопли и льна, но въ нѣкоторыхъ краяхъ рождаются дико и собираются для масла. Въ Малороссіи, лѣтнюю сурѣпицу, растущую во множествѣ между хлѣбными посѣвами, особенно между яровыми, раздѣляютъ на два рода, подъ названіями: «свырѣпа рогата» и «свырѣпа безрога». Рогатая свырѣпа имѣетъ стебель внутри дуловатый, ломкій, очень сочный, толстый, облупливающейся, нѣсколько горьковатый, вкуса рѣдичнаго; листья темвозеленые, большіе, съ острыми зубурнами, отчего и дано ей названіе «рогатой». Въ дожд-

ливое лѣто, на низменныхъ мѣстахъ, она родится изобильно и цвѣтетъ въ сентябрѣ, а въ ячменяхъ, пшеницахъ и овсахъ разцвѣтаетъ съ половины до конца мая и даже въ первыхъ числахъ юня, смотря по состоянію весны, прежде безрогой свырипы. Масла изъ сѣмянъ рогатой свырипы выходитъ очень мало и потому ея не собираютъ. Безрогоя свырипа родится во всѣхъ яровыхъ хлѣбахъ, изрѣдка также и въ озимыхъ. Стебель у нея круглый, бѣлозеленый, крѣпкій, безъ дупла, вѣтвистый; листья свѣтлозеленые, съ небольшими тупыми выемками; оттого и называется она «безрогою». Цвѣтки ея яркожелтые, лучше и медистѣе, нежели у «рогатой». Она начинаетъ цвѣсть нѣсколько позже рогатой свырипы, а иногда и въ одно время съ нею. Изъ сѣмянъ безрогой свырипы выжимается масла болѣе нежели изъ льняныхъ и конопляныхъ. Это свырипное масло душисто и горьковато, но если сѣмяна опарены кипящею водою и потомъ въ горячей печи засушены, то даютъ масло негорькое. Привыкшіе къ нему Малороссіяне предпочитаютъ его конопляному и льняному маслу. Въ черниговской губерніи, по созрѣніи безрогой свырипы, ходятъ собирать ее съ хлѣбныхъ полей, выдергивая съ корнемъ какъ левъ. Набранную свырипу спосаятъ къ одному мѣсту и, на разостланной въ полѣ холстинѣ, вымолачиваютъ зерна, провѣвають ихъ и такимъ образомъ бѣднѣйшіе поселяне заготавливаютъ сѣмя для масла на годовую потребность семьи. Масло изъ свырипы идетъ у нихъ на постную пищу и на освѣщеніе *. Въ окрестностяхъ Арзамаса, въ нижегородской губерніи, добывается масло изъ растенія того же роду, которое въ великороссійскихъ губерніяхъ вообще называютъ «сурѣпницею». Это сурѣпное масло съ давняго времени отправляется изъ Арзамаса въ разные внутренніе города и наиболѣе въ Петербургъ, гдѣ его употребляютъ на освѣщеніе **.

Рапсъ и сурѣпница весьма часто принимаются за одно и то же растеніе, тогда какъ они существенно различны, хотя воздѣлываніе ихъ во многихъ отношеніяхъ одинаково.

По ботаникѣ, оба растенія принадлежатъ къ роду капусты (brassica), но къ свойствамъ капустной породы болѣе подходитъ рапсъ, а сурѣпница свойствами похожа на рѣпу. Рапсъ имѣетъ большіе свѣтлозеленые листья и свѣтложелтые цвѣтки. У сурѣпницы листья темнозеленые, въ первое время покрыты крѣпко-

* См. № 22 Земледѣльческаго Журнала, 1835 года.

** См. № 96 Земледѣльческой Газеты, 1836 года.

ватыми волосками; цвѣтки ея нѣсколько темнѣе. Главный корень рапса крѣпче и почти цилиндрической, какъ у хвѣна. Корень сурѣпицы подобенъ веретену, нѣбѣтъ сходство съ рѣвнымъ корнемъ и если для него довольно мѣста, то вырастаетъ иногда въ видѣ настоящей рѣпы. Стволъ рапса крѣпче и выше; боковыя вѣтви его обыкновенно выходятъ не снизу, а на нѣкоторой вышинѣ и растутъ не столько къ верху, сколько горизонтально. Стручки (сѣмянныя головкп) и сѣмяна крупнѣе. Зерна у сурѣпицы бураго цвѣту, у рапса — черноватыя. Овъ высѣвается ранѣе сурѣпицы, менѣе подверженъ вызябанію, цвѣтетъ и созреваетъ позже и даетъ болѣе масла и соломы. Получаемое изъ рапса масло лучше сурѣпнаго, потому что оно жирнѣе и не такъ скоро выгораетъ.

Сравнивая это описаніе рапса и сурѣпицы съ описаніемъ отличительныхъ признаковъ малороссійской свырпы, можно заключить, что свырица безрогая есть рапсъ, а рогатая свырица есть собственно сурѣпица *.

Сурѣпица любитъ сухой климатъ, а рапсъ лучше родится въ нѣсколько сырѣмъ, но умѣренномъ климатѣ, гдѣ погода постояннѣе. Сурѣпица не выноситъ продолжительной зимы. Рапсъ въ суровомъ климатѣ терпѣть не столько отъ зимней стужи, сколько отъ непостоянной весенней погоды и особенно отъ часто случающихся позднихъ сильныхъ морозовъ. Непостоянная весенняя погода еще пагубнѣе для сурѣпицы, чѣмъ для рапса.

Оба растенія требуютъ тучной почвы, очищенной отъ сорныхъ травъ, но сурѣпица довольствуется почвою не такъ глубокою и плодородною, лишь бы она была суха и легка, и даетъ порядочный урожай даже на такой землѣ, которая для рапса непригодна.

Рапсъ родится весьма хорошо на почвѣ, привольной для пшеницы, если только эта почва не слишкомъ вязка. Особенно онъ любитъ почву среднюю, суглинистую, содержащую въ себѣ отъ пятидесяти до шестидесяти процентовъ песку, отъ сорока до тридцати процентовъ глины и немного извести. На сухихъ, легкихъ почвахъ онъ родится хорошо только въ сырѣмъ климатѣ. На вязкой, глинистой почвѣ рапсъ не надеженъ. Торѣнная или болотная почва и вообще та, которая содержитъ въ себѣ кислоту, не годится для рапса. Подъ сурѣпицу пригодна наиболѣе такъ называемая слабая ячменная почва, то есть средняя, супесчаная, только не сыпучая и не холодная.

Пашня, засѣваемая этими растеніями, должна имѣть такое положеніе, чтобы излишняя вода всегда могла стекать, потому что весенняя сырость очень пагубна для рапса и сурѣпицы, особенно для послѣдней.

Сурѣпица истощаетъ землю менѣе и оттого не требуетъ такого сильнаго удобренія какъ рапсъ, для котораго обыкновенно удобряютъ даже самую богатую почву. Вообще урожай рапса зависитъ отъ количества употребленнаго для него навоза. Рапсъ можно разводить съ выгодой, не уваживая вновь землю, только на теплой почвѣ, обильной перегноемъ, но и въ этомъ случаѣ удобреніе бываетъ очень полезно, потому что рапсъ выносить свѣжій навозъ лучше зерновыхъ хлѣбовъ, которые при сильномъ уваженіи обыкновенно ложатся и приносятъ меньшій урожай. Послѣ рапса, посѣяннаго по свѣжему удобренію, колосовые хлѣба родятся лучше. Землю уваживаютъ подъ рапсъ спльнѣе, чѣмъ подъ хлѣбъ: если навозу довольно, то обыкновенно употребляютъ его вдвое болѣе, чѣмъ подъ пшеницу. Въ нѣкоторыхъ странахъ не довольствуются обыкновеннымъ удобреніемъ, а еще поливаютъ пашню весною жидкимъ навозомъ. Известь, запаханная вмѣстѣ съ навозомъ или съ пломъ, бываетъ полезна подъ рапсъ на вязкой почвѣ, особенно холодной. Увѣряютъ также, что посыпаніе рапса гипсомъ, въ раннюю весну, много способствуетъ обильному его росту*.

Рапсъ и сурѣпица обыкновенно засѣваются въ хорошо обработанномъ полѣ, находившемся подъ чистымъ паромъ, для того, чтобы имѣть болѣе времени для надлежащей обработки земли. Впрочемъ, въ хозяйствахъ гдѣ мало навозу, находятъ полезнымъ высѣвать по свѣжему удобренію смѣсь кормоваго горошка съ небольшимъ количествомъ овса. Корни и стебли кормоваго горошка, скошеннаго во время цвѣта, возвращая землѣ гораздо болѣе растительной пищи нежели заимствовано ими, служатъ весьма хорошимъ удобреніемъ. Послѣ такого смѣшаннаго посѣва урожай рапса бываетъ нѣсколько менѣе, нежели на чистомъ паровомъ полѣ, но эта разность не велика и вознаграждается сборомъ кормовой травы. Сурѣпица, по живу другаго растенія, родится лучше рапса, потому что ее можно высѣвать позже и, слѣдовательно, остается болѣе времени для приготовленія пашни. Послѣ сурѣпицы другія растенія родятся лучше нежели послѣ рапса, оттого что она менѣе истощаетъ почву. Однако, если земля была

* См. Земледѣльческую Газету 1836 года, стр. 764—765.

удобрена подь рапсъ, то въ ней сохраняется еще столько силы, что она можетъ произвести даже хорошій урожай пшеницы.

Земля, назначенная подь рапсъ и сурьпицу, должна быть воздѣлана со всевозможнымъ тщаніемъ, хорошо разрыхлена и сколько можно лучше очищена отъ сорныхъ травъ. Для того надобно до посѣва пахать три раза, а если земля сурова и очень заросла сорными травами, то даже чаще. Въ промежуткахъ между остатками необходимо боронить пашню. Подь рапсъ земля должна быть вспахана сколько можно глубже, но для сурьпицы надобно пахать не глубоко и навозъ запахивать мелко, потому что ея корни не проникають въ глубь. Вообще, при разведеніи рапса и сурьпицы, нужно наблюдать, чтобы до посѣва ихъ навозъ успѣлъ разложиться болѣе и чтобы онъ былъ тщательно перемѣшанъ съ землею.

Выборъ зрѣлыхъ сѣмянъ для посѣва требуетъ особеннаго вниманія. На самомъ полѣ нельзя отбирать лучшія сѣмена; даже на одномъ и томъ же стволѣ онѣ не созрѣвають въ одно время. Поэтому, при вѣяніи сѣмянъ, нужно отдѣлять падающія тяжелыя зерна и потомъ еще тщательно очищать ихъ отъ легкыхъ, неполныхъ зеренъ. Очищенные сѣмена высыпають въ анбаръ тонкимъ слоемъ и часто переворачивають до посѣва: иначе онѣ легко портятся. Хорошія рапсовыя сѣмена полнозѣсны, имѣють темнобурый цвѣтъ и лоснятся; внутри находится тонкое масляное ядро. На посѣвъ рапса всего лучше брать сѣмена, собранныя въ томъ же году; берутъ и прошлогоднія, но не старѣе. Для посѣва сурьпицы непременно должно употреблять сѣмена того же года.

Рапсъ и сурьпицу обыкновенно сѣють въ розсыпь. Опыты доказываютъ, впрочемъ, что посѣвъ рядами гораздо выгоднѣе. Въ послѣднемъ случаѣ ряды должны отстоять одинъ отъ другаго отъ половницы до двухъ футовъ. Сѣмена, при посѣвѣ въ розсыпь, слегка заборониваются, а при посѣвѣ рядами, закрываются землею на малую глубину сѣяльною машиною. Въ Бельгіи разводятъ рапсъ разсадою *. Послѣ посѣва боронять пашню въ одномъ направленіи легкими боровами, потому что мелкія сѣмена рапса и сурьпицы не должны лежать глубоко въ землѣ.

То и другое растеніе воздѣливается какъ въ озимомъ, такъ и въ яровомъ полѣ. Озимый рапсъ распространенъ болѣе ярова-

* См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ 1846 года, № 3, стр. 174.

го, потому что урожайнее зерномъ. Сурѣница, въ сравненіи съ рапсомъ, даетъ менѣе сѣмянъ; яровая выгоднее озимой, потому что можетъ-быть разводима съ усѣхомъ даже на песчаныхъ почвахъ, растетъ очень скоро и менѣе чѣмъ въ три мѣсяца послѣ посѣва очищаетъ поля. Поэтому она занимаетъ важное мѣсто въ полеводствѣ нѣкоторыхъ странъ, преимущественно въ нѣмецкихъ земляхъ.

Озимый рапсъ сѣютъ обыкновенно въ половинѣ августа, а въ тепломъ климатѣ можно откладывать посѣвъ до начала сентября; яровой высѣвается въ апрѣлѣ. Сурѣницу яровую сѣютъ около начала іюня. Посѣвъ озимой сурѣницы производится двумя недѣлями позже рапса, то есть, въ концѣ августа или въ началѣ сентября, а въ теплыхъ странахъ даже до половины сентября. Для хозяйствъ, гдѣ приготовленіе земель подъ озимы перѣдко совпадаетъ съ жатвою, посѣвъ озимой сурѣницы выгоденъ тѣмъ, что поля для нея обрабатываются нѣсколько позже.

Количество сѣмянъ, высѣваемыхъ на десятину, полагается для озимой сурѣницы и рапса не болѣе двадцати-пяти фунтовъ. Хотя сурѣчные сѣмена мельче рапсовыхъ, однако ихъ высѣваютъ въ одинаковомъ количествѣ, потому что сурѣница не даетъ такихъ большихъ кустовъ, какъ рапсъ и, слѣдовательно, должна расти чаще. Яровой сурѣницы сѣютъ около тридцати-пяти фунтовъ.

Уходъ за этими растеніями, когда онѣ посѣяны въ розсыпь, ограничивается тѣмъ, что густо стоящіе кусты разрѣживаютъ, выдергивая лишніе. При посѣвѣ рядами, разрыхляютъ землю между ними одинъ разъ пропашникомъ, потомъ два раза окучникомъ, разрѣжаютъ ряды ручною мотыкою, производя эти работы съ осени.

Кромѣ сильныхъ морозовъ, отъ которыхъ рапсъ перѣдко совсемъ погибаетъ во время зимы, самые злые враги его — насѣкомыя разнаго рода: одни точатъ посѣянные сѣмена, другія съѣдаютъ молодые всходы, нныя заводятся въ цвѣткахъ и уничтожаютъ завязь, нныя появляются въ самыхъ стручкахъ и уничтожаютъ ихъ. Насѣкомыя иногда нападаютъ на рапсъ въ такомъ множествѣ, что совсемъ истребляютъ посѣвы его на обширныхъ поляхъ. Яровой рапсъ подверженъ вреду отъ насѣкомыхъ еще болѣе, нежели озимый. Онѣ также весьма часто вредятъ сурѣницѣ.

Весною, съ наступленіемъ теплой погоды, поднимаются всходы рапса и сурѣницы, но слишкомъ большое тепло въ началѣ

весны для нихъ неблагопріятно: растенія выходятъ тогда тонки, пускаютъ длинный стволъ и мало боковыхъ вѣтвей, отчего образуется менѣе стручковъ и, слѣдовательно, уменьшается урожай сѣмянъ. Въ концѣ апрѣля зацвѣтаетъ сурѣпница, а двумя недѣлями позже—рапсъ. Ихъ цвѣтки доставляютъ пчеламъ первую любимую ихъ пищу. Цвѣтеніе продолжается отъ трехъ до четырехъ недѣль; ему благопріятствуетъ прохладная, умѣренно-влажная погода, но мокрая вредна. Утрепки и морозы побиваютъ только распустившіяся почки; закрытыя терпятъ менѣе вреда, если только морозы не слишкомъ сильны.

Вскорѣ послѣ цвѣтенія появляются стручки, а въ половинѣ или въ концѣ іюня созрѣваютъ сѣмена. Лишь-только стручки, въ которыхъ содержатся сѣмена, побурѣютъ и сдѣлаются прозрачными, а сѣмена получаютъ темнобурый цвѣтъ, необходимо сѣшить уборкою: въ противномъ случаѣ созрѣлыя стручки раскроются и тогда осыплется много зеренъ.

Рапсъ и сурѣпницу косятъ обыкновенною косою, безъ граблей, либо жнутъ серпомъ, при чемъ потеря зеренъ бываетъ менѣе.

Молотьба производится на гумнѣ, либо на полѣ. Снопъ, поставленные въ кучѣ, оставляются на полѣ, въ хорошую погоду дней пять или шесть, чтобы спѣлыя сѣмена окрѣпли, а неспѣлыя — дозрѣли; потомъ кладутъ снопы, какъ-можно осторожноѣе, на телеги, покрытыя холстомъ и свозятъ на гумно. При дождливой погодѣ, отнюдь не должно трогать этихъ кучъ: хотя солома оттого слежится, но зерна не потерпятъ вреда, тогда какъ много зеренъ пропадетъ отъ переворачиванія сноповъ. Молотьбою на гумнѣ надобно какъ-можно сѣшить; солома обыкновенно бываетъ очень сыра и, пролежавъ долго, легко можетъ сгорѣться; зерна оттого испортятся и едѣлаются затхлыми. Тамъ гдѣ разводятъ рапсъ и сурѣпницу въ большомъ количествѣ, предпочитаютъ молотить ихъ на полѣ, потому что эта работа требуетъ менѣе трудовъ. Для молотьбы очищаютъ мѣсто на пашнѣ, выравниваютъ его и разстилаютъ на немъ холстъ длиною и шириною до шести и семи сажень, прикладываютъ его къ вбитымъ въ землю кольямъ, такъ чтобы края его были нѣсколько подняты. На это мѣсто перевозятъ рапсъ или сурѣпницу въ кучахъ, какъ-можно осторожноѣе, чтобы не растерять зеренъ. Разостлавъ кучи на холстѣ ровпо, топчутъ ихъ ногами, а для ускоренія работы пускаютъ на него нѣсколько некованыхъ лошадей, го-

няя ихъ кругомъ. Молотьба идетъ скоро, потому сѣмяна легко выпадаютъ.

Вымолоченныя сѣмяна оставляютъ въ кучѣ около сутокъ, чтобы онѣ немного нагрѣлись и получили оттого буроватый цвѣтъ, почитаемый хорошимъ свойствомъ. Если оставить сѣмяна въ кучѣ дотога, что онѣ сгорятся, то масло изъ нихъ получается худшаго качества.

Сѣмяна, очищенныя провѣваніемъ и просѣваніемъ, разсыпаютъ въ сухой житницѣ тонкимъ слоемъ и переворачиваютъ ежедневно, пока высохнутъ, наблюдая, чтобы сѣмяна не были раздавливаемы: цѣлыя сѣмяна, если смѣшаны съ раздавленными, получаютъ отъ нихъ затхлый запахъ.

Продажею сѣмянъ, или выдѣлкою изъ нихъ масла, надобно какъ-можно спѣшить, потому что отъ долгаго лежанія уменьшается ихъ масса и вѣсъ. Къ отвращенію усушки сѣмянъ, ихъ хранятъ до продажи въ мякнѣхъ и разсыпаютъ въ житницѣ тонкими слоями, часто переворачивая.

При большой невѣрности урожаявъ озимаго рапса невозможно опредѣлить величину средняго сбора: иногда съ десятины собирается зеренъ не болѣе пяти четвертей, иногда же болѣе двадцати. Количество стеблей собираемыхъ съ десятины, доходитъ среднимъ числомъ до двухъ сотъ пятидесяти пудовъ. Яровой рапсъ даетъ урожай менше, сравнительно съ озимымъ. Сурѣпицы, при среднемъ урожаѣ, получается не болѣе девяти четвертей съ десятины; сборъ стеблей съ того же пространства бываетъ не выше ста пудовъ. Для корма сурѣпные стебли лучше рапсовыхъ. Последніе употребляютъ частью въ кормъ овцамъ, частью служить подстилкою для скота.

Масло рапса и сурѣпицы составляетъ хорошій матеріалъ для освѣщенія, но въ пищу мало годно. Изъ четверика рапсовыхъ сѣмянъ получается масла фунтовъ двѣнадцать, а четверикъ сурѣпныхъ сѣмянъ даетъ около десяти фунтовъ масла.

Къ дико растущимъ въ Россіи маслянымъ растеніямъ принадлежатъ также *рыжикъ* или *рызуха*. Это растеніе у насъ почти не разводится, но во множествѣ попадается дико, особенно между льномъ, изъ котораго просѣвается въ значительномъ количествѣ. Въ Новороссійскомъ Краѣ иногда собираютъ рыжикъ для выдѣлки масла. Разведеніемъ этого маслянаго растенія занимаются во Франціи и въ немногихъ странахъ Германіи.

Оно родится на всякой почвѣ, не слишкомъ мокрой и не слишкомъ сухой и преимущественно на льяныхъ почвахъ. Подъ ры-

жикъ можетъ-быть употребляема посредственная, мало плодородная, даже песчаная и осушенная болотная почва; она удобряется не много, но обрабатывается довольно тщательно съ осени или весною. Рыжикъ можно сѣять рано и поздно весною до половины юня, смотря по удобству хозяйственныхъ работъ, потому что онъ созрѣваетъ не болѣе какъ въ три мѣсяца и не повреждается ни морозами, ни червями. До посѣва нужно проронить землю и послѣ посѣва повторить боронованіе, чтобы сѣмяна легко закрылись землею. Обыкновенно высѣваютъ около одного или полутора пуда сѣмянъ на десятину. Уборка рыжика производится, когда сѣмянки побѣлѣютъ, а сѣмяна сдѣлаются желтыми. Рыжикъ косятъ рядами и связываютъ въ снопы, либо сгребаютъ въ кучки. Въ такомъ положеніи оставляютъ его дозрѣвать, пока солома пожелтѣетъ, тогда складываютъ снопы или кучки въ телѣгу и перевозятъ на гумно для молотбы. Сѣмяна рыжика очень легко отдѣляются отъ стручковъ его.

Средній урожай считается до десяти четвертей сѣмянъ съ десятины. Изъ четверика ихъ можно получить около десяти фунтовъ масла. Оно пригодно наиболѣе для освѣщенія, также для раствора красокъ и въ составъ мыла. Солома рыжика служитъ хорошимъ кормомъ для овецъ.

Другія масляныя растенія, разводимыя въ Европѣ, рѣдко воздѣлываются въ большомъ видѣ на поляхъ: нѣкоторыя составляютъ принадлежность огородничества, а не полеводства, и въ иныхъ странахъ разводятся даже только для опытовъ.

Въ Европѣ почти повсемѣстно занимаются воздѣлываніемъ мака, изъ сѣмянъ котораго получается вкусное масло, употребляемое въ пищу, но это растеніе рѣдко разводится въ большомъ количествѣ, въ одномъ и томъ же хозяйствѣ. Въ Россіи воздѣлываютъ макъ для масла, наиболѣе въ черноземныхъ краяхъ средней полосы, особенно въ тамбовской и прилежащихъ къ ней губерніяхъ.

Извѣстно, что макъ имѣетъ множество видовъ: онъ бываетъ махровой и простой. Цвѣтки его отличаются богатствомъ красокъ и служатъ украшеніемъ садовъ, но къ сельскому хозяйству принадлежатъ только тѣ роды мака, которые даютъ наибольшее количество сѣмянъ. Въ этомъ отношеніи, простой макъ превосходитъ махроваго. Въ полеводствѣ, извѣстны макъ двухъ родовъ: у одного, во время зрѣлости, на небольшихъ головкахъ появляется подъ коронкою множество отверзтій; у другаго головки, нѣсколько крупнѣе, остаются закрытыми до полной зрѣ-

лости. Каждый из этих родов мака представляет несколько сортовъ, которые отличаются другъ отъ друга цвѣтомъ зеренъ, большею частью темносѣрыхъ и бѣлыхъ, либо красками цвѣточковыхъ лепестковъ. Макъ съ раскрывающимися головками не выгодеиъ тѣмъ, что созрѣвшія зерна его отъ вѣтра, равно какъ при собираніи головокъ, разсыпаются и тѣмъ причиняютъ ощутительную убыль въ урожай; зато онъ урожайнѣе, зерна его при молотбѣ легче очищаются, а потому онъ также распространяетъ въ земледѣліи, какъ и макъ съ закрытыми головками. Бѣлыя сѣмяна мака содержатъ въ себѣ масла нѣсколько болѣе чѣмъ сѣрыя, но послѣднія имѣютъ передъ первыми преимуще-ство въ урожайности *.

Макъ любитъ почву рыхлую, не слишкомъ вязкую, плодородную и, сколько возможно, очищенную отъ сорныхъ травъ. Онъ родится успѣшно наиболѣе на черноземныхъ почвахъ и послѣ корнеплодныхъ растеній, подъ которыя земля была удобрена и глубоко разрыхлена; его сѣютъ также и послѣ колосовыхъ хлѣбовъ. Почву подъ макъ нужно очищать отъ сорныхъ травъ и мелко обрабатывать осенью до наступленія зны, потому что обыкновенно онъ сѣется рано весною и тогда остается только вспахать и взборонить землю подъ посѣвъ. Отъ свѣжаго удобренія размножаются въ немъ сорныя травы и гораздо лучше класть поземъ подъ растеніе, предшествующее маку.

По чрезвычайной мелкости маковыхъ сѣмянъ, для ровнаго и не слишкомъ густаго ихъ посѣва, смѣшиваютъ ихъ съ пескомъ, употребляя не болѣе пяти фунтовъ сѣмянъ на десятину; потомъ, для покрытія ихъ землею, слегка укатываютъ, либо забораниваютъ пашню. Большою частью посѣвъ мака производится въ розсыпь, но гораздо лучше сѣять его рядами, (въ разстояніи одинъ отъ другаго фута на полтора), посредствомъ сѣяльной машины. Тамъ, гдѣ нѣтъ такой машины и маковыя поля не велики, можно высѣвать сѣмена въ розсыпь, а потомъ провести по полю, плугомъ, мелкія борозды, которыми сѣмена раздѣляются на ряды. Во всякомъ случаѣ, должно заботиться о томъ, чтобы сѣмена не закрыть землею глубоко, потому что тогда онѣ не взойдутъ **.

Обыкновенный способъ разведенія мака рядами состоитъ въ слѣдующемъ: поле, имѣющее тучную и мягкую почву, надобно раз-

* См. журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ № 9, стр. 177.

** См. тамъ же, страницу 178.

дѣлать осенью на узкія полосы, которыя, въ слѣдующую весну, какъ можно ранѣе, заборонить и выровнять каткомъ; за тѣмъ, по шнуру, вырыть киркою желоба, глубиною въ два пальца, на аршинъ одинъ отъ другаго, и въ нихъ засѣять сѣмена весьма рѣдко, не болѣе четырехъ фунтовъ на десятину. Сѣмена покрываются слегка землею, такъ, что желоба или бороздки сохраняютъ свое углубленіе: такимъ образомъ, молодые всходы бываютъ защищены отъ морозу и получаютъ болѣе растительной силы.

Во время всходовъ нужно содержать поле въ чистотѣ, землю между растеніями разрыхлять и лишніе кусты выдергивать, чтобы не было густоты.

Макъ начинаетъ всходить спустя около трехъ недѣль послѣ посѣву. Когда растеніе получить свой настоящій видъ и листья его выростутъ около вершка въ длину, тогда надобно осторожно взрывать землю, между макомъ, небольшою лопатою, наблюдая, чтобы онъ не росъ слишкомъ густо. При густомъ ростѣ, одно растеніе заглушаетъ другое, онѣ будутъ низки и съ мелкими головками. Два или три спустя послѣ перваго окопанія, макъ станетъ живо расти; тогда нужно опять окопать его, спустя недѣли двѣ послѣ первой оконки, иногда и ранѣе, смотря по его росту.

Этому растенію наиболѣе вредитъ мокрая и вмѣстѣ холодная погода, иногда медвяная роса, а во время зрѣлости зеренъ нападаютъ птицы, которыя со всѣхъ сторонъ слетаются на маковыя поля.

Въ половинѣ августа, головки мака созрѣваютъ, но не всѣ вдругъ, а постепенно, одна за другою: главные стебли поспѣваютъ обыкновенно прежде, что можно узнать потрясая побурѣвшія головки, при чемъ слышно какъ перекатываются содержащіяся въ нихъ зерна. Головки, оказавшіяся зрѣлыми, срѣзываютъ или отламываютъ съ частью стебля длиною въ палецъ и кладутъ въ мѣшки. Собранныя маковки выкладываютъ рядами, на открытомъ мѣстѣ, такъ, чтобы онѣ лежали другъ возлѣ друга, пока совершенно высохнутъ, и тогда можно сложить ихъ въ кучки. Такимъ же образомъ поступаютъ и съ остальнымъ на полѣ макомъ, по мѣрѣ его созрѣванія. Уборка мака съ открытыми головками затруднительнѣе: нужно выдергивать его, осторожно, съ корнемъ изъ земли, держать стоймя, вязать въ пучки также стоймя, по нѣскольку вмѣстѣ, потомъ отряхивать ихъ на разостланный холстъ; послѣ того, оставлять пучки, по нѣскольکو

дней, просохнуть и опять отряхивать, повторяя эту работу два или три раза.

Для отдѣленія маковаго сѣмени отъ головокъ употребляютъ различные способы. Просушенные головки раздавливаютъ въ мѣлищѣ, пропуская ихъ между двухъ вертящихся валовъ, а зерна очищаютъ отъ мелкихъ частей головокъ на рѣшетахъ. Разрѣзываніе головокъ очень медленно и убыточно, потому что при вылупливаніи много сѣмени разсыпается и остается въ головкахъ. Молоченіе, кромѣ этихъ неудобствъ, представляетъ еще ту невыгоду, что многія зерна раздавливаются цѣпами и пропадаютъ; притомъ, очень трудно очищать ихъ отъ мякны, вредящей чистотѣ масла. Въ остзейскихъ губерніяхъ употребляютъ слѣдующій способъ: срѣзанный макъ расплаютъ на мѣстѣ тонкимъ слоемъ и если осень не слишкомъ дождлива, оставляютъ его до октября; потомъ складываютъ маковки въ мѣшки и ставятъ на нѣсколько дней въ теплое мѣсто, къ печи. Отъ жару, оболочка головокъ дѣлается такъ суха и хрупка, что при малѣйшемъ давленіи между пальцами разсыпается въ мелкій порошокъ. Удостоверясь такимъ образомъ въ совершенной просушкѣ маковокъ, высыпаютъ ихъ, каждый мѣшокъ особо, на простыню, и покрывъ другою простынею, мнутъ ногами, ходя по ней. Вскорѣ окажется, что всѣ головки совершенно раздавлены и что сѣмени въ нихъ не содержится. Тогда пропускаютъ ихъ чрезъ рѣшето, для отдѣленія крупныхъ частицъ оболочки, а потомъ, до совершеннаго очищенія зеренъ, провѣваютъ обыкновеннымъ способомъ.

Средній урожай маковыхъ сѣмянъ считается до семи четвертей съ десятины. Изъ четверка ихъ можно получить до тринадцати фунтовъ масла. Стебли мака, по высушкѣ ихъ, даютъ хорошее топливо и превосходную золу.

Подсолнечникъ, дающій весьма хорошее масло, которое во вкусѣ мало уступаетъ маковому, разводится въ небольшомъ количествѣ, даже въ тѣхъ странахъ Европы, гдѣ земледѣліе доведено до высокаго совершенства. Причиною малаго распространенія этого растенія въ полеводствѣ, вѣроятно то, что оно требуетъ не только плодородной и хорошо обработанной почвы, но и много работы для собираянія головокъ, для вымолачиванія изъ нихъ зеренъ и для очищенія ихъ отъ шелухи. Если сѣмена не совершенно отъ нея очищены, то масло получаетъ непріятный, горькій вкусъ и подвержено скорой порчѣ.

Подсолнечникъ любитъ теплый воздухъ и влагу; чѣмъ посто-

дѣйствіе и сильнѣе дѣйствуютъ на это растеніе солнечные лучи, тѣмъ обильнѣе масломъ сѣмена его. Вѣтры для него очень вредны, потому что слишкомъ иссушаютъ воздухъ и землю, и нередко выворачиваютъ съ корнемъ высокорослый стволъ подсолнечника.

Лучшею для него почвою считается глинистая, которая способнѣе другихъ легкихъ почвъ удерживать въ себѣ влагу и, по своей вязкости, даетъ подсолнечнику возможность лучше укрѣпиться корнемъ въ землѣ, что необходимо для удержанія такого высокаго растенія противъ вѣтру. Хотя для успѣшнаго росту подсолнечника пужна богатая черпоземомъ почва, однако онъ не требуетъ свѣжаго удобренія: оно даже вредно для этого растенія: стволъ его выбѣгаетъ высоко, а ростъ остается слабымъ; цвѣтки выходятъ не велики и сѣмянъ бываетъ мало. Если почва, назначаемая для подсолнечника, по своему качеству, нуждается въ удобреніи, то подобно уваживать ее съ осени и запахнуть навозъ, такъ, чтобы, до весеняго посѣва, онъ успѣлъ разложиться и соединиться съ землею. Почва для подсолнечника должна быть обработана тщательно, ровно и глубоко, не слишкомъ рыхло, но мелко, чтобы въ ней не было комьевъ. Его можно разводить послѣ всякаго растенія, которое не очень истощаетъ почву и спмается довольно рано, чтобы можно было приготовить землю до наступленія зимы. Въ сравненіи съ другими масляными растеніями, подсолнечникъ наименѣе истощаетъ землю, потому что, для своего произрастанія, онъ требуетъ весьма много водяныхъ частицъ, которыя заимствуются имъ изъ воздуха посредствомъ стеблей и листьевъ. Но какъ уборка подсолнечника обыкновенно бываетъ въ позднее время, то послѣ этого растенія всегда приходится сѣять яровой хлѣбъ.

Посѣвъ подсолнечника производится какъ можно ранѣе весною. Стужа и даже легкіе утренники не вредятъ молодымъ всходамъ. Въ теплыхъ странахъ высѣваютъ его въ мартѣ. Позже апрѣля, посѣвъ обыкновенно бываетъ неуспѣшенъ, потому что подсолнечникъ, при своемъ медленномъ ростѣ, не успѣваетъ тогда созрѣть во время. Его сѣютъ сплошь, либо рядами, и разводятъ также отъ разсадъ. Для сплошнаго посѣва слегка боронуютъ землю, приготовленную съ осени, и, чтобы сѣмена лежали глубоко, забораниваютъ ихъ тяжелою бороною. Сѣять нужно очень рѣдко, потому что растенія, достигнувъ своего полнаго роста, должны отстоять одно отъ другаго не ближе трехъ четвертей аршина. Когда покажутся всходы, подобно выдергивать молодыя

растения тамъ, гдѣ онѣ слишкомъ часты и пересаживать ихъ отдѣльно. Этотъ способъ не такъ надеженъ и требуетъ столько же работы сколько посѣвъ рядами, въ которыхъ растения должны отстоять другъ отъ друга не ближе двухъ футовъ. Для того, при посадкѣ въ каждую ямку, сдѣланную на такомъ разстояніи больше, кладутъ по два зерна и накрываютъ ихъ землею. Разведеніе подсолнечника отъ рассадъ, выращенныхъ на особыхъ грядкахъ, бываетъ нужно только для выигрыша времени въ такихъ мѣстахъ, гдѣ, по краткости лѣта и по раннему наступленію осеннихъ морозовъ, растения, просто посѣянные, не могли бы дозрѣть.

Всходы подсолнечника обыкновенно показываются дней черезъ осемь или десять послѣ посѣва. Въ первое время онъ требуетъ много влаги и для того нужно поливать его въ случаѣ засухи. Землю, на которой онъ растетъ, необходимо очищать отъ сорныхъ травъ и, разрыхляя, приваливать къ стеблямъ. Когда онѣ выростутъ въ одинъ и полтора аршина вышиною, нужно обрѣзать всѣ слабыя побочные стволы, а на остальныхъ главныхъ стебляхъ ощипать лишніе глазки, такъ, чтобы стволъ могъ произвести только до четырехъ и пяти цвѣтковъ, которые отъ того будутъ гораздо сильнѣе и сѣмена ихъ будутъ маслянистѣе. По времени посѣванія зеренъ, которое наступаетъ поздно, въ началѣ осени, необходимо оберегать поля отъ птицъ, слетающихся на нихъ большими стаями.

Признакъ зрѣлости подсолнечника состоитъ въ томъ, что цвѣточные листки его опадаютъ и кружокъ, содержащій въ себѣ сѣмена, раскрывается. Тогда срѣзываютъ кружки и раскладываютъ ихъ въ сухомъ мѣстѣ, рядами, для просушки. Послѣ того, выбираютъ зерна изъ кружковъ. Эта работа довольно мѣшкотна, потому что должна производиться руками. Очищенная сѣмена, не смотря на просушку цвѣточныхъ головокъ, еще содержатъ въ себѣ много сырости и отъ того легко портятся. Поэтому нужно немедленно выжимать изъ нихъ масло, а если, по обстоятельствамъ, нельзя этого сдѣлать, то надобно просушить сѣмена въ толстой комнатѣ и хранить въ сухомъ мѣстѣ.

Ни одно изъ упомянутыхъ масляныхъ растений не приносятъ такого обильнаго сбора сѣмянъ, какъ подсолнечникъ: съ одной десятины хорошо обработанной земли можно получить до двадцати и тридцати четвертей сѣмянъ. Четверть ихъ даетъ, среднимъ числомъ, до шести фунтовъ масла. Толстые, дер-

вѣтвистые, стволы подсолнечника годятся на топливо. Цвѣтокъ этого растенія содержитъ въ себѣ много меду и слѣдовательно полезенъ для пчеловодовъ. Изъ цвѣточныхъ листиковъ вывариваютъ желтую краску, для крашенія тканей.

Воздѣлываніе подсолнечника, для добыванія масла, производится въ обширномъ видѣ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Это масло вошло тамъ въ большое употребленіе съ тѣхъ-поръ какъ усовершенствовано его добываніе. Тамошній способъ выдѣлки масла изъ подсолнечника подробно описанъ въ «Русской Земледѣльческой Газетѣ», 1826 года, страницы 356—357. По этому способу, подсолнечниковыя сѣмена, послѣ высушки ихъ, раздѣляются, смотря по ихъ величинѣ, на три или четыре сорта. Для совершеннаго очищенія ихъ отъ горькой шелухи, крупныя сѣмена, особо отъ мелкихъ, очищаются посредствомъ жернововъ, служащихъ для приготовленія крупъ; потомъ, эти сѣмена превращаютъ въ тѣсто, пропуская ихъ чрезъ вальки, употребляемыя на маслобойныхъ мельницахъ, и, положивъ его въ шерстяныя, либо волосяныя мѣшки, выжимаютъ масло обыкновеннымъ способомъ. Когда оно перестанетъ вытекать, берутъ изъ подъ гнета мѣшокъ съ выжимкамъ, толкутъ или растраиваютъ пестами и, прибавя немного воды, слегка согрѣваютъ и размѣшиваютъ тѣсто на плоской сковородѣ; потомъ, вложивъ его опять въ мѣшокъ, выжимаютъ масло вторично. Отъ нагрѣванія оно выходитъ низкаго достоинства и потому отнюдь не должно быть смѣшиваемо съ масломъ, добытымъ посредствомъ холодной выжимки. Послѣднее, простоявъ въ сосудахъ двѣ или три недѣли, сдѣлается совершенно свѣтлымъ и чистымъ и на вкусъ подходитъ къ оливковому. Масло, добытое послѣ нагрѣванія, хотя вкусомъ не дурно, однако не такъ свѣтло, гуще и нѣсколько подходитъ на спермацетъ.

Употребленіе подсолнечниковаго масла въ Россіи до-сихъ-поръ мало распространялось, вѣроятно, оттого что добываніе этого продукта еще не довольно усовершенствовано. Въ новѣйшее время, воздѣлываніе подсолнечника начало было распространяться въ черноземныхъ губерніяхъ, но какъ подсолнечниковое масло не находило достаточнаго сбыта, то разведеніе этого растенія во многихъ мѣстахъ, уменьшилось *.

* См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1846 года, страница 181.

Должно замѣтить, впрочемъ, что, сколько намъ извѣстно, эта отрасль хозяйства еще поддерживается въ пѣкоторыхъ краяхъ Россіи. Напримѣръ, въ окрестностяхъ Саратова, нерѣдко встрѣчаются цѣлыя десятины земли, засѣянной подсолнечниками. Посѣвъ производится обыкновенно въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая; почву обрабатываютъ тщательно, но не удобряютъ навозомъ; подсолнечникъ сѣютъ рядами, по бороздамъ. Онъ созрѣваетъ въ концѣ августа и въ началѣ сентября. Срѣзанные головки его молотятъ, для отдѣленія сѣмянъ, а стебель оставляютъ согнывать на корнѣ. Урожай сѣмянъ на десятинѣ бываетъ отъ семидесяти до ста пудовъ и болѣе. Изъ нихъ добываютъ масло, которое иногда продается за деревянное, цѣною около двадцати пяти копѣекъ серебромъ за фунтъ. Сверхъ-того, не только въ простомъ народѣ, но и въ среднемъ сословіи, существуетъ обычай грызть подсолнечниковыя сѣмена, которыя употребляютъ наряду съ вареньемъ и другими лакомствами. Въ Воронежской губерніи, близъ Острогожска, воздѣлываніе подсолнечника и добываніе масла изъ него составляетъ не маловажный промыселъ. въ Алексѣевской вотчинѣ графа Д. П. Шереметьева. Крестьяне этой вотчины употребляютъ подъ разведеніе подсолнечниковъ большое пространство земли. При сіюшнемъ посѣвѣ, высѣваютъ на десятину двадцать фунтовъ сѣмянъ, а при посадкѣ ихъ руками, выходятъ вполонину меиѣе. Подсолнечникъ сѣютъ весною, ранѣе хлѣбовъ, лишь только просохнетъ земля, приготовленная для него съ осени; чѣмъ ранѣе онъ посѣянъ, тѣмъ изобильнѣе его урожай и тѣмъ скорѣе созрѣваетъ его зерно. Смотря по качеству почвы и по уходу за пашнею, сборъ сѣмянъ съ десятины бываетъ отъ сорока до осмидесяти пудовъ. Сѣмя, для добыванія изъ него масла, очищается отъ шелухи большею частью на вѣтрявыхъ мельницахъ; впрочемъ, также обрабатываютъ сѣмена на подобіе гречневой крупы. По очищеніи отъ шелухи, ихъ толкутъ въ мельничныхъ и ручныхъ ступахъ, потомъ поджариваютъ на сковородахъ, и, наконецъ, выбиваютъ масло на обыкновенныхъ маслобойняхъ. Во всей вотчинѣ есть только одна маслобойня, на которой масло выжимается прессами. Изъ трехъ пудовъ перетолченнаго сѣмени получается одинъ пудъ масла. За исключеніемъ домашняго употребленія, на продажу поступаетъ ежегодно около тридцати-тысячъ пудовъ подсолнечниковаго масла; оно закупается на мѣстѣ купцами Арзамаскими, для Петербурга, и Боровскими, для Москвы. Сверхъ-того, вывозится до тридцати-тысячъ пудовъ подсолнечниковаго сѣмени, которое

также покупается на мѣстѣ многородными торговцами. Остатки этого растенія также обращаются въ дѣло: стебли, срѣзанные косами и высушенные на солнцѣ, употребляются крестьянами на отопку домовъ; очищенные отъ сѣмени кружки подсолнечника, въ сыромъ видѣ, даются рогатому скоту, при недостаткѣ корма, вмѣсто сѣна или соломы, а сухихъ скотъ не ѣстъ и онѣ бросаются; шелуху отъ сѣмени бѣдые крестьяне покупаютъ на топку печей въ избахъ; жмыхи, остающіяся отъ выбивки масла, употребляются въ маслобойняхъ для топки печей и покупаются также для корма рогатаго скота и свиней. Примѣръ Алексѣевской вотчины показываетъ, что эта отрасль хозяйства можетъ достигнуть выгоднаго развитія въ тѣхъ краяхъ Россіи, гдѣ климатъ и почва благопріятствуютъ воздѣлыванію подсолнечника, но нельзя ожидать большихъ успѣховъ въ этой промышленности, пока не усовершенствуется выдѣлка подсолнечниковаго масла.

Въ новѣйшее время, сельскіе хозяева обратили вниманіе на воздѣлываніе *мадіи*, сѣмена которой даютъ очень вкусное масло. Это растеніе, перевезенное изъ Чили въ Европу, введено, въ видѣ опытовъ, во многихъ странахъ и съ нѣкоторыхъ поръ стали разводить его въ Россіи; но масло изъ мадіи, подобно подсолнечниковому, встрѣтило большое затрудненіе въ сбытѣ. Мадія растетъ въ умѣренно-теплыхъ климатахъ и лучше удается на почвахъ среднихъ и рыхлыхъ, нежели на вязкихъ. На десятину употребляютъ до двадцати-пяти фунтовъ сѣмянъ; ихъ закрываютъ землею мелко. Посѣвъ производится въ началѣ мая. Мадію лучше сѣять рядами, потому что поле, гдѣ она растетъ, необходимо очищать отъ сорныхъ травъ. Жатва наступаетъ спустя три мѣсяца послѣ посѣва. Косить мадію начинаютъ когда только часть сѣмянъ созрѣла, не ожидая пока созрѣютъ остальные: иначе первыя, лучшія, опадутъ. При жатвѣ, нужно наблюдать большую осторожность, потому что сѣмена этого растенія весьма легко осыпаются. По просушкѣ скошенной мадіи, должно немедленно приступить къ молотбѣ, потому что стебли ея въ куцахъ приходятъ въ броженіе, отъ котораго зерна портятся. Сѣмяна мадіи очень маслянисты, содержатъ въ себѣ масла до четверти собственнаго вѣса; скотъ охотно сѣдаетъ выжимки, но стебли ея не годятся для корму *.

Другое масляное растеніе, перенесенное также въ Европу,

* Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1846, стр. 182.

именно *китайская рьдька*, дающая хорошее масло, до-сихъ-поръ разводится только въ видѣ опытовъ, въ немногихъ мѣстахъ, потому что оно весьма чувствительно къ климату, легко пропадаетъ отъ холодной и мокрой погоды, истребляется наѣдомыми, а при сильномъ ростѣ полегаетъ на землю и въ такомъ случаѣ производитъ мало сѣмянъ *.

Къ маслянымъ растеніямъ, разводимымъ въ Европѣ, слѣдуетъ причислить еще *горчицу*, *анисъ* и *тминъ*, хотя обыкновенно ихъ называютъ пряными растеніями, оттого что они, по причинѣ своего прянаго вкуса, употребляются наиболѣе для приправы пищи и напитковъ. Изъ сѣмянъ этихъ растеній добывается масло, служащее для различнаго употребленія: анисовое и тминное идетъ на приготовленіе водокъ, а горчичное годно для освѣщенія и въ пищу. Изъ выжимокъ этого масла готовится столовая горчица.

Воздѣлываніе *горчицы* производится въ Европѣ повсемѣстно, а въ Россіи преимущественно въ губерніяхъ средней и отчасти южной полосы. Сарептская колонія, въ Саратовской губерніи, приобрѣла у насъ особенную извѣстность воздѣлываніемъ этого растенія.

Горчица, разводимая на поляхъ, бываетъ двухъ родовъ: *бѣлая* и *черная*. У первой зерна желтыя, стручки шероховатые; у послѣдней зерна снаружи черныя, а стручки гладкіе. Черная горчица отличается большою остротою, а бѣлая лучшимъ вкусомъ. Горчица того и другаго рода воздѣлывается одинаковымъ образомъ. Она любитъ не истощенную чистую землю, средней вязкости и родится изобильно въ-особенности на тучныхъ поляхъ. Почва подъ нее готовится довольно тщательно съ осени. Такъ какъ горчичныя сѣмена не боятся мороза, то ихъ засеваютъ рано весною и потомъ слегка боронуютъ поле. Посѣвъ дѣлается весьма рѣдкій, такъ, чтобы на каждый кустъ приходилось около четверти квадратной сажени. На десятину достаточно тридцати фунтовъ сѣмянъ. Во время цвѣту, горчица доставляетъ весьма пріятный кормъ пчеламъ, а когда она начинаетъ созрѣвать, нужно охранять ее отъ истребленія птицами. Къ жатвѣ приступаютъ, лишь только начнутъ созрѣвать первые стручки и отнюдь не должно упускать этого времени для уборки: въ противномъ случаѣ, сѣмена горчицы, въ особенности черной, осыплются. Горчицу косятъ и для отдѣленія сѣмянъ молотятъ

* Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1846, стр. 182.

цѣнами. Стебли, листья и стручки ея идутъ въ кормъ скоту. Въ иностранныхъ земляхъ засѣваютъ ею цѣлыя поля для паствы *.

Горчичныя зерна даютъ масла менѣе, въ сравненіи съ зернами другихъ масляныхъ растений, именно около десяти фунтовъ изъ пуда, но за то ея урожай бываетъ изобильнѣе, среднимъ числомъ до пятнадцати четвертей съ десятины. Масло, добываемое изъ сѣмянъ черной горчицы, имѣетъ сильный запахъ и острый вкусъ; оно употребляется въ медицинѣ. Изъ сѣмянъ бѣлой горчицы получается масло, годное для освѣщенія, и если оно достаточно отстоялось, то бываетъ очень чисто, золотистаго цвѣту и можетъ замѣнять прованское масло.

Анисъ разводится почти во всей южной Европѣ, особенно въ Испаніи, южной Франціи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи и въ Россіи, гдѣ воздѣлываютъ его преимущественно въ губерніяхъ: курской, воронежской, полтавской, кievской, волинской и подольской. Разведеніе аниса въ этихъ губерніяхъ распространилось такъ, что большое количество его закупается здѣсь ежегодно для внутренняго потребленія и для вывоза въ Царство Польское, въ Австрійскую Галицію, въ Турцію и въ сѣверную Европу.

Это растеніе любитъ почву легкую и теплую, какова напримѣръ песчанистая. Чѣмъ суше почва и чѣмъ теплѣе климатъ, гдѣ растетъ анисъ, тѣмъ прѣвнѣе и душистѣе бываютъ его сѣмена. Для аниса нужна почва не слишкомъ плодородная, средней плотности, но хорошо обработанная: земля подъ него не удобряется, а навозъ кладется подъ предшествующее растеніе. Анисъ сѣютъ рано весной и поле для него готовится съ осени. На одну десятину высѣваютъ около пуда сѣмянъ. Въ концѣ іюля и въ августѣ анисъ поспѣваетъ: его выдергиваютъ съ корнемъ, вяжутъ въ пучки, вѣшаютъ подъ крыши для просушки, и потомъ молятъ. Урожай этого растенія бываютъ очень невѣрны, потому что оно, во время цвѣтенія, весьма чувствительно къ переѣнамъ погоды и не рѣдко пропадаетъ въ цвѣту. Анисовыхъ сѣмянъ собирается до шестнадцати четвертей съ десятины и урожай бываетъ почти самъ-сотъ.

Масло добывается изъ чистыхъ сѣмянъ и сѣменной мякнны. Изъ фунта сѣмянъ получается около золотника чистаго масла; изъ четырехъ четвертей мякнны выходитъ масла отъ двухъ до двухъ съ половиною фунтовъ.

* Земледѣльческая Газета, 1834 года, стр. 290.

Тминъ родится хорошо въ умѣренномъ климатѣ, на почвахъ теплыхъ, глубокихъ и весьма плодородныхъ; притомъ требуетъ тщательной обработки земли. Его сѣютъ въ розсыпь, въ началѣ мая, употребляя на десятину до тридцати фунтовъ сѣмянъ, либо разводятъ рядами и въ такомъ случаѣ высѣвають сѣмена, въ самомъ началѣ весны, на особыя гряды, а съ наступленіемъ лѣта переносятъ молодыя растенія на поле и разсаживаютъ ихъ рядами, въ разстояніи одинъ отъ другаго не болѣе одного фута. Тминъ есть двулѣтнее растеніе: на второй годъ онъ пускаетъ длинныя стебли, цвѣтетъ и приноситъ сѣмена, которыя, въ концѣ юня, созрѣваютъ. Тогда тминъ скашиваютъ или вырываютъ съ корнемъ, вяжутъ въ пучки, просушиваютъ и молотятъ. При самомъ изобильномъ урожаѣ его, собираютъ до ста двадцати пудовъ сѣмянъ съ десятины. Изъ ста фунтовъ тминнаго сѣмени можно получить до пяти фунтовъ масла.

Кунжутъ, одно изъ важнѣйшихъ масляныхъ растеній въ Левантѣ, Персіи, Бухаріи, Хивѣ и другихъ Азіятскихъ земляхъ, не разводится въ Европѣ и только въ новѣйшее время значительно увеличился вывозъ кунжутскаго сѣмени изъ Леванта въ Марсель, для тамошнихъ маслобойныхъ заводовъ, по случаю употребленія кунжутнаго масла, вмѣсто деревяннаго, на мыловаренное производство. Въ южной Россіи, опыты разведенія кунжута, при содѣйствіи правительства и Вольнаго Экономическаго Общества, начались еще съ прошлаго столѣтія, но до сихъ-поръ кунжутъ нигдѣ не разводится въ большомъ видѣ. Эти опыты показали, что съ полнымъ успѣхомъ можно воздѣлывать его только въ самыхъ южныхъ краяхъ Россіи, около Астрахани, Кизляра, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ лѣтніе жары сильны и продолжительны и гдѣ это растеніе можетъ быть орошаемо водою. Разведеніе кунжута въ ближайшихъ къ Черному Морю закавказскихъ областяхъ, могло бы доставить этому краю большія выгоды, по усилившемуся требованію на кунжутное сѣмя въ Европѣ. До сихъ-поръ, добываніе масла изъ кунжута, для пищи, производится только въ Армянской Области. Недавно стали вывозить его оттуда въ Тифлисъ, гдѣ оно продается отъ четырехъ до шести рублей серебромъ за пудъ. Кунжутное сѣмя, стоющее въ Эривани пятьдесятъ копѣекъ серебромъ за пудъ, могло бы сдѣлаться важнымъ предметомъ торговли, если бы провозъ его до Тифлиса и отсюда до Редутъ-Кале не былъ сопряженъ съ большими издержками. Нынѣ привозятъ изъ Астрабада въ Баку, и также въ Астрахань нѣкоторое

количество кунжутнаго масла, покупаемаго на мѣстѣ по рублю шестидесяти копѣекъ серебромъ за пудъ. Оно бываетъ хорошо очищено и въ добротѣ не уступаетъ орѣховому *.

Существенная часть кунжутныхъ сѣмянъ, составляющая главную цѣль воздѣлыванія этого растенія, есть обильное, жирное масло, которое пріятностью вкуса, чистотою цвѣта и прочностью своею, не только превосходитъ масла, получаемыя изъ другихъ сѣмянъ, но даже не уступаетъ въ достоинствѣ лучшему оливковому: оно пригодно къ употребленію въ пищу и для освѣщенія. Выжиманіе масла изъ кунжутныхъ сѣмянъ производится очень легко: по мягкости и тонкости кожи, ихъ не нужно толочь, ни поджаривать какъ обыкновенно дѣлается съ другими сѣмянами. Важное достоинство этого масла состоитъ еще въ томъ, что оно можетъ сохраняться безъ порчи, около десяти лѣтъ и даже болѣе, если только порядочно очищено и сберегается въ удобномъ мѣстѣ, какъ это уже дознано многими опытами въ Астрахани.

Для кунжута нужна почва рыхлая, тучная или хорошо унавоженная, а всего лучше черноземъ, смѣшанный съ пескомъ. Въ странахъ, подверженныхъ засухамъ, надобно избирать мѣста, закрытыя отъ холодныхъ вѣтровъ, низменныя и влажныя, но тамъ, гдѣ вѣтъ недостатку въ дождѣ, всякое мѣстоположеніе годно, только бы земля была хорошо удобрена, разрыхлена и очищена отъ сорныхъ травъ. Время посѣва кунжута нужно рассчитывать такъ, чтобы ни весенніе, ни осенніе морозы не могли причинить ни какаго вреда этому растенію, а какъ отъ посѣва до созрѣнія его проходитъ около четырехъ мѣсяцевъ, то въ южной Россіи можно производить посѣвъ въ началѣ апрѣля. Кунжутъ надобно сѣять рѣдко и, при обыкновенномъ ручномъ сѣяніи, нужно смѣшивать сѣмена его съ пескомъ или сухою землею, потому что онѣ очень мелки. Всего лучше производить посѣвъ съ помощью машины и рядами, отстоящими одинъ отъ другаго на полтора фута; гдѣ нѣтъ сѣяльныхъ машинъ, тамъ выгоднѣе садить кунжутъ. На десятину требуется одинъ пудъ сѣмянъ, а при сѣяніи машиною или сажаніи — гораздо менѣе. Послѣ посѣва, кунжутъ всходитъ обыкновенно чрезъ десять или четырнадцать дней, а иногда и прежде, смотря по погодѣ и по свѣжести сѣмянъ. Если, послѣ того, на полѣ окажутся постороннія травы, то надобно полоть ихъ и въ тоже время можно разрѣзать густо взо-

* См. Коммерческую Газету, 1845 года № 46.

шедшія растенія, оставляя пустаго мѣста между ними не болѣе полутора фута; это необходимо для хорошаго реста и обилія плодовъ. При собираніи кунжута, нужно наблюдать, чтобы оно было сдѣлано въ надлежащее время, потому что лишь только сѣмяныя коробочки созрѣютъ, онѣ сами собою лопаются и содержащееся въ нихъ сѣмя выпадаетъ. По этому когда большая часть ихъ начинаетъ бурѣть, должно приступить къ уборкѣ, не ожидая дозрѣнія остальныхъ. Выдергивая кунжутную траву съ корнемъ, надобно разстилать ее на вѣсколько дней, по чистому мѣсту, на солнцѣ, чтобы сѣмяныя коробочки выспѣли и высохли. По совершенной просушкѣ кунжута, его молотятъ и вымолоченныя сѣмена провѣвають и очищаютъ обыкновеннымъ способомъ.

Урожай кунжута весьма прибыленъ: въ благопріятномъ для него климатѣ, на тучной и хорошо обработанной землѣ, пудъ сѣмянъ его даетъ сто пудовъ умолта и болѣе, а изъ пуда сѣмянъ добывается около двадцати фунтовъ масла*. Кунжутная трава употребляется на топливо въ безлѣсныхъ мѣстахъ. Масляная избойка служитъ хорошимъ кормомъ домашнему скоту, особенно коровамъ, которыя, по увѣренію Азіятцевъ, даютъ отъ того молоко въ большомъ количествѣ и лучшаго качества.

Кромѣ изчисленныхъ нами масляныхъ растеній, многія другія содержатъ въ своихъ сѣмяпахъ или плодахъ масло, служащее для различнаго употребленія, но мы ограничились здѣсь обзорѣніемъ только тѣхъ растеній этого рода, которыя разводятся въ болѣе или менѣе обширномъ видѣ на поляхъ и могутъ родиться въ различныхъ климатахъ Россіи.

Воздѣльваніе у насъ масляныхъ растеній, за исключеніемъ конопля и льна, еще весьма незначительно, потому что эти два продукта, производимые въ большомъ количествѣ какъ для волокна, такъ и для сѣмени, съ избыткомъ удовлетворяютъ внутренней потребности въ сѣменномъ маслѣ. Напротивъ того, въ иностранныхъ земляхъ, расходъ этого матеріала для освѣщенія и для разныхъ фабричныхъ производствъ чрезвычайно великъ. Сверхъ того, многія сѣмяныя масла употребляются также въ

* Смотри Наставленія къ разведенію кунжута и къ выдѣлкѣ изъ него масла, помѣщенные въ брошюрѣ, изданной въ 1842 году въ Тифлисѣ, подъ заглавіемъ: «Практическія правила, извлеченныя изъ опытовъ исправляющихъ должность предсѣдателя закавказскаго общества поощренія сельской и мануфактурной промышленности и торговли, Н. Тергукасовымъ».

днцу. Такое значительное потребление ихъ благоприятствуетъ воздѣлыванію масляныхъ растеній. Эта отрасль сельскаго хозяйства достигла обширнаго развитія преимущественно въ тѣхъ странахъ, гдѣ земледѣліе наиболѣе усовершенствовано: изобиліе рукъ, искусственное плодородіе почвы и удобства сбыта доставляютъ тамъ возможность разнообразить продукты сельскаго хозяйства, между которыми важное мѣсто занимаютъ масляныя растенія. Должно замѣтить также что въ западной Европѣ вообще воздѣлываютъ коноплю и ленъ болѣе для волокна, нежели для сѣмени, и оттого усилилась потребность въ разведеніи другихъ масляныхъ растеній для добыванія сѣмяннаго масла. Иностранцы находятъ, что имъ выгоднѣе пріобрѣтать конопляное и льняное сѣмя и масло изъ Россіи нежели разводить у себя коноплю и ленъ для полученія этихъ продуктовъ. Расходъ сѣмяннаго масла за границу такъ великъ, что ежегодный вывозъ масляныхъ сѣмянъ изъ нашихъ портовъ простирается на нѣсколько милліоновъ рублей. Въ сравненіи съ этою статью нашего отпуска, вывозъ сѣмяннаго масла незначителенъ, отъ того, что въ иностранныхъ земляхъ размножились маслостружечныя заводы. Добываніе сѣмяннаго масла, кромѣ выгоднаго употребленія капиталовъ и рабочихъ рукъ, представляетъ еще важную пользу тѣмъ, что сѣмянный выбой обращается въ кормъ скоту и на удобреніе земли. У насъ, выбой бросается за ничто, въ кормъ свиньямъ, и замѣчено, что мясо ихъ получаетъ отъ того дурной вкусъ; тоже бываетъ и съ мясомъ рогатаго скота, когда онъ откармливается выбоемъ. Это происходитъ отъ того, что у насъ еще не умѣютъ хорошо выбивать масла изъ сѣмени: много масла остается въ выжимкахъ. Напротивъ того, въ иностранныхъ земляхъ, масляныя избытки употребляемыя съ пользою для откармливанія скота и на удобреніе, составляютъ предметъ торговли и при значительномъ ихъ сбытѣ увеличиваютъ выгоды отъ маслостружечныхъ заводовъ. Такимъ образомъ, эта отрасль фабричной промышленности, способствуя умноженію производительныхъ силъ земледѣлія, пріобрѣтаетъ важное значеніе въ государственномъ хозяйствѣ.

Если нынѣшнее положеніе земледѣлія и мануфактуръ въ Россіи не позволяетъ еще усилить воздѣлываніе другихъ масляныхъ растеній кромѣ конопли и льна, доставляющихъ волокна, сѣмя и масло; если внутренній сбытъ сѣмяннаго масла еще такъ незначителенъ, чтобъ Россія въ состояніи была ежегодно отпускать большія количества масличныхъ сѣмянъ за границу, то по-крайней-мѣ-

рѣ полезно было бы обратить вниманіе на выгодѣйшее устройство маслобоенъ для отпуска масла за границу, гдѣ расходъ его непрерывно увеличивается. Съ усовершенствованіемъ этого производства возрастетъ и внутреннее потребленіе сѣмяннаго масла. Это послужитъ къ сугубой выгодѣ отечественнаго земледѣлія, потому что оно пріобрѣтетъ надежный и прибыльный сбытъ для масляныхъ растений и будетъ имѣть возможность съ успѣхомъ распространить воздѣлываніе ихъ, получая отъ маслобоенъ сѣмянный выбой на удобреніе почвы и въ кормъ скоту.

Для извлеченія изъ сѣмянъ наибольшаго количества масла, изобрѣтено много разныхъ машинъ или снарядовъ. Голландія долго славилась превосходѣйшимъ устройствомъ маслобоенъ. Нынѣ преимущество въ этой отрасли промышленности, кажется, принадлежитъ Англіи. Какъ въ этомъ дѣлѣ наибольшая сила даетъ наибольшее количество продукта, то Англичане ввели въ употребленіе гидромеханической прессъ: этимъ орудіемъ работа, съ меньшимъ числомъ рукъ, производится скорѣе и масла выжимается болѣе. Выгоды отъ употребленія такого пресса достаточно вознаграждаютъ за расходы на его устройство. Въ Россіи изъ четверти сѣмянн выбиваютъ масла не болѣе двухъ пудовъ, а большею частью еще менѣе, тогда какъ въ иностранныхъ земляхъ, при лучшемъ устройствѣ маслобоенъ, изъ того же количества сѣмянн, одинаковой доброты, получаютъ отъ трехъ до трехъ съ половиною пудовъ масла. Полагая цѣну масла въ три рубля серебромъ пудъ, мы выручаемъ отъ четверти сѣмянн за два пуда масла шесть рублей серебромъ, а если бы, по примѣру иностранцевъ, изъ того же количества сѣмянн добывалось три съ половиною или хотя три пуда масла, то выручка составляла бы десять съ половиною или по крайней мѣрѣ девять рублей серебромъ.

Выгоды, которыхъ лишается Россія, отпуская за границу сѣмя вмѣсто масла, обращаются въ пользу иностранцевъ. Нынѣшній вывозъ льнянаго сѣмянн доходитъ до милліона четвертей, изъ которыхъ въ иностранныхъ земляхъ получается масла отъ трехъ до трехъ съ половиною милліоновъ пудовъ, и сверхъ-того пріобрѣтается избытокъ. Цѣнность этой статьи нашего отпуска простирается на семь милліоновъ рублей серебромъ. Если бы вмѣсто сѣмянн мы отпускали масло, добывая его на улучшенныхъ маслобойняхъ, то, при цѣнѣ въ три рубля серебромъ за пудъ, мы получали бы отъ вывоза масла, изъ милліона четвертей сѣмянн, отъ девяти до десяти съ половиною милліоновъ рублей се-

ребромъ, а избытокъ оставалась бы въ пользу нашего земледѣлія и могла бы составить новую статью въ нашей отпускной торговлѣ. Допустивъ, что наши маслобойни обратили бы въ масло для отпуска хотя половину того количества сѣмянн, которое нынѣ вывозится за границу, мы видимъ, что и въ такомъ случаѣ государство приобрѣло бы значительную выгоду: за пятьсотъ-тысячъ четвертей сѣмянн, по семи рублей серебромъ, Россія получаетъ нынѣ три съ половиною милліона рублей, а за полтора милліона пудовъ масла, добытыхъ изъ такого же количества сѣмянн, можно бы выручить (считая цѣну масла въ три рубля серебромъ пудъ) четыре съ половиною милліона рублей серебромъ. Слѣдовательно, цѣнность нашего отпуска увеличилась бы въ такомъ случаѣ на милліонъ рублей серебромъ, не включая въ эту сумму масляныя избытки, которыя также могли бы имѣть выгодный сбытъ за границую.

При нынѣшнемъ устройствѣ нашихъ маслобоевъ, дающихъ изъ четверти сѣмянн не болѣе двухъ пудовъ масла, не представляется выгоды отпускать масло вмѣсто сѣмянн. Положимъ, что при отпускѣ пятисотъ-тысячъ четвертей льнянаго сѣмянн, мы обращали бы такую же пропорцію его на масло для вывоза за границу, то, добывая только два пуда масла изъ четверти сѣмянн, мы получили бы этого продукта не свыше милліона пудовъ, и тогда весь отпускъ сѣмянн и масла, по означеннымъ цѣнамъ, составилъ бы только шесть съ половиною милліоновъ рублей серебромъ, между-тѣмъ какъ нынѣ отпускъ одного сѣмянн простирается на семь милліоновъ рублей.

Противъ умноженія вывоза сѣмяннаго масла изъ Россіи могутъ возразить, что иностранцы не станутъ требовать отъ насъ этого матеріалу въ такомъ большомъ количествѣ, имѣя собственные маслобойные заводы. Это возраженіе опровергается тѣмъ, что потребность въ сѣмянномъ маслѣ за границею годъ-отъ-году увеличивается и, если въ Россіи оно будетъ обходиться дешевле, то иностранцы обратятся сюда для покупки масла. Притомъ, такая перемѣна въ ходѣ промышленности не можетъ совершиться вдругъ или въ немногіе годы: для этого потребно время — и много времени, пока у насъ усовершенствуется устройство маслобоевъ и пока улучшеніе ихъ распространится повсюду. Мы хотѣли только показать какъ нужно это улучшеніе и обратить на этотъ важный предметъ вниманіе нашихъ помѣщиковъ и капиталистовъ. Возрастающій вывозъ нашихъ масляныхъ сѣмянъ

свидѣтельствуесть о постоянномъ умноженіи расхода сѣмяннаго масла за границую ; между-тѣмъ отпускъ этого масла изъ Россіи примѣтно упадаетъ. Можно даже опасаться, что наконецъ мы утратимъ эту отрасль нашей отпускной торговли, если не позаботимся заблаговременно объ улучшеніи маслособойнаго производства, чтобы обратить въ нашу пользу хотя часть тѣхъ выгодъ, которыя нынѣ приобрѣтаются иностранцами отъ вывоза масличныхъ сѣмянъ изъ нашихъ портовъ.

По важности этихъ продуктовъ въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ и въ нашей вѣшной торговлѣ, мы займемся еще подробнымъ обзорѣніемъ заграничнаго ихъ сбыта, которое составитъ предметъ отдѣльной статьи въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ «Библіотеки для Чтенія».

Г. И—Ъ.

=

ШЕРСТЯНЫЯ ЯРМАРКИ ВЪ РОССІИ.

=

Особыя ярмарки для торго шерстью учреждены первоначально въ 1825 году для сближенія овчарныхъ заводчиковъ съ суконными фабрикантами и для доставленія удобнѣйшихъ способовъ: первый сбывать свой продуктъ, а послѣднимъ находить, въ извѣстныхъ мѣстахъ и въ опредѣленное время, необходимый матеріалъ, въ такихъ количествахъ и такой доброты, какъ нужно для фабричнаго производства. Эта мѣра оказывалась необходимою къ отвращенію дальнѣйшаго упадка цѣны на шерсть, который грозилъ раззореніемъ овцеводству и проистекалъ не отъ излишества этого продукта въ государствѣ, а единственно отъ вредной для овцеводовъ и фабрикантовъ монополіи торговцевъ. Учрежденіе шерстяныхъ ярмарокъ представило фабрикантамъ возможность избѣгать большихъ невыгодъ и затрудненій, сопряженныхъ съ заочною покупкою шерсти, по большому различію ея доброты и по множеству сортовъ, на которые она раздѣляется. Для шерстяныхъ промышленниковъ и овцеводовъ открылись средства къ вѣрному сбыту ихъ товара на ярмаркахъ, и къ полученію за него настоящей цѣны, соотвѣтственной его добротѣ,

а это обстоятельство должно было возбудить их соревнованіе къ улучшенію качества шерстей.

Съ развитіемъ торговли на шерстяныхъ ярмаркахъ въ Харьковѣ, Ромнахъ и Екатеринославлѣ, цѣны на этотъ товаръ стали однообразнѣе, при совмѣстничествѣ съѣзжавшихся туда продавцовъ и покупателей, но общій ходъ дѣлъ не измѣнился къ лучшему. На ярмарки пріѣзжали весьма не многіе изъ фабрикантовъ и значительныхъ торговцевъ; иностранцевъ вовсе не бывало; для покупки шерсти присылались приказчики, которые иногда оканчивали торги съ овцеводами нѣмъ знакомыми; остальные партіи отдавались на жертву такъ называемымъ «кулакамъ», употреблявшимъ всевозможныя средства для пониженія цѣнъ. При такомъ направленіи торговли нигдѣ не соблюдалась раздѣлка шерстей по сортамъ, какъ это дѣлается за границею. Отъ сильнейшей монополіи торговцевъ, служившихъ посредниками между овцеводами и фабрикантами, цѣны значительно упали и чрезвычайно измѣнились отъ одной ярмарки до другой. Торговцы, ловко умѣя пользоваться обстоятельствами, стали располагать цѣнами на ярмаркахъ, къ очевидной невыгодѣ овцеводовъ и фабрикантовъ. Всякій изъ хозяевъ, пріѣхавшій на ярмарку для продажи шерсти, въ самое нужное время для полевыхъ работъ, держа въ свой товаръ иногда до двухъ недѣль на площади въ ожиданіи сбыть его по хорошей цѣнѣ, подвергаясь, между тѣмъ, такъ долго чувствительнымъ издержкамъ отъ дороговизны при многочисленномъ стеченіи народа на ярмаркѣ и большою частью крайне нуждаясь въ деньгахъ, бываетъ вынужденъ наконецъ продать шерсть по предлагаемой цѣнѣ. Въ столь затруднительныхъ обстоятельствахъ, овцеводамъ приходится отдавать свой товаръ по необходимости, даже съ убыткомъ, потому что затѣмъ, которые не находятъ расчета держаться съ мелкими партіями, спѣшатъ продать и другіе, опасаясь остаться съ непроданною шерстью. Понижая, такимъ образомъ, цѣны при покупкѣ шерсти отъ производителей, торговцы продаютъ ее дорогою цѣною въ кредитъ фабрикантамъ, чтобы получить еще болѣе барыша. Вовлеченные въ долги и понуждаемые кредиторами, фабриканты находятся въ необходимости продавать свои издѣлія по крайнимъ цѣнамъ даже въ убытокъ, и отъ того приходятъ наконецъ въ разстройство, чему уже были примѣры, особенно въ 1841 году.

Такое положеніе торговли возбудило въ овцеводахъ желаніе

освободиться отъ монополіи торговцевъ, доставить фабрикантамъ средства къ покупкѣ нужнаго имъ матеріалу изъ первыхъ рукъ и къ изысканію способовъ для выгоднѣйшаго сбыта шерсти за границу. Помѣщики изъ разныхъ губерній, находившіеся на Харьковской ярмаркѣ, 1837 года, согласились между собою учредить, съ этою цѣлю, акціонерную компанію для торга шерстью. На основаніи Высочайше утвержденнаго, въ осьмой день марта 1838 года, устава компаніи, положено: 1) собрать капиталъ въ два милліона рублей ассигнаціями, раздѣланный на пять тысячъ акцій въ четыреста рублей ассигнаціями каждая; 2) устроить пакгаузы или складочныя для шерсти заведенія, въ которыя она должна быть принимаема во всякое время за умѣренную плату, на храненіе или на комиссію для продажъ, съ разсортировкою по принятымъ правламъ и съ застрахованіемъ; 3) выдавать хозяевамъ въ сеуду подъ залогъ шерсти до ея продажи часть денегъ по оцѣнкѣ, опредѣляемой правленіемъ примѣрно, по справкамъ съ внутренними и заграницными цѣнами; 4) продавать шерсть всѣмъ покупателямъ за наличныя деньги, а въ случаѣ явки фабрикантовъ, желающихъ купить съ разсрочкою, продавать имъ шерсть въ кредитъ, обезпечивая платежъ залогомъ или благонадежнымъ поручительствомъ, и 5) для открытія выгоднѣйшаго сбыта шерсти находиться въ постоянныхъ сношеніяхъ съ внутренними фабрикантами, торговыми домами и консулами.

Благонамѣренная цѣль компаніи не могла осуществиться въ скоромъ времени, потому что при выгодныхъ цѣнахъ на шерсть въ 1838, 1839 и 1840 годахъ, овцеводы не заботились разбирать акціи и ни кто не внесъ подписнаго капитала. Уполномоченные учредители, имѣя въ своемъ распоряженіи весьма малую сумму денегъ, не находили средствъ прветупить ни къ постройкѣ пакгаузовъ, ни къ какимъ-либо дѣйствіямъ, соотвѣтственнымъ цѣли учрежденія компаніи *. Наконецъ, въ 1841 году, когда цѣны на шерсть, вопреки виѣшнимъ торговымъ обстоятельствамъ, вновь упали на тронцкой харьковской ярмаркѣ до неимовѣрной

* Нежели въ 1841 году, роздано не болѣе ста-пятнадцати акцій, изъ которыхъ съ полнымъ взносомъ по четыреста рублей ассигнаціями было только семь акцій, а за остальныя внесена половинная сумма. Весь сборъ за акціи, съ накопившимися процентами, составлялъ 24,511 р. 67½ копейекъ ассигнаціями.

дешевизны, такъ, что многіе хозяева, нуждавшіеся въ деньгахъ, принуждены были продавать привезенную ими шерсть лучшую перегонную отъ четырнадцати до осьмнадцати рублей ассигнаціями, а грязную отъ семи до десяти рублей ассигнаціями за пудъ, тогда овцеводы обратились къ компаніи съ представленіемъ принимать шерсть вмѣсто денегъ за акціи и для опыта открыть ея продажу за границею и прямо фабрикантамъ. Въ то же время, въ общемъ собраніи, овцеводы избрали определенное число директоровъ компаніи. Первымъ дѣйствіемъ ея правленія было объявить находившимся на ярмаркѣ хозяевамъ, что въ избѣжаніе убытковъ отъ упадка цѣнъ, желающіе могутъ привезенную ими шерсть ввѣрить правленію на комиссію, для продажи, а тѣ, которые нуждаются въ деньгахъ, могутъ, подъ залогъ шерсти, получить въ ссуду, за указные проценты, до продажи товара, половину его стоимости, по существующей цѣнѣ, изъ капитала, находящагося въ распоряженіи директоровъ. Сверхъ того, правленіе пригласило желающихъ вносить за акціи, вмѣсто денегъ, шерстью по определенной цѣнѣ: за перегонную двадцать рублей ассигнаціями, а за грязную тринадцать рублей ассигнаціями за пудъ. Полезное вліяніе этихъ распоряженій вскорѣ обнаружилось значительнымъ, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, возвышеніемъ цѣнъ на шерсть: за перегонную лучшую стали платить отъ четырехъ до шести, даже до двѣнадцати рублей, а за грязную отъ трехъ до четырехъ рублей ассигнаціями дороже. Эта мѣра была въ то время единственною, которую правленіе могло предложить овцеводамъ, къ отвращенію ихъ стѣснительнаго положенія; при дальнѣйшемъ же устройствѣ компаніи, правленію надбѣлосъ изыскать средства къ удаленію, сколько возможно, затрудненій, встрѣчаемыхъ овцеводами отъ медленнаго и безыгоднаго сбыта ихъ шерсти.

Дѣйствія правленія въ трояцкую харьковскую ярмарку 1842 года вновь доказали, что, безъ принятыхъ имъ мѣръ, монополія торговцевъ могла опять значительно уронить цѣны, какъ то бывало въ прежніе годы. Еще задолго до начала трояцкой ярмарки, уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ распускались слухи, кажется отъ мелкихъ шерстяныхъ торговцевъ происходившіе, что фабрикантами заготовлено много суконъ и что производство ихъ должно пріостановиться. Такими слухами овцеводы уже приготавливались къ весьма низкимъ цѣнамъ на шерсть, но въ началѣ мая, кунцы, ѣздившіе по деревнямъ предлагали многимъ, а у нѣкоторыхъ да-

же купили на мѣстѣ, за посредственную шерсть грязную отъ пятнадцати до шестнадцати рублей, а за перегонную по двадцати-пяти рублей за пудъ. Можетъ-быть, эти цѣны, подавая лучшія надежды, заставили хозяевъ поспѣшить на тронцкую ярмарку; туда начали подвозить шерсть уже въ концѣ мая и на послѣдокъ весь привозъ доходилъ до 130,000 пудовъ. Правленіе акціонерной компаніи, предполагивъ употребить капиталъ на покупку шерсти, по собраннымъ свѣдѣніямъ о заграничныхъ и внутреннихъ цѣнахъ, объявило хозяевамъ, доставившимъ шерсть на ярмарку, что цѣны должны состоять на перегонную низкую двадцать-пять рублей, среднюю тридцать рублей и высшую тридцать-пять рублей ассигнаціями за пудъ. Послѣ продажи нѣкоторыхъ партій фабрикантамъ и торговцамъ отъ двадцати-осми до тридцати-двухъ рублей, покупки вдругъ остановились по прибытіи многихъ купцовъ: на рынкѣ появлялось только нѣсколько «кулаковъ» и за лучшія партіи насмѣшливо предлагали по двадцати-по два рубля за пудъ, указывая на большое количество подвозимой шерсти. Хотя такое усиліе понизить цѣны не имѣло значительнаго успѣха, потому что овцеводы, получая посредствомъ правленія компаніи, вѣрныя свѣдѣнія, какъ о количествѣ шерсти на ярмаркѣ, такъ и о цѣнахъ, не отдавали ея за безцѣнокъ, однако правленіе признало нужнымъ объявить, въ общее извѣстіе, о настоящихъ обстоятельствахъ торговли, именно: что требованіе на шерсть какъ въ Россіи, такъ изъ за границы, довольно значительно; что въ Москвѣ, шерсти не продажной почти не осталось и фабриканты въ ней нуждаются; что количество этого товара вообще уменьшилось частью отъ истребленія многихъ стадъ болѣзнями, частью отъ того, что многіе овцеводы или уменьшили свои стада или уничтожили ихъ, въ слѣдствіе значительнаго упадка цѣвъ на шерсть; что, при очевидномъ стремленіи торговцевъ къ пониженію цѣвъ, отъ овцеводовъ будетъ зависѣть противопоставить имъ свои дѣйствія и не допустить цѣвъ до совершеннаго упадка: многіе могутъ для того двинуть шерсть въ Москву для продажи за границу, чрезъ посредство торговаго дома Ценкера и Колли *; другіе могутъ сложить свой товаръ въ Харьковѣ и выждать выгоднаго сбыта, а иные могутъ поручить продажу компаніи; что этихъ трехъ способовъ достаточно, чтобы заставить покупателей взять остальную на рынкѣ шерсть по той

* Коммисіонеровъ московскаго общества улучшеннаго овцеводства.

цѣнѣ, какая должна существовать, то есть, отъ двадцати-пяти до тридцати-двухъ рублей ассигнаціями за пудъ, по добротѣ. Такой совѣтъ подѣйствовалъ на овцеводовъ: нѣкоторые партіи начали двигаться съ рынка, то на складку въ анбары, то для отправки въ Москву, то для сдачи въ вѣденіе компаніи, на комиссію для продажи, а между-тѣмъ, правленіе продолжало закупать мелкія и среднія партіи отъ двадцати-пяти до двадцати-осьми рублей за пудъ. Эти мѣры, наконецъ, побудили торговцевъ приступить къ покупкѣ и они стали платить отъ двадцати-трехъ до двадцати-осьми рублей за перегонъ. Изъ всего количества шерсти поступило въ харьковскую акціонерную компанію на комиссію и покупной до 16,000 пудовъ, отправлено къ Ценкеру и Колли для заграничной продажи прямо отъ овцеводовъ до 7000 пудовъ, сложено въ анбары до 10,000 пудовъ, остальная значительнѣйшая часть около 97,000 пудовъ куплена фабрикантами и торговцами: перегонъ отъ двадцати-одного до тридцати-двухъ рублей ассигнаціями, а грязная отъ пятнадцати до двадцати рублей ассигнаціями за пудъ, смотря по добротѣ.

Въ 1843 году, привозъ шерсти на тронцкую харьковскую ярмарку былъ не многими менѣе количества, поступившаго въ предъидущемъ году; покупщики явились почти тѣ же, но къ нимъ присоединилось нѣсколько иностранцевъ, въ первый разъ посѣтившихъ эту ярмарку. Дѣйствія торговцевъ не измѣнились: тѣ же выжиданія, тѣ же слухи о худыхъ обстоятельствахъ; но овцеводы частью ободренные хорошими извѣстіями о партіяхъ, проданныхъ до ярмарки, частью поддерживаемые надеждою на компанію, не сбавляли цѣны. Правленіе, объявивъ какія цѣны, примѣрно, должны состояться, предложило выдавать въ ссуду третью часть противъ назначенныхъ цѣнъ и опредѣлило покупать въ компанію всѣ мелкія партіи, чтобы владѣльцы ихъ, не находящіе расчета долго держать цѣну, не вредили дешевою продажей своихъ шерстей, общему установленію настоящихъ цѣнъ. Хотя цѣны, назначенныя правленіемъ, не совсѣмъ удержались, однако шерсть платилась дороже, чѣмъ въ 1842 году, а именно: лучшая перегонная отъ тридцати до тридцати-пяти рублей, средняя отъ двадцати-семи до тридцати рублей и весьма не многія партіи проданы ниже двадцати-четырехъ рублей; грязная продавалась отъ десяти до осемнадцати рублей за пудъ. Видя, что цѣны на шерсть установились довольно сходныя для овце-

водовъ, правленіе компаніи ограничилось покупкою до 2,500 пудовъ перегона и полученіемъ до 5000 пудовъ шерсти на комиссію.

Ко времени троицкой харьковской ярмарки 1844 года, обстоятельства приняла еще болѣе благопріятный оборотъ для дѣйствій компаніи. Имѣя возможность усилить ея ограниченный капиталъ займомъ подъ залогъ шерсти въ харьковской конторѣ коммерческаго банка, учрежденной въ 1843 году, правленіе уже могло дѣйствовать съ болѣею увѣренностью набавить овцеводовъ отъ притѣсненій покупателей-спекулянтовъ и установить правильный ходъ торговли шерстью. Изложивъ свои средства къ достиженію этой цѣли, правленіе назначило, предъ началомъ ярмарки, цѣну перегона низшаго сорта осемь рублей серебромъ, средняго девять съ половиною рублей, высшаго одиннадцать рублей, а грязной отъ четырехъ съ половиною до семи рублей серебромъ за пудъ и предложило выдавать въ ссуду по этимъ цѣнамъ половинную часть денегъ. Ранній Троицынъ день въ этомъ году былъ причиною неодновременнаго подвоза шерсти: многіе отдаленные овцеводы вовсе не успѣли доставить ее на ярмарку; сверхъ того, по примѣрному исчисленію болѣе 100,000 пудовъ было продано, на мѣстахъ, въ Таганрогъ и въ Одессу, и потому привозъ шерсти въ Харьковъ, на троицкую ярмарку, былъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прежніе годы; на площади и въ пакгаузахъ находилось не свыше 100,000 пудовъ. Между-тѣмъ, съѣздъ покупателей былъ не менѣе прошлогодняго, въ Москвѣ почти вовсе не оставалось шерсти въ первыхъ рукахъ, а изъ-за границы получались довольно благопріятныя извѣстія. Всѣ эти обстоятельства придали ярмаркѣ быстрое движеніе, какого нѣсколько лѣтъ не бывало замѣтно. Шерсть перегонная платилась отъ тридцати-двухъ до сорока рублей ассигнаціями пудъ; низшія цѣны получили тѣ хозяева, которые успѣли продать свои партіи на первыхъ дняхъ. За опоздавшую шерсть также не давали настоящей цѣны, потому что подъ конецъ на ярмаркѣ оставались одни харьковскіе покупщики. Тогда правленіе компаніи приступило къ принятію шерсти, на комиссію, съ выдачею денегъ подъ залогъ товара: на этомъ основаніи принято въ правленіе около 3000 пудовъ шерсти. Видя изъ опытовъ прежнихъ лѣтъ, что покупка шерсти, возвышенными цѣнами, неминуемо должна причинять убытокъ, правленіе компаніи постановило правиломъ впредь не покупать шерсти, а единственно принимать ее для продажи:

оно убѣдилось, что пріемъ шерсти отъ владѣльцевъ на комиссію, съ выдачею имъ въ ссуду опредѣленной суммы, будетъ надежнѣйшимъ способомъ къ достиженію цѣли, съ которою учреждена компанія и къ соблюденію выгодъ ея акціонеровъ.

Троицкая ярмарка 1844 года вновь доказала на опытѣ неудобства ранней шерстяной ярмарки: компанія еще въ 1843 году обратилась къ начальству съ ходатайствомъ о назначеніи ярмарки въ Харьковѣ съ перваго іюня, не придерживаясь къ Троицыну дню, который приходится въ разное время, не только въ числахъ но даже въ мѣсяцахъ. При равненъ наступленіи этого праздника уборка шерсти къ продажѣ бываетъ очень затруднительна и сопряжена съ большимъ вредомъ для овецъ, какъ по холодному еще времени года, такъ и потому, что переговъ ихъ чрезъ воду и стрижка приходится въ самое сильное ягненіе; при чемъ стада подвергаются болѣзнямъ и значительной смертности. Въ такомъ случаѣ, многіе овцеводы или опаздываютъ или вовсе не успѣваютъ доставить свой товаръ на ярмарку и оттого она идетъ не дружно, къ невыгодѣ покупателей и большей части продавцевъ.

Къ отвращенію этихъ неудобствъ, министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало распоряженіе о назначеніи, съ 1845 года, постоянного срока для троицкой харьковской ярмарки, съ перваго по семнадцатое іюня. Еще до начала ея были получены извѣстія о большомъ требованіи на шерсть за границу и о большихъ покупкахъ, сдѣланныхъ съ весны для отправки этого товара за море, чрезъ Одессу и Таганрогъ. По приблизительному расчету болѣе 100,000 пудовъ шерсти куплено было еще до стрижки овецъ, съ платою на мѣстахъ отъ десяти до двѣнадцати рублей серебромъ за пудъ перегона и отъ шести съ половиной до восьми рублей за пудъ грязной. На харьковскую ярмарку было въ привозѣ до 85,000 пудовъ. Въ первые дни платили за грязную шерсть отъ двѣнадцати до пятнадцати рублей серебромъ и эти цѣны, вѣроятно, удержались бы во всю ярмарку, но овцеводы неудовольствовались имъ, а покупщики не рѣшались возвышать ихъ и покупка остановилась на нѣсколько дней, оттого цѣны упали на сорокъ копѣекъ до одного рубля серебромъ на пудъ. Въ это время, правленіе компаніи открыло пріемъ шерсти на комиссію съ выдачею впередъ, до расчета, по десяти рублей серебромъ на пудъ перегона и по семи рублей серебромъ на пудъ грязной. Многіе владѣльцы

большую часть значительныхъ партій, начали отдавать ихъ компаніи на комиссію, отъ чего цѣны опять возвысились. Въ комиссію поступило до 7,000 пудовъ шерсти. Собственнаго капитала компаніи не было бы достаточно для раздачи ссудъ, но правленіе рѣшилось не отказывать въ пріемѣ шерсти, итѣя въ виду получить отъ банковской конторы ссуду, которая и доставила возможность удовлетворить всѣхъ желающихъ вѣрить компаніи шерсть на комиссію для продажи.

Прошлогодняя троицкая ярмарка открылась при неблагоприятныхъ предзнаменованіяхъ. Извѣстія, что цѣны на шерсть съ осени 1845 года постепенно упали въ продолженіе всей зимы, какъ внутри Россіи, такъ и за границею, подтвердились для всѣхъ овцеводовъ тѣмъ, что въ 1846 году, при наступленіи весны почти вовсе не было закупокъ въ окрестностяхъ черноморскихъ портовъ. Можно было ожидать, что на харьковскую троицкую ярмарку будетъ привезено шерсти значительно болѣе прошлогодняго, и въ самомъ дѣлѣ съ двадцать втораго мая уже начали приходиться партіи, хотя едва ли кто изъ владѣльцевъ не зналъ, что срокъ для ярмарки въ Харьковѣ назначенъ постоянный съ перваго по семнадцатое іюня, вмѣсто Троицына дня, какъ было прежде: раннее открытіе весны не могло быть причиною столь поспѣшнаго подвоза, потому что непостоянная холодная погода, въ апрѣлѣ и особенно въ маѣ, не благоприятствовала стрижкѣ овецъ. Вѣроятно, ускореніе подвозовъ произошло единственно отъ надежды овцеводовъ продать дороже шерсть, рапѣ привезенную, чему бывали въ прежніе годы неоднократные примѣры, но пріѣзжихъ покупателей еще не было, а мѣстные торговцы, изъ которыхъ многіе понесли значительные убытки отъ прошлогоднихъ операцій, не торопились начинать покупку. Хозяева, поспѣвшіе съ своими партіями, проиграли тѣмъ, что были вынуждены напрасно ожидать опредѣленнаго дня, къ которому собрались всѣ покупатели и подвезена вся шерсть, до 140,000 пудовъ. Пріѣзжихъ изъ за границы комиссіонеровъ было менѣе, нежели въ 1845 году, но для отправки туда шерсти были покупщики изъ Одессы, Таганрога и Москвы, кромѣ русскихъ фабрикантовъ и торговцевъ. Неблагопріятные слухи о продолженіи упадка цѣнъ за границею, останавливали торговлю. Овцеводы согласились сдѣлать уступку отъ пятнадцати до двадцати процентовъ, съ прошлогоднихъ цѣнъ троицкой ярмарки, соображаясь въ этой уступкѣ съ послѣдними продажами шерсти въ Москвѣ и за границею. Покупщики пред-

лагали гораздо низшую цѣну и потому еще нѣсколько дней прошло безъ всякой торговли. Такимъ образомъ, первыя прибывшія на ярмарку партіи стояли уже до двухъ недѣль; значительные расходы на содержаніе людей, скота и на собственный прожитокъ, равно какъ приближеніе времени сѣнокоса, когда нужны рабочіе, все это побуждало владѣльцевъ торопиться продажей, хотя бы съ видимымъ ущербомъ. Наконецъ, сильныя, продолжительныя дожди совершенно поколебали овцеводовъ и принудили ихъ согласиться на предложенія покупателей, въ пользу которыхъ всѣ эти обстоятельства сдѣлали видимый перевѣсъ. По сбавкѣ съ цѣны до рубля серебромъ съ пуда, стали продавать шерсть перегонную отъ семи рублей пятидесяти копѣекъ до одиннадцати рублей пятидесяти копѣекъ серебромъ, а грязную отъ пяти до семи рублей серебромъ за пудъ.

Правленіе харьковской акціонерной компаніи, сообразивъ внутреннія и заграничныя свѣдѣнія о ходѣ шерстяной торговли, втеченіи своего коммерческаго года, начинающагося съ перваго іюня, и предстоящіе виды для сбыта этого товара, объявило предъ началомъ ярмарки, что цѣны могутъ состояться отъ девяти до тринадцати рублей серебромъ за пудъ перегона и отъ пяти до осьми рублей за пудъ грязной и предложило выдавать ссуду до семи рублей серебромъ за перегонъ и до четырехъ рублей пятидесяти копѣекъ за грязную шерсть, тѣмъ, которые пожелаютъ ввѣрить свои партіи компаніи на коммиссію для продажи. Никогда еще не бывало столько желающихъ получить пособие отъ компаніи. Хотя въ послѣдствіи многіе овцеводы, которымъ были предложены достаточныя цѣны, судя по качеству шерсти, продали ее на ярмаркѣ, однако въ компанію поступило до 20,000 пудовъ перегонной и до 3,000 пудовъ грязной. Не имѣя достаточно собственнаго капитала на удовлетвореніе всѣхъ требованій, правленіе компаніи обратилось къ займу въ харьковской конторѣ коммерческаго банка и, заложивъ до 10,000 пудовъ перегонной шерсти, получило около 64,000 рублей серебромъ.

Послѣ тронцкой ярмарки 1846 года, слабое требованіе на шерсть для отпуска за границу вознаградилось довольно живымъ сбытомъ во внутренней торговлѣ и запасовъ непроданной шерсти осталось не много. Къ тронцкой ярмаркѣ нынѣшняго года полученныя къ тому же времени извѣстія съ иностранныхъ рынковъ заставляли ожидать большаго требованія на шерсть къ осени,

оттого, что по видамъ на хорошій урожай хлѣба въ нынѣшнемъ году, многіе фабриканты стали усмивать свое производство, сокращенное ими по случаю дороговизны жизненныхъ припасовъ и остановки въ сбытѣ издѣлій. Сообразивъ эти обстоятельства съ общими подробностями хода шерстяной торговли, правленіе харьковской компаніи объявило свои предположенія, что на нынѣшней тронцкой ярмаркѣ цѣны могутъ состояться отъ девяти съ половиною до тринадцати съ половиною рублемъ серебромъ за пудъ перегона и отъ пяти съ половиною до осьми съ половиною рублемъ серебромъ за пудъ грязной шерсти и предложило выдавать въ ссуду желающимъ поручить ему на комиссію для продажи свои партіи до семи съ половиною рублемъ серебромъ на пудъ перегона и до пяти рублемъ серебромъ на пудъ грязной.

Холодная, дождливая погода въ маѣ замедлила стрижку овецъ и къ первому числу іюня, назначенному для начала ярмарки, подошло въ Харьковъ не много шерсти; остальная подвезена въ слѣдующіе затѣмъ дни и надобно было ожидать, что владѣльцы партій не станутъ торопиться продажей. Въ самомъ дѣлѣ, никогда не было замѣчено такъ мало суетливости, какъ въ продолженіе нынѣшней ярмарки; заграничныхъ покупателей было мало; нѣкоторые изъ московскихъ также не пріѣхали. Въ черноморскихъ портахъ шерсть почти не требовалась и закупокъ на мѣстахъ передъ стрижкою сдѣлапо весьма не много. Оттого привозу шерсти на ярмарку было значительно болѣе, чѣмъ въ послѣдніе годы, именно: перегонной до 130,000 и грязной до 70,000 пудовъ. Однако правленіе компаніи не обманулось въ своемъ предположеніи, что цѣны должны быть нѣсколько выше прошлогоднихъ; конечно, немногіе изъ владѣльцевъ продали свои партіи дешевле и то по какимъ-нибудь особеннымъ причинамъ; но вообще платили за пудъ перегона отъ осьми съ половиною до двѣнадцати и отъ пяти съ половиною до семи рублемъ серебромъ за грязную. Многія изъ большихъ партій отданы въ нынѣшнемъ году въ компанію на комиссію для продажи, безъ полученія ссуды и оттого въ харьковской конторѣ коммерческаго банка запято только около 17,000 рублемъ серебромъ. Въ правленіе компаніи поступило шерсти: перегона болѣе 17,000 и грязной до 2,000 пудовъ.

Мнѣніе о пользѣ, приносимой компаніею овцеводству и распространенію правильной торговли шерстью, начинается болѣе и бо-

лѣе распространяться. Въ послѣдніе годы многіе овцеводы вступили въ число акціонеровъ и вообще требованіе на акціи компаніи примѣтно увеличивается; ихъ разбираютъ также не одни овцеводы, но и другія лица, съ цѣлью пристроить капиталъ выгоднымъ образомъ *. Фабриканты и другіе покупщики шерсти начинаютъ также омазывать болѣе готовности вступать въ сношенія съ правленіемъ, чему, впрочемъ, уже было сдѣлано начало въ предъидущіе два года. Остается желать, чтобы обстоятельства шерстяной торговли доставили правленію средства согласить, по возможности, выгоды овцеводовъ съ выгодами фабрикантовъ и благонамѣренныхъ шерстяныхъ торговцевъ. Не менѣе желательно также, чтобы кругъ дѣйствій компаніи распространился на ближайшія главныя ярмарки для торга шерстью, екатеринославскую и роменскую.

Первый приступъ къ тому былъ сдѣланъ въ прошедшемъ году: одинъ изъ директоровъ правленія отправился на ярмарку въ Екатеринославль, чтобы желающимъ доставить средства войти въ ближайшія сношенія съ компаніею о всѣхъ условіяхъ пріема шерсти, для продажи на комиссію. На петропавловскую екатеринославскую ярмарку поступило шерсти до 26,000 пудовъ, кромѣ сложенной по дворахъ въ незначительномъ количествѣ, которая была закуплена перепродавцами на мѣстахъ. Цѣны состоялись отъ семи-съ-половиною до десяти рублей серебромъ за пудъ перегона и до пяти рублей пятнадцати копѣекъ серебромъ за грязную. Нельзя однако сказать, что шерсть въ Екатеринославлѣ была дешевле нежели въ Харьковѣ, потому что разность отъ одного до двухъ рублей серебромъ пудъ происходила не отъ упадка цѣнъ, но отъ качества шерсти, а еще болѣе отъ достоинства уборки. Покупщиковъ было довольно. Почти всѣ русскіе и иностранные торговцы, купившіе мало шерсти въ Харьковѣ, надѣялись найти выгоднѣйшія для нихъ цѣны въ Екатеринославлѣ и оттого съѣздъ туда былъ значительнѣе обыкновеннаго; къ нимъ еще присоединились Евреи. При такомъ стеченіи покупателей, ни одинъ изъ овцеводовъ не былъ вынужденъ воспользоваться предложеніями компаніи.

* Эти акціи принесли дивиденда въ 1845—1846 годахъ десять процентовъ, а въ 1846—1847 годахъ четырнадцать процентовъ. Въ отчетахъ компаніи годъ считается съ перваго іюня, то есть отъ одной тронцкой ярмарки до другой.

Совѣтъ иное зрѣлище представляла роменская ярмарка, послѣ харьковской-тронцкой, самая значительная изъ нашихъ шерстяныхъ ярмарокъ. Въ прежніе годы свозилось въ Ромны на ильинскую ярмарку до 100,000 пудовъ шерсти изъ губерній полтавской, черниговской, курской, харьковской, кievской, екатеринославской и другихъ; но съ приращеніемъ торговли на харьковской-тронцкой ярмаркѣ и со времени учрежденія петропавловской ярмарки въ Екатеринославѣ, привозъ шерсти на роменскія ярмарки сталъ уменьшаться. Запдѣпровскій край, постоянно сбывавшій здѣсь свою шерсть, продаетъ ее нынѣ большою частью на екатеринославской ярмаркѣ. По справкамъ, собраннымъ мѣстною полиціею, привозъ шерсти въ Ромны простирался, въ 1840 и 1842 годахъ, до 100,000 пудовъ, а въ 1844 году былъ привезено только до 30,000 пудовъ. Количество шерсти, поступающей на здѣшнія ярмарки, весьма измѣняется, потому что зависеть отъ продажи ея на мѣстахъ, равно какъ на предшествующихъ ярмаркахъ, харьковской и екатеринославской: владѣльцы, не успѣвшіе или не рѣшившіеся продать тамъ свой товаръ, доставляютъ его въ Ромны къ ильинской ярмаркѣ съ надеждою на выгоднѣйшій сбытъ. Прошлогодня здѣшняя ярмарка не оправдала ихъ ожиданій. Цѣны на шерсть были значительно ниже состоявшихся на тронцкой и петропавловской ярмаркахъ, а именно: испанская перегонная шерсть продавалась отъ одиннадцати до двадцати-двухъ рублей ассигнаціями (отъ трехъ рублей четырнадцати копѣекъ до шести рублей двадцати-осми копѣекъ серебромъ), грязная отъ осми до пятнадцати рублей пятидесяти копѣекъ ассигнаціями (отъ двухъ рублей двадцати-осми копѣекъ до четырехъ рублей сорока-трехъ копѣекъ серебромъ) за пудъ. Чтобы дать понятіе о ходѣ торговли на этой ярмаркѣ, помѣщаемъ здѣсь выписку изъ отзыва, сообщеннаго объ ней московскому обществу овцеводства однимъ помѣщикомъ, бывшимъ въ Ромнахъ для продажи своей шерсти. Вотъ собственные слова его :

«Осьмнадцатаго іюля я пріѣхалъ въ Ромны; ѣду на конную, смотрю кругомъ — шерсти бездна, еще никогда столько не бывало. Покупатели прохаживаются, но едва примѣтятъ помѣщика-продавца, тотчасъ всторону, чтобы не встрѣтиться. Знакомые покупатели не узнаютъ меня; нѣкоторые сквозь зубы спрашиваютъ о цѣнѣ и отвѣчаютъ молчаніемъ. 22 числа узнаю я, что только до 90,000 пудовъ шерсти, изъ свезенной на конную, дѣйствительно продаются. Остальное количество — шерсть, купленная въ Ека-

«тернославѣ, на ярмаркѣ, или по новороссійскимъ заводамъ и, за неимѣніемъ тамъ извозчиковъ для отправки въ Москву, привезена на волахъ въ Ромны и сложена на площади для перекладки на конныя телеги *. Эта шерсть сложена какъ устрашающая декорация для насъ продавцовъ, съ цѣлю пугать насъ огромнымъ количествомъ шерсти и тѣмъ согласиться на тѣ цѣны, какія покупатели намъ предложатъ. Вслѣдствіе такого открытія, сказалъ я слѣдующую рѣчь нѣкоторымъ изъ покупателей, старинныхъ моихъ знакомцевъ, желая пайти въ нихъ скорѣе развязку комедіи, которая начинала уже томить меня: «До насъ доходили письменныя извѣстія и частныя слухи, что шерсть упала въ цѣнѣ; мы, продавцы, покоряясь этой переимѣнѣ обстоятельствъ, согласны сдѣлать уступку на такомъ условіи, чтобы покупатели, сообразивъ настоящее положеніе торговли шерстью, со всемъ вниманіемъ къ обоюднымъ нашимъ выгодамъ, по совѣсти назвачили каждому, у кого они шерсть купить желаютъ, настоящую и послѣднюю цѣну, съ уступкою такихъ-то процентовъ противъ цѣнъ прошлаго года». Рѣчь моя была принята холодно и въ отвѣтъ: «Да что прошлый годъ вспоминать, прошлый годъ всѣ сошли съ ума! а вы уступите намъ изъ тридцати рублей». Это была цѣна, выше которой общество покупателей условилось не платить намъ. Жиды первые не выдержали и, вечеромъ, 22 числа, предлагали мнѣ десять рублей серебромъ и то по секрету. Вечеромъ появленіе на конной московскаго фабриканта Четверикова произвело замѣтное движеніе. На другой день узналъ я, что онъ купилъ уже на ярмаркѣ лучшія шерсти, цѣною отъ сорока-трехъ до пятидесяти рублей ассигнаціями за пудъ. Слѣдовательно цѣны не тѣ, какія желаетъ установить большая часть покупателей. При этомъ невольно заговорилъ о неприятномъ положеніи овцевода, у котораго шерсть и хороша, да въ маломъ количествѣ. Она была бы пригодна для фабрики Четверикова, но онъ старается купить большія партіи, а для маленькихъ послѣ не станетъ денегъ. Не думаю, впрочемъ, чтобы при пышнѣшемъ положеніи фабричной шерстяной промышленности въ Россіи, хорошіе сорта шерсти нужны были только для одной его фабрик. Нѣтъ! они нужны многимъ фабрикан-

* По другимъ свѣдѣніямъ, настоящій привозъ шерсти на ярмарку простирался только до 37,000 пудовъ. (См. № 11 журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, 1846 года).

«танъ», но многіе изъ нихъ приняли себя за правило въ поку-
«тѣ выжидательный способъ. Этотъ способъ, конечно, болѣе вре-
«денъ нежели полезенъ и самимъ покупателямъ: они теряютъ вре-
«мя; успѣвають купить одну партію шерсти, истощивъ терпѣніе
«хозяина и зато теряютъ двѣ-три партіи, соответственныя фабрич-
«ной потребности. Не многіе наши земляки понимаютъ, что стѣс-
«неніе овцеводовъ общимъ сговоромъ платить на ярмаркѣ за
«шерсть низкою цѣною можетъ быть губельно для самихъ fabri-
«кантовъ. Двѣ-три ярмарки подобныхъ дѣйствій и овцеводы, не
«получая за труды свои и возможно малаго вознагражденія, пе-
«рестанутъ заботиться объ усовершенствованіи овцеводства. Ре-
«зультатъ этого слишкомъ ясенъ.»

Послѣ такихъ извѣстій о прошлогодней роменской ярмаркѣ,
нельзя не пожалѣть, что овцеводы не имѣли здѣсь способовъ
противодѣйствовать притѣсненіямъ торговцевъ и поддержать цѣны
на шерсть, сообразно обстоятельствамъ, какъ это было на тро-
ицкой ярмаркѣ въ Харьковѣ. Можетъ-быть; со-временемъ, харь-
ковская акціонерная компанія найдетъ возможность и на ромен-
ской ярмаркѣ оказывать овцеводамъ вспомошествованіе при
низкихъ цѣнахъ на шерсть, выдачею ссудъ, подъ залогъ то-
вара и взятіемъ его на комиссію для продажи. Вѣроятно, и
здѣсь распоряженія компаніи имѣли бы такія же успѣшныя по-
слѣдствія какъ на харьковской ярмаркѣ, къ выгодиѣйшему
сбыту шерсти и къ устраненію монополіи торговцевъ, вредной
для овцеводовъ и фабрикантовъ.

Главнѣйшая обязанность правленія состоитъ въ томъ, чтобы
постоянно слѣдить за ходомъ шерстяной торговли въ Россіи и въ
иностранныхъ земляхъ. Кромѣ частныхъ и газетныхъ свѣдѣній,
получая отъ всѣхъ консуловъ и агентовъ русскихъ за границею,
извѣстія обо всемъ, касающемся до шерстяной промышленности,
оно имѣетъ возможность достоверно опредѣлять предстоящую
цѣнность шерсти, а своевременно сообщая о томъ овцеводамъ,
назначаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ сумму, которую будетъ выдавать
въ ссуду желающимъ поручить всѣ партіи компаніи на комис-
сію. Такимъ образомъ, владельцы, зная приблизительную цѣну
шерсти и получая достаточную ссуду на необходимыя надоб-
ности, могутъ избѣгать ошибочныхъ расчетовъ и не продавать
свой товаръ на ярмаркахъ за безцѣнокъ или гораздо ниже той
цѣны, какая въ то время существовать можетъ; при томъ, по-

ручая шерсть компаніи для продажи, избавляются отъ хлопотъ о выгоднѣйшемъ сбытѣ своихъ партій. Вотъ услуги, которыхъ овцеводы въ правѣ ожидать отъ правленія компаніи, и возрастающее довѣріе къ нему служить доказательствомъ, что дѣйствія правленія соответствуютъ пользамъ овцеводовъ.

Фабрикантамъ, покупающимъ отъ компаніи шерсть, отданную ей на коммиссію, представляется возможность пріобрѣсть нужный имъ матеріалъ съ избѣжаніемъ разныхъ неудобствъ и затрудненій, встрѣчаемыхъ ими въ торговлѣ шерстью. Фабриканты жалуются на то, что имъ трудно пріобрѣтать шерсть изъ первыхъ рукъ, что для того они должны сами разѣзжать или посылать своихъ приказчиковъ по овчарнымъ заводамъ и по ярмаркамъ, тратя время, лишніе расходы и подвергаясь необходимости покупать большое количество шерсти вовсе не нужной, чтобы изъ нея выбрать партію, потребную для фабричнаго производства. Еще болѣе жалуются они на дѣйствія многихъ шерстяныхъ торговцевъ, къ посредничеству которыхъ они должны прибѣгать для облегченія своихъ операцій: покупаемые у этихъ торговцевъ партіи бывають часто подмѣшаны шерстью съ палыхъ овецъ и съ другими пороками, которыя открываются уже въ самой фабрикаціи и тѣмъ причипяють фабрикантамъ значительный убытокъ. Наконецъ, очень невыгоднымъ находятъ покупать шерсть искусственно перемытую, потому что на многихъ мойкахъ употребляется глина, вредная для фабричнаго производства. Фабриканты, вступая въ сдѣлки съ правленіемъ харьковской акціонерной компаніи, могутъ избавиться отъ всѣхъ этихъ подлоговъ, неудобствъ и убытковъ. Правленіе предлагаетъ имъ свое посредничество въ этомъ дѣлѣ и на мѣстные расходы, при продажѣ партій въ томъ видѣ, какъ онѣ поступаютъ отъ овцеводовъ, правленіе принимаетъ на себя также распоряженія касательно мойки, сортировки и отправки шерсти, съ застрахованіемъ, обращая расходы по этимъ операціямъ на счетъ покупателей и предоставляя самимъ фабрикантамъ назначать, если угодно, въ какомъ изъ харьковскихъ шерстомойныхъ заведеній шерсть должна быть вымыта и на сколько сортовъ разобрана. Въ случаѣ надобности, правленіе дѣлаетъ разсрочку уплаты за купленную шерсть, по условію съ фабрикантомъ.

Подобную льготу оно допускаетъ въ своихъ сдѣлкахъ и съ шерстяными торговцами, отдавая имъ шерсть въ кредитъ съ полу-

ченіемъ полупроцента съ рубля въ мѣсяцъ, обезпечивая, векселями съ благонадежнымъ поручительствомъ, вѣрность уплаты въ срокъ, назначаемый обыкновенно къ тропцкой шерстяной ярмаркѣ въ Харьковѣ, которая начинается теперь постоянно съ перваго іюня.

По цѣли своего учрежденія, компанія, какъ посредница между овцеводами, фабрикантами и торговцами, можетъ оказывать имъ, въ случаѣ надобности, содѣйствіе и вспомошествованіе, не входя въ торговля спекуляціи. По этому, ей не нужно, кажется, располагать значительнымъ капиталомъ въ два милліона рублей ассигнаціями, который первоначально предполагалось собрать посредствомъ акцій: такой капиталъ могъ считаться необходимымъ при самомъ учрежденіи компаніи, въ 1838 году, когда еще не была открыта контора коммерческаго банка въ Харьковѣ, въ кругъ дѣйствій которой входитъ выдача ссудъ подъ залогъ шерсти. Эти ссуды выдаются не иначе какъ чрезъ посредство харьковской акціонерной компаніи, правленіе которой, въ случаѣ надобности, относится въ банковую контору съ объявленіемъ о количествѣ разсортированной шерсти, представляемой въ залогъ, и съ показаніемъ ея цѣны: правильность сортировки и оцѣнки шерсти, равно какъ храненіе ея въ собственныхъ пакгаузахъ компаніи и наблюденіе за сроками платежей, все это лежитъ на отвѣтственности правленія. Такимъ образомъ, при содѣйствіи капиталовъ банковской конторы, въ отношеніи къ производству ссудъ, увеличилось средства компаніи къ поддержанію цѣны на шерсть и правильнаго хода торговли на украинскихъ шерстяныхъ ярмаркахъ. Опытъ уже доказалъ полезное дѣйствіе распоряженій правленія при тѣхъ средствахъ, которыми оно нынѣ располагаетъ; остается только желать, чтобы компанія продолжала слѣдовать избранному ею пути, стараясь приобрѣсти довѣріе овцеводовъ и фабрикантовъ, которое одно можетъ доставить ей возможность распространить кругъ ея дѣйствій, на пользу шерстяной промышленности.

Пресѣщенные овцеводы, изыскивая способы къ сближенію производителей и фабрикантовъ и къ устраненію, сколько возмож-

* По отчету компаніи, въ первомъ іюня 1847 года, весь капиталъ ея состоялъ изъ 71,000 рублей серебромъ. Изъ предложенныхъ ея уставомъ 5,000 акцій было разобрано только 490.

но, посредничества между ними спекулянтовъ, убѣдились, однако, что въ этомъ отношеніи, дѣйствія харьковской акціонерной компаніи не могутъ совершенно обезпечить правильной торговли шерстью. Харьковская компанія имѣетъ вліяніе только на губерніи Харьковскую, частью на Екатеринославскую, Полтавскую и Курскую, тогда какъ остаются, можно сказать, безъ покровительства, овчарныя заведенія въ губерніяхъ: Оренбургской, Симбирской, Саратовской, Пензенской, Тамбовской, Воронежской и другихъ. Самыя дѣйствія компаніи ограничиваются временемъ ярмарокъ, между тѣмъ, какъ извѣстно, что вся непроданная шерсть съ харьковской, роменской и екатеринославской ярмарокъ, отправляется для сбыта въ Москву, какъ центръ мануфактурной промышленности. Здѣсь, круглый годъ, торгуютъ шерстью, годичная продажа которой доходитъ до 4,500,000 пудовъ, но и здѣсь нѣтъ ручательства въ покушкѣ всемѣшаниной и надежной тонкой шерсти, отъ чего фабриканты затрудняются въ улучшеніи шерстяныхъ издѣлій и успѣхи ихъ подвигаются медленно.

Такое положеніе этой торговли возбудило мысль объ учрежденіи складочнаго депо шерстей въ Москвѣ, подъ покровительствомъ Московскаго Общества Улучшеннаго Овцеводства. Приступъ къ тому былъ сдѣланъ въ 1842 году. По приглашенію общества, почетные граждане московскіе первой гильдіи купцы Ценкеръ и Колли, приняли на себя званіе комиссіонеровъ его и объявили объ условіяхъ, на которыхъ можетъ быть присылаема къ нимъ шерсть отъ овцеводовъ на комиссію, для продажи въ Москвѣ или для отправки за границу. Съ тѣхъ поръ, нѣкоторые помещики воспользовались этимъ предложеніемъ и черезъ посредство этого торговаго дома не однократно посылали свою шерсть въ Лондонъ и другія мѣста. Общество, признавая полезнымъ дать большее развитіе комиссіонерной продажѣ тонкихъ шерстей въ Москвѣ, въ 1844 году, положило учредить здѣсь складочное депо для приѣма тонкой шерсти во всякомъ видѣ, на храненіе и продажу, только съ условіемъ, чтобы овцеводы присылали рунную шерсть съ здоровыхъ животныхъ, особо отъ обюжекъ и шерсти, состриженной съ палыхъ овецъ или подпаренной съ овчинъ. Въ званіе директоровъ избраны господа Ценкеръ и Колли, имѣющіе въ Москвѣ торговый домъ, который пользуется кредитомъ какъ въ Россіи, такъ и за границею. При учрежденіи этого депо, они опредѣлили весьма облегчательныя для овцеводовъ условія по приѣму и продажѣ шерсти, назнать при-

томъ самую умѣренную уплату за комиссію, и обязались выдавать въ задатокъ подъ шерсть, присылаемую въ депо, по шести-десяти процентовъ съ биржевой ея цѣны. Продажу шерсти положено производить нѣ Москвѣ, но если владѣлецъ пожелаетъ, то его товаръ, чрезъ эту контору, можетъ быть отправленъ за границу.

Такимъ образомъ, совокупныя дѣйствія московскаго общества овцеводства харьковской акціонерной компаніи, вспомошествоваемой тамошнею конторою коммерческаго банка и складочнаго депо шерстей въ Москвѣ, имѣютъ одну главную цѣль: утверждение правильнаго хода торговли шерстью вообще, на пользу шерстяной промышленности. Въ подкрѣпленіе этихъ, уже принятыхъ мѣръ къ отвращенію невыгодъ и затрудненій, встрѣчаемыхъ овцеводами и фабрикантами въ торговлѣ шерстью, остается еще устранить неудобства мѣстныхъ, на шерстяныхъ ярмаркахъ, служащія также препятствіемъ правильной торговлѣ, а именно: недостатокъ удобныхъ помѣщеній для складки и взвѣшивания привозимой шерсти и недостатокъ пастбищъ для скота, доставляющаго подвозы съ шерстью на ярмарки. Наирасно жалуются овцеводы, что купцы на шерстяныхъ ярмаркахъ употребляютъ всѣ средства кушать товаръ дешевле: это ихъ дѣло. Пока овцеводы, привезшіе туда шерсть, будутъ въ ненастье ходить по колѣно въ грязи и платить дорого за сѣно для своихъ воловъ, обѣдающихъ въ это время своихъ хозяевъ, до тѣхъ поръ нельзя винить покушниковъ зато, что они устанавливаютъ цѣны на шерсть, покойно сидя за чашемъ въ трактирахъ. Люди, бывшіе на европейскихъ шерстяныхъ ярмаркахъ, говорятъ, что у насъ не ярмарки, а базары. Конечно иностранцу странно видѣть на ярмаркѣ шерсть подъ дождемъ, а воловъ въ грязи съ возами, подлѣ которыхъ сидятъ, а впогда и вочують продавцы. Въ этомъ зрѣлищѣ есть нѣчто азіатское. Не знаемъ, измѣнилось ли оно въ новѣйшее время, но крайней мѣрѣ еще въ 1844 году такое описаніе было сообщено въ журналѣ, издаваемомъ отъ московскаго общества сельскаго хозяйства.

Образцовъ европейскаго устройства шерстяныхъ ярмарокъ не нужно искать далеко, за предѣлами Россіи: въ Царствѣ Польскомъ постановлены для привоза, складки и продажи шерсти на ярмаркахъ, точныя правила, за исполненіемъ которыхъ наблюдаетъ мѣстное начальство. За десять дней до открытія ярмарки, магистратъ распорядается устройствомъ, на избранной для нея

площади, настилко́къ изъ досокъ, для складки шерсти, располагая ихъ въ квадратъ, такъ что торговцы и продавцы имѣютъ свободный доступъ со всѣхъ сторонъ. По срединѣ площади устроивается сарай, гдѣ привозимая шерсть взвѣшивается магистратскими чиновниками. Привозить и взвѣшивать шерсть дозволяется продавцамъ за три дни до открытія ярмарки. Оттого происходитъ существенная польза для торговли; количество шерсти, поступившей на ярмарку, дѣлается достовѣрно извѣстнымъ, тогда какъ у насъ спекулянты пользуются невѣдѣніемъ продавцевъ, увѣряя, что на ярмаркѣ болѣе 200,000 пудовъ шерсти когда нѣтъ и половины этого количества. По существующимъ въ Царствѣ Польскомъ правиламъ, каждый привозитель шерсти долженъ имѣть свидѣтельство мѣстнаго начальства, удостоверяющее, что доставляемый на ярмарку матеріалъ есть внутреннее произведеніе и привезенъ изъ здоровыхъ мѣстъ, гдѣ не было ни падежа, ни заразы на овецъ и на рогатый скотъ. При ввозѣ шерсти въ городъ, свидѣтельства остаются на заставахъ и стражники сопровождаютъ шерсть до мѣста ярмарки, гдѣ она должна быть сложена по указанію пристава, надзирающаго за торговымъ складомъ. Чиновникъ находящійся при вѣсахъ, устроенныхъ на площади, обязанъ каждому прибывшему туда съ шерстью, взвѣсить ее и написать краскою на каждомъ мѣшкѣ вѣсъ брутто и изъ какого мѣста она происходитъ, если это не выставлено на мѣшкѣ; затѣмъ выдается привозителю вѣсовый ярлыкъ съ означеніемъ вѣса брутто каждаго мѣшка особо и всего транспорта вообще. Дубликатъ этого ярлыка остается въ шнуровой книгѣ, для повѣрки, какъ количества привезенной шерсти, такъ и поступившаго съ вѣсовъ дохода. Сборъ установленный за вѣсъ шерсти, за помѣту мѣшковъ и за выдачу вѣсоваго ярлыка, поступаетъ въ городскую кассу, въ возмѣщеніе вздержекъ на устройство ярмарки. Вozy, на которыхъ доставляется шерсть, по свалкѣ товара у вѣсовъ, отправляются на отведенное для нихъ мѣсто, а на площади остается только шерсть, сложенная установленнымъ порядкомъ. На время ярмарки, для надзора за нею и для облегченія сношеній между продавцами и покупателями, назначается ярмарочная депутація, которая, сверхъ-того, обязана собирать свѣдѣнія о привозѣ и цѣнахъ шерсти и о ходѣ торговли на ярмаркѣ.

Въ Царствѣ Польскомъ учреждены двѣ главныя шерстяныя ярмарки: одна въ Варшавѣ, другая въ Калишѣ. Въ этихъ горо-

даже польскій банк устроилъ складочныя для шерсти заведенія. Польскіи, не успѣвшіе продать свой товаръ на ярмаркѣ, могутъ складывать его тамъ, съ полученіемъ отъ банка денежной ссуды въ половину противъ стоимости шерсти и съ платежѣмъ по полу-проценту въ мѣсяцъ, а за складку по пяти копѣекъ серебряннхъ съ центнера (въ 132 фунта) въ первые три мѣсяца и по полторы копѣйки серебромъ въ послѣдующіе. Шерсть, сложенная въ банковомъ депо, обезпечивается въ страховомъ отъ огня управленіи, которое взимааетъ страховой преміи не свыше одной десятой части процента за три мѣсяца.

На тамошнія ярмарки, равно какъ и въ вольной продажѣ, допускается одна только перегонная, а не грязная шерсть (какъ у насъ въ Россіи); впрочемъ, овцеводы сами не повезутъ для продажи на ярмарку грязную шерсть, потому что изъ пуда хорошей перегонной выходитъ послѣ фабричной мойки и сортировки двадцать-четыре фунта, а изъ пуда грязной только тринадцать фунтовъ: слѣдовательно, какъ продавецъ такъ и покупатель, подвергаются лишней платѣ за провозъ, составляющей ровно вдвое болѣе съ грязной, нежели съ перегонной шерсти.

При упаковкѣ обращается тамъ вниманіе, чтобы шерсть была укладываемая въ мѣшки осторожнѣе, не разрывая рунныхъ мотковъ. Она укладывается въ мѣшки сообразно классификаціи, а именно: шерсти отъ матокъ и отъ ягнать особю, обножки и мертвыя руна особю и такъ далѣе. Всѣ набитаго мѣшка не долженъ быть свыше тринадцати камней (429 фунтовъ); мѣшки должны быть безъ заплатокъ и наружныхъ швовъ, потому что это можетъ возбудить подозрѣніе, что шерсть была на пути переложена или замѣнена другою.

Строгое, со стороны нашихъ овцеводовъ и торговцевъ, соблюденіе существующихъ въ европейской торговлѣ обычаевъ, въ отношеніи къ сортировкѣ, мойкѣ и укладкѣ шерсти, равно какъ устройство нашихъ шерстяныхъ ярмарокъ по примѣру европейскихкихъ, — необходимѣйшія условія для установленія правильной торговли шерстью, безъ которыхъ едва ли можно ожидать, въ этомъ отношеніи, прочнаго успѣху отъ тѣхъ мѣръ, какія досихъ поръ были приписываемы къ поддержанію внутреннихъ цѣнъ на шерсть и къ устраненію отъ нихъ вреднаго вліянія спекулянтовъ.

Гораздо правильнѣе нежели внутри Россіи производится тор-

говля шерстью въ Одессѣ: тамошніе купцы скупаютъ шерсть весною до стрижки, у помѣщиковъ новороссійскаго края, отдавая имъ часть денегъ въ задатокъ. Цѣны тамъ всегда соответствуютъ заграничнымъ и не слышно жалобъ овцеводовъ на притѣсненія со стороны купцевъ. Возрастающій вывозъ шерсти изъ Одессы служитъ очевиднымъ доказательствомъ, что эта торговля тамъ утвердилась на прочномъ основаніи, выгодномъ для продавцевъ и покупателей, и что шерсть, отпускаемая за границу черезъ этотъ портъ, удовлетворяетъ требованіямъ иностранныхъ потребителей.

Г. И—Ъ.

=

V.

КРИТИКА.

=

1. ПЕРЕЪЗДЫ ПО ФИНЛЯНДИИ. *Путевыя записки Ивана Гроота. Санктпетербургъ, 1847.*

2. DEUX ANNÉES D'EXCURSIONS D'UN PARISIEN DEVENU MOSCOVITE. (*Два года поѣздокъ Парижанина ставшаго Москвитяниномъ. Москва, 1847.*)

=

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

=

Видѣть, наблюдать и потомъ рассказывать, вотъ счастье путешественника. На этомъ основаніи мы полагаемъ, что два сочинителя, которыхъ творенія лежатъ передъ нами, два самые счастливые челоѡка въ мірѣ. Вдвоемъ они, если мы не ошибаемся, видѣли все, что только можно видѣть на свѣтъ — tutto il universo, ed altri luoghi — и пересказываютъ еще болѣе того, что видѣли. Печора и Гангесъ, Торнео и Кантонъ, Мадридъ, Охотскъ, Филадельфія, Лондонъ, Сивха, Алжиръ. Гоа, Парижъ, Тобольскъ, Пирепен, Алтай, Биссепніа, Вол-

Т. LXXXIV. — Отд. V.

га, Рейнъ, Оренко, Камръ, Гельсингфорсъ, статуя Ломоносова и оивскій Мемнионъ, — все здѣсь есть — все осмотрѣно — и обо всемъ рассказано. Господинъ Гроотъ ѣздитъ по Финляндіи — онъ ѣздитъ систематически — показываетъ все любопытное — и, конечно, чичерона по землѣ Финновъ лучше господина Гроота ни найти ни желать не возможно. «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ», напротивъ, рыщетъ по всему свѣту широкому вдоль и поперекъ наудачу, смотритъ на что ни попадо и описываетъ все какъ-нибудь, — что по увѣренію друзей, издавшихъ его письма, набросанныя впопыхахъ на ночлегахъ, презанимательно, безподобно. Мы готовы согласиться съ друзьями «Парижанина ставшаго Москвитяниномъ», что это въ самомъ дѣлѣ очень весело, — по крайней мѣрѣ необыкновенно и ново въ печати, — и готовы даже, новости ради, сами страпствовать съ двумя нашими путешественниками на точномъ основаніи этой беззаботной методы. Будутъ ли читатели довольны нашей затѣей, это уже ихъ читательское дѣло: пріятеля-издатели «Парижанина ставшаго Москвитяниномъ» увѣряютъ, что недовольными быть нельзя.

Хотите ли видѣть солнце въ полночь? Отправитесь съ господиномъ Гроотомъ и его обществомъ въ конецъ Ботническаго Залива, въ окрестности Торнео. За рѣкою, на шведскомъ берегу, почти противъ церкви Алькулы, есть огромная скала Луппівара (waaga, значитъ зора), замѣчательная не только по вышинѣ своей, но и по множеству пещеръ. Эти углубленія поражаютъ прихотливою и разнообразною игрою природы, и привлекаютъ вниманіе всѣхъ путешественниковъ. Другая, не менѣе замѣчательная гора не отдѣляется отъ вѣсь рѣкою Торнео. И эта гора такъ высока, что съ нея также можно видѣть полуночное солнце. Въ девятомъ часу вечера вы оставляете пасторскій домъ, куда со станціи приводятъ вамъ лошадей и тележку. Проѣхавъ небольшое разстояніе, вы видите гору, лежащую влѣво отъ дороги: съ вершины ея изъ маленькаго озера течетъ рѣчка, на которой по скату горы

устроено на незначительномъ пространствѣ не менѣе осемнадцати водяныхъ мельницъ (sqvaltor).

Прѣхавъ сюда, на станцію Христію, прежде всего подкрѣпите себя на предстоящую прогулку: до вершины горы версты четыре. Привѣтливая и опрятная хозяйка подаетъ вамъ оленьяго окорока, лососины и горячаго молока съ сахаромъ, въ которое, во время кипяченія, прилито немного французскаго вина (ganskanwiina); отъ чего въ этой смѣси образовался на дѣйствіе творогу. Это покажется вамъ очень удачнымъ видоизмѣненіемъ болѣе обыкновеннаго, но также вкуснаго финскаго кушанья, въ которомъ, вмѣсто вина, кислое молоко примѣшано къ прѣсному при первомъ его кипѣніи, и гдѣ также образуется творогъ: смѣсь эта называется riimän juoksutus (свернувшееся молоко).

Гора, на которую послѣ ужина вы всходите съ проводникомъ, называется *Гуйтапери*. Въ этихъ звукахъ, вѣроятно, скрывается испорченное шведское названіе Hwitaberg (бѣлая гора), которое гора могла получить потому что на ней мѣстами растетъ бѣлая брусника. Съ горою этою соединяется еще особенная примѣчательность: она достопамятна въ исторіи науки. На ея вершинѣ, сто десять лѣтъ тому назадъ, производила свои наблюденія извѣстная французская экспедиція, снаряженная подъ начальствомъ Мопертюи (Maupertuis), для точнѣйшаго опредѣленія формы земли. Наблюдатели устроили здѣсь подмости, которыхъ остатки до сихъ поръ видны во множествѣ деревянныхъ обломковъ и щепокъ, мѣстами покрывающихъ вершину горы, сѣрыхъ, полусогнившихъ. Возьмите нѣсколько кусковъ, со слѣдами вбитыхъ гвоздей, чтобы порадовать какого-нибудь вамъ знакомаго математика такими драгоценными для него предметами. Настала полночь, и вы всѣ глаза, все вниманіе свое обращаете на солнце: оно видно почти во всей своей полночи; только малая часть его подъ горизонтомъ. Какое зрѣлище! какое воспоминаніе на всю жизнь! — вы видѣли солнце въ полночь! Теперь вы до-

вольны совершенно : вы убѣдились, что земля въ самомъ дѣлѣ кругла какъ яблоко. Гуйтаперы ниже Авагаксы и отличается большею дикостью, потому что состоитъ почти вся изъ голаго камня. Сходя съ горы по югозападному крутому скату, увидите открытую, просторную пещеру подъ навѣсомъ огромныхъ, будто готовыхъ обрушиться утесовъ. Одинъ изъ нихъ страшнымъ клиномъ вѣзвился между двумя другими. Проводникъ не умѣетъ объяснить вамъ, отъ чего эта пещера прозвана *Королевскою палатою* (Kuninkaap kamari). Но всего хуже то, что господинъ Гроотъ — не энтузіастъ, не смотря что онъ — поэтъ. Мы ожидали встрѣтить въ этомъ мѣстѣ великолѣпную тираду о чудесномъ зрѣлищѣ незаходящаго свѣтила — всѣ радуги мечты — всѣ лучи поэзіи — всѣ краски риторики. Увы! онъ говоритъ объ этомъ такъ хладнокровно какъ-будто, въ полночь, на небосклонѣ, увидалъ онъ, не солнце, а голландскій сыръ. Это отнимаетъ всю охоту ѣхать въ Торнео.

Повѣжайте однако жъ. Почему знать! въ хорошую полночь, вы, можетъ-быть, вмѣсто одного, найдете два полуденныя солнца. Моцертюи оставилъ любопытныя записки о своей жизни: въ нихъ разсказывается, между прочимъ, замѣчательное обстоятельство пребыванія французскаго астронома въ лапландскомъ краю. Находясь однажды въ торнеоской церкви, онъ такъ былъ очарованъ одной молодою крестьянкою, что уговорилъ ее ѣхать съ нимъ во Францію и она долго удивляла весь Парижъ своею красотой.

Въ ноябрѣ, 1843 года, «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» оставляетъ Бѣлокаменную. Черезъ мѣсяць онъ — въ Иркутскъ. Черезъ полтора, онъ — въ Кяхтѣ, а тамъ — въ Калифорнію ѡблаетъ на кораблѣ съ знаменитымъ русскимъ путешественникомъ, лейтенантомъ Загоскинымъ, который, въ нашей русской Америкѣ открылъ совсѣмъ новую Америку, цѣлыя государства съ сильною, пышною растительностью подъ широтою Архангельска, съ богатыми лугами и долинами, съ чудными рѣками и озерами, настояшій рай

шерборейскій. Вы полагаете что теперь-те будете вы привольно путешествовать по Америкъ съ московскимъ Парижаниномъ: ничего не бывало! — онъ только прокатилъ по Америкъ — взглянулъ — написалъ письмо къ друзьямъ — и вдругъ очутился въ Испаніи, чтобы оттуда написать къ нимъ слѣдующее письмо. Еще не кончилъ этого посланія, какъ вотъ онъ — уже въ Африкѣ... Этотъ огромный полуостровъ, простирающійся отъ Александріи и Алжира до Мыса Доброй Надежды, не то, что долгое время предполагала географія: онъ не огрничивается узкою полосой обитаемой земли, которую омываетъ Средиземное Море и за которою начинается страшная безпредѣльная пустыня. Дознано, что Африка — материкъ населенный почти повсюду. Нынче на нее напали со сѣхъ четырехъ главныхъ сторонъ. Съ сѣвера, завоеваніе Алжира отворяетъ ворота, въ которые уже вошло нѣсколько французскихъ эскадроновъ и нѣсколько предпріимчивыхъ купцовъ. Съ юга, Англичане и Голландцы ежесдневно болѣе и болѣе отъсыляютъ Караванъ къ экватору. Съ запада, по Нигеру и его притокамъ уже носяся пароходы. Съ востока, Англія водрузила свое знамя на берегахъ Чермнаго Моря. Не пройдетъ полу-вѣка, быть-можетъ, все эти военные и мирные вѣстники образованности, отправившіеся съ четырехъ противоположныхъ концовъ, сойдутся въ средоточіи до-сихъ-поръ невѣдомой части свѣта.

Развалины, которыми усыяна почва сѣверной Африки, доказываютъ, что тутъ некогда стояли великолѣпные города, обильно украшенные дворцами, храмами и триумфальными арками, — доказательство, что этотъ край былъ одною изъ самыхъ богатыхъ и производительныхъ провинцій римской имперіи, житницею голоднаго Рима кесарей, а что было, опять можетъ быть.

Французы уже шестнадцать лѣтъ сражаются съ населеніемъ, которое не составляетъ и двухъ съ половиною миліоновъ душъ, тогда какъ мы видали, что величайшія европейскія націи подвергались игу побѣдителя послѣ двухъ-

трехъ сраженій. Слѣдуетъ ли, стало-быть, оцѣнивать сопротивление народа по числу его? Никто уже не скажетъ — да. Военное устройство народа и образованіе его почвы, вотъ — препятствія, которыя нужно принимать въ соображеніе. Вычисляють, что Алжиръ представляетъ по одному солдату на шестерыхъ жителей. Изъ этого слѣдуетъ, что Французы имѣютъ дѣло, примѣрно, съ четырьмя-стами тысячъ войска. Прибавьте къ этому трудности походовъ по гористой мѣстности, суровости климата, отсутствіе дорогъ, рѣдкость воды во многихъ мѣстахъ, недостатокъ удовольствія для людей; легкость, съ какою туземцы могутъ уклоняться и скрываться; необходимость военнымъ колоннамъ уносить за собою все, больныхъ и даже раненыхъ, которыхъ негдѣ оставить; невозможность кончить войну большими сраженіями, — и вы согласитесь, что вполнѣ восторжествовать когда-нибудь надъ этимъ краемъ почти нѣтъ средствъ.

Этотъ не только борьба расъ, но и въ-особенности борьба вѣрованій. Арабская народность не имѣетъ признаннаго главы, но зато имѣетъ одну мысль, которая оживляетъ и связываетъ все сопротивленія, — мысль религиозную. Магометанство Арабовъ не было искажено и повреждено, какъ магометанство Османлы. Французы борются съ первобытнымъ исламомъ, съ истиннымъ Кораномъ, такъ, что губернаторъ этихъ провинцій какъ-будто продолжаетъ дѣло, начатое Карломъ-Мартеломъ на поляхъ Поатье.

Выпивъ чашку арабскаго кофе съ гущею въ Алжиръ и поохотившись за кабаномъ «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» выпшетъ третье письмо изъ Киргизской Степи. Какое наслажденіе — послѣ арабскаго кофе, подъ сомнительною тѣнью пальмы, пить кумысъ у подошвы Алтая, въ виду золотоносныхъ розсыпей! По его наблюденіямъ, Калмыки и Киргизы этихъ странъ не имѣютъ ни какого понятія о томъ, какъ жить по-европейски, — особенно Калмыки. Слабые и низкаго росту люди эти вообще смиренны и незлобивы:

встрѣча съ ними въ обширныхъ пустыняхъ почти всегда безопасна для европейскаго путешественника, а козаки, которымъ порученъ надзоръ за границами и мѣстная полиція, однимъ своимъ воинственнымъ, богатырскимъ видомъ приводятъ ихъ въ оцѣпентіе. За то козаки и обращаются съ ними съ глубо айшимъ презрѣніемъ. Рассказываютъ, что, когда какой-нибудь чиновникъ забѣгаетъ въ этотъ край по казенной надобности и, не найдя лошадей, поручить козаку сыскать ихъ, тотъ никогда не трудится за этимъ самъ, а просто отдаетъ свою саблю Калмыку, Калмыкъ съ почтеніемъ кладетъ грозный талисманъ на плечо и отправляется исполнять порученіе. Если гдѣ откажутся или замедлятъ дать лошадей, посланецъ положить саблю на землю, подлѣ строптивыхъ, и уйдетъ не говоря ни слова. Дѣйствительность этой тактики тотчасъ же оказывается. Вѣсть о прибытіи козацкой сабли производить всеобщую тревогу и посланецъ не успѣетъ воротиться, какъ примчатся и лошади и грозный талисманъ.

«Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» предупреждаетъ, что должно различать этотъ народъ отъ Киргизовъ, обитающихъ въ обширныхъ степяхъ у подошвы Алтая, на юго-западъ. Они гораздо благороднѣе Калмыковъ. За то они столько же безпокойны и склонны къ хищничеству, сколько ихъ сосѣди кротки и безвредны.

Подлѣ этихъ народовъ живетъ и множится мало-по-малу довольно значительное число европейскихъ колоній. Будучи различнаго происхожденія, они отличаются также нравами и представляютъ въ этомъ отношеніи часто поразительныя противоположности. Богатый золотопромышленникъ, котораго въ этихъ отдаленныхъ краяхъ удерживаетъ жажда прибылей, разумѣется, съ наслажденіемъ мечтаетъ иногда о той порѣ, когда ему можно будетъ пользоваться своими богатствами среди общества, которое доставитъ ему всѣ утонченности роскоши. До того времени удовольствія его очень ограничены. Будучи почти всегда лишенъ всякаго умственнаго образованія, онъ не знаетъ другаго развлеченія кромѣ

застольнаго, которому и предается совершенно: для этого онъ собираетъ дань съ самыхъ отдаленныхъ краевъ. Дичь и лѣсная птица на его роскошномъ столѣ смѣняется страбургскими пастетами, мессинскими и португальскими апельсинами, пришедшими на Енисей черезъ Петербургъ. Лучшія вина Бордо и Малаги и шампауское, купленное за баснословную цѣну, искрятся въ дорогомъ богемскомъ хрусталѣ, между тѣмъ какъ Калмыкъ въ войлочномъ колпакѣ подноситъ сытымъ гостямъ чистѣйшій арабскій кофе, въ японскомъ фарфорѣ, съ благовонными сигарами Манильи и Гаваны.

Колоніи, раскиданныя по отдаленнымъ границамъ или необозримымъ равнинамъ, со-временемъ произведутъ сильное вліяніе на этотъ край. Нѣкоторыя уже значительно распространились и представляютъ видъ зажиточныхъ деревень. Поставленные такимъ образомъ на глаза кочующимъ племенамъ, они составляютъ центры, которые рано или поздно должны привлечь и удержать ихъ. Киргизы уже начинаютъ признавать выгоды образованности: послуживъ сперва батраками у козаковъ, которые господствуютъ надъ ними, они принялись подражать своимъ хозяевамъ. Дикіе чада степи уже охотно ставятъ свои юрты подлѣ козачьихъ станицъ. Нѣкоторые поселились даже въ настоящихъ избахъ и занимаются земледѣіемъ. Конечно, это, покуда, еще ничтожныя слѣдствія, однако жъ для будущаго они много значатъ и можно предсказать, что прійдетъ пора, когда эти блуждающія орды обратятся въ осѣдлыхъ хлебопашцевъ.

Но Каменные Киргизы, — потому что рѣчь идетъ именно о Киргизахъ Каменныхъ, — не довольно интересны для того чтобы занять наблюдательность «Парижанина ставшаго Москвитяниномъ». Онъ перелетаетъ на Рейнъ, объѣдаетъ въ трактирѣ въ обществѣ Нѣмцевъ, Французовъ, Англичанъ и Русскихъ; знакомится за столомъ съ какимъ-то русскимъ литераторомъ, — великимъ литераторомъ, — который, тутъ же, между жаркимъ и десертомъ читаетъ имъ, — безвкусникъ! — полную исторію русской литературы, отъ Ломоносова до

Пушкина. Сказанный великій русскій императоръ встрѣчаетъ честную компанію, и «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» спѣшитъ донести своимъ московскимъ друзьямъ, что, послѣ Пушкина, были только два дарованія на Руси, *Дер-лявтовъ* и *Гоголь*. Какъ вы видите, это, очевидно, былъ ученый Каменный Киргизъ. Получивъ такое назидательное наставленіе въ литературу своего новаго отечества, «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» поскакалъ въ Парижъ.

1. Отъ этотъ Вавилонъ. Посыпающая пескомъ аллея ведетъ насъ въ деревню Нельи. Это уже Парижъ во всемъ своемъ блескѣ. Этотъ домъ, скромно лежащій на берегу между двумя плывучими островами — потѣшный дворецъ короля Французовъ. Московскій Парижанинъ перешелъ черезъ мостъ, — одинъ изъ лучшихъ мостовъ въ Европѣ, — осыпанный старыми вязами и смѣло перекинутый черезъ Сену между островами, что окружаютъ королевскій дворецъ. Тутъ Паскаля однажды понесла въ каретѣ шестерка его лошадей и онъ такъ близко свидѣлся съ смертью, что вдругъ сталъ строгимъ авторомъ «Мыслей» и «Писемъ провинціала». Черезъ нѣсколько оборотовъ колеса по прекрасной улицѣ отъ мосту въ Нельи до заставы Звѣзды московскій Парижанинъ достигаетъ до рѣшетки Булонскаго Лѣса. Отсюда до Триумфальной Арки разстояніе не значительно. Какая арка! Это, по-истинѣ, величайшая арка въ свѣтѣ. Вокругъ этого огромнаго памятника вчера только, кажется, возникли изъ земли валы, прорылись рвы и возвысились укрѣпленія. Отъ Триумфальной Арки по длинной улицѣ Елисейскихъ Полей онъ выѣзжаетъ на площадь Людовика-Пятнадцатаго. Посреди этой площади, между двумя монументальными фонтанами, стоитъ спокойный и торжественный луксорскій обелискъ. Это цѣлая глыба красного граниту въ пятьдесятъ аршинъ вышины. Этотъ камень такъ тонокъ, легокъ и остеръ, что древніе, по словамъ «Парижанина ставшаго Москвитяниномъ», называли его «Клеопатриной иголкой». Увы! вамъ извѣстно однакожъ, что «Клеопатрина иголка» находится въ Александріи и что это

поэтическое имя дали ей италійскіе матросы. Между-тѣмъ, Парижанинъ-Москвитчъ самъ былъ въ Александріи, какъ онъ увѣряетъ. Какъ же онъ не приметилъ тамъ «Клеопатриной итолжи»? И какъ же образомъ онъ могъ смѣшать *александрійскій* обелискъ съ *ду сорс имъ*, тогда какъ Луксоръ, вы знаете — древніе Фивы? «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ», по-видимому, не очень силенъ ни въ древностяхъ, ни въ географіи.

Окружность Парижа почти одинаковой величины съ окружностью Москвы. Столицу Франціи населяетъ миллионъ душъ, которыя живутъ только тѣмъ, что имъ принесутъ извнѣ, разумѣется, за постоянную, прилежную и часто мучительную работу. Это населеніе помѣщается въ тридцати-тысячахъ трехъ, четырехъ и пяти-этажныхъ домахъ, каждый по мѣрѣ своего состоянія.

Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ отправляется въ Институтъ Франціи. Онъ восхищенъ Лувромъ, который тянется къ Тюи ирійскому Саду и къ Триумфальной Аркѣ. Вступивъ на Мостъ-Искусствъ (Pont des Arts), онъ на привольѣ удивляется обширной панорамѣ, которая разстилается передъ нимъ на право и на-лѣво: здѣсь статуя Генриха-Четвертаго господствуетъ надъ Новымъ-Мостомъ; тамъ, когда восхищенный взоръ пробѣжитъ Карусельный и Королевскій мосты, до дворца Бурбоновъ тянется обширный горизонтъ, на которомъ высшую точку составляетъ куполь собора Инвалидовъ. Но вотъ Институтъ. Пробилъ часъ по полудни. Московскій Парижанинъ входитъ. Экзекуторы, въ полной формѣ, при шпагѣ, съ кружевными манжетами и кружевными жабо указываютъ ему дорогу и сажаютъ около полукруга, въ которомъ помѣщаются члены четырехъ или пяти соединенныхъ академій. Собраніе уже многочисленно. Въ два часа отворяется настежь большая дверь, входятъ члены академій, все въ полной формѣ: они собираются для принятія къ себѣ новаго безсмертнаго собрата. У всѣхъ тотъ же свій мундиръ, та же всякая шпага, тотъ же скромный и

важный видъ. Прежде, бывало, у всѣхъ была та же и голова свая, но съ некоторыхъ-поръ къ старикамъ порвалаъ в молодехъ. Здѣсь говорится только объ Академіи Французской, потому что, если польза Академіи Написей и Академіи Правственныхъ Наукъ и не совершенно ясно доказана, такъ никто однако жъ не усомнится въ пользу трудовъ Академіи Наукъ. «Институтомъ» называется собраніе всѣхъ академій; «Академію Французской» — Серокъ человекъ, первоначальное число первоначальной академіи, основанной кардиналомъ Ришельё.

— «Видите ли вы эту огромную голову? сказала парижскому Москвитяину одинъ господинъ: этотъ обширный лобъ, увѣчанннй сѣдинами, это задумчивое и спокойное положеніе? Это знаменитый авторъ «Духа христіанства» и «Мучениковъ», это — Шатобріанъ. Вотъ этотъ не старый еще человекъ, высокій, стройный, съ благородною головою, съ просъ ю, съ гордымъ взглядомъ, это — Ламартинъ, пѣвецъ «Гармоній» и «Созерцаній». Вотъ этотъ сверкающій взглядъ, эта маленькая живая голова, эти быстрыя и отрывистыя движенія, эта улыбка не злая, однако жъ немножко коварная, это — Тьеръ. Вотъ Гизо: вы можете узнать его во за умчивому, строгому и важному выраженію. Вотъ этотъ господинъ, немножко похожій на Шатобріана, — графъ Молё. Онъ въ-особенности служить въ академіи представителемъ того цвѣту общества, который продолжая заниматься политикой, любитъ литературу, писателей и постоянно бевдуеть о трудахъ ума. Вотъ Викторъ Гюго, — этотъ обширный лобъ, немножко лысый, — человекъ, котораго оптика часто бываетъ нѣсколько несоразмѣрная, циклопическая. А вотъ этотъ, — честь, радость, сила, дитя и слава Академіи, — человекъ, который такъ хорошо, такъ краснорѣчиво говорить отъ имени всѣхъ, это — Вильменъ. Онъ первые свои подвиги совершилъ въ этихъ стѣнахъ и двадцати лѣтъ уже стяжалъ академическую палъму. Тогда уже академія съ восхищеніемъ слушала его звучныя рѣчи обо

всѣхъ литературахъ минушихъ и настоящихъ вѣковъ. А вотъ этотъ, — съ лицомъ болѣе печальнымъ нежели веселымъ, съ любезнымъ, умнымъ взглядомъ, съ скрытою улыбкой, — это человекъ, который всѣхъ болѣе потѣшалъ Францію; это самый плодовитый и разнообразный изобретатель, какой когда-либо приковывалъ вниманіе огромнаго собранія. Онъ одинъ заключилъ болѣе невозможныхъ браковъ чѣмъ Бальзакъ и Дюма въмѣстѣ, — онъ одинъ составлялъ истинную радость и наслажденіе Франціи въ продолженіи двадцати лѣтъ. Имя его стало популярнымъ въ Европѣ: это — Скрибъ. Вотъ этотъ молодой человекъ — де-Токвиль, авторъ четырехъ толстыхъ томовъ, которые такъ сильно волновали Америку и въ которыхъ онъ такъ прекрасно объяснилъ тайны ея конституціи. Вотъ это мѣсто прежде занималъ человекъ съ тонкимъ умомъ, съ яснымъ, свѣтлымъ слогомъ, отличный критикъ и добрая душа, ученѣйшій литераторъ своего времени, Шарль Ноддѣ, однимъ словомъ. Это мѣсто, немножко по-далѣе, на лѣво, было занято нѣкогда замысловатымъ человекомъ, популярнымъ поэтомъ, который первый открыто сразился съ литературою имперіи. Онъ съ перваго же дня приобрѣлъ знаменитость, славу и съ-тѣхъ-поръ ни на минуту не переставалъ пользоваться уваженіемъ: то былъ Казимиръ Делавинъ. Тамъ, по другую сторону, вы можете видѣть нѣсколькихъ героевъ побѣжденной, былой литературы, — Жуи, автора «Отшельниковъ»; Дюпати, который написалъ столько хорошихъ стиховъ; Ансло, котораго внесли въ академію водевилл, и прочая. Вотъ Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, отъявленный врагъ всякаго поэтическаго восторгу, всякой сомнительной пошлости и бесполезнаго стремленія; умъ осмотрительный, точный, положительный, ненавидяшій все смутное, все мечтательное; рѣчь поворотливая, текучая, пронизательная, которая всегда изумляетъ и никогда не наскучаетъ.... Но я чуть не забылъ о повоприбывшемъ. Это тоже рѣдкій умъ: это — Сенъ-Бѣвъ. Вотъ онъ хлопочетъ и поворачивается: онъ напоминаетъ Академіи объ одномъ изъ самыхъ дорогихъ

членомъ ея, о Шарль Ноддѣ, на котораго свѣтъ падаетъ со стороны замысленности, такъ же какъ Ноддѣ пододалъ на Лафонтена по безпечности. Какъ биографъ, Сентъ-Бѣвъ, въ свѣтъ «Женскихъ портретовъ» принимавалъ прелесть къ учености и обнаруживалъ моралиста, который по разборчивости перѣдко равняется съ Вовенаргомъ и никогда не замечиваетъ жестокости Ларошфуко. Какъ романистъ, онъ изслѣдовалъ невѣдомыя стороны возможной жизни; какъ философъ, онъ привелъ на очную ставку весь системы; какъ критикъ, онъ изучилъ всю литературы. Современемъ онъ, безъ-сомнѣнія, дополнилъ превосходную книгу, которую посвятилъ этой достойной и ученой школѣ, этой важной семьѣ отшельниковъ Портъ-Рояля.»

Между-тѣмъ началось чтеніе. Новый академикъ произнесъ длинную рѣчь, которой цель состоитъ въ томъ, чтобы объяснить сперва талантъ и характеръ собрата-предшественника, а потомъ объяснить свои собственные сочиненія и показать, вслѣдствіе какого развитія своихъ идей удостоился академическаго кресла. Хорошая рѣчь обыкновенно продолжается три-четверти часа, много часъ. Когда новый членъ кончитъ, кто-нибудь изъ старыхъ отвѣчаетъ ему. Обычай требуетъ, чтобы отвѣчающій ободрилъ поваго собрата, который явилъ себя во всемъ своемъ врожденномъ смиреніи, и возвысилъ бы его въ собственномъ его мнѣніи и въ глазахъ прочихъ академиковъ, потому что на литературныхъ турнирахъ еще ведется рыцарство. Затѣмъ собраніе расходится въ томъ же порядкѣ, какъ сошлось.

Изъ академіи «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» отправился въ Театръ Французскій, смотреть мамзель Рашель въ классической трагедіи, потомъ — въ театръ Porte-Saint-Martin полюбоваться на мадамъ Вольнисъ въ трагедіи романтической, и наконецъ въ Сорбонну послушать что объ этомъ говоритъ господишъ Сентъ-Маркъ-Жиранденъ.

Трагедія Расина и драма Виктора Гюгô представляли уче-

ному профессору казался по документу из дѣлу. Сюда спорнаго томленія Катерины, въ «Анджело», и молебны Шенкена къ отцу, у Расина, объяснены и сравнены. Поцѣловать, какинъ образомъ *выраженіе*, — одно изъ величайшихъ достоинствъ старинной французской драмы, — составляетъ живеть съ тѣмъ и основаніе *исключительно* ея превосходства надъ новѣйшею, господниъ Сенъ-Маркъ-Жирарденъ окончили свою рѣчь такъ :

«Я не оспариваю у Катерины заслуги, что она выражаетъ чувствованія естественныя: я чувствую тутъ ужасъ смерти и любовь къ жизни, но, — если осмѣлюсь сказать мое мнѣніе, — я слышу въ этой сценѣ болѣе крикъ тѣла, уже преданнаго томленію, чѣмъ крикъ души. Это плоть возстаетъ противъ смерти; это — возстаніе чисто матеріальное, физическое: душа тутъ ничего не говоритъ. Катерина трогаетъ меня, но это тѣло говоритъ тѣлу, а не сердцу сердцу. Я вижу ощущеніе осужденнаго на смерть, вижу содроганіе плоти, блѣдность лица, дрожаніе членовъ, присутствую при смертныхъ корчахъ. Но зачѣмъ вы показываете мнѣ только матеріальную смерть? Зачѣмъ вы предлагаете мнѣ только половину человѣка? Когда человѣкъ умираетъ, мы видимъ тѣло, которое поступаетъ въ могилу и ужасается ея. Но есть также душа, которая часто умѣетъ преодолѣть страхъ агоніи и въ эти послѣднія, торжественныя минуты раскрываетъ силу и величіе, которыя принадлежатъ уже небесамъ. Зачѣмъ вы скрываете отъ меня самую лучшую половину картины? Зачѣмъ вы въ томъ, что испытываетъ умирающій, откидываете самое благородное, самое возвышенное, то, что дѣйствуетъ на истинное состраданіе человѣка, на состраданіе, которое соединяется съ удивленіемъ и уваженіемъ, а не съ отвращеніемъ? Мнѣ нравится, что Пенгения сожалеетъ о «свѣтѣ, на который такъ сладко смотрѣть»; мнѣ нравится эта тоска по жизни, но въ этихъ жалобахъ заключается больше простаго физическаго, матеріальнаго страху смерти. И когда она покоряется своей судьбѣ, — какое благородство, какое достоинство! Какъ глубоко трогаетъ этотъ послѣдній взглядъ, этотъ послѣдній поцѣлуй отца, которые она желаетъ унести съ собою! Какъ эта покорность возвышаетъ наши сердца, удрученныя сожалѣніемъ, и возвышаетъ не закрывая, такъ, что внутреннее намъ состраданіе можетъ

продолжаться и не притивлять боли и стволоніи! Какъ искусство смягчаетъ и очищаетъ природу! Справедливо, что въ крикахъ и стонахъ Катерины есть истина, но это такая истина, которая принадлежитъ, такъ сказать, къ естественной исторіи. Въ жалобахъ Нюнгевинъ есть истина болѣе человѣческая, болѣе благородная.

«Да позволено мнѣ будетъ, прибавляетъ профессоръ, указать здѣсь на историческое воспоминаніе, могущее служить эмблемою двухъ родовъ драмъ, которыхъ характеръ я стараюсь очертить.

«Въ 1794 году, одна женщина, мадамъ Роланъ, отправлялась изъ темницы на эшафотъ. Когда она сѣла на роковую тележку со своими товарищами по несчастію, лицо у нея было такое же свѣтлое, такое же спокойное какъ бывало дома, въ гостиной, посреди избраннаго общества. Гордая, надменная, она отвѣчала презрѣніемъ на поношенія кровожадной черни, которая бѣжала полюбоваться на ея смерть, и, вступивъ на эшафотъ, сказала только: «Господи, помилуй меня!» Такъ она умерла, безъ жалобъ, безъ криковъ и безъ судорогъ смертнаго томленія, — до конца достойная, величественная. Была ли этимъ тронута чернь? Нѣтъ! Она не проявила спокойной красоты этой смерти: она способна принимать только физическія впечатлѣнія и потому это не достигло до нея. Черезъ нѣсколько дней потомъ, изъ той же темницы вышла другая женщина, мадамъ Дюбарри, также осужденная на казнь. Несчастная мало научилась твердости и достоинству въ легкомысленныхъ удовольствіяхъ жизни: она не могла свыкнуться съ мыслью о смерти и, на эшафотѣ, рвалась и кричала ужасно, — она просила, умоляла палача дать ей еще одну, только одну минуту пожить! Этого ничтожнаго срока ей не дали и голова упала съ открытымъ еще ртомъ отъ неконченнаго крику. Чернь взволновалась. Это смертное томленіе, съ судорогами, съ задыханіемъ, съ воплями, — эта борьба жизни съ смертью, поразила ее и тронула: этотъ родъ трагедіи она понимаетъ.

«Вотъ, господа! вотъ два рода смерти, два рода впечатлѣній, два рода драмы. Судите и выбирайте».

Затѣмъ начинаетъ разсуждать «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» .

«Конечно, господниъ Севъ-Маркъ-Жирарденъ, поражая недо-

оттѣки и крайности новѣйшей драмы превосходными доводами, торжествуетъ надъ драматическою поэзіею. Но поэзія лирическая, о которой онъ не упоминаетъ, торжествуетъ надъ нимъ. Новѣйшая школа побита тамъ, гдѣ онъ ванадаетъ на нее, но не побита, гдѣ онъ не разуудилъ напасть. Лирическая поэзія, для которой фантазія—десятая муза, навсегда останется лучшимъ литературнымъ завоеваніемъ нашего времени. Нельзя, развѣ, указать на мастерскія произведенія, которыя суть не чтѣ иное какъ дивный переводъ дошедшаго до крайности чувствованія, — на оды, которыя всею своею прелестью одолжены смутному мечтанію, — на повѣсти, которыхъ фея-прихоть коснулася своимъ волшебнымъ жезломъ?

«Господинъ Сень-Маркъ-Жирарденъ—одинъ изъ тѣхъ профессоровъ, которые, на кафедрѣ, совершенно усвоили себѣ развязную рѣчь. Отъ его ѣдкихъ замѣчаній по-крайней мѣрѣ та польза, что они разочаровываютъ многихъ молодыхъ людей, которымъ восторженность слишкомъ кружитъ голову. У него никто не пощажень, всего же менѣе тѣ, которые покушаются писать. Онъ сыплетъ градомъ эпиграммъ на всѣ наши литературныя болѣзни, на туманность мысли, на неопредѣленность и длинноты стихотвореній, на таланты, производящіе только программы и на социалистовъ, которые много преобразовываютъ свѣтъ, но все не исправляютъ своего поведенія.

«Нориая то, чтѣ дѣлають, господинъ Жирарденъ, естественно, приходитъ къ рѣчи о томъ, чтѣ слѣдовало бы дѣлать. Онъ охотно проповѣдуетъ молодымъ людямъ двойное вѣрованіе, наслѣдованное отъ преданія и внушенное семьей, и совѣтуетъ всѣмъ начинающимъ думать не столько объ идеальномъ, сколько о существенномъ въ жизни, — идти лучше большою дорогою чѣмъ окольными путями, — браться лучше за мелкую мораль, приличную обыкновеннымъ честнымъ людямъ, чѣмъ за великую, которая свойственна только сердцамъ необыкновенно возвышеннымъ. Подобныя правила плохо понравятся тѣмъ, которые чувствуютъ въ себѣ призваніе къ поэзіи и героизму, но они удивительно подѣляютъ большинству и полезны тѣмъ, которымъ нужно принять выходъ въ люди, составить себѣ положеніе.

«Эта роль моралиста, которую принялъ на себя господинъ Жирарденъ, дѣлаетъ его столько же профессоромъ поведенія, — если

можно такъ сказать, — сколько профессоромъ словесности. Это трудное ремесло нравится ему: онъ всегда съ удовольствіемъ исполняетъ его. Привычка и природное краснорѣчіе даютъ ему въ импровизаціяхъ его такую самоувѣренность, что онъ можетъ позволить себѣ давать самые щекотливыя совѣты, которые всего труднѣе принять, — совѣты, которые задѣваютъ самолюбіе. Непріязнь онъ обезоруживаетъ тѣмъ, что заставитъ смѣяться. Впрочемъ, онъ имѣетъ полное право забавляться надъ смѣшными сторонами своихъ слушателей, потому что каждый изъ нихъ исключаетъ себя и посматриваетъ на сосѣда. Конечно, нужно больше ловкости, нужна отважность, чтобы передъ публикою бичевать такимъ образомъ всѣ дурныя склонности публики, разбивать пристрастія и раскрывать самыя дорогія ея слабости. «Не смѣйтесь, господа, говаривалъ онъ, прочитавъ напыщенный отрывокъ изъ новѣйшей драмы: не смѣйтесь слишкомъ, потому что, можетъ быть, вы завтра же пойдете аплодировать этому.» Въ другой разъ, примѣтивъ въ некоторое движеніе между слушателями, онъ сказалъ: «Позвольте, господа, не торопитесь: вы слишкомъ скоры и, можетъ-быть, слишкомъ смѣлы въ вашихъ приговорахъ. Выслушайте, потомъ разсудите.»

«Не оттого ли происходитъ это преимущество, что Жирарденъ ведетъ свой курсъ болѣе по чувствованіямъ чѣмъ по идеямъ? По *Квинтилиану* и *Вовенаргу*, вѣдъ возвышенностью чувствованій производится возвышенность мыслей! Высокое краснорѣчіе порождается въ союзѣ сердца и логики; сердце и воображеніе производитъ высокую поэзію. Вспомните о *Боссюэтѣ*, о *Гомерѣ*, о *Корнельѣ*, о *Расинѣ*: самая характеристическая ихъ черта — патетическое, а патетическое — вопль сердца. Но особенно въ нравственности проявляется могущество чувства. Чувство — небесное благо, которое помогаетъ намъ исполнять важный и строгій законъ долга. Какъ часто случается, что въ затруднительныхъ, сложныхъ, запутанныхъ положеніяхъ, человекъ не можетъ различить, на которой сторонѣ правда, на которой добро. Тогда къ смущенному разсудку приходитъ на помощь чувство: оно заговоритъ и вся нерѣшимость разсѣивается. Слушаясь его внушеній, можно поступить неблагоразумно, но рѣдко поступишь дурно: голоеъ сердца также — голоеъ Божій.»

Вотъ все — или почти все, что «Парижаннинъ ставшій Москвитяниномъ» видѣлъ и слышалъ въ Парижѣ, хотяпись-

на объ этомъ городѣ занимають едва-ли не половину книги. Изъ Парижа къ Чухнамъ — il n'y a qu'un pas. Слѣдовательно, пока московскій Парижанинъ напишетъ намъ слѣдующее письмо изъ Абиссиніи, мы, съ господиномъ Гроотомъ, взявшись подъ руки, можемъ отправиться въ Лапландію.... Но въ одной статьѣ мы не можемъ обойти всю вселенную въ сопровожденіи нашихъ двухъ путеводителей: окончаніе фантастической панорамы, представляемой въ этихъ двухъ книгахъ, надо по необходимости отложить до слѣдующаго мѣсяца.

=

1. ПЕРЕВЗДЫ ПО ФИНЛЯВДІВ. *Путевыя записки Ивана Гроота. Санктпетербургъ, 1847.*
2. DEUX ANNÉES D'EXCURSIONS D'UN PARISIEN DEvenu MOSCOVITE. (*Два года поѣздокъ Парижанина ставшаго Москвитяниномъ. Москва, 1847.*)

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Мы думали, что «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» отправился въ Абиссинію, и вдругъ получили отъ него письмо изъ Америки! Счастливый человекъ! Сколько чудесъ онъ тамъ увидитъ. Невозможно, не выдавши собственными глазами, представить себѣ роскошь и великолѣпіе американской природы. Ни въ одной части свѣта нѣтъ ничего подобнаго пространству между проливами Девиса и Магеллана. Все тутъ носитъ характеръ величія, которое не можетъ не поразить воображенія даже самыхъ грубыхъ людей. Трава американскихъ луговъ такъ высока, что покрываетъ ростъ человека и скотины. Въ мѣстахъ, гдѣ ея не косятъ, то есть почти вездѣ, она, повянувъ и высохнувъ, образуетъ толстую настилку, которая въ жары воспламеняется отъ малѣйшей искры и производитъ страшные пожары. Однако жъ послѣ

этихъ пожаровъ трава снова растетъ такъ сильно, что милліоны дикихъ лошадей и быковъ питаются ею и даже не оставляютъ слѣда на настибищахъ. Большая часть этихъ луговъ испещрена тысячами растений, изъ которыхъ одни только прекрасны, другіе и прекрасны и полезны. Здѣсь дико растутъ все виды ананаса; здѣсь первая родина далій и кактусовъ. Лѣса Новаго Свѣта, съ ихъ мрачными чашами, заимствуютъ особенный отпечатокъ отъ вьющихся растений, извѣстныхъ подъ именемъ ліанъ и связывающихъ дерево съ деревомъ. Одинъ родъ этихъ ліанъ—благоуханная ваниль, которою такъ часто пользуется гастрономія. Деревья вообще прямы, высоки и до значительной высоты не имѣютъ боковыхъ вѣтвей. Пальмы своими красивыми вышками господствуютъ надъ всею прочею растительностью. Мягкій дернъ выстилаетъ землю, осѣненную зелеными сводами, которые, кажется, выведены искусною рукой садовника. Обезьяны и попугаи населяютъ и оживляютъ эту пустыню. Въ темныхъ рощахъ отъ тепла и сырости рождается множество наскомыхъ и пресмыкающихся; смерть смѣняется жизнью съ невѣроятною скоростью: всякій пенъ покрывается не короткимъ и бѣднымъ мхомъ, какъ въ нашихъ лѣсахъ, а богатою чужездною растительностію, подъ которою исчезаетъ совершенно. Когда подумаешь о легкости жизни въ этихъ краяхъ и о милліонахъ миролюбивыхъ дикарей, которые на Антильскихъ Островахъ проводятъ жизнь въ непрерывныхъ празднествахъ, посреди изобилія, огражденнаго отъ всякаго труда и заботъ, нельзя не удивиться, что Старый Свѣтъ населенъ и что нѣтъ никого тамъ, гдѣ весь родъ человѣскій легко нашелъ бы себѣ средства къ пропитанію. Ямъ, патата, или бермудскій картофель, и *юмбо*. — пища превосходнѣ всякаго мяса, въ знойномъ климатѣ, — растутъ всюду безъ воздѣлыванія. Обширные кокосовые лѣса доставляютъ столько плода, что имъ можно нагружать сотни кораблей и для этого стоитъ только перенести собранное на берегъ. Нужно написать цѣлую книгу, чтобы исчислить все съедобныя растенія и здоровыя, вкусныя плоды, произво-

дымые адъсь землею безъ всякаго уходу. На Антипадахъ есть плодовое дерево, называемое *ахрасъ*, котораго плодъ — услада для всѣхъ классовъ народонаселенія. Это — одинъ изъ тѣхъ гигантовъ растительнаго царства, подлѣ которыхъ величайшія наши яблони и груши — смиренныя кустарники. Плодъ ахраса величиною съ крымское яблоко. Онъ спѣетъ здѣсь четыре раза въ годъ. Плодъ слѣдуетъ за цвѣтомъ и цвѣтъ за плодомъ такъ скоро, что едва снятая жатва возрождается какъ-бы волшебствомъ. Нерѣдко одно дерево приноситъ хозяйну доходу отъ двухъ до трехъ тысячъ рублей въ годъ. Это — доходъ съ шестидесяти-тысячъ рублей, приносящихъ по четыре процента. Дерево ахрасъ всѣми своими частями издаетъ довольно сильный запахъ, непріятный для дыханія. Оттого его стараются держать подалеже отъ жилья и подъ тѣнью его не всходитъ ни какое другое растеніе, но оно такъ хорошо платитъ за свое мѣсто, что упрекнуть невозможно. Въ Сѣверной Америкѣ, такъ же какъ въ Азіи и въ Африкѣ, есть обширныя песчаныя пустыни, лишеныя всякой жизни и растительности. Ни какое живое существо не въ-состояніи долго пробыть въ нихъ, потому что не найдеть ни какой пищи. Единственные гости этихъ безпредѣльныхъ пустынь — зубръ, лось, лань и дикая коза, и тѣ бываютъ только проходомъ или держатся около предѣловъ скуднѣющей растительности. Иногда вы встрѣчаете измѣненія однообразной равнины, — песчаниковые или известковые холмы, беспорядочныя массы которыхъ обкалываются крутыми вершинами; иногда видите безконечныя цѣпи непріступныхъ скалъ, подобныя тѣмъ, которыя называются *черными ребрами*. За ними высятся гигантскія горы, которыя раздѣляютъ Сѣверную Америку и господствуютъ надъ нею. Ихъ навислыя ушелья, мрачныя тѣснины и изрытыя бурными потоками пещеры служатъ убѣжищами шайкамъ дикарей, воинственныхъ, мстительныхъ и дикихъ. Таковъ видъ пустыни, которая отдѣляетъ источники Миссури отъ подошвы Скалистыхъ Горъ. Цѣпь этихъ высокихъ горъ тянется отъ сѣвера на югъ, раздѣляя Сѣверную Америку на двѣ не-

равнины части. Со стороны, обращенной къ Соединеннымъ Штатамъ и къ Мексиканскому Заливу, простираются обширныя поля и большія рѣки текутъ такъ величественно, такъ спокойно, что самыя утлыя барки отправляются по нимъ за три-тысячи верстъ и далѣе. Съ той же стороны, напротивъ, которая обрабена къ Тихому Океану, рѣки съ шумомъ стремятся съ горъ, прыдаютъ по тридцати-аршиннымъ уступамъ, роютъ себѣ ложи въ пропастяхъ, въ которыхъ съ сорока-саженной высоты видишь ихъ бѣлыя пѣнистыя волны. Озера, рѣки и непроходимые лѣса Канады всегда доставляли торговлѣ бобровыя и другіе мѣха, но когда продолжительные промыслы и соревнованіе уменьшили выгоды такихъ экспедицій, одинъ богатый и предприимчивый американскій купецъ затѣялъ проникнуть въ одно время и сухимъ путемъ и моремъ на сѣверо-западъ Америки, — сухимъ путемъ — черезъ пустыню источниковъ Миссури и черезъ ущелья, населенныя дикими племенами; моремъ — обходя по берегамъ Атлантическаго Океана, мимо Мыса Горна и Счастливыхъ Острововъ до устья Колумбіи.

Эта морская экспедиція совершена прекраснымъ кораблемъ *le Tonquin*. Послѣ многихъ невзгодъ, потерявъ многихъ людей посреди прибоевъ, защищающихъ входъ въ Колумбію, капитанъ вышелъ на берегъ, положилъ первое основаніе крѣпости, потомъ опять выступилъ въ море и, къ-несчастью, попалъ на воды острова Ванкувера. Капитанъ былъ чловѣкъ дюжій, храбрый, увѣренный въ своемъ мужествѣ и въ своей силѣ, царь на кораблѣ, искусный мореходъ, по плохой купецъ. Будучи недоволенъ Индѣйцами и ихъ торгомъ, онъ нанесъ имъ кровавыя обиды. На другой день они однако жъ опять пришли и даже въ большемъ числѣ. Притомъ стали обходительнѣе и сговорчивѣе. Каждый дикарь мѣняетъ свои мѣха на ножъ. Толпа ихъ безпрестанно возрастаетъ и когда капитанъ, наконецъ примѣтивъ неудобство, приказываетъ имъ удалиться съ корабля, ему отвѣчаютъ страшнымъ ревомъ, заблестѣли ножи и почти весь экипажъ и самъ капитанъ падаютъ подъ ударами свирѣпыхъ убійць. Одинъ лейтенантъ,

несмотря на свои раны, успевает съ четырьмя матросами скрыться въ каюту и оттуда стрѣляетъ по дикарямъ. Они удаляются, однако жъ не теряютъ увѣренности, что добыча не уйдетъ отъ нихъ. На зарѣ они возвращаются. По палубѣ ходитъ только одинъ человекъ и машетъ бѣлымъ флагомъ. Дикари подплываютъ, взлѣзаютъ по бокамъ корабля; толпы тѣснятся на палубѣ; пироги, занятые женщинами и дѣтьми, окружаютъ корабль. Вдругъ раздается страшный трескъ, море всколыхалось, корабль взорвало и сотни дикарей влетѣли на воздухъ. Лейтенантъ, оставшійся одинъ на кораблѣ, поджегъ пороховую камеру. Четыре товарища его, не столько рѣшительные, надѣялись спастись на лодкѣ. Но дикари схватили ихъ и заставили дорого заплатить за геройскую месть начальника.

Если сухопутная экспедиція и не испытала такого ужаснаго приключенія, то тѣмъ не менѣе она однако жъ подвергалась опасностямъ. Нужно было изучить строеніе почвы, подниматься по быстрымъ рѣкамъ, проходить глухими лѣсами, биться съ медвѣдями и, что еще хуже, съ дикарями. Экспедиція, состоящая изъ шестидесяти человекъ, встрѣчаетъ на рѣкѣ Миссисипи воинственныхъ Аримарасовъ, вооруженныхъ и расписанныхъ на войну, и встрѣча оканчивается тѣмъ, что дикари закуриваютъ съ путешественниками мировую трубку. Далѣе они приходятъ къ Черноногимъ, къ племени болѣе злому и дикому. Трехъ изъ нихъ дикари схватываютъ. Двое сопротивляются и падаютъ пораженные двадцатью стрѣлами. Третій, по имени Кольтеръ, сдается. Его раздѣваютъ. «Умѣешь ли ты бѣгать?» спрашиваетъ предводитель дикарей. — «Плохо», отвѣчаетъ Кольтеръ, который бѣгалъ удивительно, но по вопросу догадался, что дикари намѣрены потѣшиться охотою за человекомъ. Предводитель отводитъ его и ставитъ въ трехъ-стахъ шагахъ отъ шайки. Бѣшеные вопли подають плѣнному сигналъ; онъ пускается бѣжать, летѣть съ быстротою стрѣлы. Но до рѣки надобно было пробѣжать верстъ шесть. Оглянуться — значило потерять секунду времени! Онъ только прислушивался.

Толпа осталась далеко позади. (нѣ осмѣлился взглянуть: только одинъ дикарь, рослый, ловкій дѣтина, вооруженный копьемъ, слѣдуетъ за нимъ въ двухъ-стахъ шагахъ. Съ каждою минутой дикарь выигрываетъ пространства, настигаетъ. Вотъ онъ въ двадцати шагахъ. Кольтеръ вдругъ останавливается, оборачивается и поднимаетъ руки. Удивленный этимъ движеніемъ дикарь тоже хочетъ остановиться, спотыкается и падаетъ съ переломленнымъ копьемъ. Кольтеръ схватываетъ острый конецъ копья, прикалываетъ дикаря къ землѣ и снова пускается бѣжать, достигаетъ рѣки и прячется въ тростникъ между повалившимися въ воду деревьями. После того онъ, почти нагой, безоружный, голодный, днемъ палимый зноемъ, ночью дрожащій отъ холоду, отыскиваетъ наконецъ товарищей, которые уже оплакали его какъ мертвца. Несмотря на все это, экспедиція, после многихъ страданій, достигаетъ трехъ блестящихъ пиковъ, увѣчаныхъ снѣгомъ. Въ горныхъ ущельяхъ все окружающее принимаетъ еще болѣе мрачный и грозный видъ. Лошади давно съедены; на завтракъ кушаютъ бобра, коли найдутъ; обѣдомъ служитъ волкъ, когда случится пообѣдать. Какою дорогой идти? На что рѣшиться? Унылые, изнуренные трудами, голодомъ и отчаяніемъ, путешественники испытываютъ то множество бѣдствій, отъ которыхъ въ подобныя минуты у однихъ помрачается разумъ, у другихъ рождается мысль и рѣшимость на необычайныя великія подвиги. Наконецъ, убывъ на половину и пройдя четыре-тысячи верстъ, они достигаютъ устья Колумбіи.

А вотъ еще любопытное зрѣлище: обширная республиканская держава, которая всѣми силами готовится стать державою монархическою. Преобразование 1788 года, однажды утвержденное въ Соединенныхъ Штатахъ, сдѣлалось основаніемъ благоденствія, силы и славы Сѣверной Америки. Вашингтонъ, котораго народная признательность поставила на президентство, придавъ дѣламъ складъ, сообразный съ своимъ здравымъ разумомъ и просвѣщеннымъ, спокойнымъ и предусмотрительнымъ патриотизмомъ. Положеніе страны об-

легче правильный ход новыхъ политическихъ учрежденій. Граждане были разсыяны на обширномъ пространствѣ; нигдѣ не было большихъ состояній, вездѣ честное довольство цѣною труда; кое-гдѣ нѣсколько небольшихъ городовъ, населенныхъ законовѣдами, горетью чиновниковъ и проповѣдниковъ разныхъ исповѣданій, небольшимъ числомъ ремесленниковъ и торговцевъ, и нигдѣ ни одного изъ тѣхъ большихъ городовъ, которые представляютъ такую пеструю смесь блага и зла, добродѣтелей и пороковъ, свѣту и невѣжества, и среди которыхъ скоро скопляется, какъ нечистый осадокъ, нестройная громада, именуемая *народомъ*, *чернью*. Если тамъ нигдѣ нѣтъ знати, нѣтъ аристократіи, которая придаетъ обществу вѣншній блескъ, зато есть во всякомъ штатѣ ядро просвѣщенныхъ и честныхъ людей, исполненныхъ любовью къ отечеству и пользующихся общими довѣріемъ. Политическая конституція, вылитая по обществу, должна была уснѣть. Но исходя отъ предположенія, опровергаемаго опытомъ всѣхъ временъ, — предположенія, что огромная нація можетъ управляться однимъ чистымъ разсудкомъ и что правительство можетъ тутъ заставить уважать себя безъ твердаго единства воли, — эта конституція несовершенна и заключаетъ въ себя происходящій отъ первой ошибки существенный порокъ, который скоро долженъ былъ обнаружиться. И въ самомъ дѣлѣ, правительство, лишенное возможности дѣйствовать сильно, сосредоточенно въ случаѣ нужды, не можетъ существовать долго, хотя бы оно обладало ангельскими добродѣтелями. Между-тѣмъ этого порока сначала не было видно. Покуда поколѣніе Вашингтона оставалось на сценѣ, зло не перегибало добра. Вы знаете, чѣмъ сталъ край впродолженіи этого періода. Никогда еще не бывало примѣру подобнаго возрастанія. Вся дѣятельность этого народа, весь практической его умъ, весь духъ изобрѣтательности, все обратилось на родную почву. Стали разчищать, обрабатывать, строить; спустили корабли, принялись торговать съ страстью, съ неистовствомъ. Въ пустыняхъ возникли города, желѣзо и

огом низложили обширные лѣса, парходы поработали себѣ въ рѣки, и вмѣстѣ со всѣмъ этимъ дѣятельное народонаселеніе безпрестанно росло, какъ грибы изъ земли: въ пятьдесятъ лѣтъ оно отъ трехъ милліоновъ возрасло до двадцати; изъ тринадцати бѣдныхъ штатовъ образовалось двадцать-шесть цвѣтущихъ и скоро будетъ тридцать. И эти штаты уже оспариваютъ у Англіи торговлю и промышленность. Они не имѣли политическаго значенія, а теперь составляютъ большой вѣсъ въ цѣломъ мірѣ, а въ Новомъ Свѣтѣ первенствуютъ.

Но нынче соціалныя данныя, отъ которыхъ конституція при началѣ своемъ казалась истинною, значительно измѣнились. Народонаселеніе стало не такъ рѣдко и расположено уже не такъ равномерно; люди, облеченные общимъ доверіемъ и управлявшіе мнѣніями и дѣлами, безпрестанно убываютъ и ни къ кому не замѣняются; американское общество стало обезглавленнымъ тѣломъ: это — толпа, существо заносчивое, невѣжественное, строптивое, которое никогда не слушается разсудка, а управляется страстями, предразсудками, прихотями и чудовищнымъ тщеславіемъ. Эта чернь, подъ именемъ *народа*, — властелинъ деспотическій не менѣе великаго-Могола или древнихъ царей персидскихъ. Ему расточаютъ столько же раболѣпія, сколько восточному султану. Передъ этою чернью никто не имѣетъ своей воли и каждый открыто хвалится этимъ униженіемъ, какъ добродѣтелью. Толпа господствуетъ безъ отчета и безъ противовѣсія. Не то было во времена Вашингтоновъ, Франклинновъ и Гамильтоновъ, славныхъ предводителей, которые проложили путь и которымъ всѣ старались слѣдовать. Единственная узда, какую можно было съ успѣхомъ наложить на всепожирающую склонность къ деспотизму, состояла въ религіи, но по роли, какую избирательное начало играетъ въ образованіи духовной іерархіи, самая религія въ Америкѣ не можетъ имѣть того вліянія, какое, казалось бы, слѣдовало предположить. Такимъ образомъ политическія соображенія великихъ поборниковъ независимости отжили свой вѣкъ,

какъ отживааетъ всякій человѣческій опытъ, и слѣдовательно этотъ великій народъ, воспитанный недостаточными теоріями и введенный въ заблужденіе льстецами, находится на склоѣ къ анархіи, а отъ анархіи къ диктаторству и единодержавію уже не далеко. Люди тѣмъ самымъ, что живутъ обществами, нуждаются въ управленіи. Когда у нихъ нѣтъ естественныхъ главъ, они поддаются власти перваго встрѣчнаго, который съумѣетъ овладѣть умами, потому что одна изъ главныхъ наклонностей толпы — создавать себѣ идоловъ и поклоняться имъ. Толпа непостоянна, переменчива, это правда, но только до-тѣхъ-поръ пока найдетъ человѣка, умѣющаго удержать ее въ уздѣ.

Если Сѣверная Америка по своему политическому устройству представляетъ мрачную будущность, зато въ другихъ отношеніяхъ надобно удивляться ей. Промышленность тамъ легка и щедро вознаграждается. Въ сѣверо-восточныхъ штатахъ, образующихъ группу, извѣстную подъ именемъ Новой Англіи, въ обширныхъ мануфактурахъ, находите нѣчто совершенно особенное, ремесленный классъ, которому въ мірѣ нѣтъ подобнаго. Одно изъ прекраснѣйшихъ зрѣлищъ въ этомъ классѣ — тысячи молоденькихъ дѣвушекъ, которыя, покинувъ родную семью, приходятъ иногда изъ-за двухъ-сотъ верстъ работать на фабрикахъ безъ всякаго щита кромѣ общественной нравственности. Хорошенькія, опрятныя, просто, но мило одѣтыя работницы эти въ извѣстные часы дня толпами переходятъ изъ мастерскихъ на общія квартиры, гдѣ живутъ подъ надзоромъ и попеченіемъ почтенныхъ старушекъ, избранныхъ заводчиками и обязанныхъ наблюдать за поведеніемъ. Дѣвушки учатся не только работать, но и быть бережливыми: сберегательныя кассы помогаютъ имъ составлять себѣ приданое, съ которымъ каждая со временемъ можетъ избрать себѣ мужа по сердцу и, если опъ земледѣлецъ, отправиться куда-нибудь на западъ, поселиться на расчищенной повѣи и заводиться своимъ хозяйствомъ.

Съ путешественниками нашими трудно управиться: одинъ мчится стрѣлою, кидая записочки въ Москву, ни на что

не смотритъ, ничего не записываетъ и, следовательно, говорить ни объ чемъ. Другой, господинъ Гроотъ, природный поэтъ, знаетъ на-долгихъ: этого не пропускаетъ ни одного дня, ни одного камня, ни одной колен, ни одного пастора, все записываетъ, обо всемъ сообщаетъ читателю и, можетъ-быть, именно отъ этого ничего не говоритъ. По соображенію съ объемомъ Финляндіи, книга его довольно толста: и въ этой книгѣ — читать нечего. Страницы поэта сухи какъ финляндскій гранитъ и бесплодны какъ путевыя записки. Заглавія статей его ужасно обманчивы: общаютъ много, а на-дѣлъ выходитъ только бѣглое, неудовлетворительное упоминаніе. Одно изъ этихъ заглавій даже въ-состояніи разсердить васъ. Вы изъ-дали видите: *Финская литература!*... вы бросаетесь на статью съ жадностью — читаете — и узнаете изъ нея только то, что *студентъ Альквистъ падаетъ на Финляндіи собирать народныя пѣсни!* Какъ! въ путешествіи по Финляндіи, въ книжкѣ толще всего Великаго Княжества Финляндскаго, въ сочиненіи такого романтическаго поэта, ни слова о финской литературѣ — о финской поэтической древности — о финской мифологіи? Это ужасно! Поэтъ нигдѣ не одушевляется. Ему скучно. Его мечта зѣваетъ, потягивается, снитъ въ одноколѣ. Если гдѣ случается ему сдѣлать немножко интересное наблюденіе, то онъ говоритъ объ немъ только мимоходомъ, какъ-бы не-хотя. или прятчетъ въ груду безнелезныхъ подробностей о пути и путевыженіи. Онъ выѣзжаетъ изъ Куопіо, и вотъ едва-ли не самыя занимательныя страницы его сочиненія — достопочтеннаго во всѣхъ отношеніяхъ — кромѣ одной занимательности:

«Путь изъ Куопіо въ Торнео лежалъ черезъ Иденсальми, и мы общали гостепріимному пробету заѣхать къ нему на пѣпшу. Часу въ одванадцатомъ утра были мы опять у переправы. Кромѣ насъ и нашего экипажа съ лошадьми, помѣстивсь на паромѣ еще двое пассажировъ, дама и кавалеръ, ихъ одноколка и лошади; подводчики и гребцы дополняли наше маленькое общество. Въ одно время съ нами, но въ другую сторону, отправился на меньшемъ паромѣ какой-то пасторъ, ѣхавшій въ одноколѣ. Черезъ часъ съ небольшимъ были мы на противоположномъ бе-

регу; намъ опять запрягли лошадей и мы пустились далѣе. По собѣту знакомыхъ въ Куопіо, мы, поднявшись на вершину горы, по обѣ стороны которой въ 1808 году стояли войска сражавшихся, — оглянулись назадъ, и намъ открылся одинъ изъ тѣхъ обширныхъ и величавыхъ видовъ, какими путешествующій по Финляндіи часто имѣеть случай наслаждаться.

«Послѣ этой горы намъ предстояло уже очень малозначительныхъ возвышеній на пути и, начиная отъ станціи Пёлья (Pöljä), мы ѣхали почти по совершенно ровной поверхности. Такова же вообще будетъ дорога до самаго Торнео. Верстахъ въ осьми не доѣзжая до церкви Идесальми, видѣнъ въ сторонѣ крестьянскій *гейматъ* при рѣкѣ Паллойсь, впадающей въ озеро того же имени. Близъ этого мѣста было сраженіе со Шведами. Русское правительство имѣло въ виду построить здѣсь крѣпость и для того купило нѣсколько гейматовъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и упомянутый.

«Солнце только-что сѣло, когда мы приближались къ Идесальми. Мѣстами, по обѣ стороны дороги, съ поля подымался дымъ (☉. sawu) изъ тлѣвшихъ пучъ валежника, земли и мху, а вокругъ этихъ *дымокуроевъ* (какъ зовутъ ихъ въ Сибири) коровы и телята искали убѣжища отъ докучныхъ комаровъ. Здѣсь обыченъ раскладывать такіе огни имѣеть еще особаго рода значеніе. Въ Сѣверной Финляндіи, гдѣ лѣсу мало, почти не водятся волки, а потому нѣтъ надобности и въ пастухахъ. Скотъ пасется одинъ въ разсыпную. Почти съ самаго рожденія приученный къ вечернему дыму, онъ въ опредѣленное время всегда чувствуетъ въ немъ потребность и на ночь съ разныхъ сторонъ собирается въ одно мѣсто.

«Было совершенно свѣтло. Вокругъ гейматовъ и торповъ шевелились люди, съ любопытствомъ глядѣвшіе на проѣзжавшій экипажъ. Наконецъ мы въѣхали въ длинную и широкую березовую аллею, которая ведетъ къ воротамъ пасторскаго дома. Я посмотрѣлъ на часы: къ удивленію моему было уже одиннадцать. По ширѣ приближенія къ полярнымъ странамъ, болѣе и болѣе исчезаетъ разниця между днемъ и ночью, но путешественникъ не легко оставляетъ привычку судить о времени по свѣту.

«Близъ здѣшней церкви есть историческій памятникъ, драгоценный для каждаго Русскаго. Послѣ утренняго кофе и сытнаго завтрака, мы вмѣстѣ съ любезнымъ хозяиномъ и его адьюнк-

томъ пошли взглянуть на эту примѣчательность. На берегу озера мы сѣли въ маленькую лодку и вскорѣ ясно увидѣли на той же сторонѣ, откуда отправились, довольно высокій деревянный обелискъ сѣраго цвѣта. Когда мы вышли изъ лодки и приближались къ монументу, я прочелъ на немъ надпись:

Здѣсь

15 Октября 1808

въ сраженіи съ Шведами

увидѣть

храбрый Россійско-Императорскій

Генераль-Адъютантъ

Князь Михаилъ Петровичъ Долгорукій.

Почитатели его возобновили
скій памятникъ 1828 г.

«Передъ обелискомъ, въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, видна въ песчаномъ грунтѣ яма—настоящее мѣсто паденія князя Долгорукаго. Этотъ молодой генераль, пользовавшійся особенною довѣренностію Государя, незадолго передъ тѣмъ присланъ былъ на театръ войны и еще не участвовалъ ни въ одномъ значительномъ дѣлѣ. Наканунѣ былъ послѣдній день довольно продолжительнаго перемирія. Въ полдень оно должно было кончиться. Пылкій герой, командуя авангардомъ Тучкова, держалъ часы въ рукахъ и съ нетерпѣніемъ считалъ минуты, остававшіяся до начала сраженія. Наконецъ оно завязалось. Шведы, по небольшому мосту перейдя проливъ между двумя озерами, отдѣлавшіи ихъ позицію отъ нашей, получили нѣкоторую поверхность. Князь Долгорукій старался склонить перевѣсъ на нашу сторону, но въ то самое время, когда онъ, увлекаясь мужествомъ, забылъ осторожность, непріятельская пуля сразила его... Къ ночи превосходство было на сторонѣ Шведовъ.

«Чтобы приблизительно опредѣлить высоту монумента, Ленротъ употребилъ извѣстный способъ: воткнувъ въ зѣмлю шесть въ нѣкоторомъ разстояніи отъ обелиска, онъ легъ на траву такъ, что ногами касался шеста и могъ видѣть верхнюю оконечность его на одной линіи съ вершиною памятника: выводомъ глазо-мѣрнаго исчисленія было осемь шведскихъ саженей (онѣ нѣсколь-ко короче нашихъ). Обелискъ начинаетъ приходить въ ветхость и, въ слѣдствіе представленія доктора Фростеруса, родственника

падшаго недавно опредѣлили вновь сумму денегъ на сооруженіе каменнаго монумента.

«Отъ Куопіо мы постоянно ѣдемъ и еще два будемъ ѣхать по направленію, которому въ 1808 году слѣдовала часть Русской арміи. Генераль Тучковъ 1-й, выступивъ изъ Нейшлота и, перейдя границу Старой Финляндіи, двинулся на Куопію, куда черезъ Варкаусъ отступали Шведы. 4 марта Тучковъ занялъ Куопію, при чемъ потерялъ шестьдесятъ человекъ; самъ онъ вскорѣ отправился къ берегамъ Ботническаго залива на соединеніе съ Раевскимъ и Кульневымъ, а здѣсь оставилъ генерала Булатова. Въ апрѣлѣ Булатовъ пошелъ на Францило (мѣсто, которое мы вскорѣ увидимъ), преслѣдуя Саволакскую бригаду. При Револакѣ, въ Остроботніи, произошло сраженіе, и Булатовъ взятъ былъ въ плѣнъ. Потомъ изъ Куопіо двинулся полковникъ Обуховъ; за нимъ пошелъ со стороны Шведовъ прославившійся въ этой войнѣ Сандельсъ. Они сразились при Пулкиль (близъ станціи Лаукка, гдѣ пройдемъ завтра): наши потерпѣли неудачу. Вскорѣ Русскій гарнизонъ въ Куопіо приведенъ былъ въ необходимость оставить этотъ городъ и черезъ Варкаусъ отступить на югъ, но въ іюнѣ мы снова заняли Куопію. Наконецъ, переправясь чрезъ проливъ Тойволу, Тучковъ соединился съ княземъ Долгорукимъ; отсюда они пошли на Пулкилу, и 15 октября послѣдовалъ въ Иденсальми бой съ отступавшими Шведами.

«Такимъ образомъ оружіе Русскихъ на этомъ направленіи, какъ и вообще въ первую половину послѣдней Шведской войны, не сопровождалось постояннымъ успѣхомъ, но и отъ этой эпохи еще довольно остается именъ и дѣлъ для украшенія страницъ Русской исторіи. Много поэтическихъ воспоминаній внесли тогдашнія событія въ летописи отечественной славы, отчасти и литературной: среди бивачныхъ огней Батюшковъ и Давыдовъ здѣсь положили основаніе своимъ успѣхамъ въ словесности.

«Батюшковъ, находясь въ корпусѣ Тучкова, былъ также въ Иденсальми, и въ посланіи къ П-ву (барону Палену, адъютанту Тучкова) говоритъ:

«Помнишь ли, пятомецъ славы,
Иденсальми страшну ночь?»

Но эти слова относятся не къ тому дѣлу, въ которомъ убитъ

былъ князь Долгорукій, а къ другому, происшедшему съюста дѣтъ недѣли послѣ того. Тучкову вѣрно было, вопреки первоначальному плану, прервать наступательное движеніе, и онъ остался въ Иденеальми: здѣсь, тридцатаго октября, ночью, шведскіе партизаны внезапно напали на русскій авангардъ, расположенный близъ упомянутаго пролива, и произвели страшную тревогу, которая однако жъ кончилась тѣмъ, что неприятелей прогнали съ урономъ. И объ этомъ Батюшковъ воспоминаеть:

«Между-тѣмъ, какъ ты штыками
Шведовъ за лѣсъ провожалъ,
Я геройскими руками...
Ужияъ ванъ приготоулялъ.»

«Двойнымъ блескомъ увѣнчалъ память свою Кульневъ, — какъ безстрашный герой и какъ благороднѣйшій человекъ. До-сихъ-поръ имя его съ любовью произносится въ цѣлой Финляндіи, особливо въ Остроботніи, куда онъ посланъ былъ почти въ самомъ началѣ похода для преслѣдованія генерала Адлеркрейца. Въ городѣ Якобштатѣ, гдѣ онъ долго стоялъ, видѣлъ его извѣстный нынѣ своимъ прекраснымъ талантомъ Рузебергъ, въ то время еще только пятилѣтній ребенокъ. Рѣзкая «физиономія Кульнева, его живые глаза, большой носъ и усы, — какъ самъ поэтъ рассказывалъ мнѣ, — неизгладимо запечатлѣлись въ его памяти. Безъ чиновъ, но добродушно обращаясь съ жителями, герой хаживалъ во вѣмъ и у всѣхъ былъ какъ дома. Такъ посѣщалъ онъ и родителей Рузеберга: бывало, придетъ, самъ отворитъ шкафъ, вынетъ оттуда графинъ съ водкой, до которой былъ большой охотникъ, и потчуетъ хозяевъ; въ то-же время ласкалъ онъ дѣтей и игралъ съ ними.

«Въ Якобштатѣ былъ извѣстенъ о Кульневѣ анекдотъ. Разъ на балѣ онъ тамъ влюбился въ какую-то молодецкую дѣвушку и весь вечеръ занимался ею. Незадолго передъ окончаніемъ бала, во время ужина, когда она вышла въ прихожую, онъ попросилъ башмака съ ноги ея. Бѣдная дѣвушка не знала что дѣлать; но бывшія съ нею дамы, ея родные и знакомые, испуганные физиономіею Кульнева, стали умолять ее, чтобы она не раздражала отказомъ этого ужаснаго человека, который въ гнѣвѣ; пожалуй, сожжетъ городъ. Нечего было дѣлать: красавица, хотя не безъ трепета, сняла съ ноги башмакъ и, потупя глаза, вручила его

усатому воину. Кульневъ въ восторгѣ возвратился въ залу, надѣлъ въ башмакъ шампанскаго и торжественно выпилъ за здоровье молодой Финляндки.

«Во время войны многіе изъ русскихъ офицеровъ были знакомы съ финляндскими. Когда бывало перемиріе, они съ обѣихъ сторонъ дружески сходились и пировали, какъ давнишніе пріятели. Потомъ прямо съ такой парухки они отправлялись на сраженіе и исправно убивали другъ друга. Случалось также, что на веселой сходкѣ русскій офицеръ ссорился съ финскимъ и ссора кончалась поединкомъ. Разъ П. за столомъ сказалъ, что съ шведской стороны много является переметчиковъ. «Это какіе нибудь дыганы,» отвѣчалъ шведскій офицеръ. Завязался споръ и одинъ изъ противниковъ плеснулъ другому супомъ въ лицо. Послѣ обѣда рѣшено стрѣляться. Однако-жъ начальство успѣло предупредить поединокъ, отправивъ П. въ турецкую армію. Черезъ много лѣтъ послѣ того П. пріѣхалъ въ финляндскій городъ ***, гдѣ тогда жилъ прежній противникъ его, и, являсь къ нему, приставилъ руку къ его сердцу, какъ будто намѣреваясь выстрѣлить. Черезъ минуту они братски обнялись и радостно помянули былое.

«Воспоминанія о времени войны, сохраняющіяся на мѣстахъ, гдѣ она свирѣпствовала, составляютъ историческую драгоценность, которой не могутъ замѣнить никакіе документы. Вотъ почему надобно бы записывать всякое такое воспоминаніе, дошедшее до насъ въ дорогѣ. Мысль эта приводитъ мнѣ на память то, что слышалъ я отъ болтливой старухи на одной станціи близъ Выборга. Она во время послѣдней шведской войны была еще дѣвочкой и жила въ услуженіи на какой-то мызѣ около Або. Помѣщики такъ боялись раздражать русскихъ сопротивленіемъ, что приказывали людямъ, въ случаѣ ночнаго нападенія, тотчасъ отворять двери страшнымъ гостямъ. А такъ какъ за эту услугу не легко было найти охотниковъ, то за нее хозяева сулили по червонцу. Расказчица была бойкою дѣвочкой и потому видя опасенія своей госпожи, сама вызвалась принять на себя такой подвигъ, съ тѣмъ чтобы и ей дали червонецъ. Не знаю, желала ли отважная служанка непріятельскаго нападенія, чтобы заслужить обѣщанную награду, только она по ночамъ напрасно ожидала Русскихъ: они не пришли».

Пока мы здѣсь, «Парижанинъ ставшіи Москвитяниномъ» уже — въ Китаѣ и объедаетъ съ дядею бохдо-хапа Ки-инномъ

у французскаго посланника, господина Лагренё, на фрегате *Le Saïman*. Странное дѣло! все, что онъ говоритъ по этому случаю, давно уже напечатано было здѣсь, въ Сѣмьѣ, въ другихъ источникахъ и, отчасти, тѣми же словами! Надо заключить, что, или другіе списали письмо «Парижанина» за то, что онъ сталъ «Москвитяниномъ», или, ставъ «Москвитяниномъ», онъ благополучно припался списывать другихъ, на мѣсть, въ Москвѣ, придавая этой компиляціи форму писемъ къ друзьямъ. Рѣшить этого невозможно — да и не стоить труда; но вѣрно однако жъ то, что, въ письмахъ своихъ къ друзьямъ, «Парижанинъ ставшій Москвитяниномъ» списываетъ иногда очень мило чужія сочиненія, и что друзья его вовсе не примѣчаютъ этого. Такъ напримѣръ, аудіенція англійскаго туриста у турецкаго паши списана цѣликомъ съ весьма забавной англійской книги, «*Notes*», и подшита къ одному изъ писемъ съ тѣмъ достохвальнымъ умысломъ, чтобы, въ истинно парижскомъ духѣ, посмѣяться немножко надъ Англичанами, хоть бы это и было ни къ селу ни къ городу. Цельзя не сознаться, что этотъ способъ шутить не совсѣмъ остроуменъ. Къ чему служить вообще такое путешествіе по чужимъ книгамъ — не извѣстно. У «Парижанина ставшаго Москвитяниномъ», правда, есть нѣсколько интересныхъ страницъ, но онѣ принадлежать не ему: онѣ списаны съ разсказу господина *Rochet d'Héricourt*, извѣстнаго путешественника, недавно воротившагося изъ Абиссиніи, гдѣ онъ находился въ особенной милости у Сахле-Саласи, царя страны Шоа.

«Мнѣ посчастливилось, рассказываетъ господинъ д'Эрикуръ, въ первое мое путешествіе приобрести благорасположеніе Сахле-Саласи. При возвращеніи моемъ во Францію онъ поручилъ мнѣ доставить королю Французовъ подарки отъ него и взялъ съ меня честное слово, что я ворочусь съ отвѣтомъ. Я въ самомъ дѣлѣ опять поѣхалъ въ страну Шоа, какъ желалъ Сахле-Саласи. Я также привезъ и ему подарки въ возвратъ за тѣ, которые онъ прислалъ Людовику-Филиппу, и вотъ я снова имѣю отъ него такое же порученіе.

«Проѣхавъ во второй разъ землю Аделей, мы вступили въ Шоа

и я немедленно отправился въ Ангололу, резиденцію царя Сахле-Саласи. Этотъ городъ отличается отъ деревни только большимъ числомъ хижинокъ, слѣпленныхъ на двухъ возвышенностяхъ у стеченія двухъ рѣкъ, изъ которыхъ Чиа-Чиа — довольно важная. На большемъ изъ возвышеній царь построилъ для себя и своихъ приближенныхъ двѣсти-пятьдесятъ хижинъ и окружилъ ихъ оградю. Туда я пошелъ тотчасъ же по прибытіи въ Ангололу. Я нашелъ Сахле-Саласи въ большой хижинѣ, назначенной для торжественныхъ пріемовъ. Царь страны Шоа, какъ и всѣ Абиссинцы, ходитъ съ непокрытою головою и волосы его завиты въ тысячи кудрей. Когда я явился, онъ сѣлъ на складномъ кожаномъ стулѣ съ бархатною подушкой. На шеѣ у него висѣлъ небольшой золотой крестъ на голубой шелковой лентѣ. На плечахъ у него былъ разноцвѣтно вышитый кафтанъ, изъ-подъ котораго на груди виднѣнъ былъ пидѣйской золотой парчи жилетъ, а на рукахъ два браслета изъ чистаго золота. Когда я подошелъ, онъ весело подаль мнѣ руку, а я, не слѣдуя обычаю его подданныхъ которые говорятъ съ нимъ не иначе какъ стоя на колѣняхъ, запросто крѣпко обнялъ его и сѣлъ подлѣ на его *сериръ*, — какъ по-абиссински называется его сѣдалище. «Здравствуй, Ромѣ, сказалъ онъ: здравствуй, другъ мой; здравствуй, сынъ мой. Ты мужественно преодолѣлъ опасности, а я часто беспокоился о тебѣ. Не досаждали ли тебѣ Данакилы? Я писалъ ко всѣмъ царямъ. Если бы они обидѣли тебя, я отомстилъ бы имъ». И онъ принялся подробно разспрашивать меня о моемъ путешествіи. Потомъ, видя, что я взнемогаю отъ усталости, онъ отпустилъ меня. Для меня была приготовлена хижина, въ которой я уже жилъ въ первое мое пребываніе. Тамъ я нашелъ столъ, обильно уставленный жаренымъ мясомъ, вареными плодами и медомъ.

«На другой день Сахле-Саласи призвалъ меня рано утромъ и принялъ на этотъ разъ въ собственной хижинѣ, за жаровнею которой содѣство при свѣжести воздуха было довольно пріятно. Когда я сѣлъ, онъ спросилъ меня, справилъ ли я его комиссію и привезъ ли ему лекарства. Онъ взялъ мою руку и положилъ себѣ на плечо, потомъ на бедро, говоря, что повременамъ ощущаетъ въ этихъ мѣстахъ боль. Бѣдный царь страдаетъ ревматизмомъ. Впродолженіи нашего разговора на почетный дворъ принесли всѣ ящики, которые я привезъ изъ Европы и на каунѣтъ расположилъ въ такомъ порядкѣ, чтобы возбудить и усилить любопытство моихъ зрителей. Я началъ съ оружія и прежде всего

открылъ сто ружей, пятьдесятъ карабиновъ, восемь ударныхъ карабиновъ, пятьдесятъ паръ пистолетовъ, пятьдесятъ кавалерійскихъ сабель, пятьдесятъ тесаковъ, потомъ нѣсколько шерстяныхъ ковровъ, нѣсколько кусковъ краснаго сунна и разныхъ яркихъ цвѣтовъ шелковыя матеріи. Потомъ я вручилъ Сахле-Саласи особенный подарокъ отъ Людовика-Филиппа, — дорогое двуствольное ружье съ золотою настьчкой, которое ему чрезвычайно понравилось. Потомъ я показалъ ему нѣсколько кесокъ и блестящихъ кирасъ. Онъ попросилъ меня тотчасъ же пригнѣрить, потому что Абиссинцы не знаютъ такого оборонительнаго вооруженія. Сахле-Саласи былъ восхищенъ воинственными видами моихъ въ этомъ нарядѣ. Потомъ принесли еще четыре ящика. По моему важному и таинственному виду Сахле-Саласи заключилъ, что мы приступаемъ къ предмету необыкновенному. «Что тутъ такое?» спросилъ онъ почти съ безпокойствомъ. Я, не отвѣчая, продолжалъ разбирать ящики. Изъ одного вышла шармака; въ другихъ заключались три цилиндра, которыя составили репертуаръ изъ тридцати пьесъ. Я вставилъ одинъ изъ этихъ цилиндровъ на мѣсто. Царь пристально и подозрительно вглядывался въ механизмъ и напрасно ломалъ голову, чтобы разгадать чѣмъ все это кончится. «Что это такое? повидному думалъ Сахле-Саласи, невѣдомое смертоносное орудіе какое-нибудь? или полезная машина, пороховая или мукомольная мельница?» Кажется, онъ остановился на послѣднихъ двухъ предположеніяхъ. Я между-тѣмъ окончилъ приготовленія и попросилъ собраніе обратить вниманіе. Всѣ притихли и посреди общаго безмолвія таинственный ящикъ подъ руками у меня стройно запѣлъ сицилійскую пѣсню перваго акта «Роберта». Надобно было видѣть удовольствіе и нѣмое изумленіе Сахле Саласи и его двора. Царю видимо хотѣлось остановить меня и попросить объясненія туда, которое совершилось у него на глазахъ, но чары звуковъ, которые онъ слышалъ въ первый разъ, останавливали его любопытство и онъ боялся прервать звучный металлическій голосъ. Кончивъ пѣсню, я самъ остановился, чтобы насладиться моимъ усѣхомъ, точно какъ актеръ прерываетъ свою роль, чтобы дать нѣчто рукоплесканіямъ. Вопросы посыпались на меня градомъ. Я принужденъ былъ отворить ящикъ шармаки и по возможности объяснить удивленному царю механизмъ инструмента. Когда ему показалось, что онъ достаточно понялъ, онъ просилъ продолжать. Я завелъ другую пѣсню и, уставъ вертѣть ручку, приставилъ од-

ного изъ придворныхъ и всѣ они стали чередоваться одинъ за другимъ. Сахле-Саласи былъ въ эконисаиномъ восторгѣ и тысячу разъ выражалъ самую живую признательность королю Французскому, который прислалъ ему такой дивный подарокъ. Я выбралъ минуту самого живѣйшаго восхищенія, чтобы поднести подарокъ, который долженъ былъ тронуть его еще сильнѣе. Досиъ-портъ, сказалъ я, я показывалъ тебѣ только произведенія нашей страны, но нашъ король, въ отвѣтъ на твою дружбу, посылаетъ тебѣ подарокъ болѣе лестный и драгоценный нежели все, чтó ты теперь видишь: онъ посылаетъ тебѣ свой портретъ. Глядя на это изображеніе, ты можешь вообразить, что видишь его самого, живаго: это какъ-будто часть его самого; онъ какъ-будто самъ всегда будетъ съ тобою». И я показалъ ему портретъ короля. Удивленію Сахле-Саласи не было мѣры. Рельефъ головы, которая, какъ ему казалось, выходила изъ рамы, долгое время сбивалъ съ толку его рассудокъ. Онъ хотѣлъ взять портретъ къ себѣ на колѣни и, сомнѣваясь въ свидѣтельствѣ своихъ глазъ, которымъ то представлялась ровная плоскость, то видѣлось человѣческое лицо со всѣми выпуклостями, онъ старался руками схватить на полотнѣ эти выпуклости съ нетерпѣніемъ ребенка, которому хочется поймать свое изображеніе въ водѣ. Потомъ онъ оборачивалъ картину и на лѣвой сторонѣ полотна искалъ объясненія тайны явленія. Эти неловкія изслѣдованія подвергали портретъ не малой опасности. Я предупредилъ царя и сказалъ, что онъ уничтожитъ живопись если будетъ такъ обращаться съ нею. Тогда Сахле-Саласи передалъ портретъ придворнымъ, чтобы посмотрѣли, но строго запретилъ трогать руками полотно. Когда придворные посмотрѣли, онъ отправилъ портретъ къ царицѣ Бетеабешъ съ тѣмъ же наставленіемъ. Черезъ полчаса картина воротилась и Сахле-Саласи съ знаками глубокаго почтенія поставилъ ее на свой сериръ. «Ты правду сказалъ, говорилъ онъ мнѣ: изъ всѣхъ подарковъ твоего царя это самый драгоценный: онъ болѣе всего говоритъ моему сердцу».

«Я сказалъ Сахле-Саласи, что у меня остаются еще три ящика съ вещами, которыя онъ самъ поручилъ мнѣ привезти изъ Франціи для себя и для царицы. Но я просилъ отложить разборку до другаго дня. На другой день Сахле-Саласи позволилъ мнѣ лично отдать царицѣ привезенныя для нея вещи и начальникъ оружейъ доложилъ ей о моемъ посѣщеніи. Черезъ минуту потомъ меня ввели въ жилище царицы Бетеабешъ.

«Ничто въ этой хижинѣ не обнаруживало царскаго присутствія. Черезъ первую дверь входите въ большую круглую комнату, выбѣленную известкой и ничѣмъ не украшенную. Вою царскую роскошь въ ней составляетъ персидскій коверъ. Царица Бетсабешъ сидѣла на сериръ, окруженная своими дочерьми и сыновьями, изъ которыхъ старшему лѣтъ двадцать. Самой ей около сорока. Она женщина бодрая и примѣчательно толстая. Выразительное лицо показываетъ живость ея ума. Она въ своемъ государствѣ почитается очень ученою. Сахле-Саласи очень уважаетъ ея мнѣнiе и не предпринимаетъ ничего важнаго, не посоветовавшись съ нею. Она управляетъ всѣмъ хозяйствомъ двора. Пріавая меня, она оказывала мнѣ высокую милость, потому что очень многомъ придворнымъ позволено являться къ ней и большая часть подданныхъ видѣла ее не иначе какъ подъ покрываломъ. Я обошелся съ нею съ тѣмъ простодушиемъ, на которое взялъ себѣ право въ странѣ Шоа и которому приписываю пріобрѣтенное тамъ благорасположеніе. Я обнялъ царицу и перецѣловалъ всѣхъ ея дѣтей. Царица Бетсабешъ приняла меня почти съ тѣми же привѣтiями и вопросамъ какъ и царь. Она была восхищена вещами, которыя я привезъ ей: то были три большіе зонтика съ золотыми бахромами и три маленькіе, два кошелька, трое дамскихъ часовъ съ цѣпочками и золотыя серги. Изъ шелковыхъ матерій она предпочла узорчатымъ одноцвѣтныя, только яркія ткани. «Мы очень счастливы, что опять видимъ тебя, сказала она: сначала мнѣ говорили, будто ты умеръ, потомъ пронесся слухъ, будто твой царь прогнѣвался на тебя и посадилъ на цѣпь. Я очень рада, что все это были пустые слухи.» Пока я былъ у нея, она послала къ Сахле-Саласи за шарманкой и каждый изъ восхищенныхъ дѣтей хотѣлъ вертѣть волшебный рычагъ, который извлекалъ изъ ящика такія чудесныя и новыя для нихъ пѣсни. Я пробылъ у царицы цѣлыхъ два часа. Этотъ день окончился великолѣпнымъ пиромъ. Для меня были приготовлены особенныя блюда, потому что обыкновенныя абиссинскія такъ обильно приправлены краснымъ индійскимъ перцемъ, что я ни какъ не могъ привыкнуть къ нимъ. Большой царскій обѣдъ — одно изъ самыхъ любопытныхъ зрѣлищъ въ Шоа. Царь присутствуетъ, но ничего самъ не ѣстъ, потому что обычай запрещаетъ ему насыщаться при постороннихъ. Онъ сидитъ на возвышеніи, окруженный нѣсколькими придворными, только глазами участвуя въ ширшествахъ, и разговариваетъ или потѣшается выходками сво-

его шута. Обѣдъ подается на двухъ большихъ новыхъ столахъ поставленныхъ такъ, что образуютъ трехъ-конечный крестъ. На столахъ ставится шесть или восемь большихъ горшковъ съ разнымъ мясомъ, а между горшками стопы большихъ ржаныхъ лепешекъ. Мясо, изрѣзанное кусками, обыкновенно погружается въ густой соусъ, сильно приправленный мелко истертымъ индѣйскимъ перцемъ. Изрѣзанное мясо бараннихъ заднихъ частей не отдѣляется отъ кости, какъ роман плети. Мясо ѣдятъ вообще не довареное и часто еще смѣшиваютъ съ совершенно сырымъ, которое составляетъ для Абиссинцевъ величайшее лакомство. Воды они никогда не пьютъ за обѣдомъ, — все медъ, очень вкусный и шипучій какъ шампанское. Шумный пиръ сопровождается музыкой, — оркестромъ, составленнымъ изъ трубъ и свирѣлей, и хоромъ пѣвцовъ и пѣвицъ, которые исполняютъ односторонняго разноголосицы, терзающія всякое европейское ухо. На этотъ разъ моя шарманка совершенно уничтожила туземный оркестръ. Въ первое время царь каждый день заставлялъ придворныхъ вертѣть поющій рычагъ и они исполняли эту важную должность посмишно. Эти грубые, но веселые, оживленные пиры, со своимъ обиліемъ лотвъ, съ шумомъ и громкимъ хохотомъ, потрясающимъ некой при каждой выходкѣ шута, удивительно напоминаютъ феодальное гостепрѣимство среднихъ вѣковъ.

«Англійское посольство, также прибывшее въ Шоа, явилось въ Анголалу, чтобы представиться царю Сахле-Саласи. Англичане раскинули свои палатки на вигоркѣ на югъ отъ города, посреди зеленыхъ луговъ, простирающихся до береговъ Чиа-Чиа. Сдавъ подарки и вещи, я пошелъ посѣтить Англичанъ. Капитанъ Гаррисъ и капитанъ Грагамъ приняли меня очень радушно, а я искренно порадовался встрѣчѣ и бесѣдѣ съ ними: въ сердцѣ Африки, одинокомъ среди полуварварскаго народа достаточно быть Европейцами, чтобы почитать другъ друга соотечественниками. На слѣдующій день оба капитана оплатили мнѣ визитъ тѣмъ же. Разговоръ естественно обратился на путешествіе, которое мы съ разныхъ сторонъ предпринимали для одинаковой цѣли. Мы описывали другъ другу трудности, понесенныя проѣздомъ черезъ землю Аделей, потомъ толковали о странѣ Шоа, о ея климатѣ и естественныхъ богатствахъ, о способѣ управленія и я замѣтилъ что капитанъ Гаррисъ не совсѣмъ доволенъ приемами Сахле-Саласи. «Онъ человекъ очень тонкій, говорилъ онъ: мы немножко поздно примѣтили это.» Миссія, въ головѣ которой стоялъ каапц-

Гаррисъ, была снаряжена и послана въ Шоа изъ Бомбея Ниддйскою Компаніей и британскимъ правительствомъ съ коммерческою и политическою цѣлью. Она состояла изъ нѣсколькихъ офицеровъ и имѣла при себѣ двадцать солдатъ и семь человѣкъ слугъ. Пришедши въ царство Шоа въ такомъ большомъ числѣ и съ величественнымъ видомъ, Англичане не только не выиграли довѣрія, но еще возбудили старинныя подозрѣнія. Все народонаселеніе края истинно живо питало къ нимъ вражду. Однако жъ черезъ нѣсколько дней Сахле-Саласси прислалъ къ нимъ нѣкоторыхъ изъ своихъ придворныхъ и велѣлъ сказать капитану Гаррису, что готовъ принять его на другой день. Капитанъ счелъ нужнымъ облечься въ этотъ день въ парадную форму посланника. Сверхъ капитанскаго мундира на немъ была надѣта алая бархатная мантия, шитая золотомъ и подбитая горностаемъ. На шеѣ у него висѣлъ крестъ ордена храмовыхъ рыцарей, на шляпѣ развѣвался султанъ изъ бѣлыхъ и красныхъ перьевъ. Онъ ѣхалъ на арабской лошади, украшенной золотою сбруей. Сахле-Саласси принялъ Англичанъ сидя на своемъ серири, а члены посольства усѣлись передъ нимъ на стульяхъ, которые привезли съ собою. Капитанъ Гаррисъ рекомендовался какъ посолъ королевы англійской и представилъ своихъ товарищей, потомъ поднесъ подарки отъ своего правительства. То были двѣ маленькія мѣдныя пушки, триста ружей съ большимъ запасомъ патроновъ, хорошеенькая палатка, подбитая красною саржей, дорогіе куски шелковой и шерстяной матеріи, двѣ черепаховыя табакерки съ музыкой, зеркала и тому подобныя вещи. Капитанъ Гаррисъ очаровалъ царя заставивъ своихъ солдатъ стрѣлять изъ пушекъ и ружей. Черезъ пять дней потомъ Сахле-Саласси отпраздновалъ Англичавъ въ Ангобаръ, но, по забывчивости ли или съ намѣреніемъ, погрѣшилъ при этомъ противъ обыкновеннаго своего гостепримства, не отдавъ приказанія отпустить гостямъ съѣстныхъ припасовъ, тогда какъ въ Шоа никто не имѣетъ права покупать или продавать что-нибудь иностранцамъ безъ позволенія царя, такъ, что впродолженіи пяти недѣль Англичане перебивались съ большимъ трудомъ и не могли за свои деньги достать самыхъ необходимыхъ вещей.

На другой день по отпраздненіи Англичавъ въ Ангобаръ царица Бетсабешъ спрашивала меня, правится ли мнѣ ея земля. Она же объяснила мнѣ, что провинціи Марабитъ, Шоа-Меда и Моротъ, по которымъ я разъѣзжалъ, нѣкогда принадлежали ея отцу и только со времени ея замужества присоединились къ владѣніямъ

Сахле-Саласи. Я очень хвалилъ царичѣ прекрасныя виды, на которые любовался, и рассказывалъ о моихъ подвигахъ на охотѣ. Она, въ свою очередь, говорила мнѣ, какъ она довольна вещами, которыя я привезъ ей изъ Европы. Наконецъ она навела рѣчь на политѣку и я увидѣлъ что она раздѣляетъ подозрѣнія народа относительно къ Англичанамъ. Она спросила меня, что я думаю о продолжительномъ пребываніи англійскаго посольства въ Шоа. «Рошѣ, сказала она, тужурцы безпрестанно повторяютъ намъ, будто Англичане пришли за тѣмъ чтобы извѣдать нашъ край и впоследствии овладѣть имъ. Они поднесли Сахле-Саласи богатыя подарки, но если бъ царь послушался меня, онъ ничего не приваялъ бы. Неужели въ Англии нѣтъ бѣдныхъ?» Я отвѣчалъ, что ихъ тамъ больше, можетъ-быть, чѣмъ во всякой другой землѣ. «Такъ зачѣмъ же они не продали свои вещи и не раздѣлили деньги своимъ бѣднымъ, чѣмъ привозить царю Сахле-Саласи, который не знаетъ, куда ихъ дѣвать?» Царица Бетсабешъ такъ упорствовала въ своемъ предубѣжденіи противъ англійскаго посольства, что капитанъ Гаррисъ, несмотря на всѣ свои старанія, не добился свиданія съ нею. Я съ своей стороны оставался съ членами посольства въ короткихъ сношеніяхъ до самаго ихъ отъѣзда, который послѣдовалъ вскорѣ по прибытіи Сахле-Саласи въ Ангобаръ. Капитанъ Гаррисъ отпраздновалъ день рожденія королевы Викторіи большимъ обѣдомъ, на который и я былъ приглашенъ. Мы выпивали тосты въ честь нашихъ государей, потому за благоденствіе нашихъ отечествъ и за здравіе и успѣхъ путешествующихъ по Африкѣ и провели большую часть вечера въ воспоминаніяхъ о Европѣ, которую всѣ пламенно желали снова увидѣть.

Англійской экспедиціи очень трудно было выступить изъ Шоа, потому что она истратилась деньгами. Капитанъ Гаррисъ обратился было къ Сахле-Саласи и попросилъ займы двѣ-тысячи таларисовъ (три тысячи рублей серебромъ), но тотъ отказалъ. Тогда я предложилъ капитану ссуду двухъ третей требуемой суммы, взявъ тысячу-четыреста таларисовъ, которые мнѣ слѣдовало получить за купленные по порученію Сахле-Саласи вещи, и послалъ къ Гаррису, а тотъ далъ мнѣ вексель въ Александрію. Когда Англичане стали собираться въ дорогу, на меня напала лихорадка. Съ мѣсяцъ уже шли непрерывные дожди и въ Шоа говорили, что давно уже не видывали такой дурной погоды. Абиссинцы, смѣшившая свои чувствованія съ суевѣріемъ, приписывали эту по-

году вліанію Англичанъ. Сахле-Саласи, опасаясь, чтобы земля не разверзлась, покинулъ свою хижину. Моя стояла у подошвы пригорка въ сыромъ мѣстѣ, отчего я и получилъ лихорадку. Я сказалъ царю, что также не желаю провалиться сквозь землю вмѣстѣ съ Англичанами и просилъ назначить мнѣ другое жилище. Сахле-Саласи указалъ мнѣ другую хижину и меня перенесли на сериръ, потому что я самъ уже не могъ ходить. Тамъ я простился съ капитаномъ Гаррисомъ, который отправился прежде своихъ товарищей въ Софре чтобы пасть верблюдовъ, которые бы перевезли багажъ въ пустыню. Черезъ нѣсколько дней потомъ и капитанъ Грагамъ и докторъ Импей также пришли проститься со мной. Мнѣ было очень больно разстаться съ ними: я оставался совершенно одинъ въ Шоа. Наконецъ, черезъ три недѣли, оправившись отъ болѣзни, я получилъ отъ Сахле-Саласи позволеніе въ свою очередь отправиться и увѣхалъ довольный по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что умѣлъ приобрѣсть любовь царя страны Шоа и всего его семейства.»

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОИЩА.

=

АВГУСТЪ.

=

НОВЫЯ КНИГИ.

=

КРАЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ. *Собрание древнихъ чешскихъ эпическихъ и лирическихъ пьесъ. Перевелъ Н. Бергъ. (Москва. 1846, съ-8., 1/2 стр. 116.)*

Въ древней и новѣйшей литературѣ бывали эпохи такъ-называемыхъ *открытій*, то есть, просто подлоговъ, поддѣлокъ подъ старину или подъ знаменитыя имена. Эпохи эти извѣстны; подлоги и плоды ихъ хорошо оцѣнены исторіей и критикой. Дошедшая до насъ древняя греческая литература загромождена поддѣлками, которые съ особенною ревностью производились въ вѣкъ Птолемеевъ: въ классической критикѣ онѣ извѣстны подъ названіемъ — *орга зрѣгіа*, «твореній незаконнорожденныхъ». Въ періодъ Возрожденія подлоги были опять въ большомъ ходу и иногда эти поддѣлки достигали совершенства: довольно указать на знаменитыя басни Федра, которыя строгая критика относитъ къ этому роду произведеній. Во второй половинѣ прошлаго столѣтія нѣсколько отличныхъ талантовъ въ Англіи пустились

вдругъ въ подобныя мистификаціи: Чаттертонъ и Мекферсонъ приобрѣли даже славу ими, особенно Мекферсонъ, поддѣльватель народной старины, которую такъ легко поддѣлать, даже при умѣренномъ дарованіи: доказательство—«Сербскія пѣсни» господина Мери, которыя обошли всю Европу, были переведены Пушкинымъ за подлинныя и остались бы подлинными, если бы самъ господинъ Мери не признался добровольно; что онъ сочинилъ ихъ въ шутку. Пѣсни Оссіановы сводили тогда съ ума всю Европу. Лишь только подлинность ихъ подверглась сомнѣнію, почти во всѣхъ европейскихъ литературахъ явились болѣе или менѣе искусные подражатели Мекферсонову подвигу, показавшему несомнительно возможность полной удачі попытокъ въ старинной народной поэзіи. Почти повсюду стали неожиданно *открываться* древнія народныя пѣсни, рассказы, эпопеи. Въ это время *открылось* у насъ, неизвѣстно какъ, «Слово о полку Игоря»; въ Богеміи *открылась* вдругъ знаменитая «Краледворская рукопись». Господинъ Ганка, богемскій литераторъ, антикварій и мечтатель, столь извѣстный своей восторженностью, отправился вначалѣ 1817 года въ городокъ Кралевъ Дворъ, нарочно для *отыскиванія древнихъ памятниковъ чешской литературы*, и какъ отправился онъ туда нарочно въ Мекферсонову эпоху, то, разумѣется, и не могъ не найтн тамъ, въ какомъ-то погребу, отличнаго отечественнаго Оссіана. Цѣлую рукопись, прославившуюся съ тѣхъ поръ подъ названіемъ «Краледворской рукописи», привезъ онъ оттуда въ Прагу. Какъ обыкновенно водится въ подобныхъ «открытіяхъ», рукопись эта *единственная, codex unicus*, и другихъ списковъ ея нигдѣ не найдено, точно такъ же какъ и *новооткрытыхъ* драмъ Шекспира въ Англіи, какъ и «Слова о полку Игоря» въ Россіи; а по стариннымъ и непреложнымъ законамъ критики рукописныхъ литературъ, одно это уже обстоятельство,—*единственность списка*,—достаточно для причисленія «открытія» къ разряду *orega scripta*, «незаконнорожденныхъ произведеній». Какъ бы то ни было, поэмы «Краледворской рукописи» вскорѣ затмили славу даже вдохновеній самого Оссіана. Онѣ переводились на всѣ языки и вездѣ читали ихъ съ восторгомъ—пока не забыли такъ же какъ и Оссіановыхъ. Новое поколѣніе у насъ и не слыхало о «Краледворской рукописи», хотя пѣкогда она была здѣсь въ-большой славѣ и покойный А. С. Шишковъ напечаталъ текстъ ея съ русскимъ переводомъ въ трудахъ бывшей Россійской Академіи. Господинъ Бергъ какимъ-то образомъ вспомнилъ объ ней нынче и перевелъ вторично, — для чего? — про то знаетъ

онъ. Господинъ Бергъ суда критики не признаетъ надъ собою. Онъ — самъ себѣ критикъ. Всѣ достоинства своего труда излагаетъ онъ откровенно и беззаботно. Онъ хвалитъ себя такъ непритворно, такъ безпристрастно, съ такимъ наслажденіемъ, какъ будто бранитъ ближняго. «Когда я передавалъ Краледворскую рукопись русскими стихами, то первую мою заботою было сохраненіе вездѣ самаго чистаго русскаго языка. Вторымъ дѣломъ я считалъ соблюденіе въ переводѣ относительно подлинника возможной вѣрности. Присемъ особенно старался не ставить безъ крайней нужды лишннихъ стиховъ. Полнота русскаго языка и его всегда длинныя слова представляли мнѣ въ этомъ случаѣ не малую преграду. Потомъ я заботился о жизни, поэзии, силѣ и гладкости своихъ стиховъ. Таковы были мои правила при переводѣ сей рукописи. Съ чувствомъ живѣйшаго и сладостнаго восторга приношу теперь мою сердечную благодарность тому языку, на которомъ судилъ мнѣ Творецъ говорить и писать; несравненному языку Русскому, могучему языку могучаго народа; языку, который служилъ мнѣ въ трудѣ моемъ вѣрно и славно; питалъ меня и одушевлялъ; поднималъ меня, когда я падалъ, и непрерывно порождалъ во мнѣ новыя силы. Ему приношу благодарность и остаюсь увѣреннымъ, что, владычій я другимъ языкомъ, я не сдѣлалъ бы и половины того, что теперь отдаю на судъ образованныхъ читателей.»

Читатели, естественно, захотятъ посмотреть, какъ это случилось господину Бергу русскій языкъ вѣрно и славно, и мы обязаны удовлетворить ихъ справедливое требованіе. Главная поэма Краледворской рукописи — «Забой и Славой».

«Поднимается скала надъ гѣсомъ;
 На скалѣ стоитъ Забой могучій
 И во всѣ концы кидаетъ взгляды.
 Возмутился духъ его печалью
 И Забой заплакалъ, что твой голубь.
 Тамъ сидѣлъ онъ долго, смутенъ сердцемъ;
 Вдругъ вскочилъ и побѣжалъ оленемъ
 Черезъ боръ широкой и пустынный;
 Побывалъ у каждаго онъ мужа,
 Къ сильному отъ сильнаго онъ мчался;
 Рѣчь держалъ короткую со всякимъ;
 Преклонялъ чело передъ богами,
 И къ другимъ оттуда онъ пускался.

Минулъ день; за нимъ другой проходить;

Въ третій день блеснулъ на небѣ мѣсяцъ.
 Собрался мужи въ лѣсъ дремучій;
 Тѣхъ мужей ведетъ Забой въ долину,
 Чтò лежала межъ лѣсовъ глубоко.
 Самъ онъ сталъ среди ложбины низкой;
 Въ варито рукою ударяеть.

«Мужи, съ вѣрнымъ братскимъ сердцемъ,
 Мужи искренне взоромъ!
 Вамъ пою въ глубокой я долинѣ,
 Отъ глубокаго пою вамъ сердца,
 Чтò печалью возмутилось!
 Нашъ отецъ ушелъ къ отцамъ
 И дѣтей покинулъ малыхъ,
 И подругъ своихъ покинулъ,
 Не сказавши никому:
 Братъ! поди, поговори ты съ ними,
 Какъ отецъ съ родимомъ семейю!

И пришелъ чужой въ предѣлы наши;
 Зашумѣлъ на насъ чужою рѣчью;
 И, какъ тамъ живутъ съ утра до ночи,
 Такъ и нашимъ женамъ и ребятамъ
 Дать велѣлъ, и каждому онъ шуму
 По одной велѣлъ держать подругѣ
 На пути съ Весны и до Мораны.
 Ясныхъ крекетовъ изъ бору выгналъ
 И боговъ, что боги на чужбинѣ,
 Приказалъ любить онъ нашимъ людямъ
 И святыя сожигать имъ жертвы;
 А своимъ никто не смѣи молиться,
 И въ потѣмкахъ приносить имъ пищу.
 Гдѣ отецъ кормилъ боговъ родимыхъ,
 Гдѣ молился, гдѣ пѣвалъ имъ славу, —
 Онъ постѣкъ священныя деревья,
 И боговъ кумиры испровергнулъ.»

— Ты, Забой, поешь отъ сердца сердцу
 Пѣсно горя, какъ Люмиръ, что двигалъ
 Вышеградъ и всѣ его предѣлы
 Пѣснями да крѣпкими словами:
 Такъ и ты меня и братьевъ тронулъ.
 Добраго пѣвца и боги любятъ!

Пой! отъ нихъ поешь ты пѣсни,
 Чтò мутятъ все наше сердце
 Противъ недруга лихаго!

Песмотрѣлъ Забой, какъ у Славой
 Разгорѣлись, раскалились очи —
 И запѣлъ онъ пѣсни снова,
 Чтобъ сердца расшевелялись:

«Жило-было двое братьевъ.
 Какъ ужъ стали голосами
 На мужей они похожи,
 Вслкій день ходили въ рощу
 И къ мечу, коню и млату
 Приучали тамъ десницею.

Прятали въ густомъ лѣсу оружье
 И съ веселымъ сердцемъ возвращались.
 А какъ стали руки братьевъ крѣпки,
 Выходили братья въ бой кровавый!
 Втѣпоры братишки ихъ другіе
 Подростали, и во слѣдъ за тѣми
 На враговъ летѣли, словно бура;
 И отчизна ихъ цвѣла въ покоѣ!

Всѣ къ Забою, къ молодцу прыгнули
 И пѣвца въ объятяхъ сжали крѣпкихъ.
 Клади руки сильныя на перси,
 И умно-разумно говорили.

До разсвѣту было ужъ не долго.
 Выходили изъ долины мужи,
 Выходили розно, темнымъ лѣсомъ,
 И по всѣмъ дорогамъ разбрелися.

День проходить, и другой проходить;
 А на третій день, какъ ночь настала, —
 Въ темный лѣсъ пошелъ Забой
 И за нимъ пошли дружины.
 Въ темный лѣсъ пошелъ Славой
 И за нимъ пошли дружины.
 Всякъ покоревъ воеводѣ;
 Королю же всякъ тамъ недругъ,
 Всякъ его сгубить замыслилъ.

«Гой еси ты, братъ Славой!
 Къ голубой ступай вершинѣ,
 Что надъ всѣмъ подыалась краемъ!
 Тамъ собираться надо будетъ.
 На востокъ отъ той вершины,
 Видишь, лѣсъ идетъ дремучій, —

Тамъ рукой ударимъ въ руку!
 Пробирайся жъ ты лисцей:
 Я туда жъ приду съ полками.»

Продолжать не нужно. Все — такая же поэзія, а содержанія — ни какого. Всюду — по всего разительнѣе во вступленіяхъ — за-мѣтно подражаніе оссіановскимъ «формамъ», какъ и въ «Словѣ о полку Игоря». Поэма «Людиша и Люборъ» начинается такъ:

«Старъ и младъ, внимай разсказу
 О бояхъ и ратоборствахъ.
 Жилъ когда-то князь за Лабой,» и прочая.

Чистый Оссіанъ!... Не всѣ древніа чешскія поэмы открыты господиномъ Ганкою. «Судъ Любуши» открытъ неизвѣстнымъ лицомъ въ 1817 году и подаренъ Пражскому Музеуму неизвѣстно кѣмъ. Для уразумѣнія этой пьесы надобно знать, что *Кметъ* (Gemieth) значитъ поселянинъ; *Лехъ* или *Ляхъ* — дружина, то есть, воинъ дружины, рыцарь, отъ готскаго слова *lagh* «союзъ, братство, дружба, дружина», совершенно тоже что *wiging* или *Варягъ* у Руссовъ и Скандинавовъ; а *Владыка* — лонный графъ или староста.

«Гой, Велтава, что ты волны мутить,
 Сребропѣнныя что мутить волны?
 Подняла-ль тебя, Велтава, буря,
 Разогнавъ съ небесъ широкихъ тучу,
 Оросивши главы горъ зеленыхъ,
 Разметавши глину золотую?»

Какъ Велтавъ не мутиться нынѣ:
 Разлучились два родные брата,
 Разлучились и враждуютъ брѣнко
 Межъ собой за отчье наслѣдье.
 Лютый Хрудошъ отъ кривой Отавы,
 Отъ кривой Отавы златоносной,
 И Стяглавъ съ рѣки Радбузы хладной;
 Оба братья, Кленовичи оба,
 Оба родомъ отъ сѣдаго Тетвы,
 Попелова сына, иже прибылъ
 Въ этотъ край богатый и обильный
 Черезъ три рѣки съ полками Чеха.

Прилетѣла сизая касатка,
 Отъ кривой Отавы прилетѣла,
 На окошкѣ сѣла на широкомъ,
 Въ золотомъ Любуши стольномъ градѣ,

Стольномъ градѣ, святомъ Вышеградѣ;
Зароптала, заплакала горько.

Какъ сестра касатки той родная
Этѣ рѣчи въ домѣ услышала —
Позвала Княжну Любушу въ городъ.
Учинить великую расправу,
Звать на судъ ея обоихъ братьевъ
И рѣшить ихъ дѣло по закону.

Шлетъ пословъ Княжна изъ Вышеграда
Святослава кликать отъ Любицы,
Отъ Любицы бѣлой и дубравной;
Лютобора витязя, что правилъ
На холмѣ великомъ Доброславскомъ,
Гдѣ Орлицу пьетъ синяя Лаба;
Ратибора съ Керконошъ высокихъ,
Гдѣ дракона ярый Трутъ осплилъ;
Радована съ Каменнаго моста,
Ярожира отъ вершинъ ручьиныхъ,
Стрезибора отъ Сазавы злачной,
Саморода со Мжи среброносной,
Кметовъ, Леховъ и Владыкъ великихъ,
И Стяглава и Хрудоша братьевъ,
Что за отчину враждуютъ крѣпко.

Какъ собрались Лехи и Владыки
Въ Вышеградѣ у Княжны Любуши,
Всякой сталъ по сану и по роду, —
Къ нимъ тогда Княжна въ одеждѣ бѣлой
Вышла, сѣла на престолѣ отчемъ,
На престолѣ отчемъ, въ славномъ сеймѣ.

Вышли двѣ разумныя дѣвицы,
Съ мудрыми судейскими рѣчами;
У одной въ рукахъ скрижали правды,
У другой-же мечъ, каратель кривды;
Передъ ними пламень правдоѣстникъ,
А за ними воды очищенья.

Начала Княжна такое слово
Съ золотого отчаго престола:
«Гой вы, Кметы, Лехи и Владыки!
Разрѣшите братьевъ по закону,
Разрѣшите братьевъ, что враждуютъ
Межь собой за отчее наслѣдье.
Вы скажите намъ святую правду
Отъ боговъ всевидцевъ присносущихъ;
Вмѣстѣ-ль стануть безъ раздѣла править,

Иль на части ровныя раскинуть.
 Гой вы Кметы, Лехи и Владыки!
 Приговоръ мой разрѣшите нынѣ,
 Коли вамъ по разуму прійдется;
 А не то законъ поставьте новый,
 Да разсудить разлученныхъ братьевъ.»

Поклонились Лехи и Владыки,
 И пошли про это разговоры,
 Разговоры тихіе межъ ними,
 Въ похвалу рѣчей Княжны Любуши.

Лютоборъ, что проживалъ далече
 На холмѣ великомъ Доброславскомъ,
 Всталъ и началъ къ ней такое слово:
 «О Княжна ты наша въ Вышеградѣ,
 На златомъ отеческомъ престолѣ!
 Мы твое рѣшенье разсудили;
 Прикажи узнать народный голосъ.»

И тогда собрали по наказу
 Дѣвы—судьи голоса народа,
 И въ сосудъ священный положивши,
 Лехамъ дали прокричать на вѣчѣ.

Радованъ отъ Каменнаго моста
 Голоса народа перечислилъ
 И ко всѣмъ сказалъ рѣшенье сейма:

«Сыновья враждующіе Клена,
 Братья родомъ отъ сѣдаго Тетвы,
 Попелова сына, иже прибылъ
 Въ этотъ край богатый и обильный
 Черезъ три рѣки съ полками Чеха!
 Ваше дѣло такъ рѣшилось нынѣ:
 Управляйте вмѣстѣ безъ раздѣла!»

Всталъ тутъ Хрудошъ отъ кривой Отавы.

Закинѣла желчь въ его утробѣ,
 Весь во гнѣвѣ лютомъ онъ затрясся
 И, махнувъ могучею рукою,
 Заревѣлъ къ народу лрымъ туромъ:

«Горе, горе молодымъ птенятамъ,
 Коль ехидна въ ихъ гнѣздо вотрется;
 Горе мужу, если онъ попуститъ
 Управлять собой женѣ строптивой!
 Мужу должно обладать мужами,
 Первородному итеть наслѣдь!»

Поднялась Любуша на престолѣ,
 Молва: «Кметы, Лехи и Владыки!

Мой позоръ свершился передъ вами —
 Такъ творите-жъ нынѣ судъ и правду
 Межъ собою сами по закону:
 Править вами не хочу я боги!
 Изберите мужа, да приметь
 Власть надъ вами онъ рукой желѣзной,
 А рукѣ моей, рукѣ дѣвичьей,
 Управлять мужами не-подъ-силу!»

Ратиборъ, что съ Керконошъ высокихъ,
 Всталъ и началъ къ вѣчу: «Непохвально
 Судъ и правду намъ искать у Нѣмцевъ:
 По святымъ у насъ законамъ правда:
 Принесли ту правду наши предки
 Черезъ три рѣки на эту землю.»

«*Пѣсня подъ Вышеградомъ* открыта третьимъ лицомъ, господиномъ Линдою. Самая значительная изъ поэмъ Краледворской рукописи — «Честмиръ и Влаславъ». Остальные имѣютъ заглавія — «Ярославъ», «Бенешъ Германовичъ», и «Болеславъ», — отрывокъ разсказа объ изгнаніи изъ Праги Полянъ или Поляковъ: *полякъ* и *поляннѣ* слова однозначущія въ сербскихъ нарѣчіяхъ: оба значатъ земледѣлецъ, поселенинъ, и употребляются безъ различія одно за другое; въ то же время они и названіе народа Ляховъ или Леховъ, то есть, «дружинниковъ», рыцарей, составившихъ дворянство у Полянъ, которые — не кто иные какъ *Scythae georgi*, «Скифы земледѣльцы», Геродота.

Кромѣ поэмъ, которыя мы назвали, господинъ Бергъ перевелъ еще нѣсколько обыкновенныхъ народныхъ пѣсенъ съ помощію языка, служившаго ему *вѣрно и славно*. Пѣсни эти — какъ всѣ вообще народныя пѣсни: нѣкоторые полагаютъ, что въ нихъ есть поэзія. Вотъ одна изъ нихъ; названіе ей «Роза»:

«Ахъ зачѣмъ, зачѣмъ ты, роза,
 Распустилася такъ рано?
 Распустившись, ты замерзла,
 Ты замерзла и увяла
 И, увянувши, упала!

Долго я вѣчоръ сидѣла,
 Пѣтухи ужъ прокричали:
 Я млада еще сидѣла;

Ничего я не дождалась,
 Вся лучина догорѣла.

Я заснула — мнѣ приснилось,
 Что съ руки-то у бѣдняжки
 Перстенечикъ спалъ завѣтнѣй,
 Выпалъ камень самоцвѣтнѣй.
 Не нашла я камня снова,
 Не дождалась я милова!»

Переводы господина Берга на языкъ, которому онъ съ чувствомъ живѣйшаго и сладостнаго восторга приписать свою сердечную благодарность за его вѣрную и славную службу первоначально были напечатаны въ «Московскомъ литературномъ сборникѣ».

БРЮССЕЛЬСКІЯ ТАЙНЫ. Романъ въ четырехъ частяхъ. Переводъ съ французскаго. (СП.-бургъ. 1847, въ-8., стр. 336.)

Брюссельскія тайны! Какъ-будто въ уздномъ городѣ Брюсселѣ можетъ быть что-нибудь тайное!... Ужасы мивіатюрныя, преступленія капельныя, несчастія — просто, смѣхъ!... Читаетъ, и волосы ни одинъ разъ не встаютъ дыбомъ. Словомъ, нѣтъ ничего для сердца, — одно изъ самыхъ несчастныхъ подраженій «Парижскимъ Тайнамъ». Впрочемъ завязка не безъ интересу: только предупреждаемъ, что въ этихъ «Брюссельскихъ Тайнахъ, романѣ въ четырехъ частяхъ», каковъ городъ, такія и части — въ каждой не болѣе осьмидесяти страницъ — и всѣ четыре заключаются въ одномъ томѣ самой благоразумной толщины.

ПОПУЛЯРНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ АСТРОНОМІЯ. Сочиненіе Эри. Переводъ Федорова, одобренный академикомъ Остроградскимъ. (СП.-бургъ. 1847, въ-12., стр. 291.)

Популярная или общепонятная астрономія знаменитаго англійскаго астронома-математика не совсѣмъ общепонятна тому, кто совершенно незнакомъ съ математикой или по-крайней-мѣрѣ не получилъ достаточнаго понятія о механизмѣ небесныхъ движеній изъ другихъ популярныхъ астрономій. Собственно, это — популярная астрономія физическая, изложеніе физическихъ свойствъ небесныхъ шаровъ, какъ массъ притягивающихъ и притягиваемыхъ. Книга эта можетъ съ пользою быть читана уже тѣми, которые читали популярную астрономію Гершеля или Зеленаго. Господинъ Федоровъ перевелъ сочиненіе Airy съ нѣмецкаго перевода, но это не мѣшаетъ труду его быть очень хорошимъ переводомъ.

АНАЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ВОЛНООБРАЗНАГО ДВИЖЕНІЯ ЗВУКА. *Сочиненіе адъюнкта Санктпетербургскаго Университета І. Сомова. Часть первая. О распространеніи свѣтовыхъ волнъ въ срединахъ, не имѣющихъ двойнаго преломленія. С.-П. 1847.*

Сочиненіе это принадлежитъ къ числу самыхъ дѣльныхъ книгъ, написанныхъ на русскомъ языкѣ, по части высшей математики. Авторъ показываетъ не только полное знакомство съ трудами Коши, Поассона и другихъ славныхъ геометровъ, но также и замѣчательный талантъ, необходимый для успѣшныхъ изслѣдованій въ одной изъ самыхъ отвлеченныхъ физическихъ теорій, въ которой всѣ явленія свѣта объясняются колебательнымъ или волнообразнымъ движеніемъ особеннаго тонкаго вещества, названнаго эфиромъ, и наполняющаго все пространство вселенной, не занятое вѣсомыми тѣлами, а также всѣ промежутки между частицами этихъ послѣднихъ. Въ своихъ разсужденіяхъ господинъ Коши предполагаетъ, что силы, происходящія отъ дѣйствія частицъ вѣсомой матеріи на каждую эфирную частицу, уравновѣшиваются отдѣльно и остаются въ равновѣсіи во время малыхъ колебаній эфирныхъ частицъ: по этому онѣ не входятъ явнымъ образомъ ни въ уравненія равновѣсія, ни въ уравненія движенія эфира, и не видно, какъ упругость эфира около каждой точки можетъ зависетьъ отъ фигуры и расположенія вѣсомыхъ частицъ. Это побудило господина Сомова замѣнить уравненія Коши другими, въ которые входятъ члены, зависящіе отъ дѣйствія вѣсомой матеріи на эфиръ. Авторъ выводитъ, что эти члены сами собою уничтожаются, если будетъ принято, что дѣйствіе вѣсомой матеріи на эфиръ обратно пропорціонально квадрату разстоянія между эфирною и вѣсomoю частицами. Впрочемъ найденныя авторомъ выраженія для показателей преломленія столь же хорошо согласуются съ наблюденіями Фрауенгофера, какъ и формулы Коши.

Письма о химіи и ея приложеніяхъ къ промышленности, физиологіи и земледѣлію. *Сочиненіе Юстуса Либиха. Переводъ Г. Дымчевича. (СП.-бургъ, 1847, въ-12, стр. 328.)*

Основные идеи химической философіи господина Либиха извѣстны читателямъ этого журнала изъ статей, которыя лѣтъ пять тому назадъ были помѣщены, подъ заглавіемъ «Теорія растительной жизни по Либиху», въ отдѣленіи сельскаго хозяйства и промышленности. Этотъ знаменитый ученый увѣренъ, — и мы также — что процессъ жизни не что иное какъ обыкновенный процессъ горѣнія, что мы живемъ потому что горимъ — и разница между нами и свѣчой только та, что мы горимъ посто-

лино — непрерывно — но ужасно медленно — такъ что этого не видно. Словомъ, жизнь — медленное горѣніе. Другими словами, жизнь — гніеніе: мы живемъ, потому что гниемъ. Это ясно. Впрочемъ, для близорукихъ, чѣмъ яснѣе, тѣмъ темнѣе. Какъ ни ясна идея великаго хмѣика, многіе не поняли ея въ самомъ началѣ — стали нападать на господина Либиха — что ужасно мѣшало ему спокойно горѣть — гнить — то есть, жить — и заниматься своими формулами. Онъ рассердился — и, чтобы однажды навсегда растолковать туоумію, какимъ именно образомъ оно такъ несносно гниетъ — горитъ — или, коротко сказать, живетъ, написалъ эти «Письма», въ которыхъ постарался развить идею свою — съ чувствомъ — съ толкомъ — съ разстановкой. Если судьба позволитъ всегъ намъ, о! читатели, погнить вмѣстѣ еще немного на этомъ свѣтѣ, то мы съ удовольствіемъ возвратимся къ «Письмамъ» господина Либиха, и тогда сами вы посудите, правъ ли господинъ Либихъ или нѣтъ — этотъ великій гнилякъ — или, всё-равно, великій-человѣкъ. Другая основная идея господина Либиха: растенія весь свой уголь, то есть, всю свою плоть, всасываютъ изъ воздуха, въ которомъ дѣйствительно есть немножко угля, раствореннаго въ кислородѣ и прозваннаго Богъ-вѣсть за что, углеродомъ; а изъ земли получаютъ они только минеральныя вещества, разные соли, растворенныя въ почвенной водѣ; но растеніе также, пока живетъ, горитъ медленно, то есть гниетъ — какъ и мы; когда умерло, оно горитъ немножко быстрѣе — что дѣлаемъ и мы съ своей стороны послѣ смерти. И вотъ вся разница между жизнью и смертью. Гнить медленно или быстрѣе — вотъ въ чемъ вопросъ! that is the question.... штука состоитъ собственно въ степени быстроты гніенія или, другими словами, медленнаго горѣнія. Все это увидимъ мы подробнѣе и яснѣе въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ журнала, если не сгоримъ.

Слова о вѣрѣ и благочестіи по жизни общественной, въ высокоторжественныя и торжественныя дни, говоренныя Игнатіемъ, архіепископомъ воронежскимъ и задонскимъ. (СПбурзь, 1847, въ-8., стр. 402.)

Ни въ комъ повѣйшее церковное краснорѣчіе не имѣло болѣе затоустаго представителя какъ въ почтенномъ архипастырѣ, котораго книгу читаемъ и перечитываемъ мы съ умиленіемъ и восторгомъ. Красота мысли и чувства, глубокое знаніе мудрости и божественной и человѣческой, возвышенное благочестіе и несравненное изящество рѣчи, внесли имя его въ рядъ великихъ про-

пошѣдниковъ. Кто изъ тѣхъ, кому не удалось слышать его звучное, величественное слово, вмѣстѣ и трогательное и чарующее слушателей, не захочетъ наставить свой умъ, просвѣтитъ сердце свое книгою, въ которой безпрестанно встрѣчаются страницы, подобныя слѣдующей? —

«Гдѣ же весь нашъ внутренній законъ, братія? Въ совѣсти, тамъ, гдѣ мы стоимъ предъ судомъ Бога Всебѣдшаго и Всемогущаго. Когда говоримъ *въ совѣсти*, не разумѣйте только естественной совѣсти каждаго: по природѣ, говоритъ святое Слово Божіе, бываетъ иногда съ нами, что *оскверняется и умъ и совѣсть*: совѣстію разумѣть надобно такое внутреннее чувство или сознание, которое образуется въ духѣ Вѣры, по духу Божію, не изъ собственныхъ нашихъ понятій, столь многообразныхъ, но изъ понятій, какія внушаетъ законъ Божій. Такая только совѣсть есть совѣсть истинная, гласъ Божій. И какое, подлинно, было бы небесное благоустройство на землѣ, если бы водворилось между нами и одушевило всѣхъ такое святое чувство! И кому же искреннѣе желать его, или содѣйствовать къ распространенію его, какъ не приставникамъ общественаго служенія, блюстителямъ законовъ?»

«Вещь, говорятъ, прензвѣстная, что Вѣра необходима для народа. Признаюсь, съ тѣхъ-поръ, какъ привелось услышать такое мнѣніе вѣка, всегда представлялось мнѣ, что, напротивъ, для властей народа наиболѣе нужна она. Мнѣніе вѣка даже обидно для душъ благородныхъ, возвышенныхъ, каковы — власти. Если бы кто изъ нихъ думалъ устранять отъ себя общую для всѣхъ обязанность, обязанности Вѣры, представьте себя, слушателя мои, что такой дѣлалъ бы самъ изъ себя, наперекоръ высокому чувству, съ которымъ, повидному, сталъ бы отдѣлять себя отъ прочихъ? Онъ говорить со всѣмъ убѣжденіемъ, что Вѣра необходима въ управленіи обществъ человеческихъ, и долженъ раздѣлять со всѣми такое понятіе свое своимъ дѣломъ, хотя по наружности между тѣмъ самъ остается безъ Вѣры; поэтому не личину ли только носить онъ принужденъ, призракъ той вещи, которую считаетъ столь необходимою? Не жалкое ли это униженіе? Даже не странное ли для ума, во имя котораго оно стало? Уму легко видѣть, если онъ сколько-нибудь видящъ, можетъ ли дѣйствительность въ мірѣ основываться на лжи, на мечтѣ, на ничемъ? И какаѣ жъ дѣйствительность? Дѣйствительность существованія обществъ человеческихъ, народовъ, царствъ, вселенныя, дѣйствитель-

« ность, съ начала міра продолжающаяся въ самой себѣ! Безвѣ-
 « ріе пѣкоторыхъ, пѣкоторыхъ только, не значить въ этой огром-
 « ности ничего, потому, что оно не болѣе, какъ нечистое дыха-
 « ніе рта, вылетающее въ воздухъ, или нечистота, стекающая
 « въ моря. Такія нечистоты не могутъ заразить ни воздуха, ни
 « морей. Чтѣ жъ до самихъ приставниковъ законовъ, каждаго по-
 « рознь, то если они должны дѣйствовать на подручныхъ имъ
 « законами, а законы столь нераздѣльно соединены духомъ съ
 « Вѣрою, то съ потерей Вѣры въ себѣ самихъ не лишаютъ ли
 « они себя пѣкоторымъ образомъ той самой силы, которою долж-
 « ны, хотять, имѣють необходимость дѣйствовать? Какъ при-
 « томъ будутъ они судить о поступкахъ и поведеніи подчинен-
 « ныхъ по совѣсти истинной? Что безъ чувства страха Божія
 « будетъ на судѣ ихъ бѣдный, сирый, вдовица — при славныхъ
 « и богатыхъ? Что безмездіе? Что общее благо, когда можно
 « наблюсти собственное или лицепріятное? «А совѣсть?» Мы
 « уже говорили о совѣсти.

« Такъ: приставники законовъ глубже, чѣмъ другой кто, долж-
 « ны быть пропикнуты чувствіемъ, какимъ должно одушевлять-
 « ся исполненіе законовъ. Подчиненные стоятъ подъ закономъ и
 « подъ руководствомъ. Власть дѣйствуетъ закономъ и дѣйствуетъ
 « такъ, какъ долженъ дѣйствовать законъ во всѣхъ тѣхъ, на ко-
 « го дѣйствія его простираются. Она передаетъ другимъ тотъ
 « благотворный духъ, которымъ исполнены общественныя учреж-
 « денія и которымъ духомъ наиболѣе всѣхъ долженъ исполняться
 « самъ служитель ихъ; она олицетворяетъ ихъ въ себѣ, — особ-
 « ливо для людей простыхъ, часто неспособныхъ возноситься къ
 « умозрительнымъ понятіямъ. Особенно, свѣтлый, между-тѣмъ и
 « общій для всѣхъ духъ благочестія въ самомъ блюстителѣ зако-
 « новъ будетъ при этомъ такую божественною силою, которая
 « неизъяснимо привлекаетъ сердца другихъ, вливая неизъясни-
 « мую также сладость въ подвиги исполненія обязанностей. *Идъ-
 « же бо Духъ Господень, говорить Слово Господне, ту свобода.*

« Если не такъ, то не дивно, что и подчиненные наши ско-
 « рѣе станутъ уклоняться отъ своихъ обязанностей. Не будемъ,
 « впрочемъ, говорить здѣсь, что корысть, челоуѣкоугожденіе,
 « слабость, самолюбіе или иное что подобное могутъ естествен-
 « но давать большую смѣлость врагамъ общественнаго порядка,
 « какъ скоро будетъ то или иное не чуждымъ и у блюстителей
 « онаго. Спѣшу сказать, что самое наблюденіе за исполненіемъ
 « законовъ, но безъ особливыхъ чувствій, безъ святой ревности,

« только для вида, въ одномъ наружномъ порядкѣ вещей, — могутъ родить подобныя чувства и въ другихъ; и другіе для вида также дѣлать все станутъ. Униженіямъ и обманамъ — поприще! Возможно ли, напримѣръ, служителю закона открыть или охранить правду въ подчиненныхъ ему, даже иногда под страхомъ клятвы предъ Богомъ, клятвы, которая должна быть окончаніемъ всякаго прекословія, когда онъ не оказывалъ бы предъ Богомъ даже наружнаго иногда благоговѣнія, или еще и самъ, какъ было въ судѣ надъ Христомъ, искалъ иногда лже-свидѣтелей, даже дѣлалъ ихъ? Поступите такимъ или подобнымъ образомъ разъ: образуется уже примѣръ для подчиненныхъ. Лице власти есть живой, олицетворенный законъ. И если безвѣріе проникаетъ когда въ народъ, народъ заражается. Но онъ никогда, говоримъ, не дойдетъ до такого состоянія, не начнетъ его, пока не падаютъ ослаты общественнаго благосостоянія. »

Вотъ, какъ несравненный нашъ церковный ораторъ обращался къ новозбраннымъ чинамъ новгородскаго дворянскаго сословія:

« Общество отличаетъ нѣкоторыхъ сочленовъ своихъ особеннымъ общимъ довѣріемъ: слѣдственно отличаетъ ихъ торжественнымъ свидѣтельствомъ о добрыхъ ихъ свойствахъ, въ которыхъ оно совершенно увѣрено. Присовокупите, что это дѣлается не по частному только чьему либо соглашенію, хотя уже и то въ обществѣ велико, особливо въ кругу благороднаго сословія, но по торжественной передъ престоломъ Божиимъ увѣренности, что избираемые — точно люди достойные своего званія. Такимъ образомъ здѣсь множество совѣстей ручалось за совѣсть каждаго и ручалось такъ, что всѣ споручники ставили залогомъ своего свидѣтельства собственное свое и общее благо. Можно ли когда-нибудь такимъ образомъ избранному вами выпустить изъ вида столь особенное расположеніе къ себѣ сочленовъ своего сословія, и не держать себя на той степени чести и честности, на какой поставило его общее мнѣніе, уже по тому одному, чтобы по-крайней-мѣрѣ не измѣнить сему мнѣнію? Крайне больно обманываться и одному честному человеку, не только цѣлому обществу! Естественно, сами мы тѣмъ болѣе требуемъ отъ другихъ, тѣмъ болѣе бываемъ взыскательны къ другимъ, чѣмъ болѣе кому вѣрено, какъ и вообще судъ Божій говоритъ: *ему же много дано будетъ, много и взыщется отъ него.* Не должно ли посему, если можно, еще возвыситься и какъ-бы снова облагородствоваться мыслями и

« чувствованіемъ вашимъ, мужи благородные, когда цѣлое обще-
 « ство ваше дастъ вамъ даже общія, собственныя свои, высокія
 « понятія? Вамъ должна быть еще изъ дѣтства извѣстна по-
 « рія о прекрасномъ Іосифѣ, достигшемъ наконецъ чести быть
 « въ Египтѣ первымъ по царѣ вельможею. Ему, пока онъ былъ
 « еще рабомъ въ домѣ господина, отдано было въ руки все. До-
 « брый приставникъ свято хранить сдѣланное ему довѣріе. Съ
 « нимъ встрѣчается наконецъ необыкновенное искушеніе, въ ко-
 « торомъ могла пострадать честь его господина. Чтò же Іосифъ?
 « *Аще господинъ мой не вѣсть мнѣ ради ничтоже въ дому сво-*
 « *емъ, рассуждаетъ Іосифъ, и вся, елика суть ему, отдаде въ ру-*
 « *цѣ мои, и ничто есть выше мене въ дому семъ: и како се-*
 « *творю глаголь злый сей, и согрѣшу предъ Богомъ?* Точно, по-
 « ступить иначе было бы крайнею неблагодарностью и низостью!

« Подобное расположеніе духа должно быть всегда въ людяхъ
 « званія благороднаго, у которыхъ способности ума образованы
 « съ вѣкомъ, и сердце правильными понятіями о вещахъ устро-
 « но даже общимъ благоустройствомъ своего времени. Не одер-
 « жать слова, даннаго другому, считается у насъ¹, благородные
 « члены общества, самымъ низкимъ дѣломъ. Но не въ малыхъ
 « только вещахъ надобно имѣть высоту чувствованій; наипа-
 « че надобно помнить это въ дѣлахъ и само по себѣ великихъ,
 « въ дѣлахъ общественныхъ, въ дѣлахъ службы, въ словахъ,
 « данныхъ цѣлому сословію своему, данныхъ по закону, съ вѣ-
 « вою предъ Богомъ. Евангеліе часто упоминаетъ о фарисеяхъ
 « того времени, когда Евангеліе писано, что они въ дѣлахъ, до
 « благочестія касающихся, соблюдали наружную святость, непо-
 « нили всякія мелочи, но съ тѣмъ вмѣстѣ, какъ оцѣждали коня-
 « ровъ, по выраженію Писанія, пожирали верблюдовъ, жертвова-
 « ли Богу травою, а оставляли вѣщанъ закона, — милость и судъ
 « и вѣру. Легко быть можетъ и гражданское фарисейство. Не
 « тѣ же ли самыя слова Христовы, которыя сказаны въ Еван-
 « геліи о людяхъ, по виду самыхъ благоустроенныхъ въ законѣ,
 « упасть могутъ и на благовидную вѣншность всякой обществен-
 « ной жизни, на обращеніе съ ближними, по второй скрижали
 « закона Божія, безъ дѣйствительной съ тѣмъ вмѣстѣ высоты
 « чувствъ и прямыхъ расположеній сердца? Если бы кто изъ
 « образованныхъ людей нашего времени какъ-нибудь неосторо-
 « жно, совсѣмъ безъ намѣренія коснулся только верхняго платья
 « на другихъ, или сказалъ бы одно такое слово, которое можетъ
 « быть сказано меньшему или очень короткому человѣку, — сколько

«тогда учтивыхъ извиненій у насъ въ неосторожности? Малость
 «ли будетъ коснуться ближняго своего, со всею впрочемъ въжл-
 «востью, но такъ, чтобы онъ сдѣлался несчастнымъ навсегда? А
 «какъ легко можетъ это дѣлаться, почти безъ сознанія, даже
 «безъ примѣчанія, въ дѣлахъ съ подобными нами людьми по
 «жизни общественной! Нѣтъ, благородные сыны отечества! на-
 «добно и здѣсь, здѣсь-то особенно, въ дѣлахъ службы напаче-
 «исполнять вѣщая закона, судъ и милость и веру».

ЧТЕНІЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ОБЩЕСТВѢ ИСТОРИИ И ДРЕВ-
 НОСТЕЙ РОССІЙСКИХЪ ПРИ МОСКОВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ. Засѣ-
 даніе 29 марта (Москва. 1847, въ-8).

Въ этомъ номерѣ помѣщены: 1. Записки преосвященнаго Грѣ-
 горія Конискаго о томъ, что въ Россіи до конца шестнадцатаго
 столѣтія не было Уніи съ Римскою Церковью. 2. Мысли госпо-
 дина Венеліна о русской исторіи. 3. Продолженіе Ригельманова
 «Лѣтописнаго повѣствованія о Малороссіи.» 4. Исторія церкви
 Гельветическаго Исповѣданія въ Литвѣ, сочиненіе Лукашевича,
 переводъ съ польскаго, господина Хмельницкаго. 5. Слово Ки-
 рилла Философа на соборъ Архистратига Михаила. 6. Актъ, от-
 носящійся къ разбоємъ на Волгѣ и Окѣ. 7. Выпись изъ госуда-
 ревой грамоты къ великому князю Василю Ивановичу о соче-
 таніи втораго брака и о разлученіи перваго брака, чароюдія ра-
 дя, твореніе Паневіно, старца Орановцова Монастыря. 8. По-
 сланіе Гевнадія Іоасафу, архіепископу ростовскому и ярославско-
 му. 9. Содержаніе посланія Іосифа Волоколамскаго къ Ивану
 Ивановичу. 10. Письма къ старостѣ Которскому и къ гетману
 Демьяну Игнатову объ избраніи въ короли Михайла Вишневец-
 каго. 11. Посланіе шуйскихъ поповъ, и другихъ, по набѣгѣ Ли-
 товцевъ. 12. Протоколъ засѣданія.

РУКОВОДСТВО КЪ ПОЗНАНІЮ ЛОШАДИ ПО ВЪРУЖНОМУ ЕЯ
 ОСМОТРУ. Составленное, по лучшимъ руководствамъ, Артилле-
 рійскимъ Офицеромъ. (СП. бургъ, 1847, въ-12 стр. 200).

«По врожденной мнѣ страсти къ лошадямъ, началъ я рано
 «изучать ихъ, и въ дѣтствѣ не зналъ лучшаго удовольствія, какъ
 «видѣть лошадей и слышать замѣчанія знатоковъ, и съ того
 «времени многое осталось въ памяти, что впоследствии очень
 «пригодилось. Вступивши въ военную службу, я въ продолженіе
 «пятнадцати лѣтъ имѣлъ случай приобрѣтать свѣдѣнія теорети-
 «ческія и особенно практическія о лошадяхъ, и пользовался
 «этими случаями съ постояннымъ рвеніемъ и, кажется, не тщет-

«но. Вдругъ обстоятельства переѣнились, и я лишился возможности заниматься лошадьми, но страсть къ нимъ осталась живая, и это возродило во мнѣ первую мысль записывать собственные мною свѣдѣнія о лошадяхъ, и такимъ образомъ составилось начало этого руководства. Вскорѣ однако я убѣдился, что для полноты такого сочиненія силъ моихъ не доставаетъ, но занятія меня привлекали, и чтобы быть въ-состояніи окончить свой пріятный трудъ, я прибѣгнулъ къ извѣстнѣйшимъ сочиненіямъ по этой части, и при помощи ихъ кончилъ начатое».

Замѣчанія и выводы пояснены очень хорошими рисунками, помѣщенными въ текстѣ. Книга кажется дѣльною. Авторъ, въ дополненіе къ личной опытности, знакомъ съ лучшими по этой части сочиненіями — Баумейстера, Баумана, Гохштетера, Bourgetat и другихъ.

Авторъ долженъ самъ объяснить намъ цѣль своего творенія.

НОВЫЯ БРОШЮРЫ.

О РЖАНОМЪ ЧЕРВѢ, *попадашемъ овимъ въ 1846 году на пространствахъ осемнадцати губерній. Сочиненіе К. Рудѣ, профессора зоологіи при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, и А. Фиренколя, члена Императорскаго Московскаго Общества Опытателей Природы. (Москва, 1847).* — Два ученые московскіе натуралиста доказываютъ весьма учено, и совершенно неопровержимо, что червь этотъ, причина такого жестокаго народнаго бѣдствія, называется по латыни *Agrotis segetum* — по-русски ржаная совка — насѣкомое весьма интересное по своимъ правамъ и, даже красивое наружностью — Какъ же отъ него защититься? спросите вы. — Защититься?... что вы это?... какъ можно защищаться!.. его надо наблюдать, изучать, классифицировать: «въ общемъ устройствѣ природы, какъ строго организованномъ цѣломъ, всякое живое существо имѣетъ свое опредѣленное значеніе, которое непременно выполняетъ». Значеніе червя ржаная совка, *agrotis segetum*, въ строго организованномъ цѣломъ благоустроенной природы — поѣдать рожь: такъ пусть его (и поѣдаетъ!... оставьте его выполнять свое значеніе! Въ этомъ — наука — естественная исторія называемая.

нѣсколько словъ на отзывы журналовъ о поэмѣ «Москва». В. Сушкова. (Москва 1847). — Незабвенный переводчикъ «Метроманинъ» Пирона и авторъ разныхъ поэмъ - въ страшномъ негодованіи противъ журналовъ. Что за безтолковыя изданія!...

рѣшительно врутъ!... сами не знаютъ что говорить!... ни одного слова правды сказать не умѣютъ!... одно увѣряетъ, будто въ поэмѣ это, «Москва» нѣтъ ни толку ни смыслу, другое будто смыслъ есть, да толку нѣтъ, третье — будто и смыслъ и толкъ въ ней превосходны, стихи отличны, драма чудесна, словомъ, все обстоитъ благополучно. В. Н. Сушковъ въ досадѣ, въ сердцахъ, въ ожесточеніи противъ двухъ первыхъ, забывъ, что третій похвалилъ его, объявляетъ все безъ изъятія сказанное въ журналькѣ вздоромъ, клеветою, личностью и проситъ всѣхъ благомыслящихъ людей ничему не вѣрять.

СФОРМИРЪ ДѢТСКИХЪ ПѢСЕНЪ *дѣдушки Ирины, изданный книжкой Н. Ѳ. Одоевскимъ. (СП.-бургъ, 1847.)* — Первая тетрадь крошечныхъ, миленькихъ упражненій въ вокальной музыкѣ для дѣтей — три пѣсенки съ нотами. Судя по заглавію, изданіе «Сборника» будетъ продолжаться тетрадями.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Еще новый журналъ, и на этотъ разъ такой, который не обманетъ, не можетъ обмануть ожиданій и котораго очевидныя пользы неисчислимы, всеобщы, хотя онъ назначается только для одного извѣстнаго класса, — для солдатъ. Съ пятнадцатаго числа выѣшняго мѣсяца, господинъ Чекмаревъ, при содѣйствіи книгопродавца Исакова, будетъ издавать «Чтеніе для Солдатъ», двухмѣсячными книжками, по Высочайше утвержденной программѣ, совершенно сообразной съ цѣлью. Цѣль эта — удовлетворить потребности покуда только нѣкоторыхъ грамотныхъ людей русскаго войска; пріохотить къ чтенію тѣхъ, которые еще не почувствовали этой потребности; возбудить любознательность и дѣмъ отклонить солдата отъ праздности ума и дикихъ пороковъ, — однимъ словомъ, распространить и поддержать грамотность и, слѣдовательно, разлитъ свѣтъ и добро, посѣять начатки образованности въ одномъ изъ самыхъ огромныхъ сословій русскаго царства. О потребности и своевременности благотѣльнаго предпріятія господина Чекмарева и говорить нечего: ни одинъ здравомыслящій человекъ не можетъ усомниться въ этомъ, потому что нѣтъ такого времени, когда бы образованность была несвоевременна: все зависить только отъ степени и мѣры, — другими словами, отъ направленія и знанія *настоящей* потребности, — нужно только знать, кому когда что дать. Трудность этого вопроса для

издателей «Чтенія для Солдатъ» почти уже не существуетъ—но слѣ блестящихъ успѣховъ столькихъ популярныхъ книгъ на всѣхъ европейскихъ явкахъ. Стало-быть, для успѣшнаго ходу начатаго пужно только усердіе издателей, въ которомъ также нельзя сомнѣваться. Они, кажется, намѣрены придать своему изданію даже изыщную наружность: мы видѣли гравюры, которыя будутъ приложены къ первой книжкѣ; они превосходны.

— Вышелъ «Словарь достопамятныхъ людей русской земли», составленный Бантышъ-Каменскимъ, три тома, отъ А до Ѡ, и, слѣдовательно, надо полагать, полный, заключающій въ себѣ все, что только было на Руси славнаго, знаменитаго, достопамятнаго. Мы надѣемся въ скоромъ времени воротиться къ этой книгѣ.

— Вышла вторая книжка «Записокъ Русскаго Географическаго Общества», очень богатая содержаніемъ и доказывающая быстрое развитіе дѣятельности этого общества.

— Вышелъ третій томъ четырехъ язычнаго *Рейфова* словаря, -- Нѣмецкая часть, -- книги, которая такъ превосходно выполняетъ свое назначеніе и такъ хорошо оцѣнена уже всѣми по достоинству, что не нуждается ни въ чьей рекомендаціи.

— Вышелъ также второй выпускъ перваго тома «Полнаго Нѣмецко-Русскаго словаря», господина *Эртеля*.

=

СЕНТЯБРЬ.

Н О В Ы Е К Н И Г И .

ПОДАРОКЪ ПРЕКРАСНОМУ ПОЛУ. *Стихотвореніе Аванасія Савинскаго. (Москва, 1847, въ-8., стр. 167).*

Господиъ Савинскій несправимъ. Болѣе тридцати лѣтъ смущаетъ онъ спокойствіе прекраснаго пола своими стихами: его огненные ренмы распространяютъ пожаръ въ персяхъ, мятежъ въ кудряхъ, мракъ въ очахъ; его мадригалы кружатъ прелестныя головки, его элегіи раздраютъ вѣжныя сердца: онъ никакъ не унимается — все пишетъ стихи къ прекрасному полу — ласкать, прельщать, волнуетъ, мучитъ, приводитъ въ отчаяніе вѣществованіемъ, губитъ своими невѣрностями — настоящий донъ-Жуанъ! — и, потомъ, самъ же смѣется надъ бѣдствіями, которыя производятъ его опасныя поэтическія курь. Нѣкоторое время онъ молчалъ: прекрасный полъ уже благословлялъ небо, въ томъ упованіи, что любезный и неотразимый возмутитель оставилъ его наконецъ въ покоѣ и позволяеть отдохнуть послѣ бурныхъ ощущеній отъ его звучныхъ, оболъстительныхъ рѣчей. Но нѣтъ! вотъ онъ является снова — страстище, плѣнительще, опаснѣе чѣмъ когда-либо —

«Прелестный полъ! тебѣ завидовать не смѣю,
 Но тайною къ тебѣ любовью пламенѣю!
 Волшебной радугой ты красишь міръ для насъ!
 Тобою дышемъ мы и въ наслажденья часъ;
 И въ мигъ, какъ боремся съ томительной кончиной,
 Не ты ли радуешь насъ вѣчности картиной?
 Къ одру ли прикуетъ насъ горестный недугъ,
 Т. LXXXIV. — Отд. VI.

Кто первый гений нашъ? кто нашъ вѣжнѣйшій другъ?
 Кто въ сердце льетъ бальзамъ, съ слезой любви, участь!
 На ложѣ самыхъ бѣдъ срываетъ розы счастья?
 Кто сладостью своихъ пгвнительныхъ оковъ
 Животворитъ въ душѣ къ прекрасному любовью?
 Твой взоръ пгвнительный, небесно-величавый,
 Привѣтно насъ дружитъ съ безсмертіемъ и славой!
 Вездѣ ты царствуешь улыбкой и слезой,
 Отъ колыбели ты хранитель-ангелъ мой!
 Волшебныхъ дней моихъ свѣтло золотое!
 Въ твоемъ присутствіи забуду все земное!
 Прими же отъ меня сердечный мой привѣтъ!
 Миѣ прелести твои — безсмертья юный цвѣтъ.
 Дай обожателя есть дайъ благоговѣнія!
 Ты воскресилъ въ душѣ тѣ райскія игновенья,
 Когда, одинъ, томясь мучительной тоской,
 Я къ тяжкой жизни былъ прикованъ лишь тобой,
 И нектаръ счастья пилъ лишь въ твоемъ дыханіи!....
 Что сердцу сладостнѣе, какъ жить въ воспоминаніи!....
 Тогда пѣвца любви дѣлалъ нектаръ!
 Счастливы, стократъ счастливы поклонники красоты!
 Ни любовности, умъ, съ оттенкомъ вѣжливѣе чувства
 Милѣе для меня всѣхъ прелестей искусства!

Воспоминаніи такимъ образомъ все прекраснѣе и все нежнее,
 и Савинскій принимаетъ за поруку вѣнчающую прелесть
 въ особенности — изыскать ее лишь — иррациональнѣе
 иррациональнѣе:

«Что влечетъ къ тебѣ — не знаю!
 Пасть и умеръ бы у ногъ
 Той, къѣ прелесть постигаю,
 Лишь бы житьиъ былъ съ мѣрью!
 Легкимъ бы вращалъ нектаръ —
 Служь святыниъ нектаръ!..
 Тамъ поконтъ ангелъ мира
 Небожителей любовь.
 О души моей святыня!
 Объ одномъ молю: порой
 Вспомни обо мнѣ, богиня,
 Я вѣмой поклонникъ твой!
 Но скорѣе для вселенной
 Чась пробьетъ небытія,
 Чѣмъ восторгомъ упоенный,
 Предъ тобой забудусь я!»

Лишь угадливо прекрасной
Вздохомъ жизни и любви
И лобзаньемъ нѣги страстной
Я считалъ бы дни свои!»

Дѣло кончено: присадила Богъ паничи отъ лютинго «шкура»;
и онъ тутъ же, на мѣстѣ, вышвырнулъ ей. — подлинность из во-
ну роду дѣлицъ —

«Какъ не пѣваться мнѣ картиной
Плывущихъ стройно лебедей!
Дѣвицъ, осанкою павлиной,
Очарованіемъ очей!....
Кто не любитъся, украдкой,
Смотря на стаю голубковъ,
Съ привѣтомъ и съ улыбкой сладкой,
Какъ на вѣнчикъ изъ цвѣтовъ?
Ахъ, не одинъ я взоромъ жаднымъ
Ловлю воздушный вашъ полетъ,
И вздохомъ пламенно-отраднымъ
Преслѣдую васъ, какъ Эротъ!
Вы предестію безъ искусства
Всѣхъ обнаружте сердца.
Невинностью жъ сядете чужда
Скуете цѣпь и для пѣвца!....
А ткань изъ воздуха и свѣта,
Подъ дуновеньемъ вѣтерка,
Блестящей радугой цѣпка
Манить къ вамъ вѣждаго божка.
Онъ знаетъ, что подъ ней таится
Сокровище блаженства — грудь!
Онъ раемъ хочетъ насладиться
И поцѣлуемъ къ вамъ прильнуть!....»

Милая, но-видному, стада ревновать — плакать — сордиться
на волокту пѣвца, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ принужденъ
былъ сочинить *Оправданіе*.

«Звѣздой безсмертія горитъ
Недлинный пламень страсти нѣжной;
Ключъ наслажденья мнѣ кладетъ
Въ пучинѣ жизни безмятежной!
О, не туши же пламень мой
Везжалостнымъ своимъ упрекомъ!
Онъ смать раскаляла слезой,
Коль стерталъ, хотъ испарономъ....»

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ.

Пусть гений вдохновенный явью
Навѣсть мнѣ мечты былыя!
Имъ омыленная любовь
Примчить опять дни золотые.»

«Только ли оправдаться гению вдохновенія, вдохновенному такъ искусно описывать даромъ стихотворства!... Милая прощаетъ «пѣвца», вѣрить его раскаянію, утопаетъ въ счастьи — а онъ — онъ между-тѣмъ пишетъ страстное объясненіе другой милой —

«Я не стыжусь любви моей,
Любовь моя невинна.
Судья, грознѣе всѣхъ судей,
Мнѣ далъ тебя, Надина!
И въ пламени любви слилась
Душа съ твоей душою!
И тайная возникла связь
Гармоніи съ красотою!...
Другому — руку, душу — мнѣ:
Вотъ верхъ моихъ желаній!...
Тамъ, тамъ, въ надвѣздной сторонѣ
Насъ ждетъ восторгъ лобзаній!»

Надина нѣсколько упрямилась: такъ должно предполагать, потому что пѣвецъ пишетъ своему другу —

«Пусть судить Богъ Надину и поэта» —

А между-тѣмъ повторяетъ прелесть къ Надинѣ — стрѣляетъ въ ея сердце новыми стихами: *Къ ней оси* —

«Вѣрна высокому призванью:
Отраду лить въ сердца другихъ,
Любви крылатому желанью
Дарить надежды сладкій мигъ.
Какъ небеса привѣтень, ясенъ,
Твоей улыбающейся взоръ!
И зорь, младенчески-прекрасенъ
Твой вдохновенный разговоръ!...
Пускай же онъ тоску развѣсть
Съ растерзанной души моею!...
Пусть жизнь блаженствомъ пламенѣтъ
Отъ золотыхъ твоихъ кудрей!...»

Вы скорѣ увидите, что сталося съ Надиной послѣ этого убійственного посланія: дѣйствіе двухъ послѣднихъ стиховъ было описанное, ужасное.... На долю вѣрнаго летописца вынуждаетъ меня прибавить, что пѣвецъ, въ это время, издалъ новую кра-

савицу въ такомъ мѣстѣ и въ такой часъ, которыхъ и угадывать я не смѣю, по врожденной мнѣ скромности — можете вообразить: она только-что *воротилась съ бала!*... Тутъ же, не сходъ съ мѣста, пѣвецъ воспѣваетъ къ ней стихи — называетъ ее *милой* (это ужъ третья) —

« Не райское ль видѣнье
 Предстало предо мной,
 И скрылось въ отдаленьѣ,
 Какъ лучъ во мглѣ сѣдой?
 Не призракъ ли мечтанья,
 Иль юный гость небесъ,
 Въ мигъ сладостный свиданья,
 Невидимо исчезъ?
 Душа къ нему летѣла,
 Рвалась ему во слѣдъ,
 И вдругъ.... осиротѣла...,
 Увы! съ ней милой нѣтъ!
 Лишь тихими мечтами
 Волнуемый, стою,
 Нищу любви глазами
 Тебя, любовь мою!...
 Какъ радуги отливы
 Твой пламенный уборъ,
 Какъ вѣтерокъ игривый —
 Волшебный разговор!
 Какъ розъ благоуханье
 Твой дружескій привѣтъ,
 Душа — очарованье,
 А взоръ улыбки слѣдъ!
 Что жъ съ ангельской слезою
 Сравнится хоть въ мечтахъ?...
 Жемчужною ль россою,
 Горящей на цвѣтахъ,
 Иль перлами пучины
 Назвать ее дерзнемъ,
 Иль бальзамомъ судьбины
 На сердцѣ молодомъ?...
 Сквозь влажныя рѣсницы
 Надежды крѣткій лучъ
 Съ златой струей денницы
 Сіяетъ нѣтъ сквозь тучь;
 Въ немъ вѣжливой укоризны
 Читаю слѣдъ вѣмой,

Ты будто в рагъ отъчизны,
 Кляну и жреши каа...
 Уже ли и подарить
 Прочешь свой приговоръ?
 О вѣтъ! небеснымъ жаромъ
 Твой кроткій дышетъ взоръ!
 Улыбкою прѣвѣтной
 Манишь ты сердце вновь
 Вкусить, въ тѣни завѣтной,
 Блаженство и любовь.
 Опять мечтою сладкой
 Я съ милой обрученъ!...
 Лечу, гляжу украдкой...
 И что жъ? нль это сонъ?...
 Невинность, предестъ, младость,
 Подъ розовымъ вѣнкомъ!
 Прийди богиня-радость,
 Прийди въ углу моемъ
 Разить восторги счастья!
 Сотри съ забытыхъ струнъ.
 Съ улыбкою участя,
 Предъ коей и перунъ
 Судьбины оцѣмъветъ —
 Презрѣнный, жадный прахъ!
 Пусть жизнь мою жельветъ
 Волшебница въ цѣтахъ!
 Ты давъ мнѣ въ утѣшенье,
 Мой геній, ангелъ мой!
 Досугъ уединенья
 Мнѣ олащенъ тобой!»

Ужасный обольститель!... донъ Жуана за поясъ заткнулъ. Ка-
 кой страстный языкъ! какой зрелизмъ!... Что было послѣ этого,
 страшно и подумать: каждый день стихи къ новой *милой* — всѣ
 женскія имена мѣсяцослова, начиная съ Аграфены, прошли че-
 резъ его огненное перо. Какія притомъ перипетіи! — обѣты,
 клятвы, измѣны, ссоры, примиренія — и новыя измѣны: на все
 это есть документы — стихи подъ этими названіями. Что же На-
 дива?... О! вы ея не узнаете: это уже не та гордая, жестокая
 Надива, которую умолялъ пѣвецъ *отдать ему только душу*, от-
 дая руку другому; которую онъ упрашивалъ разсѣять тоску его
 разговоромъ. Теперь она говоритъ *сама* другое. Послушайте
 разговоръ Надивы съ поетомъ:

Прости на вѣкъ! мы не ^{даны} другъ другу!
Люби свою послѣднюю подругу!
Она мнѣ матерью была, а ты
Забудь меня.

поэтъ.

О дѣва красоты!
Могу ль, скажи, внимать безъ содроганья
Души твоей жестокое желанье?
Страшнѣй грозы твоей рекою отливѣть!

НАДИНА.

Ты вспомни мой младенческій привѣтъ,
Когда, еще вполне себя не понявша,
Сказала я тебѣ....

поэтъ.

О дѣва рай!
Мнѣ ли забыть твой первый сердца звукъ?
Онъ *уладилъ мой горестный досукъ*;
На твой привѣтъ невинному желанью
Я улыбался вновь существованью,
И вновь вспорхнулъ съ души желаній рай!
И мнѣ ль забыть вѣкъ счастья золотой?

НАДИНА.

Не ты ль, ладн мой путеводитель, *
Всегда былъ чувствъ возвышенныхъ властитель?
Кто мнѣ внушилъ въ таинственной тиши:
«Намъ совѣсть — Богъ; невинность — рай души,
Храни, какъ перлъ, заветную святиню!»
Ты скрасишь мнѣ безлюдную пустыню;
Моя душа тобой упоена,
Но если клятвѣ я овоей вѣрна,
Ужели ждать за то мнѣ укоренна?
И отъ кого жъ?

поэтъ.

О кроткій геній жизни!
Я кровью то запечатлѣть готовъ!
Но поняла ль ты важность этихъ словъ:
«Прости на вѣкъ!» Ужель въ разлукѣ съ милой
Мнѣ будетъ миръ безславною могилой?
Ахъ, и вдали намъ грѣеть солнца свѣтъ!
Твоя улыбка, другъ мой, твой привѣтъ,
Увѣренность, что я любимъ тобою,
Что не снѣжала ты меня съ толпою,

ЛИТЕРАТУРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ.

Что скажешь ты: «Горжусь! онъ мой вѣнецъ!»
Вотъ моего желанія вѣнецъ!

НАДИНА.

Мой другъ! что скажешь свѣтъ, когда узнаешь,
Что мой вѣнецъ ко мнѣ любовью таетъ?

ПОЭТЪ.

Мнѣ образцы: Овидій, Данте, Тассъ!
О, подари мнѣ лишь свиданья часъ!
Скажи: не ты ль достойна обоманья,
Любовь души; душа очарованья?
Лишь братскій поцѣлуй — и счастливъ я!

НАДИНА.

Не будемъ, другъ, обманывать себя,
И пламенный вздохъ выкупимъ слезами!
Любовь другимъ, а дружба между нами!
Я ль нанесу убійственный ударъ
Тѣмъ, кто въ меня вдохнулъ ко благу жаръ,
Кѣмъ въ сердце мнѣ влита святая вѣра?
Не въ Тассѣ ты ищи себѣ примѣра,
Ты самъ, твое и небо, и твой адъ!

ПОЭТЪ.

Начто жъ въ меня вливаешь сладкій ядъ?
О, удержи меня надъ страшною бездною
Улыбкою невинности небесной!
Грозу въ груди растерзанной развѣй,
И возгордись побѣдою своею!
Довольно, другъ! меня ты разгадала!
Мнѣ надъ собой легка побѣда стала;
Но подари мнѣ хоть прощальный вздохъ!
Въ борьбѣ съ собой я сердцемъ изнемогъ!

НАДИНА.

Не вздохъ, а все великое, святое
Въ залогъ тебѣ! Пусть счастье золотое
Легнетъ и во снѣ твои мечты!
Не измѣни, поклонникъ красоты!
Теперь прощай!

ПОЭТЪ.

О, вѣтъ, еще два слова:
Даришь ли ты улыбкою друга,
Иль томной вѣгою, въ вечерній часъ,
Скрой это отъ моихъ ревнивыхъ глаза!...

НАДИНА.

Пусть не любовью, а дружбой страстной

Тренещуть въ насъ сердца, мой другъ прекрасной.
Чтобъ дружбѣ ангельской и сонмъ боговъ
Завидовать.

ПОЭТЪ.

О, гдѣ найти мнѣ словъ
Для выраженья моего блаженства?...
Ты вся въ звѣздахъ, природы совершенства!

НАДНА.

А твой вѣнокъ весь въ радугахъ горитъ
Какой пѣвнительный, волшебный видъ!

ПОЭТЪ.

Въ твоемъ цвѣтетъ улыбка райской розы.
Пусть скажетъ мнѣ про нихъ вѣнамъ, сквозь слезы:
«Онъ и въ огнѣ остался невредимъ!
«Она чиста, какъ свѣтлый херувимъ!»

Какое адское искусство!... *уладилъ свой досугъ!*... смутилъ не-
вижное сердце, наполнилъ нѣжную грудь бурею мятежныхъ стра-
стей и прехладнокровно предлагаетъ ей дружбу — прельщаетъ
еще при разставаніи — а между-тѣмъ уже задумалъ, уже сочи-
няетъ въ головѣ, эпистола къ какому-то своему *херувимчику*:

«Вы, пола нѣжнаго стыдливый херувимъ,
Я вами пламенно любимъ.
Отъ васъ залогъ любви въ рукѣ моей пылаетъ.
Онъ радугой для глазъ и для души играетъ.
И лира здѣсь. Пускай же каждый звукъ
Вамъ говорить: Вы мой нѣжвѣйшій другъ!»
и прочая, и прочая.

Когда же будетъ этому конецъ? Подумайте, сколько *десятковъ*
лѣтъ длится это анакреонтическое поведеніе господина пѣвца
прекраснаго пола!... Кромѣ пламенныхъ посланій, которыхъ вы
видѣли ужасные образчики, не забудьте, что онъ пишетъ еще
безпрестанно стихи къ *розѣ*, къ *мотыльку*, къ *вѣтерку*, къ *лунѣ*,
къ *мечтѣ*, къ *волнѣ*, къ *ленточкѣ*, къ *купанью*, ко всему что
смущаетъ женское сердце, что располагаетъ его къ сладкой тре-
вогѣ.... Опасный человѣкъ!

ГЛАВН. БИТВА. *Дидактическая поэма. Переводъ съ еврей-
скаго. О. Рабиновича. (Одесса, 1847, въ-16. стр. 56.)*

Вотъ неожиданное явленіе!... дидактическая поэма въ царство-
ваніе романтизма — поэма о шахматной игрѣ — и притомъ пере-
водъ съ еврейскаго. Все это такъ любопытно, что нельзя не пре-

даться прельщало. Пома древностью своей до доходить до времени Авраама; она сохранила для себя чуждым, но болге, известнымъ еврейскимъ поэтомъ Эйхенбахомъ и, въ свое время произвела глубокое впечатлѣніе между Израильтjанами и эбрантjанами. Съ гомерическимъ восторженіемъ, одушевленіемъ, поэтъ изображаетъ шахматную игру въ видѣ жаркой битвы героевъ, и нуга его возвышается по-временамъ до лирическихъ восторговъ.

«Въ странѣ поэзіи, цвѣтовъ,
Гдѣ всходитъ солнце золотое,
Гдѣ неба щедрога даровъ
Повсюду море разливное,
Гдѣ людямъ шлетъ на круглый годъ
Весну цвѣтущую природа,
И кровь неистово течетъ
По жиламъ ныкаго народа;
Гдѣ аромать въ вечерній часъ
Волной по воздуху несетъ;
Въ странѣ, которая отъ насъ
Востаномъ искати зовется,
(Тамъ, въ той странѣ, въ прекрасный день,
(Гласитъ старинное преданье),
Въ саду заброшенномъ, подъ тѣнь
Зеленыхъ липъ, на состязанье
Сошлись два доблестныхъ врага:
Одинъ Хебѣръ, другой Коръ;
Какъ первый въ браняхъ зачерствѣлый,
Гроза и бичъ враговъ своихъ,
Такъ и другой воетель смѣлый,
Краса товарищей лихихъ.

Сюда, вдали толпы неспривной,
Лишь взявъ друзей своихъ съ собой,
Съ душою смѣлостію полной,
Сошлись соперники на бой;
На страшный бой, но не кровавый.
Не жажда мести ихъ вежа:
Они пришли искать тутъ славы
Въ глубокихъ тонкостяхъ ума.
По ихъ расчету и велѣнью,
Длань тронетъ смѣлая рука,
По жезлу грознаго сраженья
Идутъ отважныя войска:
Солдаты, вѣнцы, вѣнцы,

Идутъ царя межъ ними-томо;
 Но въ нихъ нѣтъ жизни, дѣсь они
 Изъ кости чудно созданы....

И вотъ поставленъ передъ ними
 Готовый столъ, а за столомъ
 Соперники къ лицу лицомъ
 Сидятъ, и ближними своими
 Они обставлены кругомъ.
 Въ квадратныхъ кѣткахъ бѣлыхъ, черныхъ,
 Доска межъ нихъ положена,
 На ней толпой бойцовъ упорныхъ
 Ведется хитрая война;
 И бѣлый уголъ поля брани
 Къ рукъ ихъ правой обращенъ:
 Такъ учатъ древнія преданья.
 Таковъ изъ Индiи законъ.

Изъ Индiи, страны далекой
 Одинъ мудрецъ сію войну,
 И войскъ число, и ходъ глубокий,
 Принесъ съ собою въ старину;
 Съ-тѣхъ-поръ отрадой и забавой
 Между людьми она слыветъ,
 И тотъ покрытъ блестящей славой
 Кто глубже духъ ея пойметъ....

И вотъ войсца двумя рядами
 Съ обѣихъ строятся сторонъ;
 Число ихъ равно, лишь цвѣтами
 Отъ друга недругъ отличенъ:
 Одни черны, другіе бѣлы;
 Надъ первыми Кора главой,
 Другихъ Хеберъ, начальникъ смѣлый,
 Ведеть на брань, на смертный бой.

Надъ всѣми четырьмя углами,
 Гдѣ поля браннаго края,
 Передъ обоими борцами
 Стоять два дюжихъ мушкетера.
 Идутъ прямой они чертою,
 Или въ длину, или поперекъ,
 Идутъ назадъ, идутъ впередъ,
 Тяжелой, нѣрною ступею;
 Но только имъ туда идти
 Гдѣ нѣтъ преграды: ни пути.

При нихъ два *окила* подброи
 Стоять на бурныхъ скакунахъ;
 Они всегда кривой дорои
 Стремятся вскачь, и въ двухъ шагахъ
 Отъ мѣста прежняго мѣняютъ
 Первоначальный клѣтки цвѣтъ;
 Будь врагъ, будь другъ — имъ дѣла нѣтъ,
 Ничто въ пути имъ не мѣшаетъ.

За ними мѣсто двумъ *стрѣлкамъ*;
 Ударъ ихъ быстрый и могучий
 Несется громоносной тучей
 По неприятельскимъ рядамъ.
 По всѣмъ угламъ ихъ выстрѣлъ мѣткій
 Разитъ, но лишь летая вкось,
 И неизмѣненъ цвѣтъ ихъ клѣтки
 Гдѣ бъ имъ стоять ни довелось.

Среди шеренги *вовода*
 Береть по цвѣту своему
 И мѣсто для себя; ему
 Открыты по полю всѣ ходы:
 И какъ пушкарь, и какъ стрѣлокъ
 Онъ безбоязненно шагаетъ,
 Лишь витязя кривой скачокъ
 Ему законъ не дозволяетъ.

Но тотъ, кто ближе всѣхъ при немъ
 Стоять такъ грозно-величаво
 Отмѣченъ счастья перстомъ, —
 Ему всей битвы честь и слава;
 Онъ войскъ душа, онъ ихъ отецъ,
 Онъ носить скипетръ и вѣнецъ
 Милый онъ всѣмъ зѣнцы ока;
 И если въ битвѣ, волей рока,
 Отъ рукъ врага погибнетъ онъ, —
 Тогда прости мирская слава,
 Прости вѣнецъ, прости держава,
 Конецъ войнѣ — народъ плѣненъ.
 Вокругъ себя, въ пылу сраженья,
 Во всѣ мѣста и направленья,
 За ходомъ ходъ, за шагомъ шагъ,
 Скользятъ державный, мощный шагъ.
 Есть ходъ иной: онъ выбираетъ
 Или правый, или лѣвый бокъ,

И подвигаясь поперекъ,
Онъ къ пушкѣ шагъ свой удивляетъ;
Но такъ идти лишь можетъ онъ
Когда каррьеръ не заслонитъ.

Тогда пушкарь свой постъ бросаетъ
И робко опустивъ главу,
Передъ владыкой пробѣгаетъ
И въ бокъ становится ему,
И этому двойному ходу
Даютъ названье одного;
Но если съ мѣста своего,
Запальчивости давъ свободу,
Они сойдя ужъ до того,
Иль недругъ гонится за ними,
Иль на пути грозитъ имъ врагъ.
Тогда законъ неумолимый
Имъ запрещаетъ этотъ шагъ.

Защитой на полѣ сраженья
Борцы двойной тотъ ходъ зовутъ:
Подъ всю шаха берегутъ
Отъ всѣхъ внезапныхъ нападений.
Кто духъ войны вполне постигъ,
Кто тактикъ зоркій, даровитый,
Тотъ никогда удобный мигъ
Не пропускаетъ для защиты,
А безъ того царя въ распахъ
Тревожить часто врагъ бы могъ...

Въ другомъ ряду доски квадратной,
Подъ первый пылъ и громъ войны,
Съ конца въ конецъ стоятъ солдаты,
Царя покорные сыны.
Имъ ходъ одинъ передъ собою,
Онъ вѣчно мѣдленъ, вѣчно тихъ;
Но если съ первыхъ мѣстъ своихъ
Они не тронулись, — двойною
Они могутъ стоной ходить
И шагъ свой разъ лишь ускорить....

Такъ съ каждой стороны готовыхъ
Идетъ шестнадцать удалцовъ,
Смѣсь пестрая вельможъ суровыхъ,
Съ толпою преданныхъ рабовъ.

Всю славу, нечесть отъ народа
 Имѣть вѣнчаныйи царь;
 За нимъ всеспланный воевода,
 За этимъ доблестный душадарь,
 А витлая и встарь, и нынѣ
 Съ стрѣлкою въ одномъ считаютъ чинъ.»

.....

Вдругъ звуки трубъ среди народа
 Послышались, и воевода,
 Возвысивъ гордую главу,
 Съ триумфомъ подвигъ булаву
 И разъ впередъ ступивъ, не боля,
 Остановился въ бѣломъ полѣ.
 Но витязь бросилъ бѣглый взглядъ
 На этотъ ходъ — и ужаснулся;
 Вблизи его стоялъ солдатъ,
 Къ нему съ мольбой онъ оглянулся, —
 И тотъ шагнулъ, шагнулъ слегка
 Спасать отъ смерти вѣдока.

Не на веселье рабъ покорный,
 Однако жъ, двинулся впередъ:
 Ему солдатъ изъ рати первой,
 Сильма, на встрѣчу смерть несесть;
 Но рыцарь, вѣрный долгу чести,
 Услугъ не любить забывать, —
 Онъ воротился и опять
 Коня сдержалъ на прежнемъ мѣстѣ,
 Чтобы ударъ нль отклонить,
 Нль тѣмъ же тотчасъ отплатить.

Солдатъ, прямой питомецъ брани,
 Не выступилъ изъ приказаній:
 Угрозы смерти ни почему
 Тому кто смерти не страшится, —
 Онъ бьетъ врага и самъ ложиться
 Готовъ подъ вражескимъ мечемъ;
 Такъ и свершилось; мститель скорый
 Въ лицѣ наѣздника возстагъ,
 Онъ въ бокъ коню воззаетъ шпоры
 И бьетъ солдата на повагъ....

Вотъ воевода плащенгя

Отвагой, грозно стороной
 Подвинулся и сталъ правѣе,
 Коснувшись витязя спиной;
 Но шагъ единый глубже въ сѣчу
 Стрѣлокъ къ нему ступивъ на встрѣчу.
 Рукой привычной началъ вдругъ
 Натягивать свой крѣпкій лукъ.

И гнѣвно грудь затрепетала
 У воеводы.... какъ гроза
 Ступилъ впередъ онъ два раза —
 И бѣднаго раба не стало.
 Тогда къ нему подъ самый бокъ
 Дерзнулъ приблизиться ѣздецъ;
 Отвагой рыцарской владѣя
 Ему не страшень гнѣвъ злодѣя:
 За нимъ недвиженъ какъ гранитъ
 Солдатъ защитникомъ стоитъ.
 Тутъ черный царь въ раздумьи взоры
 На поле битвы обратилъ. —
 Ему опасно безъ опоры
 Стоять въ виду враждебныхъ силъ;
 Онъ тихо взялъ направо бокомъ,
 Чтобы въ закрытiи глубокомъ
 Гладѣть на ходъ войны. Но вновь
 Въ наѣздникѣ бушуетъ кровь, —
 Къ коню коня онъ приближаетъ
 И притавъ лукаво духъ,
 Онъ весь вниманье, зрѣнье, слухъ:
 Онъ тамъ раба подстерегаетъ.

Но вотъ стрѣлокъ, къ царю нарядъ
 Вернувшись, сталъ; ему спасеньемъ
 Обязанъ преданный солдатъ.
 Наѣздникъ вдругъ съ ожесточеньемъ
 Пустился вскачь въ обратный путь,
 Лишь вьется пыль подъ копытами,
 И воеводѣ пѣля въ грудь
 Скрежещетъ яростно зубами.

Его жестокости страшись
 Сталъ отступать вельможный князь,
 И чтобъ подальше быть отъ сѣчи,
 Онъ къ пушкарю придвинулъ плечи....
 Тогда на битву бѣглый взоръ

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА.

Бросает воевода бѣлый;
Какъ будто воинъ опьяненный,
Стоялъ онъ, молча, до тѣхъ поръ, —
Теперь пуститься въ упражненье
Пора, пора его рукъ, —
Онъ взялъ кривое направленье
И сталъ сзати при вздохѣ....»

.....
Но тучей-бурей грозно мчится
На воеводу конь *второй*....
Ударъ готовъ — полуживой
Стоитъ гонимый предъ убійцей, —
И скоро, скоро разразится
Бѣда надъ царской головой....
Но прежде чѣмъ конецъ сраженья
Судьбы укажетъ приговоръ,
На предстоящихъ бросимъ взоръ
Чтобы узнать ихъ помыслены:
Что волновало ихъ сердца?
Какого каждый ждалъ конца?
Когда бъ возстали всѣ стихии
На землю общию войной,
И, мчась, тучи огневил
Стрѣляли бъ камень въ шаръ земной,
И пали бъ горы вѣковыя
Съ ужаснымъ грохотомъ во прахъ, —
То всѣхъ живущихъ трепеть, страхъ
Не могъ сравниться бы съ томленьемъ
Друзей Хесѣра въ этотъ мигъ,
Когда полуразбитый, ихъ
Онъ изумилъ своимъ паденьемъ....

И какъ несомые волной
По океану волей бури
Пловцы, увидѣвъ предъ собой
Какъ точку въ синевѣ лазури,
Едва замѣтное вдали
Подобье острова, земли,
Готовы падать на колѣни,
Въ избыткѣ сильныхъ ощущеній, —
Такъ пастъ готовъ былъ той порой
Весь сонмъ друзей передъ Коръ И,
Чтобы издѣть тому всѣ чувства,
Всю бездну пламенныхъ похвалъ,

Кто такъ достойно оправдалъ
Свое глубокое искусство....

А онъ!.... изобразить его
Не стало бѣ силы и умѣнья;
Онъ весь былъ радость, торжество,
Онъ былъ живое восхищенье.
Отъ битвы взоръ онъ отвратилъ,
Подумавъ что соперникъ бѣдный,
Лишенный способовъ и силъ,
Ему безспорно уступилъ
Награду храбрыхъ — лавръ побѣдный; —
Не тратя времени и словъ,
Онъ съ мѣста встать ужъ былъ готовъ.
Но поле битвы хладнокровно
Тотъ тронулъ смѣлою рукой, —
И предстоящіе безмолвно
Переглянулись межъ собой, —
И *косо* двинувъ воеводу,
Съ улыбкой скромной на устахъ,
Онъ посмотрѣлъ въ глаза народу
И внятно, громко молвилъ: «шахъ!»

До высшей степени разгара
Достигла въ ту пору борьба, —
И палъ вельможа отъ удара
Взблизя стоявшаго раба....
Покрылись ужасомъ всѣ лица
Когда погибъ внезапно князь;
Но дерзкому остановиться
Не далъ стрѣлокъ: стрѣла взвилась —
И трупомъ сдѣлался убійца, —
А у царя гремитъ въ ушахъ:
«Бѣги отъ смерти черный шахъ!»

Давно ль на полѣ громкой славы
Царю все кланялось до ногъ!
Теперь отъ всей его державы
Ему остался уголокъ.....
Туда бѣжить король гонимый,
Подъ сѣнь безсильныхъ двухъ рабовъ,
И думаетъ что тамъ не зримымъ
Онъ остается отъ враговъ;
Но конь заржалъ и всадникъ бѣлый,
Презрѣвъ постыдный смерти страхъ,

Летить впередъ какъ угорьѣлый
 Неистово взывая «шахъ!»
 Еще онъ роковаго слова
 Не вымолвилъ, а смерть готова:
 Солдаты предсталъ ея жрецомъ —
 И палъ наѣздникъ и съ конемъ;
 Но бѣлый рабъ въ мгновенье ока
 Разбилъ убійцу въ пухъ, —
 Погибъ солдатъ, а издалека
 Пушкарь кричить: «спасайся, шахъ!»
 Но скачетъ конь.... «Посторонитесь!»
 Раздался крикъ между толпой;
Назадъ помчался черный витязь
 И оградилъ царя собой.
 Тогда *второй* пушкарь Хебѣра
 Пустился, словно на крылахъ,
 И съ лютостью лѣснаго звѣря
 Въ стрѣлка вцѣпившись, крикнулъ: «шахъ!»

Переводчикъ этой забавной поэмы — тоже Израильтянинъ и, какъ вы видите, прекрасно владѣетъ русскимъ стихомъ — что также очень любопытно.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО. Сочиненіе члена Коммисіи Составленія Законовъ, ординарнаго профессора Заборовскаго. (СП.-бургъ, въ 8., стр. 289. Выпускъ первый).

Этотъ трудъ ученаго законовѣдца и профессора предназначенъ собственно служить руководствомъ для университетскихъ его слушателей, но, по обширности и полнотѣ своей, онъ общается сдѣлаться настоящимъ и подробнымъ трактатомъ о Законодательствѣ Царства Польскаго, которое еще не пользуется юридическою выгодною Имперіи, имѣющей правильнѣйшій *Congrus juris*. Коммисіа Составленія Законовъ для Царства Польскаго готовитъ для этой части русской державы Сводъ, подобный тому, какимъ попечительная мудрость великаго Монарха облагодѣтельствовала жителей Имперіи, но, покаместъ, господствуетъ тамъ смѣсь законовъ и учрежденій новыхъ и старыхъ, французскихъ и народныхъ. Такимъ образомъ обязательную силу въ Царствѣ Польскомъ имѣютъ нынче, въ гражданскомъ отношеніи, вторая и третья книга Наполеонова Кодекса, за исключеніемъ двухъ главъ, пятой и осемнадцатой; и, вмѣстѣ съ ними, первая книга Гражданскаго Уложенія, изданная въ 1825 году, Законъ объ ипотечкахъ, 1818, Законъ о частныхъ повинностяхъ, 1830, и Законъ о

брачнoмъ союзѣ, 1836. Въ этомъ первомъ выпускѣ, послѣ истoринъ Законодательства страны, разсматриваются — порядокъ дѣйствія и примѣненія законовъ и дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ Законы о брачнoмъ союзѣ.

JUBILAEUM SEMISECULARE DOCTORIS PHILOSOPHIAE ET MEDICINAE GOTHELFI FISCHER DE WALDHEIM *celebrant sodales Societatis Caesareae Naturae Scrutatorum Mosquensis.* (Mosquae, 1847, folio, pp. 32).

Великолѣпная тетрадь «Jubilaeum semisaeculare — пирамида ботано-зоологическихъ статей, воздвигнутая извѣстными натуралистами въ честь знаменитому предсѣдателю ихъ ученаго общества, по случаю благополучнаго достиженія имъ пятидесятаго года докторства. Заглавный листъ украшенъ портретомъ почтеннаго Г. И. Фишера. Затѣмъ слѣдуетъ листъ съ надписью: *Члены Императорскаго Московскаго Общества Испытателей Природы — съ поздравленіемъ.* Наконецъ тетрадь открывается рѣчью перваго секретаря Общества, профессора Рульѣ объ ученой жизни и заслугахъ маститаго президента. Потомъ статьи: графа Манпергейма, «О Состояніи эитомологій въ Россіи»; господина Карелина, «Отрывокъ изъ путешествія по Джунгаріи»; господина Эверсмана, «Нѣкоторыя прибавленія къ Orthoptera rossica знаменитаго Фишера»; господинна Нордмана, «Объ открытіи въ Россіи богатыхъ вмѣстѣ съ ископаемыхъ костей»; и господинна Рульѣ «Палеонтологическія изслѣдованія въ окрестностяхъ Москвы.» Разсужденія эти писаны на латинскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ и обогащены литографированными таблицами рисунковъ.

руководство для молодыхъ людей, назначающихъ себя къ торговымъ дѣламъ. (СП.-бургъ, 1847, въ-8., стр. 300).

Книга превосходно, умно написанная, книга чрезвычайно полезная, и между тѣмъ совершенно безыменная. Послѣ прекраснаго изложенія важности и значенія купца въ обществѣ, невѣстный сочинитель указываетъ на тѣ познанія, которыя непременно долженъ приобрѣсть будущій купецъ въ молодости, чтобы съ достоинствомъ и пользою исправлять свое званіе. Послѣ того подробно и дѣльно разсматривается званіе, обязанности и занятія конторщика или мальчика, званіе приказчика, разные виды приказчиковъ, отношенія ихъ къ хозяевамъ и къ торговлѣ, виды на самобытность, средства къ достиженію купеческой важности, и прочая. Въ двухъ приложеніяхъ изложены узаконенія, касающіеся предмета, и русская купеческая литература въ настоящее

время. Все страницы книги исполнены прекрасных советов и наставлений: если молодое купечество наше захочет воспользоваться ими, то русское торговое сословіе достигнет вскорѣ того всемірнаго уваженія, которое приобрѣли себѣ образованностью, искусствомъ и добросовѣстностью купечества англійское и голландское.

Начальное руководство къ изученію Французскаго языка. *Сочиненіе Г. Зейденштюкера. (СП. бургъ, 1847).* — Брошюра въ двухъ частяхъ. «Руководство» заключается въ коротенькихъ текстахъ, и въ объясненіяхъ этихъ текстовъ посредствомъ отдѣльно списанныхъ словъ каждаго образца, по-французски и по-русски. Это родъ хрестоматіи для начинающихъ.

Цыганка-оракулъ и книга Бѣлой Магін. *Переведено съ древней рукописи, писанной на халдейскомъ языкѣ. (Москва, 1847, въ-8., стр. 230).*

Гаданія, заимствованныя у древнихъ мудрецовъ — увеселительныя игры въ случайность — хитрости натуральной магін — толкованія сновъ — волшебные круги, и такъ далѣе. Суевѣріе — своего роду философія, а всякая философія — источникъ счастья. Книгъ такихъ презирать не должно. Для многихъ, и во многихъ случаяхъ, онѣ превосходно замѣняютъ умъ и разсужденіе.

НОВЫЕ БРОШЮРЫ.

Объ отношеніи константинопольскаго патріарха къ русской іерархіи. *Разсужденіе А. Зерпина. (СП.-бургъ, 1847).* — Трудъ академическій, представленный авторомъ факультету для полученія степени магистра.

Опытный бухгалтеръ, или Легчайшій способъ научиться бухгалтеріи въ короткое время безъ помощи бухгалтера. *Составилъ бухгалтеръ Боккъ. (СП.-бургъ, 1847).* — Книжечка состоящая изъ короткаго обзоренія правилъ бухгалтеріи и пространнаго образцоваго журнала торговыхъ оборотовъ. Въ концѣ помѣщено алфавитное оглавленіе предметовъ.

VII.

С М Ъ С Ъ.

=

СВОЙСТВА ЛУЧЕСТАГО ТЕПЛОРОДА. *Новыя изслѣдованія господина Киоблоха.* Знаменитый итальянскій физикъ Меллони много расширилъ и усовершенствовалъ наши свѣдѣнія о теплородѣ. Опытъ его, равно какъ и опыты Деларона, доказывали что способность теплорода проходить черезъ разныя тѣла становится тѣмъ значительнѣе, чѣмъ выше будетъ температура источника теплоты. Есть однакожъ исключенія: по наблюденіямъ Меллони чистую каменную соль проходятъ лучи теплоты совершенно одинаково, съ какиихъ бы источниковъ они не происходили; чрезъ слоистую же каменную соль проходитъ теплота тѣмъ удобнѣе, чѣмъ ниже будетъ температура ея источника. Эти и многія другія обстоятельства заставляютъ полагать, что зависимость между лучистостию теплоты и температурою источника этой послѣдней довольно еще изучена, и это заставило господина Киоблоха произвести новый рядъ опытовъ, послѣдствія которыхъ недавно представилъ онъ берлинской академіи наукъ.

Опыты, сдѣланные съ помощію весьма чувствительнаго термо-электрическаго снаряда, показали, что теплота отъ пламени водорода и теплота отъ накаленной платины, не смотря на значительную разность ихъ температуры, одинаково проходили чрезъ стеклянную пластинку толщиною въ пять сотыхъ долей дюйма. Пламя алькоголя имѣетъ это свойство въ меньшей степени нежели накаленная платина, хотя температура послѣдней

менѣе температуры пламени алкоголя, а напротивъ теплота аргантовой лампы проходить такую же пластинку гораздо удобнѣе теплоты горящаго водороднаго газа несмотря на то, что температура ея гораздо ниже. Изъ опытовъ слѣдуетъ также, что между предѣлами 24 и 80) градусовъ по Реомюру лучи теплоты равно удобно проходятъ черезъ всѣ металлы, хорошо пропускающіе теплоту. Вообще, по изслѣдованіямъ Кноблоха, оказывается, что проходъ теплородныхъ лучей черезъ такіе и нѣ въ этомъ отношеніи подобныя, другіе тѣла зависятъ отъ свойствъ этихъ тѣлъ, и всѣ сдѣланныя доселѣ изысканія доказываютъ, что разнообразіе источниковъ теплоты не находится въ замѣтномъ соотношеніи съ лучеспускательною силою.

НОВЫЯ ИЗСЛѢДОВАНІЯ О ПОСТУПАТЕЛЬНОМЪ ДВИЖЕНІИ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ. Аргеландеръ первый несомнѣнно доказалъ, что солнце со всѣми окружающими его планетами движется въ пространствѣ по направленію къ созвѣздію Геркулеса. Это открытіе вполне подтверждается вычисленіями господина Лундала, основанными на сравненіи Брэдлеевыхъ наблюденій, около половины прошлаго осьмнадцатаго вѣка, съ наблюденіями Понда произведенными въ нынѣшнемъ столѣтіи. Еще удовлетворительнѣе оно доказывается прекрасными изслѣдованіями Отто Струве, который сравнивалъ положенія четырехъ-сотъ звѣздъ замѣченныхъ Брэдлеемъ, съ мѣстами ихъ, выведенными изъ наблюденій, произведенныхъ по 1838 годъ, на дерптской обсерваторіи. Всѣ эти изысканія основываются на разсмотрѣніи звѣздъ, большею частію принадлежащихъ къ сѣверному полушарію. Любопытно было видѣть въ какой степени согласны южныя звѣзды съ сѣверными относительно къ опредѣленію направленія поступательнаго движенія солнечной системы. Къ сожалѣнію въ прошломъ столѣтіи южныя звѣзды не были столь точно наблюдаемы какъ сѣверныя; единственные наблюденія заслуживающія нѣкотораго вниманія, сдѣланы Лакаемъ, на мысѣ Доброй Надежды, и помѣщены въ его сочиненіи: *Astronomiae fundamenta*. Извѣстный англійскій ученый Галлоуей (Galloway) избралъ тѣ изъ Лакаевыхъ звѣздъ, которыхъ положенія опредѣлены въ новѣйшее время Джонсономъ и Гендерсономъ. Къ этому присоединилъ онъ еще звѣзды, которыя по ихъ не слишкомъ южному положенію были наблюдаемы Брэдлеемъ. Такимъ образомъ нашлось не менѣе осмидесяти звѣздъ, которыхъ постепенныя перемѣщенія на небѣ опредѣлены съ нѣкоторою точностію. Исключивъ от-

сюда три звѣзды, которыя, вслѣдствіе вѣроятныхъ ошибокъ наблюдателей приводятъ къ противурѣчущимъ заключеніямъ, господинъ Галлоуей основалъ свои изысканія на разсмотрѣніи перемѣнъ среднихъ положеній семидесяти-осми звѣздъ, и придерживаясь способовъ вычисленій предложенныхъ Аргеландеромъ, находитъ направленіе, по которому движется солнечная система, весьма согласно съ опредѣленіями господъ Аргеландера и Отто Струве. Хотя эти опредѣленія гораздо достовѣрнѣе новаго вывода, однако жъ согласіе ихъ съ этимъ послѣднимъ служить доказательствомъ, что южныя равно какъ и сѣверныя звѣзды приводятъ насъ къ одинакому заключенію о поступательномъ движеніи солнечной системы.

ЕЩЕ ОДНА НОВАЯ ПЛАНЕТА. Давно ли мы писали, что найдена новая планета, которая названа *Гебою*? Не прошло и нѣсколькихъ недѣль послѣ того, какъ опять нашли еще одну подобную же планету. Господинъ Гайндъ (Hinde), извѣстный англійскій ученый, который съ успѣхомъ занимался открытіемъ кометъ и вычисленіемъ ихъ путей, открылъ въ началѣ августа нынѣшняго года небольшую звѣздочку отъ осмой до девятой величины, которая не означена на картѣ, и вскорѣ онъ убѣдился по значительному ея движенію, что это должна быть планета. На нашей Пулковской Обсерваторіи произведены уже многія точныя опредѣленія ея положенія, которыя вмѣстѣ съ наблюденіями господина Гайнда, показываютъ, что новая планета принадлежитъ къ числу малыхъ такъ называемыхъ астероидовъ, вращающихся около солнца между планетами Марсомъ и Юпитеромъ. Эта планета по предложенію Д. Гершеля названа Иридою.

МОРСКІЕ ПРИЛИВЫ И ОТЛИВЫ. Въ нынѣшнее собраніе англійскихъ ученыхъ въ Оксфордѣ, господинъ Гуиль (Whewell) представилъ любопытный отчетъ о состояніи нашихъ свѣдѣній объ этомъ важномъ предметѣ и о средствахъ къ ихъ распространенію.

Извѣстно, что приливы и отливы моря зависятъ отъ разнаго дѣйствія луны и солнца на разныя части земли. Вычисленія Бернулія, Эйлера, Маклорена и Лапласа, а въ послѣдствіи Эри и другихъ ученыхъ объяснили намъ не только причину, но и общій ходъ явленія. Однако жъ многія и существенныя подробности доселѣ остаются еще не изслѣдованными. Свѣдѣнія наши о распространеніи приливовъ и отливовъ по всей поверхности

океана, очень не полны, и надолго останутся несовершенными, если мы будемъ довольствоваться не многими указаніями, которыя собираютъ случайно мореплаватели, путешествующіе съ другими цѣлями и не имѣющіе ни средствъ, ни времени для произведенія въ разныхъ прилично избранныхъ странахъ продолжительныхъ наблюденій надъ приливами.

Берега и острова, лежащіе вдоль Тихаго Океана особенно въ этомъ отношеніи худо изслѣдованы. Мы знаемъ время приливовъ въ гаваняхъ Новой Зеландіи; но намъ неизвѣстно въ какомъ отношеніи находятся это время съ повышеніемъ и пониженіемъ водъ около малыхъ острововъ, существующихъ среди океана. Хотя замѣчена уже эпоха приливовъ на восточныхъ берегахъ Новой Голландіи, однако мы до сихъ поръ почти не можемъ слѣдовать за ходомъ подобнаго явленія близъ Филиппинскихъ острововъ и береговъ Китая: только нѣсколько лѣтъ назадъ удалось вице адмиралу Литке значительно расширить наши свѣдѣнія о явленіяхъ приливовъ въ этихъ странахъ.

Для рѣшительнѣйшихъ успѣховъ науки необходимо пужно послать судно съ опытными мореплавателями для систематическаго наблюденія приливовъ постепенно слѣдующихъ одинъ за другимъ на значительныхъ протяженіяхъ, и для сравненія изслѣдованныхъ уже въ этомъ отношеніи странъ съ неизвѣстными. Наблюденія, производившіяся въ 1834 году, въ теченіи пятнадцати дней, въ одно время по всѣмъ берегамъ Англіи и Ирландіи, а еще болѣе подобныя же наблюденія, совершенныя, въ 1835 году, вдоль всей западной Европы и восточныхъ береговъ сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, ясно доказали чрезвычайную пользу такихъ изслѣдованій. По этой причинѣ господинъ Гумль Whewell предлагаетъ британскому обществу для распространенія наукъ обратиться къ адмиралтейству и просить его снарядить для такой цѣли корабль.

Подъ руководствомъ господина Орлебера сдѣланъ правильный рядъ наблюденій надъ ходомъ приливовъ около Бомбея. Другія части индійскихъ береговъ тоже не оставлены безъ изслѣдованій, но, къ сожалѣнію, до-сихъ-поръ эти наблюденія не были еще такимъ образомъ обработаны, чтобъ можно было вывести изъ нихъ окончательныя заключенія.

Какихъ замѣчательныхъ результатовъ можно при этомъ достигнуть, это можно видѣть изъ словъ Эри, который говоритъ, что вычисливъ наблюденія производившіяся подъ его надзоромъ на берегахъ Ирландіи, онъ убѣдился въ томъ необыкновенномъ

явленіи, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ бываетъ иногда до четырехъ приливовъ въ сутки и что можно было явственно прослѣдовать движеніе водъ, распространяющееся отъ береговъ на югъ.

У насъ, въ Россіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ начать непрерывный рядъ наблюденій надъ приливами въ Бѣломъ Морѣ и также въ колоніяхъ Россійско-Американской Компаніи.

ВСТУПЛЕНІЕ ПРИНЦА АЛЬБЕРТА ВЪ ЗВАНІЕ КАНЦЛЕРА КЕМБРИДЖСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. Въ послѣдней книжкѣ мы говорили о собраніи англійскихъ ученыхъ въ Оксфордѣ. Другаго роду торжество праздновалъ недавно Кембриджскій университетъ. Нѣсколько времени назадъ, послѣ многихъ совѣщаній, избранъ былъ супругъ молодой королевы Викторіи, принцъ Альбертъ, канцлеромъ этого древняго университета. Всѣ роды знаменитостей политическихъ и ученыхъ, а также несметное множество народа собралось въ Кембриджъ, куда прибыла и сама королева вмѣстѣ съ своимъ супругомъ. Въ торжественномъ и многочисленномъ собраніи произнесъ новый канцлеръ привѣтственную рѣчь, на которую ея величество отвѣчала увѣреніемъ въ высокому покровительствѣ, которое она всегда оказываетъ одному изъ славнѣйшихъ разсадниковъ просвѣщенія въ Англіи. Въ самомъ дѣлѣ Ньютонъ былъ нѣкогда украшеніемъ Кембриджскаго Университета и въ послѣдствіи это учебное заведеніе всегда отличалось успѣхами въ физико-математическихъ занятіяхъ. Знаменитый англійскій астрономъ Эри, выцѣшній директоръ гринвичской обсерваторіи, былъ также профессоромъ этого университета. Прибавимъ еще, что накануне послѣдняго торжества Джонъ Гершель представилъ королевѣ только-что оконченный имъ трудъ, заключающій въ себѣ описаніе южнаго неба; здѣсь содержатся наблюденія его надъ двойными звѣздами, туманными пятнами и тому подобныя, произведенныя съ помощію большаго двадцати-футоваго зеркальнаго телескопа. Для этихъ изслѣдованій онъ отправился на мысъ Доброй Надежды, пробылъ тамъ около трехъ лѣтъ и собралъ богатый запасъ драгоценныхъ для науки матеріаловъ о такой части неба, о которой мы весьма мало имѣли свѣденій. Изданное теперь твореніе останется прекраснымъ памятникомъ высокихъ талантовъ автора, его искусства и неутомности въ наблюденіяхъ.

МОРСКАЯ ПОДВОДНАЯ ЖЕЛѢЗНАЯ ДОРОГА МЕЖДУ АНГЛІЕЙ И ФРАНЦІЕЙ. Полтора года тому назадъ господинъ Джонъ де-ла-

Гей (de la Haye) напечаталъ въ англійскомъ журналѣ *Mechanic's Magazine* свой проэктъ желѣзной дороги между Англiей и Франціей по дну пролива Па-де-Калё, проэктъ, который тогда, разумѣется, приняли, какъ нѣчто очень странное, и невѣроятное, — точно также какъ съ перваго разу были приняты и паровозы и пароходы и многое такое, къ чему нынче уже привыкли, какъ къ вещамъ совершенно натуральнымъ. Теперь въ томъ же *Mechanic's Magazine* напечатана другая статья того же господина Жона де-ла-Гейя, которою почти вся странность и невѣроятность предложенія уничтожается и предпріятіе принимаетъ видъ исполнимаго. Изобрѣтатель придумалъ нѣкоторыя усовершенствованія и сообщаетъ новое полное описаніе постройки предполагаемаго подводнаго туннеля. Вотъ, что онъ говоритъ:

«При первомъ моемъ предложеніи я уже сказалъ, что проэктъ этотъ можетъ подлежать еще многимъ измѣненіямъ. Съ тѣхъ поръ я постоянно занимался усовершенствованіемъ моего изобрѣтенія и, быть-можетъ, слѣдующія подробности убѣдятъ сомнѣвающихся, что трудности исполненія почти совершенно устранены.

«Первою мыслью моею было — устроить желѣзную трубу, довольно прочную и твердую, для того чтобъ вывести тяжесть поѣздовъ и давленіе воды. Но дальнѣйшія изслѣдованія показали мнѣ, что эта система будетъ стоить очень дорого и не представить достаточныхъ матеріальныхъ выгодъ. Прежде нежели пойду далѣе, я долженъ объявить, что новая моя система основывается на томъ признанномъ нынче фактѣ, что дно пролива Па-де-Калё совершенно ровное, то есть, что оно представляетъ отлогости не болѣе 1 на 300, такъ, что для желѣзной дороги нельзя найти плоскости болѣе удобной. Глубина воды между Калё и Дувромъ — 200 футовъ. Каналъ, слѣдовательно, не только не бездонная пучина, но представляетъ обширную равнину, такую гладкую, какихъ мало даже на сухой землѣ. Одинъ именитый геологъ давно уже доказывалъ мнѣ, что дно канала необходимо должно быть ровное. Новѣйшія изслѣдованія, произведенныя инженерами, нынче повѣрили и доказали справедливость этого мнѣнія. Вотъ теперь мой измѣненный планъ:

«Вмѣсто того чтобы строить мою трубу въ обыкновенномъ видѣ туннелей желѣзныхъ дорогъ изъ желѣза въ дюймъ толщины и такой ширины, чтобы въ ней могли помѣститься два проката рельсовъ, я предлагаю трубу совершенно цилиндрическую, въ пятнадцать футовъ въ діаметръ, изъ листового желѣза въ четверть дюйма толщины, и снабженную съ обѣихъ сторонъ борта-

ни, или загнутыми наружу краями, по три фута ширины, по горизонтальному плану центра, такимъ образомъ, чтобы положенный цилиндръ состоялъ изъ двухъ полуцилиндрическихъ частей соединенныхъ бортами, которые скрѣпляются заклепками. Такой цилиндръ будетъ достаточно проченъ; построить его легче и обойдется онъ дешевле, нежели въ первой системѣ, а цилиндрическая форма дѣлаетъ его способнымъ выносить давленіе воды на всѣхъ глубинахъ. Сто фунтовъ на одинъ квадратный дюймъ — величайшее давленіе, какое ему придется испытать посредствомъ капаля.

«Построивъ такимъ образомъ трубу, я хочу обтянуть ее тонкимъ листомъ или слоемъ непроницаемаго вещества въ родѣ войлока или камптуликона. Поверхъ этого я одѣну его трехъ-дюймовыми дубовыми досками, положенными вдоль, склеенными рыбьимъ клеемъ и утвержденными на цилиндрѣ посредствомъ болтовъ. Такимъ образомъ устранится всякое соприкосновеніе желѣзнаго цилиндра съ водою. А чтобы предохранить дерево отъ порчи, я покрою все это тесапымъ гравитомъ на подобіе мостовой и скрѣплю камень гидравлическимъ цементомъ. Нѣтъ надобности класть камень по нижней части цилиндра: достаточно будетъ обложить только верхъ, отъ одного борта до другаго.

«Покуда строится цилиндръ, я приготовляю ложе достаточно глубокое, чтобы принять нижнюю часть цилиндра, и такой ширины, чтобы борты или закраины легли на горизонтальную плоскость красвъ. Это ложе должно быть дубовое и выложенное четверть-дюймовымъ листовымъ желѣзомъ. Это ложе, помещенное на двѣ капаля частями по тысячѣ футовъ длины, составитъ прочное основаніе для желѣзной дороги, такъ, что цилиндру остается только исключить воду и представить мѣсто для настилки рельсовъ: тяжесть поѣздовъ будетъ поддерживаться ложемъ, а не цилиндромъ.

«Чтобы связать части цилиндра, нужно только сдѣлать концы такъ, чтобы одинъ въ другой вставлялся, а вставлять на каучуковой смазкѣ и потомъ закрѣплять болтами. Чтобы предохранить цилиндръ отъ ярости волнъ у береговъ, я предполагаю построить по двѣ параллельныя стѣны, или два волно-рѣза, оставивъ между ними достаточно мѣста для помѣщенія цилиндра, и потомъ совершенно прикрыть цилиндръ камнями. Эти волно-рѣзы немного должны возвышаться надъ цилиндромъ, такъ, чтобы только небольшая часть ихъ въ данную минуту была подвержена дѣйствию воды. Стѣны эти нужно построить не перпен-

дикулярныя, а отлогія въ родѣ основанія эддиционного маяка. Чтобы предохранить части цилиндра, положенныя на глубинахъ; я предложу совершенно завалить ихъ булыжникомъ и землею. Такимъ образомъ цилиндръ сдѣлается настоящимъ туннелемъ, совершенно свободнымъ отъ воды, туннелемъ, прочіе и надежнѣе котораго быть не можетъ.

«Въ первомъ предложеніи я оцѣнилъ постройку желѣзной дороги изъ Дувра въ Калѣ въ восемь-милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (сорокъ-восемь-милліоновъ рублей серебромъ), но по новому плану издержки значительно сокращаются. Желѣза на цилиндръ потребуется всего двадцать-пять-тысячъ тоннъ; работа — обыкновенная котельная и весь расходъ на туннель съ ложемъ и валнорѣзами составитъ не болѣе двухъ-съ-половиною милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (пятнадцать милліоновъ рублей серебромъ). За эту сумму можно имѣть *сухопутное* сообщеніе между Англійей и Франціей. Такимъ образомъ географическое положеніе Англійи въ отношеніи къ матеріку можетъ быть измѣнено пожертвованіемъ не болѣе ста двадцати-пяти-тысячъ фунтовъ стерлинговъ на милію. Очевидно, что сумма, потраченная на эту постройку, должна скоро окупиться выгодами подобнаго легкаго сообщенія. Я не говорю объ издержкахъ на постройку станцій по обонимъ концамъ туннеля, потому что оба правительства, вѣроятно, захотятъ воздвигнуть ихъ въ такихъ размѣрахъ, чтобы они достойны были названія воротъ обонихъ государствъ, чѣмъ они и дѣйствительно стали бы.

«Надобно, кажется, согласиться, что этотъ планъ не представляетъ ничего сложнаго: большая часть работы имѣетъ производиться на землѣ и не представляетъ никакой опасности, следовательно, возможность исполненія не будетъ подлежать сомнѣнію у ученыхъ людей, которые потрудятся рассмотреть дѣло. Въ засѣданіи Политехническаго Общества, въ Ливерпулѣ, послѣ продолжительнаго обсужденія, почти всѣ члены изъявили свое мнѣніе въ пользу возможности исполненія проэкта и президентъ, излагая свое, сказалъ, что проэктъ должно рассмотреть съ коммерческой точки зрѣнія, то есть нужно узнать, вознаградятся ли отъ торговыхъ сношеній издержки на такое предпріятіе. Всѣ присутствовавшіе члены отвѣчали на этотъ вопросъ утвердительно.

«Я знаю, что новость и обширность этого проэкта многимъ помѣшаетъ подать голосъ въ пользу немедленнаго исполненія его, несмотря на всѣ доказательства, какія можно представить, что прешлетствій нѣтъ. Исторія всѣхъ изобрѣтеній доказываетъ, что

вѣрности выгоды какого-нибудь новаго изобрѣтенія недостаточно, нѣтъ чтобы заставитьъ принять его. Человѣческому уму всегда нужна время, чтобы свыкнуться съ новою идеей. Такова была и участь желѣзныхъ дорогъ: впродолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ свѣтъ отказывался принять даръ, предложенный ему наукою, и говорилъ: «Это слишкомъ хорошо; невозможно, чтобы это была правда.» Когда въ первый разъ было предложено подводное телеграфическое сообщеніе съ Индіей, прозектъ называлъ химерою; являлась тѣна возраженій, которыя однако жъ всё умерли... своею смертію. Но возражатели еще живы: они дышутъ все тѣмъ же духомъ и всегда готовы возобновить свои нападенія на всякую новую мысль. Я, съ своей стороны, прошу только, — если мое изобрѣтеніе будетъ служить имъ мишенью, — чтобы они произвели это нападеніе какъ можно болѣе открыто и на основаніяхъ, на ученыхъ вычисленіяхъ.»

ДУШЕВНЫЯ БОЛѢЗНИ. *Различныя виды ихъ и леченіе. Статья Альфонса Эскироля.* Душевныя болѣзни обращаютъ на себя особенное вниманіе новѣйшей медицины. Мерещеніе (hallucination) и юродивость (idiotisme) какъ два важнѣйшія феномена умственнаго разстройства, были, въ послѣдніе полвѣка, предметами наибольшаго изученія и изслѣдованія. Замѣчательнѣйшіе врачи, стоящіе во главѣ науки, въ многочисленныхъ сочиненіяхъ передали намъ плоды своихъ наблюденій надъ бѣдными существами, лишеными разсудка и утратившими съ нимъ все свое человѣческое достоинство. Руководствуясь трудами Итара, Фовиля, Лѣрэ, Лелю, Бриерра де-Боамона, Эскироля, мы можемъ разсмотрѣть причины, видоизмѣненія и средства къ изцѣленію этихъ болѣзней.

Начнемъ съ мерещенія. Оно существуетъ такъ же давно какъ и родъ человѣческой, но еще не болѣе полвѣка тому, какъ наука принялась за изслѣдованіе ихъ. Приписываемыя различнымъ сверхъестественнымъ причинамъ, — тамъ началу добра, здѣсь началу зла, — они испытали многія превратности судьбы. Въ первомъ случаѣ ихъ уважали, чествовали, совѣщались съ ними; въ другомъ ихъ считали преступными и онѣ подвергались всей строгости законовъ. Въ средніе вѣка, эти явленія относили то доброму то злому началу, иногда даже и къ тому и къ другому вмѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ, по мѣсту и по судьямъ. Доказательство тому — Юанна д'Аркъ, вдохновенная свыше во Франціи, — колдунья въ Англіи. Теологія всюду опередила медицину въ познаніи фактовъ. Протоколы судовъ и сочиненія прежнихъ

казуистовъ содержатъ въ себѣ множество примѣровъ мерещеній, весьма хорошо описанныхъ. Ошибались только въ истолкованіи причинъ. Напрасно старалась порой возвысить голосъ свой медицина: факты не были еще перенесены на свою настоящую почву. Притомъ же теологія имѣла въ рукахъ своихъ аргументъ, передъ которымъ молчалъ человѣческій разумъ: этотъ аргументъ былъ костеръ. Всѣ факты существовали, по связи, которой слѣдовало соединить ихъ въ науку, не была еще отыскана. Для достиженія этого результата нуженъ былъ переворотъ въ идеяхъ. Философское движеніе новаго времени, разрушивъ преграды суевѣрій, возвратило медицину въ ея область. Ученикъ и послѣдователь знаменитаго Пинеля, Эскироль, первый назвалъ, описалъ и анализировалъ мерещенье, какъ одинъ изъ видовъ сумасшествія. Господа Фовиль, Лёрэ и Бриерръ де-Боамонъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ продолжали изслѣдованія надъ этимъ явленіемъ. Лёрэ стоитъ во главѣ новаго психологическаго направленія, которое недавно обнаружилось въ леченіи душевныхъ болѣзней. Онъ разсматриваетъ мерещенье въ своемъ сочиненіи «О помѣшательствахъ», но до послѣдней книги Бриерра де-Боамона, ни гдѣ еще этотъ феноменъ не былъ отдѣленъ отъ другихъ признаковъ безумія. Эта попытка заслуживаетъ вниманія. Бриерръ де-Боамонъ также поборникъ ученія, которое въ медицину какъ и въ философію должно называться спиритуализмомъ, но онъ часто заблуждается и впадаетъ въ крайности, тогда какъ труды Лёрэ представляютъ намъ разумную и умѣренную сторону спиритуализма. Изъ всѣхъ явленій безумія, которое само такъ темно и непостижимо, мерещенье остается всё-таки самымъ загадочнымъ. Человѣкъ видитъ вдругъ то, чего не видятъ другіе; слышитъ, чего они не слышатъ; осязаетъ то, чего ихъ рука не можетъ найти. Жертва своихъ болѣзненныхъ ощущеній, живетъ въ фантастическомъ мірѣ. Дѣйствительный порядокъ вещей разрушенъ. Заточенный въ какомъ нибудь заведеніи ума-лишенныхъ, большой населяетъ это уединеніе призраками своего воображенія; вокругъ него идеи воплощаются, принимаютъ форму. Образы, которые такъ живо представляются его взорамъ и которые между тѣмъ суть не что иное какъ созданіе его большого мозга, заслоняютъ собою предметы, дѣйствительно существующіе. Всѣ эти бѣдствія неужели не заслуживаютъ того чтобы остановиться передъ ними и внимательно разсмотрѣть ихъ? Не одна медицина, но и психологія пойдетъ въ этомъ явленіи много любопытнаго и обѣ точки зрѣнія прикасаются здѣсь слыш-

комъ сильно одна къ другой, чтобы возможно было раздѣлить ихъ. Человѣкъ подверженный мерещенью, представляется взорамъ моралиста, конечно, тѣмъ же, чѣмъ и взорамъ медика, то есть больнымъ, но больнымъ высшаго разряда, потому что разстройство жизненныхъ отправленій объемлетъ и самую душу. Какъ въ разрушенномъ городѣ открываютъ памятники, свидѣтельствующіе о гевнѣ угасшей націи, такъ и въ остаткахъ нашихъ способностей, пораженныхъ безуміемъ, встрѣчаются слѣды безсмертнаго начала, которое ихъ оживляетъ.

Врачи-физиологи не довольно пекали корня помѣшательства въ нормальномъ состояніи человѣка. Возьмемъ хоть мерещенье: нѣтъ сомнѣнія, что въ состояніи здраваго разсудка существуетъ нѣчто аналогическое съ этимъ явленіемъ, нѣчто случающееся ежедневно и даже составляющее одно изъ лучшихъ свойствъ нашей природы. Всякому извѣстно, что мы имѣемъ способность воссоздавать отсутствующіе предметы въ нашемъ воображеніи. Нѣкоторыя обстоятельства, какъ напримѣръ, уединеніе, сумракъ, прогулка, благопріятствуютъ пробужденію въ насъ старыхъ впечатлѣній. Мы находимъ эту способность чрезвычайно сильною у поэтовъ и художниковъ. Природа, дѣйствуя на чувственные органы Жанъ-Жака Руссо, приводила его въ упоеніе, которое сообщалось душѣ. Вскорѣ онъ видѣлъ уже не деревья, ручьи и скалы въ Сепъ-Прё, но Юлію и другія лица своего изобрѣтенія. Удовольствіе, которое мы находимъ въ дѣйствіи этой способности, побуждаетъ насъ часто приводить ее въ дѣйствіе. Воображая такимъ образомъ, мы стараемся продлить существованіе вещей, которыя намъ нравятся и которыхъ уже нѣтъ. Эти призраки нашего воображенія получаютъ поддѣльную жизнь; мы располагаемъ ихъ по своему, мы придаемъ имъ въ нашихъ мечтахъ то, чего имъ прежде недоставало, чтобы плѣнить насъ. Посредствомъ другой способности, свойственной нашему уму, мы отдѣляемъ отъ цѣлаго большихъ предметовъ нѣкоторыя части, нѣкоторые отлѣпки, которые удерживаются въ памяти и служатъ намъ къ воспроизведенію цѣлаго. Такимъ образомъ мы представляемъ себѣ городъ по какому-нибудь зданію; обстоятельство жизни по одной изъ подробностей, связанныхъ съ нимъ; идею по знаку, оставленному ею въ нашей памяти. Если мы теперь сравнимъ эти обыкновенныя дѣйствія мозга съ мерещеньемъ свойственнымъ состоянію помѣшательства, то найдемъ между ними только ту разницу, что въ послѣднемъ сила воспроизведенія доходитъ до крайности. Въ здоровомъ состояніи разсудка об-

разы рѣдко сохраняютъ живость оригинала; разстроенный же мозгъ напротивъ придаетъ имъ гораздо больше силы и живости.

Между этими двумя состояніями существуетъ третье, какъ бы переходное отъ одного къ другому. Во всѣхъ вещахъ вопросъ о границахъ весьма труденъ. Лнія, раздѣляющая здравое состояніе разсудка отъ состоянія безумія, особенно ускользаетъ въ области мерещенья. Здѣсь все смѣшано и въ этомъ смѣшеніи должно уловить нить, соединяющую дѣйствіе здороваго мозга съ дѣйствіемъ разстроеннаго. При началѣ безумія въ особенности обнаруживаются эти смѣшанныя мерещенья, которыя суть какъ бы передовые номѣшательства.

Человѣкъ еще сознаетъ, что все, что онъ видитъ, что слышитъ, чего онъ касается,—не существуетъ; что эти призраки, которые преслѣдуютъ и терзаютъ его, порождены его большимъ мозгомъ. Иногда,—правда, весьма рѣдко,—безуміе останавливается на этой границѣ. Большой знаетъ, что это видѣнія и не имѣетъ силы отъ нихъ избавиться, но онъ сохраняетъ еще довольно свободы, чтобы не подчинить имъ свои дѣйствія. Если онъ переступилъ эту черту, онъ пропалъ. Такое существованіе между состояніемъ разсудка и состояніемъ безумія обманываетъ иногда внимательность наблюдателя. Умы, одержимые этимъ недугомъ, стыдятся его и скрываютъ сколько могутъ. Лэрэ приводитъ фیزیологическій фактъ, относящійся къ нашему предмету. Этотъ искусный медикъ лечилъ молодаго человѣка съ умомъ образованнымъ, но нѣсколько поврежденнымъ. Докторъ убѣждалъ его собрать всѣ силы, которыя у него оставались, чтобы преодолѣть зло, и предложилъ свою помощь въ этомъ трудномъ усиліи. Несчастный нѣсколько разъ падалъ подъ бременемъ тяжелой борьбы, но наконецъ послѣ долгихъ битвъ и терзаній ему удалось отрѣшиться отъ разстроенной части своего существа. «Мои видѣнія не прекратились, говорилъ онъ доктору, но я уже не останавливаюсь на нихъ; я имъ не вѣрю больше.» Этотъ человѣкъ былъ еще боленъ, но уже не былъ сумасшедшій. Наука, какъ намъ кажется, не довольно еще опредѣлила это двойственное-переходное состояніе. Какъ и другія способности наши, та которая управляетъ нашимъ воображеніемъ и, такъ сказать, нашимъ взглядомъ на отсутствующіе предметы, носитъ въ самой себѣ зародышъ своего разстройства. Это разстройство начинается тамъ, гдѣ кончается свобода, гдѣ теряется сознаніе нашего я. Когда представляемый предметъ смѣшивается съ человѣкомъ, который представляетъ себѣ его, тогда номѣшательство несомнѣнно. Бри-

ерръ вовсе не старается рѣшить этотъ вопросъ, составляющій здѣсь главное. Онъ написалъ толстую книгу, не сказавъ въ ней окончательно, есть ли мерещенье болѣзни, или нѣтъ. Это въ его глазахъ то феноменъ почти нормальный, то заблужденіе ума, платящаго дань вѣрованіямъ своего вѣка. Мы отвѣтимъ, во-первыхъ, что явленіе нормально или не нормально: средняго нѣтъ; во-вторыхъ, мерещенье не обманъ ума, а фактъ. Люди одержимые этой болѣзнию не только думаютъ, что они чувствуютъ, но они въ самомъ дѣлѣ чувствуютъ и такъ живо, что разсудокъ безсиленъ противъ этого впечатлѣнія. И потому первый признакъ ихъ выздоровленія обнаруживается переменою этой положительной формулы: «Я вижу, мнѣ говорятъ» въ другую весьма различную, «мнѣ кажутся, что я видѣлъ, что мнѣ говорили». Вотъ, гдѣ граница.

Посмотримъ теперь на причины этого явленія. Причины мерещенья можно раздѣлить на два разряда, на внѣшнія и внутреннія. Первые безчисленны: это всё предметы чувственнаго міра, которые поражаютъ воображеніе и которые въ извѣстный моментъ, въ томъ или въ другомъ видѣ, дѣлаются орудіями сумасшествія. Вторыя, внутреннія причины заключаются въ собственныхъ нашихъ чувствахъ, въ нашихъ идеяхъ, въ нашемъ характерѣ. Вліяніе духа на матерію, разсматриваемое какъ главная причина мерещенья и призраковъ, кажется намъ весьма дѣйствительнымъ, хотя и отрицается многими докторами. Не бывають ли дни, когда, вслѣдствіе душевныхъ потрясеній, мы видимъ предметы совершенно въ другомъ свѣтѣ, чѣмъ они на самомъ дѣлѣ? Когда мы въ тоскѣ, когда мы разстроены, тогда все въ природѣ кажется намъ въ печальномъ видѣ, а между-тѣмъ деревья, цвѣты, пейзажи не измѣняются: это нравственная часть нашего существа разстроена и разстройство ея набрасываетъ мрачный покровъ на все окружающее насъ. Меланхолія также располагаетъ насъ къ видѣніямъ, потому что она искажаетъ форму предметовъ дѣйствительнаго міра: магійшій шумъ смущаетъ и беспокоитъ насъ; мы во всемъ стараемся прочесть судьбу свою; мы видимъ ее написанною на деревьяхъ, въ облакахъ, въ звѣздахъ. Но въ здоровомъ состояніи эти призраки исчезаютъ, вмѣстѣ съ причиною, которая породила ихъ. Совсѣмъ другое бываетъ въ мерещеньи. Человѣкъ, занимавшій важную должность, вдругъ сталъ видѣть вокругъ себя одни мрачныя предзнаменованія. Встрѣтитъ ли онъ на дорогѣ груду камней, холмъ, все это кажется его разстроенному мозгу громомъ, молніей. Все

такимъ образомъ принимаетъ въ его глазахъ видъ воображаемыхъ предметовъ, въ которыхъ онъ видитъ дурные знаки и которымъ приписываетъ вліяніе на обстоятельства его жизни. Однажды, проходя по узкому проходу, онъ задѣлъ лѣвымъ локтемъ за дверь траурнаго магазина. Можно судить, какое впечатлѣніе произвелъ на него черный цвѣтъ. Онъ быстрыми шагами удаляется отъ этого магазина, какъ вдругъ глазамъ его представляется, надъ другой лавкой, роковой тринадцатый номеръ. Несчастный сталъ между Харибдой и Сциллою; не смѣетъ пройти мимо этихъ страшилищъ, поразившихъ его воображеніе, и ходитъ взадъ и впередъ, отъ одного къ другому. Однако сторожъ прохода и нѣкоторые купцы замѣтили этого человѣка, блуждающаго какъ тѣнь, цѣлыхъ два часа. Ночь приближается. Рѣшетку прохода пора запереть, а несчастный мечтатель не можетъ, не смотря ни на что, побѣдить нравственнаго препятствія, которое удерживаетъ его. Его останавливаютъ, допрашиваютъ и, выслушавъ отвѣты, отправляютъ въ Бисетръ. Этотъ случай можетъ показать вліяніе одной постоянной идеи на форму, которую мы даемъ внѣшнимъ предметамъ. Избытокъ религіознаго чувства, мистицизмъ, также весьма часто бываетъ причиною видѣній. Привычка, которую имѣютъ нѣкоторые живые умы, употреблять образность въ выраженіяхъ, подтверждаетъ существованіе въ насъ расположенія къ заблужденіямъ. Эти люди придаютъ идеямъ матеріальную, живую, осязательную форму: ихъ слово становится плотью. Связь нашихъ идей съ видимыми знаками признается обильнымъ источникомъ заблужденій и это объясняетъ, почему безпокойные, поэтическіе, экзальтированные умы болѣе другихъ бываютъ обманываемы безпрестаннымъ міражемъ своего мозга. Энтузіазмъ, который часто есть не что иное какъ страсть къ идеѣ, можетъ сдѣлаться, какъ и всякая сильная страсть, причиною разстройства органовъ чувствительности. Мерещеніе, съ этой точки зрѣнія, есть, въ нѣкоторомъ отношеніи, проявленіе творчества. Признавая въ теоріи полезнымъ раздѣленіе причинъ на нравственныя и физическія, мы однако должны замѣтить, что оно часто сглаживается у больныхъ. Душа и тѣло въ человѣкѣ нераздѣльны. Вслѣдствіе этого и причины сумасшествія бываютъ по большей части двойственны какъ и наше существо.

Въ отношеніи къ видамъ мерещенія можно допустить слѣдующее раздѣленіе: во-первыхъ, когда этотъ феноменъ есть первоначальная причина сумасшествія и когда онъ подчиняется его свосму вліянію; во-вторыхъ, когда ходъ его, напротивъ, подчи-

нотеня болѣзни и когда онъ есть одинъ изъ тысячи припадковъ ея. Вотъ три приѣбра мерещенья, какъ первоначальнаго момента съумасшествія:

Дѣвушка двадцати-осми лѣтъ воображала себя мужчиной. После долгихъ и терпѣливыхъ разспросовъ, доктору удалось наконецъ узнать причину этого заблужденія. Эта дѣвушка, очень красивая собой, была всегда безукоризненнаго поведенія, какъ вдругъ, двадцати двухъ лѣтъ, она попалась въ руки развратныхъ молодыхъ людей. Несчастливая пыталась защититься отъ дерзкихъ нападеній но потомъ, видя что всё усилія тщетны, она прибѣгла къ средству, которое спасло ея честь, зато стоило ей разсудка. Она назвалась мужчиной. Съ этой минуты она говоритъ и разсуждаетъ такъ, какъ-будто никогда не была женщиной.

Молодой человекъ, тридцати-двухъ лѣтъ, сдѣлался тупоумнымъ, юридическимъ, вслѣдствіе мерещенья. Это былъ сынъ богатыхъ родителей. Онъ занимался въ Парижѣ правами и уже выдержалъ два экзамена, какъ вдругъ услышалъ голоса, которые повелѣвали ему сдѣлаться животнымъ. И тогда началась страшная борьба между разумомъ и таинственной силой, стремившейся уничтожить его. Хотѣлъ ли онъ говорить, голоса заставляли его молчать; хотѣлъ ли онъ учиться, голоса заставляли его закрыть книгу; хотѣлъ ли онъ думать, писать, голоса повелѣвали ему идти гулять. Они побуждали его ко всему, что могло притупить его способности. Бѣдный молодой человекъ такъ хорошо выполнялъ ихъ совѣты, что дѣйствительно сталъ походить на животное. Родители, удивленные внезапнымъ упадкомъ умственныхъ способностей сына, приписали это сначала его безпорядочному поведенію. Они обманывались. Эта безпорядочность была только слѣдствіемъ. Причина заключалась въ мерещеньи, которое побуждало несчастнаго къ разнымъ унизительнымъ поступкамъ.

Одинъ носильщикъ брался носить самыя тяжелыя ноши безъ платы и удерживалъ ихъ цѣлые дни на спинѣ. Въ этомъ видѣли только вѣзальничность. Но тутъ была другая причина, мерещенье. Этотъ человекъ воображалъ, что онъ носить сокровища. Чѣмъ тяжелѣе была ноша, чѣмъ болѣе онъ уставалъ, пытался, тѣмъ болѣе казался доволенъ, потому что это доказывало значительность богатства. Въ больницѣ, по аллеямъ сада, онъ безпрестанно ходилъ, согнувъ спину. Когда его занимали домашними работами, онъ исполнялъ ихъ безпрекословно, но съ лицомъ печальнымъ, тогда какъ если ему давали ношу, онъ бралъ ее съ необычайной радостью. Нося имущества и пожитки другихъ,

бѣднякъ вообразилъ наконецъ, что носитъ свои собственныя сокровища!

Больные, подверженные мерещенью втораго разряда, то есть такому, которое находится въ зависимости отъ общаго съумасшествія, самыя многочисленныя и исцѣленіе ихъ представляетъ наиболѣе затрудненій, по причинѣ чрезвычайнаго разнообразія въ проявленіяхъ этой болѣзни. Въ этомъ положеніи успѣли замѣтить только, что нѣкоторымъ больнымъ образы мерещатся въ безпорядкѣ, безъ связи, тогда какъ у другихъ они удерживаются въ мозгу неподвижно, постоянно. Иногда формы мерещенья представляютъ разительную противоположность съ причинами, породившими его. Одинъ бѣдный Овернецъ, который нѣсколько дней голодалъ и безмолвно смотрѣлъ на роскошныя яства, выставенныя въ окнахъ рестораций, сталъ наконецъ воображать, что онъ сидитъ за столомъ, уставленнымъ блюдами. Страннѣе всего то, что у этого человѣка челюсти находятся въ безпрестанномъ движеніи. Также замѣчено что эротическій бредъ чаще бываетъ у дѣвушекъ честнаго поведенія нежели у тѣхъ, которыя вели порочную жизнь: послѣднимъ, напротивъ, мерещатся ангельскія видѣнія.

Еще раздѣленіе, менѣе важное чѣмъ первое, но также основанное на природѣ мерещенья, можетъ руководствовать насъ въ этомъ лабиринтѣ странныхъ явленій. Или характеръ и воспитаніе человѣка даютъ формы образамъ созданнымъ его мозгомъ, или общество, въ которомъ онъ живетъ, налагаетъ на эти образы печать событій и ученій вѣка. Мерещенья образованнаго человѣка разнятся отъ видѣній невѣжды. Часто форма явленія носитъ на себѣ слѣды любимыхъ занятій человѣка. Если не идея, то чувство даетъ видѣнію форму. Такъ въ одномъ заведеніи умалишенныхъ, молодому человѣку двадцати-осми лѣтъ казалось, что онъ безпрестанно вдыхаетъ въ себя запахъ кузницы. Онъ находилъ въ этомъ запахѣ невыразимое наслажденіе. Это явленіе казалось директору заведенія одною изъ тысячи ни чѣмъ не объяснимыхъ странностей. Случай впоследствии открылъ, что больной, еще осемнадцати лѣтъ, въ своей деревнѣ любилъ молодую дѣвушку, дочь кузнеца. Запахъ, такъ сказать, слился для него съ любимымъ предметомъ и еще за нѣсколько времени до болѣзни его встрѣчали часто у входа въ кузницу, глядящаго на лошадей, которымъ обжигали копыта. Ни какой запахъ въ мірѣ не могъ для него сравниться съ этимъ, потому что онъ вдыхалъ его не носомъ, а сердцемъ.

Есть другіе случаи мерещенья, въ которыхъ оно является

Жонъ памяти. Одинъ старый аббатъ, котораго лечилъ Лёрэ, слышалъ голоса, рассказывавшіе ему всѣ обстоятельства его жизни. Эти голоса напоминали ему имена лицъ, которыхъ онъ встрѣчалъ въ жизни и давно забылъ. Часто голоса говорили тихо. Онъ прислушивался и спрашивалъ: что? какъ? и голоса повторяли сказанное. Эта исповѣдь очень беспокоила стараго Аббата, имѣвшаго на совѣсти кое-какіе грѣшки, о которыхъ голоса безпрестанно ему напоминали. Лёрэ поступалъ, въ отношеніи къ болѣзни, съ большою строгостью, которая раздражала больнаго до ярости. Однажды старикъ входитъ къ доктору съ лицомъ совершенно переѣвившимся. «Я наконецъ ожилъ, ска- залъ онъ: не зная долго ли продолжится это новое состояніе, я поспѣшилъ увидѣться съ вами, чтобы доказать вамъ, что у меня не дурное сердце. Во время болѣзни я часто оскорблялъ васъ, ложно судилъ о васъ. Но если безумный клеветалъ на васъ, то здравомыслящій отдаетъ вамъ справедливость и проситъ у васъ прощенія. Если бы даже это возвращеніе къ здоровью было не продолжительно, я всё-таки благодарю Бога, что онъ далъ мнѣ возможность показаться вамъ такимъ, каковъ я на самомъ дѣлѣ.» Большой и докторъ съ жаромъ поцѣловались. Но это было въ послѣдній разъ. Къ концу дня, старикъ опять впалъ въ сѣумасшествіе, которое съ тѣхъ-поръ уже не покидало его.

Болѣе или менѣе угрюмый нравъ больныхъ также имѣетъ вліяніе на форму видѣній, созданныхъ разстроеннымъ мозгомъ. Иногда больные изобрѣтаютъ себѣ самыя ужасныя муки. Женщина, находившаяся въ услуженіи у доктора Фальрэ, воображала себя безъ костей, и какъ пужно же было дать этимъ бѣднымъ костямъ, выпутымъ изъ ся тѣла, какое-нибудь употребленіе, то она говорила что ихъ положили въ кастрюлю и варятъ на огнѣ. Нѣтъ подземелья инквизиціи, которое могло бы сравниться съ домомъ сѣумасшедшихъ, потому что, повторяемъ, всѣ эти воображаемыя мученія дѣйствительны для тѣхъ, которые создаютъ себѣ ихъ! Мерещеніе есть часто отраженіе общественной жизни страждущаго лица, его мнѣній и политическихъ воспоминаній. У одного чиновника двора Карла-Десятаго мерещеніе происходитъ отъ застоя памяти и другихъ способностей. Спросите этого человѣка обо всемъ, что предшествовало 1830 году, онъ вамъ отвѣтитъ очень здраво; сдѣлайте еще шагъ и онъ начнетъ заговариваться. Этотъ человѣкъ каждый день одѣвается на службу къ своему королю. Онъ видитъ его у обѣдни; онъ говоритъ о гер-

погинѣ Беррійской, у которой лицо находитъ такимъ же, какъ оно было и за пятнадцать лѣтъ. Все мерещенье у него заключается въ томъ, что онъ ошибается во времени: онъ нѣкогда дѣйствительно видѣлъ то, что ему теперь кажется; онъ прежде уже дѣлалъ то, что нынче воображаетъ дѣлать. Съумасшествіе этого человѣка, который самъ похожъ на остановившіеся часы, есть только анахронизмъ.

Эпохи оживаютъ посредствомъ своихъ знаковъ и эти знаки дѣлаются въ послѣдствіи элементами нашихъ ложныхъ ощущеній. Молодой человѣкъ воображаетъ, что у него на спинѣ начертанъ орелъ. Въ этой формѣ мерещенья заключались, безъ сомнѣнія, воспомнанія объ Имперіи. Большой рассказываетъ о своемъ заблужденіи матери. Она сначала хочетъ его образумить, но сынъ настаиваетъ. Онъ говоритъ съ жаромъ убѣжденія и, какъ послѣдній аргументъ, показываетъ матери мѣсто, гдѣ орелъ оставилъ свой отпечатокъ. Несчастная смотритъ и вскрикиваетъ: «Да, правда!» Она тоже увидѣла орла. Фовиль упоминаетъ объ этихъ двухъ больныхъ. Они находятся въ Шарантонѣ и служатъ доказательствомъ, что мерещенье сообщается какъ зараза.

Между преступляками попадаютъ иногда люди, подверженные мерещенью и въ припадкѣ этой болѣзни совершающіе преступленія, за которыя законъ наказываетъ ихъ на равнѣ съ умысленными злодѣями, съ людьми находящимися въ здоровомъ разсудкѣ. Настоящее мѣсто многихъ каторжниковъ было бы въ домѣ умалишенныхъ. На это обстоятельство въ-особенности обратилъ вниманіе докторъ Вуазенъ. Вотъ, что онъ говоритъ: «Въ нашихъ тюрьмахъ, на нашихъ галерахъ и даже на эшафотахъ встрѣчаются люди, которые должны бы находиться въ больницахъ. Наука наконецъ приведетъ къ перевороту въ исполненіи нашихъ законовъ. Прежде чѣмъ наказывать человѣка, должно узнать часть свободы, данную ему отъ природы.» Бріеръ де-Боамонъ поддерживаетъ идеи его въ своей книгѣ и кто не согласится въ справедливости этихъ доводовъ! Да! общество часто наказываетъ тѣхъ, кого слѣдовало бы лечить. Вотъ примѣръ, къ какимъ ужаснымъ преступленіямъ побуждаетъ иногда человѣка непреодолима сила мерещенья. Мать видитъ своего ребенка, спящаго въ колыбели; смотритъ на него съ безконечной нѣжностью, съ невыразимой радостью; вдругъ страшная мысль является въ умѣ ея: «Что, если бъ я убила его?» Мать съ ужасомъ отталкиваетъ отъ себя эту мысль. Она любитъ свое дитя; она готова отдать жизнь, чтобы избавить его отъ опасности. Однако жъ роковая мысль ея без-

преставно осаждаеть мозгъ, не выходятъ изъ головы. Какой-то таинственный голосъ каждый мигъ кричитъ ей: «Ты должна убить своего ребенка!» Несчастная отталкиваетъ и этотъ голосъ, какъ отдала отъ себя мысль, но только слабѣе. Однажды ночью, одна, въ темнотѣ, стоя у колыбели своего новорожденнаго, она слышитъ голосъ, требующій настоятельно; она чувствуетъ, что невидимая сила управляетъ рукой ея. Въ ужасѣ падаетъ она на колѣни и восклицаетъ: «Боже мой! не допусти меня совершить страшное злодѣяніе; взгляни, какъ онъ мирно спитъ въ своей колыбели.» — «Итъ! отвѣчаетъ голосъ: это не можетъ такъ кончиться. Встань, возьми это оружіе и раздроби голову твоего ребенка». Несчастная мать, объятая страхомъ, хочетъ бѣжать; но невидимая сила удерживаетъ ее и влечетъ къ спящему ребенку. Дрожащей рукой беретъ она топоръ, который виситъ въ углу комнаты и отступаетъ. «Рази, рази!» повторяетъ голосъ. Лицо этой женщины омочено слезами; она блѣдна какъ полотно; вся дрожащая и въ безпамятствѣ, она наконецъ поражаетъ то, что было для нея драгоценнѣе всего въ мірѣ. Едва исполнила она повелѣніе голоса, какъ мерещенье разсѣивается. Выведенная этимъ сильнымъ толчкомъ изъ состоянія ослѣпленія, бѣдная мать простираетъ руки и видитъ тогда, что сдѣлала. Разсудокъ всегда возвращается въ подобныхъ случаяхъ, чтобы освѣтить страшнымъ и воздвигнмъ свѣтомъ несправныя дѣйствія безумія!

Леченіе мерещенья должно быть основано на философическомъ знаніи человѣка. Наши болѣзни бываютъ физическія и моральныя, а всего чаще смѣшанныя. Поэтому оба соперничествующія ученія, матеріализмъ и спиритуализмъ, должны здѣсь равно имѣть мѣсто. Недостаточность каждаго изъ нихъ, отдѣльно взятаго, выказывалась при леченіи мерещенья неоднократно. Медики, видѣвшіе въ сумасшествіи одно поврежденіе мозга и прибѣгавшіе потому только къ физическимъ средствамъ, впадали въ самыя страшныя заблужденія. Въ одномъ частномъ заведеніи находился сумасшедшій, который воображалъ себя королемъ. Это помѣшательство основывалось на мерещеньи зрѣнія. Бѣдному больному казалось, что онъ сидитъ во дворцѣ, окруженный своими подданными и что они подходятъ къ нему, каждый по очереди, цѣловать его руку. За это тщеславное заблужденіе его безпрестанно наказывали слабительнымъ, кровопусканіемъ и разными медикаментами. Онъ едва могъ держаться на ногахъ во время докторскаго визита, потому что двѣ большія испанскія мухи были приставлены къ самой чувствительной части ногъ. Ему грозили приста-

вить и третью, тогда онъ не вытерпѣлъ и вскричалъ: «О, Боже мой! неужели изранивъ, истерзавъ мое тѣло, вы думаете, что помѣшаете мнѣ видѣть то, что я вижу? Одной шпанской мухой болѣе или менѣе, не все ли равно? Этимъ вы не измѣните моихъ идей. Если вы находите ихъ ложными, то дѣйствуйте на нихъ: япаче вы причиняете мнѣ боль — и только. Докажите мнѣ, по крайней-мѣрѣ, что я обманываюсь.» Эти слова больного, проникнутыя здравымъ смысломъ, не могли не удивить всѣхъ присутствовавшихъ и не одинъ изъ нихъ, конечно, спрашивалъ себя внутренно: «Кто изъ двухъ съумасшедшій, докторъ или пациентъ?»

Медицина, увлеченная Галлемъ, Бруссе и Жоржѣ на стезю исключительнаго матеріализма, находилась на этой ступени, когда явился человѣкъ съ волей твердой, съ убѣжденіемъ непоколебимымъ. Онъ произвелъ волненіе. Нѣкоторые считали его достойнымъ занять мѣсто между его больными, но вскорѣ опытъ доказалъ, какъ они обманывались.

Какъ мерещенье всего чаще основывается на какой-нибудь идеѣ, какомъ-нибудь чувствованіи, какой-нибудь страсти, то на эту-то идею, на это чувствованіе, на эту страсть и должно дѣйствовать. Вотъ все основаніе нравственнаго леченія — и докторъ Лёрэ, поступая такимъ образомъ, возвратилъ разсудокъ бесчисленному множеству больныхъ. Бріеръ де-Боамонъ признаетъ лучшимъ леченіемъ смѣшанное, — то физическое, то моральное, — а всего чаще и то и другое, и это кажется намъ всего разумнѣе. Фовиль возвратилъ спокойствіе нѣсколькимъ больнымъ, подверженнымъ мерещенью зрѣнія, обращая все вниманіе на разстроенный органъ чувства. Итальянка видѣла вокругъ себя трехъ нагикъ мушницъ: повязка, которую онъ велѣлъ ей и день и ночь носить на глазахъ, исцѣлила ее.

Докторъ Морбъ примѣнялъ въ послѣдніе годы наркотическія средства къ леченію мерещенья. Его система въ этомъ случаѣ имѣетъ нѣкоторое сходство съ гомеопатіей. «*Datura stramonium* и опиумъ, сказалъ себѣ этотъ замѣчательный медикъ, производятъ въ здоровомъ состояніи мерещенье. Не могутъ ли тѣже самыя субстанціи излечить ихъ?» Это леченіе кажется имѣло нѣкоторый успѣхъ въ рукахъ самого изобрѣтателя, но въ рукахъ его собратьевъ оно не удавалось еще ни разу. Результатомъ усыпленія, посредствомъ наркотическаго, было только то, что обыкновенныя видѣнія больныхъ, надъ которыми производился опытъ, измѣнились, уступали мѣсто другимъ видѣніямъ. Фактъ,

безъ-сомнѣнія, любопытный, но перенести помѣшательство на другой пунктъ, не значить вылечить его. Нельзя умолчать о примѣненіяхъ системы Амбруаза Парэ къ леченію мерещенья. Эта система, возобновленная въ послѣднее время Эскиролемъ, состоитъ въ томъ, чтобы притворяться, что раздѣляешь заблужденія больного. Однако же оно недостаточно и можетъ имѣть только относительную пользу. Если не разрушать въ больномъ его заблужденія, то оно можетъ опять возобновляться. Корень остается и изъ него могутъ выйти другія вредныя растенія. Тогда леченіе прійдется начать снова. Если же больной откроетъ случайно хитрость врача, все пропало. Положеніе его сдѣлается еще хуже, потому что онъ потеряетъ довѣріе къ человѣку, который обманывалъ его. Впрочемъ, вотъ одинъ фактъ, въ которомъ леченіе, сходное съ этимъ, имѣло блестящій успѣхъ. Въ Бисетрѣ недавно находился человѣкъ, который уединился отъ своихъ товарищей, велъ жизнь самую странную, отказывался спать въ постель, ѣсть за столомъ, переминая бѣлье и былъ погруженъ постоянно въ самообожаніе. Лѣрэ вскорѣ увидѣлъ, что единственная пружина, посредствомъ которой онъ можетъ подѣйствовать на больного, есть его тщеславіе. Онъ рѣшился приступить къ этой сторонѣ. Больной лѣпилъ въ часы досуга маленькія вещицы изъ глины. Лѣрэ сначала притворился, будто очень восхищается имъ, и когда восхищеніе проложило путь къ сердцу больного, докторъ попробовалъ дать ему, въ видѣ размышленія, небольшой совѣтъ. «Я удивляюсь, сказалъ онъ ему тихо, какъ такой достойный человѣкъ, талантливый скульпторъ, можетъ спать на полу какъ животное!» Такимъ образомъ докторъ каждый день выигрывалъ въ умѣ больного — уваженіемъ своимъ къ дарованіямъ артиста. Когда наконецъ помѣшанный согласился спать въ постель, ѣсть за столомъ, словомъ, когда возвратился, посредствомъ благосостоянія, къ общежитію, Лѣрэ увидѣлъ, что пришла пора разрушить страсть, которой онъ льстилъ до-сихъ-поръ. Для этого онъ употребилъ такое средство: онъ предложилъ больному привести къ нему знаменитаго скульптора, который бы могъ достойно оцѣнить его работу. «Я докторъ, говорилъ Лѣрэ, и восхищаюсь ими, не понимая дѣла». Предложеніе его было принято. Артистъ слишкомъ былъ увѣренъ въ себѣ, чтобы бояться суда чьего бы то ни было. Лѣрэ приводитъ въ назначенный часъ знатока и спрашиваетъ его весьма серьезно, какого онъ мнѣнія объ этихъ произведеніяхъ артиста. Незнакомецъ пожимаетъ плечами. Лѣрэ повторяетъ вопросъ, — опять молчаніе со стороны знатока, опять

презрительный жестъ. Однако же докторъ настаиваетъ. «Что можно дать за эти статуетки?» спрашиваетъ онъ. «Ни гроша!» отвѣчаетъ скульпторъ. Этотъ толчокъ, данный тщеславію большаго, долженъ былъ сильно потрясти его. И въ самомъ дѣлѣ, съ тѣхъ-поръ онъ оставилъ статуетки, сталъ заниматься полевыми работами съ своими товарищами и скоро, совершенно здоровый, оставилъ Бисетръ.

Есть другая болѣзнь или, лучше сказать, помощь ума, которая не менѣе мерещенья достойна участія и вниманія всѣхъ мыслящихъ людей: это идиотство, кретинизмъ, тушуміе, юрдивость. Въ мерещеньи мы видѣли только безпорядочность въ умственной системѣ, здѣсь же царствуетъ совершенная безвозвратная смерть. Это страшное оцѣненіе всѣхъ силъ души должно бы побольше обратить на себя изслѣдованія моралистовъ: по самой природѣ контрастовъ, именно въ состояніи разстройства всего удобнѣе наблюдать глубокую тайну человѣческаго разума.

Въ древности очень мало заботились объ этихъ неполныхъ существахъ, которыхъ сама природа, такъ сказать, поставила внѣ всякихъ законовъ человѣческихъ. Древнія общества не признавали даже ихъ права на жизнь. Больныя дѣти были немедленно умерщвлены; ихъ рожденіе почиталось общественнымъ бѣдствіемъ, котораго слѣды тотчасъ же спѣшили уничтожить. Однако жъ у Іудеевъ подобныя нравственные уроды, какъ кажется, оставались въ семействахъ. Вообще въ древности объясняли юрдивость, точно такъ же какъ и помѣшательство, сверхъестественными причинами. Суевѣріе видѣло одержимыхъ демономъ въ этихъ бѣдныхъ существахъ, которыхъ нравственные и умственные силы были скованы какою-то невидимою рукою.

Христіанству предстояла задача улучшить на землѣ участь слабыхъ. Но идиоты — слабые по преимуществу: имъ непременно нужна опора тѣхъ, которые живутъ вокругъ нихъ. Обыкновенно говорятъ о животныхъ, что кто-то за нихъ подумалъ, но съ идиотами это не всегда случается: часто бываетъ, что природа оказывается совершенно безъ всякой предусмотрительности въ ихъ отношеніи. Слѣдовательно, природа сама какъ-будто бы предоставила людямъ съ сердцемъ трудъ озаботиться объ этихъ болѣзненныхъ существахъ. Христіанство, въ средніе вѣки, пользуясь необъяснимостью, которая лежитъ въ основаніи умственныхъ недуговъ, и до-сихъ-поръ еще достаточно не постигнутыхъ, представляло идиота существомъ свыше избраннымъ, чтобы та-

кимъ образомъ защитить его отъ оскорбленій и обидъ, которымъ онъ подвергался. Въ средніе вѣка считался особенною милостью неба имѣть въ своей семьѣ одного изъ этихъ невинныхъ существъ, которыя возвращались къ Богу, не испытавъ еще горькаго плода званія: имъ даже дали наименование *кретинъ*, которое происходитъ отъ слова христіянинъ (по-русски — юродивый, убогий, Божій человекъ), чтобы сравнить его нравственное убожество съ тою простотою, которой Евангеліе обѣщаетъ царство небесное. Но когда разорвалась завѣса, которою покрывали кретинизмъ религіозныя понятія того времени, все физическое и нравственное уродство этого состоянія предстало во всей наготѣ. Тамъ, гдѣ бывшая времена видѣли скрытые знаки небснаго благословенія, повѣйшее общество нашло только постыдное униженіе. Часто родители доходили до такой степени безчувственности, что бросали юродивыхъ дѣтей въ лѣса, чтобы только избавиться отъ нихъ. Эти дѣти, предоставленныя одной силѣ своего инстинкта, принимали нравы дикихъ зрѣрей, которыми были окружены. Лѣтописи шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія полны разсказами объ этихъ дикаряхъ, которые въ то время возбуждали сильное любопытство. Конечно и тогда для нихъ открывались двери больницъ, потому что христіанство напечатлѣло неизгладимо въ сердцахъ человекъ уваженіе къ жизни, какъ бы уродлива ни была форма, подъ которой она проявляется, но все эти благодѣянія дѣлались съ какимъ-то отвращеніемъ. Юродивыхъ держали взаперти, имъ бросали пищу, какъ существамъ, лишеннымъ всякой искры разсудка и чувства, и такимъ образомъ погребенные за живо, идиоты въ самомъ дѣлѣ теряли въ этомъ совершенномъ уединеніи послѣдніе признаки челоуѣчности, которые природа еще оставила имъ.

Одна нравственная медицина могла измѣнить участь этихъ бѣдныхъ существъ. Нужно было явиться такому медику, который бы осмѣлился въ идиотѣ, въ этомъ уродливомъ не полномъ существѣ, увидѣть человекъ. Медикъ явился: это былъ докторъ Итаръ.

Итаръ былъ свидѣтелемъ успѣшнѣйшихъ Шибеля и аббата Сикара. Онъ видѣлъ, что умственные болѣзни исчезали, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, подъ влияніемъ воспитанія и нравственнаго леченія. Одно обстоятельство еще болѣе способствовало разсѣянію всѣхъ сомнѣній его на этотъ счетъ. Въ началѣ девятнадцатаго вѣка, въ лѣсахъ Ковны съ нѣкотораго времени замѣтили мальчика отъ одиннадцати до двѣнадцати лѣтъ. Онъ жилъ совершенно какъ дикій, ходилъ нагой и питался желудями и кореньями. Случайно

онъ былъ встрѣченъ охотниками, которые схватили его въ ту минуту, когда онъ взлѣзалъ на дерево, чтобы избавиться отъ ихъ преслѣдованій, и поручили его присмотру одной бѣдной вдовы, жившей въ сосѣдствѣ. Черезъ недѣлю дикарь убѣжалъ и снова скрылся въ горы. Однако жъ, черезъ нѣсколько времени онъ, по собственному уже побужденію, вошелъ въ одинъ домъ Сент-Сервенскаго кантона и оттуда былъ привезенъ въ Парижъ. Литература осемнадцатаго вѣка пустила въ ходъ дикарей, поэтому въ посѣтителѣхъ не было недостатка. Но что же увидѣли любопытные? Грязнаго мальчика, который кусалъ и царапалъ всѣхъ, кто къ нему ни подходилъ. Вскорѣ въ самомъ дѣлѣ интересъ, который возбуждалъ къ себѣ дикарь, мало-по-малу началъ охлаждать: въ это-то время несчастнаго мальчика увидѣлъ Итаръ, докторъ института глухонѣмыхъ, и предпринялъ возвратить его обществу.

Тогда медицина начинала принимать философскій характеръ: ей, слѣдовательно, предстояло начертать и планъ воспитанія этому странному существу, котораго и природа и обстоятельства, казалось, поставили внѣ всѣхъ общихъ законовъ. Итаръ дѣйствительно понялъ, что онъ не могъ приложить къ своему воспитаннику обыкновенной системы школьнаго образованія. Ему пужно было создать новую методу и онъ ее создалъ. Привязать авейронскаго дикаря къ общественной жпзни, возбудить въ немъ нервную раздражительность, расширить сферу его понятій, научить его употребленію слова,—вотъ въ немногихъ словахъ программа, которую предположилъ себѣ Итаръ. И для этого онъ сначала употребилъ всѣ усилія, чтобы расширить сферу физическихъ потребностей своего воспитанника и внушить ему стремленіе къ нѣкоторымъ удовольствіямъ, доставляемымъ цивилизаціею. Потомъ докторъ принялся за образованіе органовъ чувства и дикарь, который жилъ до-тѣхъ-поръ, какъ слѣпой и глухой между людьми, научился видѣть, слышать, различать запахи и разнообразныя ощущенія, производимыя осозаніемъ. Немногочисленныя усилія требовало отъ Итара его желаніе научить воспитанника своему употребленію слова, однако жъ онъ успѣлъ дать ему нѣкоторую идею о письменныхъ знакахъ. Все это достигалось съ большимъ трудомъ и требовало много времени. Иногда, напримѣръ, Итаръ думалъ, что дикарь имѣлъ общее понятіе о словѣ *книга*, но на самомъ дѣлѣ оказывалось, что тотъ прилагалъ это названіе только къ извѣстному тому, который находился въ его комнатѣ. Часто воспитатель совершенно

отчаявался въ своемъ воспитанникѣ и начиналъ сожалѣть о столькихъ бесполезно истраченныхъ попеченіяхъ и трудахъ. Но ничто не останавливало стоическаго терпѣнія доктора. Новый алхимикъ, онъ предпринялъ создать разумъ человѣка, но наконецъ долженъ былъ отступить передъ своимъ гигантскимъ намѣреніемъ. Онъ сдѣлалъ для дикаря все, что могло искусство, и если долженъ былъ остановиться, виною тому была самая природа несчастнаго идіота. Тѣмъ не менѣе начала, на которыхъ можно было создать воспитаніе идіотовъ, были положены: изученіе физиологическихъ свойствъ идіотства должно служить руководствомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обыкновенная метода оказывается недостаточною.

Въ началѣ девятнадцатаго вѣка другой знаменитый врачъ, Фодерѣ, обратилъ свои изысканія на кретиновъ, которые живутъ въ узкихъ долинахъ Альповъ. Кретинизмъ есть болѣзнь мѣстная, она зависитъ отъ дѣйствія вѣшнихъ обстоятельствъ, каковы напримѣръ, сырость или густота атмосферы. Въ гористыхъ странахъ онъ бываетъ наследственъ. Въ своемъ сочиненіи «о кретинизмѣ», Фодерѣ имѣлъ наиболѣе въ виду доказать влияніе климата на умственную силу человѣка. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ показывалъ возможность воспитанія для кретиновъ и не сомнѣвался, что ихъ можно сдѣлать полезными и улучшить даже ихъ положеніе, занимая полевыми работами и земледѣльческою промышленностью. Но вниманіе, возбужденное трудами Итара и Фодерѣ объ идіотствѣ, скоро угасло. Съ 1802 по 1824 годъ, явилось одно только сочиненіе, принадлежавшее молодому врачу, Бель'ому, въ которомъ авторъ, отвергая возможность совершеннаго излеченія идіотовъ, предлагалъ только средства къ улучшенію ихъ участи развитіемъ тѣхъ способностей, въ которыхъ еще не отказала имъ природа.

Только въ 1831 году появилось въ большомъ размѣрѣ практическое приложеніе воспитанія идіотовъ. Господинъ Фальрѣ устроилъ на свой счетъ, подъ надзоромъ одной наставницы, школу для осьмидесяти воспитанниковъ-идіотовъ. Результатъ былъ не одинаковъ для всѣхъ степеней юродивости, и успія доктора преимущественно обращались на тупоумныхъ, которые сохранили еще нѣкоторые проблески разсудка. И дѣйствительно ихъ разумъ, до-тѣхъ-поръ бесплодный и скованный, раскрылся къ принятію нѣкоторыхъ началъ элементарнаго воспитанія и, по справедливости, со времени попытки доктора Итара, это былъ значительный шагъ въ наукѣ леченія идіотовъ.

Около того же времени Бисетрская Больница сдѣлалась театромъ реформъ и попытокъ, въ которыхъ оказывалось стремленіе аналогическое съ усліями господина Фальре. Господинъ Феррю, главный медикъ, началъ съ того что отдѣлялъ идиотовъ отъ помѣшанныхъ, которые много вредили первымъ своею небузданною вспыльчивостію. Потомъ онъ сталъ присоединять ихъ къ группамъ работниковъ, которые воздѣлывали землю, и даже сдѣлалъ надъ нѣкоторыми юродивыми дѣтьми опытъ воспитанія, который не мало способствовалъ облегченію ихъ болѣзни. По слѣдамъ Феррю, Феликсъ Вуазенъ, нынче главный врачъ одного отдѣленія умалишенныхъ въ Бисетрѣ, утверждаетъ, что идиотство вовсе не во всѣхъ степеняхъ неизлечимо. Вуазенъ былъ приведенъ къ этому заключенію своими изысканіями въ области френологіи и практическимъ изученіемъ нервныхъ болѣзней. Подобно Штурцгейму, онъ раздѣлялъ всѣ способности человѣческія на три разряда: на инстинктивныя, нравственныя и умственныя, и допускалъ только частичныя поврежденія въ которой-либо изъ этихъ трехъ силъ. Такимъ образомъ, по его мнѣнію, человѣкъ, который долженъ бы назваться идиотомъ по отношенію къ одной отрасли знаній или искусствъ, — напримѣръ: рисованіе, математика, — вовсе не заслуживалъ этого названія въ другомъ отношеніи, и на оборотъ. Все его леченіе основывалось на этой философской идее и состояло въ томъ, чтобы угадать въ нравственной системѣ идиота ту сторону, которая была бы менѣе другихъ подвержена поврежденію, и въ такой мѣрѣ развить ее, чтобы чрезъ нее сдѣлать возможнымъ дѣйствіе на большаго вѣшняго міра и общества. По этому въ ортофреническомъ институтѣ, который основалъ Вуазенъ, принимались, кромѣ идиотовъ, всѣ вообще дѣти, которыя выходили изъ подъ общаго уровня, и становилась, по какому-нибудь случаю, выше или ниже обыкновенныхъ размѣровъ ума человѣческаго. Мысль эту основатель почерпнулъ изъ того, что даже природы, весьма щедро надѣленныя природой, по недостатку хорошаго направленія, очень часто обращаютъ всѣ свои силы противъ общаго порядка вещей и дѣлаются вредными членами общества. Къ этому ряду попытокъ, нельзя не прибавить опытовъ господина Сегена, помощника Вуазена въ больницѣ «Неизлечимыхъ». Этотъ докторъ, прежде чѣмъ приступилъ къ чему-нибудь, проникся трудами своихъ предшественниковъ: у Итара онъ занялъ идею образованія органовъ чувства; у Эскироля методу наблюденій, которыя должно дѣлать надъ умственно больными; у Лёрэ систему нравственнаго леченія. Съ этой

эрудиціей въ немъ соединился весьма изобрѣтательный умъ и необыкновенная сила воли. Первые опытки Сегена были довольно удачны. Онъ успѣлъ, черезъ пять или шесть мѣсяцевъ, развить, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже создать даръ слова у идіотовъ большаго « Непзвѣстныхъ », дать имъ понятіе, — конечно, весьма ограниченное, — о цвѣтѣ, количествѣ и плеснѣ.

Не находясь болѣе подъ пагубнымъ вліяніемъ враздности и удивленія, эти дѣти посвящали руководящую часть, свободную отъ ученія, и если еще не были, то, по крайней мѣрѣ, хотѣли быть полезными. Этотъ опытъ, конечно, не доставилъ наукѣ ни какого новаго результата, но тѣмъ не менѣе онъ внушилъ врачамъ болѣе увѣренности, что препятствія можно побѣдить.

И действительно, въ 1842 году, Главный Совѣтъ богоугодныхъ заведеній, свисходя къ настояніямъ двухъ главныхъ медиковъ Бисетра, господъ Вуазена и Лёра, которые уже съ давняго времени требовали воспитанія для забытаго почти класса несчастныхъ идіотовъ, постановилъ правила къ основанію для нихъ школы.

Вотъ въ нѣкоторыхъ чертахъ все, что до настоящей минуты было сдѣлано медициной въ пользу идіотства. Мы думаемъ, что здѣсь не лишнимъ будетъ сказать о самыхъ свойствахъ и прохожденіи этой болѣзни.

Между идіотствомъ и чисто физическими недугами есть рѣзкая черта, проведенная самою природою. При видѣ свѣжести и здороваго тѣлосложенія нѣкоторыхъ молодыхъ идіотовъ, мы не разъ неволью сравнивали это цвѣтущее здоровье съ болѣзненною старостью нѣкоторыхъ великихъ людей, на примѣръ, кардинала Ришелье, который, лежа на смертномъ одрѣ, диктовалъ еще законы вселенной. И мы всегда неволью давали предпочтеніе старости, потому что, покуда мозгъ здоровъ, разумное существо можетъ иногда страдать, но не можетъ пасть совершенно. Не приближается ли скорѣе идіотство собственно къ такъ называемымъ умственнымъ болѣзнямъ? Точно такъ же какъ и стьумасшедшіе, идіоты очень часто смѣшиваются съ тупоумными, и потому во мѣшаетъ указать на черты, которыя различаютъ ихъ. Если стьумасшедшаго можно опредѣлять словами Данте: «*She han perduto il ben dell'intelletto*» (люди, которые утратили благо разума), то идіота можно назвать существомъ, который никогда ничего не терялъ, потому что никогда ничѣмъ не обладалъ. Единственное видоизмѣненіе умалишенія, съ которымъ можно сравнивать идіотство, это безуміе. Нельзя и тутъ однако же не замѣтить

рѣзнаго различія, обнаруживающагося въ томъ, что безумный пользуется еще иногда возвратомъ въ некоторыхъ блѣдныхъ проблесковъ разсудка, тогда какъ идіотъ постоянно поверженъ въ вѣчную тьму, въ вѣчную ночь.

Въ идіотствѣ нужно различать два видоизмѣненія, основанныя только на различіи времени: иногда эта болѣзнь предшествуетъ рожденію, а въ другихъ случаяхъ является уже въ послѣдствіи времени. Въ первомъ случаѣ, по мнѣнію господина Сегена, является собственно такъ называемое идіотство; во второмъ тупоуміе.

Собраніе дѣтей-идіотовъ и тупоумныхъ представляетъ грустное зрѣлище. Эта немощь ведетъ за собою цѣлый рядъ недуговъ разума, сердца и тѣла. Чтобы представить себѣ какой-нибудь порядокъ въ этомъ беспорядкѣ, нужно бы подчинить идіотство одному общему плану, найти естественный законъ тамъ, гдѣ поправа всякая возможность закона. Мы думаемъ, что для того, чтобы получить какой-нибудь результатъ въ этомъ случаѣ, нужно показать рядъ сближеній между различными степенями этого недуга и другихъ аналогическихъ съ нимъ болѣзней.

И въ этомъ случаѣ, по видимому, происходитъ тоже явленіе, какъ и въ отступленіи отъ законовъ физическаго міра, гдѣ природа какъ будто бы отступаетъ назадъ и возвращается по давно пройденному уже пути. Идіотъ, на какой бы степени ни взяли мы его, всегда представляется намъ существомъ какъ-будто неоконченнымъ, какъ будто самое свойство его несовершенства имѣетъ необходимымъ послѣдствіемъ поставить его ниже той роли, которую онъ долженъ былъ бы играть на землѣ и въ обществѣ. И дѣйствительно, нѣтъ ни одного случая идіотства, котораго бы нельзя было подвести къ одному изъ слѣдующихъ трехъ состояній: состоянію дѣтства, различнымъ классамъ животнаго царства и наконецъ низкимъ классамъ человѣческихъ поколѣній.

Возвращеніе человѣка изъ породы бѣлыхъ къ физическимъ и нравственнымъ условіямъ низшихъ породъ составляетъ первую степень идіотіи, или иначе — тупоуміе. Никогда не было видно, чтобы Монголъ имѣлъ образъ мыслей, врожденныя способности, одинаковыя съ Французомъ или Итальянцемъ. Этотъ возвратъ къ низшей породѣ открывается даже въ самомъ цвѣтѣ кожи: кретины, тупоумные имѣютъ кожу грубую, оливковую, а иногда даже совсѣмъ коричневую. Волосы, по большей части, жестки и коротки, какъ у негровъ, иногда же тонки и рѣдки, какъ у Малайцевъ. Сжатый лобъ, сплюснутый у корня носъ, толстая гу-

бы, узкіе глаза, выдавшіяся впередъ скулы, вотъ характеристическія черты, которыя равно свойственны низшимъ породамъ человѣчества, какъ и тупоумію. Еще одно сближеніе. По мѣрѣ удаленія отъ кавказскаго типа, голова болѣе и болѣе вдавливается въ плечи, ноги и руки ставовятся длиннѣе и длиннѣе; ида такимъ образомъ, можно дойти наконецъ до обезьяны, въ которой эта непропорціовальность достигаетъ крайнихъ предѣловъ. Кретины и тупоумные тоже имѣютъ толстую и короткую шею и непропорціовально длинныя руки. Исторія сохранила намъ въ лицѣ Артарксеркса, котораго руки достигали колѣнъ, примѣръ одного изъ тѣхъ возвратовъ къ животному состоянію, которое и повныѣ очень часто случается въ азійскихъ породахъ.

Чувствительность у кретиновъ и тупоумныхъ весьма груба: они не боятся ни холоду, ни жару, ни мукъ физическихъ. Часто находили этихъ несчастныхъ, изъѣденныхъ крысами, и они, казалось, не имѣли ни какого сознанія боли и вовсе не жаловались на свое положеніе. Это физическое равнодушіе составляетъ еще точку сопрякосновенія между тупоумнымъ и человѣкомъ высшей породы. Деликатность нервовъ возрастаетъ въ человѣкѣ съ развитіемъ его умственныхъ силъ и уничтожается пропорціовально ослабленію ихъ. Жители нашихъ образованныхъ странъ никакъ не могли бы снести того ужаснаго обращенія, къ которому привыкли негры. Къ этой вялости ощущеній присоединяется, въ низшихъ породахъ, непреодолимая апатія къ труду и по этой-то причинѣ дикіе, равно какъ и тупоумные, прибѣгаютъ такъ часто къ горькимъ напиткамъ, чтобы возбудить въ себѣ какую-нибудь дѣятельность. У женщинъ дикихъ племенъ съ этимъ равнодушіемъ ко всему соединяется еще и необыкновенная легкость родовъ, почти безъ всякой боли. Тупоумныя женщины точно такъ же, какъ и дикія, рожаютъ безъ труда и безъ боли. У тѣхъ и у другихъ половыя истинкты развиваются чрезвычайно рано и сильно: часто тупоумныя до того сладострастны, что преслѣдуютъ безъ различія всѣхъ мужчинъ. Раздутость брюшныхъ полостей, отличительный признакъ низшихъ породъ, встрѣчается обыкновенно у тупоумныхъ и кретиновъ; большая часть изъ нихъ живетъ въ совершенной зависимости отъ пищеварительнаго органа и у всѣхъ этихъ несчастныхъ замѣчается непоимѣрная прожорливость. Одно изъ замѣчательныхъ уклоненій въ нервной системѣ идіотовъ есть безпрестанное покачиваніе всего тѣла то назадъ, то впередъ, то направо, то налѣво; въ дортуарахъ больницъ очень часто можно видѣть, какъ дѣти производятъ это механическое дви-

женіе. Это же движеніе свойственно и орангутангу. Самые звуки, которыми выражается идиотъ, напоминаютъ низшія ступени породъ человѣчества. Идиотъ, который не имѣетъ дара слова, выпускаетъ по временамъ однообразные гортанные звуки, которые имѣютъ близкое сходство съ произношеніемъ, свойственнымъ въ-которымъ зоіопскимъ языкамъ.

Но если въ кавказскомъ поколѣніи тупоуміе означаетъ возвратъ къ низшей породѣ, каковъ же долженъ быть характеръ идиотства въ людяхъ, поставленныхъ на низшія ступени человѣчества? Путешественники передали намъ весьма много замѣчательныхъ фактовъ объ этомъ предметѣ. Изъ нихъ мы видимъ, что у дикихъ народовъ идиоты вовсе не такъ рѣзко отличаются отъ массы народонаселенія. Идиотство—немошь, свойственная царю творенія уже не существуетъ для животныхъ: чѣмъ ниже уровень общества, тѣмъ менѣе замѣтны частныя неровности умственной силы. И такъ, если между дикими существуетъ тупоуміе, то оно уже приближается ко второй степени идиотства—которую мы и намѣревы описать.

Мы видѣли въ тупоумномъ всѣ признаки низшей породы; въ *идиоты* встрѣтимъ еще болѣе печальное сходство: человѣкъ является даже не подобнымъ, а какъ-будто фантомомъ звѣря. Здѣсь въ-особенности проявляется обратное шествіе природы во всей его мрачной энергіи. Съ трудомъ можно найти въ различныхъ слояхъ животнаго царства что-либо аналогическое съ этими странными существами. Есть идиоты, до которыхъ дотрогиваются, которыхъ бьютъ, и они не чувствуютъ, и даже не подозреваютъ этого: до такой степени тупо у нихъ осязаніе. Докторъ Фовиль сохранилъ, въ спиртѣ, руку идиотки; это была, собственно говоря, не рука, а лапа; пальцы, почти вовсе необозначенные, были сбиты въ одну сплошную массу. Вообще степень уродливости рукъ, въ идиотахъ, по большей части совершенно соотвѣтствуетъ степени уродливости черепа. У нѣкоторыхъ идиотовъ, чувствительность до такой степени огрубѣла, что они кажутся погруженными въ состояніе постоянной инерціи, которая свизводитъ ихъ до моллюска: неспособные ни къ какому движенію, они не могутъ даже протянуть руки, чтобы взять свою пищу; не въ состояніи выразить ни какого желанія. Такія существа, умершія для разсудка, для чувства, для виѣшнихъ впечатлѣній, живутъ, какъ устрица, по какому-то темному, нелсному инстинкту. Это растительное прозябаніе свидѣтельствуетъ, на

ступеняхъ идиотства, какъ и всего вообще творенія, послѣднюю степень жизни; это переходъ отъ растенія къ животному.

И это сходство съ животными низшаго разряда не ограничивается въ идиотѣ только отдѣльными, частными чертами: оно составляетъ всю сущность, главное условіе его жизни. Бѣргавъ приводитъ въ примѣръ одного идиота, въ Голландіи, который жилъ среди стада дикихъ козъ, заимствовалъ отъ нихъ всѣ привычки, всѣ наклонности и даже бѣгалъ, какъ онѣ. Уже давно всѣмъ извѣстно, что дѣти идиоты чрезвычайно охотно подражаютъ крику разныхъ животныхъ, какъ напримѣръ: вѣщую пѣтуха, бѣбяню барана, рычанью шакала и тому подобное. Одна одиннадцатилѣтняя идиотка походила на овцу не только бѣбянемъ, но даже формами головы, смиреннымъ характеромъ, употребленіемъ исключительно одной растительной пищи и наконецъ черною шелковистою шерстью, которая покрывала ея тѣло. Въ идиотахъ часто замѣчаются даже до высшей степени утонченные инстинкты, которые составляютъ отличный характеръ извѣстныхъ породъ животнаго царства. У нѣкоторыхъ дѣтей идиотовъ чутье развито въ такой же степени, какъ и у молодыхъ щенковъ; другіе, какъ сороки, оказываютъ рѣзкую склонность утаивать куски сыра, стекла и тому подобное.

Наконецъ часто идиотство изображаетъ собою тѣ фазисы, черезъ которые проходитъ человѣкъ прежде рожденія или въ годы своего дѣтства: здѣсь третья и послѣдняя степень этого феномена. Нервная система, которая представляетъ въ человѣкѣ какъ бы матеріальный элементъ для разума, погибаетъ тутъ въ самомъ зарожденіи, а съ нею вмѣстѣ исчезаетъ всякое движеніе, всякая чувствительность. Это искаженіе главнаго источника нашей умственной дѣятельности постигаетъ идиота на большей или меньшей степени формации его организма до рожденія. Во всякомъ случаѣ это скорѣе матеріалъ для образованія человѣка, нежели самый человѣкъ. Какъ въ зародышѣ (foetus) элементы жизни, такъ въ идиотѣ элементы разума находятся въ раздробленномъ, безсвязномъ состояніи; каждое отправление обособляется, каждый органъ стремится привлечь къ себѣ одному излишекъ дѣятельности. Совершенный хаосъ составныхъ стихій, борьба всѣхъ элементовъ организаціи — вотъ характеръ формации человѣка; онъ же составляетъ и принадлежность идиота. Господинъ Серръ, изслѣдовавшій въ подробности законы эмбриологіи, говоритъ, что въ началѣ двѣ половины человѣка существуютъ отдѣльно и только въ послѣдствіи времени они соединяются вмѣ-

ду собою, и если это соединеніе будетъ прервано прежде рожденія, то выйдетъ замѣчательное явленіе физическаго уродства. Нѣкоторые феномены идиотства напоминаютъ собою эту двойственность эмбриона. Одинъ идиотъ, около сорока лѣтъ отъ роду, бывшій въ заведеніи доктора Бельома, принималъ всѣ впечатлѣнія по парно: если у него болѣла одна нога, онъ теръ себѣ другую. Однажды бревно упало ему на правую ногу; онъ поднялъ его и ударилъ имъ лѣвую. Чрезвычайно любопытно было бы знать, существуетъ ли эта первоначальная двойственность у новорожденныхъ дѣтей, или она исчезаетъ вмѣстѣ съ прогрессомъ жизни?

И такъ мы видѣли, что немощи ума имѣютъ свои различныя степени. Человѣкъ, то останавливается на условіяхъ жизни животной и эмбриологической, то подходитъ къ нижнимъ ступенямъ человѣческихъ породъ: въ двухъ первыхъ случаяхъ является идиотство; въ послѣднемъ — тупоуміе. Но на самомъ дѣлѣ это тройное явленіе умственныхъ немощей не болѣе какъ видоизмѣненіе одного и того же факта: неоконченности въ созданіи. Собственно говоря, идиотство представляетъ собою одно всеобщее явленіе: умственное и нравственное искаженіе всѣхъ стихій жизни, начиная отъ человѣка кавказскаго племени, который состоитъ во главѣ бытія и кончая самыми низкими, самыми темными слоями творенія.

Причины, останавливающія въ человѣкѣ развитіе умственныхъ способностей, двоякаго рода: одніе предшествуютъ рожденію дитяти, другія поражаютъ уже совсѣмъ сформированнаго ребенка. Первые общи какъ идиотству, такъ и тупоумію.

Разсмотримъ сперва причины, предшествующія рожденію. Нравственное состояніе матери во время беременности оказываетъ не мало важное вліяніе на искаженіе умственныхъ силъ новорожденнаго. Испугъ, сильная печаль, внезапный страхъ немедленно отдаются въ эмбрионъ и такимъ образомъ въ самомъ началѣ поражаютъ работу природы. Изъ наблюденій, которыя дѣлались въ послѣднее время въ Бисетрѣ, оказывается, что большая часть дѣтей тупоумныхъ и идиотовъ были зачаты въ состояніи опьянѣнія. Господинъ Сегенъ увѣряетъ, что между его воспитанниками были многіе, которые родились на бойнѣ. Одна изъ причинъ идиотства дѣтей состоитъ въ томъ, что часто не даютъ отдыха, необходимаго для воспроизводительной силы женщины. Древніе предписывали кормить младенца грудью отъ двухъ до трехъ лѣтъ, чтобы дать время укрѣпиться воспроизводительной силѣ;

между идиотами встрѣчаются часто тѣмѣ, которые рождены по сибтъ не болѣе какъ черезъ десять мѣсяцевъ послѣ предшествовавшихъ родовъ.

Другая важная причина идиотства в тупоуміа—забвеніе физиологическихъ законовъ, которые должно бы было наблюдать при соединеніи половъ. На землѣ существуютъ организаціи, которыя весьма удобно соединяются, и есть такія, которыя, по самой однородности свойствъ своихъ, вовсе неспособны къ такому соединенію. Совершенное отсутствіе дѣтей, или, что еще хуже, отсутствіе разума въ плодѣ такого соединенія,—вотъ печальное послѣдствіе неосторожнаго брака. Отсутствіе разнообразія въ соединеніяхъ также нерѣдко бываетъ пагубно. Древніе дворянскіе роды именно потому и упали, что искали брачныхъ союзовъ въ одномъ и томъ же тѣсному кругу.

Большая часть приведенныхъ нами причинъ дѣйствуетъ непосредственно на мозгъ ребенка. Докторъ Галль изыскалъ идиотство особенно узкостью черепа. Этотъ взглядъ вѣрнѣ только по отношенію къ самымъ низкимъ ступенямъ идиотства. Лёлю, противникъ Галля, доказалъ, что весьма часто, при совершенномъ умственномъ разстройствѣ челоуѣка, черепъ не бываетъ примѣтно искаженъ. Заблужденіе френологовъ имѣло въ томъ и состоитъ, что они всѣ явленія объясняютъ устройствомъ мозга и ни какъ не хотятъ признать возможности вліянія второстепенныхъ причинъ, которыя заключаются въ другихъ системахъ животной и растительной жизни.

Послѣ причинъ, предшествовающихъ рожденію, мы должны сказать нѣсколько словъ о тѣхъ, которыя дѣйствуютъ на ребенка уже сформированнаго. Всѣ эти причины тѣсно связаны съ воспитаніемъ. Дурное обращеніе, скудная пища, нездоровое помѣщеніе весьма часто, въ бѣдныхъ классахъ, способствуютъ развитію тупоумія. Первые попеченія, даваемые повивальной бабкой поворожденному, имѣютъ часто самое пагубное вліяніе на умственные силы его. Уродливость головы весьма часто вовсе не бываетъ твореніемъ природы, а слѣдствіемъ неосторожнаго обращенія съ поворожденными. Дикія породы всегда, при рожденіи, имѣютъ обыкновеніе сплющивать лобъ младенцевъ; даже въ нѣкоторыхъ провинціяхъ Франціи господниъ Фовиль замѣтилъ особую прическу, которая способствовала много къ искаженію органа мысли. Но кромѣ механическаго искаженія или сплюснутія черепа, въ органѣ этомъ существуетъ какая-то тайная сила

суживаться и сплющиваться самимъ собою. Иногда дѣтя рѣдятся въ полной силѣ умственныхъ способностей, съ успѣхомъ занимается науками, и вдругъ, въ извѣстномъ возрастѣ, всѣ эти блестящія способности исчезаютъ и юноша впадаетъ въ совершенное нравственное оцѣпенѣніе. Этотъ фактъ весьма часто является въ низшихъ породахъ челоуѣка. Дѣти американскихъ народовъ, до шестнадцати или семнадцати лѣтъ, показываютъ нѣкоторыя умственныя способности, но около двадцатаго года внезапно открывается ихъ совершенное тупоуміе: они забываютъ все, что до того времени выучили, и дѣлаются неспособными ни къ какому воспитанію.

Если мы сойдемъ къ царству животному, то встрѣтимъ тотъ же страннѣйшій феноменъ. Обезьяны всѣ вообще рождаются съ одинаковою суммою способностей, но нѣкоторыя изъ нихъ вдругъ останавливаются и даже все болѣе и болѣе упадаютъ; тогда какъ другія постоянно сохраняютъ на своей сторонѣ превосходство.

Изысканіе причинъ, которыя порождаютъ столь горестное явленіе, необходимо рождаетъ практическій вопросъ: какое средство существуетъ противъ этого искаженія мозга и всѣхъ умственныхъ силъ? И здѣсь мы не можемъ выйти изъ подъ вліянія, оказываемаго воспитаніемъ. Обращая умъ воспитанника къ дѣятельности, развивая въ немъ рассудокъ, можно бы предупредить въ ребенкѣ возможность умственнаго расстройства. Настоящее воспитаніе, вмѣсто того, чтобы препятствовать распространенію тупоумія, какъ будто бы поощряетъ его неумѣренными упражненіемъ памяти и способностей болѣе блестящихъ тѣмъ основательныхъ и необходимыхъ. Есть много дѣтей, которыя почитаются необыкновенными явленіями потому только, что обладаютъ нѣкоторою поверхностною смышленостью, и которыхъ воспитаніе окончательпо убиваетъ, развивая эти суетныя способности въ ущербъ рассудку. Но гордость родителей скоро получаетъ жестокий и заслуженный ударъ: глубокий, упорный, вѣчный сонъ слѣдуетъ часто за этимъ лихорадочнымъ развитіемъ способностей. Есть еще другаго рода факты, показывающіе гибельное вліяніе воспитанія: бывали примѣры, что матери сами отдѣляли своихъ дѣтей отъ всего живущаго, лишали ихъ всякой возможности приобрести какія-либо познанія и такимъ образомъ сами производили въ нихъ искусственное пѣтство. Но должно надѣяться, что съ распространеніемъ просвѣщенія, такіе неутѣшительные факты будутъ случаться рѣже и рѣже, и материнское чувство во всѣхъ классахъ общества станетъ на ту сте-

цель чистоты, съ которой оно никогда не должно бы было сходить.

Второе средство къ уничтоженію страшнаго зла, которое служить предметомъ нашей статьи, есть устройство Больницъ для страдающихъ умственнымъ разстройствомъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе мѣръ, которыя по настоящее время были принимаемы въ различныхъ государствахъ къ лучшему устройству тѣхъ богоугодныхъ заведеній, мы полагаемъ однакоже, что читателю будетъ интересно, въ заключеніе, узнать устройство Бисетрской Больницы, въ Парижѣ, которая въ настоящее время признается всеми врачами за образцовую.

Всякій, кто только былъ въ Парижѣ, безъ сомнѣнія, знакомъ съ этимъ ирачнымъ зданіемъ, котораго главный фасадъ выходитъ на улицу Фонтенблѹ. На воротахъ его написано: «Пріютъ старости (для мужчинъ)». И дѣйствительно, въ этомъ убѣжищѣ немощей и недуговъ принимаютъ на излеченіе и стариковъ и умалишенныхъ, развалины времени рядомъ съ развалинами разума. Войдите: вы видите передъ собою страшное зрѣлище всякаго рода страданій; каждый изъ этихъ людей, которые ходятъ въ сѣрыхъ сюртукахъ вдоль по аллеямъ, имѣеть, по крайней мѣрѣ, семьдесятъ лѣтъ, и то однимъ ужаснѣйшимъ недугомъ одолженъ своимъ припятіемъ въ больницу, которой двери, по существующему правилу, отворяются только для осмидесятилѣтнихъ стариковъ. Населеніе Бисетра простирается до трехъ тысячъ человѣкъ; это настоящій городъ, который ежедневно потребляетъ тысячу бочекъ воды, отъ трехъ до четырехъ быковъ шесть барановъ и одного теленка, — и на который каждую недѣлю моется до осмидесяти тысячъ штукъ бѣлья. Странна судьба этого зданія! Оно по очереди вмѣщало въ себя епископовъ, королей, принцевъ крови и умалишенныхъ. При Людовикѣ Тринадцатомъ вмѣщалось въ немъ командорство святаго Людовика, служившее убѣжищемъ офицерамъ и солдатамъ, раненымъ на полѣ сраженія: Людовикъ Четырнадцатый, не находя этого жилища достойнымъ развалинъ своихъ побѣдъ, воздвигнулъ знаменитый Домъ Инвалидовъ и зданіе Бисетра было обращено въ больницу для нищихъ. Замѣчательно, что прежде этого времени Бисетръ былъ извѣстенъ подъ именемъ: *Притонъ бродягъ*.

Нынешніе жилища Бисетра занимаютъ самую отдаленную часть его. Въ 1802 году, залы Hôtel-Dieu, гдѣ до того времени томились умалишенные подъ предломъ излеченія, опустѣли, и больные были переведены въ Бисетръ. Съ этихъ поръ начинается

рядъ улучшеній, которыми подверглись въ послѣднее время подобнаго рода заведенія. Прежнія, нечистыя комнаты, въ которыхъ, со времени Людовика-Четырнадцатаго, страдали несчастные заключенники, были оставлены, и старый Бисетръ принявъ совѣтъ иной видъ; въ особенности пзмѣнилось отдѣленіе умалишенныхъ, которое до того времени было самое пустынное и неопрятное. Пыльце комнаты больныхъ носятъ характеръ простоты и опрятности, приличной ихъ назначенію: дубовыя кровати, паркетный полъ, двѣ двери, изъ которыхъ одна ведетъ въ теплый корридоръ, составляютъ принадлежность этихъ уединенныхъ келій. Горячая рубашка связываетъ руки опасныхъ сумасшедшихъ и отнимаетъ у нихъ средства вредить себѣ, хотя и не препятствуетъ движенію.

Докторъ Пинель первый замѣтилъ какую выгоду доставляетъ ручная работа, какъ средство развлеченія для сумасшедшихъ, но онъ умеръ, не успѣвъ исполнить свой планъ. Господамъ Феррю и Маллоу, бывшему въ 1827 году директоромъ Бисетра, предстояла слава исполнять этотъ смѣлый проэктъ. Сначала работы были устроены въ маломъ размѣрѣ и ограничивались уравниваніемъ земли на дворахъ больницы, но успѣхъ заставилъ Маллона организовать ихъ на большую ногу. Опъ получилъ дозволеніе правительства, чтобы всѣ земли, которыя принадлежали больницѣ и отдавались до тѣхъ поръ въ наемъ, поступили вновь, по мѣрѣ истеченія контрактныхъ сроковъ, въ непосредственное управленіе Бисетра, и съ этихъ поръ несравненно большее число больныхъ могло быть употребляемо на полевые работы.

Въ 1832 году, для этой же цѣли, была пріобрѣтена Маллономъ ферма Святой Анны, въ которой предполагалось помѣщать выздоравливающихъ. Ферма эта была въ самомъ плачевномъ состояніи: земли ея были или вовсе необработаны, или, по самой неровности почвы, представляли большое затрудненіе къ обработкѣ, но подъ руками умалишенныхъ все приняло иной видъ: полуразвалившіяся стѣны возстали вновь, поля обработались и въ настоящее время любопытный посѣтитель удивится, глядя на умалишенныхъ съ рабочими инструментами въ рукахъ. И эти инструменты никогда еще не были обращены на что-либо другое, кромѣ своего назначенія. Какъ будто бы, дѣйствительно, трудъ вмѣстѣ въ себѣ какую-то тайную, смиряющую силу. Каждое утро отправляется изъ Бисетра нѣсколько группъ, отъ пятнадцати до двадцати человѣкъ каждая, къ различнымъ пунктамъ работъ. Побѣгъ, при всей легкости ихъ, случается

гораздо рѣже въ поляхъ чѣмъ въ Бисетрѣ. Тѣ, которымъ слабость здоровья не позволяетъ отлучаться изъ больницы, занимаются рукодѣліемъ въ самомъ зданіи ея и трудъ, вовсе не отращая отъ себя больныхъ, напротивъ того получаетъ для нихъ нѣкоторую привлекательность и даже служитъ имъ развлеченіемъ.

Съ экономической точки зрѣнія, обработываніе фермы Святой Анны руками умалшенныхъ представляетъ значительныя выгоды: рапортъ медицинской комиссіи утверждаетъ, что чистый доходъ, 1838 года, отъ работъ умалшенныхъ простирался до пятидесяти тысячъ франковъ. Каждый больной за свой трудъ получаетъ небольшое вознагражденіе, часть котораго откладывается для составленія капитала, который выдается больному по его выздоровленіи.

Въ прежнее время бисетрскіе больные обѣдали каждый отдѣльно и эта уединенность, безъ сомнѣнія, поддерживала въ нихъ душевное раздраженіе. Господинъ Лёрэ, и передъ нимъ господинъ Феррю, положили предѣлъ этому уединенію. Въ Бисетрѣ устроили общую столовую и для перваго опыта выбрали только семьдесятъ больныхъ, которые были раздѣлены на семь группъ, по десяти человекъ въ каждой. Лёрэ назначилъ одного больного старшимъ и поставилъ ему въ обязанность собирать своихъ товарищей, наблюдать, чтобы каждый изъ нихъ снималъ шапку при входѣ въ столовую и умывалъ себѣ руки. вмѣстѣ съ тѣмъ докторъ приказалъ не допускать ни одного прислужника къ этому обѣду и даже не разрѣзывать кушаньевъ, чтобы все дѣлалось свободно, само собою.

Мы впрочемъ думаемъ, что лучшая система возвратитъ больного къ разсудку состоятъ въ томъ, чтобы приводить его какъ можно чаще въ соприкосновеніе съ большою массою людей. Необходимо пужо поразить больного картиною дѣйствій, совершенно противныхъ его собственнымъ, чтобы онъ сильнѣе почувствовалъ свое уединеніе и слабость и принудилъ бы себя перемѣниться.

Одинъ бисетрскій сумасшедшій долгое время томился въ постели, отказываясь отъ пищи и не хотѣлъ работать. Его стащили съ постели, одѣли и два прислужника повели его подъ руки въ садъ, гдѣ нѣсколько больныхъ были заняты уравниваніемъ земли. Для того, чтобы заставить упрямаго принять участіе въ работахъ, сумасшедшихъ заставили переносить камни съ одного мѣста на другое и устроили этотъ маневръ такимъ образомъ, чтобы больные составляли непрерывную цѣпь, въ которую помѣстили и несчастнаго, о которомъ мы говоримъ. Когда съобѣдъ

передавалъ ему камень, онъ смотрѣлъ на него, улыбался и черезъ нѣсколько минутъ бралъ этотъ камень и передавалъ его другому. Въ это время докторъ приказалъ принести работникамъ обѣдъ, и больной, приглашенный своимъ сосѣдомъ, безъ принужденія идетъ къ своей чашкѣ и ѣсть почти столько же, какъ и другіе. Точно такъ же поступили и съ впномъ. Когда дошла очередь до больного, онъ нѣсколько задумался, но какъ стаканъ одинъ для всѣхъ, онъ видитъ, что заставляетъ ждать товарища, который за нимъ слѣдуетъ и выпиваетъ вино. Такимъ образомъ мало-по-малу больной приучился къ обществу и не сталъ уже такъ упорно требовать уединенія.

Еще одинъ примѣръ въ доказательство пользы общественнаго леченія. Одна женщина, уже около двѣнадцати дней, отказывалась отъ всякой пищи; объ этомъ увѣдомляютъ ее родственниковъ, и вотъ въ одно утро всѣ родные больной входятъ въ ея комнату и увозятъ ее въ Версаль. Тамъ всѣ вмѣстѣ дѣлаютъ маленькую прогулку и, проголодавшись, входятъ въ ресторацію и спрашиваютъ завтракъ. Больная садится вмѣстѣ съ другими, ей подають кушанье, котораго она сначала не хочетъ ѣсть, но потомъ, увлеченная примѣромъ, дѣлаетъ также какъ и другіе, и съ-этихъ-поръ уже никогда не отказывается отъ пищи.

Въ числѣ улучшеній и реформъ, произведенныхъ въ послѣднее время въ Бисетрѣ, мы не можемъ не упомянуть о школѣ для сумасшедшихъ, принадлежащихъ болѣею частью къ бѣдному классу. Весьма замѣчательно, что у большей части больныхъ, при совершенномъ уничтоженіи почти всѣхъ способностей, всегда остается одна, которая достигаетъ значительнаго развитія. Въ числѣ воспитанниковъ этой школы, одинъ мальчикъ въ-особенности отличался своими дарованіями къ живописи: онъ былъ почти совершенно лишенъ всякой искры разсудка.

Кромѣ того, Лёрэ съ успѣхомъ употребляетъ чтеніе вслухъ, по-очередно всѣми большими. Въ-особенности комедіи производятъ на нихъ сильное впечатлѣніе и верѣдко сумасшедшіе разныгрываютъ цѣлыя пьесы и даже весьма цѣлурно. Недавно блистательный примѣръ доказалъ вліяніе театра на умственно-разстроенныхъ. Актеръ перваго французскаго театра въ Парижѣ, Мюрозъ, долгое время былъ жертвой этого страшнаго недуга. Онъ вышелъ на сцену въ припадкѣ самаго ужаснаго сумасшествія; но едва только появился онъ передъ публикою, прежнее его остроуміе и веселость возвратились и онъ исполнилъ роль

Фигаро настолько не хуже вражяго, но даже превзошел самого себя.

Когда вы посѣщаете Бисетръ, до васъ шерѣдко долетаютъ звуки концерта. Войдите въ этотъ обширный залъ и вамъ представится трогательное зрѣлище: слѣпые и сумасшедшіе сидятъ на скамейкахъ; слѣпые играютъ на различныхъ инструментахъ, а сумасшедшіе аккомпанируютъ имъ голосами. Музыка давно употребляется какъ средство для леченія умственныхъ разстройствъ, но никогда до-сихъ поръ сами больные не принимали дѣятельнаго участія въ концертахъ. Въ Бисетръ треть уменьшенныхъ занимается пѣніемъ, остальные слушаютъ, но и тѣ и другіе показываютъ усиленное вниманіе. Живыя и бравурныя аріи оказываютъ на несчастныхъ и въ-особенности на идиотовъ больше вліянія нежели чувствительныя. Одинъ извѣстный оперный артистъ попробовалъ пѣть въ концертѣ сумасшедшихъ. Нужно было видѣть напряженное вниманіе, которое выразилось на всѣхъ этихъ тупыхъ лицахъ, которымъ, кажется, недоступно ни какое впечатлѣніе.

Въ настоящее время Бисетръ имѣетъ учителя танцованія: этотъ учитель — старый танцмейстеръ, въ-состояніи помѣшательства. Его взяли въ то время, когда онъ дѣлалъ скачки на галереѣ Одеона.

Но слѣды, оставленные временами невѣжества и варварства въ леченіи уменьшенныхъ, не совсѣмъ еще исчезли. Въ Бисетръ до-сихъ-поръ существуетъ отдѣленіе, въ которомъ какъ въ тюрьмѣ, запираются всѣ опасные сумасшедшіе. Одинъ изъ нихъ, утѣрившись въ невѣрности своей любовницы, какъ Отелло убилъ ее въ порывѣ ревности; другой изрубилъ свою жену на маленькіе кусочки, третій зарѣзалъ въ дилижансѣ двухъ путешественниковъ.... Большая часть этихъ несчастныхъ были подвергнуты строгимъ наказаніямъ, въ-которые даже работали уже на галерахъ и оттуда только были освобождены по свидѣтельству медиковъ. Докторъ Воазенъ посвятилъ много трудовъ изученію тюремъ и узналъ изъ своихъ изысканій, что большая часть преступниковъ — люди съ пагубнымъ воспитаніемъ, съ ограниченными умственными способностями, у которыхъ разсудокъ и чувство совершенно подчинены животнымъ инстинктамъ. Но когда равновѣсіе нарушено подобнымъ образомъ, человекъ исчезаетъ, остается только животное, отъ дѣйствій котораго смѣшно было бы требовать воли. Воазенъ утверждаетъ, что изъ двадцати-пяти-тысячъ человекъ, которые населяютъ галеры, по крайней-мѣрѣ двадцать-три-

тѣмъ же носить на себѣ печать кельской или покаянной организаціи. Сердце челоуѣка возмущается при видѣ преступника и несчастнаго сумасшедшаго, разбойника и пидюга, поставленныхъ рядомъ подъ однимъ и тѣмъ же ударомъ правосудія.

ПЕРВЫЙ УЧЕБНЫЙ ПАНСИОНЪ НА ВАСИЛЬЕВСКОМЪ ОСТРОВУ.
Объ этомъ заведеніи помѣщены довольно любопытныя подробности въ автобіографіи знаменитаго Августа Людвигъ Шлѣцера, который былъ тутъ учителемъ исторіи и языковъ. Этотъ пансионъ учредилъ собственно для своихъ тропкъ сыновей извѣстный русскій вельможа, графъ Р..., по вмѣстѣ съ его дѣтьми здѣсь же обучался еще три мальчика, дѣти извѣстнѣйшихъ фамилій. Шлѣцеръ, вызванный въ Петербургъ академикомъ Миллеромъ, былъ сначала въ крайне затруднительныхъ обстоятельствахъ и уже нѣсколько разъ безъ успѣху просилъ позволенія ѣхать обратно въ Германію. Въ судьбѣ его принялъ живое участіе тогдашній секретарь академіи, Таубертъ, и по его рекомендаціи, онъ получилъ въ заведеніи богатаго вельможи такое мѣсто, которое впоследствии помогло ему окончателно выбиться изъ ничтожества и даже занять самую должность академика по русской исторіи. О времени, прожитомъ въ пансионѣ, Шлѣцеръ съ живымъ удовольствіемъ вспоминалъ и въ глубокой старости, и описаніе этой эпохи его жизни составляетъ въ его автобіографіи, изданной въ 1802 году, самую интересную часть.

«Гувернеромъ въ этомъ пансионѣ, говоритъ Шлѣцеръ, былъ нѣкто мосье Bourcier, французскій лакей, но лакей грамотный, который правильно писалъ на своемъ языкѣ, и много читалъ. При немъ было три учителя, которые въ этомъ же домѣ имѣли квартиру и столъ: полу-ученый іезуитскій воспитанникъ изъ Вѣны, академическій адъюнктъ Румовскій, преподававшій математикъ, и я. Другіе учителя приходили со стороны и давали уроки по часамъ. Мы, иностранцы, всѣ должны были преподавать на французскомъ языкѣ, потому что воспитанники еще не понимали по-нѣмецки. Хозяйственною частью завѣдывалъ дворецкій, молодой плутоватый Нѣмецъ, котораго впрочемъ скоро согнали. Столъ былъ графскій и, во время постовъ, раздѣлялся на двѣ половинны. Для опыту я присталъ къ православной половинѣ и хотѣлъ вмѣстѣ съ Русскими соблюдать всѣ посты. Впрочемъ нашъ постъ не взвурялъ плотн: отличная рыба съ разнообразной приправой, разные сорта печенья съ прованскимъ масломъ, миндальное молоко къ кофе: все это могло понравиться и самому прихот-

лѣвому ѡбществу. И однажды зѣ на пятый день я схватилъ лихорадку и долженъ былъ прекратить свой пость. Въ нашомъ распоряженіи были два экипажа, одна коляска для графовъ, другая для насъ, учителей, но для порядку мы всегда должны были напередъ сказываться гувернеру. Я жилъ въ нижнемъ этажѣ, въ двухъ большихъ комнатахъ, а насупротивъ меня мой товарищъ, Румовскій. На содержаніе этого заведенія, какъ я слышалъ, отпускалось ежегодно десять тысячъ рублей, но я не понимаю, какъ могло достать этой суммы.

«И за все приволье, какимъ я въ этомъ домѣ пользовался, мнѣ слѣдовало заниматься всего только шесть часовъ въ недѣлю. Чудесная была жизнь: всѣ мы были молоды, веселы, жили согласно. Во всемъ домѣ не было ни одной дамы, но приличія соблюдалось строго. Изъ шести воспитанниковъ двое особенно были рѣзвы, но гувернеры могли ихъ усмирить и рѣдко жалобы доходили до высшей инстанціи, до Тауберта. Разъ, когда одинъ изъ мальчиковъ, слишкомъ часто началъ спрашивать — *est-il noble?* и отвѣчать, *mais il n'est pas noble*, мы, учителя, сговорились и выпросили у Тауберта позволеніе сдѣлать этому баричу такое точное наставленіе, которое совершенно вылечило маленькаго аристократа.

«Къ намъ приставили цѣлую толпу слугъ, которые большею частью были крѣпостные люди отцовъ нашихъ воспитанниковъ. У нихъ не было кроватей и ночью они спали просто на полу, на рогожкахъ или овчинныхъ тулупахъ, а зимой на печи. Держали впрочемъ и двухъ свободныхъ Нѣмцевъ: это было тогда въ модѣ въ большихъ домахъ. Нѣмецкій лакей стоилъ втрое дороже русскаго, но онъ велъ себя опрятнѣе и аккуратнѣе, да при томъ дѣлалъ втрое больше крѣпостнаго.

«Одинъ изъ этихъ Нѣмцевъ, не знаю по какому поводу, сошелъ съ ума. Люди должны были связать его, и какъ при этомъ случаѣ поступили безъ жалости, то съумасшествіе превратилось въ бѣшенство. Моя только слова могли усмирить несчастнаго и по этому меня не разъ призывали къ бѣдному земляку. Стоило мнѣ поговорить съ нимъ попріятельски нѣсколько мнпуть и несчастный, если не дѣлался умнѣе, зато по крайней мѣрѣ не бѣсновался, и я каждый разъ приказывалъ его развязывать. Но лишь только я уходилъ, съумасбродъ бѣсновался снова и снова его связывали. Зачѣмъ же, спрашивается, не отправили его въ домъ умаллишенныхъ? Да затѣмъ, что въ Петербургѣ еще не было такого заведенія. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ стали ду-

мать объ учрежденіи дома умалишенныхъ. Сенатъ обращался къ академіи съ требованіемъ плацетъ для иностраннаго академія, но академія не могла дать удовлетворительнаго отвѣту. Когда, въ 1765, я получилъ первое позволеніе отправиться за границу, мнѣ между прочимъ было поручено собрать свидѣнія объ устройствѣ такихъ заведеній. Тихомолкомъ, но добросовѣстно старался я исполнить это порученіе и собралъ много свидѣній изъ Любока, Нюрнберга и Пюрцгейма.

«Ни одного дома умалишенныхъ въ городѣ, который тогда считалъ уже болѣе ста-тысячъ жителей?—Къ этому присоединилось еще большое неудобство: въ случаѣ смерти иностранца, полиція не принимала ни какихъ мѣръ къ обезпеченію его вещей, и все имѣніе, большое или малое, переходило въ руки его знакомцевъ, то есть, *primis occupantibus*. Единственно отъ ихъ честности зависѣло передать имѣніе иностраннымъ наслѣдникамъ. Въ Петербургѣ тогда не было особенныхъ чиновниковъ, которые методически записываютъ наслѣдственными дѣлами, сохраняя имѣніе для наслѣдниковъ и выдавая имъ все за вычетомъ издержекъ, употребленныхъ для сбереженія.

«Но во многихъ отношеніяхъ Петербургская полиція могла считаться образцовою. Она составляла особую государственную коллегію, подъ начальствомъ одного генерала. Только и здѣсь, какъ вездѣ, не только слышались безконечныя жалобы, но и малое полицейское добро злые языки нерѣдко выводили изъ нечистаго источника. Однажды полиція, въ зимнюю пору, когда остановилась Нева, навела мостки съ удивительною скоростію и злые люди объясняли эту скорость тѣмъ, что полиціймейстръ торопился на свиданіе къ своей возлюбленной, которая жила на другой сторонѣ рѣки.

«Другой нѣмецкій лакей, Johann, былъ нѣмецъ изъ Венгріи, прекрасный молодой человекъ, который съ своей образованной женою, послѣ многихъ приключеній, добрался наконецъ до Россіи. Румовскій и я обходилась съ нимъ съ особенной учтивостію, потому что онъ былъ чрезвычайно услужливъ. По-русски говорилъ онъ уже хорошо: вѣроятно, ему помогъ его славянской языкъ. Случайно мы открыли, что онъ зналъ также и по латыни: однажды онъ разсказалъ намъ содержаніе латинской повѣстки изъ академической конференціи, присланной въ наше отсутствіе. Въ другой разъ, тоже случайно, я увидѣлъ тетрадь, имъ написанную: прекрасный нѣмецкій и латинскій почеркъ, каковаго не было въ цѣломъ государствѣ, по крайней мѣрѣ въ академіи. Еще третье

явленіе: воспитанники въ свободные часы занимались рисованіемъ; Іоаннъ, приходившій въ залу по своимъ дѣламъ, посмотрѣвалъ на ихъ работу, и вотъ искусный малый, никогда не бравшій въ руки рисовальной кисти, посадилъ однажды свою жену, и въ нѣсколько сеансовъ, снялъ съ нея удивительно-сходный портретъ. Такъ же удачно посчастливилось ему и съ мовіею портретомъ.

«Такой гениальный малый недолго могъ оставаться между нашей сволочью. Однажды я показалъ его письмо Тауберту, и тотъ сдѣлалъ его при академіи перепищикомъ съ жалованьемъ двухъ сотъ рублей. При своемъ честномъ поведеніи и всесторонней смѣтливости, онъ могъ на этомъ мѣстѣ уйти далеко: въ 1797 году онъ былъ уже коллежскимъ совѣтникомъ. Жаль, что послѣ, подстрекаемый своимъ гениемъ многихъ языковъ, онъ пустился въ этимологическія игрушки и сталъ объяснять греческія и нѣмецкія слова арабскими, турецкими и Богъ знаетъ какими.

«Для моей частной прислуги назначенъ былъ Николашка, шестидцати-лѣтній малый, крѣпостной человекъ графа. Это былъ мой первенецъ-слуга; такимъ образомъ довольно поздно вступилъ я во владѣніе этой мебелью, и очень радъ, что не раньше.

«Само собою разумѣется, что при монахъ филантропическихъ правлахъ, первому слугѣ моему, Николашкѣ, нечего было дѣлать и бѣдный малый со скуки началъ пьянствовать. Къ счастью, я узналъ, что онъ умѣлъ читать и писать, даже довольно сносно писать. Съ этой поры я взялъ его на выучку и заставлялъ переписывать разный вздоръ при своихъ глазахъ. Скоро я сталъ давать ему цѣлыя статьи, которыя онъ долженъ былъ переписать въ мое отсутствіе. Въ первые мѣсяцы его марава было для меня бесполезно, но впоследствии онъ могъ для меня переписывать цѣлыя кварталы лѣтописей и другихъ манускриптовъ.

«Сначала въ этомъ институтѣ мнѣ поручили преподавать нѣмецкій языкъ, но потомъ, когда эту обязанность взялъ на себя вѣнскій іезуитъ, я сталъ давать латинскіе уроки. Тотчасъ же принялся я за переводы и началъ съ своими учениками говорить по латыни, объясняя, гдѣ было нужно, грамматическія правила. Руководствуясь правиломъ — объяснять неизвѣстное извѣстнымъ, я бралъ въ руки ландкарту, и говорилъ: «*Russia divisa est in partes viginti; haec pars (указывая пальцемъ) versus orientem sita, colore viridi tincta, quomodo vocatur?*» Легко представить, съ какою быстротою молодые люди, ко-

торыя уже хорошо говорили по-французски, могли сказывать значеніе словъ, сравнивая ихъ съ французскими — *divisé, partie, vingt, orient, vert*, и прочая. Все шло чудесно, и Таубертъ, нашъ главный начальникъ, не могъ налюбоваться на такіе успѣхи. Но какъ о предметахъ обыкновенной жизни по-латыни говорить трудно даже тѣмъ, которые довольно бѣгло болтаютъ на этомъ языкѣ объ ученыхъ вещахъ, то я пересмотрѣлъ комедіи Плавта и Терренція, и выбралъ оттуда множество разговорныхъ фразъ: это убѣдило меня, что даже разговорный языкъ древнихъ Римлянъ не совсѣмъ потерянъ для настоящаго времени.

И маленький Т... долженъ былъ учиться по-латыни, потому что отецъ его былъ настоящій ученый и хорошо понималъ важность древнихъ языковъ. Для этого ребенка я выбралъ ббльшую частію изъ Марціала и Овена сто-семьдесятъ-два маленькія и большія стихотворенія, которыя при академіи напечаталъ Таубертъ, подъ заглавіемъ: «*Epigrammata, in quibus tirocinium ponere latinae linguae studiosi queant*». Первые статейки состояли изъ двухъ, трехъ и четырехъ строкъ, которыя могли останавливать вниманіе ребенка минутъ на тридцать; затѣмъ слѣдовали статьи подлиннѣе; самыя большія были Овидіевы *Rugatus et Thisbe* и *Argadne Theseo*. Образованному отцу, который, среди государственныхъ запятій, не терялъ изъ виду своего любимца и часто разговаривалъ съ нимъ объ его успѣхахъ, очень понравилась эта метода, по которой сынъ его, почти играя, учился по-латыни. Онъ, и также отецъ Козлова, впоследствии потребовали отъ меня собственныхъ плановъ о воспитаніи ихъ сыновей. Могъ ли я воображать, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ, эти два магната, за такую ничтожную услугу, сдѣлались моими спасителями отъ угрожающихъ опасностей?

«Наша учебная машина была въ полномъ ходу, и часы распредѣлены правильно. При планѣ и учрежденіи заведенія со мной не совѣтовались, но скоро я осмѣлился заиѣтить Тауберту, что въ планѣ образованія молодыхъ графовъ не вошла географія и другая, еще болѣе важная наука: «Познаніе отечества (*Kenntniss des Vaterlandes*)». Подъ послѣднимъ именованіемъ я разумѣлъ статистику, но еще не отваживался произнести это дикое слово, которое до той поры не было на языкѣ ни у одного Русскаго. Образованный мужъ, который и въ старости могъ сочувствовать новымъ идеямъ, только бы онѣ были справедливы и полезны, тотчасъ же принялъ предложеніе и просилъ меня самого сдѣлать опытъ. Моя первая лекція: какъ велика Россія въ сравненіи съ Герма-

нѣи и Голландіей? (За вѣсколько дней учителъ математики далъ понятіе о квадратныхъ мѣлахъ: вотъ, какъ согласно мы работаемъ!). Чтò такое истицъ-коллегія? Чтò покупаетъ и продаетъ Русскій? Какъ добываетъ онъ золото и серебро? Никогда не забуду, съ какими удовольствіемъ самъ Таубертъ выслушалъ эту первую лекцію. За столомъ (онъ часто у насъ обѣдалъ) рѣчь шла о томъ же предметѣ. Таубертъ экзаменовалъ учениковъ и давалъ мнѣ наставленія. Кончилось тѣмъ, что сверхъ шести латинскихъ, мнѣ прбавили еще пять статистическихъ часовъ въ недѣлю и прибавили жалованья сто рублей. Вѣсть съ этимъ слово «статистика» получило право гражданства въ русскомъ языкѣ.

Итакъ,—«Начало русской статистики», — да такъ, буквально и безъ хвастовства, самое первое начало. Я самъ впервые началъ заниматься статистикой Россіи, и до той поры ничего не читалъ по этому предмету, кромѣ пѣкоторыхъ статей Миллера, приготовленныхъ для его Sammlung. Я даже боялся заниматься подобными предметами, напуганный намеками Миллера. И Русскій въ слѣдующихъ годахъ впервые началъ публично изучать свое великое отечество, то есть, началъ писать и печатать статистическія свѣденія. Пусть будущій литераторъ пересмотритъ все, чтò сдѣлано по этой части до 1765 и сравнитъ съ этимъ неожиданныя и разнообразныя свѣденія, явившіяся между 1770 и 1790 годами, вслѣдствіе особыхъ распоряженій великой Государыни.

«Все, что излагалъ я и могъ излагать въ первыхъ статистическихъ лекціяхъ, было сообщено иностранцами и, разумѣется, въ этихъ извѣстіяхъ было много несправедливаго. Таубертъ часто спорилъ со мною, и по болѣшей части былъ правъ. Въ оправданіе я показывалъ ему свои источники. Съ того времени Таубертъ обнаруживалъ патріотическое негодованіе противъ всего, чтò иностранцы до-тѣхъ поръ писали объ Россіи и обѣщали мнѣ вѣрнѣйшія извѣстія. Онъ сдержалъ слово.

«Таубертъ знакомъ былъ со многими президентами и членами государственныхъ коллегій, которые его уважали и, считая человекомъ умнымъ, охотно сообщали ему разные извѣстія, меморіи и проекты, такъ, что современныя новости ему сдѣлались болѣе извѣстны чѣмъ Миллеру. Таинственность и скрытность были не въ духѣ Тауберта: онъ обыкновенно отсылалъ ко мнѣ большую часть этихъ бумагъ и радовался, когда я съ энтузіазмомъ отзывался о ихъ важности для моихъ ученыхъ трудовъ. Кто не извинитъ этого энтузіазма? Мои стѣспительныя обстоятельства только-что прошли: я собиралъ, говорилъ, писалъ о русской ста-

тистивъ съ такимъ усердіемъ, какъ будто бы я былъ въ Геттингенѣ, а не въ Петербургѣ.

«Я не могу и не смѣю подробно перечислить всѣ рукописи, которыя прошли черезъ мои руки. Буквально не списалъ я ни одной, но тщательно отмѣчалъ для себя весьма многія, до тѣхъ-поръ неизвѣстныя данныя. Укажу здѣсь на три огромныя рукописи. I. Рукописный фоліантъ, содержащій подлинныя статистическія извѣстія о Россіи, сочиненный въ 1726 г. для герцога Голштинскаго. Онъ хранится въ академическомъ архивѣ. II. Оригиналы извѣстій, вытребованныхъ изъ департаментовъ и отосланныхъ къ Вольтеру для исторіи Петра Великаго. Эти рукописи, изъ которыхъ Вольтеръ не сдѣлалъ, вѣроятно, никакого употребленія, составляли огромную кипу актовъ: я продержалъ ихъ у себя два года и такимъ образомъ могъ на досугъ выбрать, что мнѣ нужно. III. Рукописный фоліантъ извѣстій о договорахъ между Москвою и козаками отъ 1664, съ тѣхъ-поръ, какъ козакъ отложились отъ Польши и снова подчинились Россіи. Судьба Украинцевъ имѣеть чрезвычайно много сходнаго съ судьбою Нѣмцевъ въ Семигоріи.

«Непосредственное употребленіе, которое я дѣлалъ изъ всѣхъ извѣстій, чрезвычайно правилось Тауберту и дѣлало его щедрѣе. Я заготовлялъ о каждомъ предметѣ по одной маленькой книжкѣ, переписанной на-чисто на золотообрѣзной бумагѣ и раздѣленной между воспитанниками. Въмѣсто ученаго заглавія *in usum Delphinorum*, на книжкахъ надписывалось: *à l'usage de l'Académie de la X ligne*. Русская географія, написанная дѣтскимъ языкомъ, назначалась для всѣхъ: по множеству новыхъ извѣстій, она вошла въ славу; многіе домашніе учителя ее переписывали, и по ней также преподавалъ академическій учитель, старшій братъ Миллера. Другія книжки преимущественно приспособлялись къ частному назначенію воспитанниковъ. Старшій графъ, воевавшій уже кавалерскій мундиръ, получилъ книжку *Sur le Militaire*; третій, флотскій мичманъ, долженъ былъ преимущественно изучать *la Marine*, другой *le Commerce* и такъ далѣе. Кромѣ учебныхъ часовъ каждый учитель составлялъ письменныя планы своего преподаванія, которые показывались передъ экзаменомъ и одобряемы были самимъ гетманомъ, который обыкновенно повторялъ: — *Fort bien*.

«Съ этой поры всѣ мои знакомцы сдѣлались статистиками и усердно сообщали мнѣ извѣстія, чтобы, какъ говорили они въ шутку, удостоиться чести быть членами Академіи Десятой Линіи.

«Гувернеръ Бурбѣ обнаруживалъ сначала ошибочныя понятія

о своихъ правахъ и хотѣлъ облюбоваться съ нами учителями какъ съ своими подчиненными. Мы скоро его усмирили.

«Бурбѣ былъ не только гувернеръ, но и учитель всеобщей исторіи, которую долженъ былъ читать по одному часу въ день. Здѣсь онъ велъ себя такъ несчастно, что ученики на другой же мѣсяцъ замѣтили величайшую разницу между его и нашими лекціями и стали надъ нимъ подтрунивать. Теперь только Бурбѣ понялъ въ первый разъ, что говорить по французски и быть ученымъ, — вещи различныя. Наши графы нерѣдко болтали за столомъ объ ученыхъ вещахъ, которыя приводили бѣдлага лакея въ изумленіе

«Молвъ о моихъ статистическихъ часахъ не было конца и Бурбѣ спросилъ меня, не угодно ли мнѣ взять еще новыхъ пять часовъ по всеобщей исторіи? Онъ вызвался отдѣлать мнѣ отъ своего годоваго жалованья (шесть сотъ рублей) сто рублей. Съ согласія Тауберта я принялъ и это предложеніе, и такимъ образомъ у меня вышло шестнадцать часовъ въ недѣлю.

«Всеобщая Исторія въ Петербургѣ не такъ была неизвѣстна, какъ статистика. Учебникъ Сугаа въ вопросахъ и отвѣтахъ, увеличенный въ русскомъ переводѣ русскою исторіею изъ семнадцати листиковъ, удостоился дожить (въ 1762) при академіи втораго изданія. Бѣдную книжонку употребляли въ гимназіи; но могъ ли я ею пользоваться? Три молодые графа послап уже мундиръ: могъ ли я серьезно говорить имъ о дѣтскихъ сказкахъ, которыми набита была эта книга? Подобная мысль въ семнадцатомъ столѣтіи заставила Пуффендорфа сдѣлать преобразование европейской политической исторіи: меня здравый человѣческій смыслъ привелъ къ первой попыткѣ перемѣнить всеобщую исторію въ исторію міра. Сообразно съ идеаломъ, который я послѣ въ Геттингенѣ старался привести въ исполненіе, отъ 1770 до 1792, я выбросилъ множество фактовъ, которыми нагружена была всеобщая исторія, и замѣнивъ ихъ включилъ многіе другіе. Надлежало въ русскую учебную исторію ввести цѣлыя народы, которые до тѣхъ поръ едва были извѣстны по пѣснямъ. Не гораздо ли важнѣе дать русскому юношѣ понятіе о кочующихъ Калмыкахъ или Монголахъ, нежели толковать ему объ Ассиріянахъ и Лонгобардахъ? Съ древней исторіей мнѣ легко было сладить, потому что я выросъ въ древней филологіи. Въ выборѣ и разстановкѣ фактовъ руководителемъ моимъ были не Роллеъ и англійская всеобщая исторія, а Daguet, Вольтеръ, и впоследствии Робертсонъ.

«Такая перемена въ образѣ положенія исторіи доставляла мнѣ не только деньги, но и благодарность вѣнской публички, но прѣшлой вѣрѣ тогдашняго вѣнскаго поколѣнія, потому что вышешнее, кажется, все забыло. Такимъ образомъ эта идея пришла мнѣ въ голову въ Разумовскомъ институтѣ; впрочемъ я не долженъ забывать и о другихъ. I. Въ 1757 году стокгольмскій купецъ предложилъ мнѣ напечатать на его счетъ исторію финскій торговли: неужели же слѣдовало мнѣ въ этой книгѣ разглагольствовать о царяхъ сидонскихъ и арабскихъ, о Феникскѣ, Агепоровомъ сытѣ, о Итобалѣ и Арбалѣ, и о другихъ именахъ безъ всякаго значенія? II. Въ послѣднее время моего пребыванія въ Петербургѣ Таубертъ просилъ меня познакомить его дочь, въ видѣ разговора за столомъ или послѣ стола (я часто обѣдалъ у него или у его тѣщи, госпожи Шумахеръ), съ главными идеями о судьбѣ ея отечества. Чтò бы могла подумать шестнадцатилѣтняя дѣвушка о такомъ учителѣ, который бы сталъ повторять ей только то, что она прочла въ Сугасъ и Ломоносовъ?

«И сверхъ всякаго ожиданія мои новыя историческія лекціи пошли прекрасно. Историческія книжки были также чистенько переписаны и переплетены, à l'usage de la X ligne: старшій графъ получилъ исторію Римлянъ, Тепловъ исторію Евреевъ, и такъ далѣе. Особенно младшему графу, девятилѣтнему мичману, нравилось мое историческое преподаваніе. Черѣдко вечеромъ, по окончаніи учебныхъ часовъ, приходилъ опъ ко мнѣ и разговаривалъ очень умно о статистикѣ и исторіи.

«Между-тѣмъ бѣдный гувернеръ Бурбье, всегда съ удивленіемъ смотрѣвшій на нашу ученость, болѣе и болѣе чувствовалъ свое ничтожество и происходящее оттуда презрѣніе воспитанниковъ. Это крайне начало огорчать его: разъ, за столомъ, одинъ изъ учениковъ заговорилъ о домашнемъ французскомъ учителѣ въ одномъ знакомомъ домѣ, который мало того что вовсе былъ не учитель, но еще въ-добавокъ былъ передъ тѣмъ слугою: Бурбье принялъ это на свой счетъ и горько зарыдалъ. Съ этой поры сдѣлался онъ меланхоликъ, часто плакалъ и наконецъ замерещилась ему Сибирь, куда отправилъ его гетманъ. Единственнымъ его утѣшителемъ былъ я. Онъ имѣлъ ко мнѣ особое уваженіе, потому что я позволялъ ему направлять свои французскія сочиненія. Тутъ онъ говаривалъ, что я пишу какъ Вольтеръ, и никакъ не могъ растолковать себѣ, отчего же при такомъ искусствѣ я такъ часто дѣлалъ довольно грубыя ошибки (il avait вмѣсто il eut; la carosse вмѣсто le carosse). Теперь, когда безпокойство его

возвратило до высшей степени, онъ почти не оставалъ отъ меня. Часто ходили мы съ нимъ въ погребокъ (Weinhaus): здѣсь бутылка пантону дѣлала его столько чувствительнымъ къ моимъ усилительнымъ доказательствамъ, что онъ отъ души начиналъ сивиться надъ своею тоскою и былъ потомъ спокоенъ цѣлую ночь. Но потомъ безпокойство возвращалось снова, и онъ долженъ былъ наконецъ уѣхать. Еще въ здоровомъ состояніи написалъ онъ изъ Франціи своего брата: этотъ хотѣлъ отвести несчастнаго назадъ водою, но когда они были уже неподалеку отъ французскихъ береговъ, бѣдвяга перерезалъ себѣ горло.

«Презимникомъ его въ нашемъ институтѣ былъ господинъ de Pisle, также Французъ, имѣвшій патентъ польскаго полковника, человекъ лѣтъ пятидесяти, съ женою, которая часто у насъ обѣдала и въ обращеніи показывала свое происхожденіе изъ низшаго сословія. Ученымъ образомъ господинъ полковникъ ничего не зналъ, однако же часто спорилъ со мной о предметахъ, касающихся древней французской исторіи и статистики. Его обыкновеннымъ аргументомъ противъ меня было то, что я иностранецъ. Вообще этотъ мужъ, передъ тѣмъ таскавшійся безъ хлѣба, не могъ перенести своего благосостоянія и обижалъ всѣхъ. Наконецъ Румовскій и я составили полный реестръ всѣхъ прегрѣшеній полковника, поднесли его чрезъ Тауберта графу, и господинъ de Pisle, получивъ отставку, снова возвратился въ свое прежнее ничтожество.

«За нимъ слѣдовалъ третій гувернеръ, господинъ de M—n, всѣтаки Французъ, поручикъ, имѣвшій претензію на ученость (онъ показывалъ мнѣ въ рукописи свое сочиненіе «*officia palatina Меролингговъ*»); онъ также началъ распорядиться самовластно, какъ его вреднественикъ, только гораздо хитрѣе. Мы адъютанты опять составили противъ него заговоръ, но къ новому 1765 году весь институтъ былъ закрытъ. Господинъ поручикъ втерся въ благосклонность графа, былъ принятъ въ его домъ и впоследствии ѣздилъ съ молодыми графами за границу. Наконецъ онъ остался во Франціи и купилъ на русскія деньги помѣстье: это составляетъ послѣднюю цѣль всѣхъ его земляковъ, пріѣзжающихъ въ Россію. Вообще въ ту пору иностранцамъ было чудесно жить въ этомъ гостепріимномъ государствѣ и они отлично ловили рыбу въ мутной водѣ.

«Вельможи и богатые люди всѣми силами старались какъ можно лучше образовать своихъ дѣтей: сыпали деньги полными руками,

дерман и плащадъ съ такою широкостю и великодушностю, вѣчно безпринципны въ другъхъ страдахъ даже между владѣтельными князьями. Но оцѣ почти всегда ошибались въ выборѣ людей, употребляемыхъ для этихъ благородныхъ цѣлей: мѣста домашнихъ учителей обыкновенно занимались французскими лакеями, ремесленниками, промотавшимися офицерами, которые будто бы оставляли свое отечество вслѣдствіе какого-нибудь *affaire d'honneur*. Само правительство обратило наконецъ вниманіе на эту несообразность и еще при Елисаветѣ вышелъ указъ, чтобы всякій иностранецъ, желающій занять учительское мѣсто, былъ сперва проэкзаменованъ въ академіи. Одного изъ такихъ кандидатовъ спрашивали на экзаменѣ: что такое *article, adjectif, conjonctif*, и прочая. На всѣ эти вопросы *examinandus* оставался глухъ и наконецъ разомъ объяснился, что онъ уже давно выѣхалъ изъ Парижа, и всѣ эти вопросы, вѣроятно, уже послѣ его отъѣзду выдумала французская академія, которая только и занимается одними педагогическими изобрѣтеніями.

«Часто бывали у насъ гости, по большей части Французы, и почти всегда неученые. Съ этими господами перѣдко были у насъ презабавные споры. Мы охотно имъ прощали національную гордость, несмотря на обидные отзывы насчетъ Русскихъ и Нѣмцевъ. Но гордиться лишь языкомъ, — однимъ только языкомъ! Всѣ мы уважали французскую литературу, но что же эти господа знали о своей литературѣ? «*Il parle très-bien français.*» Эта фраза произносилась такимъ тономъ, какъ будто бы дѣло шло о великомъ математикѣ какъ Аеріусъ, или о химикѣ подобномъ Леманну. И напротивъ все что можно было сказать хорошаго въ похвалу какого-нибудь ученаго, уничтожалось убійственной выходкой «*mais il parle très-mal français.*» Эти господа не понимали, что значеніе языка важно только какъ средство къ пріобрѣтенію свѣдѣній: имъ нужно было приводить доказательства наглядныя, *ad hominem*. Поэтому ихъ спрашивали: неужели двадцати-лѣтній Французъ, выросшій въ Парижѣ, за своезнаніе французскаго языка стоитъ болѣе уваженія чѣмъ Готтентотъ, который, при такихъ же обстоятельствахъ выучился на своей родинѣ исправно говорить по готтентотски? Имъ приводили въ примѣръ знаменитаго милашца, *Niclas Oega*, глупѣйшаго человѣка подъ солнцемъ, который однако же въ одинъ мѣсяцъ выучился по-французски, и за это получалъ подарокъ отъ Людовика Четырнадцатаго, и въ шесть недѣль, въ Петербургѣ, такъ хорошо сталъ говорить по-русски, что отважился проповѣдывать передъ Петромъ Великимъ. Дѣла-

ца, которая говоритъ на четырехъ языкахъ и между-тѣмъ ниче-го не читаетъ, похожа на человѣка, который послѣ большихъ хлопотъ успѣлъ добыть себѣ ключи отъ четырехъ богатыхъ би-блиотекъ; а между-тѣмъ ни въ которую изъ нихъ не заглянулъ. Я въ свою очередь, не оставаясь глухимъ при такихъ спорахъ, въ доказательство легкости языкоученія сказалъ однажды, что беру съ любого воспитанника въ одинъ мѣсяць столько выучить по-еврейски, что онъ отчетливо переведетъ цѣлую главу изъ Моисея. Французы захохотали. Я позвалъ старшаго графа и пред-ложилъ ему сдѣлать опытъ и тотъ охотно согласился. Въ двад-цать четыре часа, раздѣленныхъ на четыре недѣли, любознатель-ный графъ въ самомъ дѣлѣ совершенно правильно прочелъ и перевелъ десятую главу Бытія. Не стоило бы упоминать объ этой шуткѣ, если бы я не зналъ примѣровъ, что молодые люди, легко знакомившіеся съ латинскимъ и греческимъ языкамъ, боялись между-тѣмъ языка еврейскаго и только по этому не хотѣли по-святить себя богословскимъ наукамъ. Мнѣ всегда еврейская гра-мота казалась самою простою и только раввинскій педантизмъ съ своими гласными дѣлаетъ ее неприступною.

«Вотъ еще довольно забавный случай въ военной канцеляріи. Канцелярія должна была свести счеты съ польскими жидами, которыхъ квитанціи и документы были написаны на жидов-ско-пѣмецкомъ языкѣ. Сдѣлалъ запросъ академіи, нѣтъ ли у ней кого, разумѣющаго по-жидовски? Таубертъ обратился ко мнѣ, я въ свою очередь припомнилъ, что когда-то въ школѣ, для препровожденія времени, занимаясь немовожко этимъ языкомъ, и теперь рѣшился сдѣлать опытъ. Ввели меня въ канцелярію, гдѣ, при моемъ входѣ, со всѣхъ сторонъ раздались слова «еврейскій переводчикъ». Обошлись со мной весьма учтиво: сочленъ гово-рившій по пѣмецки, подалъ мнѣ стулъ и показалъ документы. Жиды стояли тутъ же; я заставилъ ихъ читать и объяснять бумаги. Въ памяти моей осталось столько жидовскаго званія, что я могъ предложить различные вопросы, и Евреи увидѣли, что меня безопасно можно употребить. Ошибки не сдѣлано ни гдѣ; всѣ счеты оказались вѣрными: я написалъ рапортъ и былъ от-пущенъ съ благодарностію. Таубертъ чрезвычайно былъ радъ этому случаю, который сдѣлался тоже весьма выгоднымъ и для меня: многіе люди, и весьма значительные, узнали теперь мое имя, между-тѣмъ какъ прежде не подозрѣвали о моемъ существованіи. Живо припомнилъ я наставленіе, данное ста-рымъ отцомъ своему сыну: учись всему, если представляется

случай; каждая новая идея, каждое искусство и ремесло обращается со временемъ въ наличныя деньги. Талеръ, который ты нолулашь, въ эту минуту бесполезенъ для тебя, но все же талеръ—деньги, а деньги пригодятся непременно, хотя теперь ты незнаешь, гдѣ, зачѣмъ, и когда?—

НОВЫЕ ТОЛКИ О ГОМЕРИЧЕСКОМЪ ЭПОСѢ. Есть въ литературномъ мѣрѣ множество вопросовъ, которые, кажется, навсегда останутся нерѣшенными. Сюда относятся безконечныя изслѣдованія объ *Иліадѣ* и *Одиссеевѣ*, возобновившіяся въ нынѣшнемъ году по поводу «*A History of Greece*», первыхъ двухъ томовъ «*Исторіи Греціи*», господинна Грота, вышедшей въ Лондонѣ въ концѣ прошлаго года.

Въ первый разъ эти поэмы сдѣлались извѣстными іонійскимъ Грекамъ, въ седьмомъ или осьмомъ столѣтіи до нашей эры, а со времени Пизистрата, какъ полагаютъ, онѣ обратились въ собственность всей Греціи. Отсюда не должно думать, что ихъ читали или декламировали отдѣльныя лица, и этимъ способомъ приходили они въ извѣстность для греческой публики: напротивъ, ихъ всегда *пѣли*, въ строгомъ смыслѣ этого слова, въ публичныхъ собраніяхъ или на общественныхъ праздникахъ, какъ и до сихпоръ на Востокѣ стихи не читаются, а поются. Лѣтъ за пять въ этомъ журналѣ мнѣніе это доказано было съ осязательною очевидностью, и виѣстѣ объяснено, *какимъ образомъ* рапсолисты пѣли свои произведенія. Въ этомъ, впрочемъ, почти никогда не сомнѣвались даже тѣ, которые утверждали, что *Иліада* и *Одиссея* сохранились всегда посредствомъ писемъ. Объясняя могущее дѣйствіе этихъ поэмъ на греческую публику, мы всегда должны брать въ расчетъ величайшую разницу между древней Греціей, когда страстующіе барды или рапсоды, *вдохновенные музою*, становились посреди многочисленнаго собранія и, одушевленные всеобщимъ сочувствіемъ, очаровывали своихъ слушателей божественными звуками мѣрнаго, музыкальнаго речитатива, и между новѣйшими временами, когда одинокій читатель, съ рукописью передъ глазами, декламируетъ свое произведеніе въ какомъ-нибудь литературномъ кружкѣ, который съ нетерпѣніемъ ждетъ конца этого чтенія. Ясно, что древній рапсодъ и новѣйшій литераторъ или поэтъ не имѣютъ ничего общаго.

Если представитъ, что эти рапсолисты пѣли всегда отдѣльныя части поэмъ, безъ всякаго отношенія къ цѣлому содержанію, то въ такомъ случаѣ общій планъ *Иліады*, принимая ее за отдѣль-

ную поэму, становился совершенно бесполезнымъ. Сомнѣнъ, по преданію, первый положилъ конецъ этимъ отрывочнымъ, безсвязнымъ пѣснопѣвямъ, и поставилъ въ обязанность расподѣлить пѣть Гомеровы поэмы въ *последовательномъ порядкѣ*, ἕξ ἰσοβολῆς ῥαΐψωδέσθι, то есть, какъ думаетъ Вольфъ, Соломъ приказалъ пѣть каждую балладу въ порядкѣ непрерывной поэмы, соблюдая преемственность предметовъ и времени. Впрочемъ, при сбивчивости преданій, трудно съ нѣкоторою достовѣрностью рѣшить, какія распоряженія сдѣланы Соломомъ, но во всякомъ случаѣ не онъ былъ первый, который привелъ эти разбросанные отрывки въ строгую систему. Эта честь, по единогласному свидѣтельству древнихъ писателей, принадлежитъ Пизистрату. Вотъ какъ рассуждаетъ объ этомъ Вольфъ: «Vox totius antiquitatis, et, si summam spectes, consentiens fama testatur Pizistratum carmina Homeri primum consignasse litteris et in eum ordinem relegisse, quo nunc leguntur», то есть: «Голосъ всей древности и всеобщее преданіе единогласно свидѣтельствуютъ, что Пизистратъ первый велѣлъ предать письменамъ поэмы Гомера и привести въ тотъ порядокъ, въ которомъ онѣ нынѣ читаются». При всемъ томъ, Вольфъ ссылается только на Цицерона, Павзанія, Юсифа, Элиана, Либанія, Свидаса, Эвстація и еще одного безымяннаго писателя. Въ этихъ цитатахъ положительно доказывается, что Пизистратъ собралъ разрозненные отрывки, а Свидасъ говоритъ даже, что Гомера многіе приводили въ порядокъ, но что окончательно устроилъ это дѣло Пизистратъ.

Какъ бы то ни было, до Солона въ греческой литературѣ не замѣчается ни какихъ слѣдовъ такой поэмы, какъ Илиада и Одиссея, хотя извѣстны были отдѣльныя расподѣлныя баллады, напримѣръ, посольство къ Ахиллесу, погребальныя игры, и прочая. Трудно понять, въ чемъ состояла заслуга Солона, если въ его время расподѣлы имѣли общій списокъ Илиады и Одиссеи, но еще труднѣе представить важность заслуги Пизистрата, обозначенной на его статуѣ, если онъ только собралъ разбросанные отрывки оригинальнаго сочиненія. Одно изъ двухъ: или Пизистрату былъ извѣстенъ оригиналъ, весь его планъ и последовательный ходъ происшествій, и въ такомъ случаѣ онъ былъ не болѣе какъ компиляторомъ, или напротивъ, онъ не имѣлъ ни какого предшествовавшаго образца, кромѣ какихъ-нибудь грубѣйшихъ опытовъ, и въ этомъ случаѣ заслуга его будетъ архитектурическая, вполне достойная громкаго имени. Но во всей древности нѣтъ ни малѣйшаго намека, который бы могъ привести

ль заключенію, что до Пизистрата былъ извѣстенъ какой-нибудь списокъ Илиады, какъ цѣлой поэмы. Стало бытъ остается заключить, что онъ изъ разбросанныхъ балладъ, пѣтыхъ отдѣльно, *σποράδιον ἀντίθεμα*, построилъ цѣлую эпическую поэму въ строгомъ, правильномъ порядкѣ.

Господиизъ Гротъ усердно опровергаетъ это предположеніе. Онъ думаетъ, во-первыхъ, что Пизистратъ не имѣлъ ни какихъ побужденій шивать въ одно разрозненныя пѣсни; во-вторыхъ, что онъ былъ не поэтъ, старавшійся заинтересовать публику новыми произведеніями; въ третьихъ, если онъ предпринялъ обширныя нововведенія, придавая посредствомъ перестановокъ другой видъ многимъ хорошо извѣстнымъ пѣснямъ, такое смѣлое нововведеніе не могло понравиться Аѳинянамъ; въ-четвертыхъ, если такая новость укоренилась въ Аѳинахъ, нѣтъ ни какихъ причинъ думать, что ея тотчасъ же приняли всѣ другіе греческіе города, и что всѣ раскодисты немедленно отказались отъ своихъ прежнихъ привычекъ и, наконецъ, въ-пятыхъ, александрійскіе критики рѣшительно ничего не говорятъ о Пизистратовой рецензій между многими другими манускриптами, которые были у нихъ передъ глазами. Отсюда должно вывести заключеніе, что у нихъ или вовсе не было Пизистратовой рукописи, или они не придавали ей ни какой важности.

Будемъ по порядку отвѣчать на всѣ эти возраженія. Во-первыхъ и во-вторыхъ, побужденія для Пизистрата могли быть тѣ же самыя, какими руководствовался Соловъ, когда хотѣлъ привести въ порядокъ разбросанныя раскодін. Возьмемъ для объясненія испанскіе романы о Сидѣ. Предположимъ, что эти романы сочинены различными поэтами и поются различными бардами. Одинъ предпочитаетъ приключенія Сиды въ его мужскомъ возрастѣ, другой любить его дѣтскія похождения, третьему больше нравятся приключенія Сиды въ старости. Каждый поетъ на праздникахъ свою любимую балладу. Вообразите теперь, что какому-нибудь магнату приходитъ въ голову естественная мысль, что эффектъ этихъ пѣснопѣній былъ бы гораздо значаише, если бы барды пачали пѣть свои баллады въ преемственномъ порядкѣ, пачиная съ дѣтства и окончивая похождениями героя въ его старческомъ возрастѣ. Это и сдѣлалъ Соловъ съ греческими раскодіями. Но вотъ съ теченіемъ времени, Испанецъ становится образованнѣе, ученѣе и является новый магнатъ, который тоже весьма естественно началъ на мысль собрать всѣ романы о Сидѣ, и расположивъ въ стройномъ порядкѣ, составить изъ нихъ

цѣлую поэму, пропущенную единственно содержанія и мысли. Это самое, во всей вѣроятности, могло быть сдѣлано Пизистратомъ. Еще легче опровергнуть третье возраженіе. Мы думаемъ, что Аоніанамъ было очень пріятно, когда они увидѣли собранными въ одно цѣлое свои любимыя рhapsодіи и Пизистратъ въ этотъ случай могъ заранѣе рассчитывать на ихъ благодарность, выражающуюся въ надписи на его статуѣ. Въ-четвертыхъ, нѣтъ никакой надобности предполагать, что rhapsодисты другихъ греческихъ городовъ тотчасъ же отказались отъ своихъ прежнихъ привычекъ. Впослѣдствіи это могло сдѣлаться само собою, когда Аонны, по своему образованію, стали образцомъ для всей Греціи. Въ-пятыхъ, Ричль предполагаетъ, что Пизистратова рецензія была кореннымъ текстомъ для александрійскихъ критиковъ, и они перечисляли другіе манускрипты только въ томъ случаѣ, когда отступали отъ этого текста, принятаго за основаніе. Валькеръ думаетъ, что Пизистратова рукопись пропала въ ту пору, какъ Ксерксъ взялъ Аонны. Господинъ Гротъ считаетъ оба эти мнѣнія не основательными: но намъ кажется, что его возраженія еще неосновательнѣе. Онъ упорно думаетъ, что до Пизистрата непремѣнно существовала оригинальная поэма, которая доставила ему возможность привести въ порядокъ отдѣльныя rhapsодіи, иначе, говоритъ онъ, Аонняне не допустили бы никакой перестановки или прибавленій. Этого господинъ Гротъ не сказалъ бы, если бы ему извѣстно было одно весьма замѣчательное мѣсто у Эвстація, которое, какъ видно, ускользнуло отъ его вниманія. Вотъ это мѣсто: «*ῥασὶν οἱ παλαιοὶ τὴν ἑαφ' ἑαυτῶν ταύτην* (то есть, десятую книгу Илиады, гдѣ описано умерщвленіе Долона Улисомъ) *ὑφ' Ὀμήρου ἰδίῃ τετέχθαι καὶ μὴ ἐκκαταλεῖναι τοῖς μέρεσι τῆς Ἰλιάδος, ὑπὸ δὲ Πεισιστράτου τετέχθαι εἰς τὴν ποιήσιν*». Это значитъ: «древніе говорятъ, что эту rhapsодію Гомеръ сочинилъ отдѣльно, не причисляя къ прочимъ частямъ Илиады, но что уже впослѣдствіи Пизистратъ включилъ ее въ поэму». Такимъ образомъ ясно отсюда, что въ Илиаду внесена цѣлая книга, цѣлый эпизодъ, который имѣетъ точно такое отношеніе къ поэмѣ, какъ и многіе другіе эпизоды. Спрашивается теперь: если Пизистратъ включилъ цѣлую книгу, которой прежде не было, то почему не могъ онъ или другой кто включить двѣ, три, четыре книги, только бы онѣ имѣли общій характеръ гомерическаго зноса?

Отъ Пизистрата до Аристарха, раздѣлившаго Илиаду на книги и стихи, протекло цѣлыхъ три столѣтія впродолженіи, которыхъ

текотъ долженъ былъ повторить безмолвными шептаниемъ. Разметъ между прочимъ доказалъ, что многие мѣсто, приписываемыя въ Илиадѣ Платонотъ и другимъ писателямъ, теперь можно отыскать ни въ одномъ манускриптѣ. Такимъ образомъ отсюда не должно думать, чтобы Илиада дошла до насъ въ своемъ первоначальномъ видѣ. Первые переписцы, безъ всякаго сомнѣнія, произведены въ всей самими рапсодами, передававшими искусство свои баллады другимъ рапсодамъ, бродившимъ по всей Греціи для пѣнія на праздникахъ и въ публичныхъ собраніяхъ, какъ теперь у насъ, въ Россіи, переходятъ съ ярмарки на ярмарку нищіе калѣки съ своими духовными кантатами, хотя, разумѣется, нѣтъ и не можетъ быть ничего общаго между однообразными, лищенными всякой поэзіи, пѣснями объ убогомъ Лазарѣ и великолѣпными пѣснопѣніями бардовъ древней Греціи. Другія измѣненія конечно сдѣланы были «собрателями» Солономъ и Пизистратомъ, за которыми слѣдовали еще три генерации издателей и критиковъ. Наконецъ, неумолимая александрійская критика уже окончательно *исправила, дополнила и улучшила* Гомеровы поэмы. Такимъ образомъ вы можете думать о Гомерѣ что вамъ угодно: во всякомъ случаѣ не мѣшаетъ имѣть въ виду, что Илиада и Одиссея дошли до нашего времени далеко не въ той формѣ, какую первоначально сообщили имъ слѣпой старецъ, если только онъ дѣйствительно существовалъ когда-нибудь на бѣломъ свѣтѣ.

Кѣмъ же и какъ составлены Илиада и Одиссея? одинъ или многими поэтами? Была ли имъ съ самаго начала придана форма поэмы, или уже онѣ получили ее впоследствии? Безчисленные мнѣнія объ этомъ предметѣ могутъ быть приведены къ слѣдующимъ тремъ разрядамъ.

Разрядъ первый. Гомеръ написалъ Илиаду и Одиссею въ ихъ настоящей формѣ; во это первоначальное единство скоро должно было утратиться въ устахъ странствующихъ рапсодовъ, которые бродили по всемъ концамъ Греціи, расцѣвая отдѣльными частями и эпизодами Гомеровыхъ поэмъ. Пизистратъ и его сынъ собрали эти отдѣльныя части, и сообщили объѣмъ поэмамъ ихъ первоначальную форму.

Разрядъ второй. Гомеръ былъ самъ странствующимъ рапсодомъ. Путешествуя по Греціи, онъ при каждомъ удобномъ случаѣ составлялъ по одной небольшой пѣснѣ или балладѣ. Эти пѣсни Пизистратъ привелъ въ порядокъ, и онѣ получили форму эпическихъ поэмъ.

Разрядъ древній. Первоначально поэма и гивейшія подробности обѣихъ поэмъ могли быть составлены однимъ или многими бардами, воспѣвавшими подвиги двухъ героев, Ахиллеса и Одиссея. Впоследствии другіе рансодисты прибавили отъ себя множество отдѣльныхъ эпизодовъ, нѣвшихъ большее или меньшее отношеніе къ главнымъ событіямъ. Всѣ эти рансодии получили высокій поэтический характеръ и сдѣлались народными для всей Греціи. Изъ этихъ то матеріаловъ съ теченіемъ времени и образовались двѣ поэмы: *Иліада* и *Одиссея*.

Первое изъ этихъ мѣвий распространилось во всѣхъ европейскихъ литературахъ, кромѣ Германіи. Второе принадлежитъ Англичанину Бентли. Представители третьей гипотезы: Вико, Вольфъ и Гейне.

Смѣлое предположеніе Вольфа озадачило своею новостію многихъ призванныхъ и непривзванныхъ обожателей Гомера, и нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ Бальверъ, сочли эту гипотезу плодомъ нѣмецкаго педантизма. Въ одной ничтожной книжонкѣ *славянскаго* издѣлья, которая однакожъ въ началѣ этого года произвела большой шумъ въ нашей литературѣ, безъ церемоніи названы глупцами всѣ послѣдователи Вольфа. Къ числу этихъ послѣдователей принадлежалъ величайшій изъ новѣйшихъ поэтовъ Гёте, который впрочемъ, подъ конецъ жизни, началъ, кажется, возвращаться къ старому мѣвию. Но поэты, какъ извѣстно, въ этомъ дѣлѣ не могутъ быть безпристрастными судьями.

Доказательства *pro* и *contra* могутъ быть раздѣлены на два отдѣла: во-первыхъ, *историческія*; во-вторыхъ, *критическія*.

Доказательства историческія. Извѣстно, что почти всѣ древніе писатели единогласно говорятъ о Гомерѣ не только какъ объ одномъ лицѣ, но и какъ о единственномъ сочинителѣ поэмъ, извѣстныхъ подъ его именемъ. Однако жъ важность этого свидѣтельства значительно умевьшается, когда представимъ, что тѣ же самые писатели считали Гомера авторомъ такихъ произведеній, которыхъ подложность въ настоящее время совершенно доказана филологическою критикою. Стало-быть, очевидность одного факта уничтожается равносильной очевидностью другаго, не менѣе важнаго. И если ни Фукидидъ, ни Геродотъ, ни Платонъ, ни Аристотель, не обнаруживали ни какихъ сомнѣній на этотъ счетъ, ихъ увѣренность объясняется отчасти совершеннымъ незнаніемъ гомеровою исторіи, отчасти общими легковѣріемъ и совершеннымъ отсутствіемъ литературнаго скептицизма въ ихъ время. Принять

бессознательное или Гомера, перенесшее среднюю столѣтій, или съ такою же бессознательностію считали его авторомъ Илиады и Одиссеи.

Далѣе, трудъ, приписываемый Пизистрату, если только, какъ говоритъ преданіе, Пизистратъ собирала разбросанные отрывки раясодій, рѣшительно протнворѣчить мнѣнію о первоначальномъ единствѣ этихъ поэмъ.

Доказано наконецъ, что искусство и матеріалы письма были для Грековъ неизвѣстны въ ту эпоху, къ которой обыкновенно относятъ жизнь Гомера. Много и долго объ этомъ спорилъ, но теперь это мнѣніе возведено на степень очевидности, не подверженной никакому сомнѣнію. Слѣдовательно поэмы, въ ту пору какъ ихъ сочинили, не могли быть преданы письменамъ, а если такъ, то естественно самъ собою представляется вопросъ: какимъ образомъ одинъ и тотъ же человекъ могъ сочинить, выучить и заставить другихъ выучить наизусть такую поэму какъ Илиада, въ которой, за исключеніемъ многочисленныхъ сокращеній, дѣланныхъ въ ней въ различныя времена, все еще считается слишкомъ пятнадцать тысячъ стиховъ? А если прибавимъ сюда же Одиссею, Ватрахомиахію, гимны и другія мелкія произведенія, приписываемыя Гомеру Фукидидомъ и Аристотелемъ, то есть, еще тысячь сорокъ или пятьдесятъ стиховъ, то конечно нужно спрашивать не о томъ: могъ ли все это удержать въ памяти одинъ раскоднствъ, а о томъ: могъ ли когда-либо существовать такой геній, который, предположивъ даже извѣстность письменъ для его современниковъ, написалъ бы всѣ эти поэмы, представляющія во всѣхъ отношеніяхъ художественные образцы плана, стройной соразмѣрности частей и высокаго изящества въ слогахъ?

Защитники Гомера въ свою очередь стараются доказать, что во всемъ этомъ не видать ни физической невозможности. Вещь извѣстная, что письмо и особенно книгопечатаніе много содѣйствуютъ къ ослабленію памяти, и что напротивъ способность эта пріобрѣтаетъ чрезвычайную дѣятельность и силу, какъ скоро нельзя прибѣгать къ этимъ справочнымъ матеріаламъ. Можно, въ подтвержденіе, сослаться на нашихъ связочниковъ и краснорѣчцевъ, которые въ продолженіе цѣлыхъ столѣтій сохранили до настоящаго времени многія сотни древнѣйшихъ пѣсней и сказокъ. Были притомъ примѣры, что люди, лишенные средствъ прибѣгать къ посредству письма, удивительнымъ образомъ изощрили свою память. Весьма замѣчательно въ этомъ случаѣ свидѣтельство Силь-

то: Помните, «кто-то» говорить, что онъ и другъ его «Марчелло», во время замоченія въ тюрьмѣ, сочинили на канатъ цѣлая тысяча стиховъ. Вотъ собственныя его слова: «Mirabile fu la capacità, che acquisitammo di poetare lunghe produzioni a memoria, limarle e tornarle a limare infinite volte, e ridarle a quel segno medesimo di possibile finitezza che avremo atteso scrivendole. Maroncelli compose così a poco a poco, e ritenne in mente parecchie migliaia di versi lirici ed epici. Io feci la tragedia di Leoniero da Dertona e varie altre cose.» О достоинствѣ этихъ стиховъ судить нельзя, потому что они никогда не были напечатаны, но хороши они или дурны, до этого нѣтъ дѣла: все же это были стихи, сочиненные и удержанные въ памяти безъ помощи письменныхъ матеріаловъ. Почему же не предположить, что Гомеръ, или вообще какой-нибудь древнѣйшій рапсо́дъ, исключительно посвятившій себя пѣснопѣнію и безпредѣльно преданный своему искусству, могъ безъ всякихъ письменныхъ матеріаловъ сочинить двѣ-три поэмы, удержанные въ памяти другихъ рапсо́довъ, дорожившихъ каждымъ словомъ великаго поэта?

Такимъ образомъ видно отсюда, что возраженія и опроверженія обѣихъ сторонъ по-крайней мѣрѣ равносильны, и вопросъ о единствѣ гомерическаго эпоса остается не рѣшеннымъ.

Перейдемъ къ критическимъ доказательствамъ.

Здѣсь прежде всего опять должно имѣть въ виду то весьма важное обстоятельство, что гомеровы поэмы дошли до насъ далеко не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были извѣстны Платону, Аристотелю и критикамъ александрійской школы. Послѣ безчисленныхъ перемѣнъ, прибавленій и сокращеній, произведенныхъ къ *Иліадѣ* и *Одиссеѣ*, очень легко могло утратиться первоначальное единство этихъ произведеній, если даже оно существовало въ нихъ когда-нибудь. Тѣмъ не менѣе противники Вольфа продолжаютъ смотрѣть на гомерическій эпосъ, и особенно на *Иліаду*, какъ на такое произведеніе, которое, подобно Энеидѣ, никогда не потерпѣло существенныхъ перемѣнъ въ своемъ составѣ. Они удивляются единству содержания, единству общаго плана въ *Иліадѣ*, и эта внутренняя очевидность служитъ для нихъ главнѣйшимъ доказательствомъ, почему подобное произведеніе могло первоначально принадлежать не иначе какъ одному барду. Въ отвѣтъ на это доказательство, которое, должно признаться, отзывается слишкомъ общими мѣстами, защитники Вольфа приводятъ самые факты, какъ неоспоримое свидѣтельство множества противорѣчій, встрѣчающихся въ *Иліадѣ*. Въ самомъ дѣлѣ, этихъ

противорѣчій нельзя не замѣтить и при бвлзрнн чтоиъ бвзсмортнаго произведенiя. Начать съ того, что о гнѣвѣ Ахиллеса Поэтовича,—главное чтѣ должна была воспѣвать эпическая муза,—вѣтъ и помину послѣ осемнадцатой пѣсни. Одинъ и тотъ же герой, убитый нановаль въ первыхъ пѣсняхъ, является здравымъ и невредимымъ въ послѣднихъ. Происшествiя, занимающiя первое мѣсто въ началѣ разсказа, теряютъ въ послѣдствiи всю свою важность, и поэтъ какъ-будто вовсе забываетъ объ нихъ. Такъ напримѣръ, въ девятой пѣснѣ съ величайшими подробностями разсказывается о посольствѣ Агамемнона къ Ахиллесу, и читатель видитъ, что это обстоятельство въ высокой степени было важно для всего греческаго стана, а между-тѣмъ въ другихъ пѣсняхъ ни полъ-слова объ этомъ посольствѣ, и можно съ нѣкоторою вѣроятностiю доказывать, что продолжателямъ поэмы вовсе былъ неизвѣстенъ этотъ эпизодъ. Такихъ противорѣчiй бездна въ поэмѣ, и конечно трудно объяснить ихъ легкими недоразумѣнiями, недосмотрами или простою забывчивостiю. Притомъ, все нельзя видѣть общей связи въ цѣлой поэмѣ, и ничто не оправдываетъ намѣренiя, высказаннаго въ самомъ началѣ. Чтѣ напримѣръ общаго съ гнѣвомъ Ахиллеса имѣютъ безпрестанныя стычки передъ греческимъ лагеремъ, подвиги Диомеда, смерть Долона, свиданiе Гектора съ Андромахой, дуэль Париса и Менелая, и прочая, и прочая? Въ первой пѣснѣ Юпитеръ даетъ Ѳетидѣ обѣщанiе наказать всѣхъ Грековъ за обиду, полученную ея сыномъ отъ гордаго предводителя греческихъ войскъ. Для этой цѣли повелитель боговъ собираетъ во второй пѣснѣ олимпiйскiй сеймъ и въ этомъ общемъ собранiи рѣшено отправить къ Агамемнону *Онейроса* съ тѣмъ, чтобы тотъ обманулъ его какюнибудь глупостiю. Но *Сонъ* или *Онейросъ* не могъ провести хитраго вождя и все дѣло осталось безъ послѣдствiй, то есть, другими словами, рапсодисты, продолжавшия поэму, совершенно вынуждены изъ виду это важное олимпiйское совѣщанiе, которое, конечно, въ глазахъ ихъ собрата, автора первыхъ двухъ пѣсней, должно было имѣть весьма важные результаты. Далѣе, въ четвертой пѣснѣ самъ Юпитеръ повидимому совершенно забылъ, что далъ какую то клятву Ѳетидѣ, и на Олимпѣ вновь открывается совѣщанiе, гдѣ боги, неизвѣстно, ради какихъ причинъ, разсуждаютъ: должно ли Грековъ и Троянцевъ допустить къ войнѣ, и на сколько времени продолжится эта война. Новое доказательство, что авторъ четвертой пѣсни былъ не тотъ, который сочинилъ первые дѣя.

Несмотря на всѣ эти возиоція противорѣчя, многіе ученые, особенно Нитъ, Миллеръ, Велькеръ и Мильманъ, упорно сто-
 ятъ за единство поэмы. По ихъ мнѣнію Илиаду написалъ пер-
 воначально одинъ поэтъ, но въ послѣдствіи всѣ эти противо-
 рѣчя образовались отъ различныхъ перестановокъ и прибавле-
 ній. Господинъ Гротъ выбралъ между этими мнѣніями средину,
 и его гипотеза чрезвычайно замѣчательна. «Нѣтъ надобности,
 говоритъ онъ, предполагать, что вся поэма въ томъ видѣ, какъ
 читаемъ ее въ настоящее время, принадлежала первоначальному,
 предначертанному плану. Въ этомъ отношеніи Илиада произво-
 дитъ на меня впечатлѣніе совершенно различное отъ Одиссеи.
 Въ послѣдней поэмѣ характеры и событія просты, немногослож-
 ны, и все построено по одному плану отъ самаго начала до ужас-
 ной смерти обожателей Пенелопы: ни изъ чего нельзя прийти
 къ заключенію, что въ первоначальную поэму вносили по време-
 намъ отдѣльныя части или эпизоды. Напротивъ, Илиада пред-
 ставляетъ наружность дома, построеннаго первоначально по пла-
 ну весьма тѣсному, который однако жъ постепенно распростра-
 нялся отъ различныхъ прибавленій. Первая книга вмѣстѣ съ
 восьмью, и книги отъ одиннадцатой до двадцать-второй включи-
 тельно, составляли кажется первоначальную организацію поэмы,
 собственно «Ахилленду», потому что здѣсь всѣ событія имѣютъ
 непосредственное отношеніе къ Ахиллесу, главному дѣйствующе-
 му лицу. Двадцать-третья и двадцать-четвертая книги были не
 болѣе какъ прибавленіями къ концу этой первоначальной поэмы,
 и все еще носятъ характеръ Ахилленды, но книги отъ второй
 до седьмой включительно вмѣстѣ съ десятою, имѣютъ болѣе об-
 ширный характеръ и переходятъ отъ Ахилленды въ Илиаду.
 Первоначальный фронтисписъ съ подписью: «гнѣвъ Ахиллеса и его
 послѣдствія», все еще остается, хотя къ цѣлому здавію прибав-
 лась значительная пристройка. Впрочемъ эта прибавка, по до-
 стоинству, отнюдь не ниже первоначальной поэмы и объ онѣ,
 въ одинаковомъ смыслѣ, представляютъ благороднѣйшія усилія
 одного и того же эпического духа древней Греціи. Нельзя так-
 же утверждать, что «Илиада» поздиѣе «Ахилленды»: объ онѣ при-
 надлежатъ къ одной и той же генераціи, къ одному и тому же
 состоянію первоначальнаго греческаго общества.»

Это мнѣніе господина Грота, совершенно оригинальное и весь-
 ма остроумное, возбудило въ нынѣшнемъ году безчисленные тол-
 ки въ европейскихъ обозрѣніяхъ, и вмѣсто того, чтобы при-
 нять древнихъ филологовъ, кажется, еще болѣе раздѣлило ихъ.

новѣйшая немѣцкая поэзія. Германскія Гейбеля, Шюппинъ. Шюберъ. Бекъ. Рюккертъ. Давно уже по всему лицу земли, съ востока до запада, съ сѣвера до юга жалобный стонъ стонъ, изъ край въ край плачевные вздохи носятъ о томъ, что въ нашу безотраднѣй «промышленный» вѣкъ, увы! поэзія зачахла, поэзія нѣтъ.... Увы!... Полноте! утѣшьте же наконецъ. Неужели вы, любители стиховъ, до-сихъ-поръ не примѣчаете, что надъ вами подшутили? Васъ увѣрили, будто нынѣшній вѣкъ удивительно остепенелъ, страшно поумнѣлъ, или, другими словами, просветился, охладѣлъ, очерствѣлъ и не понимаетъ ничего кромѣ процентовъ и акцій. Это клевета, и клевета очень старая: ее взводили на бѣдное человѣчество во всѣ вѣка и она, безъ сомнѣнія, была известна уже до Гомера. Поэзія совсѣмъ не такая вещь, чтобы ее можно было истребить, уничтожить. Покуда между людьми будетъ существовать молодость, будетъ существовать и поэзія. Бываетъ, правда, что нѣкоторые люди и даже цѣлыя поколѣнія, вдругъ начинаютъ старѣть черезъ-чуръ преждевременно, прикидываются глубокомысленными, зрѣлыми, равнодушными, сѣдыми, разсудительными, унылыми. Когда вы увидите такое явленіе и оно покажется вамъ безотраднѣй, имѣйте терпѣніе, обождите: молодость, не сегодня, такъ завтра возьметъ свое. Умъ въдѣ тяжелое бремя и носить его—трудная отвѣтственность, которая скоро надѣдаетъ. Оканчивается всегда тѣмъ, что прежде бороды посѣдѣвшіе старикки, пощеголявъ нѣсколько лѣтъ своею хладнокровною мудростью, сбрасываютъ и бремя и отвѣтственность и снова становятся очень милыми, любезными, простодушными и веселыми молодыми людьми, — снова принимаются за стихи, за рифмы, за розы, за чашу и за прочее. Примѣръ—«юная Германія», которая была уже очень, очень зрѣлая, разсудительная, стара, степенна и ни о чемъ больше не разсуждала, какъ только о политикѣ. Политика наводняла все, занимала всѣ головы, зрѣлая, перезрѣлая, созрѣвающія, недозрѣвшія и незрѣлая; политика вкралась даже въ невинныя и отрадныя нѣмецкому сердцу застольныя пѣсни, влилась въ чашу и вытѣснила оттуда вино и любовь; политика разорила, убила.... нѣтъ, убила нельзя сказать.... пришибла поэзію. Уландъ, со своими балладами, Кернеръ со своими мистическими фантазіями, были съ посмѣяніемъ изгнаны изъ высокоумныхъ рядовъ новыхъ мудрецовъ; всѣ предметы, въ которыхъ заключается единственный и вѣчный источникъ неистощимыхъ вдохновеній, — человѣческое сердце и красоты природы, тайны мысли и радости душъ,—все это, казалось,

возможно безъ возврата. Истинная поэзія, та поэзія, которая одна можетъ согласоваться съ гениемъ Германіи, осиротѣла... на время, уснула. Но вотъ, она, слава Богу, снова пробуждается, извѣстнѣе источники снова начинаютъ журчать въ лѣсахъ и легкой весенній зефиръ порхаетъ по разореннымъ странамъ; нѣмецкіе стихи и рѣмы снова пошли на законное употребленіе, на то, на что созданы,—на вино, любовь, розы, лулу, чашу, дѣву и прочее. Разумѣется, что политика не совсѣмъ начезла, мы еще увидимъ ее, только она уже не заглушаетъ цвѣтовъ сердца и воображенія.

Вникаемъ однако хорошенько и не станемъ ничего преувеличивать. Мы не намѣрены говорить читателю объ исторіи литературы, а хотимъ только обозначить признаки перерожденія нѣмецкой поэзіи и счастливаго возврата ея къ высокой сферѣ искусства. Нѣкоторые изъ новыхъ поэтовъ приближаются уже довольно рѣшительно; у другихъ хотя есть охота, но нѣтъ силы; тѣ же, которые останавливаются еще на кривомъ, ложномъ пути, докажутъ своею противоположностью какъ много можно выиграть, избравъ другой путь. Дѣло идетъ болѣе о новомъ состояніи литературы, чѣмъ объ изученіи артистовъ.

Самый оригинальнѣйшій, самый примѣчательнѣйшій изъ новыхъ нѣмецкихъ поэтовъ — Морницъ Гартманъ. Онъ могъ бы, еслибъ хотѣлъ, черезъ нѣсколько лѣтъ увеличить коротенькій списокъ именъ помѣщенныхъ въ первомъ ряду современной Германіи. Книга его, «Кубокъ и Мечъ», была принята съ живѣйшимъ сочувствіемъ самыми безпристрастными судьями. Книга эта издается уже во второй разъ. Въ ней встрѣчаются милыя картины, сильныя мысли, которыя оправдываютъ быстрый успѣхъ этой книги. Гартманъ — дитя Богеміи, потомокъ Гуситовъ и сосѣдь Славянъ. Онъ выросъ посреди великолѣпной природы. Ему стоило только открыть душу роскошнымъ впечатлѣніямъ, величественныя горы Богеміи и воспоминавія объ отечествѣ набросали сильныя и мрачныя краски на его произведенія. Тутъ нѣтъ желанія рѣчепыя, который хочетъ сочинить собраніе политическихъ гимновъ: тутъ нѣтъ ни программъ, ни заученной декламаціи, но его баллады, элегіи, его маленькія описанія, картины, освѣщаются противъ его воли рѣзкимъ и мрачнымъ свѣтомъ. Особенно два достоинства говорятъ въ пользу Гартмана, это: истина чувствъ и энергія формы, быстрое сочувствіе и юношеская рѣшимость, сердце и рука, или, какъ онъ самъ выражается, «кубокъ и мечъ».

«Я пришелъ изъ страны Гуситовъ. Любовь кипитъ въ моемъ сердцѣ. Сердце мое какъ нубонъ наполнено ею.

«Я пришелъ изъ страны Гуситовъ и вѣрую слову волающаго, вѣрую что мысли становятся легионами, вѣрую что всякая поэзія есть святой мечъ.»

Ему въ самомъ дѣлѣ не надо писать программы, какъ напримѣръ: посланіе къ королю прусскому, посланіе къ господину Гервегу, и такъ далѣе. Нѣтъ, онъ слишкомъ увѣренъ въ себя: какой бы предметъ ни задѣлъ его сердце, тамъ безъ напряженія возродятся благородныя мысли, высокіе порывы. Въ началѣ стихотвореній подъ названіемъ «внутренніе голоса» (innere Stimmen) заключаются мнѣлыя описанія, но оригинальность автора еще не обрисовалась.

Ктому же эта тема до того истощилась, особенно въ Германіи, что для ея возобновленія надобенъ или эфирный мистицизмъ Кёрнера, или предельная пера Генриха Гейне. Хотя Гартманъ съ умиленіемъ воспѣваетъ отеческій кровь, однако его пріятнѣе слушать тогда, когда онъ переступитъ черезъ порогъ и по немногу обнимаетъ весь горизонтъ Богеміи. Есть дѣлѣ Богемія, всё это знаютъ: сильная Богемія пятнадцатаго вѣка, старшая дочь современнаго духа, мать Іоанна Гусса и Іоанна Циска, и Богемія нашихъ временъ, лишенная роднаго языка и разлученная со всѣми своими воспоминаніями. Эта съ трудомъ отыскиваетъ самое себя.

Вотъ дѣлѣ страны, которыя Гартманъ, въ своихъ грустныхъ элегіяхъ, сближаетъ и какъ будто ставитъ на очную ставку. Его особенно приводитъ въ негодованіе то, что Богемія утратила даже сознаніе своихъ бѣдствій.

Морницъ Гартманъ имѣетъ необыкновенный даръ описанія: онъ живо представляетъ картины глазамъ читателя. Книга его заключаетъ въ себя множество мило сочиненныхъ поэмъ, написанныхъ умѣреннымъ перомъ и освѣщенныхъ великодушнымъ свѣтомъ. Эта умѣренность, столь рѣдкая въ писателяхъ и которая была отличительною чертою Лудвига Уланда и Генриха Гейне, открывается и въ немъ въ довольно высокой степени. Иногда это быстрые очерки фантастическаго воображенія, но линии охромно расположены, образы ясны, сильны, какъ-будто выдаются впередъ. Въ его поэзіи есть что-то мрачное и язвительное. Посмотрите на эту поэтическую вѣщанку:

Путешествіе оброченнаго:

«Два рыцаря свдять въ ладѣ; они спускаются по теченію быстрой рѣки.

«Рейнъ шѣмъ, Рейнъ глубоокъ: не одна очарованная фея спитъ на днѣ его гротовъ.

«Одинъ изъ рыцарей, съ бѣлокурою какъ золото бородою, говоритъ:

«Клянусь небомъ! путешествіе это сладостно, пріятно.

«Я ѣду въ Кёльнъ, на берега Рейна; я ѣду вѣнчаться на плѣмянницѣ епископа, на его голубоокой племянницѣ.

«Но другой рыцарь, съ червою бородой, восклицаетъ:

«Клянусь! это твое послѣднее путешествіе!

«Они обажаютъ мечи, желѣзо сверкнуло; бѣлокурый рыцарь падаетъ въ волны.

«Черный рыцарь свдитъ одинъ опершись на мечъ, мрачный взоръ его бросаетъ зловѣщія искры. И пока онъ спускается къ Кёльну, къ берегамъ Рейна, трупъ медленно плыветъ за нимъ.

Мы советуемъ обратить также вниманіе на стихотворенія подъ заглавіемъ «Два корабля», «Рутліійская роза» и «Богемскія элѣгій». Пусть тоже прочитаютъ ужасную исторію «Бѣлаго покрывала»: она выказываетъ весь стоическій восторгъ автора.

Одинъ молодой Венгерецъ, графъ, приговоренъ къ смерти: онъ былъ зачинщикомъ, учредителемъ бунта; его схватили и голова его должна пасть на эшафотѣ. Увы! вчера еще, онъ былъ на все готовъ и охотно шелъ на смерть, но умирать на плахѣ! Ахъ! какъ терзается его юное сердце! Какъ жизнь кажется ему прекрасною! Дитя слишкомъ надѣялся на свое мужество, ему страшень палачъ. «Не дрожи такъ, не бойся, говорить ему мать: я пойду умолять твоего судью; если онъ помиловать тебя, завтра, когда ударитъ часъ казни, я выйду на балконъ, покрытая бѣлымъ покрываломъ; если же я надѣну черное покрывало, то поручи душу твою Богу». День насталъ, часъ пробилъ; осужденный съ радостною улыбкою и спокойнымъ лицомъ идетъ посерединѣ толпы; онъ увидѣлъ бѣлое покрывало матери, онъ всходитъ на эшафотъ, все улыбаясь, въ полной увѣренности, что на мѣстѣ казни ему громогласно прочтутъ милостивое прощенье; онъ еще улыбался, когда голова его уже катилась подъ сѣкирой палача. Неустрашная мать обманула сына: она хотѣла, чтобъ онъ умеръ какъ мужчина.

Нельзя отвергнуть таланта, который блеститъ въ этихъ сочиненіяхъ; въ нихъ есть истинная поэтическая природа. Если бѣ

Морицъ Гартманъ родился нѣсколькими годами ранѣе, онъ достигъ бы можетъ-быть успѣха, увѣчившаго Гервега. Мужественныя чувства, которыя часто придаютъ музѣ Гервега неоспоримое могущество, очевидно дрожать, трепещуть въ стихахъ Гартмана. Но онъ не обдѣлываетъ, не обрабатываетъ своихъ ощущеній, не дѣлаетъ изъ нихъ обыкновенныхъ темъ, официальныхъ программъ: онѣ обладаютъ его сердцемъ и свободно разлетаются по всѣмъ твореніямъ его ума и воображенія. Отъ этого происходитъ, что въ совершенно противоположныхъ предметахъ вопль души его, неизвѣстный Гервегу, и та же самая драматическая энергія всегда удостовѣряютъ въ присутствіи истинныхъ страданій посреди фантастическихъ мечтъ, какъ наприимѣръ въ пьесѣ «Три сына».

«Будь спокойна, жена: если бѣ во время сраженія я былъ смертельно раненъ стрѣлою, то всё-таки не погибну: меня выучили закодованнымъ словамъ, которыя скоро излечутъ мою рану. Хотя бы мнѣ даже пронзили сердце, и тогда я не погибну, если одинъ изъ моихъ сыновей произнесетъ спасительныя слова.

«Онъ идетъ въ бой и возвращается съ прострѣленною грудью. Уже взоръ его потухаетъ, но боль не пугаетъ война. «Сынъ мой, произнеси скорѣе закодованныя слова; скорѣе, время летитъ». — Чтѣ я за дуракъ, въ самомъ дѣлѣ! для чего выговаривать мнѣ слово, которое лишитъ меня наслѣдства! Стрѣла прострѣлила тебѣ грудь; не останавливая твоей смерти, я не свершаю смертоубійства». Такъ сказалъ старшій и замолчалъ. Онъ звалъ слова, побѣждающія смерть.

«Мнѣ недостаетъ времени проклясть тебя... сказалъ тогда отецъ и обратился къ второму сыну: поди сюда, сынъ мой, произнеси надъ моею ранюю заветныя слова. Я всегда былъ для тебя самымъ преданнымъ отцомъ. Спѣши, вѣрное дитя мое, я такъ страдаю!»

«Ребенокъ спѣшитъ произнести слова, повторяетъ ихъ; но несмотря на то, кровь брызнула и полилась все сильнѣе и горячѣе. «О, жена! о, сынъ мой! силы покидаютъ меня. О! талисманъ жестоко обманулъ меня!»

«Онъ не обманулъ тебя, сказала мать: нечего дѣлать, я должна открыть тайну: ребенокъ этотъ не твой сынъ; заставь говорить младшаго». — Нѣтъ, пусть онъ молчитъ, проклятая женщина! А ты, сердце мое, ты, тѣло мое, сойдите въ гробъ!»

Прибавьте къ этимъ драматическимъ балладамъ прелестныя, чудныя мелодіи, милую и безстрашную пѣсню «Если бѣ я былъ

королемъ», прекрасныя строфы къ Николаю Ленау, и вы сами скажете, что Гартманъ истинно вдохновенный писатель, который также хорошо чувствуя всѣ настоящіе вопросы, не пожертвовалъ имъ ни живыми порывами воображенія, ни благородною свободою лиры!

Отъ Эмануэла Гейбеля не надо требовать сильнаго и одушевляющаго вдохновенія Гартмана: Гейбель поэтъ милый, веселый, перо его легко и блестяще. Онъ родился въ сѣверной Германіи, на берегахъ моря и съ раннихъ лѣтъ прислушался къ напѣву странствующихъ волнъ, которыя принесли его къ тихимъ, сладкимъ сферамъ; муза его разцвѣла подъ небесами Греціи и Испаніи. Правда, когда онъ жилъ въ Любекѣ, то описывалъ Римъ, его легенды и другія мелочи, какъ слѣдуетъ каждому нѣмецкому поэту, но что его особенно поражало, такъ это картины полуденныхъ странъ: когда встрѣчался ему на пути Богемецъ съ черными волосами, маленькій плясунъ съ кастаньетками или странствующие братья Миньоны, то они заставляли его переноситься въ мечтахъ въ страны солнца. Ктому же у него были всѣ истинныя и привычки другаго отечества: нѣтъ никого безпечнѣе его: онъ наслаждается лѣтнью какъ Фигаро, празднуетъ бездѣйствіе, стараясь оправдываться въ немъ, и находитъ тысячу причинъ, чтобъ извинить свою лѣнь.

Зато, когда онъ увидитъ Испанію, когда ляжетъ на розовыя лавры, ему будетъ ловче и чудные стихи вылетятъ изъподъ пера его. До-тѣхъ-поръ въ ожиданіи лучшаго, онъ будетъ переѣзжать изъ Любека въ Берлинъ и бросать сотнями любовныя пѣсни и посланія, не заботясь объ обещанной вѣрности и мелкихъ семейныхъ добродѣтеляхъ.

«Вѣчная невѣста», которую воспѣваютъ уже пятьдесятъ лѣтъ всѣ германскія лиры, не будетъ здѣсь надобно тѣмъ, кто находилъ, что почетъ ей не много дивненъ; классическая невѣста исчезла, у Гейбеля ихъ сотни, тысячи, какъ у Донъ-Жуана.

Не станемъ утверждать, что вѣтренность его всегда бываетъ хорошаго тону, особенно же чтобъ наивное влеченіе могло служить ей извиненіемъ. Намъ кажется, что въ самыхъ лучшихъ фантазіяхъ Гейбеля проглядываютъ плохо передѣланныя подражанія. Мы приведемъ тотчасъ въ доказательство Готье. Нѣмецкій писатель заимствовалъ не у одного автора «Комедіи смерти» подражалъ его своеправному воображенію, но и у другихъ французскихъ писателей. Гейбель читалъ всѣхъ французскихъ поэтовъ очень хорошо ихъ знаетъ и любитъ даже немного болѣе чѣмъ бы

сбѣденою. Онъ написалъ очень веселый, довольно остроумный разсказъ, который не существовалъ бы, если бь Альфредъ де-Мюссѣ не разсказалъ приключеній Мардохея.

«Въ Пруссіи, на берегахъ Спренъ, возвышается городъ Берлинъ, прославленный во всѣхъ журналахъ, знаменитый своимъ Фридрихомъ Великимъ, пылью и росью поэтовъ, именъ которыхъ никто не знаетъ. Тамъ-то жилъ одинъ молодой студентъ, его никто не звалъ. Несмотря на то, онъ очень достоинъ вашего знакомства. Какъ у меня подъ рукою не нашлось другаго героя, то я разскажу вамъ исторію моего друга Клотера.

«Страшный человекъ! полу-мужчина и полу-дитя. Я охотно повѣрю, что онъ былъ старшій сынъ апрѣля мѣсяца. То смѣлый какъ герой, предприимчивый, скорый въ дѣйствіяхъ, то мечтаетъ самъ не зная о чемъ и теряется въ мірѣ видѣній; сегодня онъ грустенъ, беспокоенъ; завтра же безпеченъ; теперь онъ томимъ и чувствителенъ, а черезъ часъ рѣшителенъ и твердъ; наконецъ, однимъ словомъ, онъ былъ что-то въ родѣ поэта.»

Авторъ продолжаетъ такимъ образомъ съ большимъ остроуміемъ, перо его летитъ легко, тонко, но къ несчастію слишкомъ замѣтно, что оно задѣваетъ Мардохея. Въ другой разъ онъ безъ церемоніи похититъ что-нибудь у Виктора Гюго, какъ, напримеръ, эта прекрасная пѣвница, восхищенная зрѣлищемъ великолѣпныхъ странъ, гдѣ она заключена, и которая не смѣетъ однако восхищаться, потому что видитъ вдали сабляи воиновъ. Пѣвница Виктора Гюго сдѣлалась у господина Гейбеля молодымъ пѣвничкомъ, который, мечтая въ прекрасныхъ стихахъ, воображаетъ себя владѣльцемъ дворца королей Мавровъ Мы говоримъ только о вѣкоторыхъ заимствованіяхъ Гейбеля, а могли бы назвать гораздо болѣе. Простимъ ему: будемъ снисходительны до-тѣхъ-воръ, пока полуденное солнце разогрѣетъ его воображеніе и одушевитъ своими лучами. Онъ хотѣлъ узнать по-крайней-мѣрѣ черезъ своихъ сабратій блестящія страны и принялъ воспоминанія своихъ чтеній за впечатлѣнія мѣстъ, къ которымъ зывалъ во свѣ.

Нѣтъ ничего очаровательнѣе впечатлѣній юга на людей сѣвера, но надо, чтобъ оно было неспрнтворно и возродилось мгновенно подъ вліяніемъ счастливыхъ, полуденныхъ странъ. Испанія, особенно Греція, лишь только онъ посѣтилъ ихъ, винуши Гейбеля стихотворенія вылетающія изъ сердца, болѣе не поддавались, чѣмъ всѣ творенія писанныя имъ въ Германіи. Молодой поэтъ жилъ цѣлый годъ въ Аоніахъ, что усовершенствовало его и придало стихамъ неподдѣльную грацію. Божествомъ-

ное море, про которое говоритъ Илиада, соловьи «Эдина въ Колонѣ»; боги Эндіаса, хоръ грацій появившихся на скатѣ священныя горы, особенно все, что есть легкаго, слабаго въ правахъ древности, все это играетъ съ истинною прелестью въ стихахъ Гейбеля. Разумѣется, что тутъ нѣтъ высокой граціи, чистаго греческаго вдохновенія поэта: старался сдѣлать только очень искусное смѣшеніе аониской простоты и современнаго уточненнаго кокетства. Изъ этого вышелъ составъ, въ которомъ есть какое-то благоуханіе. Признаюсь, мы боялись, чтобы молодой писатель, сошедши однажды на языческія земли, не предался съ слишкомъ большою охотою буйнымъ богинямъ, но съ перваго шагу онъ всталъ подъ покровительство Минервы.

«Ты которая обитаешь на вершинахъ горъ, голубокая Паллада, брось дружескій взоръ на поэта. Эротъ былъ ко мнѣ благосклоненъ, красный Бахусъ весело улыбался мнѣ, по ты, о богиня! дай удовольствію умѣренность, мудрость; дай спокойствіе духа и управляй наслажденіемъ. Когда молодость передается глгучимъ восторгамъ, увы! она дорого платитъ за минутное упоенье. Напротивъ, если ты укротишь тревогу твоими строгими и свѣтлыми очами, какъ Орфей благословенною лирою укрощалъ яростныхъ львовъ, тогда, опрокинутый кубокъ никогда не обезчеститъ прршества, никогда юная дѣва, краснѣя отъ стыда не опуститъ взора. Венера, украшенная цвѣтами, присутствуетъ въ собраніи и танцы Грацій какъ гирлянда окружаютъ очаровательный праздникъ.»

Мы думаемъ также, что Минерва открыла Гейбелю красоты древнихъ поэтовъ, которыхъ онъ воспѣваетъ съ совершенно новымъ впечатлѣніемъ, ничего не заимствуя отъ условленнаго восторга комментаторовъ. Намъ понравилось, что въ одномъ изъ своихъ рѣзвыхъ сонетовъ онъ неожиданно обращается ко всемъ филологамъ, дѣлателямъ примѣчаній, всемъ лексикографамъ своего отечества, совѣтуя посѣтить современную Грецію. Утро, проведенное на берегу моря, а вечеръ на народной площади, лучше растолкуютъ имъ Софокла и Аристофана чѣмъ безтолковыя колебанія всѣхъ нѣмецкихъ комментаріевъ. Гейбель могъ бы посвятить этому предмету болѣе четырнадцати стиховъ: мы удостоившись что тамъ есть много матеріи для хорошей сатиры. Это вѣчное повтореніе сто разъ сказанныхъ и пересказанныхъ вещей, это собраніе безполезныхъ, тяжеловѣсныхъ замѣчаній, нарающихъ самыя лучшія произведенія, есть безъ сомнѣнія одна изъ глубочайшихъ ранъ литературной Германіи. Гейбель могъ написать

эту сатиру тѣмъ живымъ и милымъ тономъ, который ему такъ идетъ, и написалъ бы ее рѣзко и остроумно. Онъ имѣетъ рѣдкій талантъ понимать все достоинство формы. Его по многимъ причинамъ можно принять за сына юга: онъ боится тучъ, терпѣть не можетъ трудныхъ выдумокъ, изобрѣтений; благородный свѣтъ греческаго искусства приводитъ его въ безконечное восхищеніе. Когда же душа его требуетъ болѣе мистицизма, онъ ищетъ наслажденій не въ Германіи, не въ Гётѣ или Жанъ-Полъ Рихтеръ, а обращается, какъ Шлегель, къ драмамъ Кальдерона.

«Ласточки щебечутъ съ самаго утра и небо разстилаетъ на вершины роскошной долины свой чудно-сафирный свѣтъ. О! какъ милое спокойствіе Гомера радуетъ меня тогда! какъ величіе Софокла трогаетъ мое сердце! Но если, поздно ночью, между облаковъ взойдетъ луна и разыграется пламя воображенія, о! тогда, я кланяюсь Аріосту, поэту цвѣтистыхъ и блестящихъ сказокъ, и Кальдеронъ убаюкиваетъ меня своими фантастическими мечтами.»

Все это дѣлаетъ книгу Гейбеля очень пріятнымъ чтеніемъ. Къ несчастію, книга не тутъ кончается. Гейбель возвращается въ Берлинъ и мы думаемъ, что Пруссія будетъ для него такъ же вредна, какъ Греція была полезна. Вы понимаете, что милый этотъ поэтъ, безпечный дилетантъ будетъ совсѣмъ не въ духѣ, когда воротится въ свое отечество. Онъ найдетъ уже очень серьезные перевороты, новыя и глубокія ощущенія, важныя, шумно разбираемыя задачи, а съ его лѣнью, очень можно предположить, что посреди бурной толпы онъ не сумѣетъ занять своего мѣста. Понятна роль поэта, который твердо поддержалъ бы независимость искусства и старался бы возвыситься надъ современными мѣтніями страстнымъ обожаніемъ идеала или милымъ восторгомъ фантазіи. Но трудно повяты нерѣшимость, замѣшательство Гейбеля, его провинціальную неловкость, когда онъ возвращается въ Германію. Онъ не знаетъ, что дѣлать, и не смѣетъ ни на что рѣшиться. По видимому, ни что не принуждало его брать участіе въ великомъ политическомъ преиіи его отечества; напротивъ, роль его была напередъ назначена; онъ долженъ былъ беззаботно продолжать раздавать свои милыя, благородныя пѣсни. Но пѣтъ, Гейбеля можно увлечь всюду: гдѣ просвѣтитъ вѣтеръ, тамъ и онъ возвышаетъ голосъ, старается быть врачнымъ, суровымъ. Вы думаете, что Гейбель присталъ къ «алангѣ Гервега? ни чуть не бывало: переверните страницу, и увидите его въ совершенно другомъ расположеніи. Что бы тамъ

ни было, по вотъ прекрасная книга испорчена, какъ-будто нарочно. Гейбель достоинъ однако оправданія и можно надѣяться, что онъ не замедлитъ оправдаться: онъ оставитъ другимъ опасное ристалище, снова прочтетъ Эсокрита и Кальдерона, и въ приготовленной имъ рамѣ, безъ претензій помѣстятся легкія описанія, яркія картины, тонкіе и свѣтлые акварели.

Левинъ Шюкнигъ, писатель извѣстный счастливыми опытами въ критикѣ и пріятными романами, дебютируетъ теперь въ поэзіи. Боимся чтобъ господинъ Шюкнигъ не ошибся дорогою: муза требуетъ исключительной и ревнивой любви. Авторъ «Замка на берегу моря» и «Рыцарей», написалъ эти два романа, чтобъ доказать различныя и противоположныя способности своего ума и воображенія. Ему бы слѣдовало теперь думать о болѣе серьезномъ твореніи и твердо рѣшить свое призваніе. Остроумная легкость, которой пельзя у него оспаривать, должна быть драгоценнымъ для него даромъ, если онъ захочетъ постараться выплкнуть въ смыслъ литературныхъ твореній, цѣнить, обсуживать, разбирать ихъ. Пусть онъ укрѣпитъ свои мысли, сроднится съ твореніями великихъ писателей, утвердится въ правилахъ, тогда онъ можетъ дать Германіи, чего ей не достаетъ и въ чемъ она такъ нуждается, — истиннаго критика. Сомнительно, чтобы поэзія была истиннымъ призваніемъ Шюкнига? Онъ, безъ сомнѣнія, можетъ пріятно писать хорошенькіе стихи: въ книгѣ его есть прекрасныя мѣста, видны блескъ, благородство, милыя качества. Искусный, опытный критикъ знаетъ однако, что этого недостаточно для поэта. Если Шюкнигъ хотѣлъ только упражнять свои способности въ различныхъ родахъ, то онъ успѣлъ въ нѣкоторой степени. Но, можетъ-быть, не лучше ли бы было не посвящать публику въ эти семейныя тайны, которыя ея нисколько не занимаютъ. Мы замѣтили въ стихотвореніяхъ Шюкнига свѣжее описаніе Вестфаліи, нѣсколько оригинальныхъ картинъ, прелесть которыхъ заслуживаетъ похвалы, и искусно написанныя баллады. Лучшая страница книги безъ сомнѣнія та, которую поэтъ посвящаетъ своему новорожденному ребенку. Глядя на эту чистую, невинную, только что узрѣвшую свѣтъ душу, онъ простираетъ руку надъ юнымъ человекомъ и позволяетъ воображенію ласкать позволенные химеры надеждъ. Чего онъ не могъ выполнить, чего не кончилъ, то можетъ совершить когда-нибудь этотъ ребенокъ. Все можетъ-быть. Вотъ онъ видитъ въ далекахъ, въ будущемъ, свои наконецъ оконченныя творенія, планы, проекты, поэмы, съ которыми не могъ

сладить, романы дремлющіе въ его сердцѣ, всё тѣ мечты, которыми онъ не умѣлъ дать настоящей формы; онъ ихъ видитъ, восхищается ими, не можетъ наглядѣться на ихъ пышный нарядъ. Какъ хороши онѣ теперь, эти бѣдныя дочери его колеблющагося воображенія! какъ плавно, какъ граціозно онѣ ходятъ въ своемъ безсмертномъ одѣяніи!

«Вотъ твое наслѣдство: некопченныя планы, прерванныя жалобы, отрывки мелодій. Творенія эти погбили въ первомъ цвѣтѣ, или бѣжали когда я хотѣлъ поймать ихъ. О! да будетъ судьба твоя счастливѣе моей! О! не знай никогда этого проклятія.... посредственности! пусть жизнь твоя будетъ раздольнымъ, звучнымъ пѣніемъ, полнымъ, могущественнымъ акордомъ глубокой гармоніи.»

Между-тѣмъ господинъ Шюкингъ былъ бы самъ виноватъ, если бъ покорился такому образомъ: онъ молодъ и пылокъ, ему не слѣдуетъ упадать духомъ: часть унынія еще не пробилъ для него. Мы благодаримъ его однако за то, что онъ чувствуетъ сильное отвращеніе отъ посредственности, которая принуждаетъ художника къ безконечнымъ опытамъ, пробамъ, очеркамъ; онъ почувствовалъ и выразилъ въ блестящихъ стихахъ весь свой ужасъ: путь этотъ не его, пусть же онъ сойдетъ съ него бодро и рѣшительно. Если онъ упорствуетъ въ попыткахъ, для которыхъ не созданъ его талантъ, то налагаетъ на себя жестокою необходимостью часто повторять слишкомъ откровенную жалобу, которую мы сейчасъ читали. Въ Шюкингъ есть много матеріалу для оригинальнаго критика, умнаго, серьезнаго судьи, влюбленнаго въ искусство и поэзію. Слѣдуя этому направлению, онъ можетъ занять почетное мѣсто, которое еще свободно въ хаосѣ современной нѣмецкой словесности.

Мы поспѣшно развернули новую поэму Леопольда Шефера. Шеферъ человекъ съ возвышенною душою, рѣдкимъ умомъ, полный религиозныхъ порывовъ и восторгу. Каковы бы ни были недостатки въ его сочиненіяхъ, вы можете быть увѣрены, что, читая ихъ, не теряете времени по пустому. Въ величайшихъ странностяхъ его воображенія вы найдете такое глубокое чувство, такое чистосердечіе, что поневолѣ сдружаетесь съ этимъ любящимъ, чувствительнымъ существомъ. Въ обихъ прежде вышедшихъ поэмахъ, «Четки свѣтскихъ жрецовъ» и «Сочельники», Шеферъ былъ какъ будто утомленъ теплыми порывами сердца и восторженностью души. Религіозныя ощущенія его философическихъ мыслей никогда не могли облечься въ прекрасную, прозрачную форму. Сколько раз

друзья Шефера страдали отъ этой безпрестанной противоположности между богатствомъ его мыслей и замѣшательствомъ въ выраженіяхъ! Нѣтъ ничего грустнѣе такой борьбы. Несмотря однако на варварскій слогъ, можно увлечься рвеніемъ, теплою, усердною набожностью проповѣдника и отъ души желать чтобы писатель, болѣе ознакомясь съ источниками искусства, могъ со временемъ ввѣрить сокровища души своей достойному его языку. Вотъ отчего каждую его книгу открываешь съ надеждою и безпокойствомъ.

Увы! надежда всегда обманываетъ. Можно подумать, что Шеферъ по собственной волѣ вышелъ изъ рядовъ художниковъ. Упоенный своимъ философическимъ мистицизмомъ, онъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе отказывается отъ литературной славы. Опытный критикъ Кюне, обозначилъ въ сильныхъ выраженіяхъ родство души, соединяющее Шефера съ Жанъ Полемъ. Это то же пренебреженіе формы, та же свобода мысли, которая разцвѣтаетъ во всемъ, смотря по вдохновенію или по расположенію слишкомъ полнаго сердца. Кажется однако, что Кюне слишкомъ спусходителенъ къ Шеферу: онъ многое ему прощяетъ, чѣмъ Шеферъ очень охотно пользуется. Сентиментальный мистицизмъ Жанъ-Поля оставляетъ еще огромное мѣсто творящей энергій художника; великолѣпные отблески, освѣщающіе его хаосъ, происходятъ не всегда отъ случая: въ нихъ чувствуешь мгновенное пробужденіе воли, — ея-то и недостаетъ Шеферу. Странное явленіе! Вотъ поэтъ, котораго правила Гегеля наполнили восторгомъ. Онъ проповѣдуетъ ихъ съ страстнымъ убѣжденіемъ, съ апостольскимъ рвеніемъ. И такъ, рационализмъ, который переходитъ у его братій во вѣрѣ въ политическіе, столь ясныя догматы и возраждаетъ самый рѣшительный радикализмъ, у Шефера превращается въ неожиданный мистицизмъ! Между тѣмъ какъ друзья его черпаютъ изъ философіи Гегеля только революціонное одушевленіе, онъ беретъ отъ нея такую теплую, возвышенную кротость, такую покорность, такое душевное спокойствіе, такую жажду миру и тишины, что скоро впадаетъ въ совершенное бездѣйствіе. Ему часто приходится проповѣдовать гегелевское ученіе и говорить о гордости, независимости разсудка и силѣ духа. Что до этого? Даже возбуждая къ этимъ догматамъ, вялый языкъ его можетъ усыпить васъ. Когда мистицизмъ не касается болѣе его предметовъ, онъ говоритъ довольно краснорѣчиво и просто. Всѣ молодые наставники, начальники гегелевской школы превратились въ трибуновъ: они покинули

спекуляціи и хотѣть бороться на народной площади. Въ эту-то самую минуту Леопольдъ Шеферъ, заключась въ уединеніи, съ жадностью возвратился къ пагубнымъ источникамъ, у которыхъ Германія пила такъ долго забвеніе земнаго и презрѣніе дѣятельной жизни. Мы думаемъ, что онъ избралъ лучшую часть изъ наслѣдства наставника, потому что сохранилъ въ душѣ духовный миръ, обожаніе разсудка, всѣ возвышенныя заботы души, такъ жестоко, насильственно изгнанныя нѣкоторыми изъ его собратій. Если бъ Шеферъ могъ разбудить свою уснувшую волю, если бъ онъ могъ покорить духъ свой упорному труду и, какъ трудолюбивый артистъ, привести въ дѣйствіе богатства, зарытыя въ душѣ его, тогда и философъ и поэтъ выиграли бы. У Леопольда Шефера философія и поэзія не поддерживаютъ, а развращаютъ другъ друга: мистическая философія отнимаетъ у поэта чувства и любовь къ формѣ, и если невзначай мысль воспрянетъ, безпечныя, вальсы выраженія, принятыя поэтомъ, въ свою очередь разслабляютъ догматы, которые онъ хочетъ воспѣвать.

Это упрямство нѣмецкаго мистицизма, особенно въ такую эпоху, какъ наша, право непонятно, особенно у писателя, принадлежащаго къ школѣ Гегеля: это странный феноменъ, невиданное чудо.... Напрасно Шеферъ вѣшался въ настоящую жизнь, напрасно посѣщалъ онъ разныя страны, Италію, Востокъ и шумныя столицы: можно подумать, что онъ провелъ жизнь въ монастырскихъ стѣнахъ.

«Если бъ Леопольдъ Шеферъ жилъ нѣсколько вѣковъ назадъ, говоритъ одинъ нѣмецкій писатель, онъ основалъ бы секту». Не знаемъ, вѣрно ли, по то вѣрно, что философія Гегеля сдѣлалась для него настоящимъ исповѣданіемъ и что изъ глубины мрачныхъ капеллъ голосъ его доходитъ до насъ какъ безконечный канонъ стоящаго на колѣняхъ монаха.

Первая поэма Шефера, «Молитвенникъ мірянина», несмотря на литературную неопытность, которая такъ замѣтна въ этомъ твореніи, восхитила многихъ. Книга эта—сборникъ духовныхъ и философическихъ гимновъ, приспособленныхъ къ каждому времени года, къ каждому мѣсяцу и дню; текстъ ежедневной проповѣди говоритъ о малѣйшихъ событіяхъ природы, о распускающемся цвѣткѣ, о птицкѣ и ея пѣніи, о прилетѣ журавлей, объ отлетѣ ласточекъ и журчаніи источника; моральное наставленіе мило соединяется съ событіями лѣсовъ и луговъ и, во время всей проповѣди, кажется, вдыхаешь свѣжій запахъ сѣна, цвѣтовъ и деревьевъ. Правда, что во всемъ этомъ есть

неясными странности: то неслыханная небрежность, необыкновенная слабость и вольность, то техническая сухость, которую почти нельзя извинить въ спеціальному трактатѣ; но набожныя ощущенія поэта такъ истинны, что берутъ верхъ надъ шероховатостью языка. Окончивъ проповѣдь, Шеферъ возвратился въ монашескую келію; онъ издалъ тогда «Сочельники», то есть, его удивленные размышленія, философическое поканіе при ночномъ свѣтѣ лампы. Но холодная келія не одушевила его такимъ вдохновеніемъ какъ весенняя природа. Не имѣя болѣе опоры въ созерцаніи жизни, онъ снова впалъ въ мракъ отвлеченностей и пустословія, такъ что въ ночныхъ бдѣніяхъ и мечтаніяхъ его есть много смутнаго, неяснаго. Поэтъ продолжалъ однако развитіе той же мысли: философія его сдѣлалась исповѣданіемъ, школа превратилась въ секту. Шеферъ еще до-сихъ-поръ продолжаетъ начатой трудъ. Послѣ «Молитвенника», писаннаго въ виду природы, послѣ возвышенныхъ, духовныхъ ночныхъ мечтаній, онъ входитъ въ толпу, обѣгаетъ міръ, стучитъ въ дверь каждаго съ благороднымъ намѣреніемъ утѣшить страждущія сердца, поддержать несчастныхъ, которыми овладѣло сомнѣніе; наконецъ налагаетъ на себя самую дѣятельную должность духовнаго утѣшителя и, чтобъ всѣ могли его понять, называетъ свою книгу «Мірскимъ жрецомъ».

Казалось, что авторъ «Сочельниковъ», наученный паденіемъ своего послѣдняго творенія, жаждетъ наконецъ поэтическаго успѣха. Въ самомъ дѣлѣ какой прекрасный случай, чтобъ отказаться отъ дидактическаго направленія. Казалось, онъ могъ бы имъ воспользоваться и вмѣшавшись въ дѣятельность человѣческой жизни, безъ сомнѣнія нашелъ бы блестящія картины, одушевляющія сцены, глубокія ощущенія, которыхъ нельзя было допустить въ «Молитвенникѣ міряны». Мы съ нетерпѣніемъ ожидали этого поваго творенія господина Шефера, предполагая, что книга эта будетъ совершенствомъ слога и воображенія. Не тутъ-то было: мы не нашли и не найдемъ этого совершенства. Въмѣсто вдохновеній и живыхъ картинъ, которыя выразили бы мысль философа, находимъ только однѣ длинныя, скучныя диссертаціи, написанныя амбическими стихами. Въ этомъ сочиненіи обыкновенныя ошибки Шефера чаще встрѣчаются и рѣзче тоже обозначается религіозный характеръ философа. Никогда Гегельвъ поклонникъ не былъ больше убѣжденъ въ истинѣ того, что говорилъ; никогда онъ не выражался съ такимъ пламеннымъ восторгомъ.

Правила Гегеля, со всѣми его догматами, передаютъ самыя любящія изъ левитовъ, и благодаря набожности проповѣдника, виды неожиданныя слѣдствія поученій милосердія, любви, преданности, которыя, казалось, были совершенно чужды этой страшной системѣ. Богъ Гегеля столь великій, но столь шепреклонный, вдругъ дѣлается любящимъ и милосерднымъ; имъ овладѣваетъ почти хрстіянская вѣжность. Вотъ истинно оригинальная часть этого страннаго произведенія. Между тѣмъ, чѣмъ болѣе поэтъ возносится и покидаетъ землю, тѣмъ болѣе онъ увлекается бесплодными отвлеченностями и странностью формъ. Мы надѣялись, что искренній этотъ восторгъ произведетъ поэта; ип чуть не бывало, оттуда выходитъ докторъ навьюченный тяжелою своею ношею. Въ феноменологій Гегеля ип чуть не больше тезъ и антитезъ, геометрій и метафизической алгебры, какъ въ «Мірскомъ жрецѣ». Шеферъ можетъ писать стихами сколько ему угодно о великихъ предметахъ, наполняющихъ его душу, но все уже кончено; тутъ болѣе нѣтъ ип поэта, ип поэзіи: всѣ эти педантическія приготовленія задушили воображеніе.

Сочиненія Шефера безпрестанно переносятъ насъ въ средніе вѣка. Думаешь, что изучаешь одного изъ тѣхъ католическихъ поэтовъ, которые глубоко пренсполнены чуднымъ идеаломъ и не могутъ осуществить его. Древніе художники не могли быть не ловче, смущеннѣе, болѣе невѣдуши въ своемъ искусствѣ, какъ Шеферъ, когда хотѣли напечатлѣть на своихъ твореніяхъ высокое чувство, овладѣвавшее ими. Это смѣшеніе высокаго и неловкаго трогаетъ насъ въ произведеніяхъ двѣнадцатаго вѣка, но печалитъ и оскорбляетъ въ поэтѣ нашихъ временъ, въ ревностномъ ученикѣ великой философской школы.

Монастырь, — мы не можемъ пойти лучше и вѣрнѣе этого сравненія, — мрачный монастырь, куда заключилось воображеніе Шефера, не имѣетъ, разумѣется, строгой и мрачной прелести тѣхъ широкихъ и темныхъ галлерей, тѣхъ освященныхъ капеллъ, гдѣ рисовалъ фиезольскій доминиканецъ. Хотя Шеферъ ходитъ часто на восторженнаго брата проповѣдника, мистическій восторгъ этотъ, ип сколько не возражая величественныхъ видѣній, исчезаетъ въ трудно-напряженныхъ формулахъ. Сначала, можетъ-быть, любопытно, изучать странную эту особу; между тѣмъ сочувствіе, котораго требуетъ убѣжденіе поэта, скоро замѣняется несносною скукой, и, убѣгая пустыхъ страшъ отвлеченностей, духъ жаждетъ, требуетъ свѣта и жизни.

Не знаемъ, дастъ ли вамъ поэзія Карла Бека тотъ живительный свѣтъ, но то вѣрно, что она насъ возвратитъ въ міръ, и поставитъ лицомъ къ лицу съ самою необходимою существованіемъ. Нѣтъ дичего менѣе монастырскаго, какъ новый томъ автора «Ночей» и «Поэта странника»: это памфлеты, гдѣ самые живые общественные вопросы разрѣшаются съ горькою насмѣшкою, нервною дрожью. Авторъ называетъ ихъ «Пѣснью бѣдняка» и въ самомъ заглавіи, всѣми мѣрами старается насъ увѣдомить, что онъ посвящаетъ ихъ семейству Ротшильда. Вотъ шумный вызовъ на бой, вотъ объявленное съ трескомъ нападеніе! Друзья Карла Бека, читатели принимающіе участіе въ будущности его таланта, думаютъ, что молодой поэтъ преспокойно могъ бы обойтись безъ этого мишурнаго блеску и заставить слушать себя, не крича такъ громко: «Вотъ я!»

Бекъ одаренъ сердцемъ истиннаго поэта. Онъ счастливо началъ свою поэтическую карьеру, написавъ: «Ночи», «Поэтъ странникъ», «Воскресеніе» и «Венгерскія мелодіи», но неоспоримыя качества его таланта имѣютъ нужду въ строгомъ управленіи. Нельзя отвергнуть его поэтическаго восторгу, но онъ слишкомъ часто хватается за химеры, за обманчивыя облака. Сердце его воспаляется, голосъ полонъ слезъ и негодованія, онъ умѣетъ сообщить вамъ быстрое чувствованіе; потомъ, когда настаетъ пора разлить по душамъ, приготовленнымъ такимъ образомъ, высокія поученія, которыми онъ кажется пренсполненъ, поэтъ молчитъ или болтаетъ о какомъ нибудь незвучащемъ предметѣ. Поэтъ хочетъ утѣшить всѣхъ несчастныхъ и предать суду беззаконія развратнаго общества. Трудное предпріятіе! особенно для писателя, котораго сердце всегда перевѣшиваетъ разсудокъ и который легко обходится и безъ идей. Онъ много декламируетъ, собираетъ метафоры, чтобъ скрыть пустоту своего творенія, или, что совершенно всѣ-равно, если попадаетъ ему мысль, которая согласуется съ развитіемъ его мысли, онъ не можетъ и разработать. Мы страдаемъ когда видимъ одного изъ пламенныхъ поэтовъ, прежде чѣмъ настаетъ пора его зрѣлости и настоящей силы, нападающаго на могучій, страшный предметъ: онъ готовится къ борьбѣ, гдѣ будетъ побѣжденъ безъ славы. Не всѣмъ позволено возвышать голосъ за бѣдняка, за страждущій классъ людей.

На это мало неясныхъ декламацій и поддѣльныхъ образовъ. Это важное призваніе. Какой серьезной философіи оно требуетъ! Какого знанія свѣта! Какого высшаго безпристрастія! Если бѣ

Карлъ Бекъ написалъ эту книгу черезъ двадцать лѣтъ, съ тою же чувствительною и обогащенною размышленіями душею, нѣтъ сомнѣнія, что онъ избавился бы отъ недоумѣній, ошибокъ, многихъ смѣшныхъ страницъ и выдумокъ недостойныхъ его таланта. Право, не стоитъ воспѣвать съ выраженіемъ такого негодованія, чтобъ развернуть въ громкихъ строфахъ такое смѣлое мнѣніе какъ это: бѣдный страдаетъ, бѣдный несчастливъ, бѣдный лишень земныхъ благъ, и такъ далѣе. Такое высокоумѣнное негодованіе, смѣшанное съ такимъ великимъ бесплодіемъ мыслей, придаетъ всей этой напыщенности что-то смѣшное. Право, не хотѣлось бы смѣяться въ такомъ горестномъ предметѣ, если же это случается по ошибкѣ неловкаго проповѣдника, то не имѣемъ ли мы права негодовать? Въ Донъ Жуанъ Мольера есть сцена, которую напоминаетъ по-неволѣ книга Бека: это знаменитая проповѣдь Сганареля Донъ Жуану. Для Бека Донъ-Жуанъ — общество, богатый и дерзкій, развратный и жестокой свѣтъ, который онъ рѣшился въ своихъ поэмахъ приговорить къ казни. Честный Сганарель рѣшается сдѣлать строгій выговоръ порочному Донъ-Жуану, но какъ онъ выходитъ изъ себя, какъ сердце его преисполнено негодованіемъ и свѣтъ помутился въ глазахъ его, то, Богъ знаетъ, какая выходитъ изъ этого чепуха! Вы помните эту прекрасную рѣчь: «Богатства дѣлаютъ богатыхъ; богатые не бѣдны; бѣдные нуждаются; нужда не имѣетъ законовъ; гдѣ нѣтъ законовъ, тамъ живутъ скотами, и, слѣдовательно, проклинаютъ и посылаютъ васъ ко всѣмъ чертямъ.» Таково тоже заключеніе Бека и, къ-несчастію, размышленія его довольно бы походили на разсужденіе Сганареля, если бъ поэтъ не имѣлъ къ своимъ услугамъ звучнаго языка. Отчего это? оттого, что Бекъ обманываетъ самъ себя празднымъ порывомъ: онъ принимаетъ первое движеніе сердца за могущественное вдохновеніе и, безъ латы и оружія, безумно нападаетъ на страшнаго противника, который подсмѣивается надъ его ударами. Молодые поэты, если хотите казнить жестокосердіе свѣта, помните, что для укрощенія дерзости Донъ-Жуана нужна каменная рука командора; если мысль ваша не увѣрена въ самой себѣ, если вы возвышаете голосъ безъ призванія, не имѣя на то права, вы, несмотря на блескъ вашихъ речей, запутаетесь какъ Сганарель.

Если стихи Бека слабы, когда онъ говоритъ о беззаконіяхъ вѣка, зато вдохновеніе его полно горечи и энергіи, когда онъ обращается къ страждущимъ сердцамъ. Господи! Бекъ ошибся два раза. Слѣдовало опозорить эгоизмъ съ тѣмъ твердымъ

спокойствіемъ, которое происходитъ отъ благородства души, а для страждущихъ надо было найти тѣ исполненныя кротости слова, которыя врачуютъ глубокія раны и приводятъ злыхъ на путь истины. Поэтъ не сдѣлалъ ни того ни другаго. Выбранный имъ предметъ требовалъ двухъ необходимыхъ условій, силы и спокойствія; онъ пренебрегъ ими для бредней, написанныхъ безъ цѣли. Такимъ образомъ, мы принуждены сказать, что бѣдность, которая для могущественной души можетъ сдѣлаться плодородною музою, дала Беку одни только дурные совѣты; *malesuada fames!* Однако невозможно, чтобъ поэтъ такой, какъ авторъ «Ночей» не попробовалъ написать что нибудь высокое, чтобъ доказать свой талантъ. Въ его книгѣ есть драмы полныя жизни и интересу, которыя имѣли бы еще большій успѣхъ, если бъ не были зарыты въ реторикѣ социализма. Однообразіе стиховъ вредитъ этимъ гораздо лучше написаннымъ піесамъ: поставьте ихъ на свое мѣсто, въ свободномъ движеніи разнообразной картины, они снова завладѣютъ всею своею прелестью. Тутъ, напротивъ, однообразіе притискиваетъ ихъ и можно подумать что онѣ заимствуютъ отъ окружающихъ предметовъ, какую то поддѣльную декламацию. «Анна Марія», «Старая дѣва», — не что иное, какъ трогательное и горестное описаніе, напоминающее одну изъ лучшихъ пьесъ Гюго, ту которую онъ называетъ: «Взглядъ брошенный въ свѣтелку.» Особенно въ послѣдней, нѣмецкій поэтъ могъ бы соперничать съ авторомъ «Внутреннихъ голосовъ»; сочиненіе это дышетъ чудною прелестью, тревожною пѣжностью, которыя изъ мрачной свѣтелки дѣлаютъ такую трогательную картину, а между тѣмъ твореніе это не трогаетъ насъ, или отвращеніе, которое оно внушаетъ, борется съ противнымъ чувствомъ; мы не вѣримъ произведенному на насъ впечатлѣнію, не смѣемъ предаться ему; отчего? оттого что авторъ, прежде чѣмъ написалъ это твореніе, предавался слишкомъ обыкновеннымъ и пустымъ декламациямъ и мы боимся встрѣтить въ живой, поражающей насъ картинѣ его вѣчныя выраженія, поддѣльное и холодное негодованіе. Господинъ Бекъ долженъ жалѣть о своемъ ослѣпленіи: если бъ онъ менѣе входилъ въ общественныя заботы, если бъ онъ не слушалъ догматовъ ненависти, книга его была бы написана болѣе свободнымъ слогомъ.

Недавно одинъ берлинскій поэтъ обновилъ одно изъ самыхъ любопытныхъ созданій среднихъ вѣковъ, сатирическую поэму *Reineke Fuchs*. Еслибъ авторъ ввелъ въ этотъ древній сюжетъ

новую жизнь и приладилъ его къ исторіи, которая происходитъ у него передъ глазами, всякій охотно послѣдовалъ бы за нимъ въ Берлинъ или Пруссію посмотреть на приключенія старой лисы, вельможи Изенграмъ, Гермелины и другихъ дѣйствующихъ лицъ! За эпизодами не стало бы дѣла, чтобы придать старому тексту настоящій интересъ, и, въ раздольной судьбѣ этой поэмы, безпреставно передѣлываемой и переправляемой съ половины двѣнадцатаго вѣка, новая эта вѣтвь была бы не менѣе другихъ оригинальна.

Но чтобъ остроумно подсмѣиваться и прямо намекать на смѣшныя стороны общества, нужно необыкновенное остроуміе, благородство и вмѣстѣ большая хитрость. Исключая Генрика Гейне, мы не знаемъ никого, кто бы могъ взяться за этотъ предметъ, но Гейне лучше хочетъ самъ создать свое дѣйствующее лицо, по внушенію собственной фантазіи, чѣмъ вытаскивать его изъ хроникъ, и, вмѣсто медвѣдя баснописцевъ, вмѣсто знатнаго Бруна, онъ написалъ Atta-Troll. Что же касается до Гласбреннера, то его можно назвать умнымъ человѣкомъ и приятнымъ рассказчикомъ, но не поэтомъ и не художникомъ, и было бы напрасно отыскивать серіознаго литературнаго достоинства въ пяти или шести-тысячахъ стиховъ его эпопей. Вотъ единственный приговоръ, заслуженный «Новымъ Reineke Fuchs». Мы не хотимъ однако послѣ прекрасныхъ стиховъ Мерца Гартмана, благородныхъ фантазій Гейбеля и даже послѣ похвальныхъ усилий Леопольда Шефера и бѣшеннаго блеска Карла Бека, кончить этотъ краткій обзоръ книгою господина Гласбреннера: это значило бы останавливаться на твореніи слишкомъ чуждомъ поэзіи.

Мы рады, что Рюкертъ намъ показываетъ высокія и свѣтлыя сферы. Знаменитый поэтъ прибавилъ новое сочиненіе къ своимъ прекраснымъ спискамъ съ восточной поэзіи. Твореніе это одно изъ лучшихъ сочиненій Рюкерта. Тутъ дѣло идетъ не объ Гаазѣ, Гаррири или Желалъеддинѣ: вдохновенный писатель переноситъ насъ въ самыя древнія времена Аравіи и открываетъ передъ нами поэтическія происхожденія, первобытную литературу, легенды, пѣсни, отрывки эпопей, цѣлыя сокровища, полныя новизны и прелести. Въ Египтѣ, въ началѣ девятаго вѣка жилъ знаменитый поэтъ, по имени Абу Темамъ, который служилъ при дворѣ Абасидовъ. Абу-Темамъ былъ не только прославленный поэтъ, но и ученый: онъ собралъ съ большимъ стараніемъ всѣ пѣсни своихъ предковъ, всѣ богатства народнаго преданія. Это-то собраніе пѣсенъ, знаменитыхъ въ восточной литературѣ подъ за-

главнѣе «Гамаза» перевелъ недавно съ блестящимъ успѣхомъ и въ красивыхъ выраженіяхъ, авторъ «Сервъ» и «Сада Розъ». Можно смѣло надѣяться на переводы Рюкерта: никогда писатель не управлялъ выраженіемъ, языкомъ своимъ съ большимъ искусствомъ, съ удивительнѣйшею гибкостью: подъ перомъ этого роскошнаго и мнлаго художника, слова сіяютъ неожиданнымъ свѣтомъ, строфы развертываются какъ драгоценныя ткани. Это новое произведеніе Рюкерта утвердитъ за нимъ его славу. Онъ познакомилъ Европу съ великолѣпными глубинами Джелальеддина, съ вѣтренною любовью веселаго Гафиза; теперь онъ показываетъ, какъ выходить изъ палатокъ, съ дикою гордостью и благородствомъ, все арабское рыцарство. Отважные всадники, съ мечемъ въ рукѣ, ѣдутъ по обширному полю, благородные кони ржутъ, эхо повторяетъ кровавые вызовы и сабли сверкаютъ молніею. Эпическіе отрывки господина Рюкерта блестятъ энергіею и талантомъ; онъ чувствуетъ ужасъ ко всему низкому, презрѣніе къ подлому; въ его стихахъ видна какая-то неустрашимая, смѣлая восторженность, однимъ словомъ истинно рыцарскій духъ. Это полезный и драгоценный подарокъ, которымъ господинъ Рюкертъ надѣлилъ ученый свѣтъ. Не говоря уже о достоинствѣ перевода, который — совершенство въ своемъ родѣ, должно зашѣтнть живой свѣтъ, заключающійся въ этой любопытной книгѣ, свѣтъ которымъ онъ можетъ озарить европейскую поэзію среднихъ вѣковъ. Быть-можетъ также, новое произведеніе Рюкерта откроетъ новые источники, и поможетъ возрожденію пѣмечкой поэзіи.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ ГЕРМАНИИ. *Последніе романы графини Ганъ-Ганъ.* Clelia Conti. Sybille. Eine Selbstbiographie. «Въ первой любви женщина любитъ любовника, потомъ уже любитъ любовь!» говорятъ Байронъ. Если это не совсѣмъ правда, то очень походитъ на правду. Конечно, нельзя сказать этого о всякой женщинѣ, но можно сказать о многихъ. Есть женщины, у которыхъ любовь поглощаетъ все другіе истинныя, которыхъ все счастье заключено въ этой любви. У другихъ, напротивъ, умъ преобладаетъ надъ сердцемъ и онѣ не могутъ любить всей полною душою: не спокойныя, въ вѣчномъ раздорѣ сами съ собою, они бываютъ томимы потребностію наполнить сердечную пустоту, и дѣлаются то святѣшми, то писательницами или художницами, то кидаются въ вихрь свѣта, — все тщетно! Ихъ преслѣ-

дусть своего рода Гамлетово проклятіе. Въ немъ, необыкновенное развитіе мысли и воображенія уничтожало способность хотѣть и дѣйствовать, а въ нихъ оно уничтожаетъ чистые нервы сердца.

Клелія и Сибилла—два типа этихъ женщинъ. Одна блестящая, прекрасная и любящая; другая, съ холоднымъ сердцемъ и горячимъ воображеніемъ, жаждущая блаженства несбыточнаго, живущая мечтами пылкими и въ то же время скептическими, все подозрительно анализирующая. Сношеніе съ ближними, домашнія обязанности, которыя она выполняла съ такою безукоризненною любовью мужа, ласки дочери не приносили ей ни мира, ни радости. Путь передъ нею былъ широкъ и гладокъ, но она затруднялась идти. Свѣтъ былъ жестокъ съ Клеліей, она много перетерпѣла въ свѣтѣ, но не зачерствѣла въ немъ, и всюду и постоянно приносила счастье. Она умерла рано, но до конца жила всей полнотою жизни, до конца была вѣрною самою себѣ и тѣмъ, которыхъ выбрало ея сердце:

All who joy would win,
Must share it: happiness was born a twin.

Вотъ какъ Клелія рассказываетъ о своемъ дѣтствѣ:

«Мой отецъ былъ австрійскій офицеръ, но онъ родился въ Ломбардіи; моя мать была Нѣмка. Они сошлись въ Карлсбадѣ, обвѣнчались тамъ и уѣхали въ Верону, гдѣ тогда стоялъ полкъ моего отца. Тамъ родилась и я,—единственный плодъ этого несчастнаго брака. Мои родители полюбили другъ друга за красоту, дѣйствительно необыкновенную, но ихъ характеры были совершенно разны: это были ледъ и пламень, вода и лава; лава — отецъ, вода — мать. Кажется, она обманулась, принявъ за любовь первое впечатлѣніе, произведенное на нее блестящею красотой. Чтобы быть счастливою и осчастливить другихъ, ей не слѣдовало бы оставлять свой сѣверъ. Она не поняла моего отца. Онъ преклонялся передъ ея чудною красотой, но не былъ поработанъ ею. Я не умю объяснить этого, но знаю, что всякая красота увлекала его. Моя мать обладала этимъ магнитомъ, но не умѣла употребить его. Небольшою уступчивостью, лаской, улыбкой, нецѣлуемъ, словомъ, она могла бы удерживать его отъ вѣтренности, но это было не въ ея природѣ, она не могла быть любезною. Мой отецъ былъ однимъ изъ тѣхъ людей, которые охотно поддаются ласкѣ, легко склоняются на просьбу: моя мать не умѣла просить. Какъ-бы она горячо ни желала, чтобы онъ дѣ-

дамъ или не дѣлала того или другаго, она никогда не просила объ этомъ, но коротко и холодно объявляла свое желаніе; она казалась совершенно равнодушною, между-тѣмъ какъ ей сердце разрывалось при мысли, что она пренебрегаема для другихъ женщинъ, не столько прекрасныхъ и высокнхъ духомъ: она казалась холодною и чистою какъ кристаллъ. Ничто не могло обнаружить ея ревности, и я думаю, что мой отецъ былъ бы очень счастливъ, если бъ она хоть разъ приревнивала его: но для нея, чувство это было слишкомъ низко и она тщательно скрывала свои мѹки. Слѣдствіемъ этого было то, что мой отецъ сталъ сомнѣваться въ ея привязанности и нерѣдко уходилъ изъ дому тогда, когда вовсе не хотѣлъ этого. Однажды, я помню, моя мать съ необычайнымъ волненіемъ сказала мнѣ:

«— Клелія, умоли отца остаться съ нами, умолай его не оставлять насъ!»

Я его стала просить со всей горячностью осмилѣвшей дочери и онъ остался дома. Моя мать не умѣла просить. Все это было для меня тогда непостижимо. Мнѣ было какъ-то неловко между ними. Я исключительно любила мать: будучи всегда при ней, я всегда ее видѣла неизмѣнно кроткою и печальною, и любила ее такъ горячо, что это и теперь меня удивляетъ. Я истинно-вѣрно понимала, что она несчастлива, и почти боготворила ее, чувствуя нѣкоторое отчужденіе отъ отца. Повременамъ онъ показывалъ горячую любовь ко мнѣ, но увлеченный другими предметами, онъ совершенно меня забывалъ и это жестоко оскорбляло мое юное сердце. Мать, напротивъ, никогда не забывала чрезмѣрной привязанности, но и никогда не бывала ко мнѣ равнодушною: она была кротка и тиха какъ ангелъ, и я дѣйствительно почитала ее ангеломъ. Я не была счастлива, хотя находила въ матери все то, что составляетъ счастье дѣтей: это уже свойство моего темперамента. Не даромъ я была дочерью моего отца: природа одарила меня тѣмъ же знойнымъ сердцемъ, но нравъ матери такъ мало соответствовалъ моему, что наконецъ, твердо убѣдившись въ нерасположеніи ея ко мнѣ, я рѣшилась, во что бы то ни стало, приобрести ея любовь. Всеми вѣроятіямъ старанія мои только докучали ей, да я и рѣдко имѣла случай показать ей мою привязанность. Я была покорна, внимательна и прилежна, но сердце мое вовсе не довольствовалось одними похвальными словами, а жаждало любви. Я отъ нея не отходила ни на шагъ, и сидя возлѣ нея, бывало держу ее за руку, гляжу въ глаза, кидаюсь къ ней на шею по

двадцати разъ въ часъ и чуть не задумаю поцѣлуями и ласками. Читаетъ она, стою передъ нею на колѣняхъ и гляжу ей пристально въ глаза, покуда она на меня не обратитъ вниманіе. Если начнетъ пѣть, я, въ восторгѣ отъ ея прекраснаго голоса, зайду сзади и такъ крѣпко обниму за шею, что она по-неволѣ прекращаетъ пѣніе. Нарядится, чтобы ѣхать на вечеръ, — что впрочемъ случилось рѣдко, — зальюсь слезами, при мысли, что я одна не увижу ея въ ярко освѣщенныхъ комнатахъ, посреди богато одѣтыхъ гостей. На мои слезы она говорила мнѣ: — «Стыдись, Клелія!» — а на ласки: «Перестань же, Клелія, не докучай; стану передъ нею на колѣни, говорить: «Клелія, не ползай по полу какъ собачка!» Однажды, положивъ голову къ ней на колѣни, я сказала:

«Да вѣдь я твоя собачка, маменька, я счастлива когда лежу у ногъ твоихъ.»

«Встань, Клелія, сказала она съ сердцемъ, подобныя превеличія походятъ на ложь. Не должно говорить того, чего не чувствуешь.»

«Я въ самомъ дѣлѣ чувствовала къ ней любовь безпредѣльную походящую на привязанность вѣрной собаки къ господину, и мысль, что не могу заставить ея понять эту любовь, огорчала меня болѣе чѣмъ самыя ея упрёки.»

«Въ другой разъ, я вошла къ ней въ уборную когда она одѣвалась на большой обѣдъ. Какъ теперь вижу ее! Она была одѣта прекрасно. Съ минутою я стояла какъ вкопанная, ослѣпленная ея красотою и, наконецъ, бросившись къ ней, обняла и, покрывъ щеки и плечи поцѣлуями, вскрикнула въ восторгѣ:

«Ахъ, маменька, ты прекрасна какъ ангелъ!»

«Отстранивъ меня спокойнымъ движеніемъ руки, она сказала безъ сердца, но съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ:

«Надо быть скромнѣе, Клелія!»

«Въ этотъ разъ случилось отцу быть тутъ; ему стало малъ мѣся, онъ обнялъ меня нѣжно, говоря: «Ты права, душенька, маменька твоя дѣйствительно прекрасна какъ ангелъ.»

«Вы оба притворяетесь, возразила она холодно.»

«Ей казалось такъ, потому что она чувствовала не такъ горячо какъ мы, но ни я, ни отецъ, не заслуживали подобнаго упрёка. Отцомъ управляла какая-то лихорадочная чувствительность, причинявшая безпрестанныя взмѣненія нрава, такъ что онъ рѣдко два дня сряду ходилъ на того же человѣка. Его

недостатки происходили отъ избытка чувствительности, лишившей его даже возможности притворяться.

«Не могу не удивляться теперь, какъ при холодной строгости матери, любовь моя къ ней не измѣнилась въ страстную привязанность къ отцу, и могу себѣ объяснить это только сходствомъ его темперамента съ моимъ, или тѣмъ, что я наслѣдовала отъ матери ея постоянство, котораго въ его характерѣ не доставало. И такъ, я продолжала любить ее со страстною преданностью, но безъ наслажденія и, боясь разсердить, привыкла подавлять выраженіе моихъ чувствъ и молчать, когда-бы мнѣ хотѣлось плакать или радоваться вслухъ. Я увѣрена, что она поступала со мною такъ холодно въ надеждѣ затушить во мнѣ тѣ страстныя вклонности, которыхъ вредныя послѣдствія она видѣла на отцѣ моемъ, но она не достигла цѣли: огонь во мнѣ не потухалъ, а тлѣлъ втайнѣ, чтобы при первомъ случаѣ вспыхнуть съ новою силою: Слѣдствіемъ всего этого было то, что я казалась холодною и спокойною, а на дѣлѣ грустила и скучала. Богъ вѣдаетъ, чѣмъ бы это кончилось, если бы внезапная смерть матери не измѣнила совершенно мое положеніе. Она умерла въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости, не достигши еще тридцатилѣтняго возрасту. Мнѣ былъ тогда двѣнадцатый годъ. Ударъ свергъ меня въ какую-то летаргію, въ какое-то сонное недоумѣніе. Любила ли она меня? Знала ли, какъ я ее любила? Эти вопросы смутно бродили въ моей головѣ, но я какъ-будто не смѣла выражать ихъ словами; мои сомнѣнія казались мнѣ упрекомъ памяти усопшей.»

По смерти матери, отецъ Клеція отдалъ ее на воспитаніе къ Урсулинскимъ монахинямъ. Она страстно привязалась къ нимъ и къ своимъ молодымъ подругамъ. Торжественная музыка и поэтическія легенды католицизма открыли ей страстной душѣ новый міръ наслажденій; она нашла разрѣшеніе задачи столь болѣзненно занимавшей ее: она можетъ теперь доказать усопшей матери свою любовь, молитвами къ Пречистой Дѣвѣ объ упокоѣ ея души. Она хотѣла было постричься въ монахини, но просьбы умиравшаго отца убѣдили ее оставить это намѣреніе.

Смерть отца горестно измѣнила судьбу бѣдной сироты. Генераль, баронъ Таннау, мужъ единственной сестры отца, сдѣлался ея опекуномъ, и увезъ ее съ родины въ Инспрукъ, въ тотъ свѣтлый, холодный край, одно имя котораго, даже изъ устъ матери, заставляло ее содрогаться. Это бы еще ничего, но изъ мирнаго убѣжища монахинь, неопытная, довѣрчивая, вели-

кодушная дѣвушка поступила въ новый міръ, завистливый, злобный, коварный, исполненный всѣхъ гнусныхъ и низкихъ страстей. Главная забота баронессы состояла въ томъ, чтобы снискать партію для ея двухъ некрасивыхъ, сварливыхъ дочерей, а Клеопитъ очаровательный голосъ, красота и состояніе, оставшееся послѣ матери, казались этой свѣтской женщиной непреодолимыми препятствіями къ достиженію ея цѣли.

«Утѣшаюсь мыслію, что на свѣтѣ не много такихъ женщинъ, какова была моя тѣтка: она была порочна до глубины души. Помощію дивной ея красоты и ловкаго пронырства ей удалось совершенно завладѣть мужемъ, въ самомъ началѣ супружества. Сначала отъ слѣпой любви, потомъ уже отъ привычки, онъ и видѣлъ и слышалъ ея глазами и ушами, соглашался на всѣ ея желанія и предоставлялъ ей полную свободу распоряжаться во всемъ, что не касалось до его служебныхъ обязанностей. Власть свою она злоупотребляла безъ совѣсти. Она была до крайности холодна и знала любовь по одному имени, но жила и дышала только интригами. Втайнѣ привлечь къ себѣ мужчину, отбить у другой любовника: вотъ были ея удовольствія. Отъ нихъ она не отказывалась даже и тогда, когда дочери выросли: напротивъ, это послѣднее обстоятельство придавало игрѣ болѣе сложности, а слѣдовательно и болѣе интересу. Она была уже не молода и прелести ея замѣтно увядали, но обращеніе было столь вкрадчиво и обольстительно, что каждый по неволѣ покорялся ей. Связь свою съ Агацомъ Таинау (мужиннымъ братомъ, отъ втораго брака его отца) она ловко скрывала отъ мужа и дочерей, подъ видомъ материнскаго къ нему расположенія. Этотъ Ахатцъ, мужчина прекрасный собою, но развратный какъ только можно себѣ представить, былъ двѣнадцатью годами моложе ея. Желая испытать силу его страсти, она два года сопротивлялась его преслѣдованіямъ, подъ видомъ добродѣтельной скромности, и только замѣтивъ, что онъ рѣшился отстать отъ нея, она покорилась ему. Все это узнала я отъ самого Агаца, котораго страсть теперь охладилась, хотя онъ всё-еще находится подъ ея вліяніемъ, и это, вмѣстѣ съ явнымъ нерасположеніемъ ея ко мнѣ, усилило ту тайную антипатію, которую я къ ней чувствовала. Она же терпѣть меня не могла и, считая мои пятьдесятъ-тысячъ флориновъ за опаснаго соперника прелестямъ ея дочерей, она тщательно скрывала въ обществѣ, что я имѣю это небольшое состояніе. Меня всюду выдавали за бѣдную родственницу, принятую въ ихъ семейство изъ состраданія, и моя робость, скромный

театръ и незнавіе свѣтскаго обхожденія, казалось, оправдывали эти толки.»

«Съ согласія брата своего, Агацъ сталъ за нее свататься, и Клелія, которая къ нему не чувствовала ни любви, ни ненависти, готова была исполнить волю опекуна. Тутъ вдругъ выѣхалась баронесса, и весь гнѣвъ этой злобной женщины обрушился на Клелію, которую она стала обвинять въ лицемеріи и, выдумавъ, будто бы она находится въ преступной связи съ Агацомъ, заперла бѣдную дѣвушку на трое сутокъ, на хлѣбъ и на водѣ.

«Тутъ-то подумаете вы, я страстно влюбилась въ Агаца. Ни чуть не бывало. Я болѣе плакала отъ негодованія. Онъ, говорила я себѣ, причина этого несправедливаго поступка тѣтки. Зачѣмъ же онъ увлекалъ меня? Зачѣмъ разговаривалъ со мною? О! если за его любовь ко мнѣ я должна подвергнуться подобнымъ оскорбленіямъ, то я отъ него отказываюсь.

«По истеченіи трехъ дней меня призвали къ тѣткѣ, которая объявила мнѣ, что знаетъ всѣ мои шашни, что бракъ нашъ не состоится, что я еще молода и у Агаца нѣтъ состоянія, словомъ мы другъ другу не партія. Она совѣтовала мнѣ перестать покетничать и лицемерить, и не думать о супружествѣ; это, говорила тѣтка, непримично такой молодой дѣвушкѣ. Съ этими словами она меня отпустила, и возвратясь къ себѣ, я нашла на писаню записку отъ Агаца, наскоро написаную карандашемъ. Вотъ содержаніе:

«Милая Клелія, не пугайся угрозъ этой мегеры; не вѣрь ей. Я на тебѣ жениюсь, во что бы то ни стало.»

Тутъ же я написала слѣдующій отвѣтъ:

«Да я за васъ не пойду! Я и то слишкомъ много терпѣла изъ-за васъ. Женитесь на комъ хотите, я буду радоваться вашему счастью; но отъ Клеліи не ожидайте любви.»

«Я была тогда до того робка и неопытна, что послала эту несчастную записку при себѣ цѣлыхъ три дня, вокуда собралась съ духомъ и отдала Аагцу.»

«Баронесса теперь перемѣнила тактику и стала брать Клелію съ собою въ общества, боясь чтобы Агацъ не нашелъ случая поговорить съ нею наединѣ. Клеліи приказано къ слѣдующему воскресенью приготовить бальное платье, хотя она возражала что не училась танцовать и не знаетъ, что на балѣ дѣлать. Нужды нѣтъ, что не училась, а танцовать велѣно какъ съумѣетъ, если кто ангажируетъ, но не съ Агацомъ..... вѣдь на нее никто не

обратить вниманія. Но почтенная тётка ошиблась въ расчётѣ: графъ Гундаккаръ пожелалъ быть представленнымъ Клеелю.

«И Гундаккаръ заговорилъ со мною по-итальянски! Въ первый разъ на чужбинѣ услышавъ звуки роднаго языка, я была въ себя отъ радости. Не знаю, какъ я его не обняла, въ своемъ восторгѣ, какъ не заплакала. Мною овладѣло чувство невыразимаго умиленія. Не помню, о чемъ мы говорили и какъ я съ нимъ очутилась посреди вальсирующихъ.

«Такова была первая наша встрѣча. Она мнѣ казалась вступленіемъ въ новую, дивную, очаровательную жизнь, совершенно мнѣ незнакомую, и я выразила свое удивленіе съ такимъ простодушіемъ, что Гундаккаръ въ недоумѣніи спросилъ наконецъ, гдѣ я до-тѣхъ-поръ жила: не въ пещерѣ ли, какъ Кальдеронова Семирамида? Тутъ я ему рассказала о жизни моей въ монастырѣ, въ Веронѣ, и объ уединенномъ и скучномъ существованіи моемъ въ Нисирукѣ; онъ же въ свою очередь описалъ мнѣ свой веселый образъ жизни въ Венеціи, гдѣ онъ живетъ въ домѣ Депутатовъ, имѣетъ какое-то мѣсто по гражданской службѣ, обещающее ему блестящую будущность. Онъ былъ единственный сынъ родителей, которые его боготворили. Несмотря на молодость,—ему было девятнадцать лѣтъ,—онъ бы могъ тогда служить образцомъ мужественной красоты. Послѣ полуночи, дамы сѣли ужинать; кавалеры ужинали стоя и Гундаккаръ, ставъ позади меня, прислуживалъ мнѣ. Мнѣ было оскорбительно видѣть его стоящимъ, между-тѣмъ какъ я сижу къ нему спиною! Я захотѣла ѣсть, и взяла изъ его рукъ нѣсколько фруктовъ и конфетовъ. Онъ попросилъ меня налить ему рюмку вина, что я исполнила съ удовольствіемъ.

«Геба!» сказалъ онъ мнѣ, Я столько же знала о языческой мифологіи, сколько объ испанской литературѣ, и въ первый разъ слышала о Гебѣ, но имя это показалось мнѣ прелестнымъ.

«Я легла спать съ сердцемъ исполненнымъ блаженства! Это былъ первый счастливый день моей жизни. На слѣдующее утро, проснувшись въ обыкновенное время, я отправилась къ обѣднѣ, и молилась съ благоговѣніемъ, какъ вдругъ замѣтила Гундаккара, прислонившагося къ столбу. Я ему накануне рассказала всѣ обстоятельства моей ежедневной жизни, начиная съ обѣда; и онъ этого не позабылъ. Я забыла свои молитвы и въ головѣ моей пошли кружиться имя Геба и воспоминанія о вчерашней веселой музыкѣ и о вальсѣ. Вдругъ я подумала, O Jesus Maria! онъ вѣрно никогда не молится: буду за него молиться. Во время молит-

вы мнѣ пришло на умъ: «Да что онъ мнѣ, чтобы я такъ заботилась о его душѣ?» По окончаніи обѣдни я обрадовалась не видя его болѣе, но подойдя къ святой водѣ, остановилась немного, чтобы дать пройти стоящей тутъ небольшой толпѣ дамъ; вдругъ Гундаккаръ черезъ головы дамъ опустилъ концы пальцевъ въ святую воду и протянулъ ихъ ко мнѣ. Я не замѣчала его приближенія и вотъ, когда мнѣ понадобилась эта небольшая услуга, онъ явился. Пальцы наши коснулись, и я испугалась, когда Гундаккаръ, чѣмъ бы ему перекреститься, приложилъ концы пальцевъ къ губамъ. Я съ трепещущимъ сердцемъ удалилась и, поспѣшивъ домой, встрѣтила Агаца: «Клелія,» сказалъ онъ, «я хочу поговорить съ тобою наединѣ.»

«До этого дня я предъ вами казалась робкимъ, стыдливымъ ребенкомъ, но теперь, какъ бы мгновенно проявилось во мнѣ присутствіе духа. Равнодушно обращаясь къ нему, я сказала: «Между вами все сношенія кончены; это вамъ было объявлено, словесно отъ тѣтки и отъ меня письменно. Прошу васъ обращаться со мною, какъ съ чужою.»

«Ты моя невѣста, милая Клелія, и вопреки всемъ будешь моею женой!» вскричалъ онъ и схватилъ мою правую руку, ту руку, которая только что коснулась руки Гундаккара. Я не выдержала: оттолкнувъ дерзкаго лѣвою рукою, бросилась съ быстротою молніи вверхъ въ свою комнату и, упавъ на постель, омыла свою руку горячими слезами. Онъ вдругъ сталъ мнѣ ненавистенъ! теперь я не позволила бы ему коснуться полы моего платья!... Вдругъ пробудилась вся пылкость моего характера. Можетъ-быть я была къ нему несправедлива, но я не владела своими чувствами.»

Въ слѣдующій день утромъ она опять отправилась въ церковь, надѣясь опять встрѣтить Гундаккара. Ожиданіе ея не обманули:

«Я бросилась на колѣни и въ горячей молитвѣ благодаря Бога за присутствіе Гундаккара, закрыла лицо руками, чтобы не обнаружить радости. Когда я встала, чтобы выйти изъ церкви, Гундаккаръ, поспѣшно оставивъ свое мѣсто, сталъ возлѣ меня у святой воды. Въ этотъ день народу было немного, и ничто не мѣшало мнѣ брать воду своими руками, но онъ меня опять предупредилъ и, опустивъ въ сосудъ пальцы, протянулъ ихъ ко мнѣ съ умоляющимъ взглядомъ, который ясно доказывалъ, что тутъ кроется болѣе чѣмъ одна свѣтская вѣжливость. Я не могла отвергнуть скромной просьбы, но, коснувшись его пальцевъ, то-

решило отвернуться. Я боялась чтобы онъ при нѣтъ не прилежнѣ нхъ къ губамъ.

— Такимъ образомъ прошло вѣсколько дней. Мы встрѣчались каждое утро, разговаривали, правда, одними взглядами, но — святую воду я вначе не брала какъ съ его рукъ. Это едва замѣтное прикосновеніе, могущественное какъ электрическій ударъ, шмолетное и жгучее какъ молнія, наполняло мою душу какою-то неземною радостью. Когда я сходила по ступенямъ портика, мнѣ казалось, что я иду по облакамъ, что не иду, а лѣчу по уллицамъ. Для меня цѣлыя сутки сосредоточивались въ тотъ мигъ когда мои пальцы касались пальцевъ Гундаккара.»

Ее опять везуть на балъ, гдѣ тѣтка замѣчаетъ вниманіе Гундаккара къ ней, и отчасти, жлая видѣть Гундаккара жснвномъ одной изъ ея дочерей, частью изъ ненависти къ Клеми, она рѣшается благопріятствовать желаніямъ Агаца. Между-тѣмъ любовники находятъ средства видѣться втайнѣ, и Гундаккаръ пробирается по кровлѣ дома отца его въ окно къ Клеми. Слѣдующій за этимъ разсказъ походитъ на Ромео и Джуліетту. Родители Гундаккара не соглашаются на бракъ его съ Клемию и несчастную дѣвушку принуждаютъ принять предложенія Агаца; день свадьбы назначенъ, и любовники рѣшаются бѣжать. Но на назначенное свиданіе Гундаккаръ не является. Проходитъ послѣдняя ночь предъ ненавистнымъ свадебнымъ днемъ. Клемию утвряютъ что любовникъ измѣнилъ ей, и самъ отецъ его говоритъ ей, будто бы онъ поѣхалъ встрѣчать свою невѣсту. Убитая этимъ ударомъ, несчастная почти себя не вѣдомо становится женою Агаца.

Теперь наступаетъ вторая эпоха жизни Клеми. Пробудившись отъ летаргическаго состоянія, въ которое ввергло ее отчаяніе, она отвергаетъ права Агаца надъ нею и рѣшается остаться вѣрною Гундаккару. Твердая въ своемъ намѣреніи, она предлагаетъ мужу, въ замѣнъ свободы, половину ея состоянія, но Агацъ лишаетъ ее всѣхъ средствъ къ побѣгу и надзираетъ за нею строго, надѣясь что время и неусыпное его вниманіе восторжествуютъ надъ ея упрямствомъ. Въ свое время Клеми дѣлается матерью, и Гундаккаръ — отецъ ея ребенка. Это событіе еще болѣе ожесточаетъ Агаца и, движимый мщеніемъ, онъ въ теченіи семи лѣтъ стережетъ ее, подобно тюремщику; увозитъ сперва во Францію, потомъ въ Швейцарію и, подъ предлогомъ, что она лишена разсудка, никого къ ней не допускаетъ кромѣ своихъ лазутчиковъ.

Но что стало съ Гундаккаромъ? Онъ также въ продолженіи

лишь лишь остается вѣрнымъ памяти первой, единственной его любви. Странствуя безъ всякой цѣли, онъ случайно наконецъ приходитъ ночью къ той самой виллѣ гдѣ содержится Клея, и слышитъ любимую пѣсню, узнаетъ ея голосъ. Онъ бросается къ ей живую и освобожденная Клея бѣжитъ съ нимъ во Францію.

Въ ту роковую ночь, которая рѣшила судьбу ихъ, онъ не явился на свиданіе по неволѣ. Человѣкъ, котораго онъ подкупилъ выдать ему фальшивый паспортъ, предалъ его родителямъ, и графиня Гундакаръ, женщина рѣшительная, давъ сыну сонный напитокъ, велѣла посадить въ карету и повезла въ Моравію, къ своему брату, на дочери котораго хотѣла женить его. Пробудившись отъ продолжительнаго усыпленія, Гундакаръ склоняетъ мать возвратиться въ Инспрукъ, требуетъ ясныхъ доказательствъ истины сказаннаго ею о Клея, и соглашается отказаться отъ нея на вѣки, если убѣдится, что она лицемерила предъ нимъ. Мать склоняется на его желаніе, они ѣдутъ въ домъ къ генералу и, осведомясь о Клея, узнаютъ отъ слуги что накануне она уѣхала съ мужемъ.

Они снова поѣхали въ Моравію. Гундакаръ оставался крохотнымъ, любезнымъ и задумчивымъ какъ прежде, и на пути разговаривалъ съ матерью о предметахъ обыкновенныхъ, но о чувствахъ своихъ ни слова. Это ее даже изумило.

— Неужели ты такъ любишь эту Клею, сказала она ему однажды, прервавъ глубокую его задумчивость.

— Люблю! отвѣчалъ онъ коротко.

— Она тебя не стоитъ, ты о ней позабудешь.

Она думала этимъ утѣшить сына.

— Дай Богъ, чтобы я могъ забыть ее, но едва ли это возможно, отвѣчалъ спокойно Гундакаръ.

Она заговорила о его будущности, онъ молчалъ; о его занятіяхъ, но на ея слова онъ не обращалъ вниманія.

— Нельзя однако жъ прожить весь вѣкъ безъ цѣли, сказала она наконецъ съ нетерпѣніемъ.

— Я имѣлъ цѣль, а меня считали безразсуднымъ, возразилъ Гундакаръ.

— Но въ тебѣ не замѣтно ни какого желанія, ни какой воли.

— Желанія часто бываютъ тщетными, а волю вы во мнѣ все убили.

Гундакаръ сталъ вести жизнь самую пустую, самую безнужную. Подобно дѣтямъ богачей вообще, онъ былъ лѣнивъ, и въ борьбѣ съ родителями потратилась вся его энергія. Это качество

пробудилось въ немъ вмѣстѣ съ любовью къ Клеин и, слившись съ его несчастною страстью, лишило его всей твердости воли во всемъ, что не касалось до его любви. Первое пламенное его желаніе не исполнилось, и, встрѣтивъ неудачу при первомъ смѣломъ предпріятіи, онъ пересталъ желать и не чувствовалъ болѣе силъ дѣйствовать; онъ бросилъ руль и предоставилъ чолвѣ на волю теченія. Потерявъ все то самолюбіе, которое иѣкогда имъ руководило, онъ сталъ проводить цѣлыя дни за игрою, на вирахъ, или на охотѣ. Но и эти шумныя удовольствія скоро перестали развлекать его, и онъ впалъ въ страшное уныніе. Онъ принялся было опять за служебныя занятія, по у него не стало терпѣнія разбирать сухія дѣла; потомъ обратился къ любимому занятію, къ живописи, но и для этого у него не доставало уже ни нравственной силы ни воображенія. Слабому, болѣзненно-чувствительному характеру его нужны были вѣшнія потрясенія, и въ нихъ на короткое время забывалъ онъ пустоту сердечную. Разумѣется что здоровье его пострадало: онъ сталъ харкать кровью, и тутъ, чѣмъ бы побережся, предался еще болѣшимъ излншествамъ. Онъ сталъ ужасно равнодушенъ къ жизни и жаждалъ опасностей, какъ пьяница жаждетъ вина, ради возбужденія. Наконецъ онъ поѣхалъ въ Грецію, и принялъ участіе въ войнѣ за независимость; трудности походной жизни лишили его послѣдняго остатка здоровья и по совѣту врачей, онъ зимовалъ въ Кадикѣ. Прекрасный климатъ спасъ ему жизнь.

«Находясь уже много лѣтъ въ раздорѣ съ родителями, онъ въ Испрукъ не возвращался. Старого графа бѣсили праздныя, кочевыя привычки сына, причиняющія огромныя издержки; гордую, холодную графиню оскорбляла неудача всѣхъ ея честолюбивыхъ замысловъ и досада ея наконецъ обратилась въ негодованіе. Внутренно признавая всю справедливость упрековъ родителей, Гундакаръ не могъ однако жъ не приписывать настоящаго положенія дѣлъ собственной ихъ пагубной ошнбкѣ, разрушившей все счастье его жизни. Какъ обыкновенно бываетъ при подобныхъ обстоятельствахъ, каждая сторона придавала гораздо болѣе важности винѣ другой, чѣмъ своей собственной.

«Посреди жалкихъ развалинъ его существованія оставалось у него одно воспоминаніе о Клеин Коптн. Онъ любилъ ее одну, передъ всѣми женщинами въ мірѣ. Любовь не находила мѣста въ его отчаянныхъ шалостяхъ. Сначала онъ убѣгалъ женщинъ, потомъ невѣжливое его обхожденіе заставило ихъ убѣгать его. Мысль о Клеин одна услаждала его существованіе.

Хотя вполне убѣжденный, что она лицемерила предъ нимъ и предпочла ему другаго, онъ все же не забывалъ своей любви къ ней и безпрестанно припоминалъ то блаженство, ту душевную силу, которыя онъ тогда испытывалъ. Тогда онъ самъ вызывался на борьбу со свѣтомъ, которому въ послѣдствіи покорился безъ бою. Онъ любилъ Клею еще и теперь; эта любовь напоминала ему то время, когда онъ еще пользовался собственнымъ уваженіемъ. Считая Клею женою Агаца Тоннау, онъ не желалъ съ нею встрѣчаться, но ему хотѣлось, по крайней-мѣрѣ узнать, точно ли она никогда не любила его и притворствовалась предъ нимъ съ самаго начала? Онъ презиралъ и ненавидѣлъ наклонность къ интригамъ и лицемерію, которую предполагалъ въ Клею и замѣчалъ на дѣлѣ въ другихъ женщинахъ.»

Подумавъ, гдѣ бы основать свое убѣжище, любовники избрали Парижъ, какъ мѣсто, гдѣ могли пользоваться совершенною свободою и уединеніемъ. Здѣсь, слишкомъ годъ они наслаждались безмятежнымъ блаженствомъ; ихъ беспокоило одно то, что Агацъ не принималъ мѣръ къ расторженію брака. Побѣгъ плѣнницы несколько не огорчалъ его, но ему не хотѣлось разстаться съ ея состояніемъ. Когда же Клея предложила ему все, въ замѣнъ свободы, онъ охотно согласился на разводъ и она сдѣлалась женою Гундаккара. Но ихъ ожидали новыя несчастія: родители Гундаккара, щедро снабжавшіе его деньгами, когда онъ жилъ съ любовницею, вдругъ отказали ему въ помощи. По продажѣ имѣнія на уплату долговъ, у молодыхъ людей изъ вырученной суммы едва осталось чѣмъ на мѣсяцъ прокормить дѣтей. Этотъ ударъ произвелъ на нихъ весьма различныя дѣйствія. Въ Клею пробудилась мужественная дѣятельность. Гундаккаръ попытался кистью добывать засушенный хлѣбъ семейству, но рука и воображеніе изменили ему и, впавъ въ совершенное отчаяніе, онъ снова прибѣгнулъ къ пагубному утѣшителю слабыхъ и малодушныхъ, къ вину. Но изъ этой бездны спасла его Клея.

«Долго, и съ сокрушеннымъ сердцемъ, боролся Гундаккаръ съ искушеніемъ, но наконецъ мужество его покинulo и, съ ужасомъ и отчаяніемъ, онъ прибѣгнулъ къ тому утѣшителю который даритъ мгновеннымъ забвеніемъ цѣною гибели души и тѣла. Восторженно старалась Клея воскресить его духомъ и побудить къ дѣятельности.

— Попытайся хоть столько заработать чтобъ мы могли уѣхать въ Италію!

— Что же мы тамъ будемъ дѣлать? спросилъ Гундаккаръ. По-

вѣрь Клелія, гдѣ бы мы ни стали жить, насъ ждетъ та же участь, та же нищета.

— Но, милый Гундаккаръ, мы не останемся въ нищетѣ; трудами своими выручимъ себя изъ этого положенія, и это было бы намъ такъ легко въ Италіи! Помнишь ли какъ ты часто жалѣлъ что не могъ посвятить себя живописи? Ты имѣлъ всѣ нужные къ тому способности и у тебя, какъ вообще у людей знатныхъ и богатыхъ, недоставало одного прилежанія; къ тому же, ты не находилъ вдохновенія въ тѣхъ зрѣлищахъ, посреди которыхъ проводилъ жизнь. То ли дѣло было бы въ Италіи!

— Нищій не найдетъ вдохновенія и подъ прелестнымъ небомъ Италіи.

— Ошибаешься, Гундаккаръ, подъ такимъ небомъ дышешь свободнѣе и сильнѣе чувствуешь ту мужественную энергію, которая внушаетъ смѣлость бороться съ судьбою и побуждаетъ несчастіе.

— Ты говоришь о людяхъ здоровыхъ и крѣпкихъ, Клелія.

— И твое здоровье поправится въ Италіи. Прекрасный климатъ подкрѣпитъ твои нервы и излечитъ грудь. Станешь другимъ человекомъ, милый Гундаккаръ, сказала она, обнявъ его, со взглядомъ, исполненнымъ вѣжливѣйшей любви и участія.

— Ты, какъ милый ангелъ, всегда надѣешься, отвѣчалъ онъ; но скажи мнѣ, что могу я сдѣлать? что мнѣ начать?

— Окончи начатыя картины и пошли на выставку: нѣтъ упуть.

— Я не въ состояніи кончить ихъ. Во мнѣ убиты творческая сила и воображеніе. Къ тому же освѣщеніе здѣсь слишкомъ мертво, слишкомъ мрачно. Что за видъ отсюда! одни лишь черныя трубы, да грязныя кровли, да сѣрый дымъ и мрачное, туманное небо!

— Увы! правда, сказала Клелія, со вздохомъ. Помолчавъ немного, она прибавила, будто нехотя: но ты можешь продать свои доконченныя картины.

— Да гдѣ у меня нѣтъ такнхъ.

— А вотъ эти, сказала она, указывая на три прелестныя картины безъ рамъ, которыя украшали голыя стѣны и, казалось, радовали убогое жилище своею чудною красотою. То были три портрета Клелія. Въ первой картинѣ она была представлена въ видѣ музы Евтерпы, одушевляющей Гундаккара своими волшебными пѣснями. Лавровый вѣнецъ украшалъ ея величественное чело, и глаза, обращенныя вверхъ, казались занатыми созерцаніемъ

чего-то несемнаго. Во второй, она изображалась Ангеломъ, открывшимъ предъ нимъ цѣлый міръ любви. Въ третьей она уже являлась женою, любимую, преданною женою, но эта картина была чуть ли не превосходѣе двухъ другихъ.

— Клелія! вскричалъ Гундаккаръ голосомъ, трепещущимъ отъ негодованія.

— Я вѣдь говорю только о первыхъ двухъ, отвѣчала она поспѣшно. Меня никто не знаетъ, а картины прекрасны и исполнены поэзіи

— Ни за что съ ними не разстанусь, вскричалъ мужъ. Тебя никто не знаетъ, но я тебя знаю. Эти картины писалъ я не руками своими, а душою и сердцемъ, и могу ли я забыть тѣ небесныя откровенія, которыми услаждался трудъ мой. И ты хочешь, чтобы я осквернилъ все это отправленіемъ на публичную выставку! чтобы продалъ плоды вдохновенія, которыми обязанъ твоему гевію, твоей красотѣ. Ты лишилась разсудка, Клелія!

— Разаазъ обязанъ своею вѣчною славою тѣмъ вдохновеніемъ, которыя вселяла въ него любимая Форнаррина, возразила Клелія, а о Мурильо я читала, что и онъ не считалъ позорнымъ продавать свои безсмертныя творенія на рынкѣ.

— Не могу рѣшиться на это, вскричалъ Гундаккаръ. Миѣ бы казалось, что я продаю свою душу, и за что? За недолгія деньги!

— Не за деньги, Гундаккаръ, а за насущный хлѣбъ нашимъ дѣтямъ, отвѣчала она съ горестною улыбкою.

— Попробую окончить ту новую картину, сказалъ Гундаккаръ съ рѣшимостію.....

• И онъ принялся доканчивать новую картину, но чувствовалъ въ себѣ такой недостатокъ нравственной силы, такое отсутствіе воображенія, что писалъ холодно, а слѣдовательно, дурно. Чаша переполнилась; онъ не сталъ болѣе сопротивляться неукнушему и, предавшись отчаянію, искалъ вдохновенія въ винѣ.

• Когда Клелія замѣтила это, она стала горько упрекать себя, зато что принуждала Гундаккара къ работѣ, требующей неостановиваго занятія и энергіи, которой въ его характерѣ вовсе не было.

• — Можно было предвидѣть это, говорила она себѣ. Ему не выдержать этого безарестаннаго неестественнаго возбужденія; онъ изнуряетъ себя безъ пользы, и день ото дня становится слабѣе и несчастнѣе. О, Господи! Чѣмъ это кончится?»

Она заотѣла давать уроки шѣнія. Ея учитель и соотечественникъ, давно плѣнявшійся ея дивнымъ голосомъ, ревностно сталъ

искать ей ученицъ, но оба ребенка вдругъ занемогли медленною изнурительною лихорадкою.

« Она благодарила Бога, что учителю еще не удалось сыскать ей ученицъ, и что она покуда еще не принуждена давать уроки при такихъ убійственныхъ обстоятельствахъ. Въ присутствіи мужа она не старалась скрывать свою печаль; его же, она и не думала упрекать. Одинъ разъ, однако жъ, она поколебалась. Не произведетъ ли она, можетъ-быть, на Гундаккара, поражающаго, благодѣтельнаго дѣйствія, если скажетъ ему, «Я знаю все! твоя несчастная склонность дѣлаетъ насъ обоихъ несчастными. Одинъ, ты не въ состояніи ее преодолѣть; посоветуемся вмѣстѣ, какія мѣры надѣ припятъ чтобы искоренить ее. Но она съ ужасомъ думала объ исполненіи этой мысли. Было бы для него слишкомъ большое уничиженіе, заставить его краснѣть предо мною, а я бы все на свѣтѣ перенесла кромѣ его стыда! Нѣтъ, нѣтъ! никогда мои уста не произнесутъ такихъ ужасныхъ словъ. Онъ не узнаетъ, что я открыла его несчастную тайну, а я, въ этомъ отношеніи, стану на него смотрѣть какъ на большаго и обращаться какъ съ больнымъ: онъ вѣдь дѣйствительно боленъ: отъ разстройства нервъ, ослабла у него воля, не привыкшая управлять ими.

« Иногда мысль, которая грозила сокрушить ея сердце, впадала ей на умъ, когда она сравнивала свою любовь къ Гундаккару съ его любовью къ ней; когда она размышляла сколько силъ доставляла ей ея любовь, такъ что она была въ состояніи стать всѣмъ, сдѣлать и перенести все, между-тѣмъ, какъ его любовь лишала его послѣднихъ силъ и онъ становился неспособнымъ ни къ чему. Онъ меня не любитъ! онъ меня не любитъ! шепталъ въ ней какой-то страшный голосъ. Но тогда она кидалась на колѣни, и ея вѣрующее сердце возражало: онъ любитъ меня! Кромѣ меня онъ ничего не любитъ, ни о чемъ не заботится; видъ меня не вмѣетъ никакихъ надеждъ; онъ все потерялъ, всѣмъ пренебрегъ, отринувъ все, кромѣ меня. Онъ любитъ меня, и потому онъ мой, а если онъ мой, я должна спасти его.

Наконецъ пришло спасеніе. Ея другъ, Итальянецъ, нашелъ средства доставить ей мѣсто прима-донны въ Палермо, и она легко убѣдила Гундаккара согласиться, чтобъ ей дѣйствовать по ея собственному усмотрѣнію и приводить въ дѣйствіе свои планы объ ихъ общемъ благополучіи, не открывая ему въ чемъ они состоятъ, пока не исполнятся. Съ полнымъ довѣріемъ, Гундаккаръ проводилъ жену въ Палермо, гдѣ, безъ его вѣ-

дома, она дебютировала, пришла въ восторгъ слушателей, и, когда занавѣсъ опустился и публика, видѣ себя отъ восхищенія, шумно вызывала великую актрису, она бѣжала отъ рукошеканій, бросилась въ объятія мужа и у него на груди ушла въ обморокъ. Побѣда была одержана; демонъ нужды и отчаяннiя былъ окончательно низложенъ.

Романъ «Клелиа Контти» далеко превосходитъ всѣ прочiя произведенiя госпожи Ганъ-Ганъ. Онъ неизмѣримо выше всѣхъ прежнихъ по естественности и сердечной истинѣ. Доселѣ главная цѣль сочиненiй госпожи Ганъ-Ганъ клонилась къ оправданiю непостоянства; всѣ онѣ, по видимому, были писаны съ явнымъ и упорно-выдержаннымъ намѣренiемъ показать, какъ совершенно невозможно для людей съ высшими дарованiями подчинять себя тѣмъ же правиламъ, какими руководствуются души обыкновенныя, и —

«Avaler à longs traits la constance et l'ennui.»

Госпожа Ганъ-Ганъ съ какою-то ошибочною настойчивостiю принимала слабость за силу, подлый недостатокъ за доказательство врожденнаго благородства, и въ своихъ «Ида», «Faustine», и прочихъ, требуетъ нашего сочувствiя и удивленiя для существъ, достойныхъ или презрѣнiя, или ненависти. Жаль намъ было видѣть столь дурное направленiе ея прекрасныхъ дарованiй; и съ тѣмъ большимъ удовольствiемъ мы привѣтствуемъ ея вступленiе на новое, лучшее поприще. Въ «Клелиа Контти» госпожа Ганъ-Ганъ сама торжественно опровергаетъ всѣ прежiя свои лжеученiя.

Жаль, что за этимъ романомъ слѣдуетъ «Сибилла», сочиненiе нѣбьющее въ тонѣ своемъ непрiятное сходство съ тономъ «Фаустины», которое вселяетъ въ насъ непрiятныя предчувствiя. Мы боимся, что обращенiе госпожи Ганъ-Ганъ еще не вполне совершилось; въ ней есть, кажется, стремленiе къ прежнему заблужденiю. Утомленная, какъ-будто бы, первымъ краткимъ и счастливымъ усиленiемъ изобразить здравый, гениальный характеръ, она опять принялась за свои любимыя предметы, но разсматриваетъ ихъ не совѣтъ таъ, какъ бывало прежде. Правда, она по старому съ умилениемъ говоритъ о нравственныхъ уродливостяхъ, но она уже не прославляетъ ихъ болѣе, а ставитъ во чтѣ онѣ стоятъ. Это, по-крайней-мѣрѣ, показываетъ, что она сдѣлала шагъ къ лучшему направленiю. Книга между-тѣмъ написана во всѣхъ отношенiяхъ неудачно, а, что всего важнѣе, не

нѣтъ занимательности. Сибилла сама разсказываетъ свою исторію, въ которой находимъ совершенное отсутствіе трогательныхъ случаевъ; ея собственныя чувства одиѣ составляютъ весь предметъ разсказа, а такъ какъ въ Сибиллѣ описано существо, въ которому сучувствія нѣтъ невозможно, и въ цѣлой повѣсти нѣтъ другаго лица, котораго судьба могла бы занимать читателя, то и объяснять не нужно, какую скуку наводитъ чтеніе этого произведенія.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Les Étouffeurs de Londres, ou l'Auberge des Sept Cadrans*, *Лондонскіе удушители*, или *Трактиръ Семи Квадрантовъ*, драма въ пяти актахъ, господъ Жена и Поля Фушѣ.

Горе тому, кто проникаетъ въ таверну Рожера Торнклифа, которая мрачно возвышается въ одной изъ самыхъ уединенныхъ лондонскихъ улицъ. Его задушатъ, задушатъ какъ цыпленка, потомъ бросятъ въ Темзу и никто не узнаетъ объ участи бѣдной жертвы. Торнклифъ — въ сношеніяхъ съ начальникомъ полиціи, который предложилъ ему задушить маркиза Линдсея. На это предложеніе Рожеръ Торнклифъ, разумѣется, отвѣчалъ какъ слѣдуетъ честному удушителю: «по рукамъ!» Но когда маркизъ перестанетъ существовать, трактирщикъ получаетъ мѣсто лондонскаго полиціи-мейстера. «Съ удовольствіемъ! впрочемъ не можетъ быть справедливѣе. Вы вполне будете достойны такого мѣста!» восклицаетъ Гапкинсъ. Послѣ этой маленькой сдѣлки, Гапкинсъ ведетъ Линдсея въ таверну — и маркиза нигомъ отправляютъ въ жилище прачцевъ. Но, спрашиваете вы, за что эта ненависть Гапкинса къ Линдсею? Дѣло очень простое: Гапкинсъ большой другъ Кромвелю, и вслѣдствіе этого превозлѣ себя нѣмнѣе маркиза, но маркизу удалось спасти жизнь Кромвелю, и потому, чтобы *протекторъ* не вздумалъ протектировать своего избавителя, нужно отъ него избавиться. По смерти Линдсея, Гапкинсъ остается законнымъ владѣтелемъ его нѣвня, если только покойникъ не имѣлъ дѣтей. Но увы! дѣти у него дѣйствительно остались! то есть не дѣти, а одна дочь, которая даже не знаетъ хорошенько имени отца своего и приходится искать его, — куда бы вы думали? — въ таверну Семи Квадрантовъ. Алиса поспѣваетъ во время, чтобы услышать послѣдніе стоны Линдсея, отца своего, но только стоны, а не слова, потому что человѣкъ, котораго думать и еще въ прибавку бросаютъ въ воду, говоритъ обыкновенно не такъ внятно, чтобы можно было понять, что онъ хочетъ сказать. Ка-

кимъ образомъ мошенникъ Гапкинсъ узнаеть, что Алиса дочь Лндсея, неизвѣстно, но онъ узнаеть это и хочеть, во что бы то ни стало, сдѣлать ее женой своей. Этому намѣренію противится Рожеръ Ториклиѳъ, который всё-еще не получилъ желаннаго мѣста полиціймейстера и рѣшается отнестись Гапкинсу.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Гапкинсъ предлагаеть миссъ Алисѣ вмѣсто себя молодаго капитана Эдгара, только что выполниваго какое-то порученіе, почти невозможное. «Хочу ли я выйти за моего Эдгара? отвѣчаетъ молодая дѣвушка: но спросите слѣпаго, хочеть ли онъ видѣть свѣтъ?» Эдгаръ тоже не прочь отъ такого брака.... Всѣ довольны, исключая Ториклиѳа, который недоувѣрчиво смотритъ на своего сообщника и спрашиваетъ себя: «Что это за тайна?»

Тайна вотъ какая: Гапкинсъ узналъ, что Эдгаръ его сынъ. Онъ вручилъ его старухѣ Меджъ, осемнадцать лѣтъ тому назадъ, и осемнадцать лѣтъ забывалъ платитъ кормилицѣ за его воспитаніе. Но теперь, когда Эдгаръ можетъ помочь ему — овладѣть имѣніемъ Лндсея, онъ очень радъ признать его своимъ сыномъ. Но Эдгаръ безотчетно ненавидитъ своего папеньку и подозрѣваетъ, что онъ ему вовсе не папенька. Предчувствіе Эдгарда скоро оправдывается: онъ дѣйствительно не сынъ Гапкинса; онъ сынъ самой доброй Меджъ, своей кормилицы. Тогда Гапкинсъ прибѣгаетъ снова къ своему прежнему другу Ториклиѳу. Онъ пишетъ ему самую дружескую записку, гдѣ заклинаеть его забыть все старое и избавить міръ отъ молодаго капитана, который въ немъ, по мнѣнію Гапкинса, совершенно лишній. Ториклиѳъ малый-добрый, не злопамятный; онъ тотчасъ же соглашается и зоветъ Эдгара переночевать въ свою таверну. Легкоувѣрный Эдгаръ явился на зовъ и неминуемо долженъ погибнуть, несмотря на то, что и Меджъ и Алиса прибѣжали спасать его.... Но вдругъ отпирается потаенная дверь, ведущая къ Темзѣ, и Лндсей, задушенный въ первомъ дѣйствіи, является на порогѣ въ сопровожденіи толпы честныхъ людей.

Всеобщая тревога.... добродѣтель торжествуетъ и женится. Преступленіе наказано. Корабль, который долженъ былъ увезти Гапкинса, взрываетъ на воздухъ. Последнее и безцѣльное мщеніе Ториклиѳа, придуманное только для зрѣщаго эффекта великолѣпнаго спектакля.

2. *Розг аггівер*, *Чтобъ выйти въ люди*, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, господина Эмиля Сувестра.

Эмиль Сувестръ очень даровитый романистъ, но это отнюдь

не мѣшаетъ ему быть очень плохимъ драматическимъ авторомъ. Всѣ сценическія попытки его до-сихъ поръ не удавались ему рѣшительно. Въ нихъ царствуетъ одинъ недостатокъ, котораго не искупятъ ни какія достоинства... это скука. Последняя комедія его однако же лучше другихъ. Вотъ въ чемъ дѣло: мамзель Жюльетта владѣетъ прекрасными глазами и огромнымъ богатствомъ. Съ этими качествами трудно не имѣть поклонниковъ. У мамзель Жюльетты ихъ два. Одинъ офицеръ, мосьё Герней, который болѣе влюбленъ въ глаза ея чѣмъ въ приданое, и мосьё Вернуа, честолюбецъ, который вовсе не влюбленъ въ глаза, и сильно влюбленъ въ приданое. Мосьё Вернуа желалъ бы жениться на мамзель Жюльеттѣ, *чтобъ выйти въ люди*. Жена для него — средство, тогда какъ для молодаго офицера это — цѣль и самая чистая, высокая цѣль. Но мосьё Герней храбръ только на войнѣ, а въ любви невообразимо робокъ. Онъ посылаетъ своей возлюбленной таинственные букеты, которые она приписываетъ мосьё Вернуа. Эти букеты такъ глубоко тронули мамзель Жюльетту, что она отдаетъ руку свою честолюбцу. И такъ, мосьё Вернуа достигъ первой цѣли своей — богатства. Но молодой офицеръ продолжаетъ волочиться за Жюльеттой. Мужъ безпрестанно оставляетъ его для политическихъ дѣлъ и стало-быть поле открыто мосьё Гернею. Къ-счастью мужа и къ-несчастью любовника, Жюльетта честная женщина. Она всѣми силами старается отогнать отъ себя преступныя мысли и борется съ искушеніемъ. Но мужъ начинаетъ наконецъ подозрѣвать и дѣлаетъ женѣ сцену, слѣдствіемъ которой неминуемо долженъ быть разводъ. Однако же дѣло улаживается, потому что политика не удалась мосьё Вернуа и онъ снова обращается къ женѣ. Жюльетта великодушно прощаетъ. Мосьё Герней, кажется, ѣдетъ драться въ Алжиръ, и комедія конецъ.

3. *Un dernier amour*, *Последняя любовь*, комедія-водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, господина Леона Гильяра.

Вотъ комедійка, имѣвшая полный и заслуженный успѣхъ.

Мамзель Мандель, женщина прекрасная. Она превосходно рисуетъ, очаровательно поетъ, пишетъ какъ Зандъ; муза ея сестра музы автора *Meditations*. Когда ей было шестнадцать лѣтъ, свѣтъ уже говорилъ о ней. Всѣ удивлялись ея талантамъ, ея уму. Но вотъ уже шестнадцать лѣтъ какъ свѣтъ занимается ей, а это слишкомъ долго для свѣта. Гордая дѣвушка хотѣла найти мужа по себѣ. Она хотѣла чтобы ее любили для нея, только для нея, а не для ея богатства, не для ея талантовъ, и всѣ партіи были от-

вергнуты. Тогда настала возрастъ Бальзаковскій. Мнѣнія великаго романиста не совсѣмъ одинаковы съ мнѣніемъ общества и пустота водворилась около прекрасной молодой женщины, сдѣлавшейся.... нужно сказать роковое слово—старой дѣвой. Тогда, удалившись въ уединенный замокъ, она предалась искусствамъ, поэзіи, живописи.... и немощно воспоминаемъ, потому что это сердце почти дикое, столь гордое, необузданное, было также затрунуто и вотъ какимъ образомъ. Однажды, молодой человѣкъ, Эдуардъ д'Англсмапъ, былъ раненъ на дуэли, въ Булонскомъ лѣсу. Его безъ памяти принесли въ домъ мамзель Мандель. За интереснымъ больнымъ ухаживали, смотрѣли; ему оказывали самую пѣжную заботливость и только одного требовали съ него за безконечную преданность: онъ долженъ былъ безпрестанно носить на глазахъ повязку. Черезъ недѣлю Эдуарда вывезеннаго отвезли все еще съ завязанными глазами, въ лѣсъ, и тамъ простились съ нимъ на вѣки, взявъ съ него обѣщаніе, никогда не стараться увидѣть женщины, которой онъ одолженъ былъ жизнью. Такія клятвы даются, но не исполняются. Освобожденный Эдуардъ тотчасъ же полетѣлъ по слѣдамъ той, въ которую онъ былъ уже влюбленъ до безумія, но всѣ поиски были тщетны. Наконецъ наступила ночь. Онъ приблизился къ окнамъ маленькой башенки и запѣлъ серенаду, выражавшую состояніе души его. Арфа и вѣжный голосъ повторяли его звуки; и пять лѣтъ спустя, Эдуардъ и мамзель Мандель, какъ всѣ герои романовъ, повторяли еще эту пѣсню. Наконецъ случай свелъ ихъ опять.

Эдуардъ пріѣхалъ въ замокъ жениться на Жюльеттѣ или Леонтиѣ, одной изъ двухъ племянницъ мамзель Мандель. Онъ колеблется между ними, потому что обѣ онѣ прелестны, какъ вдругъ раздастся въ ухахъ его знакомый напѣвъ. Эдуардъ не сомнѣвается болѣе.... та, которую онъ ищетъ пять лѣтъ, здѣсь, въ этомъ замкѣ. Представленный прекрасной отшельницѣ, Эдуардъ чрезвычайно любезенъ, предупредителенъ. Мамзель Мандель также употребляетъ всѣ успія, чтобы плѣнить его. Но нѣкоторыя слова оскорбляютъ слухъ ея; сердце ея сдѣлалось боязливымъ, взыскательнымъ; оно болѣе чѣмъ когда либо хочетъ быть любимымъ для себя самого. Одна изъ племянницъ ея замѣтила электрическую искру соединяющую эти двѣ души. Она подслушала страстный напѣвъ любви и въ то время, когда наконецъ прекрасная тѣтушка готова открыться тому, кого любить, изъ лѣсу раздаются звуки любовной баллады. Эдуардъ снова коле-

блется. Онъ не знаетъ кого онъ любить, тѣтушку или племянницу. Это колебаніе заставляетъ маисель Мандель рѣшиться. Она соединяетъ любовниковъ, говоря, что уже поздно и что часъ любви прошелъ для нея!

Вы можете видѣть изъ этого изложенія, какъ ни кратко оно, что пьеса господина Гильяра принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ сценическихъ произведеній, гдѣ главное вниманіе обращено не на обиліе приключеній, не на вѣшнюю завязку, а на изображеніе характеровъ, на драму человѣческаго сердца. Въ этой комедійкѣ есть мысль, есть чувство, и написана она не такъ какъ пишутся обыкновенно французскія мелодрамы. Въ ней есть слогъ. Видно что надъ ней трудился одинъ человѣкъ и притомъ добросовѣстный, любящій свое искусство, а не компанія дюжинныхъ писакъ, которые приносятъ искусство въ жертву балаганнымъ эффектамъ.

4. *Un vœu de jeune fille, Обѣтъ дѣвушки*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господь Маркъ Мишеля и Кузьяка.

Сесиль Пегилея дала себѣ престранный обѣтъ—не выходить замужъ. Всѣ замужнія женщины, которыхъ ей удавалось встрѣчать въ романахъ, такъ несчастны, что она поклалась въ ненависти къ мужчинамъ, какъ Тальйони въ какомъ-то балетѣ. Съ своей стороны малютка Фаншетта, молочная сестра Сесили, поклалась въ ненависти къ садовнику Андрѣ. Мосѣ Пегилея въ отчаяніи, потому что онъ думалъ выдать дочь свою за Октава. Но Октавъ малый-умный и знаетъ по опыту, что такое женскія клятвы. «Вы поклань въ ненависти ко мнѣ, говоритъ онъ Сесили, а я поклань въ ненависти къ вамъ. Разстанемся же добрыми друзьями.»

Онъ уѣзжаетъ. Сесиль начинаеть жалѣть о своемъ жепихѣ. Фаншетта вида, что сестра ся измѣняетъ своему обѣту, приходитъ въ негодованіе и измѣняетъ своему. Октавъ возвращается и женится на Сесили. Фаншетта выходитъ за Андрѣ.

Пьеска очень мила. Нѣкто Мольѣръ, процвѣтавшій въ 1660 и послѣдующихъ годахъ, написалъ на этотъ же самый сюжетъ большую комедійку, не лишнюю нѣкоторыхъ достоинствъ. Она называется *Le dèpit amoureux*.

5. *Qui dort, dine! Кто спитъ, объѣдаетъ!* водевиль въ одномъ дѣйствіи, господь Лану и Роша.

Постараемъ доказать эту новую истину, кто спитъ—объѣдаетъ! Мосѣ Огюстенъ, добрый-малый, большой весельчакъ, влюбляется въ маисель Луизу Шовинъ, дочь бывшего зеленщика, а теперь

торговца мыломъ, горчицей и сахаромъ. Огюстенъ нравится дочери, нравится отцу; дѣла его плутъ хорошо. Вдругъ одно обстоятельство разрушаетъ его планы. Неосторожный любовникъ такъ подпилъ за обѣдомъ у будущаго тестя, что совершенно незамѣтно вопалъ подъ столъ. Шовинъ в дочь его въ негодованіи.

Когда несчастный Огюстенъ понялъ всю важность своего преступленія, когда онъ увидѣлъ что двери этого земнаго рая для него заперты на всегда, какъ-будто онъ съѣлъ помдюжныя запрещенныхъ яблочковъ, онъ рѣшился наложить на себя примѣрное наказаніе. Бѣднякъ хочетъ умереть съ-голоду. Десять дней ожидаетъ Огюстенъ смерти, десять дней не беретъ онъ въ ротъ ни капли воды, ни крошки хлѣба. Но что его несказанно беспокоитъ, — это его толщина, которая не только не убавляется отъ такой діеты, но замѣтно увеличивается. Эта толщина тѣмъ несчастнѣе, что Шовинъ и дочь его, услыхавъ о развалинн грѣшника, прибѣгаютъ къ нему и вмѣсто того чтобы найти его при послѣднемъ издыханіи, находятъ все тѣмъ же жирнымъ, свѣжимъ, цвѣтущимъ Огюстеномъ. Фи! какой лгупъ... распустилъ слухъ, что онъ умреть! По съ наступленіемъ ночи мамзель Луиза и ея паненка присутствуютъ при объясненіи этой тайны. Огюстенъ голодастъ днемъ, но въ полпочъ зажигаетъ свѣчу и начиняетъ варить яичницу, жарить говядицу. Онъ пьетъ вино и ѣстъ за десятерыхъ. Оказывается, что Огюстенъ лунатикъ. Водевиль необыкновенно забавенъ; въ особенности сцена лунатизма производитъ большой эффектъ.

6. *Les Secours contre l'incendie, Средство отъ пожару*, водевиль въ одномъ дѣйствіи, господъ Лефранка и Пюна.

Этотъ лѣтній водевиль не важная вещь, хотя носитъ довольно остроумное названіе.

Лора Дансенъ ждетъ своего мужа черезъ три мѣсяца и своего брата черезъ три дня. Этотъ братъ довольно печальная фигура, которая должна сдѣлаться мужемъ одной изъ короткихъ пріятельницъ Лоры. Бракъ этотъ не нравится сестрѣ и она проситъ свою подругу, Клемансу де Шавиньи, гомеопатически затушить пожаръ ея брата. Если Болё полюбитъ Клемансу, онъ не женится на Марго. Но Клеманса объявляетъ Лорѣ, что она не слишкомъ расположена тушить этотъ пожаръ, съ тѣхъ поръ какъ сама хотѣла утопиться у Гаврской пристани. Она уже погребала какъ молодой человекъ снасъ ее; она отдала молодому человеку свой платокъ и онъ исчезъ. Съ этой минуты душа Клемансы принадлежитъ прекрасному незнакомцу. Но для подруги

можно все сдѣлать. Клеманса рѣшается залечь помаръ въ сердцѣ Болѣе.

Между-тѣмъ возвращается мужъ. Клеманса принимаетъ его за брата, и употребляетъ всю артиллерию своихъ глазъ противъ москѣ Давсиэ. Съ своей стороны, Болѣе, который узнаетъ въ Клемансѣ спасенную имъ женщину, преслѣдуетъ ее своей любовью и страшно ревнуетъ къ мужу сестры своей. Лора также ревнуетъ своего мужа къ Клемансѣ, а Клеманса въ свой чередъ ревнуетъ Лору къ Болѣе, между-тѣмъ какъ москѣ Давсиэ ревнуетъ его къ Клемансѣ.... Словомъ, путаница немнѣжная.

музыкальныя новости. Прекрасны окрестности Петербурга, истинно прекрасны! Иностранецъ, посѣщающій ихъ въ первый разъ, съ изумленіемъ принужденъ сознаться, что то, что онъ за границу читалъ съ недовѣрчивою улыбкою о почти южныхъ красотахъ сѣверной столицы, было не преувеличено, и что много города представляютъ такой оригинальный и чудный лѣтній міръ у самыхъ воротъ, какъ Петербургъ. Петергофъ съ его истинно царскими садами, фонтанами и дворцами, смотрящими въ широкое море, Павловскъ съ своимъ веселымъ, оживленнымъ воксаломъ, Царское-Село, Парголово, и ближе, прелестный архипелагъ, образуемый Елагинымъ, Каменнымъ и другими островами, составляютъ очаровательный поясъ, окружающій нашъ городъ. Правда, что искусство тутъ много содѣйствовало природѣ, но къ чему разбирать, когда это доставляетъ наслажденіе? Результатъ хорошъ: къ чему же намекать, откуда онъ произошелъ? Мы раздѣляемъ мнѣніе тѣхъ истинныхъ гастрономовъ, которые никогда не спрашиваютъ изъ какой кухни блюдо, только бы оно было вкусно.

Будь у насъ поэтической геній, мы постарались бы изобразить красоты нашихъ острововъ, широкое зеркало рѣки, отсвѣченное заходящимъ солнцемъ и усеянное статными судами и скромными яликами, шмыгающими по всѣмъ направленіямъ, душистые тѣнистые сады, съ луною, играющею въ прихотливо пзрѣзанныхъ верхинахъ деревьевъ, и рисующею на травѣ и по дорогамъ волшебныя арабески. Но за неимѣніемъ *таковаго*, намъ остается только просить читателя перенестись мыслями къ пріятнымъ вечерамъ, проведеннымъ имъ въ окрестностяхъ столицы, и вспомнить тѣ дивныя картины, которыхъ мы не осмѣливаемся изображать. Нѣтъ сомнѣнія, что природа производитъ сильное впечатлѣніе на духовный организмъ каждаго человѣка. Разумѣется, это впечатлѣніе бываетъ различно, смотря по характеру человѣка: въ нѣжной,

поэтической душѣ прекрасный вечеръ возбуждаетъ каковъ-то фантастическое мечтательное чувство, въ болѣе матеріальномъ — шумную веселость. Но такъ или иначе, а природа дѣйствуетъ на каждаго, за очень немногими исключеніями.

Это неопредѣленное состояніе души, порождаемое лѣтнею природою, ни въ чемъ не находятъ себѣ такого удовлетворенія и успокоенія какъ въ музыкѣ: по этому не удивительно, что въ нашъ вѣкъ, старающійся объ удовлетвореніи каждой общей потребности, такъ расплодился концерты, окрещаемые у Нѣмцевъ довольно длиннымъ названіемъ «садовыхъ концертовъ». Между обыкновеннымъ концертомъ и садовымъ концертомъ есть существенное различіе. Обыкновенно называютъ концертомъ, когда къ пианисту, ядру каждаго концерта, присоединяется то скрипачъ, то пѣвица, а вокругъ нихъ множество разряженныхъ мужчинъ и дамъ разговариваютъ. Садовый концертъ напротивъ заключается въ болѣе или менѣе многочисленномъ оркестрѣ, болѣе или менѣе обильно снабженномъ мѣдными и другими гремучими инструментами, съ рѣшающею первою скрипкою, которая дирижируетъ оркестромъ съ преуморительными кривляньями; оркестръ этотъ поставленъ въ прекрасномъ саду, подъ навѣсомъ, и играетъ новѣйшіе вальсы, марши, польки, подчасъ также увертюры, оперы и другія «серіозныя пьесы». Между тѣмъ публика гуляетъ вокругъ навѣса, наслаждается природою, музыкаю и другими произведеніями природы и искусства, и забавляется по мѣрѣ силъ и возможности. Что эти концерты не столько удовлетворяютъ поэтическимъ душамъ, сколько тѣхъ, на коихъ красоты природы производятъ такое же живительное впечатлѣніе какъ вкусный обѣдъ, объ этомъ и говорить нечего. Но къ счастью садовой музыки послѣдніе составляютъ большинство въ массѣ публики. Побѣжайте только въ четвергъ или въ воскресенье въ Павловскій Воксалъ, вы увидите какъ трудно въ этой толпѣ разряженныхъ слушателей или слушательницъ отыскать себѣ стулъ или мѣстечко на лавкѣ.

Первая черта, всегда поражавшая насъ въ этихъ садовыхъ концертахъ, вниманіе публики къ музыкѣ. На концерты Штрауса въ Вѣнѣ, Лоэнфа Гунгль въ Берлинѣ, Мюзара въ Парижѣ, ходятъ собственно для общества; на музыку почти не обращаютъ вниманія, развѣ только прѣдана; по большей же части говоръ публики совсѣмъ покрываетъ ее. Въ здѣшнихъ же садовыхъ концертахъ, хотя она одно подражаніе тѣмъ, музыкальный интересъ повидямому занимаетъ первое мѣсто. Во время музыки всѣ слушаютъ чинно

и омирно, такъ что услышши каждое слышное слово по окончаніи пьесы нерѣдко раздѣются всеобщіе, бурные аплодизменты, что за границею почти неслыханное дѣло. Это уваженіе къ искусству, даже въ самыхъ мелкихъ его формахъ, — прекрасная черта русскаго характера. Впрочемъ если мы и называемъ эти формы «мелкими», это не значитъ, что мы принадлежимъ къ тѣмъ строгимъ судьямъ, которые сочли бы хулою противъ искусства и вкуса, отзываться о танцевальной музыкѣ не съ улыбною презрѣніемъ. Напротивъ, мы откровенно сознаемся, что танцы Штрауса, Ланнера и нѣкоторыхъ другихъ, съ ихъ заманчивыми мелодіями, остроумными рѣшаніями и прихотливою инструментовкою, не разъ доставляли намъ истинное удовольствіе. Въ вальсахъ и маршахъ Штрауса, по нашему мнѣнію, гораздо болѣе гениальности, воображенія и свѣжатаго, непринужденнаго ума, чѣмъ во многихъ многохваленыхъ большихъ произведеніяхъ нашего времени. Танцевальная музыка, допускавшая лѣтъ за десять или за пятнадцать такъ мало истинно музыкальнаго содержанія въ своихъ тяжелыхъ, однообразныхъ ритмахъ, что ея почти нельзя было причислить къ искусству, и что серіозные композиторы, напримеръ Бетговенъ или Гуммель, когда спускались до употребленія этихъ формъ, всегда заботились о томъ, чтобы рѣзко отдѣлить свои сочиненія отъ настоящей танцевальной музыки, какъ отъ презрѣннаго и въ грязь втоптаннаго паря, благодаря гениальному Штраусу и нѣкоторымъ его подражателямъ, такъ обновилась, и переродилась, что представляетъ теперь органически округленную форму искусства, въ которой такъ же самостоятельно и оригинально можетъ развиваться талантъ, какъ и во всякой другой формѣ. Правда, эта форма заключена въ болѣе тѣсныхъ предѣлахъ, вѣдѣствіе необходимости въ ней строгой ритмической мѣры, но композиторы нашли средство выгадывать пользу изъ самыхъ этихъ оковъ, и рѣшить труднѣйшую свою задачу, избѣжать однообразія, искусно переплетая свои мѣрные четырехъ-тактные ритмы и скрадывая ихъ удареніемъ на слабыя части такты. Мгновенное возрожденіе танцевальной музыки было не безъ вліянія и на другіе роды музыки: Листъ, Шопенъ, Гальбергъ и многіе другіе усвоили форму вальса пересозданную Штраусомъ, фортепианной музыкѣ. Нетрудно бы даже показать слѣды Штрауса и Ланнера въ симфоніяхъ и другихъ большихъ произведеніяхъ, не говоря уже о множествѣ новыхъ оперъ, которыя почти все одними живутъ.

Оркестры, играющіе въ здѣшнихъ садовыхъ концертахъ, не

могутъ еще, правда, сравниться въ согласіи съ оркестрами Штрауса и Юсіфа Гунгля, которые въ рукахъ своихъ дирижеровъ обратились въ одинъ инструментъ, и только на балахъ исполняютъ танцы съ строгимъ обозначеніемъ ритмическаго дѣленія, необходимымъ при танцованіи, въ концертахъ же играютъ ихъ съ болѣе свободнымъ выраженіемъ, какъ бы стали ихъ играть умный виртуозъ; однако же и наши оркестры заслуживаютъ полной признательности: они довольно полны, играютъ согласно и съ одушевленіемъ. Оркестръ Юганна Гунгля, въ павловскомъ воксалѣ, всѣхъ многочисленнѣе отличается одушевленнымъ исполненіемъ полкъ и вальсовъ своего талантливаго дирижера. Въ нынѣшнемъ году ему нашелся опасный соперникъ въ оркестрѣ Гильмана, играющемъ на Выборгской Сторонѣ, на дачѣ Королева, и привлекающемъ многочисленную, отборную публику, какъ прекраснымъ положеніемъ самой дачи, такъ и живымъ, остроумнымъ исполненіемъ вальсовъ Штрауса и Юсіфа Гунгля. Давно извѣстный оркестръ Германа даетъ свои концерты въ саду Кушелева-Безбородки и вполне оправдываетъ свою давнишнюю славу.

Всѣ эти оркестры кромѣ танцевъ играютъ иногда увертюры и даже симфоніи, которыя однако во многихъ отношеніяхъ неудовлетворительны. Не говоря уже о слабости струнныхъ инструментовъ, составъ танцевальнаго оркестра совѣмъ не тотъ какого требуетъ опера или симфонія. Многихъ инструментовъ, ишею среднихъ голосовъ, необходимыхъ для серіозныхъ произведеній, не бываетъ въ танцевальномъ оркестрѣ, который принужденъ преимущественно стараться объ усиленіи крайнихъ голосовъ и они должны быть замѣняемы другими инструментами, не вполне удовлетворительными. Притомъ у музыкантовъ, составляющихъ эти оркестры, слишкомъ рѣдко встрѣчается необходимое для выполненія серіозныхъ произведеній техническое и музыкальное образованіе, а когда бываетъ, то манера, усвоенная ими въ танцевальной музыкѣ, и составляющая тамъ ихъ главное достоинство, вредитъ исполненію другаго рода сочиненій. Впрочемъ для перемены и, для контраста если слушать эти пьесы издали и урывками, можно съ ними помириться, и пропускать сквозь пальцы неудовлетворительность ихъ при строгомъ разсмотрѣніи. Но не слѣдовало бы на пополненіе пустаго времени употреблять симфоніи Бетговена; онѣ слишкомъ высоки, и ни въ какомъ отношеніи не могутъ входить въ сферу садовыхъ концертовъ. Пьесы въ родѣ Oberländer и Gambrinus - Polka Юсіфа Гунгля, или Eisele-Beisels-Sprünge, Marianka-Polka, Epigonen-

Tänze и Stradella-Quadrille Штрауса, вотъ магнитные полюсы, около которыхъ вращается міръ садовыхъ концертовъ, и которые господниъ Бернаръ, дѣрвный стремленію вѣка, удометворять всѣмъ общешущаеымъ потребностямъ, тотчасъ же издавъ. За чѣмъ же безъ нужды вводить съ ними въ состязаніе исполнѣна Бетговена, которому ни какъ не мѣсто въ этой толпѣ танцевъ!

Мы видимъ, что пѣтъ недостатка въ легкой, развлекающей музыкѣ въ разныхъ концахъ окрестностей нашей столицы, но въ тоже время и болѣе возвышенныя концерты, наши зимніе пріятель: не совѣмъ умолкли, они только покимвули пыльный городъ, и послѣдовали за своими друзьями и покровителями на дачи.

Извѣстная виолончелистка, дѣвица Крестіани, дала 21 іюля въ залѣ заведенія минеральныхъ водъ, въ Новой Деревнѣ концертъ, на который съѣхалась многочисленная, блистательная публика. Едвали кто болѣе способенъ выразить въ музыкѣ иѣжныя чувства, возбуждаемыя созерцаніемъ красоту природы, чѣмъ эта артистка, которой талантъ направлепъ болѣе къ прекрасному, нежели къ трудному. Въ Тріо Майседера, которымъ начался концертъ, главная роль принадлежитъ скрипкѣ. Ее игралъ господниъ Бекеръ, котораго мы тутъ въ первый разъ имѣли случай слышать. Онъ исполнялъ свою партію прекраснымъ тономъ, изящно и выразительно. Одного колѣна этого не слишкомъ важнаго тріо, по нашему мнѣнію, было бы достаточно для этого концерта, и безъ того уже довольно сложнаго. Если тріо мало представлялъ случаевъ дѣвицѣ Крестіани выказать свой талантъ, то она вполне вознаградилась за то и вознаградила публику другими пьесами. Довольно трудный болеро Оффенбаха она сыграла на этотъ разъ не такъ удачно, какъ въ одномъ изъ прежнихъ своихъ концертовъ, что должно приписать вліянію чрезмѣрнаго зноя. Остальныя пьесы, прелестныя пѣсни изъ Шубертовой Schöne Müllerin, мелодія изъ Доппдзеттѣевой «Фаворитки,» канатину изъ «Любознаго напитка» Una furtiva lagrime и Оффенбахову Muretт она выполняла съ такимъ глубокимъ чувствомъ и съ такимъ истинно художественнымъ умомъ, что критика должна молчать, если не хочетъ безусловно раздѣлѣть энтузіазма публики, что ни какъ не подобаетъ ея степенной важности.

Свяжемъ еще нѣсколько словъ о прочихъ пумерахъ концерта. Господниъ Штюкрадъ, піаннеть, участвовалъ въ тріо Майседера и сверхъ того сыгралъ двѣ пьесы своего сочиненія: Sur le lac и Tarentelle. Онъ не выдастъ себя за виртуоза, но онъ хорошій образованный музыкантъ; пьесы его носятъ тотъ же отве-

чатокъ. *Tangentelle*, какъ и всѣ почти пьесы этого рода, есть подражаніе Шопену, и не столько намъ понравилась какъ *Sur le lac*, написанная въ формѣ воктюрна. Эта очаровательная пьеска, полная нѣжной мелодіи, заслужила всеобщее одобреніе, и тотчасъ же явилась въ магазинѣ Бернара. Мы рекомендуемъ ее читателямъ. Скажемъ еще къ слову, что господинъ Штюкрадъ игралъ народнѣ здѣшняго мастера Бекера, такомъ превосходномъ роулѣ, какого намъ давно не удавалось слышать.

Какой-то безымянный пѣвецъ спѣлъ арію изъ «*Мариво Фалиеро*,» столь прославленную несравненнымъ Рубини, и старался перенять его манеру и особенности, въ чемъ отчасти успѣлъ. Наконецъ госпожа Штюкрадъ спѣла пѣсню Трува «*Scheiden und Leiden*», производившую фуроръ въ Берлинѣ, и двѣ пѣсни Шуберта. Госпожа Штюкрадъ одарена очень не дурнымъ голосомъ, но чрезмѣрная робость не позволяетъ ей выказать его. Признаемся, мы никогда не понимали робости, которая держитъ нѣкоторыхъ художниковъ въ продолженіе всего времени ихъ явленія передъ публикою. Оробѣть въ первую минуту понятное дѣло, но истинный художникъ скоро вдохновится и забудетъ все, кромѣ своего искусства; присутствіе публики, смущавшее его сначала, еще усилитъ его энтузіазмъ и онъ является въ концертной залѣ еще выше чѣмъ въ своемъ рабочемъ кабинетѣ. Разумѣется и здѣсь, какъ во всемъ, бываютъ исключенія, однакоже это крайне рѣдкій случай, чтобы истинно великій художникъ не былъ въ состояніи преодолѣть своей робости. Могутъ за то встрѣтиться случаи, когда художника смущаютъ внѣшнія обстоятельства и лишаютъ присутствія духа. Подобный случай, напримѣръ, былъ въ началѣ прошлаго вѣка съ знаменитымъ виртуозомъ на віолодакамбѣ, «*Абелемъ*». Онъ былъ въ свое время тѣмъ что нынче Листъ, съ тѣмъ различіемъ, что постоянныя торжества спушили ему такое высокое понятіе о своихъ заслугахъ, что онъ, повывраженію стариннаго историка, сталъ нестерпимо надменнымъ и кичливымъ человѣкомъ. Въ одну изъ своихъ поѣздокъ. Онъ посѣтилъ Дрезденъ, гдѣ надѣялся увѣнчаться новыми лаврами и почестями при дворѣ тщеславнаго курфюрста Августа, однако же онъ не такъ скоро получилъ приглашеніе ко двору, какъ желалъ и надѣялся; это его до того раздосадовало, что онъ сталъ въ слухъ и въ очень неумѣренныхъ выраженіяхъ высказывать свое неудовольствіе. Августъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ пригласить его съ инструментомъ во дворецъ. *Абель*, разумѣется, воспѣвши явиться въ назначенное время;

его ввели въ обширную, пустую залу, и оставили тутъ, прося подождать курьерста. Пройдѣсь нѣсколько разъ по вустой залѣ взбѣшенный художникъ рѣшился отомстить невѣжливому государю, заставлявшему его такъ долго ждать. Чтобы покойнѣе обдумывать свою месть, онъ сѣлъ въ единственные кресла, столешіи посреди залы. Но едва онъ усидѣлъ сѣсть, какъ кресла, будто въ волшебной пещѣ на театрѣ, поднялись подъ самый потолокъ, и чрезъ нѣсколько минутъ испуганный Абель, со скрипкою въ рукахъ, возсѣдалъ въ креслахъ на высокомъ столбѣ, точно матросъ на марсельѣ. Въ то же мгновение послышалось глухое рычаніе, отворилась дверь, и въ нее впущены шесть черныхъ медвѣдей, изголодавшихся и остервененныхъ. Они скоро увидали виртуоза, возсѣдавшаго подъ потолокомъ, и стали свилиться взобраться на высокій столбъ. Надо сознаться, что положеніе его было незавидно. Онъ сталъ кричать и звать на помощь, но медвѣди зарычали только пуще прежняго, и такъ усердно толкали и качали столбъ, что несчастный художникъ того только и ждалъ, что столбъ упадетъ, и онъ сдѣлается жертвою лютыхъ звѣрей. Послѣ мучительныхъ пяти минутъ, отворилась наконецъ дверь въ концѣ залы, и въ длинной галереѣ, противъ художника, показался Августъ, съ прекрасною графиннею Авророю фонъ Кеннгсмаркъ и многочисленнымъ придворнымъ штатомъ. «Ахъ, любезный Абель, сказалъ курьерствъ несчастному виртуозу, вы уже здѣсь? извините, что мы заставили васъ ждать. Прошу васъ начинать теперь же, мы всѣ горимъ нетерпѣніемъ познакомиться съ вашимъ дивнымъ талантомъ». Что ни говорилъ бѣдный Абель, ни что не помогало; даже ссылаю на то, что нѣтъ оркестра для аккомпанированія ему, остроумный Августъ опровергъ шуткою, замѣтивъ, что слышнть въ залѣ, у ногъ артиста, удивительныхъ басистовъ. Абель принужденъ былъ покориться судьбѣ и играть одинъ изъ своихъ знаменитѣйшихъ концертовъ подъ рычаніе хора медвѣдей.

Въ подобномъ случаѣ, разумѣется, можетъ артистъ оробѣть, но въ нашихъ миролюбивыхъ концертныхъ залахъ нѣтъ лютыхъ звѣрей,—много, если найдете нѣсколько ручныхъ львовъ и обезьянъ, которые никогда не обижали ни одного артиста,—поэтому въ нашихъ концертахъ излишняя робость художника наводитъ на сомнѣніе въ его талантѣ.

Говоря о концертахъ, мы невольно вспоминаемъ красу прошедшаго сезона, Эрнста. Намъ пишуть, что онъ далъ три концерта въ Ревалѣ и, разумѣется, возбудилъ въ слушателяхъ свѣдѣ-

нѣйшій энтузіазмъ. Кроме этихъ трехъ концертовъ, давъ еще одинъ концертъ съ нашимъ почтеннымъ виолончелистомъ Гресомъ, въ пользу бѣдныхъ. Девятнадцатаго іюля давалъ онъ первый свой концертъ въ Гельсингфорсѣ, откуда, послѣ двухъ-трехъ концертовъ, думалъ возвратиться въ Ревель и дать еще концертъ.

Разсказанный нами анекдотъ о концертѣ Абеля съ аккомпаниментомъ медвѣжьяго рычанія напоминаетъ намъ довольно странный обычай, который водится почти во всѣхъ нѣмецкихъ ледертабелахъ, пѣть съ аккомпаниментомъ какого-то глухаго рычанія, разумеется не медвѣжьяго, а людскаго, (которое Нѣмцы называютъ *Brummen*, *Brummatimme*), и одного знаменитаго композитора, сочиняющаго пѣсни съ аккомпаниментомъ таковаго рычанія, и наконецъ незабвенный вечеръ, который этому почтенному композитору никакъ не удалось угостить насъ своими произведеніями, и еще многое, многое другое. Кто не испыталъ, какъ пріятно иногда разговориться о далекой сторонѣ и о быломъ времени? Мы надѣемся, что наши свисходительные читатели не будутъ слишкомъ сѣтовать на насъ, если мы осмѣлимся завять ихъ своими воспоминаніями, тѣмъ болѣе, что вечеръ, о которомъ мы говоримъ, и для нихъ будетъ не совсѣмъ безъ интереса, потому что тутъ впервые вступилъ въ музыкальный міръ молодой человекъ, который теперь быстро идетъ къ европейской славѣ.

Берлинскій музыкальный торговецъ Шлезингеръ нѣдетъ по какому-то обыкновенію нѣсколько разъ въ годъ приглашать къ себѣ всѣхъ находящихся въ Берлинѣ замѣчательнѣйшихъ музыкантовъ, пѣвцовъ, журналистовъ, и другихъ людей, нѣющихъ какое нибудь значеніе въ музыкальномъ мірѣ. На другихъ собраніяхъ играютъ, поютъ, бесѣдуютъ, ѣдятъ, въ особенности же хорошо пѣютъ. А когда спустя нѣсколько дней всѣ газеты даютъ такіа блестящіе отчеты объ очаровательномъ художественномъ вечерѣ, данномъ богатымъ и умнымъ торговцомъ, что лица осиротѣвшихъ, а еще болѣе не столь богатыхъ издателей, краснѣютъ, блѣднѣютъ, морщатся отъ зависти и злобы, Шлезингеръ скромно утѣшаетъ, что не стоило говорить о его пустой вечеринкѣ и что журналисты самое нескромное племя въ свѣтѣ. Расчетъ ли побуждаетъ его давать эти вечера, или просто хлѣбосолюство, здѣсь не мѣсто разбирать, но они чрезвычайно пріятны и полезны для каждаго артиста, потому что они представляютъ ему случай сойтись со многими людьми, съ которыми безъ нихъ ему никакъ нельзя бы столкнуться въ горо-

дѣ, столь чуждомъ всякаго обществія. Имя Шлезингера по самому весьма пріятно звучитъ въ артистическомъ мірѣ и на какой-нибудь проѣзжій артистъ, прибывъ въ Берлинъ, спѣшитъ прежде всего представиться любезному издателю.

Находясь два года назадъ на короткое время въ Берлинѣ, я получилъ отъ стараго своего знакомаго издателя щегольски литографированное среди юмористическихъ арабескъ приглашеніе на такой вечеръ. Меня чрезвычайно удивило такое приглашеніе тѣмъ, потому что Шлезингеры вечера бывали обыкновенно зимою, когда въ городѣ находились значительные пріѣзжіе артисты. Послѣдній при мнѣ былъ данъ въ честь Листу и госпожѣ Шредеръ-Девриентъ, а теперь, думалъ я, въ Берлинѣ нѣтъ ни одного пріѣзжаго артиста, кромѣ развѣ скрипача Гиса. Да вотъ увидимъ. Въ назначенное время я отправился въ домъ Шлезингера, подъ липами, противъ распредѣлителя времени берлинцевъ, — часовъ академіи.

Нашелъ многочисленное и занимательное общество; тутъ были капелмейстеры Таубертъ, Гейнингъ, Мёзеръ, концертмейстеры Ригъ и братья Ганцъ, (которыхъ берлинскіе хроникеры называютъ просто die Gänze, то есть гусями), журналисты Рельштабъ, Ласкеръ и Трунь, скрипачъ Гисъ, пианистъ Куллакъ и многіе другіе композиторы, пѣвцы, пианисты и любители. Но предметомъ всеобщаго вниманія былъ знаменитый творецъ Роберта и Гугенотовъ. Мейерберъ въ частной жизни самый любезный, самый обходительный человекъ. Онъ въ высшей степени обладаетъ искусствомъ бесѣды, но никогда не старается, подобно нѣкоторымъ другимъ художникамъ, держать въ рукахъ разговоръ и обращать его на свою личность: напротивъ, онъ избѣгаетъ этого. Къ тому же онъ умѣетъ въ каждомъ, съ кѣмъ говоритъ, находить занимательную сторону и выставлять ее въ выгодномъ свѣтѣ. Такимъ образомъ бесѣды чужды нестерпимыхъ пошлостей, которыя убиваютъ ее въ столъ многихъ обществахъ; каждый находитъ случай высказать то, что у него на сердцѣ и расстается съ Мейерберомъ довольный собою и въ восторгѣ отъ гениальнаго композитора. Увидѣвъ меня, только что возвратившагося изъ Петербурга, онъ отвелъ меня въ сторону:

— Были ли вы въ Петербургѣ, въ концертѣ, въ которомъ играли мою увертюру къ Силезскому Лагерю? спросилъ онъ.

— Былъ.

— Каково было исполненіе?

— Исполненіе васъ бы не удовлетворило; но публикою вы остались бы довольны.

— Надѣюсь, что вы навѣстите меня передъ отъѣздомъ?

Вотъ все, что онъ говорилъ собственно о лично касавшемся его, цѣлый вечеръ.

Между тѣмъ открыли флигель, Гисъ настроилъ скрипку и началъ играть нѣкоторыя изъ своихъ послѣднихъ пьесъ. Гисъ превосходный скрипачъ, техника его удивительна, игра полна жизни и чувства. Одно, что вредитъ эффекту его игры, это его ломаніе. Безпрестанныя его судорожныя движенія чрезвычайно неприятны и верѣдко въ высшей степени смѣшны. Чрезмѣрная живость довольно часто встрѣчается въ виртуозахъ бельгійской школы: она вредитъ Прюму и знаменитому виолончелесту Серве навлекла очень неприятный случай прошлою зимою въ Парижѣ, въ концертѣ Консерваторіи.

Общество, состоящее исключительно изъ артистовъ, едва ли можетъ увлечься слишкомъ живымъ энтузіазмомъ, но поздравленія и похвалы посыпавшіяся со всѣхъ сторонъ на Гиса, по окончаніи его игры, должны были имѣть для него болѣе цѣны чѣмъ самый неистовый восторгъ обыкновенной публики. Одинъ только изъ присутствующихъ не обращалъ ни какого вниманія на игру виртуоза и не принималъ участія въ общихъ похвалахъ, а суетился въ сосѣдней комнатѣ, роясь въ огромной кнѣжкѣ нотъ, изъ которой онъ выбралъ нѣсколько тетрадокъ. Отобравъ повидимому все, что ему было нужно, онъ отложилъ ихъ въ сторону опять вошелъ въ гостиную и, кланяясь на-право и на-лѣво, протерся къ группѣ молодыхъ людей, въ которыхъ по изъясненнымъ прическамъ, бородамъ и бѣлымъ галстукамъ не трудно было узнать пѣвцовъ.

— Кто такой этотъ маленькій человекъ, который такъ кобынится и такъ одушевленно разговариваетъ? спросилъ я стояшаго подлѣ меня талантливаго композитора и критика Труна, указывая на него.

— Какъ, неужели вы не знаете Гумберта, знаменитаго творца пѣсенки «In den Augen liegt das Herz», одного изъ великихъ мужей Берлина?... вотъ что значитъ ѣздить на сѣверъ! Сидѣли бы вы дома, такъ знали бы, что Гумбертъ съ помощью Шлезингера выпускалъ на свѣтъ отъ времени до времени тетрадку другую пѣсень, когда на одинъ голосъ, когда на четыре. Но какъ дорогъ пенязь не въ своей сторонѣ, и Гумбертъ въ Бер-

лнѣ каждый день испытывалъ справедливость этой поговорки, то и издумалъ побывать въ Вѣнѣ, и — о чудо! сталъ такъ вскорѣ знаменитымъ человѣкомъ. Вы знаете, что въ берлинскихъ и вообще во всѣхъ сѣверныхъ нѣмецкихъ лидертафеляхъ издавна уже водятся пѣсни на одинъ голосъ съ хоровымъ ворчаніемъ, и что въ послѣднее время берлинцы довели это ворчаніе до степени петиннаго художества; поэтому весьма естественно, что каждый композиторъ написалъ на своемъ вѣку большее или меньшее число такихъ пѣсень съ ворчаніемъ. Я готовъ биться объ закладъ, что и вы не безъ грѣха, а Гумбертъ и подавно! Представьте же себѣ его удивленіе и восторгъ, когда онъ узналъ что Вѣнчанѣ ворчаніе въ пѣняхъ вовсе неизвѣстно. Я думаю, не болѣе обрадовался Колумбъ, когда издала завидѣлъ новый свѣтъ, или Франсисъ Дрекъ, когда привезъ первый картофель въ Европу! Вотъ мой Гумбертъ давай въ лидертафеляхъ вводитъ свои пѣсни, съ ворчаніемъ, между которыми есть очень недурныя; вообще онъ имѣетъ даръ мелодіи; эти пѣсни произвели фуроръ. Теперь вся Вѣна учится ворчать и скоро вѣроятно не уступитъ самому Берлину. Поговариваютъ, будто благодарные Вѣнцы уже открыли подписку на сооруженіе памятника великому Гумберту, учителю своему въ искусствѣ ворчанія.

— А между тѣмъ онъ кажется собирается поставить себѣ живой памятникъ между папъ. Смотрите онъ взялъ поты; вѣрно онъ хочетъ, съ помощью пѣвцовъ, отъ которыхъ сейчасъ отошелъ, поподыпвать насъ послѣднимъ плодами своего вдохновенія.

— Въ самомъ дѣлѣ, вы правы вотъ они собираются, Гумбертъ раздастъ голоса даже вполголоса такъ, шепчутся—но что такое? Шлезингеръ ведетъ къ ангелю желтоблѣднаго молодого человѣка, который до тѣхъ поръ сидѣлъ безмолвно и неподвижно въ своемъ углу.—Онъ хочетъ играть!—Смотрите, Гумбертъ своею фалангою пѣвцовъ принужденъ съ досадою ретироваться, оставить поле безъ боя.— О горе!....

Новый артистъ, котораго нашъ хозяинъ подвелъ къ ангелю—былъ молодой человѣкъ, лѣтъ 18 или 20. Онъ до тѣхъ поръ ни съ кѣмъ не говорилъ и никто о немъ не заботился; онъ былъ, повидному, пріѣзжій и вовсе незнакомъ въ Берлинѣ. Лице его было болѣзненного желтаго цвѣта, и выражало страданіе; онъ казался слабъ, какъ будто только что начиналъ оправляться отъ тяжелой болѣзни. Вся сила его жизни повидному сосредоточивалась въ свѣтлыхъ живыхъ глазахъ. Огненнымъ, пронизывающимъ взглядомъ окинулъ онъ все собраніе, распылавшееся въ мелкія

группы, и неожиданно вынуть не думавшей удостоить игру еще особливаго инструмента, съѣлъ и заигралъ. Фланголь, на которомъ онъ игралъ былъ старый, избитый инструментъ, но клавишамъ котораго бѣгали пальцы нѣсколькихъ поколѣній пианистовъ, одинъ изъ тѣхъ ветерановъ давно минувшихъ лѣтъ, какіе еще частенько держатся какъ наслѣдственный хламъ въ домахъ, гдѣ некому заниматься музыкою; словомъ флангель годный еще для аккомпанованія пѣвію, но на которомъ просить играть новаго пианиста, рассчитывающаго на качество инструмента почти столько же, сколько на свое искусство, значило бы оказать ему пренебреженіе.

Едва незнакомецъ съигралъ нѣсколько тактъ, какъ замолкла беседа и въ собраніи водворилось мертвое молчаніе. Всѣ съ изумленіемъ обратились къ молодому виртуозу и, удерживая дыханіе, слушали нѣжные волшебные звуки, которые онъ извлекалъ изъ инструмента, ожившаго подъ его пальцами. Я уже былъ прежде свидѣтелемъ подобнаго чуда ударенія въ Карла Майеръ, который также умѣлъ извлекать чудный тонъ изъ избитаго фортепіано; но такой благородной игры одушевленной такимъ поэтическимъ вдохновеніемъ, давно уже я не слыхалъ. Она напоминала игру Листа, въ лучшія его мнноты. Но эта чудная мелодія, то спокойная и широкая, то страстная и бурная, съ могучимъ, смѣлымъ ея аккомпаниментомъ, была такъ оригинальна и исполнена такою твердою рукою и съ такимъ благородствомъ, такою чистотою вкуса, что нельзя было и думать ни о какомъ сравненіи: оставалось только благоговѣть и уноситься на быстромъ потокѣ звуковъ.

Во время игры, гости мало по малу приблизились къ флангю, и когда пианистъ наконецъ въ изнеможеніи опустилъ руки съ клавишей, онъ былъ окруженъ толпою изумленныхъ и восхищенныхъ лицъ. Тутъ только Шлезингеръ представилъ намъ незнакомаго художника подъ именемъ Англичанина Геври Литольфа. Нѣкоторые изъ гостей вспомнили тогда, что читали мѣсяца за три или за четыре, въ газетахъ, о восторгѣ возбужденномъ въ Дрезденѣ первымъ появленіемъ Литольфа. Но что значить для гордаго Берлина судъ Дрездена и всей Германіи? Хотя бы Дрезденъ возносилъ артиста выше облаковъ, раскувалъ его портретъ мраморные и гипсовые его бюсты, выбивалъ въ честь его медали, Берлинцы только недовѣрчиво пожмутъ плечами и скажутъ: «Пуускай прїѣзжаетъ, посмотримъ что за чудо!» Послѣ перваго своего успѣха въ Дрезденѣ, Литольфъ вдругъ скрылся. Ни кто

не зналъ, куда онъ дѣвался, да никто о томъ и не заботился. Имя его, блеснувшее мгновенно свѣтлою звѣздой, такъ же быстро померкло въ забвеніи.

Что же было причиною этого сокрытія ?

Литольфъ намъ не объяснилъ. Въ Дрезденѣ постигла его опасная болѣзнь; собравъ послѣднія силы, онъ поѣхалъ въ Берлинъ, надѣясь, что искусные берлинскіе врачи скорѣе его вылечатъ. Онъ пріѣхалъ въ Берлинъ совершенно измученный; не зная ни кого въ городѣ, не имѣя силъ встать съ постели, онъ принужденъ былъ искать убѣжища въ больницѣ. Тутъ онъ долженъ былъ выдержать мучительную операцію и нѣсколько мѣсяцевъ былъ прикованъ къ болѣзненному одру. Только за нѣсколько дней вышелъ онъ изъ больницы и явился къ Шлезингеру, который такимъ неожиданнымъ образомъ свелъ его со всѣми значительнѣйшими художниками и журналистами Берлина.

Во время разсказа Литольфа Гумбертъ возобновилъ свою неудачную попытку осчастливить насъ своимъ новѣйшимъ произведеніемъ, и уже подвигался съ своею флангою пѣвцовъ, какъ Литольфъ, по просьбѣ Мейербера, сѣлъ снова за флигель, чтобы повторить свою пьесу *Chant du Gondolier*. Бѣдный Гумбертъ опять долженъ былъ отступить, ничего не сдѣлавъ, и прохдя мимо меня, шепнулъ мнѣ съ досадою: «Посмотрите, какъ Мейерберъ интригуетъ противъ меня; просто изъ рукъ вонъ!»

Литольфъ повторилъ свою пѣсню гондольера, которая потрясла всѣхъ слушателей и самого неумолимаго, и сколько не чувствительнаго Рельштаба, растрогала до слезъ. Потомъ онъ сыгралъ еще фантазію изъ Роберта, въ которой съ необыкновеннымъ умомъ почти всѣ мотивы этой оперы переплетаются съ маршемъ турнира, втораго дѣйствія. Не разъ вырывала она у насъ, и въ особенности у Мейербера, восклицанія изумленія. Одушевленный успѣхомъ, Литольфъ игралъ безъ умолку; собственныя его сочиненія шли пестрымъ строемъ съ этюдами его учителя, Мошелеса; онъ былъ счастливъ и, забывая болѣзнь, забывая слабость, сосредоточивалъ всѣ свои жизненныя силы въ музыкѣ. Но природа горько метитъ за невниманіе къ ней. Художникъ только лишь увлекся въ дикую бурю своей *Tarentelle du diable* какъ силы оставили его; онъ принужденъ былъ оставить флигель, и изнеможенный, почти безъ чувствъ, забился въ уголъ софы.

Трупъ воспользовался этою случайною остановкою, чтобы познакомить насъ, черезъ отличнаго баритона Граціани, съ послѣдними своими италіянскими пѣспями: такимъ образомъ Гумбертъ

все еще стоявшій съ тетрадью въ рукѣ, лишился послѣдней надежды, потому что уже было поздно, и какъ скоро Литольфъ отдохнулъ, мы сѣли за ужинъ.

Если игра Литольфа поразила насъ чуждымъ вообще англійскому характеру одушевленіемъ и гевіяльностію, то за ужиномъ же менѣе разумилъ онъ насъ своимъ остроуміемъ и оригинальностію разговора и разсказовъ. Это фактъ, что отчизна Шекспира, Байрона и столькохъ другихъ гевіяльныхъ поэтовъ, не произвела еще ни одного сколько нибудь замѣчательнаго музыканта. Литольфъ, съ своимъ чуднымъ искусствомъ и огромнымъ оригинальнымъ даромъ композиціи, долженъ наконецъ прославить Англію и на музыкальномъ поприщѣ.

Когда нашъ веселій ужинъ кончился, уже свѣтало. Многіе изъ гостей уже разошлись. Оставшіеся пожелали еще послушать музыки. «Пожалуй, сказалъ Литольфъ, я вамъ сыгрую что-нибудь изъ Бетговена; только погасите свѣчъ». Свѣчъ погасили, и онъ сыгралъ намъ при таинственномъ полусвѣтѣ занимавшейся зарп адажіо сопаты *cis-moll*, эту дивную, изъ другаго міра вѣющую элегію. Ни одной ноты, ни одного акцента не прибавлялъ онъ отъ себя. Передъ нами вѣялъ духъ самого Бетговена, во всей его простотѣ и во всемъ величїи; души наши были потрясены его волшебными аккордами. Когда замеръ послѣдній звукъ, мы хранили глубокое молчаніе, ни кто не смѣлъ сказать слова. Въ такія минуты страшно прозвѣстн первое слово, разрушающее обаяніе.

Добрый Гумбертъ обрекъ себя на жертву общему благу, и первый прервалъ молчаніе. Въ восторженныхъ словахъ благодарилъ онъ Литольфа за доставленное намъ наслажденіе, осыпалъ его похвалами и хотѣлъ уже ловкимъ оборотомъ навести рѣчь на свои вѣщи, какъ Литольфъ перебилъ его болтливость перепѣливыми словами: *embrassons-nous et que ça finisse*, и такимъ образомъ заставлялъ его молчать.

Спустя нѣсколько минутъ, мы шли втроемъ, Литольфъ, Труизъ и я, домой, по Инповой улицѣ; Литольфъ сказалъ: «мнѣ что-то не хочется спать; погуляемъ еще!» Мы пошли, разговаривая, по улицамъ Берлина, встрѣчая одинхъ полусонныхъ сторожей, къ Гальской заставѣ, и подошли къ памятнику на Крестовой горѣ въ то самое мгновеніе, какъ изъ за деревъ кладбища показывалось во всемъ своемъ блескѣ выходящее солнце.

Это было дивное *maggiore* къ Бетговену *minore*!

Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ Литольфъ явился въ Берли-

въ съ такимъ успѣхомъ, какого не видѣть и самъ Линдъ; и вѣдѣте выи Линдольфа принадлежить къ самымъ славнымъ именамъ въ музыкальномъ мѣрѣ.

Однакоже мы слишкомъ увлеклись своими воспоминаваніями, и забыли почти, что на насъ лежитъ обязанность извѣстить читателей о томъ, что дѣлалось въ музыкальномъ мѣрѣ въ продолженіе истекшаго мѣсяца. Обратимся къ дѣлу.

— Сезонъ италіанской оперы лондонскаго королевскаго театра подходит къ концу. Представленія его идутъ по прежнему. Линдъ поетъ въ Соппамбулѣ, въ Дочери Полка, въ Нормѣ; въ послѣдней роли она не такъ хороша какъ въ остальныхъ; твердый, суровый характеръ гальской жрицы, не согласенъ съ ея мягкою, вѣжкою въ высшей степени женскою душою. Безъ Линдъ даютъ Любовный Напитокъ, Эрнани, и прочія; но какъ не хороши прочія пѣвицы, публика безъ нея скучаетъ. Изъ множества обѣщанныхъ новыхъ пьесъ поставлены до сихъ-поръ только одна: «Разбойники» Верди; кажется на ней и остановятся. О новомъ произведеніи Верди, и вообще о лондонскихъ театрахъ пишемъ намъ слѣдующее:

«Вы знаете, что новая опера Верди, представленная на королевскомъ театрѣ, называется *I Masnadieri*; но не знаете, можетъ-быть, что это подражаніе извѣстнымъ «Разбойникамъ» Шиллера. По моему, не мѣшало бы, выбрать и другое названіе и другой предметъ. Я помню, что лѣтъ двѣнадцать назадъ Меркаданте написалъ для парижскаго театра оперу на тотъ же сюжетъ, подъ названіемъ *I briganti*; она не имѣла успѣха. Никогда я не забуду смѣху, возбужденнаго Лаблашемъ, выходящимъ изъ башни, въ которой онъ терзался нѣсколько лѣтъ голодомъ и жаждою! Музыки Меркаданте я совсѣмъ не помню.

«Что касается до музыки Верди, скажу откровенно, что я согласенъ съ мнѣніемъ критиковъ, которые ни сколько не считаютъ его новой оперы образцовымъ произведеніемъ: вы знаете, какъ я думаю вообще о произведеніяхъ Верди. Вотъ вамъ, впрочемъ, вкратцѣ содержаніе новой партитуры.

«Вы знаете систему Верди: новая опера не выходитъ изъ нея ни на волосъ. Во-первыхъ, по обыкновенію, нѣтъ увертюры, а только что-то въ родѣ интродукціи, въ которой есть замѣчательная фраза віолончели, прекрасно исполняемая господиномъ Пятти. Первый хоръ разбойниковъ, за кулисами, не замѣчательна. Тоже сказалъ бы я и объ арии Карла. *O mio castel paterno*, если бы не одушевленное, прекрасное пѣніе Гардонни; онъ играетъ благо-

роднаго брата, разбойника; Колетти подлого лиценцера, Франца. Послѣ Карла яляется Францъ и также поетъ арію съ виолончели, потомъ Амалія, то есть Женни Линдъ; вредствующая ей коротенькая интродукція духовыхъ инструментовъ гораздо лучше самой ея аріи: *Lo sguardo avea degli angeli*. Жаль Женни Линдъ, которая принуждена пѣть такую арію, писанную вовсе не на ея голосъ, да и ни на чей голосъ. Можно похвалить дуэтъ Амаліи и Макса Мора, отца. Максъ — Лаблашъ; Амалія — Женни Линдъ; слѣдовательно и говорить нечего, что дуэтъ исполненъ превосходно. Въ квартетѣ, заключающемъ первое дѣйствіе, есть хорошія мѣста: композиторъ и пѣвцы послѣ него нѣсколько разъ вызваны.

«Во второмъ дѣйствіи находится капитальный нумеръ, большая сцена Женни Линдъ, о которой должно сказать, что Верди въ ней лучше обыкновеннаго понимаетъ человѣчeskій голосъ. Сцена начинается прекраснымъ ларго, полнымъ выраженія: *Tu del mio Carlo al seno*, и заключается радостною кабалеттою *Carlo vive*. Надо слышать Женни Линдъ въ обѣихъ частяхъ этой сцены, когда, узнавъ, что Карлъ живъ, она переходитъ отъ глубокой горести къ самой восторженной радости, чтобъ имѣть понятіе о ея талантѣ. Невозможно доводить до высшей степени силу драматическаго чувства и въ тоже время съ такою точностью соблюдать всѣ тонкости техники. Тутъ уже не стало границъ всеобщему восторгу и неистовству; вся зала всколыхла, громко вызывая пѣвицу, и требуя повторенія аріи; не смотря на трудность, чуть не невозможность такого подвига, Женни Линдъ принуждена покориться судьбѣ, и послѣдствіямъ своего успѣха, благодаря Бога за то что могла выдержать его до конца во второй разъ.

Послѣ этой аріи есть дуэтъ Амаліи съ Францомъ, есть разбойничьи хоры, похожіе на Мюзаровы кадрили, и этими оканчивается второе дѣйствіе. За вторымъ дѣйствіемъ слѣдуетъ третье, а тамъ еще четвертое. Но вы позвольте мнѣ о нихъ умолчать, потому что опера отсюда примѣтно слабѣетъ, и мнѣ пришлось бы все повторять один и тѣ же слова, что, разумѣется, было бы вовсе не весело ни мнѣ, ни читателямъ. Послѣдній тріо Женни Линдъ, Лаблаша и Гардони, одно блѣдное сіяніе луны сравненіи съ тріо Эрвани, если только можно допустить, что тріо Эрвани солнце. Старикъ Максъ хочетъ соединить сына и Амалію, но Карлъ, въ наказаніе своихъ разбоевъ, закалываетъ сначала Амалію, а потомъ себя. Какъ видите итальянскій поэтъ перохитрилъ самого Шиллера. Желалъ бы я сказать, что композ-

торъ перекитрилъ Россіи или Донизетти, но по совѣсти долженъ признаться, что сомнѣваюсь, чтобы у кого-нибудь повернулся языкъ сдѣлать ему комплиментъ.

«Поставка оперы—верхъ совершенства. Лумлей облегъ ее во все великолѣпіе, какое было возможно. Онъ общалъ публикѣ оперу Мендельсона, другую Мейербера; если дасть ей въ нынѣшній сезонъ одну только оперу Верди, то по-крайней-мѣрѣ не жалѣлъ на нее ни труда, ни денегъ, и возложилъ ее на Женни Линдъ, Лаблаша, Гардопа и Колетти! Чего еще хотите?

«Боги рѣшили: Римъ восторжествовалъ, Карогагенъ палъ; другими словами: Королевскій театръ торжествуетъ надъ Ковентгарденскимъ. Второй итальянскій театръ рѣшительно разбитъ на голову; госпожа Персіани первая оставила поле сраженія, оставивъ за собою бѣольшую часть своего имущества; потому что мужъ ея, творецъ «Инесы ди Кастро» и Fantasma, былъ изъ числа антрепренеровъ. Сальви послѣдовалъ примѣру госпожи Персіани. Маріо и госпожа Гриси одни отстаиваютъ Ковентгарденъ, но что же могутъ они сдѣлать одни? Сраженіе проиграно, несогласіе показалось въ ихъ рядахъ. Вотъ предвидѣнная развязка дерзкаго предпріятія, неслыханнаго въ лѣтописяхъ театра, и которое послужило единственно къ обогащенію и усиленію Лумлея. Строгій урокъ артистамъ, которые думали уничтожить его своимъ отложеніемъ. Они хотѣли разорить его, и сами разорили все свое достояніе. Онъ доказалъ имъ, что директоръ, если только захочетъ, можетъ замѣнить артистовъ другими артистами, но что артисты не могутъ обойтись безъ директора. Слава господину Лумлею! Лумлей for ever!

«Между-тѣмъ какъ звѣзда Королевскаго театра горитъ всею своимъ блескомъ, на горизонтѣ показывается новая звѣзда. Дирекція Друриецкаго театра отдава господину Жюльену, знаменитому герою парижскаго Café ture. Жюльенъ, говорятъ, затѣваетъ обратить Друриецкій театръ въ учрежденіе подобное парижской королевской академіи музыки, то есть, Большой Оперѣ; онъ хочетъ, чтобы и Лондонъ имѣлъ свою національную оперу; онъ хочетъ, а когда Жюльенъ чего захочетъ, это тоже, что уже сдѣлано. Уже поговариваютъ объ артистахъ, которыхъ онъ думаетъ ангажировать; изъ пѣвцовъ, называютъ Пиннека, Стаудгля, Ривза и госпожу Гейсъ (Hayes). Въ капельмейстеры прочать Косту или какого-нибудь не менѣе его знаменитаго Шѣнца. Есть надежда, что мы скоро узнаемъ, до какой степени справедливы все эти слухи.»

Это письмо писано тотчасъ послѣ перваго представленія «Разбойниковъ», въ которомъ оркестромъ дирижировалъ самъ Верди. Второе представленіе, безъ Верди, было такъ неутѣшительно, что опера болѣе не являлась. Она, кажется, уснула могильнымъ сномъ. Туда и дорога! говорить злые языки.

Верди уѣхалъ изъ Лондона съ неудовольствіемъ и отправился въ Парижъ.

— Женип Линдъ, по желанію прусскаго короля, будетъ опять ангажирована на берлинскую сцену: ея ждуть въ половинѣ сентября. Ктому же времени долженъ возвратиться въ Берлинъ и Мейерберъ, который провелъ лѣтнее время на Франценбрунненскихъ водахъ близъ Эгера, въ Богеміи, для поправленія здоровья. Тамъ же находится и Спортини.

— Ксати о Женип Линдъ, извѣстный датскій писатель Андерсенъ, издалъ недавно свою автобіографію, въ которой рассказываетъ слѣдующимъ образомъ свое знакомство съ нею, начавшееся въ Копенгагенѣ, въ 1840 году.

«Одинъ изъ моихъ пріятелей, нашъ талантливый балетмейстеръ Бурпопвиля, жеватый на Шведкѣ, пріятельницѣ Женип Линдъ, извѣстилъ меня о ея прибытіи и сказалъ, что она очень лестно отозвалась обо мнѣ и читала недавно мои сочиненія. Онъ просилъ меня ятти къ ней съ шмъ вмѣстѣ, и постараться уговорить ее сыграть нѣсколько ролей на Королевскомъ театрѣ, присоединяя, что я буду въ восторгѣ отъ нея, когда услышу ее. Женип Линдъ приняла меня уже не какъ чужаго, дружески протянула мнѣ руку, говорила о моихъ сочиненіяхъ, также о Фредерикѣ Бремерѣ, съ которою она очень дружна. Разговоръ скоро обратился на ея явленіе на копенгагенской сценѣ; Женип Линдъ простодушно отвѣчала, что она боится. «Я нгдѣ никогда не являлась, сказала она, кромѣ моей родной Швеціи; въ моемъ отечествѣ меня такъ любятъ, ко мнѣ всѣ такъ снисходительны и здѣсь, что если я рѣшусь ступить на Копенгагенскій театръ, и меня освищутъ! Нѣтъ, я никогда не рѣшусь!» Я отвѣчалъ ей, что не могу судить о ея пѣніи, потому что никогда не слышалъ его, и что не знаю, какъ она играетъ, но что расположеніе публики въ Копенгагенѣ въ настоящее время таково, что даже съ посредственнымъ голосомъ и небольшимъ драматическимъ талантомъ можно надѣяться на успѣхъ, и что, по моему мнѣнію, ей можно смѣло попытаться. Увѣщанія Бурпопвиля доставили Копенгагенцамъ величайшее наслажденіе, какое они запомнятъ.

Женип Линдъ явилась въ первый разъ въ роли Алысы въ

«Робертъ Дьяволъ». Явленіе ея было для меня новымъ открытіемъ въ сферѣ искусства; молодой, свѣжій голосъ ея проникалъ во всѣ сердца; въ пѣніи и игрѣ ея—одна истина и природа; все въ нихъ понятно и все оживотворено мыслью. Потому она въ одномъ концертѣ пѣла свои шведскія пѣсни; въ нихъ было что-то особенное, какая-то тихая обаятельная сила; слушатели забывали, что они въ концертѣ. Народныя мелодіи, пѣтыя такимъ дивно женскимъ существомъ, должны были проявить все свое могущество; Копенгагенъ таялъ отъ восторга. Женни Линдъ была первою пѣвицею, которой датскіе студенты давали серенаду. Въ благодарность, она спѣла имъ еще нѣсколько шведскихъ пѣсенъ; потомъ я видѣлъ, какъ она удалилась въ самый темный уголъ залы, чтобы дать свободу слезамъ умиленія. «Да, говорила она, буду трудиться, употреблю всѣ усилія, чтобы пѣть еще лучше, когда возвращусь въ Копенгагенъ». На сценѣ она была великой артисткой, все затмѣвавшей вокругъ себя: у себя же дома была она чувствительною дѣвушкою, скромною, простодушною и тихою какъ ребенокъ. Съ появленія ея въ Копенгагенѣ начинается новый отдѣлъ въ исторіи нашей оперы: она открыла мнѣ искусство во всей его сокровенной святости, я видѣлъ въ ней его жрицу. Она возвратилась потомъ въ Стокгольмъ, откуда Фредерика Бремеръ писала мнѣ: «Что касается до Женни Линдъ, какъ пѣвицы, я съ вами совершенно одного мнѣнія: она стоитъ на такой высокой ступени, какой едва ли достигла какая нибудь пѣвица въ наше время, но вы еще не знаете ея во всемъ ея величіи. Поговорите съ нею объ искусствѣ, и вы изумитесь всеобъемлемости ея ума, увидите какъ лицо ея озарится вдохновеніемъ. Поговорите съ нею о Богѣ и о религіи, слезы выступятъ на свѣтлыхъ глазахъ ея; она велика какъ артистка, но еще выше просто какъ человѣческое существо!»

«Въ слѣдующемъ году я былъ въ Берлинѣ. Бѣсѣдуя съ Мейерберомъ, я заговорилъ о Женни Линдъ. Онъ слышалъ какъ она поетъ шведскія пѣсни и былъ отъ нихъ въ восторгѣ. «Но хорошо ли она играетъ?» спросилъ онъ. Я говорилъ съ восторгомъ о ея игрѣ и старался дать ему понятіе о ней въ роли Аисы. Онъ сказалъ мнѣ, что ему можетъ быть удастся убѣдить ее прѣхать въ Берлинъ. Всѣмъ извѣстно, что она играла въ Берлинѣ и какъ она пѣхъ изумила и привела въ восторгъ, и составила себѣ въ Германіи европейскую славу. Прошлою осенью она опять посѣтила Копенгагенъ. Всеобщій энтузіазмъ былъ невыразимъ; блескъ славы открываетъ генія каждому. Народъ въ строгонъ

опысы стоялъ бивуакомъ передъ театромъ, чтобы добиться успеха. Женни Линдъ являлась тутъ въ большемъ величїи, чѣмъ когда-либо, потому что мы могли видѣть ее въ нѣсколькихъ роляхъ и въ самыхъ различныхъ. Ея Норма — чудо пластики: каждое ея движеніе могло бы служить образцомъ ваятелю и, несмотря на то, каждый чувствовалъ, что все это было плодомъ мгновеннаго вдохновенія, а не изучено передъ зеркаломъ. Норма не неистовая Италияка: она страждущая, огорченная женщина, — женщина, которой станетъ мужества, принести себя въ жертву несчастной соперницѣ, — женщина, которой въ минуту горести можетъ прийти въ голову мысль убить дѣтей невѣрнаго любовника, но у которой оружіе выпадаетъ изъ рукъ при видѣ невѣрнаго младенца. «Норма, достойная жрица», поетъ хоръ и Женни Линдъ поняла это, и являетъ намъ достойную жрицу въ арии *Costa diva*. Въ Копенгагенѣ Женни Линдъ пѣла всѣ свои роли на шведскомъ языкѣ, прочіе пѣвцы на датскомъ: два родственные языка прекрасно сливались и не производили ни какого разнозвучія. Даже въ «Дочери полка», гдѣ много разговору, была въ шведскомъ языкѣ какая-то особая прїятность — а какъ она играла! такъ, что самое слово играть дѣлается противорѣчіемъ; она была сама природа; никогда не являлась на сценѣ что-либо болѣе истинное. Она являлась намъ вполне дитятею природы, выросшею въ лагерь; но каждое ея движеніе было проникнуто врожденнымъ благородствомъ. «Дочь полка» и «Соннамбула» безспорно лучшія роли Женни Линдъ, въ которыхъ никто ее не замѣнитъ.

«Пройдетъ столѣтіе прежде чѣмъ явится другая такая пѣвица, говоритъ мнѣ Мендельсонъ, бесѣдуя о Женни Линдъ, и слова его были выраженіемъ собственнаго моего убѣжденія. Ничто не можетъ объяснить впечатлѣнія, производимаго появленіемъ Женни Линдъ, кромѣ личнаго ея характера. Это дѣйствіе ея разумной дѣтской души; она счастлива, она повидному переносится въ другой міръ; какая-то дивная, мирная отчизна занимаетъ всѣ ея мысли, и въ то же время она всею душою предана своему искусству и сознаетъ свое призваніе. Ея благородная, тихая душа не можетъ быть оскорчена лестью. Только въ одномъ случаѣ слышалъ я какъ она съ нѣкоторою гордостью радовалась своему таланту. Это было въ послѣднее ея пребываніе въ Копенгагенѣ. Она пѣла почти каждый вечеръ, то въ оперѣ, то въ концертахъ; почти не было у нея часу незанятаго. Какъ-то узнала она объ обществѣ, учрежденномъ для того чтобы помогать несчастнымъ

дѣтямъ, чтобы отнимать ихъ изъ рукъ родителей, дурно обращающихся съ ними, или принуждающихъ ихъ воровать и нищенствовать. Благотворительные люди вносили ежегодно небольшую сумму на содержаніе ихъ; однако же, несмотря на то, средства общества были весьма ограничены. «Развѣ у меня нѣтъ еще свободнаго вечера? сказала Женин Лидъ: я буду пѣть въ пользу этихъ бѣдныхъ дѣтей; но, разумѣется, по высокимъ цѣнамъ.» Сказано — сдѣлано: представленіе состоялось и доставило огромный сборъ. Когда Женин Лидъ узнала сколько несчастныхъ дѣтей будутъ, благодаря ей, нѣсколько лѣтъ прирѣвы и воспитаны, лицо ея озарилось радостью, глаза наполнились слезами, и она сказала: «Хорошо однако же, что я могу такъ пѣть!» Я люблю ее какъ родной братъ и считаю себя счастливымъ, что имѣлъ случай узнать и поять такое гениальное существо. Помни ей Богъ тихую, счастливую жизнь, какой она желаетъ! Благодаря Женин Лидъ, я впервые узналъ всю святость искусства: изъ ея примѣра выучился я, что должно забывать себя самого въ служеніи ему. Ни какія книги, ни какіе люди не возвысили моей души такъ какъ Женин Лидъ: вотъ почему я такъ долго и съ такимъ жаромъ говорилъ о ней!»

— Мы говорили въ прошломъ номерѣ, что госпожа Виардо-Гарсія приглашена на нѣсколько представленій во Франкфуртъ-на-Майнѣ. Она являлась въ «Нормѣ», въ «Севильскомъ цирюльничѣ», въ «Гугенотахъ», въ «Донъ-Жуанѣ» и во второмъ дѣйствіи «Сопнамбулы.» Хотя Франкфуртцы и не такъ безусловно восхищались ею какъ Берлинцы и Дрезденцы, однако же такой успѣхъ удовлетворилъ бы хоть кого! Теперь она въ Парижѣ, отдыхаетъ отъ многотруднаго своего пребыванія въ Германіи.

— Берліозъ также возвратился въ Парижъ. Дирекція Большой Оперы предложила ему занять при этомъ театрѣ должность директора хоровъ и вообще пѣвческой части. Прусскій король пожаловалъ ему орденъ Краснаго Ора третьей степени.

— Тальбергъ получилъ отъ шведскаго короля королевскій орденъ Вазы. Онъ отправился черезъ Копенгагенъ въ Германію.

— Знаменитый теноръ Гардонн, одно изъ украшеній Лондонской Итальянской Оперы, женится на дочери незабвеннаго Тамбуриана.

— Листъ въ Одессѣ. Объ успѣхахъ его въ Константинополѣ рассказываютъ чудеса. Султанъ, предупрежденный о скоромъ его прибытіи, напередъ отдалъ приказаніе, чтобы онъ былъ немедленно отвезенъ во дворецъ Чераганъ. Приказаніе исполнено

въ точности. Едва Листъ сошелъ съ парохода, его повели въ сопровожденіи главнаго толмача интерпрунція, бароны Решты, въ сераль, къ его оттоманскому величеству, который изволилъ принять его весьма милостиво. Чтобы изъявить особое уваженіе знаменитому гостю, султанъ велѣлъ своимъ музыкантамъ и пѣвчимъ тѣшить его музыкаю. Между тѣмъ приготовили флигель, который былъ заранѣе присланъ Эмиромъ изъ Парижа. Листъ сыгралъ въ присутствіи султана анданте изъ «Лучія», увертюру «Вильгельма Телля» и фантазію на «Норму». Султанъ слушалъ съ большимъ вниманіемъ и, поздравивъ артиста, изъявилъ желаніе послушать его еще на слѣдующій день. Дѣйствительно, на слѣдующій день Листъ опять явился въ сераль и возбудилъ такое же удивленіе и такой же восторгъ. Султанъ, изъявивъ ему свое удовольствіе, подарилъ ему на память прекрасную табакерку, усыпанную брилліантами. Потомъ онъ далъ два концерта въ Перѣ, которые привели Константинопольцевъ въ ненормальный восторгъ. Передъ отъѣздомъ онъ далъ еще третій концертъ, въ пользу бѣдныхъ, съ такимъ же успѣхомъ. Признательные Константинопольцы подпесли ему серебряный кальянъ. Султанъ также, говорятъ, осыпалъ Листа подарками, пожаловалъ ему орденъ Нашанъ-Нортихаръ и, если вѣрять одной лейпцигской газетѣ, подарилъ ему дорогую чалму и прекрасную невольницу-черкешенку. Въ Одессѣ Листъ далъ концертъ въ пользу Александровскаго Дѣтскаго Приюта. Поговариваютъ, будто онъ думаетъ будущей зимою вернуться къ намъ въ Петербургъ. Милости просимъ; всегда рады дорогому гостю!

— На мѣстѣ деревяннаго Опернаго Театра въ Перѣ, сгорѣвшаго прошлою зимою, строится новый каменный театръ, по плану англійскаго архитектора Смита. Театръ будетъ въ три ряда ложъ и будетъ вмѣщать до тысячи четырехъ-сотъ чело-вѣкъ.

— Въ Константинополѣ завелся Армянскій Театръ, подъ управленіемъ какого-то Армянина, Гаспаріана; труппа состоитъ вся изъ Армянъ. Даютъ на этомъ театрѣ одиѣ пантомимы, извлеченныя изъ Исторіи Наполеона, Александра Великаго и, въ-особенности, изъ Библии. Программа каждаго представленія печатается тысячами экземпляровъ и раздается народу. Есть надежды, что этотъ театръ сдѣлается народнымъ.

— Въ одной газетѣ помѣщено весьма любопытное письмо изъ Болоньи, описывающее родъ жизни, которую ведетъ тамъ царь

композиторовъ, лириковъ и прожоръ, Джинкомо Россини. Мы уверены, что наши читатели съ удовольствіемъ пробѣгутъ его.

«Я объщалъ написать вамъ нѣсколько словъ о великомъ мастрѣ, поселившемся въ нашемъ городѣ. Разужбаете, не о его музыкѣ, это дѣло всѣмъ извѣстное, а о немъ самомъ.

«О Россини невозможно говорить иначе какъ отдѣльными мыслями, рублеными фразами. Позвольте же и мнѣ избрать эту форму.

«Съ Россини можно быть знакому, можно изучать его, любить его; но не думаю, чтобы кто-нибудь, хотя бы женщина, могъ сказать, что знаетъ его. Не то, чтобы онъ скрывался, но, умышленно или неумышленно, а онъ сбиваетъ съ толку каждаго наблюдателя.

«Точно такъ же онъ сбивъ съ толку всѣхъ, снимавшихъ съ него портреты. Имъ не трудно было уловить матеріальныхъ черты его лица, чистыхъ и правильныхъ: они даже довольно широко схватили его взглядъ, въ которомъ столько ума, смыслу и генія; но ни какъ не удалось имъ передать выраженіе его рта: они не даютъ о немъ ни малѣйшаго понятія.

«Точно также можно было опредѣлить свойства его таланта, слѣдить за быстрымъ полетомъ его генія, измѣрить его высоту; словомъ, анализировать въ немъ искусство; самъ же артистъ увернулся отъ самаго проникательнаго наблюденія.

«Иной разъ подумаешь, право, что художественскія способности Россини не только проявились, но и истощились въ его произведеніяхъ и что, переставъ писать, онъ пересталъ быть артистомъ.

«Что за артистъ въ самомъ дѣлѣ, который излагаетъ вамъ съ такою ясностью и быстротою самую сложную банковую оперцію? Это дѣло банкпра, а не артиста; Ротшильда, а не Россини.

«Вы входите въ его кабинетъ. Какой тутъ артистъ занимается? Со всѣхъ сторонъ видите вы фактуры, счетныя книги, записки, и прочая; все это навалено по столамъ, по стульямъ, вездѣ. Какъ ни ищите — нигдѣ ни листка нотной бумаги; здѣсь водится одна только гербовая бумага.

«Вы переходите въ его приемную, гдѣ его ждутъ нѣсколько человѣкъ. Вотъ онъ подходитъ къ фортепіано, которое ему нельзя было совсѣмъ изгнать изъ своего дома: какое счастье! онъ открываетъ фортепіано, сейчасъ садеть. Вы сейчасъ услышите новос, давнее твореніе, великую мысль, мелькнувшую у него въ головѣ и которой онъ не хочетъ упустить. Напрасно! побереги-

те свой энтузіасмъ на другой разъ; Россіи только приподнять крышку и тотчасъ же опять опустить, замѣтивъ только мимоходомъ, что «лигель работы Плейзла и что Плейзль — мастеръ дѣлать «фортепіано, вы думаете? Нѣтъ, — вести дѣло.

«Не послѣднее диво нашего вѣка представляетъ композиторъ, который сдѣлавшись первымъ композиторомъ своего времени, тридцати семи лѣтъ, (то есть когда другой ставитъ первую свою пьесу), вдругъ ни съ того ни съ другаго, среди счастья и славы, бросилъ писать и по видимому возненавидѣлъ себѣ искусство.

«Чѣмъ ты заслужила, музыка, такую измѣну отъ своего бальона? Или въ тебѣ онъ видитъ только постылую любовницу? Какъ смѣетъ онъ бросать тебя, виновницу его славы и богатства?

«Онъ не стыдится твердить всѣмъ и каждому, что онъ достигъ своей цѣли, что онъ писалъ за тѣмъ только, чтобы имѣть чѣмъ хорошо покушать.

«Правда, что хорошо покушать — для него важная статья.

«Какъ же онъ живетъ въ Болопѣ? спросите вы. Онъ живетъ очень просто и однообразно. Я бы вамъ отвѣчалъ, что онъ ѣсть, пьетъ, спитъ, бесѣдуетъ, управляетъ имѣніемъ, движимымъ и недвижимымъ, но вы не захотите довольствоваться этимъ: надо по подробнѣе рассказать вамъ какъ онъ проводитъ день.

«Во-первыхъ, надо вамъ сказать, что съ-тѣхъ-поръ, какъ вступилъ во вторичный законный бракъ, онъ нанялъ квартиру въ городѣ: прежде онъ жилъ за городомъ, въ нѣсколькихъ десяткахъ сажень отъ заставы. Впрочемъ, можно было думать, что онъ живетъ въ городѣ, потому что онъ встрѣчался по улицамъ почти каждый день и довольно рано.

«Онъ встаетъ по большой части очень рано, что удивитъ многихъ лѣвятевъ, не имѣющихъ, подобно ему, извиненія въ своихъ двадцати-лѣтнихъ трудахъ. Онъ довольно часто ходитъ прогуливаться; когда же сидитъ дома, занимается счетами и дѣлами, какъ своимъ, такъ и нѣкоторыхъ старыхъ артистовъ, ввѣрившихъ ему попеченіе о своихъ имѣніяхъ; они не могутъ сожалѣть въ выборѣ, потому что онъ человекъ опытный въ этомъ дѣлѣ и никогда не ошибется. Онъ охотно даетъ каждому совѣты, которые гораздо полезнѣе, удобопримѣнѣе и въ особенности же яснѣе консультацій адвокатовъ — и къ тому еще ничего не стоятъ.

«Онъ самъ однакоже иногда совѣтуется съ адвокатами. Однажды утромъ я встрѣтилъ его съ такою связкою бумагъ подъ мышкою, что онъ ни какъ не могъ обхватить ея рукою. Куда

это вы, любезный маэстро, съ такою пощю? — И не говорит! отвѣчалъ онъ; это прескучное, презапутанное дѣло; ничего въ немъ не могъ разобрать, и вздумалъ, что много пособлю, когда посоветуюсь съ адвокатомъ; а вышло, что какъ побывалъ у адвоката, запутался еще пуще прежняго.

«Есть еще статья, въ которой Россіи не нуждается ни въ чьемъ совѣтѣ, а можетъ дать всякому добрый совѣтъ,—именно въ томъ, какъ поступать съ импрезаріями, которыхъ онъ проникъ насквозь и съ которыми совѣтуетъ быть по возможности взыскательнѣе и непреклоннѣе. «Импрезарію, говоритъ онъ, что желудокъ: чѣмъ болѣе станешь ему угождать, тѣмъ болѣе онъ будетъ мучить».

«Россіи на опытѣ узнавъ истинну этого сравненія. Поэтому возвращаясь съ утренней прогулки, онъ завтракаетъ со всевозможною скромностію, сожалея о блаженныхъ временахъ того царя, что обѣдалъ по четыре раза въ день. Теперь уже время не то! люди переродились: какъ не воскликнуть съ поэтомъ-гастрономомъ.

«Hélas, nous n'avons plus l'estomac de nos pères!»

«Часовъ въ одиннадцать, Россіи отправляется въ музыкальный лицей. Онъ согласился принять званіе почетнаго инспектора этого заведенія и наконецъ сталъ находить удовольствіе въ новыхъ обязанностяхъ, напоминающихъ ему его молодья лѣта. Онъ теперь въ свою очередь даетъ воспитанникамъ обоюга пола преполезныя совѣты на счетъ ихъ поведенія въ общежитіи, читаетъ имъ преподавательскія нравственныя наставленія, изъ которыхъ слушающимъ также мало проку, какъ бывало въ старину. Чтò касается собственно до преподаванія музыки, присутствіе его въ лицей припесло большую пользу тѣмъ, что принудило преподавателей быть исправнѣе. Да и чего же отъ него еще требовать? Не давать же ему уроковъ пѣнія и контрапункта! На то учителя. Довольно и того, что ежедневныя его посѣщенія пробудили общую ревность и что преподаваніе отъ того улучшилось. Онъ не виновать, если Боловья уже не производитъ столько даровитыхъ композиторовъ, какъ въ бывшее время.

«Да и можно ли, изъ того что Россіи не даетъ уроковъ, заключать, что онъ отказывается помогать совѣтами молодымъ композиторамъ? Не мудрено, что онъ иной разъ и посмѣялся великимъ людямъ, являющимся къ нему съ романсомъ, фантазією, и тому подобнымъ товаромъ во снѣ икогда не отвергать

истинныхъ молодыхъ артистовъ, представлявшихъ ему свои опыты.

«Онъ прежде страдалъ жестокою болѣзнію и угрозы болонскихъ врачей совершенно разрушили его спокойствіе; онъ сталъ мраченъ и скученъ; но съ тѣхъ поръ какъ парижскіе врачи успокоили его и облегчили его страданія, онъ сталъ по прежнему веселъ и беззаботенъ; съ спокойствіемъ воротилась часть и его прежней полноты, хотя уже не доходить до той банкирской дородности, которая давала ему такое сходство съ карриатурою Дантана.

«Но я обѣщалъ разсказать вамъ, какъ Россини проводитъ день. Прогулка занимаетъ важное мѣсто въ распредѣленіи его времени, потому что прогулка изощряетъ апетитъ, слѣдовательно она весьма полезное дѣло. Ради прогулки, Россини избралъ своимъ мѣстопробываніемъ Болонью; такъ какъ вдоль почти всѣхъ улицъ тянутся портики, то можно во всякую погоду проходить по нѣскольку миль подъ навѣсомъ и по суху. Все время до обѣда проходитъ въ прогулкѣ, пересѣченной отдыхами въ разныхъ магазинахъ, отъ которыхъ Россини еще не отсталъ. Можете себѣ представить, что ему нѣтъ недостатка въ обществѣ; но обыкновенно онъ гуляетъ съ двумя тремя пріятелями, своими ежедневными собесѣдниками, слѣдующими за нимъ почти какъ тѣни.

«О чемъ же они разговариваютъ во время этихъ прогулокъ? Не о многомъ, сказать правду. Пересказываютъ городскіе слухи, перебираютъ скандальную хроніку, которая въ Болонѣ богата, какъ по вездѣ. Не дивитесь этому и если сами не хотите сдѣлаться сплетникомъ, никогда не живите въ мелкихъ городахъ: живя въ нихъ, по неволѣ заразишься сплетничествомъ.

«Однако же эти пустые разговоры и многозначительныя сплетни не занимаютъ всего времени: у Россини есть важный и великій предметъ размышленія, — обѣдъ. Что у меня будетъ сегодня къ обѣду? думаетъ Россини съ самаго утра, и мысль эта должна распространиться на все дообѣденное время. Если Россини рѣшилъ этотъ вопросъ утромъ съ поваромъ, то его тревожитъ мысль, каковъ будетъ успѣхъ глубокихъ комбинацій, придуманныхъ и взвѣшенныхъ общими силами. Если же онъ положился на повара, то, хотя онъ и знаетъ, что ему нечего опасаться, однакоже помышляетъ, что вѣрилъ самыя важныя свои интересы мастеру своего дѣла, по всё-таки человѣку, а слѣдовательно подверженному ошибкамъ и разсѣянію; страхъ на-

ходить на великаго мастера, но онъ тотчасъ же успокоивается: онъ знаетъ, что гевій движется вдохновеніемъ и никогда не ошибается, а поваръ его—человѣкъ гевіильный.

«России проникнула аксіомою, что объѣдъ величайшая задача дня, и задача каждаго дня.

«По этому въ квартирѣ его первое мѣсто занимаетъ столовая. Только для нея творецъ Вильгельма Теля рѣшился разобрать нѣсколько лещиковъ разныхъ драгоценныхъ предметовъ: лежащихъ въ нихъ съ самаго времени ихъ пріобрѣтенія. Тутъ какъ и во всемъ проявился гевій Россіи. Онъ повялъ, что украшенія столовой должны согласоваться съ высокими функциями въ ней совершающимися. По этому главнымъ ея украшеніемъ служатъ у Россіи китайскіе, японскіе и севрскіе фарфоры, которые не только не препятствуютъ дѣятельности гостей, но представляютъ имъ всё искусства всѣхъ странъ и временъ, дающихъ добровольную дань великому искусству рыла, какъ называлъ его одинъ изъ его ревностѣйшихъ почитателей, Монтанъ.

«Но этому царю искусствъ воздаются еще и другія почести; всѣхъ угоднѣе ему почести остроумныхъ объѣдалъ; съ какими восторгомъ принималъ онъ эти почести отъ Россіи, который на нихъ не скупился. Но увы, надо сознаться; музыкальная его слава такъ велика, что желудокъ ни какъ не могъ съ нею сравняться.

«Россіи взялъ на откупъ боловскія рыбныя ловы; слѣпоумные люди трунили за то надъ нимъ, но посвященные тотчасъ поняли, въ чемъ дѣло. Россіи хотѣлъ ѣсть хорошей рыбы, морской рыбы, а Болонья ѣсть одну прѣсноводную рыбу. Неблагодарные Болонцы! Онъ вамъ доставляетъ наслажденіе, а вы смѣетесь надъ нимъ!

«Не разъ слыхалъ я отзывы, будто Россіи ни о чемъ не думаетъ, кромѣ своихъ дѣлъ по нѣбію: плохо же вы его знаете! онъ безпрестанно думаетъ о томъ, что бы онъ сталъ ѣсть, если бы здоровье его было всегда такимъ, какимъ бы онъ желалъ.

«Но къ счастью, умъ не стѣсняется вмѣстѣ съ желудкомъ. У Россіи умъ самый энциклопедическій. Изъ всѣхъ вкусныхъ объѣдовъ, какіе онъ ѣдалъ на своемъ вѣку (а ихъ было не мало) ни одинъ не изгладился изъ его памяти; онъ будетъ помнить ихъ до самой смерти.

«Если вы кому будете показывать это письмо, и читающій его будетъ дивиться, какъ можно представлять великаго мастера съ такой точки зрѣнія, скажите ему, что только такія хвалы лествы

России, что ему надобно быть царемъ музыкантовъ, что онъ хотѣлъ быть царемъ гастрономовъ.»

— Новая дирекція Парижской большой оперы дѣятельно занимается «формированіемъ новой труппы и приготовленіемъ пьесъ. Ангажированы уже двѣ пѣвицы, госпожи Массонъ и Жюлианъ-ванъ-Гельдеръ. Поговариваютъ также будто сдѣлаво предложеніе двумъ французскимъ тенорамъ, находящимся въ Италіи. Пультье и Массе. Ставятся вновь «Вильгельмъ Телль», «Робертъ Дьяволъ», «Гугенотты» и «Жидовка». Говорятъ также, что въ началѣ ноября будетъ дана новая опера, которую обѣщаль написать къ тому времени Верди. Въ ней будутъ участвовать Дюпрѣ, Анзаръ и госпожа Жюлианъ-ванъ-Гельдеръ, ангажированная по желанію Верди.

— Третій лирической театръ, Національная опера, долженъ открыться черезъ мѣсяць.

— Въ одномъ изъ послѣднихъ берлинскихъ концертовъ случилось непостижимое явленіе. Мейерберова увертюра въ трагедіи «Струазе» освистана. Причиною тому было кажется то, что она слишкомъ надобла публикѣ, которая слышитъ ее безпрестанно въ театрѣ и во множествѣ концертовъ. Эта временная немилость въ Берлинѣ вознаграждается вполнѣ успѣхомъ въ другихъ городахъ: недавно эта трагедія была поставлена въ Прагѣ. Пражане отъ нея безъ ума.

— Въ Берлинѣ явились три новыя пѣвицы, дочери Стокгольмскаго капельмейстера Бервальда. Онѣ обладаютъ хорошими голосами, и поютъ съ выраженіемъ. Въ особенности понравилась одна шведская пѣсія.

— Дондзетти все болѣе и, кажется, нѣтъ надежды его вылечить. Онъ теперь живетъ въ Парижѣ, у своего племянника Андрея Дондзетти. Кромѣ племянника, за нимъ ухаживаетъ его дальній родственникъ Рикорди.

— Концертный сезонъ на Эмскихъ водахъ открылся очень блистательно, концертомъ пианиста Альберта Совинскаго и бельгійскаго скрипача Стевене. Также былъ замѣчательный концертъ въ пользу бѣдныхъ, устроенный Совинскимъ и графомъ д'Ау. Въ числѣ любителей, участвовавшихъ въ этомъ концертѣ, были двѣ молодыя наши соотечественницы, графини Бобринскія. Сборъ простирался до тысячи-пятисотъ рублей ассигнаціями, что для Эмса неслыханное дѣло.

— Въ Вѣнѣ домается домъ, въ которомъ жилъ Моцартъ, въ которомъ онъ написалъ лучшія свои произведенія и умеръ. Этотъ

домъ въ то время былъ извѣстенъ подъ названіемъ «Ока Божія», потому что тутъ когда-то помѣщалась богадѣльня. На мѣстѣ его будетъ построена великолѣпный новый домъ. Владѣлецъ, италіецъ Гальвани, намѣренъ поставить въ память великаго композитора, на дворѣ своего дома колоссальный бронзовый его бюстъ.

— Госпожа Марра являлась въ нѣсколькихъ роляхъ на Лейпцигскомъ театрѣ; публика приняла ее съ восторгомъ; журналисты же не совѣмъ къ ней милостивы.

— Музыкальный конгрессъ въ Лейпцигѣ, предложенный журналистомъ Бренделемъ, рѣшительно состоялся, и долженъ былъ открыться четырнадцатаго августа. Желаетъ ему успѣха! Это первое собраніе покажетъ, чего можно ожидать отъ этой мысли на будущее время. Мысль во всякомъ случаѣ заслуживаетъ признательности.

— Мендельсонъ въ Швейцаріи; его вездѣ принимаютъ съ распростертыми объятіями.

— Въ Лондонѣ была недавно исполнена ораторія Шпора «Паденіе Вавилона», подъ управленіемъ самого композитора, нарочно для того прибывшаго въ Лондонъ. Новое его произведеніе возбуждало живѣйшій энтузіазмъ.

— Нашъ талантливый виолончельстъ, Карлъ Шубертъ, послѣ концертовъ своихъ въ Копенгагенѣ получилъ отъ датскаго короля брилліантовый перстень. Другой нашъ заслуженный артистъ, Карлъ Майеръ, находится въ Дрезденѣ, гдѣ онъ, кажется, намѣренъ поселиться.

— Любекскій пѣвческій праздникъ былъ чрезвычайно блистателенъ. Кромѣ Марспера, Швейдера и Лохпера, какъ предполагалось, дирижировалъ еще Метфессель; его сочиненія возбуждали живѣйшее удовольствіе. Особенную признательность заслужилъ онъ добрымъ дѣломъ. При переѣздѣ изъ Любека въ Травемюнде, воспитанники Любскаго сиротскаго дома вышли отдать честь участвовавшимъ въ празднествѣ. Это внушило Метфесселю мысль предложить написать пѣсню, отъ которой выручка была бы употреблена на устройство праздника въ пользу этихъ сиротъ. Мѣнѣе чѣмъ въ часъ набралось болѣе тысячи подписчиковъ; такимъ образомъ изъ выручки образуется капиталъ, съ котораго проценты будутъ достаточны для учрежденія ежегодныхъ праздниковъ. Эта благородная черта, талантъ и любезность Метфесселя сдѣлали его героемъ праздника.

— Въ Цвиккау, въ половинѣ іюля, былъ большой концертъ въ пользу бѣдныхъ. Въ немъ участвовали Робертъ Шуманъ и его

жена. Съ особеннымъ успѣхомъ была исполнена вторая симфонія Шумана и его кантата для хора съ духовыми инструментами.

— Вотъ, что пишутъ о берлинскихъ концертахъ прошлой зимы. Госпожа Шуманъ-Викъ давала здѣсь два концерта, въ которыхъ участвовала госпожа Віардо. Какъ композитка, госпожа Шуманъ сдѣлала большіе успѣхи; какъ виртуозка она осталась при прежнемъ; тріо для фортепіано ея сочиненія свидѣтельствуетъ о серіозномъ, огромномъ талантѣ. Изъ сочиненій ея мужа, игравшихъ въ ея концертахъ, особенное вниманіе обратилъ на себя большой квинтетъ: это самое замѣчательное произведеніе въ этомъ родѣ, со временъ Бетговена. Также давала концерты, хорошая пѣвица, госпожа Бокгольцъ, образовавшаяся въ Парижѣ. Присутствіе госпожи Віардо было ей не совсемъ благопріятно. Маленькая Неруда, скрипачка, премилый, много общающій ребенокъ. Эрнстъ опять посѣтилъ и подарилъ намъ нѣсколькими незабвенными вечерами. Опъ на скрипкѣ величайшій изъ современныхъ поэтовъ юмористовъ. Концертъ Вивье былъ довольно пустъ, несмотря на участіе госпожи Віардо. Его сначала черезъ-чуръ расхвалили, а теперь уже обижаютъ; онъ всё-таки оригинальный художникъ. Были у насъ также Дрейшокъ и Тальбергъ, послѣдній начинаетъ старѣть, какъ и его сочиненія.

— Во Франкфуртѣ на Майнѣ давали недавно новую оперу Густава Шмита, «Принцъ Евгений». Сюжетъ заимствованъ изъ старинной нѣмецкой народной пѣсни, «Prinz Eugen, der edle Ritter». Оперу очень хвалятъ; во Франкфуртѣ она производитъ фуроръ.

— Въ Брауншвейгѣ также представлена новая опера «Трубадуръ» талантливаго композитора Александра Фески. Композиторъ, пѣвцы и авторъ либретто, Августъ Шмецеръ, были нѣсколько разъ вызваны.

— Гировець кончилъ свою автобіографію и объявилъ на нее подписку. Книга будетъ весьма любопытная; осьмидесяти-лѣтній авторъ видѣлъ самое цвѣтущее время нѣмецкой музыки.

— Одинъ Вѣнскій любитель учредилъ ежегодную премію для лучшей симфоніи; присужденіе ея будетъ поручаемо тремъ композиторамъ, пользующимся всеобщимъ уваженіемъ.

— Віолончелистъ Максъ Бореръ давалъ концерты въ Стокгольмѣ, Христианіи, Копенгагенѣ и Гамбургѣ. Слушателей вездѣ было мало, но вездѣ принимали его съ восторгомъ.

Сообщивъ читателямъ любопытнѣйшія извѣстія изъ музыкаль-

наго міра, остается намъ только обратитъ дѣхъ вниманія на нѣкоторыя новыя произведенія для фортепіано.

Самая замѣчательная черта новѣйшей музыки—страсть къ описательнымъ сочиненіямъ, которую впервые возбудилъ Мендельсонъ-Бартольдъ, своими пѣснями безъ словъ, и которая вскорѣ сдѣлалась общою. Когда подумаешь, какъ измѣнились времена и нравы въ теченіе какихъ-нибудь двадцати пяти лѣтъ! Тогда каждый композиторъ ставитъ себѣ въ долгъ чести, выступить передъ публику съ сонатою, или другимъ какимъ-нибудь большимъ сочиненіемъ. Чтобы прослыть композиторомъ, мало было довольно гладко связать нѣсколько звучныхъ пассажей и мелодическихъ фразъ и выпустить въ свѣтъ этотъ чуждый всякаго творчества товаръ въ великолѣпной, многообѣщающей оберткѣ. Нѣтъ, отъ композитора требовали основательнаго изученія, значительной творческой силы; онъ долженъ былъ безусловно владѣть композиціею во всѣхъ ея отрасляхъ, какъ полководецъ своимъ войскомъ. Пойдутся, правда, и теперь такіе истинные композиторы, вполне владѣющіе своимъ искусствомъ, и ведущіе свои дѣла по обдуманному плану и въ огромныхъ размѣрахъ, но число, къ сожалѣнію, слишкомъ ничтожно, въ сравненіи съ толпою писакъ, которыхъ все искусство и вся наука заключаются въ вѣрномъ записываніи того, что пальцы ихъ съ трудомъ прибрали на клавишахъ. Что нашей музыкѣ предстоитъ существенная реформа, что эта реформа даже уже отчасти началась, мы постараемся доказать въ другой разъ; сегодня ограничимся обзоромъ нѣкоторыхъ музыкальныхъ произведеній.

Введенная Феликсомъ Мендельсономъ «пѣсня безъ словъ» въ рукахъ своего творца и нѣкоторыхъ другихъ даровитыхъ композиторовъ образовала опредѣленную форму искусства, которая должна была быстро утвердиться и распространиться въ нашъ озабоченный вѣкъ, любящій все, что не требуетъ слишкомъ много времени и вниманія. Изъ всѣхъ болѣе употребительныхъ нынѣ формъ искусства (совѣстно намъ подъ это благородное названіе подводитъ варіаціи, фантазіи и тому подобное, да что дѣлать!) пѣсня безъ словъ одна допускаетъ истинно поэтическое достоинство. Лучшія произведенія въ этомъ родѣ безспорно принадлежатъ Мендельсону. Кто не вспомнитъ съ восторгомъ его первую пѣсню (e-dur), его баркароллы и незабвенную его пѣсню es-dur въ четвертой тетрадѣ, которой изъ души изливающаяся мелодія навсквозь проникаетъ душу, какъ послѣднее простн любящаго сердца. Названіе пѣсенъ безъ словъ, самое вѣрное названіе, какое по-

эту дѣлу такъ дѣлать произведѣнныя. Самая необходимость овладѣвающей въ этомъ названіи, доискиваться ихъ опредѣленнаго смысла и содержанія, придумывать, такъ сказать, недостающіе слова, придаетъ имъ новую прелесть,

Но кромѣ Мендельсона, и другіе композиторы написали много хорошихъ произведѣнн въ этомъ родѣ. Листъ въ своихъ переложеніяхъ дивныхъ пѣсень Франца Шуберта открылъ новую, практическую сторону этой формы искусства, которая нашла много почитателей въ музыкальной публикѣ. Въ послѣднее время онъ представилъ и собственныя оригинальныя попытки на этомъ поприщѣ, свои прекрасныя «сонеты Петрарки». Пѣсни безъ словъ Гальберга, Гедзельта и Дёлера, всѣмъ извѣстны и также пользуются всеобщимъ уваженіемъ. Всѣ эти композиторы давно уже упрочили свою славу, и имъ стоитъ только печатать свои произведѣнія, въ полной увѣренности, что они обойдутъ весь образованный міръ. Не такъ легко молодымъ композиторамъ, только-что избирающимся на крутую, трудную гору, на вершинѣ которой является имъ блестящій храмъ славы. Пока громозвучная молва не открыла передъ ними вѣротъ храма, всегда осажденныхъ толпою искателей, лучшимъ изъ сочиненій проходить безъ всякаго вниманія.

Въ числѣ этихъ молодыхъ борборниковъ музыкальной славы первое мѣсто занимаютъ Лютольфъ и Вильмерсъ. О первомъ мы уже говорили въ одномъ изъ прошлыхъ нумеровъ, когда разбирали его *Rêve d'un carlîf* и *Souvenir de Hartsburg*. Остается намъ сказать нѣсколько словъ о послѣднемъ.

Рудольфъ Вильмерсъ, одинъ изъ первыхъ выѣшшихъ пианистовъ, одинъ изъ тѣхъ богатырей, для которыхъ трудности одно пустое слово безъ всякаго содержанія, принадлежитъ въ то же время къ небольшому числу виртуозовъ, которые, обладая естественнымъ композиторскимъ дарованіемъ, стараются приложить пріобрѣтенныя ими огромныя техническія средства къ истинно музыкальной цѣли. Сочиненія его, при всемъ необходимомъ въ наше время паружиномъ блескѣ, полны мыслн и прекрасны; но еще много бы выиграла, если бы были нѣсколько по короче. Одно изъ послѣднихъ его сочиненій *Pensée fugitive*, op. 53, паданное въ Вѣнѣ у Мекетта, содержитъ въ себѣ свѣжую, очаровательную мелодію, аккомпанованную замысловатою фигурою въ триолахъ, положенную на обѣ руки. Эта пьеса безъ сомнѣнія скоро снискала бы всеобщее уваженіе, если бы длинное, растянутое вводное колѣно, заключающееся болѣе четырехъ страницъ, не прерывало безъ всякой

нужды сѣбѣй мелодіи и не разрушало ея благопріятнаго дѣйствія. Жаль однакожь, если изъ-за этого истинно прекрасное его сочиненіе пропадетъ; поэтому мы предлагаемъ читателямъ исправить ее, перескочивъ съ четвертой такты тотчасъ къ tempo primo на осьмой страницѣ. Отсюда мелодія повторяется совершенно въ томъ видѣ, какъ въ началѣ пьесы, и притомъ, не будучи прерываема длиннымъ вводнымъ колѣбномъ сохраняетъ всю свою свѣжесть и идетъ гораздо плавнѣе до самаго конца. При такомъ сокращеніи пьеса, вовсе не трудная, должна непременно понравиться всѣмъ любителямъ новой музыки.

Генри Литольфа явилась также въ магазинѣ Бернара новая пьеса заслуживающая безусловнаго одобренія. Это Souvenir de Goréga: Lucia de Lammermoor, op. 19, (помѣщенная въ Нувелетѣ). Эта пьеса представляетъ лучшіе мотивы изъ любимой нашей италянкой оперы, дивное Fга росо съ слѣдующимъ за нимъ хоромъ, вѣжливый дуэтъ, заключающій первое дѣйствіе, и восторженный дуэтъ третьяго дѣйствія въ самой изящной и блестящей обработкѣ. Много уже написано фантазій и переложеній на мотивы изъ этой оперы, но ни одна изъ нихъ, мы думаемъ, не доставитъ такого удовольствія нашей публикѣ, какъ фантазія Литольфа, представляющая преимущественно мотивы, вѣзавшіеся въ нашей памяти вѣпніемъ Рубини. Рекомендуемъ эту пьесу вниманію читателей, мы должны предупредить ихъ, что она, хотя и не черезъ-чуръ трудна какъ концертная пьеса, однако же доступна только довольно уже развитымъ пианистамъ.

Листъ въ послѣднее время сталъ очень плодотворенъ. Изъ послѣднихъ полученныхъ въ магазинѣ Бернара сочиненій его, мы замѣтимъ въ особенности Capriccio alla turca sur des motifs des Ruines d'Athènes de Beethoven (Vienne, Mechetti); это одно изъ самыхъ любопытныхъ большихъ произведеній Листа. Турецкій маршъ, составляющій основную тему пьесы, представленъ съ необыкновеннымъ умомъ въ юмористическомъ тонѣ. Въ него вставлено вводное предложеніе, съ длиннымъ триллеромъ, замѣняющимъ протяжное пѣніе, что производитъ особенный таинственный эффектъ. Вообще въ этой пьесѣ на каждой строкѣ натыкаешься на новые, небывалые эффекты. Богъ знаетъ, до чего Листъ наконецъ доведетъ степенное, вѣскольکو деревянное наше фортепіано, если будетъ продолжать идти тѣмъ же путемъ. Его переложенія Веберовыхъ увертюръ изъ Фрейшютца и Jubelouvertüre, названныя имъ фортепіанними партитурами, принадлежатъ къ одному разряду съ прежними его переложеніями Берлиозовыхъ

сочиненій: увертюры *Les francs-juges* и *Episode de la vie d'un artiste*, то есть онъ кладутъ подъ десять пальцевъ одного пианиста огромный, плотно набитый оркестръ. Правда, что и этотъ одинъ пианистъ долженъ быть притомъ и единственнымъ.

Генсельта *Deux romances du comte M. Wielhorsky transcrites pour le piano*, явились въ магазинѣ Бернара вторымъ изданіемъ, которое представляетъ противъ первого существенныя измѣненія и прибавленія.

Souvenirs de Pesth, airs hongrois variés, op. 65, послѣднее сочиненіе Тальберга; оно все написано въ давно извѣстномъ родѣ Тальберговыхъ пьесъ, плавно и благозвучно, но не представляетъ ничего замѣчательнаго. Впрочемъ, разъ-другой сыграть можно съ удовольствіемъ.

Рекомендуемъ читателямъ и въ особенности читательницамъ двѣ премилыя новыя пьески Карла Майера: *Deuxième capriccio en forme d'étude*, op. 86; и *Première valse brillante variée*, op. 94. Обѣ пьесы блестящи, не чужды музыкальнаго содержанія и, притомъ, не представляютъ слишкомъ большихъ трудностей.

Souvenir d'Ernst, Carnaval de Venise, transcrit pour le piano par M. Bernard представитъ почтателямъ Эрнста пріятное воспоминаніе о концертахъ великаго виртуоза. Скрипачные эффекты, которыхъ нельзя было передать на фортепіано, господинъ Бернаръ весьма умно и удачно замѣнилъ подобными эффектами, свойственными этому инструменту. Это единственное полное переложеніе Карнавала. Оно нисколько не трудно.

Послѣдній номеръ издаваемого господиномъ Бернаромъ музыкальнаго журнала «Нувелистъ» содержитъ вѣскольکو весьма интересныхъ пьесъ «Квинтетъ изъ Беллиниевой Невѣсты-Лунатикъ», столько разъ передѣланный Листомъ, Тальбергомъ и другими фортепіанскими богатырями, прошелъ и черезъ граціозное перо Делера. Этотъ квинтетъ принадлежитъ къ числу тѣхъ мотивовъ, которые, производя всегда сильное впечатлѣніе на публику, должны необходимо имѣть мѣсто въ репертуарѣ каждаго пианиста. Передѣлка Делера представляетъ его въ совершенно новомъ видѣ, не напоминая ни Листовой фантазій, ни Тальберговой. Пьеса во всѣхъ отношеніяхъ хорошая.

— За нею слѣдуетъ баркаролла Куллака *Adieu à la mer*. Она состоитъ изъ двухъ частей, совершенно различнаго характера. Первая въ родѣ французскихъ баркароллъ; во второй болѣе чувства и движенія и она составляетъ съ первою чрезвычайно счастливый контрастъ. Эта пьеса полна поэзіи. Третья пьеса—

поэтическая «осенняя пѣсня» (Herbstlied) Мендельсона, передоженная нашимъ талантливымъ пианистомъ, Фракманомъ, который прекрасно достигъ и передалъ чудное произведеніе Мендельсона. Оно не такъ легко, какъ покажется съ перваго взгляда, но долдѣе удовлетворитъ всѣхъ мыслящихъ пианистовъ. *Fantasetta alla tedesca* Алькана, причудливый капризъ, въ которомъ голяющийся за оригинальностью композиторъ самымъ эксцентрическимъ образомъ играетъ гармонію и ритмомъ. Въ пьесѣ много ума, много оригинальности, но —! — «Minuit» грустная, таинственная дума Дамье, о которой мы охотно бы послушали мнѣніе публики.

Кромѣ исчисленныхъ пьесъ, въ этомъ номерѣ находится еще полька Прюллера, «Souvenir de la Petite Russie», прелестная русская пѣсня Всеволодскаго, французскій романсъ Мазини, и альбомъ легкихъ пьесъ для начинающихъ (Розеллена *Pas des fleurs*; и Бейера фантазія на темы изъ *Otello*.)

НОВЫЯ КНИГИ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммисіонера Императорской Библіотеки на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилъя, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

- ADAMWIZ. *Nouvelles études et expériences sur les glaciers actuels.* Paris 1847. 1 vol. in-8. et atlas in fol. 14 r. 30 c.
- Anecdotes musulmanes, texte arabe, ou cours d'arabe élémentaire; suivi d'un dictionnaire par Cherbonneau.* Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- BARRAU. *Méthode de composition et de style.* Paris 1847. 1 vol. in-12. 85 c.
- BASTIAT. *Sophismes économiques.* Paris 1846. 1 vol. in-18. 30 c.
- BELLOC ET MONTGOLFIER. *La Ruche, journal d'études familiares.* 3 vol. in-8. 8 r.
- BILLING. *Premiers principes de médecine; traduit de l'anglais par Cheveau.* Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- BOUILLY. *Les encouragements de la jeunesse.* Paris 1845. 1 vol. in-12. 1 r.
- BOUSSON DE MAIBET. *Précis de belles-lettres.* Paris 1844. 1 vol. in-12. 50 c.
- BOYER. *Nouveau dictionnaire anglais-français et français-anglais.* 25e édition. Paris 1846. 1 vol. in-8. 3 r. 15 c.
- Chevaux audeloux du Roi et des princes; dessinés d'après nature et lithographiés par V. Adam.* Paris 1846. 1 cahier in-fol. 5 r. 70 c.

- CHOMMARA.** Mémoires sur la fortification. Paris 1847. 1 vol. in-8. et atlas in-fol. 5 r. 15 c.
- CICÉRON.** Œuvres complètes, avec la traduction en français, publiées sous la direction de Nisard. Paris 1843. 5 vol. gr. in-8. 19 r.
- COMBES.** Traité de l'exploitation des mines. Paris 1844. 3 vol. in-8. et atlas in-fol. 12 r. 85 c.
- DELCROIX.** Barème de la bonnæ. Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 r. 45 c.
- DEGOUSËK.** Guide du sondeur. Paris 1847. 1 vol. in-8. et atlas. 4 r. 30 c.
- Dictionnaire historique d'éducation, ou choix d'exemples et de faits, tirés de l'histoire ancienne et moderne, d'après l'abbé Filassier; ouvrage entièrement refondu et augmenté par Delacroix.** Bruxelles 1847. 1 vol. in-8. 2 r. 50 c.
- DISRAËLI.** La jeune Angleterre; traduit de l'anglais par Mme Sobry. Paris 1846. 2 vol. in-8. 4 r. 30 c.
- DUFRENOY.** Traité de minéralogie. Paris 1844. 4 vols. in-8. 14 r.
- DUTILLEUL.** Histoire des corporations religieuses en France. Paris 1846. 1 vol. in-8. 2 r. 30 c.
- Fastes de la Légion d'Honneur, biographie de tous les décorés.** Paris 1842. Tomes 1 à 4. gr. in-8. chaque volume à 3 r.
- FEUILLET.** Onesta, conte vénitien. Bruxelles 1847. 1 vol. in-18. 60 c.
- GALIBERT.** Histoire de la république de Venise. Paris 1847. livres 1 à 16. gr. in-8. avec gravures.
- GONZENBACH.** Tableau général de l'état actuel des chemins de fer et de la navigation à la vapeur dans tous les pays de l'Europe. St. Pétersbourg 1847. 1 vol. in-8. oblong, orné d'une carte de l'Europe. 3r.
- GUERRE D'ORIENT.** Campagnes d'Égypte et de Syrie; mémoires pour servir à l'histoire de Napoléon; dicté par lui-même à Sainte-Hélène, et publiés par le général Bertrand. Paris 1847. 2 vol. in-8. et atlas in-fol. 10 r. 30 c.
- Image (1), revue mensuelle illustrée d'éducation, d'instruction et de récréation, 1re année 1847. N° 1 à 6; abonnement pour 12 numéros.** 2 r. 50 c.
- JUST.** Les magistrats des colonies depuis l'ordonnance du 19 Juillet 1841. publié par Schoelchor. Paris 1847. 1 vol. in-8. 85 c.
- LECONTE.** Étude économique de la Grèce, de sa position actuelle et de son avenir. Paris 1847. 1 vol. in-8. 2 r. 15 c.
- Mémoires de Weber, frère de lait de Marie-Antoinette, Reine de France.** Paris 1847. 1 vol. in-12. 85 c.
- MENNECHET.** Matinées littéraires; études sur les littératures modernes. Paris 1847. 4 vol. in-8. 8 r. 55 c.
- PELLET.** Étude mathématique des manœuvres d'infanterie. Paris 1847. 1 vol. in-8. 85 c.

- PENNEVE.** *Traité des rétrécissements organiques de Purpère.* Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.
- PETIT.** *Histoire de France.* Paris 1846. 1 vol. in-12. 1 r. 15 c.
- PIGORY.** *Les monuments de Paris, histoire de l'architecture sous le règne de Louis-Philippe.* Paris 1847, livrs. 1 à 13. in-8, avec gravures; pour l'ouvrage complet. 4 r. 30 c.
- Plutarque (le) français,** vies des hommes illustres de la France, depuis le 5e siècle jusqu'à nos jours; orné de portraits en pied; 2e édition. Paris 1844. 6 vols. gr. in-8. cartonnés, avec ornements en or et tranches dorées. 56 r. 55 c.
- Précis de cristallographie,** d'après des leçons particulières de M. Laurent. Paris 1847. 1 vol. in-12. 65 c.
- ROMIEU.** *Fragments scientifiques.* Paris 1847. 1 vol. in-12. 1 r.
- RONDELET.** *Traité de l'art de bâtir.* 9e édition. Paris 1842. 5 vol. in-4. et atlas in fol. 25 r.
- SUCKAU.** *Dictionnaire classique français-allemand et allemand-français.* Paris 1847. 2 vol. in-12. 3 r.
- WILL.** *De l'analyse qualitative. Instruction pratique à l'usage des laboratoires de chimie; traduit de l'allemand par Bichou.* Paris 1847. 1 vol. in-12. 85 c.

LIVRES ANGLAIS.

- BLESSINGTON (Ces).** *Marmaduke. Herbert, or, the fatal error.* Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- Caesar Borgia; an historical romance,** by the author of *Whitefriars.* Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- Christian (the) in Palestine,** or scenes of sacred history, illustrated by Bartlett, with explanatory descriptions by Stebbing. London 1847. parts 1 to 12. in-4, the price of every part is. 75 c.
- COOPER.** *Ravensnet or the redskins.* Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- DISRAELI.** *Tancred or the new crusade.* Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- GRATTAN.** *The master passion, and other tales and sketches.* Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.
- Heroines (the) of Shakspeare,** comprising all the principal female characters in the plays of the great poet, engraved under the direction of Heath. London 1847. parts 1 to 12. gr. in-8. the price of every part is. 1 r.
- HARRYAT.** *The privateer's-man one hundred years ago.* Paris 1846. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.

- New Testament**, embellished with a series of beautiful illustrations, engraved under the superintendence of Mr Heat. London 1847. part 1. in-4. 75 c.
- People's** (the) national portrait gallery of illustrious and eminent personages; with memoirs by Cooke Taylor. London 1847, parts 1 to 3 in-4, the price of every part is. 35 c.
- FRASCOTT**. History of the conquest of Peru. Paris 1847. 2 vol. in-8. 3 r.
- Strawberry Hill**; an historical novel. Paris 1847. 1 vol. in-8. 1 r. 45 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для всего оркестра.

- BONIZETTI**. Ouverture de l'opéra Anna Bolena (2 r. 58 c.).
- FLOTOW**. Ouverture de l'opéra Alessandro Stradella (2 r. 29 c.).
- GUNG'L (Joh.)**. Die Unwiderstehliche, Polka et Mazurka. op. 26 (1 r. 72 c.).
- GUNG'L (Jos.)**. Wiener Sport-Lustklänge. Walzer. op. 60 (2 r. 85 c.).
- **Grazien-Polka et Elite-Quadrille**. op. 62 (3 r. 43 c.).
- **Venus-Reigen. Walzer**. op. 63 (2 r. 85 c.).
- LABITZKY**. Carlsbader Sprudel-Galop. op. 131 (2 r. 29 c.).
- **Tunnel - Fest - Walzer**. op. 132 (2 r. 85 c.). **Cambridge - Walzer**. op. 133 (2 r. 85 c.). **Gruss au London. Drei Polkas**. op. 134 (2 r. 85 c.).
- **Seraphinen Quadrille**. op. 135 et **Chinesen-Galop**. op. 137 (2 r. 85 c.).
- **Victoria-Walzer**. op. 136 (2 r. 58 c.).
- LINDPAINTEK**. Ouverture de l'opéra: Lichtenstein. op. 128 (6 r.).
- LUMBYE**. Carolinen-Galop. op. 16 (2 r. 29 c.).
- MEHUL**. Jagd-Ouverture (2 r. 85 c.).
- MEYERBEER**. Ouverture zur Tragödie: **Struensee**. Partitur und Stimmen (13 r. 72 c.).
- **La révolte. Fanfare, Marche et Chœur pour le grand orchestre de la tragédie: Struensee**. Partition et parties séparées (8 r. 58 c.).
- **Grande polonaise de la tragédie: Struensee pour l'orchestre**. Partition et parties séparées (7 r. 72 c.).
- **Marsch aus der Oper: Ein Feldlager in Schlesien** (1 r. 72 c.).
- STRAUSS**. Fest-Lieder. Walzer. op. 193 (3 r. 43 c.). **Eldorado-Qua-**

- drille. op. 194 (2 r. 85 c.). Charivari-Quadrille. op. 196 (2 r. 85 c.).
 Bouquets-Walzer. op. 197 (3 r. 15 c.).
 ——— Ländlich, sittlich! Walzer. op. 198 (2 r. 85 c.). Neujahts-Polka
 op. 199 (1 r. 72 c.). Souvenir de Carnaval 1847. Quadrille. op.
 200 (2 r. 85 c.).
 ——— Themis-Klänge. Walzer. op. 201 (3 r. 15 c.). Elise- und Brisele-
 Sprünge. Polka. op. 202 (1 r. 15 c.).
 STRAUSS (Sohn). Die Sanguiniker. Walzer. op. 27 (2 r. 85 c.).
 ——— Hopsier-Polka et Odeon-Quadrille (4 r. 29 c.).
 ——— Die Zillertaler. Walzer. op. 30 (2 r. 85 c.).

Теорическія сочиненія (Ouvrages théoriques, etc.).

- BERLIOZ (H.). Grand traité d'Instrumentation et d'Orchestration moder-
 nes. Oeuvre 10 (17 r. 15 c.).
 CZERNY S Briefe über den Unterricht auf dem Pianoforte (1 r. 50 c.).
 ЧЕРНИ. Письма объ наученіи игры на фортепiano (1 r. 50 c.).
 DOURLEN. Traité d'harmonie, contenant un cours complet tel qu'il est
 enseigné au conservatoire de Paris (6 r. 85 c.).
 FÉTIS (F. J.). Traité complet de la théorie et de pratique de l'har-
 monie (4 r. 29 c.).
 FOERSTERS Anleitung zum General-Bass (1 r. 72 c.).
 ——— Praktische Beispiele, als Fortsetzung zu seiner Anleitung des Ge-
 neralbasses. Drei Hefte (4 r.).
 ФУКСА. Новая метода содержащая главные правила музыкальной компо-
 зиции. Neue Lehrmethode der musikalischen Komposition (7 r.).
 LEMOINE. Traité d'harmonie théorique et pratique (11 r. 43 c.).
 MARPURG. Abhandlung von der Fuge. Neu bearbeitet mit erläuter-
 den Anmerkungen und Beispielen vermehrt von S. Sechter. 2 Theile
 (25 r. 15 c.).
 MARX (Dr.). Musikalische Kompositionslehre, praktisch und theoretisch.
 4 Theile 1847 (14 r. 40 c. net).
 ——— Allgemeine Musiklehre (2 r. 40 c. net).
 NEMETZ. Allgemeine Musikschule für Militair-Musik. 22tes Werk
 (6 r. 85 c.).
 NISSEN. Biographie W. A. Mozart's (4 r. 58 c.).
 OULIBISCHEFF. Nouvelle biographie de Mozart suivie d'un aperçu sur
 l'histoire générale de la musique (prix net 8 r.).
 REICHA (A.). Cours de composition musicale ou traité complet d'har-
 monie pratique, de mélodie, de l'emploi des voix et des instrumens,
 de haute composition et du contrepoint double etc. — Vollständiges

Lehrbuch der musikalischen Composition, oder: ausführliche Abhandlung über die Harmonie, die Melodie, den höhern Tonsatz im doppelten Contrapunkt, die gesammte Instrumentirung etc. Die deutsche Uebersetzung von C. Czerny. Band 1—4 (68 r. 58 c.).

— Art du Compositeur dramatique ou cours complet de composition vocale, divisée en six parties. — Die Kunst der dramatischen Composition oder vollständiges Lehrbuch der Vocal-Tonsetzkunst in sechs Büchern. Die deutsche Uebersetzung von C. Czerny (20 r. 58 c.).

WILHEM. Manuel musical à l'usage des collèges, des institutions, des écoles et des cours de chant. 2 vol. (4 r. 29 c.).

Пьесы для фортепиано.

DOEHLER. Grande fantaisie sur des motifs de l'opéra: Sonnambula. op. 66 (2 r.). Air napolitain, varié (60 c.). Une promenade en gondole. Nocturne (75 c.).

GUNG'L. Rémiscences musicales. Potpourri. op. 64 (1 r. 43 c.).

HENSELT. Ouverture de l'opéra Obéron de C. M. de Weber, transcrite (1 r. 50 c.).

— Quatre romances sans paroles (1 r.). 2e Impromptu (75 c.).

HERZ. Les entraînantés. Nouveau quadrille varié. op. 155 (1 r. 43 c.). Grande fantaisie sur des airs nationaux américains. op. 158 (1 r. 72 c.).

LISZT. Ouverture de l'opéra Oberon de Weber en partition de piano (1 r. 72 c.). Tarantelle di bravura d'après la Tarantelle de la Muetto de Portici (1 r. 72 c.).

LITOLFF. Promenade du soir au bord du Rhin. Fantaisie. op. 44 (1 r. 43 c.).

MAYER. Douze études mélodiques. op. 93. Cah. 1. 2. (chaque 1 r. 29 c.). Première valse brillante variée. op. 94 (1 r. 15 c.).

VOSS. «Belisario et Elisire d'amore». Grande fantaisie. op. 77 (2 r.).

WEBER. Polacca brillante effectuirt von A. Henselt (1 r. 43 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромя того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были издавы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла девятая тетрадь «Нувеллиста», которая содержитъ въ себѣ: Voss, La sentimentale. Cantilène. op. 83. — Mayer, Air varié sur un thème original. op. 96. — Bertini, Cantilène op. 162. — Salvator, Le chant de la berceuse. — Gung'l, Deux ma-

картинъ — Гурмелева, Романсъ слова Фета. — Masini, Le pain de l'enfant, романсе. — Herz, Fantaisie sur l'opéra Norma di Verdi. — Смерну, Rondino sur l'opéra Lucia di Lammermoor. — Музыкально-литературное прибаление. (Годовая цѣна подписки 10 руб. сереб., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сереб.)

МОДЫ.

Настаетъ осень, модистки работаютъ каждая въ четыре руки, свѣтскія дамы, — тѣ, которыя «задаютъ тонъ», — въ пылу изобрѣтенія, придумываютъ новое, необычайное, модное, однако жъ еще ничего не показываютъ, — развѣ только по особенной довѣренности или милости. Сколько мы успѣли подсмотрѣть, бальный нарядъ должны составить желтое тафтяное платье съ большимъ воланомъ; бѣлый кашмировый съ большими разводами тюникъ, открытый съ боковъ и спущенный до волана. Тюникъ этотъ приподымается золотыми спурками съ большими золотыми глазами или кистями. Лифъ открытый со шнипомъ, рукава короткіе.

Нарядъ для выѣздовъ — италіанской тафты распашной капоть съ двумя широкими воланами съ вырѣзкою, высокій, гладкій лифъ, узкіе рукава; пидѣйской кисей вышитая мантилія, доходящая до половинны послѣдняго волана и спереди совершенно покрывающая юбку, убранную двумя большими вышитыми и фестончатыми воланами; бастовая шляпа, украшенная длиннымъ перомъ облачно-розоваго, голубаго или лиловаго цвѣту. Другой нарядъ такого же назначенія — клѣтчатое фулярное платье, съ двумя широкими воланами; гладкій, вырѣзанный лифъ; короткіе рукава; черная кружевная мантиля обшитая широкими кружевами; черная крѣповая шляпка съ марабу одинакаго цвѣту съ шляпкою.

Для гулянья — шелковый свѣтлый pardessus, подбитый бѣлою тафтою; широкіе рукава; гладкая спинка со шнипомъ и широкимъ карако, — оно срѣзано съ боковъ и кончается спереди углами. Pardessus этотъ убирается аграмантами и застегивается большими пуговицами съ верху до низу; шляпка крѣповая совершенно покрытая четырьмя рядами кружевъ или бловдъ, три ряда покрываютъ поля, а четвертый тулью. Съ боку пришивляется букетъ цвѣтовъ.

ДВОЙНЫЕ ЗВѢЗДЫ И ТУМАННЫЯ ПЯТНА ЮЖНАГО НЕБА. *Наблюденія Джона Гершеля.* Мы упоминали въ послѣдней книжкѣ этого журнала о выходѣ въ свѣтъ новаго сочиненія знаменитаго англійскаго астронома. Оно издано подъ заглавіемъ: «*Results of Astronomical Observations made during the years 1834, 1835, 1836, 1837, 1838, at the Cape of Good Hope; being the Completion of a Telescopic Survey of the whole surface of the visible heavens, commenced in 1825. By Sir John F. W. Herschel.*» Джонъ Гершель, сынъ великаго основателя новѣйшей звѣздной астрономіи, Вильяма Гершеля, съ отличнымъ талантомъ и обширною ученостію соединяетъ въ высокой степени искусство наблюдателя. Съ дѣтства еще полюбивъ науки, онъ посвятилъ имъ и въ особенности астрономіи всю жизнь. Свои обозрѣнія неба онъ началъ въ 1825 году и пользовался при этомъ тридцати-футовымъ зеркальнымъ телескопомъ, устроеннымъ по методѣ, которая предложена его отцемъ; иногда онъ употреблялъ также хорошую ахроматическую трубу, семи футовъ длины, съ предметнымъ стекломъ, пяти дюймовъ въ поперечникѣ. Нѣкоторыя наблюденія онъ производилъ вмѣстѣ съ англійскимъ астрономомъ Саутомъ и, въ 1833 году, окончилъ свое обозрѣніе сѣвернаго неба, состоящее въ описаніи двойныхъ звѣздъ и туманныхъ пятенъ. Тогда вознамѣрился онъ совершить подобное же обозрѣніе южнаго неба, съ помощію тѣхъ же самыхъ снарядовъ, которые ему служили въ Европѣ, и слѣдуя одинакимъ способамъ наблюденій, для того чтобъ достигнуть надлежащаго единства въ выводахъ и доставить возможность сравнивать между собою описанія различныхъ частей неба. Для этой цѣли отправился онъ съ своимъ семействомъ и инструментами на мысъ Доброй Надежды,

куда и прибылъ въ январѣ 1834 года. Въ нѣсколькихъ верстахъ къ сѣверу отъ города Капа онъ установилъ астрономическіе снаряды и, расположившись тамъ на жительство, усердно занимался наблюденіями въ теченіи 1834, 1835, 1836, 1837 и части 1838 года, въ которомъ онъ возвратился въ Англію. По подпискѣ собраны были въ Капѣ деньги, на которыя построенъ обсерваторскій на томъ мѣстѣ, гдѣ находился телескопъ господина Гершеля.

Покойный герцогъ Нортмберлендскій предложилъ средства для приличнаго изданія въ свѣтъ наблюденій Гершеля, а нынѣшній исполнилъ великодушное намѣреніе своего предшественника. По этому и самое сочиненіе посвящено памяти герцога Нортмберлендскаго. Превосходные рисунки, снятые съ природы самимъ астрономомъ, отлочно выгравированы и приложены къ книгѣ для объясненія текста. Въ первой главѣ разсматриваются туманные пятна южнаго неба. Тамъ описаны, по ихъ положенію и наружному виду, 1708 такихъ пятенъ. Если присоединимъ къ нимъ подобныя предметы, замѣченные въ сѣверномъ полушаріи, то увидимъ, что донынѣ опредѣлено 4023 туманныхъ пятенъ.

Въ слѣдующей главѣ изъясняется законъ расположенія какъ этихъ пятенъ такъ и собственно такъ называемыхъ кучъ звѣздъ на всей поверхности видимой небесной сѣеры. Вотъ главнѣйшія заключенія Гершеля.

«Около трети всѣхъ туманностей, усматриваемыхъ на небѣ, собраны въ широкую и неправильную группу, занимающую почти осьмую долю поверхности всей небесной сѣеры. Важнѣйшая ея часть расположена въ сѣверномъ полушаріи, въ созвѣздіяхъ Льва, Меньшаго Льва, Большой Медвѣдицы, Камелеопарда, Дракона, Гончихъ Псовъ, Береникиныхъ Волосъ, Боотеса и Дѣвы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаются частныя сосредоточиванія туманныхъ пятенъ: такъ, напримѣръ, онѣ очень изобильны въ шестидесятомъ градусѣ разстоянія отъ сѣвернаго полюса міра въ тринадцатомъ часу прямого восхожденія; также въ созвѣздіи Дѣвы, и прочая. Къ сѣверу туманная града оканчивается обрывисто кучею, чрезвычайно богатою туманностями, лежащею между Камелеопардомъ и Дракономъ. Здѣсь линія, на которой находятся наибольшія сгущенія, идетъ весьма неправильно: она не представляетъ никакого отношенія къ особеннымъ точкамъ сосредоточиванія и исчезаетъ постепенно ослабѣвающими, но между собою отдѣльными и отрывочными отѣнками свѣту.»

Многія изъ большихъ туманныхъ пятенъ описаны чрезвычай-

но подробно, а особенно такъ называемыя Магеллановы Облака (*vibacula maior et minor*). Объ нихъ упоминалъ въ прошломъ столѣтїи Лакаль. Сравнивая ихъ съ млечнымъ путемъ, онъ находилъ между этими предметами совершенное подобіе (*Mémoires de l'Académie de Paris, 1755*). Никто однако жъ не обозначилъ лучше Джона Гершеля всѣхъ относящихся сюда обстоятельствъ.

Далѣе онъ предлагаетъ роспись двойныхъ звѣздъ. Между ними содержится не менѣе 2103, о которыхъ доселѣ еще ничего не знали; всѣ онѣ теперь опредѣлены и взаимныя разстоянія звѣздъ спутницъ отъ главныхъ съ точностію измѣрены. Весьма любопытны наблюденія надъ парюю звѣздъ въ γ Дѣвы. Прежде уже было предсказано, что звѣзды этой пары въ слѣдствіе вращательнаго движенія одной звѣзды около другой, будутъ взаимно на вѣкоторое время покрывать другъ друга. Въ самомъ дѣлѣ, это покрываніе замѣчено какъ въ Европѣ, такъ и на мысѣ Доброй Надежды Джономъ Гершелемъ.

Цѣлая глава посвящена систематическимъ изслѣдованіямъ о величинахъ звѣздъ, или о степеняхъ ихъ наружнаго блеску, и о вліяніи луннаго свѣту во время разныхъ фазовъ мѣсяца на впечатлѣніе, производимое на нашъ глазъ кажущимся сіяніемъ звѣздъ.

Въ остальныхъ главахъ говорится о законахъ распредѣленія звѣздъ на небѣ вообще и о свойствахъ млечнаго пути; о Галлеевой кометѣ; о наблюденіяхъ надъ спутниками Сатурна и надъ пятнами на солнцѣ; наконецъ, въ особомъ прибавленіи, показаны величины многихъ звѣздъ сѣверной части неба; мѣста семидесяти шести мелкихъ звѣздъ, которыя сіяютъ совершенно въ красномъ цвѣтѣ, и представлены опредѣленія географическаго положенія Гершелевой обсерваторіи на мысѣ Доброй Надежды.

Рѣдко можно найти ученаго, который бы собралъ такую большую массу наблюденій и такъ превосходно обработалъ ихъ, какъ Джонъ Гершель. Онъ такъ живо описываетъ разныя явленія, что читателю кажется будто онъ видитъ ихъ передъ глазами. Какъ писатель, Джонъ Гершель превосходитъ большую часть ученыхъ, а какъ астрономъ, онъ занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ряду первостепенныхъ европейскихъ знаменитостей.

ЛУЧЕЗАРНОСТЬ РАСКАЛЕННЫХЪ ТѢЛЪ И ОСНОВНЫЕ ЦВѢТА РАЗЛОЖЕННАГО СОЛНЕЧНАГО ЛУЧА. *Изслѣдованія Дрепера и Меллона.* Между новѣйшими трудами физиковъ, однимъ изъ занимательнѣйшихъ надобно считать изслѣдованія американскаго профессора Дрепера (*J. W. Draper*) о произведеніи свѣту помощію

теплоты. Всёмъ извѣстно, что отъ накопленія теплоты въ тѣлахъ, они наконецъ накаляются, то есть становятся свѣтящимися и видимыми въ темнотѣ. Измѣняется ли нужная для этого температура смотря по составу тѣлъ, или она постоянна для всѣхъ тѣлъ вообще? Какъ высока эта температура? Въ какой послѣдовательности появляются различныя отливки цвѣтовъ при возвышеніи температуры? и наконецъ, какія отношенія существуютъ между распроотраненіемъ теплоты и свѣту при разныхъ степеняхъ накаленія? Вотъ любопытнѣйшія задачи новейшей физики. Для рѣшенія этихъ вопросовъ, изъ которыхъ многіе уже были разсматриваемы другими учеными, господинъ Дреперъ преимущественно пользовался снарядомъ, состоящимъ изъ платиновой проволоки, раскаляемой помощію гальваническаго тока. Эта проволока располагалась вертикально; верхній закрѣпленный конецъ ея соединялся другою проволокою съ однимъ полюсомъ гальванической батареи Грeve, а нижній былъ въ соединеніи съ подвижною полосою, которую можно было по произволу опускать въ чашечку со ртутью, соединенную помощію особой проволоки со вторымъ полюсомъ батареи. Сила току удерживалась посредствомъ извѣстныхъ пріемовъ постоянно въ продолженіи почти часу времени. Нижний конецъ платиновой проволоки упирался еще на короткій конецъ чувствительнаго рычажка и, какъ скоро отъ нагрѣванія эта проволока расширялась, длинное плечо рычажка приходило въ движеніе вдоль мѣдной круглой полоски, раздѣленной на градусы. Замѣтивъ это движеніе и зная размѣры обохъ плечъ рычажка, легко было опредѣлить самое расширеніе платиновой проволоки. Но изъ опытовъ Петти и Дюлона извѣстно уже, сколько расширяется платиновая проволока на каждый градусъ тепла; поэтому, считая вообще величину расширенія пропорціональною теплотѣ, легко было вычислить по длинѣ проволоки, при ея накаленіи, соответствующую тому температуру. Такимъ образомъ найдено, что платина начинаетъ накаливаться при четырехъ стаяхъ двадцати однимъ градусѣ по Реомюру.

Чтобы узнать, въ одно ли время при равно высокой температурѣ разныя вещества накаляются, Дреперъ взялъ ружейный стволъ и клалъ въ него попеременно платину, мѣдь, уголь, свинецъ и прочее. Накалявая ихъ съ приличною осторожностію, онъ не замѣчалъ для разныхъ тѣлъ ни какой разницы: всѣ они становились свѣтящимися въ одно время и при одной степени нагрѣванія. Нѣкоторыя вещества, напримѣръ углекислалъ известъ,

представляютъ, повидному, исключеніе изъ этого общаго правила, но Мелони полагаютъ, что это отступленіе есть только кажущееся и зависитъ отъ постороннихъ обстоятельствъ; а именно отъ «оскорещенціи». Надобно также отсюда исключить обнаруживавія свѣту при химическихъ соединеніяхъ.

Совершенно новый вопросъ, которымъ еще занимался господинъ Дрениеръ, состоитъ въ изысканіи различныхъ цвѣтовъ, которые при накаленіи тѣла постепенно показываются при возвышеніяхъ температуры. Давно уже знаютъ, что если обыкновенный солнечный лучъ упадетъ на стеклянную прозрачную призму, или на кусокъ чистаго стекла, ограниченный плоскостями, составляющими между собою нѣкоторый уголъ, то этотъ лучъ пройдя черезъ призму не только измѣнитъ первоначальное свое направленіе или переломится, но раздѣлится на семь радужныхъ цвѣтовъ; эти различно раскрашенные полоски извѣстны называются *спектрами*. Наложивъ призму хорошаго весьма чистаго стекла на предметное стекло небольшой зрительной трубы и рассматривая черезъ нее въ темной комнатѣ сперва тонкое вертикальное отверстіе, освѣщенное лучами солнца, и потомъ свѣтъ накаленной вертикальной платиновой проволоки, онъ замѣтилъ, что въ этомъ послѣднемъ случаѣ спектръ проволоки показывается сначала очень малымъ и представляетъ только весьма не многіе цвѣта, соответствующіе лучамъ, наименѣе способнымъ къ преломленію (красноватымъ), но по мѣрѣ того какъ нагреваніе возрастаетъ, этотъ спектръ обогащается болѣе и болѣе цвѣтными лучами и наконецъ представляетъ ихъ всѣ, кромѣ крайнихъ частей, въ красной и фиолетовой полосѣ солнечнаго спектра, которыя для глаза трудно замѣтны по причинѣ ихъ слабости.

Изъ всей совокупности наблюденій выходитъ, что когда накаленіе тѣла становится болѣе и болѣе сильнымъ и блестящимъ, отъ новыхъ притоковъ теплоты, то при этомъ свѣтъ возрастаетъ не только въ яркости, но и въ прибавленіи лучей новыхъ цвѣтовъ, и тѣмъ значительнѣе увеличивается температура накаляемаго тѣла, тѣмъ болѣе присоединяется лучей способныхъ къ сильнѣйшему преломленію (синеватыхъ). Отсюда уже можно заключить, какая существенная связь находится между послѣдовательными развитіями свѣту и теплоты. Господинъ Мелони, съ своей стороны, также доказалъ, что лучи теплоты исходящіе изъ разныхъ источниковъ тепла, заключаютъ въ себѣ тѣмъ болѣе лучей, способныхъ къ значительнѣйшему преломленію, тѣмъ температура этихъ источниковъ выше.

Господинъ Дреперъ сравнивалъ еще между собою количества свѣту и теплоты, исходящихъ въ видѣ лучей изъ раскаленнаго тѣла, и искалъ отношеній, въ которыхъ эти количества находятся съ температурою каленія. Для этого за раскаленную проволоку онъ расположилъ, въ темной комнатѣ, листъ бѣлой бумаги и между ними небольшую непрозрачную палочку; свѣтъ раскаленной проволоки освѣщалъ всѣ части бумаги, кромѣ тѣхъ мѣстъ которые заслонены были палочкою и на которыхъ лежала тѣнь отъ этой послѣдней. Освѣтивъ потомъ упомянутое темное мѣсто лучами лампы, идущими черезъ узкое отверстіе мѣдной трубки, надѣтой на лампу, можно было приближать или удалять эту лампу до-тѣхъ-поръ, пока мѣста на бумагѣ, которыя прежде были покрыты тѣнью палочки, казались столь же свѣтлыми, какъ и остальная часть бумаги. Когда температура каленія проволоки увеличивалась, то возрастала также отбрасываемый ею свѣтъ, и тогда надобно было приближать лампу къ бумагѣ; такимъ образомъ, измѣряя при всякомъ опытѣ разстояніе между ними, легко можно было вычислить отношенія между количествами свѣту, обнаруживаемаго при разныхъ степеняхъ каленія. Осталось послѣ того опредѣлять еще при этихъ обстоятельствахъ количества лучистой теплоты, испускаемой раскаленнымъ тѣломъ. Эти количества выходящей теплоты онъ находилъ помощію термо-мультипликатора, сваряда безпрестанно употребляемаго физиками и слишкомъ извѣстнаго для того, чтобъ нужно было здѣсь его описывать. Тщательно произведенные опыты показали съ очевидностію, что развитія лучистой теплоты и свѣту сопутствуютъ другъ другу и при постепенномъ увеличеніи температуры раскаленной проволоки они сперва возрастаютъ слабо, а потомъ оба увеличиваются весьма быстро. Эти опыты представляютъ удивительныя и почти неожиданныя аналогиі между свѣтомъ и теплотою, свидѣтельствующія нѣкоторымъ образомъ тождественность этихъ двухъ великихъ дѣятелей природы.

Профессоръ Дреперъ опровергаетъ мнѣнія знаменитаго англійскаго физика Брюстера (Brewster), который предполагалъ, что лучи красного, желтаго и синяго цвѣту находятся во всѣхъ частяхъ солнечнаго спектра. Это возраженіе получаетъ еще большую степень вѣроятности послѣ изысканій столь великихъ ученыхъ, каковы англійскій астрономъ Эри (Airy) и италіанскій физикъ Меллонн: они доказали, что заключенія Брюстера не имѣютъ ни какихъ строгихъ и несомнѣнныхъ основаній, и по-край-

ней мѣръ при вышѣщемъ состояніи науки не могутъ быть допущены.

Господина Меллонн, утверждаясь на опытахъ, какъ господина Дрепера, такъ и другихъ физиковъ, полагаетъ, что лучистый телородъ и свѣтъ зависятъ отъ одного общаго начала и суть только различныя проявленія одной причины. Извѣстно, что явленія свѣту объясняются колебаніями тончайшей упругой матеріи, называемой эфиромъ, разлитой вездѣ во вселенной и находящейся также между частицами тѣлъ. Меллонн допускаетъ, что въ тѣлахъ мало нагрѣтыхъ частицы колеблются весьма медленно, и производятъ въ окружающемъ ихъ эфирѣ длинныя волны, которыя не могутъ быть усматриваемы глазомъ. По мѣръ того, какъ температура возрастаетъ, нѣкоторыя изъ частицъ начинаютъ колебаться такъ, что хотя время размаховъ остается неизмѣннымъ, однако величина ихъ возрастаетъ; нѣкоторыя же частицы приходятъ въ быстрѣйшія колебанія. Это обстоятельство становится замѣтнымъ только тогда, когда тѣло начинаетъ накаливаться. Многія частицы тѣла начинаютъ тогда совершать быстрѣйшія колебанія и производятъ въ окружающемъ эфирѣ волны болѣе короткія, которыя и соотвѣтствуютъ лучамъ свѣту, подлежащимъ большому переломленію. Эти лучи становятся отчасти видны для глаза; съ возвышеніемъ температуры увеличивается наконецъ болѣе и болѣе число свѣтлыхъ и темныхъ элементовъ теплоты, которые и распространяются въ видѣ лучей.

Въ нѣкоторыхъ тѣлахъ внутреннія силы, дѣйствующія на частицы вещества, находятся въ такомъ состояніи равновѣсія, что эти частицы могутъ весьма удобно приходить въ колебанія и получать еще гораздо прежде накаленія тѣла достаточную быстроту колебаній, для того чтобъ теллородные лучи стали свѣтлыми и замѣтными для глаза. Подобныя тѣла принадлежатъ къ такъ называемымъ фосфорическимъ веществамъ (*matières phosphorescentes*).

Когда одно изъ тѣлъ соединяется химически съ другимъ, то его частицы могутъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ пріобрѣтать вдругъ весьма сильное колебательное движеніе, а потомъ приходятъ къ колебаніямъ болѣе медленнымъ. Такія обстоятельства, кажется, представляются намъ въ пламени, которое обнаруживается при горѣніи тѣлъ и которое почти всегда показываетъ въ началѣ синій или отчасти фіолетовый цвѣтъ, а потомъ является бѣлымъ или желтоватымъ. Но когда свѣтъ и теплота развиваются только вслѣдствіе постояннаго возвышенія температуры, тогда проис.

ходить колебанія зѣпру, сначала незамѣтныя для глаза и замѣтныя не только отъ непусканія лучистой теплоты изъ тѣлъ нагрѣваемыхъ и темныхъ, но и отъ лучей идущихъ изъ самыхъ источниковъ теплоты. Здѣсь невидимые лучи теплоты не однородны, а состоятъ изъ лучей различнѣхъ свойствъ, соответствующихъ тѣмъ свойствамъ свѣтлыхъ лучей, отъ которыхъ зависятъ разные ихъ цвѣта.

Такимъ образомъ господинъ Меллонъ объясняетъ чрезвычайно важныя аналогіи, которыя въ послѣднее время открыты между явленіями тепла и свѣту.

ОКЕАНИЯ И АМЕРИКАНСКІЕ НАРОДЫ. *Историческія изысканія доктора Причара.* Нынче вышла пятая и послѣдняя часть знаменитаго сочиненія Причара «Researches into the Physical History of Mankind», часть, посвященная Океаніи и ея жителямъ. Несмотря на различныя мнѣнія объ изложенныхъ тамъ обстоятельствахъ и объ основывающихся на нихъ заключеніяхъ, нельзя отказать автору въ похвалѣ за его большую наблюдательность, остроуміе и рачительность въ добросовѣстномъ собраніи матеріаловъ.

Весьма естественно, что предметы, о которыхъ говоритъ господинъ Причаръ, были и долго еще будутъ различно обобщаемы. Возьмемъ, напримѣръ, особенности въ физическомъ устройствѣ тѣла. Что между народами существуютъ дѣйствительно характеристическія отличія, это во многихъ случаяхъ прямо бросается въ глаза: не только цвѣтъ тѣла, который можетъ быть болѣе или менѣе различенъ у разныхъ особъ того же самого народа, смотря по мѣстностямъ; не одинъ тоже станъ и развитіе мускуловъ, зависящіе нерѣдко отъ случайныхъ обстоятельствъ; но преимущественно образованіе рукъ, ногъ и въ особенности головы представляетъ несомнѣнные признаки различія племенъ. Однако и здѣсь должно быть осторожнымъ, чтобъ не смѣшать естественныя отличія съ тѣми уродливостями, которыя у многихъ дикихъ народовъ родители сами производятъ у своихъ дѣтей для удовлетворенія обычаямъ.

Д'Обривъ пишетъ, что цвѣтъ тѣла у южно-американскихъ племенъ находится въ очевидной связи съ влажностію и сухостію атмосферы. Народы, живущіе въ тѣни густыхъ и высокихъ лѣсовъ, которые покрываютъ долины между скалистыми восточными отрогами Кордильеровъ и росношными равнинами Ориноко, имѣютъ цвѣтъ болѣе приближающійся къ бѣ-

лону пошли у жителей открытых и сухих гористых мѣстъ въ Калчуа, безпрестанно подверженныхъ лучамъ солнца. Нѣчто подобное замѣчается также въ другихъ частяхъ свѣта, и эти наблюденія подтверждаютъ также саръ Робертъ Шонборгъ (Shomborgk) и господинъ Причаръ.

Внимательныя изысканія приводятъ Причара къ слѣдующимъ заключеніямъ объ американскихъ народахъ: 1) туземныя племена американскаго материка, составлявшія первоначально найденное тамъ населеніе, принадлежатъ всѣ, включая сюда и Эскимосовъ, къ одному семейству народовъ, по крайней-мѣрѣ мы можемъ это принять въ той мѣрѣ, въ какой исторія и языки народовъ это показываютъ. 2) Несмотря на такое происхожденіе отъ одного корня и нѣкоторыя общія сходства, въ разныхъ племенахъ представляются значительныя разницы въ устройствѣ тѣла. 3) Въ этомъ устройствѣ однако жъ нѣтъ ничего такого, что подавало бы поводъ допускать первоначальное отлчіе этихъ племенъ отъ остальной части человѣческаго рода. 4) Душевыя ихъ способности также не представляютъ ни какихъ существенныхъ различій отъ другихъ человѣческихъ племенъ.

В. Гумбольтъ утверждаетъ, что между обитателями острововъ Индійскаго Моря и Океанія первоначально распространень былъ одинъ языкъ; другіе же принимаютъ два особые языка. Какъ бы то ни было, односложные корни малайо-полинезскаго языка имѣютъ большее еродство съ китайскимъ. Въ Америкѣ, начиная отъ земли Экваторовъ до береговъ Оринокъ и отсюда до Магелланова Пролива, встрѣчается нѣсколько основныхъ языковъ, которые совершенно отличны другъ отъ друга по своимъ корнямъ, но имѣютъ, если можно такъ выразиться, общую фзисіомію. Это мнѣніе В. Гумбольдта подтверждаютъ новѣйшія изысканія Причара и другихъ. Поразительныя сходства въ грамматическихъ оборотахъ и образованіи фразъ замѣчаются не только въ болѣе обработанныхъ языкахъ Инковъ, Мексиканцевъ и прочихъ, но и въ самыхъ грубыхъ нарѣчіяхъ. По корнямъ эти языки между собою столь же различны, какъ напримѣръ славянскій и французскій, но между ними есть еродство подобное тому, которое въ отношеніи къ механизму рѣченій открывается между языками санскритскимъ, персидскимъ, греческимъ и нѣмецкимъ.

Различіе племенъ обнаруживается также въ ихъ мнѣологическихъ преданіяхъ. Надобно согласиться однако жъ, что заключенія, основывающіяся на этихъ преданіяхъ, еще болѣе шатки нежели тѣ, которыя выводятся изъ сравненія разныхъ языковъ.

Повѣрья Мексиканцевъ и Перуанцевъ болѣе или менѣе извѣстны. Жители отдаленныхъ острововъ океана имѣютъ другія повѣртія: такъ напримѣръ обитатели острова Тонга, не видавшіе никогда горъ, мѣстопробываніемъ своихъ боговъ считаютъ далекій, недосыгаемый для нихъ прекрасный островъ, на которомъ все цвѣтетъ и благоухаетъ и самыя вкусныя плоды безпрестанно снѣживаются новыми; птицы съ красивыми перьями служатъ для стола боговъ и полубоговъ.

КАРОАГЕНСКАЯ ЮНОНА. Въ Тунисской области сдѣлано открытіе, которое въ высокой степени обращаетъ на себя вниманіе художниковъ и ученыхъ любителей древности. Разработывая камни около мѣста, гдѣ стоялъ нѣкогда Кароагенъ, рабочіе нашли въ глубинѣ болѣе чѣмъ пяти съ половиною сажень, колоссальный мраморный бюстъ Юноны, который такъ хорошо сохранился, что, казалось, онъ только что вышелъ изъ рукъ художника. Знаатоки признаютъ эту статую мастерскимъ произведеніемъ. Она представляетъ голову и грудь богини и, вѣроятно, есть памятникъ древняго Кароагена. Эта замѣчательная находка уступлена тунійскимъ беемъ французскому правительству.

НИНЕВІЯ. Если существовалъ когда-нибудь городъ потерянный, исчезнувшій, уничтожившійся, истребленный, то это, безсомнѣнія, чудная Ниневія, которую только мелькомъ замѣчаешь сквозь картины Ветхаго Заветъа и въ описаніяхъ Геродота. Какъ основаніе, такъ и разрушеніе ея погружено во мракъ сомнѣній и недоумѣній историковъ, которые передавали о ней только темныя преданія. Этотъ огромный городъ не оставилъ на землѣ даже опредѣленнаго слѣда своего разрушенія. Ужасное истребленіе, предсказанное пророками, исполнилось съ точностью.

«Огонь, воскликнулъ Наумъ, обращаясь къ Ниневіи, огонь пожретъ тебя, мечъ уничтожитъ тебя, какъ саранча уничтожаетъ колосья! Зубцы твоихъ стѣнъ падутъ, какъ падаютъ смоквы съ потрясенной смоковницы! Ты превратишься въ пустыню, въ пастбище стада и звѣрей! Проходящіе мимо тебя будутъ свистать, рукоплескать и спрашивать себя: — Гдѣ теперь городъ львовъ? Гдѣ тотъ, который говорилъ себѣ: — Я Ниневія и нѣтъ въ свѣтѣ другой Ниневіи кромѣ меня?»

Проходящіе дѣйствительно спрашивали объ этомъ; но ни одинъ подземный голосъ, выходящій изъ могилы заживо погребенныхъ городовъ, до-сихъ-поръ не отвѣчалъ на вопросъ. Антикваріи едва соглашались насчетъ мѣста, гдѣ стояла Ниневія.

Между-тѣмъ, преданіе указываетъ на соеѣдство Мессула. Тамъ, въ двухъ мѣстахъ, древнія каменныя работы, превращенныя временемъ въ холмы, неясно обозначали остовъ разрушившагося города. Обвалившіеся кирпичи съ странными іероглифами были разсыяны вокругъ по землѣ, какъ отдѣльныя, изорванные листы потерянной книги. На одномъ изъ этихъ холмовъ стоитъ турецкая деревушка. Кажется, эхо преданія шепнуло ей изъ глубины развалины пня могилы, которою она завладѣла: ее зовутъ «Нейниве.»

Заступъ археолога, конечно, отъ времени до времени врѣзывался въ этотъ холмъ, построенный архитекторомъ, но скоро опять падалъ отъ унынія и изнеможенія любопытнаго. Онъ встрѣчалъ только кирпичи или куски скульптурныхъ работъ, обезображенныхъ пожаромъ, разрушенныхъ временемъ. Обо всѣхъ этихъ открытіяхъ написали двѣ или три скучныя записки, читанныя въ публичныхъ засѣданіяхъ въ Академіи Надписей, и тѣмъ дѣло оканчивалось.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ французское правительство назначило господина Ботту своимъ консуломъ въ Мессулѣ. Ботта, сынъ знаменитаго италіянскаго историка, человекъ умный и ученый, бывалъ уже и прежде на Востокѣ. Онъ тотчасъ же назначилъ себя благороднымъ развлеченіемъ въ своей ссылкѣ разчистку этой загадочной могилы. Это была мысль, порожденная скукою человека и любопытствомъ ученаго. Чтобы не умереть отъ тоски по родинѣ подъ солнцемъ пустыни, существуютъ только два средства, — или надѣть туфли и съ турецкою лѣнью курить фаталистическій наргиле, дѣлать вѣчный кейфъ, какъ остроумный Лёве-Веймаръ на своемъ консульствѣ въ «Тысячѣ и одной ночи», или терпѣливо изучать свою тюрьму въ-отношеніи къ исторіи, искусствамъ и наукѣ о древностяхъ, какъ сдѣлалъ Ботта.

Ботта почти всегда проводилъ время въ Нейниве; изучалъ развалину, ея видъ и величину, старался узнать формы трупа по его земляному савану. Развалина безмолвствовала. Наконецъ онъ бодро сталъ работать заступомъ и разрылъ холмъ. Но скупая могила не дала ему ни одной кости. Онъ находилъ только безобразныя кирпичи, всегда покрытые тою же загадочною надписью. Ни на одномъ изъ этихъ камней, открытыхъ съ такимъ терпѣніемъ, не было ясно отиѣченной эпохи или какого-нибудь событія. Сколько археологъ ни просѣвалъ эту пылъ древняго царства, остатковъ ни какихъ не оказывалось.

Ботта уже начиналъ отчаяваться, когда одинъ хорасабадскій

поселянинъ указалъ ему на свою деревню, въ четырехъ миляхъ отъ Моссула, какъ на мѣсто, покрытое надписями и древними каменными работами. Ботта хотя очень сомнѣвался въ истинѣ показаній этого человека, однако рѣшился слѣдовать за нимъ.

Прибывъ въ Хорасабадъ, онъ увидѣлъ точно такой, очевидно, искусственный холмъ, какъ въ Нейшиве, только архитектурныя углы его прорѣзывали земляную и дерновую покрывку. На площадкѣ и склонахъ его стояло около пятидесяти хижинъ. Чтобы начать розыски, необходимо было сломать ихъ. За нѣсколько сотъ пиастровъ жители Хорасабада отступились отъ своей собственности, а хижины уничтожились нѣсколькими ударами топора. Въ этой части Сиріи деревни кочуютъ, какъ станы, и курдскіе крестьяне требуютъ отъ своихъ жилищъ только того, чего Арабы требуютъ отъ своей ватки: немножко тѣни.

Начали съ хижины поселянина, который проводилъ Ботту въ Хорасабадъ. Цыновка, служившая постелью, покрывала слой древнихъ камней, на которыхъ сохранились слабые слѣды рѣза. На этомъ мѣстѣ назначено было начать изысканія. Когда прокопали землю на нѣсколько футовъ глубины, показались большія глыбы, которыя сопротивлялись инструментамъ и которыя съ трудомъ можно было оторвать. Наконецъ, при одномъ рѣшительномъ ударѣ заступомъ, рылая земля рассыпалась и на свѣтъ явилась прекрасная голова съ уборомъ изъ новязонъ, съ бородою какъ у индійскаго Вахха и съ истинно античнымъ профилемъ.

Скоро любопытнее открытіе получило еще большую важность. Замѣтили, что голова принадлежитъ туловищу въ десять футовъ вышины; что это туловище — барельефъ на стѣнѣ и что стѣна, за которою можно было слѣдовать, очищая ее отъ земли, тянулась во всю длину холма. Пошли далѣе по прокопанной бороздѣ и всѣ сомнѣнія и нерѣшительность исчезли. Стѣны огораживали большую комнату, почти еще цѣлую въ основаніи. При каждомъ ударѣ заступа на поверхности стѣны являлась новая скульптурная работа; одна дополняла другую и всѣ составляли бесконечный рядъ барельефовъ во всю длину стѣны, покрывая ее отъ основанія до верху.

Такимъ образомъ отворилась богатая жила рудника древностей и это, какъ доказали послѣдовавшія работы, было первое зданіе древняго города: Нишевія вышла изъ своей могилы впередъ головою, — дворцомъ своихъ королей.

Впродолженіи, шести мѣсяцевъ послѣ этого Ботта отрылъ сто-сорокъ метровъ (около семидесяти сажень) барельефовъ съ гезде-

образными надписями и послалъ рисунки въ парижскую Академію Надписей, прося ея выхлопотать у министра деньги, нужныя для продолженія розысковъ.

Извѣстіе объ открытіи этого восточнаго Перкулана, о которомъ думали, что онъ уже навсегда потерянъ, произвело впечатлѣніе, каждому памятное. Страница, которой не доставало въ книгѣ объ архитектурѣ, была наконецъ найдена. Огромная груда произведеній древняго искусства дополнилась прибавленіемъ ассирійскихъ барельефовъ и возстановила генеалогическое согласіе цѣлаго. Со-временемъ, можетъ-быть, эти іероглифическія издѣленія, покрывающія поля памятниковъ, какъ огромная подпись народа, воздагнувшаго ихъ, будутъ разобраны наукою и расскажутъ съ достовѣрностью каменнаго доказательства исторію Ассиріи, утопающую въ громадѣ басенъ и фантазій историковъ.

При настоятельныхъ просьбахъ Академіи, министры рѣшились помочь Боттѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ послалъ ему неограниченную довѣренность, а Вильменъ, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія, далъ ему въ помощники искуснаго рисовщика, Евгенія Фландена, который и прежде уже получалъ подобныя порученія въ Персію и былъ довольно хорошо знакомъ съ восточными древностями. Ему поручили опредѣлять сколько-можно характеръ и важность открытыхъ развалинъ, срисовать съ одного конца до другаго этотъ огромный музей барельефовъ и раздѣлить съ Боттою присмотръ за продолженіемъ розысковъ.

Фланденъ отправился въ октябрѣ 1843 года, но былъ остановленъ въ дорогѣ придирками оттоманскаго правительства, которое отказалось выдать ему нужныя фирманы. Извѣстно, что Турки такіе археологи: мусульманину никогда не прійдетъ на мысль, что можно рыть землю, только длятого чтобы найти камни. Каждый разъ, когда они видятъ, какъ заступъ Евровейца разбиваетъ ихъ землю, они воображаютъ, что онъ ищетъ кладовъ. Изысканія Ботты возбудили во всемъ государствѣ тревогу и недоувѣренность. Царя той области воображилъ, что Французъ отыскалъ какую-нибудь подземную казну сокровищъ, и представилъ свое остроумное предположеніе высокой Портѣ. Завязались безконечныя переговоры, отговорки, которые и продлили отсутствіе Фландена на четыре мѣсяца. Наконецъ онъ прибылъ въ Моссулъ, въ мѣѣ 1844 года и, благодаря усердію, дѣятельности и знанію обояхъ изслѣдователей, изъ разрытаго холма черезъ четыре мѣсяца показались огромныя развалины, которую онъ скрывалъ подъ собою тридцать вѣковъ.

Эта развалина состоитъ изъ пятнадцати огромныхъ комнатъ, изъ которыхъ девять нѣсколько не попорчены. Всѣ комнаты заключаютъ въ себѣ пять-тысячъ квадратныхъ саженъ поверхности; тысяча саженъ барельефовъ и пятнадцать-тысячъ саженъ гноздебразныхъ надписей покрываютъ ихъ стѣны, а исполнискія выпуклыя изваянія украшаютъ фасады. Нѣкоторыя комнаты имѣютъ отъ пятнадцати до осмнадцати саженъ длины и всѣ сообщаются между собою многими дверями. Назначеніе зданія очевидно. Это—дворецъ ниневійскихъ царей. Число и расположеніе комнатъ отклоняютъ всякое другое предположеніе.

Вѣроятно, отъ всей Ниневіи остались только эти пятнадцать комнатъ: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на наружность равнины, надъ которой онѣ господствуютъ. Голова ассирійскаго исполина, лежащаго на моссульской равнинѣ, обращена къ Хорасабаду, ноги къ Нейниве, а члены его изувѣченнаго тѣла образуютъ рѣзко отдѣляющіеся холмы. Его ростъ можно измѣрить по обвѣмъ оконечностямъ тѣла, обрѣсывающагося возвышенностями на пространствѣ осмнадцати верствъ. Неповрежденная голова, теперь открытая до самаго основанія, образуетъ хорасабадскій холмъ; раздробленныя и избитыя ноги своею массою возвышаются въ Нейниве; туловище почти совсѣмъ уничтожено временемъ. Однако слабый остовъ строеній неясно обозначается въ промежуткѣ между главными развалинами и показываетъ если не анатомію, то по-крайней-мѣрѣ очеркъ его тѣла. По прежнимъ изысканіямъ кажется, что нейнивескій холмъ содержитъ въ себѣ только пережженные и искрошенные остатки строеній. Это, такъ сказать, пепельная урна могилы Ниневіи. Что касается до взорванной цѣпи кургановъ, соединяющихъ ее съ Хорасабадомъ, то это только безобразныя груды битыхъ кирпичей и мусору. Это почти совершенное разрушеніе было бы горькою потерей для науки, исторіи и искусствъ, если бы не остались барельефы, но, благодаря имъ, мы можемъ обойтись безъ остальнаго. Въ образѣ дворца хорасабадскаго воскресаетъ образъ Ниневіи, Вавилона и всей Ассиріи.

Помните ли вы въ «Тысячѣ и одной ночи» городъ, обращенный чародѣемъ въ камень, о полуднѣ, когда всѣ продавали и покупали на базарѣ, исполняли свои священные обряды въ мечетяхъ, плясали и курили въ сераляхъ; когда джеридъ гарцовалъ на площади, а караваны въѣзжали чрезъ городскія ворота съ бѣгущими рюбью верблюдами? Этотъ вымыселъ о народѣ, остановленномъ въ безчисленномъ множествѣ своихъ движеній, въ при-

ливъ и отливъ своего теченія, въ разнообразіи и противоположности своей дѣятельности,—осуществленъ въ хорасабадекихъ барельефахъ. Сраженія, пиры, празднества, жертвоприношенія, городской судъ, наказанія, идолы, евнухи, солдаты, музыканты, корабли, колесницы, оружіе, чаши, столы, лиры, всѣ актеры, всѣ фигуранты, всѣ костюмы, всѣ декораціи, всѣ машины, всѣ принадлежности, всѣ развязки, всѣ печальности огромной сцены, называемой городомъ, изсѣчены тамъ въ камнѣ.

Нѣкоторая часть хорасабадскихъ барельефовъ привезена уже въ Парижъ и поставлена въ Луврѣ, гдѣ наполняетъ двѣ залы. Для того чтобы перевезти всѣ, не стало бы мѣста на Армядѣ Филиппа-Второго. Должно было довольствоваться вырѣзками изъ разныхъ мѣстъ отѣнныхъ барельефовъ. Но эти образцы, какъ они ни перепорчены, вполнѣ могутъ подать понятіе о цѣломъ.

Замѣчательнѣйшія фигуры новаго музея тѣ, которыя украшали собою главныя ворота дворца. Это два крылатые быка въ пятнадцать футовъ вышины, съ человѣческими лицами и въ испанскихъ тиарахъ. Несоразмѣрно длинная, скрученная, густая борода упадаетъ на ихъ грудь. Шерсть на спинѣ симметрически расположена въ видѣ паралельныхъ перевязей, которыя такнѣ образомъ представляютъ бахромы и отвороты греческой одежды. Широко развернутыя крылья величественно простираются надъ спяною въ видѣ опахала. Эти огромные чудовища стояли у главнаго входа во дворецъ. Подлѣ наждаго изъ нихъ стоялъ великанъ съ бородою до живота съ густыми волосами; въ одной рукѣ онъ держитъ змѣю свернувшуюся, какъ ремень кнута; въ другой ногу льва, котораго онъ душитъ въ сгибѣ своего согнутаго локтя.

Никогда скульптура не создавала болѣе ужаснаго изображенія силы. Это не борьба могущества физическаго съ могуществомъ духа; это не атлетъ, котораго мускулы и руки дѣйствуютъ, какъ орудія, по волѣ страсти и ума: нѣтъ, это грубая, равнодушная, непреклонная сила вещества. Выраженіе лица ея глухо, какъ наводненіе, какъ землетрясеніе, какъ буря, какъ ураганъ. Тутъ нѣтъ ни какого напряженія мускуловъ, ни движенія нервовъ, какъ въ греческихъ олицетвореніяхъ силы, — нѣтъ ни какого выраженія, а между-тѣмъ, глядя на такого великана, чувствуешь, что онъ однимъ ударомъ убьетъ «арнезскаго Геркулеса.

Другой барельефъ представляетъ крылатое божество въ рога-той шапочкѣ. Въ одной рукѣ онъ держитъ словую шишку,—сим-волъ плодородія; въ другой ведро, котораго форма напоминаетъ

водра Изиды, а къ божеству приближается жертвоприноситель съ сайгой на рукахъ.

Впрочемъ, боги играютъ второстепенную роль въ изваяніяхъ хорсабадскаго дворца: въ нихъ первенствуетъ царь: онъ главное лицо въ битвѣ, распорядитель иршества, судья и иногда палачъ виновныхъ. Всѣ группы, всѣ хоры, вонновъ, евиуховъ, жрецовъ исходятъ отъ него и принадлежать къ нему.

На образцахъ, выставленныхъ въ Лузрѣ, царь изображенъ только одинъ разъ, но въ отношеніи къ искусству, это, безспорно, главный барельефъ, мастерское произведеніе ишнейской скульптуры. На немъ тюника съ короткими рукавами, на которыхъ рядъ желудей образуетъ бахрому. На тюнику накинута пышная мантия величественнаго покроя, усыпанная розетками, которыя, если вѣрнѣе отгнѣнку стертыхъ красокъ, были окрашены пурпуромъ и золотомъ. Голова его украшена коническою митрою, къ верху заостренною и окруженною перевязями. Широкія браслеты, большія кольца украшаютъ его руки и уши; метъ косвенно лежитъ на поясѣ, а на ногахъ богатыя сандалии; правую руку онъ поднялъ какъ бы благословляя или новелѣвая. Никогда востокъ не представлялся намъ въ такомъ величественномъ видѣ. Эта разнородная и обоюполая одежда короля, женщины и жреца; эта священная митра въ соединеніи съ воинскимъ мечомъ; эта царская мантия, накиннутая на платье чародѣя; эта сладострастная и вѣстѣ съ тѣмъ почтенная борода; эти браслеты и серги; это мановеніе идола лучше всякой исторіи возстановляютъ передъ нами жемчужные и величественные образы Сарданапала и Салманасара.

Передъ царемъ стоитъ особа, одѣтая почти съ такимъ же великолѣніемъ, но безъ тиары. Полагаютъ, что это — его визирь или главный магъ. За магомъ стоятъ два евиуха, которыхъ можно узнать по гладкимъ подбородкамъ. Всего чаще въ ишнейскихъ изваяніяхъ повторяется сцена приношенія дани. Солдаты и рабы, идущіе въ одну линію, приносятъ царю троны, стоны, лошадей, колесницы, чашы и доспѣхи побѣжденнаго неприятельскаго начальника. На одномъ изъ присланныхъ барельефовъ дани несутъ крошечныя крѣпости съ зубчатыми башнями. Два другіе барельефа изображаютъ морскіе герода. На отвѣсномъ морѣ, волны представлены круглыми и спиральными завивками, на выпучающихся которыхъ плзутъ, какъ мухи по стѣнѣ, черепахи, раки и рыбы. Сверху до низу по немъ разъѣзжаютъ суда съ нагими матросами, вооруженными огромными веслами. Эти суда устро-

ны очень просто: въ нихъ замѣчательны только носы, имѣющіе видъ лошадиной мен. Въ сраженіяхъ царь господствуетъ надъ схваткою съ высоты своей колесницы; солдатъ, нагнувшись надъ нимъ, укрываетъ его своимъ щитомъ; сражающіеся въ шипакахъ и латахъ вооружены луками и копьями. Противники ихъ одѣты въ кожи красныхъ звѣрей и не имѣютъ ни шлемовъ, ни латъ. По курчавымъ волосамъ и толстымъ губамъ между ними узнаешь группу негровъ. За сраженіемъ слѣдуютъ наказанія. Осужденные обезглавлены; съ другихъ содрали кожу; третьи посажены на колъ; четвертыхъ притащили цѣпями за кольцо, продернутое сквозь губу, къ ногамъ короля, который собственноручно выкалываетъ имъ глаза. Прислужникъ разставляетъ отрубенныя головы въ симметрическія кучи. Пиршества особенно замѣчательны пышностью и изяществомъ утвари. Чедлики призналъ бы превосходство отдылки чашъ и каріятеидъ, служащихъ ножками у столовъ и стульевъ. Еввухи прислуживаютъ у стола. Король совѣмъ не принимаетъ участія въ охотѣ, но онъ слѣдуетъ за нею въ колесницѣ, обмахиваясь опахаломъ и держа въ рукахъ символическія цѣпюкъ. Вокругъ него сатрапы убиваютъ стрѣлами соколовъ, фазановъ, зайцевъ и куропатокъ; другіе стрѣляютъ въ цѣль, представляющую розетку или львиную голову.

Теперь, если бы намъ пришлось опредѣлить мѣсто и характеръ ассирійскаго искусства въ исторіи по линевійскимъ изваяніямъ, мы сказали бы, что это искусство образуетъ переходъ отъ искусства египетскаго къ греческому. Ассирійскій вадтелъ стоитъ уже несравненно выше древнеегипетскаго. Въ немъ вы замѣчаете всю неловкость, но также и все простодушіе и откровенность неопытности, которая ничто, добивается успѣха. Въ этомъ отношеніи хорасабадскіе барельефы во многомъ сходятся съ эгипетскими мраморными изваяніями. Ниневійская скульптура, такъ же какъ и эгипетская, производитъ круглыя и симметрическія углы. Она скорчиваетъ, натягиваетъ движенія, но всё-таки выражаетъ если не полную свободу, то по крайней-мѣрѣ достаточную силу ихъ. Въ подробностяхъ, она пренебрегаетъ анатоміей, но зато въ массахъ и главныхъ очертаніяхъ обозначаетъ ее съ удивительною вѣрностью. Что касается до характера фазіономій, онъ занимаетъ середину между каменистымъ спокойствіемъ и глупостью. Сколько бы вы ни всматривались въ эти прямые и безстрастные профили, вы не узнаете

ничего, развѣ только, что имъ три-тысячи лѣтъ, и что дивинскій царь—великій царь.

Открытие хорасабадскихъ развалинъ безспорно одно изъ величайшихъ археологическихъ событій нашего вѣка. Наука древностей никогда не дѣлала болѣе обширныхъ и болѣе мабильныхъ изысканій въ остаткахъ прошедшаго. И кто знаетъ, быть-можетъ, Вавилонъ, Селевкия и Ктезифонъ также современемъ воскреснутъ какъ Нилевія: древняя азиатская почва перерытая почтительными и страстнымъ заступомъ европейской науки, быть-можетъ, отдастъ всѣ трупы, хранящіяся въ ея глубинѣ.

Атмосферическія желѣзные дороги въ Англии и во Франціи съ тѣхъ-поръ какъ царь примѣненъ къ ѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ, вниманіе ученыхъ и практическихъ людей, натурально, часто обращалось на огромное потребленіе топлива, какое нужно для содержанія рельсовой дороги. Найти новаго двигателя, съ которымъ было бъ не нужно или по-крайней-мѣрѣ сократилось бы употребленіе цѣннаго вещества, необходимаго во множествѣ другихъ случаевъ, — задача весьма важная. Нѣкоторые стараются рѣшить ее предложеніемъ атмосфернаго воздуха, какъ движущей силы. Нѣтъ сомнѣнія, что съ экономической точки промышленности въ наибольшей части случаевъ выиграла бы отъ употребленія этого почти дароваго двигателя, особенно если бъ ей удалось обойтись безъ каменнаго угля. Какъ всякому извѣстно, что употребленіе водянаго пара основано на расширительной силѣ воды, то всякій понимаетъ возможность примѣнить и атмосферный воздухъ къ тѣмъ же потребамъ; вся трудность въ средствахъ, заставить дѣйствовать эту силу.

Въ послѣдніе годы было сдѣлано нѣсколько попытокъ-воспользоваться упругостью газа, окружающаго нашъ шаръ. Въ числѣ самыхъ восторженныхъ поклонниковъ *аэродинами* находится господинъ Андрѣ, который съ энтузіазмомъ прославляетъ всемогущество новаго двигателя. По его словамъ, перевозка писемъ, обработка земель, мореплаваніе, защита крѣпостей, должны теперь производиться не иначе, какъ помощью сгущеннаго воздуха. Акустика такимъ образомъ становилась бы все больше и больше дѣницей этой силы и однимъ изъ величайшихъ подарковъ, ожидающихъ потомство, будетъ наслажденіе тѣми исполненными концертами, о которыхъ господинъ Андрѣ даетъ намъ очень пріятельское понятіе, сравнивая ихъ съ дивными раскатами грома. Почтенный изобрѣтатель надѣется также осуществить на-

воздуха, воздуха; посредствомъ своего расширеннаго двигателя, онъ расширяется, дѣлаетъ непрерывное движеніе, только на этотъ разъ онъ употребляетъ воздухъ: расширеннаго маленькаго насоса, или насоса-струнала, едетъ со мною щедро до малачивости; изображеніе вертала, которое онъ называетъ «солнечной почтой». Вырвавши, господиизъ Андрѣ върешь себя, предлагаю только золотое колесо гидравлическаго колеса для сгущенія воздуха, и употребленіе водянаго пару, какъ силу сгущенія, находятъ чтото временныя дѣла. Убѣжденію его такъ непоколебимо, что онъ говоритъ: «Нароносилъ мыслью въ будущее, я полагаю, что придетъ время, когда городскія начальства заведутъ по городамъ обширныя резервуары сгущеннаго воздуха, въ которыхъ всякій своимъ сосудомъ будетъ почерпывать силу, обратившюся въ предметъ первой потребности, точно такъ же какъ теперь въ Парижѣ водовозы наполняютъ свои бочки у публичныхъ колодезь. Сила едетъ товаромъ, который будутъ приготавливать и продавать. Люди непременно дождутъ до того, что каждый будетъ держать у себя въ запасѣ силы, какъ теперь держать лошадей въ конюшнѣ.» Какъ видите, господиизъ Андрѣ не можетъ пожаловаться на недостатокъ воображенія. Къ несчастію, изъ всѣхъ этихъ и многихъ другихъ прекрасныхъ вещей одна только была повѣрена точнымъ слухомъ. Дѣло шло о локомотивѣ съ сгущеннымъ воздухомъ и, если не ошибаюсь, отъ локомотива требовалось, чтобъ онъ вѣдалъ самъ собою. Очевидно, господиизъ Андрѣ даровитый человекъ, который попалъ на ложную дорогу и забываетъ, что въ дѣлѣ изобрѣтенія есть цѣлый міръ напрасныхъ оболоченій гипотезами, болѣе или мѣнѣе увлекательными.

Мысль о локомотивѣ съ сгущеннымъ воздухомъ, маленькая частичка тѣхъ чудесъ, какія господиизъ Андрѣ сулитъ отъ аэродинамики, въ первый разъ пущена въ свѣтъ, въ 1815 году, однимъ Баварцемъ, и съ-тѣхъ-поръ нѣсколько разъ повторялась въ разныхъ странахъ. Лѣтъ десять тому, одинъ версальскій часовщикъ, Руссель, показывалъ маленькую карету своего изобрѣтенія, которая по-тому же началу двигалась на кругломъ столѣ. Недавно членъ берлинской академіи наукъ, господиизъ Крель, отъ собственного имени провозгласилъ тоже новое средство ѣзды по желѣзнымъ дорогамъ, которыя, по его словамъ, только при его снарядѣ будутъ возможны въ экономическомъ отношеніи ездѣ. Не отказывался отъ паровыхъ желѣзныхъ дорогъ, сармально говоритъ господиизъ Крель, или упорствуя въ употребленіи собственно атмосферическихъ дорогъ, люди рвуся

что допустить инвентаря, о которомъ говоритъ Боннъ: «свѣтъ» для дуга лампы, когда ее временно вынимаю и зажигаю: свѣтъ не въ лучшемъ погнать въ свои права.» Тамъ-рѣчи объ свѣтѣ человека, который работѣ и усильнѣй изобрѣтатель: и. попутный инженеръ, конечно, заслуживаетъ признанія въ свѣтѣ: не прежде чѣмъ вполне повѣрить дѣлу, подождать, пока свѣтъ оправдаетъ лестные результаты, судимые теоріей. Впрочемъ изобрѣтенію системы господина Краля не даромъ обидѣломъ, потому что для опытовъ годится весьма желѣзная дорога: свѣтъ уничтожить ночь и зайти въ котла резервуаровъ «сгущеннаго воздуха», — вотъ и всѣ перемены, какія изобрѣтателю предлежатъ сдѣлать въ паровомъ локомотивѣ, чтобы приспособить его въ аэродинамическій.

Въ трактатѣ берлинскаго академика подробно описаны три дѣянія системы, могущія служить для движенія помощью сгущеннаго воздуха, но господина Краля ставитъ дѣлѣ ниже своего аэродинамическаго локомотива. Въ первой изъ этихъ системъ локомотивъ удерживается, но вмѣсто того чтобы вести съ собою сдѣланъ воздуху, потребный для путешествія, онъ посредствомъ прикладнаго механизма почерпаетъ безпрестанно воздухъ изъ трубы, помещенной посреди дороги и предварительно наполненной воздухомъ. Мудреніе растолковать страннаго двигателя, котораго недавно предложилъ одинъ прусскій инженеръ: надо прибѣгнуть къ свѣтѣ. Положить на землю и приложить за одинъ конецъ канатъ, по которому колесо пойдетъ вертикально; будемъ приподнимать канатъ за свободный конецъ: канатъ, что колесо будетъ подвигаться впередъ. Теперь вообразимъ на мѣсто каната трубу изъ мягкаго вещества, въ нормальномъ состояніи плоскую, лежащую между двумя рельсами желѣзной дороги; на нее поставимъ колесо пригнанное къ первому вагону, который тутъ будетъ тащить поѣздъ. Помощью пневматической машины, вводя движущаго колеса, въ трубу нагоняю воздуху; труба надуться и, раздѣлется, приводитъ колесо въ движеніе точно такъ какъ дѣлалъ бы приподнимаемый канатъ.

Первая мысль объ атмосферическомъ локомотивѣ, конечно, принадлежитъ Пашёву. Ему первому надумалось, что если раздѣлитъ воздухъ на одной изъ поверхностей поршня, производимаго въ трубу, то поршень будетъ двигаться отъ избытка давления, которое будетъ дѣйствовать матеріально на другую поверхность. Въ самомъ дѣлѣ, такою очень простое начало нашего локомотива, о которомъ мы говоримъ. Маджуретъ, докторъ химіи.

вспруже 1830 году, предположивъ употребить его на перемещеніи снега съ тисовыхъ. Однако́ никакъ замечать въ себя небыло никакой дупры и зазоры; предположенныя для выходы на ней въ 1834 году, Великимъ выдумано пригнать эту систему въ швейцарскій шоссеканале и сдѣлать тисовыми сбитовъ на брайтеновой дорогѣ съ трубою, понаимѣнь дореваинкою, въ тисовый сбитовъ внутренняго діаметра. Ничего говорить о неудобствахъ, но неваримъ отсѣркнуто такое страшное рѣшеніе задачи. Маджурга не опасалась на этотъ тонкелъ новаго сорту. Труба, швейцарскій пригнать разбитовъ, была помещена между рощами дороси; продолжая выемка, на верхней сторонѣ трубы, пригнукала въ себя вертикальный стволъ, который передала перену изъ вагоновъ давленіе, сообщаемое воздухомъ поршня. Надразличивскій снарядъ закупоривалъ, говоря теоретически, эту выемку, и открывался, такъ сказать, только на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ стволъ. Водяной клапанъ имѣлъ ту явную особенность, что требовалъ постоянно горизонтальной дороги; его пригнутою были неважнута. Несмотря на такой недостатокъ, Маджургу слѣдуетъ приписать всю честь изобрѣтенія атмосферической системы: онъ на-чисто показалъ необходимыя условия ея возможности и путь, по которому надлежало идти улучшеніемъ.

Съ-тѣхъ-поръ дѣлательно занимались способомъ приискать клапанъ, отъ котораго одного зависѣлъ успѣхъ новой системы. Сдѣланы многочисленные опыты, изъ которыхъ упомянемъ о вертисномъ клапанѣ, предложенномъ, въ 1834 году, американскимъ инженеромъ Пинкусомъ. Но всѣ опыты были безуспѣшны и только въ 1838 году геснеда Клегга и Самуда, строители-нашищоты въ Ворнвудъ-Скробсъ, близъ Лондона, успѣли разрѣшить главныя трудности задачи. Клапанъ Самуды состоитъ изъ каменнаго реини, усиленаго съ обѣихъ сторонъ жестяными подбѣжками; одинъ его длинный конецъ придерживается желѣзной штукой, придѣланной къ трубѣ, и составляетъ шарниръ; другой конецъ входитъ въ вырѣзку на краю выемки, наполненную особой мастякой для плотнѣйшаго закрытія трубы. При проходѣ направляющаго ствола, нарочно загнутаго, клапанъ приподнимается не вертикально, а только подъ угломъ около сорока-пяти градусовъ. Но важности устройства клапана, требующей осторожнаго обращенія съ нимъ, открытіе его производится помощію кружковъ различнаго діаметра, прирѣяленныхъ къ концу поршня. Собственная тяжесть клапана опускаетъ его; это движеніе совершается бережно также помощію кружковъ. Наконецъ после,

применяется на задней части шарнирного колеса, вращающегося на оси и соединенного с осью колеса. Устройства эти не только не мешают, но и значительно способствуют его вращению, пока оно занимает до предела высоту. Устройства эти не только не мешают, но и значительно способствуют его вращению, пока оно занимает до предела высоту. Устройства эти не только не мешают, но и значительно способствуют его вращению, пока оно занимает до предела высоту.

Замысловатый снаряд, который мы описали, был испытан сначала в Шалло, потом в Гаврѣ господином Дюмонем Бонелломъ. Впоследствии изобретатели пробовали его в большомъ размѣрѣ, в Англии, в своихъ мастерскихъ. Врѣзности успѣха, которые по этимъ опытамъ, казались, принадлежали клапану Самуды, не будучи господина Пима, казначейши желѣзной дороги изъ Дублина въ Кингстонъ, предложилъ применение атмосферической системы на дорогѣ изъ Кингстона въ Дамбѣ. Англійское правительство дало дозволеніе, но съ ограниченіями, которые очень отклонили черту пути. Такимъ образомъ компания, не имѣвъ права покупки чужой собственности въ свою пользу, должна была занять у отступниковъ кингстонской гавани половину дороги, по которой возятъ прекрасныя граниты изъ ломокъ Дамбѣ. Эти очевидно невыгодныя условія, вынуждаютъ съ чертою, едва равняющуюся тремъ верстамъ, очень отклоняютъ экономической оцѣнѣ, атмосферической системы. Дамбѣ, покатости этой дороги очень слабы, а безъ возможности подниматься на крутыя покатости, но имѣнію всѣхъ знающихъ дѣло, вѣтъ никакой выгоды покидать обыкновенную систему паровой ѣзды. Сказанное применяется также къ атмосферической дорогѣ изъ Лондона въ Кройдонъ, заведенной спустя два года потомъ. Послѣ многихъ переменъ судьбы и несмотря что содержаніе дороги вначалѣ стоило будто бы двадцать два за сто дешевле чѣмъ съ паровозами *, дорога, говорятъ, го-

* Мнѣнія были очень различны, потому что находимъ на этотъ счетъ такое сѣдствие: «Вопросъ. Если атмосферическое начало не удастся, или если по результату опыта, успѣхъ будетъ только на этотъ разъ, что, кажется, можно назвать совершенной неудачею; если дѣло останется въ томъ положеніи, въ какомъ находится относительно рессельнаго производства, — будете ли вы продолжать просить привѣщенія атмосферической системы на линіи экстерской дороги? — Ответъ. Безъ всякаго сомнѣнія, будешь.» Въ концѣ дѣла, изъ Экстера въ Девонширъ строится атмосферическая дорога на протяженіи тридцати-пяти верстъ, изъ которыхъ двадцать одна уже отдана.

тимо-упроченными. Впрочемъ, какъ и въ семъ особеннѣйшемъ изобрѣтеніи, имѣющемъ въ себѣ и особеннѣйшую особенность, а именно въ томъ, что въ себѣ имѣетъ особеннѣйшую особенность: а именно въ томъ, что въ себѣ имѣетъ особеннѣйшую особенность, который между Норвудомъ и Крейдонъ, имѣетъ особенность: а именно въ томъ, что въ себѣ имѣетъ особенность, который между Норвудомъ и Крейдонъ, имѣетъ особенность: а именно въ томъ, что въ себѣ имѣетъ особенность, который между Норвудомъ и Крейдонъ, имѣетъ особенность.

Господа Клеттъ и Самуда, какъ часто бывають въ томъ случаѣ, начали не съ того, что было всего проще. Во-первыхъ, попытка для окончательнаго закрытія ихъ клапана состояла изъ сѣтчатой вѣтки съ самозвѣсомъ, а чтобы поддерживать ее потребную влажность, нѣсколько съ нѣрвненью вдоль трубы скопилось жаровня въ три фута длины, наполненная горячими угольями и прикрѣпленная къ направляющему стволу. Это неудобное средство, во многихъ отношеніяхъ было недостаточно. Мазнина зимою замерзала, лѣтомъ растапывалась и наконецъ во-таки выпускала воздухъ. Вследствіи, въ Крейдонъ, жаровню уничтожили и стали употреблять смазку, подобную той, какою нынче употребляютъ на сѣвѣ-железной атмосферической дорогѣ, состоящую изъ толщаго сала, растительнаго воску, каучуку и гашен. Несмотря на постепенныя усовершенствованія, клапанъ Самуды во-таки допускаетъ значительныя потери воздуха *. Значитъ если этотъ клапанъ лучше всѣхъ предложенныхъ сначала, онъ во-таки очень неудовлетворителенъ, и въ послѣднее время дѣлано множество попытокъ замѣнить его другимъ. Искусный американскій машинистъ, Алеттъ, предлагалъ закрывать продолговатую выемку трубъ посредствомъ такъ называемыхъ ихъ изобрѣтательскихъ губъ, то есть двухъ смежныхъ трубокъ, гибкихъ и надутыхъ сгущеннымъ воздухомъ, который стволъ верхня легко бы раздвигалъ и который немедленно сдвигался бы. Этой удивительной выдумкѣ, казалось, противорѣчила невозможность выдѣлать столько прочныхъ тканей, чтобы онѣ могли служить для закрытія, не изнашиваясь слишкомъ скоро. Господинъ Креэль также описываетъ два клапана безъ мастики, которыхъ онъ изобрѣтатель, но которые еще не испытаны на дѣлѣ. Наконецъ, одинъ изъ французскихъ промышленниковъ, Эдляръ (Hédier), изобрѣлъ къ способу, указанному нижеперомъ Никусомъ, и удачно замѣнилъ его, употребляетъ дѣйствительныя волосы, се-

* Въ Севѣ-Шермонѣ, если воздухъ движущей трубы поспѣваетъ до трети атмосферы, то во большае какъ въ пять минутъ весь воздухъ можетъ выйти обратно.

определенный крутилу, именно сферическая ли-неаритическая и ли-неаритическая спираль, которая определяет направление и-фрактис. Ствол парная, установленный надъ стволъ-спираль угловъ, приподнялась крутилу. Опытъ надъ стволъ-спираль приподнялся на рельсовой дорогѣ въ 800 сажень, близъ Бондъ-Уанской Бухты, первомъ примѣненіи атмосферической системы во Франціи. Устройство было лучше английскаго; именно такъ, что опыты съ стволъ-спираль происходили не на селъ-терренской дорогѣ.

Во-свое время, въ 1840 году, во Франціи много талантовъ не только первой мысли о поладній атмосферической системы въ Варизудъ-Саробей. Едва паровозная система сдѣлалась известна во Франціи, какъ ее не-видимому замѣнила другая, которая рѣзные выгоды почислялась съ антуазомомъ; — особенно выгоды на-счетъ безопасности. Притомъ же нельзя было смонтировать чудесное изобрѣтеніе къ области теорій: пробная дорога шила въ маленько четьрехъ-сотъ сажень въ господниъ Тейсорага, который присутствовалъ при опытахъ, составилъ о немъ докладную записку правительству. Спустя четьре года, узнали, что еще болѣе серьезное примѣненіе было сдѣлано въ Англии, и министръ публичныхъ работъ посылалъ въ Ирландію окружнаго инспектора путей-общественія, господина Маллѣ, съ порученіемъ опредѣлять, какое именно должно оказывать атмосферическая система на будущность-мѣстныхъ дорогъ. Господниъ Маллѣ, въ очень замѣчательномъ отчетѣ, подробно описалъ рельсовую дорогу изъ Кингсманъ-до Даламъ и опыты на ней дѣланные, и орашнѣхъ издержекъ на устройство и содержаніе двухъ системъ-соперницъ, показавъ, какъ разумѣя примѣненіе атмосферическихъ дорогъ. Совершенно соглашались въ важности возраженій, которымъ могли быть сдѣланы противъ новой системы, онъ опровергалъ ихъ въ-исполненіи-судимствомъ духъ. «Представляютъ ли они всѣдѣлаемъ трудности? говорилъ искусный инженеръ: такъ-ли они, чтобы не-за нихъ покинуть атмосферическую систему? Не думаю и-еще того-то требую опыта. Если бы въ этой системѣ все-было совершенно, опытъ былъ бы не-нуженъ и стало бы только заняться примѣненіемъ, съ полной увѣренностью въ успехъ; не-смотря на огромный шагъ, сдѣланный въ Ирландіи, оставалось еще придумать много улучшеній». Правительство, вступившись къ желанію господина Маллѣ, представило законодательному-органу проектъ закона, по которому требовало назначенія 1,800,000 франковъ на примѣненіе атмосферической системы близъ

приняты "неприспособленному" участку населения "предприятия" "вспомогательной" железной дороги из Парижа в Сель-Жермон. По причине сложившегося положения Сель-Жермон, как-тогда, железная дорога предприняла первоначальную "инициативу" Полюной Общины, но решила продолжить ее до конца шоссейной Горы, непосредственно заинтересованной устройством, щедро пожертвовав 200,000 франков в пособие казне, но оба суммы выветы не покрывали и трети расхода, который требуется для опыта атмосферической системы.

Значительная разница уровня между Парижем и плоскою Сель-Жермона дала затруднительным действительное продолжение старой рельефной дороги. Нашли за лучшее покинуть этот путь за 725 саженей от прихода Пека. Атмосферическая дорога будет устроена из Нантера в Сель-Жермон, то есть на протяжении четырех верст. Задержки со стороны купеческих мастеров в поставку пневматических труб сбились компания, у которой все работы готовы, поддержать издт все разстояние новой дороги. Однако же компания решила отступить хотя часть, именно ту, которая пролетает между Сель-Жермон и Монтеонским Мостом, по лесу Везине. Решение это было вполне основательно, потому что тысяча саженей, на которых только можно было положить трубу, позволяют сделать в новой системе с точек самых интересных для учебной публики. От Нантера до Монтеонского Моста дорога почти совершенно горизонтальна и не прибавила бы ни какого нового дилеммы к тем, какие мы уже знаем в великобританских дорогах, устроенных почти при таких же условиях. Другое дело — та часть дороги, которая идет от Монтеонского Моста в Сель-Жермон: там ряд поместей, постепенно возвышающихся до предмья, каково не в силах достигнуть обыкновенной локомотива, и употребление трубы большого разбра, для опыта, еще не исследованные опытами. Сверх того эта часть атмосферической дороги заключает в себя примечательным искусственным работы, которых важность неопорима: разумеется мосты через Сену, которого каждая из шести арки имеет протяжение пятнадцать саженей, на мосту, где островок Корбьер раздвигает реку на два рукава; далее, прекрасный путепровод с двенадцатью арками, которого закладка представляла безчисленные трудности, по недостатку материала, где они закладывались; наконец, длинное подвешенное в полтора саженей, помощью которого сделан мост Сель-Жермонскую террасу и который должен был

столько же трудно, сколько предположить. За сими принципами проектировки следуютъ: пробы въ лесу и на болотѣ, а также въ сорокъ-пять семень подъ насытью, составляющая дугу, которой радиусъ не имѣетъ двухъ-сотъ семень; да же, притомъ, фронтъ которой находится заводеніе насосноточскихъ машинъ. Что до проема дороги, то склонъ постоянно восходящій при-зывается неподалеку отъ моста, достигаетъ среди моста 0,02 на футъ, у конца путепровода 0,035 и сохраняетъ это наклоненіе на-ростовинъ пятьсотъ семень, до входа въ пристань, которая только нѣсколькими ступенями отдѣлена отъ станціонныхъ колышекъ, расположенныхъ вровень съ самой площадью замка.

Мы показали начало и отчасти начертали исторію локомотивовъ помощью разрѣженія воздуха. Остается сообщить нѣкоторыя подробности о способѣ, какъ производится поода системъ ѣзды и объ устройствѣ, какого она требуетъ. Возьмемъ за примѣръ устройство сень-жерменской рельсовой дороги.

Какъ продолжный плананъ — тотъ же самый, что употреблялся въ Ирландіи, то о немъ нечего говорить послѣ того, что мы сказали объ изобрѣтеніи господъ Клефта и Самуды. Переходимъ къ описанію воздухогонной трубы. Размѣры ея были рассчитаны по наклоненію пути, которое полагалось среднимъ числомъ 0,025 на футъ на сень-жерменской покатоности. Надлежало еще принять въ соображеніе скорость по шестидесяти веротъ въ часъ, сообщаемую обыкновенному поѣзду въ пятьдесятъ-пять тоннъ; да же степень разрѣженія определенную здѣсь въ одну треть атмосферы; наконецъ треніе, производимое поршнемъ и его кружками, исчисленное по точнымъ опытамъ. Атмосферическая желѣзная дорога изъ Нантерра въ Сень-Жермень, которой часть только теперь подъ ѣзду, должна, какъ оказано, идти по старой желѣзной дорогѣ почти до Пека: тутъ начинается развѣтвленіе, составляющее самую любопытную часть дороги. На концѣ прострѣтствія этого развѣтвленія (1,600 семень), воздухогонная труба будетъ имѣть внутренней діаметръ въ 2½ дюйма. На протяженіи пяти верстъ, отдѣляющемъ Нантерръ отъ этого развѣтвленія, труба должна имѣть только полтора дюйма въ діаметръ, подобно какъ въ Давль. Эта труба состоитъ изъ чугунныхъ трубокъ, прилично укрѣпленныхъ, въ числѣ 850 наибольшихъ по 60 нудель на семень, и въ числѣ 1,800 меньшихъ только по 25 нудель, и стоившая по рублю 20 копеекъ серебромъ за нудель. Трубки имѣютъ одинакую форму, а именно двухъ-своначальной, нагнутыхъ ровномъ для удобнѣйшей

поршень поршень; онъ могутъ сдвинуться отъ центра, въ одну, другую сторону, вынуть изъ трубки, или могутъ сдвинуться къ центру, и т. потому разбиваются стругальною машиной. Онъ движется и выдвигается впередъ внутри; укладка ихъ на дорогу производится тщательно; каждая труба вставляется въ другую посредствомъ муфтъ; остающееся перомое пространство закрывается веревкою и замазывается особой мастикою.

Два клапана, такъ называемые входной и выходной, замыкаютъ воздухопроводную трубу по концамъ; оба она отворяются въ дутью посредствомъ замысловатыхъ механизмовъ и атмосфернаго воздуха. Въ Сенъ-Жерменѣ пневматическая труба всегда шла по одному направленію, — по направленію съезда, — и оттого эти клапаны достаточны; но въ болѣе общемъ случаѣ, каждый конецъ долженъ имѣть входной и выходной клапаны, или, какъ въ Англіи, одинъ клапанъ, только такой, который бы могъ по надобности отвориться внутрь и наружу. Движущій поршень, органъ совершенно второстепенный, сложенъ собственно изъ трехъ частей, надѣтыхъ на одинъ стволъ: сперва собственно поршень, деревянный или металлическій цилиндръ оканчивающійся двумя концами; сзади его стволъ, который долженъ сообщать движеніе пѣзду, и приборъ изъ шариковъ, о которомъ мы говорили при описаніи изобрѣтенія Клегга и Самуды; наконецъ, деревянная масса для уравновѣшенія тяжести, въ родѣ гири. Весь этотъ воздухопроводный снарядъ не прямо прикрѣпленъ къ кондукторному вагону*: его везетъ небольшая тележка, совершенно отдѣльная отъ вагона, къ которому прикрѣплена во время ѣзды клещами, и отъ котораго можетъ легко отщѣпляться для облегченія въ некоторыхъ маневрахъ. Такое устройство въ Сенъ-Жерменѣ будетъ служить также для упрощенія перехода отъ малой трубы къ большой и наоборотъ. Можетъ быть, также употребить такъ называемый поршень съ расширеніемъ, могущій иногда раскрываться на манеръ зонтика, который будетъ имѣть въ каждой трубѣ соответственный размѣръ. Вопросъ покуда еще не рѣшенъ.

Теперь не трудно объяснить, какъ производится переходъ отъ Монте-Сомского Моста въ Сенъ-Жерменъ по атмосферической до-

* Такъ называютъ вагонъ, на которомъ находится механикъ. На немъ много находится рычаговъ, служащихъ для разныхъ маневровъ, особенно для маневра остановки, и барометръ, который, сообщаясь своимъ шлангомъ съ атмосферическою трубой, сообщаетъ механику степень давления.

раги; Направляющий погоне: стартъ на зроби; на окончани-на
 Дале, приключено приключитъ на Парикъ въ дѣлѣ Востокъ;
 неподвижно вращать колеса паровоза, который по своему
 движется съ силой. Прибыть къ железнодорожной станціи; поѣздъ
 останавливается; посредствомъ двухъ передвигающихся в боковой
 дорожки локомотивъ заходитъ въ колею поѣзда и притѣ съезда,
 чтобы онъ могъ быть приключенъ къ направляющему аппарату.
 Тотчасъ же подается сигналъ электрическимъ телеграфомъ; и
 электрическія машины Сенъ-Жерменской дороги приходятъ въ
 дѣйствіе. Входной клапанъ отворяется и поѣздъ, тронувшись въ
 путь, черезъ три съ половиною минуты прибываетъ къ Сенъ-
 Жерменской пристани. Для обратнаго перебега употребляютъ
 единственно тягловость. Помощью каната, намотаннаго на барабанъ,
 который приводится въ движеніе разряженіемъ воздуха посред-
 ствомъ одной изъ электрическихъ машинъ, поѣздъ проводится
 по горизонтальной площадкѣ пристани, ставитъ его на край ста-
 ва, и тогда онъ спускается внизъ безъ всякаго другаго аппарата,
 кромѣ сдерживанія возжей, чтобы скорость не была слишкомъ
 сильна. Передъ тѣмъ какъ подѣзжать къ станціи Везинъ, поѣздъ
 отключается отъ кондукторнаго вагона, который останавлива-
 ютъ. Паровозъ уже готовый принять прибывшій поѣздъ,
 приключается къ нему и везетъ его въ Парикъ.

Способъ, которымъ спускается изъ Сенъ-Жермена въ Везинъ
 и который также употребляютъ въ Дале, заслуживаетъ себе
 вниманіе, потому что показываетъ выгоды, какія могутъ при-
 нести атмосферическія дороги. Этотъ способъ спуска, въ са-
 момъ дѣлѣ, не требуетъ ни какаго расхода. Правда, онъ пред-
 ставляетъ большія опасности, если вораются возжи. Предположивъ,
 что изобрѣтутъ какое-нибудь средство къ отстраненію этого
 важнаго неудобства, очевидно, что если площадки и скаты одинъ
 за другимъ будутъ расположены такъ, чтобы скорость отпадъ
 не превосходила мѣры, черезъ это всегда можно будетъ сохра-
 нять движущую силу во множествѣ случаевъ. Атмосферическая
 системъ такое расположеніе свойственно потому, что только она
 одна можетъ подниматься на очень поматые склоны, передъ ко-
 торыми за вѣвственнымъ предѣломъ обыкновенный локомотивъ
 остановится и даже подается назадъ. Въ устройствѣ желѣзныхъ
 дорогъ, чтобы достигнуть желаемаго вида, требуются большія
 поддержки на свозку и навозку земли, на путепроводы и водни-
 чные каналы. На этотъ счетъ во Франціи даже долго обматыва-
 лись и черезъ мѣру сформировали въ условіяхъ шумныхъ делъ

на ровной дорогѣ. Сила въ семь миллиметров на погрѣ, выходящая въ Эдингъ, на городской дорогѣ, дала возможность пережить различные образцы. Впоследствии, на одной дорогѣ, пришло заключение из одиннадцати миллиметровъ; наконецъ въ недавнее время, locomotive «Геркулесъ», безъразлично построенный для предупрежденія потери времени на атмосферической дорогѣ, началъ легко подвигаться на сѣнь-жерменскую теорию. Этотъ фактъ чрезвычайно важенъ по приращенію, къ какому впередъ можетъ вести въ данномъ случаѣ. Сама атмосферическая система въ практикѣ представляетъ границу, которую нельзя перешагнуть, если не придать колоссальныя размѣры воздухогонной трубѣ. Въ самомъ дѣлѣ, обыкновенный поршень всегда можетъ входить въ трубу, даже вертикальную, но уже дѣло другое, когда его тяжесть увеличилась, или когда онъ входить въ нѣздъ. Однако жъ скаты, которые можно допустить при атмосферической системѣ, всё-таки могутъ значительно изменить условія черты желѣзныхъ дорогъ противъ того, какъ принуждены принимать ихъ при вытѣсненной системѣ.

Пневматическія машины, о которыхъ мы нарочно не говорили до сихъ поръ, чтобы хорошенько объяснить ихъ роль, обязаны только производить vuoto до отравленія побѣдовъ; дѣла ихъ также содержать ее на желаемой степени во время ѣзды, то есть препятствовать утокамъ воздуху, которые производятъ черезъ всѣ различныя упомянутыя клапаны, черезъ открытости воздухогоннаго поршня и пневматическихъ поршней и черезъ спайки трубокъ; наконецъ, онъ должны вдувать воздухъ, который воздухогонный поршень безпрестанно стучающъ передъ собою во время ѣзды. Всѣ эти потребности должно принимать въ расчетъ для опредѣленія силы пневматическихъ машинъ атмосферической рельсовой дороги. На дорогѣ изъ Нантерра въ Сѣнь-Жерменъ четыре машины: одна въ Нантеррѣ, одна въ Шетѣ и двѣ въ Сѣнь-Жермонѣ. Каждая изъ этихъ машинъ при силѣ двухъ сотъ лошадей, всасываетъ сто-сорокъ кубическихъ футовъ воздуха въ секунду и при каждой находителъ еще машины: какъ вспомогательная машина въ двадцать лошадиныхъ силъ для стученія и исполненія котловъ. Эти сильныя машины съ колесными, съ спусками и съ сильнымъ давленіемъ, съ горизонтальными цилиндрами и безъ коромыселъ; валы въ нихъ замѣнены нормальными клапанами. Онѣ стоили каждой 45,000 рублей серебромъ. Поршани, движущіея со скоростью семи футовъ въ секунду, соединенія рычага и рукоятки сообщаютъ движенію шестерни, что

иго стравливаю субституи валесоу, которого диаметръ не шибко превышаетъ сугубо. Малесо само перерабатъ движениемъ шпестовидными поршнями такъ посредствомъ рычага и рукоятки. Двойная-симметричная машина теперь дѣйствуетъ одна для отвоза воздуха изъ Валенсѣ; видъ ея поистинно грандіозный; она состоитъ изъ прекраснаго зданія, выстроеннаго сплошь изъ тесаннаго камня, на которомъ поставлены цѣлкомъ нѣста разныя часты. Извѣстная плотничная работа, — во всѣхъ отношеніяхъ не уступающая тѣмъ, которыя уже устроилъ Жюзеъ Пласъ, искусный инженеръ дороги, — поддерживается аркою, которая, наклонясь, вглубь въ полую колонну стоящей посреди зданія, внутрь которой стекаетъ дождевая вода. Зданіе для котловъ, по три на каждую машину, но служащихъ безразлично то той то другой, стоитъ особо отъ предъидущаго.

Обыкновенно неподвижныя машины бываютъ непрерывныя; тутъ онѣ перемежающіяся и дѣйствуютъ только по четыре съ половиною минуты въ часъ. Понятно, что эти условія чрезвычайно неудобны и не даютъ повода къ важному возраженію противъ атмосферической системы. Для пользы системы желательно, чтобы, согласно нѣбю выказанному господиномъ Араго въ палатѣ депутатовъ, около этихъ двигателей настроились желѣзные звезды, могущіе почерпнуть отъ нихъ правильно располагаемую силу. Эти неприятныя перемежки и остановки, навели на мысль о камешномъ или кирпичномъ резервуарѣ, въ которомъ, такъ сказать, приготовлялся бы запасъ пустоты посредствомъ машины, пожалуй, не очень сильной, потому что она дѣйствовала бы безпрерывно. Эта система, которой господинъ Крауль выхваляетъ неоспоримыя выгоды, и которую господинъ Андрѣ желаетъ примѣнить къ сгущенному воздуху, представлена была господиномъ Арноллі на судъ академіи наукъ. Комиссія, порученная для разбора, объявила, что нельзя было рѣшить вопросъ опытно. Какъ бы то ни было, въ Сентъ-Жерменѣ нужно, чтобы температура котла сохранялась, и потому огонь горитъ на три-четверти часа, а потомъ, помощью вентилятора, длиннаго крыломъ одной изъ малюдькихъ машинъ, производить тягу для раздутія огня. Этотъ способъ очень облегчается особенной формой котловъ, въ которыхъ поверхность огнища, въ подобіе локомотивовъ, увеличивается дымовыми трубами. Несмотря на то, расходъ топлива огромный: до четырехъ тоннъ каменнаго угля въ день, на линіи осьли верстъ. Для полноты этой цѣлы прибавимъ, что полная служба локомотивовъ дѣлаетъ

дорогъ парельсовой и севъ-жерменской, потерять все преимущество «тридцать-девять верстъ», требуетъ въ день не больше тридцати тоннъ угля. Явно, что атмосферическая система требуетъ съ одной стороны дѣятельной ѣзды, чтобы перемены не надвинулись машинъ была рѣже, а съ другой — бугровой почвой, единственнаго обстоятельства, по которому она предпочтительнѣе собственно паровой системы. Соединеніе этихъ двухъ обстоятельствъ почти невозможно.

Въ числѣ выгодъ пневматическихъ дорогъ, справедливо полагаютъ отсутствіе локомотива. Со стороны безопасности эта выгода очень важна, потому что отъ локомотива могутъ послѣдовать чрезвычайно опасные случаи. Послѣднимъ прибавить, что вѣроятности такихъ ужасныхъ катастрофъ, еще хранящихся въ памяти, уменьшаются со дня на день и почти уничтожаются при тщательномъ устройствѣ дорогъ, рачительномъ содержаніи и исправныхъ служителяхъ. Сверхъ-того, уничтоженіе локомотива позволяетъ убавить высоту мостовыхъ сводовъ, уменьшить то, что на техническомъ языкѣ называется «мертвой тяжестью», потому что эта машина и тендеръ иногда сами по себѣ составляютъ третью или даже половину тяжести поѣзда; наконецъ, уменьшить крѣпость рельсовъ, по которымъ тогда будутъ ѣздить только экипажи съ пассажирами и съ товарами. Эта послѣдняя выгода не взята во вниманіе на севъ-жерменской дорогѣ, гдѣ рельсы имѣютъ обыкновенную тяжесть, четыре-пуда на сажень пространства. На атмосферической линіи встрѣча двухъ поѣздовъ невозможна, потому что они не могутъ пускаться вдругъ по одной трубѣ. Впрочемъ, столкновеніе можетъ произойти на перекресткѣ дорогъ, но этотъ вопросъ надо оставить въ сторонѣ, также какъ и вопросъ о переходахъ на уровень, потому что онъ еще не представлялся и, слѣдовательно, не былъ разбираемъ. Говорить, будто способъ прикрѣпленія воздухогонной трубы къ направляющему вагону не допускаетъ соскакиванія съ рельсовъ. Мы очень сомнѣваемся, чтобы этотъ способъ прикрѣпленія всегда былъ совершенно надеженъ, потому что видѣли, какъ при одной оныи норменъ разлетѣлся въ дребезги, наткнувшись на препятствіе. Однако жъ очевидно, что онъ позволитъ значительно уменьшить радиусъ дугъ, употребляемыхъ нынче въ обыкновенныхъ рельсовыхъ дорогахъ, особенно если еще прибавить контр-рельсы, какъ сдѣлано на дорогѣ изъ Книгстона въ Далинъ.

Прежде чѣмъ окончить исчисленіе выгодъ пневматическихъ дорогъ, необходимо убраться, точно ли экономическіе расте-

ты говорить въ пользу этой системы. На этот счет было несколько противорѣчащихъ мнѣнй. Мнѣ, вѣкъ подъ одинакими обстоятельствами рельсовая дорога, набитая локомотивами, и дороги, по которымъ движеніе было бы механическое, заключалъ, что относительно издержекъ востроенія, послѣднія представляли бы передъ первыми экономію во сорокати-тысячъ франковъ на километръ, (осемнадцать-тысячъ рублей серебромъ на версту) и что при возкѣ пассажировъ эта экономія была бы по-крайней-мѣрѣ на двѣ пятыхъ доли. Съ другой стороны читаемъ въ трактатѣ господина Краля слѣдующее: «Если бы дорога изъ Берлина въ Потсдамъ (первая рельсовая дорога, которая построена въ Пруссіи и которой Краля былъ инженеромъ), вмѣсто устройства подъ локомотивы, была построена по атмосферической системѣ, издержки востроенія разнились бы отъ употребленныхъ на 13,000 рублей серебромъ съ версты, а ежегодные расходы содержанія на 5,000 рублей серебромъ.» Не думаемъ противорѣчить такимъ мастерамъ дѣла; хотимъ только показать, какъ въ подобномъ дѣлѣ обманчива аналогія и сколько подобные расчеты уступаютъ мѣста неизвѣстности и догадкѣ. Двѣ системы требуютъ совершенно разныхъ условий чистоты, и нѣтъ никакой выгоды заводить атмосферическую систему на дорогахъ уже сдѣланныхъ или додѣлываемыхъ. Мы скажемъ, какой элементъ приноситъ сень-жерменская дорога въ исключеніе издержекъ вѣзды; прибавимъ, что она стала вдвое протязъ локомотивныхъ дорогъ тамъ, гдѣ труба имѣетъ полтора дюйма въ діаметрѣ, и вчетверо тамъ, гдѣ труба два съ половиною дюйма въ діаметрѣ. Вся дорога въ настоящее время оцѣнивается въ 1.500,000 рублей серебромъ, то есть издержки милліономъ рублей серебромъ превышаютъ суммы, ассигнованныя казною и городомъ Сень-Жерменомъ. Кажется, мнѣніе большинства инженеровъ таково, что при нынѣшнемъ состояніи вещей, атмосферическая система непримѣнима въ финансовомъ отношеніи.

ДВАКАРННАТЪ-ТАГОРЪ И НЫНѢШНІЕ СОСТОЯНІЕ ИНДІЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОСТИ. Моральное положеніе Ост-Индіи представляется много сходства съ моральнымъ положеніемъ Китая. Индійска образованность уже двѣ тысячи лѣтъ какъ совершила свое развитіе и съ-тѣхъ-поръ въ сущности ея ничто не мѣнялось. Великій иностранцый завоеватель могъ безъ труда основать монархію въ Индостанѣ; Персы и Македоняне, мусульмане и христіане по-очередно покоряли то части Индостана, то весь его, но система

браманской образованности до сихъ поръ устанвала противъ всѣхъ помысловъ насилія и хитрости иностранныхъ завоевателей. Учрежденія браманскихъ законодателей первобытной эпохи, не смотря на всѣ притѣсненія, уцѣлѣли до самыхъ мелочей. Англичане также выдержали долгую борьбу, прежде чѣмъ сдѣлали первый проломъ въ этой крѣпости самодовольства. Имъ противились не однѣ господствующія касты: простой народъ также упорно держался старинныхъ оковъ, какъ бывають примѣры, что люди просидѣвшіе много лѣтъ въ тюрьмѣ не хотятъ разстаться съ мѣстомъ заключенія, къ которому привыкли. Мало-по-малу вліяніе европейской образованности состоялось; ежедневно повторяющееся ощущеніе безмѣрнаго превосходства Европейцевъ не могло не навести Индусовъ на раздумье. Древнее неприкосновенное браминство начало уступать разрушительнымъ, разлагающимъ стихіямъ девятнадцатаго вѣка. Молодое поколѣніе высшихъ сословій нашло необходимымъ знаніе англійскаго языка, которое повело къ знакомству съ литературою, и слѣдствіемъ былъ совершенный переворотъ въ понятіяхъ. Между-тѣмъ какъ европейскіе брамины, Воппы и Шлегели, углублялись въ Веды, молодые брамины береговъ Ганга гораздо съ большей пользою изучали Шекспира и Байрона, Гиббона и Юма. Вскорѣ проснулася потребность подѣлиться новымъ знаніемъ съ земляками; явились брошюры и книги на всѣхъ языкахъ Индостана. Первымъ и усердѣйшимъ реформаторомъ былъ Ромахунъ Рой, умершій въ Англии, въ 1831 году. Наградою его усилій были безконечныя страданія. Его каста отринула его, семейство отъ него отреклось, жена и дѣти покинули его, потому что обращеніе съ нечистымъ человѣкомъ имѣло бы потерю нравъ касты. Со стороны самыхъ Европейцевъ ему доставалось множество неудовольствій. Миссіонеры, съ досады и стыда, что ихъ величавыя рѣчи во столько лѣтъ владѣнія не находили плодной почвы въ образованныхъ Индусахъ, терзали бѣднаго Ромахуна убѣжденіями не оставиваться на полудорогѣ, а принять скорѣе христіанство. До его задуманнаго убѣжденія имъ было мало дѣла: они хлопотали только о томъ, чтобы приобрести себѣ фигуранта, который служилъ бы приманкой, тучелой для Индусовъ. Хлопоты ихъ не удалось и Ромахуну въ ихъ глазахъ дѣлался еще больше чудовищемъ, нежели въ глазахъ Индусовъ. Онъ продолжалъ идти собственной дорожкой. На совѣтъ друзей реформы было рѣшено, что онъ поѣдетъ въ Англію познакомиться съ тамошними

учебными заведеніями, чтобы рѣшить, какія улучшенія надлежало предпринять въ индѣйскихъ школахъ, какія учрежденія можно перенести съ Запада на Востокъ. На дорогѣ бранилъ умерь. Изъ всѣхъ его молодыхъ друзей ни одинъ не былъ ему такъ вѣренъ, какъ Двакарнатъ-Тагоръ.

Фамилія этого благороднаго человѣка принадлежитъ къ древнѣйшимъ и почетнѣйшимъ въ Бенгалѣ. Уже нѣсколько вѣковъ она носитъ почетное имя Тагоръ, то есть господинъ или глава, и владѣть огромными богатствами. Двакарнатъ родился въ 1795 году и черезъ четыре года по рожденіи былъ усыновленъ дядею. Сдѣлавшись самостоятельнымъ, онъ оказался владѣтелемъ громаднаго поземельнаго состоянія. Пристрастіе къ Европейцамъ обнаружилось въ немъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ и эта склонность сблизила его съ приверженцами реформы.

Просвѣтительныя усилія этихъ Индусовъ отличаются тѣмъ же практическимъ характеромъ, который свойственъ ихъ повелителямъ, Англичанамъ. Они не хотятъ начинать уничтоженіемъ многобожія. Матеріальный прогрессъ для нихъ важнѣе всего и первой пользы они ожидаютъ отъ паровоза. Въ такомъ духѣ дѣйствовалъ и Тагоръ. «Индусы, говаривалъ онъ, должны научиться у Англичанъ, какъ наживать богатство торговлею и промышленностью, потому что довольство и богатство главное условіе силы образованныхъ государствъ, также какъ отдѣльное лицо только черезъ нихъ получаетъ способы къ высшему образованію.» Съ 1813 года онъ посвятилъ себя промышленнымъ предпріятіямъ, построилъ, въ 1821 году, Силладакъ и другія факторіи и купилъ большой корабль, Resolution, который послалъ въ Южную Америку съ дорогимъ грузомъ собственныхъ произведеній. Въ 1822 году, онъ послѣдовалъ приглашенію правительства, которое тогда привлекало къ дѣламъ многихъ способныхъ Индусовъ, и принялъ видную должность въ соляномъ департаментѣ, потомъ отказался отъ нея, потому что независимое положеніе больше соответствовало его склонностямъ и планамъ. Онъ завелъ торговый домъ въ Калькуттѣ, преимущественно съ цѣлью подать примѣръ землякамъ. Его царское гостепріимство, его участіе во всѣхъ благотворительныхъ заведеніяхъ и мѣрахъ пріобрѣли ему всеобщее уваженіе. Едва ли найдется въ Индіи человѣкъ какого бы то ни было сословія и ремесла, который бы столько сдѣлалъ для прогресса и счастья своихъ собратьевъ, какъ Двакарнатъ, и въ Англии, также какъ на Гангѣ, тысячи людей всѣмъ обязаны его благодѣланіямъ. Въ доказательство мо-

живо привести примѣръ, что, въ 1838 году, онъ пожертвовалъ Калькутскому Человѣколюбивому Обществу (District Charitable Society) 10,000 фунтовъ стерлинговъ для пособій больнымъ и слѣпымъ. При медицинской коллегіи онъ учредилъ нѣсколько годичныхъ премій и часто посылалъ на свой счетъ молодыхъ Индусовъ въ Англію, учиться. Не проходило ни одной общепользующей подписки безъ его имени, противъ котораго всегда стояли самыя значительныя суммы. Гдѣ дѣло шло объ истребленіи предрасудковъ его одновѣрцевъ, онъ былъ самымъ ревностнымъ дѣйствующимъ лицомъ; съ чудовищнымъ обычаемъ сожженія вдовъ онъ боролся въ первыхъ рядахъ. Вскорѣ по смерти Ромахунъ Роя, друзья-одномысленники просили Двакарнату самого продолжать предпріятіе, стоившее жизни его другу. Онъ немедленно рѣшился, но семейныя и дѣловыя обстоятельства отерочили поѣздку до весны 1842 года. При отъѣздѣ его старовѣры кучею окружали путешественника, но ни одинъ не отважился явно возстать противъ него. Онъ ошибался, думая, что одержалъ совершенную побѣду. Едва онъ уѣхалъ, какъ объ немъ начали распускать разныя выдумки, старались опозорить его клеветами, лишить всякаго вѣсу въ глазахъ согражданъ, удалить отъ него всехъ ближнихъ, оставить его совершенно одинокимъ. Отчасти это удалось, потому что большая часть родственниковъ рѣшилась прервать всякія связи съ нимъ. Между тѣмъ Двакарната путешествовалъ въ обществѣ своего молодаго племянника, подающаго большія надежды; нѣсколькихъ отечественныхъ служителей; англійскаго врача и одного англійскаго семейства, прожившаго тридцать лѣтъ въ Калькуттѣ. Путешественники черезъ Бомбей отправились въ Египетъ, а оттуда на Мальту и въ Италію. Страна классическихъ воспоминаній не понравилась Двакарнату. «Прекрасная земля, чудесная земля, говорилъ онъ, если бѣ только въ ней было поменьше невѣждъ и нищихъ. Я не думалъ, чтобы и въ Европѣ были такіе люди. Даже изъ тѣхъ два и conte, которыхъ я тамъ встрѣчалъ дюжинами, рѣдко кто-нибудь разспрашивалъ меня о моей родинѣ, о состояніи наукъ въ Индіи, о цѣли моего путешествія. Изъ чего сдѣлана моя шляпа, по чему обонялись нѣтъ мои шали, вотъ о чемъ меня обыкновенно разспрашивали: только это находили интереснаго во мнѣ.» Германія гораздо больше колебалась ему; только вѣчные праздники да концерты большихъ городовъ не заслужили его одобренія. Онъ подробно разсказалъ свои виды и планы касательно Индіи одному мюнхенскому знакомцу, который описалъ ихъ любопытный раз-

говоръ въ газетѣ. «Пуще всего намъ нужны, говорилъ онъ, необходимо нужны публичныя школы, хорошіе учителя и особенно ученые сочиненія по естественной исторіи, географіи, математикѣ и исторіи, на новыхъ индѣйскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ. При ученomъ образованіи въ европейскомъ духѣ индуизмъ не удержится; наука—лучшее приготовленіе къ христіанству. Поучис молодой Индусъ географіи, тотчасъ падеть его божеская гора Меру въ серединѣ вселенной; тотчасъ исчезнутъ все алмазныя, золотыя и серебряныя жилища боговъ и богинь, семь острововъ и семь морей. У насъ теперь по разнымъ городамъ Индіи есть пятнадцать училищъ; мы съ пріятелями потратили на нихъ довольно денегъ, но ихъ не достаточно; намъ недостаетъ годныхъ учебниковъ, недостаетъ порядочныхъ учителей. Тутъ Европа должна помочь намъ! Когда намъ можно будетъ ежегодно посылать человекъ полтора ста молодыхъ браминновъ въ ваши университеты; когда они, образовавшись по европейски, возвратятся въ отечество и просвѣтятъ своихъ невѣжественныхъ земляковъ, тогда Индія опять сдѣлается великою и цвѣтущею, какъ была въ старину, прежде чѣмъ грубый мусульманнъ подавилъ и растопталъ ее. Старовѣры? Во всехъ важныхъ городахъ сила ихъ пала, они не могутъ помѣшать поѣздамъ молодыхъ браминновъ на Западъ, не могутъ помѣшать возрожденію Индіи. Но все Индусы обязаны несказанной благодарностью англійскому правительству. Оно смрило всю сварливую толпу магараджей и набобовъ, султановъ и эмировъ, и хранитъ миръ внутри страны; Индіи нужно такое могущественное покровительство; у насъ нѣтъ центральной державы, которая бы могла оберегать насъ отъ внутреннихъ и вѣншихъ враговъ. Правда, чиновники должны бы по большей части выбираться изъ среды насъ; мы должны бы имѣть законодательство въ своихъ рукахъ, но и то сказать, Индія приобрѣтена оружіемъ, и людей способныхъ въ англійскомъ смыслѣ еще немного. Съ-тѣхъ-поръ какъ я узналъ разныя страны европейскаго материка частію собственными глазами, частію изъ достовѣрныхъ извѣстій, я по-истинѣ считаю себя счастливымъ, что я поданный Великобританіи. У насъ неограниченная свобода квинтопечтанія; въ Индіи есть теперь до сорока туземныхъ газетъ на національныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ; во всехъ религіозныхъ дѣлахъ мы пользуемся совершенной независимостью. Вотъ недавно нѣкто, въ Бомбей, перевелъ одно сочиненіе Вольтера на гуджератскій языкъ, думая что этимъ заставитъ замолчать

миссіонеровъ тамошней области. Переводчику за это не было ни малѣйшей неприятности.»

Изъ Германіи Двакарнатъ отправился въ Англію. Громадный Лондонъ сдѣлалъ на него подавляющее впечатлѣніе. Бывали минуты, когда онъ всѣ усилія реформы считалъ бесполезными, потому что такая высота образованности казалась ему недостижимой. Въ Англіи съ нимъ обращались какъ съ владѣтельной особой. Королева подарила ему свой портретъ и портретъ своего супруга; лордъ Фицджеральдъ, президентъ контрольной палаты индѣйскихъ дѣлъ, составилъ для него особый адресъ и въ тоже время поднесъ ему отъ имени правительства золотую медаль въ признательность, за его важныя заслуги касательно распространенія европейскаго образованія въ Индіи. Другую медаль, съ символическими фигурами и почетными надписями, выбило для него собраніе директоровъ остъ-индской торговой компаніи. Двакарнатъ собрался съѣздить въ Шотландію повидаться съ знакомыми, которыхъ знавалъ въ Индіи, какъ получилъ извѣстіе, что близкій ему калькутскій банкирскій домъ угрожаемо банкротствомъ. Онъ тотчасъ послалъ туда 100,000 фунтовъ стерлинговъ, чтобы отвратить грозившую опасность. Этотъ случай сократилъ его пребываніе въ Англіи. Желая лично помогать словомъ и дѣломъ, онъ, въ ноябрѣ, отплылъ изъ Европы и посѣдѣлъ въ Калькутту. Тамъ его ожидалъ самый почетный пріемъ. Въ праздникъ годовщины ремесленнаго общества председатель ввелъ его съ особой рѣчью. «Сегодня, сказалъ онъ многочисленному собранію, мы привѣтствуемъ друга, который отважился собственной силою души разорвать цѣпи, которыми были оковы жители здѣшней земли; тутъ всякая хвала будетъ ниже истины. Онъ превозмогъ всѣ ужасы моря, которые въ глазахъ Индусовъ такъ страшны; онъ былъ на берегахъ Англіи и объѣхалъ большую часть Европы. Чествуемый государями и вельможами, какъ рѣдко чествуется иностранецъ, этотъ благородный человѣкъ среди всѣхъ почестей, окружавшихъ его, ни на мигъ не забывалъ своей родины и желаній и надеждъ, которыя она полагаетъ на него. Онъ готовъ засвидѣтельствовать множество благодѣній; которыми жители Европы обязаны свободѣ ума и распространенію полезныхъ свѣдѣній. Въ этотъ мигъ онъ заслуживаетъ тѣмъ больше почестей, что любовь къ отечеству и жертвованія на пользу отечества лишили его связей съ большей частью его родственниковъ. Представляю собранію этого человѣка въ лицѣ бабу Двакарнатъ-Тагора.» Отвѣтъ бабу весь

дышалъ тѣмъ практическимъ смысломъ, которымъ отличался всё его стремленіе, и заключалъ въ себѣ мысли, которыя европейскимъ романтикамъ покажутся окальной ересью. Онъ говорилъ: «Не картины, статуи и дворцы, которыя я видѣлъ, — часто одна суетная пышность насчетъ полезнаго и необходимаго, — возбуждали мое удивленіе, а паровыя машины, тоннели и желѣзныя дороги. Главная трудность произвести такіе предметы у насъ на родинѣ состоитъ въ религіозныхъ предрасудкахъ народа, которые надо преодолѣть. Въ Индіи человѣкъ высшаго сословія считаетъ за грѣхъ пересплести пополамъ кусокъ дерева. Какъ же такому человѣку достигнуть мастерства въ искусствѣ? Суевѣріе — важное препятствіе просвѣщенію; будемъ надѣяться, что съ теченіемъ времени эта препопа устранилась и Индостанъ снова взойдетъ на ту высоту образованности, на какой стоялъ въ древніи времена.» Друзья реформы праздновали на этомъ собраніи истинное торжество. Не только многіе Индусы говорили въ тотъ же духъ, даже одинъ магометанинъ присоединилъ къ нимъ свой голосъ. Одинъ изъ доводовъ, которые онъ привелъ въ пользу реформы, лучше длинныхъ рѣчей доказываетъ, какъ разные интересы правительства содѣйствуютъ усиліямъ образованности. «Положеніе земледѣльца должно непременно быть улучшено, сказалъ питомецъ Магомета: тогда земледѣлецъ будетъ лучше исправлять подати семвидару (землевладѣльцу) и правительству.» Двакарната натурально ободрили такіе голоса, и въ самомъ дѣлѣ ния его встрѣчается во всѣхъ улучшеніяхъ, какія съ-тѣхъ поръ были введены или приготовлены. Жители Калькутты, туземцы и Европейцы изъявили ему свою признательность рѣшивъ на публичномъ собраніи поставить ему статую въ ратушѣ. Нѣкоторые плоды своихъ усилій онъ успѣлъ видѣть совершивши: такъ, напримѣръ, трое Индусовъ, которыхъ онъ видѣлъ студентами въ Лондонѣ, выдержали съ блестящимъ успѣхомъ экзаменъ на званіе врачей. Въ этомъ отношеніи, въ распространеніи медичины, Двакарнатъ встрѣтилъ наиболѣе трудностей, потому что Индусъ глядитъ на разсѣченіе трупа съ неодолимымъ омерзѣніемъ. Въ послѣднее время Двакарнатъ вторично пріѣхалъ въ Англію и умеръ тамъ, перваго августа 1846 года, отъ болѣзни печени.

друзья. *Изъ вѣра. Исторія калифа Хакома. (Статья Жерара де-Нервала).* Я возвратился на нѣсколько дней и помѣстился въ отелѣ Батиста, въ ожиданіи случая переѣхать моремъ въ Саддамъ, древній Сидонъ. Погода сдѣлалась такая бурная, что и

одна барка не осмѣливалась пуститься въ море. Между-тѣмъ солнце садитъ и ни одно облачко не омрачаетъ неуспокоенную лазурь неба: можно было только жаловаться на вѣтеръ, подымающій тамъ и сямъ столбы пыли, но на морѣ все движется и качается, корабли сталкиваются мачтами и снастями.

Нѣтъ ничего поразительнѣе такого безпорядку посреди тишины, — такой бури въ ясную погоду: коварное море отвергаетъ оную черную бездну подъ веселымъ лучемъ солнца. Должно-быть ужасно грустно утонать, когда небо такое ясное.

За общимъ столомъ я встрѣтилъ англійскаго миссіонера, съ которымъ недавно познакомился. Онъ не менѣе меня досадовалъ на бурю, которая замедлила его путешествіе. Послѣ завтраку мы пошли вмѣстѣ глядѣть на великолѣпное зрѣлище разъяреннаго моря.

Спускаясь къ пристани, мы встрѣтили отца Плавшета, который остановился поговорить съ нами нѣсколько минутъ. Въ этой странѣ контрастовъ нѣтъ ничего удивительнѣе, какъ видѣть іезуита и англиканца, дружески разговаривающихъ между собою. Въ самомъ дѣлѣ, каковы бы ни были ихъ внутреннія и отвлеченныя борьбы, набожные эти противники безпрестанно встрѣчаются за столомъ у консуловъ и, волей не волей, прелюбезно улыбаются другъ другу. Впрочемъ, исключая вліянія, которымъ они могутъ завладѣть въ борьбѣ съ горцами, они не рискуютъ оспаривать другъ у друга обращающихся въ христіанскую вѣру. Католическіе агенты съ-давнихъ-поръ уже отказались обращать Друзовъ: они присвоиваютъ себѣ только Грековъ-раскольниковъ, которыхъ идеи имѣютъ болѣе сходства съ ихъ мнѣніями. Напротивъ того, англійскимъ миссіонерамъ помогаютъ всѣ разнообразныя оттѣнки различныхъ протестантскихъ сектъ: они находятъ необыкновенное сходство между своею вѣрою и вѣрою Друзовъ. Наконецъ, дѣло состояло въ томъ, чтобы вписать какъ-можно болѣе именъ въ книгу, заключающую въ себѣ состояніе ихъ трудовъ: они по немногу доказываютъ и успѣваютъ увѣрять несеитовъ, что въ сущности Англичане — отчасти Друзы. Это объясняетъ поговорку Друзовъ: *Ingliz, Durzi — sava-sava*. «Англичане, Друзы — одно и то же». Такимъ образомъ можетъ-быть сами миссіонеры кажутся обращающимися въ другую вѣру. Впрочемъ, когда стараются самими себѣ объяснить что такое Друзы, почтенные миссіонеры приходятъ въ порядочное замѣшательство. Въ вѣрованіяхъ Друзовъ, повидимому, много христіанскаго: они часто посѣщаютъ христіанскіе храмы и молятъ

ся въ нихъ и въ то же время также часто бываютъ въ магометавскихъ мечетяхъ, тоже не безъ участія, такъ, что Турки могутъ почитать ихъ магометанами, а Европейцы — христіанами. Религія ихъ, существующая уже осемь вѣковъ, подала поводъ къ различнымъ и противоположнымъ толкамъ, происходящимъ отъ различныхъ сектъ и переменъ, произведенныхъ временемъ. Нѣкоторые писатели видѣли въ этомъ непонятный памятникъ странности человѣческой; другіе преувеличили отношеніе, существующее между религіей Друзовъ и древними таинствами. Друзовъ по-очередно сравнивали съ пнеогорейцами, есеивцами, гностиками и, повидимому, рыцари храма Розоваго Креста и нынѣшніе францисконы заимствовали отъ нихъ много идей. Нѣтъ сомнѣнія, что писатели Крестовыхъ Походовъ часто ихъ смѣшивали съ изманильцами, которыхъ одна секта составляла то знаменитое братство или общество убійцъ, которое было ужасомъ всѣхъ владыкъ міра. Но братство убійцъ занимало Курдистанъ и ихъ шенхъ-эль-джебель, или Старецъ Горы не имѣетъ ни какого отношенія къ князю Ливанской Горы. Религія Друзовъ отличается тѣмъ, что воображаетъ, будто бы она послѣдняя изъ религій была проповѣдана въ мірѣ. Въ самомъ дѣлѣ, основатель ея явился около 1000 года, почти четыреста лѣтъ послѣ Магомета. Онъ точно также воплотился какъ индѣйскій Брами; но онъ хорошо сумѣлъ выбрать для себя оболочку и могъ жить и наслаждаться даже на землѣ, потому что онъ былъ ни богѣе ни менѣе какъ повелитель вѣрующихъ, калѣвъ Египта и Сиріи, въ-сравненіи съ которымъ всѣ остальные владыки міра ничего не значили въ славномъ 1000 году. Во время его рожденія всѣ планеты сосредоточились въ знакѣ Рака и блестящій Фаруисъ (Сатурнъ) предсѣдалъ при его рожденіи. Кромѣ-того, природа надѣлила его всѣмъ для поддержанія такой роли: лицо у него было львиное, голосъ звучный, подобный грому, и никто не могъ переносить блеску его темно-синихъ глазъ. Однако же Хакэмъ въ собственномъ своемъ народѣ нашелъ очень немногихъ послѣдователей. Напрасно онъ приказывалъ затворить мечети, церкви и синагоги; напрасно устроилъ совѣщательные дома, гдѣ ученые, которымъ онъ платилъ, доказывали его божество: народъ уважалъ государя, но не признавалъ его богомъ. Могущественный наслѣдникъ Фатимитовъ не имѣлъ такой власти надъ умами какъ пастухъ верблюдовъ, Магометъ, въ Мединѣ. Только будущность берегла для него ревностныхъ поклонниковъ: народъ хотя и очень немногочисленъ, однако жъ, какъ

иногда Евреи, почитаютъ себя хранителемъ истиннаго закона, прямого ученія. Хакэмъ долженъ скоро явиться въ новомъ образѣ и распространить и укоренить первенство своего народа, который наследуетъ славу и могущество христіанъ и мусульманъ. Эпоха, назначенная для этого друзскими книгами — та, когда христіане восторжествуютъ надъ мусульманами на всемъ Востоку. Замѣтено уже, что эпоха эта приближается.

Леди Стенгопъ, которая жила въ странѣ Друзовъ и которая не-многоу напиталась ихъ идеями, держала, — какъ всѣмъ извѣстно — у себя на дворѣ осѣдланную лошадь для Мадн, то есть для Хакэма въ новомъ образѣ, котораго она надѣялась сопровождать во время торжества его. Желаніе это не сбылось. Между-тѣмъ будущій конь Мадн, у котораго на спинѣ находится настоящее сѣдло, образовавшееся изъ складокъ кожи, существуетъ еще: онъ купленъ однимъ изъ друзскихъ шейховъ.

Имѣетъ ли право смотрѣть на все это какъ на глупости? Въ сущности вѣроисповѣданіе Друзовъ — ничто иное какъ смѣшеніе всѣхъ вѣроисповѣданій и всѣхъ предшествовавшихъ философій.

Друзы признаютъ только одного бога — Хакэма. Богъ этотъ, какъ будда Индусевъ, являлся міру во многихъ различныхъ видахъ. Онъ рождался десять разъ въ разныхъ мѣстахъ земнаго шара: сначала въ Индіи, потомъ въ Персіи, въ Іеменѣ, въ Тунисѣ и въ другихъ мѣстахъ. Въ небѣ Хакэмъ называется Альбаромъ.

Послѣ Хакэма главную роль играютъ пять богослужителей, которыхъ символически зовутъ Разумомъ, Душею, Словомъ, Предшествующимъ и Послѣдующимъ. Трехъ другихъ низшей степени богослужителей зовутъ — Приложение, Открытіе и Привидѣніе. Являясь на землю, они носятъ человѣческія имена. Такимъ образомъ первый изъ нихъ, Разумъ, на землѣ зовется Хамзою. Онъ былъ пророкомъ калифа и бога Хакэма, настоящаго основателя друзскаго вѣроисповѣданія.

Подробности эти рассказалъ мнѣ одинъ друзскій шейхъ Седъ-Эсхрази, котораго я посѣщалъ въ темницѣ у бейрутскаго паши, гдѣ онъ сидитъ за неплатежъ повинностей и за возмутительныя рѣчи къ своему народу. Седъ-Эсхрази — *аккаль*, то есть блаженный человѣкъ, ученый; онъ пользуется между своими большимъ уваженіемъ, хотя еще не старъ. Онъ же рассказалъ мнѣ исторію жизни знаменитаго Хакэма, котораго историки описали какъ бѣшеннаго и изступленнаго человѣка, полу-Нерона и полу-Эліогабала.

Я очень хорошо понималъ, что съ точки зрѣнія Друзовъ, поступки его были растолкованы совершенно въ другомъ смыслѣ.

Онъ со всею пышностью арабскаго сказочника разсказалъ мнѣ исторію Хакэма, которую я передаю почти прямо съ его словъ. На Востокъ все становится сказкою. Не думайте однако жъ, чтобъ исторія эта была продолженіемъ «Тысячи одной ночи»: она основана на самыхъ вѣрныхъ данныхъ.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ пристани Фостата, на правомъ берегу Нила, гдѣ находятся развалины древняго Каира, не далеко отъ Мокатамской Горы, которая возвышается надъ новымъ городомъ, въ началѣ одиннадцатаго христіанскаго вѣка, который относится къ четвертому вѣку мусульманской гиджры, находилась маленькая деревенька, населенная бѣльшею частью сабейцами. Изъ послѣднихъ домовъ по берегу рѣки видъ — прелестный; Нилъ обхватываетъ своими ласковыми волнами островъ Рода, который онъ какъ-будто поддерживаетъ въ рукахъ какъ вельмихъ корзину съ цвѣтами. На другомъ берегу, видѣнъ Гнаэ, а вечеромъ, когда солнце закатывается, пирамиды разрываютъ своими гигантскими трехъ-угольниками фиолетовую полосу запада. Верхушки пальмовыхъ, кедровыхъ и финиковыхъ деревъ Фараона отдѣляются темною тѣнью отъ этого свѣтлаго грунта. Стада воловъ, которыхъ точно стережетъ изъ-дали растянувшійся на полѣ сонникъ, какъ сторожевая собака, длинною веревницею спускаются къ водою и огни рыбаковъ усебаютъ золотыми звѣздами густую тѣнь береговъ.

Въ деревенькѣ сабейцевъ, откуда всего лучше можно было наслаждаться этою картиной, стоялъ океа съ своими бѣлокаменными стѣнами, подъ тѣнью огромнаго сикомора. Каждую ночь рыбаки, плывшіе въ ладьяхъ своихъ по Нилу, могли видѣть, какъ тамъ дрожалъ свѣтъ ночныхъ лампадъ.

Сквозь арки любопытный, сидя въ лодкѣ посреди рѣки, легко могъ бы разсмотрѣть внутренность океа и его посѣтителей, сидящихъ за маленькими столиками и на табуретахъ пальмоваго дерева или диванахъ, покрытыхъ коврами, и вѣрно бы удивился ихъ странному виду. За необузданными, грубыми жестами слѣдовала безсмысленная недвижимость. Бѣшеный хохотъ, безовые крики по временамъ заставили бы догадываться, что это одинъ изъ тѣхъ домовъ, гдѣ, смѣясь надъ законами, пренебрегая запрещеніями, невѣрные упираются виномъ, бузою (нивома) или гашишемъ.

Однажды вечеромъ, лодка, управляемая съ смѣлостію и увѣ-

рошдостью, происходящею отъ вѣрнаго знанія мѣстности, при-
нѣла къ террасѣ, послѣднiя ступени которой лобзали шильонiя
воды; изъ лодки выскочилъ молодой человекъ, прiятной наруж-
ности, повидимому рыбакъ, который, взойдя твердымъ и скорымъ
шагомъ на лѣтвицу, сѣлъ въ уголъ залы, на мѣсто, которое
казалось его собственнымъ. Никто не обратилъ на него вниманiя;
по всему видно было что молодой человекъ тутъ изъ своихъ.

Въ то же время, въ противоположную дверь, то есть со сто-
роны твердой земли, вошелъ человекъ, одѣтый въ черную, шер-
стяную туннику; противъ обычая, волосы его были длинны и по-
крыты *такіемъ* (бѣлою шапкою). Неожиданное его появленіе
удивило нѣкоторыхъ. Онъ сѣлъ въ уголъ, въ отдаленiи, и когда
общее оныяненіе взяло верхъ надъ всѣмъ остальнымъ, ни кто не
заботился болѣе о немъ. Хотя одежда посѣтителя доказывала
бѣдность, однако на лицѣ его не было смущенной покорности ви-
щеты. Рѣзко обозначенныя черты его напечатали строгія линiи
львиной головы. Какъ сафиръ темно-синіе глаза его дышали не-
обыкновеннымъ могуществомъ: они пугали и въ то же время
прельщали всякаго, кто глядѣлъ на нихъ.

Юсуфъ, такъ звали молодаго человека, прiѣхавшаго на лодкѣ,
съ перваго взгляду почувствовалъ въ сердцѣ тайное сочувствіе
къ незнакомцу, котораго присутствіе тотчасъ же замѣтилъ, по-
тому что человекъ въ тунникѣ въ первый разъ явился въ онегѣ.

Не вмѣшавшись еще въ оргію, онъ подошелъ къ дивану, на
который сѣлъ новый гость.

— Братъ, сказалъ Юсуфъ, ты усталъ, кажется; вѣрно ты изъ
далека? Не хочешь ли чѣмъ нибудь прохладиться?

— Да, нуть мой былъ дологъ, отвѣчалъ незнакомецъ. Я во-
шелъ въ этотъ онегъ, чтобъ отдохнуть, но мнѣ нечего здѣсь пить:
мнѣ кажется, что тутъ подаютъ только запрещенные напитки.

— Вы, мусульмане, осмѣливаетесь мочить губы только въ чи-
стой водѣ, но мы, принадлежащіе къ сектѣ сабѣйцевъ, можемъ,
не оскорбляя нашихъ заповѣй, утолить жажду благороднымъ
секомъ винограда или бѣлою, ячменною струей.

— Однако я не вижу передъ тобою ни какого оныянительнаго
напитка?

— О! я давно презираю ихъ грубое пьянство, сказалъ Юсуфъ,
дѣлая знакъ негру, который поставилъ на столѣ двѣ маленькія
хрустальныя чашки, обдѣланныя серебрянымъ филиграномъ, и
звѣчекъ, наполненный зеленоватымъ тѣстомъ, гдѣ лежала перлону-
травая лопаточка. Въ этомъ лицикѣ заключался райъ общаго

пророкомъ его поклонникамъ, и если бѣ ты не былъ такъ совѣтливъ, черевъ чаевъ не заставляя тебя переходить мостъ Альзарета, я бросилъ бы тебя въ объятія гурій, продолжалъ Юсуфъ смѣясь.

— Но, если я не ошибаюсь, тѣсто это называется гашишемъ? отвѣчалъ незнакомецъ отталкивая чашку, въ которую Юсуфъ уже положилъ частицу тѣста: а гашишъ запрещенъ.

— Все запрещено, что пріятно, сказалъ Юсуфъ, проглотивъ первую ложку.

Незнакомецъ устремилъ на него темно-синіе свои зрачки, лобъ его сморщился такими глубокими складками, что волосы на головѣ заходили: съ минуту можно было подумать, что онъ хотѣлъ броситься на безпечнаго юношу и разорвать его на клочки, но онъ удержался; выраженіе лица смягчилось; и вдругъ протянулъ руку, взявъ чашку, и сталъ медленно глотать зеленое тѣсто.

Черезъ нѣсколько минутъ, замѣтно было что гашишъ начиналъ дѣйствовать на Юсуфа и его собесѣдника; тихое, пріятное томленіе пробѣжало по всѣмъ ихъ членамъ, смутная улыбка мелькала на устахъ ихъ.

Хотя они провели вмѣстѣ не болѣе получаса, но имъ казалось, что они знаютъ другъ друга уже тысячу лѣтъ. Когда гашишъ сталъ дѣйствовать еще сильнѣе, они начали смѣяться, говорить съ необыкновенною живостію, вертѣться во все стороны, особенно чужеземецъ, который строго наблюдая все правила законовъ, въ первый разъ вкусилъ запрещенное зелье и сильно чувствовалъ его дѣйствіе. Казалось, что необыкновенное одушевленіе овладѣло имъ; рой новыхъ, непонятныхъ, странныхъ мыслей жгучимъ пламенемъ вкрался въ его душу; глаза его блистали, какъ-будто освѣщенные внутри лучами неизвѣстнаго міра; сверхъестественное величіе, достоинство, овладѣло всѣми его движеніями, потомъ видѣніе пчезло и незнакомецъ ложась на коверъ, съ нѣгою предался всѣмъ наслажденіямъ кейфа.

— Ну! товарищъ, сказалъ Юсуфъ, пользуясь этимъ переломомъ въ опьяненіи незнакомца: какъ тебѣ правится это чудное опьяняющее варенье? Будешь ли ты еще проклинать честныхъ людей, которые преспокойно здѣсь собираются, чтобъ по-своему наслаждаться счастіемъ?

— Гашишъ угодобляетъ насъ духу, отвѣчалъ медленнымъ и дрожащимъ голосомъ незнакомецъ.

— Да, вскричалъ Юсуфъ съ восторгомъ: кто пьетъ воду, тотъ знаетъ только грубую и матеріальную сторону саѣта. Опьяненіе

гашншемъ, помрачая тѣлесные глаза, просвѣща етъ душевные; умъ, вырвавшійся изъ тѣла, своего тюремщика, убѣгаетъ какъ невольникъ, котораго сторожъ уснулъ, оставивъ ключъ въ дверяхъ темницы. Онъ весело и свободно носится въ лучезарномъ свѣтѣ, въ неизмѣримомъ пространствѣ, дружески разговаривая съ встречными гениями, которые изумляютъ его внезапными и дивными открытіями. Однимъ легкимъ взмахомъ крыла онъ въ минуту, которая кажется вѣчною, облетаетъ сѣры несказаннаго счастья, — такъ ощущенія эти быстро смѣняются оди́ другими. У меня есть одно сновидѣніе, которое безпрестанно во-лывается, всегда одво и тоже и всегда разнообразно. Когда я удаляюсь въ свою лодку, шатаюсь подъ роскошью и великолѣпнѣи-емъ моихъ видѣній, закрывая глаза передъ непрерывнымъ мерца-ніемъ гіацинтовъ, алмазовъ, изумрудовъ, рубиновъ, составляю-щихъ грунтъ на которомъ гашншь разрисовываетъ свои чудныя фантази; тогда, какъ-будто на лонѣ безконечности, мнѣ является небесный образъ, краше всѣхъ поэтическихъ твореній; онъ улыбает-ся мнѣ съ умилиительною кротостію и нисходитъ съ небесъ, чтобъ бесѣдовать со мною. Ангелъ ли это или перн? не знаю. Когда я бываю въ лодкѣ, она садится возлѣ меня, и лодка превращается тотчасъ же въ жемчужную раковину и, движимая ароматнымъ дуновеніемъ, плыветъ по серебрянымъ струямъ.

— Странное и счастливое видѣніе! прошепталъ незнакомецъ качая головою.

— Это еще не все, продолжалъ Юсуфъ: однажды ночью я при-валъ не такую большую порцію гашншу, и пробудился отъ оныяненія тогда, когда лодка моя проходила мимо береговъ острова Родда. Женщина, похожая на ту, которая явилась мнѣ во снѣ, глядѣла на меня глазами, которые если и были человѣческіе, всё-таки блестяли небеснымъ свѣтомъ. Подъ откинутымъ покрываломъ я видѣлъ камзолъ усыянный драгоценными камнями, которые го-рѣли отъ лучей. Руки наши встрѣтились и я убѣдился, что это былъ не сонъ.

— Близъ острова Родда! сказалъ задумчиво про себя незнако-мецъ.

— Я не во снѣ это видѣлъ, продолжалъ Юсуфъ: гашншь раз-вернулъ только воспоминаніе, зарытое въ самой глубинѣ души моей, потому что божественный этотъ образъ былъ уже мнѣ знакомъ. Но гдѣ видѣлъ я ее? въ какомъ мірѣ встрѣтился мы? какой слу-чай свелъ насъ? Этого я не могу объяснить. Но это странное неизъяснимое столкновеніе ни сколько не удивило меня: мнѣ ка-

залось очень естественнымъ, что эта женщина, которая такъ совершенно осуществляла мой идеалъ, находилась въ моей лодкѣ, посреди Нила, какъ будто бы она вылетѣла изъ чашки одного изъ тѣхъ широкихъ цѣтковъ, которые плаваютъ по поверхности воды. Не требуя отъ нея ни какихъ объясненій, я бросился къ ногамъ ея и обратился къ ней какъ къ Перя моихъ мечтаний; я высказалъ все, что только можетъ любовь выдумать высокаго и прекраснаго; уста мои шептали слова неизмѣрнаго значенія, — выраженія, заключающія въ себѣ цѣлый міръ мыслей, — таинственныя рѣчи, въ которыхъ дрожало эхо исчезнувшихъ міровъ. Душа моя возвышалась въ прошедшемъ и будущемъ. Я былъ вполне увѣренъ что любовь эта съ начала міра запала въ мою душу. Пока я говорилъ, большіе глаза ея зажигались и метал молвіи, а прозрачныя ея руки простирались ко мнѣ превращались въ лучи свѣту. Мнѣ казалось, что я былъ окутанъ огненною свѣтлою. Потомъ я погрузился въ глубокой сонъ. Когда я очнулся отъ непреодолимаго и чуднаго усыпленія, сковавшаго мои члены, то очутился на противоположномъ берегу, въ Гизѣ, опершись спиною на пальмовое дерево, а мой негръ преспокойно сналъ у лодки, которую втащилъ на берегъ. Розовая полоса окружала горизонтъ, солнце восходило.

— Вотъ любовь, которая несколько не походитъ на земную! оказалъ незнакомецъ.

Разсказъ Юсуфа, по-видимому, нисколько не удивилъ его, потому что онъ не сдѣлалъ ни малѣйшаго возраженія.

— Я никогда никому не разсказывалъ этой невѣроятной исторіи: отчего же я вѣрнулся тебѣ, тебѣ, котораго никогда не видалъ? Это трудно объяснить. Таинственное очарованіе привлекаетъ меня къ тебѣ. Когда ты вошелъ сюда, что-то особенное заговорило въ сердцѣ: «Вотъ онъ намоинецъ!» Приходь твой умирилъ тайную, душевную бурю, которая никогда не давала мнѣ покою. Ты тотъ самый, котораго я ожидалъ, самъ того же зная. Мысли мои стремятся къ тебѣ и я вѣрно разсказалъ тебѣ все тайны моего сердца.

— Все, что ты ощущаешь, отвѣчалъ незнакомецъ, я тоже чувствую, и я разскажу тебѣ то, въ чемъ до-сихъ-поръ не смѣлъ самъ себѣ признаться. Страсть твоя невозможна, моя же чудовищна; ты любишь перя, а я... сестру! А между-тѣмъ, странно... Нося въ сердцѣ такую незаконную привязанность, я не могу чувствовать упрековъ совѣсти; напрасно я стараюсь осудить себя: тайная власть, которую я чувствую въ себѣ, разпрощаетъ

меня. Въ любви моей нѣтъ ничего земнаго. Это невольная, неизъяснимая, глубокая какъ море, обширная какъ небо привязанность, какую можетъ чувствовать только духъ. Мысль, что остра моя могла бы соединиться съ кѣмъ-нибудь, внушаетъ мнѣ ужасъ, отвращеніе; мнѣ кажется, что это было бы святотатствомъ; въ ней есть чтò то небесное, которое я вижу сквозь тѣлесное покрывало. Несмотря на ния, которымъ называется ее земля, это супруга моей божественной души, назначенная мнѣ съ самаго начала сотворенія міра. Иногда мнѣ кажется, что я хватаю черезъ вѣка и иракъ, воспоминанія нашего тайнаго союза. Происшествія, случившіяся прежде чѣмъ люди явились на землѣ, приходятъ мнѣ часто на память. Я помню, какъ я свидѣль съ сестрою подъ золотыми вѣтвями эдема и какъ намъ служили покорные духи. Соединясь съ другою женщиною, я могу обезчестить и утратить душу всего міра, живущаго во мнѣ. Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ изъ моей крови произошло безсмертное племя, настоящее божество, могущественнѣе всѣхъ боговъ, которые до сихъ поръ являлись подъ разными именами и различными видами!

Пока Юсуъ и незнакомецъ повѣряли другъ другу такіа странности, посѣтителю окала, предавались необузданнымъ словамъ, порывамъ, движеніямъ, безумному хохоту и судорожнымъ пляскамъ, но вино во немвогу испарилось, усталость овладѣла ним и собесѣдники растянулись на диванахъ.

Человѣкъ, похожій на патріарховъ древнихъ вѣковъ, борода котораго разсыпалась по длинной одеждѣ, вошелъ и остался посерединѣ залы.

— Встаньте, братья, сказалъ онъ звучнымъ голосомъ: я созерцалъ небо; время благоприятствуетъ принести блага пѣтуха въ жертву сѣнксу, въ честь Гермесу и Агаөодемону.

Сабойцы вскочили съ дивановъ и, по-видимому, намѣревались слѣдовать за своимъ жрецомъ, но незнакомецъ, услыжавъ это предложеніе, нѣсколько разъ измѣнился въ лицѣ: синій цвѣтъ глазъ его одѣлался чернымъ; ужасныя, глубокія морщины перерѣзали лицо его; изъ груди вылетѣлъ глухой ревъ, заставившій все общество обернуться къ нему съ ужасомъ, какъ-будто бы настоящій левъ очутился въ околѣ.

— Безбожники! святотатцы! иванія, пресрѣвныя твари! поклонники идоловъ! вскричалъ онъ громовымъ голосомъ.

Варыкъ такого гнѣву привелъ собраніе въ остоленіе. Движенія незнакомца дышали такою гордостью, выраженіе лица его

было такъ величаво, что ничто не смѣло отвѣчать на его оскорбленія.

Старикъ, подойди къ нему, сказалъ:

— Братъ, что находишь ты дурнаго въ томъ, что мы, следуя учрежденіямъ нашего закона, приносимъ пѣтуха въ жертву добрымъ гениямъ Гермесу и Агаодемону?

Незнакомецъ съ яростью заскрежеталъ зубами.

— Если ты не исповѣдуешь нашей вѣры, зачѣмъ же пришелъ сюда? Ты въ кого вѣруешь?

— Ни въ кого изъ вашихъ боговъ.

— Такъ ты принадлежишь къ сектѣ Паренсовъ. Вѣроятно, ты огнепоклонникъ?

— Все это ложь, сумасбродство, подлогъ! прервалъ незнакомецъ въ сильномъ негодованіи.

— Кому же ты поклоняешься?

— Онъ спрашиваетъ меня, кому я поклоняюсь!... Никому, потому что я самъ — божество!

Услыхавъ такую непонятную, сумасбродную выходку, сабейцы бросились на святотатца и растерзали бы его, если бы Юсуфъ не увлекъ его на террасу, омываемую Ниломъ, хотя незнакомецъ рвался и кричалъ какъ бѣшеный. Юсуфъ толкнулъ его въ лодку, потомъ сильнымъ ударомъ ноги отчалилъ отъ берега, пустилъ по теченію рѣки.

— Куда прикажешь вести себя?

— Туда, на островъ Родды, гдѣ дрожитъ этотъ свѣтъ, отвѣчалъ незнакомецъ, котораго гнѣвъ утихъ подъ дуновеніемъ ночнаго вѣтру.

Въ нѣсколько взмаховъ веселъ Юсуфъ достигъ берега. Незнакомецъ снялъ съ руки дорогой перстень и подавая его своему спасителю, сказалъ:

— Гдѣ бы мы ни встрѣтились, тебѣ стоитъ только показать мнѣ этотъ перстень и я все для тебя сдѣлаю.

Потомъ онъ вышелъ на берегъ и исчезъ въ рошѣ.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, калифъ Хакимъ, по своему обыкновенію, вышелъ изъ дворца и отправился на мекаттамскую обсерваторію. Онъ повременамъ выѣзжалъ наослѣ, сопровождаемый однимъ нѣмымъ невольникомъ. Всѣ привыкли къ этому и предполагали, что онъ проводитъ ночи въ созерцаніи звѣздъ, потому что всегда возвращался съ восходомъ солнца; тѣмъ мѣнѣе это удивляло его служителей, что отецъ его, Азисъ-Билахъ, и дядя Меазельдинъ, основатель Каира, поступали точно также, и были

предсказанно свидѣши въ кабадистикѣ. Но камиль Хакэмъ, рассмотрѣвъ расположеніе звѣздъ и увидавъ, что нѣтъ ни какой неожиданной опасности, которая угрожала бы ему, покинулъ свою обыкновенную одежду и надѣвалъ платье невольника, ожидавшаго его въ башнѣ. Подираемъ немного льдо, чтобъ не быть узнаннымъ, онъ ходилъ по городу и вѣшивался въ толпы народа. Такимъ образомъ онъ узнавалъ тайны, которыя впоследствии, какъ государь, обращалъ себѣ въ пользу. Переодѣвшись такимъ же образомъ, камиль вошелъ въ околъ сабейцевъ.

На этотъ разъ Хакэмъ направилъ шагъ къ площади Румели, — мѣсто въ Каирѣ, гдѣ народъ наиболѣе толпится: иные собирались въ лавкахъ, другіе подъ деревьями, чтобъ слушать или рассказывать сказки и поэмы, угощая другъ друга подслащеннымъ питьемъ, лимонадомъ и засахаренными фруктами. Въ одномъ мѣстѣ показывали звѣрей, въ другомъ шуты и фокусники привлекали къ себѣ любопытную толпу, которой хотѣлось повеселиться, развѣяться послѣ дневнаго труда. Но въ этотъ вечеръ все измѣнилось: народъ приходилъ на взволнованное море. Мрачные голоса покрывали тамъ и слыъ ропотъ и шумъ, и горькія рѣчи слышались со всѣхъ сторонъ. Камиль остановился и услышалъ одно только восклицаніе: «Народные хлѣбные амбары пусты!»

Въ самомъ дѣлѣ, съ нѣкотораго времени ужасный голодъ свирѣпствовалъ въ Каирѣ. Надежда, что привезутъ скоро рожь изъ верхняго Египта, на минуту успокоила народъ: каждый берегъ какъ только могъ свои средства. Въ этотъ день еще пришелъ сирійскій караванъ, очень многолюдный, и было почти невозможно найти съѣстныхъ припасовъ. Толпа, подстрекаемая чужеземцами, бросилась на амбары древняго Каира, — послѣднее средство во время большихъ голодовъ. Десятая часть жатвъ помѣщается тамъ въ огромныхъ оградахъ, построенныхъ во времена Амуру. По приказанію побѣдителя Египта, амбары эти остались безъ крышъ, чтобъ птицы небесныя могли пользоваться своею частью. Никто не нарушалъ съ-тѣхъ-поръ такого великодушнаго распоряженія, тѣмъ болѣе, что оно было неубыточно и, казалось, приносило городу счастье. Но въ этотъ день, когда разъяренный народъ требовалъ, чтобъ ему выдали хлѣба, зрители магазина отвѣчали, что станъ птицъ налетѣлъ и все истребилъ. Услыхавъ такой отвѣтъ, народъ думалъ, что ему угрожаютъ еще большія бѣдствія, и отчаяніе имъ овладѣло.

— Какъ! думалъ Хакэмъ: и я ничего объ этомъ не зналъ?

Возможно ли, чтобы случилось такое чудо? Я бы не захотел
увидѣть предзнаменованіе!

Тутъ къ Хакэмъ подошла старикъ въ сирійской одеждѣ и
сказалъ :

— Государь! зачѣмъ ты не даешь мнѣ хлѣба?

Хакэмъ съ удивленіемъ поднялъ голову, устранилъ на старикъ
свои львиный зоръ и ему показалось, что несмотря на сирій-
скій парадъ, старикъ узналъ его.

Человѣкъ этотъ былъ слѣпъ.

— Не съ ума ли ты сошелъ! сказалъ Хакэмъ: обращайся
съ такими рѣчами къ человѣку, котораго не видишь, развѣ толь-
ко слышишь шаги его!

— Въ сравненіи съ Богомъ всѣ люди слѣпы! сказалъ старикъ.

— Поэтому ты обращаешься къ Богу?

— Къ тебѣ, государь.

Хакэмъ задумался и мысли его снова занеслись, какъ-будто
онъ вкусилъ гашенишу.

— Снаси ихъ, говорилъ старикъ: потому что въ тебѣ одномъ
содержится могущество, жизнь, воля....

— Развѣ ты думаешь, что я тотчасъ же могу создать хлѣбъ?
отвѣчалъ Хакэмъ.

— Солнце не можетъ сіять сквозь облако: оно медленно раз-
гоняетъ его. Облако, помрачающее тебя въ эту минуту, есть тѣ-
ло, въ которое ты соблаговолилъ низойти и которое можетъ
дѣйствовать только человѣческими силами.

— По всему вижу, сказалъ каишъ, стараюсь винить разсуд-
ку, что ты нищій. Несмотря на мою одежду, ты узналъ меня;
по лести твоя неразборчива, груба.... Вотъ золото: возьми его и
оставь меня!

— Я не знаю, кто ты таковъ, потому что вижу только душев-
ными глазами. Что же касается до золота, то я самъ умѣю его
дѣлать, если мнѣ понадобится, потому что я свѣдущъ въ алхи-
мию. Хлѣбъ дорогъ, но въ знаменитомъ городѣ Каирѣ можно все
достать, были бы только деньги.

«Вѣрно какой-нибудь колдунъ!» подумалъ Хакэмъ.

Между-тѣмъ толпа подбирала разсыпанные по землѣ сирійскіе
старикомъ пехины и бросалась въ ближайшую пекарню. Въ этотъ
день на золотой пехинѣ можно было купить только одну оку (три
фунта) хлѣба.

— А! теперь, я понимаю! сказалъ Хакэмъ. Старикъ этотъ при-
шелъ изъ страны премудрости. Онъ узналъ меня и говоритъ со

идеи-мистерии. Кальеъ — образъ Бога, или Бога а домини-
 карать!

Онъ пошелъ въ крѣпость, гдѣ ждалъ начальника стражи Абу-
 Аруса, который зналъ всё его похождение. Хакимъ приказалъ
 офицеру и палачу слѣдовать за собою. Онъ какъ большая чести-
 вѣточникъ государей, любилъ скорое правосудіе. Потому по-
 шедъ изъ въ дому булочника, который продавалъ хлѣбъ и
 гѣвъ золота, сказалъ начальнику стражи:

— Это воръ.

— Такъ его слѣдуетъ привездти за-ухо къ стѣнѣ его до-
 ма? сказалъ офицеръ.

— Да! отрубивъ однако голову! сказалъ кальеъ.

Народъ, который не ожидалъ такого враздника, радостно окру-
 жилъ булочную, между-тѣмъ какъ булочникъ напрасно плакалъ
 своей невинности. Кальеъ, завернутый въ черный махлакъ, ко-
 торый онъ взялъ въ крѣпости, повидимому, испещралъ деки-
 ность вѣстаго кадіа.

Булочникъ, протянувъ шею, стоялъ на козлыкъ и поручалъ
 душу свою ангеламъ, Муниру и Некиру. Въ эту минуту молодой
 человекъ, продравшись сквозь толпу, бросился къ Хакиму, по-
 казалъ ему перстень. Это былъ Юсуфъ, сабеецъ.

— Прости этого человека! вскричалъ онъ.

Хакимъ вспомнилъ обѣщаніе и узналъ своего друга съ бере-
 говъ Нила. Онъ сдѣлалъ знакъ, — палачъ удалился отъ булоч-
 ника, который съ радостью вскочилъ.

Хакимъ, улымаясь ропотъ обманутаго народа, сказалъ что-то
 на-ухо начальнику стражи, который воскликнулъ громко:

— Какъ отлагается до завтра, въ такой же часъ, если вы
 булочники не стануть отпускать по десяти оковъ хлѣба за одинъ
 центъ.

— Я очень хорошо тогда понялъ, сказалъ Юсуфъ Хакиму,
 что ты судья, потому что такъ сильно негодовалъ на гѣвъ и
 шельмъ запрещенные монетки, но перстень этотъ дастъ мнѣ пра-
 во, которыми я иногда буду пользоваться.

— Ты правду говоришь, милый братъ, отвѣчалъ кальеъ, обни-
 мая Юсуфа. Вечеръ мой конченъ. Теперь найдемъ повеселѣнамъ
 немножко въ околѣ сабейцевъ, да побѣдимъ ганишу.

Войдя въ домъ, Юсуфъ отвелъ всторону хозяина окола и про-
 силъ извинить друга за его непримчивое поведеніе нѣсколько дней
 тому назадъ.

— Каждый во время объясненія, сказалъ онъ, выѣдетъ какунъ

сидя въ глубинѣ отдаленной комнаты, на трудѣ испрала. Услы-
хавъ шумъ Хакэмовецъ шаговъ потрясенная владычица встала
и пошла къ дверямъ. Величественной ея станъ выказался тогда
во всей красотѣ, потому что сестра Калнеа была краше всѣхъ
царицъ въ мірѣ: черныя бархатныя брови рисовались необычно-
важно правильными полукруглими надъ глазами; заставляющими
опускать взоръ, какъ-будто бы глядя на солнце; тонкій и
слегка сгербленный носъ доказывалъ царственный родъ ея, а въ
золотистой блѣдности свѣжій пурпурный ротикъ ея блисталъ какъ
неполноценная перлами граната; щеки слегка были покрыты двумя
маленькими облачками румянца.

Увидѣвъ брата, Сетальмулка восприняла отъ удивленія, которое
происходило болѣе отъ страннаго выраженія лица князя чѣмъ
отъ его необдуманнаго воступа. И въ самомъ дѣлѣ, казалось,
не земная жизнь одушевляла его. Блѣдный цвѣтъ лица отра-
жалъ свѣтъ другаго міра; наружность была калнеова, но осѣ-
щенная другимъ духомъ, другою душою. Движенія его походило
на движенія призрака и онъ казался собственною своею тѣнью.
Скорѣе движимый сверхъестественною волею чѣмъ человѣческими
мыслями, онъ приблизился къ Сетальмулкѣ и охватилъ ее такимъ
глубокимъ, упорнымъ, пронизательнымъ взглядомъ, что царица
вздрагнула и сложила руки на груди, какъ-будто бы невидимая
рука разорвала ея одежду.

— Сетальмулка, сказалъ Хакэмъ, я хотѣлъ видѣть тебя за-
мужъ и долго объ этомъ думалъ, но нѣтъ человѣка достойнаго
тебя. Божественная кровь твоя не должна переносить смѣшенія.
Надо передать будущности въ цѣлости сокровища, избранныя
намъ прошедшимъ. Я, Хакэмъ, владыка неба и земли, буду тво-
имъ супругомъ: свадьба будетъ черезъ три дня. Такова моя свя-
щенная воля.

Услыхавъ это неожиданное объявленіе, царица почувствовала
такое содроганіе, что отвѣтъ умеръ на губахъ ея. Хакэмъ
высказалъ свою волю такъ твердо, повелительно, что Сеталь-
мулка чувствовала что будетъ бесполезно и невозможно возра-
жать. Хакэмъ вышелъ, не дождавшись отвѣта сестры. Въ это
время дѣйствіе гнища достигло самаго сильнаго пароксизма.
Хакэмъ вошелъ къ себѣ въ комнату, усталъ на подушки какъ
безжизненная масса и заслулъ крѣпкими сномъ.

Только-что братъ ушелъ, царица послала за великимъ вно-
решъ Арджеваломъ, и рассказала все, что случилось. Арджевалъ
былъ правителемъ имперіи во время первой молодости Хакэма,

присоединенного единства соединялись, и страсти, которые
могут остаться во руках эти и сама привитая свобода его
национальнѣе государствъ, а Хаману отдавали одинъ только поводъ.

Можно предвидѣть, что пришло изъ души Арджевала послѣ
того какъ Сетальмука разсказала ему о немомъ несчастіи ка-
мнеа. Но кто бы могъ предвидѣть въ тайны этой непрозраче-
лой души? Неужели и размышленія возмущили лице и выра-
женіе строгій взоръ его? рѣшимость и вѣра начертала на ли-
цѣхъ чела его страшный знакъ роковой судьбы? Блѣдность
опослѣдовавшей маски, у которой омертвѣли только одинъ бровь,
развѣщала, можетъ-быть, только то, что онъ родился на восточныхъ
длинныхъ Магребѣ? Уваженіе, внушаемое имъ капрскому народу,
любвіе которое онъ имѣлъ на богатыхъ и сильныхъ, было ли
благодарностью мудрости и справедливости, принесенныхъ въ де-
ржаву управленію государствомъ?

Какъ бы то ни было, но воспевавшая имъ Сетальмука уважала
его какъ покойнаго отца своего. Арджевалъ, раздѣляя негодо-
ваніе султанши, сказалъ только: Увы! какое несчастіе для на-
шей! Владыка правотѣрныхъ лишился разсудка! Мало намъ го-
лода, небо посылаетъ еще другую напасть. Надо учредить все-
народныя полебствія; нашъ властелинъ съ ума сошелъ.

— Избави Боже! воскричала Сетальмука.

— Когда владыка правотѣрныхъ проснется, прибавилъ възвръ,
зачѣмъ это пройдетъ и онъ будетъ въ состояніи присутствовать
въ совѣтѣ.

Арджевалъ всталъ съ восходомъ солнца и ожидая пробужде-
нія камнеа. Канцль проснулся однако очень поздно. Вездѣ
прислуживать ему невольники объявили, что зала дивана даже
уже невозможна учеными, законниками и кадіями. Когда на-
конецъ вошелъ въ залу, всё по обыкновенію пали лица, и ка-
дѣрь, подымаясь, любопытнымъ взоромъ сталъ всматриваться въ
лицо своего государя. Движеніе это однако не ускользнуло отъ
камнеа. Ему показалось, что на устахъ его министра мелькаетъ
модерная улыбка: холодная иронія дышала во всёхъ чертахъ
его. Съ нѣкотораго времени камнеъ замѣтилъ уже, что данъ
значительную большую власть подданнымъ, и крайне жалѣлъ объ
этомъ. Желая действовать по своей собственной волѣ, онъ часто
удивлялся, когда встрѣчалъ сопротивленіе усмоукъ и кадіей,
которыя всё были отданы Арджевалу. Вотъ причина, почему
Хаманъ, желая отдѣлаться отъ такой оспы и видѣть собствен-

всѣмъ глазами состояніе государства, рѣшился скрываться подъ тулупъ плащомъ и бродить по ночамъ по городу.

Калифъ, видя что тутъ занимались только молкими дѣлами, оставилъ пренія и громкимъ голосомъ сказалъ:

— Поговоримъ сперва о голодѣ. Я сегодня далъ себѣ слово, что велю отрубить головы всѣмъ булочникамъ.

Одинъ старикъ всталъ со скамьи, гдѣ сидѣли улемы, и сказалъ:

— Владыка правоверныхъ, развѣ вчера, ночью, ты не помиловалъ одного изъ нихъ?

Голосъ этотъ былъ знакомъ калифу, который отвѣчалъ:

— Это правда, но я помиловалъ съ условіемъ, чтобъ за одинъ цехикъ продавали по десяти оковъ хлѣба.

— Подумай, государь, сказалъ старикъ, что несчастные эти покупаютъ муку по десяти цехиновъ за адебу (мѣра). Накажи скорѣе тѣхъ, которые продаютъ мѣру муку по этой цѣнѣ.

— Кто они таковы?

— Самы улемы, въ домахъ которыхъ лежатъ цѣлыя груды муки.

Ужасъ напалъ на членовъ совѣта и присутствующихъ.

Калифъ, закрывъ лицо руками, помолчалъ нѣсколько времени. Възбѣшенный Арджевалъ хотѣлъ отвѣчать на обвиненія старика улема, но громовый голосъ Хакэма раздался въ собраніи:

— Сегодня вечеромъ, сказалъ онъ, во время молитвы, я выйду изъ дворца, сяду въ лодку и объѣду рукавъ Нила, на берегу котораго меня будетъ ожидать начальникъ стражи съ палачемъ своимъ; я поѣду по лѣвому берегу Калиша (канала), и въѣду въ Канръ воротами Бадъ-эль-Талъ, а оттуда въ Рашидовскую мечеть. На пути моемъ я буду останавливаться у каждаго дома улема, и спрашивать есть ли тамъ хлѣбъ, и въ которомъ домѣ не найдется его, я прикажу вѣшать или рубить голову владѣтелю дома.

Послѣ этого, визирь Арджевалъ не смѣлъ въ совѣтѣ возвысить голоса, но когда калифъ ушелъ на свою половину, онъ бросился за нимъ и сказалъ:

— Государь, этого не должно быть!

— Удались! сказалъ гнѣвно Хакэмъ. Помнишь ли, когда я былъ ребенкомъ, ты шути называлъ меня ящерицей.... Теперь ящерица стала дракономъ.

Вечеромъ того дня, когда настала часъ молитвы, Хакэмъ вошелъ черезъ солдатскій кварталъ въ городъ, сопровождаемый только начальникомъ стражи и палачемъ: онъ замѣтилъ, что всѣ уле-

цы, черезъ которыя ему слѣдовало проходить, были ярво освѣщены. Простолюдины держали въ рукахъ восковыя свѣчи, чтобы освѣщать путь своему государю, и особенно толпились около домовъ чиновныхъ особъ, попавшихъ подъ судъ. Калифъ входилъ всюду и вездѣ находилъ огромные запасы хлѣба, которые тотчасъ приказывалъ раздавать народу и записывать имена владѣльцевъ домовъ. По обѣщанію моему, говорилъ онъ, голова ваша спасена, но не осмѣливайтесь впередъ забирать весь хлѣбъ, чтобы жить въ изобиліи посреди общей нищеты, или перепродавать его на вѣсь золота и въ нѣсколько дней завладѣвать всѣмъ имуществомъ народа.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ нѣкоторые дома, онъ послалъ освидѣтельствовать остальные и отправился въ мечеть Рашида, чтобы помолиться, потому что это было въ пятницу. Но войдя онъ остановился отъ удивленія: амвонъ былъ занятъ и калифъ былъ встрѣченъ словами: «Да прославится имя Хакэма какъ на землѣ такъ и на небесахъ! Вѣчная хвала божественному!». Какъ ни восхищенъ былъ народъ дѣйствіями калифа, однако такая неожиданная молитва должна была привести правовѣрныхъ въ негодованіе. Многие уже бросились къ амвону, чтобы сбросить съ нее святотатца, но онъ всталъ и сошелъ величественно, заставляя осаждающихъ отступать на каждомъ шагѣ и прошелъ посреди удивленной толпы, которая, увидавъ его ближе, кричала: «Это слѣпой! на немъ рука Господня!». Хакэмъ узналъ старика съ площади Румели, и, какъ въ состоявіи бдѣнія неожиданное столкновеніе соединяетъ иногда нѣкоторыя матеріальныя событія съ происшествіями до-тѣхъ-поръ забытаго сна, Хакэмъ позналъ смѣшеніе двойнаго существованія своего, — жизни тѣла и жизни восторженныхъ мечтаній. Однако разсудокъ его боролся еще съ этимъ новымъ впечатлѣніемъ, такъ, что не останавливаясь долге въ мечети, онъ вскочилъ на лошадь и поѣхалъ во дворецъ.

Калифъ велѣлъ позвать визиря Арджевала, но его нигдѣ не могли найти. Когда настала уже часъ итти въ Мокатамъ для созерцанія звѣздъ, калифъ отправился въ башню обсерваторіи. Сатурнъ, планета Хакэма, былъ блѣденъ и туманенъ, а Марсъ, отъ котораго происходитъ названіе города Каира, горѣлъ кровавымъ блескомъ, возвѣщающимъ войну и бѣдствія. Хакэмъ сошелъ въ первый этажъ башни, гдѣ находился кабалистическій столъ, устроенный его дѣдомъ Моэдзельдиномъ. По срединѣ круга, около котораго были по-халдейски написаны на-

знамя всѣхъ странъ земли, находилась бронзовая статуя рыцаря, вооруженнаго мечемъ, который онъ обязательно держалъ прямо, но когда непріятель шелъ на Египетъ, рыцарь опускалъ мечъ и обращался къ той странѣ откуда грозилъ опасность. Хакэмъ увидалъ, что рыцарь обратился къ Аравіи: «Омечь это племя Абасидовъ! вскричалъ онъ: погибшіе сыны Омара, которыхъ мы раздавили въ ихъ столицѣ Багдадѣ! Но мнѣ нѣтъ теперь дѣла до этихъ невѣрныхъ: у меня въ рукахъ громовыя стрѣлы!

Размысливъ хорошенько, онъ чувствовалъ однако, что остался точно такимъ человѣкомъ, какъ былъ прежде: опьяненіе не обманывало его болѣе.

— Пойдемъ, посоветуемся съ восторгомъ, сказалъ Хакэмъ и снова пошелъ вкусить чудной пищи.

Вѣрный Юсуфъ былъ уже тамъ. Онъ глядѣлъ разсѣянно на темныя воды Нила, которыя ужасно высохли и убывли, что было вѣрнымъ признакомъ засухи и голода. Братъ, о чемъ ты мечтаешь? не о любви ли? спросилъ Хакэмъ. Назови мнѣ твою возлюбленную и, клянусь честью, она будетъ твоею.

— Ахъ! я и самъ не знаю, сказалъ Юсуфъ: съ тѣхъ-поръ какъ дуновение хамзина сдѣлало ночи удушавыими, я не встречаю болѣе на нильскихъ водахъ ея золоченной ладьи. Еслибъ даже я увидалъ ее, осмѣлюсь ли спросить, кто она такая? Иногда мнѣ кажется, что все это одинъ только сонъ, упоеніе кеарнаго этого растенія, которое, можетъ-быть, помрачаетъ мой разумъ.... такъ, что я уже не могу болѣе отличить мечты отъ истины.

— Неужели? сказалъ Хакэмъ съ безпокойствомъ. Потому, какъ будто колеблясь, онъ сказалъ товарищу:—Всѣ-равно! забудемъ еще сегодня.

Странно! Погрузившись однажды въ опьяненіе, друзья нѣкоторымъ образомъ сообщили другъ другу свои мысли и впечатлѣнія, которыя были во всемъ сходны. Юсуфъ часто воображалъ, что товарищъ его, улетая въ небеса и отталкивая ногою землю недостойную его славы, протягивалъ ему руку и уносилъ въ пространство сквозь мерцающіе міры и атмосферы, поблѣвншія отъ млечнаго пути. Вскорѣ Сатурнъ, блѣдный, но увѣчанный, возрасталъ и приближался, окруженный семью лунами, которыя уносили быстрое его движеніе, и тогда кто же можетъ сказать, что происходило послѣ ихъ появленія въ этомъ дивномъ отечествѣ ихъ сповиданій? Человѣчскій языкъ можетъ выра-

зтѣ только помятыя намъ ощущенія. Когда друзья разговаривали во время этихъ высредненныхъ мечтаній, то уже не называли другъ друга земными именами. Во время этой восторженности, дошедшей до того, что тѣло ихъ казалось безжизненною маскою, вдругъ Хакэмъ сталъ метаться во всѣ стороны и кричать:

— Эблись! Эблись!

Въ то же время городская стража проламывала двери окая, а приведшій ихъ туда визирь Арджевалъ приказывалъ окружить залу и схватить всѣхъ невѣрныхъ, нарушителей предписанія калифа, который запрещаетъ употребленіе крѣпкихъ напитковъ, особенно гашива.

— Демонъ! вскричалъ калифъ приходя въ себя: я посылаю за тобою, чтобъ отрубить тебѣ голову! Я знаю, что раздавая твоимъ приверженцамъ запасы казеннаго хлѣба, ты былъ причиною голода! На колѣни передъ владыкою правовѣрныхъ! Сперва ты долженъ отвѣчать, а потомъ умереть! Арджевалъ нахмурилъ брови и съ холодною улыбкою отвѣчалъ:

— Заключите въ Мористанъ этого помѣшаннаго, который оскорбляетъ себя калифомъ!

Юсуфъ былъ уже въ лодкѣ. Онъ предвидѣлъ, что не можетъ спасти друга.

Мористанъ, который приныкаетъ теперь къ мечети Калауна, служилъ тогда тюрьмою, отъ которой была отдѣлена только очень небольшая часть для умалшечныхъ. Уваженіе восточныхъ къ помѣшаннымъ не доходитъ однако до того чтобъ оставлять на ихъ свободѣ, если они могли вредить другимъ. Проснувшись на другой день въ темной каморкѣ, Хакэмъ очень хорошо понималъ, что ничего не выиграетъ, если будетъ выходить изъ себя и называться калифомъ въ одесждѣ простолюдина. Ктому же, тутъ находилось уже пять калифовъ и недостаточное количество боговъ. Это названіе тоже было не слишкомъ то выгодно. Хакэмъ слишкомъ увѣрился, что божество его, закованное въ слабое тѣло, оставляло его, какъ большую часть индейскихъ боговъ и другихъ высшихъ существъ, на жертву всей человѣческой злобѣ и матеріальнымъ законамъ силы. Онъ даже вспомнилъ, что положеніе, въ которое онъ себя поставилъ, не было ему ново. «Особенно, думалъ онъ, надо стараться избѣгнуть наказаній.» Это было не легко, потому что тогда плеть была всюду употребительнымъ средствомъ про-

твѣ, невозможности воспринять. Явился врачъ, сопровождаемый другимъ докторомъ, но видимо иностранцемъ.

Хакэмъ былъ такъ остороженъ, что увидѣвъ докторъ, не изъяснилъ ни малѣйшаго удивленія, только отвѣчалъ очень просто, что дѣйствіе гашниша произвело на него мнудрое затмѣніе, но что теперь онъ чувствуетъ себя, какъ и всегда. Докторъ совѣтовался съ своимъ товарищемъ и говорилъ съ нимъ съ большимъ уваженіемъ. Этотъ подлѣдникъ, покачавъ головою, сказалъ что, съумасшедшіе по временамъ приходятъ въ себя и часто бываютъ такъ хитры, что прикидываются въ полномъ разсудкѣ; чтобъ ихъ только вывели на свободу. Однако онъ не видѣлъ затрудненія, чтобъ Хакэму позволили прогуливаться по двору.

— Развѣ вы тоже докторъ? спросилъ кадеъ иностранца.

— Это обладатель науки! вскричалъ докторъ умалшенныхъ: это великій Ибъ-Сидъ, который прѣхалъ недавно изъ Сиріи, удостоенъ Маристанъ своимъ посѣщеніемъ.

Знаменитое имя Авиценны, ученаго доктора, уважаемаго властелина человѣческой жизни и здоровья, и котораго необразованный народъ считалъ тоже за волшебника, способнаго на величайшія чудеса, сдѣлалъ глубокое впечатлѣніе на кадеа. Благодарное покинуло Хакэма: онъ вскричалъ:

— О, ты, который видишь меня здѣсь, въ такомъ положеніи, узнай меня! Я кадеъ Хакэмъ, я — божество! Если ты преданъ мнѣ, то объяви и выведи меня отсюда; если же не зѣршишь словамъ моимъ, будь проклятъ!

Авиценна не отвѣчалъ, только покачалъ головою.

— Видите! сказалъ врачъ умалшенныхъ: онъ ужъ опять сталъ заговариваться. Къ счастью, мечты его не могутъ никому вредить, отвѣчалъ Авиценна: я всегда говорилъ, что растеніе, изъ котораго дѣлаютъ гашнишъ, то самое которое по словамъ Ипсифрата, сообщало зѣрямъ какое-то бѣшенство и заставляло ихъ бросаться въ море. Гашнишъ былъ уже извѣстенъ во время Соломона.

Хакэмъ не могъ дослушать конца разговора, потому что доктора удалилось въ другое отдѣленіе. Онъ остался одинъ съ грустными впечатлѣніями, съ трудомъ собирая разстроенныя свои мысли, сомнѣваясь, что онъ божество, сомнѣваясь даже что онъ кадеъ. Пользуясь позволеніемъ, онъ подошелъ къ несчастнымъ товарищамъ заключенія и, прислушиваясь къ ихъ пѣснямъ и разговорамъ, замѣтилъ нѣкоторыя странныя мысли.

Одинъ изъ помѣшанныхъ собралъ нѣсколько стеклянныхъ че-

репковъ и, составивъ изъ нихъ что-то въ родѣ вѣнца, надѣлъ на голову и говорилъ:

— Я, Каймацесалъ (начальникъ вѣка), и объявляю вамъ, что время пришло.

— Лжешь! говорилъ другой. Ты вѣдь не настоящій начальникъ: ты приходишь отъ рода дивовъ и стараешься обмануть насъ.

— Ну, такъ кто жь я таковъ, по твоему мнѣнію? говорилъ первый.

— Ты не кто иной какъ Тамуратъ, послѣдній царь возмущенныхъ геніевъ! Развѣ ты забылъ того, кто побѣдилъ тебя на островѣ Серендибъ? вѣдь это былъ Адамъ, то есть я самъ. Твой щитъ и мечъ, въ воспоминаніе торжества моего, до-сихъ-поръ висятъ еще надъ моею гробницею*.

— Его гробницею! вскричалъ другой помирая со смѣху: ни кто даже не знаетъ ея мѣста, потому что никогда не можешь отыскать ея. Не совѣтую тебѣ говорить объ этомъ.

— Я имѣю право говорить о гробницахъ: я шесть разъ уже жилъ между людьми и шесть разъ умиралъ, какъ мнѣ должно было: мнѣ построили великолѣпные памятники, а твоего, я думаю, не найдешь: это было бы довольно трудно, потому что вы, дивы, живете только въ мертвыхъ тѣлахъ.

Послѣ этихъ словъ громкій смѣхъ раздался въ собраніи, всѣ стали трунуть надъ несчастнымъ царемъ дивовъ, съ котораго мнимый Адамъ однимъ взмахомъ руки сорвалъ вѣнецъ. Възбешенный начальникъ вѣка вскочилъ съ своего мѣста, другой помѣшанный бросился на него и борьба двухъ противниковъ послѣ почти тысячи лѣтъ (по ихъ счисленію), снова бы возгорѣлась, если бь одинъ изъ сторожей не рожьялъ ихъ плетью.

Что заставляло Хакэма слушать эти бессмысленные разговоры съ такимъ особеннымъ вниманіемъ? Онъ даже вызывалъ на это нѣкоторыми знаками и словами. Обладая однимъ разумомъ посреди всѣхъ этихъ отуманенныхъ головъ, онъ погружался въ міръ воспоминаній.

Величественная осанка Хакэма произвела на сумасшедшихъ странное впечатлѣніе: они по видимому уважали его и никто не осмѣлился поднять на него глазъ; между-тѣмъ что-то особенное

* Преданія Арабовъ и Персовъ говорятъ, что прежде Адама земля была населена такъ-называемыми *доадамцами*, *preadamites*, послѣдній царь которыхъ былъ покоренъ Адамомъ.

всегда къ нему этихъ несчастныхъ, какъ нѣкоторыя растенія, въ послѣдніе часы ночи, обращаются къ отсутствующему еще свѣтлу. По временамъ, Хакэмъ начиналъ сомнѣваться въ самомъ себѣ. Всего болѣе его поражало, что божество его впервые явилось въ восторгѣ отъ гашину.

По обычаю царствующихъ особъ, которыя помогали и утѣшали заключенныхъ, Сетальмулка посѣтила однажды Мористанъ. Осмотрѣвъ отдѣленіе преступниковъ, она захотѣла тоже видѣть половину умалишенныхъ. Султанша была подъ покрываломъ; но Хакэмъ узналъ ее по голосу и не могъ удержаться отъ бѣшенства, увидавъ подлѣ нея визиря Арджевала, который преспокойно улыбался показывая ей заведеніе. Такая мысль могла прійти въ голову только злобному духу.

— Вотъ, говорилъ онъ, несчастные, покннутые разумомъ. Одинъ называетъ себя ловелителемъ гевіевъ, другой воображаетъ, что онъ Адамъ. Но самый честолюбивый — вотъ этотъ, который поражаетъ своимъ сходствомъ съ калифомъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, это странно! сказала Сетальмулка.

— Сходство это было единственною причиною его несчастія. Слушая безпрерывно, что онъ живое изображеніе калифа, несчастный воображалъ, что онъ и въ самомъ дѣлѣ калифъ, и не довольствуясь этимъ савомъ, онъ захотѣлъ быть божествомъ. Онъ не кто иной какъ презрѣнный престолюдицъ, погубившій свои умственные способности излишнимъ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ.... Любопытно было бы слышать, что онъ скажетъ въ присутствіи самого калифа....

— Подлецъ! вскричалъ Хакэмъ, такъ ты создалъ подложнаго калифа, который походить на меня и занимаетъ мое мѣсто?

Онъ вдругъ остановился, вспомня что подвергаетъ себя, можетъ-быть, новымъ опасностямъ. Къ счастью, говоръ и шумъ заключенныхъ заглушили слова его. Всѣ эти несчастные осыпали проклятіями Арджевала, особенно царь дивовъ вызывалъ его на ужасный бой.

— Подожди немножко! кричалъ онъ велѣдъ визирю: дай мнѣ олько умереть, мы тогда скоро встрѣтимся!

Арджевалъ пожавъ плечами вышелъ съ султаншею.

Хакэмъ не хотѣлъ просить сестру. Размысливъ хорошенько, онъ ясно увидѣлъ, что или его въ самомъ дѣлѣ не хотѣли узнать въ пользу какого-нибудь самозванца, или султанша и визирь, чтобъ онъ болѣе не называлъ себя богомъ, сговорились проучить его, оставивъ на нѣсколько дней въ Мористанъ. Распустивъ слухъ,

что онъ сумасшедшій, не хотѣли ли они ~~использовать~~ ~~завладѣть~~ правленіемъ и держать его въ оцепѣ? Ничъ сомнѣнія, что тутъ красилось что-то такое; тѣмъ болѣе можно было это думать, что султанша выходя изъ Мористана, общала помертвовать большую сумму на перестройку отдѣленія сумасшедшихъ. Она намѣревалась расширить, увеличить и великолѣпно украсить эту колонию, чтобъ жилище этихъ несчастныхъ, говорила она, было достойно какого-нибудь калѣва.

Когда султанша и визирь вышли, Хакэмъ сказалъ только:

— Такъ должно было случиться!

И онъ сталъ жить по прежнему, не ослабѣвая въ протесты и терпѣнія, которые доказалъ въ продолженіи своего заключенія. Онъ часто разговаривалъ съ тѣми товарищами несчастія, которые иногда приходили въ себя, также съ обитателями другаго отдѣленія Мористана, которые часто подходили къ отдѣляющей ихъ рѣшеткѣ, чтобъ забавляться бреднями сумасшедшихъ. Хакэмъ говорилъ съ ними такъ краснорѣчиво, что арестанты толпились тамъ по цѣлымъ часамъ, принимая его за вдохновеннаго.

Овладевъ однажды довѣріемъ колодниковъ, калѣвъ поочередно подзывалъ ихъ къ себѣ, заставляя рассказывать жизнь, всѣ подробности преступленій, и глубоко изучалъ первыя побужденія къ пороку: нищета и невѣжество, вотъ, что онъ видѣлъ во всемъ этомъ. Люди эти рассказывали ему тоже тайны общественной жизни, продѣлки ростовщиковъ, монополистовъ, законниковъ, начальниковъ корпорацій и самыхъ первыхъ купцовъ Каира, которые терпѣли зло, поддерживая другъ друга, увеличивая, распространяя свою власть и вліяніе посредствомъ браковъ и семейныхъ связей; возвышали или понижали по собственному произволу коммерческія цѣны, посылали на государство голодъ или плодородіе, бунтовали или усмирили народъ, не заботясь о его благосостояніи, напротивъ, безнаказанно притѣсняли его и лишали необходимыя потребности жизни. Вотъ каковы были слѣдствія продолжительнаго правленія Арджевала во время несовершеннолѣтія Хакэма.

Ктому же, въ тюрьмѣ носились странныя, зловѣщія слухи; даже сами сторожа не боялись распространять, что иноземныя войска подходили къ городу и находились уже на равнинахъ Гизѣ, что извѣсна предастъ имъ безъ сопротивленія Каиръ и что землемолы, улемы и купцы, боясь за свои сокровища слѣдствій осады, покупали военныхъ начальниковъ крѣпости и хотѣли отворить

ворота города неприятелю. Ожидали на другой же день полководца неприятельскихъ войскъ; говорили, что онъ войдетъ въ городъ черезъ заставу Бабъ-эль-Хадидъ. Съ той минуты родъ Фатиимитовъ будетъ низверженъ съ престола, а калифы Абасиды воцарятся въ Каирѣ.

«Вотъ, что уготовалъ мнѣ Арджевалъ! думалъ Хакэмъ: вотъ, что возмѣщалъ мнѣ талисманъ, устроенный отцомъ моимъ. Вотъ отчего померкнулъ въ небѣ свѣтлый Фарунсъ! Но время уже настало испытать могущество моего слова. Увидимъ, можетъ ли кто побѣдить меня!

Вечеръ приближался; колодники собрались на дворѣ для молитвы. Калифъ возвысилъ голосъ, обращаясь въ то же время къ толпѣ безумныхъ и къ преступникамъ; отдѣленнымъ одною рѣшеткою; онъ объявилъ имъ, кто онъ таковъ и чего отъ нихъ требуетъ, такъ повелительно и съ такою увѣренностью, что никто не смѣлъ усумниться. Въ одну минуту напоръ ста рукъ сорвалъ внутреннія преграды, а сторожа, пораженные страхомъ, отворили двери, выходящія въ мечеть. Калифъ вошелъ въ нее, несомый на рукахъ толпы несчастныхъ и безумныхъ; голосъ Хакэма вливалъ въ сердца ихъ довѣренность и приводилъ ихъ въ восторгъ и уношеніе. «Это калифъ! истинный владыка правдолюбивыхъ!» восклицали осужденные закономъ. «Это пророкъ: онъ пришелъ судить живыхъ и мертвыхъ!» кричала толпа безмысленныхъ. Двое изъ этихъ послѣднихъ встали по обѣимъ сторонамъ Хакэма, крича: «Явитесь всѣ на судъ нашего владыки Хакэма».

Правдолюбивые, собравшіеся въ церкви, не могли понять, что значила эта тревога: нѣкоторые бѣжали, распространяя по улицамъ тревогу; другіе кричали: «Наконецъ-то, Господи! наконецъ-то насталъ Твой день!»

Когда Хакэмъ показался на ступеняхъ мечети, сверхъестественный свѣтъ окружалъ его; волосы, которые онъ носилъ всегда длинные и распущенные противъ мусульманскаго обычая, разсыпались густыми кольцами по алой мантии, которую товарищи его набросили ему на плеча. Даже жиды, которые всегда бываютъ многочисленны въ улицѣ Сукари, прорѣзывающей базары, тоже падали ницъ, говоря: «Вотъ настоящій пророкъ. Другіе же кричали: «Это антихристъ, возмѣщенный Писаніемъ и долженствующій явиться черезъ тысячу лѣтъ послѣ Іисуса Христа!»

Нѣкоторые узнали государя, но не могли объяснить, какъ онъ

очутился посреди города, между-тѣмъ какъ общая молва говорила, что онъ лично предводительствуетъ войсками противъ непріятеля.

— О! народъ мой! говорилъ Хакэмъ несчастнымъ, окружающимъ его: настоящіе мои дѣти! Это не мой, а вашъ день насталъ! Настало время, которое возобновляется каждый разъ, когда небесное слово теряетъ надъ душами свою власть; время, когда добродѣтель дѣлается преступленіемъ, мудрость безуміемъ, слава стыдомъ, безчестіемъ; время, когда все идетъ на перекоръ правосудію и истинѣ. Никогда въ такомъ случаѣ голосъ свыше не замедлялъ освѣтить умы, какъ молнія передъ громомъ; вотъ отчего было сказано: «Горе тебѣ, Энохел, городъ дѣтей Капна, городъ нечистоты и тиранства! горе тебѣ, Гоморра! горе вамъ, Пивевія и Вавилонъ! и горе тебѣ, Іерусалимъ!» Голосъ этотъ не умолкаетъ; онъ раздастся отъ вѣка до вѣка и между угрозами и наказаніемъ было всегда время для покаянія. Между-тѣмъ промежутокъ этотъ день-отодня съуживается; когда гроза приближается, пожаръ скорѣе показывается послѣ молвіи! Докажемъ, что слово будетъ вооружено и что на землѣ разцвѣтетъ наконецъ царствіе, возвѣщенное пророками! Вамъ, дѣти, отдаю я этотъ городъ, обогащенный обманомъ, злоупотребленіями, несправедливостью и порокомъ; вамъ принадлежатъ эти награбленные сокровища, украденное богатство. Казните эту преступную роскошь, эту поддѣльную добродѣтель, эти достоинства, приобретенныя золотомъ; эту золоченую измѣну, которая подъ предлогомъ мира, продала васъ непріятелю. Жгите, разоряйте этотъ городъ, построенный предкомъ моимъ Моэдзельдиномъ, подъ покровительствомъ славы (кагпра), и который можетъ сдѣлаться памятникомъ вашего малодушія!

Какъ богъ, или какъ государь, калифъ обращался такимъ образомъ къ толпѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что въ немъ былъ тотъ высшій разумъ, который выше обыкновеннаго правосудія; иначе гнѣвъ его раздражался бы надъ всѣмъ, безъ различія, какъ гнѣвъ разбойниковъ, съ которыхъ онъ снялъ оковы. Въ нѣсколько минутъ пламя пожрало базары съ кедровыми крышами и дворцы съ мраморными террасами, легкими, воздушными колоннадами; великолѣпнѣйшія зданія Капна отдавали народу внутренность разграбленныхъ покоевъ своихъ. Ужасная ночь, гдѣ верховная власть походила на возмутителя, гдѣ ищевіе неба бралось за оружіе ада!

Пожаръ и беспорядки продолжались три дня; жители самыхъ богатыхъ кварталовъ вооружились для защиты своей и часть

греческихъ солдатъ и арабскихъ кетамисовъ, предводимыхъ Арджеваломъ, боролись съ вывущенными изъ тюрьмы колодниками и народомъ, исполнявшимъ приказанія Хакэма. Арджеваль выпускалъ слухъ, что Ханэмъ — самозванецъ, что настоящий калифъ находится съ войсками на равнинахъ Гизэ, такъ, что при свѣтѣ пожара, на главныхъ площадяхъ и въ садахъ завязался ужасный бой.

Хакэмъ стоялъ на высотахъ Карафы и подь отиратымъ небомъ предсѣдалъ въ этомъ кровавомъ судилищѣ, гдѣ, по словамъ преданій, онъ явился какъ-будто окруженный ангелами, а по сторонамъ его стояли Адамъ и Соломонъ: одинъ свидѣтелемъ для людей, другой для духовъ. Туда приводили всѣхъ осужденныхъ народною ненавистью и судъ ихъ совершался въ короткихъ словахъ; головы падали при восклицаніяхъ толпы: нѣскольکو тысячъ погибло въ эти три дня. Бой въ среднѣ города не менѣе былъ кровопролитенъ; наковецъ Арджеваль палъ проколотый мечемъ между плечъ какимъ-то Рейданомъ, который принесъ его голову къ ногамъ калифа. Съ той минуты сопротивленіе кончилось. Говорятъ, что въ ту самую минуту, когда визирь уиалъ испустивъ ужасный стоиъ, жители Мористана, одаренные душевными глазами, ясновидѣніемъ, принадлежностью умалишенныхъ, вскричали, что видятъ въ воздухѣ Эблиса (Сатану), который, вылетѣвъ изъ тѣла Арджевала, звалъ къ себѣ и хохоталъ въ воздухѣ надъ демонами, воплощенными до-тѣхъ-поръ въ тѣлахъ его приверженцевъ. Вой, начавшійся на землѣ, продолжался въ пространствѣ; фаланги этихъ вѣчныхъ, невнимримыхъ враговъ, снова строились и боролись еще съ силами стихій. По этому-то случаю одинъ арабскій поэтъ сказалъ:

«Египеть! Египеть! тебѣ извѣстны эти мрачныя борьбы добрыхъ и злыхъ геиовъ, когда Ти-фонъ наполняетъ воздухъ и огнѣмъ своимъ удушующимъ дыханіемъ, когда язва истребляетъ твои трудолюбивые народы, когда Нилъ уменьшаетъ свои ежегодныя поводненія, когда саранча густыми стаями пожираетъ въ одинъ день всю зелень полей...

«Такъ еще не довольно, что адъ дѣйствуетъ этими страшными бычани! Онъ можетъ также населить землю дичными и жестокими душами, которыя, принявъ человѣчскій образъ, скрываютъ въ себѣ развращенную породу шакаловъ и змѣй!»

Между-тѣмъ, когда насталъ четвертый день, улемы уиалѣли, что половина города сторкъ, собралась къ мечетяхъ и подъ

нимая вверхъ алкоравы, восклицали: «О, Хакэмъ! о Аллахъ!» Но сердце ихъ не участвовало въ молитвахъ. Старикъ, который поклонился уже божеству въ лицѣ Хакэма, подошелъ къ каллеу и сказалъ: «Довольно, государь! во имя предка твоего, Моэдзельдина, останови истребленіе.»

Хакэмъ хотѣлъ разспросить это таинственное лицо, которое являлось только во время ужасныхъ событій; но старикъ уже исчезъ въ толпѣ.

Каллеъ сѣлъ по обыкновенію на своего сѣраго осла, и поѣхалъ осматривать городъ, усыпая путь свой словами примиренія и милосердія. Съ этой самой минуты онъ измѣнилъ въ смягчлѣ строгіе указы, изданные противъ христіанъ и жидовъ, и уволилъ первыхъ носить на плечахъ тяжелый деревянный крестъ, а послѣднихъ — на шеѣ плаху. По равной терпимости къ другимъ вѣроисповѣданіямъ, онъ по-немногу хотѣлъ внушить всѣмъ новую вѣру. Были устроены мѣста совѣщанія, а именно въ зданіи, названномъ «домомъ мудрости», и многіе ученые стали доказывать божественность Хакэма. Умъ человѣческой однако съ такимъ трудомъ принимаетъ вѣрованія не освященныя временемъ, что въ число вѣрующихъ могли вписаться только около тридцати тысячъ жителей Каира. Тамъ жилъ тогда одинъ человѣкъ, по имени Альмосхаджаръ, который сказалъ вѣрующимъ въ Хакэма: «Тотъ, кого вы считаете божественнымъ, не можетъ создать мухи, ни даже запретить, чтобъ она ему не надоѣдала!» Каллеъ, узнавъ объ этомъ, приказалъ дать Альмосхаджару сто золотыхъ монетъ, въ доказательство, что не хочетъ принуждать къ своему исповѣданію. Другіе же говорили: «Многіе члены семейства Фатимитовъ были заражены такимъ ослѣпленіемъ. Точно также какъ Моэдзильдинъ, дѣдъ Хакэма, скрываясь нѣсколько дней, вдругъ явился и говорилъ, что былъ вознесенъ на небо; нѣсколько времени спустя, онъ удалился въ подземелье и всѣ стали говорить, что оно не умеръ какъ другіе люди, но исчезъ съ лица земли». Всѣ эти слухи доходили до Хакэма и погружали его въ продолжительныя размышленія.

Каллеъ возвратился въ свой дворецъ, стоящій на берегахъ Нила и сталъ жить по прежнему. Освободясь отъ враговъ и признавый всѣми онъ установилъ порядокъ въ городѣ и все пошло своимъ чередомъ.

Однажды онъ вошелъ къ Сетальмултѣ и велѣлъ готовиться къ свадьбѣ, которую хотѣлъ совершить тайно, чтобъ не возбудить негодованія народа, еще не совсѣмъ убѣжденного въ божествен-

ности Хакэма и способнаго оскорбиться такимъ нарушеніемъ законовъ. Только одни свнухи и невольники должны были присутствовать какъ свидѣтели при бракосочетаніи, въ дворцовой печети; что же касается до праздниковъ, необходимыхъ слѣдствій свадьбы, то жители Каира, привыкшіе видѣть на деревьяхъ окружающихъ сераль, свѣтъ разноцвѣтныхъ фонарей и слышать звуки музыки, долетающіе дуновеніемъ ночнаго вѣтра до противоположной стороны берега, не замѣтятъ этихъ праздниковъ или вовсе не стануть имъ удивляться. Когда же умы будутъ болѣе расположены въ его пользу и когда настанетъ время, Хакэмъ всенародно объявитъ этотъ мистическій бракъ.

Насталъ вечеръ. Калифъ по обыкновенію своему переодѣлся, вышелъ и отправился на обсерваторію Мокатама, для созерцанія планетъ. Небо не предвѣщало ничего добраго: мрачное направленіе планетъ, запутанные узлы звѣздъ предвѣщали Хакэму близкую смерть. Будучи увѣренъ въ своей вѣчности, онъ мало заботился объ угрозахъ звѣздъ, однако сердце его замерло, неизъяснимая грусть овладѣла имъ, онъ отложилъ до другаго дня свои ночныя походы и возвратился во дворецъ.

Переплывая рѣку, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ, что сады и дворецъ освѣщены какъ для праздника: Хакэмъ вошелъ. Фонари висѣли на всѣхъ деревьяхъ какъ рубиновые, сапфирные и изумрудные плоды; душистые каскады орошали листья серебристыми своими брызгами; вода бѣжала въ мраморныхъ бассейнахъ, а изъ подъ дырчатаго, алебастроваго пола кіосковъ поднимался легкими облаками синеватый дымъ самыхъ драгоценныхъ духовъ, соединяющій свое благоуханіе съ запахомъ цвѣтовъ. Гармоническій ропотъ невидимой музыки переливалъ свои звуки съ пѣніемъ птицъ, которыя, принимая весь этотъ свѣтъ за восходъ солнца, воспѣвали утреннюю зарю, а въ глубинѣ, посреди моря сіяній, горѣлъ дворецъ, архитектурныя линіи котораго выдавались огненною полосою.

Хакэмъ былъ крайне удивленъ; онъ думалъ: «Кто же осмѣливается давать праздники въ моемъ дворцѣ, когда меня нѣтъ дома? Какого неизвѣстнаго гостя празднуютъ теперь прѣздъ? Я думалъ, что сады эти въ такое время должны быть пусты и молчаливы? Я не аль однако сегодня гашишу и голова моя совершенно свѣжа». Онъ пошелъ далѣе. Великолѣпно одѣтыя танцовщицы, какъ змѣи извивались на персидскихъ коврахъ, окруженныхъ лампадами, чтобъ глаза зрителей не теряли ни малѣйшаго тѣлодвиженія, ни одной ихъ позы. Онъ, казалось, не замѣтилъ

калѣа. Подъ воротами дворца, онъ встрѣтилъ цѣлый рой немальниковъ и мальчиковъ несущихъ въ золотыхъ бассейнахъ и на серебряныхъ блюдахъ замороженные плоды, конфекты и шербеты. Хотя онъ шелъ рядомъ съ служителями, которые его задѣвали подвоясами и которыхъ онъ тоже толкалъ, однако никто не обратилъ на него вниманія. Это стало беспокоить калѣа; тайный страхъ проникъ въ его душу. Ему показалось, что онъ перешелъ въ состояніе тѣни, невидимаго духа и продолжалъ идти изъ комнаты въ комнату, проходя мимо толпы какъ-будто у него на пальцѣ было магическое кольцо Гигеса. Когда онъ перешагнулъ черезъ порогъ послѣдней залы, то былъ ослѣпленъ потокомъ свѣту, тысячи свѣтъ, какъ огненные букеты, горѣли въ серебряныхъ канделябрахъ. На галереяхъ раздавалась музыка. Калѣа шатаясь подошелъ и спрятался за парчевой занавѣсь. Тогда онъ увидѣлъ въ глубинѣ залы, на диванѣ, подлѣ Сетальмулки, человѣка покрытаго драгоценными камнями. Можно было подумать, что всѣ сокровища Гарунъ-аль-Рашида были принесены изъ кладовыхъ, чтобъ украсить этого новаго калѣа. Можно представить себѣ удивленіе и негодованіе Хакэма при такомъ странномъ зрѣлищѣ: онъ хотѣлъ выхватить князья, чтобъ броситься на самозванца, но непреодолима сила остановила его руку; видѣніе это казалось ему небеснымъ предвѣщаніемъ и смущеніе его еще больше увеличилось, когда онъ узвалъ свои собственныя черты въ чертахъ незнакомца, сидящаго подлѣ сестры его. Онъ думалъ, что это былъ его *фаруреръ*, или двойникъ, а для восточныхъ, видѣть собственную свою тѣнь самый дурной знакъ. Тѣнь приказываетъ тѣду слѣдовать за собою, давая одинъ день сроку. Тѣмъ болѣе привидѣніе это казалось страшнымъ калѣу, что оно заранѣе приводило въ исполненіе желаніе Хакэма. Дѣйствіе этого фантастическаго калѣа, жившагося на Сетальмулкѣ, которая черезъ три дня должна была выйти за настоящаго калѣа, не скрывали ли загадочнаго смысла, таинственнаго и ужаснаго значенія? Ужъ не коварное ли какое-нибудь божество, похищая Сетальмулку у ея брата, разлучая космогоническую и божественную эту чету, хочетъ вохитить небо у Хакэма? Ужъ не родъ ли дивовъ старается похищеніемъ этимъ прекратить сношеніе высшихъ духовъ и замѣнить своимъ богоотступнымъ племенемъ? Всѣ эти мыслѣ тѣснились въ головѣ Хакэма. Обуреваемому гнѣвомъ Хакэму хотѣлось бы поразить громомъ, землетрясеніемъ, потокомъ, огненнымъ дождемъ или другими какими-нибудь ужаса-

ли, но вспомнилъ, что прикованный къ землѣ, онъ долженъ дѣйствовать человѣческими средствами.

Не будучи въ состояніи возвѣстить такимъ торжественнымъ образомъ свой приходъ, Хакэмъ по тихоньку удался и достигъ воротъ, которыя выходили на Нилъ. Тамъ стояла каменная скамья. Онъ сѣлъ на нее и погрузился въ думы, стараясь разгадать значеніе странныхъ событій, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Черезъ нѣсколько мнпуть, калитка остворилась и сквозь сумракъ ночи Хакэмъ неясно увидѣлъ двѣ тѣни, изъ которыхъ одна отдѣлялась въ темнотѣ болѣе другой. Съ помощію этихъ смутныхъ оттѣнковъ земли, неба и воды, онъ разглядѣлъ, что одинъ изъ нихъ былъ молодой человѣкъ аравійскаго племени, а другой Эюіопъ гигантскаго роста.

Подошедъ къ берегу, выдававшемуся въ рѣку, молодой человѣкъ всталъ на колѣни, черныи всталъ подлѣ него и остріе кинжала какъ сіяніе молніи заблестало во мракѣ ночи. Однако, къ удивленію калифа, голова не упала и Эюіопъ, наклонясь къ Араптянцу, сказалъ ему на-ухо нѣсколько словъ, послѣ которыхъ онъ всталъ спокойно, медленно, безъ особенной радости, какъ-будто дѣло шло совсѣмъ не о немъ. Эюіопъ засунулъ кинжалъ за поясъ, а молодой человѣкъ пошелъ къ берегу; въ ту самую сторону гдѣ сидѣлъ Хакэмъ, вѣроятно, чтобъ сѣсть въ лодку. Тамъ онъ очутился лицомъ къ лицу съ калифомъ, который сдѣлалъ видъ, какъ-будто пробуждается, и сказалъ:

— Миръ тебѣ, Юсуфъ! Чтѣ ты тутъ дѣлаешь?

— И тебѣ тоже миръ, отвѣчалъ Юсуфъ, который все еще принималъ калифа за равнаго себѣ товарища и нисколько не удивился, нашедши его спящимъ на берегу, чтѣ часто случается съ дѣтми Пила во время жаркихъ лѣтнихъ ночей.

Юсуфъ посадилъ его къ себѣ въ лодку и они поплыли по теченію, вдоль восточнаго берега. Заря золотила уже красноватой полосой сосѣднія равнины и обрисовывала на краю степей зубцы развалинъ Гелиополиса. Хакэмъ былъ задумчивъ, и, всматриваясь внимательно въ черты своего товарища, которыя лучше были видны днемъ, онъ находилъ нѣкоторое сходство съ собою, котораго дотолѣ никогда не замѣчалъ, потому что всегда видѣлся съ нимъ ночью или сквозь пары оргій.

Онъ не могъ болѣе сомнѣваться, что это былъ фэруеръ, двойникъ, вчерашнее привидѣніе, тотъ, можетъ-быть, кого заставили играть роль калифа во время его пребыванія въ Мористанѣ.

Это естественное объясненіе оставляло его еще въ крайнемъ удивленіи.

— Мы похожи какъ братья, сказалъ онъ Юсуфу: чтобъ объяснить такой случай, бываетъ иногда достаточно происходить изъ одной страны. Гдѣ ты родился, другъ?

— Я родился у подошвы Атласа, въ городѣ Кетамѣ, въ Марребѣ, между Берберовъ и Кабилловъ. Я не зналъ отца, котораго звали Давасомъ; онъ былъ убитъ въ одномъ сраженіи вскорѣ послѣ моего рожденія; предокъ мой, въ очень престарѣлыхъ годахъ, былъ однимъ изъ шеховъ этой страны, затерянной въ пескахъ.

— Предки мои тоже изъ той страны, сказалъ Хакимъ: можетъ быть, мы происходимъ отъ одного племени.... Да не все ли это равно? Дружба наша не нуждается въ связяхъ крови; мы всегда будемъ искренно любить другъ друга. Расскажи, отчего я не видалъ тебя нѣсколько дней сряду?

— Чтѣ ты спрашиваешь? сказалъ Юсуфъ: дни эти шли скорѣе почей, потому что я все спалъ и видѣлъ чудные сны. Съ тѣхъ поръ какъ насъ оставили и разлучили въ околѣ, я снова встрѣтилъ на Нилѣ милое видѣніе, въ существованіи котораго не могу болѣе сомнѣваться. Часто, зажимая мнѣ глаза рукою, чтобъ я не узналъ дверей, она вводила меня въ великолѣпные сады, въ ослѣпительно роскошныя залы, гдѣ гений архитектора превзошелъ фантастическія зданія, воздвигаемыя въ облакахъ фантазіей гашиша. Что за страшная судьба моя! На яву жизнь моя еще болѣе чѣмъ во снѣ наполнена сновидѣніями. Никто, по-видимому, не удивлялся моему присутствію въ этомъ дворцѣ, а когда я проходилъ, всѣ почтительно преклонялись передо мною. Потомъ чудная эта женщина сажала меня у ногъ своихъ и приводила въ упоеніе рѣчами своими и взорами. Когда она подымала вѣки, опущенныя длинными и густыми рѣсницами, мнѣ казалось, что новый рай отверзается передо мною. Звуки ея гармоническаго голоса погружали меня въ неказанный восторгъ. Душа, убаюканная этой обольстительной мелодіей, таяла въ наслажденіяхъ. Невольники приносили чудесные плоды, напитки выжатые изъ свѣжихъ розъ, замороженные шербеты, до которыхъ она чуть дотрогивалась кончикомъ алыхъ своихъ губъ, потому что такое совершенное, небесное существо должно питаться только благоуханіемъ, росой, воздухомъ, лучами. Однажды, поднявъ волшебными словами плиту закрытую таинственными знаками, она сошла со мною въ подземелье, гдѣ хранятся эти сокровища, и, описывая ихъ богатство,

сказала что они будут монши, если она увидитъ доказательство моей любви и храбрости. Тамъ хранится болѣе чюдесъ тѣмъ въ горѣ Кааы, гдѣ зарыты сокровища духовъ: хрустальные слоны, золотыя деревья, на которыхъ птицы поютъ, взмахивая крыльями изъ драгоцѣнныхъ камней; павлины распускаютъ колесомъ хвосты, усыпанные алмазными звѣздами; груди литарой вырѣзанныхъ въ видѣ дынь и покрытыхъ серебряною эмалью сѣткою; бархатныя и парчевыя палатки съ маттами и шарами цѣльнаго серебра; потомъ, какъ песокъ на днѣ морскомъ были по землѣ разбросаны драгоцѣнные перлы и камни, а кругомъ кучи серебряныхъ и золотыхъ слитковъ.

Хакамъ, который внимательно слушалъ это описаніе, сказалъ своему другу Юсуфу:

— Знаешь ли, братъ, что ты тамъ видѣлъ сокровища Гаруна-аль-Рашида, отнятыя Фатимитами, и которыя могутъ находиться только во дворцѣ калифа?

— Право не знаю; но судя по красотѣ и богатству моей незнакомки, я угадалъ что она должна быть самаго высокаго происхождения: почему я знаю? можетъ-быть, родственница чернаго эмира, жена или дочь какого-нибудь знатнаго вельможи! Но къ чему мнѣ было узнавать ея имя? Она любитъ меня, развѣ этого мало? Вчера, когда пришелъ на обыкновенное мѣсто свиданія, я нашелъ невольниковъ, которые на меня надѣли такую великолѣпную одежду, какой нѣтъ у самаго калифа Хакама. Садъ былъ освѣщенъ, во всемъ дворцѣ былъ таюй праздничный видъ, какъ-будто бы готовились къ свадьбѣ. Та, которую люблю, позволила мнѣ сѣсть подлѣ себя, на диванъ, и опустивъ руку свою въ мою руку бросила на меня взоръ, исполненный огня и томленья. Вдругъ она поблѣднѣла, какъ-будто зловѣщее привидѣніе, страшная тѣнь, видимая только ею, омрачила предѣлки. Звѣкомъ руки, она высала невольниковъ и сказала мнѣ замирающимъ голосомъ:

— Я погибла! я встрѣтила изъ-подъ занавѣса дверей, блескъ лазуревыхъ глазъ, которые не прощаются. Любишь ли ты меня столько чтобъ умереть за меня?

Я увѣрилъ ее въ моей безграничной преданности.

— Я хочу, продолжала она, чтобъ никто не зналъ, что ты когда-нибудь существовалъ; чтобъ явленіе твое въ свѣтѣ не оставило даже малѣйшаго слѣда; чтобъ ты исчезъ; чтобъ тѣмъ твоимъ разлетѣлось въ неосознаемыхъ частицахъ и чтобъ ничего не могли найти послѣ тебя: иначе тотъ, отъ кого я завишу, придумаетъ

для меня такіа страшныя истязанія, которыя приведуть въ ужасъ и оодроганію саму злость дивовъ и проклятыхъ въ прексходной ада. Слѣдуй за этимъ погромъ; онъ сдѣлаеть съ тобою что должно.

Когда мы вышли за ворота, негръ поставилъ меня на колѣни чтобъ отрубить голову; онъ сдѣлалъ, два или три знака мечомъ; потомъ, видя мою твердость, сказалъ что все это одно только испытаніе и что царевна хотѣла знать, истинно ли я храбръ и такъ ли преданъ ей какъ говорилъ. Не забудь завтра вечеромъ быть въ Камеръ, у фонтана любовниковъ, гдѣ тебѣ будетъ назначено новое мѣсто свиданія, прибавилъ негръ, возвращаясь въ садъ.

Послѣ всѣхъ этихъ объясненій, Хакэмъ не могъ болѣе сомнѣваться въ томъ, что разрушало всѣ его намѣренія. Онъ удивлялся только, что не чувствуетъ ни малѣйшаго гнѣву противъ немыслимой сестры и любви молодого человѣка низкаго происхожденія, который осмѣлился думать о сестрѣ калфа. Ужъ не усталъ ли онъ карать послѣ такихъ кровавыхъ казней, или увѣренность въ своей божественности внушила ему эту неизвѣстную отеческую любовь? Неумолимый въ вероку, онъ былъ побѣжденъ могуществомъ молодости и любви. Была ли виновна Сетальмула, отвергая бракъ, въ которомъ видѣла преступленіе? А Юсуфъ, полюбя женщину, не зная даже кто она такова, заслуживалъ ли гнѣву калфа? И такъ Хакэмъ хотѣлъ идти въ тотъ же вечеръ на мѣсто свиданія, назначенное Юсуфу, съ тѣмъ чтобъ простить и благословить этотъ бракъ. Онъ только съ этого цѣлью выпрашивалъ Юсуфа. Что-то иррачнее тревожило его душу, но это было безпокойство о собственной судьбѣ своей. «Все идетъ ни въ наперекоръ, дунаеть онъ, и даже сама моя воля не защищаетъ меня болѣе.» Прощаясь съ Юсуфомъ, онъ оказалъ:—Какъ я жалю и часто вспоминаю наши чудесныя вечера въ околѣ. Мы опять тамъ увидимся, потому что калфа уничтожилъ законъ насательно запрещенія ганиша и другихъ крѣпкихъ напитковъ. Мы скоро увидимся, другъ.

Возвратясь домой, Хакэмъ велѣлъ позвать начальника стражи, Абу-Аруса, который былъ въ ночномъ караулѣ съ полкомъ своимъ, состоящимъ изъ тысячи человѣкъ, и наложилъ снова запрещеніе снятое во время безпорядковъ, объявляя чтобъ всѣ ворота города были заперты тогда, когда онъ отправится на обсерваторію; чтобъ одинъ только по данному знаку растворился, когда ему будетъ угодно возвратиться домой. Въ этотъ вечеръ онъ велѣлъ проводить себя до конца улицы называемой Дербъ-аль-Ся-

гда, свѣтъ на ослѣ, стоящаго на дворѣ Незиши, свнуху привратни-
на и выѣхалъ изъ города въ сопровожденіи молодого невольника.
Выѣхавъ на гору и не входя еще въ башню, онъ взглянулъ на звѣзду,
пошевелилъ руками и вскричалъ: «Такъ ты все-таки явился, зло-
вѣщій знакъ!» Потому встрѣтившись съ арабскими всадниками,
которые узнали его и просили помощи, онъ послалъ съ ними слу-
гу къ свнуху Незишу, чтобъ имъ дали какое-нибудь пособие. Потому,
вмѣсто того чтобъ идти въ башню, онъ повернулъ въ лѣво отъ
Мокатама и доѣхалъ до границы Фокая, къ мѣсту называе-
мому *Макоаба*, потому что тамъ растутъ тростники. Вдругъ вы-
скакиваютъ три человека и нападаютъ на него. Кинжалы бле-
снули. Но одинъ изъ нападавшихъ, увидя жертваго Ханэма и при свѣ-
тѣ луны узнавъ черты его, вдругъ сталъ драться съ своими
товарищами, пока самъ не упалъ подлѣ камня вскричавъ:
«О, братъ!» Такъ по-крайней-мѣрѣ рассказывалъ невольникъ
небавившійся отъ кинжаловъ. Возвратясь въ Капръ, онъ по-
шелъ объявить Абу-Арусу, но когда стража явилась на мѣсто
смертоубійства, то нашла только окровавленную одежду и сѣ-
раго калесава осла. Кимара, у котораго подстилки были под-
рѣзаны.

Такова исторія Калеса Ханэма.

Шейхъ замолчалъ и впалъ въ глубокую думу. Я тоже былъ
трогнутъ рассказомъ этихъ страданій, тѣмъ болѣе, что недавно
видѣлъ мѣста, гдѣ все это происходило. Калесъ этотъ, столь окле-
ветанный константи и мусульманскими историками, безъ сомнѣнія,
доказывался правды и справедливости.

— Но вы мнѣ не сказали, замѣтилъ я шейху, кто приказалъ
умертвить Ханэма?

— Вы читали историковъ, сказалъ онъ: развѣ вы не знаете,
что Юсуфъ, сынъ Даваса, пришедъ на мѣсто свиданія, къ сон-
тану-любониневъ, увидалъ тамъ невольниковъ, которые его све-
ли въ домъ, гдѣ находилась переходящая султанша Сетальмулка,
которая заставила его согласиться убить Ханэма, сказавъ ему,
что калесъ хочетъ ее умертвить, а потомъ общала Юсуфу вый-
ти изъ него замужъ? Она кончила, произнося эти слова сохраив-
шіяся въ исторіи: «Иди на гору, онъ непремѣнно туда будетъ
въ сопровожденіи одного только слуги. Когда калесъ войдетъ въ
домъ, бросься на него и убей: не щади ни слугителя, ни
невольника, если кто будетъ при немъ.» Султанша дала Юсу-
фу одинъ изъ тѣхъ кинжаловъ, которыхъ лезвіе кончается пи-
кою, и называемыхъ *адурами*; вооруживъ тоже невольниковъ,

она приказала мнѣ помогать Юсузу, или убить его; если онъ не сдержитъ своей клятвы. Тогда только Юсузъ узналъ товарища своихъ ночныхъ походовъ, когда нанесъ первый ударъ каллеу. Онъ впалъ въ отчаяніе и бросился на невольниковъ чтобы убить ихъ, но они предупредили его намърение: Юсузъ узналъ бездыханенъ подлѣ тѣла своего друга.

— Что жъ сдѣлали съ трупами, которые, по исторіи, исчезли, потому что нашли только осла и семь одеждъ Халема, которые остались застегнутыми на пуговицы?

— Да развѣ я вамъ сказала, что тутъ были трупы? Преданія наши не то гласятъ. Плаваты обѣщали каллеу восемьдесятъ лѣтъ жизни, если онъ избѣгнетъ опасности на ночь 27 шавала 411 гадшры. Развѣ вы не знаете, что послѣ того какъ онъ исчезъ, въ продолженіи шестнадцати лѣтъ, каврскій народъ не переставалъ говорить, что онъ все еще живъ?

— Правда, что мнѣ рассказывали много подобнаго, отвѣчалъ я, но частыя явленія Халема приписываютъ обманщикамъ, какъ напримѣръ Шеру, Секну и многимъ другимъ, которые, мнѣ съ нимъ нѣсколько сходства, разыгрывали его роль. Это случается со всѣми монархами, которые почитаютъ себя сверхъестественными существами: жизнь ихъ дѣлается тогда предметомъ народныхъ преданій и легендъ.

— По нашимъ книгамъ; сказалъ шейхъ, Хакемъ не умеръ отъ удара княжаломъ. Неизвѣстный старикъ принялъ его къ себѣ и онъ пережилъ роковую ночь, когда сестра приказала умертвить его, но утомленный царствованіемъ, онъ удалился въ пустыню Амола и составилъ поученія, изданныя впоследствии ученикомъ его, Хамзою. Приверженцы его, высланные изъ Каира послѣ его смерти, удалились на Ливанъ, гдѣ составили друзскій народъ.

Вся эта легенда вертѣлась у меня въ головѣ и мнѣ очень хотѣлось еще разъ поговорить съ Друзомъ, чтобъ разспросить его обо всѣхъ подробностяхъ религіи Халема, но буря, удержавшая меня въ Бейрутѣ, стихла, и я долженъ былъ пуститься въ путь.

ЗАМѢТКА. *Статья Густава Планша.* Петрарка имѣлъ огромное вліяніе на науки и литературу своего времени. Онъ принималъ участіе въ главнѣйшихъ дѣлахъ своего отечества; ему поручали самыя важныя посольства; въ письмахъ его къ императору, папѣ, могущественнѣйшимъ князьямъ Италіи, онъ говорилъ откровенно, краснорѣчиво, о самыхъ высокихъ политическихъ и дипломатическихъ предметахъ; онъ съ рѣдкою дальновидностью

разрѣшалъ самыя трудныя юридическія и философскія задачи, а между-тѣмъ ния его, столь громкое и славное пятъ вѣковъ тому назадъ, было бы теперь почти забыто, если бъ онъ не любилъ, если бъ онъ не прославилъ любви своей, если бъ не воспѣлъ такъ благородно, такъ возвышенно, предметъ своей страсти. На счетъ чувствъ никто не могъ превзойти его. Ссоры имперіи съ папствомъ, Гвельфы и Гибеллины занимаютъ только ученыхъ людей, но любовь Петрарки къ Лаурѣ, сонеты и канцоны, гдѣ онъ рассказываетъ всѣ чувствованія, всѣ страданія любви, сохранили вѣчную юность. Многіе не вѣрили постоянству и чистотѣ этой страсти, но послѣ ислѣдованій аббата де-Сада, послѣ терпѣливыхъ трудовъ Тирабоски и Женгенѣ сомнѣнія уже неопозволительны. Въ латинскихъ твореніяхъ поэта, въ письмахъ его, особенно же въ бесѣдахъ съ Блаженнымъ Августинномъ, можно видѣть неоспоримыя и ясныя доказательства постоянства и возвышенной любви поэта.

Петрарка родился въ 1304 году, спустя тридцать девять лѣтъ послѣ автора «Божественной Комедіи». Лаура де Новъ (Noves) которую онъ обезсмертилъ въ своихъ канціонахъ, родилась четырьмя годами позже. Когда Петрарка, въ 1327 году, увидѣлъ Лауру въ первый разъ, она была уже три года замужемъ за Гугомъ де-Садомъ; язва опустошавшая Италію, похитила ее въ 1348 году, и, впродолженіи двадцати лѣтъ, любовь, которую она вдохнула, была такъ же вѣжна, постоянна и пламенна какъ въ первый день свиданія. Лаура, де-Новъ наполняла все сердце и всѣ мысли Петрарки: онъ исключительно принадлежалъ ей одной. Однако, чтобъ показать постоянство это въ человѣческомъ размѣрѣ, мы должны сказать, что чувственность Петрарки не была столько вѣрна сколько сердце его и мысли. Въ 1337 году, послѣ десяти лѣтъ напрасныхъ ожиданій, отчаяваясь склонить ту, которую любилъ, онъ бросилъ взоръ на женщину, которой ния осталось неизвѣстнымъ, о которой онъ никогда не говорилъ ни въ латинскихъ, ни въ италіянскихъ своихъ твореніяхъ и отъ которой однакожъ имѣлъ двоихъ дѣтей, — сына умершаго прежде него, и дочь которая вышла замужъ въ Ломбардіи и пережила отца. Несмотря, однако, на эту скоро прошедшую привязанность, страсть Петрарки къ Лаурѣ вскорѣ пробудилась съ большимъ пламенемъ, съ большею преданностью чѣмъ когда-нибудь, даже сама смерть не погасила ее: вѣчная любовь превратилась въ вѣчную скорбь.

Мистическій языкъ, которымъ выражался Петрарка въ болъ-

шей части своихъ советовъ, говоря о женщинѣ овладѣвшей его сердцемъ, заставлялъ думать, что земныя мысли не касались небесной любви его: это легко можно опровергнуть. Прочитавъ со вниманіемъ его латинскія, даже италіянскія творенія, ясно виднѣтъ, что обожатель Лауры принадлежалъ къ человѣчеству точно также какъ обожатель Генріеты; и если онъ не объясняется съ откровенностью Киптандра, по-крайней-мѣрѣ можно замѣтить, что поэтъ не всегда обитаетъ въ облачной сферѣ. Въ сонетахъ, въ канцопахъ, въ разсужденіяхъ о «Презрѣніи къ свѣту», находимъ много доказательствъ тому: Петрарка желалъ, надѣялся, умолялъ; въ этомъ нельзя сомнѣваться. Чтобы не вѣрять его желаніямъ, надеждамъ, мольбамъ, не надо вѣрять самому смыслу словъ, смыслу самыхъ естественныхъ, ясныхъ словъ, которыми поэтъ вѣрнѣе выразилъ свои мысли. Если бъ желанія никогда не пробуждались въ сердцѣ Петрарки, если бъ онъ никогда не осмѣливался надѣяться, умолять, какъ объяснить тогда упреки Лауры? Если бъ Петрарка никогда ничего не просилъ, для чего Лаура сказала бы ему: — Я не то, что ты думаешь? Стала ли бы она жаловаться въ такихъ выраженіяхъ на пѣное и всегда почтительное обожаніе? трудно этому вѣрять. Ктому же желанія, надежды, мольбы не лишаютъ любви ея величія. Самая пламенная страсть не можетъ оскорбить самую чистую, самую строгую къ самой себѣ женщину, если чувственность не перевѣшиваетъ любви. Зато мы видимъ, что несмотря на упреки, она вполне оправдывается и признаетъ любовь своего Петрарки. Она устояла, она ни на что не согласилась, но гибнѣтъ ея утихъ. Лаура была счастлива и гордилась любовью Петрарки; она не ободряла любви его, но не заставляла и молчать; она не соглашалась на его мольбы, но онъ ей повиновался. Несмотря на твердую рѣшимость остаться вѣрной до конца долгу самой строгой добродѣтели, она не жаловалась и не могла жаловаться, что была такъ постоянно, такъ страстно любима. Въ любви Петрарки къ Лаурѣ есть такъ много возвышеннаго и прекраснаго, что страсть эта должна обезоружить самое суровое сердце. Такая любовь, несмотря на невольный трепетъ, овладѣвающій сердцемъ, есть гимнъ не одной только красотѣ, но гимнъ сердцу, гимнъ уму: поэтъ не говоритъ обожасмой женщинѣ: Я люблю твою красоту, молодость, блескъ очей твоихъ, свѣжесть устъ; онъ говоритъ ей также и говоритъ ежеминутно: «Я люблю твое сердце, благородное, великодушное сердце, понимающее все прекрасное; я люблю твой умъ, отгадывающій все высшія

истины; сердце и умъ твой привязали меня къ тебѣ цѣною, которая не заржавитъ, не распадется отъ времени. Красота твоя поблекнетъ, глаза потеряютъ блескъ, уста свѣжестъ, но юность, улетая, не унесетъ любви моей. Красота твоя восхищаетъ меня; но развѣ лучшая твоя частица, та, которую глаза мои не видятъ, менѣе достойна молитвъ и обоженія? Люблю звукъ твоего голоса, даже шумъ шаговъ твоихъ, какъ-будто дивная гармонія управляетъ твоими малѣйшими движеніями, но я люблю также нѣжно, также пламенно, чувства, скрытыя въ глубинѣ твоей совѣсти, мысли не долетающія до устъ твоихъ и моего слуха. Какова бы ты ни была, строга или снисходительна, я благословляю тебя, потому что вся жизнь моя въ тебѣ и я весь твой.»

Зачто когда Петрарка удалялся, Лаура часто блѣднѣла. Хотя глаза ея никогда ничего не общали, но встрѣта пламенный взоръ Петрарки, она не могла объ немъ вспомнить безъ особеннаго трепета и умиленія. Никогда признаніе въ этомъ трепетѣ и умиленіи не слетало съ устъ ея, но признаніе это могло обойтись безъ словъ и дойти прямо до сердца ея поэта. Поблѣднѣвъ, Лаура взмѣнила своей тайнѣ. Мысль эта долженствовала быть для него источникомъ радостей, блаженства, потому что улыбка, привѣтливое слово, пожатіе руки со стороны столь строгихъ правилъ женщины, покорной невольницы своего долга, имѣютъ болѣе цѣны, чѣмъ обладаніе женщиною, достоинство которой состоитъ только въ одвой молодости и красотѣ. Но сердце мужичны, созданнаго чтобъ любить и быть любиму, — пропасть неблагодарности: вмѣсто того чтобъ благодарить небо за ниспосланныя благодѣянія, онъ груститъ и сердится на пренебреженія, которыя разлучаютъ его съ мечтательнымъ счастьемъ. Жажда честолюбія заглушаетъ благодарность. У Лауры было одиннадцать человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ девять пережили ее. Такое плодородіе было для Петрарки вѣчнымъ предметомъ горести, безконечными мученіями. Каждый разъ когда семейство Лауры увеличивалось, ревность его, на мигу успокоенная, пробуждалась съ большимъ пламенемъ и яростію чѣмъ когда-нибудь. Тогда онъ начиналъ сомнѣваться въ истинѣ того, что видѣлъ; блѣдность Лауры, приводившая его въ удивленіе, представлялась какъ сонъ, какъ мечта, недостойная привлечь къ себѣ вниманіе. Онъ досадовалъ и говорилъ, что съ его стороны было бы сумасшествіемъ принимать за доказательство, любимаго трепетъ, который можетъ быть до него и не касался. Онъ упрекалъ себя въ слабости, въ ослѣпленіи; проклиналъ свое легковѣріе,

отвергалъ рѣшительно всѣ свои воспоминавія, и это упорное отрпцаніе очевиднаго заставляло на минуту молчать его ревность; думая, что его болѣе не любятъ, онъ хотѣлъ равнодушно смотрѣть на семейство, которое, каждый годъ увеличиваясь, зажигало такую ярость и отчаяніе въ душѣ его и стоило столькихъ жгучихъ слезъ поэту. Между-тѣмъ, ясныя доказательства любви Лауры брали скоро верхъ надъ его сомнѣніями; онъ собиралъ всѣ свои воспоминавія и проходилъ въ умѣ всѣ вѣсныя доказательства привязанности Лауры. Увѣренность, что онъ любимъ, снова возжигала всю его ревность.

Глубока была печаль Петрарки. Убѣжденный въ безуміи своихъ первыхъ надеждъ, онъ хотѣлъ путешествовать, думая въ невинности сердца, что путешествіе его вылечитъ, что образъ обожаемой женщины будетъ блѣднѣть по немногу и, можетъ-быть, когда-нибудь совсѣмъ исчезнетъ изъ его памяти. Напрасныя усилія, бесполезное развлеченіе, немощныя покушенія! любовь всюду преслѣдовала поэта, никогда не покидала его. Въ глуши лѣсовъ, на берегу рѣкъ, днемъ, когда солнце палило своими лучами или закатывалось, набрасывая тихій и прозрачный полусвѣтъ, навѣвающій тихую грусть и сладостныя мечты,—всегда и вездѣ Петрарка былъ одинаковъ, всегда и вездѣ онъ любилъ Лауру. Оставаясь одинъ самъ съ собою, онъ напрасно искалъ разсѣянія, облегченія страданій въ красотахъ природы; неутомимый голосъ сердца призывалъ его къ обожаемому образу и скрывалъ отъ него величественныя виды; или, если ему случалось глядѣть внимательно на долины, которыя разстилались у ногъ его, на горы возвышающіяся надъ его головою; на цвѣтушія, золотистыя нивы, сливающія блескъ свой съ горизонтомъ, на облака, которыя неслись въ воздухѣ, въ каждомъ предметѣ ему видѣлась его Лаура. Въ хлѣбныхъ колосьяхъ ему видѣлись бѣлокурыя волосы Лауры; въ шелестѣ листьевъ, качаемыхъ вѣтромъ, слышались шаги ея; въ жалобахъ соловья, голосъ ея; въ журчаньи ручейка, прозрачныя струи котораго искрились разноцвѣтною радугою, ему слышался шопотъ ея; въ столахъ морскихъ волнъ—ропотъ, упрекъ Лауры. Мечты иногда такъ овладѣвали поэтомъ, что онъ говорилъ съ Лаурою какъ будто бы она тутъ была, и удивлялся, ожидая напрасно отвѣту.

Путешествіе не успокоило, не излечило его сердечныхъ ранъ, напротивъ волненіе и трепетъ сильнѣе прежняго овладѣли имъ. Каждое утро онъ покидалъ кровъ, гдѣ провелъ послѣднюю ночь, каждое утро брался за странническій посохъ, обѣ-

галъ новыя, неизвѣстныя страны; утомлялъ, упорно мучилъ свое тѣло, но не могъ вырвать изъ сердца обожаемый образъ. Наконецъ, утомясь такою безотрадною борьбой, онъ начиналъ завидовать воздуху, которымъ дышала Лаура; тропинкамъ, гдѣ оставались слѣды ея; тѣни, прикрывающей ее отъ солнечныхъ лучей; тѣмъ заборамъ, за которыми онъ прятался, чтобъ взглянуть на прекрасный лобъ и свѣжія губы ея, прикрытыя ревнивымъ покрываломъ, не совсѣмъ скрывающимъ ее отъ жадныхъ взоровъ любовника.

Ему жаль упрековъ, нетерпѣнія, даже самаго гнѣву, которыми дышали въ его присутствіи взоры Лауры. Страданія эти, за которыя онъ ропталъ на небо, упрекая его въ несправедливости, приходили ему теперь на память какъ самыя блаженныя минуты его жизни, какъ благословенныя мгновенья, за которыя онъ возсылаетъ благодаренія къ Богу; просить прощенья, что осмѣлился роптать и не умѣлъ цѣнить своего счастья, — и изъ пламеннаго сердца снова вылетаютъ теплыя мольбы и благодаренія.

Онъ возвращался къ Лаурѣ съ твердымъ намѣреніемъ вполне наслаждаться ея присутствіемъ, упиваться ея взоромъ, не обвинять болѣе неба, не гнѣвить болѣе неблагодарностью Бога, который ниспослалъ ему ангела. Но увы! вскорѣ неумолимое горе съ большею силою овладѣвало его сердцемъ и приводило въ отчаяніе. Сгараемый страстью и слишкомъ увѣренный, что женщина, въ которой заключался весь міръ поэта, никогда не будетъ принадлежать ему, онъ ожидалъ отъ будущности только одного горя. Напрасно онъ увѣрялъ себя, что долженъ радоваться увидавъ ее снова, дыша тѣмъ воздухомъ, которымъ она дышетъ; становиться на пути и встрѣчать взоръ ея: сердце его молчало передъ упреками разсудка. Какъ только разсудокъ переставалъ говорить, какъ только нетошались въ немъ всѣ размышленія, такъ сердце снова начинало роптать, жаловаться, возставать противъ судьбы. Возлюбленный Лауры чувствовалъ, что онъ стоитъ на пути, гдѣ нѣтъ ни входу, ни выходу. Возвратиться назадъ, оторваться отъ женщины овладѣвшей всѣми его чувствами, всѣми способностями, стараться забыть ее.... это было бы невозможно: такое намѣреніе не могло даже коснуться его мысли.

Несчастный чувствовалъ всю тяжесть своей цѣпи и не имѣлъ силы разорвать ее, потому что напередъ зналъ, чувствовалъ, что сдѣлавшись независимымъ, свободнымъ, онъ будетъ горько оплакивать свою неволю. Неумоливая мысль ежеминутно впадава-

шла въ его душу; слышитъ у ноготкѣхъ, ишла слать и слышала слѣды его:

«Она любить меня, я это знаю; не могу сомнѣваться: я прочтала въ ея глазахъ тайну сердца; напрасно она скрывается, напрасно старается казаться строгою, таѣ жалость поддѣлываетъ; она не могла утѣнть отъ меня волненія, умиленія; не со мной единымъ, но и съ собой она должна бороться. Какъ вблзан такъ и удала отъ меня, она находитъ въ самой себѣ врага, съ которымъ борется,—опасность, которую отталкиваетъ. Не разъ, можетъ-быть, она хотѣла предупредить мои желанія; не разъ думала, что ей нечего мнѣ прощать,—что она сама имѣеть нужду въ милосердіи Божиюмъ, что она потеряла право быть моей судьей,—что одымакій приговоръ внести надъ нашими головами. Обуждая себя, она оправдываетъ меня; гдѣ есть сообщество, там и судъ равенъ. Она любить меня, я не могу закрыть глазъ и не видать любви ея; когда я уважала, она поблѣдѣла, взоръ ея провожалъ меня: Солнучію отоялъ тутъ, подглядывала слезы, паданія съ рѣсницъ ея... и между-тѣмъ она никогда не будетъ моею. Она болѣе дорожитъ своимъ долгомъ тѣмъ моимъ счастьемъ; имѣю ли я право упрекать ее? Добродѣтель ея терзаетъ меня, но могу ли я обвинять ее, что борется теперь съ собой, какъ прежде боролась съ моею любовью? Жалобы мои обращаются только къ небу, которое слышавшъ поздно поставило ее на пути моемъ.»

Горестъ и отчаяніе Петрарки вносѣдотвн еще болѣе усилились. Полнощамъ Лауры, скучая жизнью, желая смерти, призывая ее, слыкъ наконецъ съ этою мыслию и стала думать о самоубійствѣ, какъ объ единственномъ ублжннѣ. Тутъ не одно предположеніе болѣе или менѣе правдоподобное, но одно заключеніе, снѣже выведенное изъ нѣсколькихъ неясныхъ словъ, которыхъ можно понять разнымъ образомъ: мысль о самоубійствѣ является явнѣ, отчетливо въ стихахъ Петрарки: въ нихъ нѣтъ ничего двусмысленнаго. Часто ли мысль эта приходила ему на умъ? Это трудно узнать, даже читая се вниманіемъ другія его творенія. Въ нихъ ничемъ не говорится на этотъ счетъ. Какъ бы то ни было, но постъ восторженнославъ надъ своимъ отчаяніемъ; оттолкнула она себя мыслью о самоубійствѣ. Если внимательно разосматривать сонеты и канцонны, гдѣ Петрарка вырываетъ свое горе, можно видеть, что разлагая и описывая свои страданія; она вынесла въ этомъ такое утѣшеніе; никого не могла дать ему самая искренняя, самая преданная дружба.

Ищуща причину своего горя, воспоминаемъ малѣйшія обстоятель-ства, касающіяся до перваго развитія его страсти, отлещивая съ терпѣніемъ и стараніемъ малѣйшіе эпизоды разсказа зарытаго въ глубинѣ сердца, мысли его берутъ другой оборотъ. Воспламеняясь постепенно въ созерцаніи своихъ страданій, онъ возгордился своими испытаніями. Даже, можетъ-быть, въ порывѣ гордости онъ думалъ: Никто еще не страдалъ болѣе меня; никто не любилъ такъ пламенно, такъ страстно; никто не чувствовалъ такой настойчивой, вѣрной, безкорыстной любви; никто не воздвигъ еще въ своемъ сердцѣ такого великолѣпнаго храма; обожаемой женщиной никто не возжигалъ такого чистаго огня. Это безумная мысль всѣхъ влюбленныхъ, которые присвоиваютъ себѣ единъ право страдать и любить; безуміе, достойное прощенья, потому что оно, если не излечиваетъ сердечныхъ ранъ, то утѣшаетъ, подкрѣпляетъ страждущихъ; если не обновляетъ сердца, полнаго безнадежной страсти, то облагораживаетъ его по-крайней-мѣрѣ. Въ сонетахъ и канцонахъ, посвященныхъ описанію любви Петрарки, слѣдуя за вѣтви переворотами его мысли, невозможно не сдѣлать заключенія, о которомъ мы говорили. Сначала онъ жалуется робко, покорно, но вскорѣ ропотъ этотъ переходитъ въ гордость. Душа поэта страданіями своими возвышается надъ толпою; онъ изъ гора воздвигаетъ себѣ треножникъ, тронъ и надменно смотритъ на толпу, которую не осятели еще ни испытанія ни страсти. Вскорѣ всѣ мысли его обратились къ славѣ. Пламенное желаніе заслужить европейскую славу заглушило на нѣкоторое время его горе. Петрарка обратился къ латинскому языку и просилъ у него славы. Когда вспомнишь, что во всей Европѣ едва ли найдется для его латинскихъ твореній нѣсколько сотенъ читателей, то сначала удивляешься такому нахвостію. Однако, если вспомнить хорошенько, что въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка,—то есть когда Петрарка рѣшился на то, чѣмъ насъ теперь такъ удивляетъ,—италийскій языкъ только что составлялся, образовался, тогда удивленіе исчезаетъ. Пятнадцатый вѣкъ объявляетъ Петрарку, но мы помнимъ его недоверіе къ проstonу, необработанному языку своего отечества. Какъ Цицеронъ и Вергилій были неотлучными спутниками его удавленныхъ прогулокъ, такъ онъ проводилъ ночи въ чтеніи ринскаго оратора и поэта, то повольно подражалъ этимъ двумъ знаменитѣйшимъ образцамъ. Письма Цицерона дали Петраркѣ мысль латинской переписки съ знаменитѣйшимъ особамъ его времени,

отличившимися въ наукахъ, церковныхъ дѣлахъ или молитвѣхъ. Желая бесѣдовать съ великими мужами древности, онъ доходилъ до того, что писалъ къ прославленнымъ мертвецамъ, имена которыхъ царствуютъ въ исторіи, къ воинамъ, государственными людьми, поэтамъ, представителямъ генія славы, политики и поэзіи древней владычицы міра.

Между героями древности, особенно Циціонъ Африканскій привлекалъ къ себѣ вниманіе и сочувствіе Петрарки; соединеніе храбрости съ чистотою сердца особенно восхитили поэта. Герой этотъ сдѣлался для Петрарки сюжетомъ латинской эпопеи. Поэма эта, извѣстная подъ заглавіемъ «Африки», по которую очень немногіе теперь читаютъ, была въ четырнадцатомъ вѣкѣ,—надо въ тогѣ признаться, хотя такое событіе покажется очень страннымъ,—главнымъ или скорѣе единственнымъ основаніемъ поэтической славы Петрарки. Мы не хотимъ изъ этого заключать, избави Боже! чтобъ стихи его, писанные на парадномъ языкѣ, не заслужили при жизни его ни какой славы: это значило бы несправедливо оскорблять вкусъ его современниковъ. Не смотря однако ни на прелесть, ни на успѣхъ, ни даже, если хотите, на народность его сонетовъ и канцовъ, которые онъ называетъ въ своихъ латинскихъ твореніяхъ милыми бездѣлками, ни сонеты, ни канцоны не могли дать Петраркѣ поэтической вѣнцы Капитолія. Эти мгновенныя вторенія его генія были приняты какъ обыкновенныя вещи, которыя можно читать въ часы отдохновенія, и никто не думалъ чтобъ онѣ имѣли право на истинно серьезную славу.

Поэма «Африка» была принята и рѣшила вѣдчаніе Петрарки. Она еще не была кончена: авторъ написалъ только нѣсколько сотъ стиховъ, но стихи эти, наскоро списанные, съ жадностью читанные и перечитанные, были тогда важнѣйшимъ событіемъ въ литературѣ: эпопея, латинская эпопея, страшная борьба съ авторомъ Энеиды, — тутъ было чѣмъ взволновать, удивить, восхитить ученую Европу. Въ одинъ день, почти въ тогѣ же часъ, Петрарка получилъ письма отъ римскаго сената и парижскаго университета, которые приглашали его явиться получить поэтическій вѣнецъ. Онъ колебался нѣкоторое время между парижскимъ университетомъ и римскимъ сенатомъ. Посоветовавшись съ самымъ лучшимъ, преданнѣйшимъ своимъ другомъ, Даниеломъ Колонна, онъ принялъ предложеніе римскаго сената. Между тѣмъ Петрарка не хотѣлъ явиться на ступени Капитолія, но посоветовавшись на счетъ достоинства своей поэмы съ нѣско-

танскимъ королемъ Робертомъ, который считался тогда однимъ изъ ученѣйшихъ людей своего времени. Онъ прочелъ королю Роберту первыя пѣсни «Африки», и въ продолженіи трехъ дней выдерживалъ публичный экзаменъ во многихъ наукахъ. Послѣ этого испытанія, изъ котораго онъ вышелъ побѣдителемъ, поэтъ почиталъ себя истинно достойнымъ вѣнчанія въ Капитоліи и не сомнѣвался болѣе въ самомъ себѣ. Король Робертъ просилъ Петрарку посвятить ему поэму «Африка», на что тотъ согласился съ радостью. Вѣнчаніе Петрарки совершилось въ Римѣ, 1341 года, съ пышностью, великолѣпіемъ, могущими удовлетворить самую честолюбивую душу. Самая взыскательная гордость была бы вполне удовлетворена такою почестью, а между-тѣмъ нельзя сказать, чтобъ Петрарка былъ истинно, совершенно счастливъ. Если онъ желалъ славы, если онъ приобрѣлъ ее, то это было не для самой славы: ему хотѣлось, чтобъ Лаура дрожала отъ радости и гордости глядя на лавры, возложенныя на чело ея возлюбленнаго. Сбудется ли эта надежда? Возьметъ ли слава, чего любовь не могла вымолить? Мысль эта должна была представиться Петраркѣ въ то самое время, когда онъ всходилъ по ступенямъ Капитолія для принатія вѣнца поэзіи. Можетъ ли самая блестящая слава удовлетворить, успокоить сердце, волнуемое любовью? Слава есть развлеченіе, а иногда промежутокъ страданій, но для человѣка, которымъ овладѣла пламенная привязанность, громъ окружающій его нил, доказательства всеобщаго удивленія, восторгъ относящійся къ его твореніямъ, не могутъ изгладить изъ памяти образа обожаемой женщины. Когда женщина бываетъ низвержена славою въ сердце своего любовника, она можетъ роптать, удивляться, униженная гордость ея можетъ страдать, но ей истинно не о чемъ горевать: сердце, которое она потеряла, не стоило труда оспаривать. Слава — опасное, рѣшительное испытаніе; сердца полныя твердости, которыя не помрачаютъ своей свѣжести упоеніемъ, рукоплесканіемъ толпы, одни только достойны вѣчнаго, неизгладимаго воспомнанія. Слава — достойная награда гения, но немощная для счастья не изгладила милаго образа изъ сердца Петрарки; любовь осталась тамъ во всей своей цѣлости, и, въ продолженіи семи лѣтъ, протекшихъ между вѣнчаніемъ поэта и смертью Лауры, она была также пламенна, также безгранична. Какъ страсть Петрарки есть главное событіе въ его жизни; какъ его путешествія, занятія, слава, относятся къ этой страсти, то мы съ изумленіемъ пропустили нѣкоторые случаи, составляющіе его біографію, и до сихъ-поръ ограничивались только анализомъ этой

страсти. Метода эта, которая, съ перваго взгляду, можетъ показаться странною, имѣеть однако жъ свои выгоды, когда дѣло идетъ о такомъ человѣкѣ, каковъ Петрарка, особенно когда сердце его управляло умомъ, волею и разсудкомъ. Теперь мы узнали его вполнѣ; сердце его открыто передъ нами; мы прочли въ немъ всѣ желанія, всѣ страданія поэта. Разсмотрѣвъ такимъ образомъ человѣка, мы принимаемся за поэта и можемъ довѣрчиво открыть «Канцониеро», куда Петрарка заключилъ лучшую часть самого себя.

Сонетамъ Петрарки былъ сдѣланъ строгій упрекъ, который былъ бы довольно справедливъ, если бъ не относился къ общему составу его сочиненій: было сказано, что въ сонетахъ его нѣтъ простоты. Обвиненіе это основано на здоровомъ смыслѣ, на очевидности, правда, только не надо обвинять вообще, потому что по крайней-мѣрѣ половина сонетовъ «Канцониеры» дышетъ простотою, ясностью и чистосердечіемъ. Что же касается до тѣхъ, гдѣ царствуетъ одинъ умъ, гдѣ, часто милыя, но почти всегда чуждыя страсти, мысли обдѣланы терпѣливо, со тщаніемъ, ловко выведены, они, несмотря на счастливый выборъ словъ, отличающій эти сонеты, не привлекли бы вниманіе читателя, если бъ не было на заглавномъ листкѣ имени Петрарки. Благородство и грація описаній достойны изученія; но стихи эти ничего не говорятъ сердцу.

Когда Петрарка сравниваетъ себя съ лебедемъ, потому что волны его сдѣвютъ, когда онъ разлагаетъ имя Лауры чтобъ най-ти въ немъ похвалу, уваженіе и молчаніе, или, когда съ помощью апострофа, помѣщеннаго между первою и второю буквою, онъ видитъ въ этомъ дорогомъ ему имени даже воздухъ, которыми дышитъ, то это, разумѣется, никому не можетъ доставить слишкомъ большаго удовольствія, но сонеты истинно прелестныя, единственное достоинство которыхъ основано на устройствѣ словъ и выборѣ образовъ, едва составляетъ половину тѣхъ сонетовъ, гдѣ Петрарка говоритъ о любви своей. Ктому же, не надо забывать, что возлюбленный Лауры также сильно содѣйствовалъ преобразованію италіанскаго языка, какъ авторъ «Божественной Комедіи»; даже было доказано «филологами, что вообще слогъ «Канцониеры» чище, мягче, ближе къ латинскому происхожденію, чѣмъ слогъ «Божественной Комедіи». Не надо же удивляться, что Петрарка, написавъ на одну тему нѣсколько сотъ сонетовъ, позволялъ себѣ иногда невинное удовольствіе разставлять слова и подбирать образы. Когда на-

чтешь и смѣло продолжаешь чтеніе «Канцоніеры», то вскорѣ замѣчаешь, что страсть играетъ тамъ очень важную роль, но чтобы дойти до страницъ, гдѣ говорятъ одно сердце, гдѣ самыя пламенные желанія, самыя высокія, истинныя чувства выражаются чистосердечно, надо покориться и прочесть терпѣливо еще нѣсколько страницъ, наполненныхъ одними остротами игривости ума. Большею частью критики важно осуждаютъ Петрарку, какъ вѣчно жеманнаго поэта, а между-тѣмъ сами не читали даже пятисотъ стиховъ изъ Канцоніеры, то есть не знаютъ даже осьмой доли сонетовъ. Такое поверхностное мнѣніе не заслуживаетъ даже возраженія.

Поэтъ умѣлъ избавить читателя отъ скуки и однообразія; рассказывая свои радости, надежды, сожалѣнія, онъ нашелъ средство заинтересовать, взволновать, описать свое чувство чрезвычайно разнообразно, хотя это было довольно трудно. Онъ благословляетъ день, часъ, мѣсто, гдѣ увидалъ въ первый разъ Лауру. Онъ вспоминаетъ съ упоеніемъ ту незабвенную тропинку, гдѣ она взглянула на него не такъ строго и удостоила улыбки. Страсть эта, такъ часто мистическая въ его выраженіяхъ, не отказывается однако ни отъ упрековъ, ни отъ ироніи. Зеркало, передъ которымъ Лаура съ наслажденіемъ любитъ собою, перлы и цвѣты, которые она вплетаетъ въ волосы, возбуждаютъ справедливый гнѣвъ любовника и вырываютъ изъ сердца слова полныя горечи. Удивляясь безпрестанно красотѣ своей, Лаура пріучается не любить; останавливая на своемъ образѣ самодовольный взоръ, она внушаетъ сердцу забвеніе и высокомеріе. Однажды поэтъ возмѣлъ самыя смѣлыя надежды: онъ думаетъ, что достигаетъ счастья; надежды его не сбылись и онъ горько ропщетъ и жалуется. Если эти упреки, этотъ ропотъ не одинъ капризъ воображенія, то, вѣроятно, несмотря на высокую чистоту всей своей жизни, съ языка Лауры сорвалось неосторожное обѣщаніе. Чтѣ она обѣщала? Петрарка не говоритъ этого утвердительно, но подъ скромностью словъ его, легко можно угадать всю дерзость надеждъ. Онъ считаетъ часы и восклицаетъ: «Если безумныя желанія не ослѣпляютъ меня, то настала счастливая минута, обѣщанная изъ жалости.» Слова эти, кажется, довольно ясно доказываютъ назначенное свиданіе, на которое Лаура не пришла. Потомъ онъ продолжаетъ: «Какой жестокой вѣтеръ разсѣялъ сѣмя, готовое взойти, распухнуть и принести желанный плодъ? Какая стѣна возвысилась между колосомъ и моею рукою?» Если понять въ обѣщаніи смыслъ эти жалобы, если, вмѣсто-того чтобы отнестись

къ обманутымъ надеждамъ, онѣ означаютъ дѣнь, часть, обещанный изъ жалости; если стѣна, находящаяся между рукою и колосомъ, не имѣетъ аллегорическаго значенія, то легко можно понять отчаяніе любовника, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ. Въ выраженіи этой жалобы нѣтъ ничего такого, за что обыкновенно осуждаютъ Петрарку; въ этомъ сонетѣ нѣтъ ни одного стиха, въ которомъ не было бы живости и чистосердечія. Каково бы ни было принятое мнѣніе, пусть разсмотрятъ и поймутъ этотъ сонетъ въ литературномъ или аллегорическомъ смыслѣ: тогда невозможно отвергнуть удивительнаго достоинства выраженій. Всѣ образы и формы совершенно подходятъ къ мысли; аналогія и размѣръ вѣрно сохранены. Въ разстановкѣ словъ нѣтъ ни какого усилія. Искусство поэта такъ совершенно, что оно вовсе незамѣтно. Въ формахъ его такъ много неожиданнаго, такое изобиліе, что забываешь восхищаться гармоніею стиховъ и невольно принимаешь участіе въ отчаяніи поэта. Сколько еще другихъ сонетовъ въ «Канцоніерѣ», заслуживающихъ ту же похвалу, говорящихъ сердцу языкомъ, котораго никто не могъ превзойти.

Изъ всѣхъ сонетовъ Петрарки, самый лучшій, самый высокій тотъ, гдѣ поэтъ рассказываетъ разговоръ свой въ небѣ съ Лаурой, умершею уже нѣсколько лѣтъ тому. Въ рассказѣ этого видѣнія есть дивные звуки. Восхищенный мыслию до третьей сѣеры, живища любовниковъ, поэтъ снова видитъ ту, которую такъ любилъ: она еще лучше, но уже не такъ недоступна. Она беретъ его за руку и пѣжнымъ голосомъ возвѣщаетъ ему, что со временемъ онъ соединится съ нею. Человѣчeskій умъ не можетъ постичь счастья Лауры, — Лаура въ небѣ ждетъ своего возлюбленнаго. Пока не будетъ соединена съ нимъ, она не можетъ быть вполне счастливою. «Зачѣмъ она открыла руку, которая держала мою? Прислушиваясь къ звуку ея сострадательныхъ рѣчей, мнѣ такъ хотѣлось остаться въ небѣ.» Надо читать въ оригиналѣ этотъ восхитительный сонетъ: переводить его нельзя. Самый вѣрный, написанный слово въ слово переводъ, не могъ бы передать той дивной прелести, которая дышитъ въ каждомъ стихѣ его. Никогда любовь не выражалась съ большею вѣжностью; никогда грусть не выказывалась съ большею восторженностью; никогда надежда на лучшую жизнь и пламенно желаемое соединеніе не находили болѣе доходящихъ до сердца звуковъ. Рана сонета такъ тѣсна, что помѣстивъ въ ней стихотвореніе, кажется невозможно дать мысли все величіе, допускаемое неопредѣленнымъ числомъ строфъ оды. Петрарка торжественно доказалъ раз-

сказомъ этого небеснаго видѣнія, что даже въ тѣсной рамѣ сонета есть мѣсто для полнаго развитія самыхъ высокихъ мыслей. Все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ выбрать характеристическія черты мысли, которую хочешь выразить. Пожорля поэтический міръ его главнымъ элементамъ, пренебрегая всѣми второстепенными, расширяешь раму, которая сначала казалась такою узкою. Но чтобъ сдѣлать этотъ выборъ, недостаточно даже самаго уточненнаго вкуса; одинъ только гений схватываетъ безотчетно характеристическія черты, одинъ только гений можетъ смѣло стереть все, что не имѣетъ истиннаго интереса и важности. Зато мы ни кому не совѣтуемъ заключать мысль свою въ четырнадцать строкахъ сонета. Ода или элегія, которая даетъ поэту болѣе мѣста и свободы, кажется, должна быть предпочтена во многихъ случаяхъ. Я не думаю однако, чтобъ мысль Петрарки, развернутая въ болѣе широкое размѣръ, выиграла что-нибудь черезъ эту перемѣну. Всѣ главные пункты очень ясно передавы въ сонетѣ, о которомъ мы говоримъ; ода или элегія не могли ничего прибавить, чтобъ сдѣлать выраженіе глубже или сильнѣе. Умѣренность была тутъ непремѣнною необходимостью; если бъ поэтъ, вмѣсто-того чтобъ разсказать въ нѣсколькихъ словахъ свой разговоръ съ Лаурою, сталъ распространяться въ подробностяхъ,—не было бы того чуднаго видѣнія, ни того величія, ни трогательной нѣжности, возбуждающихъ въ душѣ читателя такой естественный восторгъ, такое должное удивленіе. Канцоны его — настоящія оды, раздѣленныя на правильныя строфы. Въ сочиненіи этого рода, какъ и въ сонетѣ, Петрарка достигъ до высшей степени лирическаго искусства; онъ и теперь еще служитъ образцомъ и вожакомъ всѣмъ тѣмъ, которые намѣреваются идти этимъ труднымъ путемъ. Никто не обладалъ такою разборчивостью и такимъ благородствомъ слога какъ Петрарка, а между-тѣмъ не одѣвъ эти столь рѣдкія достоинства говорить въ пользу его канцонъ. Что ихъ совсѣмъ особенно характеризуетъ, что придаетъ имъ совершенно спеціальную фязіономію, это — почти фамилярная простота съ самаго начала и удивительная лоякость, съ которою авторъ возвышается отъ строфы къ строфѣ до самыхъ возвышенныхъ мыслей. Онъ такъ бережетъ свои силы, такъ искусно заковываетъ всѣ свои мысли, переходы его такъ естественны, что читатель, какъ-будто самъ того не вѣдая, невольно переносится въ самыя высокія сферы фантазіи.

Первыя строки канцонъ Петрарки, почти всегда писаны тономъ посланій; онъ рѣдко возвыщаетъ тонъ слѣдующихъ строфъ

Эта противоположность между началом и остальным частью сочинения, которую легко можно доказать, так впрочемъ хорошо скрыта, что не можетъ оскорбить вкуса. Одна изъ очаровательнѣйшихъ канцонъ есть та, гдѣ поэтъ обращается къ ручью, принавшему въ свои прозрачныя воды чудный станъ любимой женщины. Онъ завидуетъ цвѣтамъ изнемогающимъ благословенные берега этого ручья, — цвѣтамъ, которые она топтала, которые упали на ея бѣлыя плечи, на золотыя кудри, на шелковую косу. Въ выраженіи его чувствъ есть такая нѣга, простота, исполненная такой нѣжности, что всякое его слово не ходитъ на ласку. По немногу нѣжность переходитъ въ грусть, въ меланхолю. Поэтъ думаетъ о смерти и возноситъ къ Богу теплую молитву: ему хочется покоиться подъ тѣми цвѣтами, которыхъ коснулась ножка Лауры, на берегу ручья, который принялъ ее въ свои прозрачныя воды. Можетъ быть, когда-нибудь она ороситъ слезами могилу того, кто ее такъ безпредѣльно любилъ. Невозможно читать безъ особеннаго волненія эту канцону, каждый стихъ которой дышетъ самымъ истиннымъ, самымъ непритворнымъ чувствомъ. Хотя всѣ слова выбраны и разстановлены съ большимъ искусствомъ, однако несмотря на то, когда читается эти строки, кажется, что онѣ не стоили поэту ни какого труда, ни малѣйшаго размысленія, такъ онѣ естественны и свободны во всѣхъ своихъ движеніяхъ; всѣ мысли такъ обозначены, что было бы невозможно въ нихъ что-нибудь переменить, смягчить, сдѣлать, не измѣнивъ характера сочиненія. Тѣмъ, которые обвиняютъ Петрарку въ исключительномъ предпочтеніи замысловатыхъ идей, можно представить эту канцону какъ краснорѣчивое опроверженіе ихъ мнѣнія. Если, прочитавъ ее, они станутъ упорствовать въ своемъ обвиненіи, такъ это будетъ значить, что они желаютъ отвергать неоспоримую истину. Желать убѣдить ихъ, значить терять время и слова. Что же касается до тѣхъ, которые неподдѣльно предаются своимъ чувствованіямъ и высказываютъ ихъ откровенно, не заботясь о принятыхъ формулахъ, для тѣхъ нѣтъ ничего сомнительнаго: они увидятъ въ этой канцонѣ верхъ нѣжности и меланхолии.

Петрарка написалъ на глаза Лауры три канцоны подъ названіемъ «Три Сестры». Описывая три раза одинъ и тотъ же предметъ, онъ нашелъ средство быть всегда новымъ и разнообразнымъ. Хотя похвала красотѣ занимаетъ пространное мѣсто въ этихъ трехъ сочиненіяхъ, однако похвала эта не одна наполняетъ мысль поэта. Въ канцомахъ этихъ, хотя предметъ, кажется, дѣл-

жонъ скоро истощится, царствуетъ такая возвышенность и между-тѣмъ такое разнообразіе, что онѣ по неволѣ и по праву возбуждаютъ общее удивленіе. Мы не думаемъ, какъ большая часть италіянскихъ критиковъ, что рѣшительно нечего сказать противъ канцовъ «Три Сестры»; мы думаемъ, что позволено, не оскорбляя гения, осудить нѣкоторыя формы, нѣкоторыя сравненія, которыя ни сколько не возвышаютъ достоинства выраженныхъ чувствъ, а между-тѣмъ нѣсколько лишаютъ твореніе прелести, потому что ходитъ на игру словъ. Мы должны сказать, что пятенъ этихъ очень мало и они ни сколько не отнимаютъ достоинства его прекрасныхъ одъ. Мысль о самоубійствѣ проглядываетъ въ первой изъ трехъ одъ. Высказавъ свое восхищеніе и свои страданья, поэтъ предается отчаянію. Онъ говоритъ, что послѣ столькихъ жалобъ и бесполезныхъ вздоховъ, послѣ столькихъ желаній, надеждъ, молитвъ, унесенныхъ вѣтромъ, лучше было бы покинуть свою тѣнную темницу, возвратитъ свободу энергическою рѣшимостью, и очень ясно говоритъ о своевольной смерти какъ единственномъ средствѣ къ освобожденію, но боязнь строгаго наказанія въ будущей жизни, однимъ словомъ христіанская вѣра устрашаетъ, заставляетъ молчать ужасный совѣтъ, вызванный горемъ. Поэтъ возвращается къ трудному, имъ самимъ выбранному предмету, къ глазамъ Лауры, которую не знаетъ, какъ достойнѣе восхвалять. А между-тѣмъ, осуждая недостатокъ, или скорѣе немощь словъ, вымаливая прощенье за смѣлость, онъ воспѣваетъ съ такимъ восторгомъ, съ такимъ жаромъ глаза Лауры, что любовь эта выходитъ на обожаніе. Во второй канцонѣ онъ смотритъ на глаза Лауры съ совершенно моральной стороны. Глядя въ очи возлюбленной женщины, онъ возвышается до созерцанія неба. Она одна ободриетъ его, внушаетъ любовь къ добру, любовь къ прекрасному. Только въ ея глазахъ онъ читаетъ высокія правила жизни; для того только чтобъ ей нравиться, чтобъ быть ея достойнѣмъ, онъ борется съ грѣшными мыслями, рѣшается на самую строгую добродѣтель. Въ этой второй канцонѣ нѣтъ ни одного стиха, который бы напоминалъ пламень земной любви; все дышетъ въ ней покорностью и преданностью. Наконецъ въ третьей, восхваляя въ послѣдній разъ глаза Лауры, которыхъ, ему кажется, онъ никогда не можетъ воспѣть въ довольно достойныхъ ея выраженіяхъ, онъ говоритъ объ нихъ какъ объ единственномъ источникѣ всѣхъ благъ и всѣхъ радостей. Если онъ сдѣлался чѣмъ-нибудь, если онъ приобрѣлъ познанія, если слава возлегла на чело его блестящій вѣнецъ, то онъ обязанъ

вѣмъ этимъ глазамъ Лауры, къ которымъ относитъ свои познанія, добродѣтель, славу. Какая женщина была когда-нибудь восторженнѣе, прославлена съ большимъ краснорѣчіемъ? Какой поэтъ находилъ когда-нибудь для предмета любви своей такія чистыя теплыя, ласковыя слова?

Любовь, которая занимала столько мѣста въ жизни Петрарки, не совсѣмъ однако наполнила ее. Любовь къ отечеству этой великой души выражена съ необыкновенною восторженностью въ двухъ канцонахъ, которыя, какъ и «Три Сестры», пользуются законною извѣстностью. Первая, по мнѣнію нѣкихъ, относится къ кардиналу Колоннѣ, а по мнѣнію другихъ, къ Колъ-да-Риенцо. Чтобы одобрить трибуна, верховнаго владыку Рима, къ самымъ смѣлымъ предпріятіямъ, поэтъ зываетъ ко вѣмъ воспоминаніямъ римскаго величія; говоритъ обо вѣхъ знаменитыхъ мужахъ, предшествовавшихъ ему въ правленіи этого предназначеннаго града; онъ указываетъ ему на партіи яростно оспаривающія другъ у друга послѣдніе обломки римскаго колосса и, чтобы придать болѣе живости этому описанію, онъ представляетъ каждую партію, каждую фамилію, въ видѣ волковъ, змѣй, медвѣдей, орловъ и львовъ, изъ которыхъ составлены ихъ гербы. Въ этомъ поэтическомъ капризѣ есть красота, которую каждый пойметъ. Междуособія представленныя въ такомъ видѣ дѣлаются ужаснѣе, отвратительнѣе и это изображеніе удивительно какъ помогаетъ разсказу поэта. Описавъ слезы и трепеть женщинъ, дѣтей, стариковъ, просящихъ помилованія и умоляющихъ голосомъ, который разжалобилъ бы самый камень; гнѣвъ святыхъ, бранные остатки которыхъ не пощадило святотатство, церкви служація пристанищемъ воровъ и убійцъ, онъ оканчиваетъ, обращаясь къ трибуну Рима: «Какова будетъ твоя слава, когда ния твое станетъ паравнѣ съ именами столькихъ прославленныхъ мужей! Они поддерживали Римъ, когда онъ былъ молодъ и силенъ, а ты спасешь его отъ смерти въ старости!» Вся эта нѣса дышетъ силою, мужествомъ и твердостью, поразительною послѣ чтенія «Трехъ Сестеръ». Въ канцонѣ, относящейся къ вельможамъ Италіи, гдѣ онъ убиваетъ ихъ къ освобожденію ихъ общаго отечества, Петрарка находится подъ такимъ же счастливымъ вдохновеніемъ. Всѣ строфы этого творенія оживлены благородною гордостью. Съ самаго начала онъ говоритъ повелительно, твердо, съ горечью. Хотя онъ отчаявается въ спасеніи Италіи, однако знаетъ, утвердивъ, что голосъ его долетитъ до береговъ Тибра и Арно.

Онъ обращается къ Богу и умоляетъ Его бросить взоръ состраданія на эту прекрасную страну, на которую Онъ же ниспослалъ столько бѣдъ. «Что дѣлаете вы, восклицаетъ онъ, что дѣлаете вы, князья, владыки Италіи? На что вамъ все это чужеземное оружіе? для чего эти солдаты, продавшіе вамъ свою кровь и душу? Развѣ вы надѣетесь найти любовь и вѣрность въ этомъ продажномъ отродѣ? Сама природа позаботилась о защитѣ Италіи, отдѣливъ насъ отъ германскихъ племенъ высокимъ валомъ Альповъ. Теперь же дикіе звѣри и стада помѣщены въ одной клѣткѣ, такъ, что добрые всегда страдаютъ. А между-тѣмъ эти варвары, которыхъ вы призываете въ свое отечество и которые пожираютъ васъ, происходятъ отъ того самаго племени, которому Марій разорвалъ грудь, и воспоминаніе объ этомъ подвигѣ еще не погасло; и, когда жаждущій побѣдитель хотѣлъ утолить жажду, онъ пилъ изъ рѣки столько же крови, сколько воды. И вы терпите, чтобъ племя это превзошло васъ въ понятіяхъ и ручьями проливало кровь вашу,—племя, которое Богъ создалъ, нато чтобъ повиноваться вамъ, и которое теперь питается вашими расприами! Развѣ вы не видите слезъ, не слышите стенаній умоляющаго васъ народа? Именемъ Бога, умоляю васъ, прійдите въ себя, не противьтесь голосу сердца! Послѣ Бога, отъ васъ однихъ онъ ждетъ своего благоденствія. Докажите ему только участіе; добродѣтель подыметъ оружіе противъ ярости и бой будетъ коротокъ. Посмотрите, какъ летитъ время; жизнь убѣгаетъ, а смерть за плечами. Вы здѣсь теперь думаете о небесной странѣ; потому, надо чтобъ душа, одинокая и нагая, предстала къ неизвѣстному переходу вѣчности. И такъ готовясь перейти черезъ эту долину, оставьте за собою гнѣвъ и ненависть, противные вѣтры тихой жизни. Время, которое вы тратите на мученье другаго, употребите его на что нибудь достойное, благородное, дѣлайте что-нибудь прекрасное, великое: тогда вы будете наслаждаться земнымъ и небеснымъ счастьемъ.» Этотъ быстрый обзоръ достаточно доказываетъ всю возвышенность, все величіе канцоны къ князьямъ Италіи. «Канцона къ славѣ» тономъ и мыслями походитъ на «Трехъ Сестеръ», особенно на вторую. Поэтъ восхитился славой, потому что она ему укажетъ путь добродѣтели; вотъ тема, которую Петрарка хочетъ развернуть.

Только изъ любви къ славѣ онъ предпринялъ долгое и трудное твореніе, и если онъ пристанетъ къ желанной пристани, то надѣется жить еще долго, когда его будутъ считать уже мертвымъ. «Рѣдко, говоритъ ему слава, встрѣчался такой человекъ,

который услыхавъ обо мнѣ, не почувствуетъ въ сердцѣ искру, по-крайней-мѣрѣ на нѣкоторое время, но неприятельница моя, смущающая добро, спѣшитъ потушить эту искру. Добродѣтель умираетъ и власть принадлежитъ другому владыкѣ, который обѣщаетъ лучшую жизнь. Любовь, которая первая проникла въ твою душу, рассказала мнѣ о ней то, по чему я вижу, что страсть сдѣлаетъ тебя достойнымъ достигнуть славной цѣли; и какъ ты уже находишься въ числѣ самыхъ избраннѣйшихъ друзей моихъ, то, чтобъ доказатьъ тебѣ это, я покажу тебѣ женщину, которая дастъ глазамъ твоимъ болѣе счастья, чѣмъ зависитъ отъ меня дать его. Подними голову, и глядя на эту женщину, которая показывалась не многимъ. Красивѣя, я опустилъ голову, продолжаетъ поэтъ: я чувствовалъ въ себѣ сильное пламя. Слава сказала мнѣ улыбаясь: я очень хорошо знаю, что ты думаешь. Я кажусь тебѣ не такъ прекрасною, потому что блестяще меня свѣтило помрачаетъ блескъ мой, какъ солнце своими яркими лучами затмѣваетъ сіяніе другихъ звѣздъ. Несмотря на то, ты останешься навсегда въ числѣ моихъ избранныхъ, потому что эта женщина и я, мы происходимъ отъ одной матери, но она родилась прежде меня. По волю небеснаго Отца, мы родились бессмертными. Несчастный! Къ чему тебѣ наше бессмертіе? Лучше было бы для тебя, если бы мы не были такъ совершенны. Нѣкоторое время, мы были молоды, хороши, любимы; теперь же мы находимся въ такомъ состояніи, что женщина эта махаетъ крыльями, чтобъ возвратиться въ прежнее убѣжище. Я тѣнь; я сказала тебѣ все, что могла только сказать въ такихъ короткихъ словахъ. Когда ноги ея пришли въ движеніе она прибавила: не бойся, что я удалюсь. Она нарвала земныхъ лавръ, сплела изъ нихъ гирлянду, и положила мнѣ на голову.»

Не нужно говорить, что старшая сестра Славы — не кто иная какъ Добродѣтель.

Поэмы Петрарки, называемыя собирательнымъ именемъ «Торжествъ»; не такъ знамениты какъ сонеты и канцоны, ихъ мало даже и читаютъ: онѣ достойны однако изученія, особенно третья, «Торжество Смерти», представляетъ много красоты. Петрарка хочетъ доказатьъ этими поэмами, что любовь торжествуетъ надъ человѣкомъ, чистота чувствъ надъ любовью, смерть надъ чувствами, слава надъ смертию, время надъ славой, а вѣчность надъ временемъ. Развѣтїе этой темы не можетъ по видимому слишкомъ разнообразить поэзію, но образъ Лауры парить надъ «Торжествами» и этого достаточно чтобъ оживить эту нить со- :

членей, въ сюжетѣ котораго есть что-то схоластическое. «Торжество Смерти», гдѣ поэтъ рассказываетъ смерть Лауры, есть одно изъ совершеннѣйшихъ твореній вышедшихъ изъ подъ пера автора канцонъ: оно писано терцетомъ, какъ *Divina Comedia*, и выдерживаетъ съ нею выгодное сравненіе. Никогда даръ Петрарки не былъ такъ высокъ какъ въ описаніи смерти Лауры, въ которомъ чувствуешь блаженство ангеловъ, благоуханіе молитвъ, придающихъ каждому терцету почти сверхъ-человѣческой характеръ.

«Подруги окружали ее: смерть подошла и вырвала изъ бѣлокурой косы золотой волосъ. Такимъ образомъ, не изъ ненависти, но чтобъ доказать свою власть въ высокихъ мірахъ, она взяла у свѣта самый лучшій цвѣтокъ его. Сколько рыданій, сколько слезъ.... прекрасные же глаза, для которыхъ я такъ много пѣлъ, такъ долго страдалъ, были сухи! Посреди столькихъ вздоховъ, столькихъ стонахъ, она одна молчала и радовалась, срывая уже плоды своей прекрасной жизни. Иди съ миромъ, смертная богиня, говорили онѣ, и въ самомъ дѣлѣ она была истинная богиня; но божество это не избавило ее отъ неумолимой смерти. Это было въ первомъ часу шестаго дня апрѣля, того дня который одѣлалъ медя неведьникомъ и который освобождаетъ меня теперь; никто никогда такъ не жаловался на неволю и на смерть, какъ я жалуясь теперь на свободу и жизнь. Смерть изъ уваженія къ свѣту и лѣтамъ моимъ обязана была прийти за мною прежде, потому что я прежде пришелъ въ свѣтъ. К чему отнимать у земли ея лучшее украшеніе? Умерла добродѣтель, а съ нею и красота, говорили печально женщины, окружающія ея ложе. Душа, вылетая изъ прекрасной груди ея, озарила небо своимъ полетомъ. Восхищенная душа ея угасала съ миромъ, не какъ мгновенно потушенное пламя, но какъ пламя само по себѣ потухающее; бѣгле свѣгу, подлетающему хладнымъ и несдуваемаго вѣтромъ съ пригорна, она по влеченію покоилась какъ утомленная чѣмъ-нибудь. То, что безмысливая толпа называетъ смертию, было только сладкимъ сномъ въ снахъ ея, когда душа покинула ея тѣло. Смерть казалась прекраснѣе на ея прекрасномъ лицѣ.»

Вторая глава «Торжество Смерти» еще занимательнѣе первой: она открываетъ сердце Лауры и до оставляетъ на нашемъ сознаніи на слѣдъ чистоты этой обожженной страсти. «Смерть моя спархачетъ тебя, говоритъ Лаура своему возлюбленному, но если бы ты, несчастный, мѣлѣе, чѣмъ много бланшетта, то сердце твое наполнилось бы радостью. Когда я была во всей красотѣ,

во всемъ блескѣ молодости, когда я была для тебя дороже всего на свѣтѣ, жизнь казалась мнѣ почти горькою, всравненіи съ тихою, милосердою моею смертію, столь рѣдкою между людьми. Въ торжественный часъ перехода, я болѣе радовалась тѣмъ узникъ, возвратившійся въ отеческій домъ послѣ долгаго изгнанія. Только, мнѣ было жаль тебя. Сердце мое, говоритъ она улыбаюсь, всегда было и будетъ твоимъ, но я укрощала твою страсть выраженіемъ моего лица, потому что не было другого средства къ нашему спасенію. Сколько разъ я думала: онъ любить; онъ горитъ; мнѣ надо предупредить опасность; пусть онъ глядитъ на лице мое и не видитъ глубины сердца! Это самое останавливало тебя, какъ бразды удерживаютъ бѣшенную лошадь. Гнѣвъ былъ на лицѣ моемъ, а любовь жгла сердце, но никогда желанія не покоряли разсудка. Потому, когда скорбь утомляла тебя, я потихоньку поднимала на тебя глаза, спасая такимъ образомъ твою жизнь и наше счастье. Вотъ какъ я хитрила и обманывала тебя, показывая то гнѣвъ, то благосклонный пріемъ. Иногда глаза твои до того были исполнены слезами, что я думала: онъ умретъ, если я не прийду къ нему на помощь. Тогда я опасала тебя не измѣняя чести. Иногда же страсть твоя доходила до того, что я говорила: тутъ надо по-крѣпче сдержать узду. Такъ то пылкая, сильная, то бѣдная, оледѣвѣлая, то грустная, то радостная, я довела тебя до-сихъ-поръ хотя усталого, зато цѣлаго и здороваго. Мнѣ нравился сладостный узелъ, связывающій твое сердце; тоже нравился мое чудное имя, которое ты для меня составлялъ изъ словъ своихъ. Я также страстно была влюблена, какъ и ты, но я срывала, а ты показывалъ любовь свою. Ты выманивалъ жалость и прощеніе, а я молчала, потому что боянь и скромность заставляли молчать мое сердце. Но не разрывалось ли покрывало, когда, оставшиеш одна съ тобою, я приняла слова твои съ вниманіемъ: Любовь наша не осмѣлится говорить больше? Сердце мое было съ тобою: я отказала тебѣ только глаза мои, а ты жалующься на несправедливость раздѣла; ты, кому я отдала лучшую часть, отъ котораго отняла только меньшую часть самой себя! Если я тысячу разъ отнимала у тебя глаза мои, за то тысячу тысячъ разъ отдавала ихъ тебѣ назадъ и обращала ихъ на тебя съ жалостію. Тихій взоръ ихъ былъ бы вѣчно прикованъ къ твоему взору, еслибъ я не боялась твоихъ опасныхъ искръ. Считавшая во всемъ остальномъ, я на одну только рѣшилась, что родилась изъ слишкомъ неизвестномъ мѣстѣ. Даже теперь я восторгаюсь, что не родилась во крайней стѣнѣ по-близу къ тебѣ!

ну вѣтущему гнѣзду, потому что единственное сердце, которому я вѣрилась, не зная меня, могло обратиться въ другую сторону, и ния мое не имѣло бы того блеска и славы. Но страна гдѣ я тебѣ понравилась, одарена необыкновенною красотою.»

Думаемъ, что Петрарка не вложилъ бы въ уста Лауры столько исполненных вѣжности словъ, еслибъ не нашель въ воспоминаніяхъ лучшей части мыслей, составляющихъ этотъ чудный разговоръ.

Всѣ советы, всѣ канцоны его дышать такимъ истиннымъ чувствомъ, такимъ неподдѣльнымъ чистосердечіемъ; въ выраженіи любви его такъ мало хвастовства и такъ много скромности; въ жалобахъ такіе звуки покорности, что вѣроятно онъ упрекалъ бы себя всю жизнь какъ въ святотатствѣ, если бъ не слыхалъ признанія Лауры. Можно думать, что вторая глава «Торжества Смерти» истекаетъ также прямо отъ поэзии какъ и отъ истины. Если рама составлена изъ мечтаній, то картина изображаетъ истину.

Любопытно сравнить «Канцониере» Петрарки съ любовными элегіями латинской древности. Овидій, Катулль, Проперцій и Тибуллъ воспѣвали своихъ возлюбленныхъ; страсть вдохнула въ нихъ краснорѣчивыя вдохновенія, милыя мысли, образы исполненные прелести и благородства, но какая огромная разница въ чувствахъ!

Петрарку и Тибулла, самаго вѣжнаго, самаго чистосердечнаго изъ четырехъ поэтовъ, которыхъ я сей часъ назвалъ, раздѣляетъ огромное разстояніе. Овидій, Катулль и Проперцій, кажется, не такъ глубоко любили какъ Тибуллъ: оттого-то было бы ужасно несправедливо сравнивать ихъ съ Петраркою; но Тибуллъ, самъ Тибуллъ, котораго элегіи почти воѣ выражаютъ такую живую привязанность, никогда не имѣлъ той вѣжности чувствъ, ни той возвышенности, которыя находимъ почти въ каждой строфѣ «Канцониера».

Разница, отдѣляющая Тибулла отъ Петрарки, происходитъ не отъ одной только разницы генія; она особенно происходитъ еще отъ различія вѣрованій. Нѣтъ сомнѣній, что читая часто Платона, мало вознеслись душою до самыхъ высшихъ міровыхъ мыслей, но творенія Платона не были, не могли быть народнымъ чтеніемъ. Чтобы нравилась боюда чужого генія, надо было къ нему приготовиться постоянными занятиями, науками, а спиритуальнымъ жаденіемъ борался, но не возбуждалъ чувствъ истиннаго дѣятельнаго дѣятельства; поэтому не надо удив-

латься, что Тибуллъ, не смотря на чистосердечіа, живость чувствованій, не смотря на счастливый выборъ употребляемыхъ имъ цвѣтовъ и красокъ, не оставляетъ въ сердцѣ глубокаго впечатлѣнія. Въ его элегіяхъ, столь замѣчательныхъ во многихъ отношеніяхъ, чувственность занимаетъ болѣе мѣста чѣмъ чувство. Иногда онъ предается истиннымъ порывамъ вѣжкости, но порывы эти рѣдки. Вообще любовь для него скорѣе удовольствіе чѣмъ страсть. Подобно Овидію, Проперцію, Катуву, онъ ничего болѣе не видитъ въ любимой женщинѣ вромѣ красоты, которая радуетъ взоръ, веселитъ его: сердце и умственные способности его возлюбленной занимаютъ въ любви его такъ мало мѣста, что онъ иногда, кажется, совершенно ихъ забываетъ. Пышныя, роскошныя, яркія, разнообразныя въ описаніяхъ страсти, элегіи Тибулла рѣдко касаются нравственной, духовной любви, и это очень понятно. Политензмъ, обращенный въ народное вѣрованіе, боготворилъ мученіе чувственности; нѣкоторые избранныя души, вскормленные въ занятіяхъ и размышленіи, напрасно старались дать духовное направленіе общей вѣрѣ и впечатлѣть на мысли болѣе возвышенное стремленіе; великодушныя эти покушенія не измѣнили главной черты характера языческихъ вѣрованій. Такимъ образомъ, правила эти находятся цѣлкомъ въ любви, воспѣтой Тибулломъ. Тибуллъ говоритъ о своей возлюбленной какъ о прекрасной вещи, которая ему нравится, потому что она хороша; онъ не думаетъ отыскивать въ ней чистоты сердца, проникательности ума; до этого ему мало дѣла: ему нужно только чтобы она была молода, одѣта мило, со вкусомъ; болѣе онъ ничего отъ нея не требуетъ. Тибуллъ, говоря о любви, сказалъ все, что только могъ сказать во время владычества языческихъ вѣрованій. Покуда чувственность была боготворима религіею, поэзія необходимо должна была боготворить ее; опроверженіе философіи должно было оставаться немоющимъ, потому что философія не относится къ толпѣ, а истины, которымъ она поучаетъ, медленно проникаютъ народныя вѣрованія. Съ востановленіемъ христіанства, все беретъ другой оборотъ; нѣкто не боготворитъ болѣе чувственности; сердце и умъ снова занимаютъ принадлежавшее имъ мѣсто и вполнѣ поэзія вѣрно отражаетъ возвышеннѣйшія переломы въ развитіи духовныхъ идей. Только христіанская вѣра можетъ объяснить сердечной, глубокой омысль «Канцоньера». Положимъ, что Петрарка родился во время владычества политензма: тогда онъ былъ бы вырешенъ къ его итальянскимъ творческимъ силамъ для назв. новеллатинки. Напротивъ нѣтъ ничего легче

какъ понять развитіе этихъ чувствъ подѣ вліяніемъ христіанской вѣры. Вѣрующій ставитъ себѣ въ славу бороться съ влеченіемъ страстей, поработать желанія и самая эта борьба можетъ быть однимъ изъ разнообразнѣйшихъ сюжетовъ поэзіи. Всѣ знаютъ, что Петрарка былъ искренно привязанъ къ католическимъ догматамъ: его переписка и философическія творенія не оставляютъ на этотъ счетъ ни какого сомнѣнія. Такимъ образомъ, если Петрарка не можетъ быть понятъ во время язычества, тѣмъ менѣе понятенъ Тибуллъ во времена христіанства. Такая любовь, какую мы видимъ въ элегіяхъ Тибулла, возбудила бы мало сочувствія въ четырнадцатомъ вѣкѣ.

Читая «Канцониере», часто думаешь, что, если бъ Петрарка былъ счастливъ въ любви, вдохнула ли бы въ него радость столько чудной поэзіи сколько горе? Трудно разрѣшить такой щекотливый вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, если любовь часто остываетъ отъ обладанія, зато, часто, въ самомъ обладаніи она находитъ безпрестанно обновленную пищу; на этотъ счетъ невозможно установить общихъ правилъ. Должно полагать, что если бъ Лаура отдалась своему возлюбленному, онъ бы ее любилъ также нѣжно, также пламенно какъ и прежде, потому что она обладала болѣе чѣмъ красотою,—сердечными и умственными достоинствами. Когда одна красота возбуждаетъ любовь, когда одна молодость привлекаетъ къ себѣ, можно предвидѣть, что послѣ когда красота поблекнетъ,—любовь утомится, желанія погаснутъ, но когда умъ и сердце также обворожены какъ и глаза; когда обмѣнъ мыслей и чувствованій развиваетъ страсть, тогда женщины нечего бояться разрушеній времени. Глаза ея безнаказанно могутъ потерять блескъ свой; ея нельзя покинуть; сама страсть взлелѣянная душевными достоинствами, защититъ ее отъ измѣны; время не можетъ коснуться ея ума и сердца, которые лучше красоты защитятъ ея счастье. Если Лаура была въ самомъ дѣлѣ такова, какую представляетъ намъ ее Петрарка; если въ ней соединились всѣ драгоценныя дары, которыми онъ украсилъ ее, она безъ болзни могла перенести всѣ испытанія времени. Воспѣлъ ли бы Петрарка свою радость, какъ онъ воспѣлъ свои страданія? Если грусть бываетъ краснорѣчива, счастье не вдохнуло ли бъ тоже гению звучныхъ гимновъ? Не представляетъ ли признаніе столько же средствъ воображенію поэта какъ и жалобы? Пріятно было бы думать, что Петрарка нашелъ бы въ счастьи поэтическую тему неисчерпаемаго богатства. Ктому же, если бъ

онъ не былъ осужденъ на вѣчныя жалобы, можетъ-быть онъ удержался бы отъ всѣхъ исключительно замысловатыхъ расчетовъ, отъ всѣхъ мнѳологическихъ сравненій, отъ всѣхъ ребячествъ, которыми онъ старается заглушить свое горе; можетъ-быть пѣна «Канцоніера», на которыя указываетъ намъ вкусъ, не колола бы нашихъ глазъ, если бъ поэтъ вмѣсто того, чтобы умолять, обращаться къ любимой женщиѣ съ ропотомъ и мольбами, возсылалъ къ ней благодаренія. Радость придаетъ уму безотчетную ясность; горе, смущая всѣ способности, толкаетъ насъ безъ нашего вѣдома къ предметамъ честолюбія, къ страннымъ сравненіямъ. Впрочемъ, каково бы ни было достоинство этихъ предположеній, «Канцонере» всегда останется однимъ изъ совершеннѣйшихъ памятниковъ, посвященныхъ человѣческимъ гениемъ выраженію любви.

НЫНѢШНЯЯ ИСПАНСКАЯ КОМЕДІЯ. *Бретонъ де лосъ-Герреросъ.* — *Вентура де-ла Вежа.* — *Родригесъ Руби.* Комическій элементъ, какимъ онъ является въ старинномъ испанскомъ театрѣ, элементъ, который входитъ даже въ самыя трагическія дѣйствія, мѣшая съ бурными порывами страстей всѣ отбѣски національной веселости, отличается особымъ характеромъ. Если хотите узнать тайну испанской наблюдательности, не ищите ея въ театрѣ; развѣ въ Сервантесѣ, въ Кеведо можно найти и изучить истинно проныческую сторону этого гениа, котораго господствующая черта — геропзмъ. «Видѣнія» Кеведо исполнены сатирической силы оригинальнѣе и живѣе, чѣмъ самыя шуточные вымыслы сцены. «Донъ Кихоть» настоящая человѣческая комедія, какую могло создать кастильское воображеніе. Книга Сервантеса пропитана искреннею и крѣпкою насмѣшливостью великаго ума, который смотритъ на людскую природу безъ удивленія, умѣетъ легко воспроизводить ее въ разныхъ видахъ, представляетъ ее мечущейся изъ крайности въ крайность, доводящей то рыцарскую восторженность до безумства и самоотверженіе до шутинства, то здравый смыслъ до пошлости и до эгонизма. Донъ Кихоть, и Санчо Панса не символы, какъ ихъ толковали; напротивъ, это прямо человѣческіе типы съ отпечаткомъ испанской національности. Рядомъ съ ними можно поставить развѣ одно драматическое произведеніе, за его моральную глубину, за необыкновенную проныцательность, съ какою разсмотрѣнъ порокъ и за безошадную яркость, съ какою онъ выставленъ на свѣтъ. Это произведеніе — «Целестина», плодъ нескромнаго вдохновенія бакалавра Роуза

Ничто не сравнится въ увлекательности эффекта съ этой наглою драмою, въ которой главные дѣйствующія лица — отаратительная старуха прикрывающая свою безсовѣстность, чтобы успѣшнѣе сѣять развратъ, и молодая дѣвушка, которую ловятъ въ сѣти ея любви. Въ двадцати дѣйствіяхъ драмы, исполненныхъ нахальной философіи, авторъ собралъ съ одной стороны всѣ уловки женскаго лицемерія, старающагося поймать и опозорить наившую добродѣтель, а съ другой всю нѣжность, всѣ волненія, всѣ безпокойства, всю пугливую дѣвственнаго сердца. Онъ смѣло проникаетъ въ развратныя дома, становится историкомъ тамошнихъ нечистыхъ нравовъ; онъ сгущаетъ эту смрадную атмосферу порока вокругъ чистаго, благородно страстнаго образа Мелибелъ, юной любовницы Каликста. Лихой бакалавръ нагло и презрительно оглядываетъ этотъ міръ, который ведетъ къ трагической катастрофѣ съ самыми забавными случаями, разсыпая на каждомъ шагу свою больше чѣмъ вольную сатиру. Странная картина распутства! двусмысленная и неблагопріятная живопись, съ печатью сенсуализма достойнаго Италіи шестнадцатаго вѣка, странно противорѣчащая спиритуальному характеру испанскаго гения! Поставьте, въ самомъ дѣлѣ, эту траги-комедію, гдѣ героиня — гадкая старуха, подлѣ мистическихъ вдохновеній Святой Терезы и чистыхъ лирическихъ восторговъ Люиса Леонскаго. Не выдумывая насильнаго сходства, Рохаса можно сравнить съ однимъ французскимъ поэтомъ, большимъ охотникомъ до подобныхъ картинъ, который жилъ вскорѣ послѣ. Перемените обстоятельства исполненія, и съ элементами «Целестины» получите десятую и тринадцатую сатиру Реньё. Въ лицѣ Целестины найдется не одна такая черта, которая повторяется въ Масеттѣ: онѣ двѣ достойныя сестры по распутству и лицемерію. У Реньё можетъ быть больше мастерства, больше вѣрности красокъ, больше живописной яркости, больше смѣтливаго восторгу; въ произведеніи Рохаса, больше драматическаго движенія, связности дѣйствія, которое роковымъ образомъ приводитъ Целестину умереть на рукахъ ея соблазниковъ. Въ томъ и въ другомъ писателѣ находимъ одинакое превосходство инстинкта, одинакую вольность сатиры, одинакую безпечную способность раскрывать эти печальныя язвы нашей природы, эту срамоту человѣческихъ удовольствій, одинакое живое разумнѣе дѣйствительности. Къ сожалѣнію, такая сила наблюдательности и живописи рѣдка въ испанскомъ театрѣ: она является только въ этомъ исключительномъ произведеніи. Да и «Целестина» не столько комедія, сколько разговорная повѣсть

которая длится съ явленія на явленіе, съ дѣйствія на дѣйствіе, по волѣ вымысла автора. Это—младенчество заперевойскаго драматическаго искусства, но не младенчество литературнаго мастерства.

Собственно испанская комедія, блистая достоинствами другаго рода, не имѣетъ сильныхъ качествъ моральнаго изученія; она больше задѣваетъ нежели ворочаетъ предметы, больше описываетъ нежели анализируетъ. Свои перипетіи она беретъ не у мгики чувствъ и характеровъ, а у случая, у мимоулетной прихоти сердца, у мгновеннаго порыва, у печальности, которую она боготворитъ. Она ищетъ разнообразія, громоздитъ случаи, разноситъ сплетенія обстоятельствъ и все обливаетъ свѣтомъ чудеснаго рыцарства. Можетъ-быть, для воображенія нѣтъ зрѣлища увлекательнѣе этого порывистаго вихря, этого граціознаго и живаго міра молоденькихъ жепщинъ, которыя въ половину укрываются волами, какъ бы затѣвъ, чтобъ вѣрнѣе привлечь къ себѣ сердца; міръ вѣтренныхъ и расточительныхъ кавалеровъ вѣчно влюбленныхъ, поминутно готовыхъ обнажать шпагу за какую-нибудь незнакомую даму, которую хотятъ обожать; міръ таинственныхъ авантюристовъ, которые въ любовныхъ снѣжаніяхъ съ принцессами и, наконецъ, промѣниваютъ свое начальное ничтожество на титулы герцоговъ или принцовъ; міръ лукавыхъ и сговорчивыхъ дуэанъ, которыя умѣютъ сострадать къ любовнымъ слабостямъ и мастерицы вести интриги; міръ слугъ гуляль, пройдохъ, смѣльчаковъ, плутоватыхъ, вѣрныхъ настоящему господну, людей, которые съ удовольствіемъ дѣлать участь своихъ господъ и мѣшаются въ ихъ похождения, не отставая ни въ удачахъ, ни въ неудачахъ. Романтическая и прелестная картина, полная драматической живости, выходокъ, яркой веселости, мѣткой ироніи, но безъ всякой изысканности на человѣка или на общество. Въ ней нѣтъ ни желчи, ни вражды; развѣ что мутливый и наблюдательный слуга, изъ школы Санчо, зашипетъ словечко прямого и насмѣшливаго разсудка, которое напоминаетъ, что мы въ земной юдоли, а не въ идеальномъ мірѣ. Эта-муза, которой плодovitость потѣшалась такими различными сплетеніями, не подвергала человѣчество безжалостному анализу, отъ котораго насъ защищаютъ смѣхъ и слезы, когда на днѣ комическаго идеала мы находимъ печальную и трагическую истину нашего несовершенства.

Лопе де-Вега настоящій творецъ той комедіи интриги, которую превосходно назвали комедіей плаща и шпаги. Онъ пер-

ность на театр этот блестящій рыцарскій духъ, но, придавъ нѣмалѣе разсѣвъ комическому искусству, онъ не довелъ искусство до совершенства. Произведенія Кальдерона — самые чудесныя типы оригинальности и граціи. Очаровательныя картины, нечаянность положеній, вѣжливость чувствъ, все кажется дасть этимъ произведеніямъ, — «Дамъ призраку» *La Dama duende*), «Апрѣльскому и майскому утрамъ» (*Mañanas de abril y mayo*), «Съ любовью не шутятъ» (*No hay barlas con el amor*), — мѣсто рядомъ съ лучшими фантазіями Шекспира. Самый сатирическій изъ испанскихъ комиковъ, который прославилъ вымышленное имя Тирео де Мольива и обозначилъ такими рѣзкими чертами женское неустойчивое, Габриэль Теллесъ, не далеко углубляется въ моральное познаніе страстей даже и тогда, когда не впадаетъ въ шутчество, какъ въ «Донъ Хилъ Зеленыхъ Исподнихъ» (*Don Gil de las calzas verdes*). Лучшія его произведенія тѣ, которыя наиболѣе приближаются къ настоящей комедіи интриги: таковы «Опыты любви и дружбы», «Ревнивица сама къ себѣ». Нельзя сказать, чтобы кое-кто не пытался рисовать характеры, основывать дѣйствіе на развитіи смѣшного, изученнаго до тонкости. Морето пробовалъ это въ комедіяхъ «*El Desden con el Desden*», которой французская комедія «*La Princesse d'Elide*» есть слабое подражаніе, въ «Красавицѣ донъ Діаго» (*El Lindo don Diego*), которая изображаетъ самоувѣреннаго пошляка, но достоинство этихъ произведеній заключается въ рядѣ мѣткихъ наблюденій, а не въ глубокомъ разумномъ анализѣ. Самъ Аларконъ, у котораго Корнель поживился «Лжецомъ», точно ли выполнилъ условія характерной комедіи въ своей «*Verdad Sospechosa*»? Лжецъ испанскаго поэта есть ли дѣйствительное и сильное олицетвореніе человеческого недостатка? Донъ Гарція, герой Аларкона, повѣсдворянинъ, больше хвастувъ чѣмъ лицеиѣръ, больше вѣтрогонъ нежели лжецъ. Если всякое слово его оскорбляетъ истину, если, какъ говоритъ его слуга, онъ употребляетъ всѣ языки, которыми выучился въ Саламанкѣ, на то чтобъ какъ-можно больше лгать, то онъ дѣлаетъ это не со злой цѣлью, не затѣмъ чтобы ловить тайны, которымъ хочетъ измѣнить, не затѣмъ чтобы спекулировать своими обманами, чтобы пролагать темную дорогу своимъ страстямъ, а просто изъ вѣтренности, изъ хвастовства молодости. Давали ли какую-нибудь серенаду подъ балкономъ, знайте напередъ, онъ вамъ скажетъ, что серенада—его дѣло; подняла ли дуэль городскіе толки и сплетни, онъ непремѣнно игралъ въ ней роль; скажетъ пожалуй, что и заколомъ про-

твинка; признается, если угодно, что онъ тайно обличить; раскажетъ вамъ романъ своей жизни, свои божественныя похождения, изъ которыхъ ни одного не бывало на дѣлѣ, до тѣхъ поръ пока, споткнувшись на одной лжи, окажется принужденнымъ мнитися на женщинѣ, въ которую притворился влюбленнымъ и которой не любить. Надо согласиться, здѣсь ложь потеряла свое нравственное безобразіе; она здѣсь глупая забава, а не развратная наклонность. Изъ нея выходитъ замысловатая интрига, съшная, исполненная нечаянностей для зрителя, а не широкая и вѣрная картина одной изъ постыдныхъ слабостей нашей природы.

Мольеръ съ тою скромностью, которой ужъ не видать нынче и которая придаетъ такой прекрасный блѣскъ гению, говорить въ одномъ любопытномъ письмѣ, что «Лжецъ», заимствованный Корнелемъ у Испанцевъ, послужилъ для него открытіемъ, вѣхою которая повела его къ «Тартюфу» и «Мизантропу», и безъ которой онъ вѣроятно остановился бы на своемъ первомъ родѣ, на родѣ «Повѣсы» и «Любовной досады». Это признаніе — сущій кладъ, потому что объясняетъ намъ думы такого великаго живописца человѣческаго сердца и потому что всегда очень интересно подглядѣть таинственное зарожденіе комической мысли, которая потомъ развивается такъ мощно. Но не будетъ ли ребячествомъ придавать этому признанію черезъ чуръ много вѣсу въ литературной критикѣ, производить появленіе одного изъ безснормообразцовыхъ твореній отъ случайнаго подражанія? Чтобы возвратиться къ истинѣ, достаточно измѣрить разстояніе между родомъ Мольерова генія и духомъ, господствующимъ въ испанской комедіи; довольно сравнить нѣкоторыя произведенія автора «Скупого» съ испанскими комическими произведеніями, гдѣ обработанъ тотъ же предметъ. Въ «Донъ-Жуанѣ» Мольеръ не заимствовалъ у «Burlador de Sevilla» Габріаля Теллеса ничего, кромѣ канвы да нѣсколькихъ именъ. Самому себѣ обязанъ онъ характеромъ Дона Жуана, характеромъ Сганареля и той сценою, гдѣ онъ поставилъ лицомъ къ лицу надменное невѣріе, зывающее къ человѣчеству въ насмѣшку надъ Провидѣніемъ, и простосердечную вѣру бѣдняка, отвергающаго милостыню, которую подаютъ ему на условіи отреченія отъ Бога. Сравните «Ученыхъ женщинъ» съ комедіею Кальдерона, гдѣ омиѣяна та же слабость, «Съ любовью не шутятъ». И тотъ и другой поэтъ слѣдовали влеченію своего генія; одинъ создалъ произведеніе глубокое по истинѣ и по наблюдательности, другой набросалъ чудесную картину по граціи, поэзіи и деликатности. Нигдѣ въ Испанскомъ

театръ Мольеръ не могъ найти секрета той философской высоты, на которую онъ вознесся. Можно сказать, что онъ самъ себя обманывалъ, называя «Джеца» первымъ образцомъ, безъ котораго вѣроятно не существовали бы «Мизантропъ» и «Тартюфъ». Если въ исторіи французской комедіи, какой-нибудь писатель напоминаетъ испанскихъ комиковъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, то это отнюдь не Мольеръ, даже и не Бомарше, не смотря на наружность: гордая и язвительная иронія Фигаро не могла перелетѣть Пиреней, чтобы разразиться накануне революціи. Этотъ писатель развѣ Мариво, у котораго всѣхъ вѣрнѣе повторяются приемы испанскаго искусства. «Игры любви и случая», не правда ли часто настольское заглавіе? Мариво любить употреблять тѣ же самыя драматическія дружины, печальности, переодѣванья, помощію которыхъ лица движутся, прячутся, гоняются другъ за другомъ въ романтической интригѣ; часто находимъ у него ту же изысканность любовной метафизики. Но Мариво отнялъ натуральность у этой нѣжной утонченности чувствъ, придавъ ей чванливый и манерный характеръ; отнялъ грацію у разныхъ прелестныхъ прихотей, лишивъ ихъ наивности; вставилъ рабочую изысканность туда, гдѣ старинные поэты, которымъ онъ подражалъ не зная ихъ, помѣщали живую и неподдѣльную оригинальность. Слѣдовательно и тутъ очень отдаленное сходство и параллели, которыя можетъ найти критическая копотливость, сами въ состояніи дать только слабое понятіе о томъ комическомъ театрѣ, котораго душа — фантазія, то есть самая неуловимая часть поэзіи. Въ самомъ дѣлѣ, фантазія породила столько удачныхъ вымысловъ; она привольно играетъ въ этихъ интригахъ, которыя сплетаетъ и расплетаетъ муза печальности; она кидаетъ свой яркій отблескъ на чело всѣхъ героевъ; она управляетъ любовью, расцвѣтающею въ одно весеннее утро. Фантазія тутъ въ самыхъ пылкихъ страстяхъ, въ мужествѣ, въ самопожертвованіи, даже въ порокахъ, выставляемомъ на сцену поэтами. Таковъ характеръ Испанской комедіи въ ея блистательный періодъ, въ лучшую пору семнадцатаго вѣка. Веселая, игривая, вольная и причудливая, но не вульгарно вѣтреная, эта комедія — естественный плодъ тогдашняго общества, которому непреклонная сила не позволяла слишкомъ углубляться въ самага себя. Она вѣрная представительница нравовъ, въ которыхъ дашель прибѣжище рыцарскій духъ, уже не имѣвшій себя героической цѣль.

Въ судьбахъ своихъ испанская комедія повинуется тому же за-

кону, какъ и все литературное искусство. Она гибнетъ въ великомъ крушеніи конца семнадцатаго вѣка; исчезаетъ вмѣстѣ съ обществомъ, которое выражала, и когда возрождается, на ней уже французскій нарядъ. Нѣтъ ничего страшнѣе глубокаго забвенія, какому вдругъ подверглись образцы стариннаго театра въ осмнадцатомъ вѣкѣ, когда Испанія медленно воспитывалась подъ побѣдоноснымъ вліяніемъ Франціи. Пиринейскій полуостровъ пошелъ въ классики по указкѣ Боалю; нѣтитъ въ философы по указкѣ Вольтера. Литературный гений преобразуется вмѣстѣ съ правами; школа Люсана и Монтаню переводить, воспроизводить, проводить на языкъ Кальдерона правильныя созданія французской сцены. Это дурнота, которая оладѣваетъ всѣми народами въ невѣстныя поры и побуждаетъ ихъ одѣваться въ чужое платье. Однако жъ надо взглянуть на плодотворную сторону этого направленія, относительно комедій, поглядѣть, какое доброе, осуждательное, начало принесла съ собою французская мысль, когда ввела въ искусство болѣе философскій взглядъ на людскія дѣйствія и характеры, словомъ, на человѣческую нравственность; надо отдать должъ оригинальности какая могла возникать подъ новыми формами. Въ самомъ дѣлѣ, въ этомъ вихрѣ подражателей, переводчиковъ, можно отличать истинныя и крупныя таланты. На пошломъ фонѣ рсеутся нѣсколько яркихъ произведеній, какъ напримѣръ. «Честный преступникъ» (el Delincuente honrado) великаго Хобейяноса (Jovehanos), краснорѣчивая и пожалуй не очень отчетливая декламация о дуэли, но стоящая выше «Отца семейства» Дидро, у котораго та же самая философская окраска. Въ то время Испанія имѣла двухъ людей рѣдкаго ума, которые создали новые элементы комедій, хотя очень различнаго свойства. Одинъ изъ нихъ, Рамонъ де-ла-Крусъ, забавный живописецъ народа, авторъ пезаслуженно-мало извѣстныхъ «сайнетъ» (saunetes), которыхъ собраніе недавно издано въ Мадридѣ. Другой, явившійся подъ исходомъ вѣка, Моратинъ, прозванный испанскимъ Теренціемъ, который самъ по себѣ имѣетъ столько достоинствъ, что можетъ-быть уволенъ отъ обязанности такихъ обманчивыхъ сравненій.

Рамонъ де-ла-Крусъ собственно создалъ испанскую «сайлету» (saunete). Не онъ изобрѣлъ эту литературную форму, уже введенную въ употребленіе Лопе де-Руэдою и Сервантесомъ, подъ названіями pasos и intermedes, но онъ создалъ въ этомъ родѣ цѣлый обильный и разнообразный театръ, въ который внесъ качества, оригинально противорѣчащія общему тону современной литера-

туры; большую точность наблюдательности; неподдельное мастерство схватывать шороки и шипящие стороны; быстрый и истрный разговор; слог не столько правильный сколько живой и веполненный «амидлярными» оборотами, которыми умѣлъ придавать грѣцію; не столько гладкій сколько одушевленный. Явление любовитное. Оригинальность, которой нѣтъ слѣда въ нутѣ комедій земствованнпхъ въ то время у Французовъ, гдѣ смѣхъ заступенъ массическимъ снарядомъ, оригинальность такъ и брызжетъ въ этихъ маленкихъ интермедіяхъ, въ этихъ комедіяхъ случая, которыя игрались для препровожденія времени, для отдыха отъ торжественной зѣвоты за образцовыми произведеніями. Истинная комическая сила, которой нѣтъ въ болѣе притязательныхъ твореніяхъ, оказывается тутъ, въ этомъ театрѣ, пренебреженномъ Синьорелли въ его «Критической исторіи». Это нованская народная поэзія осьмнадцатаго вѣка. Дѣйствительно у Рамона де-ла-Круса одна цѣль, — вѣрно изображать народные нравы, и онъ съ удовольствіемъ еознается, что ему удалось начертать оживленные и правдивыя картины. «Кто бывалъ на гуляньѣ Санъ-Исидро, говоритъ онъ: кто видалъ Растро по-утру, площадь Майоръ въ праздникъ Рождества, старинное Прадо вечеромъ; кто бывалъ за всеиощными Святаго Іоанна и Святаго Петра; кто присутствовалъ на сборищахъ вѣхъ сословія, пусть тотъ знаетъ, вѣрно ли я передалъ то, что видѣли его глаза, слышали его уши; составляютъ ли эти очерки настоящую исторію нашего вѣна....» Такимъ образомъ Рамонъ де-ла-Крусъ водить своего читателя по вѣмъ кварталамъ Мадрита, по кварталамъ Маравильясъ, Лабашеесъ, гдѣ національный цвѣтъ не полижалъ, гдѣ такъ часто попадаетъ та смѣсь нищеты съ весельемъ, которая евойственна только черни, гдѣ можно вдоволь наглядѣться на характеры, на привычки высшихъ классовъ, которые также шѣютъ свои перья и вѣ шипящія стороны, какъ и высшіе классы. Нѣтъ обычая, нѣтъ недостатку, который бы унылся отъ прзорливости и вдохновенія комика.

Малѣйшаго намека достаточно ему, чтобы создать маленькое дѣйствіе, которое движется, рвется впередъ и развязывается прежде чѣмъ улыбка успѣла остановиться на устахъ зрителя. Поглядите забавные сайветы, «Одни мужчины», «Притворная богомолка», «Сомбрерито», «Бутылка забвенія», «Мѣщанская комедія». Авторъ не шадитъ и литературныхъ шипящихъ сторонъ: что за фдкая сатира на класическое подражаніе его «Маноло», трагедія для смѣха или комедія для слезъ, которая, подобно бит-

въ «Сиде», оканчивается за отсутствиемъ бойцовъ, потому что всѣ лица умираютъ предобросовѣстно, до послѣдняго умершаго со-сѣху. Впрочемъ, въ сущности Рамонъ де ла Крусъ серьезнѣе, чѣмъ кажется съ виду. По наружности самый вѣтренный человекъ, онъ пропитанъ той же философскою атмосферою, которая поглотила всѣ умы осьмнадцатаго вѣка; онъ знаетъ цѣль комедій, и его цѣль серьезна и плодотворна. Въ одной сайнетѣ, «Комедия въ Алжирѣ», бей удивляется неслыханному слову комедиятъ; спрашиваетъ, не названіе ли это какой провинціи, и желаетъ знать, (по игрѣ словъ, которую мудрено передать въ точности) откуда взялась эта провинція. Поэтъ, устами одного изъ своихъ героевъ, отвѣчаетъ: «Это людская глупость; она древня какъ самъ міръ.» Есть много выходокъ, брошенныхъ мимоходомъ, которыя изобличаютъ сатирическаго философа; таковы слова престолюдина, на глазахъ котораго проносятся множество отборныхъ блюдъ: «Ахъ, чортово счастье! для однихъ столько, а для меня ничего!» Или, напримѣръ, въ «Бутылкахъ забвенія», нововыпеченный дворянинъ купилъ себѣ воды, чтобы позабыть своихъ предковъ, бывшихъ алгвазилами, оттого что его кучеръ вчера напомнилъ ему, что ихъ отцы были товарищами въ Астуріи. «Выкушайте моей водицы, говоритъ ему шарлатанъ, вы забудете что вы маркизъ, и увидите, что всѣ скоро забудутъ странность вашего новаго дворянства.» Сайнеты, взятые всѣ вмѣстѣ, открываютъ глубокой видъ на испанское общество осьмнадцатаго столѣтія. Философія была въ модѣ въ то время: многіе знатные господа воображали себя философами, потому что на мигу и по наружности покидали свою спѣсь и нисходили до народа; особенно они сближались съ нимъ въ пороки. Одинъ испанскій грандъ надѣвалъ на себя платье «маноло» или «тореро», отправляясь повѣсничать; онъ находилъ удовольствіе участвовать въ самыхъ распутныхъ народныхъ потѣхахъ; искалъ грубаго и непрюкрытаго разврата, чтобы пробуждать свои пресыщенные желанія. Ему правилось бывать игрушкою какойнибудь нахальной мадритской «манолы», которая поработала его по страстямъ и часто издѣвалась надъ нимъ, какъ издѣвается прелестница Аквилла надъ своимъ венеціанскимъ сенаторомъ у Отвѣ (Otway) въ «Спасенной Венеціи». Народу эти сношенія льстили въ его порокахъ, которые онъ сохранялъ, прибавляя къ нимъ еще тѣ, какими надѣяло его искажившееся дворянство. Соедините эти двѣ точки зрѣнія и увидите странный феноменъ: высшія сословія, въ полномъ нравственномъ паденіи, губятъ себя извѣ-

женщностью, праздностью, добровольно отрекаются отъ своей возвышенной роли, а низшіе классы коснѣютъ въ невѣжество, въ грубыхъ и буйныхъ преданіяхъ, въ слѣпомъ фанатизмѣ. Древній элементъ испанскаго величія изглаживается, а новый не рѣзаетъ въ тѣни и не готовится замѣнить старый. Такова картина, которую театръ Рамона де-ла-Круса ярко освѣщаетъ для всякаго внимательнаго ума, котораго не остановитъ легкое названіе, сайнеты. Его очерки имѣютъ историческую цѣпу, если ихъ сравнить съ обществомъ, которое они рисуютъ. Одинъ изъ самыхъ дѣльныхъ и самыхъ умныхъ критиковъ новѣйшей Испанію, Диоранъ, говоритъ: «Оффиціальныя документы, рассказывая событія, могутъ засвидѣтельствовать ихъ для потомства, а сайнеты Рамона де-ла-Круса объясняютъ, почему такъ было и такъ оно случилось.» Это самое главное условіе комической поэзіи.

Цѣль, какую предполагалъ себѣ Моратинъ, не отлична отъ той которую имѣлъ въ виду авторъ сайнетъ, только онъ достигаетъ ея подъ болѣе серьезными литературными условіями, болѣе возвышенными способами. Въ этомъ отношеніи онъ прямѣе связанъ съ умственнымъ движеніемъ эпохи: его драматическія произведенія составляютъ какъ бы прекрасный и неожиданный вѣнецъ этого движенія. Моратинъ первый умѣлъ придать оригинальный цвѣтъ классической комедіи; онъ сдѣлалъ ее національною на Пиренейскомъ полуостровѣ. Комедіи его правильны, но и живы вмѣстѣ. У него преобладаетъ умъ, прямой, чистый и часто творческій; помощью его онъ проникаетъ тайну характеровъ, схватываетъ смѣшныя стороны, подмѣчаетъ людскія противорѣчія, порождая дѣйствія изъ нравственнаго развитія и оживляя свои вымыслы благороднымъ и правдивымъ чувствомъ. Въ Моратинѣ много качествъ Гольдони, но больше литературнаго таланта. Онъ писалъ мало, однако довольно для того, чтобы обозначить возрожденіе испанской комедіи конца осьмнадцатаго вѣка. Новый духъ вѣетъ въ его «Да молодыхъ дѣвушекъ,» въ «Баронѣ» въ «Старикѣ и дѣвушкѣ,» этой испанской школѣ стариковъ; это смѣсь чувства, готоваго переполниться, и умной, зоркой наблюдательности, которая постоянно плѣняется. Въ «Женщинѣ лицемѣркѣ» (la Magigata) авторъ становится выше, идетъ по слѣдамъ Мольера и создаетъ Тартюфа въ мантильѣ. Благоразумно фальшивая женщина, лицемѣрка по-расчету... можетъ ли быть моральная гнусность отвратительнѣе? Это чудовищное существо изобразилъ Моратинъ съ примѣчательною истицей и яркостью чертъ, до такой даже степени, что подозрительная

цензура Фердинанда Седьмого вооружилась впоследствии на это одиозное лицемерство и изгнала его со сцены. Моратинъ оставил манифестъ своего новаго искусства въ одной умной и колкой пьесѣ, «Кофейная», которая есть сатира на модныя комедіи, характеризуемая однимъ изъ разговаривающихъ лицъ такимъ образомъ: «Нестройныя громады происшествій, пелѣное дѣйствіе... неправдоподобныя положенія, безсвязные эпизоды... штуки волшебнаго фонаря.... слогъ темный, надутый, напыщенный, шероховатый и холодный....» Въ «Кофейной» есть одно лицо, достойное вниманія, донъ Элейтеріо, авторъ выведенный на сцену и бичуемый Моратинномъ. Донъ Элейтеріо—типъ литературныхъ поставщиковъ, которые унижаютъ искусство до ремесла и употребляютъ перо какъ мастеровой—инструментъ; голышъ, который хлопочетъ объ успѣхѣ только изъ-за нѣсколькихъ реаловъ. Вѣроятно, авторъ хотѣлъ изобразить плоскую и низкую посредственность, которая плодится, когда гений угасъ въ эпохѣ. Спрашивается, нельзя ли написать другой комедіи еще забавнѣе, взявъ въ герои хлопочущихъ и расчетливыхъ писателей, которые являются въ благопріятнѣйшія времена, когда бываетъ не трудно примирить достоинство искусства съ желаніемъ законной прибыли. Но Моратинъ не могъ написать этой другой комедіи: у него не было на глазахъ такихъ образчиковъ спекуляціи. Есть нѣчто грустное въ участи автора «Махигаты» (la Magicata). Моратинъ имѣлъ душу нѣжную, тихую и неспособную переносить удары борьбы общественной: онъ былъ неизмѣнно преданъ одному изъ самыхъ печальныхъ героев того времени, благодѣтелю своему, дону Мануэлю Годою, и раздѣлилъ съ нимъ опалу. Во время шестствія 1808 года, онъ прѣсталъ ко власти поставленной Французами, и былъ изгнанъ вмѣстѣ съ эфемернымъ королемъ. Онъ умеръ въ землѣ Мольдра; счастье присудило конецъ изгнанника комическому поэту. Послѣ Моратина, въ литературѣ какъ и въ политикѣ настаеетъ девятнадцатый вѣкъ съ своимъ революціоннымъ духомъ.

Мы хотимъ опредѣлить характеръ комическаго элемента, какимъ онъ проявился въ испанскомъ театрѣ; такъ сказать, вынуть его изъ пѣдръ событій и нравовъ, прослѣдить его въ разныхъ проявленіяхъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, чтобы наконецъ найти его среди насъ, дышащей новою жизнью, еще питающейся пороками, которыя время измѣняетъ, но не искореняетъ. Моратинъ послѣдній, единственный представитель испанской комедіи конца осьмнадцатаго вѣка, въ серьезной литературной формѣ. Точнее

во смерти его начинается переворотъ возрожденія, открывается новое поле сатиры, музѣ проин. Стоитъ вспомнить драматическое прошедшее Испаніи, и не станемъ удивляться, что комедія получила такой обширный участокъ въ опытахъ новѣйшей школы,— что писатели увлеченные справедливой гордостью вздумали создать комическое искусство въ связи съ новыми возникавшими нравами и отважно пошли по пути, который свобода представляла имъ вдохновенію. Замѣтимъ довольно интересное обстоятельство, что большая часть поэтовъ сколько-нибудь съ дарованіемъ, даже тѣ, которые по свойству ихъ таланта должны бы преимущественно возсоздавать трагическія страсти, поочередно пытались, каждый по своему крайнему разумѣнію, воздѣлывать комическое поле. Соррилья, величайшій испанскій лирикъ нашего вѣка, авторъ смѣлой и могучей драмы, «Башмачникъ и король», гдѣ воскресаеъ характерическій образъ доня Педра-Судьи, пробовалъ писать комедіи и еще недавно повторилъ свою попытку, хотя достигалъ въ этомъ родѣ однихъ сомнительныхъ успѣховъ. Герцога Риваса, обновитель поэмы, который такъ энергически изобразилъ мрачный непреклонный рокъ въ «Донъ Альваро или Сила судьбы,» пиша своего «Маврскаго незаконнорожденнаго», въ тоже время произвелъ комическое твореніе, остроумное и грустно истинное, «Цѣну денегъ», Tanto vales cuanto tienes. Хиль-и-Сарате, самый искусный писатель на употребленіе трагическихъ пружинъ, на сочетаніе эффектовъ драмы, написалъ произведеніе, напоминающее комедіи Моратина, «Спустя годъ послѣ свадьбы». Наконецъ, есть имена, принадлежащія исключительно комедіи: Бретонъ де-лосъ-Герреросъ, Вентура де-ла Вега, Родригесъ Руби. Хотите ли узнать главные черты, отличающія эти попытки и вообще новѣйшее драматическое направленіе въ Испаніи? Въ современномъ возрожденіи примѣтно двоякое вліяніе; видны два стремленія: съ одной стороны, высокое и благородное желаніе воскресить старинныя преданія, возстановить національную оригинальность, столь давно пренебреженную и столь ярко освѣщенную новѣйшей критикой; съ другой стороны, неизбѣжная склонность подчиняться литературному превосходству Франціи, итти по ея слѣдамъ на новомъ пути, который она себѣ открыла, также какъ шли за нею по классической и правильной дорогѣ осьмнадцатаго вѣка. Въ этихъ двухъ вліяніяхъ скрываются двѣ подводныя скалы для умовъ! Въ самомъ дѣлѣ, слѣпо возвращаться къ прошедшему, стараться возстановить блескъ былаго времени, поэтическую оригинальность порожденную стеченіемъ обстоятельствъ,

которыя уже не повторяются, не значить ли рисковать властью въ бесполезный и ребяческій архаизмъ? Соррилья не всегда мнимо-валъ этой опасности въ своихъ комическихъ произведеніяхъ. Съ другой же стороны, не сводить глазъ съ Франціи, жить ея мыслью, заимствовать у нея ея успѣхи, рабски подражать ея произведеніямъ, не значить ли продолжать для Испаніи жизнь изнеможенія и умственного безсилія? Къ этому стремятся дюжвинные писатели, наводняющіе испанскую сцену переводами. Есть однако середина, которая состоитъ въ томъ, чтобы славить въ новую обработку то, что можно удержать изъ старинной оригинальности, и то, что испанскій геній могъ приобрести отъ долгаго обращенія съ французскимъ. Рѣшаютъ ли эту задачу, преимущественно въ комедіи, произведенія Бретона де-лосъ-Герреросъ, Вентуры де-ла-Веги, Родригеса Руби? По-крайней мѣрѣ авторы пытались это сдѣлать; они разумные труженики этого обновленія, больше приготовляемаго, нежели совершаемаго въ испанскомъ комическомъ театрѣ. Слышно, какъ новая сила расправляетъ крылья въ «Muerete y veras» Бретона, въ «Nombre de Mupbo» Веги, въ «Rueda de la Fortuna» Руби.

Чтобы въ точности изобразить и показать со всѣми яркими повѣйшими отбѣнками испанскую комедію, стоитъ олицетворить ее въ этихъ даровитыхъ людяхъ, которыхъ случай свелъ изда-лека и соединилъ на сценѣ. Одинъ, Бретонъ де-лосъ-Герреросъ, родился въ деревушкѣ на наваррской границѣ; другой, Вентура де-ла-Вега, американскій уроженецъ Буэносъ-Айрса; Руби—Андалузецъ. Остальная ихъ біографія немногосложна: нѣсколько мелкихъ случаевъ, нѣсколько мѣстъ полученныхъ или потерянныхъ въ переворотѣхъ революцій; смѣна успѣховъ и неудачъ, бывающихъ жребіемъ всякаго драматическаго писателя, которую Теренцій въ прологѣ «Гедиры» называетъ сомнительнымъ счастіемъ сцены, *dubiosam fortunam scenicam*. Надо замѣтить, что ихъ слава начинается съ недавнихъ политическихъ смуть; ихъ талантъ созрѣлъ въ этой тревожной атмосферѣ и носитъ ея слѣды въ своихъ достоинствахъ и въ своихъ недостаткахъ. Талантъ ихъ склоненъ къ новости, и на каждомъ шагу сгибается отъ собственной неувѣренности, отъ своей неопытности; усиливается быть самимъ собою и невольно заимствуетъ чуждыя краски среди нашествія иноземныхъ вліяній. Видно, что комическому одушевленію трудно вспарить вольнымъ и оригинальнымъ между множествомъ противныхъ теченій, завладѣвшихъ Испанією. Однакожъ произведенія этихъ писателей заслуживаютъ мѣста въ со-

временной литературной исторіи и это справедливое и основательное мнѣніе можетъ только подтвердиться, если сообразимъ, какъ мало поднялось комическое искусство въ новѣйшей Европѣ, какъ отстало оно отъ прочихъ отраслей литературы, отъ лирической поэзіи, отъ романа, отъ самой драмы. Въ самомъ дѣлѣ, куда ни взгляните, комедія не подаетъ и прелесть жизни въ Италиі, гдѣ однако могучія трагическія произведенія успѣли выйти на свѣтъ. Въ Англіи, не смотря на тамошнюю свободу, которая кажется была бы благопріятнымъ условіемъ, едва можно примѣтить нѣсколько неопредѣленныхъ и блѣдныхъ опытовъ въ комедіи. Дѣло надъ которымъ Германія трудится со времени Гете, такъ хлопотливо, что подлѣ него нѣтъ мѣста той высшей и плодотворной провѣи, которой нужна чуткость подмѣчать человѣческія пружины, нужна ясность воспроизводить ихъ и приводить въ борьбу. Сверхъ того, можетъ-быть, германскій туманный гений по самой сущности своей мало способенъ къ такому роду: странныя промахи Шлегеля о Мольерѣ почти не позволяютъ и сомнѣваться въ томъ. Поелѣ Франціи, Испанія теперь имѣетъ самый цвѣтущій театръ, или, если угодно, наименѣе находящійся въ упадкѣ. Особенно замѣчательны одинъ прогрессъ, именно разница между новою школою и той издыхающею школою конца осьмнадцатаго вѣка, которая, подъ вдохновеніемъ Комелли, пыталась грубо натурализовать у себя плачевную комедію и которую Моративъ клеймилъ въ «Кофейной», изгоняя ее со сцены. Новѣйшія произведенія суть плодъ комическаго вдохновенія, которое все преобразовалось и которое мало-по-малу, помню всѣхъ вліяній, возвращаетъ свою естественность, свободу и силу. Мы ничего не преувеличиваемъ: это зародыши, можетъ-быть, едва возникающіе, но въ нихъ примѣтенъ извѣстный литературный сокъ, который бродитъ въ пѣдрахъ Испаніи.

Бретонъ де-лосъ Герреросъ одинъ изъ самыхъ умныхъ донгателей современной реформы комедіи. Онъ первый послѣ Моратина искалъ оригинальности и возвратилъ на театръ музу наблюденія. Маловажны его опыты въ драмѣ, его подражанія моднымъ французскимъ трагедіямъ, нешзбѣжная дань ложному направленію. Въ его дарованіи поразительна его исключительно насмѣшливая натура и его прямо испанскій характеръ; такая двойная печать лежитъ на сотнѣ пьесахъ его репертуара. Недавно, въ Парижѣ, вздумали играть одно изъ его произведеній, «Степной звѣрь» (el Pelo de la dehesa): публика, малочисленная и едва смѣлканная, осталась хладнокровною къ бѣдамъ добраго аррагон-

сваго сельскаго жителя, дон Фрутоса, которому такъ не по-себѣ въ Мадридѣ, который предпочитаетъ свою «самарру» модному мадью, находитъ вовсе не веселѣе зѣвать въ оперѣ и гораздо лучше слушать музыку своихъ собакъ въ горахъ; который на каждомъ шагу спотыкается о потребности цивилизаціи и наконецъ разрываетъ сѣть лукавыхъ соблазновъ, какую опутала его одна разорвавшаяся женщина, чтобы выдать за него свою дочку. Приемъ, оказанный во Франціи комедіи Бретона, очень понятенъ и нисколько не удивителенъ, даромъ-что аррагонская фигура исполнена истины и красокъ. Бретонъ де-лосъ-Герреросъ представляетъ въ наше время въ Испаніи обновленный типъ остроумной, живой и изысканной комедіи, которая небрежетъ дѣйствіемъ и играетъ подробностями, ослабляетъ неустойчивымъ обиліемъ шутокъ и пестротой тоновъ, восхищаетъ быстротою и кѣпкостью стрѣлы, брызжетъ веселостью какъ искрами невзначай, однимъ словомъ, такой комедіи, которую иностранцы всего меньше могутъ понимать и которую всего труднѣе переводить. Въ критической операціи *точного* перевода искра жизни терлется, грація изглаживается, огонь восторга гаснетъ; счастливая мысль, правда, еще примѣтна, но прелесть деликатныхъ сочетаній исчезла, осталось одно безцвѣтное дѣйствіе, по которому едва можно догадываться, каково было произведеніе въ своемъ первоначальномъ видѣ. Кромѣ того, *Pelo de la dehesa*, вовсе не лучшая комедія Бретона въ этомъ родѣ. Самая изящная его комедія, которой можетъ-быть нѣтъ подобной во всемъ театрѣ автора, «Марцела, или которому изъ тронхъ?» Въ ней совмѣщены всѣ достоинства и недостатки Бретона де-лосъ-Геррероса, шаткость интриги, простота вымысла, ускользающая отъ анализа, и оригинальная и блестящая прелесть подробностей. Марцела—олицетворенное кокетство; молоденькая женщина, которая спокойно наслаждается счастіемъ быть хорошенькой и однако жалуется на невыгоды красоты, по тому разсужденію, что красота привлекаетъ ей тучу докучливыхъ поклонниковъ. Къ несчастію, глупцы численно преобладаютъ на этомъ свѣтѣ и между искателями руки Марцеллы находятъ только излѣженный денди, хвастливый и болтливый оеицеръ, и человекъ, которому страхъ хочется быть по-этомъ, да не удастся. Между этими-то различными лицами развивается дѣйствіе. Чтѣ дѣлать гордости Марцеллы, какъ не заключиться въ свою свободу, посмѣявшись надъ любовниками, предложивъ имъ родъ скачки съ предатствами чтобы достигнуть до нея и покрывъ ихъ всѣхъ одинаковымъ смѣшнымъ. Поуро-

Будте же перевести это произведение, свершившее комическую живость, исполненное остроты и тонких замѣтокъ: что остается отъ него? Мысль обманенная отъ интереса, который придаетъ ей удачная обработка, обильная остроумными выходками; идея дерзкаго и надменнаго кокетства, которое играетъ страстями, не поддаваясь имъ, и вдругъ убѣгается, отаѣчая презрительнымъ хохотомъ на ухаживанья, которыхъ служить предметомъ.

Впрочемъ, тутъ есть черта, свойственная особенно уму Бретона де-лосъ-Геррероса, и повторяющаяся во многихъ другихъ его произведенiяхъ, въ «Мужъ для дѣвушки» (*Un Novio para la niña*), въ «Третьемъ на споръ» (*El Tercero en la discordia*), также какъ въ «Марцелъ» (*Marcela*), какъ въ «Умри, увидишь» (*Muerete y veras*) и «Все на свѣтѣ дурачество» (*Todo es farsa en este mundo*). Эта черта, его изображенiе женскаго сердца. Бретонъ мастеръ схватывать то, что есть причудливаго и нестойкаго въ натурѣ женщины, и изображаетъ это съ такою потивною, что оно не оскорбительно. Онъ любитъ представлять ихъ извѣтчивость въ разныхъ отбѣнкахъ, смотря по свѣтскому положенiю; слѣдить ее въ молодой дѣвушкѣ, которой сердце становится доступно капризу въ одно время съ любовью; въ женщинѣ, которая довольна своею красотою и не ускоряетъ ея зрѣлости ни какими сильными увлеченiемъ; въ бойкой и лукавой старухѣ, которая разговяетъ скуку тяготящихся лѣтъ и обращаетъ всю свою опытность въ насмѣшку. Такимъ образомъ Марцела—идеальный типъ, къ которому относятся героини Бретона, съ разными видоизмѣненiями. Съ точки его комической фантазии всѣ женщины, живущи въ его произведенiяхъ, чудесныя дипломатки; умѣютъ скрывать и притворяться, какъ будто еще носятъ прелестную маску, которая прикрывала улыбки и пламенные взгляды героини Кальдерона; воздерживаются или забываются по-очередно съ такимъ спокойствiемъ и съ такою искусной пресетотою, что обманываютъ самую зоркую провицательницу; вѣрятъ сегодня клятвамъ, а завтра забываютъ ихъ до того, что смѣяться и жестоко бьютъ бы тотъ, кто напомнилъ бы имъ объ нихъ. Любовь у нихъ—прихоть, которая свѣшивается прихотью сильнѣе и моще. Это, такъ сказать, страсть на поверхности сердца; не безконноется, она не смутаетъ ни жизни, не омрачаетъ войны ихъ способностями, не исполняетъ ихъ гонимъ слезами; не возмущаетъ ни груди, не выводитъ ни души изъ снаго счасточенiя и неумертвенна. Валлонинъ, терпанъ, слезы,
Т. ДАККУ. — Оукъ VII.

чиваться бракомъ, должна даться два часа; знаю, что она дѣлится на дѣйствія, дѣйствія на явленія, что въ заключеніе всего извиняются передъ публикою.... Я на этой недѣлѣ подписался на журналъ и на газету, и купилъ словарь. Чего жъ мнѣ еще надо? Ужъ не быть ли поэтомъ? Вотъ глупость! Скажите, развѣ сочинители нѣсть поэты?» Довъ Сатуріо правъ; нельзя сказать, чтобы на свѣтѣ было много средствъ разуверить его: онъ и то уже взялъ предосторожность, вынче почти излишнюю, купилъ себѣ словарь! Такимъ образомъ Бретонъ де-лосъ-Герреросъ поражаетъ своимъ сатирическимъ восторгомъ [самыя различныя смѣшныя стороны; онъ напалъ на родникъ національной веселости и иногда его иронія выражается еще глубже и еще живѣе, и еще больше обозначаетъ въ немъ современнаго человѣка.

Комическая легкость автора «Марцелы», въ самомъ дѣлѣ, исчезаетъ предъ болѣе живымъ чувствомъ человѣческаго непостоянства въ *Muerete y vergas* «Умири, увидишь». Изъ всѣхъ глупостей, могущихъ заразить сердце, авторъ выбралъ едва ли не самую отвратительную. «*Muerete y vergas*» — комедія неблагодарности. «Умири, говоритъ комикъ съ истиною, которой горечь слабо прикрыта легкой веселостью дѣйствія: умири, увидишь, что тебя ожидаетъ, по крайней-мѣрѣ что ожидаетъ твою память, когда людямъ нечего будетъ бояться тебя или искать въ тебѣ. Быстрота забвенія, невѣрность памяти у женщины, въ настоятельство которой ты вѣрнулъ, у друга, на котораго полагался; корыстная печаль тѣхъ, которые тотчасъ отираютъ слезы, какъ скоро увидятъ, что тебѣ нечего имъ завѣщать; упорныя проклятія тебѣ какого-нибудь жаднаго ростовщика, у котораго смерть вырвала добычу. Счастливъ ты, если чье-нибудь одинокое и безмолвное сердце, мимо котораго ты прошелъ можетъ быть безъ виноватія, не спросивъ его безмолвной вѣжливости, сохранить о тебѣ вѣрную и нежданную память!» Безъ-сомнѣнія, иронія можетъ составить поразительные эффекты изъ сочетанія этихъ элементовъ. Вообразите же человѣка, котораго всѣ считаютъ уморившимъ и который однако живъ и самъ присутствуетъ при этой комедіи, играемой надъ его гробомъ. Вотъ вамъ произведеніе Бретона, произведеніе полу-серьезное, полу-шуточное, гдѣ «слабосила» становится мыслию поистинно уморившею насильственностью «смерти». Человѣкъ, котораго авторъ воскрешаетъ, чинъ де-ла-Пабла, молодой арагонскій ратникъ, покинутый на войнѣ битымъ въ одно изъ безчисленныхъ сраженій послѣдней войны. Возвративъ на волю, который онъ ожидаетъ и что онъ уже не ожидаетъ, что

человѣкъ омытъ въ новыя испанскія вѣстелы, Бретона де-лосъ-Барреросъ, также какъ Вентуры де-ла-Вега и Руби. Эта неувѣренность бываетъ общая всѣмъ умамъ, трудящимся надъ литературнымъ прогрессомъ страны; она происходитъ отъ моральнаго преобразования, которое совершается, и отъ снтенія, которое будетъ царствовать до-тѣхъ-поръ пока преобразование вполне осуществится въ мысляхъ и въ правахъ. На кончѣи должно преимущественно тяготѣть неостоятельство, на которому теперь за Иберееми ничто не написано, ничто не опредѣлено, ничто не имѣетъ своего завтра. Это неостоятельство останавливаетъ и парализуетъ наблюдательность, главное достоинство комическаго гения. Одинъ живописецъ правовъ, Мевенеро Романосъ, который отличился подъ именемъ el sagioso parlante и написалъ остроумныя очерки, «Мадридскія сцены», въ которыхъ наложилъ испанскіе обычаи, справедливо говорилъ: «Первое условіе, чтобы достигнуть сходства въ портретѣ, неподвижность того, кого описываютъ. Какъ же добиться сходства, когда оригиналъ встаетъ и вертится во все стороны, то смѣется, шутитъ и щеголяетъ своей наглостью, то плачетъ и причетъ, чтобы не выказать своей снаниости и нищеты? Какъ и въ какой мигъ подстеречь живцу на полетѣ; ребенка, который въ-отчю растетъ; конвое, которое вертится; старый народъ, который исчезаетъ переливаясь въ новый народъ, тѣло кичетъ прошедшее и жертвуетъ настоящимъ, предаваясь обольщеніямъ и надеждамъ будущаго? Мы прибавимъ, какъ же не страдать отъ такого положенія комедіи, которая поддѣлываетъ и воспроизводитъ страсти человека не только съ нкъ существовавшей и возможной стороны, но и въ измѣненіи, какими онъ подвергается отъ вѣнннхъ обстоятельствъ каждой эпохи? Самъ Бретонъ говоритъ устами одного изъ своихъ лицъ въ комедіи «Третій на смерть»: «Мадридца составилъ себя такую похвѣ національныхъ правовъ съ иностранцами, что въ вой ужъ ничего не разберешь.... Мадридъ скоро сдѣлается шарадю, логорисомъ». Не трудно замѣтить господствующее дѣленіе среди этой неопредѣленности: оно — уравненіе съ Франціей, очевидное стремленіе приблизиться къ французскимъ понятіямъ, выражать тѣ же самыя чувства, гадить на челоуѣтснную душу съ той же точкой. Это не значитъ рабски подражать, какъ многіе говорятъ, во веяскія своего презрительнаго отъѣза; это значитъ повиноваться въ литературѣ закону нравственнаго развитія всей вѣннншей Испаніи. Преобразование, которое совершается на нашихъ глазахъ и въ которомъ любовь на каждомъ шагу уксы-

вать французское вліяніе, надѣлѣ есть нѣчто больше простаго заимствованія. Это трудовое сопричаженіе всеобщей цивилизаціи которая въ наше время овладѣла міромъ и не составляетъ исключительнаго достоянія ни одного народа. Остановимся на комедіи: оригинальность комическихъ опытовъ невѣрной Испаніи можетъ быть казалась бы намъ живѣе и ярче, если бы театръ представлялъ странныя нравы временъ Габріэля Теллеса и Кальдерона, а между тѣмъ это была бы только поддѣльная и лживая оригинальность. Можетъ быть, если не глядѣть дальше наружности, въ нѣкоторыхъ очеркахъ народныхъ нравовъ Бретона, въ нѣкоторыхъ картинахъ андалузскаго быта Руби найдутся краски ярче и опредѣленнѣе, нежели въ «Марцелѣ» или въ «Rueda de la fortuna», но не въ этихъ очеркахъ заключается сѣмя плодотворной новости. Въ произведеніяхъ, которыя, съ перваго взгляду, теперь кажутся блѣднѣе и безцвѣтнѣе, достоинство то, что онѣ ищутъ оригинальнаго и національнаго выраженія для новыхъ понятій и чувствъ, представляютъ нравственное или историческое изображеніе человѣка въ согласіи со вкусами, которые порождены нашимъ вѣкомъ и развиваются каждодневно. ←

Такой характеръ «Свѣтскаго человѣка» Вентуры де-ла Вега, котораго успѣхъ въ Испаніи постоянно также великъ, какъ и въ первое представленіе. Вега сначала посвятилъ себя переводамъ; никто лучше его не умѣлъ приваровать французскую пьесу къ испанской сценѣ. Настоящая американская натура, живая и беспечная, которая простираетъ небрежность до забвенія, лѣнь до системы, до поэзіи, Вега пробудился комедіей, которую можно назвать оригинальною по нынѣшнему состоянію полуострова, и въ которой нравственная, истинная мысль, претая и въравъ какъ у Мопассана, развита съ очень тонкимъ талантомъ, съ легкою, ни да-мигъ не теряющей изъ виду цѣли. Какая же мысль Nombre de mundo? Человѣкъ прожилъ молодость въ разслаблѣннѣ, вечерналъ все удовольствія, все наслажденія, составилъ себѣ свѣтскую репутацию, славу обольстителя, видалъ паденіе женской добродѣтели передъ своею прихотью, усталъ отъ этихъ всемерныхъ наслажденій, изъ которыхъ за многія его грызеть совѣсть; онъ ищетъ въ супружествѣ частія спокойствія, задумавшій, прочтѣе. Тутъ нравственная идея является въ драматическомъ видѣ: точно ли возможно мирное счастье домашняго угла для сердца, полного воспоминаній и разочарованій, избалованнаго логикой успѣхами, которое часто видало, какъ долгомъ жертвовали любви въ его пользу, — которое привыкло къ обманамъ, къ удочкамъ, ка-

нѣя свѣтъ прощаетъ съ улыбкою, даже съ насмѣшвою ведаъ ихъ жертвой? Едва жежился донъ-Люисъ, какъ передъ нимъ явсуется призракъ его прошлаго; онъ пугается всѣхъ своихъ поступковъ, какъ поминутной угрозы, которая ставитъ въ опасность его законную любовь и его достоинство мужа. Прошедшее; такъ сказать, воплощается для него и дразнитъ его въ лицѣ одного изъ прежнихъ товарищей по забавамъ, донъ-Хуана. Борба между воспоминаніями и условіями новой жизни рѣзно вспыхиваетъ, съ самаго начала, въ одной сценѣ, гдѣ донъ-Хуанъ, являющійся къ нему какъ свѣтъ на голову, не зная объ его женитьбѣ; поздравляетъ его съ новой любовницею, какъ поздравилъ бы съ новой лошадейю, и наконецъ нагло предлагаетъ помѣняться съ нимъ на его любовницу. Правда, донъ-Хуанъ скоро узналъ свою ошибку, но когда донъ Люисъ описываетъ ему свое суровое счастье, изображаетъ неожиданныя радости, какія присутствіе жены во дворцѣ въ его домѣ, и приглашаетъ посѣдовать его прищру, что тогда дѣлаетъ донъ-Хуанъ? Онъ отвѣчаетъ забычному и еще плохо увѣренному въ своемъ постоянствѣ мужу его же бывшими словами; напоминаетъ ихъ общую жизнь, пробуждаетъ въ немъ искорку потухшихъ страстей. Лаская удовлетворенное самолюбіе донъ-Люиса, онъ перебираетъ одно за другимъ любовныя похождения, которыя составили его блистательную репутацію въ свѣтѣ, пона наконецъ, пересчитывая этотъ рядъ интригъ, неумышленно воззаетъ жало въ сердце неувереннаго мужа, потому что изъ всѣхъ хитростей, которыхъ воспоминаніе льститъ тщеславию донъ-Люиса, есть одна, которую можетъ быть его жена употребила съ нимъ. Донъ-Люисъ становится на мѣсто того, кого некогда обманулъ; это сходство мучитъ его вѣснть; отъ доврчивой вѣжности онъ вдругъ переходитъ въ обдуманую сомнѣнію, впадаетъ въ жестокое безпокойство, въ страхъ; терзаетъ себя собственными руками. Небольшая выписка дастъ понятіе о ходѣ сцены, гдѣ мысль комедіи рѣзно обозначается съ первой же минуты.

«хуанъ. Ахъ! Люисъ! то-то nobывало у насъ жертвъ! Сказки, поминишь ты интенданта?...

люисъ, съ улыбкою. Дона Габриэля, того, что игралъ въ bisbis?

хуанъ. А какъ тебя любила его жена!

люисъ. О!... это была женщина-волканиъ.

хуанъ. А онъ, протакъ, всегда, бывало, твердитъ: «Что за чудо, право, что моя Гевриета такая холодная».

люисъ, *слезливъ*. Видишьли!

хуанъ. А твои похождения съ блондинкой.... какъ-близъ ее звали?

люисъ. Марука.

хуанъ. А ея горничная-то....

люисъ. Какже, Долоресъ; бывало великий дождь, втрѣбе солища, въ одинъ и тотъ же часъ является съ письмомъ отъ госпожи.

хуанъ. Сберегъ ли ты хоть перетень, который она подарила тебѣ на глазахъ у мужа?

люисъ. Да, только съ этикъ нужемъ не такъ легко было сдѣлать.

хуанъ. Но она умѣла же уличить его! Какъ, бывало, лакаеть его!

люисъ. А какъ, бывало, падаеть въ обмороки!

хуанъ. Когда она не пропускала ни одной обѣды, онъ только говаривалъ: «Моя Марука такая богомошная!» Но изъ всѣхъ твоихъ походовъ самое забавное было съ тою.... какъ бились вы?...

люисъ. А! съ Розою-то?

хуанъ. Чтò за ангельская наружность и чтò за демонская душа!

люисъ. Да какое же похождение? Когда она назначила нѣтъ свиданіе черезъ журналъ?

хуанъ. Нѣтъ, другое.

люисъ. Когда свирчала меня въ кабинетъ?

хуанъ. Нѣтъ, чтò жъ тутъ необыкновеннаго; я говорю про ея мастерскую хитрость, какъ она заставила мужа предостанить ей тебя, въ ея же домъ.

люисъ, *перемѣняель съ лица*. Какъ же, какъ же, мужъ снѣтъ....

хуанъ. Неужто не помнишь?

люисъ. Какъ не помнить.

хуанъ. А вѣдь онъ былъ не дуракъ; напротивъ, самъ свѣтскій человекъ, да еще ловкій....

люисъ. Правда, свѣтскій человекъ.

хуанъ. Да, чтò будешь дѣлать? и свѣтской оштанности мало....

люисъ, *остреожсенный*. Впрочемъ, если не ошибаюсь, мужъ былъ презрѣнный потворщикъ.... Нельзя было обмануться. По крайней-мѣрѣ, кажется, и на его мѣсто тотчасъ бы все угадалъ.

хуанъ. Да какъ ему было угадать! Вѣдь дѣло было устроено съ неодолимой ловкостью, на какую съ женщинами мастерами.

Она ушла так ослепить мужа, что ему показалось самой натуральной вещью....

люисъ. И то правда.... (Идетъ съестъ на стулъ.)

хуанъ. Чтѣ съ тобою?

люисъ. Со мной? ничего.

хуанъ. А! понимаю! Воспоминанія!... Ну, сдѣлажь глупость, такъ и быть. Прощай, мой милый.

люисъ. Скоро ты воротишься?

хуанъ. Ворочусь и обращаюсь, такъ ли?

люисъ, *однкъ, въ безпокойствѣ*. Самъ мужъ!... Да, точно мужъ; такъ добросовѣстно представилъ меня жёнѣ! и попросилъ, чтѣ за смѣшную роль игралъ! Про то зналъ весь Мадридъ, кромѣ его.... Да, это задало мнѣ задачу. Антониито, котораго она просила меня представить ей.... если я введу его въ домъ, чтѣ тогда будетъ? Если откажу, подъ какимъ же предлогомъ? Чего добраго, Клара примѣтитъ, что я ее подозреваю. Нѣтъ, это невозможно, потому что, если мои подозрѣнія неосновательны, это ее убьетъ; если справедливы, это предупредить ее и заставить поискать средства покончить. А чтѣ, если она точно составила проклятый планъ привести сюда любовника моими руками! Она говоритъ, что онъ думаетъ объ одной Эмилиа, а Эмилиа отирается, и Клара запицалась, говоря это мнѣ. Тутъ что-нибудь кроется, я увѣренъ. Вотъ какъ хорошо знать, чтѣ такое жизнь! Мое похождение доказательство тому; маленькая женщина Розиты, когда она старалась убѣдить мужа, — славный урокъ. Можно ли задумать хитрость, которой бы я не виделъ на своемъ языкѣ? Ахъ! опытность много значить. Хорошо, что Хуанъ во время отиралъ мнѣ глаза.... Но, Боже мой! неужели такъ суждено, что никто не избавится отъ этого!...

Такъ вотъ она, двусмысленная наука «Свѣтскаго человѣка!» вотъ эта опытность, плодъ развѣтливой жизни! Неизлечимой нравственной хитрости, она вѣрнѣе только въ хитрость; она подаетъ свою тѣнь на всю остальную жизнь, питаетъ все, къ чему прикасается, неизлечимо вызываетъ несправедливое подозрѣнне, отравляетъ самые простые поступки; читаетъ въ сердцѣ чуждыхъ совѣтниковъ. Въ выговоренныхъ словахъ, въ улыбкѣ нескрывающей на устахъ, въ жестѣ, въ морщбѣ радости или страху она ищетъ тайной и черной причины и воображаетъ себя глубокою, оттого что всадъ предпологаетъ зло. Человѣкъ съ этой печальной опытностью, оставивши на томъ пути, гдѣ ее приобрѣлъ, конечно, не страдаетъ отъ нея; но человѣкъ, который вдругъ своротитъ съ

дороги и надумаетъ искать счастья не въ развѣданныхъ, заражающихъ душу, на каждомъ шагу терзается совѣтами своей вѣроломной науки и отъ этой борьбы рождается драма или комедія. Въ «Nombre de mundo» замѣчательно то, что каждое лицо своимъ характеромъ способствуетъ развитію главной мысли. Мы показали дона-Хуана, этотъ упрекъ совѣсти дона-Люиса, который вѣчно тутъ съ напоминаніями о прежнихъ шалостяхъ, будто въ наказаніе, съ памятью о всѣхъ его покушеніяхъ на чужую честь и чужое счастье. Возьмемъ донью-Клару, молоденькую женщину. Она вышла за дона-Люиса, прельщенная его блескомъ въ свѣтѣ; теперь, ревнуя къ прошлому, она старается быть кокеткою съ мужемъ, будто желая вѣроче привязать его къ себѣ, и напротивъ, только возбуждаетъ его недовѣрчивость. Клара удвоиваетъ заботы, нѣжныя вниманія, ловкость; донъ-Люисъ удвоиваетъ свою коварную дипломатію, недовѣрчивую осторожность, усилія подстеречь какую-нибудь скрытную интригу. Порочное прошедшее вооружаетъ ихъ другъ на друга и безпрестанно внушаетъ имъ взаимныя подозрѣнія. Даже втеростепенный Фигаро, слуга Рамонъ, повѣренный дона-Люиса во дни его сабавъ, неуживающійся съ семейнымъ бытомъ, и тотъ разжигаетъ огонь воспоминаній въ сердцѣ господина, старается вывести его изъ домашняго спокойствія, какъ изъ недостойнаго паденія. Впрочемъ, что же въ семействѣ дѣлать можетъ хоть на минуту возбуждать и поддерживать подозрѣнія недовѣрчиваго мужа? Между однимъ молодымъ человекомъ и младшей сестрою донья-Клары есть тайная и чистая любовь и донья-Клара покровительствуетъ этой любви. Этой delicate тайны уже довольно, чтобы воспламенить подозрѣнія дона-Люиса. И замѣтите, что средство морально правдоподобно, потому что, въ силу справедливаго возмездія, прозорливость развращеннаго сердца не въ состояніи рассмотреть чистыхъ и наивныхъ побужденій. Увы! что жъ это за свѣтская ослѣпленность, которая такимъ образомъ запуталась въ паутинѣ ювенесной любви и умерительно натушится гоняться за химерами, которыя сама создала себя? Выходитъ правда, какъ говорить въ заключеніи донья-Клара, что еще недоброумно думать *шудо обо осамъ*, чтобы быть совершеннымъ *огамскимъ* человекомъ. Такую удачную задатку выбралъ авторъ; эта нравственная мысль часто тонко анализирована въ его произведеніи, а иногда только слегка тронута. «Nombre de mundo» одна изъ самыхъ прелестныхъ комедій испанскаго Ионанія, одно изъ тѣхъ произведеній, которыя, не бу-

лучи совершенно новы, прекрасно обновляют уже избитый сюжетъ.

Особое обстоятельство доказываетъ, сколько истинно серьёзнаго и жизненнаго находится въ драматическомъ движеніи, появившемся въ Испаніи, какъ бы ни велико было значеніе иноземныхъ влияній, окружавшихъ его происхожденіе. Разумѣемъ именно разнообразіе одѣланныхъ усилій, настойчивость умовъ размножать опыты, приискывать всё формы, въ какія только можетъ облекаться комическая мысль. Нѣтъ рода, который бы не имѣлъ своихъ приверженцевъ, отъ легкой, капризно-остроумной комедіи, которой представитель — Бретонъ де-лосъ-Герреросъ, до комедіи, которая занимается изображеніемъ чловѣка въ исторіи, описаніемъ эпохи съ ея страстями, правами и смѣшными сторонами. Въ этомъ-то послѣднемъ родѣ усилъ авторъ «Колеса Фортуны», одинъ изъ самыхъ молодыхъ драматическихъ писателей Полуострова, одинъ изъ тѣхъ, которые теперь еще составляютъ надежду Испаніи. Руби замечивалъ у осьмнадцатаго вѣка одно изъ самыхъ рѣзкихъ его лицъ, чтобы вывести его на сцену, чтобы изобразить въ немъ переменчивую судьбу министра, котораго поворотъ колеса Фортуны то возвышаетъ, то рокилетъ. Двѣ части «la Rueda de la fortuna» посвящены двойкой комедіи возвышенія и паденія одного чловѣка. Эти двѣ пьесы собственно составляютъ одно произведеніе, продолжаются обѣ съ одними лицами, различнымъ дѣйствіемъ и единственной мыслью, — мыслью непостоянства публичной жизни. По нашему мнѣнію, есть существенная выгода въ такомъ раздѣленіи, свойственномъ многимъ современнымъ испанскимъ произведеніямъ: оно больше всякаго другаго благоприятствуетъ широкому и плодovitому развитію; позволяетъ распространять драматическую идею и выводить изъ нея всё эстетскы безъ путаницы, представлять противоположныя фазы судьбы на торона ходу дѣйствія, чувствъ и характеровъ, не жертвуя одной частью другой части, а соединяя въ каждой всё элементы интереса, какіе ей свойственны. Двѣ драмы полоняютъ себя взаимно для смѣшленнаго зрителя, передъ которымъ онѣ разсертываются, который слѣдитъ за однимъ чловѣкомъ въ разныхъ дѣйствіяхъ и можетъ встрѣчать его измѣненнаго лѣтами, моральными испытаніями и всякими случайностями жизни, если ностъ умѣлъ искусно разсечь эти постепенныя переиѣны чловѣческой природы. Прибавимъ, что подобный процессъ драматическаго творчества особенно понравится высшимъ умамъ; этотъ самый процессъ употребляли очень различные гени: Шиллеръ и

Бомарше. Комедія Руби обращается съ исторіей истинно вольно для исторической комедіи; желательно бы видѣть въ ней такъ не-тверже и по-свѣжѣе, иногда по-больше логики и истины въ вымыслахъ, но видѣть вѣрно бымасть, что произведение, произведенное нестроятностей, съ недостатками, выдающимися въ глаза, имѣеть однако то привлекательное свойство, что заставляеть думать, — рѣдкое достоинство. Такова комедія «la Rueda de la fortuna», которая составляетъ истинную литературную честь Руби. Съ ней не сравнятся изъ прочихъ произведеній автора ни его живописные очерки андалузскихъ нравовъ, какъ «la FERIA de Mairena», «Гостиница Карденасъ», «За крестомъ лунавый»; ни его опыты болѣе серьезной комедіи, какъ «Искусство учиться», «Вступленіе въ большой свѣтъ, или Дворъ Карла Второго», пьеса запрещенная въ прошломъ году, потому что въ ней видѣли страшный намекъ. Эти различныя произведенія доказываютъ гибкость таланта Руби, а «la Rueda de la fortuna» — высоту его таланта.

Мы показали, что осьмнадцатый вѣкъ доставлялъ автору сюжетъ его комедій; по-крайней-мѣрѣ онъ служитъ ранкою романтическому вымыслу. Дверь Фердинанда-Шестаго служитъ театромъ, гдѣ Руби представилъ зрѣлище счастья, которое беретъ человека изъ неизвестности и ведетъ къ богатству, къ знатности, къ власти, чтобы дать своему блестящему зданію обрушиться самому на себя. Вообразите явленія, возникающія на каждомъ шагѣ подъ ногами ничтожнаго человека, презрѣніе, котораго предметомъ онъ видитъ себя, а подлѣ тайныя протокіи, которыя помогаютъ ему идти къ-верху; скрытыя страсти, которыя сообщаютъ ему свою силу и овлаиваютъ его во мѣрѣ его успѣха, либо удаляются отъ него во мѣрѣ его неудачъ; зависти возбуждаемыя его счастьемъ, то въ соперника знатнѣйшаго рожденія, то въ людей, которые мешали его возвышенію и отъ опаски которыхъ онъ освобождается. Не правда ли — самый обильный родникъ, изъ какаго только позволено черпать комическому поэту? Руби и старался изобразить весь этотъ народъ, — гибкаго придворнаго, вѣчно отъяснивающаго восходящее свѣтло; надменнаго дворянина; сибирскую и мексиканскую мажореру, когда не все гнется подъ его прищипкой волею; врозь, неутомимаго искателя, ежминутно готово на поворотахъ; упрятаго честолюбца; наконецъ того, къ которому преимущественно прикованъ интересъ, человека возвышающагося собственнымъ достоинствомъ, который, достигши вершины, тамъ иногда осѣняется своимъ блескомъ. — Колесо

«сортунъ» отырывается еривинально престою картинною. Дѣйствію въ одномъ селеніи Ріоки, въ домъ замѣтчаго хлѣбонашца, вѣнн уамаемаго, благороднаго и независимаго, у котораго нашеть гостепрѣмство одинъ вельможа, графъ Санъ-Тельо, удаленный отъ двора выхѣсть съ дочерью, доньей-Кларою. Хлѣбонашца съ своими гостями живутъ стѣбца и онъ обѣдѣлся бы предложениемъ заплатить ему за гостепрѣмство. Онъ считаетъ Санъ-Тельо и донью-Клару просто за новыхъ членовъ своей семьи. Такая простая и безцеремонная жизнь, хотя и титотитъ иногда гордость ональнаго придворнаго, нашеть не могла бы породить ни какой буре; однако жъ подъ нею таится опасность, которая и оказывается. Энергическая любовь, пытаясь всѣмъ пламенемъ юности и еще усиливается короткостью обращенія, уже соединяетъ втайнѣ донью-Клару съ Сепонемъ, сыномъ хлѣбонашца Мауриціо. Нѣтъ ничего натуральнѣе для чистой и молодой дѣвушки; которая еще не успѣла испортиться придворной жизнью и для молодого человѣка, въ которомъ воспитаніе свыше сословія развернуло возвышенныя наклонности, отборныя вкусы, которые такъ и просекаются на свѣтъ. Самъ Мауриціо, по своему здравому смыслу, не находитъ ничего страннаго, когда узнаеть про эту связь и не видитъ ей другого окончанія, кромѣ законнаго брака, но при такомъ неожиданномъ предложеніи гордость Санъ-Тельо просыпается, къ тому жѣ милостивый рескриптъ приглашаетъ его въ ту жѣ минуту въ Мадридъ, и онъ какъ обиду отвергаетъ предложеніе, измѣнить заветности. Онъ уѣзжаетъ съ неблагоприятнымъ мнѣніемъ; донья Клара слѣдуетъ за нимъ, вздыхая и унося въ сердце вѣрную любовь. Мауриціо чувствуетъ обиду и униженіе, а Сепонъ, съ гордостью молодости, съ полнымъ страстемъ жаждущей удовлетворенія, съ удовольствіемъ души, которая вырывается изъ себя приваженіе къ блестящей участи; Сепонъ обѣдѣляется отъ перваго улыбаема и откровенно покаеть побѣды и мнѣнія. Живонаса салсонаго блага, жаднъ погорымаго наконецъ вѣстаетъ покаянъ ирреспонсива; немаломъ оровети, каверуза покаянъ опредѣляюща; потому что вочевѣе предельно уму контрастъ, въ которомъ нѣтъ ничего императивнаго. Молодой членъ семьи, который на видѣмъ гениальное околнѣе, одрекается серьёзными наклонностями, вѣзвѣщенными дѣвушку и издѣланнымъ жить отдаленно въ будущее, дѣйствительно сдерживаетъ обещаніе, которое вассаетъ ему на уаза-ассорти «блестящихъ сартунъ». Мнѣ вѣало сирривное и чепухаго блага членовъ семьи, изъ вѣзвѣщеннаго мороза и изъ сирривнаго обещанія

вѣка. Сеновъ Зомадевилль сдѣлался маркизомъ де-ла-Эссенъядъ, государственнымъ человѣкомъ, который хотѣлъ освободить Полуостровъ отъ обременительной сѣти налоговъ, учредивъ одну подать, и который замышлялъ для своей родины новую и поразительно мужескую политику послѣ упадка предъидущаго столѣтія, — политику нейтралитета между Англіей и Франціей. Блестящая и серьезная слава, которой поэтъ показывает простое и истинное происхожденіе, можетъ-быть истиннѣе самой исторіи. Конечно, въ глазахъ историка, ума достаточно для объясненія внезапнаго возвышенія. Но, по человѣчески, не болѣе ли права поэзія? Въ числѣ людей, которые возвысились изъ ничего, силою собственной энергіи, подобно Сеноу Зомадевилль, развѣ нѣтъ такихъ, которые могутъ признаться, что пылкая страсть, справедливое негодованіе, служили первыми началами ихъ силы и вдохновителями ихъ разума?

Съ этой точки идея Руби кажется намъ удачною и натуральною. Авторъ самыми мастерскими чертами изображаетъ безвѣстный и безславный отъѣздъ, какъ будто для того, чтобъ ярче отбѣнить блескъ, которымъ вскорѣ окруженъ его герой. Кажется, будто онъ заранѣе съ умысломъ противопоставляетъ картину сельскаго спокойствія тѣмъ волненіямъ, которыя предстоятъ Сеноу и въ которыхъ онъ утратитъ не одну добродѣтель, не одну надежду, не одну безкорыстную и благородную мечту. Мы не намѣрены подробно разбирать «Колесо фортуны», отбѣчать шагъ за шагомъ всѣ случаи, строго слѣдить за ходомъ сценъ. Достаточно взглянуть на развитіе характеровъ, чтобы угадать дѣйствіе въ двухъ частяхъ творенія Руби. Одно изъ самыхъ рѣзкихъ лицъ — маркиза Торрекузо, которой образъ властвуетъ въ той и другой комедіи, носящій одно заглавіе. Владѣлица всѣхъ придворныхъ секретовъ, отваживая мастерица на тайныя политическія сношенія, искусница скрывать свои страсти подъ невинными предлогами, въ высочайшей степени одаренная тѣмъ свѣтлымъ знаніемъ, которое часто состоитъ только въ илюзіи интригованій, словомъ, вполнѣ придворная женщина, маркиза Торрекузо едине изъ являетъ въ различныхъ видахъ въ каждой изъ двухъ частей «Колеса фортуны». Въ первой части, она блестящая представительница, которая очаровывается красотою и умомъ Сенона; поставляетъ свою гордость въ тонъ, чтобы управлять возмущеніемъ молодого человѣка, пролагать ему дорогу славы посредствомъ; приближать его мало-по-малу къ осаннѣ чистоты, чтобы управлять его съ любовью, которую ставитъ цѣлью къ шлю.

Она глба и сговорчива, шѣмна и силна, остроумна и пламенна. Во второй части эта женщина метать за себя, потому что Зомодевилья пренебрегъ ея любовью. Столь же дѣятельная въ ненависти какъ въ любви, она пускаетъ въ дѣло всѣ средства, какія можетъ изобрѣсти оскорбленное сердце. Она язвительна и безжалостна, надменна и презрительна, наемѣшлива и вѣроломна и удовлетворяется только тогда, когда ей удалось подкопать могущество того, кто нанесъ такую жестокою рану ея самолюбію. Нѣтъ ничего развязнѣе и замысловатѣе объявленія войны между этими двумя лицами. Маркиза высказывается тутъ вся съ ея заносчивымъ тономъ, съ ея язвительными намеками, которые поражаютъ Энсеньяду въ сердце. Завязывается довольно живой и довольно быстрый разговоръ, блестящій нахальствомъ порядочнаго общества.

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Въ каждомъ вашемъ словѣ, маркиза, кроется ядъ.

МАРКИЗА. Вы думаете!

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. А это похоже на ссору....

МАРКИЗА. Вамъ очень хочется ея?

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Хочется! нѣтъ, маркиза; правду сказать, я не ищу ея и не боюсь.

МАРКИЗА. Будь по вашему.

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Очень хорошо! въ-самомъ-дѣлѣ, почему не такъ? Пожалуй, война, если вы хотите! Однако не мѣшаетъ подумать, что вы дѣлаете; сила на моей сторонѣ и, боюсь вамъ, мнѣ не хотѣлось бы, чтобы въ такой неравной борьбѣ, вы, перлъ Испаніи, оказались принужденною поѣхать за границу.

МАРКИЗА. Такъ вы уже грозите мнѣ....

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Нѣтъ, нѣтъ.... Я только предупреждаю васъ....

МАРКИЗА. И вы не боятесь, что та, которая умѣла возмездить васъ, сумѣетъ также и уронить?

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. О! то было время.

МАРКИЗА. Будетъ и другое.... Почему знать?

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Тамъ вы приложите всѣ усилія?

МАРКИЗА. Довольно наемѣшничать; смотрите, за тинуку вы видите этотъ видѣтокъ прекраснѣйшій и цѣльнѣйшій; владете же, вѣрно, завладе и поближе у васъ въ рукахъ; тамъ можетъ случиться и съ вашей огромной властью.

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Кажется, вы забываете, маркиза, что я не видѣтокъ; Энсеньяду можно ссорѣ справиться съ крѣпчайшею дѣвушкой.

МАРКИЗА. Периодическая буря вырывает и деревья из горных.
 ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Такъ вы пророчите себѣ успѣхъ, но надо
 хоть снавать, я пустилъ глубокіе корни.

МАРКИЗА. Прекрасно! дадимъ срокъ....

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Считаю за долгъ повиноваться вашей волѣ..

МАРКИЗА. А теперь вы не пойдете къ королю?

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Надѣюсь, его величество извинитъ меня;
 сейчасъ меня ждутъ....

МАРКИЗА. Настоящій рыцарь!.... Для васъ ваша дама выше
 всего; счастливица донья Инеса! О! ваша правда, не надо за-
 ставлять ждать себя; время идетъ, маркизъ, она можетъ рассер-
 диться.

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Иду, прекрасная маркиза, и не столько за
 тѣмъ, чтобъ быть съ нею, сколько чтобы сдѣлать угодное вамъ.

МАРКИЗА. Ди изградитъ она ваше усердіе!

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА. Да услышитъ васъ небо и да сохранить
 васъ, маркиза!

МАРКИЗА, идя къ комнатѣ короля, про себя. О! маркизъ, бу-
 дешъ жалѣть, только поздно!

ЛА-ЭНСЕНЬЯДА, уходя въ другую сторону. Впрочемъ, пусть-
 ки!.... Ничего!.... Маденькая ревность!

Кажется, можно достаточно видѣть, каковъ портретъ предвор-
 ной женщины, нарисованный авторомъ «Колеса фортуны». Воз-
 можъ еще характеръ Маурисио, который составляетъ рѣзкій кон-
 трастъ съ характеромъ маркизы Торрекузо и созданъ истинно
 творчески. Всегда прямой, наивный и грубый, Маурисио являет-
 ся въ комедіи воплощеннымъ здравымъ смысломъ; въ немъ воз-
 вышенное чувство прикрыто грубоватой деревенской оболочкой.
 Иногда же это чувство изливается пльвняющимъ, натуральнымъ
 и ослѣпительнымъ краснорѣчіемъ. Таковъ онъ у себя дома, въ Ри-
 охъ, когда выражаетъ свое негодованіе однимъ восклицаніемъ:
 «Сынъ, кажется, нами глумятся!»; таковъ же онъ, когда при-
 ходитъ въ самый дворецъ, гдѣ властвуетъ его сынъ, дати ему
 совѣты, напоминать ему его происхожденіе и предостеречь отъ
 слабостей, или же выводитъ влошь. Серьезное иѣшается съ ко-
 мическимъ въ сценѣ, гдѣ Маурисио, боясь хитростей и боя
 ситуаций, въ праву отца, говоритъ Энсеньяда, который слушаетъ
 его покорно. Крутая доброта и любезность маркизы свое пре-
 редное достоинство, которое не блещетъ чередъ достоин-
 ствомъ интриги. Чтѣ касается до сегого дома Селонъ Зомен-
 альи, героя «Колеса фортуны», котораго характеръ болше

всѣхъ заслуживалъ изученія, надо признаться, его лицо создано въ комедіи всѣхъ неудачѣ. Поэтъ болѣе затруднился, потому что тутъ его окружали всѣ историческія воспоминанія, какія освѣщаютъ образъ Эвсевяды. Мудрено было не исказить лица государственнаго человѣка, приведши его жизнь въ размѣры романческаго дѣйствія. Впрочемъ, если забыть историческія невѣрности, довольно многочисленныя въ твореніи Руби, то нельзя не признать много человѣческой истины и интересу въ воспроизведеніи этого лица въ столь различныя эпохи, въ контрастѣ положеній, въ какомъ представляютъ его одна за другою двѣ части «Колеса Фортуны». Слѣдите за Зомодевиллей въ двухъ комедіяхъ, которыхъ онъ герой и въ которыхъ отражаются восходъ и закатъ его судьбы: съ первой все улыбается ему; жизнь растворяется передъ его умной молодостью, и препятствія только подстрекають его силы. Онъ идетъ съ пламенемъ на челѣ, вскомый страстью къ величію, сіяющей гордостью. Въ душѣ его сливаются, такъ сказать, любовь и гевій, и общими силами указываютъ одну цѣль его стремленію. Если его любятъ, то чисто за него самого, а не за его знатность и богатство. Такова самоотверженная и безкорыстная склонность доньги Клары, которая любила его, когда онъ былъ еще вичѣмъ. Если онъ возвышается надъ обыкновеннымъ уровнемъ, то возвышается черезъ обаяніе, порождаемое его достоинствами: вражды еще не успѣли разростись вокругъ него, задержать его полетъ, и успѣхъ — натуральная развязка первой половины его жизни. Не таковъ второй фазъ, изображаемый поэтомъ. Тутъ все иначе; благородныя пружины души вытянулись, чувства потеряли прежнее значеніе. Благородныя помыслы объ общественномъ благѣ превращаются въ расчетливое честолюбіе; любовь уже не прежній уповательный двигатель, а расчетъ; она не увлекаетъ сердца по прежнему на славныя усилія; напротивъ, можетъ послужить препятствіемъ, и оттого употребляется какъ одно пустое развлеченіе. Чадъ гордости отуманилъ голову того, кто еще недавно страдалъ отъ чужой гордости. У него нѣтъ уже безкорыстныхъ друзей, есть одни льстецы, которые поквнутъ его при первомъ поворотѣ счастья. Женщина, которая полюбитъ его, будетъ имѣть въ виду только дѣлать съ нимъ его славу, не думая объ его счастьѣ, какъ и дѣлаетъ донья-Инеса де Завдоваль во второй части «Колеса Фортуны». Онъ отречется отъ своихъ прежнихъ свойствъ, и окажется безоружнымъ противъ злобы, которую поднялъ на се-

бя; онъ унижится до интриги, чтобы совершенно быть придворнымъ человѣкомъ, и интрига сломить его. Паденіе, стоящее въ концѣ этого новаго фазы, также понятно, какъ успѣхъ, вѣчающій первый. Странное зрѣлище человѣка, исполненнаго силы, когда завоевываетъ свою будущность, и полнаго слабости когда достигъ вершины, къ которой стремился; безсильнаго удержать за собою прочность счастья! Не говоримъ, чтобы Руби начерталъ эту картину во всемъ ея пространствѣ, со всею яркостью, какой она требуетъ; довольно и того, что въ Rueda de la fortuna указаны удачные элементы, которыхъ уже не надо будетъ создавать тому, кто вздумаетъ и сможетъ начертать новую картину.

Таковы важнѣйшіе таланты, появившіеся въ комическомъ искусствѣ современной Испаніи, — таланты, правда, больше легкіе чѣмъ глубокіе, которые чаще наводятъ на прекрасныя идеи, нежели точно ихъ выражаютъ, скорѣе очерчиваютъ нежели исчерпываютъ предметъ. Если сравнить между собою свойства Вентуры де-ла-Вега, Бретона де-лосъ-Геррероса и Руби, легко обозначить особой чертою характеръ каждого изъ этихъ писателей. У Вентуры есть извѣстная правильность и гибкость мысли, напоминающіе Моратина; онъ, кажется, въ особенности старается изучать человѣческое несовершенство, логически развивать его, отыскивать интересъ, протекующій отъ вѣрнаго сочетанія страстей. Въ настоящее время онъ между испанскими поэтами едва ли не способнѣе всѣхъ вполне анализировать и описать характеръ. Бретонъ де-лосъ-Герреросъ употребляетъ больше пестроты въ своихъ очеркахъ. Гибкая живость его ума дѣлаетъ то, что онъ не стѣсняется и среди сумятицы переходной эпохи. Никто лучше его не схватываетъ послѣдней тѣни исчезающаго обычая или новой смѣшной стороны, какъ скоро она появилась. Онъ особенно изображаетъ ередніе и нисшіе классы. Талантъ Руби имѣетъ болѣе степенное достоинство, болѣе возвышенное изящество. Въ немъ есть та смѣлая непринужденность, которая необходима, чтобы вѣрно воспроизводить жизнь и обычай высшихъ классовъ, придворный міръ, гдѣ все принимаетъ цвѣтъ мягкаго достоинства, гдѣ самъ порокъ покрытъ милымъ лоскомъ. Такимъ образомъ новѣйшая испанская комедія въ произведеніяхъ этихъ писателей является въ своихъ главныхъ видахъ. Въ твореніяхъ Бретона преобладаетъ живая и насмѣшливая фантазія, интересъ «Свѣтскаго человѣка» заключается въ нравственномъ анализѣ; Руби создалъ историческую комедію въ «Колесѣ Фортуны» и въ «Дворѣ Карла Втораго». Справедливость требуетъ прибавить къ

этимъ опытамъ еще нѣсколько очерковъ политическихъ нравовъ, выставленныхъ на сцену. Въ числѣ ихъ можно замѣтить «Честолюбіе» Романа Наверрете.

Комическая мысль только что возродилась за Пиренеями; она едва выходитъ изъ пламенной колыбели революціи и мы видѣли, какіе пути она создаетъ себѣ, въ какія формы старается облечься, какія поощренія можетъ встрѣтить, съ какими вліяніями должна бороться. Любопытно замѣчать признаки жизни, которые она подаетъ, наблюдать, какъ она по-немногу пробуетъ свои силы. Нѣтъ сомнѣнія, что Испанія, въ настоящее время, представляетъ просторное поле комическому духу: смѣшныя стороны не истощались; извращенныя страсти не улетѣли чудеснымъ образомъ изъ сердца современниковъ; ядъ порока не притупился; новая образованность только видоизмѣняетъ людскіе недостатки. «Человѣкъ въ сущности всегда одинъ и тотъ же, а церемѣняетъ только маску», говоритъ саркастическій писатель, котораго мы уже приводили, Мезоперо Романосъ; придворный, который прежде льстилъ королямъ, нынче служить и льститъ народу, подъ именемъ трибуна; ханжа превратился въ филантропа и поборника правъ человѣчества, праздный буянтъ сдѣлался мятежникомъ и патриотомъ; сынъ богатыхъ родителей гонится за мѣстами; ремесленникъ и магола зовутся вольными гражданами и самодержавнымъ народомъ.» Тутъ найдется не одна черта, которую можно примѣнить къ Испаніи. Авторъ еще забылъ спекулянтовъ, взявшихся не вѣсть откуда, царей биржи которые удостоиваютъ быть министрами, честолюбцевъ, которые умѣютъ держаться въ равновѣсіи между всѣми партіями, и, подлѣ бѣдняка помогающагося чести быть самодержавнымъ народомъ, вельможъ, которые унижаютъ свой родъ и представляютъ зрѣлище своихъ безумствъ или слабоумія. Комедія теперь не нуждается ни въ содержаніи ни въ свободѣ; но легкой и изящный умъ въ состояніи ли придать жизни такой картинѣ? Нужна находчивая и язвительная насмѣшка Аристофана, чтобъ блещать новые пороки, олицетворяя ихъ; нужна могучая рука, чтобъ, по выраженію Монтена, «содрать гадкое рубище со нравовъ». Таковъ путь, который предстоить испанскому комическому искусству, чтобъ оно засіяло прочнымъ блескомъ. Во всѣхъ литературныхъ переворотахъ бываетъ пора, когда отъ опытовъ, какъ бы удачны ни были они, надо перейти къ болѣе отчетливому и болѣе прямому выраженію современной мысли. Въ Испаніи умные люди сдѣлали свои опыты въ комедіи. Придетъ ли-то гениальный человѣкъ?

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *Rose et Marguerite, Роза и Маргарита*, комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, господь Леонса и Девилье.

Какъ нѣкогда Бальзакъ являлся въ своихъ романахъ защитникомъ сорокалѣтнихъ женщинъ, такъ авторы этой пьесы рѣшились быть адвокатами сорокалѣтняго мужчины. По ихъ мнѣнію, самый лучший мужъ, — тотъ, которому стукнуло сорокъ; на этомъ парадоксѣ они построили сюжетъ своей комедіи, веденной весьма искусно и полной непринужденной веселости. У Девилье двѣ дочери. На одной изъ нихъ хочетъ жениться сорокалѣтній месье Жакъ. Мамзель Роза не прочь отъ такого замужества; но вдругъ, въ это дѣло вмѣшивается нѣкто Жюль де-Сентъ-Ивъ и, конечно, все портитъ. Однако же Жакъ не оробѣлъ. «Хорошо! говоритъ онъ: я женюсь на Маргаритѣ. Это равнодушіе подстрекаетъ Розу и она выходитъ за Жака. Жюль женится на Маргаритѣ. И такъ, вы видите, къ чему ведутъ тактика и хладнокровіе: сорокалѣтній человѣкъ съ-разу побѣдилъ юношу.

Которое изъ супружествъ счастливѣе? Въ домѣ Жака царствуетъ счастье умѣренное и спокойное, происходящее болѣе отъ отсутствія огорченій, нежели отъ частыхъ удовольствій. Онъ дѣйствуетъ съ благоразуміемъ человѣка, который много жилъ. Развлеченія, которыя онъ доставляетъ женѣ, изъ роду серьезныхъ; онъ водитъ ее во Французскій Театръ, когда даютъ трагедіи, и приучаетъ вести счеты. Другіе супруги ведутъ жизнь болѣе шумную; они любятъ вечера, балы, прогулки, спектакли. Роза, которая не взыскательна, довольствуется своимъ образомъ жизни; но Маргарита повѣряетъ ей свои тайны, рассказываетъ о своихъ побѣдахъ, о блестящихъ праздникахъ, [гдѣ она царица, и эти рассказы поселяютъ въ бѣдной Розѣ чувство зависти, желаніе свободы. Она сравниваетъ свое скромное жите-бытѣе съ веселымъ существованіемъ сестры и тоска сжимаетъ ей сердце. И она жаждетъ солнца, воздуху, жизни! Вырваться изъ тюрьмы, куда заперла ее хитрая тактика мужа, — вотъ теперь единственная цѣль ея. Молодой повѣса Фредерикъ отказавшійся нѣкогда отъ руки Розы — которую предлагалъ ему Девилье, — подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ любитъ только замужнихъ, узнаетъ о горѣ госпожи Жакъ и предлагаетъ ей себя въ утѣшители. Розѣ нравится предупредительность молодаго человѣка; она принимаетъ его съ удовольствіемъ, но является мужъ и посредствомъ ловкости, твердости и любви возвращаетъ жену свою къ долгу. Между-тѣмъ Маргарита и Жюль поссорились; Фредерикъ отверг-

жутый съ одной стороны, рѣшился попытать счастья съ другой, и волочитъ за Маргаритой. Проходить нѣсколько нѣсяцевъ антракту, во время которыхъ Жюль, прежде возившій всюду жену свою, сталъ довольно часто выходить изъ дому одинъ. По возвращеніи его, между мужемъ и женой происходятъ безконечныя сцены упрековъ и ревности; Фредерикъ пользуется этой разладницей и, доставъ доказательство невѣрности Жюля, намѣренъ нанести ему рѣшительный ударъ. Чтобы отыграть, Маргарита готова на все, но зрѣлый человѣкъ вступаетъ въ это дѣло съ своимъ обычнымъ благоразуміемъ и миритъ супруговъ.

2. *La croisée de Berthe, Окошко Берты*, водевиль въ одномъ дѣйствіи господъ Мишеля Массона и д'Альбоаза.

Мы въ маленькой тирольской деревнѣ. Мамзель Берта, хорошенькая дѣвушка, въ полосатой юбкѣ, влюблена въ Ашара, австрійскаго солдата. Полкъ возвратился и любовники падаютъ другъ другу въ объятія. Жозефъ хотѣлъ бы жениться тотчасъ же, но его удерживаетъ въ полку какое-то обязательство, а генералъ строгъ въ отношеніи къ дисциплинѣ и не любитъ дѣлать ни какихъ снисхожденій. Онъ даже запретилъ офицерамъ оставаться на ночь въ городѣ, боясь, чтобы они не заводили интригъ и не дрались бы на дуэли съ мирными гражданами. Но офицеръ Жозефа видя раскрытое окно, въ нижнемъ этажѣ, не утерпѣлъ; чтобы не забраться въ нѣдра семейства. Въ комнатѣ спала, на кровати, хорошенькая дѣвушка, у которой офицеръ очень любезно поцѣловалъ ручку. Какимъ образомъ, во время этого невиннаго дѣйствія, онъ могъ потерять свой темлякъ, мы не знаемъ, однако жъ это случилось. На Жозефа возложено порученіе отыскать эту уличительную вещь, потому что генералъ шутить не любитъ. Какъ-бы для того, чтобы избавить бѣднаго солдата отъ тщетныхъ поисковъ — Берта является къ нему, съ самымъ наивнымъ видомъ, держа въ рукѣ роковой темлякъ. Жозефъ виѣ себя отъ негодованія и думаетъ только о томъ, чтобы драться съ своимъ офицеромъ. Къ-несчастью, солдата, вызывающаго своего пачальника на дуэль, разстрѣливаютъ. Жозефъ ищетъ человѣка, который бы замѣстилъ его, и какой-то простякъ Фрицъ за шестьсотъ франковъ рѣшается итти на вербовку. Но его не принимаютъ. Тогда офицеръ подаетъ въ отставку и вступаетъ въ полкъ солдатомъ. Теперь онъ можетъ дать удовлетвореніе Жозефу какъ своему равному. Но все это благородство оказывается бесполезнымъ, потому что въ комнатѣ, гдѣ потерялъ темлякъ, спала не Берта,

а невѣста Фрица. Мораль этой пьесы: закрывайте окна въ комнатахъ, гдѣ стоятъ полки.

3. *Le Bonheur sous la main, Счастье подѣ рукой*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господъ Леонса и Эжена Нью.

Гортензія, молодая, хорошенечкая вдова прѣзжаетъ въ деревню. У нея есть сосѣдъ Генрихъ, славный малый, но слишкомъ застѣнчивый и дѣкій съ прекраснымъ поломъ. Однако же онъ сопутствуетъ Гортензіи въ ея деревенскихъ прогулкахъ. Онъ часто посѣщаетъ ее и даже питаетъ къ ней тайную страсть, хотя ни за что не рѣшится прибѣгнуть къ объясненію. Гортензія употребляетъ всѣ возможныя усилія, прибѣгаетъ къ самому утонченному кокетству чтобы вынудить у него признаніе. Но все напрасно. Къ счастью, прѣзжаетъ нѣкто Брасьё, умный, веселый старикъ, который хорошо знаетъ, что такое страсть, потому что самъ не разъ испыталъ ее, и совѣтуетъ Гортензіи возбудить ревность въ ледяномъ Генрихѣ, слишкомъ увѣренномъ въ своемъ счастьи. Брасьё очень кстати привезъ съ собой своего племянника мичмана, который влюбляется во всѣхъ женщинъ и котораго одна улыбка Гортензіи можетъ воспламенить. Тактика вполне удастся и Генрихъ чуть не вызвалъ своего соперника на дуэль, но мичманъ успѣлъ уже влюбиться въ другую женщину, въ Аделину, сестру Генриха, и во что бы то ни стало хочетъ на ней жениться. Какъ съ зятемъ рѣзаться не прилично, то дѣло и оканчивается благополучно. Интрига этого водевиля слишкомъ стара: но онъ не дурно веденъ и это спасаетъ его отъ наденія.

4. *La filleule à Nicot, Крестница Нико*, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Делиншъ.

Дѣйствіе происходитъ въ Бельгій, въ то время, когда Франція и Австрія оспаривали ее одна у другой и когда она перемѣняла владельцев по десяти разъ въ годъ.

Бургомистръ городка умѣлъ найти весьма остроумное средство, чтобы уклониться отъ непріятностей политики. Онъ носилъ двѣ кокарды, одну въ карманѣ, другую на шляпѣ и перемѣняетъ ихъ смотря по успѣхамъ обѣихъ армій.

Таково положеніе городка при началѣ пьесы. Мамзель Бригитта влюблена до безумія, въ одного французскаго офицера, которому она однажды, работая въ полѣ, показала дорогу. Эта любовь совѣтъ сбила ее съ дороги. Она сама не знаетъ, что дѣлать. Она подастъ щи и забыла положить въ нихъ капусты! Су-

дѣте же о состояніи души ея! Всѣ волненія свои она повѣрять Кабишу. Толстякъ Кабишъ понимаетъ ее, потому что самъ влюбленъ въ мамзель Туанонъ, крестницу дяди Никд, врага бургомистра, котораго власти онъ добивается. Мамзель Туанонъ, не выдавшая своего крестнаго отца съ того самаго времени какъ онъ держалъ ея пеленки, должна была скоро пріѣхать. Но Никд, боясь, чтобы его крестница не наткнулась въ этой странѣ, наполненной солдатами, на какого-нибудь негодяя, велитъ ей оставаться въ своей деревнѣ. Однако же Кабишъ спряталъ письмо своего дяди въ карманъ и мамзель Туанонъ пріѣзжаетъ. Кабишъ нѣсколько струсилъ и рѣшился прятать мамзель Туанонъ до тѣхъ-поръ пока найдется удобный случай представить ее дядѣ Никд. Онъ ждетъ пока дядя Никд выиграетъ въ кости. Но къ несчастію оказывается, что Никд не выигралъ, а проигралъ, и возвратился домой ругая на пропалую своихъ партнёровъ.

Молодой офицеръ, которому Бригитта показала дорогу, преслѣдуемый Австрійцами, узнавшими, что онъ посланъ съ депешей, ищетъ убѣжища въ деревнѣ. Бригитта очень рада, что можетъ показать свою преданность тому, кого она любитъ, и достаетъ Французу женское платье. Изъ хорошенькаго офицера онъ дѣлается хорошенькой дѣвушкой и его представляютъ отцу Никд за его крестницу.

Настоящая крестница ждетъ въ комнатѣ Кабиша, пока Никд выиграетъ въ кости. Отецъ Никд находитъ мнимую Туанонъ прелестною. Къ-несчастію, ему на глаза попадается мундиръ и аммуниція офицера. Онъ начинаетъ подозрѣвать и для того чтобы удостовѣриться, что Туанонъ женщина, а не мужчина, велитъ ей зашить прорѣху на своемъ рукавѣ. Она дѣлаетъ это какъ нельзя лучше и отецъ Никд восклицаетъ: — Да ты женщина или портной!

Между-тѣмъ Французы выигрываютъ сраженіе. Офицеръ можетъ снова надѣть одежду своего полка, но не своего пола, что очень огорчаетъ влюбленную Бригитту, которая рѣшается выйти за Никд.

5. *Le Chirurgien major, Полковой докторъ, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господина Эмиля Сувестра.*

Какому-то бѣдняку, по имени Дюроку, вздумалось однажды умереть не предупредивъ ни родныхъ, ни друзей. Только одинъ его пріятель, лхой весельчакъ, полковой докторъ, получилъ отъ него связку писемъ. Посредствомъ этихъ писемъ Рапиль (такъ

зовутъ полковаго доктора) устроиваетъ свадьбу молодого чело-
ка Густава и хорошенькой Альфонсины, къ величайшему отча-
нiю какого то глупаго лорда.

Водевиль, какъ видите, не отличается новостью, но зато подоб-
но всѣмъ произведенiямъ Сувестра отличается скукой.

6. Un tagi апопуге, *Неизвѣстный мужъ*, комедiя водевиль
въ двухъ дѣйствiяхъ господь Деннери и Лафитта.

Солдаты Иоанна Браганцскаго преслѣдуютъ одного молодого
Португальца за что-то. Молодая дѣвушка, увидя изъ окна не-
счастливаго бѣглеца, кричитъ ему: Спасайтесь! Онъ не заста-
вляетъ просить себя и тотчасъ же лѣзетъ въ окно. Но сол-
даты не проведешь, да и капитанъ ихъ въ грязь лицомъ не
ударитъ: они отыщутъ и схватятъ преступника. Чтобы отдѣ-
латься отъ нихъ, молодая дѣвушка ведетъ незнакомца къ ал-
тарю и выходитъ за него за мужъ, не спросивъ даже объ его
имени. Отсюда остроумное заглавiе пьесы «Неизвѣстный мужъ».
Но вдругъ возвращается изъ отсутствiя женихъ красавицы.
Смущенiе повобрачныхъ. Къ счастью женихъ этотъ глупъ и
его принимаютъ за бѣглеца. Его берутъ и хотятъ повѣсить. На
слѣдующiй день... но слѣдующаго дня нѣтъ. Послѣ этихъ при-
ключенiй прошло три года, и мы при дворѣ или лучше, въ са-
ду короля португальскаго. Общее правило: всѣ лѣтнiя пьесы
происходятъ въ саду. Въ саду прогуливаются подъ руку король
съ королевой. Королева ужасно влюблена въ короля; король
ужасно влюбленъ въ жену «неизвѣстнаго мужа». Женихъ пер-
ваго дѣйствiя не повѣшенъ; онъ складываетъ и запечатываетъ
королевскiя письма: это его должность. Онъ исполняетъ ее такъ
ревностно, что дѣлаетъ даже больше чѣмъ нужно... онъ иногда
читаетъ любовныя записочки написанныя королевскою рукою.

Натурально, эти записочки адресованы къ извѣстной женѣ—не-
извѣстнаго мужа. Но она такъ вѣрна ему, какъ будто бы она
знала его имя, а вслѣдствiе этого — прекрасная донья, не распе-
чатывая даже писемъ, прячетъ ихъ себѣ въ карманъ. Славная
женщина! говоритъ неизвѣстный мужъ, спрятанный въ боскетъ.
Между тѣмъ какъ онъ поздравляетъ себя съ такой женой, «ночь
облекаетъ своимъ покровомъ сады» — и король крадется въ
павильонъ на свиданiе съ дамою своихъ мыслей.

На порогѣ павильона какая-то тѣнь преграждаетъ королю дорогу.

— Не пускаютъ! говоритъ тѣнь.

— Не пускаютъ? Короля. Кто смѣетъ? отвѣчаетъ король.

— Я, мужъ!

— А? говорятъ король ласковымъ голосомъ, такъ это вы, мужъ безъ имени! Завтра вы будете мужъ безъ головы.

— Посмотримъ, отвѣчаетъ мужъ — безъ страху.

— Посмотримъ, повторяетъ король безъ жалости и сзываетъ стражу. Неизвѣстный мужъ погибъ. Вдругъ ему приходитъ счастливая мысль, послать королевѣ любовныя письма адресованныя королемъ къ его женѣ. Конецъ вы отгадаете сами.

Изъ этого всего вы можете видѣть какъ опасно, во первыхъ, имѣть мужа безъ имени, — и во вторыхъ — писать пьесы безъ смыслу. Впрочемъ, водевилъ не упалъ; въ немъ есть нѣсколько сценъ довольно живыхъ и забавныхъ, заставляющихъ позабыть на минуту нелѣпость цѣлаго.

7. *Un voyage à Alger, Путешествіе въ Алжиръ*, комедія въ одномъ дѣйствіи въ стихахъ, господина Дезирэ Ленвуа.

Молодой человекъ, полу-мечтатель, полу туристъ, пріѣзжаетъ въ Алжиръ на пароходѣ «Этна» за вдохновеніемъ и колоритомъ мѣстности. Бискрисы напали на него и почти насильно притащили въ отель улицы Флота, — ужасный отель, который содержитъ по французски, и даже по англійски. Теофиль Ланглюн приходитъ въ отчаяніе при видѣ этихъ комнатъ, уставленныхъ краснаго дерева мебелью, обезчещенныхъ часами швейцарской фабрики. Онъ хотѣлъ бы заснуть въ палаткѣ изъ верблюжьихъ шкуръ, или подъ навѣсомъ марабу испещреннаго арабскими и стихами изъ корана. Онъ съ отвращеніемъ смотритъ на свое европейское платье, которое сбываетъ наконецъ какому-то продавцу національныхъ костюмовъ, достойному преміи за добродѣтель, потому что онъ возвращаетъ молодому туристу кошелекъ, забытый имъ въ карманѣ сюртука. Теофиль облачается въ арабскій костюмъ, потому что какъ вечеромъ въ театрѣ маскарадъ, то въ дверяхъ отеля вывѣшены разные костюмы для желающихъ наряжаться. Содержатель отеля приходитъ спросить путешественника, гдѣ онъ желаетъ обѣдать, у себя въ комнатѣ или за общимъ столомъ?

Слово общій столъ заставило вспрыгнуть чуть не до потолка взбѣшеннаго воякеля мѣстнаго колорита. Давайте мнѣ блюдо кускусу — восклицаетъ онъ! Къ чорту проклятую цивилизацію.

Это желаніе поразило трактирщика своею странностью; онъ приходитъ въ такое же изумленіе, въ какое пришелъ бы трактирщикъ голландскій или бельгійскій, у котораго бы спросили пи-

ва; онъ начинаетъ выхвалять свою кухню, которая находится подъ вѣдѣніемъ повара, выписаннаго изъ Café de Paris; онъ представляетъ туристу карту самыхъ утонченныхъ блюдъ, но ни что не плѣняетъ Теофила: онъ презираетъ французскую кухню и требуетъ кускусу. Трактирщикъ приноситъ наконецъ желанное блюдо, удивляясь непостижимымъ прихотямъ Парижака.

Между тѣмъ прѣзжаетъ въ отель мамзель Памела, бывшая хорейка Большой Оперы, занисная танцовка загородныхъ баловъ и обитательница предмѣстья Лоретты. Балетъ «Перя», въ которомъ она участвовала, возбудилъ въ ней желаніе увидѣть Востокъ. И она недовольна трактиромъ мосье Леонара, но иначе нежели недоволенъ имъ туристъ-поэтъ: въ комнату, которую ей отвели, напротивъ, слишкомъ мало кушетокъ, этажерокъ, табуретовъ. Это просто какой-то чердакъ, годный развѣ для поэта или для добродѣтельной дѣвушки. Мосье Леонаръ подаетъ ей книгу, гдѣ записываются путешественники. За кого вы меня принимаете? отвѣчаетъ гордо Памела, я едва умѣю читать и если пишу, такъ развѣ только ногами. Однако же — это необходимая формальность. И Памела напарапала свое имя, не хуже любой принцессы добрыхъ старыхъ временъ. Но что она увидала! Въ числѣ прѣѣхавшихъ стоятъ Теофилъ Ланглюн! Они нѣкогда знали и даже любили другъ друга.

Памела наряжается мавританкой и велитъ перевести себя на арабскій языкъ, фразу, самую необходимую для лоретки, передѣтой въ одалиску. Мосье Леонаръ, большой знатокъ въ турецкомъ варъчѣи, научаетъ ее какому-то священному изрѣченію, очень дикому для европейскаго уха, но еще имѣющему нѣкоторую прелесть въ устахъ хорошенькой женщины. Вы легко себя представите сцену въ театрѣ между туристомъ и гризеткой; онъ считаетъ ее султаншей. На всѣ его пламенные объясненія она отвѣчаетъ свое «ана каббекъ», и чтобы не нарушать колорита мѣстности отказывается поднять воаль. Кто это милое созданіе? спрашиваетъ туристъ у мосье Леонара. Это мамзель Кауджа-Керуфа-Гіаминна-Бешъ-Гаджи Абдель-Кадеръ-Бемъ Эшбарекъ-Рина, отвѣчаетъ трактирщикъ. Слѣдуетъ очень миленькая сцена, полная остроумія и граціи, гдѣ бывшіе любовники узнаютъ другъ друга; наконецъ, разочарованные туристъ и лоретка рѣшаются возвратиться въ Парижъ, проклятая Африка, проклятая Алжиръ, гдѣ вѣчно идетъ дождь, гдѣ omnibusъ замѣняетъ паланкинъ, гдѣ играютъ водевилы Баяра и Скриба.

Пьеска эта необыкновенно мила; она почти лучше всего, что

было играно въ послѣдніе нѣслицы на парижскихъ театрахъ. Стихи Деэирэ Леннуа, гладкіе, звучные, перѣдно поэтическіе, всего чаще остроумные и живые. Правда, постройка этой пьесы, для комедіи въ стихахъ, нѣсколько слаба, водовильна; но видно что авторъ и не имѣлъ претензіи издать художественное произведеніе, зная, что это можетъ быть ему не по силамъ, а гдѣ нѣтъ претензіи, тамъ и несовершенное хорошо. И оттого «Путешествіе въ Алжиръ» господина Деэирэ Леннуа походитъ на миленькую, граціозную акварельку, выполненную отчетливо и съ любовью.

ПЪСЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Двадцать седьмага августа, въ Павловскомъ воксалѣ, былъ данъ весьма любопытный концертъ въ пользу тамошняго дѣтскаго пріюта. Не смотря однакоже на его благотворительную цѣль и на прекрасную погоду, посѣтителей было довольно мало. Въ этомъ концертѣ явился въ первый разъ по возвращеніи изъ за границы, прекрасный нашъ скрипачъ господинъ Вьѣтанъ. Въ послѣднюю поѣздку свою въ Парижъ онъ снова возбудилъ всеобщее удивленіе; въ особенности послѣдній его концертъ, а друг, игранный имъ здѣсь еще прежде, усилилъ уваженіе, которое питаютъ къ его великому таланту всѣ любители истинной серьезной музыки. Въ Лондонѣ, куда онъ поѣхалъ изъ Парижа, энтузіазмъ къ сѣверному соловью, Женни Линдъ, не позволялъ удѣлать вниманія ничему другому; поэтому Вьѣтанъ не давалъ публичныхъ концертовъ, но являлся съ большимъ успѣхомъ въ частныхъ кругахъ. Своею игрою въ квартетахъ онъ такъ обворожилъ Мендельсона Бартольди, что тотъ обѣщавъ написать собственно для него новый квартетъ. Въ концертѣ Павловскаго воксала онъ игралъ сначала рондо-фантазію съ удивительно оригинальною темою, которая, къ сожалѣнію, въ дальнѣйшемъ развитіи пьесы почти совсѣмъ пропадаетъ, и каприччіо на мотивы изъ Аскольдовой Могилы. Хвалить прекрасную его игру, его удивительное техническое совершенство, значило бы повторять давно всѣмъ извѣстное; скажемъ только, что громкія, продолжительныя рукоплесканія встрѣчали его при каждомъ появленіи, не разъ даже прерывали его игру, и что послѣ каждаго нумера онъ былъ по нѣскольку разъ вызываемъ. Послѣ каприччіо изъ Аскольдовой Могилы, посыпались со всѣхъ сторонъ цвѣты и невостовые bis умолкли не прежде, какъ когда Вьѣтанъ вышелъ и съигралъ Yankee doodles, юмористическія варіаціи, въ родѣ карна-

ванъ Эреста; на американскую пѣсню; жена его аккомпанировала ему на фортепиано.

Пѣнія въ этомъ концертѣ, наперекоръ обычаю, не было, или нѣтъ, виноваты, оно было, но пѣлъ не пѣвецъ и не пѣвица, а пѣла виолончель госпожи Кристиани. Въ первой части концерта госпожа Кристиани спѣла на своей виолончели нѣсколько прелестныхъ мелодій Гретри, мелодій, которыя уже полѣвка восхищаютъ Францію и будутъ еще восхищать, когда большая часть нынѣшнихъ модныхъ мелодій будутъ давно забыты. Между ними особенно хороша была полная рыцарской отваги и преданности пѣсня Блондея, *Une fièvre brûlante*. Во второй части, госпожа Кристиани сыграла романсъ изъ Соннамбулы и граціозную серенаду Оффенбаха; это очевидно ея любимый композиторъ. Само собою разумѣется, что каждое явленіе прекрасной артистки сопровождалось заслуженными рукоплесканіями и вызовами.

Господинъ Фракманъ, одинъ изъ лучшихъ здѣшнихъ пианистовъ, игралъ извѣстную фантазію Гальберга на темы изъ Лукреціи Борджіи, вставивъ въ нее одинъ мотивъ изъ той же оперы, переложенный Листомъ (нынѣшніе виртуозы, какъ видно, рѣшительно не могутъ жить безъ Беллини и Довидзетти); потомъ онъ сыгралъ еще шумную, блестящую *Polacca guerrière* своего сочиненія. Его бойкая и изящная игра, особенно во второй пьесѣ, заслужила громкое одобреніе и единодушный вызовъ.

Оркестръ Гунгла исполнилъ съ отчетливостью и съ огнемъ дессаускій маршъ Шнейдера и увертюру изъ *l'Alcade de la Véga* Онедова. Сверхъ того онъ аккомпанировалъ господину Вьѣтану съ согласіемъ и ловкостью, которыхъ трудно было ожидать отъ оркестра, не привыкшаго къ подобной музыкѣ. Словомъ, концертъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ удачный.

Идетъ слухъ, будто госпожа Кристиани намѣрена въ скоромъ времени дать еще концертъ въ Павловскомъ Воксалѣ; въ артистическомъ отношеніи нельзя ничего желать лучше этого концерта, но можно пожелать ему бѣльшаго вниманія отъ публики.

— Былъ еще благотворительный концертъ въ Павловскомъ Воксалѣ. Но какъ въ немъ, за исключеніемъ оркестра Гунгла, участвовали одни любители, то онъ не подлежитъ нашему сужденію. Скажемъ только, что онъ вполне достигъ своей благотворительной цѣли.

— Господинъ Лядовъ съ своимъ танцевальнымъ оркестромъ также далъ концертъ, на каменноостровскомъ театрѣ. Такая музыка пріятнѣе на открытомъ воздухѣ чѣмъ въ залѣ. Она своимъ ве-

сильными мотивами и рѣзвыми ритмами побуждаютъ къ движенію, которое, если не достигаетъ настоящей своей цѣли, танцеванія, то можетъ по-крайней-мѣрѣ въ саду обратиться въ прогулку; не взыскательные люди этимъ и довольны. Но цѣлыхъ два часа слушать танцевальный оркестръ и спокойно сидѣть въ театрѣ, это сущая пытка.

— Съ окончаніемъ лѣта въ садахъ музыка умолкла. Мѣсто третьей толпы, окружавшей нѣсколько недѣль назадъ павильонъ Гильмана, Германа и Гунгла, заступила пустота и молчаніе. Тамъ все смѣняется на свѣтѣ. За кратковременнымъ, весеннимъ пѣніемъ соловья слѣдовали не столь нѣжные звуки оркестра. Теперь скрипки уложены, флейты и кларнеты разобраны, убраны и все будетъ покоиться до-тѣхъ-поръ, пока не пробудится въ душевой атмосферѣ бальныхъ залъ. Въ мѣстахъ, гдѣ недавно еще лежали потные листы, исписанные рѣзвыми тавцами, валяются одни желтые и красные листья, которые сыплютъ деревья, покачивая съдыми головами надъ непрочностью всего прекраснаго. Гдѣ прежде красовался въ гордомъ самосознаніи чернокудрый дирижеръ, и чертилъ смычкомъ по воздуху кабалистическія фигуры которыми выпускалъ будто изъ ящика Пандоры цѣлый строй звукообразныхъ демоновъ, тамъ развѣ старый воронъ распускаетъ свои черныя перья и заслушивается своего хриплаго карканья, о гармонической красотѣ котораго онъ имѣетъ такое же высокое понятіе, какъ его предшественникъ имѣлъ о своемъ оркестрѣ, во главѣ котораго онъ считалъ себя, подобно Лире, «царемъ въ каждой жилкѣ.» Но все въ природѣ къ лучшему. Среди вѣчно измѣняющихся существъ, самое непостоянное существо—человѣкъ! Для него не будетъ радости безъ переменъ! Еще нѣсколько недѣль, и садовые концерты можетъ быть совсѣмъ бы опустѣли. Въмѣсто того, они сами прекратились, благодаря переменѣ времени года, и публика можетъ съ спокойною совѣстью обратиться къ своимъ зимнимъ друзьямъ, баламъ и оперѣ. Между-тѣмъ опера дѣятельно снаряжается въ предстоящую ей кампанію. Нѣкоторые пѣвцы уже пріѣхали, другихъ ждутъ; вѣсна прибывающихъ каждый день сообщаются публикѣ. Сѣвернаго соловья, Женни-Линдъ, мы, правда, еще не услышимъ, но зато у насъ будетъ знаменитая по красотѣ своей и по голосу Фрецолини. Рядомъ съ нею явится госпожа де Джули-Борен, бывшая уже въ прошлый сезонъ, любимицею нашей публики. Въ утратѣ госпожи Марры, которая должна вынѣшнею зимою восхитать Лейпцигскую публику, намъ не трудно будетъ утѣшить

ся, чѣмъ болѣе, что слазная пѣвица Австри (меццо-сопрано) дастъ намъ «Севильскаго Цырюльника», котораго мы не видали съ удаленія госпожи Вюрдъ. Она, говорятъ, превосходная Розина. Пѣвцы будутъ все прежніе наши любимцы, Тамбурины, Сальви, Гуаго, Колинн; только изъ вторыхъ пѣвцовъ нѣкоторые замѣнены новыми. О преемникѣ господина Ромберга, бывшемъ дирижерѣ итальянской оперы въ Москвѣ, вообще отзываются какъ о чело-вѣкѣ опытномъ и талантливомъ. Слѣдовательно, опера откроется подъ самыми благоприятными условіями. Первое представленіе будетъ въ началѣ октября.

— Нѣмецкому театру давно уже подрѣзали музыкальныя крылья. Не нѣмецкую стойкость не скоро уничтожишь; всего же охотнѣе она борется съ невозможностью. Въ бенефисъ господина Замта дадутъ, если не цѣлую оперу, то по крайней-мѣрѣ одно дѣйствіе давоо знакомой «Невѣсты» Обера. Всѣ члены нѣмецкой труппы, сколько-нибудь способные пѣть, будутъ участвовать въ этомъ благомъ дѣлѣ. Голлавадъ и Замтъ съ женою, единственные оставшіе столь блестящей нѣкогда нѣмецкой оперы, принимаютъ на себя главные роли; можно надѣяться, что предпріятіе увѣчается успѣхомъ. Знаменитая трагическая пѣвица, госпожа Шредеръ-Девриентъ, недавно вышедшая замужъ за какого-то барона и отказавшаяся отъ своего выгоднаго ангажемента въ Дрезденѣ, пишетъ, что она твердо рѣшилась нынѣшнюю зиму посѣтить Петербургъ. Не присоединится ли она къ развалинамъ нашей нѣмецкой оперы, и не дастъ ли намъ третьяго дѣйствія Роберта?

— Въ прошлой статьѣ мы познакомили читателей съ гениальнымъ молодымъ піанистомъ и композиторомъ, Генри Литольфомъ. Мы съ радостью пользуемся этимъ случаемъ, чтобы еще поговорить о немъ, и сказать, что онъ вполне оправдалъ наши блистательныя ожиданія. Девятнадцатаго сентября Брауншвейгъ былъ въ необыкновенномъ волненіи. Новая опера, которая должна была явиться въ тотъ день въ первый разъ, на придворномъ театрѣ, была предметомъ всѣхъ разговоровъ и до того занимала всѣ умы, что забыли даже убійство герцогини Праленъ. Однако же гаданія о судьбѣ новорожденнаго произведенія были не вполне благоприятны. Всѣ Брауншвейгъ знали, правда, композитора, дававшего въ этомъ городѣ концерты прошлую зиму, не только за первокласнаго піаниста, но и за гениальнаго композитора; не смотря на то, многіе, качая головою, замѣчали, что для сочиненія большой романтической оперы требуются болѣе глубокое предварительное изученіе искусства и болѣе напряженное вдохновеніе, нежели можно ожидать

отъ двадцати-двухъ лѣтняго юности, въ особенности же когда онъ долженъ былъ посвятить почти все свое время игрѣ на фортепiano. Другіе, соглашаясь съ этимъ мнѣніемъ, присоединили, что со стороны Англичанна, такъ недавно еще выучившагося говорить по-нѣмецки, слишкомъ было смѣло взятыся писать нѣмецкую оперу, и что дирекція театра не должна бы ставить этого дерзкаго опыта. Только немногія лица, которыя изъ особаго благоволенія были допущены на послѣднія репетиціи, молча, весело потирали себѣ руки и думали про себя: дождемся только вечера; онъ вамъ покажетъ, не дано ли нашему бесплодному, переродившемуся вѣку возобновить чудо Моцарта, Вебера и Шюра, единственныхъ трехъ художниковъ, которые въ свое время считались величайшими виртуозами и въ то же время принадлежатъ къ числу величайшихъ композиторовъ всѣхъ временъ; увидимъ, художественное творчество не перешло ли за море, и не поселилось ли въ Англiи.

Вечеромъ обширная зала театра была биткомъ набита нетерпѣливыми слушателями. Началась величественная, могучая увертюра, которая произвела такой потрясающій эффектъ, что публика немедленно потребовала ея повторенія. Содержаніе оперы «Княжеская невѣста», заимствовано изъ старинной силезской легенды. Одна суровая княжеская дочь объявила, что она отдаетъ свою руку только тому рыцарю, который объѣдетъ въ полномъ вооруженіи, на ратномъ конѣ своемъ, вокругъ стѣнъ ея замка. Замокъ же ея стоитъ на высокой, отвѣсной скалѣ, и никто изъ рыцарей, рѣшавшихся на этотъ отважный подвигъ, не возвращался съ него: или у него закружится голова и онъ падаетъ въ пропасть, или слетитъ въ нее вмѣстѣ съ поскользнувшоюся лошадыю. Но въ числѣ жениховъ является одинъ рыцарь, который трогаетъ холодное до-тѣхъ сердце суровой красавицы и оно загорается пламенемъ любви. Рыцарь хочетъ также идти на гибельный подвигъ, требуемый отъ искателей ея руки; она не можетъ нарушить такъ строго соблюдавшагося до-тѣхъ-поръ условія и должна съ раздрающимся сердцемъ видѣть, какъ ея возлюбленный снаряжается на подвигъ, съ котораго никто еще не возвращался. Но у рыцаря есть добрый союзникъ, горный духъ Рюбеналь. Съ помощью его рыцарь удачно совершаетъ отважную сначку, и получаетъ въ награду руку прекрасной невѣсты.

Не разъ уже давали этой легендѣ драматическую форму, но она болѣе годится для оперы чѣмъ для драмы. Фантастическіе образы Рюбенала и его горныхъ духовъ, которые въ драмѣ

всегда будутъ смѣшны и нелѣпы, въ оперѣ даютъ прекрасный случай смѣлой фантазіи композитора разыгратъ на свободѣ.

Но возвратимся къ первому представленію въ Брауншвейгѣ.

Уже первое дѣйствіе доказало, что композиторъ одаренъ рѣдкимъ, необыкновеннымъ талантомъ и имя Литольфа огласило залу и повторялось до-тѣхъ-поръ, пока не поднялся занавѣсъ и юный композиторъ не вышелъ, ведя за руку госпожу Фишеръ-Ахтенъ, исполнявшую роль Кунгунды. Въ слѣдующихъ двухъ дѣйствіяхъ удовольствіе публики все возрастало и дошло до энтузіазма. Даже строгій, классическій оркестръ, управляемый братьями Мюллеръ, присоединилъ свои рукоплесканія къ рукоплесканіямъ публики.

Хотя исполненіе, по средствамъ брауншвейгскаго театра, было превосходно, однако же госпожи Фишеръ-Ахтенъ и Метѣссель, и господа Шмеперъ, Пѣкъ и Фишеръ не довольно искусные пѣвцы, чтобы обезпечить успѣхъ оперы. Слѣдовательно блистательный успѣхъ «Кинастской невѣсты» долженъ служить доказательствомъ достоинства этого произведенія. Знающіе люди, выдавшіе партитуру, утверждаютъ, что талантъ Литольфа къ драматической музыкѣ не уступитъ таланту Мейербера. Нѣтъ сомнѣнія, что новая опера въ скоромъ времени обойдетъ всѣ театры Германіи.

Наконецъ будетъ великій виртуозъ, способный писать не одні «большія фантазіи», но и большія оперы! Мендельсонъ, правда, великій пианистъ, но по всему существу своему, онъ болѣе композиторъ, чѣмъ виртуозъ. Литольфъ же, какъ пианистъ, первый изъ первыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ великій композиторъ. Ему предстоитъ славная будущность, и если гордая Англія не признаетъ его, единственнаго до нынѣ композитора изъ дѣтей ея, то его вполнѣ вознаградитъ признаніе Германіи, которой онъ уже отчасти принадлежитъ своимъ направленіемъ.

— Всѣ любители музыки, вѣроятно, помнятъ, какъ внезапно скрылся знаменитый скрипачъ Оле-Булль. Послѣднее извѣстіе о немъ получилъ, какъ извѣстно, лучший другъ его, парижскій инструментальный мастеръ Гильомъ. Оле-Булль писалъ ему, изъ Мадрита, что онъ, 14 іюня 1846 года, игралъ въ присутствіи испанской королевы Polassa guergieга и нѣкоторые другіи свои сочиненія. Послѣ этого письма никто, не исключая даже жены его, не получалъ отъ него ни какого-извѣстія. Это молчаніе, продолжающееся уже почти полтора года, можетъ подать поводъ къ самымъ горестнымъ опасеніямъ. Между-тѣмъ одинъ издатель,

нѣвнѣйшія постоянныя сношенія съ чудакѣмъ артистомъ до его таинственнаго сокрытія, утверждаетъ, будто онъ отправился подъ строгимъ выкогногито въ Австралію, освободить одно близкое ему лицо, сосланное въ Сидней. Жизнь Оле-Буля и такъ уже богата самыми рѣдкими приключеніями, встрѣчавшимися ему въ его путешествіяхъ по всѣмъ частямъ свѣта, но эта романтическая поѣздка въ Австралію превзойдетъ смѣлостью и оригинальностью все предъидущее, если только она не окажется пустымъ слухомъ, что мы когда-нибудь узнаемъ.

— Полученное нами изъ Неаполя письмо одного нашего пріятеля, сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія о Сициліи, ея праздникахъ и въ особенности о ея музыкѣ. Мы увѣрены, что читатели наши прочтутъ ихъ не безъ удовольствія:

— Всякому, кто ищетъ новыхъ картинъ, новыхъ чувствъ и новыхъ удовольствій, пишетъ намъ пріятель, я посоветую посѣтить Сицилію. Тутъ природа является во всей своей роскоши, искусство во всемъ богатствѣ фантазій; нравы, обычаи, наряды, принимаютъ самыя разнообразныя, самыя странныя формы. Тутъ видишь и энергію сѣвера, и нѣгу востока, французскій умъ съ италіанскимъ сердцемъ, роскошь Азіи съ нищетою Ирландіи, испанскую смѣсь съ неаполитанскимъ низкопоклонствомъ. Это непонятная смѣсь благородныхъ помысловъ и подлыхъ привычекъ, свободы и рабства, глубокой учености и отвратительнаго невѣжества, духа среднихъ вѣдовъ въ сооруженіи зданій и италіанской страсти къ побрекушкамъ въ ихъ украшеніи. Эта страна будто была сборнымъ мѣстомъ каравановъ всѣхъ образованныхъ народовъ, которые оставили въ ней произведенія всѣхъ эпохъ, всѣхъ школъ, всѣхъ стилей, отъ циклопическихъ и нелазгическихъ памятниковъ до игрушекъ осемнадцатаго вѣка, отъ геронческихъ временъ до царствованія Фердинанда-Второго. Правда, и здѣсь, какъ вездѣ, прошла рука вандализма и оставила за собою по-крайней-мѣрѣ столько же развалинъ, какъ землетрясенія и лава Этны; но она не могла истребить всѣхъ памятниковъ, покрывавшихъ эту нѣкогда столь богатую и многочисленную страну, и археологъ найдетъ въ ней болѣе предметовъ для изученія, чѣмъ въ какой-либо части Италіи. Въ отношеніи къ музыкѣ, къ несчастью, Сицилія не такъ любопытна; въ разхищенныхъ ея бібліотекахъ почти нѣтъ уже древнихъ памятниковъ; ея заведенія, консерваторіи, въ такомъ же упадкѣ, какъ и во всей Италіи; церковное пѣніе въ томъ же положеніи,

какъ въ Римѣ, а народныя пѣсни еще рѣже чѣмъ въ Неаполѣ. И такъ нѣтъ оставалось только собирать разныя старинныя преданія, подмѣчать нѣкоторыя любопытныя подробности, отыскивать слѣды пѣвцовыхъ драгоцѣнныхъ рукописей, внезапно открывшихся отъ вниманія ученыхъ; словомъ, изслѣдовать амальгаму, какое имѣли на искусство различныя цивилизаціи, поочередно покорявшія эту страну. Сообщая вамъ мои наблюденія, желаю отъ души, чтобы они не показались вамъ слишкомъ ничтожными и скучными. Древнія преданія легко могли сохраниться въ Сициліи; перевороты Европы не дошли до нея; новыя идеи проникли только черезъ Липсу и, какъ сказать, контрабандою. Духъ ереванскъ вѣковъ, хотя въ слабомъ и искаженномъ видѣ, еще живъ въ народѣ и проявляется въ его нравахъ, вѣрованіяхъ и праздникахъ. Музыка, правда, во всемъ этомъ играетъ довольно жалкую роль. Чтò въ ней сохранилось отъ прошедшаго времени, свидѣтельствуется только его варварство; чтò родилось въ настоящее время, изобличаетъ его безсиліе. Я могъ въ этомъ убѣдиться, когда былъ на большомъ народномъ праздникѣ святой Розаліи. Порядекъ, прістойность, въ-особенности же вѣра, дававшіе прежде величіе этому великолѣпному празднику, нынѣ утратились, но обряды, символизмъ, сохранились въ томъ видѣ, какъ были въ четырнадцатомъ столѣтіи. Описывая въ немногихъ словахъ это торжество, я въ-особенности постараюсь указать участіе въ немъ музыки.

«Праздникъ продолжается пять дней, или точнѣе, пять ночей. Первые четыре посвящены икононаціямъ, «ейсверкамъ», скачкамъ, и прочая. Эти зрѣлища вездѣ одинаковы; но признаюсь, еще, по моему, болѣе утѣста подъ голубымъ небомъ Италіи, на шоссейномъ берегу Палермскаго Залива, чѣмъ подъ сѣрыми облаками Багдаса и въ топкихъ рощахъ Царскаго-Села. Въ первый и во второй день, развѣивающа по широкой Толедской улицѣ огромная колесница, немножко похожая на парижскій «санта-дес-финесеп». Пржеже эта подвижная машина была покрыта шодомъ и какъ на ней было довольно трудно удержаться, то шлою съ нея подали, къ великой потѣхѣ толпы. Притомъ переносчики перемалывали себѣ руки и ноги, или даже разбитыя до смерти, видно, отбыва охоту покататься на этой колесницѣ и выигрывать на нее сажаютъ только нѣсколько дурно одѣтыхъ куколъ. Внутри этой колесной башни помѣщается оркестръ въ тридцать или сорокъ человекъ, а играетъ отрывки изъ оперы Меркванте; Беллини, Пачини, и другихъ. Музыка эта, какъ и

неапольская полковая музыка, слаба, изиѣжена, вла, и кажется едва-ли кто слышитъ ее, кромѣ самихъ музыкантовъ.

«Пятый день посвященъ религиозному празднику. Въ соборѣ поютъ обѣдню, сколоченную изъ оперныхъ обрывковъ. Исполняютъ ее двѣнадцать или пятнадцать пѣвчихъ и столько же инструментовъ, и несмотря на всѣ ихъ усилія, музыка не распространяется далѣе хоровъ. Это религиозное торжество болѣе похоже на балъ; дамы разряжены въ пухъ; всѣ прохаживаются подъ руку по церкви, разговариваютъ, смѣются; можетъ быть стали бы даже танцовать, если бы температура въ сорокъ градусовъ по Реомюру не запрещала думать о танцованіи.

«Прошлою ночью была знаменитая процессія святой Розаліи. Шестнадцать монашескихъ братствъ тянулись одно за другимъ и несли огромныя раки; за послѣднею, ракою святой Розаліи, изъ литаго серебра, слѣдовало духовенство собора, въ полномъ облаченіи. Вдоль дороги множество кофеенъ и еще болѣе монастырей. Священники останавливаются у тѣхъ и другихъ, ѣдятъ мороженое, которымъ такъ славится Италия; а рака между тѣмъ идетъ своею дорогою. Передъ каждою ракою идетъ хоръ музыки, состоящій изъ барабановъ и литавръ всѣхъ видовъ и размѣровъ; музыканты дуютъ въ нихъ со всей мочю, такъ, что того и смотри, что всѣ окна въ городѣ разлетятся въ дребезги. Вотъ палермская народная музыка! И во все время ни одной пѣсни, ни одного псалма; только вмѣсто кивалъ, трескъ сталкивающихся и бьющихся стакановъ и бутылокъ. Это, говорятъ, одинъ день въ году, когда палермскій народъ напивается; по крайней-мѣрѣ дожждаться бы окончанія торжества.

«Что касается до народной музыки, во все время моего пребыванія въ Палермо, я слышалъ только одну мелодію, или скорѣе одну фразу, которую поютъ и лодочники на морѣ, и ремесленники за работою, и мальчишки, бѣгая по улицамъ, и поютъ ее съ утра до ночи, и съ ночи до утра. Я помню, что пребывая когда-то нѣсколько дней въ Токсовѣ, я былъ также пораженъ тѣмъ, что токсовскіе Чухвы всегда поютъ одну и ту же пѣсню, и готовы повторять ее въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Но ихъ пѣсня по крайней-мѣрѣ состоитъ изъ нѣсколькихъ колѣвъ, между тѣмъ какъ эта пѣсня состоитъ изъ одной коротенькой, простенькой фразы, къ которой они прилаживаютъ всѣ свои пѣсни, повторяя ее на каждый стихъ, то есть по тридцати и по сороку разъ. Этотъ однообразный пафѣзъ вѣчно повторяется вдоль всѣхъ береговъ Калабрія и Сициліи. Она впрочемъ любопытна тѣмъ, что

принадлежитъ, очевидно, къ самой глубокой древности, потому что она не можетъ-быть подведена подъ нашу систему товаровъ, а подходитъ къ древнему фригійскому наклоненію.

«Не могу не упомянуть о диковинкѣ, которую удалось мнѣ слышать въ Палермо, о знаменитой Marseillaise, исполненной экипажемъ корабля *Le Souvegain*, состоящимъ изъ тысячи-ста человѣкъ. Любопытно и то, что она была спѣта по желанію палермскихъ дамъ, которымъ принцъ Жуанвилльскій давалъ балъ на своемъ кораблѣ.

«Кстати о принцѣ Жуанвилльскомъ; онъ держалъ превосходный хоръ музыки, который въ праздники, во время богослуженія на кораблѣ, исполняетъ прекрасныя сочиненія Дитена и другихъ парижскихъ композиторовъ.

«Какъ въ каждомъ большомъ городѣ, въ Палермѣ есть мѣсто, куда постоянно собирается высшее общество погулять и подышать воздухомъ. Это мѣсто на берегу моря. Каждый вечеръ играетъ довольно взрядный оркестръ; само-собою разумѣется, что эти концерты пробавляются отрывками изъ оперъ Россини, Беллини и Доницетти. Простаго народа тутъ не бываетъ, кромѣ нѣсколькихъ ладзарони въ нарядѣ праотца нашего Адама. Вы сами, вѣроятно, догадываетесь, что они ходятъ на гулянье не затѣмъ, чтобы послушать музыку, а чтобы потѣшить гуляющихъ различными упражненіями и фокусами, слѣдствіемъ которыхъ бываетъ недочетъ нѣсколькихъ носовыхъ платковъ, часовъ, табакерокъ и другихъ вещей.

«Эти концерты содержатся на счетъ города въ продолженіи трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ, потому-что въ это время нѣтъ возможности заператься въ душныя театры, но какъ скоро наступаетъ осень, оркестръ умолкаетъ, гулянье даже не освѣщается, и всѣ идутъ проводить вечера въ *San Carlo* или въ *Santa Cecilia*. Народъ нагой не бываетъ въ театрахъ, средній классъ ходитъ рѣдко; они наполняются одною аристократіею. Вообще всѣ отрасли искусства въ Италіи сохранили аристократическій характеръ, данный имъ вельможами и умиками шестнадцатаго вѣка. И такъ повторю, что вопреки общепринятому мнѣнію, въ южной Италіи нѣтъ народнаго искусства; стоитъ только внимательно рассмотреть помпейскія фрески, выкинуть въ представляемые ими нравы, чтобы убѣдиться въ томъ, что народъ, заселяющій эту страну, нисколько не измѣнился впродолженіи осемнадцати вѣковъ, ни въ нравахъ, ни въ искусствахъ, ни даже въ

«физиономія. Онъ почти также чуждъ истиннаго образованія какъ краснокожіе Скалистыхъ Горъ.

«Если есть въ Неаполѣ и въ Сициліи музыка, выходящая за предѣлы высшаго круга, то это только канцона; она собственно составляетъ мѣщанскую музыку. Каждый годъ, къ празднику *delle Piedigrotta* является новая канцона и тотчасъ переходитъ на шарманки и къ уличнымъ пѣвцамъ. Но она не доходитъ до парода, который довольствуется своимъ вѣковѣчнымъ напѣвомъ. Канцона принадлежитъ ремесленникамъ. И надо замѣтить, что въ этомъ классѣ такъ мало вкуса, такъ мало врожденной способности къ пѣвию, что рѣдкій споетъ ее вѣрно и безъ искаженія.

«Рѣдко также встрѣтишь человѣка, который бы зналъ болѣе одной или двухъ канцонъ, и онѣ не хранятся въ продолженіи столѣтій, какъ въ другихъ странахъ; хорошо когда проживетъ четыре года, или много пять лѣтъ.»

Что скажутъ на это тѣ, которые убѣждены что любовь и способность къ музыкѣ въ крови у каждаго Италіянца и что каждый неаполитанскій лаздароне рожденъ композиторомъ?

— Мы имѣемъ подъ рукою двѣ статейки, показывающія какъ любятъ и понимаютъ музыку англійская аристократія и французская *bourgeoisie*.

Вотъ какъ одинъ очевидецъ описываетъ сентъ-жемскіе придворные концерты: «Часовъ въ осемь музыканты и пѣвцы, которые должны участвовать въ концертѣ, являются во дворецъ, идутъ черезъ вѣскольکو богатыхъ, изящно отдѣланныхъ въ англійскомъ вкусѣ залъ и достигаютъ наконецъ овальной залы, въ которой уже собрана придворная капелла. Эта капелла состоитъ частью изъ музыкантовъ, находящихся въ службѣ королевы, частью изъ приглашаемыхъ къ концерту для пополненія капеллы, потому что она недовольно многочисленна для выполненія пьесъ, требующихъ большаго оркестра. Эти приглашенные музыканты всѣ въ черныхъ фракахъ, какъ и самъ директоръ капеллы, господинъ Андерсонъ; находящіеся же въ службѣ ея величества носятъ фраки съ синими воротничками и особаго рода пуговицами: это ихъ мундиръ. Италіянецъ, удивительно дурной наружности, но щегольски одѣтый, съ самодовольствомъ ходитъ взадъ и впередъ по залѣ, будто хозяинъ; осматриваетъ каждаго съ ногъ до головы, будто хочетъ сказать: «Есть ли здѣсь другой такой красавецъ какъ я?» Онъ то и дѣло поправляетъ свой нарядъ, приглаживаетъ каждую складочку на своихъ шелковыхъ

панталонахъ; не пройдетъ передъ зеркаломъ чтобы не посмотреться, не полюбоваться своими тщательно завитыми волосами; и каждый разъ онъ въ нихъ что-нибудь поправитъ, чтобы придать имъ еще болѣе изящества. Этотъ уродливый Итальянецъ не кто иной какъ господинъ Коста, любимецъ английской аристократіи, потому что онъ сопровождаетъ во всѣ дома итальянскихъ пѣвицъ.

«Наконецъ является сама королева, а за нею принцъ Альбертъ и нѣсколько знатныхъ особъ, удостоившихся милостиваго приглашенія на концертъ. Королева садится на софу; церемоніймейстеръ даетъ знакъ артистамъ и пѣвцамъ, чтобы они сѣли; оркестръ стоитъ. Начинается концертъ. Составленіемъ программы обыкновенно занимается принцъ Альбертъ и какъ онъ охотникъ до серьезной музыки, то часто играютъ произведенія классическихъ композиторовъ. Но выполненіе ихъ очень незавидно; казалось бы, королевская придворная капелла должна состоять изъ однихъ первоклассныхъ артистовъ но на дѣлѣ совсѣмъ не то.

«Концертъ обыкновенно состоитъ изъ симфоній, увертюры, одной или двухъ инструментальныхъ пьесъ, исполненныхъ какимъ-нибудь знаменитымъ виртуозомъ и пяти или шести итальянскихъ арій, которыми господинъ Коста очень хорошо аккомпанируетъ на фортепьяно, хотя его ногти, остриженные на английскій манеръ и которыми онъ удивительно кокетничаетъ, принуждаютъ его по большей части играть, вытянувъ пальцы какъ палочки. Когда въ Лондонѣ находится какой-нибудь извѣстный нѣмецкій пѣвецъ, его немедленно приглашаютъ пѣть въ придворномъ концертѣ. Концертъ дѣлится на двѣ части; въ каждой по пяти или по шести номеровъ. Между первую и вторую часть королева встаетъ, разговариваетъ съ нѣкоторыми изъ гостей, иногда обращается съ лестными похвалами къ артистамъ и пѣвцамъ. Принцъ Альбертъ мало разговариваетъ съ артистами, но все, что онъ ни скажетъ, доказываетъ его здравое понятіе объ искусствѣ. Когда концертъ конченъ, королева удаляется въ свои покои, а оркестръ играть «God save the queen.»

«Музыкальные вечера въ домѣ какой-нибудь важной особы происходятъ точно такимъ же порядкомъ какъ при дворѣ, съ тѣмъ различіемъ, что пѣтъ оркестра и что въ заключеніе не играютъ «God save the queen.» Другое различіе еще то, что въ придворныхъ концерткахъ очень мало приглашенныхъ, а на музыкальномъ вечерѣ въ частномъ домѣ гостей такое множество,

что почти нить возможности между ними протереться. Когда была жива контробасистъ Драгонетти, почти ни одинъ музыкальный вечеръ не обходился безъ него. Ему платили по три и по четыре гиней, иногда и болѣе, за гѣмъ тѣмъ, чтобы онъ сидѣлъ подлѣ аккомпанировавшаго и поддерживалъ его аккомпаниментъ своимъ инструментомъ. Въ вокальныхъ вѣселяхъ Драгонетти импровизировалъ подлѣ аккомпаниментъ «ортеніанской партіи». Онъ выдѣлывалъ на своемъ исполнскомъ, трехъ-струнномъ инструментѣ всѣ пассажи духовыхъ инструментовъ, обыкновенно посредствомъ «лажолетовъ», которые иногда слышны были на двухъ струнахъ и въ удивительномъ совершенствѣ. Но не это болѣе всего поражало слушателей: они не могли надвинуться его сильнымъ нотамъ въ тугги; три ноты въ концѣ вѣсы, отъ которыхъ дрожали окна, волны и потолки, приводили общество въ неистовый восторгъ; со всѣхъ сторонъ слышалось. «Very fine! I never heard any thing like it! Beautiful! Every note like a cannonball!» Прекрасно! Никогда я не слышалъ ничего подобнаго! Чудесно! Каждая нота, словно изъ пушки выпалила!»

Теперь обратимся къ французской bourgeoisie. Вотъ вамъ описаніе концерта въ Бордо, писанное, правда, Парижаниномъ, а вѣкъ извѣство, какими глазами Парижанинъ смотритъ на провинцію. Впрочемъ, факты, кѣмъ они ни собраны, остаются фактами.

«Просидѣвъ тридцать-шесть часовъ въ diligencѣ, я прибылъ въ Бордо, измученный голодомъ, жаждою, зносомъ и пылью. Уже было поздно, но Бордо, самый свѣтлѣйшій изъ городовъ послѣ Парижа, горѣлъ тысячью огней; вездѣ толпились народъ, вокругъ большаго театра, на аллеяхъ Турние, по широкимъ улицамъ, обстроеннымъ такими громадными и величественными домами, что парижскіе дома передъ ними уйдутъ въ землю со стыда. Я побѣждался бы, что долженъ быть враздникъ, если бы не зналъ, что этотъ праздникъ повторяется каждый день, или лучше, каждую ночь въ южныхъ городахъ, такъ хорошо понимающихъ очаровательность свѣжей ночи.

«Первымъ моимъ дѣломъ было зайти въ гостиницу, чтобы немного оправиться отъ дороги. но я скоро вышелъ и приблизился къ афишѣ. Подивившись сначала исполнскому ея росту, я прочиталъ на ней крупными буквами напечатанные слова: «Чрезвычайное представленіе», а подъ нимъ: «Господинъ Мюзаръ».

«Вы, можетъ быть, воображаете, что этотъ Мюзаръ — герой старинной прелестной комедіи Пикара, играющей подлѣ отъиго им-

немъ лѣтъ двадцать назадъ. Ни чуть не бывало! Это просто нашъ Мюзаръ, извѣстный, великій, единственный Мюзаръ! — Да какъ же это? спросите вы: развѣ Мюзаръ пошелъ въ актеры или въ пѣвцы, что онъ является въ театральномъ представленіи, и еще въ чрезвычайномъ представленіи?... Помилуйте, къ чему было Мюзару ибнять свое званіе; не съ ума же онъ сошелъ, чтобы ему отрекаться отъ своего искусства и отъ славы. Все дѣло въ томъ, что Мюзаръ давалъ концертъ въ Большомъ театрѣ, концертъ въ программѣ котораго красовались исключительно его сочиненія, кадрили, галопы, вальсы, попури, и прочая.

«Представленіе началось водевилемъ, помнится, «Riche d'amour»; за тѣмъ слѣдовалъ концертъ, раздѣленный на двѣ части; концертъ, сопровождавшійся и драматическимъ дѣйствіемъ, потому что на афишкѣ было припечатано: «Нѣкоторые нумера, въ томъ числѣ кадрилъ, вальсъ и общій галопадъ, будутъ танцовать всѣ артисты обонхъ театровъ» (то есть Большаго театра и театра Разныхъ Разностей). На афишкѣ были даже поменованы всѣ артисты. Какъ тутъ было устоять! Я успѣшилъ войти, не смотря на то, что уже былъ одиннадцатый часъ, и насладиться остатками торжества, которое обѣщало столько оригинальнаго.

«Мнѣ говорили, что не смотря на усилія и дарованія Шоллѣ, большой театръ всегда почти пустъ; не мало же я изумился увидѣвъ его полнымъ сверху до низу.

«Меня увѣрили будто публика всегда холодна и снѣсива, а вмѣсто того я ее видѣлъ въ изступленномъ энтузіасмѣ.

«И не думайте, чтобы я преувеличивалъ. Въ ту самую минуту, какъ я вошелъ въ театръ, публика апплодировала, топала ногами, стучала, кричала bis! Правда, что оркестръ только что кончилъ фантазію на тему изъ Гугенотовъ, но немного спустя, публика также усердно, также неистово изъявляла свое удовольствіе слушая знаменитое «Эхо», принадлежащее въ полную, неотъемлемую собственность одному Мюзару! Съ такимъ же точно восторгомъ приняла она «Le petit tambour», военную кадрилъ (исполненную артистами театра); точно также опять едва не рушились стѣны отъ топоту, стуку, крику, «послѣ общаго галопада» (также исполненнаго артистами обонхъ театровъ).

«Зато надо сказать, что во всѣхъ этихъ пьесахъ, съ участіемъ и безъ участія артистовъ обонхъ театровъ, оркестромъ дирижировалъ Мюзаръ, а вы знаете, что это значить; вы видали, какъ онъ дирижируетъ оркестромъ. Но нѣтъ, вы не можете знать Мюзара; вы видали его въ Парижѣ, среди облака пыли, въ гла-

въ бальнаго оркестра! Это совсѣтъ не то! Вы не видали его, напримѣръ, хоть въ оперѣ, или въ консерваторіи, на мѣстѣ Габенека, или Жирара, или Тильмона, когда бы онъ управлялъ серьёзнымъ оркестромъ, двигалъ имъ однимъ махомъ своего жезла, покоряя его каждой своей прихоти. Я же, нижеподписавшійся, видѣлъ это, и убѣдился, что афиша не обманывала публики, объщая ей чрезвычайный спектакль. При исполненіи пьесъ, сопровождавшихся танцованіемъ артистовъ, для которыхъ занавѣсъ поднимался, Мюзаръ стоялъ, какъ обыкновенно стоятъ капельмейстеры, лицомъ къ сценѣ, спиною къ зрителямъ; но для другихъ пьесъ, когда занавѣсъ былъ опущенъ, онъ становился на оборотъ, лицомъ къ публикѣ, надъ головами музыкантовъ; такъ что публика могла слѣдить за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ выраженіемъ его фizioноміи. Тутъ представленіе становилось дѣйствительно чрезвычайнымъ! Тутъ Мюзаръ проявлялся вполнѣ, то веселый, то мрачный; то улыбался своимъ идеямъ, манилъ ихъ рукою и глазами; то вдругъ останавливалъ ихъ внезапнымъ, повелительнымъ знакомъ. Я увѣренъ, что во всей залѣ, хотя на всѣхъ лицахъ было написано удовольствіе, не нашлось бы челоуѣка довольнѣе и счастливѣе самого Мюзара. Онъ слушалъ свои произведенія; наслаждался своими вдохновеніями: казалось, будто онъ отъ времени до времени отиралъ тайкомъ слезу. Однако же ему не доставало одного наслажденія, которое онъ предоставлялъ публикѣ: онъ слышалъ себя, но не могъ себя видѣть.

«Въ Пиренеяхъ дошла до меня вѣсть, что это чрезвычайное представленіе повторилось вѣсколько разъ, и съ такимъ же успѣхомъ. Что значить судьба! Мюзаръ пріѣхалъ въ Бордо, дирижировать оркестромъ какого-то казино, которому нужна была его помощь, чтобы съ его легкой руки вступить на бѣлый свѣтъ. Дѣло, неизвѣстно почему, не состоялось. Мюзаръ рѣшился дать концертъ въ Большомъ театрѣ, а Большой театръ, давно уже скучавшій отъ безлюдья, очень обрадовался, увидавъ такое множество гостей, и припечаталъ на афишѣ, объявлявшей о чрезвычайномъ спектаклѣ, слѣдующія слова: «Въ непродолжительномъ времени первое представленіе Лестока, Нормы, Цампы и Неприкасайтесь къ королевѣ»; «что значить: Оберъ, Беллини, Герольдъ и Буаслѣ подождутъ: у насъ теперь Мюзаръ; онъ здѣсь не всегда будетъ, а когда онъ уѣдетъ, то еще успѣемъ послушать и тѣхъ. Но, что они ни дѣлай, а не имѣтъ имъ такого успѣха, какъ Мюзаръ.»

Послѣ этого, спрашивается: кто и гдѣ въ самомъ дѣлѣ любить музыку?

— Берлиозъ, которому новые директоры Парижской Большой Оперы предлагали должность директора хоровъ, отказался отъ ихъ предложенія и принялъ мѣсто капельмейстера при дрюриленскомъ театрѣ, съ десятью тысячами франковъ жалованья за три мѣсяца, и двадцать тысячъ за шесть мѣсяцевъ, смотря по тому сколько времени будетъ продолжаться сезонъ. Сверхъ того онъ будетъ давать по четыре концерта въ сезонъ, въ которыхъ дирекція ручается ему въ ста фунтахъ стерлинговъ выручки, съ каждаго; это составитъ еще десять тысячъ франковъ.

— Дирекція Парижской Большой Оперы ангажировала талантливую английскую пѣвицу, миссъ Бёртчъ.

— Третій лирическій театръ въ Парижѣ, дѣятельно готовится къ открытію; труппа уже почти полна и уже начали репетировать оперу Мальяра «Гастпбельза». Либретто написано господиномъ Денпери. Адамъ, Оберъ, Галеви и Карафа пишутъ прологъ для его открытія. Ставятся также опера въ трехъ дѣйствіяхъ Линандера, на слова Жерара Нервала, и опера въ одномъ дѣйствіи Осенбаха, на слова Сепъ-Жоржа.

— Молодой пианистъ Альфредъ Телль, о которомъ мы уже говорили въ одномъ изъ прошедшихъ нумеровъ этого журнала, далъ концертъ въ Брюсселѣ, съ необыкновеннымъ успѣхомъ.

— Явилась третья сестра Милаволло, Цецилія. Благодаря таланту дочерей, отецъ Милаволло купилъ богатое помѣстье близъ Валансьена.

— Обѣ оперы въ Лондонѣ прекратили свои представленія. Последнею оперою, поставленною на королевскомъ театрѣ, была «Свадьба Фигаро», Моцарта; Женни Линдъ играла роль Сусанны, но не совсѣмъ удачно; за исключеніемъ ариетты втораго дѣйствія, «*Vieni, non tardar*» и дуэта «*Sull'aria*», съ госпожею Кастелланъ, она была вообще слаба. Лаблашъ, Штаудигль, Колейти, исполняли роли Бартоло, Фигаро и Альмавивы. Для закрытія оперы давали «Соннамбулу», въ которой Женни Линдъ произвела такой же фуроръ, какъ и прежде. Представленія ковентгардской оперы заключились «Семирамидою».

— Дрюриленскій театръ, который, какъ мы уже сообщили читателямъ въ прошломъ нумерѣ, отданъ въ руки Жюльена, и преобразованъ въ оперный театръ подъ названіемъ Королевской Академіи Музыки, откроется перваго декабря. Первыми артистами его труппы будутъ Штаудигль и Пинскъ, два

пріобрѣтенія которыхъ Жюльенъ нарочно ѣдетъ въ Вѣну и въ Штутгартъ, потому что они оба надолго связаны контрактами, первый съ вѣнскимъ театромъ, второй съ штутгартскимъ. Онъ надѣется также имѣть, хоть на нѣсколько представленій господу Віардо, Дюкре и миссъ Бѣрчъ. Театръ откроется «Цампоу»; за нимъ послѣдуетъ новая опера Верди, которую онъ пишетъ для парижской оперы, потомъ опера Галени, «Фаустъ» Шпора и обѣщающая опера Берліоза.

— Леопольдъ Мейеръ возвратился изъ Америки, и намѣренъ опять объѣхать всю Европу, начавъ съ Вѣны. Во время пребыванія своего въ Америкѣ онъ далъ сто-семьдесятъ-пять концертовъ, изъ нихъ двадцать одинъ въ одномъ Нью-Йоркѣ.

— Мейерберъ возвратился съ франценбрунненскихъ водъ въ Берлинъ.

— Госпожа Віардо-Гарсія опять ангажирована на берлинскій театръ, на январь и февраль мѣсяцы.

— Юная танцовщица Марія Тальони, племянница знаменитой Тальони, также ангажирована въ Берлинъ и должна дебютировать въ октябрѣ мѣсяцѣ.

— Италіанская опера въ Берлинѣ уже открылась тридцатаго августа, «Люкрецію Борджіа», Доницетти.

— Въ день рожденія покойнаго прусскаго короля, Карлъ Геннингъ устроилъ въ церкви Святаго Павла въ Гезундбрунненѣ, близъ Берлина, музыкальное торжество въ честь основателя церкви, Фридриха Вильгельма III. Изъ произведеній, исполненныхъ на этомъ торжествѣ, преимущественно церковныхъ, особое вниманіе обратила на себя увертюра «Гоголія», Генделя, положенная на органъ.

— Интендантъ берлинской придворной оперы получилъ отъ герцога Саксенъ Кобургскаго эрнеетинскій орденъ, за прекрасную постановку его оперы «Заиры».

— Мюнхенскій капельмейстеръ Лахнеръ, вслѣдствіе недоразумѣній съ графинею фонъ-Ландсбергъ (Лолою Монтез), отказался отъ этой должности, и переѣхалъ въ Берлинъ.

— Въ одной нѣмецкой газетѣ напечатано слѣдующее письмо Бетговена къ Керубини, писанное имъ незадолго до смерти. «Съ величайшимъ удовольствіемъ пользуюсь я этимъ случаемъ писать къ вамъ. Я часто думаю о васъ, потому что ставлю ваши сочиненія выше всѣхъ другихъ драматическихъ произведеній. Жаль только, что такъ давно уже не является ни какого новаго вашего произведенія: это огромное лишеніе для искусства. Я въ во-

стергѣ, когда слышу какое-нибудь новое ваше произведеніе и интересуюсь имъ болѣе, чѣмъ собственными своими сочиненіями. Словомъ, я васъ уважаю и люблю.»

— Великій герцогъ баденскій повелѣлъ поставить въ Карлсруэ памятникъ несчастнымъ, погибшимъ во время пожара театра.

— Извѣстный піанистъ Карлъ Фоссъ далъ въ Миланѣ нѣсколько очень удачныхъ концертовъ.

— Спортини возвратился въ Парижъ. По окончаніи кѣльпскаго торжества, на которомъ исполнены подѣ собственнымъ его управленіемъ увертюра и второе дѣйствіе его «Олимпія», его «Festmarsch» и прусскій народный гимнъ, онъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ былъ принятъ королемъ весьма милостиво. Король пригласилъ его обѣдать въ Санъ-Суси, а передъ отъѣздомъ его въ Италію изъявилъ желаніе, чтобы онъ пріѣхалъ въ Берлинъ зимою, поставить на новомъ театрѣ нѣкоторыя изъ своихъ оперъ; «Нурмагаль», «Весталку», «Олимпію» и «Фернанда Кортеса».

— Опера Буаслѣ «Королева Леонская» (*Ne touchez pas à la Reine*) производитъ фуроръ въ Вѣнѣ.

— Во Франкфуртѣ производитъ фуроръ семнадцатилѣтняя пѣвица Вальдгаузеръ, изъ Штутгарта; каждый разъ какъ она является, сцена покрыта цвѣтами. Она являлась въ «Юганнѣ Парижскомъ», въ «Робертѣ», въ «Гугенотахъ», въ «Дочери полка», но лучшая ея партія «Соннабула».

— Опера Лорцинга «Ундина» имѣетъ большой успѣхъ во Франкфуртѣ.

— Тальбергъ получилъ званіе члена шведской академіи въ Стокгольмѣ. Той же чести удостоился директоръ пражской консерваторіи Киттль.

— Недавно умеръ въ Вѣнѣ человекъ, пользовавшійся большою извѣстностью и общимъ уваженіемъ въ музыкальномъ мірѣ. Это Карлъ Мекетти, завѣдывавшій всѣми дѣлами отца своего Петра Мекетти, содержателя одного изъ богатѣйшихъ музыкальныхъ магазиновъ въ Европѣ. Ему было только тридцать-семь лѣтъ отъ роду.

— Молодыя шведскія пѣвицы Бервальдъ дали нѣсколько концертовъ въ Гамбургѣ, съ такимъ же успѣхомъ какъ и въ Берлинѣ.

— Знаменитый піанистъ Рудольфъ Вильмерсъ намѣренъ пріѣхать въ ноябрѣ мѣсяцѣ въ Берлинъ, давать концерты; оттуда онъ собирается въ февралѣ или въ мартѣ въ Вѣну, а можетъ быть и въ Петербургъ.

— Листъ выѣхалъ изъ Одессы. Жители Одессы отъ него безъ ума; онъ далъ семь концертовъ, три въ биржевой залѣ, три въ театрѣ, и одинъ въ рিশельевской отелн. Сверхъ того онъ игралъ въ нѣсколькихъ бенефисахъ артистовъ итальянской труппы, которые, благодаря его имени, имѣли богатые сборы. Одесса не можетъ нахвалиться благотворительностью и услужливостью великаго артиста рассказываютъ, напримѣръ, что онъ дирижировалъ увертюру въ бенефисъ одной французской актрисы, чтобы увеличить ея доходъ. Но еще лучше рассказываютъ, что онъ предложилъ сто рублей серебромъ буфѣ итальянской оперы, чтобы тотъ уволилъ его отъ участія въ его бенефисѣ; но буфъ очень справедливо замѣтилъ, что участіе Листа доставитъ ему гораздо болѣе ста цѣлковыхъ и Листъ игралъ.

КНИГИ ПО УМЕНЬШЕННОЙ ЦѢНѢ.

(Въ книжномъ магазинѣ Гауэра и Ко, Коммиссіонера Императорской Библіотеки на Певскомъ Проспектѣ, въ домѣ Петилья, № 3.)

(Цѣны на серебро.)

LIVRES A TRÈS BON MARCHÉ.

- ABRÉGÉ** du grand Dictionnaire de technologie, ou nouveau dictionnaire des Arts et Métiers, de l'Economie industrielle et commerciale. Paris 1833. 6 vol. in-8. 12 r.
- Le même ouvrage. Bruxelles 1837. 2 vol. in-8. et atlas. 8 r.
- ALLETZ.** Esquisses poétiques de la vie. 2 vol. in-18. 1 r. 45 c.
- ANCILLON.** Tableau des Révolutions du système politique de l'Europe depuis la fin du 15-e siècle. Paris 4 vol. in-8. 5 r.
- ANNALES** du crime et de l'innocence, ou choix de causes célèbres anciennes et modernes. 20 vol. in-12. 6 r.
- D'HYGIÈNE publique et de médecine légale, années 1 à 16 à 5 arg. l'année. 80 r.
- ARCHIVES DES DÉCOUVERTES** et des inventions nouvelles faites dans les sciences, les arts et les manufactures tant en France que dans les pays étrangers pendant les années 1823 à 1842 20 vol. in-8. Chaque vol. séparément à 1 r. 50 c.
- AULAGNIER.** Dictionnaire des aliments et des boissons en usage dans les divers climats et chez les différents peuples. Paris 1839. 1 vol. in-8. 2 r. 50 c.

- BEAUMARCHAIS.** Oeuvres complètes, précédées d'une notice sur sa vie et ses ouvrages. Paris 1832. 6 vol. in-8. 6 r.
- BÈCHE (de la).** Recherches sur la partie théorique de la géologie. Bruxelles 1839. 1 vol. in-8. 1 r.
- BELLIOL.** Mémoire sur une nouvelle méthode végétale dépurative et rafraîchissante pour la guérison radicale des dartres, des écrouelles et des maladies secrètes. 7-me éd. Paris 1834. 1 vol. in-8. 1 r.
- BERNARDIN-DE-ST.-PIERRE.** Oeuvres complètes. Paris 12 vol. in-8. 10 r.
- BERTHOUD.** Le Pater de Fénelon, orné d'un portrait et de vignettes. Paris 1842. 1 vol. in-12. 50 c.
- BOSSUET.** Oeuvres complètes. Paris 1836. 12 vol. grand in-8. Au lieu de 90 fr. 24 r.
- BOUGUER.** De la manœuvre des vaisseaux, ou traité de mécanique et de dynamique. 1 vol. in-4. rel. avec planches. 2 r.
- BOULAY-PATY.** Cours de droit commercial maritime d'après les principes et suivant l'ordre du code de commerce. Bruxelles 1838. 2 vol. in-8. 4 r.
- BOUILLAUD.** Traité clinique du rhumatisme articulaire. Paris 1840. 1 vol. in-8. 2 r.
- BOURRIENNE.** Mémoires sur Napoléon, le Directoire, le Consulat, l'Empire et la Restauration. Paris 1830. 10 vol. in-8. 10 r.
- BOYER.** Traité des maladies chirurgicales et des opérations qui leur conviennent. Bruxelles 1828. 5 vol. in-8. 7 r. 50 c.
- BRESCHET.** Recherches anatomiques et physiologiques sur l'organe de l'ouïe et sur l'audition, dans l'homme et les animaux vertébrés, 2e éd. avec 13 planches gravées. Paris 1836. 1 vol. in-4. 4 r.
- BRIAND.** Les jeunes voyageurs en Asie, ou description raisonnée des divers pays compris dans cette partie du monde. 8 vol. in-18. ornés de figures et cartes. 4 r.
- BUFFON.** Histoire naturelle mise dans un nouvel ordre, précédée d'une notice sur sa vie et ses ouvrages par Cuvier. 36 vol. in-18. 15 r.
- Oeuvres complètes, mises en ordre par le comte de Lacépède. Nouv. éd. ornée de 245 gravures coloriées. Paris 26 vol. in-8. au lieu de 225 fr. 35 r.
- Oeuvres complètes, précédées d'une notice historique sur les progrès et l'influence des sciences naturelles depuis cet auteur jusqu'à nos jours, par Geoffroy-St-Hilaire. Paris 1837. 5 vol. grand in-8. 10 r.
- Oeuvres choisies. Paris 1887. 6 vol. in-8. 6 r.
- BULAND DE MERU.** De la peste orientale, d'après les matériaux recueillis à Alexandrie, au Caire, à Smyrne et à Constantinople pendant les années 1833 à 1838. Paris 1889. 1 vol. in-8. 1 r. 70 c.

- CARUS.** Traité élémentaire d'anatomie comparée, suivi de recherches d'anatomie philosophique ou transcendante. Bruxelles 1838. 2 vol. grand in-8. et atlas. 6 r.
- CATHOLIQUE (le).** Magasin religieux, recueil varié de nouvelles inédites, ouvrage orné de 70 figures sur acier. 1 vol. in-4. 2 r.
- CHAPTAL.** Chimie appliquée aux arts. Paris 1830. 4 vol. in-8 et atlas. 6 r.
- CICÉRON.** Oeuvres complètes, traduites en français avec le texte en regard; dé. publiée par Victor Leclere. Paris 30 vol. in-8. Au lieu de 210 fr. 45 r.
- CLOQUET.** Traité d'anatomie descriptive. Bruxelles 1834. 1 vol. in-8. et atlas. 3 r.
- COMTE.** Traité de législation, ou exposition des lois générales. Bruxelles 1837. 1 vol. in-8. 2 r. 25 c.
- CONDILLAC.** Cours d'études pour l'instruction des jeunes gens. Paris. 10 vol. in-15. 3 r. 50 c.
- COURCELLES.** Dictionnaire historique et biographique des généraux français depuis le 11e siècle jusqu'en 1820. Paris 1820. 9 vol. in-8. 7 r.
- DEMOROGUES.** Tactique navale ou traité des évolutions et des signaux. Paris 1763. 1 vol. in-4. rel. avec figures. 5 r. 15 c.
- DESCRIPTION DES MACHINES** et procédés consignés dans les brevets d'invention. Tomes 43 à 51 in-4. avec planches. Chaque vol. à 4 r.
- DICTIONNAIRE D'AGRICULTURE** pratique, contenant la grande et la petite culture, l'économie rurale et domestique, la médecine vétérinaire, précédé d'une introduction sur la manière d'enseigner et d'étudier l'agriculture, par de Neufchâteau. Paris 1827. 2 vol. in-8. 4 r.
- DICTIONNAIRE** de l'Académie française, 5e édit. Paris 1834. 2 vol. in-4 25 francs. 4 r.
- DUCAMP.** Traité des rétentions d'urines causées par le rétrécissement de l'urètre. Paris 1825. 1 vol. in-8. 1 r 50 c.
- DUBOIS.** Traité de pathologie générale. Bruxelles 1835. 1 vol. in-8. 2 r. 25 c.
- DUCIS.** Oeuvres. Paris 1824. 7 vol. in-32. 3 r.
- DUPIN.** Force commerciale de la Grande-Bretagne. Bruxelles 1827. 6 vol. in-8. et atlas. 16 r.
- DUPUYTRON.** Traité théorique et pratique des blessures par armes de guerre. Paris 1834. 2 vol. in-8. 3 r. 50 c.
- DURAND-RODEL.** Traité du ramollissement du cerveau. Paris 1848. 1 vol. in-8. 2 r.
- DUVAL.** Traité pratique de pied-bot. Paris 1839. 1 vol. in-8. 1 r. 50 c.

- ECUY (P).** Abrégé de l'histoire de l'Ancien et du Nouveau Testament. Paris 1833. 1 vol. in-12. 1 r. 25 c.
- EDGEWORTH.** Contes pour le premier âge ou éducation familière. Paris 2 vol. in-12. 1 r.
- FÉNÉLON.** Aventures de Télémaque. Paris 1830. 2 vol. in-8. ornés de figures en taille-douce. 1 r. 50 c.
- FLORIAN.** Oeuvres. Paris. 24 vol. in-18. avec figures. 4 r.
- Oeuvres. Paris. 13 vol. in-8. 13 r.
- GENOUDE.** Leçons et modèles de littérature sacrée. Paris 1837. 1 vol. in-8. 2 r. 50 c.
- GRENIER.** Traité des hypothèques. Bruxelles. 2 vol. gr. in-8. 4 r.
- GRISOLLE.** Traité pratique de la pneumonie aux différents âges. Paris 1841. 1 vol. in-8. 2 r. 25 c.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

(Въ магазинѣ М. Бернарда, на Невскомъ Проспектѣ, противъ Малой Морской, въ домѣ Паскаля, № 11.)

(Цѣны на серебро.)

Пьесы для скрипки.

- ALARD.** Dix études caractéristiques pour le violon avec piano. op. 18. liv. 1. 2. 3. (chaque 2 r. 29 c.).
- BÉRIOT.** Trois Duos concertants pour deux violons, op. 57. liv. 1. 2. 3. (chaque 1 r. 72 c.).
- Valses pour violon et piano. op. 58. (1 r. 72 c.).
- BOTT.** Le Concertino avec Orchestre. op. 2. (8 r.). Le même concertino avec piano. op. 2. (3 r. 15 c.).
- DANCLA.** Trois airs variés pour violon avec piano. No. 1. 2. 3. (chaque 1 r. 72 c.).
- EICHBERG.** Études pour violon avec acc. d'un second violon (non obligé), contenant les principaux coups d'archets et autres difficultés d'après

La méthode de Conservatoire royal à Bruxelles. Cah. 1. (1 r.)
Cah. 2. 3. 4. (chaque 1 r. 29 c.).

FEIGERL. Vingt-quatre Etudes ou caprices pour violon dans vingt-quatre tons de la gamme, avec accompagnement d'un second violon. (3 r. 43 c.).

JANSA. Trois rondeaux en manière facile sur l'opéra Jessonda de Spohr op. 71. No. 1. 2. 3. (chaque 1 r. 15 c.).

— Six duos pour violon et violoncelle. op. 72. No. 1. 2. 3. (chaque 1 r. 43 c.).

KAYSER. Les delices des amateurs pour piano et violon sur des motifs favoris. op. 12. No. 2. Les Huguenots. (1 r.). No. 3. La fille du regiment. (1 r.). No. 4. Cenerentola. (1 r.). No. 5. Robert le diable. (1 r.).

— Fantaisie de salon sur des motifs de l'opéra les Huguenots pour piano et violon. op. 16. (1 r.).

— Duos faciles et agréables sur des thèmes favoris des opéras pour deux violons. liv. 11. (1 r.).

MOLIQUE. Erinnerung an Ungarn. Grosse Fantasie über vier der beliebtesten ungarischen National-Melodien für Violine mit Orchester. op. 26. (4 r. 58 c.). Dieselbe mit Piano. op. 26. (2 r. 85 c.).

— Fantaisie sur des airs nationaux Sonates avec Orchestre. op. 32. (4 r. 85 c.) avec piano (3 r. 15 c.).

MOSSER. Souvenir d'Afrique. Grand rondeau original pour le violon avec piano. op. 5. (2 r. 15 c.).

PRUME. Souvenir villageois. Andante et Rondo pour le violon avec Orchestre. op. 10. (5 r. 15 c.) avec piano (2 r. 29 c.).

OPERAS ITALIENS de Rossini, Bellini, Donizetti, Verdi etc. pour le violon seul. No. 5. Nabucodonosor (1 r.). No. 6. Ernani (1 r.). No. 7. La fille du regiment (1 r.). No. 8. Linda di Chamounix (1 r.). No. 9. I Paritani (1 r.). No. 10. Belisario (1 r.).

REITER. Deux quatuors pour deux violons, alto et violoncelle. op. 7. 8. (chaque 3 r. 43 c.).

SPOHR. 6e Quintetto pour deux violons, deux altos et violoncelle. op. 129. (4 r. 58 c.).

VIBUXTEMPS. 2e Morceau de salon: air varié pour le violon avec piano. op. 22. No. 2. (1 r. 72 c.).

ШКОЛА ДЛЯ ГОРМЕНІАНЪ.

BERTINI. Méthode complète et progressive de piano. Vollständige Pianoforte-Schule oder Anweisung zum Pianoforte-Spiel. (12 r. 85 c.).

CRAMER. Praktische Pianoforte-Schule. Neue verbesserte und vermehrte Auflage. (1 r. 72 c.).

—— Méthode de Piano. Nouvelle édition. (2 r. 58 c.).

—— Фортепианная школа или полная практическая метода учения на фортепиано. Новое издание. (2 r. 85 c.).

—— Conseils à mes élèves. Nouvelle méthode complète de piano, suivi de 42 morceaux élémentaires, préludes, études etc. (5 r. 72 c.).

CZERNY. Der Wiener Clavier-Lehrer oder theoretisch-praktische Anweisung das Pianoforte nach einer neuen Methode richtig und schön spielen zu lernen. — Лучший фортепианной учителя, из портепианной школа вышней игры на фортепиано. Новое исправленное издание. (2 r.).

HERZ. Etudes du Conservatoire, contenant progressivement toutes les difficultés d'exécution de l'école ancienne et moderne. 1er degré: 24 études très faciles pour les commençants. op. 151. (2 r. 58 c.).

2e degré: 24 études faciles pour les petites mains. op. 152. (3 r.).

3e degré: 15 études d'une moyenne difficulté. op. 119. liv. 1. (2 r. 58 c.).

4e degré: 15 études brillantes. op. 119. liv. 2. (3 r. 49 c.).

5e degré: 18 grandes études de concert (Première force). op. 153.

liv. 1. 2. (chaque liv. 4 r.). La collection entière pour (12 r. 59 c.).

HÜNTEN. Clavier-Schule. op. 60. 4te Auflage mit französischem und deutschem Texte. (5 r. 15 c.).

—— Méthode de piano. op. 60. Nouvelle édition. — Школа для фортепиано, на русском и французском языках. Сов. 60. Издание новое. (4 r.).

KALKBRENNER. Méthode pour apprendre le piano. Pianoforte-Schule. op. 108. (6 r. 85 c.).

LECARPENTIER. Méthode de Piano pour les enfants. (1 r. 72 c.).

MOSCHELES. Studien für das Pianoforte zur höhern Vollendungsbereits ausgebildeter Clavierspieler. Heft 1. (4 r.) — Heft 2. (3 r. 43 c.). Neue verbesserte Ausgabe.

Пьесы для фортепиано.

BERTINI. Trois solos. Morceaux de concours à l'usage des pensionnaires de jeunes demoiselles. op. 147. No. 1. 2. 3. (chaque 85 c.).

BURGMUELLER. Cantabile et rondo-valse. op. 95. No. 2. (1 r.). Un soir de printemps. Mélodie de David variée. op. 95. No. 3. (1 r. 15 c.).

- CHERRY.** Nouveau sur l'opéra Lucia di Lammermoor de Donizetti. (60 c.).
- DOSSIER.** Grande fantaisie brillante sur la Sonnambula de Bellini. op. 66. (2 r.).
- GOBIA.** Fantaisie de Concert sur les Mousquetaires de la Reine. op. 21. (1 r. 72 c.).
- GUNGL.** Reminiscences musicales. Potpourri. op. 64. (1 r. 43 c.).
- HENSELT.** Ouverture de l'opéra Obéron de Weber transcrite (1 r. 50 c.).
Quatre romances sans paroles. (1 r.).
- HELLER.** Vénitienne. (1 r. 15 c.).
- HERZ.** Les entraînantes. Nouveau quadrille varié. op. 155. (1 r. 43 c.).
Grande fantaisie sur des airs nationaux américains. op. 158. (1 r. 72 c.).
- MALIBRESNER.** Quatre toccatas. op. 182. (1 r. 43 c.).
- SPITZOFF.** Fantaisie brillante sur l'opéra Lucia di Lammermoor. op. 79. (1 r.).
- MAYER.** Première valse brillante. op. 94. (1 r. 15 c.) Six grandes études. op. 100. liv. 1. (2 r. 29 c.).
- PRUDENT.** Le lever du soleil. Fantaisie sur le Désert de David. op. 22. (1 r. 72 c.). I Partiti. Caprice-étude de Concert. op. 24. (1 r. 43 c.). Fantaisie sur l'opéra: Le Juive de Halevy. op. 26. (2 r.).
- ROSELLEN.** Fantaisie brillante sur «le Désir» valse de Beethoven. op. 87. (1 r. 72 c.). Les Illustrations de la scène italienne. Six fantaisies élégantes. op. 88. No. 1 à 5 (chaque 85 c.). 2e Quadrille italien varié. op. 90. (1 r. 72 c.). Fantaisie brillante sur l'opéra: Le Barbier de Seville. op. 91. (1 r. 72 c.). Nocturne. op. 92. No. 1. (1 r.). Tarentelle. op. 92. No. 2. (1 r.). Fantaisie brillante sur l'opéra: l'Éclair de Halevy. op. 96. (1 r. 72 c.).
- SCHILLER.** «He бѣлы сѣнъ», air russe favori varié. (1 r.).
- VOSS.** La sentimentale. Cantilène. (85 c.).

(Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ рублей серебромъ, получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать рублей, кромя того ничего не предлагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только тѣ, которые обратятся съ требованіями непосредственно въ магазинъ Бернарда. На тѣхъ же условіяхъ можно выписывать черезъ него всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы или объявлены.)

Въ томъ же магазинѣ вышла десятая тетрадь «Нувелляста», которая содержитъ въ себѣ: Kullak, Nocturne. — Liszt, Air sans paroles. — Schad, La rose des Alpes. Romance variée. — Lewy, Les colombes, Intermezzo. — Rubinstein, Air populaire. — Feuillet trouvé. —

Schiller, Un bouton de rose, valse. — Beuger, Fantaisie sur l'opéra: I Montecchi ed i Capuleti. — Brunner, Rondeau sur l'opéra Belisario.
 — Дерфельтъ, Воронъ, Романсъ. — Le renard et le corbeau. Fable de Lafontaine. — Музыкально-литературное прибавленіе. (Годовая цѣна подписки 10 руб. серебр., съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебр.)

МОДЫ.

О новыхъ платьяхъ еще нельзя сказать ничего опредѣлительнаго: еще ничто не установилось. На деревьяхъ зеленыя листья, на зеленыхъ листьяхъ — снѣгъ. Въ костюмахъ такая же безладница и противорѣчіе. Впрочемъ, глядя на снѣгъ, позволительно поговорить о шубахъ. Говорять, будутъ носить очень широкія, безъ капюшоновъ.

— Тули шляпъ нынѣшнею зимою будутъ слегка скруглены, поля довольно открыты и убраны снаружи и внутри цвѣтными тилемъ или газомъ. Много тоже готовятъ разноцвѣтныхъ илинокъ, но мы поговоримъ объ этомъ въ будущемъ мѣсяцѣ, потому что и по этой статьѣ еще нѣтъ ничего рѣшеннаго.

NT

MAY 29 1940

